ИСТОРИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

А-2629
XIII
-433

АКАДЕМИЯ НАУК ЭСТОНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

(С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ)

Второе издание

Под редакцией Г. И. НААНА

ЭСТОНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТАЛЛИН 1958

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание книги «История Эстонской ССР (с древнейших времен до наших дней)» вышло в 1952 году. Настоящее, второе издание пополнено новыми материалами; ряд разделов написан заново.

События и явления самых последних лет, которые научно еще недостаточно обобщены, даются в виде обзора «Развитие экономики и культуры Советской Эстонии в 1951—1957 годах».

Отдельные главы, параграфы и разделы в настоящем издании написали следующие авторы:

А. К. Вассар — главы III, IV, V, VI; § 1 главы VII (совместно с Ю. Ю. Кахком); §§ 3—7 той же главы; § 1 главы VIII (совместно с Ю. Ю. Кахком); §§ 2 и 4—7 той же главы;

О. О. Карма — § 1 главы IX (совместно с Г. И. Мосберг);

Ю. Ю. Кахк — § 1 главы VII (совместно с А. К. Вассаром) и § 2 той же главы; § 1 главы VIII (совместно с А. К. Вассаром);

А. А. Кюннап — разделы об изобразительном искусстве в §§ 4 и 6 главы XV;

Э. И. Лаул — § 7 главы IX;

А. Б. Либман — глава XI; §§ 2 и 3 главы XII;

Г. Ф. Лукин — § 5 главы IX;

В. А. Маамяги — §§ 3 и 4 главы XIII; §§ 1—5, 7 главы XIV; глава XV;

А. Х. Моора — раздел о народном быте в § 7 главы IX;

Х. А. Моора — главы I и II;

Г. И. Мосберг — § 1 главы IX (совместно с О. О. Карма); §§ 2—4 той же главы; § 6 той же главы (совместно с А. Ю. Таккином);

А. К. Панксеев — § 6 главы XIV;

М. А. Пести — § 6 главы XII;

Х. К. Саарнийт — § 1 главы XII;

И. М. Саат — глава X; § 7 главы XII;

И. П. Соломыкова — разделы об изобразительном искусстве и архитектуре в соответствующих параграфах глав IV—XII;

А. Ю. Таккин — § 6 главы IX (совместно с Г. И. Мосберг);

Ю. М. Тедре — разделы о фольклоре в соответствующих параграфах глав VI—IX;

Ы. Ю. Эланго — §§ 4 и 5 главы XII;

И. Д. Янковский — §§ 1 и 2 главы XIII;

Э. А. Янсен — § 3 главы VIII.

При подготовке текста использованы некоторые материалы, любезно предоставленные А. М. Вахтером, А. К. Лиймом, И. Г. Пыльдроосом, Э. Я. Сыгелем и др.

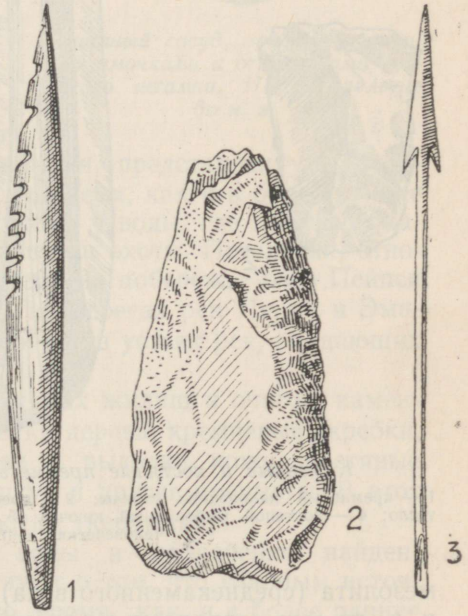
Указатели составлены О. В. Саадре; он же руководил всей научно-вспомогательной работой.

Глава I

ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫЙ СТРОЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

§ 1. МАТЕРИНСКИЙ РОД (VII ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ — НАЧАЛО II ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ ДО НАШЕЙ ЭРЫ)

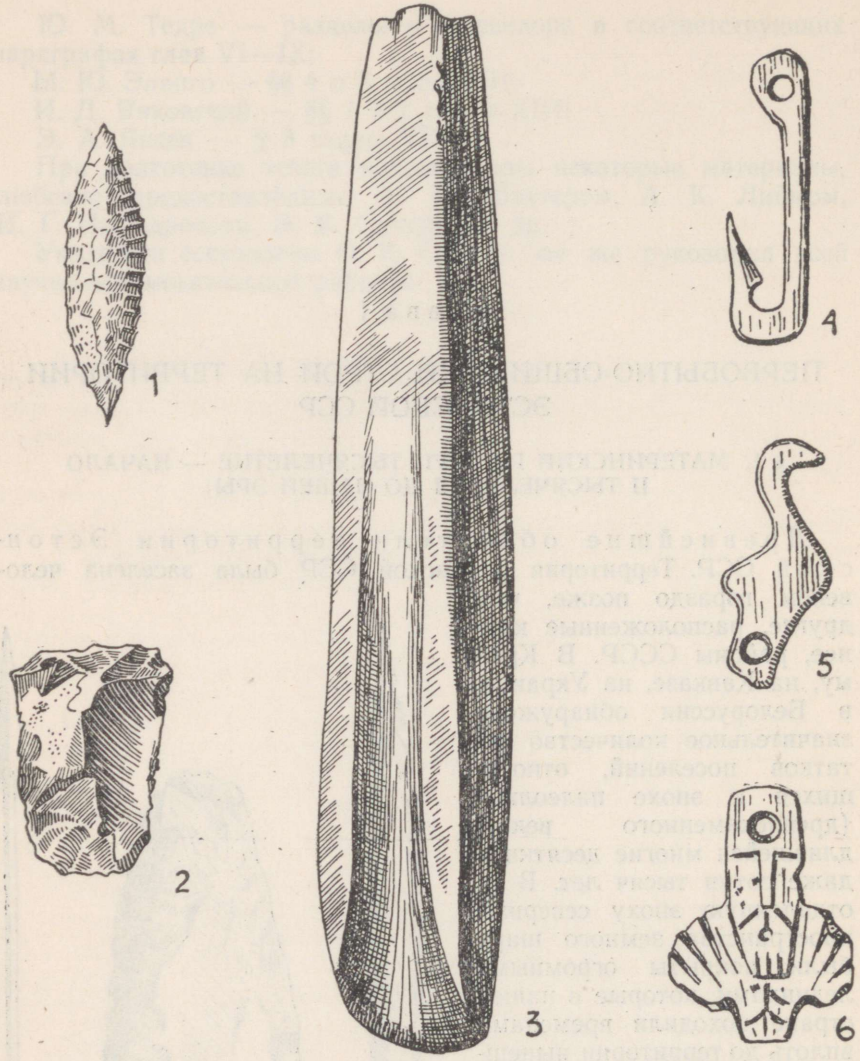
Древнейшие обитатели территории Эстонской ССР. Территория Эстонской ССР была заселена человеком гораздо позже, чем другие, расположенные южнее, районы СССР. В Крыму, на Кавказе, на Украине, в Белоруссии обнаружено значительное количество остатков поселений, относящихся к эпохе палеолита (древнекаменного века), длившейся многие десятки и даже сотни тысяч лет. В ту отдаленную эпоху северные пространства земного шара были покрыты огромными ледниками, которые в нашей стране доходили временами вплоть до территории нынешней Украины. Лишь с потеплением климата и отступлением ледникового покрова человек стал постепенно продвигаться на север теперешней территории СССР, в том числе и в Прибалтику.



Каменные и костяные орудия VII—V тысячелетий до н. э.

1 — костяной наконечник гарпуна; 2 — каменный топор, слабо отшлифованный, изготовленный в основном путем оббивки; 3 — костяной наконечник стрелы.

Древнейшие следы существования человеческого общества на территории Эстонской ССР относятся к эпохе



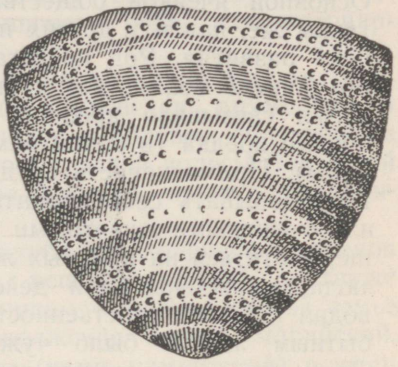
Каменные и костяные предметы III—II тысячелетий до н. э.

1 — кремневый наконечник стрелы; 2 — кремневый скребок; 3 — каменное желобчатое тесло; 4 — костяной рыболовный крючок; 5 — костяная фигурка птицы, подвеска; 6 — человеческая фигурка из кости.

мезолита (среднекаменного века), или к VII—VI тысячелетию до н. э., то есть совпадают по времени с древнейшими памятниками, выявленными в других северных районах лесной полосы СССР. Древнейшим памятником пребывания людей на территории современной Эстонии является поселение первобытных охотников-рыболовов, открытое на южном побережье Финского залива, вблизи

г. Кунда, на островке существовавшего когда-то здесь озера. Кроме очагов, там найдены также изделия из камня и кости, преимущественно орудия охоты и рыбной ловли — гарпуны, наконечники копий и стрел и другие подобные предметы. Аналогичные орудия, относящиеся примерно к тому же периоду, найдены в русле реки Пярну и в долине реки Эмайыги, вблизи Тарту. В торфяном болоте под Нарвой обнаружены остатки сети из лыка, относящейся примерно к V тысячелетию до н. э.

Древнейшее население проникло в Восточную Прибалтику, в том числе и в пределы Эстонии, по-видимому, с соседних южных территорий — из современной Калининградской области или Белоруссии. Археологический материал, который дало поселение в Кунда, весьма сходен с несколько более древними находками, обнаруженными в Калининградской области. Этническая принадлежность древнейших обитателей территории Эстонии, из-за скудости археологического материала, не поддается еще определению.



Глиняный сосуд, орнаментированный ямочками и отпечатками зубчатого штампа, III тысячелетие до н. э.

Памятники IV—II тысячелетий. Неолит (новокаменный век), а именно период от IV до первой половины II тысячелетия, представлен уже большим количеством памятников. В это время, как и в более ранние периоды, поселения были расположены у воды, где имелись благоприятные условия для рыбной ловли и охоты. Поселения, относящиеся к этому периоду, обнаружены на побережье озер Пейпси (Чудского) и Выртсъярв, а также на берегах рек Пярну и Эмайыги и на морском побережье, особенно в устьях рек, впадающих в море.

Здесь найдены остатки первобытных жилищ и очагов, каменные топоры и долота для обработки дерева, кремневые скребки, применявшиеся для резки дерева и выделки кожи, костяные шилья для шитья одежды из шкур и другие предметы. В этот период появляется и глиняная посуда (керамика).

Расположение поселений у воды и назначение найденных в них предметов свидетельствуют о том, что главным источником существования людей в то время, как и в более ранние эпохи, являлись охота, рыбная ловля, а также собирание растительной пищи — ягод, плодов, грибов, корней и т. п.

В конце неолита появляются зачатки скотоводства и, возможно, земледелия. До этого единственным одомашненным жи-

вотным была собака, которая помогала человеку на охоте и охраняла жилище.

Такие же расположенные у воды поселения обнаружены и в других частях лесной полосы Советского Союза; это говорит о том, что на всем этом огромном пространстве в те времена обитали такие же первобытные охотники-рыболовы и господствовали в общем сходные формы материальной культуры.

Общественный строй. Крайне низкому уровню производства соответствовал и примитивный общественный строй. Основной ячейкой общества был род. Устройство рода было таким же, как и у других первобытных народов на той же ступени развития. Род представлял собой группу людей, которых объединяло совместное добывание средств к жизни и в то же время связывало кровное родство, происхождение от одного общего предка (в описываемую эпоху — от общей прародительницы). Примитивность орудий производства не позволяла человеку добывать себе пропитание и бороться с силами природы или с хищными животными в одиночку. Чтобы построить жилище, охотиться на крупных животных или защищаться от врагов, люди вынуждены были действовать сообща. Общий труд приводил к общей собственности на средства производства. Первобытным людям было чуждо понятие частной собственности. Лишь отдельные орудия труда и предметы украшения были их личной собственностью. В роде господствовало равенство всех его членов, каждый из них пользовался равной долей добытых сообща скудных средств к жизни. Род защищал своих членов от покушений со стороны других родов. Род был экзогамен: члены рода, сородичи, вступали в брак только с членами другого рода. Два рода или несколько родов, взаимно связанные брачными узами своих членов, представляли первобытное племя.

Люди в рассматриваемую эпоху жили родовыми коллективами, или общинами. В поселении насчитывалось в среднем 5—6 примитивных жилищ и жило несколько десятков человек. Жилище имело вид шалаша. Его каркас, состоявший из вогнанных в землю столбов или жердей, покрывался плетением из ветвей, а также древесной корой и дерном. Обогревалось оно сложенным из булыжника очагом. В теплое время года жилищем служили более легкие, крытые древесной корой шалаши. Для добывания пищи род нуждался в обширных лесных пространствах и водоемах. Количество людей, обитавших в то время на территории Эстонии, было еще весьма небольшим.

Работа в общине распределялась по полу и возрасту. Мужчины ходили на охоту и рыбную ловлю, воевали и обороняли общину. Женщины нередко также участвовали в охоте на мелких животных и в рыбной ловле, но, в основном, занимались собиранием растительной пищи, заготовкой продовольственных запасов, готовили пищу, делали одежду, а также заботились об охране домашнего очага и воспитании детей. Старики изготовляли

орудия труда и передавали накопленный опыт младшему поколению. Из-за крайней примитивности орудий охоты и рыбной ловли того времени добыча охотника или рыболова зависела в значительной степени от удачи и была, таким образом, ненадежным источником существования. Поэтому женский труд играл в общине не меньшую, а зачастую и большую роль, чем мужской. В условиях материальной жизни людей этой, как и предшествующей эпохи женщина занимала ведущее положение в родовой общине. И счет родства велся не по мужской, а по женской, материнской линии. Вот почему соответствующий период называется периодом материнского рода, или матриархата.

Вопрос об этнической принадлежности населения. По мнению советских языковедов, археологов и антропологов, большую часть охотников-рыболовов, обитавших в III и II тысячелетиях на территории лесной полосы Восточной Европы, составляли финно-угорские племена, предки современных финно-угорских народов.

Помимо эстонского и других прибалтийско-финских языков (ливского, финского, карельского, вепсского и др.), а также саамского языка, к современной финно-угорской языковой семье принадлежат и так называемые поволжские языки (марийский, мордовские языки), пермские языки (коми, удмуртский) и угорские языки (хантийский, мансийский, венгерский). Полагают, что общие предки всех этих народов обитали в отдаленном прошлом на более ограниченной территории, где-то в районе бассейна Волги и Камы или еще восточнее, в Приуралье. Их объединяла более или менее общая финно-угорская речь. Из этого района финно-угорские племена постепенно, по-видимому, к III тысячелетию расселились примерно на той обширной территории, на которой мы встречаем их позднее, с появлением первых письменных источников. В ходе расселения они проникли также и в Прибалтику. Первоначальное крайне редкое местное население было постепенно поглощено пришельцами.

В течение последующих тысячелетий, в силу различных условий развития отдельных племен или племенных групп, из прежней общей финно-угорской речи сложились разные современные финно-угорские языки. На территории, простирающейся от Балтийского моря на восток до Онежского и Ильменского озер, образовалась группа родственных языков, называемая прибалтийско-финскими языками.

Важнейшим доказательством того, что племена, обитавшие в III—II тысячелетиях в верхнем Поволжье и в Прибалтике, действительно являются предками позднейших местных финно-угорских народов, служит установленный советскими археологами факт, что в этих районах на некоторых древнейших охотничье-рыболовческих поселениях прослеживается непрерывность

заселения и преемственность развития культуры вплоть до тех, более поздних времен, когда в этих местах уже несомненно обитали финно-угорские племена. В Эстонии подобные поселения, существовавшие непрерывно начиная со второй половины или конца III тысячелетия, обнаружены, например, в устье реки Эмайыги и на реке Выханду близ г. Выру.

§ 2. ОТЦОВСКИЙ РОД (ПРИМЕРНО ОТ XVIII ВЕКА ДО Н. Э. ДО НАЧАЛА НАШЕЙ ЭРЫ)

Возникновение скотоводства и земледелия. Начиная примерно с XVIII века до н. э. в Прибалтике, в том числе и на территории Эстонии, как и в верхнем Поволжье, наблюдается распространение скотоводства и первобытного земледелия. В более южных областях нашей страны скотоводство и земледелие возникли значительно раньше.

Первые зачатки одомашнения животных, а также знакомство с некоторыми хлебными злаками у населения лесной полосы относятся, по-видимому, уже к III тысячелетию до н. э. Но только в следующем тысячелетии скотоводство и земледелие начинают здесь играть известную роль в общественном производстве. Эти новые отрасли хозяйства означали не только существенный рост производства, но являлись также, по сравнению с охотой и рыбной ловлей, более устойчивыми источниками существования. Постепенно развиваясь и распространяясь, они вызвали значительные изменения и в общественных отношениях.

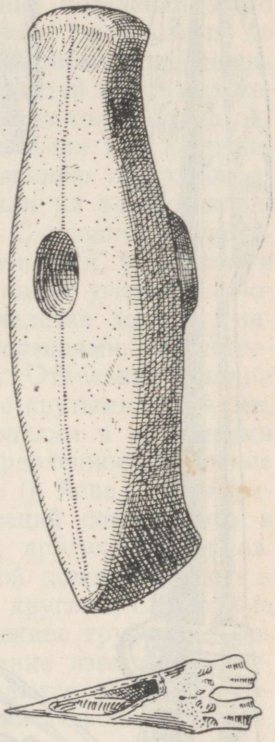
Все же на первых порах охота, рыбная ловля и собирание растительной пищи сохраняли еще большое значение. Это явствует из того факта, что стоянки родовых общин, существовавших исключительно охотой и рыбной ловлей, в отдельных благоприятных для этих занятий местах бытовали почти без изменений вплоть до первой половины последнего тысячелетия до н. э. Первобытные скотоводы также продолжали заниматься охотой и рыбной ловлей.

Поселений древнейшего скотоводческо-земледельческого населения пока обнаружено очень мало. Более известны могильники, которые, без сомнения, находились в непосредственной близости от поселений. Эти памятники расположены не у самой воды, как у рыболовов, а главным образом по краям низин, где имелись естественные пастбища для скота. В погребениях обнаружены кости домашних животных — козы или овцы, свиньи, реже крупного рогатого скота, что является прямым доказательством наличия скотоводства. Эти могилы содержат каменные предметы и оружие, иногда и глиняные сосуды. Найденные в этих могилах предметы, по сравнению с аналогичными предметами предшествующего периода, указывают на более совершенную технику их изготовления. Особенно хорошо обработаны и отшлифованы

каменные топоры со сверленым проухом для рукоятки. Следовательно, в данный период люди научились уже сверлить камень. Эти прекрасно обработанные проушные топоры представляли собой не орудия труда, а боевое оружие, что свидетельствует об учащении межплеменных столкновений.

Земледелие велось вначале на небольших участках. Лес на этих участках выжигался, а почва разрыхлялась деревянной или каменной мотыгой.

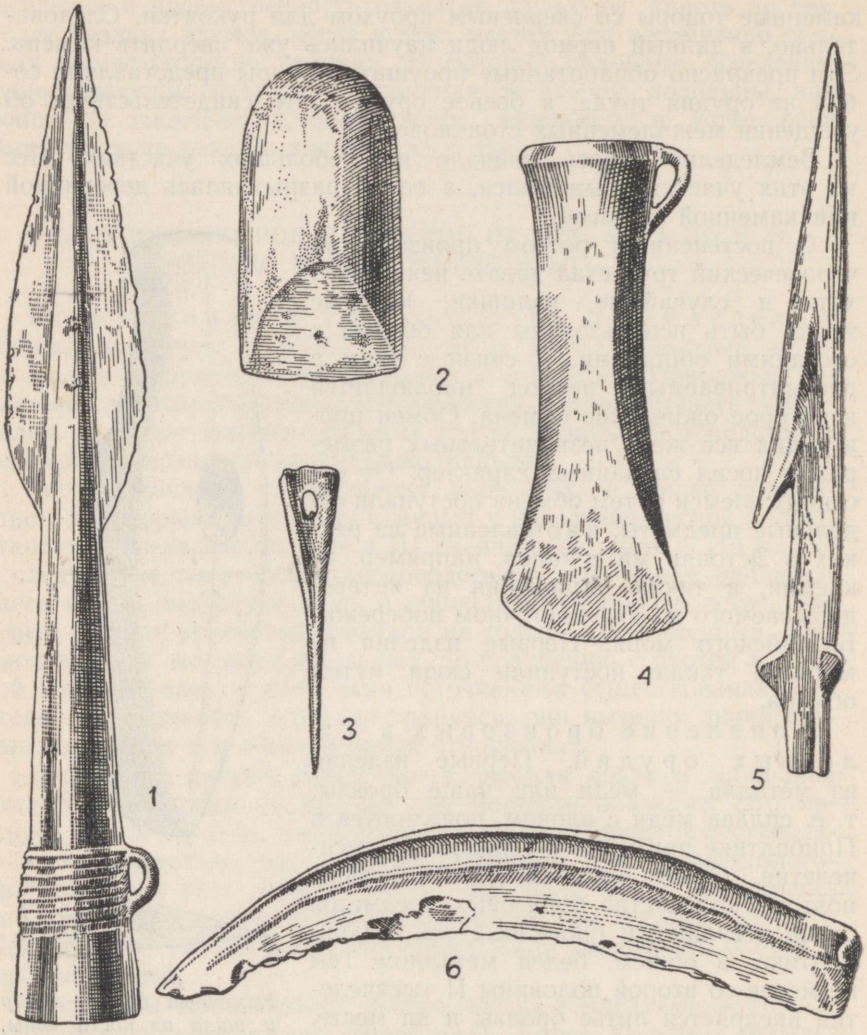
С постепенным ростом производства человеческий труд стал давать некоторые, хотя и случайные, излишки, которые могли быть использованы для обмена с соседними общинами. В связи с этим в рассматриваемый период наблюдается некоторое оживление обмена. Обмен происходил все же в незначительных размерах и носил случайный характер. От соседних племен путем обмена поступали отдельные предметы, изготовленные из редких в Эстонии материалов, например, из кремня, а также украшения из янтаря, добываемого на юго-восточном побережье Балтийского моря. Первые изделия из металла также поступили сюда путем обмена.



Каменный боевой топор и шило из кости овцы, II тысячелетие до н. э.

Появление бронзовых и железных орудий. Первые изделия из металла — меди или чаще бронзы, т. е. сплава меди с оловом, появляются в Прибалтике примерно в середине II тысячелетия. Обмен был еще слабо развит, поэтому количество бронзовых предметов очень невелико, и бронзовый век в Прибалтике, в общем, беден металлом. Тем не менее со второй половины II тысячелетия внедряется литье бронзы и на месте. Из найденных в Эстонии бронзовых предметов, помимо топоров и наконечников копий, следует особенно отметить два серпа, являющихся первыми известными нам на территории Эстонии металлическими земледельческими орудиями.

В середине последнего тысячелетия появляются орудия из железа — наступает железный век. Железа вначале было мало. В дальнейшем, однако, с началом добывания железа из местных болотных руд, а также с ростом обмена, железо, как увидим ниже, нашло широкое применение и приобрело огромное значение для развития производительных сил. По словам Ф. Энгельса, железо — важнейшее из всех видов сырья, сыгравших рево-



Бронзовые, каменные и костяные предметы (II и I тысячелетия до н. э.).
1 — бронзовый наконечник копья; 2 — каменное долото; 3 — костяная булавка для скрепления одежды; 4 — бронзовый втульчатый топор; 5 — костяной наконечник гарпуна; 6 — бронзовый серп.

люционную роль в истории[1]. Тем не менее до самого конца рассматриваемого периода металлы (как бронза, так и железо) все еще применялись в незначительном количестве. Вплоть до начала нашей эры основными материалами для изготовления ору-

[1] См. Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1953, стр. 168.

дий труда продолжали служить, помимо дерева, камень и кость. В обработке этих материалов были достигнуты новые успехи. Наряду с достижениями в изготовлении разных орудий, чем занимались мужчины, многообразнее стал и женский труд — распространилось ткачество.

Большее значение, чем развитие домашнего производства, имели, однако, успехи, достигнутые в основных отраслях хозяйства — скотоводстве и земледелии. Изучение поселений этого периода показывает, что к середине последнего тысячелетия до н. э. скотоводство приобрело большее хозяйственное значение, чем охота. Из найденных в этих поселениях костей животных четыре пятых принадлежат домашним животным и только одна пятая — диким. Охота и рыбная ловля продолжали и в дальнейшем играть значительную роль, но по сравнению со скотоводством и земледелием они все более отходили на задний план.

Переход к отцовскому роду. С развитием скотоводства и земледелия учащаются столкновения и усиливается борьба между племенами за обладание лучшими угодьями. Поэтому начиная с середины последнего тысячелетия до н. э., наряду с незащищенными или открытыми поселениями, мы встречаем и укрепленные поселения — городища. Отдельная община выбирала себе для поселения холм или мыс с крутыми склонами, укрепляя его в случае необходимости земляными и каменными валами и бревенчатыми стенами. Такое укрепленное поселение обнаружено, например, на острове Сааремаа (в Асва Ориссааре-ского района). Остатки аналогичных поселений сохранились в Иру, вблизи Таллина, а также в некоторых других городищах.

Кроме укрепленных поселений, для второй половины последнего тысячелетия до н. э. характерны также круглые, сложенные из камней и земли курганы, сменившие прежние грунтовые могилы. В каждом кургане захоронено в течение известного времени несколько покойников. Курганы встречаются обычно целыми группами, образовавшимися на протяжении нескольких веков. Несколько расположенных по соседству курганных групп означают, по-видимому, место обитания целого рода. Образовавшиеся в течение веков большие группы курганов свидетельствуют о постепенном росте древних общин.

Рост производства в особенности развитие скотоводства, вызвал изменения и в общественных отношениях. Скотоводство являлось первоначально занятием мужчин. Оно возникло из охоты — охотники стали приносить домой детенышей животных и приручать их. В связи с развитием скотоводства возросла роль мужчин в добывании средств существования. Значение женского труда в производстве относительно уменьшилось. В силу этого произошел переход от материнского рода к отцовскому (патриархату), где счет родства велся по мужской линии. С ростом производительных сил крепли также связи внутри племени, развивалась племенная организация.

Связи древнего населения Эстонии с балтийскими, славянскими и германскими племенами. Ввиду того, что между памятниками скотоводов и материальной культурой охотничье-рыболовческого населения не прослеживается преемственной связи и первые, по-видимому, представляют в Прибалтике совершенно новое явление, есть основание полагать, что их появление было связано с проникновением сюда новых этнических элементов, а именно ранних балтийских (латышско-литовских) племен. Близкое родство балтийских языков со славянскими свидетельствует о том, что они когда-то составляли одну языковую общность.

Обнаруженные в Эстонии могилы скотоводов и найденные в них предметы являются совершенно сходными с соответствующими памятниками, выявленными на территориях Латвии и Литвы. Примерно в тот же период в прибалтийско-финские языки, в том числе и в язык предков эстонских племен, проникает значительное количество слов балтийского происхождения. Примечателен тот факт, что многие из этих слов связаны именно со скотоводством (например, härg — бык, вол; oinas — баран; южноэстонское vohe — коза). Другие же слова обозначают родственные и племенные связи (nõbu — двоюродный брат, двоюродная сестра; mõrsja — невеста; hõim — племя и др.), а некоторые — даже части тела (kael — шея; hammas — зуб).

По-видимому, в среду крайне редкого финно-угорского охотничье-рыболовческого населения Прибалитки в начале II тысячелетия стали проникать балтийские племена, которые наряду с охотой и рыбной ловлей занимались уже и первобытным скотоводством и земледелием. Между местным финно-угорским населением и пришлыми балтийскими племенами сложились, по-видимому, в общем мирные и даже дружественные отношения, хотя бывали, естественно, и столкновения. Между обоими племенами возникали брачные связи, перенимался друг от друга трудовой опыт, заимствовались явления культуры, смешивались языки.

В результате продолжительного совместного проживания и взаимного общения эти племена в течение последующих веков слились, причем к югу от реки Даугавы (Западная Двина) в основном победила балтийская речь, а к северу вышла победительницей финно-угорская речь. Судя по тому, что к середине последнего тысячелетия до н. э. к югу и к северу от Даугавы сложились отличные друг от друга типы памятников, можно полагать, что к этому времени процесс консолидации различных этнических элементов был уже в основном закончен; на севере сложились эстонско-ливские племена, а на юге — литовско-латышские.

В I тысячелетии до н. э. прибалтийско-финские племена, в том числе и предки эстонцев, пришли в соприкосновение со славянскими племенами. Раннеславянские племена обитали в бассейнах Одера и Вислы, достигая на севере южного побережья Балтийского моря. Археологические и языковые данные свидетельствуют

о том, что у древнеэстонских племен установились непосредственные связи с западнославянскими племенами (венедами), обитавшими в низовьях Вислы. Отсюда название славян в эстонском и других западнофинских языках — vened, venelased, — перенесенное впоследствии на восточных славян.

Из наиболее ранних заимствований из славянских языков следует отметить такие, как und — уда и koonal — кудель, или связанное со строительной техникой hirs — жердь, далее ike — ярмо (древнее «иго») и др. Судя по языковым и этнографическим данным, племена Восточной Прибалтики восприняли от славян первое пахотное орудие — примитивное рало. Таким образом в конце этого периода получает начало первобытное пашенное земледелие с использованием скота в качестве тягловой силы.

На протяжении последующих столетий связи эстонских племен со славянскими продолжали крепнуть и развиваться и явились важным фактором, содействовавшим социально-экономическому развитию древних эстонских племен.

В первом тысячелетии до н. э. древние эстонцы и другие прибалтийско-финские племена пришли в тесное соприкосновение также с германскими племенами, с древними скандинавами, населявшими западное побережье Балтийского моря. От последних прибалтийско-финские языки, в том числе и эстонский, восприняли ряд слов, из которых некоторые связаны с земледелием и общественными отношениями, например, ader — рало (по-видимому, несколько усовершенствованное), kuningas — король (в смысле старейшины или военачальника), mõõk — меч и др.

§ 3. РАЗЛОЖЕНИЕ ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННОГО СТРОЯ И ПЕРЕХОД К КЛАССОВОМУ ОБЩЕСТВУ (I ТЫСЯЧЕЛЕТИЕ Н. Э.)

Превращение земледелия в основу хозяйства. Начиная с первых веков нашей эры основой хозяйства древних эстонских племен становится земледелие, хотя скотоводство продолжает занимать важное место в хозяйстве. Остальные отрасли производства (рыбная ловля, охота, бортничество, домашнее ремесло) имело по сравнению с ними лишь подсобное значение. Поэтому на дальнейшее формирование общественных отношений решающее влияние имело развитие земледелия и землевладельческих отношений.

В земледелии по-прежнему играла большую роль подсечная система. С участка, намеченного под посев, лес выжигался; затем земля разрыхлялась мотыгой и суковаткой. Последняя представляла собой примитивную борону, состоявшую из части ствола ели с подрубленными и заостренными сучьями. Подсека засевалась в течение двух-трех лет, а когда почва истощалась, участок забрасывался и вместо него под посев расчищался новый. По истечении 15—20 лет, когда на прежней подсеке вырастал лес, он снова выжигался, а земля опять засевалась. Подсечная система да-

вала хорошие урожаи, но требовала много земли и рабочей силы. Наличие в эстонском языке того времени таких слов, как ader — рало, põld — поле, vagu — борозда, упомянутого уже ike — ярмо и др., говорит о том, что наряду с подсечным земледелием существовали уже и зачатки пашенного, с применением простого типа рала и использованием скота в качестве тягловой силы. Помимо ячменя, гороха и репы в начале нашей эры сеяли уже и лен.

Вскрытая каменная могила с оградками (III—IV века).
Более мелкие камни и земля, заполняющие оградки, удалены.

О росте хозяйственной роли земледелия наглядно свидетельствует характер распространения памятников — могильников и городищ. С прежних сравнительно ограниченных территорий они распространяются теперь на значительно более обширные пространства, преимущественно в более возвышенных районах, в окрестностях современных городов Тарту, Вильянди, Пайде, Тюри и Раквере. Из памятников первой половины этого периода (I—IV века) наиболее примечательны широкие, плоские, сложенные из больших камней и земли могильные сооружения. Каждая такая могила, имеющая несколько десятков метров в длину и с десяток метров в ширину, состоит из ряда огороженных крупными валунами прямоугольных камер, или оградок. Каждая оградка содержит несколько захоронений (обычно трупосожжений) вместе с вещами, положенными в могилу для воображаемой «потусторонней жизни».

Обнаруженные в могильниках многочисленные железные и бронзовые вещи свидетельствуют о том, что металлы прочно вошли в обиход. Техника их обработки достигла заметного развития. Большое количество привозной бронзы говорит о том, что обмен, хотя и сохранял межплеменной характер, стал вполне регулярным. Железо было не только привозным, но и добывалось уже из местных болотных руд.

Освоение новых земель вызывало более широкое расселение людей; поэтому укрепленные городища, которые раньше являлись постоянными поселениями, превращаются теперь во временные убежища, используемые только в случае вражеского нападения.

Разложение родовых отношений. Судя по характеру коллективных каменных могил с оградками, их следует считать усыпальницами больших семей. Большой семьей, или семейной общиной, называется семья, состоящая из нескольких поколений ближайших родственников, потомков одного предка, которых объединяет общее хозяйство и общая собственность на средства производства. Уже в предыдущем периоде можно проследить, как с ростом производительных сил и увеличением числа членов рода прежние родовые общины начинают расчленяться на семейные общины. В рассматриваемый период семейная община стала основной общественно-экономической ячейкой. Эта новая общественная форма была обусловлена уровнем развития производства, особенно той большой ролью, которую в хозяйстве играло подсечное земледелие. Последнее требовало совместной работы нескольких десятков взрослых людей.

Освоение новых земель привело к расселению этих коллективов — больших семей — из своих прежних родовых центров на бóльшие пространства. Это, как уже сказано, отражается в распространении памятников на более обширные территории, а также в превращении укрепленных поселений во временные убежища. Развитие хозяйства обусловило таким образом, с одной стороны, рост населения, а с другой стороны, привело к неизбежному расчленению родов на более мелкие коллективы, на большие семьи, из которых каждая в отдельности составляла самостоятельную производственную единицу. Несмотря на разложение родовых отношений, в первых веках нашей эры племенные связи, по-видимому, еще сохраняют свою силу. Ни в предшествующие, ни в последующие периоды особенности культуры отдельных эстонских племен, а вместе с тем и границы населяемых ими территорий, не прослеживаются по археологическим памятникам с такой четкостью, как именно в эти века. Территории этих племен совпадают в общих чертах с районами основных эстонских языковых диалектов и дают таким образом возможность выделить три племенные группы эстонцев: 1 северную, 2 западную (сааре-ляэнескую) и 3 южную.

Развитие пашенного земледелия. Возникновение частнособственнических отношений. При-

мерно со второй половины рассматриваемого периода, т. е. с середины I тысячелетия, начинают все более явственно выступать признаки разложения первобытно-общинных отношений. Это явилось результатом дальнейшего развития всех отраслей производства, в особенности распространения пашенного земледелия с применением сохи на живом тягле. Вошедшее во второй половине I тысячелетия в эстонский язык русское название сохи (sahk) указывает на появление нового типа пашенного орудия, более совершенного по сравнению с примитивным однозубым ралом. При помощи сохи на живом тягле малая (обычная) семья была в состоянии сама обработать необходимый ей для пропитания участок земли. Пашенная земля продолжала оставаться в собственности общины, но время от времени перераспределялась между входившими в общину семьями, каждая из которых обрабатывала свой участок самостоятельно. Таким образом малая семья становилась в известной мере независимой от семейной общины. Скот также перешел в собственность отдельных семей. С появлением все более специализированных и производительных железных и стальных орудий труда ремесло все более совершенствовалось. Ремесло, служившее ранее удовлетворению нужд всей общины, становилось делом отдельных мастеров. Все, что создавалось трудом отдельной семьи или каким-либо мастером (кузнецом и т. п.), делалось частной собственностью этой семьи или мастера. Так в результате роста производительных сил образовалась частная собственность, наряду с которой, однако, продолжала существовать в течение весьма длительного периода и общинная собственность.

Собственность отдельных семей стала частной собственностью тогда, когда появилась возможность извлечения на ее основе прибавочного продукта и тем самым эксплуатации человека человеком. Первой формой эксплуатации было рабство. Рабство возникло после того, как с развитием производительных сил человеческий труд стал давать не только минимум продуктов, необходимый для собственного потребления, но и некоторый излишек. Этот излишек присваивался, как прибавочный продукт, безвозмездно рабовладельцем.

Рабов давала первоначально война. Пленных в древнейшие времена убивали, позже, с появлением возможности извлечения прибавочного продукта, их оставляли в живых и принуждали работать. В Эстонии рабство получило свое начало, вероятно, уже в последнем тысячелетии до н. э., однако более широко оно стало распространяться только с середины I тысячелетия. Рабов имели по преимуществу богатые семьи. Несмотря на то, что рабство носило здесь характер так называемого патриархального рабства, при котором труд рабов не являлся основой производства, эксплуатация их рабочей силы сыграла в рассматриваемый период значительную роль в дальнейшем накоплении богатств у имущих семей и росте имущественного неравенства.

Некоторое имущественное неравенство возникло уже в патриархальном родовом обществе. Родовые старейшины и главы больших семей использовали свое положение для накопления в своих руках богатств. Начиная с середины I тысячелетия возрастает количество зарытых в землю кладов. В это же время все чаще появляются отдельные погребения с особенно ценными предметами. Это свидетельствует о резком усилении имущественной дифференциации, что было результатом роста производительных сил, индивидуализации производства и возникновения частнособственнических отношений.

Этот процесс четко отражается в археологических памятниках второй половины I тысячелетия. В V—VI веках прекращают свое существование характерные для предшествующего периода крупные коллективные могильные сооружения с оградками. Их сменяют одиночные погребения. Поскольку у древних эстонцев продолжали существовать каменные могильники, они расширялись уже не путем пристройки к ним совместными силами общины больших оград, а путем добавления лишь небольших груд камней, на месте отдельных захоронений.

Примером характерных для этого периода погребений, выделяющихся среди других наличием здесь особенно драгоценных предметов, может служить захоронение, обнаруженное в Киримяэ (на северо-западе Эстонии), со значительным количеством серебряных и бронзовых украшений и ценного оружия. Клады (например, в Кардла, близ Тарту) содержали ценные, технически хорошо выработанные шейные гривны, браслеты и пряжки из серебра, а иногда и золота, которыми украшали себя представители богатой родо-племенной знати. К концу периода — IX и X векам — относится значительное количество кладов серебряных (арабских и византийских)монет. Эти клады составляли богатство отдельных имущих семей и свидетельствуют о развитии меновой торговли.

Возникновение и развитие территориальной общины. Таким образом, в недрах общины постепенно растет имущественное неравенство, а у ее членов возникают противоречивые экономические и общественные интересы. Это со временем приводит к тому, что прежняя связанная кровным родством община сменяется так называемой территориальной, или соседской общиной.

Территориальная община основывается уже не на родстве ее членов, а только на известной общности их хозяйственных интересов. Члены общины могли происходить из разных родов. Представляя последний этап первобытно-общинного строя, переходный к классовому обществу, территориальная община носит двойственный характер: с одной стороны, она основывается на общественной собственности и коллективном труде, с другой же стороны, в ней существуют индивидуальное производство и частная собственность обособленных малых семей. В собственности общи-

ны находились подсеки, пастбища, луга, рыболовные угодья и т. д. Частную собственность малых семей составляли приусадебная земля, постройки, скот, орудия труда и разное домашнее имущество. Первоначально собственностью общины была и пашенная земля; она время от времени перераспределялась между членами общины. Позднее отдельные семьи, прежде всего представители богатой верхушки, стали удерживать полученные ими наделы, превращая эти участки в свое частное владение. Возникновение частной собственности на землю — основное средство производства — имело огромное историческое значение: оно укрепляло частную собственность на все другие средства производства (скот, орудия труда и т. д.) и оказало большое влияние на дальнейшее развитие общественных отношений.

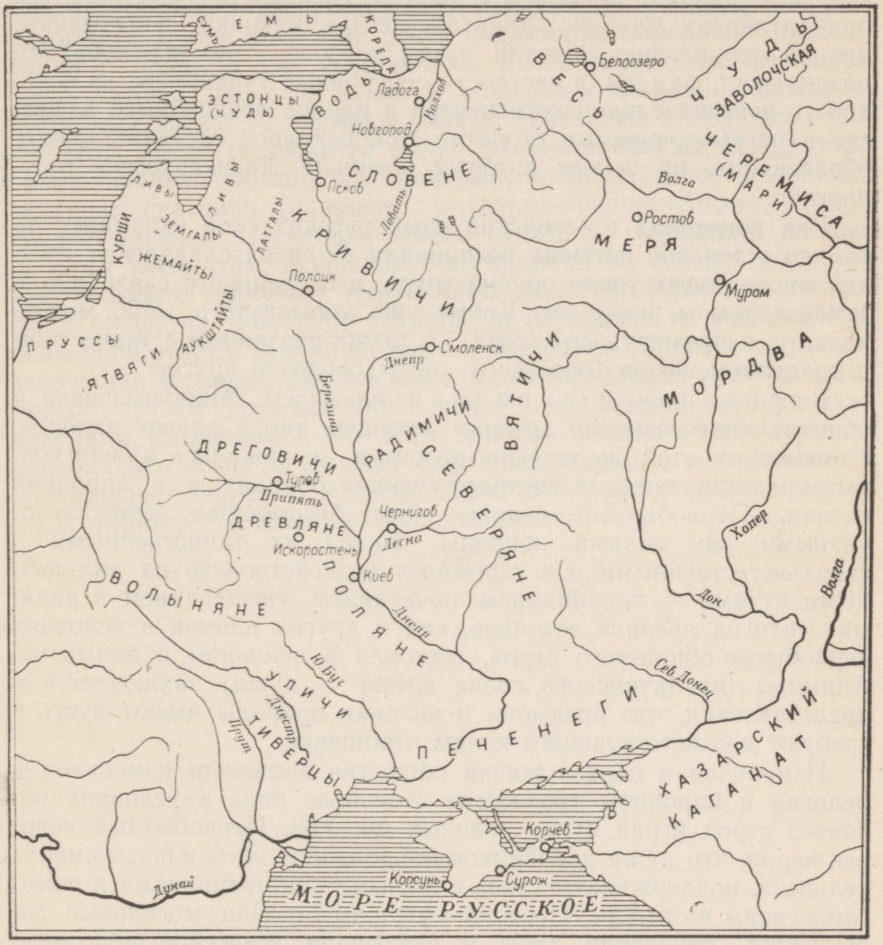
В территориальной общине, как уже отмечалось, не существовало более имущественного равенства; в ней выделялись богатые семьи, которые владели большим количеством скота, орудий труда и других богатств, а также большим количеством рабов, что давало таким семьям возможность увеличивать с течением времени свои частные земельные владения. Хозяйства богатых семей постепенно все больше обособлялись от общины. Скопление богатств, в особенности же земельных владений, в руках отдельных богатых семей позволило им занять господствующее положение в обществе. Так среди прежних равноправных общинников возникло и все более росло имущественное, а тем самым и социальное неравенство, явившееся позже основой формирования антагонистического классового общества.

Накопление богатств в руках имущей верхушки сопровождается учащением вооруженных столкновений, начинающих теперь принимать характер организованных войн, главной целью которых становится грабеж, захват добычи, в особенности рабов. Об учащении столкновений наглядно свидетельствует усиленное укрепление прежних городищ и постройка новых. Это прослеживается особенно с VI века. В то время, а также в последующие века, неоднократно укреплялось, например, городище Иру; тогда же были построены городище Рыуге на юго-востоке Эстонии, городище Пээду и ряд других укрепленных пунктов в окрестностях Тарту. В городищах сидели верхи родо-племенной знати, масса же общинников жила в соседних открытых поселениях.

Расширение экономических связей, а также возросшая в результате участившихся войн необходимость в самообороне способствовали объединению сельских общин в более крупные единицы, которые древние эстонцы называли кихелькондами. Кихельконды, в свою очередь, объединялись в более крупные союзы — маконды («земли»).

Во второй половине I тысячелетия наблюдается, таким образом, быстрый распад первобытно-общинного строя. Этот период следует рассматривать в истории эстонских племен как переходный этап к классовому обществу.

Сношения с соседями. По мере роста производства и дальнейшего развития общественного разделения труда крепли и связи с соседями. Прежний межплеменной обмен к концу периода перерос в непосредственную торговлю с соседними странами и городскими центрами.



Восточнославянские племена и их соседи в IX столетии.

Продолжались оживленные сношения с балтийскими племенами. В первых веках н. э. прослеживаются по археологическим данным также связи с германскими и западнославянскими племенами. С V—VI веков эстонские племена приходят в непосредственное соприкосновение с восточнославянскими соседями. Наиболее северные из восточнославянских племен, кривичи и сло-

вене, продвинулись в это время с верховьев Днепра в бассейн реки Великой, в Причудье и Приильменье. Часть кривичей проникла в юго-восточные районы Эстонии. Здесь, видимо, имело место даже смешение славянского населения с эстонским.

Общественно-экономическое развитие восточнославянских племен протекало во второй половине I тысячелетия быстрее, чем прибалтийских племен. Археологические находки показывают, что на территорию Эстонии путем торгового обмена попадали различные предметы, в частности серебряные украшения, из передового восточнославянского центра в районе позднейшего Киева, где в рассматриваемые столетия складывались государственные образования, на основе которых возникло Древнерусское государство.

Ряд вошедших в эстонский язык русских слов указывает на то, что эстонские племена восприняли от своих славянских соседей много новых типов орудий труда, в особенности связанных с земледелием и ремеслом. Кроме уже упомянутого sahk, можно назвать, к примеру, sirp (серп), а также связанные с ткачеством и прядением värten (веретено), piird (бердо) и другие.

Верования и народная поэзия. Мировоззрение и общественное сознание древних эстонцев, как и других народов, стоявших на той же ступени развития, выражалось в религиозных представлениях, в соответствующих обрядах и в народной поэзии. Первобытный человек был беспомощен перед непонятными ему силами природы, считал их таинственными и сверхъестественными. Он стремился воздействовать на них разными путями — заклинанием, почитанием, увещеванием и дарами. Религия древних эстонцев, как и других племен в условиях первобытно-общинного строя, состояла в основном в анимизме. Анимизм (от латинского слова anima — душа) заключается в представлении, что предметы и явления природы имеют душу и требуют соответствующего к ним отношения.

Изменения в образе жизни общества вызывали изменения в религии и народном творчестве. Большую роль в условиях родового строя играл культ родовых предков. Первобытный человек верил, что души покойников продолжают жить и после смерти человека, поддерживают связь с живыми родственниками и помогают своим потомкам. Поэтому умершим строили могильные сооружения, приносили дары и оказывали всяческое почитание. Культ умерших был явно направлен на укрепление родовых связей. Древняя религия и народное творчество служили экономическому строю того времени и укрепляли его. Первобытные люди почитали также силы природы, разных духов, особенно «духов-покровителей», от которых якобы зависели урожай и благополучие стада или же удача во время охоты и лова. Этим духам приносили жертвы и для воздействия на них занимались колдовством, в особенности в священных рощах, у священных камней и вод.

Старая эстонская народная песня и ее характерная стихотворная форма восходит к очень далекому прошлому, по-видимому, ко времени до начала нашей эры. Хотя большинство дошедших до нас старинных народных песен было создано позже, есть основание полагать, что некоторые из них бытовали уже в описываемый период. Таковы, например, магические урожайные песни, которые особенно распространены в исконных земледельческих районах Эстонии. Для этих песен характерно обращение крестьянина к полю; в них сохранилось много элементов, имеющих очень древнее происхождение. В обрядовых песнях, особенно в свадебных песнях, а также в плачах, связанных с обрядами погребения, также содержатся очень древние элементы. Из прозаического фольклора наиболее древними по своему происхождению являются сказания (например, о «духах-покровителях»), пословицы и загадки. Насколько можно судить по дошедшим до нас древним элементам, фольклор того времени по своему содержанию является типичным творчеством земледельческо-скотоводческого общества. Фольклор сохранял и передавал из поколения в поколение старые традиции, опыт и воззрения. Древнее народное творчество эстонцев, так же как и их материальная культура, отражает тесные дружественные связи с соседними восточнославянскими племенами. Об этом говорят многие общие черты в древних эстонских и русских народных обрядах, в частности в календарных обрядах, а также заимствованные у русских мотивы в старинных эстонских народных песнях.

Глава II

РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНИИ

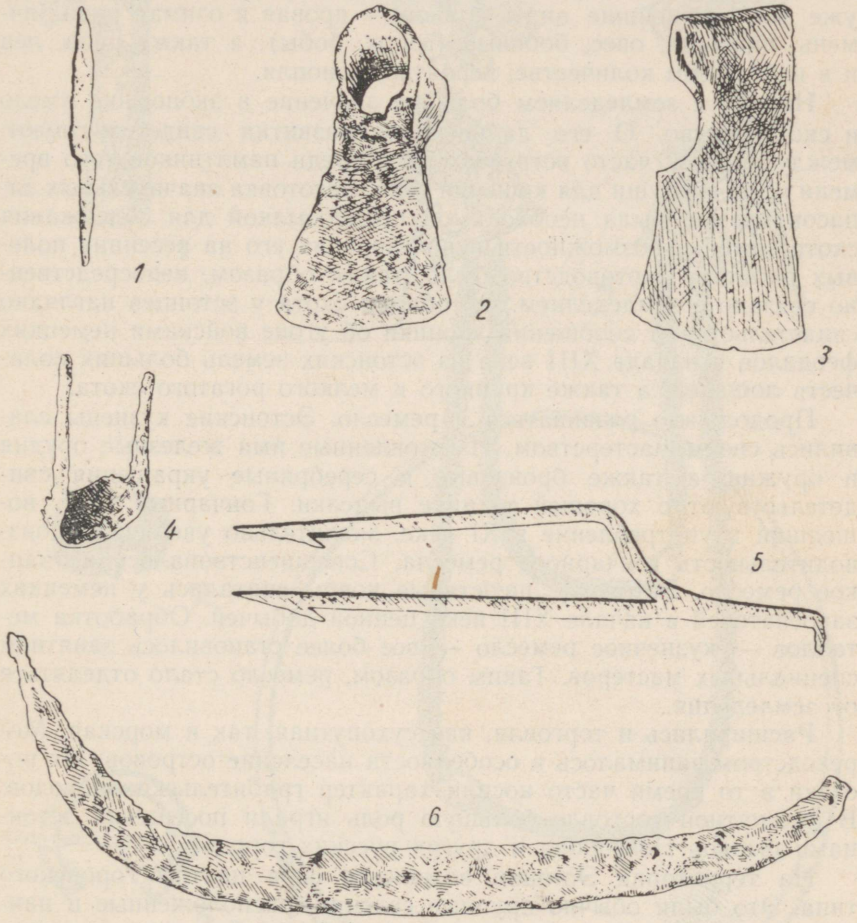
(X—XII века)

§ 1. ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Население Эстонии и его соседи. Период, охватывающий X—XII века, характеризуется быстрым развитием производительных сил, в особенности сельского хозяйства, а также ростом народонаселения. В конце рассматриваемого периода вся территория Эстонии была уже довольно равномерно заселена. Даже на острове Сааремаа и на северо-западе материковой части Эстонии, которые в предшествующий период были заселены еще сравнительно редко, численность населения в этот период заметно возрастает. Незаселенными оставались, в основном, лишь обширные болотистые районы, как, например, бассейн реки Пярну и часть территории Эстонии, примыкающая к нему с юга, а также северное побережье озер Пейпси и Выртсъярв. По приблизительным подсчетам численность населения Эстонии в начале XIII века достигала 150—200 тысяч человек.

Южными соседями эстонцев были ливы, обитавшие на восточном побережье Рижского залива, главным образом, по нижнему течению рек Гауи (Лифляндской Аа) и Даугавы; другая часть ливов проживала в северной Курземе (Курляндии), частично вперемешку с куршами. Основная часть куршей, язык которых принадлежал к литовско-латышской языковой группе, населяла западное побережье Курземе, окрестности теперешних городов Лиепая и Вентспилс. К востоку от куршей, в окрестностях современного города Елгава, лежала территория родственных куршам земгалов. Восточная часть современной Латвии была населена наиболее многочисленными племенами — латгалами. У всех названных южных соседей эстов в рассматриваемый период складывались раннефеодальные отношения. К XII веку в Латгалии, на берегу реки Даугавы, возникли два зависимых от Полоцка княжества — Ерсиское (Герцикское) и Кокнесское. Ливы платили дань Полоцку, в то время как северные латгалы

являлись данниками Пскова. К востоку от территории Эстонии простиралась Новгородская земля, в том числе владения Пскова, зависимого от Новгорода. Начиная с X века эстонцы находились с Новгородом и Псковом в тесных связях, не только экономических, но и политических.



Образцы орудий труда из железа (XI—XII века).
1 — нож; 2 — тесло; 3 — топор; 4 — скобель; 5 — часть наконечника остроги; 6 — коса-горбуша.

Развитие хозяйства. X—XII века знаменуют дальнейшее развитие пашенного земледелия. В конце этого периода применялась уже соха с железным сошником. Стала, по-видимому, распространяться трехпольная система. Заметно возросшее количество археологических памятников и их топография свидетель-

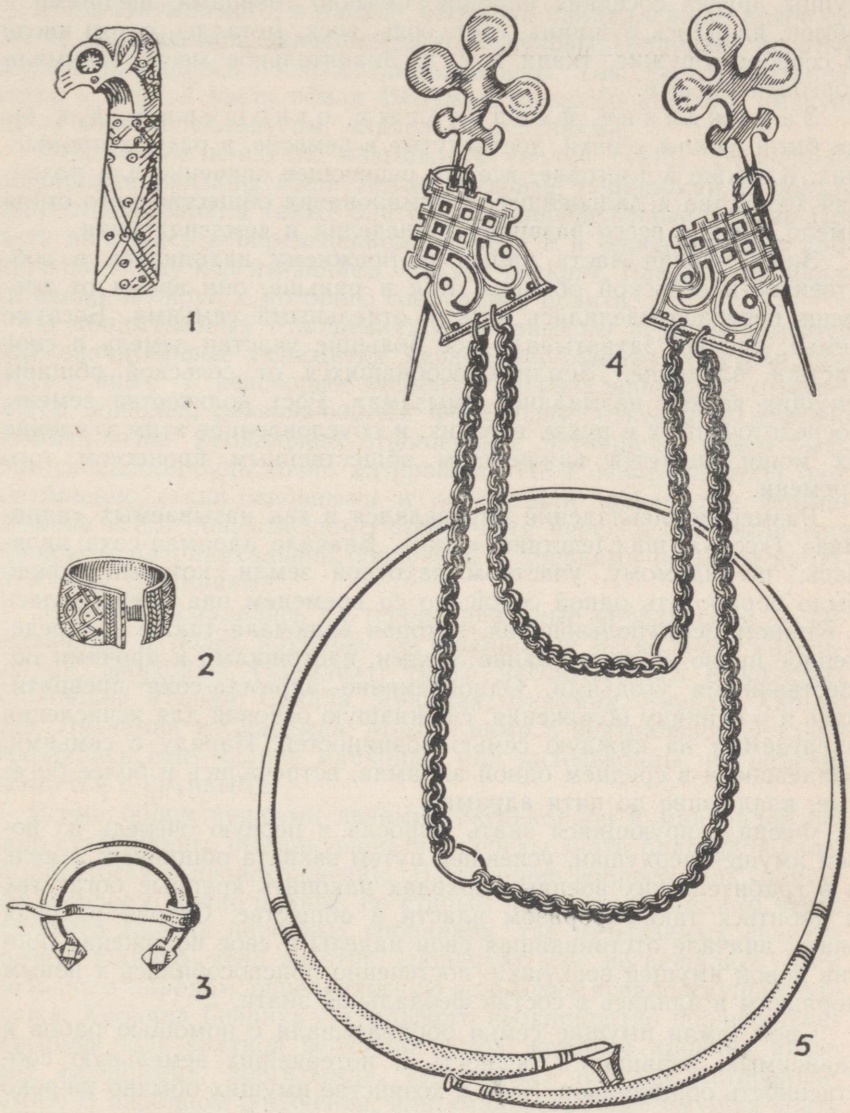
ствуют о том, что с начала XI века под пашню было освоено много новых земель. Хроники говорят об «обширных полях» и «больших деревнях» Эстонии. Из источников XIII века явствует, что к тому времени возникло уже большинство деревень, известных в позднейшие века. Наряду с пашенным земледелием продолжало существовать и подсечное. В то время выращивались уже все важнейшие виды злаков — яровая и озимая рожь, ячмень, пшеница, овес, бобовые (горох, бобы), а также репа, лен и в небольшом количестве, вероятно, конопля.

Наряду с земледелием большое значение в экономике имело и скотоводство. О его дальнейшем развитии свидетельствуют, между прочим, часто встречающиеся среди памятников того времени косы-горбуши для кошения сена. Заготовка значительных запасов кормов была необходимой предпосылкой для содержания скота зимой и возможности использования его на весенних полевых работах. Скотоводство было, таким образом, непосредственно связано с земледелием. Об обилии скота у эстонцев наглядно свидетельствуют сообщения хроники об угоне войсками немецких феодалов в начале XIII века из эстонских земель больших количеств лошадей, а также крупного и мелкого рогатого скота.

Продолжало развиваться и ремесло. Эстонские кузнецы славились своим мастерством. Изготовленные ими железные орудия и оружие, а также бронзовые и серебряные украшения свидетельствуют о хорошей технике выделки. Гончарный круг, вошедший в употребление в XI веке, значительно увеличил производительность гончарного ремесла. Совершенствовалось и ткацкое ремесло. Эстонские шерстяные ковры считались у немецких завоевателей в начале XIII века ценной добычей. Обработка металлов — кузнечное ремесло — все более становилось занятием специальных мастеров. Таким образом, ремесло стало отделяться от земледелия.

Расширялась и торговля, как сухопутная, так и морская. Мореходством занималось в особенности население островов. Их поездки в то время часто носили характер грабительских походов. В сухопутной торговле большую роль играли посещения эстонцами рынков Новгорода и других русских городов.

На территории Эстонии возникали свои центры городского типа. Это были обычно крупные селения, расположенные в наиболее плодородных, густо заселенных районах. Эти селения располагались у важнейших дорог и были защищены крепостями. Такими центрами, в которых сосредоточивались торговля и ремесленное производство, были, например, Отепя, Вильянди, Тарту, а также некоторые удобные морские гавани, из которых наиболее известной была гавань, расположенная на месте позднейшего Таллина. Таллин носит в русских источниках название Колывани, а в хронике Генриха Латышского — Линданисе. Впервые Колывань упоминается в 1154 году — у арабского географа Идриси. Как показали произведенные в 1952 и 1953 гг. в Таллине архео-



Предметы украшения XI—XII веков.

1 — костяной наконечник, заканчивающийся головкой птицы; 2 — бронзовый браслет; 3 — бронзовая подковообразная пряжка; 4 — бронзовое нагрудное украшение из цепочек; 5 — бронзовая шейная гривна.

логические раскопки, на таллинском Тоомпеа (Вышгороде) уже в XI веке существовала эстонская крепость, у подножия которой располагался торг. В Таллин приезжали русские купцы, а также купцы других соседних народов. Обычно товарами, шедшими в обмен, являлись пушнина, скот, соль, воск, металлы, в том числе и серебро, оружие, ткани и т. д. Значительное место занимала торговля рабами.

Зарождение феодальных отношений. Как бы ни были важны успехи, достигнутые в ремесле, в разных промыслах, а также в торговле, все же решающее значение для развития хозяйства и дальнейшего формирования общественного строя имело прежде всего развитие земледелия и землевладения.

Значительная часть пашен по-прежнему находилась в собственности сельской общины. Как и раньше, они время от времени перераспределялись между отдельными семьями. Богатые семьи, однако, захватывали все большие участки земель в свое частное владение. Земли обособившихся от сельской общины имущих верхов назывались «мызами». Рост количества земель, сосредоточенных в руках имущих, и обусловленное этим усиление их мощи является важнейшим общественным процессом того времени.

Размер землевладений определялся в так называемых «адрамаа» («соха», впоследствии «гак»). Вначале адрамаа-соха являлась, по-видимому, участком пахотной земли, который можно было обработать одной сохой, но со временем она превратилась в единицу землепользования, которая включала также и определенное право на пользование лугами, пастбищами и прочими общественными угодьями. Одновременно адрамаа-соха превратилась и в единицу обложения, служившую основой для исчисления налагаемых на каждую семью повинностей. Наряду с семьями, владевшими в среднем одной адрамаа, встречались и более богатые, владевшие до пяти адрамаа.

Феодализирующаяся знать выросла в первую очередь из новой имущей верхушки, успевшей путем захвата общинных земель и в грабительских военных походах накопить крупные богатства и добиться таким образом власти в обществе. Старая родовая знать, вначале отстаивавшая свои наделы и свое положение против новой имущей верхушки, постепенно приспособилась к новым порядкам и влилась в состав феодальной знати.

Свои земли имущие семьи обрабатывали с помощью рабов и зависимых, впавших в бедность и потерявших земельную собственность общинников. Хотя в хозяйстве имущих обычно широко использовался рабский труд, у эстонцев, так же как и у русских и других соседних народов, существовало лишь так называемое патриархальное рабство, при котором рабы не являлись в хозяйстве основной рабочей силой. Зато имущая знать все шире стала применять труд зависимых общинников, который превращался в основу производства. Число зависимых людей у различных бога-

тых семей было, конечно, различно; у некоторых особенно богатых их насчитывалось довольно много. Лембиту, наиболее известному старейшине и военачальнику земли Сакала, по словам Генриха Латышского, в начале XIII века принадлежало целое селение. В известной зависимости от отдельных наиболее богатых верхов находилось по нескольку деревень. Так, богатый старейшина в южной части земли Вирумаа, которого хроника именует по-латыни Табеллинусом, владел 14 деревнями.

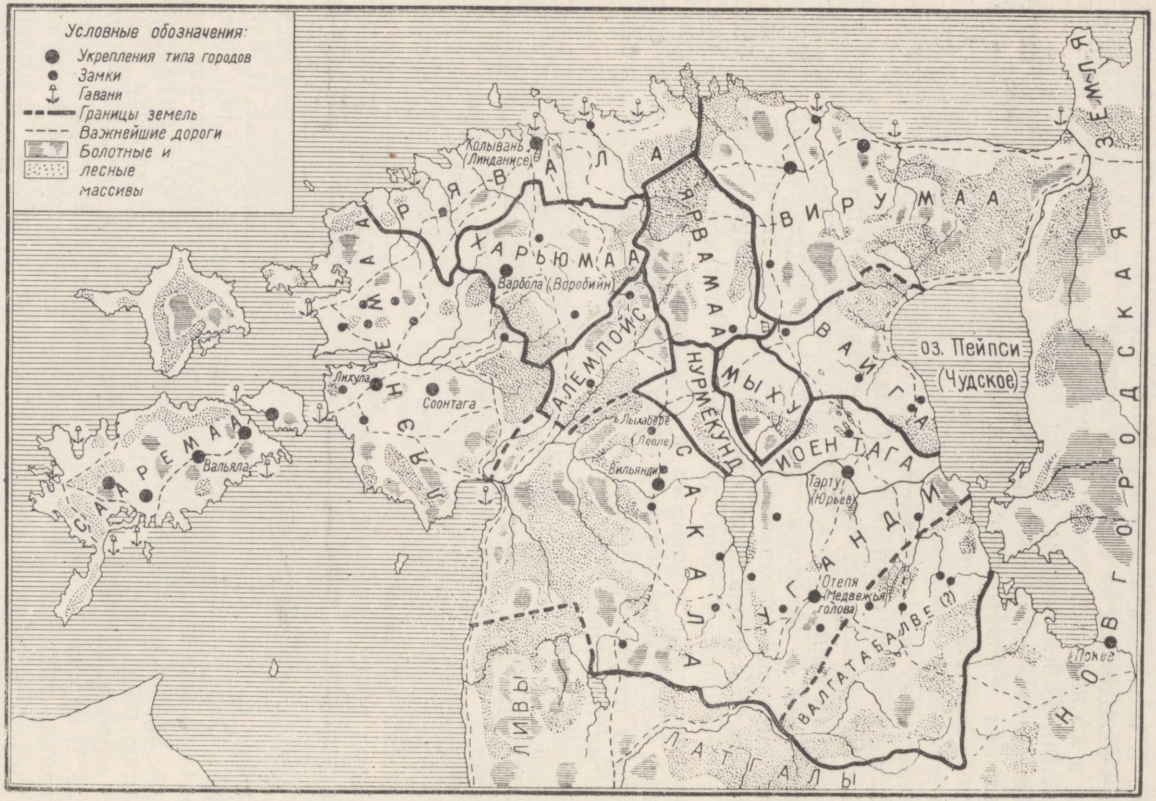
Феодальное владение называлось «валд» (vald). Зависимые общинники обязаны были нести трудовые повинности в пользу знатного хозяина, а также платить ему определенные подати. Подати вносились в определенном размере и к определенному сроку, известному под названием «вакус» (vakus). Вакусом назывался также и округ, с которого собирались подати.

В общественных отношениях описываемого периода имеются еще значительные пережитки первобытно-общинного строя, наряду с ними — некоторые элементы рабовладельческих отношений и, наконец, развивающиеся феодальные отношения. Начало возникновения феодальных отношений в Эстонии не может быть еще сколько-нибудь точно датировано. Но к концу периода они, несомненно, стали основными и определяли дальнейшее формирование всего общественного строя, хотя нередко они были еще прикрыты патриархальной оболочкой и древними первобытно-общинными традициями.

Эстония распадалась на территориальные объединения — кихельконды и более крупные, состоявшие из нескольких кихелькондов, маконды («земли»). Всего насчитывалось 8 крупных макондов: Уганди, Сакала, Ярвамаа, Вирумаа, Рявала, Харьюмаа, Ляэнемаа и Сааремаа. Между ними в центральной Эстонии находились еще мелкие маконды или кихельконды, не объединившиеся с крупными.

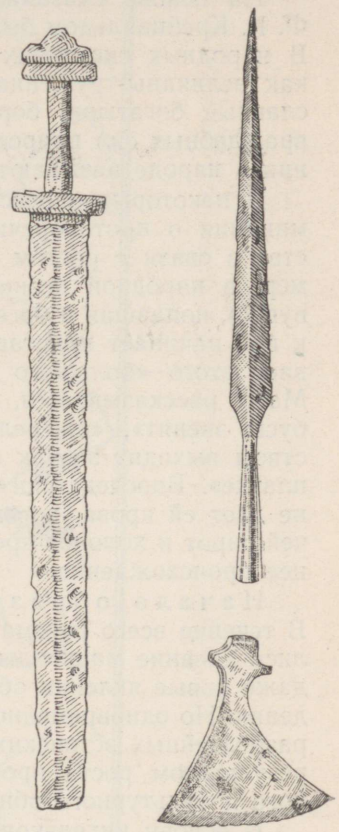
Всеми общественными делами кихелькондов и макондов ведали старейшины, выдвинувшиеся из среды знати благодаря своему богатству и происхождению. Важнейшие вопросы, как, например, вопрос о войне и мире, по старым родовым традициям часто решались еще на народных собраниях, так называемых «кэрая» (вече). Однако дела на этих собраниях уже не решались всем свободным народом, определяющую роль здесь играла имущая верхушка. Хроника Генриха Латышского неоднократно подчеркивает ведущую роль знатной верхушки эстов, которую хроника называет «лучшими», «богатыми», «знатными» или же «старейшинами». В народном ополчении, или «малеве», более имущая знать составляла конницу, она имела лучшее и более ценное вооружение, зачастую мечи и копья, украшенные серебром. Благодаря своему положению она получала значительную часть военной добычи.

Укрепленные пункты в этот период превращаются в центры властвования знати. Некоторые старые, сравнительно слабо за-



Древнеэстонские «земли» в начале XIII века.

щищенные общинные укрепления прекратили свое существование. В XI—XII веках возникли укрепления типа городов, защищенные глубокими рвами и высокими валами, которые могли быть сооружены не иначе, как с помощью рабского или другого подневольного труда. Эти крепости появляются, как уже указывалось, в ремесленных и торговых центрах, в которых образовалась особенно богатая верхушка. Из ее среды выделялись отдельные, наиболее влиятельные семьи и захватывали власть в этих крепостях, превращая их в опорные пункты своего господства. Некоторые из верхов знати строили себе собственные замки. Таким замком было, например, городище Лембиту в Леоле (Лыхавере).



Меч, наконечник копья и широколезвийный топор XI—XIII веков.

Государственных образований у эстонцев в рассматриваемый период еще не было. Начавшийся процесс возникновения государственных образований был прерван агрессией немецких и скандинавских феодалов, обрушившейся на эстонцев в начале XIII века.

Верования и фольклор. Глубокие изменения, происшедшие в древнем эстонском обществе, не могли не отразиться и на надстройке этого общества, на его идеологии. Старые религиозные представления, естественно, больше не удовлетворяли складывающийся господствующий класс. Поэтому понятно, что этот класс начинает перенимать элементы идеологии феодального общества — христианства. Первые элементы христианства, как и многие другие представления развивающегося классового общества, перенимаются от русских. Это отражается в заимствовании эстонским языком из русского языка связанных с христианством слов, как, например, rist — крест, ristima — крестить, papp — поп и др. В погребениях XII—XIII веков нередко находят металлические нательные крестики, изготовленные в русских городах.

В эстонском фольклоре, большая часть которого дошла до нас только в том виде, каким он существовал в эпоху позднего феодализма, т. е. во времена, когда эстонский народ был закрепощен немецкими завоевателями, сохранились и более древние

элементы, восходящие к рассматриваемому периоду. В условиях этого периода сложились, по-видимому, такие сказания о богатырях, как «Калевипоэг» или «Суур-Тылль», хотя своими корнями они, вероятно, уходят даже в еще более отдаленное прошлое.

На основе сказаний о Калевипоэге в середине XIX века Ф. Р. Крейцвальдом был составлен эстонский национальный эпос. В народных сказаниях Калевипоэг и Суур-Тылль выступают и как великаны-труженики, земледельцы и градостроители, и как славные богатыри, борющиеся против врагов своего народа и враждебных сил природы. Ряд древних городищ восточной Эстонии в народе называют «ложами Калевипоэга».

В некоторых эпических народных песнях сохранились воспоминания о противоречиях, возникших в древнеэстонском обществе в связи с ростом богатств и жаждой наживы. Так, например, в народной песне «Целомудренная дева» описывается девушка, попавшая в богатую, обособленную от общины семью; там к ней начинает приставать хозяйский сын. Защищаясь, она убивает этого «большого пса». В известной песне «Мужеубийца Май» рассказывается, как богатая Май, у которой «на шее бусы звенят», «ожерелья на шее гремят», в погоне за богатством выходит замуж за богатого, у которого «деньги звенят в платке». Впоследствии Май убивает мужа; она бежит, но никто не дает ей крова, повсюду она встречает осуждение. Часть плачей сирот и холопов-крепостных имеет, возможно, столь же древнее происхождение.

Начало образования эстонской народности. В течение всего рассматриваемого периода у эстонцев сохранялись древние мааконды, «земли»; в конце периода наблюдаются даже новые явления обособления — возникают феодальные владения. Но одновременно намечается начало объединения прежних разрозненных эстонских племен в единую народность. Это было результатом роста производительных сил, развития хозяйственного и культурного общения.

В основу кихелькондов и маакондов частично легли древние племенные территории. Некоторые же из них сложились из нескольких племен или их отдельных частей. Отчасти по этой причине, а в особенности благодаря все усиливающимся экономическим и культурным связям, в материальной культуре эстонцев этого периода не прослеживается больше резких племенных различий, которые были характерны для первых веков нашей эры. В связи с этим примечательно, что письменные источники XII—XIII веков, как, например, «Хроника Ливонии» Генриха Латышского, в большинстве случаев называют эстонцев не по именам отдельных племен, а употребляют собирательное имя «эсты». В письменных источниках эстонские земли все чаще объединяются под одним общим названием: «Эстония» — в западных источниках и «Чудская земля» — в древнерусских летописях. В этом также можно усмотреть свидетельство начала сложения

TR. „KOMMUNIST", TALLINN. 1958.

единой эстонской территории. В памятниках материальной и духовной культуры прослеживается стирание местных племенных особенностей и распространение некоторых общих для всех эстонцев явлений.

Эти факты свидетельствуют о том, что древние эстонские племена стали складываться в эстонскую народность.

§ 2. ЭСТОНСКИЕ ЗЕМЛИ И ДРЕВНЕРУССКОЕ ГОСУДАРСТВО

Образование Древнерусского государства. В рассматриваемый период, период возникновения Древнерусского государства и расцвета древнерусской культуры, связи эстонцев с русскими принимают новую форму и приобретают для обоих народов еще большее значение. В VII—VIII веках у восточных славян успешно развиваются земледелие и ремесло, расширяются торговые сношения. Становится интенсивным движение по великим водным путям, пересекающим всю Восточную Европу и связывающим ее с соседними странами. Один из этих путей, «путь из варяг в греки», вел от Балтийского моря к Черному, другие связывали Восточную Европу со странами Средней Азии. Сухопутные дороги вели в Центральную Европу. На этих путях в IX—X веках возникают первые города.

Разностороннее и быстрое развитие экономики способствовало развитию общественно-политической жизни. В результате объединения северных и южных восточнославянских земель в IX веке создается Древнерусское государство, центром которого стал Киев. Древнерусское государство, особенно окрепшее в X веке, было не только самым крупным по своим размерам государством в Европе, но являлось также важным культурно-политическим центром. Оно подчинило своему влиянию и частью присоединило к себе многие жившие по соседству неславянские народности, в том числе и прибалтийские, которые с самого начала образования Древнерусского государства находились в зависимости от последнего. Древнерусская Начальная летопись упоминает среди народов, плативших дань Руси, на первом месте чудь — эстонцев.

Зависимость прибалтийских народностей, в том числе и эстонцев, от Древнерусского государства выражалась в периодической уплате дани русским князьям и участии в их военных походах. Тесная связь с большим и достигшим высокой степени культурного развития Древнерусским государством оказала большое влияние на дальнейшее экономическое и общественное развитие Эстонии. Сношения с богатыми русскими городами и участие в победоносных военных походах русских князей благоприятствовали накоплению богатств и социальному подъему эстонской знати. Древнерусские летописи упоминают чудь, т. е. эстонцев, даже в качестве участников военного похода киевского князя против столицы далекой Византии — Царьграда — в 907 году.

Юго-восточная Эстония в составе Древнерусского государства. Торговля древнерусских земель с Западом шла в значительной мере через территорию Эстонии. Русским купцам были хорошо знакомы пути, ведущие через эстонские земли к морю, а также расположенные на эстонском побережье гавани. Русские князья были поэтому очень заинтересованы в судьбах прибалтийских земель. Когда киевские князья в конце X и в начале XI века стали укреплять свою власть на окраинах, их внимание, естественно, обратилось и на территорию Эстонии. Для более прочного объединения ее с Древнерусским государством Ярослав Мудрый предпринял в 1030 году поход на эстонские земли и заложил на месте Тартуского городища крепость, назвав ее по своему христианскому имени — Юрьевом. Он оставил здесь военный отряд, который должен был обеспечить его власть над окрестными землями. Так юго-восточная Эстония вошла в состав Древнерусского государства. Временами платили русским князьям дань и некоторые другие эстонские земли.

Основной формой феодальной повинности на Руси в то время была дань. В Эстонии русские князья также ограничивались требованием дани и не вмешивались в местные дела, не навязывали местному населению своего уклада жизни и своих верований, как это делали позднее западные феодалы. Этим, а также слабостью эстонской феодализирующейся знати объясняется то, что до второй половины XI века между последней и русскими феодалами не отмечается столкновений. Эстонская знать, участвуя в сборе дани и в военных походах русских князей, укрепляла свое социальное положение и власть над единоплеменниками. Она была заинтересована в сложившемся политическом объединении с Древнерусским государством также и потому, что это способствовало развитию торговых связей.

Конец X и первая половина XI века, таким образом, отмечены дальнейшим развитием экономических и культурных связей эстонских и русских земель.

Во второй половине XI века, в связи с развитием феодальных отношений, на Руси усиливается феодальная раздробленность: Древнерусское государство распадается на ряд более мелких княжеств. Усиливаются противоречия и учащаются столкновения отдельных княжеств между собой. К тому времени уже окрепла и эстонская знать. Она пытается теперь освободиться от данических отношений к Новгороду и Пскову, с тем чтобы взять сбор дани с эстонских общинников целиком в свои руки. Русские летописи отмечают в этот период ряд военных столкновений чуди с новгородцами и псковичами (например, в 1060, 1116, 1134, 1177, 1190 гг.).

В то же время русских феодалов и эстонскую знать по-прежнему связывала заинтересованность в развитии торговли, особенно заморской. Эта заинтересованность теперь даже усилилась. Сношения русских городов с землями, лежащими по ту сторону Бал-

тийского моря, продолжали крепнуть и развиваться. В связи с этим развивалось также и их общение с прибалтийскими народностями. Русские купцы нередко останавливались в местных гаванях и торговых центрах на продолжительное время. Начиная с X, а в особенности с XI века эстонская знать все активнее включалась в шедшую через Эстонию торговлю. С одной стороны, эстонцы, в особенности население островов, стали все чаще совершать торговые поездки в страны, лежащие на побережье Балтийского моря, а с другой стороны, по суше посещать русские города Новгород, Псков, Полоцк и др. Об этих оживленных сношениях свидетельствуют, в частности, найденные в Эстонии многочисленные клады, содержащие серебряные монеты и предметы роскоши. Большинство этих кладов найдено в окрестностях гаваней на побережье Эстонии и вдоль дорог, ведущих в русские города.

О торговых связях с русскими свидетельствует также ряд слов, заимствованных эстонским языком из русского, например, päsmer — безмен, pund — пуд, määr — мера и др., которые указывают на то, что более развитая русская торговля способствовала развитию торговли и у эстонцев. Наряду с этим эстонцы многое заимствовали от русских в области ремесла, техники, транспорта и пр., о чем свидетельствуют такие слова, как aken — окно, связанное с усовершенствованием жилища, tapper — топор и др. Важно отметить также слово look — лука (дуга), указывающее на то, что вошедшая в обиход у эстонцев упряжка с дугой перенята у русских. Благодаря общению с русскими обогатилась и духовная культура эстонцев; об этом говорят русские элементы в раннем эстонском фольклоре. Через русских эстонцы, по-видимому, впервые познакомились и с письменностью. Об этом говорит заимствованное из русского языка слово raamat — книга (русское — грамота).

Попытки скандинавов подчинить себе прибалтийские народности. После того как у скандинавских народов примерно в середине I тысячелетия н. э. сложилось классовое общество, их знать стала в поисках добычи все чаще совершать набеги на соседние страны, в том числе на восточное побережье Балтийского моря и на северные русские земли. Первые пиратские набеги скандинавов на эти места упоминаются в VII веке; особенно они участились с IX века, когда их целью становится более прочное подчинение и обложение данью народов Прибалтики и русских земель. Древнерусская летопись сообщает о том, как в середине IX века новгородские славяне и кривичи в союзе с чудью-эстами изгнали варягов за море. Набеги скандинавов, или варягов, как их называют в древних русских источниках, стали ослабевать с X века, т. е. по мере того, как крепло Древнерусское государство.

Начиная с XII века, в связи с усилением феодальной раздробленности Руси, а также с объединением скандинавских земель в

крупные государства, прослеживается новое усиление скандинавской агрессии, однако теперь она выступает уже в новой форме, преследуя цель феодальных захватов. Дания, сильнейшая из скандинавских государств, делает неоднократные попытки покорить эстонцев при помощи военной силы. С той же целью сюда присылаются также и миссионеры. Благодаря совместному сопротивлению эстонцев и русских все эти попытки терпели провал. Эти захватнические устремления следует, однако, рассматривать как начало той же жестокой агрессии, которая обрушилась с Запада на прибалтийские народы в следующем, XIII веке.

Глава III

БОРЬБА ЭСТОНСКОГО НАРОДА И ЕГО СОСЕДЕЙ ПРОТИВ НЕМЕЦКОЙ, ДАТСКОЙ И ШВЕДСКОЙ ФЕОДАЛЬНО-КАТОЛИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА

§ 1. ВТОРЖЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В ВОСТОЧНУЮ ПРИБАЛТИКУ

Агрессии против прибалтийских земель под флагом «крестовых походов». Уже начиная с VIII века немецкие феодалы пытались подчинить себе западнославянские племена, населявшие бассейны рек Эльбы и Одера. В XII веке немецким феодалам и купцам удалось продвинуться до южного побережья Балтийского моря.

Этот «Drang nach Osten» («натиск на восток») осуществлялся путем грабительского захвата чужих земель, порабощения покоренных народов и массового их истребления огнем и мечом. Свои злодеяния захватчики совершали под флагом распространения христианства, с благословения папы Римского.

Немецкие захватчики продвигались вперед не только по суше — до территории Польши и Литвы, — но и по торговым путям через Балтийское море.

Через Прибалтику в течение многих веков шла оживленная торговля между Востоком и Западом. В середине XII века, когда захватчики вышли на южное побережье Балтийского моря, немецкие купцы захватили руководящие позиции и заморскую торговлю в находившихся там славянских городах — Любеке и др. Они обосновались теперь и на острове Готланд (в городе Висби), вели торговлю с приезжими русскими купцами или сами ездили торговать в Новгород и другие русские города. Затем немецкие купцы устремились к устью реки Даугавы, пытаясь закрепиться и в этом важном в торговом отношении районе. Эти действия купцов подготовляли почву для вторжения немецких феодалов.

Прибалтийские земли, простиравшиеся от реки Вислы до Финского залива и населенные раздробленными и относительно слабыми народами — пруссами, литовцами, куршами, земгалами,

латгалами, ливами и эстонцами, представляли для немецких феодалов и купцов заманчивую добычу. Свою кровавую агрессию немецкие завоеватели осуществляли под флагом крестовых походов.

Планы насильственного обращения в христианство народов Прибалтики все более привлекали внимание главы воинствующей католической церкви — папы Римского. Покорение этих народов означало для него дальнейшее увеличение числа данников и создание новых церковно-феодальных владений. К Прибалтике папы Римские проявляли особый интерес еще и потому, что рассматривали эту территорию как удобный плацдарм для наступления на Русь: они помышляли об уничтожении независимости русской церкви и покорении русского народа. С вторжением немецких крестоносцев в Прибалтику эта территория превратилась в очаг всевозможных происков, направленных против Руси.

Наиболее подробное описание немецкого вторжения в земли ливов, эстонцев и латышей за период до 1227 года содержится в написанной на латинском языке «Хронике Ливонии». Автором ее был, по всей вероятности, священник одного из латышских приходов, находившийся здесь с 1208 года и известный под именем Генриха Латышского. Автор хроники — идеолог немецких захватчиков-крестоносцев. Особенно усердно он стремился оправдать кровавые злодеяния и обосновать политические устремления епископа Альберта. Хроника дышит ненавистью к «язычникам» и русским, боровшимся против завоевателей, вместе с тем она отражает страх завоевателей перед ними. При критическом подходе она может быть использована как наиболее важный исторический источник по этому периоду истории Прибалтики.

В новгородских и псковских летописях мы находим также ценные сведения о героической борьбе русского народа и народов Прибалтики против захватчиков-феодалов.

Покорение ливов. Около 1180 года на немецком купеческом корабле в устье реки Даугавы прибыл гольштинский монах Мейнгард. Эти места были населены ливами и входили в княжество Полоцкое. Мейнгард приступил к созданию в низовьях Даугавы опорного пункта для покорения ливов. В 1184 году в Икшкиле была построена деревянная церковь, а в последующие годы каменный укрепленный замок. Мейнгарда бременский архиепископ возвел в сан епископа.

Ливы оказали упорное сопротивление, не давая превратить себя в данников церкви. Мейнгард обратился за помощью к Римскому папе, который в 1193 году объявил крестовый поход против ливов. Первый крестовый поход провалился. Только преемнику Мейнгарда Бертольду удалось силами крестоносцев летом 1198 года победить ливов, хотя сам он был убит в кровопролитном сражении. Однако как только крестоносцы оставили эту местность, ливы сбросили с себя иго христианства.

В 1199 году бременский архиепископ посвятил в епископы

Ливонии своего родственника Альберта. С этого времени в течение тридцати лет Альберт являлся непосредственным организатором жестокого подавления ливов, эстонцев и латышей.

В своих действиях Альберт пользовался полной поддержкой папы, который призывал рыцарей и других «христиан» к «крестовому походу». Немецкие купцы предоставляли для осуществления захватов деньги и корабли, а также принимали в них непосредственное участие с оружием в руках. Погоня за легкой наживой и приключениями, обещанное церковью отпущение грехов и искупление преступниками своей вины привлекали в ряды крестоносцев значительное число разного рода авантюристов. Весной 1200 года Альберт с большим количеством крестоносцев на 23 кораблях прибыл к устью Даугавы. Развернулась ожесточенная борьба захватчиков против местного населения с целью его покорения.

Альберт понимал, что силами крестоносцев, которые прибывают весной, а осенью отправляются обратно с награбленной добычей, ему не удастся полностью покорить страну. Он приступил поэтому к созданию на месте прочного опорного пункта и постоянного войска. В качестве опорного пункта Альберт в 1201 году избрал расположенное близ устья Даугавы селение, носившее название Рига, и здесь соорудил значительные укрепления. Чтобы иметь в Ливонии постоянное войско, Альберт раздавал часть завоеванных земель немецким светским крестоносцам, преимущественно рыцарям, в лен. Ленник, или вассал получал право собирать со своих крестьян подати, зато, в случае надобности, обязан был являться на войну в сопровождении определенного количества своих людей. В 1202 году в Ливонии был основан новый духовный рыцарский орден, состоявший из неженатых профессиональных вояк. Его стали называть Орденом меченосцев (по изображению меча и креста на гербе и рыцарском плаще). Во главе Ордена стоял магистр. Значение Ордена как военной силы быстро возрастало. В 1207 году между Орденом и епископом было заключено соглашение, по которому из захваченных земель одну треть получал Орден, а две трети — епископ.

С 1203 года в активную борьбу против немецких захватчиков вступил полоцкий князь, во владения которого входили расположенные на Даугаве земли ливов и латышей. До вторжения захватчиков полоцкий князь собирал с этих земель дань. Епископ же и Орден обложили население во много раз более обременительными податями и стали насильно обращать ливов и латышей в христианство. Поэтому ливы и латыши вместе с русскими повели борьбу против немецких захватчиков. Полоцкий князь со своим войском неоднократно предпринимал осаду немецких крепостей. В борьбе с захватчиками особенно отличился зависимый от Полоцка кокнесский князь Вячко. Однако он не мог долго противостоять превосходящим силам противника; в 1208 году он сжег свой замок и ушел с дружиной на Русь.

Литовцы также вели борьбу с захватчиками, но в то же время

не прекращали набегов на Полоцкое княжество и другие соседние земли. Литовские феодалы, земли которых вначале не были затронуты немецким вторжением, не видели еще необходимости объединения сил против угрожавшей стране опасности.

Немецкие захватчики воспользовались раздробленностью прибалтийских народов. Чтобы ослабить сопротивление местного населения, захватчики стремились разъединить отдельные народности и посеять распри между ними. Всевозможными обещаниями епископ Альберт и Орден старались привлечь на свою сторону местную феодализирующуюся верхушку с тем, чтобы использовать ее в деле порабощения народных масс и для военных набегов на другие народности. Так, например, немцам удалось привлечь на свою сторону старейшину ливов Каупо из Турайды, а также заключить союз с латгальскими старейшинами из Талавы — Русином, Талибальдом и другими. Эти феодалы надеялись таким путем усилить свою власть над соплеменниками и нажиться на ограблении соседних земель. Грозя карами, захватчики стали требовать, чтобы новокрещенные также участвовали в их военных походах. Все это увеличивало силы завоевателей, и они упорно продвигались вперед.

К 1208 году захватчикам удалось покорить ливов и латгалов, живших в районе рек Даугавы и Гауя.

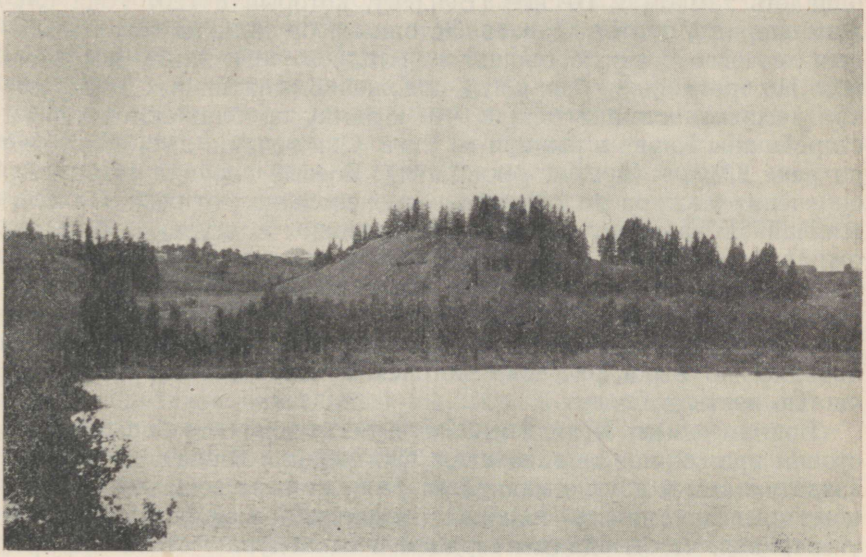
По имени ливов, которые стали первой жертвой немецкого вторжения в Восточную Прибалтику, вся завоеванная территория стала называться Ливонией (по-латыни Livonia, по-немецки Livland). Это название распространилось на все населенные латышами и эстонцами земли, захваченные немецкими и датскими феодалами. Им пользовались в качестве общего названия этих земель вплоть до XVI века, а как пережиток оно бытовало до начала XVIII века. В то же время, особенно для захваченной датчанами северной Эстонии, употреблялось и название Эстония (по-латыни Estonia, по-немецки Estland). Западные народы уже издавна пользовались этим названием для обозначения территории, населенной эстонцами.

§ 2. НАЧАЛО БОРЬБЫ ЭСТОНЦЕВ С ЗАХВАТЧИКАМИ (1206—1212). ПЕРЕМИРИЕ В ТУРАЙДЕ

Вторжение захватчиков в южную Эстонию. Сражение на реке Юмера. Уже с 1160-х годов западные феодалы неоднократно пытались подчинить себе эстонцев под предлогом распространения среди них христианства. В 1172 году папа Римский призвал скандинавских феодалов к крестовому походу против эстонцев. Однако поход немецких и шведских феодалов в Вирумаа в 1193 году потерпел крах. Следующая серьезно подготовленная операция была предпринята в 1206 году датчанами. Они высадились большими силами на острове Сааремаа

и начали строить здесь крепость. Но закрепиться им не удалось. Захватчики были не в силах завоевать Эстонию с моря.

После покорения ливов положение изменилось. К 1208 году крестоносцы в своих завоеваниях достигли с юга территории, населенной эстонцами. Продвижение крестоносцев вдоль реки Даугавы было приостановлено русскими, поэтому рыцари повернули на север, надеясь добиться здесь легкой победы. Немецкие купцы также были заинтересованы в захвате эстонских земель, поскольку в то время торговый путь из Риги на Псков и Новгород шел через юго-восточную Эстонию. Немецкие купцы столкнулись тут с



Городище Отепя.

эстонцами из земли Уганди. Но так как земля эта платила дань новгородским князьям, крестоносцы не посмели открыто напасть здесь на эстонцев, опасаясь войны с Новгородом. Чтобы создать повод для покорения жителей Уганди, крестоносцы выдвинули требование «возмещения ущерба», якобы причиненного немецким купцам. Кроме того, епископ и Орден восстановили против эстонцев латгальских старейшин из Талава. Жители Уганди отказались выполнить произвольные требования захватчиков.

Ранней осенью 1208 года неприятель с многочисленным войском вторгся в Уганди, опустошил окрестности Отепя, сжег городище, истребил множество мужчин, а женщин и детей увел в плен. Вскоре эстонцы из Уганди в союзе с жителями земли Сакала нанесли врагу ответный удар. Захватчики воспользовались этим как поводом для кровавого нашествия и на землю Сакала. После этого

они заключили с эстонцами перемирие на один год, по истечении которого Орден совершил новый опустошительный набег на Уганди.

В 1210 году борьба прибалтийских народов с захватчиками развернулась с еще большей силой. В морском сражении между куршами и епископом последний потерпел поражение. Затем курши, призвав на помощь русских, литовцев, ливов, земгалов и эстонцев, попытались овладеть Ригой. Но между союзниками не было достаточного единства, и наступление на Ригу окончилось неудачей. Литовцы, в свою очередь, осадили Кокнесе. Эстонцы тоже перешли в наступление. Они сделали в 1210 году попытку овладеть замком в Цесисе (Венден), который с 1207 года служил опорным пунтом Ордена. Эстонцы соорудили из выкорчеванных деревьев осадную башню и пытались уничтожить замок огнем. На третий день боя, когда положение осажденных стало уже критическим, эстонцы узнали, что к замку приближаются войска старейшины Каупо и рыцари из Риги. Они решили дать врагу бой на реке Юмера (приток реки Гауя). Боевые порядки эстонского ополчения были расположены в лесу, неподалеку от реки. Приближающийся враг, полагавший, что эстонцы отступают, был неожиданно атакован ими. Развернулось кровопролитное сражение, в котором рыцари Ордена были разбиты. Вспомогательное войско, состоявшее из насильно согнанных пеших ливов и латышей, обратилось в бегство. Немцы пытались отступить в боевом порядке, но были рассеяны эстонской конницей, истреблены и частью взяты в плен.

Воинам земель Уганди и Сакала было ясно, что борьба с жестоким врагом еще не закончена. Они решили вовлечь в борьбу с захватчиками и другие мааконды, разослали по всем землям гонцов, призывая начать большой совместный поход, «заклиная и уговаривая, чтобы единым сердцем и единодушно стали все против рода христианского», как пишет Генрих Латышский.

Немцы, опасаясь объединения сил местных народов, особенно же их союза с русскими, заключили мир с князем полоцким, признав за ним право собирать дань с ливов, живших по реке Даугава. Немцы пытались привлечь на свою сторону также псковских купцов и бояр, которые были заинтересованы в торговле с немцами. Епископу Альберту через своего брата удалось даже породниться с псковским князем Владимиром и удержать его на время от выступления против немцев. За политику, ущемляющую интересы Руси, Владимир был временно изгнан из Пскова.

Политика Новгорода в восточной Эстонии первоначально сводилась к мерам подтверждения своей власти (военные походы и сбор дани в 1209 и 1210 гг.). Чтобы создать политические трудности на пути продвижения немецких феодалов, избравших в качестве предлога необходимость обращения язычников в христианскую веру, русская княжеская власть также стала крестить население в тех местах, где она собирала дань (Уганди, Талава).

Такая политика русских князей и бояр на первом этапе войны не давала возможности создать военно-политическое сотрудничество между эстонскими землями, с одной стороны, и Новгородом и Псковом, с другой.

Героическая оборона Вильянди. Перемирие в Турайде. В 1211 году борьба эстонцев с захватчиками развернулась с еще большей силой.

Ранней весной 1211 года крупные военные силы захватчиков вторглись в землю Сакала, разорили ее и пытались овладеть крепостью Вильянди. Первая попытка немцев прорваться в крепость была отбита; в руках эстонцев осталось много немецкого вооружения. Чтобы вынудить эстонцев к сдаче, завоеватели стали на глазах у осажденных истязать и убивать пленных, захваченных при опустошении окрестной местности. Но это не сломило волю осажденных к сопротивлению. Они сражались с большой отвагой и умением, отбивали в кровопролитных схватках все атаки, заделывали бреши в стенах крепости и тушили пожары. Лишь на шестой день осады, когда в крепости насчитывалось уже много раненых и иссякли запасы воды, осажденные согласились на мирные переговоры. В крепость были впущены только священники.

Героическая оборона Вильянди показала захватчикам силу сакаласцев и одновременно подняла на борьбу и других эстонцев. Рижские немецкие купцы были так напуганы, что весной не предприняли своих обычных торговых поездок. Сакаласцы вскоре отказались признать навязанный им мир. Когда Орден вместе с Каупо совершил после этого разбойничий набег на землю сакаласцев, последние под предводительством своих старейшин Лембиту и Мээме нанесли разбойникам серьезный ответный удар. Ополчение эстонцев из Уганди и Ляэнемаа также перешло в наступление. «Одно войско следовало за другим; одни уходили, другие приходили, не давая ливам покоя ни днем ни ночью», — так повествует об этом «Хроника Ливонии». Сааремасцы также начали активно поддерживать южных эстонцев в их борьбе, появляясь на своих судах под Ригой и на реке Гауя.

Летом 1211 года был совершен крупный объединенный поход против замка Каупо в Турайде, в котором участвовало ополчение из Ляэнемаа и Рявала, а также флот сааремасцев. Этот комбинированный удар ополчения и флота был хорошо подготовлен. Уничтожение замка Каупо должно было явиться первым шагом на пути осуществления общего военного плана, направленного против Риги. Но неприятель успел прислать в помощь Каупо вновь прибывшие из Германии войска, вследствие чего объединенный поход эстонцев окончился неудачей. Эстонцы понесли большие потери. Весь их флот попал в руки врага.

Воспользовавшись неудачей эстонцев под Турайдой, захватчики совершили ряд новых разбойничьих набегов на Сакала, Уганди, Нурмекунд, Вайга и Ярва. Наиболее крупный набег был

предпринят в начале 1212 года на восточную и центральную Эстонию.

Наступление немецких феодалов на эстонские земли (мааконды) ущемляло интересы псковских и новгородских князей и бояр. Когда в начале 1212 года были получены вести о новом крупном вторжении врага, новгородские и псковские войска двинулись в центральную Эстонию. Однако крестоносцы еще до прибытия русского войска поспешно отступили. После этого русские князья и бояре предприняли поход в Харьюмаа, осадили крепость Варбола и вынудили местных жителей уплатить дань.

Опустошительные набеги и свирепствовавшая зимой 1211—1212 гг. эпидемия ослабили силы эстонцев, ливов и латышей. Среди покоренных ливов и латышей усилилась тяга к миру, и их послы заключили с эстонцами перемирие. Весной 1212 года епископ и Орден также были вынуждены пойти на это и заключить с эстонцами в Турайде перемирие на три года. Эстонцам была крайне необходима эта передышка, чтобы укрепить страну и накопить силы для продолжения борьбы. Но и немцы использовали это время для закрепления своих завоеваний. Кроме того, перемирие дало им возможность осенью 1212 года подавить восстание латгалов и ливов.

§ 3. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЭСТОНСКОГО НАРОДА ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ, ДАТСКИХ И ШВЕДСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ В 1215—1222 ГОДАХ. ЭСТОНСКО-РУССКИЙ ВОЕННЫЙ СОЮЗ

Вторжение немецких захватчиков в западную и северную Эстонию. Еще до истечения срока перемирия орденские и епископские войска в начале 1215 года совершили опустошительный набег на северную Ляэнемаа, безжалостно истребляя на своем пути все живое. По данным «Хроники Ливонии», резня продолжалась три дня, пока убийцы не обессилели от усталости. Следующий набег был предпринят против замка Лыхавере, старейшина которого Лембиту уже и ранее играл выдающуюся роль в борьбе с захватчиками. Осажденные храбро оборонялись против крупных вражеских сил. После нескольких дней борьбы осаждающим удалось поджечь бревенчатые укрепления на валу. Замок был разграблен, а старейшины увезены в качестве заложников; впоследствии они были обменены на их сыновей.

Весной 1215 года эстонцы нанесли захватчикам ряд ответных ударов. Сааремасцы проникли на своих кораблях в Даугаву, заперли ее устье и атаковали Ригу. Но к этому времени на двух больших кораблях подошли свежие силы крестоносцев, и сааремасцы были вынуждены уйти в море.

В результате опустошительных и кровопролитных набегов захватчикам удалось в 1215—1216 годах подчинить своей власти

эстонцев Уганди, Сакала и Соонтага. Но нигде на эстонской земле враг не чувствовал себя в безопасности.

Зимой 1216 года немцы через замерзшие проливы впервые вторглись на остров Сааремаа. Убивая людей и опустошая деревни, они подошли к одному из городищ и осадили его, но сааремасцы разбили их войско. Опасаясь преследования со стороны сааремаского ополчения, рыцари убегали по льду с такой поспешностью, что многие, обессилев от стремительного бега, валились замертво.

Весной 1216 года эстонцы и находившийся с ними в союзе полоцкий князь Владимир разработали обширный план контрнаступления. Владимир со своими войсками намеревался осадить главный опорный пункт немцев — Ригу, а сааремасцы в то же время должны были закрыть устье Даугавы. Предполагалось также, что эстонцы материковых земель начнут одновременно наступление с севера, с тем чтобы помешать Ордену прийти на помощь Риге. Полоцкий князь собрал большое войско из русских и литовцев. Но в тот момент, когда князь во главе своего войска собирался взойти на корабль, чтобы двинуться на Ригу, его неожиданно постигла смерть. Собранное им войско разошлось по домам. Возможно, что с намеченным контрнаступлением связан и упоминаемый в Псковской летописи поход новгородцев на Ригу в том же году.

Немцам, обосновавшимся в Риге, через лазутчиков стал известен военный план русских и эстонцев. Враги особенно боялись закрытия выхода в море, так как главный опорный пункт захватчиков оказался бы в таком случае отрезанным от своих исходных баз. Годом раньше сааремасцы, блокировав гавань, показали себя искусными воинами. Чтобы не оказаться отрезанными, немцы поставили в устье Даугавы превращенное в плавучую крепость сторожевое судно с хорошо вооруженным и многочисленным экипажем. Когда сааремасцы узнали об этих приготовлениях, а также о смерти князя полоцкого, они отказались от похода против Риги и вместо этого двинулись по реке Салатси в район озера Буртниеки.

К крестоносцам продолжали прибывать все новые пополнения. Это давало им возможность шаг за шагом продвигаться вперед. Летом 1216 года их войска опустошили и разорили земли Харьюмаа и Рявала. В начале 1217 года они проделали то же самое в Ярвамаа и Вирумаа. Мааконд за маакондом опустошался и выжигался дотла; мужчин убивали, женщин и детей уводили в рабство, огромные стада рогатого скота и табуны лошадей угоняли с собой, не говоря уже о прочей добыче. Отдельные отряды эстонцев пытались наносить врагу контрудары, но безуспешно, так как сил было мало и действия их не были согласованы.

В 1216 году псковский князь сделал попытку снова подчинить своей власти Уганди, но она окончилась неудачей. Немецкие завоеватели, стремясь закрепить здесь свои позиции, создали в

Отепя свой первый на эстонской территории укрепленный опорный пункт. Помимо принятия христианства и уплаты церковной десятины жители Уганди были обязаны строить укрепления и нести воинскую повинность. В начале 1217 г. их малев уже участвовал в набегах епископского и орденского войска как на русскую территорию, так и на Ярвамаа. Таким образом, Уганди стал первым эстонским маакондом, попавшим в такую же зависимость от немецких завоевателей, в какой уже раньше оказались ливы и восточные латыши.

Эстонцы пришли к выводу, что только собственными силами, без сотрудничества со своим восточным соседом — Новгородом, им не удастся остановить натиск «железных рыцарей» и изгнать их из пределов своей земли. В то же время произошли и определенные изменения в западной политике Новгорода и Пскова.

Победа русско-эстонского войска под Отепя в 1217 году. Подчинив своей власти южную Эстонию, немецкие завоеватели создали непосредственную угрозу и для Руси. Войска епископа и Ордена стали совершать набеги на новгородскую землю, убивая и грабя население так же, как они это делали в Эстонии. Новгородские и псковские князья и бояре стали отныне проводить активную политику по отношению к немецким агрессорам.

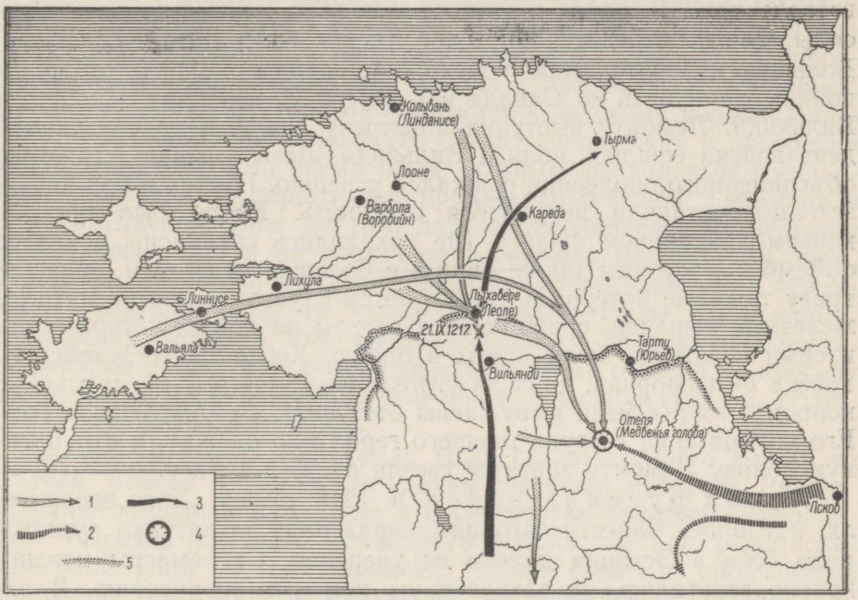
Борьба против общего врага заложила основу для военного сотрудничества между эстонскими малевами и новгородско-псковскими войсками в начале XIII века. Это явилось новым важным этапом в развитии эстонско-русских отношений.

Новгородцы в начале февраля 1217 года собрали большое войско под предводительством посадника Твердислава, к которому присоединились также псковские войска. Перед походом русские разослали гонцов во все концы Эстонии с призывом идти на осаду Отепя и изгнать захватчиков из эстонской земли. «И пришли не только эзельцы и гарионцы[1], но и жители Сакала, уже давно крещенные, надеясь таким образом сбросить с себя иго тевтонов и крещение», — пишет Генрих Латышский в своей хронике. Замок Отепя был хорошо укреплен. Три недели длилась ожесточенная борьба. Чтобы предотвратить решающий штурм замка, осажденные завязали с русскими переговоры, но в то же время послали гонцов к магистру Ордена и епископу с просьбой о помощи. Магистр Ордена с трехтысячным войском поспешил на выручку к осажденным. Воспользовавшись моментом, когда при смене ночных и дневных дозоров дороги остались без охраны, вражеское войско незаметно приблизилось к замку. Магистр Ордена атаковал русские войска, но потерпел тяжелое поражение, причем были убиты многие видные рыцари Ордена и епископские люди; немцы потеряли также 700 лошадей. Спустя три дня осажденные

[1] Жители Сааремаа и Харьюмаа.

были вынуждены сдаться и просить мира, а затем уйти из Эстонии.

Блестящая победа, одержанная объединенным русско-эстонским войском под Отепя, имела большое значение. Она показала целесообразность и эффективность русско-эстонского военного сотрудничества. Благодаря этой победе немецкие завоеватели не только были выбиты из Уганди, но и потеряли свою власть над Сакала, Соонтага и Ярва.



Борьба с немецкими захватчиками в 1217 году.

1 — войска эстонцев; 2 — войска русских; 3 — войска немецких захватчиков; 4 — осада и взятие городищ эстонскими и русскими войсками; 5 — граница территории, оккупированной захватчиками к 1216 году.

Но русские и эстонцы понимали, что борьба далеко еще не завершена. Надо было окончательно изгнать немецких захватчиков из прибалтийских земель. В Новгороде и Сакала отказались выслушать епископских послов, прибывших с просьбой о мире, который был нужен епископу для подготовки к продолжению агрессивной войны. Епископ поспешил в Германию за новым подкреплением, чтобы не потерять своих завоеваний. Летом того же года ему удалось направить в Ливонию большое число крестоносцев.

Битва на подступах к Вильянди 21 сентября 1217 года. Эстонцы в свою очередь также начали готовиться к решительному удару. Без действенной поддержки со стороны русских войск нельзя было разбить жестокого врага. Послы

эстонцев с богатыми подарками явились в Новгород и просили русских помочь им значительной военной силой. Новгородский князь Святослав обещал собрать большое войско и вместе с другими князьями прийти эстонцам на помощь. Старейшина Сакала Лембиту бросил боевой клич по всем маакондам Эстонии. К началу сентября на северной границе Сакала, у берегов реки Пала (Навести), собрались тысячи воинов из Ляэнемаа, Харьюмаа, Вирумаа, Рявала, Ярвамаа и Сакала.

В Риге через шпионов стало известно об этих широких приготовлениях. Рыцари и епископ начали поспешно стягивать силы, чтобы опередить прибытие русских войск. Это им удалось. Большое неприятельское войско, состоявшее из 3000 отборных воинов, двинулось на Сакала и к вечеру 20 сентября подошло к Вильянди. Лембиту выступил навстречу врагу, и на следующий день войска сошлись вблизи Вильянди. Левый фланг эстонского объединенного ополчения сражался успешно. Пустив в ход копья, эстонцы заставили неприятеля отступить. Каупо был пронзен копьем. На правом фланге, где находились сакаласцы во главе с Лембиту, эстонцы также бились с большой отвагой и наносили врагу тяжелые потери. Но центр не смог устоять против натиска железных рыцарей, сражавшихся верхом на конях, которые, как и сами всадники, были одеты в броню. Когда центр эстонского войска был прорван, нависла угроза нападения с тыла и в конце концов эстонцы были вынуждены отступить. Лембиту пал в бою. Его убийца снял с трупа павшего героя всю одежду, а отрубленную голову Лембиту варвары увезли с собой в Ригу.

Поход русских войск в 1218 году. Хотя неприятелю и удалось нанести эстонцам поражение, захватчики чувствовали себя в Эстонии далеко не уверенно. Сааремасцы неоднократно вторгались на захваченную немцами территорию. В августе 1218 года гонцы русских и сааремасцев объехали эстонские мааконды, сообщая о приходе русских войск и призывая эстонцев собрать ополчение и объединенными силами выступить против немцев. В это время захватчики стянули большое войско для набега на Харьюмаа и Рявала. Когда неприятель находился уже в Вильянди, пришла весть о том, что новгородские и псковские войска прибыли в Уганди. Он был вынужден отказаться от своего плана нападения на северную Эстонию и поспешно повернул назад, надеясь разбить русские войска. Целый день продолжалось кровопролитное сражение на берегу Вяйке-Эмайыги, в результате которого русские вынудили войска рижского епископа и Ордена к отступлению.

Русские войска широким фронтом повели наступление на занятые Орденом и епископом земли и осадили Цесис. В осаде орденского замка вместе с русскими участвовали харьюмасцы, а также эстонцы из других маакондов. В то же время сааремасцы проникли на своих судах в район устья Даугавы. Но взять Цесис

все же не удалось. Поступили сведения о нападении литовцев на Псков, и русскому войску пришлось спешно возвратиться домой.

Хотя русско-эстонский военный поход, совершенный в конце лета 1218 года, и не был полностью осуществлен по первоначальному замыслу, захватчикам все же были нанесены серьезные удары.

Вторжение датских захватчиков в северную Эстонию. Епископ Альберт убедился, что его войск, состоявших из рыцарей Ордена, вассалов, ежегодно направляемых в Ливонию крестоносцев, и прочих находившихся здесь в его распоряжении сил недостаточно для борьбы с русскими и эстонцами. Поэтому летом 1218 года он обратился к датскому королю Вальдемару II, настойчиво прося его оказать поддержку в покорении Эстонии. Дания в то время была сильным феодальным государством, владения которого простирались до северной Германии и южной Швеции. Еще до того датчане неоднократно совершали разбойничьи набеги на восточное побережье Балтийского моря, в том числе и на Вирумаа и Сааремаа. В завоевании этих земель были заинтересованы не только датские феодалы, но и купцы. Вальдемар надеялся, что, действуя сообща с немецкими завоевателями, он добьется большего успеха, поэтому ответил на просьбу епископа согласием и с благословения папы приступил к подготовке вторжения в Эстонию.

Летом 1219 года Вальдемар II во главе большого войска из датчан, немцев и рюгенских славян совершил набег на Рявала. Датчане высадились на берег в окрестностях Таллина (Линданисе). Высадка крупного вражеского войска застала рявалаcцев врасплох. Они, не теряя времени, начали собирать ополчение и на третий день вечером напали на датский лагерь одновременно в пяти пунктах. Главный лагерь был смят, многие датчане убиты, а остальные обращены в бегство. Был убит и назначенный для Эстонии епископ. Но одной части неприятельского войска, которая была расположена в стороне, удалось принять боевой порядок и отбить атаку эстонцев. Захватчики удержали свой плацдарм и стали его поспешно укреплять. После ожесточенной борьбы рявалаcцы были покорены.

С крестом и мечом наступали теперь на эстонцев с одной стороны немцы, с другой — датчане. При дележе завоеванных земель между захватчиками происходили постоянные столкновения, страдали же от этого в конечном итоге эстонцы. Немецкие и датские завоеватели ссорились между собой из-за крещения эстонцев, ибо крещение являлось фактически признаком покорения. Датчане крестили заново вирумасцев и ярвамасцев и для их устрашения даже повесили несколько человек из тех, кого крестили немцы. Немецких крестителей датчане начисто ограбили и изгнали из северной Эстонии. Когда епископ Альберт пристроил епископом Эстонии своего брата Германа, Вальдемар II запре-

тил Герману и крестоносцам, завербованным Альбертом, пользоваться Любекской гаванью, находившейся тогда в руках датчан.

Чтобы ослабить сопротивление эстонцев, поработители сеяли среди них семена раздора. Так, немцы подстрекали ярвамасцев против вирумасцев, а датчане — харьюмасцев против ярвамасцев.

Датчане захватили, кроме Рявала, также и Харьюмаа, Вирумаа и Ярвамаа, а немцы — южную часть страны вместе с Ляэнемаа. Таким образом, к 1220 году население всей материковой части Эстонии подпало под иго захватчиков.

Борьба сааремасцев против шведских и датских завоевателей. Шведские феодалы также решили воспользоваться создавшимся в Эстонии положением, надеясь без особых усилий урвать для себя кусок добычи. Летом 1220 года шведское войско высадилось на западном побережье Эстонии, в Ляэнемаа, и стало силой устанавливать там свою власть, не считаясь с тем, что ляэнемасцы к тому времени были уже покорены немцами. Но как только главные силы шведов вместе с королем покинули страну, под укреплением Лихула в начале августа появился отряд сааремасцев. Сааремасцы подожгли укрепление и разгромили шведский гарнизон. Враг потерял убитыми около 500 человек. В числе убитых были ярл и епископ. Это крупное поражение надолго отбило у шведских захватчиков охоту вмешиваться в борьбу, шедшую в Эстонии. Датчане навязали Ляэнемаа свое господство.

Весной 1221 года сааремасцы сделали попытку уничтожить датский опорный пункт — Таллин. Две недели сааремасцы вместе с северными эстонцами вели осаду укреплений. Все вылазки датчан отбивались с большими для них потерями. Однако когда на море показались четыре больших корабля, сааремасцы, предполагая, что король посылает датчанам подкрепление, сняли осаду. Захватчики, воспользовавшись обстановкой, излили теперь свою злобу на северных эстонцев. Старейшины Рявала, Харьюмаа и Вирумаа были повешены, на население же «наложили двойной или тройной оброк, по сравнению с прежним обычным, и много тяжких повинностей в возмещение». Но все это еще более разожгло ненависть эстонцев к датским захватчикам; как говорится в «Хронике Ливонии», эстонцы «непрестанно готовили против них коварные ухищрения и таили злые замыслы как-нибудь выгнать их из своих пределов».

Осенью 1221 года новгородский князь со своей дружиной, на этот раз в сотрудничестве с литовцами, нанес немецким захватчикам новый удар. Русские войска совершили крупный военный поход через Цесис до Турайды.

Дания уже издавна вынашивала планы завоевания Сааремаа. В 1222 году Вальдемар II снова приступил к осуществлению этого плана. С большим войском он высадился на острове и после кровопролитного сражения принялся спешно возводить мощ-

ное каменное укрепление, которое должно было служить базой для окончательного покорения Сааремаа. В ответ на набеги датчан сааремасцы совершили по морю несколько военных походов на датские земли. Завоевание Сааремаа дало бы Дании возможность укрепить свою власть над всей северной Эстонией, где сааремасцы пользовались большим влиянием. Овладев Сааремаа, датчане получили бы важный стратегический опорный пункт и возможность контролировать торговлю с русскими княжествами, которая велась по реке Даугава и через Эстонию.

Еще в 1220—1221 годах Вальдемар II делал попытки распространить свою власть не только на Эстонию, но и на территорию ливов и латышей вместе с Ригой. Но успешная совместная борьба русских и эстонцев против немецких и датских захватчиков заставила последних прийти к соглашению. Епископ Альберт и магистр Ордена явились на Сааремаа к датскому королю. Здесь в датском военном лагере было заключено соглашение о разделе Эстонии, по которому Сакала и Уганди должны были отойти к Ордену и рижскому епископу, а остальная территория Эстонии — к Дании. Участники соглашения поклялись совместно бороться против русских и «язычников».

§ 4. ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ЭСТОНСКОГО НАРОДА В СОЮЗЕ С РУССКИМИ ПРОТИВ ЗАХВАТЧИКОВ В 1222—1224 ГОДАХ. ПОКОРЕНИЕ САРЕМАА

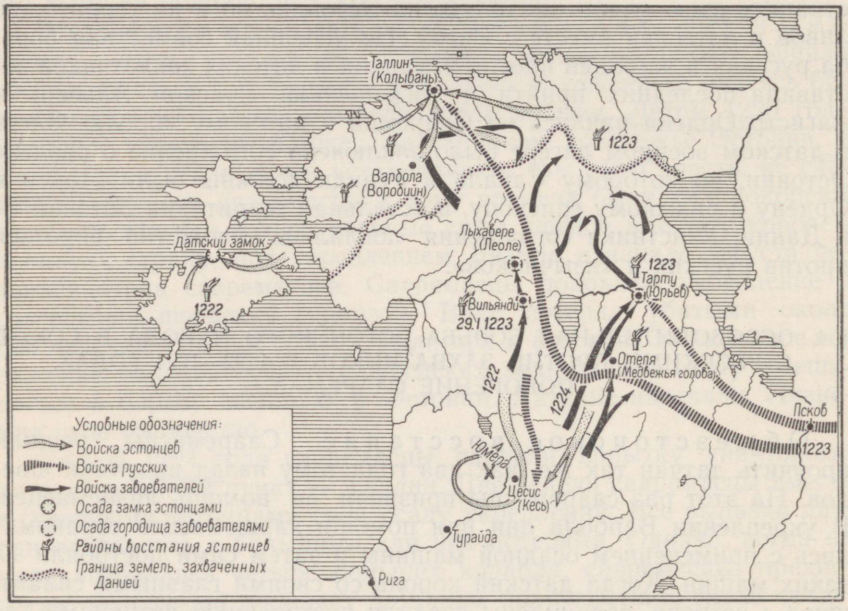
О б щ е э с т о н с к о е в о с с т а н и е. Сааремасцы решили проучить датчан так же, как два года тому назад проучили шведов. На этот раз сааремасцы призвали на помощь ляэнемасцев. В укреплении Варбола они при помощи харьюмасцев ознакомились с применением осадной машины и затем сами построили 17 таких машин. Когда датский король со своими главными силами ушел с острова, сааремасцы осадили построенную датчанами каменную крепость. Пять дней подряд они метали в укрепление большие камни. Датчане принуждены были сдаться, замок же был уничтожен до основания.

Сааремасцы разослали по всей Эстонии весть об одержанной победе, призывая эстонцев всех маакондов выступить против захватчиков и сбросить с себя их иго. Сааремасцы научили и других строить камнеметательные и прочие осадные машины, а также пользоваться разными другими видами оружия. Центром восстания в северной Эстонии стала Варбола. Сюда собрались сааремасцы, ляэнемасцы и харьюмасцы. Вскоре к восстанию примкнули и вирумасцы. И только сильно укрепленный Таллин остался в руках датчан, несмотря на то, что сааремасцы совместно с северными эстонцами в феврале 1223 года долго осаждали его.

В южной Эстонии центром восстания сделался Вильянди. 29 января 1223 года, в воскресенье, в то время, когда большин-

TRÜ Raamatukogu

ство немцев слушало в церкви мессу, сакаласцы взялись за оружие и уничтожили находившихся в замке рыцарей и купцов, а затем вынудили к сдаче и немцев, собравшихся в церкви. Через несколько дней был взят замок Пала (принадлежавший ранее Лембиту) и освобождена Ярвамаа. Старейшины Вильянди немедленно направили послов в Отепя и Тарту, призывая живших там эстонцев последовать их примеру и так же расправиться с немцами. В знак одержанной победы сакаласцы послали им окровавленные мечи, захваченных коней и одежду. Жители Уганди тоже



Борьба с немецко-датскими захватчиками в 1222—1224 годах.

сбросили с себя иго рыцарей и попов. Повсюду проявлялась великая ненависть эстонцев к своим угнетателям. Трупы убитых рыцарей выбрасывали в поле на съедение собакам и хищным птицам. Посланцы из Сакала заявили в Риге, что пока в их стране останется в живых хоть один-единственный мальчик, годовалый или ростом с локоть, — они никогда не примут христианскую веру. Даже своих покойников, похороненных по христианскому обряду, эстонцы выкапывали и сжигали в соответствии со старинным обычаем.

Восстание эстонцев против немецкого и датского феодально-католического ига в 1222—1223 гг. явилось кульминационным пунктом освободительной борьбы эстонского народа. Впервые выступали одновременно все эстонские мааконды. По своей мощи

и размаху это было самое крупное выступление народных масс не только в XIII веке, но и за всю эпоху феодализма в Эстонии. Насильственное крещение и обложение населения повинностями в пользу завоевателей затрагивали всех эстонцев, от старейшин и имущей верхушки до самых широких слоев крестьянства.

Помощь русских восставшим эстонцам. Уже в самом начале восстания эстонцы обратились за помощью к Новгороду и Пскову. Между эстонцами и русскими были заключены договоры о союзе и помощи. В Тарту, Вильянди и других укрепленных пунктах русские разместили свои гарнизоны, с которыми эстонцы делились захваченной у рыцарей и купцов добычей. Укрепления были снабжены камнеметательными машинами. Население усердно обучалось стрельбе из самострелов. Был совершен ряд походов вместе с русскими вспомогательными войсками на занятые немцами ливские и латгальские земли.

Борьба с захватчиками в Прибалтике вступила в решающую фазу. Восстание эстонцев охватило всю страну. Датчанам с большим трудом удалось удержаться только в Таллине, под защитой крепостных стен. Однако в руках немецких захватчиков все еще находилась территория латгалов и ливов, а из Германии прибывали все новые и новые войска. Силы эстонцев в результате долголетних войн были в значительной мере ослаблены. Освободительную борьбу можно было довести до победного конца только в тесном содружестве с русскими. Но как раз в это время (в начале 1223 года) в Крым и половецкие степи вторглись татаро-монголы. Большинство русских князей было занято собиранием сил для отражения этого нашествия. Однако объединенные русско-половецкие войска потерпели весной 1223 года поражение на реке Калке. Это сразу же отразилось и на политическом положении в Прибалтике. Летом того же года немецкие захватчики перешли в наступление.

Старейшины Сакала явились тогда к владимиро-суздальскому великому князю Юрию Всеволодовичу с просьбой направить все силы против немецких и датских захватчиков. Князь, будучи заинтересован в охране политических и торговых интересов Руси в прибалтийских землях, послал в Эстонию своего брата Ярослава Всеволодовича во главе суздальских и новгородских войск, к которым примкнули и псковские войска.

Жители Уганди с великой радостью встретили прибытие русских войск. «И прислали ему (Ярославу) жители Дерпата (Тарту) большие дары, передали в руки короля (Ярослава) братьев-рыцарей и тевтонов, которых держали в плену, коней, баллисты и многое другое, прося помощи против латинян (т. е. католиков-немцев). И поставил король в замке своих людей, чтобы иметь господство в Унгавнии (Уганди) и во всей Эстонии» («Хроника Ливонии»). То же имело место и в Отепя. Ярослав со своими вой-

сками, к которым примкнули и люди из Уганди, направился отсюда дальше, в Сакала, которую немцы успели вновь покорить. Ярослав намеревался повернуть на юг против немцев, но по просьбе сааремаских представителей двинулся на Таллин, чтобы прежде всего освободить северную Эстонию от датчан. К русским войскам примкнули еще сааремасцы, харьюмасцы, вирумасцы и ярвамасцы. Однако Таллин был хорошо укреплен, расположение его давало большие преимущества для обороны, и гарнизон здесь был многочисленный. Осада затянулась, и русские войска были вынуждены уйти, чтобы поспеть домой до осенней распутицы.

Это был самый крупный поход русских войск в Эстонии, но результаты его уже не смогли изменить положения.

Князь Вячко в Эстонии. Героическая оборона Тарту. В то же самое время рыцари осадили Тарту, опустошая его окрестности, и вторглись в Ярвамаа. Осада Тарту окончилась неудачей. Чтобы усилить оборону Тарту и закрепить здесь свою власть, Новгород прислал князя Вячко с двумястами воинов. Этот храбрый русский князь уже давно прославился своей борьбой против епископа и Ордена в Кокнесе. «И приняли его жители замка (Тарту) с радостью, чтобы стать сильнее в борьбе против тевтонов, и отдали ему подати с окружающих областей» («Хроника Ливонии»). Кроме Уганди Вячко стремился распространить свою власть и на земли Вайга, Вирумаа, Ярвамаа, Сакала. Тарту стал теперь центром борьбы против немецких завоевателей. Из Тарту совершались походы на захваченные врагом земли. Сюда стекалось много воинов из других маакондов Эстонии, в которых восстание было уже подавлено. Неоднократные попытки немцев взять Тарту кончались провалом, их войска несли тяжелые потери. Будучи не в силах овладеть Тарту, они совершили опустошительные набеги на Харьюмаа, Ярвамаа, Вирумаа и другие мааконды.

Весной 1224 года епископ Альберт вернулся из своей очередной поездки для вербовки крестоносцев и привез с собой крупные силы. Он приступил к подготовке решающего наступления на Тарту, являвшегося и главным центром восстания эстонцев и опорным пунктом Новгорода в Эстонии. Чтобы предотвратить возможные распри, захватчики заранее, еще до начала похода, договорились о разделе Эстонии. Рижский епископ Альберт должен был получить Ляэнемаа, епископ Герман — Уганди, а Орден — Сакала. Кроме того епископы направили послов к Вячко, чтобы уговорить его не оказывать поддержки эстонцам. Вячко отверг это предложение, надеясь на обещанную ему помощь со стороны Новгорода и русских князей.

Тогда епископ Альберт собрал огромное войско из рыцарей Ордена, епископских людей, крестоносцев, купцов и других рижских жителей, а также из покоренных ливов и латышей. По Вирумаа были разосланы шайки отъявленных головорезов, которые награбили множество скота и продовольствия и доставили все это

под Тарту для снабжения осаждающих. Главные силы неприятеля под предводительством епископов Альберта и Германа 15 августа 1224 года подошли к Тарту.

Осаждающие немедленно приступили к сооружению осадных и камнеметательных машин разных размеров. За восемь дней они построили из больших бревен прочную осадную башню такой же высоты, как и стены укрепления. Затем эту башню переправили через ров и подкатили к подножию крепости. Чтобы пододвинуть башню к стене, пришлось срыть откос вала. Для этого

Скульптура О. Мянни.

Князь Вячко с эстонским старейшиной на обороне Тарту в 1224 году.

неприятель разделил свое войско на две части, которые работали поочередно днем и ночью. Во время этой работы от камней и стрел осажденных русских и эстонцев погибло много вражеских воинов. Осаждающие со своей стороны метали в замок камни, сосуды с горючей жидкостью и раскаленное железо. По ночам осаждающие оглашали воздух криками и шумом, чтобы не дать осажденным ни минуты покоя. Однако врагу не удалось сломить героическое сопротивление защитников Тарту. Немцы вторично подослали к князю Вячко своих посредников, обещая, в случае прекращения борьбы, предоставить ему вместе с его людьми, имуществом и лошадьми свободный выход из Тарту. Вячко и на сей раз ответил отказом, надеясь удержать крепость до прибытия подмоги из Новгорода.

Стремясь не допустить помощи извне, осаждающие решили теперь начать общий штурм всеми наличными силами. Первому, кто ворвется в крепость, была обещана большая награда. Несмотря на потери, неприятелю удалось пододвинуть осадную башню вплотную к крепостной стене. Тогда эстонцы разложили большой костер, проделали в стене против того места, где стояла башня, широкое отверстие и выкатили оттуда на башню горящие колеса, одновременно бросая сверху бревна. Но неприятелю удалось потушить огонь. Часть неприятельских войск в это время подожгла мост у крепостных ворот. Русские устремились на защиту ворот. Воспользовавшись этим, рыцари, подняв мечи и держа копья наперевес, пошли на штурм крепостной стены, обороняемой эстонцами, причем некоторые из рыцарей проникли в укрепление через отверстие в стене. Русские и эстонцы до последнего воина мужественно защищали крепость. В сражении принимали участие и эстонские женщины. Каждая пядь земли доставалась неприятелю ценой больших потерь.

Русские воины во главе с Вячко, засев в центральном внутрикрепостном укреплении, сражались дольше всех, пока не погибли смертью храбрых. Из защитников крепости захватчики оставили в живых только одного суздальца, чтобы тот донес своему князю весть о происшедшем. Новгородское войско, спешившее на помощь осажденным, уже в Пскове узнало о падении Тарту.

Укрепление власти захватчиков. Завоевание Сааремаа. Орден и епископ стали спешно упрочивать свою власть в залитой кровью Эстонии. Рижский епископ заставил ляэнемасцев уплатить двойную подать за прошедшие два года. Епископ Герман получил, кроме Уганди, еще и половину Вайга. Центром своего епископства он избрал Тарту. Целые кихельконды он раздавал в качестве ленов отдельным вассалам, которые обязаны были за это участвовать в борьбе против эстонцев и русских. Часть земель вместе с крестьянами тартуский епископ распределил между церквями. На эстонцев была наложена тяжкая подать — церковная десятина. Таким же образом поступал и Орден меченосцев в Сакала, Нурмекунде, Мыху и на севере Вайга. Рыцари заново укрепили замок Вильянди и в землях Сакала и Уганди с беспощадной жестокостью взыскивали с жителей все «убытки», причиненные Ордену во время восстания. Точно так же действовали в северной Эстонии датчане.

Для утверждения своего господства на землях покоренных эстонцев, ливов и латышей папа Римский, по инициативе епископа Альберта, прислал сюда в 1225 году своего полномочного представителя (легата), моденского епископа Вильгельма. Легат выступал как посредник между захватчиками в их спорах из-за дележа добычи. Когда между немцами и датчанами вспыхнули новые раздоры, легат воспользовался этим и создал из Вирумаа, Ярвамаа и Ляэнемаа феодальное владение, подвластное непосредственно папе. Разъезжая по стране, папский легат увещевал

жителей покоренных земель «жить дружно» со своими угнетателями и «предостерегал» от новых восстаний.

Перед отъездом из Ливонии легат подстрекал немцев к захвату Сааремаа. Как сообщает хроника, в начале 1227 года их войско численностью до 20 тысяч человек направилось верхом и на санях по льду к крепости на острове Муху. Перед лицом несметных вражеских полчищ жители Муху согласились принять христианство, но захватчики не удовлетворились этим. Рыцари жаждали крови и стремились завладеть имуществом эстонцев. В течение шести дней жители Муху с исключительной храбростью защищали свои укрепления. Атакующие неоднократно откатывались назад, неся большие потери. В конце концов неприятелю удалось ворваться в укрепления. Кровожадные победители убили 2500 человек — мужчин, женщин и детей, разграбили свезенное в крепость имущество, угнали скот, а постройки сожгли дотла.

Отсюда захватчики, неся смерть и опустошение всему, что попадалось на пути, двинулись к сильнейшему на Сааремаа замку Вальяла. Сааремасцы были вынуждены сложить оружие.

Летом того же года против угнетателей восстали ярвамасцы и вирумасцы. Назначенный легатом управляющий папскими владениями не смог собственными силами подавить восстание. Он обратился за помощью к немецким феодалам. Орден и епископы с большим войском вторглись в северную Эстонию и потопили восстание в крови. Воспользовавшись случаем, они заодно прогнали отсюда и датчан, завладев временно всей северной Эстонией. Большая часть ее вместе с Таллином перешла в руки Ордена.

В начале 30-х годов папа сделал попытку восстановить и еще более расширить свои владения в Эстонии, но это не увенчалось успехом. Орден меченосцев, которому было предъявлено требование вернуть захваченные им земли, учинил в 1233 году на Таллинском Вышгороде кровавую резню своих противников. В то же время произошло и выступление эстонцев против католического духовенства. Все это сорвало планы папы создать из Эстонии особое папское государство.

§ 5. БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА И НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ ЗАХВАТЧИКОВ В 1228—1242 ГОДАХ. ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

Битва при Сауле и ее последствия. Покорение Эстонии дало немецким феодалам возможность бросить свои силы против земгалов и куршей. В своей неутолимой алчности захватчики стремились направить свою агрессию дальше — на русские и литовские земли. Папа всячески поддерживал эти планы. Покоренные народы Прибалтики совместно с русскими и литовцами продолжали ожесточенную борьбу с немецкими захватчиками.

Русь в то время переживала период феодальной раздроблен-

ности. Это являлось серьезным препятствием для организации широкого контрнаступления в Ливонии. Так, псковские бояре и купцы, враждовавшие с новгородской княжеской властью, руководствуясь узкокорыстными торговыми целями, не раз предавали общерусские интересы, вступая в соглашение с рижскими правителями. По этой причине, например, не состоялся подготовленный князем Ярославом поход на Ригу в 1228 году.

Немецкие захватчики стремились использовать трения между новгородскими и псковскими боярами, с одной стороны, и владимиро-суздальским князем, с другой, для распространения своего господства и на русские земли. В 1233 году они напали на Изборск, но были отбиты.

Весной 1234 года князь Ярослав с суздальскими и новгородскими войсками совершил поход в Тартуское епископство. Русские войска овладели укрепленным монастырем в Кяркна, вблизи Тарту. Русские передовые отряды встретили сопротивление со стороны епископских войск из Тарту и Отепя. Когда подошли главные силы русских, завязалось ожесточенное сражение, в котором немецкие войска были разбиты и отброшены за реку Эмайыги. Под тяжестью отступающих немецких войск лед на реке проломился, многие немцы утонули, а остальные сломя голову бежали под защиту тартуских и отепяских крепостных стен. Немцы были вынуждены просить мира, и князь Ярослав, как указывается в Новгородской летописи, «взя с ними мир на вьсей правде своей». Победа под Тарту на несколько лет обезопасила русские границы от нападений захватчиков и поддержала освободительную борьбу прибалтийских народов.

Войска Ордена совершали опустошительные набеги и на Литву. Осенью 1236 года, при возвращении из очередного набега, войска Ордена 22 сентября были атакованы и наголову разбиты при Сауле объединенными силами литовцев и земгалов. Магистр Ордена был убит, весь командный состав войска полностью уничтожен.

Победа при Сауле имела важные последствия. Был разгромлен Орден меченосцев. После этого вспыхнуло мощное восстание куршей и сааремасцев. Только в 1241 году Ордену и сааре-ляэнескому епископу удалось вновь закабалить сааремасцев.

Огромные потери, понесенные немцами в боях с русскими, литовскими и земгальскими войсками, а также мощные восстания покоренных народов вынудили захватчиков искать новые пути для сохранения своего господства в Ливонии. При активном посредничестве папы, действовавшего через своего легата, моденского епископа Вильгельма, захватчики начали объединять свои силы. Это упрочило господство немецких и датских завоевателей в Восточной Прибалтике и шведских — в Финляндии, что являлось вместе с тем серьезной угрозой для русских земель.

Вместо разбитого Ордена меченосцев захватчики поспешили создать новую военную организацию. Для этой цели был исполь-

зован военно-духовный Тевтонский, или Немецкий орден, который по наущению польского (мазовецкого) князя еще в 1230 году приступил к покорению пруссов. В 1237 году по инициативе папы остатки Ордена меченосцев слились с Тевтонским орденом. В Ливонии было создано нечто вроде филиала Тевтонского ордена — Ливонский орден во главе со своим магистром.

В следующем, 1238 году в Стенби (Дания) между Ливонским орденом и датским королем был заключен договор, по которому Орден под угрозой датчан и давлением папы был вынужден вернуть Дании Таллин вместе с Рявала, Харьюмаа и Вирумаа. Договор предусматривал союз между Данией и Орденом для захвата новых земель, из которых две трети получала Дания, а одну треть — Орден. Стенбийский договор преследовал цели вовлечения Дании в антирусский блок.

Ледовое побоище и его значение. Таким образом, под руководством папы готовился новый крестовый поход на Русь. К участию в крестовом походе была привлечена и Швеция, которая успела к этому времени покорить финские племена и жаждала захватить новгородские земли и Карелию. Западные агрессоры считали, что наступил удобный момент для завоевания русских земель, так как в 1237 году хан Батый с многочисленными татаро-монгольскими ордами вторгся на Русь. В марте 1238 года монголы находились всего в 200 километрах от Новгорода, а в 1240 году захватили Киев.

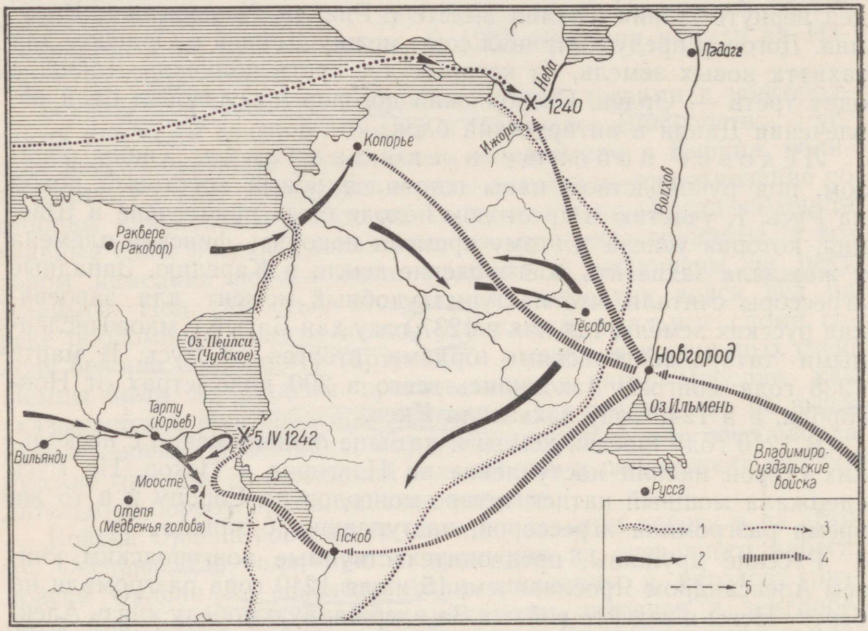
В 1240 году шведы, немцы и датчане одновременно с нескольких сторон начали наступление на Новгород и Псков. Но Русь сдержала мощный натиск татаро-монголов на Европу и в то же время разгромила агрессоров, наступавших с запада.

Русские дружины, предводительствуемые новгородским князем Александром Ярославичем, 15 июля 1240 года разгромили на берегу Невы шведское войско. За одержанную победу князь Александр Ярославич был прозван «Невским».

В том же году войска Ордена, Дании и тартуского епископа захватили Изборск и стали опустошать псковские земли. Ордену даже удалось временно занять Псков. Орден захватил также Водьскую землю, разделив там власть с сааре-ляэнеским епископом. Захватчики стали поспешно сооружать укрепленный пункт в Копорье. Немецким феодалам удалось привлечь к набегам на русские земли и эстонских старейшин, соблазнив их военной добычей. Успешное контрнаступление русских войск летом 1241 года положило конец этим опустошительным набегам. Неприятель был отброшен за реку Нарву. В начале 1242 года с помощью суздальского войска был освобожден и Псков.

После освобождения Пскова, в начале апреля 1242 года, русские войска под предводительством Александра Невского вступили во владения тартуского епископа, намереваясь двинуться к Тарту и нанести врагу сокрушительный удар. К тому времени тартуским епископом и Орденом были сосредоточены здесь круп-

ные силы, в состав которых входил и датский вспомогательный отряд из северной Эстонии. Войско это готовилось к новому грабительскому походу на русские земли. В 35 километрах к юго-востоку от Тарту, в Моосте, передовые отряды русских, ведомые Домашем Твердиславичем, столкнулись с силами неприятеля. Александр Невский быстро изменил свой военный план, с тем чтобы дать решающее сражение в избранном им месте. За ночь он отвел свои войска к Чудскому озеру, еще покрытому льдом.



Борьба русских войск под водительством Александра Невского против захватчиков в 1240—1242 годах.

1 — территория, захваченная орденом в 1240—1241 гг.; 2 — Орден; 3 — шведы; 4 — русские; 5 — направление удара русского авангардного отряда.

Александр расположил объединенные новгородские, псковские и суздальские войска у восточного берега Чудского озера, возле Подборовья, против устья реки Желча, у Вороньего камня. Здесь проходила дорога на Новгород. Выбранная Александром позиция не давала врагу возможности определить численность, состав и расположение русских войск. Это место было выгодно русским войскам и невыгодно неприятелю, двигавшемуся по открытому льду.

Рано утром 5 апреля 1242 года началось историческое сражение, известное под названием Ледового побоища.

Немецко-датское войско, возглавляемое рыцарями Ордена, попыталось, наступая клином — так называемой «свиньей», — раз-

бить русские дружины. Александр Невский, хорошо изучивший эту тактику неприятеля, противопоставил ей свой боевой порядок: размещенные на флангах сильные русские отряды сжали неприятеля с двух сторон. Насильно согнанные в немецкое войско эстонцы сразу обратились в бегство. Разбитым наголову рыцарям тоже пришлось отступать. В этом сражении пало много ливон-

Ледовое побоище (миниатюра).

ских рыцарей, 50 рыцарей было взято в плен. Орден поспешно запросил у Новгорода мира. Послы Ордена были вынуждены отказаться от всех захваченных в 1240 году земель и даже от ранее захваченной Латгалии. Последнего обязательства Орден, однако, не выполнил.

Храбрость и патриотизм русских войск и полководческое искусство Александра принесли Руси блестящую победу, приостановившую наступление немецких захватчиков. Сохранение независимости новгородско-псковского феодального государства имело существенное значение и для судеб эстонского народа. Русь в последующие века продолжала оказывать эстонскому народу поддержку в его борьбе с немецкими поработителями.

Ледовое побоище сыграло важную роль и в борьбе литовского народа за свою независимость. Против Ордена выступил с большим войском литовский великий князь Миндовг. Восстали курши и пруссы. Вновь начались волнения на Сааремаа. Победа русских войск оказала, таким образом, большое влияние на усиление освободительной войны прибалтийских народов против немецких феодалов.

Причины поражения эстонцев, латышей и ливов. Захват немецкими феодалами территории Прибалтики был для эстонского и латышского народов величайшим историческим несчастьем. Народы эти на столетия подпали под жестокий феодальный, национальный и церковный гнет немецких завоевателей, надолго задержавший их развитие. Борьба покоренных и порабощенных народов против угнетателей не прекращалась ни на один день, но характер этой борьбы изменился. Неоднократно вспыхивали восстания, носившие одновременно как освободительный, так и антифеодальный характер.

Территория эстонцев и латышей, ставшая наиболее выдвинутым вперед аванпостом немецких феодалов против Руси, на протяжении веков служила ареной кровопролитных и опустошительных войн.

Что же явилось причиной поражения ливов, эстонцев и латышей, несмотря на их героическую борьбу с захватчиками?

Агрессоры имели большое военное превосходство. В их распоряжении находились людские силы феодальной Германии, Дании и Швеции — дворяне, купцы, разного рода авантюристы, рыскавшие повсюду в погоне за добычей, землями и зависимыми крестьянами. Папа и другие заправилы католической церкви организовывали и поощряли эти разбойничьи силы, направляя их непрерывным потоком против народов Прибалтики и Руси. Захватчики располагали первоклассным для того времени вооружением и организацией профессиональных воинов.

Организованным и хорошо вооруженным полчищам врага народы, ставшие жертвой агрессии, не могли противопоставить достаточное количество сплоченных сил. Ливы, эстонцы и латыши, в основном, действовали врозь, зачастую даже друг против друга. «Если бы эти племена были единодушны, то христианско-германская скотская культура была бы вышвырнута вон»[1], — говорит К. Маркс. Отсутствие единодушия между ливами, эстонцами и латышами дало возможность Альберту и Ордену завоевать эти народы один за другим, используя уже покоренные народы против непокоренных.

В самом эстонском народе не было еще необходимого единства. Не существовало и целостного государственного образования, которое охватывало бы все эстонские мааконды. Однако следует сказать, что в ходе освободительной борьбы военно-политиче-

[1] Архив Маркса и Энгельса, т. V, стр. 341.

ское сотрудничество эстонских земель все более крепло и восстание 1223 года носило уже общеэстонский характер. Местная феодальная верхушка в своем большинстве стояла во главе борьбы с иноземными захватчиками, однако среди эстонской знати имелись и определенные предательские элементы, вступавшие с ними в сговор.

Русский народ был лишен тогда возможности сосредоточить достаточно сил для защиты восточного побережья Балтийского моря. Русь переживала период феодальной раздробленности и к тому же должна была выдерживать натиск татаро-монголов.

Несмотря на все трудности и препятствия, в процессе освободительной борьбы 1216—1224 годов сложилось эстонско-русское военно-политическое сотрудничество.

Совместная борьба русского и прибалтийских народов против немецкой, датской и шведской феодально-католической агрессии является очень важным этапом в упрочении связей между ними.

Глава IV

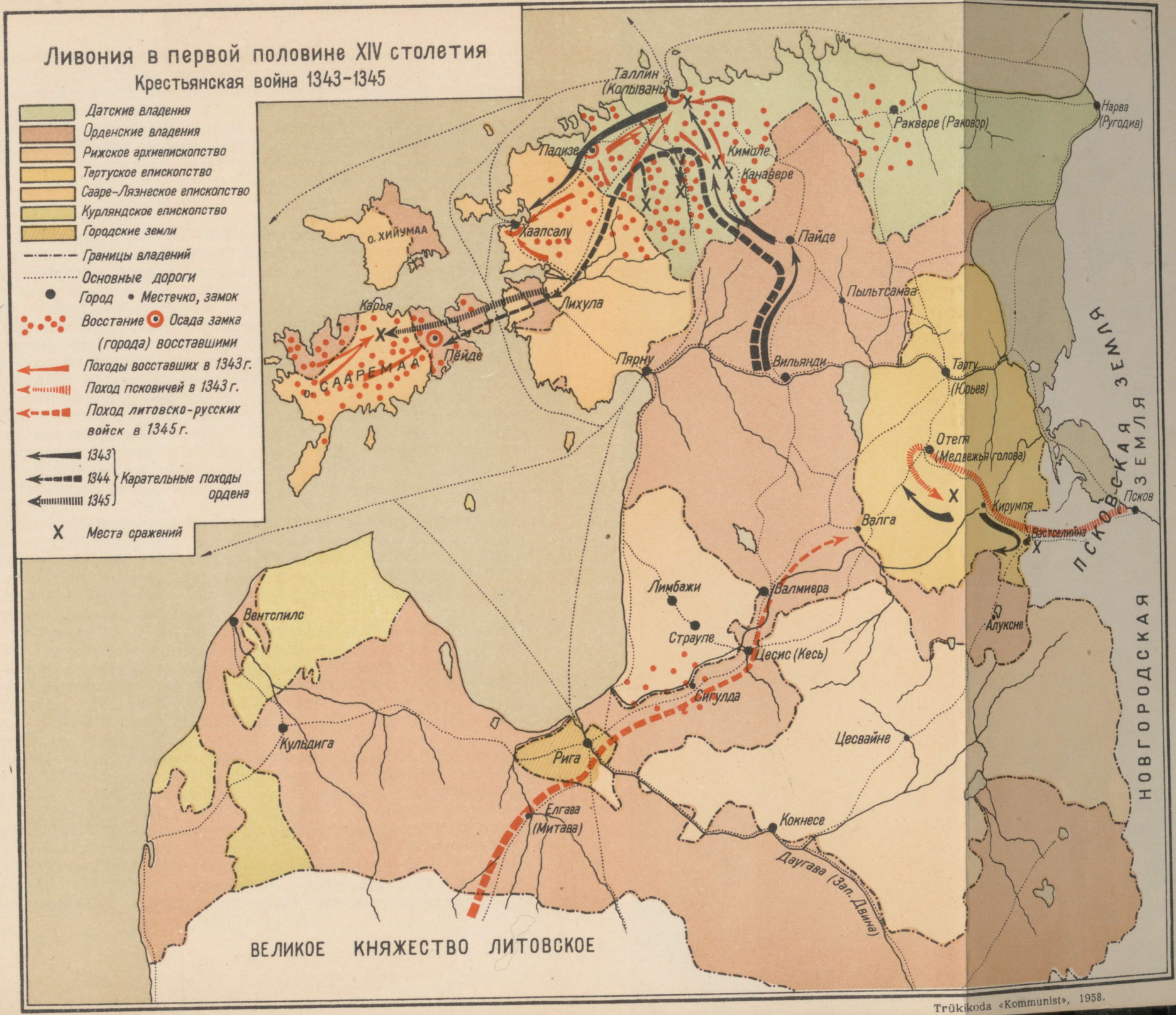
ЭСТОНИЯ В ПЕРИОД ФЕОДАЛЬНОЙ РАЗДРОБЛЕННОСТИ (XIII—XV века)

§ 1. ЭСТОНСКИЙ НАРОД ПОД ИГОМ НЕМЕЦКИХ ФЕОДАЛОВ

Заселение территории. Длительная агрессивная война немецких и датских феодалов против эстонского народа сопровождалась сильным опустошением страны и массовым истреблением людей. Сменилось несколько поколений, прежде чем эстонскому народу удалось восстановить понесенные потери. В дальнейшем, несмотря на новые войны, эпидемии и голодные годы, численность населения понемногу возрастала.

Постепенно заселялись малоплодородные, труднообрабатываемые земли и лесистые территории, которые до XIII века были безлюдны или почти безлюдны. В XIV—XV веках появились поселения в лесистой местности к юго-востоку от Пярну, в окрестностях Харгла и Карула, а также в районах дремучих лесов между Ярвамаа и Харьюмаа. Увеличилось население в бассейне реки Пярну и восточной части Ляэнемаа, особенно в районе Тори, Вяндра и Вигала, в юго-восточной части Вирумаа, вокруг озера Пейпси и на северном побережье озера Выртсъярв. За эти столетия был заселен и остров Хийумаа, который в одном из письменных источников конца XIII века еще называется «пустынным», а также некоторые мелкие острова (Вормси, Рухну, Пакри и др.) и морское побережье северо-западной Эстонии.

Раньше эти незаселенные места являлись землями определенных сельских общин, которые использовали их для подсечного земледелия, охоты и т. д. Установление господства немецких феодалов внесло изменения в порядок пользования окраинными общинными землями, особенно на морском побережье. Частично внутренняя колонизация происходила таким путем: отдельные семьи из сельских общин переселялись для постоянного жительства на земли, находившиеся раньше в пользовании всей общины. Так, по-видимому, был заселен остров Хийумаа — преимущественно со стороны Сааремаа и Муху. В большой степени внутренняя колонизация шла за счет крестьян из других районов. На-



Trükikoda «Kommunist», 1958.

селение района Пярну, например, сложилось из пришельцев как с востока, так и с севера. Этим и объясняется наличие смешанных элементов в языке, материальной культуре и народном творчестве местного населения.

На южных границах страны во внутренней колонизации участвовали и латыши, в восточных районах — русские, а в северо-восточных — водь. В заселении островов и морского побережья северо-западной Эстонии значительную роль сыграли шведы. Начиная со второй половины XIII века, особенно же после крестьянской войны 1343—1345 гг., немецкие феодалы, епископы и монастыри всячески поощряли переселение сюда шведских крестьян и рыбаков, главным образом, из юго-западной Финляндии, а также с острова Готланд. Этим путем они пытались также ограничить мореходство эстонцев и их береговой грабеж. Переселение в Эстонию шведских крестьян продолжалось вплоть до XVII века. Так возникли шведские колонии на островах Эстонии и вдоль морского побережья от Хаапсалуского до Колгаского залива. Особенно компактное шведское население образовалось на острове Рухну, находившемся в то время во владении курземского епископа, на Вормси, Пакри и Найссааре и некоторых других островках, а также в северо-западной части Хийумаа и вдоль морского побережья в районе Ноароотси и Ригульди. Шведские колонии существовали в этих местах вплоть до второй мировой войны. Там, где шведы были малочисленны и жили некомпактными группами, они со временем ассимилировались (например, на Сааремаа).

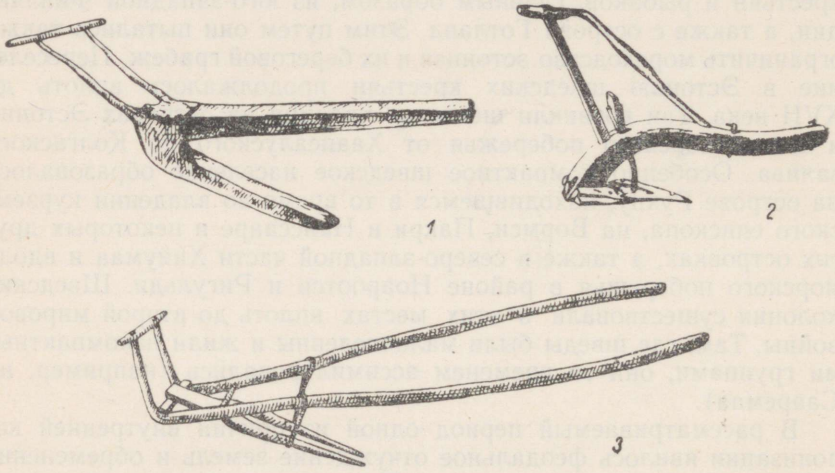
В рассматриваемый период одной из причин внутренней колонизации явилось феодальное отчуждение земель и обременение крестьян новыми повинностями. Крестьяне, согнанные феодалами со своих земель, или крестьяне, которые пытались уйти от усиливавшихся феодальных повинностей, переселялись в возможно более отдаленные места.

Состояние производительных сил в сельском хозяйстве. В эпоху феодализма главную роль в экономике страны играло земледелие. Существование всего феодального общества основывалось на труде зависимых крестьян. Производство было направлено преимущественно на личное потребление, господствовало характерное для феодализма натуральное хозяйство.

В земледелии в рассматриваемый период все большее распространение получала трехпольная система, но местами, на более скудных почвах, сохранялось также двуполье. Каждое крестьянское хозяйство имело на том или ином поле несколько участков земли. Всем крестьянским хозяйствам приходилось обрабатывать их, засевать и убирать в одно и то же время. Удобрением для полей служил навоз, который обычно вносился под посевы озимых. Наряду с обработкой старопахотных полей довольно важное место занимало и подсечное земледелие, при помощи которого осу-

ществлялось также освоение новины. Чтобы расширить площадь обрабатываемой земли, крестьянам приходилось затрачивать очень много труда.

Основным орудием обработки земли служила соха. Наряду с примитивной сохой с деревянным зубом в западной Эстонии с ее мелким почвенным слоем было распространено рало, а в центральной и восточной Эстонии, где были более глубокие почвы, пользовались двузубой сохой, в то время уже, как правило, снабженной железными сошниками. По-прежнему употреблялась борона-суковатка. Рабочим скотом служили волы и лошади. Хлеб



Типы рала и сохи в Эстонии.

1 — примитивное рало, запрягаемое парой волов; 2 — рало островного типа, запрягаемое лошадью; 3 — соха с «журавцами», запрягаемая лошадью.

жали серпом, коса применялась для кошения сена. Важнейшей культурой наряду с ячменем стала озимая рожь. Значение же пшеницы, видимо, несколько уменьшилось, и ее выращивали преимущественно в юго-восточной Эстонии. Кроме того, по-прежнему выращивали овес, горох, бобы и чечевицу. В качестве новой культуры в южной Эстонии распространилась гречиха, которая, судя по ее эстонскому названию — tatar (ср. украинское «татарка»), была завезена с востока. Главнейшей овощной культурой была репа, которую сажали преимущественно на подсеках. В некоторых местах в Ляэнемаа и южной части Сакалаской возвышенности уже в XV—XVI веках население занималось выращиванием льна и на продажу. Хлеб сушили в ригах и молотили кичигами. В рассматриваемый период были известны уже водяные мельницы, а в западной и северо-западной Эстонии вошли в употребление и ветряки древнего типа — небольшие шатровые мельницы. Тем не менее в каждом крестьянском хозяйстве имелись ручные

жернова для помола зерна и ступа для изготовления крупы. Для перевозок служили деревянная телега и дровни.

В неразрывной связи с земледелием находилось и животноводство. Разводили крупный рогатый скот, овец, свиней и лошадей. В западной Эстонии животноводство имело несколько большее значение, чем в восточной. На морском побережье и в районах крупных внутренних водоемов было распространено рыболовство, на море велась также охота на тюленей. В юго-восточной Эстонии некоторое хозяйственное значение имело пчеловодство.

Подсобную роль играл домашний промысел. Крестьяне занимались не только сельскохозяйственным трудом, но и домашним ремеслом. Крестьяне сами изготовляли хозяйственные принадлежности, шили себе одежду, строили жилища и т. д., что было типично для натурального хозяйства.

В общем же сельскохозяйственная техника носила свойственный феодализму рутинный характер. Крестьянин, угнетаемый и эксплуатируемый феодалом, был единственным носителем производственного опыта в сельском хозяйстве. Он же совершенствовал орудия труда и приемы обработки земли. В земледелии, животноводстве, охоте, рыболовстве и бортничестве применялись, в основном, те же орудия и приемы труда, какими эстонцы пользовались еще до нашествия немецких феодалов. На это указывают и многочисленные заимствованные захватчиками из эстонского языка названия сельскохозяйственных орудий и предметов крестьянского быта, как, например, kapamaa, arvemaa (мера земельной площади), peenar (грядка), külimit (мера зерна — треть пуры), kuhi (стог), saad (копна), vikat (коса), rehi (рига), peerg (лучина), regi (дровни, сани), rangid (хомут), kali (квас), karjus (пастух), vaimud (рабочие люди).

Агрессия начала XIII века нанесла сельскому хозяйству Эстонии огромный урон, а в дальнейшем бесконечные войны и насилия, учиняемые феодалами, постоянно подрывали и разрушали производительные силы, тормозя их развитие. Часты были неурожаи, голод и эпидемии. Хроника повествует, например, о том, что в 1315 году из-за страшного недорода голодающие ели трупы и детей.

Лишь благодаря неустанному труду эстонского народа с течением времени стали возможными восстановление и постепенный рост производительных сил.

Развитие феодальных отношений. Начиная с XIII века развитие феодальных отношений в Эстонии протекало в условиях господства немецких захватчиков. Последние продолжали увеличивать свои земельные владения и усиливать эксплуатацию эстонских крестьян. Все выступления эксплуатируемых масс жестоко подавлялись.

Первые столетия после завоевания Эстонии немецкими захватчиками характеризуются слабыми экономическими связями меж-

ду отдельными районами страны и отсутствием единой центральной власти. Поэтому период с XIII по XV век знаменуется феодальной раздробленностью, которая являлась закономерным историческим этапом в развитии феодального способа производства.

Территория Эстонии была в то время разделена между несколькими независимыми феодальными властителями — крупными сеньорами, или ландесгеррами. В юго-восточной Эстонии утвердился тартуский епископ, в большей части западной Эстонии — сааре-ляэнеский епископ, центральная и юго-западная Эстония входила во владения Ордена, а Харьюмаа и Вирумаа, которые были объединены теперь в Эстляндское герцогство, принадлежали датскому королю. Последний управлял ими через своего наместника, или гауптмана. (В 1346 году Харьюмаа и Вирумаа перешли целиком к Ордену.) На юге обширные владения Ордена вклинивались далеко в глубь территории Латвии, разделяя владения рижского архиепископа[1] на две части и простираясь к югу от реки Даугавы до границы с Литвой (см. карту). Помимо сплошных территорий, у Ордена были еще мелкие владения на епископских землях, а у епископов, в свою очередь, так называемые внешние владения на территории Ордена. Орден и епископ поделили между собой даже город Пярну (Старый Пярну принадлежал епископу, а Новый Пярну — Ордену), а также поселок Лихула (расположенный там замок находился в их общем пользовании).

С возникновением новых феодальных владений прежнее территориальное деление кое-где подверглось изменению. Перестали существовать в прежнем виде мааконды Уганди, Вайга, Сакала, а также мелкие мааконды центральной Эстонии. Рявала была объединена с Харьюмаа. Прежние кихельконды в общем сохранились, но были превращены в церковные приходы; некоторые более крупные из них были разделены со временем пополам. В каждом кихельконде была выстроена церковь. Территория Ордена делилась на фогства и комтурии. С развитием поместного хозяйства на орденских и епископских землях были образованы еще амты (поместные округи). Центром амта служило одно из крупных поместий.

С установлением господства Ордена, епископов и датского короля сложились государственные образования на территории Эстонии и Латвии, главная функция которых заключалась в том, чтобы держать в повиновении эксплуатируемых крестьян. Мелкие феодальные государства в средневековой Ливонии носили захватнический и хищнически колониальный характер. Государственные учреждения были созданы по германскому образцу, было введено приспособленное к местным условиям германское феодальное

[1] Рижское епископство в 1251 году было преобразовано в архиепископство.

право, весь государственный аппарат находился в руках пришлой немецкой верхушки. Существовавший в маакондах и кихелькондах Эстонии институт старейшин был вскоре после завоевания страны ликвидирован.

Орден, епископы и датский король имели каждый свое войско, вступали самостоятельно во внешнеполитические сношения с другими странами, чеканили свою собственную монету и т. д. Формально считалось, что эти земли получены епископами и Орденом в лен от германского императора, в действительности же власть последнего была лишь номинальной. Большой властью в раздробленной Ливонии, как и в других католических странах, пользовался папа Римский, который стоял над епископами, Орденом и то и дело вмешивался в местные внутренние дела. Крупные денежные средства в виде всевозможных податей и взяток непрерывным потоком поступали к Римскому папе.

Ландесгерры — епископы, магистр Ордена и датский король, — в свою очередь, отдавали часть земель в лен своим светским вассалам, которые непосредственно эксплуатировали живущих на этих землях крестьян. Вассалы составляли основное ядро епископских и датских войск и представляли собой наиболее многочисленный слой класса феодалов. С развитием поместного хозяйства эти вассалы превращались в помещиков. Между крупными феодалами происходили частые распри из-за дележа земель, возделываемых трудом эстонских крестьян. С конца XIII века особенно участились междоусобные столкновения между Орденом и епископами. Столкновения происходили иногда и между вассалами.

В результате завоевания эксплуататорский класс феодалов образовался преимущественно из немецких рыцарей и других крестоносцев, эстонское же крестьянство было превращено в эксплуатируемый класс. Местная феодализировавшаяся верхушка была или уничтожена в ходе завоеваний и подавления восстаний в первой половине XIII века, или же разорилась и постепенно слилась с общей массой крестьянства. Сохранившаяся часть местных феодалов онемечилась. Господствующий класс оказался, таким образом, отделенным от народных масс и по языку; всех эксплуатируемых угнетатели называли презрительно «не немцами». Эстонцы, латыши и ливы находились под двойным гнетом — феодальным и колониальным, который на протяжении всей эпохи феодализма задерживал экономическое и культурное развитие этих народов. Классовые противоречия в Ливонии переплетались с противоречиями национальными.

Феодальная собственность на землю дала захватчикам возможность надеть на коренное население ярмо жестокой эксплуатации. Наряду с феодальной собственностью существовала единоличная собственность крестьянина и ремесленника на орудия производства и на свое частное хозяйство, основанная на личном труде. Непосредственная власть над личностью крестьянина да-

вала феодалу возможность «заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство» [1]. Феодал являлся носителем политической, военной и судебной власти в своих владениях.

Феодал заставлял крестьян работать на себя и отдавать ему часть урожая и доходов. С покоренного населения феодалы стали сразу же требовать так называемую десятину, вначале с урожая, а затем и с прироста скота, а также различные другие подати и трудовые повинности (выполнение строительных работ, предоставление подвод). Вначале завоеватели осмеливались селиться только в укрепленных городах и замках, не создавая самостоятельного хозяйства в своих владениях. Уполномоченные Ордена и епископов и вассалы с вооруженными отрядами время от времени выезжали из городов и замков в деревню собирать подати и творить суд и расправу. Сбор податей производился по вакам. Обычно в ваку входило несколько деревень. Вначале подати собирались один раз в год, но вскоре их стали взимать по нескольку раз ежегодно. В определенные сроки крестьяне обязаны были доставлять продукты своего труда, а также устраивать для сборщика податей и сопровождавших его лиц так называемое ваковое пиршество. Господствующей формой феодальной эксплуатации в рассматриваемый период был натуральный оброк, или продуктовая рента.

Наряду с эксплуатацией зависимых от феодалов крестьян, игравших основную роль в экономической жизни страны, до середины XV века сохранилось также использование труда холопов, или дреллов. В XIII веке холопов в Эстонии (это были, главным образом, военнопленные и заложники, которых захватчики превращали в рабов, а позднее долговые слуги) временами насчитывалось, по-видимому, даже больше, чем когда-либо раньше. В дальнейшем хозяйственное значение малопроизводительного холопского труда начало быстро падать.

Немецкие захватчики использовали также уже сложившиеся в Эстонии феодальные отношения. Поэтому из эстонского языка в язык ливонских немцев вошли такие слова, как mõis (мыза, поместье), vakus (вака), kubjas (надсмотрщик), hirsnik (судебный заседатель из крестьян), kord (наряд, черед). Сохранилось прежнее сельское общинное устройство, а также оценка и обложение земель на основе гаков. Новые феодальные повинности, налагаемые немецкими захватчиками на крестьянство, были более тяжкими, чем прежние. Феодалы стали захватывать и крестьянские земли. Эксплуатация и национально-религиозное угнетение эстонского крестьянства со стороны иноземных феодальных завоевателей проявлялись в крайне жестокой и грубой форме. Поэтому

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 159.

классовая борьба в Эстонии носила исключительно острый характер, являясь также освободительной борьбой угнетенного народа.

В течение второй четверти XIII века захватчикам удалось постепенно упрочить свою власть в Эстонии. В результате кровопролитной борьбы население было покорено, восстания безжалостно подавлены. Были выстроены замки и укрепленные церкви. Так все больше крепла власть феодалов на местах. Постепенно вассалы начали селиться непосредственно в ленных владениях, что уменьшало их зависимость от сеньора. Используя принудительный труд крестьян, феодалы стали возводить все больше построек и создавать самостоятельные хозяйства — мызы, имения. То же самое делали Орден, епископы и монастыри в своих владениях — доменах. Для создания имений феодалы насилием, угрозами, откупом или каким-либо другим путем сгоняли крестьян с лучших земель, уничтожая порой целые деревни и захватывая в свои руки общинные пастбища, покосы и леса. К восьмидесятым годам XIII века в Харьюмаа и Вирумаа, где создание имений приняло наиболее широкий размах, было захвачено, по ориентировочным подсчетам, свыше 10 процентов исконной крестьянской запашки. Отдельные поместья были в то время созданы и в Ляэнемаа, так как уже в 1284 году епископ обязал с каждого гака — «сохи» (нормальная величина крестьянского хозяйства) отрабатывать на господских полях три барщинных дня, из них один день пахать на своих волах и два дня косить.

Крестьяне вели упорную, непрекращающуюся борьбу за сохранение своих земель. В борьбе против помещиков они выступали сообща, общинами, оказывая коллективное сопротивление все усиливающемуся наступлению феодалов.

Процесс создания и расширения имений (который был очень длительным и неравномерным) вызывал значительные изменения в положении крестьян и во всей общественной жизни. Феодал заставлял крестьян работать в поместье со своим собственным тяглом и инвентарем, на своих, крестьянских харчах. Чем больше создавалось имений и чем больше расширялась площадь мызных полей, тем тяжелее становилась барщина. Наряду с этим феодал усиливал эксплуатацию крестьян путем введения новых повинностей и постоянного увеличения прежних. Если крестьянин из-за неурожая или по какой-либо другой причине был не в состоянии уплатить оброк, последний заносился в его долги, служившие средством дальнейшего усиления личной зависимости крестьянина от феодала.

Существенную роль в укреплении экономической власти феодалов играло внеэкономическое принуждение, которое является неотъемлемым признаком феодализма. Крестьянин, отказавшийся от выполнения какой-либо феодальной повинности, подвергался суровой каре, так как судебная власть находилась в руках феодалов. У крестьян отнимали лучший скот, подвергали их телес-

ному наказанию, а иногда даже вовсе сгоняли с земли. Непокорных феодалы бросали гнить заживо в подвалы замков и башен.

Идеологией, призванной оправдать эту систему феодальной эксплуатации, служило христианство. Насильственным насаждением христианства феодалы пытались привить крестьянам рабскую покорность, заставить их верить, что личная зависимость крестьян от феодала является установленным богом извечным порядком. В вознаграждение за покорность, рабский труд на феодала и нищенскую жизнь на земле церковь обещала «райское блаженство» после смерти, а за недовольство и неповиновение грозила всевозможными «муками ада». Феодальная церковь, проповедовавшая скудость и воздержание, сама алчно захватывала все новые и новые земли и владения, безжалостно эксплуатируя народные массы и стараясь держать их в духовной слепоте.

Города. С развитием феодализма в XIII—XIV веках стало все отчетливее обозначаться общественное разделение труда, отделение торговцев от ремесленников и крестьян, обособление города от деревни.

Завоеватели уничтожили поселения городского типа, которые образовались у древних эстонских укреплений или замков. Вскоре, однако, они стали снова восстанавливаться в Таллине, Тарту, Вильянди, Раквере, Отепя, Лихула и других местах. Датский король, Орден и епископы построили в этих местах мощные каменные замки, превратив их в центры своего господства над подчиненными территориями и населением. У новых замков постепенно вырастали поселения ремесленников и торговцев, новые поселки и города.

К середине XIV века образовался ряд крупных центров городского типа: Таллин, Тарту, Вильянди, Пярну, Раквере, Хаапсалу, Пайде и Нарва. Из них Таллин служил резиденцией наместника датского короля, а Тарту и Хаапсалу резиденциями соответствующих епископов. Из местечек наиболее значительными были Отепя, Лихула, Валга и др.

В целях закрепления своих завоеваний в Эстонии Орден и епископы всячески поощряли переселение немецких ремесленников и торговцев в эстонские города. Однако преобладающую часть городского населения составляли все же эстонцы — мелкие торговцы, ремесленники различных профессий и чернорабочие. Именно их трудом создавались и строились города. Феодалы-завоеватели помогали переселившимся сюда немецким торговцам устанавливать свою власть в городах, а немецким ремесленникам — занимать руководящие позиции в наиболее выгодных отраслях ремесленного производства. Каждому городу ландесгерр, или крупный сеньор, предоставлял обширные привилегии, так называемое городское право, совершенно отличное от права, действовавшего вне города. Городское право утверждало власть пришлой немецкой верхушки и обеспечивало ей руководящее положение в торговле и ремесле. Фактическое управление городом и судебная

власть в нем находились в руках городского совета — магистрата, состоявшего из небольшой кучки немецких купцов и домовладельцев. Состав магистрата не избирался, он сам пополнял себя.

Магистрат крупнейшего в Эстонии города, Таллина, в XIV веке состоял из 24 ратманов и 4 бюргермейстеров, которые выполняли свои обязанности поочередно: одна половина в текущем году, вторая — в следующем. Главной задачей магистрата являлось обеспечение колониальной эксплуататорской власти немецких торговцев в городах. Феодалы поддерживали правящую клику магистрата в ее борьбе против угнетенных слоев населения. В городе, как и в деревне, классовые противоречия обострялись национальными противоречиями. Так, например, согласно таллинской привилегии, за нанесение ранения эстонцу налагался меньший денежный штраф, чем за нанесение ранения немцу. Право наследования по отношению к эстонцам было также ограничено. Подавляющая часть городского населения была совершенно бесправна и жила в крайней нищете, ее не считали даже достойной носить звание бюргеров (горожан).

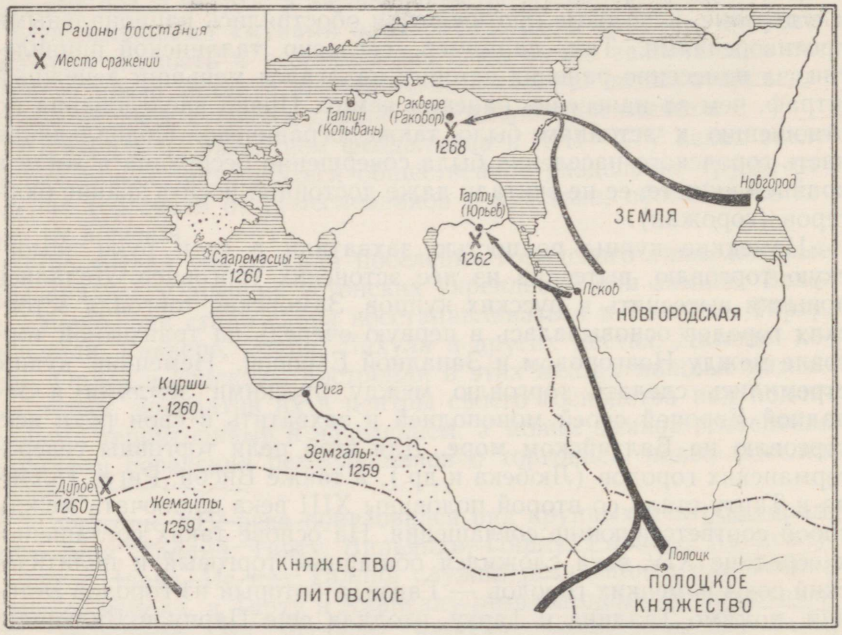
Немецкие купцы полностью захватили в свои руки заморскую торговлю, вытеснив из нее эстонских торговцев. Делались попытки вытеснить и русских купцов. Заморская торговля эстонских городов основывалась в первую очередь на транзитной торговле между Новгородом и Западной Европой. Немецкие купцы стремились сделать торговлю между русскими землями и Западной Европой своей монополией и захватить в свои руки всю торговлю на Балтийском море. Для этой цели торговцы северогерманских городов (Любека и др.), а также Висби, Риги, Таллина и Тарту стали со второй половины XIII века заключать между собой соответствующие соглашения. На основе таких соглашений к середине XIV века сложился обширный торговый и политический союз немецких городов — Ганза, в который из городов Эстонии, помимо Таллина и Тарту, входили еще Пярну и Вильянди. Во второй четверти XIV века Таллин стал центром торговли с Новгородом и Финляндией.

Развитие городов, ремесла и торговли тормозилось натуральным хозяйством, а также постоянными войнами и феодальными междоусобицами.

§ 2. БОРЬБА РУССКОГО НАРОДА И НАРОДОВ ПРИБАЛТИКИ ПРОТИВ НЕМЕЦКИХ И ДАТСКИХ ФЕОДАЛОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII ВЕКА

В середине XIII века Орден обращает острие своей агрессии на юг с целью покорения земгалов, куршей, литовцев и пруссов. Ему удалось сломить героическое сопротивление земгалов, куршей и пруссов. В Литве же, где к середине XIII века сложилось довольно сильное феодальное государство, нападение врага было отражено. С этих пор Литовское государство стало важным фак-

тором в международной жизни Восточной Европы. Приостановлению западной агрессии своей борьбой способствовали и русские, хотя они сами находились тогда под татаро-монгольским игом. Так, в 1256 году новгородцы вынудили отойти датские и шведские войска, приступившие было к сооружению крепости в Нарве. Постоянные волнения среди эстонских и латышских крестьян, неоднократно перераставшие в крупные восстания, также являлись серьезным препятствием для немецких феодалов на пути осуществления их захватнических планов.



Борьба русского и прибалтийских народов с немецко-датскими захватчиками в 60-х годах XIII века.

Особенно критическим стало положение захватчиков в 60-х годах XIII века.

13 июля 1260 года литовцы в битве при Дурбе наголову разбили орденские войска. Эстонцы и курши, насильно согнанные в орденское войско, уже в самом начале сражения перешли на сторону литовцев, что и решило исход сражения. Только немногим из рыцарей удалось спастись бегством и, блуждая по лесам, добраться до Риги или до границ Пруссии. Одни за другими поднимались на борьбу земгалы, пруссы и курши. Вновь сбросили с себя иго христианства и сааремасцы.

Приступив к подавлению восстаний, Орден прежде всего направил свой удар против сааремасцев. В феврале 1261 года, ког-

да проливы покрылись льдом, войска Ордена вместе с датскими и епископскими войсками вторглись на Сааремаа, грабя, убивая и сжигая все на своем пути. Как повествует т. н. Старшая рифмованная хроника Ливонии, тучи дыма от пылающих деревень застилали весь остров. Сааремасцы оборонялись с исключительной отвагой и подле укрепления Каарма обратили неприятельское войско в бегство. На стороне противника был, однако, большой перевес в силах, и восстание было в конце концов подавлено.

Литовский князь Миндовг заключил союз с Александром Невским. Литовцы и русские нанесли врагу в 60-х годах ряд тяжелых ударов.

Осенью 1262 года объединенное русско-литовское войско под предводительством новгородского, полоцкого и других князей вступило в Ливонию. Город Тарту, обнесенный тройным кольцом крепостных стен, был взят, кроме замка на Тоомемяги; после этого русско-литовские войска вернулись домой.

Особенно тяжелое поражение потерпели немецко-датские объединенные силы в 1268 году. Русские собрали большое войско, чтобы пресечь новые попытки захватчиков вторгнуться в псковские и новгородские земли. Военный поход новгородцев и псковитян, в котором участвовало семь русских князей, был направлен против Раквере (Вирумаа). 18 февраля произошла решающая битва, какой, по словам русского летописца, ни отцы, ни деды не видали. Кровопролитное сражение закончилось, как и Ледовое побоище, полным разгромом вражеской «свиньи». Трупов врагов было столь много, что они затрудняли продвижение русской конницы. Летом того же года провалился тщательно подготовленный поход объединенных ливонских войск на Псков. Оказалось безрезультатной и торговая блокада Новгорода, организованная немецкими купцами. Немецкие и датские феодалы и купцы были вынуждены заключить перемирие «на всеи воле новгородской».

Немецким феодалам удалось удержать свои завоевания только благодаря тому, что ежегодно они получали новое пополнение из крестоносцев. Лишь после кровопролитной борьбы, продолжавшейся десятилетия, им удалось покорить куршей (в 1267 году), пруссов (в 1283 году) и земгалов (в 1290 году). В конце XIII века возобновили борьбу против Ордена, а затем и против епископа, жители Сааремаа, которых Ордену удалось снова усмирить лишь в 1301 году. В то же время происходили волнения и в северной Эстонии.

Агрессия немецких феодалов против Литвы и Пскова продолжалась и в первой половине XIV века, особенно в 20-х и 40-х годах. В начале 40-х годов тартуский епископ и Орден приступили к сооружению крепостей в Вастселийна и Алуксне (Мариенбург).

§ 3. КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА В ЭСТОНИИ В 1343—1345 ГОДАХ (ВОССТАНИЕ ЮРЬЕВОЙ НОЧИ)

Причины крестьянской войны. В конце XIII и в первой половине XIV века немецкие феодалы в Эстонии продолжали расширять свои земельные владения и закреплять свою власть над крестьянами. Особенно жестоко угнетали немецкие феодалы крестьян в Харьюмаа и Вирумаа, где им удалось получить от датского короля в лен почти все земли. Вследствие этого вассалы в Харьюмаа и Вирумаа все более расширяли свои права; создание имений шло здесь наиболее интенсивно. По сохранившимся документам, в Харьюмаа до начала крестьянской войны насчитывалось от 21 до 30 имений, в то время как в других маакондах были лишь единичные имения. Вассалы Харьюмаа и Вирумаа в XIII веке объединились в корпоративную организацию, так называемое Харью-Вируское рыцарство, что давало им возможность лучше защищать свои интересы и усиливать эксплуатацию крестьян. Эти вассалы уже в первой половине XIV века обладали высшей юрисдикцией, правом над жизнью и смертью своих подданных — крестьян.

Как видно из сохранившихся фрагментов вакенбуха (в эти книги записывались долги крестьян и штрафы, налагаемые на них), в одном из владений таллинского епископа в западной части Вирумаа большинство крестьян деревни было обременено долгами. В основном, задолженность возникала из-за непосильных повинностей. Ряд крестьян попал в кабальное положение и лишился права свободного передвижения. У многих крестьян не было достаточного количества рабочего скота, и они были вынуждены «арендовать» у феодала лошадь или пару волов. Суровые штрафы за малейшее непослушание, за невыполнение феодальных повинностей или несоблюдение церковных обрядов также способствовали усилению эксплуатации крестьян и их личной зависимости. Штрафы взимались зерном, деньгами, скотом. За эти провинности применялись также телесные наказания и смертная казнь.

Ко второй четверти XIV века бремя феодальных повинностей увеличилось и в Сааре-Ляэнеском епископстве. Подати взимались уже пять раз в году: десятина с молодняка — весной, с масла — к Иванову дню, со ржи — к концу июля, с яровых культур и с продуктов домашнего ремесла — к концу августа, все прочие подати — к Михайлову дню (29 сентября).

В прибрежных районах тяжелое положение крестьян отчасти усугублялось еще тем, что немецкие феодалы и купцы вытеснили эстонцев из мореходства и морской торговли. После заселения морского побережья сельские общины не могли уже свободно пользоваться пустовавшими раньше прибрежными землями в качестве пастбищ, не могли свободно заниматься рыболовством.

Даже хронисты, показывающие все события в выгодном для

немецких феодалов свете, были вынуждены отметить тяжелое и бесправное положение эстонцев в первой половине XIV века. «Рыцари и вассалы обременяли население такими большими поборами и вымогательствами ... и так велико было их (т. е. феодалов) насилие, что они их (т. е. эстонцев) жен позорили, дочерей насиловали, их собственность отбирали, а с ними обращались как с рабами» (хроника Виганда Марбургского). В той же хронике далее повествуется, что все эстонцы, как стар, так и млад, вопили от столь жестокого насилия и что «они хотят лучше умереть, чем изнывать под таким гнетом».

Эстонское крестьянство не прекращало борьбы против все усиливающегося феодального гнета. В 1343 году классовая борьба эстонских крестьян вылилась в мощное вооруженное восстание, известное в истории под названием «восстания Юрьевой ночи» (дата начала восстания). Вместе с тем это выступление эстонских крестьян явилось составной частью освободительной борьбы прибалтийских народов против чужеземных захватчиков-феодалов.

Крестьянская война в Эстонии была вызвана все усиливавшимся гнетом и эксплуатацией крестьян, но непосредственные поводы к выступлению в разных районах страны были не всегда одни и те же и зависели от особенностей в положении крестьян в этих районах.

Восстание в Юрьеву ночь. В ночь под Юрьев день, 23 апреля 1343 года, харьюмасцы подожгли дом, стоявший на одном из холмов. Это был сигнал ко всеобщему восстанию. Современник этих событий, автор так называемой Младшей рифмованной хроники Ливонии, Гонеке рассказывает об этом так: «Все, кто были немецкой крови, должны были умереть. Они (т. е. эстонские крестьяне) сжигали все дворянские мызы, исходили страну вдоль и поперек, умерщвляя всех попадавшихся им немцев ... Кто из женщин и детей спасался от мужчин, тех убивали женщины не немецкой крови; сжигали церкви и мызы». Восставшие овладели монастырем в Падизе, одним из наиболее мощных укреплений угнетателей, и разрушили его.

После ликвидации власти немецко-датских феодалов в деревнях восставшие, создав народное ополчение численностью до 10 тысяч человек, приступили к осаде Таллина. Выступившее против ополчения рыцарское войско было разбито в сражении. В Новгородской летописи указывается, что восстание распространилось и на Вирумаа, причем в Харьюмаа и Вирумаа погибло 300 феодалов. По примеру харьюмасцев восстали и крестьяне в Ляэнемаа, уничтожив всех немецких феодалов. Восставшие ляэнемасцы осадили Хаапсалу — центр Сааре-Ляэнеского епископства. Силы сааре-ляэнеского епископа и наместника датского короля были, таким образом, в течение короткого времени частью разгромлены, частью парализованы. У феодалов не оставалось ничего другого, как просить помощи у Ордена.

Восставшие понимали, что только собственными силами, притом без достаточного вооружения и военной выучки, они не смогут долго противостоять немецким войскам. Поэтому харьюмасцы попытались заручиться поддержкой шведских властей в Финляндии, поскольку Швеция в это время была в состоянии войны с Данией. Как повествует Младшая рифмованная хроника Ливонии, харьюмасцы направили своих послов и в Псков, прося русских прислать помощь, а также взять в свои руки власть в стране.

Когда до магистра Ордена, находившегося в походе против русских, дошла весть о восстании, он отправился с большими силами в Харьюмаа. Чтобы выиграть время, а заодно и заманить вождей восстания в ловушку, он пригласил эстонцев в Пайде для ведения «переговоров». Уверенные в правоте своего дела, четверо выбранных харьюмасцами старейшин (по тексту хроники — королей) вместе с тремя воинами (в хронике — слугами) 4 мая явились в Пайде, в стан врага. Однако вместо обещанных переговоров коварный магистр Ордена подверг послов допросу. Когда задержанные послы потребовали освобождения, то, как кратко повествует Младшая рифмованная хроника Ливонии, «господа схватились за оружие и изрубили в куски всех тех эстов, и королей и слуг».

Затем магистр Ордена оставил Пайде и во главе всего своего войска пошел на Таллин. В Канавере и Кимоле передовые отряды эстонцев нанесли врагу несколько сильных ударов. Лишь на десятый день после кровавого злодеяния в Пайде неприятель подошел к Таллину. Магистр и тут затеял «переговоры». План неприятеля состоял в том, чтобы окружить крестьянское войско, расположившееся между городом и болотом Сыямяги. Как только войска Ордена были приведены в боевую готовность, магистр вероломно перешел в наступление. Эстонцы сражались с большой отвагой и яростью, но, понеся большие потери, вынуждены были отступить. Более чем двум третям крестьянского войска удалось все же выйти из вражеского окружения и отступить на болото. Ляэнемаское восстание также было подавлено. По сообщению Новгородской летописи, часть восставших ушла на остров Сааремаа («в Островьскую землю»).

Шведские власти решили воспользоваться крестьянским восстанием для захвата Эстонии. Их войска прибыли в Таллин уже после того, как восставшие потерпели временное поражение. Вместо помощи восставшим шведские властители заключили в Таллине перемирие со злейшими врагами эстонского народа, обеспечив им таким образом безопасность с моря.

Единственно действенную помощь оказали русские, хотя соединиться с главными силами восставших они уже не успели. Выполняя, по-видимому, просьбу харьюмаских послов, Псков приступил к снаряжению войска, с тем чтобы заодно расстроить агрессивные планы Ордена и тартуского епископа в отношении русских земель. В конце мая 1343 года псковское войско численностью

около 5 тысяч человек вступило во владения Тартуского епископства под Отепя. Однако Орден, вероятно, узнавший о поездке харьюских послов в Псков, успел уже к тому времени сосредоточить в юго-восточной Эстонии значительные силы.

1 июня вблизи Вастселийна произошло крупное сражение между русскими и немцами, в котором последние понесли тяжелые потери. Это подняло дух эстонских крестьян, и они начали готовить новые выступления.

Из-за активных действий русских магистр не смог направить все свои силы против восставших харьюмасцев и ляэнемасцев и довести до конца план кровавого подавления восстания. Восставшие сохранили большую часть своих сил.

Гравюра на дереве Э. Окаса и Э. Коллома.
Покорение замка Пёйде.

Восстание сааремасцев и дальнейшая борьба харьюмасцев. Подавление крестьянского восстания. Несколько месяцев спустя восстание вспыхнуло с новой силой. Началось оно 24 июля выступлением сааремасцев. Восставшие истребили всех попавших им в руки немцев и осадили орденский замок в Пёйде. После восьмидневной осады немцы были вынуждены сдаться. Им разрешили свободный выход из замка, но гнев народа против угнетателей был так велик, что при выходе все они были забросаны камнями и убиты. Снова разгорелось восстание и в Харьюмаа. На востоке и юге к новому наступлению против немцев готовились русские и литовцы.

Орден решил как можно скорее любыми средствами подавить восстание. Он хотел нагнать страх на крестьянские массы чудовищными зверствами и заставить их смириться. Для этой цели магистр Тевтонского ордена осенью того же года прислал в Ливонию сильное, хорошо вооруженное войско. Вооруженные до зубов объединенные тевтонские и ливонские карательные войска, возглавляемые магистром Ливонского ордена, в конце ноября 1343 года вторглись в Харьюмаа. Безжалостно убивая людей, опустошая и сжигая все на своем пути, враг превратил Харьюмаа, как говорится в одном из современных источников, «в опусто-

шенную и заброшенную землю». После длительной осады и ожесточенной борьбы войскам Ордена удалось захватить два укрепления харьюмасцев — последние очаги сопротивления эстонцев на материке. По сообщению хроники, общее число убитых эстонцев достигло 30 тысяч человек. Многие эстонские крестьяне спаслись бегством и нашли себе убежище в новгородских и псковских землях.

В феврале 1344 года, когда проливы покрылись льдом, орденское войско вторглось и на Сааремаа, предавая все вокруг огню и опустошению. Ценой больших потерь немцам удалось овладеть укреплением сааремасцев. Руководитель сааремаского восстания Вессе после зверских пыток был повешен на одной из осадных машин. Несмотря на большие потери (хронист Гонеке сообщает о 9000 убитых) сааремасцы сразу же после ухода главных сил Ордена снова завоевали себе свободу.

Крестьянская война угрожала принять еще большие размеры. Ливы, полные решимости изгнать немцев из пределов своей земли, тоже приступили к подготовке восстания и избрали себе вождя. Выступление готовили и земгалы. Литовцы усиливали давление на Орден как в Пруссии, так и в Ливонии. Тевтонский орден был не в состоянии только собственными силами и подавить восстание, и противостоять наступлению русских и литовцев. Началась спешная подготовка к новому «крестовому походу» против литовцев, а также против восставших эстонцев. К началу 1345 года в Пруссии было собрано большое войско крестоносцев, возглавляемое венгерским и чешским королями, а также рядом немецких князей. Предполагалось, что это войско будет наступать на Литву, а Ливонский орден в то же время вторгнется со своими силами на Сааремаа. В страхе перед наступлением русских Харью-Вируское рыцарство передало Ордену и нарвский замок.

Ранней весной 1345 года, завершив приготовления, магистр Ливонского ордена произвел новый набег на Сааремаа. Восемь дней подряд продолжались грабежи, поджоги и убийства; героическое восстание было подавлено огнем и мечом, у сааремасцев было отнято оружие. Они должны были выдать заложников и разрушить свое укрепление. Чтобы удерживать сааремасцев в повиновении, захватчики построили на острове два новых замка, Куressааре и Маазилинн.

В то время как главные силы Ливонского ордена были заняты на Сааремаа, литовский великий князь Ольгерд с литовско-русскими войсками совершил успешный поход на Елгаву, Ригу и Сигулду, дойдя до Валга. Благодаря искусной политике Ольгерда, собранное Тевтонским орденом в Пруссии крупное войско крестоносцев вынуждено было бездействовать. Намеченный поход на Литву с позором провалился. Главный магистр Ордена поплатился за это своей должностью. Выступление литовско-русских

войск помешало Ливонскому ордену привести в исполнение свой план истребления сааремасцев.

Истинная цель литовских феодалов, как и русских бояр и князей заключалась, конечно, в том, чтобы использовать создавшееся положение в своих интересах, а не в том, чтобы оказывать помощь восставшим крестьянам. Известно, например, что литовский великий князь велел казнить в Сигулде крестьянина — руководителя восстания.

Датский король, видя, что не сможет удержать Эстонию в своих руках, в 1346 году продал Харьюмаа и Вирумаа Тевтонскому ордену, а последний в 1347 году передал эти владения Ливонскому ордену. Таким образом, значение Ливонского ордена, этого кровавого угнетателя эстонского и латышского народов, среди ливонских феодалов еще более возросло.

Крестьянская война в Эстонии в 1343—1345 годах окончилась поражением. Соотношение сил было не в пользу восставших. Феодалы использовали против них преимущества политической и военной организации, а также поддержку феодалов Центральной Европы, главным образом немецких. Выступления же крестьян были стихийными, неорганизованными, разрозненными, к тому же восставшие были плохо вооружены, не обучены военному делу. Сосредоточив крупные военные силы, немецкие феодалы потопили в крови героическую освободительную борьбу эстонского народа.

Тем не менее крестьянская война в Эстонии нанесла иноземным феодалам мощный удар и в известной степени замедлила процесс закрепощения крестьян. Так, еще около 1400 года в Харьюмаа было меньше имений, чем до крестьянской войны. Многие сожженные имения так и остались невосстановленными. Опасаясь новых восстаний, феодалы в течение десятилетий не решались увеличивать крестьянские повинности.

§ 4. РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XV ВЕКЕ

Рост мызных хозяйств и усиление крепостнической эксплуатации. В XV веке возрос спрос на зерно как на внутреннем рынке, в быстро развивающихся городах, так и в странах Западной Европы. Феодалы стремились воспользоваться этим для увеличения своих доходов. Они стали отправлять на рынок все больше зерна, поступавшего к ним с крестьянских полей (в виде оброка) или с их собственных господских полей. С последних урожай целиком поступал в распоряжение помещика. Поэтому феодалы начали уделять все большее внимание своим мызным хозяйствам, создавали новые и расширяли прежние. Для этой цели они стали захватывать все больше крестьянских земель, разрушали целые деревни, не говоря уже о присоединении к мызам отдельных крестьянских дворов или части общинных угодий. В письменных источниках XIV века встречаются упоми-

нания о 35 имениях в Харьюмаа и Вирумаа, в XV веке речь идет уже о 156 имениях. Число мызных хозяйств стало увеличиваться и в Тартуском и Сааре-Ляэнеском епископствах.

Некоторый рост внутренней и внешней торговли, а также стремление феодалов больше продавать сельскохозяйственных продуктов и расширить свои хозяйства, привели к изменениям в развитии феодальной земельной ренты. Хотя в XV веке в Эстонии сохранилось еще господство натуральной ренты как главной формы эксплуатации крестьян, значение отработочной ренты все более возрастало. Часть поборов и особенно штрафы необходимо было вносить деньгами.

Крестьянин должен был отдавать помещику по меньшей мере четверть своего урожая, кроме того, ему приходилось платить различные подати и нести разного рода повинности, а сверх этого платить еще особые налоги в пользу церкви.

Тяжелым бременем ложилась на плечи крестьян все увеличивающаяся барщина. Крестьянин был обязан со своим рабочим скотом и инвентарем отрабатывать определенное количество дней в году на мызных полях и лугах или на другой работе в имении. Уже в начале XV века феодалы в страдную пору заставляли своих крестьян выполнять тяжелые работы даже по воскресеньям и в церковные праздники. Кроме того, помещики требовали от крестьянских дворов, чтобы те по очереди посылали в имения так называемых разовых работников для ухода за скотом, рыбной ловли, строительных работ и т. д. Помещики использовали также старый крестьянский обычай коллективной работы в порядке взаимной помощи, так называемую толоку. В страдную пору сенокоса, уборки хлебов и т. п. крестьян заставляли являться в имение на толоку.

Выполнения своих все возрастающих требований помещик добивался путем наказания крестьян в помещичьем суде поркой или, в назидание остальным, лишением земли.

«И чем щедрее ливонское дворянство было одарено привилегиями, — писал в своей хронике живший в XVI веке в Таллине Б. Руссов, — тем скуднее были права в суде бедных крестьян этой земли. Ибо бедный крестьянин не имел никакого другого права, кроме того, которое предоставлял ему помещик или фогт. И бедный человек не смел жаловаться никакой высшей власти на какое бы то ни было насилие и несправедливость. И если умирали крестьянин и его жена, оставив детей, то опека над детьми учреждалась такая, что господа брали себе все, что оставалось после родителей, а дети должны были прозябать нагие и босые у очага помещика или же побираться по городам, лишившись всего родительского имущества. И все, чем владел бедный крестьянин, принадлежало не ему, а господам. И если крестьянину случалось немного провиниться, то помещик или ландфогт без всякого милосердия и человеческого чувства приказывали раздеть его донага и, не щадя возраста, стегать длинными острыми розгами».

Из среды зажиточных крестьян помещик вербовал себе приспешников, предоставляя им некоторые льготы и ставя их кубьясами и другими надсмотрщиками над крестьянами.

Источники показывают, что в среде крестьянства стала расти имущественная дифференциация. Наряду с отдельными крестьянскими дворами, имевшими значительные наделы, встречалось немало и хозяйств размером меньше одного гака. (Средним размером двора был примерно один гак. В рассматриваемый период гак составлял в среднем 6—10 гектаров посевной площади.) В это время появилась новая разновидность феодально зависимого населения, так называемые *юксъялги* (пешие). Это были преимущественно малоземельные и безлошадные крестьяне, жившие на прежних общинных подсечных и лесных угодьях. В тяжелом положении находились новоземельные крестьяне, разрабатывавшие пустошь. В течение нескольких лет они были освобождены от повинностей, но потом вовлекались в систему крепостнической эксплуатации. В XV веке стал расти слой батраков и бобылей. Зажиточные крестьяне использовали батраков для отработки барщины на помещичьих полях. Количество безземельных и малоземельных увеличилось и за счет холопов. Источники говорят о массовом отпуске холопов на свободу в первой половине XV века; селили их, главным образом, на пустующих крестьянских землях или на новине. В связи с развитием помещичьего хозяйства феодалам было выгоднее эксплуатировать крепостных крестьян, и холопы постепенно слились с последними.

Крестьяне жили деревнями, в жилых ригах. Феодалы стремились раздробить и уничтожить деревни, отнимая у крестьян землю и заставляя их переселяться подальше от деревень на прежние подсечные земли и в леса, чтобы таким путем ослабить деревенские общины. Благодаря сопротивлению крестьян деревни все же сохранились в качестве основного вида поселений.

Крестьянство вело непрерывную борьбу против усиления помещичьего гнета. Одной из форм этой борьбы был уход крестьян со своих насиженных мест: в поисках лучшей жизни крестьяне бежали в другие местности или в города, что лишало феодала части рабочей силы. В XV веке бегство крестьян приняло широкие размеры.

Усиление эксплуатации вызвало новое обострение классовой борьбы эстонского крестьянства, особенно угрожающим оно стало в 20-е годы XV века. Феодалы опасались, что резкое усиление недовольства среди эстонских крестьян создаст почву для распространения влияния гуситского революционного движения, происходившего в то время в Центральной Европе.

Чтобы подавить сопротивление эстонского и латышского крестьянства, феодалы усиливали личную зависимость крестьян, а также стали больше уделять внимания распространению католичества и борьбе со старыми народными верованиями и обычаями.

Закрепощение крестьян. В условиях феодального строя крестьяне всегда находились в зависимости от феодала.

В связи со значительным ростом помещичьей запашки и барщины феодал всевозможными средствами усиливал личную зависимость крестьян, стремился привязать их к земле, сделать крепостными, ибо иначе ему не была бы обеспечена рабочая сила.

Каждый феодал был заинтересован в увеличении количества рабочих рук. Городские купцы и другие зажиточные горожане также были заинтересованы в постоянном притоке дешевой рабочей силы из деревни. Все это давало крестьянину возможность менять свое местожительство, причем прежнему владельцу крестьянина трудно было получить его обратно. Поэтому феодалы, в первую очередь мелкие и средние дворяне, стремились к тому, чтобы крепостное право, то есть прикрепление крестьянина и всех его потомков к определенному имению и феодалу, было признано всеми феодалами и городами. Если крестьянин без разрешения феодала переходил на другое место, последний мог его, как беглого, затребовать обратно.

Наиболее древние известные нам документы, содержащие требования возврата беглых, относятся к концу XIV и началу XV века. Начиная с середины XV века епископы, Орден и рыцарства стали заключать между собой соглашения, по которым взаимно обязывались выдавать беглых крестьян. Для ведения дел по розыску и выдаче беглых крестьян была учреждена должность гакенрихтера («сошного судьи»). Соглашения эти преследовали цель обеспечить имения крепостной рабочей силой.

Одним из следствий закрепощения крестьян явилась продажа их. С середины XV века крестьян стали продавать отдельно от земли. Руссов писал, что многие дворяне обменивали крестьян на собак.

Крупные города не хотели вначале признавать крепостной зависимости крестьян, так как господствовавший в городах класс эксплуататоров сам нуждался в постоянном притоке дешевой рабочей силы. В городах, как уже упоминалось выше, действовало в то время свое право, отличное от права, действовавшего в сельской местности. Согласно городскому праву, крестьянин, проживший в городе более одного года, становился свободным. В XV веке сложился общепринятый порядок, при котором беглые крестьяне, имевшие свое хозяйство, выдавались городскими властями феодалу, а безземельные не выдавались.

Эстонцы, жившие в городах и принадлежавшие, как правило, к низшему слою населения, боролись вместе с крестьянами против крепостничества и всячески защищали укрывавшихся в городе крестьян. В 1487 году некий помещик поймал в Таллине своего беглого крестьянина и попытался на следующий день увезти его в деревню. Эстонцы, узнав об этом, стали целой толпой сторожить городские ворота. Все попытки помещика выехать из города через Вируские или Карьяские ворота не удались. Тогда

помещик попробовал быстро проскочить через Харьюские ворота, но эстонцы его поймали и избили, а крестьянина освободили.

Закрепощение эстонского крестьянства немецкими феодалами-помещиками значительно опередило процесс закрепощения крестьянства на Руси. Как известно, на Руси в 1497 году переход крестьян от помещика к помещику был ограничен и приурочен к определенному времени (осенний «Юрьев день»). В Эстонии такое право имели только батраки. Поэтому крестьяне восточной Эстонии стремились бежать через границу на Русь, откуда немецкие помещики не могли их вернуть. Об уходе крестьян на Русь неоднократно упоминается во введенном в действие на территории Тартуского епископства постановлении о беглых крестьянах (около 1458 года). Одной из целей этого постановления и было как раз воспрепятствовать такому уходу.

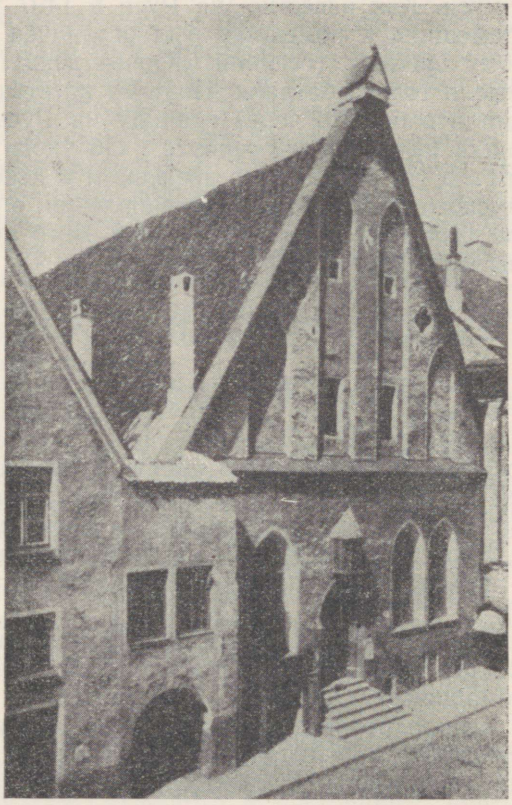
§ 5. ГОРОДА. РЕМЕСЛО И ТОРГОВЛЯ

Социальные группы и национальный состав городского населения. Наиболее крупными городами в Эстонии были Таллин и Тарту, численность населения которых к XV веку достигла примерно 4—5 тысяч. В остальных городах число жителей не превышало тысячи человек в каждом. Возникли и новые поселки подле орденских и епископских замков (Пыльтсамаа, Курессааре и др.). В XV веке образовался и поселок Кейла (у приходской церкви и расположенного там же орденского имения).

Население городов и поселков росло преимущественно за счет эстонцев, выходцев из деревни. Они работали ремесленниками, рыбаками, домашними слугами, носильщиками, извозчиками, разного рода чернорабочими, а также вели мелкую торговлю. Оптовую и заморскую торговлю, а также наиболее доходные отрасли ремесла (например, ювелирное дело, пивоварение) держали в своих руках переселившиеся сюда немецкие торговцы и ремесленники-мастера. Богатые немецкие бюргеры, которым принадлежала вся власть в городах, путем всевозможных ограничений и запретов закрывали эстонцам доступ к этим профессиям.

Наиболее зажиточные горожане, которые благодаря своему богатству имели право бюргерства, были организованы в гильдии: купцы — в Большой гильдии, а объединенные в цеха ремесленники — в Малой гильдии. Таллинские ремесленники, а также часть мелких торговцев, живших в нижней части города, входили в Канутскую и Олайскую гильдии, а жившие на Вышгороде (Тоомпеа) — в Домскую гильдию. Немецкие торговцы-холостяки в Таллине и Тарту образовали особую организацию, так называемое общество черноголовых. Эта организация возникла, по-видимому, в середине или второй половине XIV века. Большая гильдия (куда после женитьбы вступали и «черноголовые») была организацией городских патрициев, в которую входили также все

бюргермейстеры и ратманы — члены магистрата. Последние принадлежали обычно к числу наиболее зажиточных бюргеров. Так, около 1430 года из 25 крупнейших таллинских купцов 16 явля-



Здание Большой гильдии в Таллине (построено в 1410 году; ныне Исторический музей Академии наук ЭССР).

лись членами магистрата. Источником богатства и власти городской правящей олигархии была эксплуатация низших слоев городского населения и крестьян, а также торговля и ростовщичество.

Ремесленники, а также часть мелких торговцев были организованы по профессиям в цехи. В Западной Европе эти средневековые объединения ремесленников имели широкое распространение. В Таллине первые цехи появились не позднее второй половины XIV века. В течение следующего столетия их число возросло до 14. Существовали цехи портных, золотых дел мастеров, мясников, кузнецов, сапожников, столяров, каменотесов, булочников и

др. Устав цеха утверждался магистратом, который получал также часть доходов цеха. В цехах хозяйничали ремесленники-мастера, регламентировавшие в своих интересах всю профессиональную и даже личную жизнь членов цеха. Мастера решали вопросы приема учеников, перевода в подмастерья и мастера, а также отстаивали монопольное положение своего цеха в соответствующей отрасли ремесла. Мастер мог держать одного-двух подмастерьев и столько же учеников.

Основными потребителями ремесленных изделий были жители данного города. В деревне почти все предметы первой необходимости производились самими крестьянами. Феодалы, кроме того, держали у себя своих ремесленников. Вследствие ограниченности спроса на рынке и рутины, царившей в цеховом производстве, ремесло развивалось крайне медленно. В Таллине в XIV веке насчитывалось около 50 отраслей ремесла, а в XV веке — 73. Многие ремесленники, особенно в Таллине (например, каменотесы, меховщики, бондари, пеньковщики, грузчики и лодочники в порту), находили себе работу благодаря внешней торговле.

Бондарь (по рисунку XV века).

Третью социальную группу в городе составляла городская беднота, которая не пользовалась правом бюргерства и не входила ни в гильдии, ни в цехи. Эта группа росла главным образом за счет бежавших в город крестьян. В городе они работали домашней прислугой, были рыбаками, разного рода чернорабочими и поденщиками на самых тяжелых работах, — добывали камень в каменоломнях, строили городские стены, башни, церкви и другие сооружения, мостили улицы. Они подвергались жесточайшей эксплуатации со стороны немецких торговцев и ремесленников-мастеров. Им приходилось жить в самых жалких условиях, в лачугах на окраинах города, в сырых подвалах и башенных помещениях, в сараях и хлевах. Смертность среди них достигала огромных размеров.

Кроме эстонцев и немцев, в крупнейших городах Эстонии проживали и русские, преимущественно купцы. В Таллине центр их поселения сперва находился к северу от Малых морских ворот, а в XV веке — у Никольской церкви на ул. Вене. Церковные подвалы и подсобные постройки служили для русских купцов складскими помещениями. В Тарту у новгородцев и псковитян были

даже свои отдельные церкви. Здесь русские жили тоже в особой части города, расположенной внутри городских стен. Эта часть города называлась «русским концом», и здесь имелась своя базарная площадь (в районе нынешней улицы Мичурина). Много русских жило в городском предместье за рекой Эмайыги.

В городах Эстонии проживало небольшое количество людей и других национальностей. Так, например, в Таллине и Хаапсалу жили шведы, в Таллине и Нарве — финны, в Нарве имелось и водьское население. Как и эстонцы, шведы, финны и водь работали преимущественно домашней прислугой или чернорабочими.

Торговые корабли в гавани (по рисунку XV века).

Торговля. Небольшие местные рынки, города и поселки, были еще слабо связаны между собой. Феодальное хозяйство было натуральным. На рынок обращались только за привозными товарами, которые не производились в собственном хозяйстве. Цены на товары были столь высоки, что покупать их могли только феодалы и богатые горожане. Крестьяне закупали в городе, главным образом, соль и в незначительном количестве наиболее дешевые изделия из металла. Сбыт сельскохозяйственных продуктов был небольшим.

В развитии эстонских городов все большее значение приобретала торговля с русскими землями. Рост торговли, наметившийся в XV веке как на Руси, так и в других странах Европы, явился важным фактором развития торговли в Эстонии. Экономические связи между Эстонией и Русью медленно, но неуклонно крепли. На торговле с Новгородом и Псковом обогащались главным образом таллинские и тартуские купцы, в руки которых в первой половине XV века перешло и управление немецкой ганзейской конторой в Новгороде. Как члены Ганзейского союза они пользовались большими привилегиями. Орден и тартуский епископ также охраняли интересы таллинских и тартуских купцов. Однако в XV веке русские купцы стали сами ездить все дальше на запад, не говоря уже о Ливонии. В 1476 году немецкие купцы

жаловались, что русские проникли во все уголки Ливонии, в мелкие города и даже в самые отдаленные сельские местности, и ведут там непосредственную торговлю с эстонцами. В то же время на Балтийском море начали все чаще появляться нидерландские, английские и другие не принадлежавшие к Ганзейскому союзу купцы. Таллинские и тартуские купцы стремились удержать за собой и превратить в свою монополию посредничество между западноевропейскими и русскими купцами. С этой целью они стали часто прибегать к военной силе против Новгорода и Пскова, применять торговую блокаду, отбирать у купцов, не принадлежавших к Ганзе, их товары и т. д. Эти действия местных купцов неоднократно осложняли их отношения не только с русскими, но и с западноевропейскими — немецкими, нидерландскими, английскими и датскими купцами, которые были заинтересованы в непосредственном торговом обмене.

Важным товаром массового потребления была соль, которая привозилась в основном с западного побережья Франции. Через Таллин солью снабжалась не только Эстония, но и значительная часть северо-западной Руси и Финляндия. Соль приносила таллинским купцам очень большие доходы. Существовала даже поговорка, что Таллин «выстроен на соли». В 1426—1435 гг., несмотря на ганзейско-датскую войну, нарушавшую в то время нормальный товарооборот, с запада в Таллин ежегодно поступало свыше 3000 ластов соли, или примерно 6200 тонн. Другим важным товаром было сукно, которое доставлялось главным образом из Брюгге и перепродавалось в большом количестве новгородским и псковским купцам. С Запада в Таллин завозили также сельдь, вина, железо, драгоценные металлы, медикаменты, фрукты и т. п. Свыше трети всех судов, входивших в Таллин с Запада, прибывало из портов Северного моря, примерно треть — из Любека. Много судов приходило из Данцига (Гданьска). Довольно тесные связи были у Таллина со Стокгольмом. Таллин стал важнейшей гаванью по импорту западных товаров в Эстонию, Финляндию и северо-западную Русь и по экспорту товаров этих стран в Западную Европу.

Через Таллин и Тарту вывозились за границу товары, доставляемые из северной Руси, в первую очередь пушнина и воск, кроме того, кожа, рыба, жиры, а позднее также лен и конопля. Из местных эстонских экспортных товаров следует назвать зерно, рыбу, тюлений жир, строительный камень, лен и др.

Часть доходов от торговли вывозилась за пределы Эстонии (либо непосредственно — приезжими немецкими купцами, либо косвенно — через церковь). Остальная же часть находила применение на месте. Именно эти полученные от торговли богатства дали возможность развернуть в крупнейших городах Эстонии (в Таллине в большей мере, в Тарту — в меньшей) обширную строительную деятельность. Наглядным свидетельством этого служат сохранившиеся по сей день в старой части Таллина городские

стены, башни, церкви, общественные здания и жилые дома отдельных бюргеров, украшенные произведениями искусства того времени.

§ 6. ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ В ЛИВОНИИ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Среди государственных образований в Ливонии на первое место выдвинулись Орден и Рижское архиепископство, которые соперничали между собой, домогаясь политической гегемонии. Архиепископ добивался подчинения Ордена своей верховной власти, Орден же, в свою очередь, стремился инкорпорировать как Рижское архиепископство, так и Тартуское и Сааре-Ляэнеское епископства, т. е. достичь того, чтобы епископы и другие церковные правители назначались только из числа членов Ордена. Потерпев неудачу в этом, Орден попытался добиться хотя бы того, чтобы в епископы попадали угодные ему лица. Причиной раздоров между Орденом и архиепископом являлся также вопрос о том, кому должен быть подвластен город Рига.

Все эти обстоятельства вносили напряженность во взаимоотношения ливонских властей и вызывали столкновения между ними. После подавления восстания эстонских крестьян экономическая, политическая и военная мощь Ливонского ордена еще более возросла, и он стал еще упорнее добиваться установления своего господства над всей Ливонией. В военном отношении Орден представлял собой наиболее мощную силу в Ливонии, но ему противостояли объединенные силы всех остальных ливонских властей. Порой Ордену удавалось протолкнуть в архиепископы и епископы угодных ему кандидатов или даже временно оккупировать Рижское архиепископство, Тартуское или Сааре-Ляэнеское епископства. Ведя между собой борьбу, Орден, епископы и Рига пытались заручиться поддержкой внешних сил, особенно папской курии, германского императора, а также соседних государств. Между Орденом и епископами неоднократно вспыхивали войны, связанные с внешнеполитическими событиями. Эти войны, естественно, нарушали мирный труд эстонских крестьян и ремесленников, наносили ущерб торговле, влекли за собой опустошения и разруху. Такое положение, например, создалось во время военного похода Ордена в Тартуское епископство в 1396 году.

Орден продолжал свою агрессивную политику и по отношению к Литве и Руси. Однако к концу XIV века эти государства уже значительно окрепли. В 1385 году в Крево между Польским королевством и Великим княжеством Литовским была заключена уния. Попытки Тевтонского ордена разрушить эту унию успеха не имели.

Когда Тевтонский орден в 1409 году начал очередную войну против Польши, польский король Ягайло сосредоточил против него крупные объединенные силы поляков, литовцев, русских,

белорусов и украинцев. Прибыли на помощь и чешские войска. 15 июля 1410 года к югу от Кенигсберга, между Грюнвальдом и Танненбергом, произошло решающее сражение. Войска Тевтонского ордена потерпели катастрофическое поражение, от которого он не смог уже оправиться. В 1466 году Тевтонский орден в Пруссии стал вассалом польского короля.

Поражение Тевтонского ордена ослабило и Ливонский орден. Последний вынужден был отказаться от своих агрессивных планов, направленных против Пскова и Новгорода, и заключить с ними в 1421 году перемирие. Однако в 1443 году Орден снова начал войну с Новгородом, но, понеся значительные потери, заключил в 1448 году перемирие на более продолжительный срок. В отношении границ и торговых связей новое перемирие, в основном, повторяло прежние мирные соглашения.

В 1458 году вспыхнула война между Тарту и Псковом. Великий князь московский пришел Пскову на помощь, и немецкие агрессоры были вынуждеы запросить мира. Осенью 1463 года было заключено перемирие, по которому тартуский епископ обязался «по старине» платить великому князю дань, а магистрат обязался восстановить прежние права русских церквей и т. н. «русского конца» в Тарту.

После поражения Ордена в битве при Грюнвальде Дания возобновила свои попытки завладеть северной Эстонией. Вместе с тем датский король, начиная с 30-х годов XV века, стремился получить под свой протекторат Сааре-Ляэнеское епископство. В середине и в 70-х годах XV века Швеция также делала попытки закрепиться на южном берегу Финского залива. Используя внутриливонские распри, властители острова Готланд осенью 1473 г. блокировали эстонское побережье и совершили набег на Старый Пярну и южную часть Ляэнемаа. Летом следующего года на побережье Эстонии появились войска выборгского гауптмана и в течение 4 недель жгли и опустошали окрестности Таллина. Несколько лет спустя рижский архиепископ предлагал Швеции Харьюмаа и Вирумаа в обмен за военную помощь против Ордена. Все эти агрессивные устремления, хотя они и не увенчались в то время успехом, являлись началом новых систематических попыток соседних усиливавшихся государств использовать положение в раздробленной Ливонии для расширения своих владений.

В условиях сложной внутри- и внешнеполитической борьбы стали приобретать все большее значение вассалы и крупнейшие города средневековой Ливонии — Рига, Таллин и Тарту. В своей борьбе за власть ландесгерры искали поддержки у вассалов и господствующей олигархии крупных городов, а поэтому волей-неволей вынуждены были предоставлять им привилегии и делать уступки. Увеличились земельные владения вассалов, расширилось право наследования ленных владений, официально было признано, что мызные земли не облагаются налогами. Вассалы объединились в сословные корпорации, или рыцарства также и на тер-

риториях епископств. Вассалы стали собираться на собрания, т. н. мантаги, а более крупные города уже с середины XIV века — на т. н. «дни городов». Магистраты этих городов имели самостоятельные внешнеполитические связи. Рыцарства и города были заинтересованы в мирном разрешении внутриливонских споров и в создании объединенного фронта всех господствующих слоев против эксплуатируемых народных масс.

Рост политического влияния вассалов и крупнейших городов привел в начале 20-х годов XV века к образованию т. н. ландтагов. Ландтаг представлял собой общеливонский феодальный сословно-политический орган власти господствующих кругов. В нем были представлены четыре сословия, или курии: 1) рижский архиепископ, а также остальные епископы и прелаты Ливонии, 2) высшие должностные лица Ливонского ордена во главе с магистром, 3) представители вассалов, среди которых первенствующее место занимало Харью-Вируское рыцарство и 4) представители Таллинского, Тартуского и Рижского магистратов. Для принятия решений требовалось единогласие всех четырех курий. Ландтаг собирался обычно один раз в год и рассматривал важнейшие вопросы внутренней и внешней политики. Однако ликвидировать политическую раздробленность ландтаг был не в силах. Проведение в жизнь его решений вплоть до конца XV века задерживалось, главным образом, из-за распрей между Орденом и архиепископом.

§ 7. БЫТ И КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ ЭСТОНСКОЙ НАРОДНОСТИ

Известная общность условий экономической и политической жизни была исторической основой процесса дальнейшей консолидации эстонской народности, завершившегося в общих чертах в XIII—XVI веках. Хотя иго немецких захватчиков было серьезным препятствием в развитии эстонского народа, у него сохранилась общая территория, развивались его язык и культура. Политические границы между владениями Ордена, епископов и датского короля затрудняли общение, но все же не могли раздробить эстонский народ и сделать невозможным его дальнейшую консолидацию, получившую начало еще до вторжения немецких и датских захватчиков.

Многовековая борьба против иноземных захватчиков и поработителей была одним из факторов, объединявших эстонский народ. В этой борьбе он отстоял свое право на самобытное этническое и культурное развитие.

В ходе войн и феодальных междоусобиц разорялись и опустошались целые районы. Они заселялись крестьянами из других районов, говоривших на различных диалектах. Это, как и побеги крестьян и привлечение на большие строительные работы и на возведение крепостных сооружений больших масс эстонцев из

различных мест, способствовало нивелировке былых племенных различий. (См. также начало данной главы — «Заселение территории».)

Большую объединяющую роль уже в то время стал играть Таллин, экономические связи которого охватывали северную Эстонию, но достигали также Сааремаа и даже южной Эстонии. В Таллине оседали эстонцы не только из близлежащих земель, но и почти со всех частей Эстонии; много эстонских крестьян перебывало здесь в качестве возчиков при перевозке товаров. Все это способствовало укреплению общих элементов языка и культуры.

Возникновение эстонской национальной интеллигенции, национального литературного языка, литературы и искусства, имеющих большое значение в длительном процессе складывания единой народности, в условиях жестокого иноземного феодального ига было невозможно. Но тем не менее развитие общих для всего эстонского народа элементов языка, культуры и быта продолжалось. Наряду с фонетическими изменениями, в XIII—XV веках в эстонском языке произошли и серьезные изменения грамматического строя — сложились основные черты грамматической структуры общенародного языка; значительно пополнился словарный фонд языка.

Единство экономических условий было существенным фактором в образовании общности быта, обычаев и психического склада. Эта общность проявлялась в крестьянских постройках, в орудиях труда и предметах обихода, одежде и украшениях, музыкальных инструментах, орнаменте, в устном народном творчестве, в мелодиях и т. д.

Следует, однако, оговориться, что взаимное общение и передвижение населения в условиях феодализма было все-таки весьма ограничено и не могло еще стереть границ между сложившимися на протяжении веков культурно-историческими и этническими областями. Феодальная раздробленность и колониально-национальный гнет, конечно, еще более замедляли развитие национальной культуры и всех элементов национальной общности. На протяжении всей эпохи феодализма продолжали существовать очень сильные различия между отдельными диалектами, сохранялись различия также и в народной одежде и фольклоре.

Не прекратились сношения эстонского народа и с соседними народами — русскими, ливами, латышами, водью, финнами и шведами. Известное количество людей из числа представителей этих соседних народов даже селилось среди эстонцев и, как правило, постепенно эстонизировалось, оставляя определенные следы в эстонском языке, материальной культуре, фольклоре и обычаях. В тех случаях, когда переселенцы сохраняли свой национальный облик (шведские колонии на эстонских островах и на морском побережье), между ними и окрестным эстонским населением устанавливались тесные связи и возникали многообразные взаимные влияния.

Как свидетельствуют археологические находки и письменные источники, оживленные сношения, несмотря на наличие политической границы, существовали между эстонскими и соседними русскими землями. На это указывают, в частности, находки славянского происхождения XIII—XV веков в восточной Эстонии и некоторые общие черты в погребальных обрядах. Русский фольклор, особенно русские сказки, также оказывали определенное влияние.

В результате торговых сношений между русскими и эстонцами в эстонский язык вошел ряд русских слов, например, названия старинных монет — teng (деньга), robi (рубль), пушных зверей — naarits (норица, норка), lahits (ласица или ласка), soobel (соболь) и др. Эстонцы соприкасались и с русскими ремесленниками, огородниками и рыбаками. Через них эстонцы познакомились с рядом новых трудовых навыков, орудий труда, предметов быта, средств передвижения, культурных растений. Об этом говорят такие слова в эстонском языке, как lootsik (лодка), saan (сани), уже упомянутое tatar (гречиха, по-украински татарка), kapsas (капуста), porgand (боркан, т. е. морковь), ugurits (огурец).

Совершенно новое положение сложилось в XIII веке в отношениях между эстонским народом и немцами. С одной стороны, эстонцы, начиная с этого времени, повседневно сталкиваются с немецкими феодалами и их приспешниками, в лице которых они, естественно, видели своих поработителей и эксплуататоров. С другой стороны, расширяются связи между эстонцами и поселившимися здесь немецкими ремесленниками и торговцами, от которых эстонцы переняли много нового и полезного. Особенно тесный контакт с немцами был в городах и поселках; частично эстонцы и немцы входили в одни и те же цехи и гильдии. В городах у власти, как известно, стояли представители богатой немецкой верхушки, делопроизводство в учреждениях и организациях велось на немецком языке. В этих условиях часть эстонских ремесленников и торговцев стала со временем онемечиваться.

В этот период в эстонский язык проникло значительное количество заимствований из нижненемецкого языка. Известное немецкое влияние сказалось и на эстонской культуре.

Однако, как показывает вся совокупность фактов, роль всех внешних влияний была не очень существенной. Определяющую роль играли исконные народные черты и традиции в материальной и духовной культуре, в быте и языке. Но они преобразовывались в соответствии с изменениями в условиях материальной жизни.

Среди трудящихся масс продолжала развиваться эстонская народная культура, которая теперь являлась и орудием сплочения и борьбы угнетенного класса против наступления феодалов. Идеология угнетенных трудящихся отражена в сохранившемся до наших дней богатом фольклоре, в народных верованиях. В сказаниях и песнях того времени появляются мотивы борьбы, острием

своим направленной против завоевателей, немецких помещиков и попов, а также против предателей и помещичьих прихвостней из среды самих эстонцев.

Фольклор показывает помещика и попа как паразитов-эксплуататоров, которых вместе с кубьясом постигает заслуженная кара, раб же, в конце концов, добивается своего права. Видное место в эстонском народном творчестве уже в то время занимала сатира. Она тоже служила средством выражения народного протеста, непоколебимого духа борьбы против феодальной эксплуатации. Предания об освободительной борьбе нашли отражение, например, в сказаниях о богатыре Суур-Тылле, частично о Калевипоэге и в некоторых народных песнях. Народные предания рассказывают и о последующей борьбе, которую покоренные эстонцы вели против сооружения церквей, монастырей и замков.

Влияние христианской церкви на народное творчество было сравнительно слабым и поверхностным. Хотя отмечаемые народом знаменательные дни приурочивались к датам христианского календаря, к католическим праздникам и дням святых, связанные с этими днями обряды и песни были древнего происхождения.

Угнетенное крестьянство глубоко ненавидело христианство — идеологию завоевателей и эксплуататоров. Среди крестьян и в XV веке бытовали еще такие явления, как кровная месть, «умыкание» невест и другие пережитки первобытно-общинного строя. Покойников продолжали хоронить по старому обычаю на древних кладбищах, приносили им пищу и питье, справляли поминки. Церковные обряды крещения, венчания и т. п. совершались только по принуждению. Невеста считалась замужем с того момента, когда ей по народному обычаю надевали на голову чепец. Католические священники и в XV веке постоянно жаловались на эти «языческие» явления и грозили смертной казнью за смытие крещения и за неосвященный церковью брак.

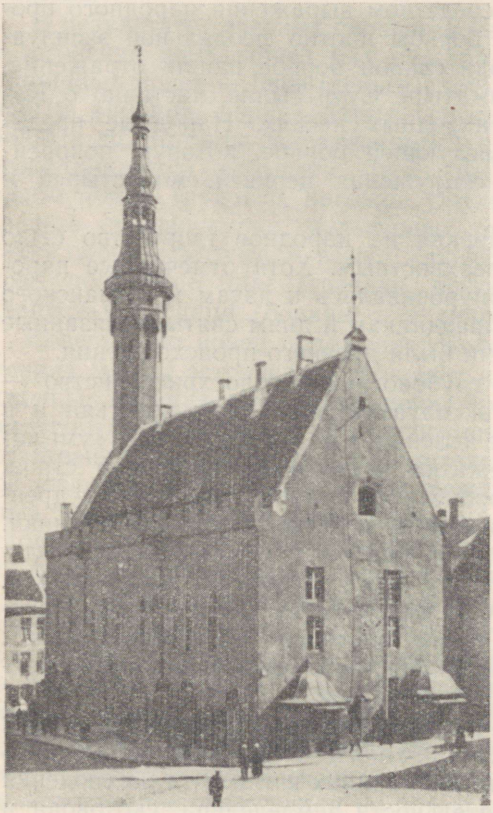
Выводы из повседневных наблюдений за явлениями природы и жизни, собранные на протяжении многих поколений, отражались в трудовых приемах, обычаях, пословицах и т. д. Эти наблюдения играли большую роль в деятельности земледельца, скотовода и рыбака, в народной медицине. Среди ремесленников расширялись технические знания и навыки, особенно в строительстве, кожевенном деле и обработке металлов. Народ был истинным творцом материальной и духовной культуры.

Просвещение. Хроники. Обучение в немногочисленных духовных школах, возникших в то время в городах, велось на чужом языке и преследовало, в первую очередь, интересы церкви. Школа и церковь являлись идеологическим орудием укрепления чужеземной власти, средством оправдания эксплуатации, средством духовного порабощения народных масс. Для усиления влияния церкви в XV веке стали выдвигаться требования, чтобы проповеди произносились на эстонском языке, но духовенство со-

стояло из немцев и эстонским языком обычно не владело. Даже переводы священных книг на эстонский язык были запрещены.

Грамотных было мало даже среди феодалов, крестьяне же были вовсе лишены возможности учиться. Широкое распространение имели знахарство и различные суеверия.

В обстановке жестокого гнета иноземных феодалов не могли возникнуть эстонская письменность и литература. Все сохранившиеся документы и рукописи об Эстонии XIII—XV веков написаны на латинском или нижненемецком языках. Все дошедшие до нас хроники этого периода составлены в интересах Ордена, католического духовенства и других немецких феодалов. Наиболее важными из них, кроме «Хроники Ливонии» Генриха Латышского, являются еще «Старшая рифмованная хроника Ливонии», где изложение событий доведено до 1290 года, «Младшая рифмованная хроника Ливонии» Варфоломея Гонеке и хроника Германа де Вартберга (до 1378 года). Хотя хроника Гонеке сохранилась только в изложении более поздней хроники Реннера, она содержит наиболее подробные сведения о крестьянской войне в Эстонии 1343—1345 годов. В XV веке интерес к составлению хроник, по-видимому, временно ослабевает. Несмотря на стремление хронистов всячески возвеличить захватчиков, оправдать злодеяния Ордена или епископов и кровавое иго немецких феодалов, страницы хроник, вопреки воле их составителей, отражают героизм и свободолюбие эстонского народа. Недаром и позже немецкие эксплуататоры боялись перевода этих хроник и распространения их среди населения.



Таллинская ратуша (построена в 1371—1374 и 1401—1404 годах).

Архитектура и изобразительное искусство. Процесс возникновения и развития средневекового искусства в

Эстонии весьма сложен и противоречив. Вкусы и эстетические представления господствующего класса, состоявшего из пришельцев, были чужды эстонскому народу. Искусство средневековой Эстонии является продуктом сложного взаимодействия этих вкусов и представлений, с одной стороны, и местных условий, местных традиций и навыков — с другой.

В рассматриваемый период широко развернулась строительная деятельность — сооружались замки, монастыри, церкви, городские укрепления и жилые дома. При их строительстве придерживались западноевропейских, преимущественно немецких образцов. Произведения искусства и предметы роскоши также привозились из городов Западной Европы.

Древнейшее изображение эстонских крестьян на консоле Пёйдеской церкви на острове Сааремаа.

Приехавшим в Эстонию строительным мастерам приходилось, однако, считаться с местными природными условиями и местными строительными материалами, что, естественно, накладывало свой отпечаток на архитектуру. В известной степени в архитектуре и ремесленных изделиях сказались традиции и навыки эстонских мастеров-строителей и ремесленников. Особенно это заметно в резьбе по камню и в изготовлении металлических украшений.

В результате этого образцы и идеалы западноевропейского средневекового искусства в условиях Эстонии значительно видоизменились. Готика получила в Эстонии свои особые, специфические черты, характеризующиеся простотой и монументальностью форм, строгостью трактовки орнамента. В Таллине сложилась своеобразная архитектурная школа, характерными особенностями которой является обильное использование псевдотрифорий и псевдониш, а также фризов с консолями на внешних стенах зданий, что придает массивным архитектурным формам определенную легкость. Блестящими образцами эстонской готики являются церковь св. Олая в Таллине, городская ратуша, здание Большой гильдии (XIV—XV вв.).

На целом ряде архитектурных памятников этого периода прослеживаются общие с зодчеством Пскова и Новгорода черты. Эстонская архитектура, в свою очередь, оказала некоторое влия-

ние на каменные постройки в Финляндии (например, крепость в Хяменлинна и церковь в Хаттула).

Скульптура и живопись были тесно связаны с архитектурой, особенно с церковной. Уникальной в своем роде является Яновская церковь в Тарту (XIV в.), украшенная терракотовыми фигурами и головами. В их реалистическом выполнении сказываются народные влияния. Исключительный интерес представляют скульптурные группы в церквях Карья и Пёйде на Сааремаа (начало XIV века). Здесь мы встречаем скульптурное изображение эстонского крестьянина.

Глава V

РАЗВИТИЕ БАРЩИННОГО ХОЗЯЙСТВА. БОРЬБА ЗА ВОСТОЧНОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

(конец XV века — XVII век)

§ 1. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XV И ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА

Общая характеристика периода. Двухсотлетний период истории Эстонии с конца XV до конца XVII века весьма сложен и насыщен событиями. Этот период характеризуется борьбой России, Швеции, Польши и Дании за восточное побережье Балтийского моря. От исхода этой борьбы в огромной мере зависели исторические судьбы эстонского народа. Ход этой борьбы, а значит, и исторические судьбы эстонского народа были неразрывно связаны с возникновением и укреплением Русского централизованного государства.

К началу рассматриваемого периода феодальная раздробленность исторически изжила себя. Интересы экономического развития Ливонии требовали ликвидации феодальной раздробленности. В этом были заинтересованы не только крестьяне, ремесленники и купцы, страдавшие от феодальных войн и анархии, но и дворянство. Однако правящая колонизаторская верхушка феодальных полугосударств Ливонии, подчиненных германскому императору и Римскому папе, противилась созданию централизованного государства. Удары русских войск и классовая борьба эстонских и латышских крестьян ликвидировали власть Ордена и систему феодальных полугосударств Ливонии, но политическая раздробленность продолжала существовать. Территория Эстонии оставалась разделенной между соседними государствами вплоть до середины XVII в. На протяжении всего этого периода населению приходилось страдать от продолжительных войн. Под конец Швеции удалось завоевать всю Эстонию, но и после этого страна оставалась по-прежнему расчлененной на отдельные провинции.

С точки зрения экономической истории, рассматриваемый период в целом характеризуется дальнейшим развитием феодального, преимущественно барщинного, хозяйства, окончательным закрепощением крестьян и проникновением в феодальное хозяйство товарно-денежных отношений.

В событиях рассматриваемого периода играла существенную роль классовая борьба эстонского крестьянства. Хотя крестьяне боролись непосредственно и прежде всего за свои повседневные интересы, против усиления эксплуатации и увеличения поборов, объективно эта борьба способствовала ликвидации раздробленности и присоединению Эстонии к России. В ряде случаев эстонские крестьяне выступали на стороне русских войск против иноземных захватчиков или срывали своим пассивным и активным сопротивлением планы последних.

Образование Русского централизованного государства. Поражение Ливонского ордена. Во второй половине XV века произошло объединение русского народа в единое государство с центром в Москве. Основой для образования Русского централизованного государства послужило усиление экономических связей между отдельными частями Руси. Необходимость объединения сил для защиты от татарского ханства и других внешних врагов ускорила этот процесс.

Переход от феодальной раздробленности к образованию единого государства был прогрессивным явлением; это обеспечило независимость страны, способствовало ее значительному экономическому и культурному росту. После ликвидации золотоордынского ига началась борьба за воссоединение исконных русских земель, которые в свое время были отторгнуты польскими и литовскими князьями, и за выход к Балтийскому морю.

В Ливонии в этот период также усилились экономические связи, но не столько между ее южной и северной частями, сколько с русскими землями на Востоке. Причиной тому была растущая торговля России с Ливонией, а также с другими европейскими странами на Балтийском море; в этой торговле важную роль играло посредничество ливонских городов.

Возникшая на основе этих торговых связей возможность политического объединения со все более усиливающимся Русским государством была, однако, неприемлема для немецких феодалов, укрепившихся в Ливонии в борьбе с Русью и в течение столетий стремившихся к захвату русских земель. Они хотели, чтобы Русь оставалась в состоянии политической раздробленности. Феодальные власти Ливонии со страхом следили за образованием и усилением Русского централизованного государства. В конце XV и начале XVI века они неоднократно пытались захватить русские земли и всячески вредили интересам России. Все эти агрессивные устремления, однако, пресекались русской армией и дипломатией.

После присоединения Новгорода к централизованному Русскому государству (1478 год) ливонские феодальные власти сделали попытку захватить Псков. В 1480 году, когда русские войска были заняты борьбой с татарами, а бояре устраивали смуту против усиливающейся власти великого князя, большое немецкое войско подошло к Пскову, но было разбито. После победоносного похода русских в Ливонию, совершенного в начале следующего

года, было заключено перемирие. Иван III уделял весьма большое внимание укреплению западной границы и обороне выхода к Балтийскому морю. В 1492 году на правом берегу реки Нарвы, напротив орденского замка, была построена сильная крепость Ивангород. В следующем году Иван III заключил с датским королем договор, в основу которого были положены их общие интересы в борьбе против Ливонии и Швеции и стремление к освобождению торговли на Балтийском море от влияния Ганзы. В 1494 году Иван III закрыл долго мешавшую развитию русской торговли контору Ганзы в Новгороде.

Магистр Ливонского ордена Вольтер фон Плеттенберг сразу же стал готовиться к новой войне против Пскова и в 1501 году заключил военный союз с Литвой. Однако ни подготовка, которая велась Орденом в течение долгих лет, ни многочисленное войско не принесли ему победы. В конце 1501 года войска тартуского епископа были разбиты в сражении под Хельме. Попытка орденских войск захватить Псков тоже потерпела неудачу (1502 год). Агрессора спас от окончательного разгрома только союз с Литвой, при посредничестве которой в 1503 году между Русским государством и ливонскими властями было заключено перемирие на 6 лет, впоследствии неоднократно продлевавшееся.

Провал агрессивных планов Ордена принудил его вместе с епископами к сохранению мирных отношений с усилившимся Русским государством. Мир, продолжавшийся полстолетия, и рост сельскохозяйственного производства, торговли и ремесла способствовали развитию городов Ливонии. У части купцов и даже отдельных феодалов возникло в связи с этим стремление к сближению с Россией.

Политическое положение в Ливонии в начале XVI века и обострение социальных противоречий. В первой половине XVI века Ливония все еще была разделена между Орденом и епископами. Попытки Ордена распространить свою власть на всю страну по-прежнему не имели успеха. В связи с ослаблением Тевтонского ордена в Пруссии пошатнулись позиции и Ливонского ордена. По существу, он превратился в источник доходных местечек и привольной жизни для отдельных представителей дворянских фамилий северо-западной Германии. Ливонский орден был неспособен, таким образом, стать централизующим началом в Ливонии. Епископы и преобладающая часть высшего духовенства также являлись пришлым элементом в стране. Это были выходцы из немецких княжеских или дворянских родов, заботившиеся прежде всего о приумножении своих богатств и усилении собственной власти.

На рубеже столетий обстановка в Ливонии все же в известной мере изменилась, что обусловливалось возросшим влиянием поместного дворянства и крупных городов. После того, как в 1492 году над Ригой была восстановлена совместная власть Ордена и архиепископа, беспрерывные феодальные междоусобицы

прекратились. С конца XV века намного возросло значение общеливонского ландтага: ни один важнейший вопрос внутренней и внешней политики не решался теперь помимо него. В то же время власть Ордена и епископов начала постепенно уменьшаться. Однако из-за противоречий между Орденом и епископами ландтаг

Ливония в XVI веке.

не превратился в средство централизации конфедерации феодальных полугосударств Ливонии. Он не создал какого-либо постоянного органа управления и даже не имел постоянной резиденции.

В первой четверти XVI века в Ливонии обострились социальные и политические противоречия.

Дворяне-вассалы усиленно развивали поместное хозяйство, что увеличивало их доходы и позволяло вести более роскошный образ жизни. Поместное хозяйство принимало более широкие размеры и на собственно епископских и орденских землях, не розданных в лен. Это стимулировалось повышением цен на хлеб в связи с увеличением спроса на него в разросшихся городах, особенно в странах Западной Европы, где уже начинали разви-

ваться капиталистические отношения. Цены на хлеб, которые в течение всего XV века удерживались в среднем на одном и том же уровне, начали в первой половине следующего столетия быстро подниматься. Так, в 1507—1509 гг. ласт[1] ржи в Таллине стоил 24—30 рижских марок, в сороковых годах цена его поднялась до 60—70 марок, а в 1553 году достигла даже 86—90 марок. Заинтересованность вассалов в поместном хозяйстве была связана также с введением в войсках огнестрельного оружия. Основной военной силой стали теперь наемные солдаты — пешие воины, вооруженные огнестрельным оружием; дворянская конница, состоявшая из всадников-вассалов, теряла свое былое значение. Дворянство стремилось заполучить огромные земли, которые принадлежали католической церкви, в первую очередь Ордену, епископам и монастырям.

Папа и другие высшие духовные сановники за границей выкачивали из Ливонии большие доходы, что возбуждало зависть и недовольство среди дворян. Чтобы укрепить свои позиции, вассалы стремились обеспечить себе решающее влияние на выборах епископов и продвигать на все доходные должности представителей местного дворянства. В 1524 году вассалам сааре-ляэнеского епископа удалось добиться таких прав. Однако против угнетенных классов вассалы выступали всегда заодно с Орденом, епископами и другими прелатами.

Противоречия между Орденом, епископами и дворянством, с одной стороны, и городами — с другой, возникали, во-первых, по вопросам выдачи беглых крестьян и, во-вторых, по вопросам торговли, а также ремесла. Особенно много столкновений было у рыцарства округа Харью-Виру с магистратом и населением Таллина. Ремесленники и простой городской люд резко выступали против феодалов, вследствие чего последним было трудно возвращать себе бежавших в город крестьян. Правящая городская верхушка была заинтересована в пришлой рабочей силе. Орден же поддерживал рыцарство, так как, по его мнению, «дворяне должны распоряжаться своими крестьянами, ибо не могут же дворяне сами пахать». Только в середине XVI века Таллинский магистрат заключил с рыцарством округа Харью-Виру соглашение о выдаче также и безземельных крестьян.

Правящая верхушка городов считала как местную торговлю, так и торговые сношения с заграницей своей монополией. Феодалы же хотели превратить торговлю с крестьянами в свою монополию, а также торговать без посредников с иностранными купцами. Недовольство горожан росло и в связи с концентрацией больших богатств в руках католической церкви, в особенности в монастырях, находившихся в городах, и в связи с ежегодной отправкой больших сумм папе Римскому.

В самих городах тоже шла борьба. Находившаяся у власти

[1] Ласт — 3188 литров, или примерно 19,2 центнера зерна.

небольшая группа городских патрициев стремилась захватить в свои руки всю торговлю и не допустить мелких торговцев и ремесленников к непосредственному торговому обмену с крестьянами и иностранными купцами. Налоговое бремя постоянно росло. Переход к огнестрельному оружию потребовал больших расходов на сооружение укреплений, покупку дорогостоящего вооружения и содержание наемников. В Таллине около 1475 года была сооружена башня «Кик-ин-де-кэк»; к 1529 году было завершено сооружение башни «Толстая Маргарита». Среднее и низшее бюргерство должно было платить все налоги, но права голоса в вопросах использования городских доходов не имело. В крупнейшем городе Эстонии, Таллине, в первой половине XVI века между богатыми купцами, с одной стороны, ремесленниками и мелкими торговцами — с другой, шла острая борьба. Последние добивались ликвидации ограничений в торговле и снижения налогов. Недовольство низших слоев населения, вызванное их тяжелым экономическим положением, все время росло. Городские патриции в своей борьбе против низших слоев опирались на Орден и рыцарство.

Исключительно тяжелым было положение крестьян, которых угнетали и эксплуатировали католическая церковь и Орден, дворянство и города. Большое количество любителей легкой наживы в лице рыцарей Ордена, епископов и других прелатов, попов и монахов приезжало из Германии в Ливонию, стремясь здесь обогатиться путем эксплуатации эстонских и латышских крестьян. Из года в год дворяне-помещики усиливали эксплуатацию крестьян, отнимали у них землю, обращались с ними как со скотом. Леса, луга и воды, ранее принадлежавшие сельским общинам, были объявлены собственностью помещика, а крестьянин был лишен даже права там охотиться или ловить рыбу. Многие богатые купцы покупали поместья и эксплуатировали крестьян не только как помещики, но и как ростовщики.

В условиях развития товарно-денежных отношений на протяжении всей первой половины XVI века интенсивно расширялись помещичьи хозяйства. Епископы, а теперь и Орден, чтобы покрыть растущие расходы, были вынуждены раздавать в лен все больше своих земель или закладывать их. В результате этого крепостные отношения в сельском хозяйстве стали быстро углубляться. Количество барщинных дней в году, в зависимости от размеров поместья и числа принадлежавших ему крестьян, в разных местах страны было неодинаковым, но в целом барщина в тот период значительно увеличилась. В середине XVI века поместье требовало посылать «с каждого гака ежедневно одного сильного барщинника со своей упряжью». Прочие подати и поборы разного рода, как натурой, так и деньгами, также увеличились. В тех владениях ландесгерров, где поместное хозяйство было слабее развито, чем на частных землях, в первой половине века временно возрос удельный вес денежной ренты. Это также

было обусловлено развитием товарно-денежных отношений. Крепостная зависимость становилась все более жестокой. Расширялись и права помещиков на принудительное возвращение крестьян, укреплялись ведающие этим органы.

Тяжелое и бесправное положение ливонского крестьянства нашло отражение в литературе того времени. В 1550 году появилась «Космография» С. Мюнстера, в которой автор писал: «Простые сельские люди в этой стране (Ливонии) находятся почти на положении рабов, а господа обходятся с ними очень грубо и жестоко... Они так жестоко относятся к ним, что если кто-нибудь из крестьян вырастит хорошего коня, быка или корову, то они под всякими предлогами стремятся отнять или путем обмана выманить их у крестьянина. Если крестьянин убежит от них, что из-за голода, мучений и различных бедствий происходит часто, и если его разыщут, то беглецу отрубают одну ногу, чтобы он больше не мог убежать. Это самый несчастный и самый угнетенный народ, подобного которому нигде нельзя найти под солнцем».

Волнения среди крестьян росли. Во время войны 1501—1503 годов тартуский епископ жаловался, что эстонские крестьяне группами по 100—200 человек переходят на сторону русских. В 1507 году, опасаясь восстания, власти запретили крестьянам ношение какого бы то ни было оружия. Ливонские власти старались усилить деятельность католической церкви среди крестьян, чтобы ослабить обостряющуюся классовую борьбу.

«Революционная оппозиция феодализму, — указывает Ф. Энгельс, — проходит через все средневековье. Она выступает, соответственно условиям времени, то в виде мистики, то в виде открытой ереси, то в виде вооруженного восстания».[1] В Ливонии классовая борьба в то время также получила религиозный отпечаток, интересы, устремления и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой.

Реформация. В первой половине XVI столетия в Германии и других странах Западной Европы происходило широкое общественное движение — реформация. В Германии во главе народной реформации, достигшей своего апогея в крестьянской войне 1525 года, стоял Томас Мюнцер. Движение крестьянства и низших слоев городского населения было жестоко подавлено; в реформации победило умеренное течение — лютеранство, или протестантство, отражавшее интересы светских князей, дворянства и богатых горожан.

В Ливонии, как и в других странах, охваченных реформацией, это движение было направлено прежде всего против католической церкви, которая вызывала недовольство как угнетенных классов, так и бюргерства и части дворянства. Но каждый класс, каждый слой населения вносил в это движение свое содержание.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. второе, т. 7, стр. 361.

Богатые купцы и мастера-ремесленники, а также часть дворянства стремились только к реформации церкви, чтобы захватить церковные земли и имущество, подчинить церковь своему влиянию и сократить расходы на нее. Крестьяне же и низшие слои горожан боролись за ликвидацию крепостного права, за общественное и имущественное равенство.

Мельхиор Гофман (по рисунку XVIII века).

В Риге, Тарту, Таллине и других городах Ливонии с 1521 года велась пропаганда идей реформации. К городской верхушке присоединилась часть дворян, которая надеялась таким образом освободиться из-под власти папы и епископов. Основной силой движения были ремесленники и простой городской люд, решительно выступавшие против католической церкви, которая была наиболее общим синтезом и наиболее общей санкцией существующего феодального строя.[1]

В Ливонии выразителем интересов этих слоев был странствующий ремесленник-меховщик Мельхиор Гофман, родом из Германии, который в 1524—1525 годах работал в Тарту. Гофман хотел реорганизовать церковь на народной основе, с тем чтобы пропо-

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., изд. второе, т. 7, стр. 361.

ведники избирались самим народом из своей среды. Он боролся против католической церкви, попов, монахов и Ордена и мечтал об обществе без классовых противоречий, где нет голода, бедствий и нищеты. Он признавал необходимость борьбы за создание нового строя.

Орден и епископы стремились подавить реформационное движение. В ответ на это вспыхнули стихийные волнения во всех крупных городах. В Таллине антикатолические настроения усилились уже в начале 1524 года, а к осени они переросли в массовые выступления. 14 сентября почти полутысячная толпа из эстонского и немецкого простонародья ворвалась в доминиканский монастырь, а затем и в церкви Олевисте и Святого Духа, уничтожила алтари, иконы и скульптурные изображения святых, а часть имущества растаскала. В начале следующего года доминиканский монастырь был ликвидирован, а монахи разогнаны.

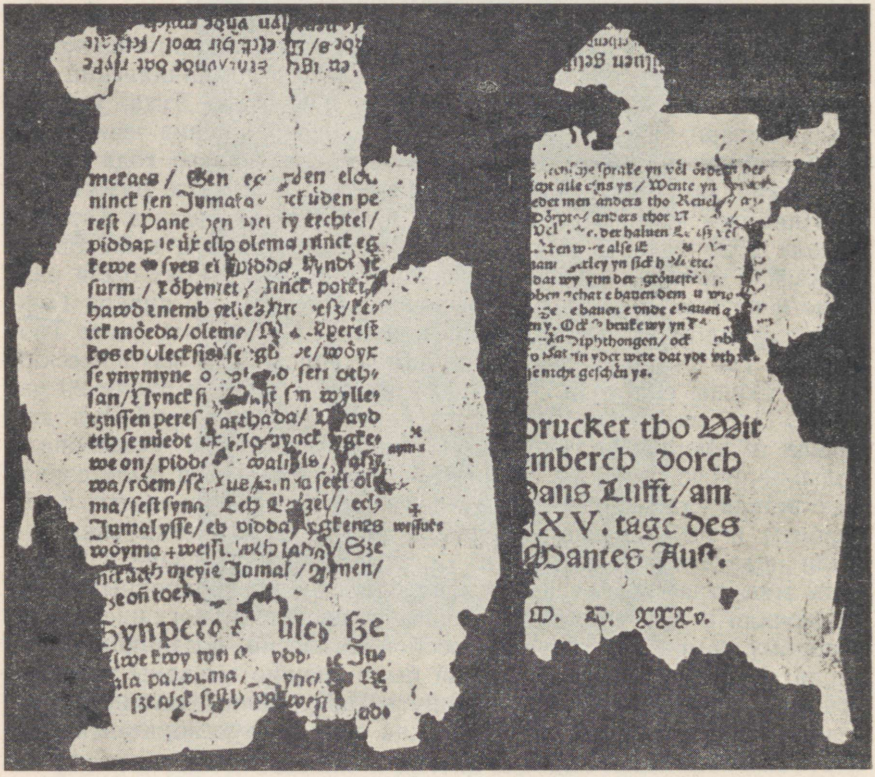
Наиболее крупные волнения в Эстонии произошли в Тарту в начале 1525 года. 7 января народ изгнал попов и монахов из церквей и монастырей. Алтари, иконы и статуи святых были разбиты и частью сожжены на рыночной площади. 10 января Гофман с отрядом около 200 человек пытался захватить холм Тоомемяги, где были расположены замок епископа и католический собор. Воины епископа отбили эту атаку, убив 4 и ранив 20 человек. Это еще более возмутило народ. Звуками труб был дан сигнал к вооруженному выступлению, в котором участвовало большое число горожан. Дверь собора на Тоомемяги была сорвана с петель ударами тарана. Многочисленные статуи святых были разбиты и выброшены из церкви. Для захвата замка епископа были подвезены даже пушки. Богатые купцы во главе с городским магистратом, боясь перехода власти в руки народных масс, заключили с дворянами и высшим духовенством соглашение, по которому замок был передан особой комиссии, созданной из их числа. Для подавления волнений были спешно вызваны наемные войска. Гофмана заставили покинуть Тарту. Впоследствии он, поселившись в Германии, выступал как один из руководителей анабаптистов.

Движение сторонников реформации, возникшее среди богатых горожан, резко отличалось по своему характеру и целям от революционного движения низших слоев, которое подавляли правящие круги городов и дворяне в Тарту, Таллине и других местах. В революционном движении проявилось сотрудничество низших слоев эстонского и немецкого населения в борьбе против эксплуатации и гнета.

В это же время в сельской местности резко усилилась борьба крестьян против феодалов. Волнения в городах, идеи равенства людей, направленные против католической церкви, оказали большое влияние на крестьян. У Гофмана были единомышленники из ремесленников-эстонцев, которые действовали среди крестьян. Горожанам Ливонии, а через них, по-видимому, и части эстонских

крестьян стали известны требования восставших немецких крестьян, так называемые «12 статей».

Еще весной 1524 года из окрестностей Таллина и Нарвы стали поступать сведения о волнениях среди крестьянства. Раквереский фогт сетовал на то, что крестьяне прекратили работу на барщине и выплату податей. Осенью следующего года в Тартуском епископстве крестьяне отказались платить долги и оброк. Неурожай



Фрагмент старейшего эстонского печатного издания.

и голод 1525 года еще более усилили брожение среди крестьянства по всей стране.

Волнения низших слоев горожан и крестьянства заставили различные группы правящих классов Ливонии договориться между собой. Земельные владения католической церкви были сохранены. Но власть епископов и Ордена была все же подорвана, так как в городах была создана протестантская церковь. Помещики также стали постепенно менять веру. Ливонский орден быстро распадался, власть епископов ослабевала.

В связи с реформацией в 1535 году появилось старейшее из

известных нам печатных изданий на эстонском языке — катехизис, отпечатанный в Виттенберге (Германия) в 1500 экземплярах. Катехизис составлен на двух языках: текст на нижненемецком языке написан пастором церкви Нигулисте Симоном Ванрадтом, а эстонский перевод сделан пастором эстонского прихода церкви Святого Духа Иоганом Кэлем. Однако Таллинский магистрат запретил распространение катехизиса из-за содержавшихся якобы в нем «немалых ошибок», а фактически из-за боязни волнений среди эстонцев.

Так в Ливонии, как и в Германии, победила лютеранская реформация дворянства и богатых горожан. Движение низших слоев горожан и крестьян было подавлено объединенными силами господствующих классов.

§ 2. ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА

Причины Ливонской войны. Развитие централизованного Русского государства и его экономики требовало завоевания открытого доступа к Балтийскому морю, необходимого для свободной торговли, политических и культурных связей с другими странами Европы. Но ливонские власти, Польша, Литва и Швеция стремились закрыть России выход к морю. По экономическим и политическим соображениям эти государства, а также Дания были сами заинтересованы в усилении своего господства на Балтийском море и потому старались вовлечь раздробленную и ослабленную Ливонию в сферу своего влияния. Особенно явно эти стремления проявились в середине XVI века; вот почему т. н. балтийский вопрос стал в это время для Русского государства особенно актуальным. Русское государство было жизненно заинтересовано в том, чтобы прямой путь через Балтийское море в Западную Европу, на котором Ливония занимала ключевые позиции, не попал в руки Литвы, Польши или Швеции. Ливонский орден, опасаясь дальнейшего усиления Русского государства, препятствовал ввозу особенно важных с военной точки зрения промышленных изделий и сырья, а также въезду иностранных специалистов в Россию. Так, в 1548 году в Любеке по требованию ливонских властей была задержана большая группа специалистов-ремесленников, которые по заданию русского царя были завербованы на работу в России. В то же время Орден принимал активное участие в антирусских политических заговорах.

После закрытия Ганзейской торговой конторы в Новгороде центр тяжести ганзейско-русской торговли переместился в крупнейшие города Ливонии. Сами ливонские купцы стали все реже ездить в Россию, а в 1536 году им была даже запрещена поездка в Псков. Они стремились держать в своих руках монополию над ведущейся через Ливонию русской транзитной торговлей с Западом и неоднократно возобновляли запрет т. н. гостевой торговли,

по которому русским и другим иностранным купцам запрещалось вступать здесь в непосредственные торговые отношения. Торговые сделки разрешалось заключать только через посредство местных (немецких) купцов, что приносило последним большую посредническую прибыль.

В середине XVI века одной из основных задач России было уничтожить мешавшее ее развитию препятствие на восточном берегу Балтийского моря. Русский царь Иван IV поставил себе целью обеспечить России выход к морю. Программа завоевания Ливонии отвечала торговым интересам как русского дворянства, так и богатых горожан. Дворяне к тому же надеялись на получение в Ливонии новых земельных владений.

Политическое объединение раздробленной Ливонии с централизованным Русским государством находилось в соответствии также и с направлением ее экономического развития.

В 1554 году Россия возобновила с Ливонией перемирие на 15 лет. По условиям нового перемирия ливонские власти должны были отказаться от попыток препятствовать сношениям между Россией и другими государствами Европы, а также обязались не вступать в военный союз с Литвой и Польшей. Кроме того, ливонские власти взяли на себя обязательство в течение трех лет покрыть задолженность Тартуского епископства по так называемой «тартуской дани», а в дальнейшем выплачивать ее ежегодно. Этим русская дипломатия добилась признания ливонскими властями государственных прав России на Тартуское епископство.

Однако на деле ливонские власти во главе с Орденом и теперь не собирались выполнять принятые на себя обязательства. В области торговли отношения, наоборот, даже обострились, а в 1557 году почти вовсе прекратились. Уже в год заключения перемирия Орден вместе со Швецией готовили военный поход против России. Орден наложил строгий запрет на вывоз туда оружия. Когда Швеция в войне против России потерпела поражение, Орден в сентябре 1557 года в местечке Посволь (на границе с Литвой) заключил антирусский военный союз с польским королем. Вмешательство Польши во внутренние распри в Ливонии и концентрация литовско-польских войск на ее границах для поддержания рижского архиепископа и кандидата в его преемники явно свидетельствовали о том, что на повестку дня поставлен вопрос о скором превращении Ливонии в литовско-польского вассала. В то же время грубое нарушение перемирия со стороны ливонских властей показало Ивану IV, что разрешить вопрос мирным путем невозможно.

Начало войны. Помощь эстонских крестьян русским войскам. В конце января 1558 года русские войска перешли границу и совершили поход в восточную Эстонию. Весной они приступили к завоеванию страны. Уже 11 мая пала сильно укрепленная Нарва. После осады, 19 июля, сдался Тарту. Условия капитуляции были для города очень льготными. В авгу-

сте русские войска овладели Раквере и совершили поход в Харьюмаа.

Уже в начале войны немцы потерпели тяжелое поражение, потеряв ряд важных крепостей и городов. Полностью обнаружилась

Миниатюра из Никоновской летописи.

Эстонцы из Кирумпя и Сымерпалу приносят присягу русскому воеводе.

военная отсталость Ливонии. Храбрость русских войск вызывала панический страх в войсках Ордена. При штурме крепостей важную роль играла русская артиллерия.

Эстонские крестьяне оказывали русским войскам всяческую помощь: указывали дорогу, давали сведения о передвижении ливонских войск и боролись против помещиков. Эстонские крестьяне присоединялись к русским и вместе с ними нападали на войска Ордена (например, у замка Лайузе), а также помогали захватывать укрепленные замки. Источники приводят сведе-

ния о захвате подобным образом Вастселийна, Кирумпя, Рынгу, Ранну, Кавильда и др. Попытки ливонских властей мобилизовать крестьян в свои войска успеха не имели. Крестьяне уклонялись от мобилизации; если их уводили насильно, то они вскоре разбегались, а то и присоединялись к русским.

Дружественное отношение к русским со стороны эстонских и латышских крестьян, а также низших слоев горожан, и их исконная ненависть к угнетателям-немцам были одной из важнейших причин поражения орденских и епископских войск.

От полного разгрома в первый же год войны ливонских феодалов спасло перемирие, заключенное правительством Адашева в 1559 году. Они использовали это перемирие для расширения рамок войны, заключив ряд соглашений с иностранными государствами.

Сааре-ляэнеский епископ в страхе перед русскими войсками в 1559 году продал свои владения датскому королю, уже давно мечтавшему о том, чтобы снова закрепиться на территории Эстонии. Он послал сюда своего брата, герцога Магнуса, который попытался получить и орденские земли в Эстонии, боясь, что они попадут в руки противников Дании — Польши и Швеции. Магистр Ордена сорвал попытки Магнуса, а у Дании не хватило войск для завоевания этих земель. Польша и Швеция, со своей стороны, готовились к захвату разваливающейся Ливонии.

2 августа 1560 года войска Ордена были разгромлены русскими в Омульском сражении у Эргеме. После трехнедельной осады пала одна из сильнейших крепостей Ливонии — Вильянди. Русские войска подходили к Таллину и Риге.

Восстание эстонских крестьян в 1560—1561 годах. Успехи русских войск и поражение Ордена вдохновляли эстонское крестьянство и помогали ему в борьбе против феодалов. Крестьяне считали, что теперь, в условиях войны, которая к тому же резко ухудшила их положение, наступила пора сбросить с себя иго помещиков. Осенью 1560 года началось восстание крестьян в округах Харью и Ляэнемаа. Феодалы опасались, что на острове Сааремаа со дня на день может также вспыхнуть восстание крестьян и наемных воинов. Хронист Руссов писал, что причиной крестьянского восстания против дворян были большие поборы и тяжелая барщина.

Восставшие крестьяне избрали своим вождем эстонца-кузнеца. Число восставших росло с каждым днем. Они нападали на феодальные поместья и убивали их владельцев. По сообщению магистра Ордена, часть феодалов была передана восставшими крестьянами русским. Герцог Магнус писал, что, если восстание не удастся подавить, крестьяне подчинятся русским и выдадут им всех немцев вместе с крепостями.

Восставшие крестьяне поддерживали связь с городской беднотой Таллина. Они направили своих послов в Таллин «заключить с городом договор о мире и дружбе, но дворянам они не

хотели ни в чем уступить». Однако городской магистрат, состоявший из патрициев, отклонил предложение крестьян, уговаривая их прекратить восстание и подчиниться своим господам.

Восставшие осадили сильно укрепленный замок Колувере. Восстание принимало такой размах, что для подавления его магистр Ордена запросил помощи даже у польского короля. Путем обмана, гоня с собой насильно собранных крестьян, феодалам удалось незаметно подойти к восставшим, осаждавшим замок. Большинство осаждавших было убито в сражении, часть попала в плен. Предводителя восставших четвертовали, других пленников после страшных пыток казнили.

После поражения при Колувере восстание было подавлено. В округах Пярну, Харью и других местах волнения некоторое время еще продолжались. Крестьяне Ляэнемаа и в 1561 году отказывались от уплаты податей и выполнения барщины, ходили большими группами в Вильянди, чтобы получить от русского воеводы охранные грамоты.

Восстание эстонского крестьянства в 1560—1561 годах было неорганизованным, лишенным необходимого руководства, как и все крестьянские восстания в период феодализма.

В восстании проявилось стихийное стремление эстонского крестьянства перейти под власть Русского государства.

Ликвидация ливонских феодальных государств. Победы России в Ливонии произвели большое впечатление в Германии, Польше, Швеции и Дании, стремившихся завладеть Прибалтикой и ее гаванями. Удары русских войск привели власть Ордена и епископов к краху. Орден, епископы и немецкие феодалы, против которых также восстали эстонские и латышские крестьяне, спешили отдать себя под власть какого-нибудь иностранного государства.

Уже в первые годы Ливонской войны между ливонскими правителями и иностранными государствами шел оживленный торг о судьбах Прибалтики. В 1561 году Харьюмаа и Ярвамаа, а также Таллин, отошли к Швеции, а юго-западные земли материковой части Эстонии, вместе с латышскими землями, — к польскому королю и литовскому великому князю Сигизмунду II Августу.

Ливонские феодалы выговорили себе по договору большие земельные владения и другие широкие привилегии. В южной части Латвии было образовано Курляндское герцогство, во главе которого, в качестве вассала польского короля, был поставлен последний магистр Ливонского ордена Г. Кеттлер.

Так в результате ударов, нанесенных русскими войсками, были ликвидированы феодальные полугосударства Ливонии. Ливонский орден — жестокий враг русского, эстонского, латышского и литовского народов — был уничтожен. Этому способствовала и борьба эстонского и латышского народов против немецких феодалов.

Восточная Эстония под властью Русского государства. На землях, отошедших к России, было полностью уничтожено землевладение Ордена, епископа, монастырей, прелатов и других немецких духовных феодалов. Во время Ливонской войны часть немецких помещиков также потеряла свои земли. Эти владения перешли теперь к Русскому государству. Имеются сведения, что уже весной 1558 года нарвский воевода, например, велел выделить алутагузеским крестьянам семена для посева, а также волов и лошадей для полевых работ, рассматривая их, таким образом, уже как государственных крестьян. Часть поместий была передана русским дворянам, которых прельщала здесь возможность эксплуатации давно закрепощенных крестьян. В общем же, положение эстонских крестьян под властью Русского государства на некоторое время несколько улучшилось. В России крепостное право не было еще настолько развито, как в Ливонии. Крестьяне имели право осенью уходить от помещиков, селиться в городах и т. д. В восточной Эстонии была теперь в известной мере ослаблена крепостная зависимость крестьян, облегчено их передвижение с места на место. Эстонцы имели теперь право заниматься ремеслом и торговлей.

В первые годы Ливонской войны русское царское правительство старалось использовать глубокую ненависть эстонского крестьянства к немецким феодалам в интересах расширения и укрепления своей власти. С этим пришлось считаться Швеции и Дании в занятых ими северной и западной Эстонии. Так, например, шведский король Эрик XIV запретил применять в Эстонии «зверское избиение и телесное наказание» крестьян, ибо «некоторые московиты пользуются этим, чтобы перетянуть на свою сторону подчиненных им (т. е. дворянам в Эстонии) крестьян, увещевая и обещая им, что под их (т. е. русской) властью крестьяне будут избавлены от такой нищеты». Разумеется, и под русской властью крестьяне не были освобождены от крепостной зависимости; последняя лишь несколько ослабла в сравнении с теми крайними формами, которые крепостничество приобрело в Ливонии. Продолжение войны принесло всему эстонскому крестьянству новые тяготы и страдания.

Крупнейшим торговым центром и гаванью Эстонии стал теперь город Нарва, развитию которого доселе препятствовали таллинские купцы. Иван IV дал жителям Нарвы большие привилегии. Местные купцы получили право беспошлинно торговать с Россией и свободно вступать в торговые сношения с Германией. Город был освобожден от постоя войск. Нарва стала значительным торговым городом, куда приезжали торговать немцы, англичане, голландцы, французы, шотландцы, датчане и др. Через Нарву в Россию ввозились в большом количестве различные товары, оружие, произведения искусства и т. д. Сюда приезжали с Запада ремесленники и художники, стали строиться корабли и т. д. За два десятилетия население города выросло примерно с

600 до 5000 человек. Впоследствии этот уровень был вновь достигнут только в середине XIX века. Русские зодчие провели в Нарве большие строительные работы. В 1558 году был построен мост через реку Нарву.

Польша и Швеция безуспешно пытались помешать оживленной торговле с Нарвой, перехватывая направляющиеся туда корабли.

Вторым наиболее важным городом Эстонии, вошедшим в состав Русского государства, был Тарту. Здесь национальный состав населения изменился в пользу эстонцев. Современные источники отмечают, что за рекой в то время выросла большая слобода. Когда осенью 1571 года находившиеся на службе у русских властей немцы захотели отдать город полякам, жители слободы помогли подавить этот мятеж. После этого большинство немецких бюргеров было вывезено из Тарту в глубь России.

В то же время торговое значение Таллина, подпавшего под власть Швеции, свелось на нет. По словам Руссова, Таллин остался «без пропитания... прекратилась всякая торговля славного, богатого некогда торгового города». Голландские, немецкие и английские купцы предпочитали теперь плыть мимо Таллина, не заходя в его гавань.

Если ранее ливонские купцы бывали только в Пскове и Новгороде, то теперь стали быстро развиваться связи Тарту и Нарвы со столицей России — Москвой, центром торговли и ремесла.

В городах восточной и центральной Эстонии поселялись русские купцы, ремесленники и огородники, на побережье Чудского озера — русские рыбаки.

Хотя восточная часть Эстонии находилась под властью Русского государства недолго, к тому же в условиях затяжной и опустошительной войны, тем не менее этот период способствовал укреплению экономических, а также культурных связей между русским и эстонским народами.

Конец Ливонской войны. В результате польской, шведской и датской интервенции Ливонская война затянулась и продолжалась почти четверть века. На первом этапе Ливонской войны русскому правительству удалось сохранить со Швецией мирные отношения. Благодаря этому восточная Эстония получила в 60-х годах возможность оправиться от войны. Успешными военными действиями русское правительство заставило просить мира и польского короля. В то же время западная Эстония, где с переменным успехом велись войны между Швецией и Данией и между Швецией и Польшей, подвергалась сильному разорению. Расстановка сил изменилась, когда на шведский престол вступил Иоган III, приверженец агрессивной политики против России.

Для укрепления своего господства в Ливонии, завоевания поддержки со стороны местных немецких феодалов и горожан и привлечения их к более тесному сотрудничеству правительство Ивана IV решило создать в Ливонии зависимое от России королев-

ство. Королем этого вассального ливонского государства в 1570 году был провозглашен герцог Магнус. Резиденцией его была выбрана Пыльтсамаа. Прежде всего Магнусу надлежало овладеть Таллином — сильнейшим шведским опорным пунктом в Эстонии. Еще в том же году под Таллином были сосредоточены крупные русские войска, но почти тридцатинедельная осада города успеха не имела. Шведам удалось обеспечить снабжение города с моря. В начале 1573 года у шведов были отвоеваны Пайде и Каркси, а в 1575 году — Пярну. Попытки шведов перейти в контрнаступление и занять Раквере, Тоолсе и Нарву окончились неудачей.

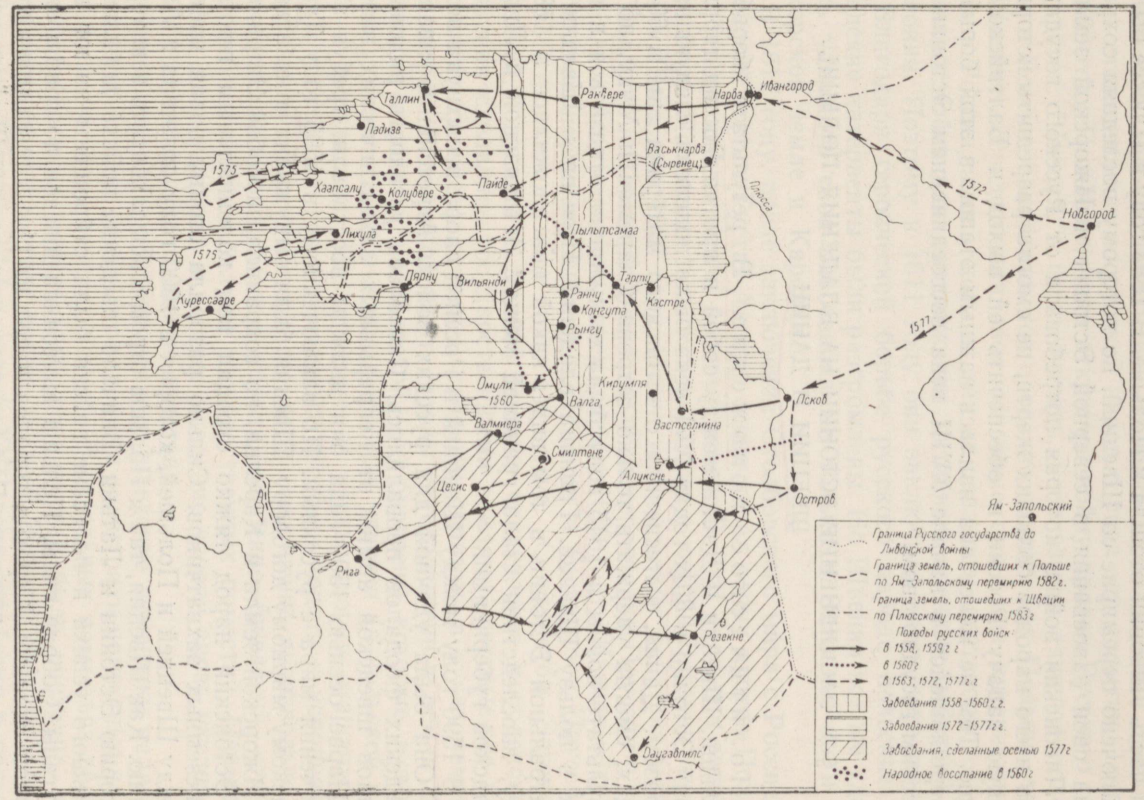
Возобновилась также война России с Польшей и Литвой. В результате успешных военных действий в 1576—1577 годах польские и шведские войска были изгнаны со всей территории материковой Эстонии, исключая Таллин, и из северной Латвии, кроме района Риги. Осада Таллина ранней весной 1577 года, как и семь лет тому назад, окончилась безрезультатно, так как и на сей раз не удалось блокировать город с моря. После этого набеги разного рода вооруженных отрядов, поощряемых шведскими правителями, на подвластные России районы Эстонии приняли особенно опустошительный и широкий характер.

Победы русских войск и рост могущества Русского государства вызвали страх в соседних государствах. Возникли планы создания коалиций, направленных против Москвы. Против России выступили Турция и ее союзник — крымский хан. В 1569 году на сейме в Люблине Польша и Литва объединились в единое государство, что позволило собрать еще более крупные силы. Король Польши и Литвы, Стефан Баторий, после тщательной подготовки перешел в 1579 году в наступление. Ему удалось захватить Полоцк и в следующем году — Великие Луки. Еще до этого на его сторону переметнулся Магнус.

Швеция в это же время начала наступление с севера. Эстонские крестьяне вместе с русскими войсками повели борьбу против шведов. В Вирумаа в 1579 году много эстонских юношей добровольно вступило в русские войска. «Хозяева Вирумаа, — рассказывает Руссов в своей хронике, — жаловались каждому, что у них не осталось ни одного слуги».

Иван IV вынужден был сосредоточить свои войска для отпора полякам, вторгшимся в Россию. Поэтому в 1580—1581 годах шведам удалось захватить северную Эстонию и проникнуть за реку Нарву. Осенью 1581 года шведы после ожесточенной борьбы захватили Нарву, откуда часть русского гарнизона была переведена для усиления гарнизона Пскова. Из победной реляции шведского полководца Понтуса Делагарди следует, что после захвата Нарвы жертвами организованной в городе кровавой бойни стало 7 тысяч человек, большей частью гражданское население. Богатый торговый город был разграблен.

Пятимесячная осада Пскова в 1581 году крупной польской ар-



Ливонская война 1558—1583 гг.

мией не имела успеха. В январе 1582 года в Ям-Запольском между Польшей и Россией было заключено перемирие, по условиям которого были восстановлены старые границы. Центральная часть Ливонии отошла к Польше. В 1583 году в Плюссе было заключено перемирие со Швецией, по которому последняя сохранила свои завоевания в северной Эстонии и Ижорской земле.

Ливонская война, которая потребовала от Русского государства и его народов больших жертв, не смогла разрешить историческую задачу России и обеспечить ей выход к Балтийскому морю. Тем не менее она явилась важным этапом в этой борьбе, завершившейся в начале XVIII века воссоединением Эстонии с Русским государством.

§ 3. РАСЧЛЕНЕНИЕ ЭСТОНИИ НА ВЛАДЕНИЯ ПОЛЬШИ, ШВЕЦИИ И ДАНИИ

Политическое положение. В результате борьбы Польши, Швеции и Дании между собой и против России территория Эстонии в 80-х годах XVI века была поделена следующим образом. Дания, вытесненная с эстонского материка еще в 60-х годах, смогла удержать только острова Сааремаа и Муху, но в результате войны в 1645 году была вынуждена отказаться и от них в пользу Швеции. Граница владений Польши и Швеции в центральной Эстонии в том виде, какой она сложилась к 1582 году, впоследствии стала границей между Эстляндской и Лифляндской губерниями.

В 1590 году между Швецией и Россией снова вспыхнула война. Она была удачной для русских войск. Агрессивные планы шведских феодалов провалились. Сказалась усталость рядовых воинов шведской армии от непрерывных захватнических войн. В Нарве осенью 1590 года они дважды восставали, требуя заключения мира с русскими. По заключенному в 1595 году Тявзинскому мирному договору Швеция была вынуждена отказаться от Ижорской земли и Карелии, но сохранила за собой Эстонию.

Эстонский народ тяжко страдал под колониальным гнетом чужеземных захватчиков. Сильно разорила страну новая война между Швецией и Польшей, которая в 1600 году охватила и Ливонию. Как Швеция, так и Польша стремились захватить всю территорию Эстонии и Латвии. Вначале шведские войска добились большого успеха и польские войска были отброшены на юг до Даугавы. Собрав силы, Польша вытеснила шведов до границ северной Эстонии. Переход городов и сел из рук в руки привел к огромным разрушениям. Больше всего страдало от войны крестьянство, у которого отбиралось последнее. К этому прибавился еще тяжелый неурожай 1601—1602 года и мор. В начале XVII века до двух третей эстонского народа стало жертвами войны, голода и эпидемий.

В начале XVII века польские паны, недовольные результатами Ливонской войны и жаждавшие новых завоеваний, вмешались во внутренние дела Русского государства и сделали попытку поработить его. Польша попыталась посадить на московский престол своих ставленников, но русский народ сорвал эти попытки. Тогда в 1609 году Польша начала открытую войну против Русского государства. Швеция, в свою очередь, использовав тяжелое положение России, захватила новгородские земли. Как Польша, так и Швеция сосредоточили свои основные силы для интервенции против России, и ни у кого из них не оказалось достаточного количества войск для продолжения активных военных действий в Ливонии. Поэтому в 1611 году они заключили здесь перемирие.

Благодаря героической борьбе русского народа польские и шведские интервенты были разгромлены. Но Швеции все же удалось удержать свои завоевания не только в Эстонии, но и в Ижорской земле и Карелии.

В 1617 году, после заключения Столбовского мира с Россией, шведский король Густав-Адольф снова начал войну против Польши. Теперь шведы имели прочный успех. В 1621 году они захватили Ригу. Последние польские владения в южной Эстонии перешли к Швеции в 1625 году. После этого военные действия между Польшей и Швецией происходили на территории Пруссии и закончились Альтмаркским перемирием в 1629 году. Швеция сохранила свои новые завоевания в Ливонии и частично в Пруссии.

Экономическое положение. С захватом Эстонии Швецией, Польшей и Данией бывшие епископские и орденские владения сделались государственными землями, частные же поместья по-прежнему остались, главным образом, в руках немецких дворян. В польской части страны государственные земли делились на староства, а в шведской — на бурглены, которые, в свою очередь, делились на мызные лены, или участки (в польской части — фольварки). Назначенные из среды дворян старосты и фогты собирали с государственных крестьян подати и исполняли судебные функции, действуя при этом совершенно произвольно и своекорыстно. Со временем короли, особенно шведский, стали раздавать в лен все больше государственных поместий. Переход земель от государства в частное владение дворян вновь ухудшил и без того тяжелое положение крестьян.

Немецкие, польские, литовские и шведские помещики налагали на крестьян все новые повинности и расширяли поместные владения за счет крестьянских земель. В отдельных поместьях величина отработок и натуральных повинностей была различна, но отработочная рента стала теперь во всей Эстонии основной формой ренты. В конце XVI и начале XVII века отработки в пользу поместья составляли по 5—6 барщинных дней в неделю с каждого гака. В Ляэнемаа поместье требовало с одного гака свыше 200 конных и 260 пеших барщинных дней в году. В 1613 году крестьяне юго-восточной Эстонии жаловались, что «их обреме-

няют непосильной работой, не дают даже справлять праздников и уже в воскресенье вечером гонят к месту работы». Крестьяне сетовали и на то, что им приходится отдавать поместью зерна с урожая вдвое больше посеянного, причем помещик к тому же обманывает их, пользуясь фальшивой мерой.

В конце XVI века было выработано ливонское «земское право». Это право, применявшееся в южной Эстонии, исходило из юридических норм римского рабовладения и устанавливало для эстонского и латышского крестьянина положение, сходное с положением римского раба. Согласно этому праву, «закрепощенные крестьяне и те, которые от них родились, а также их имущество и владение подчиняются власти своего господина, и они без согласия господ не могут ничего продавать или переходить на другое место жительства». Свободный крестьянин, который брал у помещика в пользование клочок земли, терял свою личную свободу и становился крепостным рабом.

Длительные войны привели в упадок и города. Торговля зачахла в результате уменьшения численности населения и обеднения страны, а также из-за ослабления экономических связей между эстонскими и русскими землями. Упадок торговли в Таллине выразился, в частности, в резком снижении ввоза соли — важнейшего для города импортного товара. Если в 1547—1557 гг. ежегодный ввоз соли в Таллин составлял в среднем 8275 ластов [1], то в начале войны он упал до 3700 ластов, а в 1563—1568 гг. даже — до 879 ластов в год. В 20-х годах XVII века ежегодный импорт соли в Таллин равнялся в среднем 1158 ластам, т. е. в 7 с лишним раз меньше, чем до разрыва экономических связей с Россией. В то же время вывоз зерна из Эстонии через Таллин упал за эти же годы в среднем только на одну четверть.

Связанное с Ливонской войной перемещение торговых путей привело к тому, что Тарту тоже потерял свое былое значение в транзитной торговле. Нарва только во второй четверти XVII века стала оправляться от пагубных последствий войны. Из эстонских городов лишь один Курессааре, находившийся под датским владычеством, получил более широкие возможности для своего развития.

§ 4. ЭСТОНИЯ — КОЛОНИАЛЬНАЯ ПРОВИНЦИЯ ШВЕДСКОГО ДВОРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Колониальная политика шведского дворянского государства. Остзейский особый порядок. Даже после того, как Швеции удалось захватить всю Эстонию, последняя не стала в административном отношении единым целым, а делилась на три части, из которых каждая была на положении особой провинции и имела известную автономию.

[1] 1 ласт соли = 2945 кг.

Северная Эстония и остров Хийумаа, ранее других частей подпавшие под власть Швеции, образовали Эстляндскую губернию, которая делилась на уезды: Харью, Виру, Ярва и Ляэне. Южная Эстония и территория Латвии до реки Даугавы составляли Лифляндское генерал-губернаторство. Эстонская часть Лифляндии делилась на Тартуский и Пярнуский уезды. Сааремаа и остров Муху представляли собой особую административную единицу. Уезды, в свою очередь, делились на кихельконды (приходы), а последние — на мызные участки.

Большое количество поместий в Эстляндии и Лифляндии было роздано шведскому дворянству, в первую очередь — высшему. Из общего числа землевладельцев шведские помещики в южной Эстонии составляли немногим более одной четверти, но им принадлежало примерно две трети всей земли. Шведские аристократы имели здесь большие земельные владения и высокие административные посты, что способствовало их быстрому обогащению.

В ущерб другим отраслям хозяйства развивалось только производство зерна. Большая часть его шла на вывоз. Зерно, произведенное трудом эстонских крепостных крестьян, продавалось по высоким ценам, в основном голландским купцам, что давало большие доходы шведскому правительству и аристократии. Поэтому эти колониальные провинции называли хлебным амбаром Швеции. В то же время у эстонского крестьянства временами не хватало хлеба (даже с мякиной), и люди умирали от голода.

Чтобы увеличить поступления в казну из колониальных провинций, шведский король Густав-Адольф ввел в Эстляндии и Лифляндии новые государственные налоги и пошлины. Для исчисления повинностей и налогов был проведен подробный учет всех крестьянских дворов, так называемая ревизия гаков. В течение XVII века шведское правительство с целью увеличения государственных доходов неоднократно проводило такие ревизии в Эстляндии и Лифляндии. С каждой ревизией росло облагаемое количество единиц земли — гаков. Соответственно росли государственные налоги, помещики усиливали барщину, обложения натурой и деньгами. Очень обременительна для крестьян была гужевая повинность. В портовых городах со всех ввозимых и вывозимых товаров взимался денежный сбор — «лицензия».

Одной из характерных черт колониальной политики шведского государства было возложение военных расходов на захваченные провинции. И на Эстляндию и Лифляндию тяжелым бременем ложились дорогостоящее содержание армии и строительство укреплений. Даже в мирные годы от 50 до 80 процентов всех государственных расходов по этим провинциям приходилось на военные цели, остальная же часть, в основном, шла на жалованье чиновникам. Значительные суммы доходов вывозились из провинции в Швецию. Эстляндия и Лифляндия были для шведского государства объектом военно-колониальной и крепостнической эксплуатации.

В интересах класса помещиков и колониальной политики шведского государства укреплялась судебная система, разрабатывались соответствующие законы. С введением в 1630-х годах нового судоустройства постепенно было покончено с практикой привлечения судей, или т. н. правоискателей к разбору крестьянских жалоб. Крестьяне имели право приносить жалобы на помещиков, но в судах заседали одни помещики, и поэтому после длительного и дорогостоящего разбирательства жалоба крестьянина обычно признавалась необоснованной.

Усиливая эксплуатацию народных масс и подавляя их сопротивление, шведское правительство опиралось на местное немецкое дворянство, на местные рыцарства. Шведские короли утвердили привилегии местного рыцарства, сословную организацию дворянства, широкое право наследования поместий и т. д.

Рыцарство, состоявшее из всех помещиков дворянского сословия, собиралось на ландтаги, где выбирало судей, определяло налоги и т. д. В Эстляндии во главе рыцарства стоял предводитель дворянства, а в Лифляндии — ландмаршал. В промежутке между ландтагами делами рыцарства ведала ландратская коллегия, состоявшая из 12 ландратов. В Эстляндской губернии ландраты под председательством губернатора составляли высший местный судебный орган, так называемый оберландгерихт. В Лифляндии ему соответствовал надворный суд, или гофгерихт (основан в Тарту в 1630 году), в состав которого также входила часть ландратов.

Таким образом, в руках помещиков была сосредоточена большая власть, которую они использовали для закрепления и расширения своих классовых привилегий и усиления эксплуатации крестьян. Эту балтийскую сословную организацию дворянства сами немцы называли государством в государстве, или «ландесштатом». В сословных рыцарских организациях с их многочисленными привилегиями и состоял остзейский «особый порядок», который окончательно сложился в период шведского владычества. Представители королевской власти — губернаторы — обыкновенно действовали в согласии с местным рыцарством.

Одним из орудий осуществления колониальной политики Швеции была господствующая протестантская церковь. Последняя преследовала иноверцев. Например, православные из окрестностей Ряпина были вынуждены массами переселяться на псковские земли.

Состояние сельского хозяйства и усиление крепостного гнета. Длительные войны разорили сельское хозяйство Эстонии. В 20-х годах XVII века на материковой части Эстонии в среднем 75 процентов гаков земли были незаселенными. Особенно сильно пострадала центральная Эстония. Численность сельского населения, которая в первой половине XVI века составляла, как полагают, 250—280 тысяч, к 20-м годам следующего века упала до 60—70 тысяч.

Во второй четверти XVII века, в связи с наступлением более длительного мирного периода, численность населения стала быстро расти, и пустовавшие крестьянские дворы заселялись. К 1640 году в Эстонии насчитывалось примерно 13 150 заселенных крестьянских хозяйств. В основном пустующие крестьянские дворы заселялись крестьянами той же местности, отчасти вернувшимися на прежнее место жительства беженцами или же крестьянами, переселившимися из менее пострадавших районов на пустующие земли. Так, не только в западные уезды материка, но даже в Тартумаа и Вирумаа переселилось много крестьян с островов Сааремаа и Муху. Подсчитано, что в 20-х годах XVII века до 31 процента эстонского крестьянства ушло из прежних имений и осело на новых местах. Новопришельцы на три года освобождались от повинностей.

В заселении земель участвовало и довольно значительное число не эстонцев. Русские поселялись преимущественно в восточных районах страны, латыши — на землях между Валга и Тарту, а также в окрестностях Пярну. По данным ревизии 1638 года, в юго-восточной Эстонии русские составляли 10, а латыши 7,5 процента населения. Финны, в основном, осели в Вирумаа и Харьюмаа (соответственно 20 и 12 процентов населения этих уездов), а также в Пыльтсамаа (во всей южной Эстонии их насчитывалось 5,7 процента). Финны переселялись в Эстонию, чтобы избежать воинской повинности, однако со временем они потеряли здесь личную свободу и стали крепостными. Население островов и северо-западной Эстонии пополнялось и в данный период шведами. В южной Эстонии встречались отдельные крестьяне польской, литовской и других национальностей.

Поселившиеся среди эстонцев разрозненными группами или одиночно русские, финны, латыши и др. вскоре эстонизировались, внеся свой вклад в этническое формирование эстонского народа.

В процессе восстановления сельского хозяйства шло одновременно и интенсивное восстановление и дальнейшее развитие барщинного поместного хозяйства. В XVII веке число имений в Эстонии неуклонно росло. Посевные площади в имениях Эстонии увеличились за столетие по крайней мере вдвое. К концу столетия имений насчитывалось 1025. На протяжении последующих веков число это почти не изменилось. Это говорит о том, что сеть имений в Эстонии сложилась, в основном, к концу XVII века. Образование новых имений и расширение старых происходило путем присоединения крестьянских земель. Особенно благоприятные возможности в этом отношении вплоть до середины века представляли пустующие крестьянские дворы и даже целые деревни. Позднее же превращение крестьянской земли в барскую запашку шло обычно путем переселения крестьян из заселенных дворов. В течение XVII века у крестьян было отнято и присоединено к имениям почти такое же количество земель, как в течение предыдущих 250 лет. Крестьян, изгнанных из своих исконных дворов,

заставляли поднимать целину или переходить на маленькие участки. Поэтому число небольших крестьянских дворов быстро росло. По данным земельной ревизии 1638 года, в юго-восточной Эстонии число дворов с земельной площадью в $^1/_2$ гака и менее составляло уже 77 процентов. Новохозяева принадлежали преимущественно к бедноте, имея надел в $^1/_4$ гака каждый.

Относительное сокращение крестьянских земель и постоянный рост земель имений привели к быстрому усилению крепостной эксплуатации, которая вскоре превысила наиболее высокий уровень предшествующего периода. В течение столетия требуемое от дворов число барщинных дней (дни, когда крестьянин должен был работать на помещика со своей лошадью) увеличилось вдвое. Так, в Ляэнемаа, Ярвамаа и Тартумаа в начале XVII века крестьянский двор в 1 гак должен был круглый год давать ежедневно для работы в имении одного работника с лошадью или парой волов. К концу XVII века такой же двор должен был давать уже двух работников с лошадьми или волами. Кроме того, каждый крестьянский двор во время полевых работ, с весны до глубокой осени, обязан был поставлять пеших работников и поденщиков. Во время сезонных работ имение по-прежнему устраивало толоку. Тяжелым бременем на крестьянина ложилась гужевая повинность, которая по мере роста сбыта хлеба все более увеличивалась. Для выполнения всех этих повинностей крестьянин должен был отдавать помещику примерно половину своей рабочей силы (в 1638 году на крестьянское хозяйство в 1 гак приходилось в среднем 4—5 взрослых мужчин и 5 лошадей и волов).

Уже с 30-х годов XVII века имеются сведения о том, что на барщину требовали лучшую рабочую силу и сдельная норма была столь велика, что для ее выполнения приходилось работать и ночью. В деле более «рационального» использования труда крепостных крестьян, т. е. в поднятии нормы эксплуатации, в середине века впереди шли шведские аристократы Э. Оксеншерна, М. Г. Делагарди и К. Тот, наиболее крупные землевладельцы в Лифляндии и Эстляндии.

Доходы помещиков от своих имений в материковой части Эстонии составляли обычно 40—60 процентов их общих доходов, а остальная часть поступала от крестьян в виде хлебной подати. Встречались, однако, и имения, где поместное хозяйство приносило до 90 процентов всех доходов. Отработочная рента составляла в среднем около половины всех крестьянских обложений. Государство, помещики и пастор отбирали у крестьянина примерно половину оставшегося урожая и других продуктов сельского хозяйства в виде натурального обложения и налогов. От всего урожая крестьянину в лучшем случае оставалось две пятых, причем он должен был кормить работников, отбывающих барщину в имении, а также содержать свой скот. Государственные налоги также постоянно росли. Так, например, в южной Эстонии к 1690 году го-

сударственные подати увеличились по сравнению с 1640 годом примерно на 80 процентов.

В интересах экспорта росла эксплуатация крестьян и развивалась только одна отрасль сельского хозяйства — производство зерна. Эстонское зерно, главным образом рожь, вывозилось преимущественно через Таллинскую гавань. В 20-х годах XVII века ежегодный вывоз зерна из Таллина колебался между 1550 и 4600 ластами. В 1692 году он составлял уже 11 500, а в 1693 году — даже 19 300 ластов в год. В меньших количествах зерно вывозилось также через Нарву, Пярну, Курессааре и Хаапсалу. Вывоз ржи, обогащавший помещиков и купцов, происходил за счет сокращения потребления народа.

В XVII веке для повышения урожайности полей стали применять примитивное удобрение почвы. Кучи хвороста покрывали дерном и сжигали, чтобы получить золу. Это временно повышало урожайность, но уничтожало перегной и совершенно истощало землю. Из новых орудий труда в это время стали применять, наряду со старыми дранкой и кичигой, также коленчатую борону и цеп. Крестьяне стали пользоваться косой и при уборке хлеба, особенно когда случались неурожаи и хлеба были низкими и редкими или же когда не хватало времени и рабочей силы. Вследствие плохого удобрения урожайность полей была низкой — в нормальные годы урожайность ржи и ячменя была примерно сам-четыре (3,5—4,6). Низкой была и продуктивность скота: от одной коровы в среднем в год получали только полтора пуда масла.

Окончательное закрепощение крестьян. Такое усиление эксплуатации крестьян возможно было осуществить только путем жестокого принуждения. Чтобы обеспечить имения рабочей силой и заселить пустующие крестьянские дворы, а также ограничить сильно возросшую в результате войн подвижность крестьянского населения, помещики требовали все более суровых мер против самовольного ухода крестьян с земли. Служившие этой цели законодательство шведских властей, судопроизводство и полицейские мероприятия, которые все время «совершенствовались», постепенно привели к полному закрепощению крестьян.

Закон о ландгерихтах («земских судах»), изданный в 1632 году, обязывал судей оказывать всяческую помощь помещикам в возвращении бежавших от них крепостных крестьян. Уголовная юрисдикция была изъята из ведения помещиков и передана судам (которые, однако, состояли из одних помещиков). Вместе с тем в законе указывалось, что каждый помещик имеет полицейскую власть в пределах своего имения, так называемое «право домашнего наказания» — право подвергать крестьян телесным наказаниям.

Лифляндское рыцарство на ландтаге 1681 года в своем официальном объяснении признало, что «без права домашнего наказания и права собственности на крестьянина ни один дворянин в Лифляндии не может существовать»; если крестьянам дать сво-

боду, то они уничтожили бы всех своих господ, либо «убежали бы через границу к чужим господам и оставили бы страну пустой и голой».

Уже в XVI веке феодалы пытались полностью закрепостить и безземельных крестьян, но фактически это было завершено только в XVII веке шведским законодательством. Повсеместное насильственное присоединение крестьянских земель к помещичьим име-

Порка крестьян в XVII веке (по Олеариусу).

ниям и разорение крестьян привели в XVII веке к увеличению числа безземельных и бестяглых крестьян. Батраки и бобыли составляли в Лифляндии в 1638 году 27 процентов всего крестьянства. Первые из них не имели постоянного местожительства и все время передвигались с места на место. Большинство бобылей, правда, имело при своих лачугах клочок земли, но он был настолько мал, что не позволял содержать рабочий скот. Поэтому от бобылей можно было требовать выполнения только пеших барщинных дней. Для усиления эксплуатации безземельного крестьянства надо было закрепить эти группы за помещиком и заставить бобылей либо идти в батраки к дворохозяевам, либо взять у помещика в пользование землю. Таким образом они становились крепостными данного помещика, и в случае перемены ими местожительства их можно было затребовать обратно. Правительство надеялось этим путем избежать и возникновения крестьянских волнений.

Патенты 1632 и 1639 годов запрещали всем крестьянам Эстляндии и Лифляндии, в том числе батракам и бобылям, уходить из пределов имений; эти патенты имели целью усиление борьбы против побегов крестьян и закабаление бобылей. Но крепостники не удовлетворялись и этим. В 1645 году шведское правительство ввело в Эстляндии, а в 1671 году и в Лифляндии, четкие законоположения, которыми было узаконено крепостное состояние всех без исключения слоев крестьян. Крепостные крестьяне — хозяева дворов и члены их семей, батраки и бобыли — считались принадлежащими имению, на земле которого они находились или родились.

Был установлен детально разработанный порядок выдачи беглых крестьян. Для выполнения этих мероприятий в Лифляндии были созданы специальные полицейские суды, так называемые орднунгсгерихты. В северной Эстонии те же задачи выполняли возникшие уже в XV веке гакенгерихты. Бобылей обязывали брать землю или наниматься на год в батраки. Вновь под угрозой сурового наказания крестьянам запрещалось иметь ружья или иное оружие.

Целью всех этих мероприятий правительства, шведских и прибалтийско-немецких помещиков было увеличение доходов путем неограниченной эксплуатации эстонского крестьянства. Поэтому они стремились низвести крепостных до положения рабов. Помещики обосновывали свое право на личность и имущество крестьянина нормами римского права и в соответствии с этим судили крестьян. Крестьян продавали без земли, часто даже за границу, не считаясь с тем, что разлучают их с семьями. Цена крестьянина в среднем равнялась цене лошади.

Борьба крестьянства против усиления крепостного гнета. Крестьяне упорно боролись против наступления помещиков-крепостников. Особенно распространенным стало в XVII веке бегство крестьян. Крестьяне оставляли свои обжитые места и переходили на новые в поисках лучших условий жизни.

Спасаясь от преследований помещика, крестьяне нередко старались уйти возможно дальше, особенно часто подавались в Россию. По заключенному в 1649 году в Стокгольме договору Швеция получила от России 190 000 рублей вознаграждения за сбежавших туда крестьян. Бегство крестьян в Россию продолжалось и позже, принимая временами в восточных районах Эстонии массовый характер. Шведское правительство, несмотря на применявшиеся им суровые меры, было не в состоянии пресечь это. Крестьяне двух имений в Ярвамаа, Эрвита и Удева даже в посланной королю жалобе в 1684 году писали, что если они не получат сверху помощи против тирании помещика, то будут вынуждены уйти со своих земель в Россию. Помещики боялись бегства крестьян в Россию не только потому, что это лишало поместья рабочей силы, но и потому, что иногда крестьяне возвращались обратно

вооруженными группами, чтобы отомстить помещикам и вовлечь в борьбу против них других крестьян.

Усиление крепостного гнета, увеличение барщины и различных податей вызывали волнения среди крестьянства. В 1638 году правительство начало новую ревизию крестьянских земель в Эстляндии и Лифляндии. Это послужило причиной острого недовольства крестьян. В южной Лифляндии, особенно в районах, примыкающих к восточным границам, в 1639 году вспыхнули серьезные волнения среди латышских крестьян. Волнения были подавлены с помощью войск, руководители восставших крестьян были казнены. В 1642 году произошли волнения в южной части Тартуского уезда, где восставшие сожгли мельницу в имении Сымерпалу. В последующие десятилетия также имели место стихийные выступления крестьян, особенно во время русско-шведской войны 1656—1658 годов. В 1671 году крестьяне графства Хаапсалу восстали против помещичьего управляющего. Это выступление было подавлено только после вмешательства генерал-губернатора Эстляндии.

Крестьяне отваживались выступать даже против шведских военных отрядов. В 1672 году крестьяне имения Лууа в Тартумаа оказали сопротивление посланным туда драгунам. Осенью 1677 года эстляндский генерал-губернатор послал отряд драгун, чтобы подавить восстание крестьян в Кярдла и арестовать их предводителей, но драгуны были разбиты и обезоружены крестьянами. Год спустя в той же местности крестьяне оказали сопротивление арендатору имения, когда тот стал выколачивать из них недоимки. Имеются сведения о подобного рода выступлениях в 80-х годах в Ваокюла, Кихну, Эрвита и других местах. Шведские власти применяли для подавления недовольства крестьян все более суровые меры: разрушение крестьянских изб, массовую порку, высылку закованных в кандалы крестьян на принудительные работы по сооружению укреплений.

Редукция имений. В последние десятилетия XVII века, во время правления Карла XI, в Швеции укреплялся абсолютизм. Исходя из интересов среднего и низшего дворянства, а также городской буржуазии, шведский риксдаг в 1680 году принял постановление, по которому земли, ранее перешедшие от государства к дворянству, подлежали возвращению государству. Это постановление касалось прежде всего высшей аристократии и было средством для ограничения ее политической власти и увеличения государственных доходов.

Редукция имений была проведена также в колониальных провинциях. В Эстляндии государству отошла треть дворянских земель, на острове Сааремаа — четвертая часть, в Лифляндии — свыше пяти шестых. Доход от государственных имений составлял теперь более половины всех государственных доходов, получаемых с прибалтийских провинций. Лифляндские помещики, интересы которых редукция затронула наиболее сильно, пытались по-

мешать ее проведению, но Карл XI подавил все эти попытки. Редукция имений и связанные с ней мероприятия не только уменьшили земельные владения прибалтийско-немецких помещиков, но и в известной мере ограничили их автономию, укрепив тем самым центральную власть в прибалтийских провинциях.

К 1690 году государственные доходы выросли в Эстляндии в 2,5 раза, а в Лифляндии даже в 5 раз по сравнению с 1670 годом. От половины до двух третей этих возросших в несколько раз доходов вывозилось из губерний в Швецию, остальная часть шла на содержание увеличившегося административного аппарата, войск и на строительство укреплений. Швеция получала в конце XVII века из прибалтийских провинций примерно четвертую часть всех государственных доходов.

Фактически большинство владельцев редуцированных имений осталось в них в качестве арендаторов на льготных условиях. Помещики-арендаторы стремились еще более усилить эксплуатацию крестьян, чтобы, несмотря на ежегодные арендные платежи государству, сохранить свои доходы на прежнем уровне. Чтобы избежать разорения крестьянских хозяйств и обеспечить поступление ренты, правительство было вынуждено усилить контроль над управлением государственными имениями. Государство регулировало взаимоотношения между арендаторами имений и крестьянами, устанавливало размеры повинностей в соответствии с величиной дворов и качеством земель, что заносилось в так называемые вакенбухи [1]. Хотя все это осуществлялось на основе крепостнических отношений и преследовало цель обеспечить государственные доходы, реформы эти имели и положительное значение. В результате этих мероприятий были укреплены имущественные и личные права крестьян-дворохозяев, произведены переоценка и картографирование земель и созданы более благоприятные условия для развития сельскохозяйственного производства. Однако упорное сопротивление прибалтийско-немецкого дворянства и обрушившиеся на страну неурожай и голод ограничили масштабы и действенность аграрных реформ в Эстонии.

Великий голод. Страшные неурожаи и «великий голод» 1695—1697 годов привели к огромной смертности среди населения. Один из современных хронистов, пастор Кельх, так описывает ужасы постигшего народ голода: «Среди простого народа была такая нужда в хлебе, что не было покоя от бедных — как от здоровых, так и от больных... Многие почернели от голода и так обессилели, что валились с ног... Батраков и батрачек увольняли толпами... Всю зиму напролет не только деревенские кладбища, но и деревни, дороги, поля и кустарники были полны трупов, которых с приходом весны возили возами и хоронили по 30, 40 и 50 в одной яме».

---

[1] Вакенбух — книга, в которой отмечались размеры обложения крестьянских дворов.

От голода умерло примерно 70—75 тысяч человек (в первую очередь, бедняков и безземельных), что составляло $^1/_5$—$^1/_4$ часть населения. Крестьяне в большом количестве бежали через границу в Россию, чтобы спастись от голода. Некий таллинский купец описывает, как, будучи проездом в Пскове, он видел тысячи беженцев из Лифляндии, которые направлялись в Россию, проклиная шведские власти. Шведское правительство ничего не предпринимало, чтобы оказать голодающим действенную помощь. В то же время в 1696—1697 годах из государственных складов в Таллине, Пярну, Курессааре и Нарве вывозились десятки тысяч тюндеров [1] зерна в Швецию и Финляндию. Несмотря на неурожай, доходы шведской казны с Эстляндии и Лифляндии в эти годы даже увеличились.

Великий голод был столь трагическим событием в жизни народа, что от него вели счет времени даже сто лет спустя, а предания о нем бытовали в народе еще совсем недавно, каких-нибудь 30—40 лет назад.

Обострение классовой борьбы в конце XVII века. В конце века в период проведения аграрных реформ борьба крестьян против помещиков обострилась. Резкий рост недовольства крестьян выразился в массовых жалобах на незаконное отчуждение имущества и земли, на тяжесть податей и барщины, угрожавших крестьянам полным разорением, на жестокое обращение и порку, на продажу крестьян помещиками.

С разных концов Эстонии шли сведения о выступлениях и волнениях крестьян. Например, в 1695 году два крестьянина из имения Атла, в Харьюмаа, Дитце Юрген и Херман Эрнст, призывали других крестьян не выходить на барщину и проповедовали, что скоро все крестьяне будут освобождены и помещики должны будут выполнять все их требования. В результате этого сопротивление крестьян Атла арендатору имения усилилось, и последний волей-неволей должен был согласиться на уменьшение барщины. Для подавления волнений в течение 1695 года только в Эстляндии посылались солдаты в имения Кюти, Тюри-Аллику, Набала, Вайда и Лихула.

Крестьяне открыто выступали против выработанных ревизионной комиссией повышенных норм барщинных работ в государственных имениях. В имении Виртсу в 1698 году крестьяне отказались выполнять новые нормы. Руководителем крестьян здесь был Эссевер Юрген, который смело защищал интересы крестьян даже перед комиссарами ревизионной комиссии. В том же году произошли выступления крестьян против помещиков в имениях Малла, Вохнья, Удрику, Тюри-Аллику, Ванамыйза, Перила и др. В Кехтна восставшие крестьяне убили управляющего имением, а в Тыйквере — помещика.

Крестьянские волнения подавлялись суровыми мерами, неред-

[1] 1 тюндер (бочка) — 133 литра, или около 5 пудов зерна.

ко — путем посылки на места войск. Крестьян, участвовавших в выступлениях, жестоко наказывали. В суде их пытали раскаленными щипцами, приговоренных к смертной казни колесовали и изуродованные трупы, привязанные к колесу, выставляли по краям дорог для устрашения населения. Наказания для восставших крестьян и слуг определялись специальными постановлениями, где для мужчин обычно было предусмотрено колесование, а для женщин — сжигание на костре.

В дальнейшем шведское правительство стало отступать от политики редукции. Начавшаяся в 1700 году Северная война заставила его искать поддержки со стороны прибалтийско-немецкого дворянства, поэтому уже 13 апреля 1700 года Карл XII издал патент, по которому редукция официально объявлялась законченной. Часть государственных имений возвращалась помещикам под залог. Даже сильно завышенные нормы барщинных работ, зафиксированные в вакенбухах, потеряли фактически свое ограничивающее действие.

Ремесло. Эстония XVII века, будучи шведской колониальной провинцией, где основной упор делался на производство зерна в крепостном хозяйстве, оставалась в экономическом отношении отсталой страной.

Развитию ремесла мешала монополия немецких мастеров, объединенных в цехи. Шла острая борьба между богатыми и бедными ремесленниками, самостоятельной работе которых всячески препятствовали мастера. Мастера закрыли доступ в цехи, ограничив число мастеров, всячески затрудняя вступление в цехи новых членов. Ремесленников, не входящих в цех, так называемых «зайцев», сурово преследовали.

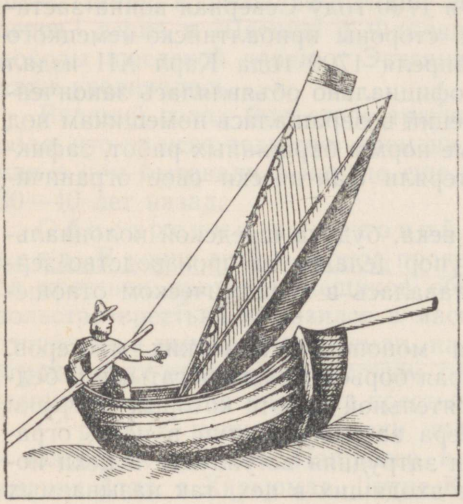
Основным центром городского ремесла был Таллин. В конце XVII века здесь насчитывалось до 40 ремесленных цехов примерно с 400 мастерами. Малая гильдия в Тарту насчитывала 112 ремесленников. Большим ударом для ремесленников-эстонцев Таллина было «объединение» Олайской гильдии с Канутской в 1697 году. «Объединение» заключалось в том, что ремесленники-немцы перешли в Канутскую гильдию, а эстонцы оказались на положении бесправных «зайцев».

В деревне ремеслом занимались крепостные крестьяне. В ткацком деле, окраске материй и работе по дереву они достигли большого мастерства. Их изделия распространялись даже в городах. В развитии ремесла в деревне известную роль играли русские ремесленники, которые либо работали здесь, либо наезжали сюда торговать своими изделиями. В интересах немецких мастеров магистраты и власти пытались препятствовать всему этому путем всевозможных запретов.

Кое-где в деревнях развивалось производство на дому. В окрестностях Нарвы крестьянки пряли пряжу, из которой изготовлялась парусина для шведского флота.

В XVII веке делались попытки создать более крупные пред-

приятия в Таллине и Нарве, но планы эти обычно не осуществлялись. Из предприятий, действовавших более длительное время, можно назвать стекольное заведение в Кыргесааре, на острове Хийумаа, в 1628—1664 годах; бумажную мельницу в Таллине, основанную в 1664 году; медеплавильню и лесопильные заводы в Нарве. В последних обрабатывали вывозимую из России древесину. В Нарве также перерабатывались в большом количестве русский лен и конопля.



Рыбацкая лодка на Чудском озере (с картины XVII столетия).

Из-за ограниченности местного рынка здесь не было условий для развития мануфактурной промышленности, а от рынка России Эстония была изолирована.

Торговля. Во второй половине XVII века усилились торговые связи между деревнями, городами и портами. После глубокого упадка, которым были отмечены первые десятилетия века, во второй половине внешняя торговля несколько оживилась. Вывозилось в основном зерно, а через Пярну и Нарву еще и лес.

Но развитию торговли мешало то обстоятельство, что территория Эстонии была оторвана от России. Россия не могла в достаточной мере пользоваться гаванями Балтийского моря, необходимыми ей для торговых сношений с другими странами. Интересы русских купцов в Прибалтике ущемлялись на каждом шагу, им не позволяли здесь торговать непосредственно с иностранными купцами и местными крестьянами.

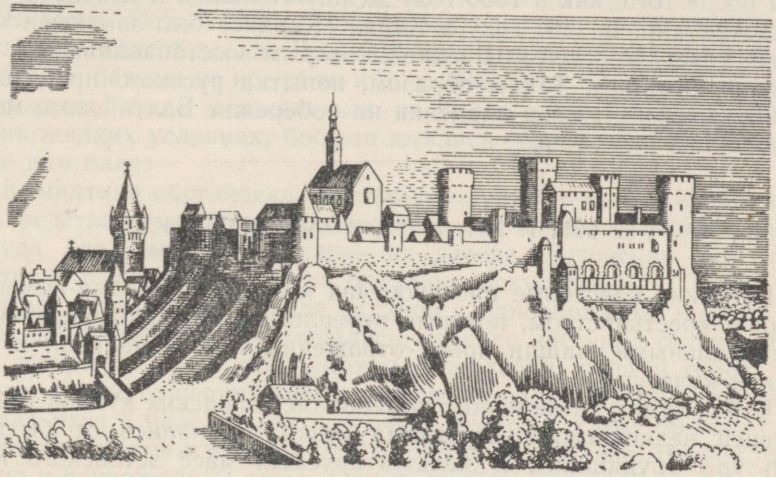
И в своей торговой политике шведское правительство рассматривало Эстляндию и Лифляндию как колонии. Карл XI запретил ввоз ряда иностранных изделий и установил высокие пошлины, пытаясь закрепить рынок колониальной провинции для изделий шведской мануфактурной промышленности и ремесла. В связи с этим в последние десятилетия XVII века ввоз шведских товаров в Эстляндию и Лифляндию значительно увеличился.

Города. Слабое развитие ремесла и торговли в XVII веке тормозило развитие городов.

Большинство мелких городов — Вильянди, Раквере, Хаапсалу и др. — входили во владения феодалов и влачили жалкое существование феодальных городков. Число жителей Тарту умень-

шилось на одну треть. Одной из причин упадка городов, особенно Тарту, было прекращение русской транзитной торговли через Прибалтику.

С середины XVII века Нарва и Таллин начали расти как торговые, промышленные и военно-административные центры. Власть в городах была сосредоточена в руках богатых купцов, которые правили низшими слоями населения и жестоко эксплуатировали их. В 1645 году шведское правительство в интересах шведских и немецких купцов решило присоединить Ивангород к Нарве. Это решение было проведено в жизнь путем насилия над русскими купцами и ремесленниками. Такими мерами шведское правительство пыталось оживить торговлю и ремесло в Нарве.



Таллинский Вышгород (Тоомпеа) в XVII веке (по Олеариусу).

Эстония не слилась со шведским государством, а осталась заморской колониальной провинцией, подвергавшейся военно-феодальной эксплуатации. Кроме политических причин это было вызвано больше всего отсутствием устойчивых экономических связей, которые объединяли бы здешние земли с внутренним рынком Швеции. В то же время Прибалтика была насильно оторвана от России, что тормозило ее экономическое развитие и противоречило интересам русского, эстонского и латышского народов.

Русско-шведская война 1656—1658 гг. В 1654 году Украина была воссоединена с Россией. Русские и украинские войска, поддержанные также народными массами Белоруссии, добились успеха в войне против Польши. Шведский король Карл X, решив воспользоваться ослаблением Польши, начал против нее агрессивные действия и занял большую часть страны. Русское правительство решило заключить с Польшей перемирие

и выступить против Швеции, чтобы добиться выхода к Балтийскому морю. Во главе этого внешнеполитического направления стоял А. Л. Ордин-Нащокин. Русские войска имели успех. В 1656 году они заняли Тарту, Вастселийна, Васькнарву, Алуксне и Кокнесе. В следующем году шведы сделали попытку вторгнуться в пределы России, но понесли под Гдовом тяжелое поражение и согласились заключить перемирие на три года. Местные народы — эстонцы, латыши, ижорцы, карелы — смотрели на русских как на своих освободителей от шведского ига.

В то же время Русскому государству пришлось снова начать борьбу с панской Польшей за освобождение Украины и Белоруссии. Особенно большие усилия потребовались от Русского государства после того, как в 1660 году между Польшей и Швецией был заключен мир. В 1661 году в Кярде (Кардис) был заключен мир также между Россией и Швецией, которым восстанавливались все прежние границы. Таким образом, попытка русского правительства восстановить свои владения на побережье Балтийского моря закончилась неудачей.

§ 5. БЫТ И КУЛЬТУРА В XVI—XVII ВЕКАХ

Глубокие классовые противоречия между феодалами-помещиками и крестьянством, которые переплетались с противоречиями национальными, нашли яркое отражение в материальной и духовной культуре.

Быт и культура немецких помещиков, городских купцов и владельцев недвижимого имущества резко отличались от быта и культуры трудящихся и эксплуатируемых масс эстонского крестьянства и низших слоев городского населения. Первые, составлявшие только небольшое меньшинство и существовавшие за счет безжалостной эксплуатации эстонских трудящихся масс, пытались представить эстонцев как низшую расу, как рабов, стараясь оправдать этим свое господствующее и привилегированное положение. Они всячески унижали эстонцев, стремясь поработить их и духовно. Но эстонский народ оказывал иноземным поработителям упорное сопротивление, отстаивая свое право на этническое, культурное и историческое развитие. Несмотря на то, что в XVI—XVII веках эстонский народ неоднократно подвергался опасности уничтожения, несмотря на то, что литовско-польские, шведские и датские завоеватели рвали страну на куски, народ, его культура и творческие силы продолжали развиваться и в рассматриваемый период.

Быт и материальная культура. Жизнь крепостного крестьянства протекала в постоянных лишениях и нищете. Это определяло и уровень его материальной культуры.

Типичным жилищем эстонских крестьян являлась срубная постройка с соломенной кровлей — жилая рига. Она состояла из

жилого помещения, служившего также для сушки хлеба. С одной стороны к ней примыкало гумно, с другой — нередко холодная каморка. В то время жилое помещение отапливалось по-черному, дым выходил через двери и волоковое окно. Для сушки хлеба здесь на балки под потолком клали жерди (колосники). Хлеб обмолачивали на гумне; в зимнюю пору тут держали лошадей, а также и другой скот. Зимой вся жизнь крестьянской семьи сосредотачивалась в жилом помещении, где готовили пищу, ели, а в длинные зимние вечера при тусклом свете лучины пряли, ткали и изготовляли орудия труда и предметы домашнего обихода. В теплое время года жили более просторно: пищу готовили на открытом воздухе, в так называемых летних кухнях, ели на гумне или в клети, ночевали в каморке, клети или на чердаке.

В более состоятельных хозяйствах, помимо жилой риги, имелись еще подсобные помещения: несколько клетей, хлев, баня. Наиболее бедные из крестьян и, в особенности, те из них, которые вынуждены были переселиться на неосвоенные земли, жили в очень жалких условиях; бобыли ютились обычно в убогой курной избе или бане.

Комнатная обстановка, основные земледельческие орудия труда, средства передвижения, предметы домашнего обихода и даже посуда для еды изготовлялись из дерева. Эстонские крестьяне достигли в обработке дерева большого искусства.

Крестьянская пища была скудной и однообразной; к весне запасы продуктов обычно кончались, нередко наступал голод. Главной пищей служили всевозможные похлебки, репа и горох, частично также сушеная рыба или соленая салака. Кашу ели только два раза в неделю, мясо — очень редко. К хлебу обычно примешивалось много мякины, так как муки не хватало. Весной, особенно в неурожайные годы, в тесто прибавляли даже мох или солому. Молоко было доступно, главным образом, летом и осенью, когда скот пасся на выгоне. Повседневным напитком служил квас, пиво варили к праздникам.

Из семейных праздников наиболее торжественно справлялась свадьба. Свадьбы играли в большинстве случаев осенью, когда было больше продуктов питания. Так же как и у других земледельческих народов, самые большие обрядовые праздники приходились на зимнее и летнее солнцестояние — рождество вместе с Новым годом и Иванов день. Из дней недели эстонцы, кроме воскресенья, выделяли еще и четверг — в этот день ели лучшую пищу, а по вечерам не работали.

Одежду крестьяне изготовляли сами. Пряли нить из шерсти и льна все еще при помощи веретена; только в конце XVII века вошла в употребление самопрялка. Как свидетельствуют находки XVII века, было известно также вязание чулок и рукавиц на спицах. Эстонские женщины владели искусством окраски пряжи и тканей, используя для этой цели местные растения.

В народной одежде отдельных районов имелись свои харак-

терные черты, в которых частично сохранились еще особенности одежды эпохи первобытно-общинного строя. И мужчины, и женщины носили, как правило, рубашку; верхней одеждой служили распашные длиннополые кафтаны, опоясываемые разукрашенным поясом, к которому подвешивался нож в ножнах, у мужчин кроме того — орудия добывания огня, а у женщин — игольник. В будничные дни обычно носили лапти или кожаные постолы, а в праздники обували сапоги или туфли. Женщины носили набедренную одежду из несшитого полотнища (зимой — шерстяную, в северной Эстонии она называлась *юмбрик*, а в южной Эстонии — *сыуке*, или *кырик*; летом — льняную *паллапоол*). К концу рассматриваемого периода стали носить уже обычные юбки, хотя в южной Эстонии несшитая юбка продолжала бытовать и позднее. На плечах женщины носили покрывало из шерсти — *сыба*, на голове — полотенчатый головной убор — *линик*.

Эстонская девушка в праздничном наряде конца XVI века (по рисунку того времени).

В женских украшениях также произошли изменения. В XVII веке, вместо прежних бронзовых спиралей и оловянных или медных бляшек, начали применять вышивку бисером. Подковообразные фибулы ранних периодов уступали место сердцевидным брошкам, а в XVII веке — конусообразным. Для островов и северной Эстонии были характерны свисавшие из-за пояса набедренные украшения из нескольких цепочек, так называемые *рыхуд*.

В народной одежде и орнаменте наиболее ярко проявлялось художественное творчество эстонского народа.

Условия жизни низших слоев городских жителей, большинство которых составляли эстонцы, были ничуть не лучше, чем крепостных крестьян. Их материальная культура мало отличалась от крестьянской. Только в центре города, где проживали богатые немецкие купцы и ремесленники, имелись каменные здания с дымоходами и застекленными окнами. За пределами городского центра возникали пригороды с убогими деревянными постройками, которые часто уничтожались пожарами. Улицы были узкие, грязные и пыльные. Вследствие крайне антисанитарных жизненных условий смертность среди населения была очень велика, часто вспыхивали эпидемии. Врачеванием занимались цирюльники и

разного рода знахари. Первые аптеки были основаны в Таллине и Тарту еще в XV веке, но лекарства стоили очень дорого, а сама фармацевтическая наука была крайне примитивной.

Состояние просвещения и знаний. Невежество и суеверия были очень распространены. В судах того времени пытали и сжигали ни в чем не повинных людей, заподозренных в колдовстве. Особенно массовый характер судебные процессы над «ведьмами» приняли в XVII веке. Как видно из сохранившихся протоколов, помещики и духовенство использовали суды над «колдунами» для расправы с теми крестьянами, которые в какой-либо степени выступали против них или их подручных.

В начале периода существовало лишь несколько церковных школ в городах. Особенно рьяно стремились укрепить свое влияние через школу польские иезуиты, которые в 1583 году основали в Тарту коллегию (гимназию), а два года спустя — семинарию для подготовки переводчиков. Путем распространения протестантского образования шведское правительство старалось упрочить свои позиции, прежде всего, в борьбе против католической Польши. Школы были призваны воспитывать верных Швеции пасторов и чиновников. Для этой цели были основаны гимназии: в 1630 году — в Тарту и в 1631 году — в Таллине. В 1632 году Тартуская гимназия была преобразована в университет для подготовки пасторов и чиновников с высшим образованием. Университет переживал большие материальные трудности. Когда в 1656 году вспыхнула война, профессора убежали в Таллин, где часть из них продолжала работать до 1665 года. В 1690 году университет был восстановлен в Тарту, затем в 1699 году его перевели в Пярну, где надеялись добиться лучших результатов. В 1710 году, после капитуляции Пярну, университет окончательно закрылся. На всем протяжении своего существования университет испытывал недостаток в студентах. Из обучавшихся в нем за это время 1648 студентов примерно половина была выходцами из Швеции и Финляндии и лишь 35 процентов из Прибалтики, причем среди них не было ни одного эстонца. Преподавание в то время велось на латинском языке и в строго протестантском духе.

В 30-х годах XVII века при Таллинской гимназии и Тартуском университете были основаны первые в Эстонии типографии. Единичные печатные издания на эстонском языке дала в XVII веке только Таллинская типография, часть эстонских книг вышла в конце столетия из печати в Риге. Издательская деятельность находилась в то время под цензурой церкви, а это серьезно тормозило печатание и распространение книг даже религиозного содержания.

Во второй половине XVI века из-под пера местных авторов вышел ряд хроник. Важнейшей из них является хроника пастора эстонского прихода в Таллине Б. Руссова. В дополненном

издании этой хроники описание событий доводится до 1583 года. Руссов первым в Эстонии правдоподобно описал тяжелую и бесправную жизнь закрепощенных крестьян и осудил крепостнический произвол и расточительный образ жизни привилегированного дворянства. Это навлекло на Руссова гнев помещиков-крепостников; один из них назвал его «неразумным крестьянским волом». Фактически же Руссов был идеологом таллинского бюргерства, который к тому же стремился оправдать политику шведского правительства в отношении Эстонии.

Богатый фактический материал, особенно о начальном периоде Ливонской войны, содержит хроника И. Реннера. Ф. Ниенштедт, выходец из рижских магистратских кругов, в своей «Хронике Ливонии» старался оправдать произвол и насилие немецкого эксплуататорского меньшинства над латышским и эстонским народами не только правом завоевателя, но и приобщением «диких язычников» к культуре. Эта насквозь лживая «теория культуртрегерства» стала неотъемлемой частью прибалтийско-немецкой идеологии, которую и в последующие столетия пытались использовать для оправдания агрессии, крепостнического гнета и привилегий немецких эксплуататоров. Из исторических источников заслуживают внимания еще хроники С. Хеннинга и Д. Фабрициуса. Некоторый свет на жизнь эстонского крестьянства проливают хроники Т. Хьярна и Хр. Кельха, а также описание путешествия А. Олеариуса. Последние два произведения уже тогда появились в печати и получили распространение по всей Европе. Все эти труды были чужды и, за исключением произведений немногочисленных критиков крепостного права, враждебны закрепощенному крестьянству. Хронисты были связаны с узким кругом господствующего немецкого меньшинства и колониальными властями, а поэтому и их хроники отличаются своей антирусской направленностью.

Возросшая заинтересованность помещиков в развитии поместного хозяйства обусловила также появление первых изданных здесь руководств по сельскому хозяйству, авторами которых являлись пастор С. Губерт (1645) и главный управляющий имениями Делагарди И. Герман (1662). Эти руководства несколько раз переиздавались. Авторы использовали в них производственный опыт и местных крестьян.

Сохранились зарисовки XVI—XVII века, как, например, виды городов, а также карты и старейшие городские планы. Особенно большую историческую ценность имеют окружные и мызные карты, составленные в конце XVII века замлемерами.

В связи с ростом крепостнической эксплуатации и обострением классовой борьбы правящий класс, при помощи протестантской церкви, усиливал идеологическое наступление на угнетенные массы. Церковь стремилась различными принудительными мерами: денежными штрафами, телесными наказаниями, выставле-

нием к позорному столбу у церкви, сжиганием «колдунов» — подавить народное творчество и народные верования. Но антинародная феодальная христианская идеология была неприемлема для народных масс. В то время существовала поговорка: «Пастору я должен платить, а вот о боге и слове божьем мало знаю». Еще в конце XVII века шведские власти издали в Эстляндии и Лифляндии ряд постановлений, обязывавших чиновников, помещиков и пасторов основательнее искоренять народные верования. С этой целью надлежало все, что было связано с народными верованиями, — «вещи, кресты, священные рощи, деревья, камни и все подобное разрушить, изрубить на куски, места жертвоприношений выжечь, уничтожить, чтобы от них не осталось ни малейшего следа». Для искоренения народных верований высылались даже отряды войск, которые не останавливались и перед применением оружия.

В этой связи следует указать, что записки некоторых пасторов XVII века служат для нас по сей день существенными письменными источниками об обычаях и верованиях эстонцев. Важнейшим из них является книга Форселиуса-Беклера, вышедшая в Таллине в 1684 году. Ряд пословиц опубликован в грамматике Гезекена (1660), одна народная песня — в хронике Кельха (1695). В целом же письменные источники того времени содержат крайне скудный материал по эстонскому фольклору.

Развитие эстонской письменности и печатного дела в то время было связано с потребностями церкви, ибо необходимо было читать проповеди и распространять среди народа догмы веры хоть на мало-мальски понятном ему языке. Прежде всего сами иноземные пасторы нуждались в справочных книгах, написанных на народном языке, а поэтому все первые печатные издания обычно содержат текст на двух языках. Все вышедшие книги — духовного содержания. Это катехизисы, сборники проповедей, церковных песен и т. п., большей частью переводные.

В период шведского владычества, когда территория Эстонии оставалась расчлененной на два отдельных епископства, Таллинское и Рижское, книги в них издавались на разных эстонских наречиях — так называемых таллинском и тартуском литературных «языках». Последний по количеству вышедших в свет печатных изданий к концу XVII века получил даже некоторый перевес. В действительности же, оба литературных «языка» были далеки от народного. За приближение литературного языка к народному и упрощение применявшейся в то время немецко-латинской орфографии, установленной Г. Шталем, выступал Б. Г. Форселиус. В 1686 году он издал азбуку-катехизис, где орфография в некоторой мере была приближена к произношению. По сравнению с орфографией Шталя она в значительной степени ускоряла процесс обучения чтению.

Реакционная эстляндская консистория была против новой ор-

фографии и утверждала, что «в эстонском языке должно остаться (прежнее) правописание и при этом крестьянин скорее привыкнет говорить правильнее, а если следовать его искаженному и грубому говору, то это еще больше и хуже испортит язык». На предложениях Форселиуса основывается и книга для изучения эстонского языка, составленная в 1693 г. И. Горнунгом, которая заложила основу так называемой старой орфографии, господствовавшей вплоть до середины XIX века.

Для усиления идеологического влияния церкви в конце XVII века были сделаны попытки основать крестьянские школы. В каждом приходе предполагалось основать так называемую кистерскую [1] школу для обучения чтению и письму. Создание крестьянских школ на родном языке сделал делом своей жизни Б. Г. Форселиус. В 1684 году он организовал в Тарту семинар для подготовки учителей-кистеров, где в течение четырех лет прошло обучение 160 юношей. Но организация школ продвигалась очень медленно; было построено всего несколько школьных зданий. Школы полностью зависели от пасторов и помещиков. После великого голода, когда многие крестьянские дворы опустели, помещики стали требовать обратно детей своих крепостных, которые к тому времени стали кистерами или народными учителями, «вместе с женами, детьми, собственностью и имуществом, крупным и мелким скотом», чтобы поселить их в качестве крестьян на пустовавших землях. Эти первые крестьянские школы, а также книги на эстонском языке положили в известной мере начало распространению грамотности среди эстонцев.

Архитектура и изобразительное искусство. В Эстонии не сложились исторические предпосылки для развития ренессансной архитектуры и искусства. Но ряд памятников архитектуры и скульптуры XVI и начала XVII веков в Таллине несет на себе признаки воздействия западноевропейского Ренессанса (особенно французского и нидерландского). Это здание Черноголовых (фасад перестроен А. Пассером в 1597 г.), бывшая важня на Ратушной площади, надгробная плита доктору Балливи в стене церкви Нигулисте и высеченное А. Пассером из сааремаского доломита надгробие Понтусу Делагарди в таллинской Домской церкви.

Городское строительство XVII века отмечено специфическими чертами. Шведская администрация, стремясь к упрочению своих позиций в Эстонии, совершенствовала старые и строила новые городские укрепления. Применение огнестрельного оружия требовало создания новой системы укреплений. В Таллине, Тарту и Нарве воздвигали бастионы, равелины, земляные валы. Если во внешнем средневековом облике Таллина существенных изменений не произошло (как и в облике других эстонских городов в

[1] Кистер — помощник пастора.

этот период), то вид Нарвы совершенно изменился. Интенсивное строительство развернулось в городе после пожара 1659 года. Целью шведской администрации было превратить Нарву в новый торговый и военно-стратегический центр Прибалтики. Изменения

Здания XVII века в Нарве (направо дом бюргермейстера И. Хр. Шварца).

в Нарве отразились прежде всего в новой планировке центральной части города, в создании уникального ансамбля ратуши в стиле барокко, который стал господствующим в Нарве в последние десятилетия XVII века.

Нарвское барокко характеризуется использованием некоторых черт ренессансной архитектуры. Лучшими образцами его являются ратуша, здание биржи и жилой дом купца Поортена. Наиболее

ярко нарвское барокко отражено в великолепных порталах, богато украшенных скульптурами и барельефами, в своеобразных по форме башенках и эркерах.

Во второй половине XVII века получило широкое распространение искусство резьбы по дереву. В эти годы работали такие выдающиеся мастера, как Э. Тиле, Х. Аккерман, И. Армбруст и др. Церкви украшались новыми резными алтарями и кафедрами. Наиболее выдающейся работой Э. Тиле является резной фриз в зале заседаний Таллинской ратуши.

Глава VI

ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЭСТОНИИ К РОССИИ. УСИЛЕНИЕ СВЯЗЕЙ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА С РЫНКОМ

§ 1. ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЭСТОНИИ К РОССИИ

Борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю. После Крестьянской войны под предводительством Ивана Болотникова и победы русского народа над иностранными интервентами в начале XVII века открылся новый период в истории России, который характеризуется «действительно фактическим слиянием всех ... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это ... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок».[1] Вопрос о выходе к Балтийскому морю становился все более острым. Морской путь через Белое море был открыт для навигации лишь три-четыре месяца в году и находился в большом отдалении от европейских стран, а поэтому не удовлетворял растущих потребностей России. Гавани Балтийского моря и устья рек от Даугавы до Невы были в руках Швеции, которая всеми силами стремилась помешать развитию России.

В конце XVII века, когда торговля стала быстро развиваться и Россия вступила на путь внутренних преобразований, разрешение балтийского вопроса стало для нее неотложной задачей. В то время как на юго-западе после воссоединения Украины с Россией позиции России постепенно укреплялись, на северо-западе сохранилась серьезная угроза со стороны агрессивной Швеции. После Кардиского мира Швеция готовилась к новой войне. В 1671 году, например, в Государственном Совете Швеции обсуждался вопрос об использовании благоприятной обстановки в связи с крестьянской войной в России для начала военных действий против нее. В 80—90-х годах в Швеции шла лихорадочная работа по усилению армии и флота и расширению военной промышлен-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 137.

ности. В Восточной Прибалтике — прежде всего в Нарве, Таллине, Тарту, Риге — началось энергичное строительство укреплений. Экспансионистская политика шведского дворянства на востоке нашла поддержку со стороны западных держав. В 1698 году Швеция заключила союзные договоры с Англией, Францией и Голландией.

Планы шведского дворянства — закрепить и расширить свои владения к востоку от Балтийского моря — неизбежно должны были привести к столкновению с Русским государством. Экономическое развитие последнего и его стратегическая безопасность требовали выхода к Балтийскому морю, а этого можно было добиться только через войну. Эти устремления быстро растущего Русского государства, обусловленные его жизненными интересами и подготовленные всем его историческим развитием в течение ряда столетий, были осуществлены при Петре I.

Начало Северной войны. В 1699 году Петр I заключил военный союз с Данией и Саксонией против Швеции. Вступившие в союз государства надеялись воспользоваться благоприятным международным положением, так как крупнейшие государства Западной Европы были заняты в то время подготовкой к войне за испанское наследство (1701—1714 гг.). Дания и Саксония начали войну против Швеции в начале 1700 года. Однако Дания была разбита Швецией при помощи объединенного англо-голландского флота и принуждена была заключить мир в августе того же года.

В следующем месяце саксонский курфюрст по требованию Англии и Голландии снял осаду Риги. Таким образом, Россия во время своих первых военных операций по существу не была поддержана своими союзниками.

Петр I смог начать военные действия против Швеции только летом 1700 года, после заключения перемирия с Турцией. В конце сентября он сосредоточил свои войска под Нарвой. Удар против Нарвы, сильнейшей шведской крепости, был недостаточно подготовлен в военном отношении. При осаде сразу же выявился недостаток боеприпасов и продовольствия, из-за осенней распутицы подвоз их был затруднен. Затянувшаяся осада дала шведскому королю Карлу XII возможность высадиться в Пярну и сосредоточить под Нарвой свои войска.

19 ноября произошло ожесточенное и кровопролитное Нарвское сражение. Многие обстоятельства благоприятствовали шведам. Лагерь русских войск на западном берегу реки Нарвы был растянут примерно на 6 км и защищен только рвом и низким земляным валом. Поднялся снежный буран, дувший русским прямо в лицо. Большинство наемных офицеров из иностранцев в ходе боя изменили русским и перешли на сторону шведов. Шведам удалось потеснить дворянскую конницу и часть пехоты. Но Преображенский, Семеновский и некоторые другие полки отбили все атаки врага и на следующее утро переправились через реку.

Пушки и другое оружие остались в руках врага, а офицеры попали в плен.

Считая русские войска полностью разбитыми, Карл XII повел свои главные силы на юг, против Саксонии и Польши. Но Петр I оценил Нарвское сражение как урок. Той же зимой был проведен набор рекрутов, были созданы новые полки и более мощная артиллерия. В обучении и вооружении солдат и офицеров были осуществлены значительные нововведения. Был укреплен военный союз с королем польским и курфюрстом саксонским Августом II.

Борьба эстонских крестьян против помещиков и шведских властей. Разразившаяся Северная война воодушевила эстонских крестьян на борьбу против помещиков. Эстонское крестьянство смотрело на русскую армию как на противника немецких и шведских помещиков, от гнета которых оно надеялось теперь освободиться.

Попытка шведского правительства поднять эстонских крестьян на войну против России провалилась. Только путем принуждения и обмана удалось завербовать часть крестьян в войско и в так называемую земскую милицию, откуда они при первой возможности бежали. Сочувствовавший шведам пастор Кельх должен был признать в своей хронике, что «приказ только объявили с кафедры, а принудить его выполнить никто себя не позволил, вследствие чего приказ не имел никакого действия». Никто не решался вооружать крестьян, так как они открыто говорили, что в первую очередь надо уничтожить всех немцев, т. е. помещиков. Даже среди некоторых шведских чиновников, сочувствовавших эстонским крестьянам, распространялась идея об использовании благоприятной обстановки для уничтожения власти немецких помещиков и раздачи их земель эстонцам. Многочисленные процессы в шведских судах и другие материалы свидетельствуют о выступлениях крестьян против помещиков, шведских правителей и их войск в годы Северной войны. В то же время крестьяне использовали службу в земской милиции для того, чтобы уклоняться от барщины, гужевой и других повинностей, выполнения которых требовали власти. Генерал-губернатор Эстляндии в 1703 году вынужден был открыто заявить, что крестьянам не следует «готовиться идти против врага», так как они «этим приносят больше вреда, чем пользы».

Чтобы обеспечить снабжение шведской армии, крестьянам запретили продавать хлеб. Зерно и сено надо было сдавать государству. С каждого хозяйства требовали по крайней мере одного быка. Уже в начале войны крестьяне выступали против фуражиров. В апреле 1700 года крестьяне деревни Ыванурме, в Тартумаа, оказали фуражирам сопротивление. В дальнейшем в донесениях командиры частей часто писали: «Я все еще должен добывать продовольствие для полка путем принуждения и военной силы, так как крестьяне добровольно ничего не дают». Крестьяне боялись проходящих шведских войск и убегали далеко в леса и

болота. Такой случай произошел, например, осенью 1700 года, когда войска Карла XII шли от Пярну к Нарве.

Как только Август II, король польский и курфюрст саксонский, в феврале 1700 года подошел со своими войсками к Риге, среди латышских крестьян начались волнения. Они распространились также и на южную Эстонию, где многие дворяне в страхе перед восстанием бросали свои имения и укрывались в городах. Волнения происходили, например, в Орава, Койкюла, Палу, Кавасту, Куриста и других имениях. Местами в этих волнениях принимали участие и русские крестьяне; так было, в частности, в Орава и в имении Тамме.

Осенью 1700 года, когда русские войска начали военные действия, вспыхнули волнения и в северной Эстонии. Во время осады русскими Нарвы крестьяне Алутагузе восстали против помещиков. Последние в паническом страхе бежали из своих имений.

В 1701 году поднялись крестьяне имений Варбла и Ванамыйза в Ляэнемаа; прибывшие на место шведские войска долго не могли сломить сопротивление восставших. В начале 1701 года крестьяне имения Ванамыйза перестали ходить на барщину, отказались выполнять гужевую повинность и давать контрибуцию. Генерал-губернатор послал на место солдат. Крестьяне обещали повиноваться, но как только воинская часть ушла, снова вышли из повиновения.

По личному указанию Карла XII в середине мая для подавления сопротивления крестьян в Ванамыйза было послано 30 драгун во главе с капитаном. Здесь собралось около 300 крестьян, вооруженных только топорами и кольями, но полных решимости дать отпор. Солдаты вынуждены были отступить. Генерал-губернатор собирался сейчас же направить на место два полка пехоты, но только в конце июня смог послать туда штатгальтера, эскадрон кавалерии и палача. Хотя, как отмечается в отчете этого чиновника, «зачинщиков бунта и вожаков» не разыскали, многие крестьяне, в том числе и женщины, были подвергнуты жестокой порке. Шведские власти впервые в Эстонии начали применять наказание крестьян шпицрутенами, при котором наказуемого вели сквозь строй солдат, вооруженных палками и построенных в две шеренги лицом друг к другу. Эстонское название шпицрутенов — kadalipp — происходит от соответствующего шведского — gatlopp. Такой расправе подверглись и ванамыйзаские крестьяне. Но даже такие жестокие меры не сломили сопротивления крестьян. Как только драгуны покинули имение, снова вспыхнуло восстание. Только взяв заложников, власти смогли его подавить.

Аналогичные события происходили осенью 1702 года в Кунда, где крестьяне оказали сопротивление шведским военным и гражданским властям.

Во многих местах появлялись вооруженные отряды крестьян, которые громили и жгли имения. В районе Ыйзу, например, дей-

ствовал отряд крестьян в 70—80 человек, над которым предводительствовал Март с хутора Нахксепа Тийду, заявивший, что «надо уничтожить и сжечь немцев, а потом объединиться с русскими». В 1703 году этот отряд выступал вместе с русскими против помещиков.

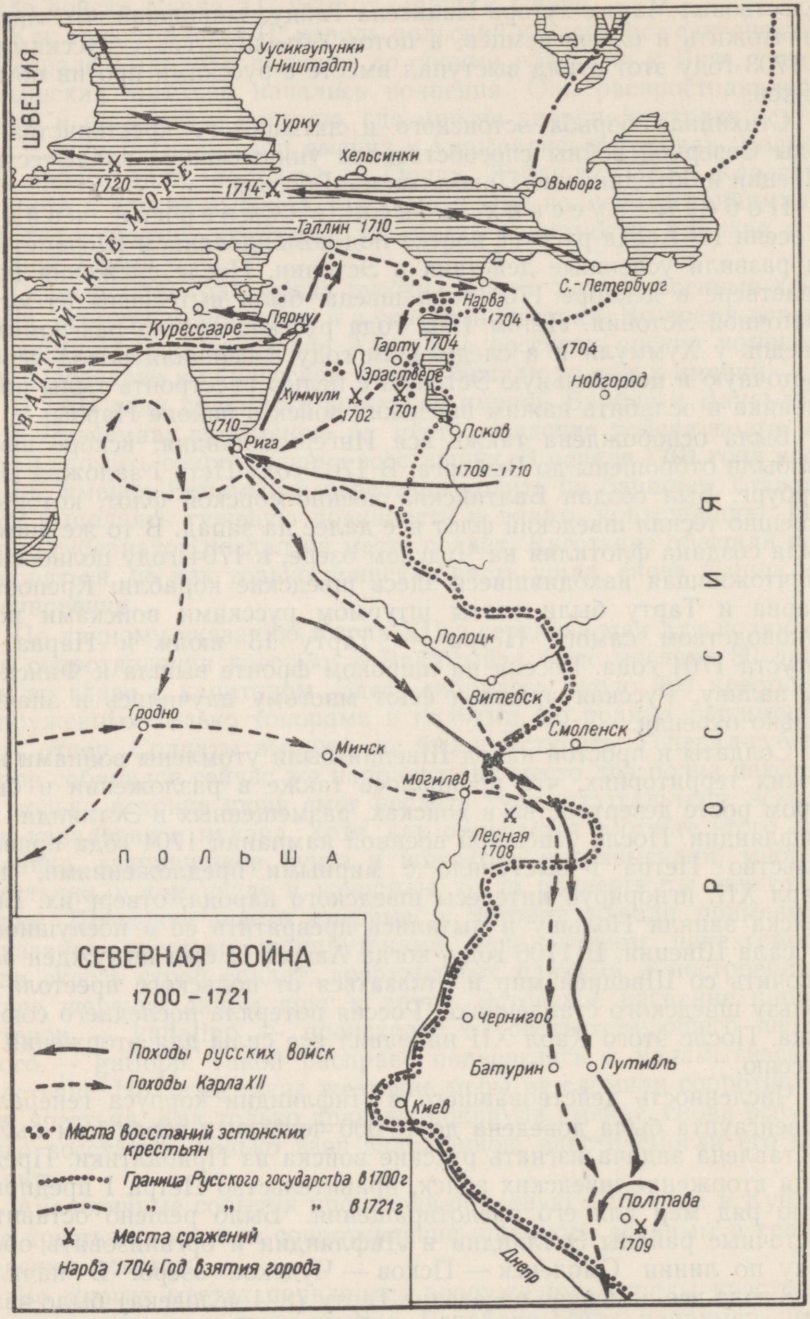
Стихийная борьба эстонского и латышского крестьянства в годы Северной войны способствовала уничтожению владычества Швеции и объединению Прибалтики с Россией.

Победы русских войск в Северной войне. С осени 1701 года русские войска под командованием Шереметьева развили успешные действия в Эстонии. После сражения при Эраствере в декабре 1701 года шведы были вытеснены из юго-восточной Эстонии. Летом 1702 года русские войска разгромили шведов у Хуммули и в следующем году совершили поход через восточную и центральную Эстонию с целью расстроить тылы противника и ослабить нажим шведских войск в районе Нарвы.

Была освобождена также вся Ингерманландия; вскоре шведы были отброшены до Выборга. В 1703 году Петр I заложил Петербург. Был создан Балтийский военно-морской флот, который успешно теснил шведский флот все далее на запад. В то же время была создана флотилия на Чудском озере, в 1704 году полностью уничтожившая находившиеся здесь шведские корабли. Крепости Нарва и Тарту были взяты штурмом русскими войсками под руководством самого Петра — Тарту 13 июля и Нарва 9 августа 1704 года. Россия на широком фронте вышла к Финскому заливу. Русская армия и флот многому научились и значительно окрепли.

Солдаты и простой народ Швеции были утомлены войнами на чужих территориях, что проявилось также в разложении и быстром росте дезертирства в войсках, размещенных в Эстляндии и Лифляндии. После успешной военной кампании 1704 года правительство Петра I выступило с мирными предложениями, но Карл XII, игнорируя интересы шведского народа, отверг их. Его войска заняли Польшу и пытались превратить ее в послушного вассала Швеции. В 1706 году, когда Август II был вынужден заключить со Швецией мир и отказаться от польского престола в пользу шведского ставленника, Россия потеряла последнего союзника. После этого Карл XII направил все силы для вторжения в Россию.

Численность действовавшего в Лифляндии корпуса генерала Левенгаупта была доведена до 16 000 человек и перед ним была поставлена задача изгнать русские войска из Прибалтики. Предвидя вторжение шведских войск, правительство Петра I предприняло ряд мер для его предотвращения. Было решено оставить восточные районы Эстляндии и Лифляндии и организовать оборону по линии Смоленск — Псков — Чудское озеро. В начале 1708 года все немецкое население Тарту (824 человека) было эвакуировано во внутренние районы России. Летом того же года


ШВЕЦИЯ
Усикаупунки (Ништадт)
Турку
Хельсинки
Выборг
1720
1714
Таллин 1710
С.-Петербург
Нарва 1704
1704
Пярну
Курессааре
Тарту 1704
Эрастфере
Новгород
Хуммули
1702
1701
1710
Рига
Псков
1709 - 1710
Полоцк
Витебск
Гродно
Минск
Смоленск
Могилев
Лесная 1708
ПОЛЬША
РОССИЯ
Чернигов
Батурин
Путивль
Киев
Полтава
1709
Днепр
СЕВЕРНАЯ ВОЙНА
1700 – 1721
Походы русских войск
Походы Карла XII
Места восстаний эстонских крестьян
Граница Русского государства в 1700 г
" " " в 1721 г
Места сражений
Нарва 1704 Год взятия города

были взорваны все укрепления и стены города. Тарту в течение ряда лет состоял лишь из пригородов с эстонским населением.

Шведское наступление в районе Петербурга было отражено. Корпус Левенгаупта, который шел на соединение с главными силами Карла XII в Белоруссии, был разбит по дороге у деревни Лесной в сентябре 1708 года.

Окончательное завоевание Эстляндии, Лифляндии и острова Сааремаа произошло после того, как главные силы Швеции были наголову разбиты в битве под Полтавой 27 июня 1709 года. Решающая победа русских войск под Полтавой имела большое международное значение. Польша и Дания снова вступили в союз с Россией, к ним присоединилась Пруссия, а позднее и Ганновер. Швеция, военная мощь которой на суше была уничтожена, не смогла удержать за собой Балтийское побережье.

После победы под Полтавой изменилось также отношение местного дворянства и правящей верхушки городов Эстонии к русским властям. Видя, что победа России неизбежна, немецкие помещики и купцы стали искать связей с царскими властями, чтобы сохранить свои привилегии. Местные шведские гарнизоны и воинские части не могли оказывать длительного сопротивления русским войскам. Страна была истощена, народ совсем изнурен, к тому же летом 1710 года из Пруссии в Лифляндию и Эстляндию была занесена опустошительная эпидемия чумы, унесшая в могилу значительную часть населения. Рига капитулировала в июле 1710 года. В том же году в августе пал Пярну, в сентябре — Курессааре, 29 сентября 1710 года в Харку были подписаны условия капитуляции города Таллина и рыцарства Эстляндии. Последние шведские войска были вынуждены сесть на корабли и покинуть Эстонию.

Исторические судьбы Эстляндии и Лифляндии были окончательно связаны с Россией. Хотя война со Швецией длилась еще долгие годы, военные действия непосредственно уже не затрагивали Эстонии. Молодой русский флот срывал все попытки неприятеля высадиться на эстонское побережье. После блестящей победы над шведским флотом в 1714 году в морском бою у финских берегов, при Гангуте, русский флот стал хозяином Балтийского моря. Попытки Англии, особенно в последние годы войны, помешать росту могущества России не имели успеха. По условиям Ништадтского мира, заключенного в 1721 году, Швеция была вынуждена признать вхождение Ингерманландии, Эстляндии, Лифляндии и западной Карелии вместе с городом Выборгом в состав Русского государства.

Историческое значение присоединения Эстонии к Русскому государству. Победа России в Северной войне имела большое значение. Был завоеван жизненно необходимый для России выход к Балтийскому морю. Русское государство окрепло и превратилось в мощную державу. В 1721 году Россия была провозглашена империей.

В условиях продолжающейся Северной войны и сложной международной обстановки Петр I, исходя из необходимости быстрейшего закрепления за Россией Прибалтики, счел целесообразным признать права и привилегии эстляндского и лифляндского рыцарства и богатых горожан, что соответствовало и классовой сущности Русского дворянского государства. Прибалтийские дворяне-немцы, в свою очередь, ловко использовали обстановку при переходе остзейских провинций к России, чтобы укрепить политическую и экономическую власть своего класса в Прибалтике. Правительство Петра I подтвердило старые права и привилегии, данные шведским правительством дворянству, причем без тех ограничений, которые были сделаны в связи с редукцией имений. В Ништадтском мирном договоре царское правительство обещало, что дворянство и города Лифляндии, Эстляндии и острова Сааремаа сохранят «приобретенные ими под шведской властью привилегии, обычаи, права и преимущества». Исходя из патента Карла XII, изданного в 1700 году, Петр в мирном договоре гарантировал возврат имений их прежним владельцам.

Россия того времени была государством помещиков и нарождавшегося класса купцов. Крестьянство подвергалось жестокой эксплуатации. В составе Российской империи продолжалась также крепостническая эксплуатация эстонского крестьянства. Но, несмотря на это, присоединение Эстонии к России имело большое прогрессивное значение для эстонского народа.

Во время Северной войны было ликвидировано шведское военно-колониальное иго на территориях, населенных эстонцами, латышами и карелами, имевшими вековые связи с русским народом. Несмотря на тяжелый помещичье-самодержавный гнет, политическое присоединение этих территорий к России, а позднее их экономическое включение во всероссийский рынок отвечало коренным интересам этих малых народов.

В результате опустошительных войн, эпидемий и голода эстонский народ неоднократно стоял перед угрозой полного уничтожения. В составе Русского государства — крупнейшей и в военном отношении сильнейшей империи Европы — он, наконец, обрел мир на целых два столетия, что имело огромное значение для экономического, культурного и национального развития эстонского народа.

Нахождение Эстляндии и Лифляндии под властью Швеции со второй половины XVI века до начала XVIII века и колониальная эксплуатация этих провинций тормозили развитие местной экономики. Прибалтика была изолирована от России, с которой ее связывало само географическое положение. Присоединение Эстонии к России разрушило эти преграды и создало здесь необходимые условия для восстановления и дальнейшего развития производительных сил. В последующие столетия экономические связи между Эстонией и другими районами Российской империи неуклонно крепли. Тесные связи со всероссийским рынком послужили внеш-

ней предпосылкой для возникновения и развития промышленности в Эстонии.

Эстонский народ, как и другие народы России, непосредственно соприкасался не только с Россией царского самодержавия, Россией помещиков и других угнетателей. Судьба народов России, в том числе и эстонского народа, была тесно связана с судьбой великого русского народа.

Передовая русская демократическая культура стала важным плодотворным фактором в развитии просвещения и национальной культуры эстонского народа.

«Присоединение Эстляндии и Лифляндии к России». (Медаль XVIII века.)

Для трудящихся Эстонии и их последующей борьбы за освобождение от всякого угнетения неоценимое значение имело то, что Эстония была неотделимой частью России — страны, впоследствии ставшей центром мирового революционного движения и родиной ленинизма.

§ 2. ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭСТОНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Восстановление и развитие экономики. После Северной войны процесс складывания всероссийского рынка стал вовлекать в свою сферу и Эстонию. Хотя в XVIII веке, в условиях феодально-крепостнического строя, процесс этот шел очень медленно, он все же способствовал здесь развитию товарного хозяйства и зарождению капиталистических отношений.

Военно-колониальная политика шведского правительства, великий голод, война и чума привели экономику Эстонии к полному упадку. Производство продуктов сельского хозяйства сильно уменьшилось, торговля почти замерла, свирепствовавшая эпиде-

мия привела к массовому вымиранию населения, численность которого уменьшилась местами наполовину и даже на три четверти по сравнению с началом 90-х годов XVII века. Особенно сильно уменьшилось население в западной Эстонии и на острове Сааремаа, которые находились под властью Швеции до 1710 года. Напротив, в юго-восточной Эстонии, которая несколько раньше перешла под власть России, сохранилось значительно больше населения. Позднее часть населения даже переселилась отсюда в опустевшие деревни Ляэнемаа.

В мирных условиях численность населения начала быстро расти. В 1782 году в Эстонии насчитывалось уже более 473 тысяч жителей, что было по крайней мере на 45 процентов больше, чем в конце XVII века, до великого голода. К середине XVIII века было восстановлено сельскохозяйственное производство (см. § 3), наряду с этим развивалась внутренняя торговля и крепли экономические связи с другими районами России.

Уже в конце Северной войны оживилась торговля через гавани Балтийского моря. Началось восстановление пострадавших от войны и почти обезлюдевших в результате эпидемии городов.

После заключения мира Нарва превратилась в крупный торговый город Эстонии: в 1721 году сюда прибыло 73 корабля, в 1725 году — 170. Нарва была связана естественными водными путями с районами Новгорода и Пскова, откуда теперь беспрепятственно большим потоком шли сюда лен, зерно и другие сельскохозяйственные продукты, бревна и пиломатериалы. Когда правительство Петра I заключило выгодный торговый договор с Персией, было предусмотрено, что Нарва должна стать местом хранения персидских товаров. В Нарве и ее окрестностях работало на гидро- и ветроэнергии до 7 лесопилен с 30 рамами. Канатное предприятие снабжало своей продукцией русский флот, часть продукции шла даже за границу. В Нарву приходили голландские, английские и немецкие торговые суда.

После 1710 года развернулось большое строительство в Таллине. Была построена новая гавань (на том месте, где она находится и сейчас), так как прежняя гавань у Морских ворот не отвечала потребностям русского флота. В гавани были сооружены каменные здания, верфь и мастерские. У подножия глинта Ласнамяги, где до этого были сенокосы и выгоны, при Петре I был разбит парк, украшенный скульптурами, известный ныне под названием парка Кадриорг. В течение нескольких десятилетий Таллин сильно вырос и расширился. Рядом с Кадриоргом возник новый пригород Слобода (в просторечии Лободка). Пригороды, сожженные шведами летом 1710 года, были отстроены заново. В Таллине, где, по сравнению с другими русскими гаванями на Балтийском море, были установлены наиболее низкие пошлины на привозные товары, быстро оживлялась торговля. Низкие пошлины были установлены в интересах эстляндского дворян-

ства, которое являлось основным потребителем ввозимых в Таллин товаров.

Со второй четверти XVIII века Таллин стал превращаться в аванпорт Петербурга в начале и конце навигационного периода, когда лед препятствовал судоходству в восточной части Финского залива. В связи с этим в 1734 году были освобождены от таможенного обложения товары, провозимые через Эстонию в Петербург. Об увеличении грузооборота таллинского порта свидетельствует рост таможенных доходов: 5339 талеров в 1711 году, 25891 талер в 1725 году и 52878 талеров в 1740 году.

Домик Петра I в Таллине.

Оживилась и торговля в Пярну. Через Пярну экспортировались в основном лен, льняное семя и лес. Лен и зерно для вывоза доставлялись сюда также из-под Пскова. В связи с ростом населения расширилось предместье у Рижских ворот и возникло новое предместье — Слобода (позднее Мерикюла). В 1760 году в окрестностях города были кирпичный завод, 6 «голландских» лесопилен и 4 ветряные мукомольни.

Петр I намеревался построить на эстонском побережье новую военную гавань и после проведения изысканий в 1718 году определил ей место, которое позднее получило название Пальдиски (Балтийский Порт). Море замерзает здесь зимой в среднем только на один месяц. С началом работ возник поселок город-

ского типа. Но в последующие десятилетия, после смерти Петра I, когда в России шла борьба за власть между отдельными дворянскими группировками, некоторые из петровских планов развития Прибалтики были преданы забвению. Постройка гавани в Пальдиски так и не была доведена до конца.

Для торговли того времени был характерен неодинаковый размер местных пошлин. Таможенная граница существовала между Эстляндией и Лифляндией, с одной стороны, и другими губерниями России — с другой. Так, на таможенных пунктах Тарту и Нарвы взималась пошлина со всех товаров, которые привозились из других губерний России или вывозились туда. Пошлины взимались даже в пределах одной и той же губернии (например, в Валга взимались пошлины со льна, конопли, воска и т. п., вывозимых в Ригу). Другие средневековые ограничения также еще стесняли свободу торговли. В частности, русским купцам разрешалось торговать только так называемыми русскими товарами (юфтой, холстом, пушниной, свечами, мылом, икрой, пшеничной мукой и т. д.); немецкие купцы пытались всячески препятствовать и свободной торговле в деревне.

В условиях крепостного строя экономика страны восстанавливалась за счет эксплуатации крестьянских масс. Рост производительных сил и оживление торговли были выгодны в первую очередь прибалтийским немцам-помещикам и купцам.

Политика царизма в Эстляндии и Лифляндии. В результате осуществленных в обстановке обострившейся классовой борьбы реформ Петра I укрепилось русское самодержавие. Это была диктатура помещиков-крепостников, формой которой в XVIII веке являлось чиновничье-дворянская монархия. В своей социальной и экономической политике абсолютистское правительство исходило в основном из интересов дворянства, хотя должно было считаться также с зарождающейся и развивающейся буржуазией. В Прибалтике царизм опирался на местное немецкое дворянство, которое в свою очередь верой и правдой служило царю.

Русское правительство сохранило прежнее административное деление и прежние границы между Эстляндской и Лифляндской губерниями. Во главе каждой губернии стоял генерал-губернатор, с резиденцией соответственно в Таллине и Риге, который был высшим представителем царской власти. Его главной задачей являлось обеспечение внутреннего «порядка и безопасности». Он должен был также следить за взиманием податей и решать вопросы, касавшиеся крепостей и войсковых частей. Генерал-губернаторы обыкновенно действовали в полном согласии с помещиками-немцами, в руках которых фактически находились все местные учреждения.

Государственные подати взимались только с крестьянских хозяйств, имения не облагались налогами. Размеры крестьянских хозяйств исчислялись в гаках (адрамаа). По ним определялись и

размеры государственных податей, и количество барщинных дней, и все другие платежи в пользу помещика и церкви. Помещик сам взимал и государственные подати. Это еще более усиливало его власть над крестьянами.

В 1713—1716 гг. величину гака начали исчислять не по фактическим размерам крестьянского участка, а по количеству работоспособных людей, что было крайне невыгодно крестьянам. В Эстляндии единицу обложения — гак — составляли 5 (на побережье 10) работоспособных мужчин-крестьян в возрасте от 15 до 60 лет, а на Сааремаа — 12 и в Лифляндии — 18 работоспособных мужчин и женщин. В Лифляндии, однако, помещики вскоре возвратились к старому, установившемуся в XVII веке исчислению гака, по которому за гак принимался обрабатываемый крестьянином полевой участок, с которого он отрабатывал барщину (в переводе на деньги) и платил подати, на общую сумму в 60 талеров, что приравнивалось к стоимости примерно 60 тюндеров ржи. Такое исчисление было выгодно помещикам, ибо барщина и натуральные повинности в переводе на деньги оценивались дешево. Поскольку гак определялся размерами податей (60 талеров), то величина площади гака была в разных местах различна и, кроме того, изменялась в результате каждой очередной ревизии. Это давало помещику большие возможности для злоупотреблений и усиления эксплуатации крестьян.

После присоединения к России в Эстляндии и Лифляндии был завершен возврат имений их прежним владельцам, начатый Карлом XII. Тем не менее в руках государства, особенно в Лифляндии и на Сааремаа, остались крупные земельные владения. Вскоре, однако, большая часть из них была раздарена преемниками Петра I. В Лифляндии в 1726 году государственным имениям принадлежало 45,4 процента общего числа гаков, а к 1758 году эта цифра уменьшилась до 17 процентов. В Эстляндии к этому времени в руках государства осталось всего 2 процента от общего количества гаков. Арендаторами государственных имений были в основном немецкие дворяне. Владельцами рыцарских имений могли быть только лица дворянского сословия. Хотя часть имений в Прибалтике и была передана русским дворянам, но у последних их обычно скупали немцы. Главным образом к немецким помещикам перешли также имения, принадлежавшие ранее шведской аристократии. Так прибалтийским немецким помещикам удалось под эгидой самодержавия значительно расширить свои земельные владения, которые и были основой их власти в Эстляндии и Лифляндии.

В середине века прибалтийские рыцарства составили специальные списки, так называемые дворянские матрикулы, и установили порядок проведения ландтага. Только помещики, занесенные в дворянские матрикулы (число их в Эстляндии, Лифляндии и на Сааремаа вместе первоначально не превышало 324 человек), составляли собственно дворянское сословие — рыцарство, осталь-

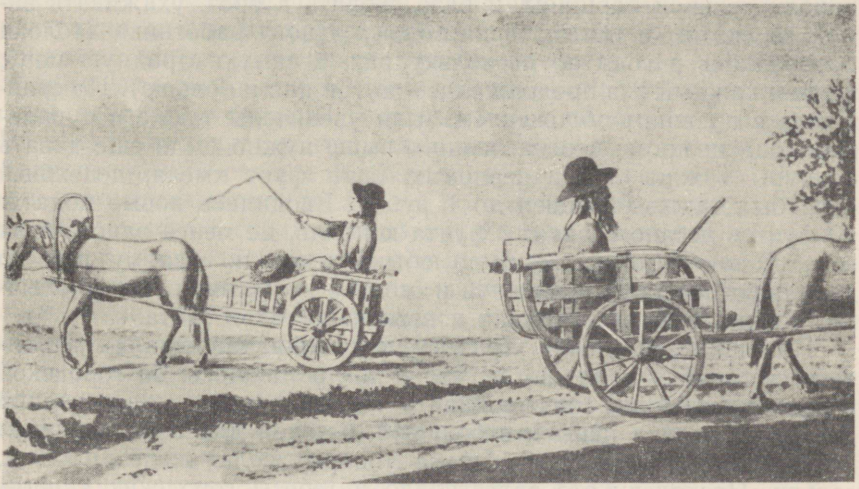
ные, более мелкие землевладельцы и арендаторы, — земство. Управление страной, судопроизводство и все руководство внутренней жизнью полностью перешло в руки имматрикулированных помещиков, так как только они имели право решающего голоса на ландтаге. Они решали также вопрос о занесении новых членов в дворянские матрикулы. Всем этим они обеспечили себе особое положение, отличное от того, которое имело место в остальной России, и ограничили экономические и политические права низшего служилого дворянства.

Рыцарства Эстляндии, Лифляндии и Сааремаа собирали свои ландтаги отдельно. На ландтагах избирались должностные лица рыцарства, судьи, определялись подати, обсуждались законопроекты и т. д. Таким образом, ничтожная горстка помещиков имела большую власть над всем населением губернии. Управление, суд и полиция служили для помещиков орудиями принуждения крестьянства к подневольному труду и подавления его сопротивления. Той же цели служила зависевшая от дворянства церковь, которая держала народ в духовной темноте. Лифляндское рыцарство официально предписало лютеранским пасторам «удерживать крестьянские массы от непослушания и укреплять сколь можно глубже уважение к помещикам и другому начальству, что необходимо для обеспечения безопасности помещиков».

В Эстляндии и Лифляндии в основном сохранился также сложившийся в предыдущем столетии феодальный порядок управления и судопроизводства, который характеризуется привилегиями дворянства и городов, господством лютеранской церкви, признанием немецкого языка в качестве официального языка, сохранением различий в обложении податями и в течение долгого времени даже сохранением местных пошлин. Все это и составляло существо так называемого остзейского особого порядка, который отделял эти губернии от остальной России и предоставлял почти неограниченную власть местным помещикам-немцам. Остзейский особый порядок серьезно препятствовал более тесному сближению Эстонии с Россией и чрезвычайно усиливал крепостнический гнет немецких помещиков над крестьянскими массами. Остзейский особый порядок был воплощением феодально-крепостнической реакции и отсталости. Прибалтийские помещики были рьяными защитниками крепостного права во всей Российской империи. Поэтому многие из них делали себе карьеру как верные слуги царизма. В прибалтийских губерниях крепостническая эксплуатация была еще более тяжелой, чем во внутренних губерниях России. В этом фактически и состояла суть той «культуры» немецких помещиков, которой они так кичились.

§ 3. РАЗВИТИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Положение крепостного крестьянства. Помещики стремились восстановить свои имения, пострадавшие от войны и чумы, выбросить на рынок больше сельскохозяйственной продукции, чтобы увеличить свои доходы. Условия для сбыта продукции были благоприятны. Спрос на сельскохозяйственные продукты непрерывно увеличивался, ибо росло население городов; в частности, быстро развивающийся Петербург нуждался во все большем количестве продовольствия и сырья. На внешний рынок шли зерно, лен и лес.



Двуколки из Пярнумаа. Из коллекции И. Х. Бротце.

Для увеличения продукции помещики использовали испытанный способ — захватывали крестьянские земли. Большое количество опустевших дворов облегчало захват крестьянских земель. Но крестьян изгоняли и из населенных деревень. Например, крестьяне деревни Певра, принадлежавшей имению Выйзику, жаловались в 1736 году, что они выгнаны из деревни и поселены на такой земле, где совершенно невозможно прокормиться и где они живут в исключительной нищете, не имея даже крова над головой.

Дороги в то время были крайне плохи, и трудно было обслуживать большие имения. Поэтому помещики обыкновенно превращали вновь захваченные у крестьян земли в подмызки. В южной Эстонии, где было 381 имение, число подмызков увеличилось к 1780 году до 200. Некоторые подмызки в дальнейшем превращались в самостоятельные имения (мызы).

Помещики увеличивали барщинные повинности крестьян, сначала чтобы окупить недостаток рабочей силы, а затем для удовлетворения растущих потребностей имений. Делалось это обыкновенно за счет так называемой дополнительной барщины.

В Тартумаа в 1712 году крестьянский двор размером в $^1/_8$ гака должен был в течение всего года отрабатывать в имении еженедельно два тягловых дня, а с весны до осени еще два пеших дня в неделю. Поэтому такой двор называли двухдневным. Кроме того, тот же двор должен был поставить помещику 7 пур[1] ржи и столько же ячменя, 2 пуры овса, 2 фунта льняной пряжи, половину барана, двух кур, 20 яиц, 2 фунта хмеля и уплатить известную сумму денег. В 1758 году тот же двор в дополнение к перечисленному должен был отработать в имении 8 пеших дней дополнительной барщины, 2 раза сходить в обоз, ухаживать зимой за скотом и посылать на толоку одного работника (толока проводилась в году по нескольку раз, в самую страдную пору, причем каждый раз продолжалась по три дня и больше). По сравнению с прежним обложением были увеличены также натуральные подати: кроме перечисленного выше нужно было еще давать полпуры каждого вида зерновых, один фунт хмеля, денежный сбор был также повышен до 1 рубля. Вводились новые подати: 10 фунтов чесаного льна, 2 фунта конопли, не менее одного воза сена. В таком хозяйстве было обыкновенно по одному или по двое работоспособных мужчин и столько же женщин; здесь обычно имелись одна-две лошади и несколько голов скота.

Помещики, применяя угрозы и наказания, запрещали крестьянам вывозить и то немногое, что у них оставалось, на городской рынок. Крестьянин мог продавать только помещику. Последний же сам назначал цены и с большой выгодой для себя продавал крестьянину самые необходимые товары: соль, железо, табак, сельди. Поскольку это затрагивало интересы городских купцов, горожане Тарту, Пярну и Таллина часто жаловались властям на действия помещиков. Под угрозой сурового наказания крестьянам (например, в районе Вастселийна) запрещалось также заниматься винокурением, которое помещики считали своей монополией.

Взгляды эстляндских и лифляндских помещиков на крепостное право, их отношение к крепостным крестьянам, а также стремление подавить любые попытки крестьян жаловаться на помещиков ярко иллюстрируются судебным процессом вирумаского крестьянина, мельника Яана из деревни Вохнья, против своего помещика. Яан неоднократно подавал на помещика жалобы в суды и другие учреждения, жалуясь, что тот отобрал у него весь скот, непрерывно увеличивает повинности, принудил отца жалобщика поселиться в разоренном дворе, жестоко избил обоих, топтал их ногами.

---

[1] 1 пура — 66,4 литра, или примерно 2,5 пуда зерна.

В 1737 году Яан обратился в Петербург в юстиц-коллегию и даже лично к императрице. Отсюда его отправили в Таллин, где выпороли и приговорили к тюремному заключению за то, что он «подал на своего господина необоснованную жалобу» и «осмелился приблизиться к высокому трону ее величества императрицы». Яан бежал из тюрьмы через печную трубу и снова пошел в Петербург. Он снова пожаловался на произвол и насилие, чинимые помещиком, требуя справедливости и возмещения убытков.

Петербургская юстиц-коллегия запросила высшие административные и судебные органы Эстляндии и Лифляндии, сколь далеко простирается власть прибалтийских помещиков и их право собственности на крестьян и имущество последних, какими правами пользуется помещик в отношении обложения крестьян и телесных наказаний. Немецкие помещики, стоявшие во главе местной администрации и судебных учреждений, поспешили разъяснить свои «права». Особую известность приобрело тщательно составленное официальное разъяснение, представленное в 1739 году лифляндским ландратом бароном Розеном (так называемая декларация Розена). В декларации говорится, что эстонцы и латыши со времени покорения страны являются рабами, с ними и их имуществом помещик может поступать по своему усмотрению, ибо они являются полной собственностью помещика. Помещик может по своему желанию изменять и повышать размер крестьянских повинностей и назначать телесные наказания. Все эти «права» в декларации Розена обосновывались старыми привилегиями и законами времен шведского владычества.

В Петербурге приняли к сведению эти разъяснения, полные исторических фальсификаций и подтасовок. Яана из Вохнья в конце концов осудили и выслали на поселение.

Борьба крестьян против помещиков. Одной из форм борьбы крестьян против помещиков было по-прежнему бегство. Крестьяне бежали от непосильных поборов, насилия и произвола помещиков. Доведенные до отчаяния крестьяне нередко убивали своих мучителей, поджигали их имения, а затем пускались в бега, чтобы спастись от наказания. В пограничных районах крестьяне часто уходили в русские губернии и даже за границу, откуда помещику трудно было вернуть беглецов. В середине века число эстонцев, бежавших в русские губернии, возросло до нескольких тысяч. В таких случаях немецкие помещики должны были прекращать охоту за беглецами, так как русские помещики, а также Печорский и Псковский монастыри были заинтересованы в получении рабочей силы и не выдавали бежавших крестьян.

Бегство крестьян приняло такие размеры, что рыцарство и правительственные учреждения постоянно занимались этим вопросом. Издавались все более жестокие запреты, за содействие беглецам у виновного отрезались нос и уши. К розыску беглых привлекались воинские части. Но прекратить бегство крестьян не удавалось.

Крестьяне ненавидели своих угнетателей, нисколько не верили им и при всяком удобном случае старались чем-либо отомстить мызе. Урвастеский пастор Квант писал в своем дневнике: «Здешние крестьяне не считают за зло воровать у немцев, ибо последние отобрали у них землю и превратили их в рабов». На бесчеловечное угнетение крестьяне отвечали расправами над помещиками и мызными служащими, о чем имеется множество сведений в судебных делах. Столь же страстно ненавидели крестьяне и немецких пасторов, которые были для них теми же помещиками-кровопийцами и так же угнетали народ. Жадность пасторов давно вошла в поговорку: «Поповской мошны ввек не наполнишь». Хотя христианская вера проповедовалась уже в течение многих столетий, еще в XVIII веке пыльтсамаский пастор А. Хупель жаловался, что «среди тысячи людей едва ли хоть двое знают, что они христиане».

Непримиримые противоречия между крестьянами и помещиками проявились в так называемом движении гернгутеров. Это было облеченное в религиозную форму общественное движение эстонских и латышских крестьян. Проявление классовой борьбы крестьянства в форме создания враждебных господствующей церкви религиозных сект было распространенным явлением в феодальном обществе.

Помещики и пасторы вначале покровительствовали деятельности гернгутерских проповедников, прибывших из Саксонии в конце 20-х годов XVIII века. Поскольку в Германии это движение носило реакционный характер, прибалтийские бароны надеялись использовать его в своих целях. Им казалось, что проповедь «братства», «отречения от зла мирского» и религиозно-нравственного перевоспитания может послужить средством духовного одурманивания угнетенных масс. Но порабощенные, презираемые и унижаемые помещиками и пасторами крестьяне вложили в это движение свое, антикрепостническое содержание. Крепостные крестьяне видели в гернгутерских учениях признание равенства всех людей. Зажиточные же элементы деревни видели в общинах средство увеличения своего влияния.

Когда в начале 40-х годов XVIII века в движение гернгутеров были вовлечены широкие массы крестьянства, помещики и пасторы стали терять свое руководящее положение в общинах. Движение стало перерастать в крестьянские волнения. На собраниях общин гернгутеры осуждали действия помещиков, были случаи отказа от выполнения барщины, помещикам предъявлялись различные требования. Многие проповедники (например, Паап Таллима из Рыуге) не ограничивались «исцелением душ», а выступали открыто против помещиков. Осенью 1742 года происходили столкновения между крестьянами и помещичьими людьми в Хаанья и Вана-Казаритса, вследствие чего много крестьян было арестовано. В деревне стала создаваться сравнительно широкая народная организация, хотя и носившая религиозный характер.

Помещики и пасторы были сильно встревожены таким оборотом дела. По их требованию в 1743 году деятельность гернгутеров в Прибалтике была запрещена и их организация разгромлена. На репрессии крестьяне отвечали массовым бегством в русские губернии. Организация гернгутеров продолжала действовать тайно. Теперь гернгутеры часто проводили свои собрания по ночам в крестьянских домах, сараях и даже в лесу, сходясь из отдаленных мест. В движении стали все шире принимать участие и эстонцы-горожане. Руководство общинами было полностью в руках крестьян или ремесленников. В этой новой, нелегальной форме движение казалось правящему классу еще более опасным. Чтобы восстановить контроль над деятельностью гернгутеров в 1764 году им снова было разрешено действовать открыто. Вплоть до начала XIX века движение гернгутеров продолжало еще играть в крестьянских волнениях известную роль.

§ 4. НАЧАЛО РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛЬНО-КРЕПОСТНИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВА (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII ВЕКА)

Развитие сельского хозяйства и усиление его связей с рынком. Во второй половине XVIII века в России связи крепостного имения с рынком быстро усиливались. Имения стали производить больше продукции на продажу, помещики были вынуждены приспосабливать свое крепостное хозяйство к условиям внутреннего и внешнего рынка. Тот же процесс происходил в Эстляндии и Лифляндии. Предпосылки для этого создались уже в первой половине столетия, благодаря восстановлению экономики и доступу к обширному российскому внутреннему рынку.

Семилетняя война (1756—1763) увеличила финансовые трудности государства и заставила русское правительство уделять больше внимания Прибалтике. Это диктовалось как политическими, так и фискальными соображениями. Некоторые мероприятия правительства Екатерины II, которые были обусловлены развитием товарно-денежных отношений и отвечали интересам помещиков и купцов, способствовали экономическому развитию Эстляндии и Лифляндии. Из Прибалтики было разрешено беспошлинно вывозить водку в русские города. В 1762 году был отменен запрет на вывоз зерна; этот запрет, особенно в середине столетия, сильно тормозил торговлю хлебом. С уничтожением этих запретов в 60-х годах быстро поднялись цены на водку и зерно. Во второй половине XVIII века значительно возросли цены на сельскохозяйственные продукты и в западноевропейских странах, где в связи с развитием капитализма увеличился спрос на зерно, лен и лесоматериалы.

Помещики искали путей к дальнейшему обогащению и еще более усиливали эксплуатацию крестьянских масс. Вырученные от

продажи сельскохозяйственных продуктов деньги помещики тратили на всевозможные дорогостоящие затеи, постройку роскошных особняков, разбивку парков и т. п. В погоне за деньгами помещики залезали в долги, закладывали имения, сдавали их в аренду и спекулировали ими. С 60-х годов XVIII века цены на имения стали быстро подниматься.

Во второй половине века, особенно в имениях Вильяндимаа и Тартумаа, весьма широко была распространена переработка зерна на водку, являвшаяся монополией помещиков. Используя труд крепостных и даровой крестьянский гужевой транспорт, помещики получали большие доходы, так как водка стоила дороже зерна, а перевозить ее было легче и дешевле. В конце века на помещичьих винокурнях в Лифляндии перерабатывалось более одной трети всего урожая зерновых. Помещики-предприниматели пользовались при этом не только своим зерном — они скупали его у крестьян, а также в других имениях, в частности, помещики Вильяндимаа скупали зерно в Ярвамаа и Вирумаа. Крестьянам винокурение принесло новую тяжелую повинность — «винокуренную барщину»: они должны были работать на винокурнях и отвозить готовую продукцию на рынок. Зимой хождение в обоз на дальние расстояния, например, в Петербург или Таллин, было для крестьян крайне обременительно. Помещики — владельцы трактиров, а также деревенские кабатчики, продавая крестьянам водку, обогащались, крестьянство же еще более нищало.

Отходы от винокурения помещики использовали для откорма скота. Они покупали в Петербурге, куда шла большая часть водки, украинских быков, зимой откармливали их и весной там же продавали с большой прибылью.

Наиболее важным сельскохозяйственным продуктом, который помещики отправляли на рынок, было по-прежнему зерно. «Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, — указывает В. И. Ленин, — было уже предвестником распадения старого режима».[1] То же самое можно сказать и относительно производства вина, так как по существу это также являлось продажей зерна, только в переработанном виде.

Все большее значение приобретал вывоз льна и леса, которые экспортировались главным образом в Англию и Голландию. Вывоз этих товаров производился в первую очередь через Нарву и Пярну. В 1764 году, когда правительство разрешило вывоз досок из Пярну, здесь стала развиваться лесопильная промышленность, в окрестностях города и в уезде был построен ряд новых лесопилен, число которых к концу столетия превысило 30.

Лен выращивали больше всего в районах Ряпина, Вастселийна, Рыуге, Карула, Тарвасту, Халлисте и Вигала, главным образом в крестьянских хозяйствах, причем сеяли и так называе-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 158.

мый сибирский лен, заимствованный у крестьян Псковской губернии.

Помещики и отдельные более зажиточные крестьяне стали разводить сады, чтобы получать плоды для продажи. Из восточной Эстонии фрукты отправлялись в Петербург; частично они продавались скупщикам, выезжавшим на место. Тормаский пастор И. Г. Эйзен составил даже первый на эстонском языке справочник по садоводству.

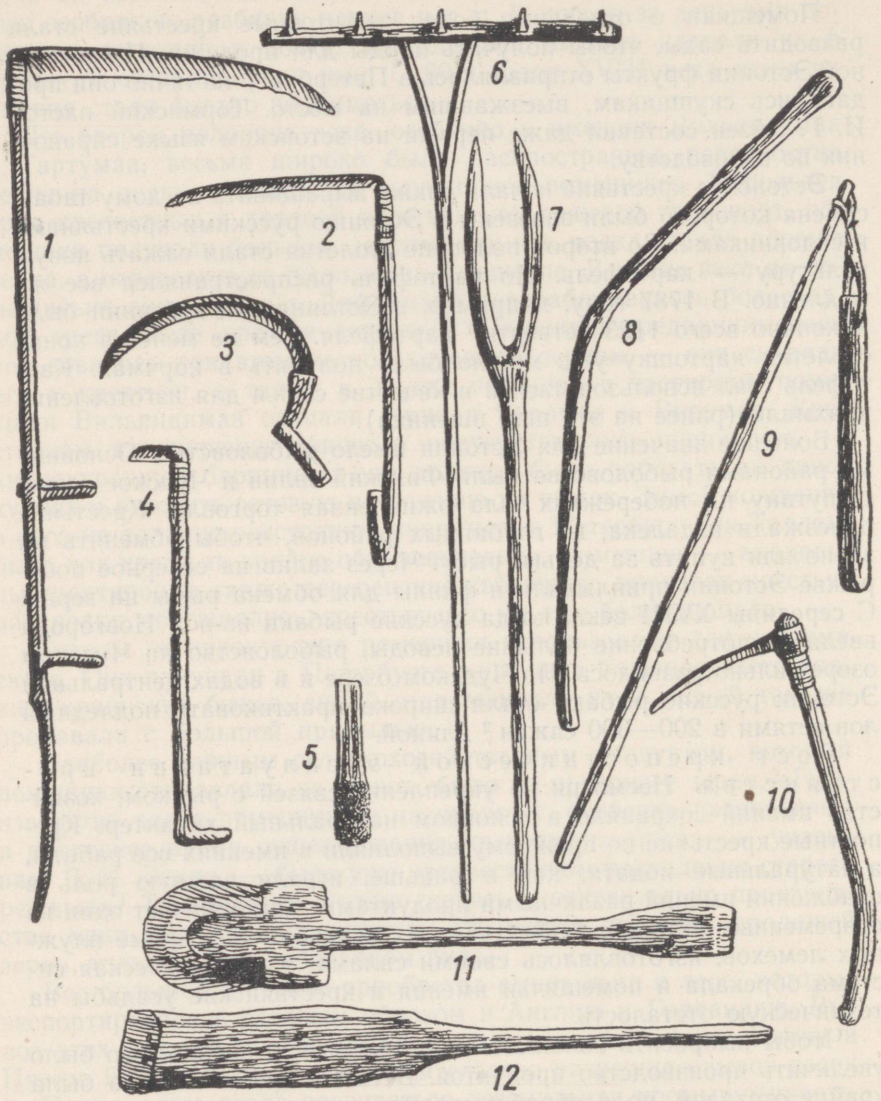
Эстонские крестьяне начали также выращивать на дому табак, семена которого были завезены в Эстонию русскими крестьянами и садовниками. Во второй половине столетия стали сажать новую культуру — картофель. Но картофель распространялся все же медленно. В 1787 году, например, в Эстляндской губернии было накопано всего 1123 четверти [1] картофеля. Тем не менее в конце столетия картошку уже можно было получить в корчмах. Картофель стал использоваться и в качестве сырья для изготовления крахмала (ранее на это шла пшеница).

Большое значение для Эстонии имело рыболовство. Основными районами рыболовства были Финский залив и Чудское озеро. В путину на побережьях шла оживленная торговля. Крестьяне приезжали издалека, из глубинных районов, чтобы обменять на зерно или купить за деньги рыбу. Через залив на северное побережье Эстонии приплывали и финны для обмена рыбы на зерно. С середины XVIII века, когда русские рыбаки из-под Новгорода ввели в употребление большие неводы, рыболовство на Чудском озере сильно развилось. На Чудском озере и в водах центральной Эстонии русские рыбаки стали широко практиковать подледный лов сетями в 200—300 сажен [2] длиной.

Рост крепостнической эксплуатации крестьянства. Несмотря на укрепление связей с рынком, хозяйство имений сохраняло в основном натуральный характер. Крепостные крестьяне по-прежнему выполняли в имениях все работы, а натуральные подати, как и раньше, играли важную роль в снабжении имений различными продуктами. Как отмечает один из современных авторов, в крестьянских усадьбах все, кроме плужных лемехов, изготовлялось своими силами. Крепостническая система обрекала и помещичьи имения и крестьянские усадьбы на техническую отсталость.

Чтобы выбросить больше товаров на рынок, необходимо было увеличить производство продуктов. В то же время техника была крайне отсталой, поля обрабатывались с помощью примитивного крестьянского инвентаря и истощенного рабочего скота. Помещики нередко выступали против новых, более производительных методов труда. Например, на крестьянских полях все больше распространялась косьба ячменя, помещики же, боясь потерь зерна

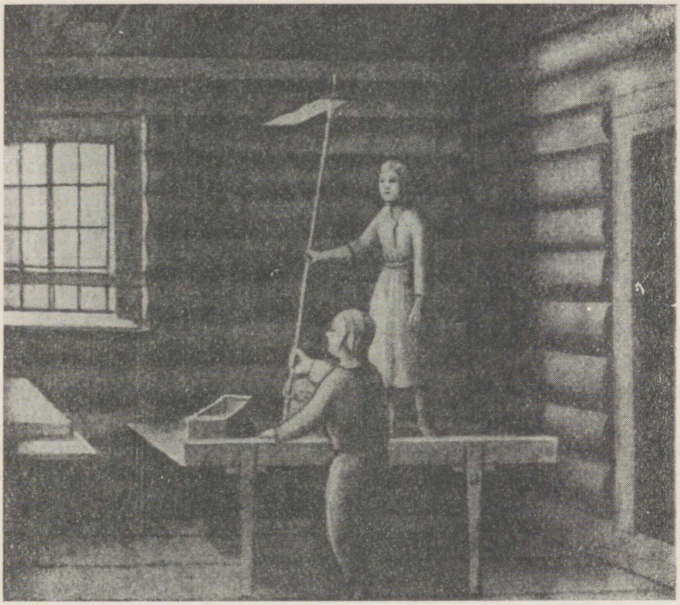
[1] 1 четверть — 209,9 литра.
[2] 1 сажень — 2,13 метра.



Сельскохозяйственные орудия XVIII века.

1 — коса; 2 — полукоса (для жатвы ржи); 3 — серп; 4 — косарь; 5 — точило; 6 — грабли, применяемые при молотьбе; 7 — вилы; 8, 9 — кичага и цеп (для обмолота хлеба); 10 — мотыга; 11 — лопата с железной оковкой; 12 — лопата для измельчения мякины, примешиваемой к хлебу.

при таком способе, требовали, чтобы на их полях уборка производилась серпом. Возможность увеличения продукции они видели прежде всего в расширении посевной площади. Помещики заставляли вырубать леса, поднимать новину, пережигать хворост на золу для удобрения полей; все эти работы наряду с «винокуренной барщиной» новым тяжелым бременем ложились на плечи крестьян. Во второй половине XVIII века помещики продолжали и массовый захват крестьянских земель (на вновь захваченных



Помол на ручном жернове в Саардеской корчме (с рисунка XVIII века).

землях устраивались подмызки). В современной литературе описывается разрушительное влияние этого процесса на крестьянские хозяйства.

В связи с этим с 60-х годов быстро росли тяготы барщины. Размеры крестьянских повинностей за вторую половину столетия выросли почти вдвое. Увеличение крестьянской семьи или обработка нового участка земли служили для помещика достаточным основанием, чтобы потребовать дополнительных барщинных дней. Увеличение барщины приводило к тому, что крестьянские земли обрабатывались с каждым годом все хуже и хуже. Крестьяне нищали и разорялись. Результатом плохой обработки полей были низкие урожаи, частые недороды. Голод был обыденным явлением даже в годы среднего урожая, а в неурожайные годы и в случаях падежа скота становился массовым бедствием. Усилившийся сбыт

хлеба на рынок шел за счет сокращения потребления крестьян. Нищету крестьянина помещик использовал для безжалостной эксплуатации. Если крестьянин, которому угрожал голод, брал у помещика в долг зерно, то за две пуры он должен был потом отдать три.

Помещики стремились поднять также интенсивность труда, применяя жестокие меры принуждения и сдельщину. Во время жатвы каждому двору отводился определенный участок для уборки. Современный публицист А. В. Хупель писал, что при этом более зажиточные крестьяне нанимали себе в помощь бобылей и, убрав назначенный участок мызного поля, могли приниматься за уборку своего урожая; бедняки же, не имевшие такой возможности, несли большой ущерб.

Продажа и обмен крестьян — в первую очередь, бобылей, батраков и батрачек — были частыми явлениями. Крестьян продавали даже открыто, на аукционах и ярмарках. В газетах помещались объявления о продаже крепостных — и отдельно и вместе с семьей. Крестьян продавали также в рекруты или на мануфактуры в качестве рабочих. При продаже безжалостно разлучали супругов, родителей и детей. Продажу крепостных помещик использовал нередко и для того, чтобы избавиться от наиболее «строптивых» крестьян.

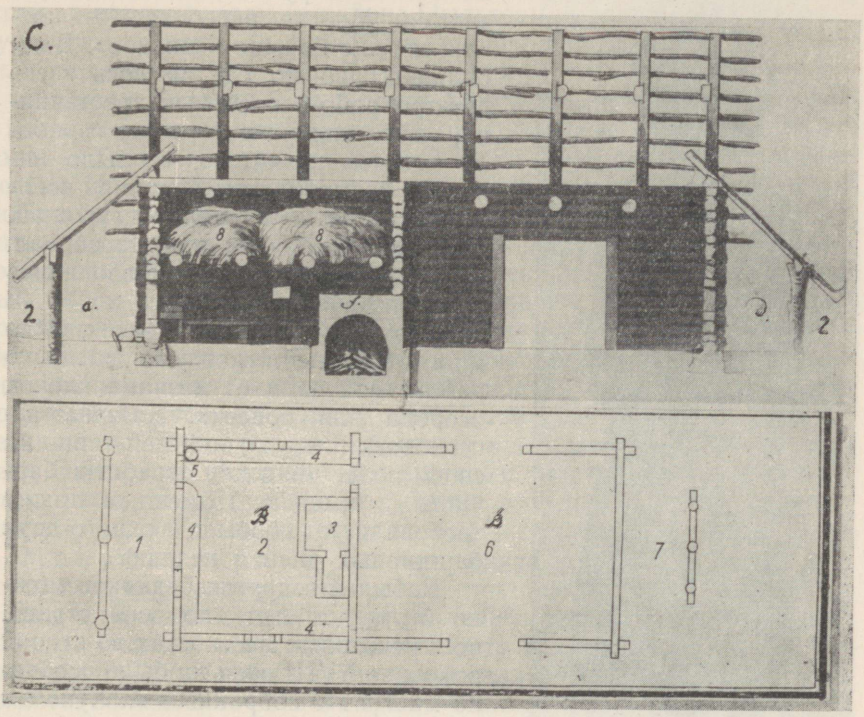
Из-за неуверенности в завтрашнем дне и непосильной барщины крестьянин терял интерес к своему хозяйству. Помещик отбирал почти весь урожай, оставляя крестьянину лишь столько, чтобы тот не умер с голоду. В результате всего этого в конце столетия замедлился прирост населения. Публицист-просветитель И. Х. Петри, который в последние десятилетия XVIII столетия был учителем в Эстляндии, писал, что крепостное право «ни в одной стране не является таким тяжким и не сопряжено с таким угнетением и мучениями, как в Эстляндии. Лица, побывшие в Африке и в Америке, утверждают, что даже самое страшное негритянское рабство не отличается большей жестокостью и варварством, чем здесь, в этой стране».

Правящий класс, однако, пытался доказывать, что крепостной строй в Прибалтике является «лучшим в мире и вечным строем». В действительности же, строй этот вследствие острых внутренних противоречий уже разваливался.

Имущественное расслоение крестьянства. Развитие товарно-денежных отношений не только несло с собой усиление крепостнической эксплуатации, но и приводило к дифференциации самого крестьянства.

Отчуждение крестьянских земель имениями постоянно увеличивало число безземельных крестьян. Хотя крестьян, земли которых были присоединены к имениям, заставляли переселяться на новые места, где надо было корчевать лес и распахивать целину, все же общая площадь крестьянских земель уменьшалась. От помещика зависела также передача крестьянского двора одному

из сыновей в крестьянской семье. Остальные дети шли в батраки. Помещик по своему усмотрению перемещал работоспособных мужчин из одного двора в другой с тем, чтобы каждый из этих дворов был в силах выполнять требуемые повинности. С той же целью определенное количество лошадей, скота, зерна и орудий труда объявлялись «железным инвентарем» каждого двора, не



Боковой разрез и план жилой риги из района Валга конца XVIII века (из собрания Хуна в Центральном Государственном архиве Латвийской ССР).
1,7 — навесы; 2 — рига; 3 — печь; 4 — лавки; 5 — ручные жернова; 6 — гумно; 8 — хлеб на колосниках.

подлежащим продаже или обмену. Таким образом, помещик мог по своему усмотрению передать двор в пользование даже батраку или бобылю. Помещик эксплуатировал и угнетал все крестьянство.

Крестьянские дворы были неодинаковы по величине и делились на несколько групп. Хозяева более крупных дворов (в одну четверть гака и больше) держали нескольких батраков и батрачек, которых посылали на барщину и использовали на работах в своем хозяйстве. Заработки батраков были очень низкими. Батрак получал зерном и одеждой в переводе на деньги около 9 рублей в год, батрачка же значительно меньше (если вообще что-нибудь получала, кроме посконной одежды). Более крупные хозяйства

могли лучше обрабатывать свои поля и даже продавать некоторые излишки на рынке. Но зажиточных крестьян было мало.

«Искать здесь богатых крестьян не имеет смысла, — писал А. Хупель в 1777 году, — такие, у кого припрятано несколько сот рублей наличными и кто вообще сумел скопить движимого имущества на 100—200 рублей, кое-где встречаются. Многие перебиваются кое-как, но еще больше бедняков». В небольших дворах, где имелось всего два-три работоспособных крестьянина, выполнявших и барщину и работу в своем хозяйстве, не было никакой возможности вовремя вспахать, засеять и убрать урожай. Помещик неукоснительно требовал, чтобы работы на мызе проводились в первую очередь.

Крестьянин из Тарвасту в зимней одежде (с рисунка XVIII века).

Кроме батраков и батрачек, было много бобылей, которые за свою работу получали от хозяина клочок огорода или подсеки. Хозяева использовали труд бобылей как на своем поле, так и для отработки барщины в имении. Помещики также требовали от бобыля одного-двух барщинных дней в неделю.

Бобылей и других бедняков можно было встретить по всей стране, но в некоторых местностях во второй половине XVIII века их было особенно много. По собранным А. Хупелем данным, в 80-х годах число бобыльских хибарок и жилых бань, где ютились старики и нищие, составляло на острове Сааремаа 7,5 процента общего числа крестьянских жилищ, в Пярнумаа — 33,3 процента, в Вильяндимаа 38,8 процента, а в отдельных приходах Пярнумаа и Вильяндимаа от 41 до 63 процентов. Особенно много бобылей было в районах, где развивались мануфактурная промышленность (в Пыльтсамаа и Колга-Яани), льноводство (Тарвасту) или лесной промысел (Вяндра). Чем больше крестьянство втягивалось в товарно-денежные отношения, тем яснее проявлялось углублявшееся в деревне имущественное неравенство.

Бобыли, если они не были немощными стариками, занима-

лись обычно ремеслом. Ткачество, прядение, изготовление саней и деревянной посуды обеспечивало им полунищенское существование. В зимнее время местами занимались ремеслом и крестьяне, имевшие землю. Так, в Кодавере делали сани, бочки, различную деревянную утварь, в Вильянди и Тарвасту — сани, на острове Хийумаа строили лодки и небольшие парусные суда, на острове Вормси — ветряные мельницы. В некоторых местах крестьяне жгли на продажу золу (в районе Пыльтсамаа для стекольных мануфактур), известь (в Курси, на острове Хийумаа), рубили, возили и сплавляли лес (бассейн реки Пярну), возили камень и т. д.

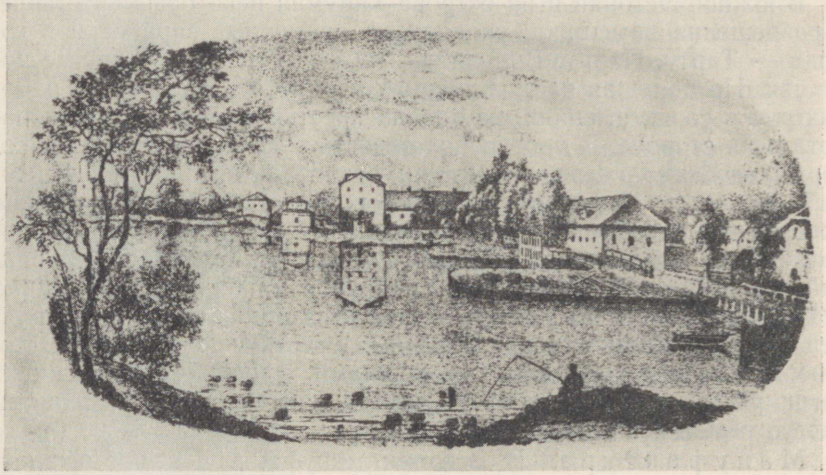
В южной Эстонии и на острове Хийумаа некоторые крестьяне, с разрешения помещика, уходили на временные заработки в города — Тарту, Пярну, Вильянди, Таллин — или же в другие поместья. Но большая часть помещиков, опасаясь недостатка рабочих рук в своих имениях, не давала крестьянам возможности работать на стороне. В противоположность русским помещикам, которые, особенно в северной России, отпускали крестьян на денежный оброк (в Петербургской и Новгородской губерниях такие крестьяне составляли примерно половину, а в Псковской губернии свыше одной пятой общего количества крестьян), прибалтийские помещики делали основной упор на барщину. Барщина привязывала крестьян к месту жительства и доводила их до крайней нищеты. Часть русских оброчных крестьян попадала в Эстонию. Здесь они работали каменщиками, плотниками, каменотесами, рыли канавы, обжигали кирпич или торговали изделиями своего ремесла и мануфактур.

Мануфактура. В Эстонии мануфактурная промышленность получила развитие только со второй половины XVIII века. Купцы и помещики основывали различные предприятия для переработки местных естественных богатств и сельскохозяйственных продуктов. Такие предприятия возникали обычно в сельской местности, вблизи источников сырья и топлива; здесь легче было получить и рабочую силу — крепостных крестьян. На мануфактурах того времени применялся уже наемный труд. Главную массу наемных рабочих составляли ремесленники, оброчные крестьяне, а также приехавшие из-за границы мастера.

Одним из первых промышленных предприятий в Эстонии была бумажная мельница в Ряпина, построенная в 1734—1736 годах. В первое время предприятие обслуживали один эстонец и 6 присланных из Петербурга русских рабочих; предприятие работало только 4 месяца в году, заработная плата выплачивалась в основном продуктами. В 80-х годах XVIII века здесь насчитывалось уже 22 небольших рабочих жилища. Это была типичная крепостная мануфактура, где рабочих можно было удерживать на месте только принуждением. Предприятие давало владельцу довольно большой доход.

Важным для своего времени промышленным центром в Эстонии в 50—60-х годах XVIII века стал район Пыльтсамаа. Владе-

лец замка майор Вольдемар фон Лау основал здесь медеплавильню, крахмальный завод, дубильные мастерские и в Лазонском лесу мануфактуру для изготовления зеленого стекла и бутылок (1764). В Тирна Лау с помощью займа, полученного от правительства, организовал мануфактуру для изготовления оконного стекла; вскоре здесь стали вырабатывать и лучшие сорта стекла. С 1782 года началось производство зеркал. Для этого были созданы новые мастерские в Камари, вблизи Пыльтсамаа. Стекло шлифовали вручную. На этой работе было занято 10 эстонских и столь-



Литография Г. Ф. Шлатера.
Бумажная фабрика в Ряпина.

ко же русских рабочих. Полировка производилась машиной, приводимой в движение водой. Временами число рабочих в Тирна доходило до 100. Кроме того, 30—40 крестьян возили дрова и песок. Рабочие были большей частью вольнонаемные, но имелись и крепостные. В поместьях и городах спрос на стекло и зеркала все возрастал, аптеки и кабаки нуждались в различных склянках и бутылках. Стекло находило сбыт не только в Прибалтике, но также в Петербурге и Пскове. Однако в конце 80-х годов наследники Лау вынуждены были из-за денежных затруднений закрыть предприятия. В 1792 году на средства петербургских и рижских купцов были организованы новые, еще более крупные мастерские по производству стекла и зеркал в Рыйка и Мелески — на территории имения Выйзику, вблизи Пыльтсамаа. В результате развития промышленности число жителей в поселке Пыльтсамаа возросло до 500 человек, что превышало тогда численность населения некоторых небольших городков. В 1766 году здесь была даже организована типография, которая в 1789 году была переведена в Тарту.

Стекольные мастерские возникали и непосредственно в имениях. Для нужд стекольной промышленности во многих местах Эстонии (Выйзику, Вастселийна) стали изготовлять поташ. Часть его потребляли местные предприятия, часть отправлялась в Петербург и Ригу.

Ряд мануфактур был основан в Таллине (зеркально-амальгамная, кожевенные, медеплавильная, прядильная, фаянсовая и др.). Крупнейшим предприятием здесь в конце столетия была красильня, где «печатали» головные платки и ситец, привозимые из Петербурга. На этом предприятии работало до полутораста человек.

Условия труда мануфактурных рабочих были очень тяжелыми. В таллинской шерстопрядильне безжалостно эксплуатировали даже детей, не достигших 10-летнего возраста. Дети находились на содержании мануфактуры и ничего больше за свою работу не получали.

Как в городе, так и в сельской местности возникали различные мастерские — по обжигу извести, кирпича, черепицы, мастерские по дублению и обработке кож, винокуренные заводы и лесопильни. В 1781 году в местечке Раади, вблизи Тарту, один из русских купцов организовал производство печных изразцов. В северо-западной Эстонии и на островах развивалось изготовление сукна на дому. Помещики и таллинские купцы давали заказы на изготовление сукна и продавали его в местных городах и даже во внутренних губерниях России. Полотно тоже ткали на дому. В Вирумаа, в имении Вока, в 80-х годах была сделана попытка основать мануфактуру для выработки полотна.

Хотя у дворян были большие преимущества и привилегии при организации мануфактурного дела, крепостная мануфактура развивалась очень медленно. Развитие же капиталистической мануфактуры тормозилось крепостнической системой с ее слишком узким рынком для сбыта промышленных изделий и недостатком свободной рабочей силы.

В городах по-прежнему господствовало цеховое ремесло.

Т о р г о в л я. Во второй половине XVIII века в России быстро развивалась внешняя и внутренняя торговля. За вторую половину столетия оборот внешней торговли увеличился более чем в шесть раз. В Эстонии торговля с заграницей шла главным образом через Таллин, Нарву и Пярну. Для Таллина характерно было большое преобладание ввоза над вывозом; для Нарвы и Пярну, наоборот, — преобладание вывоза над ввозом. Через Нарву и Пярну вывозили в основном лес и лен, через Таллин — зерно. Ежегодно в Таллине бывало от 90 до 225, в Нарве от 60 до 238, в Пярну от 39 до 100 торговых кораблей. У некоторых таллинских купцов и дворян, живших на побережье, были свои суда, на которых они вывозили товары за границу.

Торговые связи между Эстляндией, Лифляндией и другими районами России становились все более тесными. Из внутренних

районов России в Эстонию везли железо, медь, гвозди, свечи, мыло, латунную посуду, зеркала, обои, конскую упряжь и бляхи, различные льняные, шерстяные, хлопчатобумажные и шелковые ткани, кожи, меха, жиры, мороженую, соленую и копченую рыбу, икру, хмель, табак, пшеничную муку, лен, коноплю, лес, а также частично зерно. Из Эстонии вывозили в Петербург и во внутренние губернии России водку, стекло, крахмал, пудру, фрукты, масло, козьи рога и щетину, а также лошадей, мясной скот, плитняк из Мярьямаа, доломит из Каарма (этот ценный строительный материал нашел широкое применение и впоследствии славился как «эзельский мрамор»).

Российские промышленные изделия часто были дешевле и лучше заграничных. Это давало возможность отказаться от ввоза многих дорогих заграничных товаров. Изделия русской промышленности частично были доступны даже крестьянам и низшим слоям городского населения. Русские купцы, несмотря на противодействие местных немецких купцов, укрепляли свои позиции во всех эстляндских и лифляндских городах и разъезжали как скупщики и коробейники по всей Эстонии. Местные товары, в том числе и большая часть продукции местной мануфактурной промышленности, находили сбыт в других губерниях России. Это способствовало развитию в Эстонии различных отраслей производства.

О росте внутренней торговли свидетельствуют базары и ежегодные ярмарки, которые стали устраиваться как в сельской местности, так и в городах. Крупнейшая в Эстонии ежегодная ярмарка происходила в январе в Тарту. Она продолжалась три недели; на эту ярмарку съезжались и купцы из других губерний. Из ярмарок, проводимых в сельской местности, наиболее известными были ярмарки в Вастселийна, Рыуге, Тарвасту и Хельме. На них собирались купцы и крестьяне из близлежащих городов и деревень. Крестьяне обычно приводили лошадей, скот, привозили кожи, масло, зерно.

Города. Крупнейшим городом в Эстонии во второй половине XVIII века был Таллин. В 1782 году здесь насчитывалось 10 653 жителя (без дворянства и войска). Население остальных городов составляло: в Тарту — 3421, в Пярну и Нарве — по две тысячи, в Куressааре — 1379 и Валге — 891 житель. В Раквере, Пайде, Хаапсалу и Вильянди было от 375 до 600 человек, а в Пальдиски всего 211.

Власть в городах по-прежнему принадлежала немецким бюргерам. В крупных городах все городские организации — магистрат, гильдии и цехи — были в руках немецких купцов и мастеров. Они чинили всяческие препятствия эстонским и русским купцам и ремесленникам. «Не немцев», которые составляли большинство городского населения, не принимали в члены гильдий и не считали гражданами города. Эстонцев не принимали в ремесленные мастерские даже учениками. Русских купцов, ремесленников

и огородников немецкие бюргеры рассматривали как людей пришлых, чужих.

Магистрат облагал эстонцев и русских, составлявших основное население пригородов, высокими налогами, но для благо-

План Таллина в третьей четверти XVIII века (хранится в Центральном Военно-историческом архиве).

1 — Тоомпеа (Вышгород); 2 — Нижний город с системой бастионов; 3 — адмиралтейство; 4 — гавань; 5 — река Харьяпеа; 6 — пруд Тийгивески

устройства этих пригородов ничего не делалось. Пригороды быстро росли. Например, в Таллине в 1782 году в центре города и на Тоомпеа было 663 дома, а в пригородах — 1110 домов, в Тарту в 1774 году в центре города — 178 домов, в пригородах — 392 дома, в Нарве соответственно: 180 и 340. На попытки эстонцев протестовать против несправедливо высоких налогов маги-

страт отвечал угрозами и даже расправами, как это произошло, например, в Тарту в конце 50-х годов XVIII века.

В городах начала формироваться буржуазия. Немецкие и русские купцы стали вкладывать часть своих капиталов в промышленные предприятия. Нарождалась также эстонская мелкая буржуазия. Например, в Тарту в 1786 году из 479 домовладельцев эстонцев было 117. Некоторые эстонские рыботорговцы, имевшие определенный капитал, в соответствии с новым законом о гильдиях получили доступ в купеческие гильдии.

Сбор статистико-экономических данных. В связи с развитием экономики и культуры в России стали уделять внимание изучению производительных сил страны и вопросам развития промышленности и сельского хозяйства. Академия наук положила начало изучению естественных богатств России и организовала сбор статистико-экономических данных. Пробудился в различных частях государства интерес к этой работе и у местных людей. Подробные сведения об экономике и народонаселении Эстляндии и Лифляндии собрал публицист А. В. Хупель, который долгое время был пастором в Пыльтсамаа и занимался здесь, начиная с 60-х годов, сбором статистико-экономических данных.

Для Прибалтики важное значение имело основанное в 1765 году в Петербурге «Вольное экономическое общество», членом которого впоследствии был также и Хупель. Это ученое общество проделало большую работу по изучению естественных богатств и экономики не только внутренних районов России, но и Прибалтики. В «Трудах» Общества за 1792 год были приведены данные о нахождении горючего сланца в Вирумаа.

«Вольное экономическое общество» много внимания уделяло вопросам рационализации сельского хозяйства. Но сельское хозяйство невозможно было поднять до тех пор, пока сохранялась основная причина его отсталости — феодально-крепостническая система.

Выросшие в недрах феодализма производительные силы уже не соответствовали господствовавшим производственным отношениям. Началось разложение феодального строя.

§ 5. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В ЛИФЛЯНДИИ И НА ОСТРОВЕ САРЕМАА В 60-х ГОДАХ XVIII ВЕКА. БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА ПРОТИВ КРЕПОСТНИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

Крестьянский вопрос в 60-х годах XVIII века. Новые, буржуазные отношения, которые начали постепенно формироваться в России в недрах феодального строя, расшатывали основы старой, феодально-крепостнической системы. Рост эксплуатации вызывал все новые волнения со стороны крестьянства. Особенно участились выступления крестьян с 60-х годов. В ответ на это правительство Екатерины II провело ряд мероприятий (в

том числе в Эстляндии и Лифляндии) по укреплению феодально-абсолютистской власти.

В начале 60-х годов участились жалобы крестьян южной Эстонии на своих помещиков, которые облагали крестьян непосильными повинностями. Опасаясь волнений, царское правительство было вынуждено обратить внимание на крестьянский вопрос в Прибалтике. Правительство интересовалось этим вопросом также с точки зрения увеличения государственных доходов. Все ухудшавшееся положение крестьян в Лифляндии и на острове Сааремаа привело к большой задолженности по государственным налогам, а государственные имения не давали почти никаких доходов. Русские чиновники выдвигали требование ограничить законами произвол прибалтийских помещиков в отношении крепостных. Таким путем они надеялись повысить платежеспособность сельского населения.

Местным помещикам тоже пришлось заняться крестьянским вопросом. Имения все теснее связывались с рынком. Помещики стремились выбросить как можно больше товаров на рынок. Часть помещиков пыталась рационализировать хозяйство, увеличивала производство водки, выращивала мясной скот, основывала мануфактуры. Но большая часть помещиков, стремясь повысить доходность своих имений, шла прежним путем: присоединяла к поместьям крестьянские земли, увеличивала повинности, применяла все более жестокие методы принуждения. Это приводило, однако, к снижению производительности труда и быстрому обнищанию крестьян. Некоторые помещики стали понимать, что спасение от хозяйственной разрухи и выход из создавшегося тупика состоит в создании личной заинтересованности крепостных в своем труде. Они надеялись достичь этого путем предоставления крестьянину права собственности на движимое имущество.

Еще более радикальные взгляды высказывал И. Г. Эйзен, который долгое время был пастором в Торма. Он доказывал, что крепостной строй вреден с точки зрения интересов не только государства, но и самого дворянства и что он препятствует развитию сельского хозяйства и промышленности. И. Г. Эйзен выступил против утверждения немецких помещиков, что якобы эстонцы из-за своего скверного национального характера могут жить только в крепостной зависимости. Надо ликвидировать крепостное право, писал Эйзен, потому, что «все новшества, которые вводятся при крепостном праве, являются только временными заплатами, так как единичные явления лечат, а основная беда остается нетронутой». Крестьянам надо дать личную свободу и землю, которую они обрабатывают. Эйзен рекомендовал перевести крестьянские хозяйства на денежную аренду и предоставить крестьянам право наследования усадьбы. Только так можно повысить заинтересованность крестьянина в своем труде и сделать его зажиточным; тогда он будет в состоянии платить более высокую арендную плату и налоги. Имения надо обрабатывать

наемной рабочей силой, ибо труд наемных рабочих производительнее труда крепостных. Эйзен полагал, что все эти изменения можно осуществить путем реформ сверху, проводимых по инициативе помещиков. Ограниченность взглядов Эйзена, его упования на правительство позволили ему опубликовать в 1764 году в Петербурге свою работу, правда, в сокращенном виде, где он с буржуазных позиций критиковал крепостнические порядки в Лифляндии.

Царское правительство сделало попытку урегулировать аграрные отношения в Лифляндии и на Сааремаа. Необходимость этого диктовалась затруднениями, возникшими в феодальной экономике, и крестьянскими волнениями. По указанию Екатерины II в 1765 году генерал-губернатор Ю. Броун поставил перед лифляндским ландтагом ряд требований. Важнейшими из них были следующие: предоставить крестьянам право собственности на движимое имущество, установить определенные нормы повинностей, ограничить право домашнего наказания, запретить продажу крепостных. Реакционное рыцарство всеми силами отстаивало свое право обращаться с крепостными как с рабами, в духе декларации Розена. Под нажимом генерал-губернатора ландтаг все же был вынужден составить постановления, которые были опубликованы в виде особого патента 12 апреля 1765 года. В патенте объявлялось, что крестьяне получают право распоряжаться своим движимым имуществом. В отношении же оброка и барщины говорилось, что они будут регулироваться в соответствии с потребностями имения и в будущем не будут увеличены. Крестьянам предоставлялось право устно жаловаться на помещика только в орднунгсгерихт, откуда дела в апелляционном порядке могли идти в ландратскую коллегию. Но за жалобу «без основания» было предусмотрено наказание крестьянина. Телесные наказания были ограничены 10 парами розог (по три удара каждой парой).

По существу постановления ландтага были составлены полностью в интересах помещиков и направлены на укрепление крепостнических порядков.

Положение крестьян этими постановлениями не было улучшено. Право собственности на ту часть продукции своего хозяйства, которая у него осталась после выполнения помещичьих повинностей, крестьяне уже давно имели как фактически, так и юридически (патенты 1733, 1745 годов; постановления комиссии по торговле города Риги в 1764 г.). Нормы повинностей были определены самими помещиками. При решении споров о размере повинностей руководствовались или составленными самими помещиками справками (регулятивами), или нигде не фиксированными «обычными нормами» и т. д. Уже до 1765 г. жалобы крестьян частновладельческих имений на своих помещиков рассматривались в земских судах. Патентом 1765 г. эти дела были переданы только в орднунгсгерихты и ландратскую коллегию.

Реформы 1765 г. были первой попыткой правительства урегулировать аграрные отношения в частных имениях. Это свидетельствовало о том, что правящему классу становилось все труднее сохранять неограниченное крепостное право.

Усиление классовой борьбы крестьян показало, что безграничная власть помещиков не является «незыблемой и вечной». Углубилось недовольство крестьян и их разочарование в патентах 1765 года. В последующие годы произошел ряд крестьянских волнений — в Вастсе-Нурси, Пыльва, Отепя, Вяймела и в других местах, где помещики сгоняли крестьян с земли и повышали барщину. В 1771 году начались большие волнения в различных частях Лифляндии, которые были подавлены с помощью войск. Таким образом, вопреки надеждам помещиков постановления содействовали расшатыванию крепостных порядков.

К регулированию аграрных отношений было приступлено и на острове Сааремаа, где имелось много государственных имений. В 1765 году здесь начала работать ревизионная комиссия, которая установила, что причиной уменьшения доходов от этих имений является отчуждение крестьянских земель, произвольное обложение, которое к тому же производилось не по размерам земли, а по числу работоспособных людей, злоупотребления со стороны помещиков-арендаторов, жестокое обращение их с крестьянами и т. д. Комиссия приступила к ликвидации наиболее вопиющих злоупотреблений. Были произведены обмер, оценка и картографирование земель, а также землеустройство с целью ликвидации чересполосицы. В государственных имениях были введены вакенбухи, куда заносились размеры обложения крестьянских дворов. Все эти мероприятия несколько улучшили хозяйственное положение государственных крестьян и увеличили доходы от государственных имений. Слияние мелких крестьянских дворов, проведенное для того, чтобы обеспечить выполнение барщины, увеличило число безземельных крестьян на острове Сааремаа.

Реформы 60-х годов были первой, пока еще небольшой брешью в системе неограниченного крепостного права. В результате складывания капиталистических отношений и под ударами крестьянского движения эта брешь в дальнейшем неуклонно расширялась.

Крестьянские волнения 1784 года в Лифляндии. Усиление крепостного гнета привело к обострению классовых противоречий. Крестьянство повсеместно в России вступило на путь открытой борьбы. Сильный удар крепостному строю нанесла крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева в 1773—1775 годах. Вследствие этого царское правительство было вынуждено провести ряд реформ также в Эстляндии и Лифляндии.

Весть о крестьянской войне распространилась повсюду. После подавления восстания часть его участников была сослана на каторжные работы в Эстонию (в Пальдиски). В 1797 году здесь

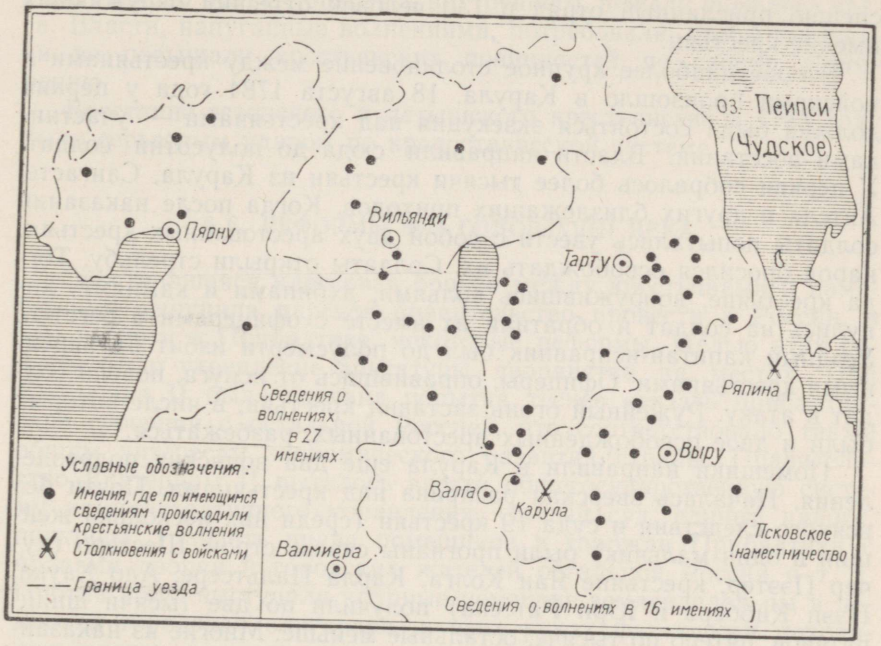
еще были живы 6 участников восстания. Среди них находились вождь башкирского народа и сподвижник Пугачева Салават Юлаев, его отец, секретарь военного совета Пугачева и автор многих пугачевских манифестов Юлай Азналин, русский казак Иван Почиталин, полковник Пугачева татарин Канзафар Усаев. Хотя каторжных стремились держать строго изолированно, они все же имели некоторую связь с окрестными жителями, сохранившими надолго память об этих «казаках». Некоторые участники восстания находились также в Пярну и Курессааре. Таким путем сведения о крестьянской войне могли дойти и непосредственно до эстонских крестьян.

В 1777 году в Лифляндии вспыхнули волнения среди латышских крестьян. Эти волнения приобрели особенно широкий размах под влиянием русской крестьянской войны. Волнения продолжались и в последующие годы, несмотря на жестокие репрессии. Наибольшего размаха волнения в Эстонии и Латвии достигли в 1784 году. Массовое движение лифляндских крестьян было направлено против местных угнетателей — немецких помещиков, от ига которых они хотели избавиться любой ценой. При этом крестьяне ошибочно надеялись, что их положение улучшится, если они станут государственными крестьянами.

Поводом для начала крестьянских волнений в Лифляндии послужило введение подушной подати. Во внутренних губерниях России она была введена уже при Петре I, но на западные губернии подушная подать была распространена только в мае 1783 года. Каждый крестьянин мужского пола должен был платить 70 копеек в год, при этом сбор подати возлагался на помещика. Среди крестьян широко распространилось мнение, что с введением подушной подати они избавятся от власти помещиков и перейдут «под казну». Крестьяне и слышать не желали о том, что помещик станет сборщиком подати, они хотели платить непосредственно казне. Помещики же стремились использовать подушную подать для увеличения барщины. Наемные батраки получали летом 50 копеек в неделю, а труд барщинных крестьян помещики оценивали вдвое дешевле. Возмущение крестьян с началом полевых работ весною 1784 года переросло в открытое восстание против помещиков. Крестьяне требовали уничтожения всякой барщины.

В июне на несколько недель приостановились всякие барщинные работы почти во всех имениях как латышской, так и эстонской части Лифляндии. В своем донесении императрице генерал-губернатор писал 15 июня: «Почти нет деревни (в губернии), которая не была бы в волнении, а если некоторые явно того еще не сделали, то ожидают, чтобы возмущение стало бы всеобщим». Наиболее серьезные волнения эстонских крестьян произошли в Карула, Ряпина, Хааслава, Ахья, Выннy, Рынгу, Антсла, Сангасте, Мынисте, Каркси, Ыйзу и других местах. Вообще имеются сведения о волнениях почти в 65 имениях южной Эстонии и 100

имениях северной Латвии. Крестьяне не выходили на барщину. Помещики, суд и полиция были бессильны против массового сопротивления крестьян. Один из судей Тартуского уезда писал: «Наши крестьяне и рабы в этой окрестности совсем взбесились; нет более никакого повиновения, и даже в тех местах, куда выезжал нижний земский суд, после его отъезда крестьяне неистовствуют, беснуются еще больше, чем перед этим... На меня само-



Волнения крестьян в 1784 году в Лифляндии. По данным М. Степермaниса.

го мои взбесившиеся рабы напали с большими кольями, так что я совсем не осмеливаюсь возвратиться в свое имение, чтобы присматривать за хозяйством».

Генерал-губернатор Броун и немецкие помещики были сильно встревожены восстанием. В уездных городах среди немцев началась паника. Распространились слухи, что восставшие угрожают напасть на города, сжечь их и перебить жителей за то, что те не действуют заодно с крестьянами. Пытаясь успокоить недовольных, местные власти неоднократно издавали различные приказы, разъяснения и запреты. Крестьян, явившихся с жалобой в Ригу, подвергли порке и отправили на принудительные работы. В страхе перед крестьянами власти запретили ярмарки. Но всего этого было недостаточно для подавления движения. Помещики и генерал-губернатор видели, что только вооруженной силой можно усмирить крестьян. Было вызвано целых 3 полка. Войска были

направлены в центры волнений. Начались аресты и жестокая расправа над крестьянами. Войска получили приказ безжалостно расстреливать восставших.

Между крестьянами и войсками происходили кровавые столкновения. 4 июля в Ряпина состоялась выездная сессия нижнего земского суда, прибывшего на место в сопровождении воинской команды в 30 человек. Возникла стычка, в которой было убито 5 и ранено 8 крестьян, были ранены 4 солдата и 1 офицер. Только спешно присланный отряд в 130 человек оттеснил окруживших имение крестьян.

Второе наиболее крупное столкновение между крестьянами и войсками произошло в Карула. 18 августа 1784 года у церкви должна была состояться экзекуция над крестьянами — участниками восстания. Власти направили сюда до полусотни солдат. У церкви собралось более тысячи крестьян из Карула, Сангасте, Антсла и других близлежащих приходов. Когда после наказания солдаты попытались увести с собой двух арестованных крестьян, народ бросился освобождать их. Солдаты открыли стрельбу. Тогда крестьяне, вооружившись кольями, дубинами и камнями, кинулись на солдат и обратили их вместе с офицерами в бегство. Уездный капитан-исправник был до полусмерти избит разъяренными крестьянами. Офицеры, оправившись от испуга, повели солдат в атаку. Ружейный огонь заставил крестьян, в числе которых были и двое освобожденных арестованных, разбежаться.

Помещики направили в Карула еще два воинских подразделения. Началась зверская расправа над крестьянами. Почти без всякого следствия и суда 19 крестьян (среди них несколько женщин и один мальчик) были прогнаны сквозь строй. Шестеро (кучер Пээтер, крестьяне Яан Колга, Карла Пальтсере, Адо Хаука, Пээп Киббера и Юри Рятсепа) получили по две тысячи шпицрутенов, пятеро по тысяче, остальные меньше. Многие из наказанных были вдобавок еще сосланы на каторгу. Среди них находилась и одна женщина, Лиза Карула, которая и умерла там.

Известный русский писатель Д. И. Фонвизин, проезжавший в 1784 году через Эстляндию и Лифляндию, писал своим родственникам в Петербург: «... Мужики крепко воинским командам сопротивляются и, желая свергнуть с себя рабство, смерть ставят ни во что. Многих из них перестреляли, а раненые не дают перевязывать ран своих, решаясь лучше умереть, нежель возвратиться в рабство... Мужики против господ и господа против них так остервенились, что ищут погибели друг друга». В этих словах звучит сочувствие русского писателя-гуманиста крепостному эстонскому и латышскому крестьянству.

Стихийное, неорганизованное крестьянское восстание 1784 года в Лифляндии было жестоко подавлено с помощью войск.

Восстание 1784 года не прошло бесследно ни для крестьянства, ни для правящего класса. Местный немецкий просветитель Г. Меркель писал в 1796 году: «Народ уже перестал быть

дворовой собакой, которая дает себя сажать на цепь. Он тигр, скрипящий зубами с молчаливым бешенством в своих цепях и выжидающий только минуты, когда можно будет разорвать их и смыть свой позор в крови. Явления, возвещающие это, бесчисленны, точно подземный гул при начале землетрясения». Крестьяне открыто призывали «пришибить господ дубинами да бросить по краям дороги на съедение псам». Эксплуататоры жили в постоянном страхе перед восстаниями угнетенного эстонского крестьянства, гораздо больше опасаясь внутреннего, нежели внешнего врага. Власти, напуганные волнениями, потребовали, чтобы помещики не повышали крестьянских повинностей по своему усмотрению.

Восстание эстонского и латышского крестьянства в 1784 году было серьезным ударом по крепостнической системе.

§ 6. РЕФОРМЫ 80-х ГОДОВ XVIII ВЕКА

Обострившаяся классовая борьба между крестьянами и помещиками вынудила царское правительство провести в России, в том числе и в Прибалтике, некоторые реформы. Целью этих реформ было укрепление диктатуры дворянства на местах. При Екатерине II была сделана попытка теснее связать прибалтийские губернии с остальной Россией, что соответствовало также общим интересам экономического развития страны. Правительство Екатерины II пыталось ввести общегосударственную систему административного управления, единый суд, единые налоги, пошлины, уравнять права помещиков и горожан Прибалтики с правами дворян и городских жителей остальной России и т. д. Против этого выступили крупные немецкие землевладельцы и немецкая городская олигархия, в чьих руках фактически находилась власть, которую они не хотели ни с кем делить. Это противоречие между общими интересами господствующего класса России в целом и интересами части этого класса — местной немецкой правящей верхушки — ярко проявилось в 1767 году, когда в Москве начались заседания комиссии по составлению новых законов. Никаких решений комиссия не приняла.

В 80-х годах XVIII века царское правительство все же провело в Прибалтике ряд реформ, учтя при этом также и пожелания прибалтийских помещиков. Низшее дворянство, нарождающаяся городская буржуазия и буржуазная интеллигенция поддерживали эти реформы.

В 1783 году все ленные поместья в Прибалтике были объявлены собственностью их держателей. Это укрепляло помещиков экономически. Был введен крепостной сбор. Одновременно с передачей ленных поместий в собственность их держателям в прибалтийских губерниях вводилась подушная подать. Размер подати был установлен следующий: 1 рубль 20 копеек в год с горожан

(мещан) и 70 копеек — с крестьян. Для учета «душ» (налогоплательщиков) периодически проводились ревизии (переписи). Первая такая ревизия была проведена в Эстляндии и Лифляндии в 1782 году. Купцы обязаны были платить налоги в размере одного процента с объявленного ими капитала.

Важным нововведением явилось объединение в 1782 году прибалтийских губерний с остальной Россией в единую таможенную систему. Местная таможенная система, задерживавшая развитие внутреннего рынка и промышленности, была заменена теперь общегосударственной. Взимание пошлин перешло от городских властей к правительственным органам. Распространение на Прибалтику общероссийской системы налогов и пошлин способствовало дальнейшему укреплению экономических связей Прибалтики с внутренними губерниями России, доходы же казны увеличились на 70 процентов. 40—65 процентов этих доходов уходило на покрытие местных расходов, преимущественно на содержание учреждений и жалование чиновникам, а остальная часть шла в распоряжение центрального правительства.

В 1775 году, после подавления крестьянского восстания, руководимого Пугачевым, в целях укрепления власти дворянства на местах, была проведена губернская реформа. На Прибалтику она была распространена в 1783 году. Эстляндская и Лифляндская губернии были объединены под властью одного наместника; новый, созданный этой реформой порядок управления стали называть наместническим.

Из состава Пярнуского (Перновского) и Тартуского (Дерптского) уездов был выделен новый, Вильяндиский (Феллинский) уезд. Кроме того, из Тартуского уезда был выделен Выруский (Верроский) уезд. Центром его стал основанный в 1784 году город Выру (Верро). Из состава Харьюского (Гарриенского, или Ревельского) и Ляэнеского (Викского, или Гапсальского) уездов был выделен Пальдиский уезд. Административные и судебные учреждения были реорганизованы, число учреждений и чиновников увеличилось.

В 1785 году Екатерина II опубликовала «жалованную грамоту дворянству», которая распространялась и на Прибалтику. Грамота укрепляла власть дворянства как класса. Прежняя замкнутость прибалтийских рыцарств была ликвидирована, низшее дворянство стало равноправным участником ландтага. В том же году было введено новое городское устройство. Все горожане были разделены по имущественному признаку на шесть разрядов, причем более богатые получили бóльшие права. Это ликвидировало в прибалтийских городах самоуправство средневековой магистратской клики; зажиточные русские и эстонские купцы могли теперь стать членами преобразованных гильдий и называться мещанами (бюргерами).

Эти и различные другие постановления в области торговли, ремесла и мануфактур, способствовавшие развитию экономики,

теснее связали Прибалтику с внутренней Россией. Местная реакционная прибалтийско-немецкая клика (рыцарства и магистраты) вынуждена была временно примириться с этими реформами. Но в 1796 году им удалось добиться у императора Павла I восстановления старых порядков в области администрации, судопроизводства, городского управления и рыцарства.

Несмотря на это реформы 80-х годов имели прогрессивное значение в истории латышского и эстонского народов, ибо они способствовали объединению Прибалтики с общероссийским рынком, ускорили разложение феодально-крепостного строя и образование капиталистического уклада.

Русско-шведская война 1788—1790 годов. В 1788 году реваншистскими кругами Стокгольма при подстрекательстве английского правительства Швеция была втянута в войну с Россией. Эти круги стремились использовать происходившую в то время русско-турецкую войну для уничтожения могущества русского флота на Балтийском море и возвращения потерянных в Северной войне колоний. Весною 1790 года шведы пытались уничтожить русский флот на таллинском рейде, но были разбиты в решающем морском сражении 2 мая.

§ 7. ПРОСВЕЩЕНИЕ И КУЛЬТУРА В XVIII ВЕКЕ

Школы. Образование в XVIII веке было привилегией правящего класса. Прибалтийские помещики боялись роста просвещения и особенно распространения знания русского и немецкого языков среди крестьян. Знание этих языков облегчило бы уход крестьян в города и внутренние русские губернии. Помещики боялись также, что грамотные крестьяне будут сами писать себе удостоверения об освобождении от крепостной зависимости, так называемые вольные грамоты. Читать и писать крестьяне учились в основном на дому.

Крестьяне сами проявляли большой интерес к получению зачатков образования. Г. Гутслеф, например, рассказывает в своих письмах о том, как после открытия школы в Кулламаа в 1712 году даже несколько старых крестьян и матери некоторых детей обучались грамоте. О тяготении крестьян к знаниям свидетельствует и такой факт: в результате просветительской деятельности И. Г. Эйзена к 1775 году три четверти крестьян в Торма и Лохусуу умели читать. Но подобные случаи в XVIII веке являлись редким исключением, и они вызывали недовольство помещиков, смотревших на крестьян только как на рабочий скот. За распространение школьного образования среди крестьян энергично выступали А. В. Хупель и Г. И. Яннау.

Во второй половине XVIII века русские власти подняли вопрос о необходимости основания крестьянских школ в Лифляндии. В 1765 году было принято решение создать повсеместно в

Лифляндии кистерские, или церковноприходские школы, и в каждом имении так называемую сельскую, или мызную школу. Однако и в конце столетия во многих имениях не было никаких школ. Школы для крестьянских детей были крайне убогими, в них учили только чтению, «закону божьему» и церковному пению. Обучение, за которым следили пасторы и помещики, должно было, в свою очередь, способствовать идеологическому укреплению крепостничества. И все же эти мероприятия создали известную основу для организации крестьянских школ в Эстонии.

Развитие в России в начале XVIII века промышленности, судоходства, военного дела, расширение государственного аппарата и т. д. увеличили потребность в образованных людях. В связи с этим были основаны общеобразовательные и специальные школы. Ряд новых школ был открыт и в Эстонии. В 1715 году в Таллине была основана так называемая цифирная школа, где обучали не только чтению, письму и арифметике, но и морскому делу. Здесь в разное время обучалось от 53 до 66 учеников. В 1718 году в Альбу была организована школа для сиротских детей из дворян и недворянского сословия, где изучали языки, географию, историю, философию, арифметику, геометрию, фортификацию, архитектуру и другие предметы. В нее было принято даже несколько детей эстонцев. В 1740 году по настоянию немецких помещиков эта школа была закрыта. Продолжала работу Таллинская гимназия, в которой в 1725 году было введено и обучение русскому языку. Существовала гимназия и в Нарве, где временами преподавался даже арабский язык. В других городах имелось несколько городских школ. Систематическая организация школ в Эстляндии и Лифляндии, на основе реформ общероссийских народных школ 1786 года, началась после введения наместничества. В Таллине, Тарту, Пярну и Курессааре были созданы главные народные училища, где обучали русскому и другим языкам, истории, географии, естествознанию, арифметике, пению и т. д. В середине столетия в Эстонии началась организация школ для девочек. В них учились дочери дворян и купцов.

Народная поэзия. В эстонских народных песнях, сказаниях, пословицах и загадках отразились духовная жизнь и мировоззрение эксплуатируемого крестьянства.

Наиболее поэтическую часть народного творчества составляют народные песни. Среди них преобладают произведения сатирического и элегического характера (это относится и к сказаниям). Сатира звучит преимущественно в песнях, направленных против помещиков и их приспешников. Эти песни проникнуты духом глубокой ненависти к эксплуататорам, выжимавшим последние соки из крестьян. В одной из песен того времени поется:

Где от курочек яички?
В глотку ястреба попали.
Чуть родился жеребенок —
У господ готова упряжь.

Принесла бычка корова —
Глядь, и он на барском поле.
Оттого и зе́мли плоше
И соломенные крыши
Прохудились, обветшали.

В другой песне выражается стремление крестьянства вырваться из-под власти помещика:

Если я из мызы вырвусь,
Значит я спасусь из ада,
Убегу из пасти волка,
Ускочу из львиной пасти,
От зубастой хищной щуки,
От собаки пестрой злобной,
От клыков собаки черной.

Песня заканчивается оптимистически:

Пестрый пес меня не схватит,
Черный пес меня не свалит,
Серый пес не испугает.
У меня в руках лепешки —
Пусть отведают собаки!
А для самых злых и хитрых
Есть за пазухой «подарок».

Однако эта надежда на освобождение связывается не столько с реальной борьбой, сколько с упованием на сверхъестественные силы. Крестьянин утешает себя тем, что в конце концов черт утащит господ в ад или разделается с ними каким-нибудь другим путем.

С песнями, направленными против мызы, тесно переплетаются песни трудовые. В этих песнях, которыми крестьянин сопровождал свою работу, отражен и процесс самого труда. К ним относятся песни во время жатвы, молотьбы, работы на ручных жерновах и т. д. В этих песнях радость труда омрачается сознанием того, что плоды его попадут чужому, «палачу и вору». Довольно велико число обрядовых песен. В них отражаются анимистические, по существу своему антиклерикальные представления и убеждения (песни по случаю Иванова дня, масленицы, Мартынова дня и др.). Об этом же свидетельствуют и разного рода гадания о плодородии, счастье и народные обряды, связанные с Ивановым днем и рождеством.

Много народных песен посвящено жизненным невзгодам. Они полны отчаянной тоски, горя и чувства одиночества. Особенно характерны в этом отношении сиротские песни («Где приют горемыки?», «Дочь на могиле матери», «Сын на могиле отца», «Сколько зла на белом свете» и др.). Благодаря своим высоким художественным достоинствам песни эти вошли в золотой фонд эстонской лирики.

Свадебные песни, число которых особенно велико, по своему характеру и содержанию весьма разнообразны. Это и едкие насмешки, которыми обмениваются между собой родня жениха и

невесты, и плачи невесты, исполненные глубокого лиризма, это и «провожальные» (при проводах невесты из отцовского дома в дом жениха), и песни-наставления, которые поют жениху и невесте. Над ними доминирует песня, сопровождающая весь свадебный обряд. Жизнерадостность и задор большинства свадебных песен резко отличают их от других народных песен, раздумчиво-печальных по своему характеру.

Народные песни не только отображают тяжелую жизнь крестьянства — они несут в себе классовый протест угнетенных. Вот почему прибалтийские немцы относились враждебно к эстонскому народному творчеству, не желая видеть его художественной ценности. Первый, кто правильно понял и оценил красоту эстонских народных песен, был немецкий просветитель И. Г. Гердер, который в своей известной антологии «Народные песни» (1778 г.; позднее издана под названием «Голоса народов в песнях») опубликовал, снабдив пояснительными примечаниями, 8 эстонских народных песен, переведенных на немецкий язык. Эти песни были пересланы ему А. В. Хупелем, хотя сам Хупель критически относился к народным песням, считая их «наивными». Вслед за Гердером высокую оценку эстонскому фольклору, особенно народным песням, дал Х. И. Ю. Шлегель, в 80-х годах несколько раз бывавший в Эстонии. В своих путевых заметках и некоторых статьях Шлегель опубликовал ряд народных песен, сопроводив их восхищенными отзывами.

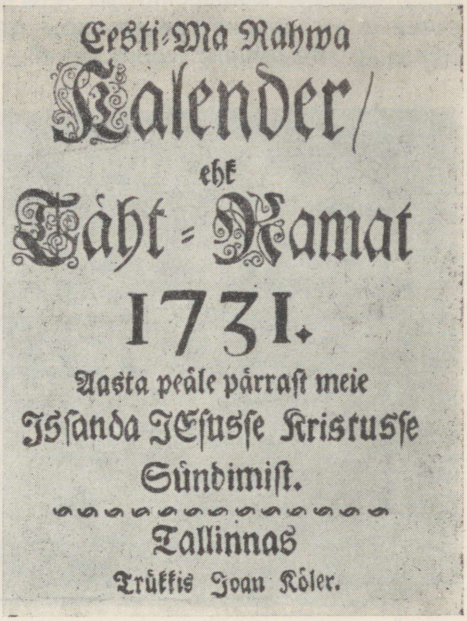
Отдельные прибалтийско-немецкие писатели собирали эстонские пословицы и поговорки, используя их в качестве иллюстративного материала в грамматиках и словарях. Так, в 1732 году вышел учебник эстонского языка Антона Тор-Хелле, содержавший 525 пословиц и поговорок и 135 загадок.

Литература. Печатных изданий на эстонском языке в XVIII веке было очень мало. Это была, в основном, церковная литература. Тем не менее книгопечатание на эстонском языке в сравнении с предыдущим столетием все же продвинулось вперед, число печатных изданий возросло примерно в пять раз. Не позднее чем с 1731 года в Таллине ежегодно стал выходить календарь. В 1739 году появился эстонский перевод библии. Некоторые черты крестьянского быта отражаются в изданных в том же году «Рассказах Ханса и Марта», автором которых считается Э. Гутслеф.

Новым в этот период было появление первых авторов из эстонцев. В связи с распространением гернгутерского движения Манго Ханс, Михаэль Игнатиус и др. стали писать произведения духовного содержания, но на народном языке. Печатание их произведений было запрещено, и они распространялись исключительно в рукописях, способствуя со своей стороны распространению грамотности среди населения.

В 1766 году в Пыльтсамаа стало выходить первое эстонское периодическое издание — «Краткое наставление» П. Э. Вильде

и А. В. Хупеля. Журнал выходил раз в неделю. Вышел всего 41 номер. Журнал содержал в основном советы по домашней медицине, полеводству, огородничеству, садоводству. Подчеркивалась выгодность разведения картофеля, говорилось о необходимости строить жилые дома с трубой и окнами. Журнал призывал эстонцев учиться: «У вас достаточно разума и вы можете научиться большему, нежели только пахать и боронить землю»; земледелец же, «который хочет правильно содержать свое хозяйство и обрабатывать свою землю, должен больше разуметь, чем только пахать или боронить». Учась, эстонцы могут достигнуть во всем таких же и даже лучших результатов, чем немцы, утверждалось в журнале. «Краткое наставление» выступало против пренебрежительного отношения прибалтийских немцев к эстонцам, которых те причисляли к низшей расе.


Eesti-Ma Rahwa
Kalender/
ehk
Täht-Raamat
1731.
Aasta peâle pârrast meie
Issanda JEsusse Kristusse
Sündimist.
Tallinnas
Trükkis Joan Köler.

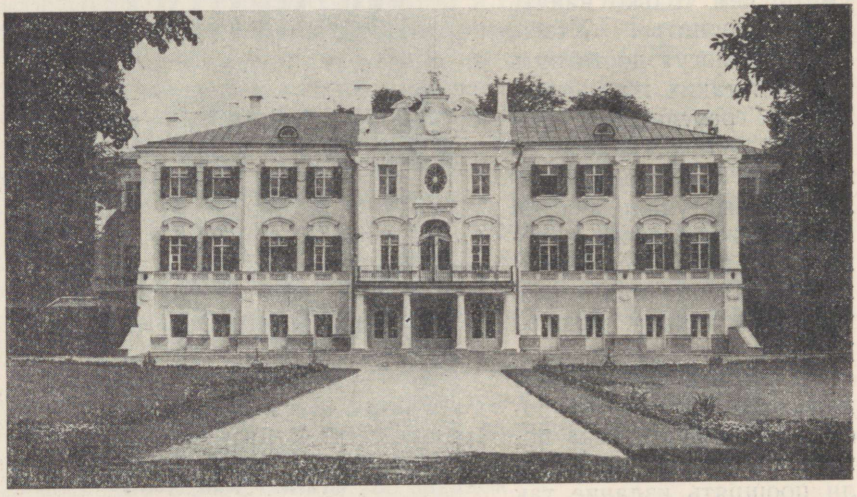
Титульный лист одного из первых эстонских календарей (1731 год).

В связи с обострением классовой борьбы в последней четверти века помещики-крепостники стали поощрять издание так называемой светской литературы на эстонском языке, так как чисто церковной литературы было явно недостаточно для духовного порабощения народа. Некоторые такие «нравоучительные» книги печатались даже за счет рыцарства и распространялись среди крестьян бесплатно. В рассказах, песенках и баснях, сочиненных немецкими авторами, наибольшей добродетелью считалось послушание крепостных и покорность существующему строю, который «создан богом, вечен и необходим». Нищету и бедность крестьян объясняли в этой литературе их строптивостью, ленью, неряшливостью и даже тем, что крестьяне якобы потребляют мясо и едят хлеб без примеси отрубей и мякины. Понятно, что подобная «литература», отвечавшая лишь интересам крепостников, влияния на крестьян не имела.

Следует отметить, что в XVIII веке значение южноэстонского литературного «языка» сильно упало. Все наиболее важные издания — календари, журналы, библия и др. — печатались на северо-эстонском языке, но распространялись также в южной Эстонии,

что подготавливало почву для образования единого литературного языка.

Архитектура и скульптура. Присоединение Прибалтики к России имело большое прогрессивное значение и для развития искусства в Эстонии. В развитии эстонской архитектуры наступил новый период. Характеризуется он быстрым развитием барокко в первой половине века и постепенным переходом к новому стилю — к классицизму — в конце века, а также новыми явлениями в городском и сельском строительстве, появлением новых типов архитектурных сооружений.



Дворец в Кадриорге.

В первой четверти века в Таллине сооружается военный порт с адмиралтейством, создается первый дворцовый ансамбль вне городских стен — Летний дворец с парками в Кадриорге (1718—1723 гг., архитекторы Н. Микетти и М. Земцов). Фасад здания типичен для барокко, отделка интерьеров отличалась декоративной пышностью.

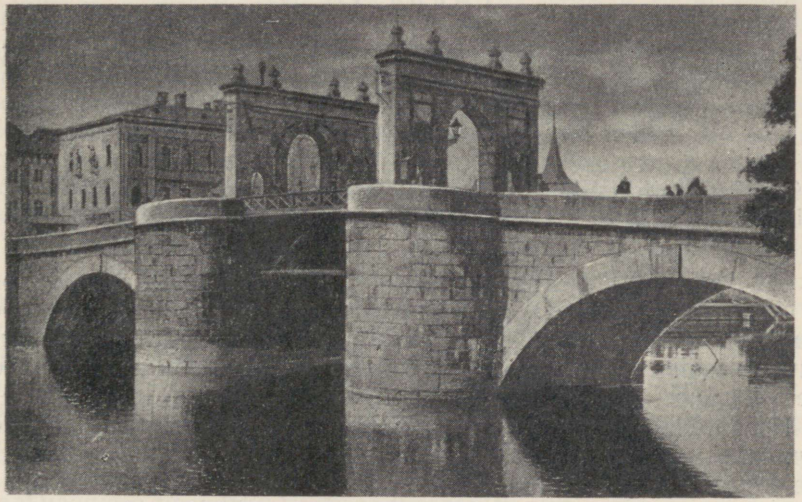
Укрепляющееся дворянство начинает строить новые усадьбы и перестраивать старые. До 70-х годов здесь господствует барокко, в конце века — классический стиль (усадьбы в Сауэ, Ээсмяэ, Роосна-Аллику). Усадьбы Сааре, Пальмсе, Хийу-Сууремыйза окружены прекрасными парками.

В строительстве многих усадеб принимают широкое участие крепостные эстонские мастера (например, в строительстве имения Хеймталь). Крепостным художником Юрри (Георгием) были расписаны интерьеры дома Штенбока в Таллине.

Значительно расширилось строительство в последней четверти XVIII века. При участии русских архитекторов были разработаны

проекты застройки городов. После сооружения в Таллине на Вышгороде здания губернского правления и создания вокруг него единого ансамбля в духе раннего классицизма, а также постройки монументального здания суда, Вышгород все более утрачивал свой средневековый облик.

В Тарту оживленное строительство развернулось после пожара 1775 года, уничтожившего большую часть города. Вид Тарту стал совершенно иным. В планировке и архитектуре центральной части города ярко проявились принципы классицизма. Было сооружено новое здание ратуши (1789), ряд больших жилых до-



Каменный мост в Тарту.

мов, Каменный мост (1784), при строительстве которого были использованы мотивы триумфальных арок. Ратуша вместе с окружавшими ее зданиями, площадью и Каменным мостом образовала единый ансамбль.

К лучшим образцам скульптурных произведений того периода можно отнести резной иконостас Преображенского собора в Таллине (одно из интереснейших произведений этого рода в Эстонии), изготовленный в 1719 году московским архитектором и скульптором И. П. Зарудным, а также надгробный памятник адмиралу С. К. Грейгу в Домской церкви, сделанный в конце XVIII века по проекту архитектора Дж. Кваренги.

Живопись была в то время тесно связана с архитектурой (плафоны). Сохранились также портреты и композиции.

Глава VII

РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ЭСТОНИИ

(конец XVIII и первая половина XIX века)

§ 1. РАЗЛОЖЕНИЕ КРЕПОСТНОГО ХОЗЯЙСТВА И ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В ПРИБАЛТИКЕ В КОНЦЕ XVIII И НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Обострение классовых противоречий. В конце XVIII — начале XIX века кризис крепостного хозяйства проявился в прибалтийских губерниях весьма остро. Товарное помещичье хозяйство, благодаря лучшим условиям сбыта, развилось здесь сильнее, чем в большинстве других районов России.

Крепостное помещичье хозяйство в Прибалтике все сильнее начинало зависеть от рынка и все больше подпадало под влияние торгового и ростовщического капитала. С развитием товарно-денежных отношений был связан рост потребности помещиков в деньгах для удовлетворения всех своих прихотей. С поднятием цен на имения выкуп у сонаследников их доли становился все более непосильным. Растущие расходы часто уже не покрывались доходами от собственного имения. Приходилось делать крупные займы у более богатых помещиков и особенно у купцов. Долги эстляндских и лифляндских помещиков к началу XIX века выросли настолько, что рыцарства обратились к царскому правительству с просьбой о предоставлении им беспроцентной долгосрочной ссуды. Помещики вынуждены были продавать имения, сдавать их в аренду или закладывать — земля стала объектом спекуляции. Частая перепродажа имений и сдача их в аренду приводили к хищническому ведению хозяйства: временные владельцы стремились лишь к тому, чтобы поскорее получить как можно больше прибыли. Это, в свою очередь, приводило к разорению крестьян и к упадку сельскохозяйственного производства. В массовой задолженности помещиков и упадке арендованных имений проявлялся кризис крепостного хозяйства, основанного на барщине.

Наличие барщинной системы обусловило сохранение рутин-

ной, отсталой техники и низкой производительности труда. Попытки отдельных помещиков вести хозяйство более рациональными способами терпели крах.

Большинство же помещиков стремилось по старинке увеличивать доходы путем расширения барской запашки и усиления эксплуатации крестьян. Однако этим путем нельзя было идти до бесконечности. К началу XIX века барщинные повинности достигли своего предела. В крестьянском хозяйстве не оставалось никаких излишков; крестьянам лишь с большим трудом удавалось поддерживать свое существование. О хорошей сохранности скота, построек и орудий труда уже не могло быть и речи. Попытки еще более усилить барщину приводили к массовому разорению крестьянских хозяйств, что, в свою очередь, подрывало и само барщинное помещичье хозяйство, основанное на применении рабочей силы крестьянина, его тягла и инвентаря. Крестьяне были не в состоянии улучшать свое хозяйство, да они и не были в этом заинтересованы, ибо улучшение положения крестьянского хозяйства обыкновенно приводило к немедленному увеличению повинностей. Не было никакой материальной заинтересованности и у барщинника, работавшего из-под палки на мызных полях.

Что же касается увеличения посевной площади в имениях, то оно, как правило, не вело к соответствующему повышению урожая, так как не хватало удобрений, обработка земли не улучшалась, а даже ухудшалась. В конце XVIII и начале XIX веков Эстонию постигли тяжелые неурожаи (в 1792, 1800—1802 и 1807 гг.), вызвавшие голод. Участились случаи голодной смерти, особенно среди беднейшей части крестьянства.

Феодальные производственные отношения стали тормозом для дальнейшего развития производительных сил и явились причиной все нарастающего аграрного кризиса.

Крепостной строй тормозил также развитие промышленности. В конце XVIII — начале XIX века в России, в том числе и в Эстонии, на основе увеличения потребностей внутреннего рынка росла капиталистическая мануфактура. Однако промышленные предприятия не находили достаточного количества свободной рабочей силы. В крепостной деревне преобладало еще натуральное хозяйство. Крепостнические отношения препятствовали накоплению капиталов. Доходы, получаемые от имений, обычно расходовались непроизводительно самими же помещиками, часть доходов шла в карманы ростовщиков.

Число безземельных и малоземельных крестьян в Прибалтике быстро росло, но свободы передвижения по-прежнему не было. В результате захвата помещиками крестьянских земель и разорения непосредственных производителей все больше крестьян было вынуждено влачить полуголодное существование на жалком клочке земли или идти в батраки. Полагают, что в начале XIX века безземельные батраки составляли в Лифляндской губернии свыше половины крестьянского населения, в Эстляндской губер-

нии — свыше одной трети. Батраки жили в крайней нищете: того, что они получали за свой изнурительный труд, едва хватало на пропитание и одежду.

В Лифляндии батрак получал в год 6 пур ржи с мякиной, кроме этого ему выделяли небольшой клочок земли под ячмень и лен — примерно столько же, сколько обычно находилось под крестьянским огородом. В Эстляндии батраку выдавали 3—4 пуры ржи, столько же ячменя и в рабочее время — одежду и пищу. Батрачкам платили и того меньше. На барщине работали главным образом крестьянские батраки. Вследствие крайней нужды многие батраки были лишены возможности даже обзаводиться семьей. В начале XIX века отдельные помещики стали наделять батраков участком приблизительно в один гектар пашни и пустоши, чтобы таким путем поднять их интерес к работе; однако на деле это вело к еще большему усилению эксплуатации.

С дифференциацией крестьянства между батраками и бобылями, с одной стороны, и зажиточными крестьянами — с другой, возникали противоречия, которые помещики стремились использовать в своих интересах. Однако жестокий крепостнический гнет все же еще объединял в борьбе против помещиков всех крестьян.

В конце XVIII века по всей России ширилась и обострялась борьба угнетенного класса против поработителей. Во Франции в это время победила буржуазная революция, заменившая феодальную форму эксплуатации буржуазной формой эксплуатации. Французская буржуазная революция нанесла удар по феодализму и абсолютизму не только во Франции, но и в других странах Европы. События эти напугали русских и прибалтийско-немецких помещиков-крепостников, а также царское правительство. Победа буржуазной революции во Франции содействовала распространению антикрепостнических просветительных идей в Прибалтике. Такое же влияние имело польское восстание 1794 года. Вести о революции во Франции и восстании в Польше проникали даже в среду крестьянства.

Развитие передовой общественной мысли. Одним из проявлений разложения крепостничества было усиление антикрепостнической идеологии. Основоположником антикрепостнического революционного направления был в конце XVIII века русский революционер и республиканец А. Н. Радищев. Радищев, когда он писал свою знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву» (опубликована в 1790 году), был знаком и с бедственным положением эстонского и латышского крестьянства.

В конце XVIII — начале XIX века в Прибалтике с критикой господствующего крепостного строя выступили немецкие преподаватели-публицисты Гарлиб Гельвиг Меркель и Иоганн Христоф Петри. Основные их работы вышли в свет в Германии, где существовали более свободные условия издания книг. Наи-

более известно произведение Меркеля «Латыши, особенно в Лифляндии, в конце философского века» (1796). В этом произведении показывается невыносимо тяжелое положение латышского и эстонского крестьянства, жестокая эксплуатация крестьян прибалтийскими помещиками, выдвигается требование об освобождении крестьян от крепостного ига. Меркель писал, что власть немецких деспотов держится здесь только на штыках царских войск.

Титульный лист книги И. Х. Петри «Эстляндия и эстонцы».

Из произведений Петри самое известное — «Эстляндия и эстонцы» (1802). Петри называет немецких помещиков всемогущим сборищем кровопийц, «которые откармливаются, пожирая за обильным столом мясо, кровь и пот крестьян». Он подробно описывает угнетенное положение эстонского крестьянства, произвол, грубость и паразитизм помещиков и пасторов. Он показывает, что дворянство и крестьянство являются двумя «классами людей, постоянно борющимися друг против друга». Петри разоблачал лицемерный «либерализм» тех дворян, которые высказывались за крестьянские регулятивы (законы); он требовал для крестьян свободы и равенства, полного освобождения от гнета помещиков. Оценивая крестьянские волнения, Петри приходит к

выводу, что «эстонцы вполне созрели для свободы». В трудах Петри звучит твердая вера в светлое будущее эстонского народа.

Произведения Меркеля и Петри вызвали глубокую ненависть и негодование среди прибалтийского дворянства.

Несмотря на свою острую критику крепостнического строя в Прибалтике, и Меркель и Петри выход из положения видели в отмене крепостного права посредством реформ, исходящих от царского правительства. Они не понимали классовой сущности царизма, его связи с крепостничеством.

Деятельность Меркеля и Петри имела большое прогрессивное значение. Оба они понимали единство исторических судеб эстонского и латышского крестьянства с судьбами великого русского народа, к которому они, особенно Петри, относились с большим уважением. Их труды вдохновляли эстонских и латышских просветителей XIX века на борьбу с крепостниками.

Антикрепостническая идеология получила распространение и среди преподавателей основанного в 1802 году Тартуского университета.

Политика царизма в Прибалтике. Крестьянские законы начала XIX века. На исходе XVIII века феодальная реакция усилилась. После вступления на престол Павла I в конце 1796 г. был аннулирован ряд наместнических реформ в прибалтийских губерниях. Вместе с тем на Прибалтику была распространена рекрутская повинность. Военная служба в то время была крайне тяжелой и длилась 25 лет. Помещики и дворохозяева взваливали это тяжелое бремя, в основном, на бобылей. Правда, солдатчина имела и еще одну сторону. Эстонские крестьяне, находясь на военной службе, ближе знакомились с жизнью и борьбой других народов России и расширяли, таким образом, свой кругозор. Вернувшиеся после отбытия военной службы в деревню эстонские отставные солдаты неоднократно играли руководящую роль в крестьянских волнениях XIX века.

В 1797 году подушная подать с крестьян была повышена до 1 рубля 26 коп. (Для сравнения можно указать, что дневной труд пешего барщинника оценивался в $22^1/_2$ коп. летом и в 15 коп. зимой.) Эти мероприятия царского правительства усилили недовольство крестьян. В том же году вспыхнули волнения. Так, в Тартуском уезде, в Ранну, крестьяне весной отказались работать на барщине. Они заявили, что пусть им лучше рубят головы, но на работу в имение они не выйдут. Только когда на место прибыл воинский отряд численностью в 200 человек, сопротивление крестьян было сломлено. Воинские команды подавили крестьянские выступления также в нескольких имениях Вирумаа и Харьюмаа.

О росте недовольства крестьян в конце XVIII — начале XIX века свидетельствуют и участившиеся вновь случаи бегства крестьян от помещиков и солдат из армии. Особенно много беглых эстонских и русских крестьян, а также русских, эстонских и польских солдат скрывалось в причудских лесах. Царское правитель-

ство и помещики с помощью войск неоднократно устраивали облавы на беглых в Алутагузе. Тех эстонских крестьян, которые скрывали беглых, подвергали жестокой порке и денежному штрафу.

На обострение классовой борьбы крестьянства дворянство ответило усилением полицейской власти. В 1798 году эстляндское рыцарство увеличило количество гакенрихтеров с 4 до 11. В южной Эстонии в начале XIX века из Тартуского и Пярнуского орднунгсгерихтов (полицейских судов) были выделены в самостоятельные инстанции орднунгсгерихты в Выру и Вильянди. В то же время крестьянское движение в России заставило царское правительство и помещиков пойти на некоторые уступки. В Прибалтике было запрещено увеличивать подати сверх норм, записанных в вакенбухах. Впрочем, во многих имениях вакенбухов вообще не существовало.

В первые годы царствования Александра I русское правительство провело ряд реформ. Была произведена дальнейшая централизация государственного аппарата (созданы министерства), введена новая школьная система, осуществлены некоторые другие государственные преобразования. Целью их было укрепление крепостнического, самодержавного дворянского государства.

Александр I продолжал в Прибалтике политику своего предшественника — политику покровительства остзейскому дворянству. Еще в самом начале своего царствования он поддержал прибалтийских помещиков крупной ссудой из казны на исключительно льготных условиях. Вместе с прибалтийским дворянством царь делал все, чтобы подавить малейшее проявление недовольства крестьян. Царское правительство и по внешнеполитическим причинам было заинтересовано в том, чтобы на западной границе империи не возникало волнений. Наполеон, установив во Франции контрреволюционную диктатуру, повел захватническую войну, которая угрожала всем европейским государствам, в том числе и России.

Особенно сильно напугало царские власти и прибалтийских помещиков восстание латышских крестьян осенью 1802 года в районах Вальмиера, Буртниеки, Рауна и Цесиса. Для подавления восстания в имении Каугуры впервые в Лифляндии против крестьян были применены пушки. Весной 1803 года эстонские крестьяне имения Кабала отказались работать на барщине больше 3 дней в неделю. В 1802 и 1803 году произошли крупные волнения в соседнем с Эстонией Ямбургском уезде Петербургской губернии: крестьяне требовали освобождения от крепостной зависимости. Царские власти настолько боялись крестьянских восстаний в Прибалтике, что не осмелились даже опубликовать на эстонском и латышском языках указ от 20 февраля 1803 года «О свободных хлебопашцах», который разрешал помещикам освобождать крестьян за выкуп.

Регулирование крепостнических отношений казалось царскому

правительству и части помещиков единственным средством, с помощью которого можно предотвратить крестьянские восстания в Прибалтике, укрепить власть и обеспечить доходы помещиков. Царское правительство, а также та часть прибалтийских помещиков, имения которых были больше втянуты в сферу товарно-денежных отношений, считали, что нормирование повинностей законом (занесение их в вакенбухи) поможет поправить пошатнувшееся экономическое положение поместного дворянства. Другая же часть прибалтийских помещиков, притом самая богатая, не желала никаких изменений в сложившихся отношениях и продолжала упорно отстаивать право неограниченной власти помещика над крестьянами. Сторонники крестьянского закона, разумеется, преследовали ту же цель укрепления крепостного строя, но они расходились со сторонниками неограниченного крепостного права в вопросе о том, каким способом лучше это осуществить. Поддержанные царским правительством, перевес получили сторонники крестьянского закона.

Первый регулятив (закон), определявший положение крестьян, был опубликован в Эстляндии в 1802 году и известен под названием «Игаюкс» («Каждый») — по первому слову эстонского текста закона. В 1804 году этот закон был заменен Эстляндским крестьянским законом, опубликованным на эстонском языке осенью 1805 года. По этим законам крестьянам предоставлялось крайне ограниченное право собственности на движимое имущество. Так называемый «железный инвентарь» (определенное количество рабочего скота, орудий труда, все постройки, огороды и семенное зерно) считался неотъемлемой принадлежностью двора и не подлежал ни продаже, ни отчуждению каким-либо иным путем. Закон 1804 года устанавливал определенный размер крестьянских повинностей, на практике это, однако, свелось лишь к фиксированию в вакенбухах каждого имения уже существовавших до этого повинностей. Помещик сохранил право продавать крестьян без земли и изгонять их со двора, правда, с согласия волостного суда. Вновь учрежденный волостной суд был фактически послушным орудием помещика, так как председателя суда назначал помещик, он же утверждал заседателей и всех судей, избранных крестьянами — держателями дворов, а также все приговоры суда. Учреждался также приходский суд для разбора жалоб крестьян на помещика. Этот суд состоял только из помещиков. Помещики имели право своей властью назначать крестьянам наказание до 30 палочных ударов. Более тяжкие наказания приводились в исполнение по приговору крестьянских судов, что было помещику даже выгоднее.

Передовые люди того времени отмечали, что эти законы «составлены гораздо больше в интересах господ, чем рабов». Петри называл эти выработанные ландтагом по настоянию центрального правительства законы жалкими и ненадежными правами, которые помещики могут толковать произвольно; положение же

крестьян они нисколько не улучшили. Он писал: «До тех пор, пока эстонцы находятся под гнетом помещиков, останутся бесполезными все старания, предпринимаемые для улучшения их положения». Резко критиковал эстляндские крестьянские законы также И. Ф. Г. Эверс, известный позднее как профессор Тартуского университета.

Первый крестьянский закон в Лифляндии был введен в 1804 году. Он был выработан комитетом, созданным в Петербурге из крупных государственных чиновников и представителей лифляндского рыцарства. По этому закону крестьянин не имел права выйти из своего сословия и по-прежнему был прикреплен к земле. Закон улучшал в известной мере положение лишь тех крестьян, которые были в состоянии выполнить все повинности. Повинности надлежало устанавливать в зависимости от размеров и качества земли и заносить в вакенбухи. Закон укреплял в деревне положение крестьян — держателей дворов. Крестьянин мог передать свой двор по наследству, он пользовался правом собственности на движимое имущество; формально за ним признавалось даже право покупки земли. Крестьянин — держатель двора был избавлен от телесного наказания, его нельзя было отдать в рекруты.

Учреждался волостной суд, из трех членов которого один назначался помещиком, другого выбирали дворохозяева, третьего — батраки. Члены суда, избранные крестьянами, а также все приговоры суда утверждались помещиком. Председателем приходского суда был помещик, три заседателя избирались крестьянами. Крестьянские суды в Лифляндии были, как и в Эстляндии, учреждены для того, чтобы укрепить классовое господство помещиков. Эти суды помогали помещикам управлять населением волости, через суды крестьян-дворохозяев принуждали выполнять повинности в пользу помещика, а безземельных принуждали работать на него или на дворохозяев. Волостной суд имел право распределять батраков между крестьянскими дворами. Закон предоставлял помещику право направлять бобылей батраками в крестьянские дворы, посылать их на работу в имение или отпускать на заработки в город за соответствующий оброк. Именно из числа бобылей в первую очередь набирались и рекруты. На помещичий произвол были оставлены также дворовые: их помещик мог дарить, передавать по наследству и продавать. Помещик имел право применять в отношении дворовых и барщинников телесные наказания — до 15 палочных ударов.

Таким образом, царское правительство и помещики при составлении крестьянского закона, учитывая происходившее в деревне расслоение крестьянства, предоставляли некоторые льготы крестьянам — держателям дворов и усиливали эксплуатацию безземельных.

О том, что помещики опасались, как бы новый закон не вызвал среди крестьян волнения, свидетельствуют обстоятель-

ства, связанные с его введением. Обычно в те времена все правительственные постановления доводились до сведения крестьян пастором с церковной кафедры. Сообщение же о законе 1804 года и его проведение в жизнь были поручены специально созданным ревизионным комиссиям, ибо, как разъяснял рижский генерал-губернатор, во главе последних стоят русские чиновники, которым эстонские и латышские крестьяне доверяют, а немецким пасторам, как и помещикам, крестьяне не верят. Так крепостники старались использовать в своих целях дружественное отношение эстонского и латышского народов к русским и наивную веру крестьян в «доброго царя». Однако скоро крестьяне увидели, что и царские чиновники — защитники интересов помещиков, они стали выступать и против них.

Крестьянские волнения в 1805 году. Царское правительство и помещики надеялись изданием регулятивов ослабить крестьянское движение, однако вышло наоборот — волнения приняли более широкий размах.

Среди лифляндских крестьян большое недовольство вызывали новые вакенбухи. Составлением последних занимались четыре ревизионные комиссии, из них две — в южной Эстонии. Комиссии должны были произвести обмер крестьянских земель и их оценку, определить соответственно с этим крестьянские повинности и составить вакенбухи для каждого крестьянского хозяйства. Оценка земель должна была производиться на основе весьма выгодной для помещиков системы, введенной еще шведским правительством в конце XVII века в казенных имениях. Повинности, особенно барщинные дни, расценивались по этой системе крайне низко. К тому же, теперь в расчет бралась не только пашня, но также огороды и луга. Прибалтийские помещики ввели это дополнение, чтобы иметь законную основу для увеличения повинностей крестьян.

Обмер и оценку земель помещики использовали в этих же целях. Путем обмана, угроз и подкупов крестьянские земли оценивались в интересах помещиков гораздо выше их действительной стоимости. Даже кустарники, пески, болота и прочие неудобные земли оценивались как пашни и покос, что позволяло помещику требовать отработки и за них. Поэтому председатель рижской ревизионной комиссии А. И. Арсеньев писал с полным основанием, что обмер земель в Лифляндии является «чистым шарлатанством», а оценка земель «педантичным обманом». Арсеньев утверждал, что четыре степени ценности, применяемые при оценке земли, обуславливаются не естественным плодородием почвы, а трудом, вложенным крестьянами в землю. Поэтому он предложил упростить оценку земли, а также прислать русских землемеров, которые выполнят эту работу более честно. Вследствие противодействия помещиков эти предложения остались без внимания. Когда Арсеньев стал требовать еще и точного определения

дополнительной барщины, он по настоянию прибалтийских помещиков был отозван в Петербург.

Крестьяне надеялись, что с проведением закона в жизнь барщина сократится. Однако новые вакенбухи говорили об обратном. Это вызывало многочисленные протесты крестьян. Крестьяне повсеместно отказывались принимать новые вакенбухи. Распространялись всевозможные слухи, укреплявшие недоверие к помещику и будившие дух сопротивления среди крестьян. Так, крестьяне Сангасте, где имело место одно из наиболее крупных выступлений крестьян южной Эстонии в 1805 году, заявили властям, что они, крестьяне, не смеют принять такие вакенбухи, так как это идет против «воли царя». Дескать, «крестьяне, принявшие новые вакенбухи, так и останутся крепостными, а те, кто от них откажется, будут освобождены и не станут отбывать барщину». Чтобы сломить сопротивление крестьян, на места были посланы войска. Многие крестьяне бросили свои хозяйства и бежали в Псковскую губернию.

Еще более сильные крестьянские волнения вспыхнули в августе и сентябре 1805 года в северной Эстонии. Крестьяне считали, что Эстляндский крестьянский закон 1804 года подделан помещиками и требовали введения подлинного «царского закона». Крестьяне-дворохозяева самовольно уменьшали число барщинных дней, сопротивлялись при назначении им телесных наказаний. Батраки, выполнявшие барщину, отказывались выходить на ночную молотьбу, проводившуюся по нескольку раз в неделю. Это была одна из самых тяжелых осенних повинностей: после изнурительной ночной работы батраку приходилось работать днем как обычно.

В некоторых местах помещики, охваченные страхом, пошли на уступки. Отказ от ночной молотьбы в имении Сейдла послужил поводом и для выступления барщинников в Карину и Орина в Ярваском уезде. Крестьяне провели в оринаской корчме совещание и решили сообща оказать сопротивление, если будут присланы карательные войска.

12 сентября в Карину явился гакенрихтер в сопровождении воинской команды в 120 человек и приступил к допросу вызванных в имение крестьян. Когда до собравшихся в Орина барщинников дошел слух, будто солдаты начали пороть каринуских крестьян, они поспешили им на выручку. Пустив в ход штыки и приклады, солдаты отразили нападение барщинников, убив одного и ранив четырех человек. Вечером крестьяне снова окружили имение. На сей раз они выступили уже не с голыми руками или просто с дубинами, а вооружились косами и кольями, окованными железом. На зов разосланных крестьянами гонцов явилась подмога и из отдаленных деревень — Вяйнярве и Аавере. Крестьяне не смогли, однако, устоять против регулярного войска и на следующий день разбежались.

В конце сентября произошло восстание крестьян против по-

мещиков и местных властей в Харьюмаа. Это выступление крестьян получило в народе название «Войны в Козе-Ууэмыйза». 11 сентября козе-ууэмыйзаские барщинники отказались выйти на ночную молотьбу. Когда помещик собрался отправить одного арестованного батрака в Таллин, остальные дорогой освободили его. После этого барщинники послали гонцов в соседние волости, призывая крестьян выступить сообща, если будут применены наказания. 21 сентября в Козе-Ууэмыйза явился местный гакенрихтер и пытался наказать «зачинщиков». Барщинники заявили, что не позволят никого пороть и будут стоять «все за одного и один за всех».

Крестьянские волнения в 1805 году в северной Эстонии.

1 — Оргита, 2 — Каутъяла, 3 — Куйметса, 4 — Инглисте, 5 — Кайу, 6 — Козе-Ууэмыйза, 7 — Равила, 8 — Алавере, 9 — Хабая, 10 — Оясоо, 11 — Харми, 12 — Трийги, 13 — Кукевере, 14 — Роозна, 15 — Сейдла, 16 — Даавере, 17 — Карину, 18 — Орина, 19 — Лийгвалла, 20 — Капу, 21 — Вяйнярве, 22 — Эйвере, 23 — Вяэтса, 24 — Пальмсе, 25 — Ярве.

29 сентября в Козе-Ууэмыйза прибыли чиновники губернского правления, а на следующий день 94 солдата. Собравшиеся в куйвайыэской корчме крестьяне из Козе-Ууэмыйза, Равила, Оясоо и Хабая выжидали, как развернутся дальнейшие события. На помощь к ним поспешили крестьяне из Кайу, Куйметса, Трийги, Каутъяла, Алавере, Инглисте и Харми. Восставшие начали серьезно готовиться к борьбе — вооружились охотничьими ружьями и стали обучаться наступлению в строю. 2 октября в полдень из Таллина прибыло еще 90 солдат. Между 184 солдатами, с одной стороны, и 250 крестьянами, с другой, завязался кровопролитный бой, длившийся целых полчаса. В начале крестьянам удалось даже потеснить левый фланг отряда, однако перевес солдат в огнестрельном оружии решил исход боя в их пользу. В бою погиб и один из виднейших вождей крестьян — оясооский барщинник Харми Эварт, которого местные власти охарактеризовали как человека с «подлинно пугачевской душой». Отряд потерял одного офицера и одного унтер-офицера, один офицер и 10 солдат были ранены. Потери крестьян составили 6 убитых и 7 ране-

ных, из них один смертельно. Среди убитых и раненых крестьян было 9 батраков, четверо дворохозяев или их сыновей.

Хотя крестьяне, захватив с собой раненых, были вынуждены оставить поле боя, они не считали себя побежденными. Были отправлены гонцы за помощью даже в Ярвамаа и Пыльтсамаа. Однако 4 октября помещики получили из Таллина новое подкрепление (268 солдат и две пушки). Перед лицом превосходящей силы крестьянам пришлось подчиниться.

В сентябре и октябре настроения среди крестьян Эстляндской губернии были таковы, что отдельные волнения легко могли перерасти во всеобщее восстание. 3 сентября садовник имения Йыэпере, крестьянин Иохан Пертель (Йыэпереский Яан) собрал в корчме деревни Ассамала окрестных крестьян и призвал тысячами выступать против помещиков и судей, отнять у них власть и завоевать себе «настоящие права». Приходившие на Таллинский рынок крестьяне говорили, что их волости готовы идти на помощь козе-ууэмыйзаским крестьянам, чтобы затем всем вместе двинуться на Таллин. В эти дни многие помещики в панике бежали из своих имений в города.

В октябре произошли небольшие волнения и в имениях Капу, Пальмсе, Оргита и Вяэтса.

Крестьянское движение в Эстонии стало пугать и царское правительство. 31 октября, за двадцать дней до исторического сражения под Аустерлицем, Александр I, находившийся в то время в штаб-квартире в Тропау, отдал приказ направить в Эстляндскую и Лифляндскую губернии по одному резервному полку.

С помощью войск помещикам удалось подавить восстания крестьян, носившие стихийный и изолированный характер. 72 крестьянина были приговорены к тяжелому телесному наказанию. Для устрашения остальных экзекуция проводилась публично на Рыночной площади в Таллине. Многие крестьяне были сосланы на каторжные работы и поселение.

Мощное антифеодальное выступление эстонского крестьянства в 1805 году вынудило помещиков и царское правительство вновь заняться крестьянским вопросом в Прибалтике, что в конце концов привело к реформам 1816 и 1819 годов.

В крестьянских волнениях в Лифляндии в 1802 году и в Эстляндии в 1805 году особенно выделялись активностью и упорством в отстаивании своих требований батраки-барщинники. Это вынудило помещиков обратить теперь внимание на положение батраков. Одной из задач ревизионных комиссий стало установление размеров жалования батракам. Эта задача была осуществлена осенью 1805 года на основе предложений Арсеньева. Арсеньев являлся противником предоставления батракам свободы передвижения для подыскания лучших условий труда, он требовал наделения их клочком земли или выплаты им «достаточного» жалованья. В тех местах, где земли хватало, крестьянин — держатель двора должен был из своего земельного надела выделить

семейному батраку определенный клочок поля, а там, где земли было мало, дворохозяин должен был давать каждому батраку пищу, одежду и денежное жалованье из расчета: батраку — не менее 4 талеров, его жене 2 талера и батрачке 1 талер в год (талер соответствовал приблизительно стоимости двух пур ржи).

Глубокое недовольство барщинников ночной работой вынудило царское правительство официально установить также продолжительность рабочего дня — 12 часов, причем ночную работу можно было требовать лишь по соглашению с барщинником и за особую плату. Однако на практике помещики не считались с этими положениями.

Эти порядки были введены в Лифляндии в 1809 году в виде дополнительных статей к крестьянскому закону. Одновременно, в соответствии с неуклонно растущей потребностью помещиков в рабочей силе, было установлено, что из крестьянских повинностей барщина должна составлять $^{7}/_{8}$, оброк — только $^{1}/_{8}$. Если оброк вносился неполностью, крестьянин обязан был отработать за невнесенную в срок пуру ржи 8 тягловых дней (в случае полного неурожая и голода — 5 тягловых дней).

§ 2. ЭСТОНСКИЙ НАРОД В ПЕРИОД ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Наполеон, добивавшийся в интересах французской крупной буржуазии мирового господства, стал готовить поход на Россию. Для этой цели он стремился мобилизовать силы всех покоренных им европейских государств. Прусский король потребовал за участие в походе против России передать ему прибалтийские губернии России. Таким образом, Прибалтике угрожало отторжение от России и подпадение под власть прусского юнкерства.

В ночь на 12 июня 1812 года, без объявления войны, Наполеон с полумиллионной армией перешел границу, Россия не была как следует подготовлена к войне, и захватчику удалось дойти до Москвы.

Летом 1812 года франко-прусские войска оккупировали Курляндию. Главнокомандующий местными оккупационными войсками опубликовал сразу же официальное сообщение, что оккупационные войска прибыли сюда не для того, чтобы ослабить власть помещиков, а наоборот, для того, чтобы еще более укрепить «порядок».

На территории Эстонии непосредственных военных действий не было, однако военные трудности народу пришлось все же пережить. Когда летом 1812 года государственные учреждения были эвакуированы из Риги в Пярну, Вильянди и Тарту и в Эстонию хлынули беженцы, кое-где людей охватил страх и даже паника. Многие крестьяне в южной и даже северной Эстонии, зарыв зерно и запрятав имущество, бежали в леса. Помещики жаловались,

что никакими мерами они не могут заставить барщинников работать — сено не убрано, хлеб не сжат, рожь не посеяна. Классовая борьба в деревне вновь обострилась. Крестьянские волнения в Вяймела и Вана-Пийгасте были подавлены с помощью войск.

В ходе войны еще раз проявился узкокорыстный эгоизм и продажность остзейского дворянства. Курляндские помещики начали сразу сотрудничать с прусскими оккупационными властями. В Лифляндии, которая не была оккупирована, помещики хотя и создали отдельный отряд народного ополчения, но оказалось, что из направленных в него 800 эстонских и латышских крестьян только 100 человек были одеты более или менее сносно. Лифляндские помещики ни копейки не хотели давать на обмундирование и питание ополченцев. Одетых в лохмотья, голодных крестьян заставили в трескучий мороз строить оборонительные сооружения в Риге. В январе 1813 года в строю осталось всего лишь 188 ополченцев. Большинство остальных заболело или умерло от простуды.

Эстонские крестьяне, служившие в регулярных войсках, мужественно сражались против внешнего врага рядом с солдатами других национальностей России. Летом 1812 года поручик Шмидт организовал из лифляндских крестьян и горожан «корпус вольных егерей» в составе 310 человек, который в 1812—1813 гг. участвовал в семи сражениях и осаде Гданьска (Данцига).

Русская армия под командованием выдающегося полководца М. И. Кутузова в конце 1812 года изгнала агрессора из пределов родной страны. Блестящая победа русской армии сыграла решающую роль в освобождении народов Европы от наполеоновского ига. Она сорвала также планы агрессоров в отношении Восточной Прибалтики.

Однако вернувшихся домой после победы ополченцев и демобилизованных крестьян снова заставили работать на помещика. Решением правительства эстонские крестьяне, сражавшиеся в корпусе Шмидта, также должны были вернуться к своим помещикам. В декабре 1812 года в ряде мест России вспыхнули волнения среди бывших крестьян-ополченцев. В том же месяце произошло и восстание рекрутов Эстляндской губернии, собранных в таллинские казармы. Рекруты разогнали зверски обходившуюся с ними охрану, вышли из города и напали на окрестные имения. Из Таллина была выслана вдогонку воинская часть, которая арестовала восставших рекрутов.

§ 3. КЛАССОВАЯ БОРЬБА КРЕСТЬЯНСТВА И РЕФОРМЫ 1816 И 1819 ГОДОВ

Крестьянские законы 1816 и 1819 годов. Проведенные в интересах класса помещиков в начале XIX века аграрные мероприятия не дали сколько-нибудь длительного экономиче-

ского эффекта. Производство хлеба, по сравнению с концом предыдущего века, даже несколько уменьшилось. Сильно сократилось винокурение, представлявшее собой важнейший источник доходов многих помещиков. Особенно остро экономические трудности стали ощущаться с 1807 года, когда Россия присоединилась к провозглашенной Францией экономической войне против Англии — к так называемой континентальной блокаде. Прекращение торговых связей с Англией вызвало снижение цен на хлеб, сократился вывоз зерна и леса. В то же время цены на импортные товары возросли. Задолженность помещиков все более увеличивалась.

Усиливающиеся экономические трудности и крестьянские волнения заставляли помещиков задумываться о новых аграрных мероприятиях. Они стали знакомиться с западноевропейской экономической литературой и аграрным законодательством, воспринимать новые, буржуазные идеи. Появились статьи (например, статья Г. Меркеля в 1814 году), в которых указывалось, что труд свободных крестьян намного производительнее барщинного труда крепостных. Некоторые наиболее предприимчивые помещики стали производить точный учет расхода рабочей силы и идти на известные затраты в целях повышения уровня производства: закупали дополнительные корма для скота, семена лучшего качества, приобретали для имения некоторые орудия труда и скот и даже использовали в имении труд сельскохозяйственных рабочих, которые наделялись участком земли (так, например, было в имении Хеймталь).

В. И. Ленин указывает, что путь развития капитализма в сельском хозяйстве может быть двояким — или через победоносную буржуазно-демократическую революцию или через проводимые правительством и помещиками реформы. Первый путь означал бы решительную ликвидацию остатков крепостничества и быстрое развитие капитализма в сельском хозяйстве. Это — революционный путь развития капитализма. Однако капитализм мог развиваться и иным путем, в условиях политического и экономического господства помещиков, путем частичных реформ, путем ограбления и подавления крестьянства. В этом случае «крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства «гроссбауэров» («крупных крестьян»)».[1] Такое развитие капитализма Ленин назвал прусским путем развития в противовес объективно возможному американскому пути.

Борьба между прибалтийско-немецкими помещиками, с одной стороны, и эстонским и латышским крестьянством — с другой, объективно являлась борьбой за различные пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Введение новых крестьянских законов означало вступление прибалтийских помещиков на прусский

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 216.

путь развития капитализма. Крестьянство же стихийно, но упорно боролось за полную ликвидацию крепостничества.

В новой обстановке помещикам казались стеснительными даже официально устанавливаемые вакенбухами нормы. Они добивались неограниченного права распоряжаться землей и рабочей силой. Особенно остро встал этот вопрос в Эстляндии, когда Александр I, пытаясь предотвратить крестьянские волнения, потребовал дополнить эстляндский закон 1804 года статьями лифляндского крестьянского закона, который признавал право наследования крестьянами земельных владений; кроме того, по лифляндскому закону определялись повинности крестьянина в соответствии с оценкой его хозяйства, а обмер и оценка земли производились за счет помещика. Все это было не по нраву эстляндским помещикам. В условиях нарождавшегося капитализма помещики считали более выгодным переход на полную и «законную» экспроприацию всей крестьянской земли и формальную отмену крепостного права, с тем, однако, чтобы получившие личную свободу крестьяне оставались фактически в зависимости от помещика. В отношении этих основных принципов новых реформ эстляндские помещики достигли между собой соглашения на ландтаге 1810 года. Эти принципы одобрил и Александр I.

Вследствие слабости демократического движения после разгрома Наполеона в Европе победила монархическая реакция. Царизм стал жандармом Европы. В России наступила политическая реакция, господствовал режим аракчеевщины. Обстановка была весьма благоприятной для проведения наиболее выгодной для прибалтийских помещиков аграрной реформы. После континентальной блокады спрос на продукты сельского хозяйства быстро возрастал. Стремясь использовать сложившуюся конъюнктуру, помещики с еще большим рвением принялись за расширение своей запашки и усиление эксплуатации крестьян. Этому должно было способствовать «освобождение» крестьян без земли.

Составленные помещиками новые крестьянские законы были утверждены Александром I для Эстляндии 23 мая 1816 года и для Лифляндии 26 марта 1819 года.

Новые крестьянские законы провозглашали личное освобождение крестьянина. Его теперь нельзя было уже продавать и покупать. Он мог заключать сделки, приобретать движимое и недвижимое имущество (но не имения). Крестьянам, которых до сих пор называли обычно по месту жительства или по отцу, были даны фамилии. Однако крестьянин был лишен права свободного выбора рода деятельности, он мог заниматься только земледелием; перемена крестьянином местожительства и получение необходимого для этого паспорта зависели от помещика.

В то же время вся крестьянская земля объявлялась полной собственностью помещика. Крестьяне утратили всякое право на нее, превратившись в арендаторов принадлежащей помещику земли. Теперь крестьянам приходилось арендовать землю у помещика

по складывающейся в условиях «свободной конкуренции» цене. Но поскольку крестьянин не имел возможности свободно выбирать род занятий и местожительство, принцип «свободной конкуренции и свободного соглашения» превращался в жестокое издевательство над крестьянином. Последний был вынужден соглашаться на условия, которые диктовал помещик.

Согласно новым законам было создано крестьянское «самоуправление». Крестьяне данного имения составляли одну волостную общину, вступление в нее и выход оттуда зависели от помещика. Во главе волостной общины в Эстляндии стоял выбранный из числа крестьян-дворохозяев старшина; в Лифляндии старшин было двое. Старшины утверждались в должности помещиком. Деятельность должностных лиц волостной общины находилась под контролем помещика, их решения подлежали его утверждению. Однако за взимание государственных податей, выполнение общественных повинностей, рекрутский набор, содержание нетрудоспособных и зерновые магазины отвечал теперь уже не помещик, а волостное правление. Помещики по-прежнему полностью господствовали во всех судебных инстанциях. Полицейская власть также оставалась в руках помещика. За ним сохранилось и право домашней расправы над крестьянами. Таким образом, помещик фактически пользовался весьма широкими средствами принуждения в отношении крестьян.

Страх перед крестьянскими волнениями и опасение, что имения могут остаться без рабочей силы, побудили помещиков предусмотреть в законе весьма длительный срок, в течение которого закон постепенно претворялся в жизнь. Прежде всего были созданы новые органы принуждения — волостное правление, суд, полиция, и только по истечении четырех «подготовительных» лет началось «освобождение» крестьян от личной зависимости. Для этого крестьяне были разбиты в Эстляндии на восемь, а в Лифляндии на четыре группы, причем в течение года «освобождали» только одну группу, так что «освобождение» тянулось до 1826 года. Например, в Лифляндии часть дворохозяев «освободили» в Юрьев день 1823 года, другую часть — в следующем году; часть крестьянских батраков — в Юрьев день 1825 года, другую часть вместе с дворовыми мыз — в следующем году. «Окончательную свободу», т. е. право передвижения в пределах губернии, и то с разрешения помещика и волостного суда, эстляндские крестьяне получили лишь в 1831 году, а лифляндские — в 1832 году. Перевод крестьян на новое положение по группам был предложен помещиками для того, чтобы разобщить силы крестьян и предотвратить, таким образом, общее восстание. Защиту интересов помещиков обеспечивали состоящие из царских чиновников и представителей рыцарства «комиссии, утвержденные для введения нового Положения о крестьянах».

Новые крестьянские законы, буржуазные по своей сущности, были составлены и проведены в жизнь крепостниками и в инте-

ресах крепостников. У крестьянина была отнята вся земля, а сам он был связан по рукам и ногам всевозможными ограничениями. Уже некоторые декабристы разоблачали лицемерность этих законов. П. Пестель метко охарактеризовал положение эстонского и латышского крестьянства как «мнимую вольность». И. Якушкин писал даже, что «положение освобожденных стало несравнимо тяжелее прежнего».

Эти законы, однако, все же знаменовали собой важный этап в разложении крепостничества и развитии капитализма. Вести об отмене крепостного права в Прибалтике распространялись среди русских крестьян и в ряде мест послужили толчком к крестьянским выступлениям.

Дальнейшая борьба крестьян против крепостного гнета. В 1816—1823 годах по Прибалтике снова усилились крестьянские волнения.

Уже слухи о предстоящем издании каких-то новых законов привели крестьян в движение — они требовали быстрейшего введения этих законов. Летом и осенью 1817 года крестьяне материковой части Ляэнеского и Вируского уездов и острова Хийумаа отказывались от дополнительной барщины и ночной молотьбы. В 1819 и 1820 годах крестьянские волнения усилились, особенно в Выруском уезде. Во многих имениях крестьяне бросали работу и требовали введения нового закона. Когда «зачинщиков» вызывали в приходский суд, крестьяне являлись туда сотнями. Попытки арестовать «подстрекателей» обычно кончались безрезультатно, крестьяне нередко силой освобождали своих арестованных товарищей. То же самое происходило в Тартуском и Пярнуском уездах. Местные помещичьи органы принуждения оказывались бессильными против массового движения крестьян. Только с помощью войск удавалось арестовывать «зачинщиков» и принуждать остальных работать на помещичьих полях.

С новой силой крестьянское движение разгорелось по всей южной Эстонии осенью 1822 года в связи с тем, что помещики начали заставлять крестьян-дворохозяев, подлежащих «освобождению» в следующий Юрьев день (23 апреля), заключать арендные договоры. Помещики принуждали крестьян принимать арендные договоры с прежними крепостническими повинностями, так как для помещиков барщина все еще оставалась наиболее выгодной формой эксплуатации крестьянства. Однако крестьяне делали все, чтобы избавиться от барщины и сохранить землю в своем владении. Крестьяне-дворохозяева повсеместно отказывались от заключения арендных договоров, но при этом были полны решимости оставаться в своем хозяйстве и не отдавать его.

Для подавления движения крестьян местные власти пустили в ход все возможные меры принуждения. Прибывшие в южную Эстонию воинские части были размещены во всех уездных городах и в тех имениях, где крестьяне отказались выполнять мызные повинности. Для устрашения населения в каждом охваченном

волнением приходе публично наказывали многих крестьян как «подстрекателей» и «злоумышленников». В числе наказанных было несколько отставных солдат. Часть арестованных была отправлена на каторгу. Генерал-губернатор в начале 1823 года отдал приказ о выселении «строптивых» крестьян из дворов и отдаче их под суд. Энергичную деятельность развернули и пасторы, стараясь привести крестьян к послушанию. По предложению генерал-губернатора руководители гернгутеров также были привлечены к содействию властям: эти руководители грозили «мятежникам» изгнанием из гернгутерских общин.

Посредством таких мер крестьян принуждали принимать арендные договоры. Около 2 процентов «освобождаемых» в 1823 году крестьян все же отказались от своих дворов. Но общее восстание крестьян было предотвращено, чему в значительной степени содействовало разъединение крестьян, «освобождение» их по группам. Имения были обеспечены дешевой рабочей силой.

§ 4. РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ ЦАРИЗМА. ДЕКАБРИСТЫ

Появление в России дворянских революционеров не было случайным явлением. Оно связано с русским историческим процессом, с насущными задачами времени. Феодально-крепостнические отношения сделались тормозом в развитии производительных сил, крепостничество и самодержавие мешали победе прогрессивного в то время капиталистического строя. Патриотический подъем 1812 года и массовое крестьянское движение оказали глубокое влияние на развитие русской общественной мысли.

Начиная с 1816 года возникают тайные революционные общества. Декабристы выдвигали лозунг борьбы против крепостничества и самодержавия. Для осуществления своих планов преобразования страны они организовали в декабре 1825 года (отсюда и название «декабристы») первое в России вооруженное восстание против царизма. До сих пор в России происходили только стихийные восстания крестьян. Однако дворянские революционеры, опасаясь развертывания острой классовой борьбы крестьян против помещиков, не опирались непосредственно на народ. Без поддержки же народа они не могли добиться своей цели, и царская власть жестоко подавила восстание.

В условиях углубляющегося кризиса крепостнического строя и в Эстонии отдельные передовые люди из дворян выступали против крепостничества и самодержавия. Эти люди были неразрывно связаны с передовой русской общественной мыслью. Они были подлинными патриотами России, исполненными непоколебимой веры в будущее великого русского народа, хотя и были страшно далеки от народа.

Одним из видных представителей передовой общественной мысли в Эстонии являлся лифляндский дворянин Тимотеус (Ти-

мофей) Бок, хотя сам он не принадлежал к декабристам и отрицал революционный метод борьбы. Бок изложил свои взгляды в «Записке, которая должна быть представлена и прочтена собранию лифляндского дворянства». В ней Бок не ограничивался вопросами, касавшимися положения в Лифляндии, — понимая неразрывную связь Прибалтики с Россией, будучи ее патриотом, он требовал ликвидации деспотизма и ограничения власти царя собранием «выборных от нации», которое одобряло бы законы и устанавливало налоги. «Рабство есть институция столь же бессмысленная, сколь и возмутительная», — писал Бок. Перечень 52-х законов, приводимых в «Записке» Бока, является по существу одним из первых известных проектов русской конституции. Весной 1818 года Бок послал эту записку Александру I. Царь немедленно отдал приказ об аресте Бока. Девять лет, безо всякого суда, томился Бок в одиночном заключении в Шлиссельбургской и Петропавловской крепостях, что совершенно подорвало его здоровье. Тяжело больного, его, наконец, освободили из крепости, однако он был лишен права выезжать из своего родного имения Выйзику. Не выдержав столь тяжелых преследований, Бок лишил себя жизни.

Декабрист В. К. Кюхельбекер.

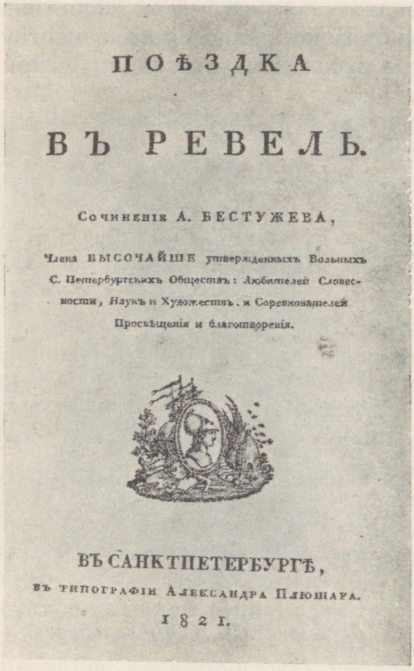
В Авинурме и Выру прошло детство декабриста Вильгельма Кюхельбекера. В 1824 году он опубликовал историческую повесть «Адо», в которой описывает совместную героическую борьбу русского и эстонского народов против немецких захватчиков в первой половине XIII века, рассказывает о большой помощи, оказанной русскими эстонцам. Повесть пронизана глубокой симпатией к эстонскому народу. В ней использованы сюжеты народной поэзии.

Кюхельбекер был участником восстания 14 декабря 1825 года в Петербурге. Схваченный царскими властями, он долгие годы томился в различных крепостях. В связи с вспыхнувшим в Польше восстанием Кюхельбекер в 1831 году был переведен из Даугавпилса в Таллин, в Вышгородскую тюрьму, где начал вести свой дневник, впоследствии опубликованный.

Уроженцами Эстонии являются и многие другие декабристы (А. Розен, который опубликовал впоследствии свои воспоминания, В. Тизенгаузен, Ф. Калм).

Многие русские декабристы были близко знакомы с положе-

нием в Эстонии и разоблачали прибалтийских помещиков, как беспощадных угнетателей эстонского и латышского народов. Писатель-декабрист А. Бестужев (Марлинский) опубликовал в 1821 году описание своего путешествия в Таллин («Поездка в Ревель»). Страницы, где он описывает феодальные порядки («вечные празднества царили в городах и замках, вечные слезы в деревне»), полны глубокого сочувствия к простому люду. В творчестве другого декабриста Н. Бестужева рыцари характеризуются как захватчики, разоблачается лживость «теорий» культуртрегерства. В повести «Гуго фон Брахт» (1823) он показывает непримиримую борьбу эстонцев против рыцарей. П. Пестель, выдающийся патриот и республиканец, в своем проекте конституции — «Русской Правды» — провозглашал свободу также и для эстонского и латышского народов, требовал окончательного искоренения крепостничества и ликвидации власти пришлого немецкого дворянства в Прибалтике.


ПОѢЗДКА

ВЪ РЕВЕЛЬ.

Сочиненіе А. БЕСТУЖЕВА,

Члена ВЫСОЧАЙШЕ утвержденныхъ Вольныхъ С. Петербургскихъ Обществъ: Любителей Словесности, Наукъ и Художествъ, и Соревнователей Просвѣщенія и благотворенія.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА ПЛЮШАРА.
1821.

Титульный лист книги А. Бестужева (Марлинского) «Поездка в Ревель».

В восстании декабристов в Петербурге принимали участие также служившие в разных воинских частях солдаты и матросы эстонской национальности. Матрос Иохан Анатуин незадолго до восстания, находясь в отпуске у себя в деревне в Эстляндии, оказывал помощь крестьянам в их борьбе против помещичьего гнета. Анатуин умер от ран, полученных на Сенатской площади.

Революционные лозунги декабристов, призывавшие к ликвидации крепостничества и свержению самодержавия, и в последующие десятилетия были основными лозунгами революционной борьбы. Круг русских революционеров становился все шире, их связи с народом крепли.

§ 5. КРИЗИС ОТРАБОТОЧНОЙ СИСТЕМЫ И ДАЛЬНЕЙШИЙ РОСТ КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Во второй четверти XIX века по всей России усилился кризис феодально-крепостнического строя. Капитализм все глубже про-

никал в сельское хозяйство. Росла капиталистическая промышленность, началось строительство железных дорог. Товарооборот увеличился в несколько раз.

В Прибалтике, которая по своему географическому положению имела весьма благоприятные условия для сбыта товаров, в следующие за крестьянскими законами десятилетия заметно выросли производительные силы. Расширялся внутренний и внешний рынок, росли города, углублялось общественное разделение труда; происходил переход от мануфактуры к фабрике; увеличилась товарность сельского хозяйства, начала развиваться новая техника.

Однако бурному росту капиталистических отношений и внедрению новой техники как в промышленности, так и в сельском хозяйстве препятствовали цепко державшиеся крепостнические отношения. Развитие капиталистических отношений тормозилось и политической реакцией, господствовавшей при Николае I. Царское правительство покровительствовало реакционному прибалтийско-немецкому дворянству, которое, в свою очередь, всячески поддерживало полицейско-бюрократический аппарат самодержавия. Однако задержать дальнейший распад крепостнической системы и рост капиталистических отношений было невозможно.

Отработочная система и ее кризис. Безземельное «освобождение» крестьян было существенным фактором в первоначальном накоплении капитала. Но оно еще не уничтожило, а только подорвало барщинную систему хозяйства в Прибалтике. Для быстрого перехода к капиталистической системе хозяйства в то время не было еще благоприятных условий. «Освобождение» крестьян без земли не позволяло крестьянскому хозяйству обособиться от помещичьего. Напротив, крестьянское хозяйство по-прежнему представляло собой составную часть помещичьего и служило для последнего прежде всего источником рабочей силы. Хотя помещики и экспроприировали основное средство производства крестьян — землю, однако в собственности крестьян оставались их орудия труда и скот (кроме так называемого «железного инвентаря»). Без земли крестьянин не мог заниматься хозяйством, а у помещика еще не было своих орудий труда, машин и рабочего скота. Не сложился еще и класс людей, постоянно работающих по найму. Крестьяне посредством искусственных ограничений были крепко привязаны к имению, они не могли свободно передвигаться и свободно наниматься на работу. «Внеэкономическое принуждение» не исчезло. В деревне продолжало господствовать натуральное хозяйство. Предпосылками же капиталистического производства являются господство товарно-денежных отношений, наличие наемных рабочих, полностью лишенных средств производства, рынок свободной рабочей силы. Этих условий во второй четверти XIX века еще не было.

Вследствие всего этого помещики имели возможность вести хозяйство по старинке, с помощью отработок. Крестьянин, как и прежде, обрабатывал барские поля своим тяглом и инвентарем. Крестьянин, связанный помещиком по рукам и ногам, вынужден был арендовать у него землю на кабальных условиях. Отнятие земли у крестьян было «залогом кабальной, т. е. полукрепостной аренды и отработочного, т. е. барщинного, хозяйства, необыкновенно задержавшего развитие капитализма и рост производительных сил в русском земледелии».[1]

Вследствие господства отработочной системы переход от крепостнического помещичьего хозяйства к капиталистическому происходил крайне медленно. Отработки были основной причиной, объясняющей, почему помещики не могли выбраться из все возраставших экономических трудностей. Эти трудности особенно усилились в 20-е годы XIX века, когда цены на зерно и водку упали примерно наполовину по сравнению с предыдущим десятилетием. Падение цен было обусловлено, в первую очередь, развитием товарного сельского хозяйства в центральной и южной России, а также в других, капиталистических странах. Отсталому крепостническому сельскому хозяйству Эстонии угрожала потеря прежних рынков как в России, так и за границей.

Помещики снова стали присоединять к мызной земле арендуемые крестьянами участки. Таким путем помещики надеялись увеличить производство продуктов сельского хозяйства. Один из современников писал в 1845 году: «В моих поездках по Эстонии я видел очень часто опустелые крестьянские избы или огнища срытых крестьянских жилых строений посреди вновь заведенных господских пашен, и, наверное, каждому эстляндцу известны крестьянские дворы, срытые в недавнее время и обращенные в господские пашни». Посевная площадь в имениях к 50-м годам XIX века достигла максимума и составляла по отношению к посевной площади крестьянских хозяйств в южной Эстонии 1 : 1,6 и в северной Эстонии даже 1 : 0,7. Это соотношение показывает, какая тяжелая отработочная повинность лежала на крестьянских хозяйствах, сколь жестокой была эксплуатация крестьян.

Производительность труда помещики старались поднять посредством все более жестокого принуждения батраков к труду и широкого применения сдельщины. Однако невыгодность отработок становилась все более очевидной. Принудительный труд крестьян, убогие орудия труда, изнуренный рабочий скот — все это неуклонно вело к снижению урожайности полей. О том, что в течение первой половины XIX века систематически снижался урожай, наглядно свидетельствуют следующие данные о посевах и урожаях зерновых в Эстляндской губернии.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 13, стр. 217.

	Посеяно (в тысячах четвертей) в среднем за год	Собрано (в тысячах четвертей) в среднем за год
1798—1802 гг.	169,3	951,4
1846—1850 гг.	196,4	945,2

Таким образом, к середине XIX века по сравнению с концом XVIII века зерновых было высеяно приблизительно на 16 процентов больше, сбор же не только не увеличился, но даже сократился. В то же время численность населения увеличилась на 40 процентов. Неурожаи становились все более частыми и все более губительными. Неурожаи имели место, например, в 1834, 1835, 1837, 1840, 1841, 1844, 1845 годах. Им сопутствовал падеж скота, вызванный бескормицей и эпидемиями. Особенно сильно страдали от недородов и падежа скота крестьяне, в первую очередь, бедняки. Из-за непосильного труда в имениях крестьяне не имели возможности вовремя провести у себя сев и жатву, а также уделить необходимое внимание уходу за своим скотом.

Об углублении кризиса помещичьего хозяйства свидетельствовало и падение в первой четверти XIX века цен на землю — примерно на 27 процентов, причем на таком уровне цены держались в течение всей второй четверти XIX века. Все больше росла задолженность имений. В течение 10 лет (1841—1851) было продано более $^1/_5$ всех рыцарских имений Эстляндской губернии.

Во всем этом проявлялся кризис отработочной системы. Отработочная система, будучи неразрывно связана с помещичьей монополией на землю и сохранением крепостнических ограничений в отношении крестьянства, была основной причиной отсталости сельского хозяйства и снижения урожаев, источником всяческого угнетения и варварства.

Развитие сельского хозяйства. Несмотря на сохранение старых производственных отношений с системой отработок, во второй четверти XIX века имел место известный рост производительных сил в сельском хозяйстве. Этот рост проявлялся в общем расширении сельскохозяйственных угодий, а также в широком распространении новых культур, изменении севооборотов, развитии животноводства, специализации сельского хозяйства.

Уже в конце XVIII и в начале XIX века в Прибалтике в печати пропагандировалась многопольная система вместо старой трехпольной, рекомендовалось выращивать клевер и картофель, применять искусственные удобрения, развивать животноводство (особенно овцеводство) и т. д. Эти новшества стали применяться в отдельных имениях. Однако более широко они стали внедряться в сельское хозяйство только со второй четверти столетия.

В первой половине XIX века в Эстонии распространилось выращивание картофеля. Начиная с 30-х годов оно стало повсеместным. До начала 20-х годов сбор картофеля в Эстляндской

губернии составлял ежегодно (в среднем) только 16 400 четвертей, в 1839 году — уже 370 252 четверти, а в 1860—1864 гг. в среднем 428 500 четвертей. Вследствие распространения картофеля в крестьянских хозяйствах уменьшилось выращивание репы. Во второй четверти века повсюду в Эстонии стали культивировать и клевер. Распространение новых полевых культур способствовало переходу от старой трехпольной системы к т. н. улучшенной трехпольной или даже к многопольной системе. В начале это имело место только в имениях. Поднятие целины и введение новых севооборотов увеличило посевную площадь за вторую четверть столетия примерно на 20 процентов.

В имениях снова начало расширяться винокуренное производство; это объясняется главным образом тем, что в качестве сырья, кроме зерна, стали применять еще и картофель. В середине 30-х годов винокурение достигло уровня конца XVIII — начала XIX века, а вскоре и превысило его. К середине столетия в южной Эстонии насчитывалось 292 винокурни, в северной Эстонии 326. На базе отходов винокурения в восточной Эстонии широко стал практиковаться откорм волов для нужд близлежащего петербургского рынка, что дало толчок дальнейшему развитию скотоводства. Во второй четверти столетия примерно в $^1/_5$ части имений Эстонии стали разводить мериносовых овец — для основанных в Нарве, Кярдла, Синди и Тарту суконных фабрик требовалась шерсть. В Эстляндской губернии в 1832 году было 34 стада с 13 807 овцами, а в 1841 году уже 134 стада с 90 820 овцами. Но в 40-х годах значение овцеводства, вследствие снижения цен на шерсть и сильного падежа овец, резко уменьшилось. В южной Эстонии, в первую очередь в Вильяндиском и Выруском уездах, в юго-восточной части Пярнуского уезда и в Вигала развивалось (главным образом, в крестьянских хозяйствах) товарное льноводство. Вывоз льна через Пярну увеличился с начала столетия до 1840 года в четыре раза. Все это свидетельствовало также о начинавшейся специализации сельского хозяйства.

Расширение ассортимента сельскохозяйственного производства и рост товарности сельского хозяйства нанесли удар по старой барщинной системе хозяйства, покоившейся на допотопной технике и отработках. Выращивание клевера и попытки улучшить обработку земли, развитие скотоводства, оснащение техникой винокуренного производства — все это требовало квалифицированных рабочих, лучших орудий труда, более сильного, чем могли давать крестьянские хозяйства, рабочего скота. К тому же крестьяне умышленно не посылали в имения, где за них работали обычно батраки, свой лучший скот и инвентарь. Попытки применить в имениях (особенно в 40-е годы) более совершенные сельскохозяйственные орудия и некоторые машины неизбежно приводили помещиков к мысли о необходимости перехода к наемному труду и отказа от отработок. Помещики постепенно стали переходить к капиталистическому методу ведения хозяйства. Появился

тип помещика-предпринимателя; таким, в частности, был владелец имения Муналаскме фон Хук.

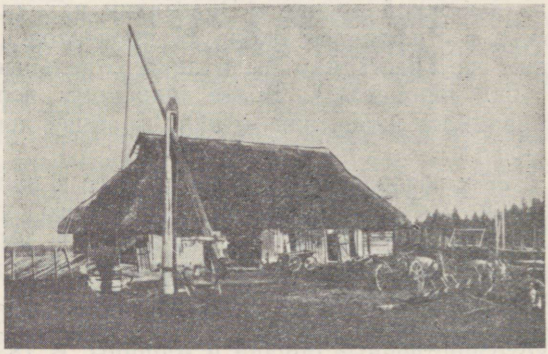
Приобретение инвентаря и наем рабочей силы требовали более значительных капиталов, чем помещик на первых порах мог выручить от продажи продуктов имения. Помещики стали переводить крестьян на денежную аренду, а затем появилась и необходимость в продаже земли крестьянам. Однако еще и в 1850—1851 годах на денежной аренде в Эстляндии находилось только 11 процентов, а в Лифляндии около 14 процентов крестьянской земли, проданы же крестьянам были лишь отдельные усадьбы в Лифляндии (0,07 процента!). Более широкому использованию усовершенствованного инвентаря мешала крайняя дешевизна рабочей силы.

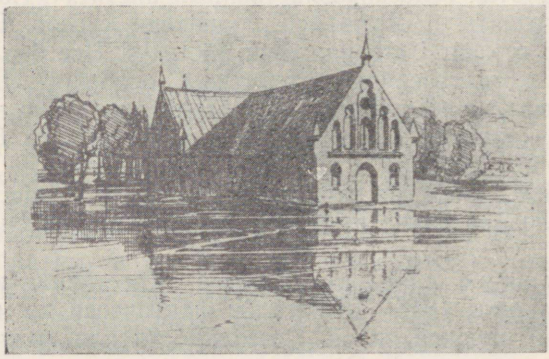
Начиная с 30-х годов возрос также интерес к вопросам сельскохозяйственной науки. Профессор Тартуского университета И. Ф. Л. Шмальц организовал в 30-х годах в имении Вана-Куусте образцовое хозяйство, где проводились опыты на полях, в том числе с многочисленными сортами картофеля и сахарной свеклы, выводились новые породы овец и свиней, испытывались новые сельскохозяйственные орудия и машины. В 1834—1839 годах здесь работал сельскохозяйственный институт, где проходили практику студенты и обучались слушатели курсов. В 1848 году в Тарту был открыт Ветеринарный институт. Все больше издавалось сельскохозяйственной литературы, особенно Лифляндским Общеполезным экономическим обществом (основано в 1792 году) и Вольным экономическим обществом в Петербурге. В последнем весьма успешно работал в 40—60-х годах эстонский ученый, занимавшийся вопросами экономики сельского хозяйства, Я. Ионсон. Он последовательно выступал за ликвидацию системы отработок.

Положение крестьянства. Крестьянин и после крестьянских законов 1816—1819 годов фактически не мог распоряжаться своей рабочей силой. Возможности для получения денег были весьма ограничены. Орудия труда и утварь, а также одежда и многое другое изготовлялись дома. Арендный договор был в большинстве случаев кратковременным, на 1—3 года. Но и крестьянин не хотел связывать себя договором на более продолжительный срок, ибо стремился избавиться от отработок. Помещик в любое время мог повысить аренду или прогнать крестьянина. Это порождало в крестьянине чувство неуверенности и тормозило развитие крестьянского хозяйства.

Крестьянин охотно применял сельскохозяйственные орудия, облегчавшие тяжелый труд земледельца и делавшие его более производительным, если только приобретение их оказывалось ему по силам. В первой половине XIX века, в первую очередь в крестьянских хозяйствах южной Эстонии, получили распространение полевой каток и тяжелая толчея для обмолота яровых хлебов; наряду со старой трепалкой стала применяться льнотеребильная

машина, для кошения ржи — коса с коротким черенком, которую эстонские крестьяне переняли у латышей. С середины столетия вошли в употребление плуг и железная борона, изготовлявшиеся уже местными кузнецами (в большинстве хозяйств по-прежнему использовались соха и деревянная борона). Еще в начале столетия эстонцы, по примеру русских, стали вместо прежних саней





Крестьянский жилой дом и помещичья овчарня в Эстонии в первой половине XIX века.

с узкой корзиной пользоваться широкими розвальнями, повсеместно распространенными и в настоящее время. Во второй четверти столетия все больше начали входить в употребление железные тележные оси, колеса и полозья дровней стали оковываться железом. Все это привело к значительному улучшению средств перевозки и передвижения.

Появление новых сельскохозяйственных орудий и усовершенствованных средств перевозки и передвижения было связано с развитием товарного сельского хозяйства. Все эти новшества применяли в первую очередь зажиточные крестьяне, начавшие уже производство продуктов на рынок. Крестьяне победнее вынуж-

дены были волей-неволей довольствоваться прадедовскими способами обработки земли.

В течение столетий жилищем крестьян служили жилые риги. Постепенно в XIX веке в холодных каморках риг стали строиться печи, кое-где вместо закрываемых задвижками крошечных отверстий для света появились застекленные окна; в 20-е годы на крестьянских домах появились первые трубы. Все это было показателем расслоения крестьянства: подобные нововведения оказывались по силам только отдельным зажиточным крестьянам.

Произошли некоторые изменения и в одежде, частично начавшиеся в XVIII веке. Для женщин уже в предыдущем столетии становится обычным ношение сшитых юбок, чепцов и твердых головных уборов, а в северной Эстонии — коротких блузок. Мужчины начали носить короткие — до колен — штаны и чулки. В материковой части Эстонии в начале XIX века женщины стали носить юбки в продольную полосу, на Сааремаа, вместо прежних одноцветных, — в поперечную полоску. Как мужчины, так и женщины стали повсеместно носить более короткую верхнюю одежду. Былые местные различия постепенно отступали перед новыми формами одежды. Эти формы не были более связаны с одним определенным районом, а имели широкое распространение. Значительные различия в одежде, особенно женской, сохранились, главным образом, между северной, южной и западной Эстонией и островами. Вместо растительных красок, изготовлявшихся на дому, для окраски материй стали широко применяться первые покупные краски — синяя и черная. Одежда все больше дополнялась покупными предметами (хлопчатобумажные и шелковые нитки, ленты и тесемки, кружева, пуговицы и т. д.).

Значительно расширилось в XIX веке крестьянское домашнее ремесло. В некоторых местах стали обжигать известь, гнать смолу. В Авинурме и на Хийумаа росло производство деревянной посуды и утвари на продажу.

В рыболовстве значительную роль играли русские рыбаки; они артелями ловили рыбу вдоль морского побережья и во внутренних водах Эстонии. Теперь и в Эстонии стали применяться различные крупные рыболовные снасти, например, глубоководные невода и невод для ловли камбалы. С проникновением капитализма в рыболовный промысел в Эстонии стала развиваться рыбная промышленность. В 1831 году русские купцы основали в Таллине первый консервный завод.

Расслоение крестьянства. В первой половине XIX века происходило интенсивное первоначальное накопление капитала, отделение непосредственных производителей от средств производства, которые сосредотачивались в руках небольшого круга лиц и превращались в капитал. Существенным этапом в этом процессе было «освобождение» крестьян без земли. Все источники того времени отмечают быстрое обнищание эстонского крестьянства после реформ. Многие крестьяне, лишившись последнего скота

и орудий труда, утратили всякую возможность арендовать землю. Так, в районе Пыльтсамаа с 1816 по 1850 год около трети всех дворохозяев лишились своих хозяйств. За один только 1846 год в Лифляндии вынуждены были покинуть свои хозяйства 640 крестьянских семей, что составляло 2,3 процента общего количества крестьянских дворов в губернии.

С развитием капитализма в деревне усилилось расслоение крестьянства. Из массы крестьян стали выделяться отдельные крупные арендаторы, мельники, скупщики, спекулянты и трактирщики. Деревенская беднота попадала в материальную зависимость от них, нищала и разорялась. Разорившиеся арендаторы пополняли армию безземельных крестьян.

Расслоение крестьянства в середине XIX века характеризуется по Эстляндской губернии следующими данными: из 16 752 крестьянских хозяйств по 8—9 тягловых дней в неделю выполняли только 20 хозяйств, 6 тягловых дней — 3 387, 3—5 тягловых дней — 10 220 и 1—2 тягловых дня — 3 125 хозяйств. В этих хозяйствах в 1850 году проживало 114 649 человек, в число которых входило до 30 тысяч батраков. Кроме них было еще 122 490 бобылей. Из этого вытекает, что безземельные батраки и бобыли составляли уже свыше 64 процентов сельского населения Эстляндии.

Ухудшилось положение батраков и других наемных рабочих. Как в имениях, так и в крупных крестьянских хозяйствах от них стали требовать все более напряженного труда. Батраков и батрачек старались нанимать только на лето, на сезон полевых работ. Вследствие изобилия рабочей силы оплата труда была крайне низкой. В широко распространенной в то время в Эстонии батрацкой песне поется:

Снег ли с неба валится,
Град ли с неба падает,
Дождь ли льет как из ведра,
На работе будь с утра...
Все равно, хоть надорвешься,
Только ругани дождешься.

Крайне тяжелым было положение бобылей. С увеличением производства картофеля и льна потребность крестьянских хозяйств в рабочих руках возросла. Дворохозяева сажали на окраинные земли большое количество припущенников — бобылей, которые за жалкий клочок земли должны были отрабатывать дни в самую страдную пору. Таким образом, для отдельных крестьян эксплуатация батраков и бобылей стала основным источником обогащения. Наряду с помещиком такой крестьянин властвовал над безземельными также в качестве волостного старшины и волостного судьи. Крестьянину-дворохозяину в официальном порядке предоставлялось и право домашней расправы над батраками.

Развитие промышленности. В первой половине XIX века в городах отмечается упадок цехового ремесла, разло-

жение цеховой системы и рост мелкого товарного производства. Некоторые владельцы цеховых мастерских превратились в капиталистических предпринимателей. Многие ремесленники разорились и превратились в наемных рабочих. Вследствие развития капиталистических предприятий разорились, например, цеха дубильщиков и ткачей. Шире распространялось мелкое товарное производство и в деревне.

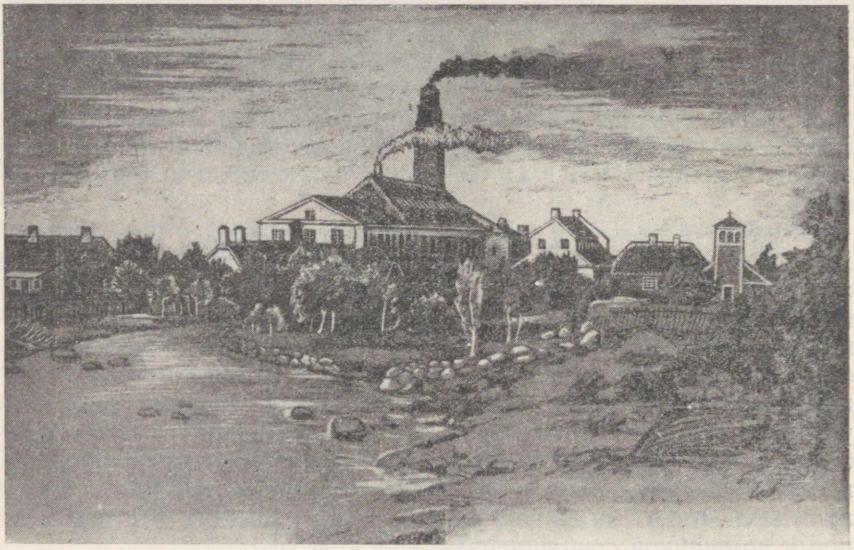
В первой четверти XIX века отмечалось значительное оживление местной мануфактурной промышленности. Однако господствовали по-прежнему мелкие предприятия; многие мануфактуры существовали лишь короткое время. Главным образом из-за отсталой техники они не могли противостоять растущей на рынке конкуренции и разорялись. Наиболее крупным устойчивым предприятием была зеркально-стекольная мануфактура в Рыйка-Мелески. Наряду со стекольной, зеркальной и писчебумажной промышленностью в конце XVIII века возникает и текстильная промышленность.

Поворот в развитии промышленности наметился в конце двадцатых годов XIX века. Начали возникать крупные предприятия с паровыми двигателями, где производство было уже массовым и где было сосредоточено большое количество рабочих. Возникновению и развитию крупной промышленности в Эстонии способствовало увеличение емкости русского внутреннего рынка. Развитие промышленности в Эстонии свидетельствовало также об усилении экономических связей между внутренней Россией и прибалтийскими губерниями: крупные предприятия здесь основывали, в первую очередь, петербургские, московские и рижские купцы и промышленники, тогда как удельный вес капитала местных купцов и помещиков сокращался.

По объему продукции, количеству рабочих и применению машинной техники самой развитой отраслью промышленности в 30-х годах XIX века стала текстильная промышленность. Был основан ряд крупных суконных фабрик. Нарвская суконная мануфактура превратилась уже в 20-е годы в крупное предприятие. В 1845 году, когда предприятие перешло в руки петербургского промышленника и финансового магната А. Штиглица, оно было значительно расширено. В 1829 году была основана суконная фабрика в Кярдла, в 1832 году в Синди, в 1839 году в Тарту. На Нарвской суконной фабрике работало до 700, а на Синдиской временами до 1300 рабочих. На суконных фабриках стали применять разного рода машины, начиная от чесальных и прядильных машин до различных приспособлений для стрижки, бастования и декатирования ткани. Применение машин и использование наемной рабочей силы значительно повысили производительность труда. Так, на фабрике в Кярдла, где в 1845 году работало 460 человек и вырабатывалось около 45 000 м сукна в год, производительность труда была в два раза выше, чем на крепостной суконной мануфактуре, работавшей в начале века в Вирумаа. При расположен-

ных в сельской местности фабриках, например, в Кярдла и Синди, выросли рабочие поселки.

Превращение Нарвы в середине XIX века в промышленный город связано с развитием текстильной промышленности. В 1851 году в Нарве была основана льнопрядильная фабрика (более 500 рабочих), а в 1857 году — хлопчатобумажная прядильная и ткацкая фабрика — Кренгольмская мануфактура. Эти фабрики были целиком оборудованы новейшей для того времени техникой.



Хийу-Кярдлаская суконная фабрика (по рисунку XIX века).

В Эстонии, таким образом, переход от ремесленной мануфактуры к фабрике, использующей машинную технику и энергию пара, произошел в первую очередь в текстильной промышленности.

В середине XIX века произошел переход от мануфактуры к фабрике и в бумажной промышленности. Ряпинаская крепостная бумажная мануфактура во второй четверти XIX века, вместе с переходом от прежнего помещика-предпринимателя в руки купца Доната, превратилась в капиталистическое предприятие. Донат закончил также перестройку бумажной фабрики у озера Юлемисте. Фабрика была пущена в ход в 1839 году. Для изготовления бумажной массы здесь с самого начала применялись паровые двигатели, хотя массу из кадок доставали первоначально вручную. Наряду с бумагой и картоном на фабрике впервые в России стали изготовлять толь. Непрерывно растущий спрос на бумагу явился причиной того, что в 1843 году здесь перешли на ма-

шинное производство бумаги. На фабрике работало свыше ста рабочих.

В стекольной промышленности продолжал господствовать ручной труд, хотя и здесь стали вводиться технические усовершенствования. Новые стекольные предприятия были основаны в Лелле-Эйдапере (в 1816 году) и в Вяндра (в 1822 году). Расширилась стекольная мануфактура в Рыйка-Мелески, где в середине столетия работало до 400 рабочих. Здесь начали применять паровые машины. Рост стекольной промышленности обусловливался растущим спросом на оконное стекло, бутылки и зеркала.

В 1838 году в Таллине возникла спичечная мануфактура. Для Эстонии это была новая отрасль промышленности. Однако здесь полностью господствовал ручной труд. В том же году в Нарва-Йыэсуу стала работать первая лесопильня с паровым двигателем.

В 1842 году в Таллине было начато производство земледельческих орудий — плугов, борон и пр.

На предприятиях, где применялись паровые машины, работало в конце 40-х годов XIX века 85,8 процента всех рабочих; эти предприятия давали 94,1 процента всей промышленной продукции. Таким образом, технический переворот в главных отраслях здешней промышленности к тому времени в основном уже совершился.

Положение промышленных рабочих. До «освобождения» крестьян крепостные составляли еще $^1/_6$—$^1/_5$ часть промышленных рабочих Эстонии. Во второй четверти века в промышленности Эстонии работали только вольнонаемные рабочие. Началось формирование промышленного пролетариата.

Все больше безземельных эстонских крестьян, не находя уже в деревне средств к существованию, уходило в промышленность. Много работало здесь также русских рабочих и оброчных крестьян, которые нередко являлись специалистами (например, в бумажной промышленности). Часть рабочих составляли прежние ремесленники, но их было немного. Число промышленных рабочих непрерывно возрастало, увеличиваясь в основном во второй четверти века на фабриках, в то время как число рабочих на мануфактурах падало. Это видно из следующих данных о числе рабочих по годам.

	1804 г.	1822 г.	1836 г.	1842 г.	1848 г.
На мануфактурах	759	1092	650	396	517
На фабриках	—	—	1500	2835	3121

Во второй четверти столетия усилилась концентрация производства. В первой четверти столетия существовало только 2 предприятия с числом рабочих более 100, к 1848 году количество подобных предприятий возросло до 8; на этих предприятиях работало 89,4 процента всех промышленных рабочих.

Промышленные рабочие подвергались жестокой эксплуатации. Жили рабочие в нечеловеческих условиях. Широко применялся, особенно в текстильной, бумажной и спичечной промышленности, женский и детский труд, который оплачивался крайне низко. Так,

например, на Ряпинаской бумажной фабрике в 1836 году дети составляли 41 процент рабочих. На Юлемистеской бумажной фабрике в 1839 году работало 59 мужчин, 19 женщин и 24 малолетних.

Не было никакого закона, который нормировал бы рабочее время рабочих и охранял их здоровье. Рабочий день начинался рано утром и кончался поздно вечером, продолжаясь в среднем 14—15 часов. На более крупных предприятиях (в Кярдла, Синди, Рыйка-Мелески) стали практиковать и ночную работу, чтобы дорогие машины не стояли в бездействии. На предприятиях царил произвол фабрикантов и мастеров, рабочие подвергались побоям. Под любым предлогом рабочего могли прогнать, не уплатив ему даже заработанного. В Кярдла и Рыйка-Мелески зарплату рабочим выплачивали особыми фабричными деньгами, купить товары на которые можно было только в фабричной лавке. Изнурительная работа, нездоровые условия жизни и труда, недоедание, жалкий заработок — таков был удел рабочих. На их труде обогащалась горстка капиталистов.

Выступления рабочих жестоко подавлялись. В 1835 году на зеркально-стекольной мануфактуре в Рыйка-Мелески был введен судебно-полицейский устав, который запрещал сходки рабочих. Рабочим было запрещено также требовать повышения заработной платы. За «упрямство» и «непослушание» рабочих, согласно уставу, штрафовали. В несколько переработанном и дополненном виде этот устав пытались применять во всех прибалтийских губерниях.

В 1839 году на фабрике в Синди забастовали немецкие квалифицированные рабочие, но эта забастовка была быстро подавлена.

Рабочие не были еще подготовлены к решительной борьбе против чудовищного гнета и эксплуатации. Предприятия были главным образом мелкие, к тому же они были разбросаны по всему краю. Большинство рабочих состояло из вчерашних крепостных крестьян, не осознавших еще своего нового положения и своей растущей силы.

Быстрому развитию промышленности мешали остатки крепостничества, недостаточное накопление капиталов, сравнительная узость внутреннего рынка, политическая реакция. Эти причины задерживали также формирование рабочего класса. Промышленный пролетариат — единственно последовательная революционная сила — сложился в России в период промышленного капитализма, во второй половине XIX века.

Города и торговля. Усилившееся расслоение крестьянства, рост товарности сельского хозяйства и развитие промышленности свидетельствовали о неуклонном расширении внутреннего рынка. Быстро росли в Эстонии экономические и культурные центры — Таллин, Тарту и Пярну. Это подтверждают следующие данные о численности населения (без военнослужащих):

	1782/83 г.	1816 г.	1835 г.	1855 г.
Таллин	10653	11983	15287	27905
Тарту	3421	7376	10802	12702
Пярну	1954	3408	4311	5661

В мелких городах Эстонии, которые непрерывно росли до 1835 года, в течение двух следующих десятилетий, напротив, отмечается значительное сокращение населения. Только к концу 50-х годов население мелких городов стало снова увеличиваться. В целом же городское население Эстонии за период с 1820 по 1860 год почти удвоилось, достигнув 8,5 процента общей численности населения. Население, не занятое сельским хозяйством или занятое им только частично, росло помимо городов также в поселках и деревнях.

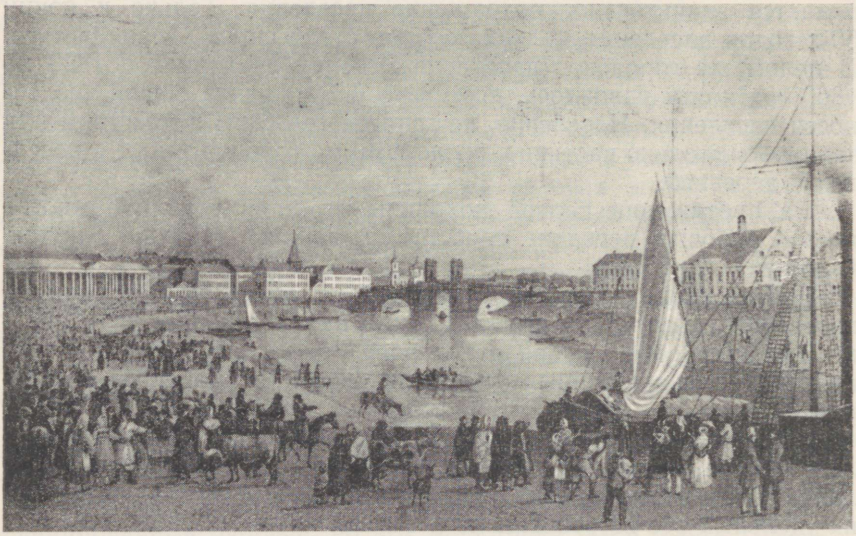
На протяжении первой половины столетия возникли многие новые рабочие поселки, слободы и посады (Йыхви, Кярдла, Синди).

Города росли прежде всего за счет эстонцев, доля которых в населении городов, после уменьшения на протяжении двух предшествующих веков, снова стала возрастать. Если в первой четверти XIX века эстонцы составляли около 35 процентов населения Таллина и Тарту, то в середине столетия — уже свыше 40 процентов. Более широкое развитие промышленности приводило к изменению социального состава городского населения — количество простых рабочих непрерывно увеличивалось, возрастал их удельный вес по отношению к остальному населению.

Власть в городах оставалась по-прежнему в руках узкой прослойки крупных немецких купцов, которые заботились о благополучии только богатых горожан. Увеличивающееся налоговое бремя взваливалось на ремесленников и простых рабочих, которые страдали также от растущей дороговизны. Например, цены на хлебные и мясные продукты поднялись за столетие (к середине XIX века) в 1,5—3 раза.

В результате развития товарно-денежных отношений запрет на сельскую торговлю был отменен уже в 1810 году. Это способствовало развитию внутренней торговли и было на руку зажиточным крестьянам. В торговле большую роль играли в то время ярмарки. Из них важнейшей была по-прежнему Тартуская, обороты которой росли до 1861 года. Сюда приезжало много купцов из Риги, Петербурга, Москвы, Таллина, Пскова и других мест. Большую роль играли также странствующие торговцы, скупавшие у крестьян скот, лен и зерно. Странствующий щетинник или коробейник был типичным для того времени мелким торговцем на селе. Он продавал крестьянам и обменивал на щетину различные изделия русской кустарной и мануфактурной промышленности: иголки, нитки, хлопчатобумажную пряжу, пуговицы, ленты, ук-

рашения, лекарства. Через коробейников эстонцы узнали китайский чай. Следует отметить, что через них среди эстонцев распространились и предметы русского народного искусства. Коробейниками обычно были мелкие русские торговцы из ближних, а иногда и более дальних (Тульской, Владимирской и Московской) губерний. Значительную роль во внутренней торговле играли также русские рыбаки, которые продавали местным рыбакам и крестьянам сети и снасти, кожаные сапоги, рукавицы и фартуки.



Литография Г. Ф. Шлатера.

Крестьянская ярмарка в Тарту в середине XIX века.

Пунктами оживленной торговли служили в те времена трактиры (корчмы), которых в середине XIX века в одной только южной Эстонии насчитывалось около 1340. Содержание трактиров было монополией помещиков, сдававших их в аренду трактирщикам. Трактирщики были в те времена и деревенскими ростовщиками.

Наряду с внутренней торговлей важное место в экономике Эстонии занимала внешняя торговля. Через Пярну, Таллин и Нарву за границу вывозилось значительное количество зерна, льна, льняного семени и древесины. Часть вывозимых товаров доставлялась, особенно в Нарву и Пярну, из Псковской и Новгородской губерний. В связи с развитием промышленности торговый оборот Нарвы несколько увеличился. Если в 1827—1836 годах в Нарву прибывало в среднем за год 79 иностранных кораблей, то в следующем десятилетии уже 113. Пярну до 70-х годов XIX века являлся крупнейшей в Эстонии экспортной гаванью.

Внешняя же торговля через Таллин в XIX веке, до открытия Балтийской железной дороги в 1870 году, не показывала никакого роста. В то время как в целом оборот внешней торговли России за первые шестьдесят лет XIX века вырос почти в 3,5 раза, внешнеторговый оборот Таллина оставался почти неизменным и колебался в пределах от 1 до 1,5 миллиона рублей. Вследствие этого удельный вес таллинской гавани во внешней торговле России непрерывно сокращался, снизившись до 0,4 процента. Развитию таллинской торговли мешало отсутствие удобных путей сообщения для подвоза массовых товаров из внутренних губерний России. Планы соединения Таллина с Чудским озером посредством канала так и не были осуществлены. Важное место в товарообороте Таллина по-прежнему занимала Финляндия.

Вследствие развития товарного сельского хозяйства и промышленности все больше внимания стало уделяться улучшению средств передвижения, ремонту и строительству дорог. В 40-х годах XIX века в Эстонии (на озере Выртсъярв и на реке Эмайыги) появились первые речные пароходы.

Формирование буржуазии. В рассматриваемый период число купцов и предпринимателей в городах значительно возросло. На селе стало увеличиваться число торговцев, скупщиков и корчмарей, вышедших из среды крестьян. Торговля в городах оставалась монополией купцов, объединенных в гильдиях. Немецкие купцы, пользуясь своими привилегиями, стремились всячески оградить себя от конкуренции сельских торговцев и русских купцов.

В формировании промышленной буржуазии существенную роль сыграли купцы, которые стали вкладывать свои накопленные путем внутренней и внешней торговлей капиталы в промышленные предприятия. Таким предпринимателем был, например, владелец зеркально-стекольной мануфактуры в Рыйка-Мелески, богатый петербургский купец Амелунг. Отдельные предприниматели и владельцы недвижимого имущества выдвинулись и из среды эстонских ремесленников и даже крестьян (например, владелец фортепианного магазина в Таллине Х. Фальк, владелец бумажной мельницы в Кл оога К. Верревсон). Большинство предпринимателей эстонского происхождения позднее онемечилось. Основным источником, питавшим складывающуюся эстонскую национальную городскую буржуазию, являлись торговля, содержание питейных заведений, сдача в аренду домов на окраинах городов и извозный промысел.

Господствующие позиции в торговле и промышленности находились в руках остзейских немцев. У формировавшейся немецкой городской буржуазии были некоторые противоречия с классом помещиков, в руках которого находилась монополия на владение землей и управление губернией. Но в еще большей степени немецкая буржуазия была заинтересована в сохранении различных своих привилегий, а их можно было сохранить, только опираясь

на дворянство. Экономическое и политическое господство немецкого меньшинства в городах было тесно связано с прибалтийским особым порядком, здесь интересы буржуазии и дворянства полностью совпадали.

§ 6. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В 40-х ГОДАХ XIX ВЕКА И НОВЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ЗАКОНЫ

Массовое движение крестьян в 40-х годах. Крестьянское движение в России против феодально-крепостнического строя в первой половине XIX века непрерывно росло. Особенно обострилось оно в 40-х годах. В 40-е годы произошло 351 волнение (за предыдущее десятилетие — 143). Наряду с ростом волнений широкий размах приняло бегство крестьян в места, где, по слухам, можно было получить землю. Только с помощью вооруженной силы удалось подавить волнения и приостановить массовое бегство крестьян.

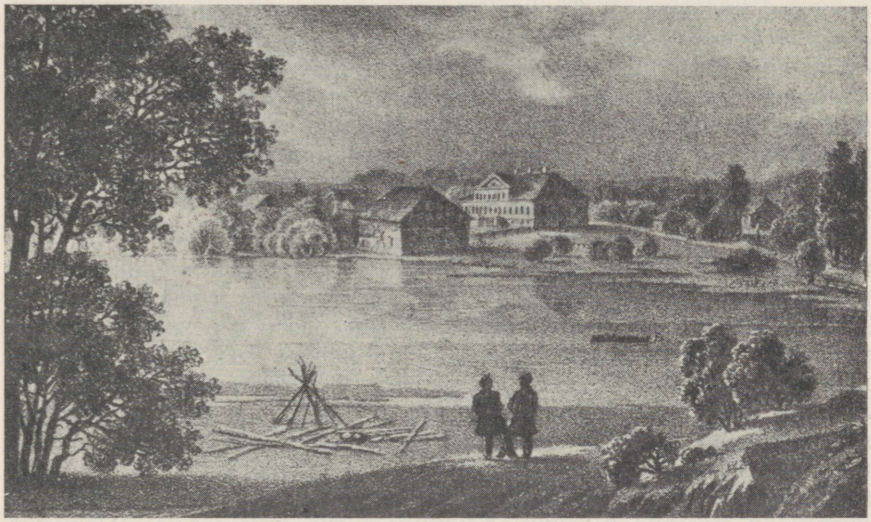
Широкое движение крестьян в Лифляндии в 40-е годы являлось составной частью борьбы крестьянства в России. Хотя эстонские и латышские крестьяне были уже «освобождены», они оставались без земли и под властью помещика. Выход из волостной общины был крайне затруднен, переезд в другие губернии фактически невозможен. Нищета крестьян росла из года в год. Это была вынуждена признать даже прибалтийско-немецкая печать. Бóльшая часть крестьян не имела возможности арендовать землю даже на самых кабальных условиях. Все обостряющиеся общественно-экономические противоречия и явились основой массового движения эстонского и латышского крестьянства в 40-х годах XIX века. Борьба крестьян за землю и против помещичьей кабалы являлась мощной движущей силой общественного развития, она была одним из важнейших факторов, заставлявших помещиков отказываться от отработочной системы.

Неизбежным спутником этой системы были частые недороды, голод и эпидемии. Очередной неурожай постиг Прибалтику в 1840 году. Латышские и эстонские крестьяне надеялись, что, получив землю, они избавятся от голода и нищеты. В 1841 году разнеслась молва, будто бы в «теплых краях» — на юге России — бесплатно раздают землю. Началось массовое паломничество крестьян Латвии и южной Эстонии в Ригу, чтобы «записаться» в губернском правлении на получение земли. Помещики опасались, что они останутся без дешевой рабочей силы, поэтому местные власти стали подвергать «виновных» порке и отправлять их по этапу обратно в волость, стремясь таким образом устрашить крестьян и подавить движение.

Крестьяне во время своих хождений в Ригу столкнулись с епископом православной церкви Иринархом. При наивной вере крестьян в «доброго царя» среди них распространился слух, будто

епископ является единственным подлинным представителем царя и что те крестьяне, которые запишутся у епископа и перейдут в «царскую веру» (православие), получат землю и прочие льготы. В августе и сентябре это движение во многих местах переросло в открытое сопротивление эстонских и латышских крестьян властям. Особенно значительные волнения вспыхнули в Цесисском уезде.

В пределах Эстонии наиболее серьезные события в 1841 году произошли в Пюхаярве; они известны в народе под названием



Литография Г. Ф. Шлатера.

Имение Пюхаярве

«Войны в Пюхаярве». Для подавления крестьянского движения в имение Пюхаярве была прислана рота пехотинцев (150 человек), которая по распоряжению орднунгсрихтера должна была арестовать и наказать наиболее активных крестьян. Пюхаярвеские крестьяне решили помешать этому. Они вооружились дубинами и обратились за помощью в соседние волости. Вожаком их был отставной солдат Яан (Иохан Михель). Из Арула и Палупере на помощь явилось несколько крестьян. 8 сентября орднунгсрихтер попытался с помощью солдат схватить крестьян в лесу и доставить их в имение, однако это ему не удалось. Крестьяне освободили своего товарища, схваченного солдатами. Наконец, собрав свои силы, крестьяне двинулись на имение. Орднунгсрихтер с ротой солдат вышел им навстречу, крестьяне, видя явное военное превосходство солдат, снова скрылись в лесу.

В этот и на следующий день было арестовано 38 человек, двоих же разыскиваемых так и не удалось схватить. Военный суд

приговорил 30 крестьян к жестокому наказанию — их должны были прогнать сквозь строй пятисот солдат, кроме того, часть из них отправлялась в Сибирь или отдавалась в рекруты. Среди осужденных крестьян было 10 дворохозяев, 1 брат дворохозяина, 18 батраков и 1 отставной солдат. Это показывает, что против помещика крестьяне выступали еще как единый класс. Для устрашения помещики принудили крестьян охваченных волнениями волостей Тартуского, Выруского и Вильяндиского уездов присутствовать на экзекуции. В Лифляндию было прислано большое количество войск, их расквартировали по крестьянским дворам до следующего лета. В Тарту, Валга и Риге действовали военные суды. Несмотря на жестокую расправу, среди тартумаских крестьян еще в конце 1841 года производилась запись на получение «даровой земли». Среди арестованных и сосланных по подозрению «в подстрекательстве» были и русские коробейники, от которых эстонские крестьяне узнавали всевозможные новости. Жестокий террор царского правительства и помещиков в конце концов заставил крестьян на время смириться.

В 1845 году движение, однако, вспыхнуло с новой силой. Непосредственным толчком к волнениям послужил неурожай, повторявшийся несколько лет подряд, падеж скота и усиление голода. Протест крестьян принял форму массового перехода из лютеранства в православие. Причиной движения было безземелье и жестокий помещичий гнет; религиозная форма движения обусловливалась исторической обстановкой того времени. Царские власти вместе с православной церковью попытались использовать в своих целях проявившуюся в массовом стихийном движении народа наивную веру в то, будто царь хочет улучшить положение крестьянства, и поощряли переход крестьян в православие. Царское правительство считало, что православие будет способствовать укреплению самодержавия и борьбе против революционного движения в России.

В наивной надежде на получение земли и избавление от произвола немецких помещиков крестьяне Латвии и южной Эстонии стали массами переходить в «царскую», или «государственную веру», как они называли православие. Если в 1841 году наблюдалось массовое стихийное стремление крестьян получить землю главным образом «на юге», то начиная с 1845 года ярко проявилась тяга к получению земли на месте в качестве «душевого надела». Эстонские крестьяне ошибочно полагали, что если они по примеру русских крестьян получат душевой надел, то тем самым они будут избавлены от нищеты. По своему существу требование «душевого надела» означало в то время требование раздела помещичьих земель между крестьянами. Сааремаская ландратская коллегия отмечала, что среди крестьян, помимо стремления избавиться от всех помещичьих повинностей, возникают также «идеи коммунистического раздела земли». Особенно заметную роль играли в движении бобыли, батраки и малоземельные, которые

страдали не только от помещичьего гнета, но и от гнета зажиточных крестьян-арендаторов. Последние тоже мечтали о получении свободной от феодальных повинностей земли, но хотели добиться этого главным образом путем покупки усадеб.

Так в движении отражалось расслоение крестьянства Эстонии и зарождение в деревне противоречий, которые помещики и пасторы умело использовали в своих интересах.

Немецкие помещики и лютеранские пасторы, опасаясь, что переход крестьянства в православие подорвет их влияние, повели злобную клеветническую агитацию как в народе, так и в правительственных кругах. Они всячески старались представить себя в глазах народа благодетелями. Помещики и пасторы стремились также разжечь вражду между зажиточными крестьянами и массой бедняков. Крестьян, переменивших веру, преследовали. Помещики выселяли их из усадеб. Пасторы запрещали хоронить их на лютеранских кладбищах. В глазах же представителей власти помещики и пасторы выставляли движение за перемену веры как результат подстрекательства извне и требовали еще более решительных мер принуждения.

Однако в 1846 году движение вновь усилилось, особенно в Пярнуском уезде и на Сааремаа, где оно приняло весьма широкие размеры. Во многих местах крестьяне отказались выполнять отработки. Снова в очаги волнений стали отправлять воинские части. Массовое движение стихло в 1848 году. Народные массы разочаровались в своих надеждах. Теперь и правительство со своей стороны стремилось ликвидировать движение, так как было напугано вспыхнувшей в Западной Европе революцией. К этому времени 17 процентов южноэстонских крестьян перешло в православную веру. Это были главным образом безземельные бобыли и батраки. Больше всего крестьян перешло в православие в Пярнуском уезде (27,7 процента) и на Сааремаа (29,8 процента).

Несмотря на то, что движение имело религиозную форму, оно по своей сущности было борьбой эстонского и латышского крестьянства за землю, борьбой против власти помещиков и пасторов. Оно не освободило эстонских крестьян от духовного рабства, но все же способствовало дальнейшему падению влияния немецких пасторов. Движение эстонских и латышских крестьян оказало глубокое влияние на формирование взглядов демократических общественных деятелей Эстонии.

Общественно-политическое движение. В конце 30-х годов началась многообразная общественная и литературная деятельность эстонских просветителей-демократов Ф. Р. Фельмана и Ф. Р. Крейцвальда. Оба они были выходцами из крестьян. Сказки и народные песни, слышанные ими в раннем детстве, пробудили в них любовь к народной поэзии и живой интерес к быту, труду и борьбе народа. Фельман и Крейцвальд были одними из немногих эстонцев, которые в первой половине XIX века смогли получить высшее образование. Они окончили медицинский фа-

культет Тартуского университета. Нужно отметить, что уже в университете вокруг Фельмана образовался кружок эстонских прогрессивных интеллигентов. Хотя Фельман работал в Тарту, а Крейцвальд, начиная с 1833 года, в Выру, их связывали крепкая дружба и сотрудничество.

Фельман остро критиковал господствовавший в Прибалтике строй и требовал улучшения невыносимого положения крестьянства. Он показывал, что немецкие захватчики принесли эстонскому народу не культуру, как это лживо утверждали реакционеры-крепостники, а рабство и духовное невежество под личиной христианства, за что и должны нести ответственность. Прибалтийские бароны пытались изобразить Фельмана подстрекателем эстонских крестьян в движении 40-х годов.

Ф. Р. Фельман.

Хотя о положении крестьян писать запрещалось, Крейцвальд в 40-х годах сделал попытку использовать печатное слово, чтобы выступить против несправедливости и гнета, в защиту порабощенных крестьян. Его статьи кромсались редакторами и цензурой, однако и в таком виде они все же вызывали огромное недовольство среди дворян. Как писал позже сам Крейцвальд, ему «несколько раз настоятельно рекомендовали бросить подобные писания, потому что гнев дворян, мол, настолько велик, что они сделают все для того, чтобы изгнать его на восток и тем самым обезвредить». Крейцвальд называл сословный прибалтийский особый порядок бедствием страны и стоял на той точке зрения, что только представители, избранные самими крестьянами, в состоянии отстаивать их права и интересы в судах и учреждениях.

Фельман и Крейцвальд глубоко любили свой народ и искренне желали служить его интересам. Они ненавидели крепостничество, прибалтийских баронов и церковь, насаждавшую в народе невежество. Однако они не были в состоянии понять необходимости революционной борьбы за уничтожение старого строя. Несмотря на это их деятельность имела большое прогрессивное значение в развитии общественно-политической мысли в Эстонии.

В это время в России, в том числе и в Эстонии, распростра-

нялись идеи утопического социализма. Губернский чиновник в Таллине К. Тимковский в конце 40-х годов принимал активное участие в деятельности кружка М. В. Петрашевского в Петербурге. Связанный с этим кружком русский писатель Ф. М. Достоевский несколько раз бывал в Таллине. Тимковский организовал в Таллине два кружка, прежде всего для изучения фурьеризма. Однако его взгляды не ограничивались утопическим социализмом, а развивались в революционном направлении. Вместе с Н. А. Спешневым он сговорился принять участие в восстании против царского правительства. Восстание они представляли себе как массовую крестьянскую революцию. Весной 1849 года одновременно с другими петрашевцами был арестован и Тимковский.

Жандармские власти выслали из Таллина и Тарту нескольких интеллигентов, заподозренных в личных связях с участниками революции 1848 года во Франции и Германии и в распространении революционных идей.

Крестьянские законы 1849 и 1856 годов. Массовое движение крестьян в 40-х годах заставило помещиков и царское правительство приступить к выработке новых законов. Они понимали, что лучше осуществить преобразования сверху, чем ждать, пока крестьяне сами пробьют им дорогу снизу. Порожденная капитализмом конкуренция и зависимость помещика от рынка делали необходимым повышение производительности труда и обновление техники в имениях, что было возможно только с переходом от отработочной системы к капиталистическим формам эксплуатации. Так называемые либеральные помещики требовали отказа от барщины, перехода к денежной аренде и продаже крестьянам хуторов. Это отвечало интересам помещиков, превращавшихся в капиталистических предпринимателей и переходивших на использование наемного труда. Для этого помещикам необходим был капитал, который они стремились получить, переводя крестьян на денежную аренду и продавая хутора. Развитие капиталистических отношений в деревне сделало это не только возможным, но и неизбежным. Помещики, если они хотели сохранить свое господство, должны были содействовать экономическому развитию зажиточных крестьян. Таким путем помещики имели возможность приобрести в лице зажиточных арендаторов и дворохозяев своего классового союзника в борьбе против революционных масс беднейшего крестьянства, которые, мечтая о душевом наделе, тем самым выдвигали требование о разделе земли.

Соответствующие крестьянские законы были утверждены царем для Лифляндии в 1849 году (и почти в том же виде снова в 1860 году), для Эстляндии — в 1856 году, для Сааремаа — в 1865 году. Все эти три крестьянских закона с некоторыми позднейшими изменениями и дополнениями оставались в силе вплоть до Октябрьской революции 1917 года и были вновь введены в

действие эстонским буржуазным временным правительством в ноябре 1918 года и частично сохранили силу вплоть до 1940 года.

Владельцем всей земли по-прежнему считался помещик, однако так называемую ваковую землю в Лифляндии и крестьянскую арендную землю в Эстляндии помещик мог только сдавать в аренду или продавать крестьянам, присоединять же ее к имению запрещалось. От крестьянской земли в Лифляндии отделялась примерно пятая часть под названием квотной земли, в Эстляндии — так называемая шестидольная земля. Это очередное ограбление крестьян должно было обеспечить помещика резервом земли и даровой рабочей силой. В то же время перевод крестьянской земли во все более широких масштабах на денежную аренду и продажа крестьянских усадеб должны были дать помещику необходимый капитал для развития капиталистического помещичьего хозяйства.

Законы, которые содействовали появлению и усилению капиталистических арендаторов и крестьян-собственников, в отношении безземельных предусматривали драконовские меры. Новые законы были направлены также на то, чтобы заставить бобылей идти батраками в крестьянские усадьбы или в имения. С этой целью в Лифляндии крестьянам-арендаторам запрещалось выделять землю бобылям и определялись минимальные размеры крестьянских усадеб. Тот, кто не находил работы, объявлялся бродягой и в принудительном порядке посылался на работу в волость, в имение или на фабрику. Так в интересах помещиков и формирующейся деревенской буржуазии осуществлялась беспощадная эксплуатация неимущего крестьянства.

Помещики сохранили монополию на владение имениями и различные старые дворянские привилегии: имения не облагались налогами, право на содержание трактиров оставалось монополией помещиков и т. д.

Новые крестьянские законы явились результатом развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве. С помощью этих законов помещики стремились достигнуть того, чтобы неизбежный переход к капитализму происходил для них безболезненно, иными словами, чтобы этот переход был осуществлен за счет крестьянских масс. Развитие капитализма в Эстонии шло по прусскому пути, с сохранением многих пережитков феодально-крепостнического строя.

Отголоски Крымской войны в Эстонии. В 1853 году началась Крымская война — война между царской Россией, с одной стороны, Турцией, Англией и Францией — с другой.

Хотя военные действия происходили главным образом в Крыму, война коснулась также Балтийского моря и эстонского побережья. Англо-французский флот осуществлял блокаду Балтийского моря и летом 1854 и 1855 годов неоднократно совершал нападения на прибрежные районы, в том числе на Таллин, Пярну и Нарву. Но из-за отсутствия у врага сухопутных войск эти на-

падения сводились лишь к демонстрациям и артиллерийскому обстрелу. Побережье и города охранялись русскими сухопутными войсками. Военными действиями на Балтийском море враг пытался задержать переброску расположенных здесь русских войск на юг, а также вовлечь Швецию в войну против России.

Английское правительство, которое стремилось воевать «чужими руками», хотело втянуть в войну также Пруссию и спровоцировать восстание в Польше. По плану английского правительства прусские войска должны были повести наступление на Петербург по суше. Англия обещала щедро одарить союзников землями, отторгнутыми от России. Швеции сулили Аландские острова и Финляндию, Пруссии — прибалтийские губернии. Однако ни Пруссия, ни Швеция не решились выступить против России и сохранили нейтралитет.

Крымская война закончилась в 1856 году Парижским миром. Царская Россия в результате этого мира утратила руководящую роль в международной политике. Поражение царизма в Крымской войне явилось следствием экономической, военной и политической отсталости России. Необходимость отмены крепостного права стала очевидной.

Вместе с другими народами России против англо-французских захватчиков выступил и эстонский народ. Патриотизм эстонцев отразился также в поэзии того времени. Среди народа распространялись песни, выражающие уверенность в победе над врагом.

Англичанин — что за норов! —
Словно боров разозлился,
На суда он нападает.
Разоряет нас и грабит ...
Перья старой рыжей утки
Опалили по-российски.
Скоро утку молодую [1]
Русские орлы ощиплют.

Еще в начале войны, в 1845 году, Ф. Р. Крейцвальд создал поэму «Война». В ней описывается героизм русского и эстонского солдата в Крымской войне, говорится о том, что русские войска защищают также и эстонский народ.

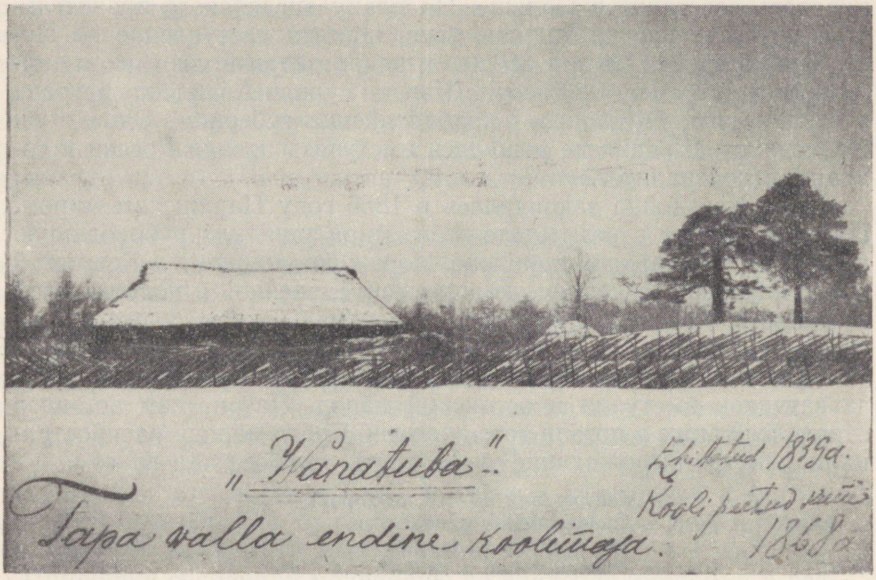
§ 7. КУЛЬТУРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Помещики всеми мерами стремились удержать крестьян в невежестве. Особенно много стараний они приложили к тому, чтобы изолировать эстонский народ от русского народа и его демократической культуры, которая играла выдающуюся роль в развитии эстонской национальной культуры.

---

[1] Непереводимая игра слов: «Punapart» — рыжая (красная) утка — по произношению близко к «Бонапарт» (намек на Отечественную войну 1812 года); «молодая утка» — намек на Наполеона III (Бонапарта).

В то же время серьезным препятствием на пути развития национальной культуры была реакционная политика царского самодержавия. Ревностными проводниками этой политики были остзейские помещики и лютеранские пасторы. В борьбе с этими реакционными силами общественно-политическая и научная мысль постепенно освобождалась от клерикальных пут.



Крестьянская школа в середине XIX века в Тапа.

Для всего периода разложения крепостничества и развития капиталистических отношений характерна острая классовая борьба между прибалтийскими помещиками и эстонским крестьянством. Классовые противоречия одновременно проявлялись и в форме национальных противоречий. Но в то же время происходило расслоение и в самом эстонском крестьянстве, зарождение классовых противоречий между формирующейся деревенской буржуазией и широкими массами крестьянства. Это находит яркое отражение в народном творчестве того времени. Оно говорит о беспощадном угнетении батрака и сироты не только помещиком, но и зажиточными крестьянами, а также разными помещичьими приспешниками — кубьясами и другими надсмотрщиками.

Просвещение и наука. В связи с развитием капиталистических отношений в первой половине XIX века крестьянские массы все больше стали испытывать потребность в школьном образовании. Народные школы, однако, по-прежнему находились под влиянием помещиков и пасторов. Занятия в школе обыкновенно продолжались с 10 ноября по 10 марта и проводились от 2

до 6 дней в неделю. Учеба длилась 1—3 года. Эстонский деятель культуры О. В. Мазинг характеризовал народное училище с его палочной дисциплиной и зубрежкой как «застенок, куда дети втиснуты на целый день». Обучение как в волостных, так и в приходских школах сводилось, главным образом, к зубрежке «закона божьего», что преследовало цель воспитать из крестьян послушных рабов. В волостных школах до середины столетия обучали только чтению, позже — также письму и арифметике. Помещики открыто выступали против «чрезмерного» образования для эстонцев, которое якобы только «портит» их. Развитию народных школ препятствовала также бедность крестьян.

Серьезным толчком к оживлению деятельности народных школ послужило крестьянское движение 40-х годов XIX века. Лифляндские помещики и пасторы, опасавшиеся, что с переходом крестьян в православие последние окажутся вне их идеологического влияния, стали уделять больше внимания лютеранским народным школам. Открылись новые школы, несколько расширился круг предметов преподавания, началось печатание учебников. В южной Эстонии в середине столетия появились и православные приходские школы, в которых учащиеся имели возможность в какой-то мере знакомиться с русской культурой. В южной Эстонии (вместе с Сааремаа) в середине XIX века было около 650 народных училищ, где обучалось до 22 000 человек. 46 600 человек обучалось «на дому». Число корчем в это же время превышало больше чем в два раза число школ. Еще хуже обстояло дело в северной Эстонии. В 1840 году здесь была 91 народная школа с 3127 учащимися, в 1850 году — 162 школы с 4680 учащимися и в 1860 году — 229 школ с 7589 учащимися. В 1860 году в школах обучалось всего только около 15 процентов крестьянских детей школьного возраста.

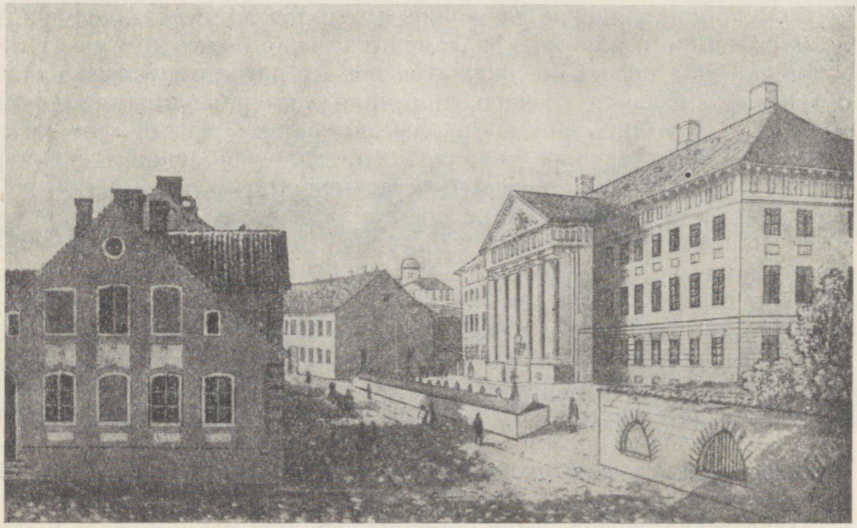
Подготовка учителей для народных училищ до 30-х годов была совершенно не упорядочена. Только в 1837 году была основана соответствующая школа в Атасте (Ярвамаа) и позже также в Ядивере и Кууда (Ляэнемаа). Положение учителей было крайне тяжелым — их жизненный уровень соответствовал жизненному уровню бедняка, вынужденного искать любого приработка.

Введенная в России в 1804 году новая школьная система несколько улучшила положение городских школ и гимназий в Прибалтике. Из эстонцев, однако, в высшие городские школы принимались немногие. Важную роль в распространении народного образования сыграла основанная в 1828 году в Тарту семинария для подготовки учителей начальных школ. В середине столетия оживилась работа и в Валгаской семинарии, руководимой Я. Цимзе; эта семинария готовила учителей для народных школ Эстонии и Латвии.

В целом народное образование в тот период оставалось убогим. В 1834 году в Эстляндии и Лифляндии учащиеся составляли 0,8—0,9 процента общей численности населения, в 1856 году в

Лифляндской губернии — 4,62 процента, а в Эстляндской губернии — всего-навсего 0,56 процента.

В России росла потребность в специалистах с высшим образованием и в ученых. Академия наук и Московский университет в начале XIX века уже не могли удовлетворить эти потребности. Поэтому в различных городах России — в Петербурге, Вильнюсе, Казани, Харькове, — были открыты новые университеты. В 1802 году открылся Тартуский университет, причем он был подчинен непосредственно министерству народного просвещения. Это обеспечивало университет материальными средствами для постройки обширных зданий и создания учебной базы.



Тартуский университет (по рисунку 1821 года).

За несколько десятилетий Тартуский университет сделался одним из крупнейших центров русской науки и высшего образования. Тартуский университет добился значительных успехов в развитии естественных наук и медицины. Здесь получили педагогическую подготовку многие преподаватели гимназий и уездных школ. В Тарту обучалось кроме молодежи из прибалтийских губерний и большое количество студентов из других городов и губерний России. В 1806 году последние составляли 15,9 процента общего количества студентов, а в середине XIX века — примерно одну треть. Из питомцев Тартуского университета в первой половине XIX века 37,7 процента работало за пределами прибалтийских губерний. В 1828—1839 годах при университете работал Профессорский институт, подготовивший ряд выдающихся ученых. В университете работало много ученых с мировым именем — астроном В. Я. Струве, хирург Н. И. Пирогов, физик Б. С. Якоби

и другие. Здесь получили высшее образование также отдельные эстонцы — выходцы из крестьян и городского простолюдья; они добились этого несмотря на неимоверные трудности, стоявшие перед ними (К. Я. Петерсон, Ф. Р. Фельман, Ф. Р. Крейцвальд, Ф. Я. Карелль). В Тартуском университете учились знаменитый армянский писатель и демократ Х. Абовян, латышские прогрессивные деятели К. Биезбардис и Ю. Алунан. Однако в те времена из стремившихся к образованию низов в университет попадали все же лишь одиночки.

В 1838 году по инициативе Фельмана при Тартуском университете было основано Ученое эстонское общество, содействовавшее изучению эстонского языка, собиранию фольклора и археологических материалов, а также изданию литературы. В 1853 году при Университете было создано Общество естествоиспытателей.

Уроженцами Эстонии были славные путешественники и ученые-мореплаватели И. Ф. Крузенштерн, совершивший кругосветное плавание, и Ф. Ф. Беллингсгаузен, который вместе с М. П. Лазаревым открыл Антарктиду. В Эстонии выросли также такие видные ученые, как основатель эмбриологии, крупный естествоиспытатель К. М. Бэр, один из зачинателей сравнительного исторического метода в языкознании, выдающийся русский филолог-славяновед А. Х. Востоков и др.

Фольклор и литература. В развитии культуры эстонского народа ведущая роль по-прежнему принадлежала народной поэзии. В первой половине XIX века наряду с уже существовавшим аллитерированным стихом получила распространение рифмованная народная поэзия. Народная поэзия откликалась на многие события того времени, давая им оценку с позиций угнетенного крестьянства. Народная песня, звучавшая в часы труда, во время отдыха и в праздники, укрепляла веру народа в лучшее будущее, когда власть помещиков и их приспешников будет уничтожена. В связи с дальнейшим расслоением крестьянства в начале столетия стали распространяться так называемые батрацкие песни. В них отражался тяжкий труд батраков в имениях и крестьянских хозяйствах, а также социальный протест против невыносимо тяжелых условий жизни.

В народных мелодиях того времени звучали не покорность и не безнадежность, а боевой дух народа, его непреклонная воля к борьбе.

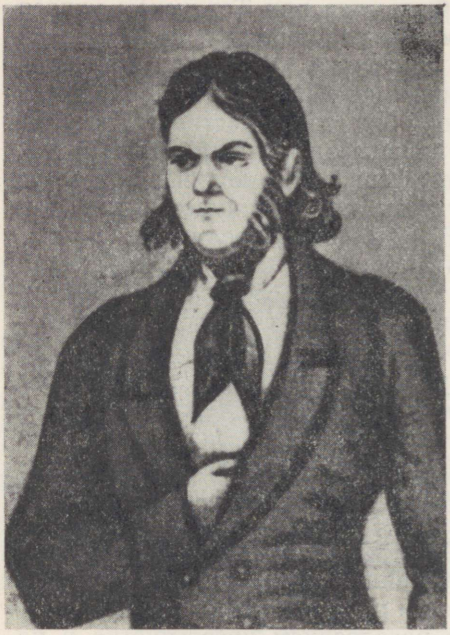
Во время совместной работы и отдыха сказывались бытовые сказки. Особой популярностью пользовались сатирические рассказы и прибаутки, в которых остро высмеивались помещики и пасторы, а также богатые хозяева и хозяйки. В различных пословицах, обрядах и народной медицине собирались опыт и мудрость многих поколений тружеников.

Особенно остро стала бичевать помещиков рифмованная народная песня. Широкую популярность приобрела народная песня «Эстонец и его род», посвященная войне в Пюхаярве в 1841 году.

Эта песня переписывалась и в сотнях экземпляров распространялась по всей стране. В рифмованных народных песнях звучат уже призывы к выступлениям крестьян против помещиков.

Объектом высмеивания в рифмованной народной песне становится и пастор. Народная песня все более проникается антицерковным духом.

В первой половине XIX века эстонская народная поэзия привлекла к себе уже широкое внимание. И. Г. Розенплентер опубликовал в своем журнале на немецком языке «Дополнения к более основательному изучению эстонского языка», издававшемся в 1813—1832 годах, большое количество народных песен, сказаний, пословиц и загадок. Сотрудник Розенплентера А. Кнюпфер усердно собирал народные песни и добился в этой области значительных результатов. Коллекция Кнюпфера, однако, осталась в основном ненапечатанной. Первое собрание эстонских народных песен опубликовал в 1850—1852 гг. А. Г. Нейс.



К. Я. Петерсон.

Первым, кто широко использовал в своем художественном творчестве стихотворную форму народной песни, был К. Я. Петерсон.

Огромное значение народного творчества для развития национальной культуры и борьбы против феодализма хорошо понимали эстонские демократы-просветители Ф. Р. Фельман и Ф. Р. Крейцвальд. В 1839 году Фельман выступил на заседании Ученого эстонского общества с докладом «Сказание о Калевипоэге», где, опираясь на собранные предания, набросал план эпоса. В изданиях Общества Фельман опубликовал свои сказания на мифологические сюжеты («Рождение Эмайыги», «Как языки народы получали», «Песнь Ванемуйне», «Заря и Сумерки» и др.).

Ф. Р. Крейцвальд, еще будучи студентом, начал собирать народные песни; эту работу он продолжал и в последующие годы. В 1843 году в первом выпуске альбома «Сипельгас» («Муравей») Крейцвальд опубликовал первое обращение к народу с призывом собирать фольклорный материал. Фельман и Крейцвальд поло-

жили начало систематическому собиранию и публикации эстонского народного творчества.

В области эстонского литературного языка и литературы в середине XIX века произошел большой перелом. В эстонский литературный язык все больше входила разговорная народная речь. Немало сделали для этого Фельман и Крейцвальд. Фельман был в то время лучшим знатоком эстонского языка и выдающимся филологом.

В первой четверти XIX века видное место в развитии эстонской культуры занял писатель Отто Мазинг. Несмотря на большие трудности, Мазингу удалось в 1821—1823 и 1825 годах издавать на эстонском языке «Эстонскую еженедельную газету». В ней печатались статьи о родной стране и заграницe, а также рассказы и стихотворения. Читатели газеты знакомились и с Россией, русским народом и его историей. Мазинг положительно оценивал присоединение Эстонии к России Петром I. Мазинг содействовал развитию эстонского литературного языка и народной школы. По аналогии с русским языком, он ввел в эстонский язык букву, сходную по произношению с «ы» («õ»). В трактовке крестьянского вопроса, однако, сказывалась классовая ограниченность Мазинга. Например, в начале 1823 года в своей новогодней статье, напечатанной в «Эстонской еженедельной газете», Мазинг бранил крестьян, которые отказывались от заключения отработочных арендных договоров.

Первым выдающимся эстонским поэтом был К. Я. Петерсон. Сломленный лишениями и непосильным трудом, он умер в 1822 году в возрасте 21 года. Петерсон не желал своими стихами «поучать» народ в угоду помещикам, из-за чего его стихи оставались ненапечатанными. Петерсон называл себя крестьянским поэтом и твердо верил в будущее эстонского народа. В философских взглядах Петерсона отчетливо видна материалистическая тенденция.

Крупнейшими писателями 40-х годов были Фельман и Крейцвальд. Особенно большие заслуги в развитии эстонской литературы и передовой общественной мысли в первой половине XIX века принадлежат просветителю-демократу Фельману. В своем творчестве он вступил на путь реализма. В его произведении «Пустая болтовня, пустые слова, все вздор и пустяки» описываются причины неурожая 1840 года, а также стремление крестьян избавиться от ига немецких помещиков путем переселения и перехода в православие.

Против помещичьего гнета и поповского мракобесия направлена сатирическая книга Крейцвальда «Рейнике-Лис», против англо-французских захватчиков — его поэма «Война», против глупости и отсталости — сатира «Простаки». Крейцвальд наглядно показал алчность, глупость и ренегатство представителей возникающейся эстонской сельской буржуазии (рассказ «Сумерки», 1854 г.). В 1848—1849 годах Крейцвальд издал 5 номеров иллю-

стрированного журнала «Мир и кое-что из того, что в нем находится». Начиная с 40-х годов он издавал содержательные календари, завоевавшие широкую популярность в народе. В своих трудах Крейцвальд подчеркивал большое прогрессивное значение присоединения Эстонии к России, пропагандировал идеи освободительной борьбы и дружбы народов.

В 40-х годах учитель Ю. Соммер (Суве Яан) опубликовал рассказы «Русское сердце и русская душа» (1841) и «Луйге Лаос» (1843). В этих произведениях заметно плодотворное влияние русской литературы, особенно творчества А. Бестужева (Марлинского). В этих рассказах показана дружба русских и эстонцев и прогрессивная освободительная роль русского народа. В книге П. Мантейфеля «Развлечения при свете лучины» (1838) мы находим также отдельные реалистические картины из жизни народа.

Архитектура и искусство. В первой половине XIX века продолжается интенсивное строительство. В этот период окончательно складывается классицистический облик Тарту, воздвигаются важные общественные постройки — главный корпус Тартуского университета, анатомический театр, обсерватория, здания клиники и ботанического сада, ветеринарный институт, гимназия на улице Рююотли (ныне улица 21 июня), гостиный двор, некоторые гостиницы. В Таллине начинается застройка дачного района Кадриорг, в самом городе и его окрестностях строятся первые мануфактуры. В это время классицизм уже господствовал в России, оказывая формирующее воздействие и на архитектуру в Эстонии. Его стилевые принципы развивались здесь в более или менее чистых формах до начала 40-х годов. Тем не менее местные условия и традиции наложили своеобразный отпечаток на архитектуру большинства построек; так, например, часто встречается высокая черепичная крыша. Осуществлялась даже перестройка фасадов многих средневековых домов с целью согласовать их с так называемыми типовыми классицистическими фасадами.

Из построенных в начале XIX века общественных зданий самым значительным является главный корпус Тартуского университета (1809). Это типичный образец переплетения принципов классицизма и местных традиций. Интересным и эстетически значимым образцом архитектуры классицизма в Таллине является здание по ул. Кохту, 8 (ныне Министерство финансов). К ценным памятникам архитектуры можно отнести также помещичьи дома в Саку, Рийзипере, Арукюла.

Из скульптурных памятников этого периода следует отметить: надгробие генералу Барклаю-де-Толли в Йыгевесте работы В. И. Демута-Малиновского и памятник Барклаю-де-Толли в Тарту того же скульптора.

Первая половина XIX века ознаменовалась появлением в Эстонии самостоятельно развивающегося профессионального изобразительного искусства, создаваемого местными мастерами.

Почти все они были по своему происхождению прибалтийскими немцами; эстонцами, по-видимому, были В. Крюгер, А. Клара и О. Игнациус. Однако и их искусство развивалось еще в общем русле.

Важнейшую роль в становлении профессионального изобразительного искусства в Эстонии сыграла организованная при Тартуском университете рисовальная школа, где в течение длительного времени преподавал гравер К. Зенф. Наибольшее развитие в этот период получила графика. В 30-е годы в Тарту возникают мастерские: ксилография Л. Майделя и литография Г. Ф. Шлатера.

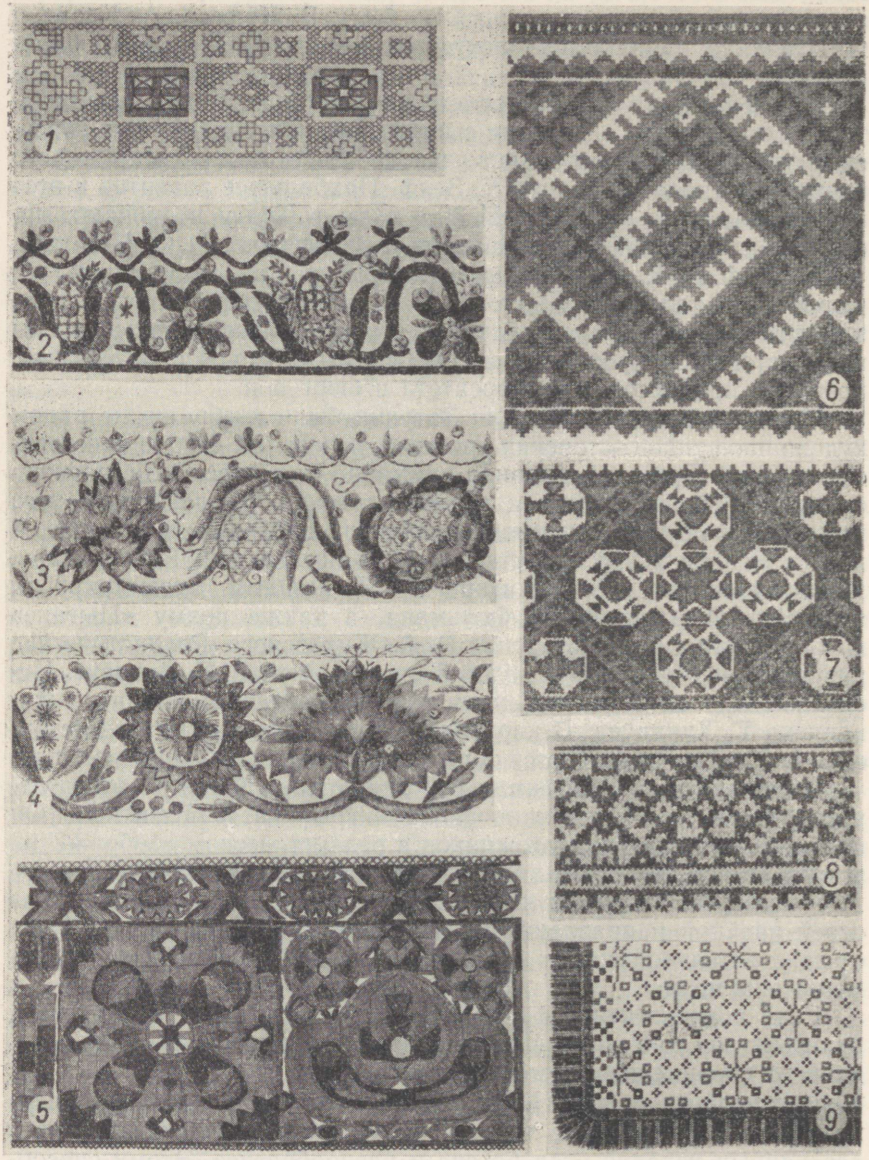
К. Зенф, А. Клара, А. Хаген, В. Крюгер и др. занимались гравюрой на металле, Ф. Штерн и Э. Шлихтинг обратились к цветной литографии. В произведениях этих художников запечатлены виды эстонских городов и помещичьих имений, пейзажи Эстонии, портреты профессоров университета и бюргеров.

Принципиально новым для Эстонии было изображение рядом художников типов эстонских крестьян, отдельных сторон крестьянского быта. При этом главное внимание уделялось этнографическому своеобразию быта и одежды эстонцев. Художникам того времени присуща сентиментальная идеализация крестьянской жизни. В этом плане характерны серия литографий Т. Гельхаара, жанровые полотна Э. Шлихтинга. Л. Майдель иллюстрировал эстонские сказания Ф. Р. Фельмана, а также поэму «Цыгане» А. С. Пушкина и произведения В. А. Жуковского. Реалистические рисунки с изображением видов Таллина оставил К. Буддеус. Несколько другой характер имеют изображения крестьян у живописца Г. Хиппиуса. В картинах «Эстонская невеста» и «Эстонская молодуха» чувствуется симпатия художника к своим моделям.

Наиболее ярким явлением в художественной жизни этого периода было творчество живописца и графика А. Пецольда. Он пошел дальше других художников в реалистическом изображении эстонских крестьян, метко и выразительно запечатлевая характерные черты их внешнего облика. Однако и его произведения по своей идейной направленности и общему духу были еще далеки от действительной жизни эстонского народа, изнывавшего под помещичьим игом.

Если в архитектуре формирующим было воздействие русской архитектуры, то в живописи и в графике решающее влияние исходило от современных немецких школ.

В первой половине XIX века в эстонском народном искусстве появилось много новых черт; орнамент как текстильных, так и деревянных изделий стал богаче и разнообразнее. Этому способствовало и русское народное искусство, влияние которого постоянно усиливалось. В этот период в Эстонии распространилась набивка тканей («печатались» передники, головные платки, скатерти, иногда также и узоры на одежде), а вместе с тем и новые орнаментальные мотивы — цветы и птицы. В южной Эстонии продолжал бытовать старый геометрический узор, в то время как



Образцы орнаментов в народной одежде середины XIX века.

1 — узор из кумачовой пряжи на рубашке из Рыуге (Выруский район); 2—3 — вышивка на блузке (кяйсед) из Юуру (Раплаский район); 4 — вышивка на женском головном уборе из Аудру (Пярнуский район); 5 — вышивка на женском головном уборе из Кихельконна (Кингисеппский район); 6 — вязаный узор мужского чулка у сету (юго-восточная Эстония); 7 — деталь украшения передника из Муху (Ориссаареский район); 8 — вязаный узор женского чулка с острова Кихну (Пярнуский район); 9 — вышивка на переднике из Пайсту (Вильяндиский район).

в северной Эстонии стал преобладать растительный орнамент. При разукрашивании полотняных тканей применялась красная хлопчатобумажная пряжа — кумач (о народной одежде см. стр. 217). Широкое распространение имело в Эстонии украшение деревянных изделий резьбой и особенно выжиганием узоров. Так украшались различные предметы и орудия крестьянского обихода: пивные кружки, сундуки, лари, пряслины, бельевые вальки, седла, хомуты. В пластическом орнаменте наиболее распространенными были изображения голов животных, особенно лошадей.

Деревянные пивные кружки с выжженным узором (Сааремаа).

Новые черты появились в народной музыке и танцах. Народная мелодия стала выразительнее и многообразнее. Появилось многоголосое пение, чередование запевалы и хора, инструментальное сопровождение. Возникли певческие хоры, которые в середине XIX века получили повсеместное распространение. Если раньше в народе играли только на волынке и гуслях, то в первой половине столетия повсюду появились также скрипка и новые гусли с гораздо большим количеством струн. Первые духовые оркестры были созданы в 40-х годах в Вяэгвере и Торма. В первой половине XIX века наряду с групповым народным танцем появляется парный танец, эстонской формой которого стал «лабаялавальс».

Разнообразные новые явления в области просвещения, языка, фольклора, литературы, материальной культуры и искусства в первой половине XIX столетия были отражением существенных изменений в жизни эстонского народа. Все эти явления отражали процесс складывания эстонской нации.

Глава VIII

ЭСТОНИЯ В ПЕРИОД ДОМОНОПОЛИСТИЧЕСКОГО КАПИТАЛИЗМА

(вторая половина XIX века)

§ 1. РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ. КРЕСТЬЯНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ И БУРЖУАЗНЫЕ РЕФОРМЫ 60-х ГОДОВ В ЭСТОНИИ

50—60-е годы XIX века являются в истории эстонского народа переломными. Мощный размах классовой борьбы крестьян вынудил господствующие классы вступить на путь буржуазных реформ. Обусловленные развитием капиталистического способа производства, они уже давно стали исторической необходимостью. Обострение конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями и связанный с этим подъем классовой борьбы в Эстонии представляли собой составную часть общероссийской революционной ситуации.

Революционная ситуация в России. В середине XIX века кризис крепостничества усилился. Социально-экономическое развитие России все настойчивее требовало отмены крепостного права. Крымская война наглядно показала слабость крепостнической России. Массовое крестьянское движение угрожало перерасти в революцию. За пятилетие (с 1855 до начала 1861 года) в России произошло около 500 волнений — больше чем за предыдущие 15 лет. Продолжалось массовое бегство крестьян.

Защитниками и выразителями интересов крестьянства в эти годы выступили революционные демократы во главе с Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Они боролись против крепостничества и царизма, решительно разоблачали предательство либералов, шедших на сговор с царизмом. Они последовательно проводили идею крестьянской революции. Органом революционной демократии в России был журнал «Современник». Большую роль играла также бесцензурная общедемократическая газета А. И. Герцена «Колокол», издававшаяся 1857—1867 годах в Лондоне и Женеве. «Современник» и «Колокол» распространялись по всей России, в том числе и в Эстонии, где тоже имели своих корреспондентов.

В эти годы в России сложилась революционная ситуация, которая характеризовалась кризисом политики господствующего класса, обострением, выше обычного, нужды и бедствий угнетенных классов и значительным повышением активности масс.[1] Революционная ситуация, однако, не переросла в революцию, так как крестьянство, веками томившееся в кабале у помещиков, не было еще в состоянии подняться на сознательную борьбу за свободу, а революционный рабочий класс тогда еще только формировался. Тем не менее революционная ситуация заставила царя Александра II и помещиков отменить крепостное право сверху, с тем чтобы предупредить уничтожение его снизу путем революционного взрыва.

При обсуждении вопроса об отмене крепостного права в России реакционеры отстаивали идею освобождения крестьян без наделения их землей. Наиболее рьяными сторонниками такого «освобождения» были прибалтийско-немецкие помещики, ссылавшиеся, как на образец, на крестьянские реформы, проведенные в Прибалтике, и всячески идеализировавшие положение эстонского и латышского крестьянства. «Современник» и «Колокол» разоблачали эту реакционную пропаганду, резко критиковали прибалтийские крестьянские законы и показывали, что с введением этих законов и без того нищенское положение эстонских и латышских крестьян еще более ухудшилось. Н. Г. Чернышевский, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, Т. Г. Шевченко решительно боролись против попыток освободить русское крестьянство «на остзейский манер», т. е. без земли. Герцен и Огарев писали в «Колоколе», что эстонских и латышских крестьян нужно освободить из-под гнета немецких помещиков и наделить землей. Однако осуществить это можно было только революционным путем.

Крестьянская реформа 1861 года в России была буржуазной реформой, проведенной крепостниками. Она «... знаменует собой начало новой, буржуазной, России, выраставшей из крепостнической эпохи».[2] И после реформы сохранились угнетение крестьянства помещиками и многочисленные пережитки крепостничества. Под давлением пореформенного революционного движения царизм вынужден был провести в 60—70-х годах ряд новых буржуазных реформ. Важнейшими из них были земская, судебная, городская и военная реформы, призванные приспособить самодержавно-полицейский строй России к потребностям буржуазного развития.

Крестьянские волнения в Эстонии в 1858 году. В Эстонии в конце 50-х годов XIX века также обострилась борьба крестьян против помещиков. Причиной подъема крестьянского движения было невыносимо тяжелое положение эстонского крестьянства. «Освобождение» эстонского крестьянства от кре-

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 189—190.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 96.

постной зависимости без земли повлекло за собой и усиление эксплуатации, и рост нищеты. Н. П. Огарев отмечал, что в Прибалтике было осуществлено «не освобождение, а новый вид рабства». Крестьяне стонали под бременем барщины. Случись, скажем, какие-нибудь неполадки в хозяйстве или околей лошадь, и крестьянин нередко оказывался в безвыходном положении: ему нечем было заплатить аренду, в конце концов он лишался своего хозяйства и превращался в барщинника или бобыля. Особенно тяжело приходилось барщинникам. Имение назначало им непосильные нормы выработки. Осенью, когда в имениях шла ночная молотьба, у барщинников почти не оставалось времени на сон. По любому пустяку их подвергали телесным наказаниям, невзирая на пол и возраст. Во многих имениях имелись даже специальные скамьи для порки.

Прибалтийские помещики считали, что крестьянство существует только для того, чтобы работать на них. Закон давал им право обращать насильно в барщинников всех «вольных людей», не имевших определенного места работы. Власть помещиков и барщинная эксплуатация были в одинаковой мере невыносимыми для всех слоев крестьянства.

В 1858 году по всей Эстляндской губернии прокатилась волна крестьянских выступлений. Поводом для волнений послужил новый крестьянский закон. Крестьяне ждали, что он уменьшит отработки и повинности. Но когда начались весенние полевые работы, помещики потребовали таких же отработок, как и прежде, что вызвало возмущение крестьян. Они стали отказываться от особенно ненавистной им вспомогательной барщины, которая требовалась от них в дополнение к так называемой постоянной барщине и приходилась на пору самых напряженных работ. В конце апреля и начале мая вспыхнули волнения в районе Вайвара и в ряде других мест. В конце мая отказались от несения вспомогательной барщины крестьяне в южной части Харьюмаа. Когда сюда прибыл из Таллина карательный отряд, крестьяне подняли восстание, ставшее известным под названием «Война в Махтра».

Крестьянам имения Махтра, тоже отказавшимся выполнять вспомогательную барщину, было приказано явиться 30 мая в Хабая к гакенрихтеру. Тамошние крестьяне предупредили своих товарищей из Махтра, что гакенрихтер с помощью солдат карательного отряда подвергает крестьян жестокой порке. Махтровцы решили не идти в Хабая. Тогда гакенрихтер в сопровождении 50 солдат сам прибыл в Махтра и приказал всем крестьянам явиться к нему 2 июня. В ответ на это махтровцы послали за помощью в соседние волости.

2 (14) июня в Махтра собралось 700—800 вооруженных кольями крестьян, только у одного из них было охотничье ружье. Они окружили находившийся во дворе имения воинский отряд и потребовали выдачи «господ и офицеров», а также ухода солдат. Когда крестьяне стали вырывать у солдат из рук оружие, завя-

залась схватка. Огромного роста барщинник Юри Торк ударил майора, командовавшего отрядом. В ответ на это был дан приказ открыть по крестьянам огонь. Однако и это не остановило крестьян — после короткой, но ожесточенной и кровавой схватки солдаты были обращены в бегство. Смертью храбрых пали Юри Торк, мелкий дворохозяин Михкель Тейн (Штейн) и другие — всего 7 человек. 14 крестьян получили тяжелые ранения, трое из них вскоре скончались.

Восстание в Махтра вызвало большую тревогу не только в Таллине, но и в Петербурге. В Ораниенбауме стояло наготове свыше 2500 солдат и 4 пушки, которых в случае надобности предполагалось перебросить на военных кораблях в Эстонию. Из Таллина в Махтра было направлено более 1000 солдат, которые рискнули войти в опустевшее уже к тому времени имение лишь после ряда маневров по всем правилам военного искусства.

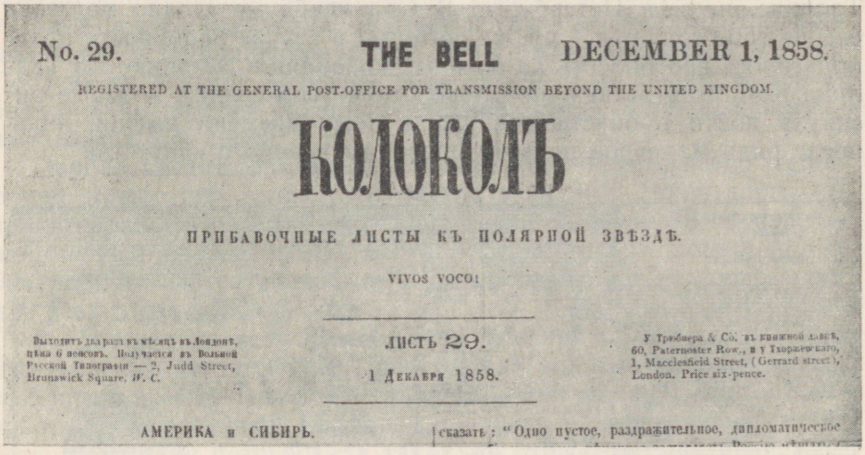
Волнения крестьян в северной Эстонии в 1858 г.

Восстание в Махтра вдохновляло эстонских крестьян на дальнейшую борьбу. По всей Эстляндии крестьяне с восхищением говорили о «войне в Махтра» и утверждали, что в случае всеобщего восстания никакое войско не сумеет им противостоять.

В конце июня снова вспыхнули крестьянские волнения, охватившие на сей раз восточную часть Харьюмаа, Ярвамаа, остров Хийумаа и материковую часть Ляэнемаа. Барщинники не позволяли подвергать себя телесным наказаниям, прогоняли с полей и лугов мызных надсмотрщиков и самовольно сокращали нормы дневной выработки, заявляя при этом, что «они сами возьмут себе права». В середине июля, с началом жатвы, крестьяне снова стали в массовом порядке отказываться от вспомогательной барщины. Во многих местах губернии произошли острые столкновения. 13 июля вспыхнули волнения в Маарду: крестьяне ворвались в имение, грозясь убить господ. Волнения крестьян охватили и большую часть Хийумаа. На остров из Таллина был послан на пароходе карательный отряд во главе с губернатором. Когда солдаты прибыли на место, крестьяне имения Путкасте пригрозили «при-

нести из дому ружья» и дать отпор. Однако в ту же ночь наиболее активные из них были арестованы и выступление провалилось. Окончилась неудачей и попытка крестьян из Роосна (Ярвамаа) оказать 26 июля сопротивление казачьему карательному отряду.

В течение 1858 года произошли крестьянские волнения более чем в 75 имениях. Ведущую роль в выступлениях играли батраки, а также крестьяне, арендовавшие землю на основе отработок.



No. 29. THE BELL DECEMBER 1, 1858.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

ПРИБАВОЧНЫЕ ЛИСТЫ КЪ ПОЛЯРНОЙ ЗВѢЗДѢ.

VIVOS VOCO!

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ въ Лондонѣ, цѣна 6 пенсовъ. Получается въ Вольной Русской Типографіи — 2, Judd Street, Brunswick Square, W. C.

ЛИСТЬ 29.

1 Декабря 1858.

У Трюбнера & Co. въ книжной лавкѣ, 60, Paternoster Row., и у Тхоржевскаго, 1, Macclesfield Street, (Gerrard street), London. Price six-pence.

АМЕРИКА и СИБИРЬ.

сказать: "Одно пустое, раздражительное, дипломатическое

Номер герценовского «Колокола», в котором была напечатана статья о восстании крестьян в Ания.

Посылкой войск в очаги волнений, массовыми избиениями и арестами властям удалось подавить движение крестьян. 21 июля 1858 года в Таллине на так называемом Русском рынке была учинена зверская расправа над крестьянами из имений Ания и Курисоо, явившимися с жалобой на помещика. Публичной порке подвергся 51 человек. Это злодеяние прибалтийских баронов было заклеймено в конце того же года «Колоколом», в присланной из Таллина статье под заголовком «Германские рыцари XIX столетия в Эстляндии».

Участники восстания в Махтра были жестоко наказаны. 65 крестьян были преданы военному суду. (Половину из них составляли дворохозяева или их сыновья, остальные были батраки.) Военный суд приговорил 59 крестьян к расстрелу. Позднее наказание было смягчено: двоих крестьян присудили к 1000 шпицрутенам и 20 годам каторжных работ в рудниках; шестерых — к 600 шпицрутенам и 5—6 годам каторги; 26 крестьян получили от 70 до 400 шпицрутенов и были отправлены на поселение в Сибирь. Зверская расправа над осужденными была приведена в исполнение на помещичьем поле в Махтра 10 февраля 1859 года.

Восстание эстонских крестьян воспрепятствовало попыткам прибалтийских помещиков с помощью новых реакционных крестьянских законов сохранить старые барщинные формы эксплуатации. Лифляндским помещикам пришлось расстаться с мыслью о ревизии принципов крестьянского закона 1849 года. Изданный в 1860 году новый крестьянский закон, в основном, повторял положения закона 1849 года и в известной степени способствовал переходу к денежной аренде и продаже крестьянам их хуторов. Одновременно эстляндским и лифляндским помещикам пришлось приступить к практическим мероприятиям по отмене барщинной системы хозяйства законодательным путем.

«Колокол» уделял большое внимание мощному выступлению эстонского крестьянства летом 1858 года. Описывая эти волнения, «Колокол» призывал крестьян надеяться только на себя: «Заострите топоры да за дело — отменяйте крепостное право...»

Эти выступления имели большое значение для развития передовой общественной мысли и революционных традиций в Эстонии.

Крестьянское движение в 60-х годах XIX века. Выступления крестьян против помещиков продолжались и на рубеже 50—60-х годов. Крестьяне отказывались заключать арендные договоры, содержавшие требования отработок, не соглашались на увеличение помещиками аренды, оказывали сопротивление, когда их сселяли с земли. То здесь, то там вспыхивали и более крупные волнения (выступление батраков имения Паункюла в сентябре 1860 года, волнение шведов-крестьян на острове Вормси в 1861—1862 годах и др.).

В 1860 году антифеодальная борьба крестьян проявилась и в переселенческом движении, принявшем широкий характер. Крестьяне Эстляндской губернии, до которых дошли слухи о переселении лифляндских крестьян, стали в массовом порядке требовать, чтобы им разрешили перебраться в Самарскую губернию, где якобы государство дает бесплатно землю. Осенью в это движение включилась и так называемая секта мальтсветовцев. Ее основал предприимчивый ярвамаский крестьянин Ю. Лейнберг (как проповедник известный под именем «пророка Мальтсвета»). В общем русле переселенческого движения мальтсветианство, сохраняя свою внешне религиозную оболочку, было выражением недовольства крестьян, их стремления сбросить с себя помещичий гнет.

В 1860 году среди мальтсветовцев распространилась идея переселения в Крым, где, по слухам, имелись благоприятные условия для получения земли. По призыву религиозных фанатиков весной 1861 года множество крестьян собралось под Таллином на Ласнамяги, чтобы дождаться «белого корабля», который должен был отвезти их в «землю обетованную». Так пребывавшее тогда в духовном невежестве крестьянство стихийно искало выхода из тяжелого положения. Крушение наивной веры в «чудеса» и в «пророка» помогло крестьянам избавиться от религиозного дурмана.

Осенью 1861 года мальтсветовцы выступили против мызной полиции в Альбу и гакенрихтера из Ахула (уезд Ярвамаа) и силой освободили двух альбуских крестьян, приговоренных к порке. В ответ на это бароны организовали в имении Альбу массовое избиение крестьян. Четырех крестьянских руководителей приговорили к ссылке на каторгу и поселение. По всей северной Эстонии были размещены крупные воинские части. С помощью подобных мер властям удалось к 1862 году подавить переселенческое движение, которым было охвачено 25—30 процентов крестьян Эстляндской губернии.

С 1864 года в южной Эстонии, главным образом в уезде Вильяндимаа, получило широкое распространение обращение крестьян к царскому правительству с коллективными прошениями, отражавшими наивный монархизм крестьянства. Прибегнуть к прошениям крестьян заставила принудительная продажа их хозяйств, а также повышение арендной платы и цен на землю. В своих петициях крестьяне жаловались на острое безземелье, на захват помещиками крестьянских земель и выселение крестьян из дворов, на непосильные арендные и выкупные платежи, на высокие налоги, на тяжелые отработки, телесные наказания и т. д. Поскольку в этих письмах крестьяне выступали против пережитков крепостничества и против прибалтийских помещиков, последние вместе с царскими властями всевозможными репрессиями старались подавить петиционное движение. В Петербурге, на квартире художника И. Келера, который горячо поддерживал крестьян, был произведен обыск. Активных участников движения, братьев Петера и Адама Петерсонов, затаскали по судам и наконец выслали из Прибалтики.

Понятно, что в направляемых правительству петициях требования и чаяния крестьян могли получить лишь весьма ограниченное отражение. В то же время и в Вильяндимаа, и Тартумаа, и Вырумаа распространялись различные рукописные произведения, а также песни и воззвания, где выражались сокровенные мысли крестьянских масс, их стремление получить землю, где говорилось об освобождении от помещичьего гнета революционным путем.

В северной Эстонии недовольство крестьян снова усилилось в 1868 году в связи с неурожаем и голодом. Сотни доведенных до отчаяния крестьян, спасаясь от голодной смерти, стали покидать родные края. В Хаапсалу, Нарве и других местах для их задержания были использованы войска. Часть крестьян была направлена на работу — на Кренгольмскую мануфактуру, на строительство железнодорожной станции в Таллине и др.

Деятельность передовой интеллигенции. Крестьянское движение в Эстонии, особенно события 1858 года, оказали глубокое влияние на передовых людей из интеллигенции, знакомых с идеями русской революционной демократии. Массовые выступления крестьян, а также агитация «Колокола» нашли отклик и в среде таллинской разночинной интеллигенции. В конце

50-х — начале 60-х годов здесь возник небольшой кружок прогрессивно настроенных интеллигентов, ставивших своей целью улучшение экономического и правового положения эстонских крестьян. Кружок группировался вокруг поэта и публициста Ф. Руссова и педагога и цензора иностранной литературы В. Т. Благовещенского. В него входили также педагог Я. Нокс, фольклорист А. Г. Нейс и др. В тесной связи с ними находился также Ф. Р. Крейцвальд.

По-видимому, по инициативе Руссова, бывшего в ту пору чиновником Эстляндского губернского правления и потому хорошо информированного о событиях в деревне, были предприняты шаги, чтобы осветить невыносимо тяжкое положение эстонских крестьян, являвшееся истинной причиной крестьянских волнений, показать справедливость борьбы крестьянства и разоблачить жестокости прибалтийско-немецких помещиков. Для этого была использована записка, направленная в 1858 году министру внутренних дел, а также страницы основанной в 1860 году Руссовым газеты «Ревальше Цейтунг». В 1861 году в Берлине вышло на немецком языке сочинение «Эстонец и его господин. Для объяснения экономического положения крестьян и вообще их состояния в Эстонии». Имя автора не было указано, на титульном листе значилось, что написал эту книгу «не эстонец, да и не его господин». Однако уже современники называли ее автором В. Т. Благовещенского, в пользу этого мнения говорят также данные об авторе, приведенные в предисловии.

В книге на большом фактическом материале показывалось отчаянное положение эстонского крестьянина, страдавшего от страшного безземелья и жестокой эксплуатации. Автор смело вскрывал хищнический крепостнический характер эстляндских крестьянских законов. Эстонцы получили не свободу, писал он, «а только один наружный вид ее». В книге разоблачалась лживость прибалтийских немецких баронов и пасторов, которые, выставляя себя культуртрегерами, в действительности делали все для того, чтобы эстонцы не могли получить образование. В сочинении оправдывалось выступление эстонского крестьянства в 1858 году. Это событие, собственно, и явилось для автора исходным пунктом всей постановки вопроса.

Прибалтийские бароны и их идеологи яростно набросились на книгу и ее анонимного автора. Во вспыхнувшей полемике в защиту произведения выступила редакция газеты «Ревальше Цейтунг» во главе с Руссовым. В 1862 году, в ответ на нападки реакции, в немецком журнале «Гартенлаубе» появилась статья, где развивались те же мысли, что и в книге «Эстонец и его господин». Борьба в защиту сочинения — и вместе с тем эстонского крестьянства — была сразу же перенесена и в русскую публицистику, где по этим вопросам выступил морской офицер В. В. Иванов, который намеревался сначала даже перевести на русский язык всю книгу. (Однако вышла книга на русском языке лишь де-

сять лет спустя в переводе А. Н. Шемякина.) Из-за интриг рыцарства Руссову пришлось уйти из редакции газеты, а в 1863 году уехать в Петербург. Через некоторое время Иванов также был вынужден покинуть свой родной Таллин и поселиться в Петербурге.

Отдельные демократически настроенные студенты Тартуского университета уже в конце 50-х годов поддерживали связь с «Колоколом». В начале 60-х годов в Тарту проводил подпольную революционную работу студент В. А. Манасейн, являвшийся членом организации «Земля и воля». Во время его ареста в конце 1862 года у него были найдены «антиправительственные письма», а также номера «Колокола» и «Полярной звезды».

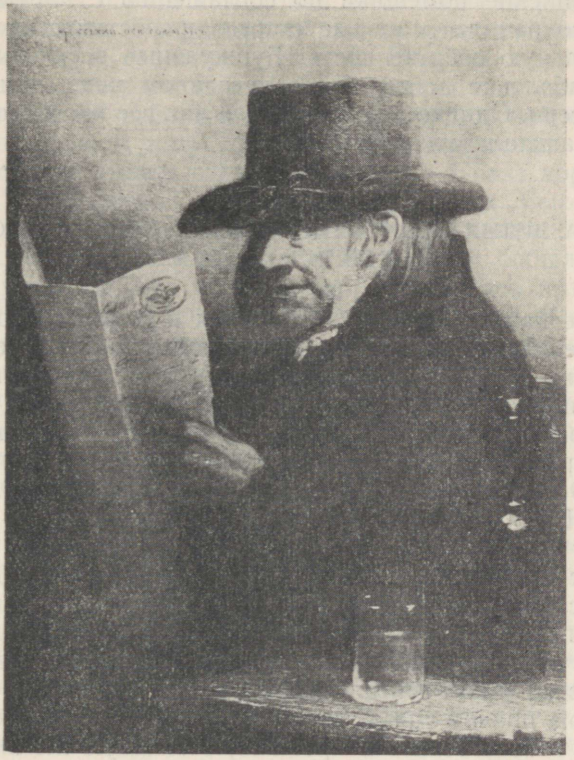
Царскому самодержавию совместно с помещиками удалось подавить стихийные крестьянские волнения и разгромить кружки демократов и революционеров. Однако правящие классы вынуждены были пойти на некоторые уступки в виде новых реформ.

Буржуазные реформы 60—70-х годов. Прибалтийские помещики всячески старались помешать распространению буржуазных реформ 60—70-х годов на прибалтийские губернии. Они хотели сохранить нетронутыми все свои старые крепостнические привилегии: отличное от общероссийского прибалтийско-немецкое сословное самоуправление, особое судоустройство, управление школами и церковью, господство немецкого языка. Однако сохранение реакционного крепостнического прибалтийского особого порядка противоречило интересам развития капитализма. Развитие капитализма и массовое крестьянское движение вынудили помещиков и царское правительство осуществить некоторые реформы также и в Прибалтике.

В 1863 году был установлен новый порядок выдачи паспортов, расширявший право крестьян на передвижение. Это содействовало переселению крестьян в города и другие губернии. Только с установлением нового порядка выдачи паспортов и изданием закона о крестьянской общине в деревне исчезли такие формы внеэкономического принуждения, как прикрепление безземельных в качестве батраков к дворохозяевам и запрещение ухода из пределов имения без соответствующего разрешения помещика. В 1865 году помещикам пришлось отказаться от права домашней расправы; однако телесные наказания по приговорам волостных судов и помещичьих полицейских учреждений сохранялись.

В 1866 году был издан закон о волостной общине, увеличивший власть волостного старшины, избираемого из числа дворохозяев. На волостном сходе, где избирались волостные должностные лица и решались другие важные вопросы, правом решающего голоса располагали крестьяне-дворохозяева и арендаторы участков, обложенных поземельными повинностями, безземельные же имели на десять мужских душ только одного представителя. Это укрепляло положение зажиточных крестьян и их влияние в деревне.

В Эстляндской и Лифляндской губерниях барщинная аренда была официально отменена в 1868 году, но только на крестьянской земле. На помещичьей, квотной и шестидольной землях помещик мог по-прежнему требовать выполнения отработок. В Эстляндской губернии по закону 1856 года и на крестьянской земле можно



Картина О. Гофмана.
Волостной судья.

было требовать выполнения отработок в размере одной четверти арендной суммы, ибо это считалось не барщинной, а смешанной арендой.

В 1866 году были окончательно отменены все цеховые ограничения и установлена свобода ремесел. Ремесленникам было предоставлено право содержать наемных рабочих.

Городская реформа 1870 года была введена в прибалтийских губерниях только в 1877 году. В результате этой реформы немецкое бюргерство с его замкнутым по своему составу магистратом утрачивало единовластие в городах. Управление в городах перешло к избираемым на основе цензов городским думам. Реформа

1877 года способствовала превращению эстонской городской буржуазии в политическую силу.

Из-за противодействия реакционных прибалтийских помещиков распространение судебной реформы 1864 года на Прибалтику затянулось на десятки лет, а земская реформа так и не была здесь проведена.

Прибалтийские помещики по соглашению с царским правительством сохранили основные старые крепостнические привилегии и земельную собственность. Буржуазные реформы проводились в Прибалтике в еще более урезанном виде, чем в других районах России. Однако и в таком виде они все же способствовали развитию капитализма в Эстонии.

§ 2. РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В ЭСТОНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Развитие капитализма в Эстонии (и в сельском хозяйстве, и в промышленности) пошло быстрыми темпами только с середины столетия. Оно было тесным образом связано с тем же процессом, происходившим во всей России. В различных частях края это развитие протекало неравномерно. В сельском хозяйстве впереди шли некоторые районы южной Эстонии, самыми отсталыми были западная Эстония и острова. В развитии промышленности впереди шли Нарва и Таллин.

Капитализм в сельском хозяйстве и разорение крестьянства. Помещики по-прежнему владели крупными поместьями, где удерживались полукрепостнические порядки. В 1881 году в Эстонии насчитывалось около 900 помещиков и свыше 100 тысяч дворохозяев и арендаторов; в то же время 60 процентов всей земли считалось помещичьей и лишь 40 процентов крестьянской, причем только небольшая часть крестьянской земли находилась в собственности крестьян, остальную же им приходилось арендовать. Безземелье и крайняя нищета вынуждали крестьян соглашаться на самые тяжелые условия аренды. В середине столетия еще господствовала отработочная аренда. К концу 60-х годов преобладающей стала уже денежная аренда. Более прочно держались формы отработочной аренды в северной Эстонии, где еще в конце столетия примерно пятая часть крестьянских хозяйств находилась на натуральной и отработочной аренде.

Арендная плата повысилась за несколько десятилетий в два-три раза. Чем меньше было хозяйство, тем относительно выше была арендная плата, тем более кабальными были ее формы.

Начиная с 60-х годов помещики, нуждавшиеся в средствах для развития своего хозяйства, превращавшегося в капиталистическое, для приобретения сельскохозяйственных орудий, рабочего скота, и т. д., все чаще стали продавать землю в собственность крестьянам. К началу 80-х годов в южной Эстонии примерно 60 процен-

тов крестьянских дворов выкупило хозяйства в собственность, в северной Эстонии — 16 процентов. В северной Эстонии выкуп крестьянами земель увеличился лишь в последние десятилетия XIX века. К концу века здесь было продано немного больше половины крестьянских земель, но и тогда в собственности крестьян оказалось всего лишь 22,3 процента от общего количества земли.

Продажа крестьянам хозяйств в собственность зависела, в общем, от помещика. Предпосылкой же выкупа являлось накопление у арендатора известных средств. Поэтому покупать землю могли, в первую очередь, крупные арендаторы, применявшие наемную рабочую силу и производившие продукцию на рынок. Крупные наделы были к тому же относительно дешевле. Вообще же земля в Эстонии стоила очень дорого, в 2—4 раза дороже, чем в соседних Петербургской и Псковской губерниях. Высокие покупные цены покрывались зажиточными крестьянами за счет безжалостной эксплуатации батраков, батрачек и бобылей.

Если арендатор был не в состоянии выкупить назначенное к продаже хозяйство, то помещик просто-напросто выгонял его и хутор переходил в руки кулака, спекулянта или ростовщика. Арендаторы более мелких участков, заключавшие договор на их выкуп, запутывались в неоплатных долгах и рано или поздно все равно лишались земли. Выкупные цены неуклонно росли. Кредитное же дело было в руках помещиков. Для покупки двора крестьянин мог получить банковскую ссуду только из дворянской кредитной кассы. Обычно при покупке хозяйств крестьяне были в состоянии внести только $^1/_5$—$^1/_4$ часть выкупной суммы. Долги в течение длительного времени тормозили развитие крестьянского хозяйства.

Выкуп дворов в собственность разорял массу крестьян, укреплял растущую прослойку кулаков и обогащал помещиков.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве разрушало вековую систему землепользования: исчезла чересполосица, общие выгоны переходили во владение отдельных хуторов. Начиная с 60-х годов выделение хуторов стало в материковой части Эстонии массовым. Новое землепользование приносило большую выгоду кулакам и делало затруднительным, а зачастую и невозможным содержание скота бедняками, бобылями и батраками.

В земледелии многопольная система стала в поместьях преобладающей уже в 60-х годах, в крестьянских же хозяйствах лишь в 70-х годах. Самым важным видом зерновых по-прежнему оставалась рожь, площадь посевов которой на протяжении всей второй половины столетия почти не изменялась. Под рожью было занято в среднем $^1/_5$—$^1/_4$ всей посевной площади. Основными видами яровых культур были ячмень и овес. Площадь посева яровых, главным образом, овса, несколько расширилась в начале 70-х годов в южной Эстонии и в 80-х годах в северной Эстонии. Широкое распространение получило в 70-х и 80-х годах выращивание картофеля, который стал одним из основных видов товар-

ной продукции сельского хозяйства Эстонии. В начале 70-х годов количество высаживаемого картофеля увеличилось в Тартумаа, Вырумаа и Вильяндимаа в крестьянских хозяйствах более чем в два раза и в поместьях — более чем в три раза. В северной Эстонии — в первую очередь, в Харьюмаа, Вирумаа и Ярвамаа — значение картофеля было еще бóльшим. Всего в Эстляндской губернии посадки картофеля (в четвертях) составляли:

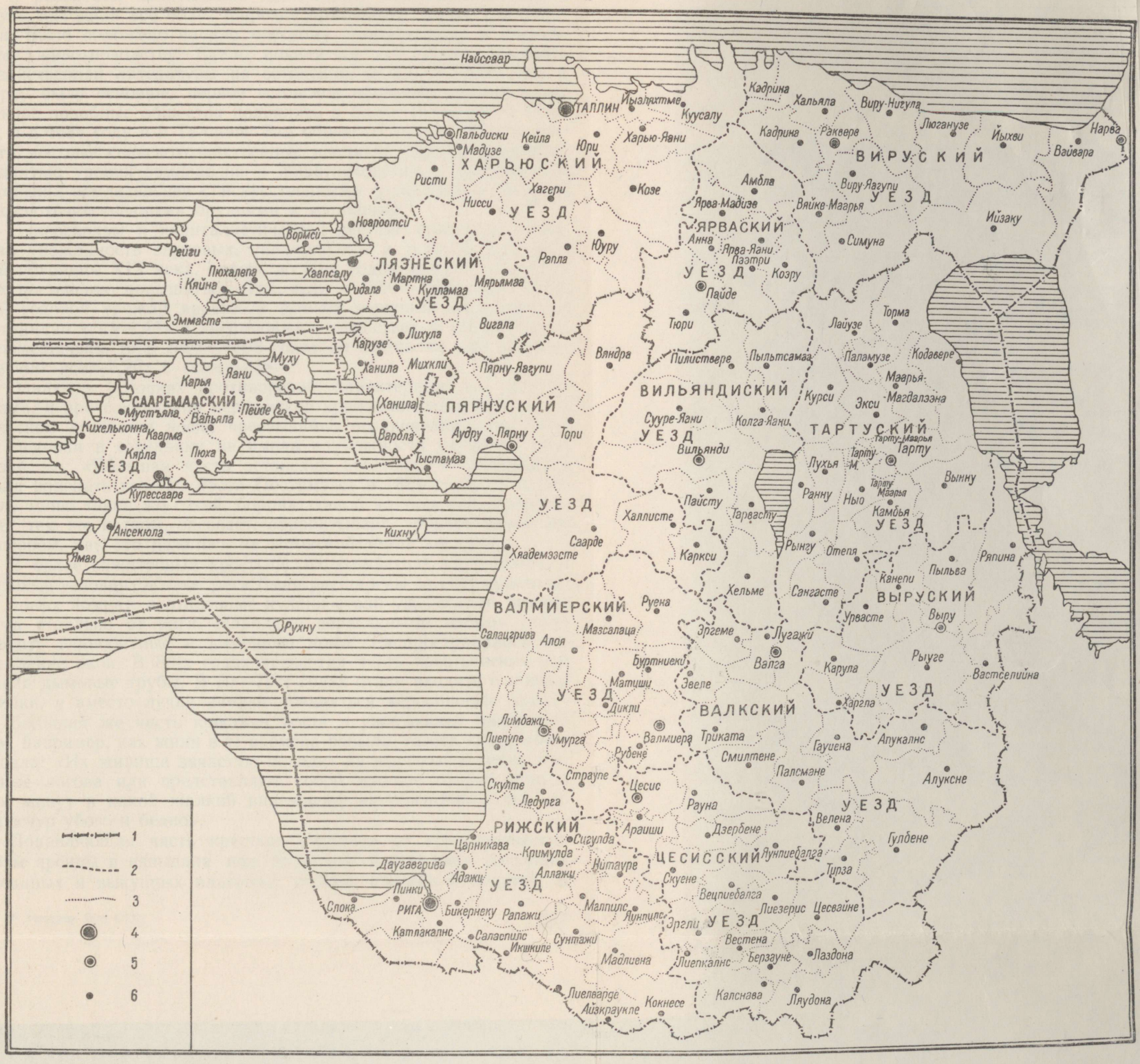
	1860 г.	1873 г.	1883 г.	1893 г.	1894—1898 гг. (в среднем в год)
В крестьянских хозяйствах	53 637	52 041	207 244	311 125	330 933
В поместьях	87 699	76 091	366 934	351 910	263 984

Для крестьян южной Эстонии важной товарной сельскохозяйственной продукцией был лен, выращивание которого достигло наивысшего уровня к концу 70-х годов. Широкое распространение льна и картофеля свидетельствовало об усилении связи крестьянских хозяйств с рынком, развитии их товарности. Значительная часть картофеля, выращиваемого в помещичьих и крестьянских хозяйствах, перерабатывалась в помещичьих винокурнях на спирт и водку и шла на рынок. С 1892 года эстляндские помещики стали для производства водки использовать также и кукурузу, которую привозили с Кавказа.

В 70—80-х годах помещики начали расширять молочное животноводство и производство сыра и масла, которые сбывались главным образом в Петербург.

В связи с развитием товарности сельского хозяйства углубилась его специализация. В южной Эстонии были развиты в основном выращивание льна на продажу и молочное животноводство вместе с травосеянием. В восточной и особенно в северной Эстонии наиболее важной товарной продукцией сельского хозяйства был картофель, шедший на удовлетворение нужд помещичьих винокуренных заводов. Здесь начало развиваться и молочное животноводство, продукция которого также шла на рынок. Этот район снабжал крупные города (Петербург, Таллин, Нарву, Тарту) молоком, сметаной, сыром, маслом, картофелем и мясом; особенно благоприятные условия для этого создались с постройкой Балтийской железной дороги. В западной Эстонии, а также на островах товарное сельское хозяйство развивалось медленно. Этот район носил во второй половине века еще характер потребительского района.

В перешедших на капиталистический способ производства имениях и зажиточных крестьянских хозяйствах сельскохозяйственная техника совершенно преобразовалась. В 60-х годах отдельные владельцы крупных хозяйств вместо сох, изготовлявшихся деревенскими кузнецами, стали приобретать заводские плуги и даже конные молотилки. Стала применяться железная борона. В материковой части Эстонии вместо прежних кос, ко-



Эстляндия и Лифляндия в середине XIX века.

1 — границы губерний; 2 — границы уездов; 3 — границы кихелькондов (приходов); 4 — губернский город; 5 — уездный город; 6 — центр кихельконда (прихода).

ванных кузнецами, вошли в обиход косы заводского производства.

С развитием капитализма достижения сельскохозяйственной науки находили все более широкое применение также и в Эстонии. Было положено начало местному семеноводству и племенному животноводству. Стало появляться все больше сельскохозяйственной литературы на эстонском языке. В 1870 году в Тарту было основано первое эстонское общество земледельцев. Вскоре подобные общества появились в Выру, Вильянди и Пярну, а в 1888 году и в Таллине. Эти общества начали организовывать местные сельскохозяйственные выставки, способствовавшие поднятию уровня земледелия и животноводства и знакомившие эстонских земледельцев с искусственными удобрениями, новыми сельскохозяйственными орудиями и машинами.

С переходом к капиталистической системе сельского хозяйства урожайность зерновых, снижавшаяся в течение всей первой половины XIX века, вплоть до 60-х годов, начала в 70-х годах постепенно повышаться. Так, если в 1860—1864 годах средний годовой урожай яровых и озимых зерновых составлял по Эстляндии «сам-4,44» в крестьянских хозяйствах и «сам-5,05» — в помещичьих, то в 1894—1898 годах он составлял уже соответственно: «сам-5,26» и «сам-6,31».

Однако в условиях противоречий, характерных для капитализма, и при сохранении пережитков крепостничества прогресс в сельском хозяйстве носил чрезвычайно ограниченный характер. Бедняки и середняки не имели возможности улучшать свое хозяйство. «Бóльшая часть эстонских крестьян, — вынуждена была признать газета «Ээсти Постимээс» в 1884 году, — пашет поле точно такой же сохой, боронит такой же бороной, прокатывает тем же катком, засевает, обрабатывает, убирает таким же способом, как это делалось на эстонской земле веками».

В более зажиточных крестьянских хозяйствах улучшились и бытовые условия. Жилые риги были расширены за счет пристройки новых комнат, а отдельные кулаки стали уже строить жилые дома отдельно от риги. Наряду с деревянными избами стали строить глинобитные и каменные дома. Распространилось застекление окон. В 80-х годах четвертая часть крестьянских изб имела дымовые трубы. В 60—70-х годах стали входить в обиход спички, а вместо лучин начали появляться керосиновые лампы.

Большая же часть крестьян жила в ужасающей нищете. О том, например, как жили в те времена бобыли, газета «Вирулане» писала: «Их жилища зачастую походят на вырытые в земле звериные логова или представляют собой жалкие лачуги. Как в них живут и какой жалкий вид имеют их обитатели... все это чересчур убого и бедно».

Подавляющая часть крестьян страдала от крепостнических форм аренды и изнывала под бременем непрерывно растущих арендных и выкупных платежей, долгов, налогов и податей. В

условиях частной собственности на землю сложилась рабская привязанность крестьянина к земле. Ради приобретения и сохранения жалкого клочка земли крестьянин соглашался на самый тяжелый труд, на любые лишения, на крайнюю нищету и унижения. Большая часть крестьян могла продавать продукты своего хозяйства, лишь урезывая потребления своей семьи.

Остатки крепостничества — крупное помещичье землевладение, разного рода привилегии помещиков и существовавшие еще местами отработки — тормозили развитие капитализма в сельском хозяйстве. Высокие арендные платежи и цены на крестьянские дворы, долги и проценты, всевозможные налоги, которые ложились почти всецело на крестьянские земли, — все это задерживало процесс накопления средств у крестьян. В то же время упорно державшаяся отработочная аренда замедляла процесс пролетаризации бедноты и капиталистическое развитие самих имений.

Усиление расслоения крестьянства и подвижность населения. Во второй половине XIX века резко усилилось расслоение крестьянства. Те из крестьян, которые еще раньше выдвинулись в число более зажиточных, теперь превращались в капиталистических арендаторов и собственников. Это была малочисленная кулацкая верхушка деревни, сельская буржуазия, эксплуатировавшая наемный труд и владевшая более чем половиной всей крестьянской земли. Из середняков лишь немногие попадали в ряды сельской буржуазии. Часть же середняков разорялась, пополняя ряды бедняков и безземельных. Массы батраков и бобылей лишались теперь и тех клочков земли, которые выделялись им раньше из крестьянских наделов. Безземельные превращались в наемных сельскохозяйственных рабочих. Переход на денежную аренду освободил крестьянские хозяйства от необходимости держать батраков для посылки на работу в имение. Вследствие этого в 60—70-х годах в деревне появилось много свободной рабочей силы, которая частично нашла себе применение в имениях, частично в промышленности, транспорте и т. д.

Важным общественным явлением в рассматриваемый период было возникновение в имениях, переходивших на капиталистический способ производства, прослойки сельскохозяйственных рабочих. Она формировалась из работавших раньше у крестьян батраков-барщинников, бобылей и лишившихся земли крестьян. Эти сельскохозяйственные рабочие получали за свой труд вместо денег продукты и клочок земли. Для их размещения в некоторых имениях даже строились специальные бараки и казармы.

По данным переписи 1881 года, в Эстонии насчитывалось крестьян — держателей дворов (частью собственников, частью арендаторов) 47 420, бедняков (малоземельных, издольщиков всех родов) 57 301, бобылей — 17 387, крестьянских батраков — 138 768 и помещичьих батраков и прислуги — 47 216. Три по-

следние категории — свыше 203 тысяч человек плюс члены их семей — это люди, лишенные средств производства и вынужденные продавать свою рабочую силу, т. е. сельский пролетариат. Эстонский кулак, или «серый барон», как его называли в народе, наряду с помещиком стал беспощадным эксплуататором безземельных крестьян и деревенской бедноты.

В одном коллективном письме вырумаских безземельных в 1882 году говорится о беспощадной эксплуатации батраков кулаками: «Хозяева живут, как графы, в огромных залах, едят хорошо, носят дорогую одежду и вкушают хорошую жизнь, а батраков они селят в кучу, по двадцать человек на одну квадратную сажень, точно щенят, кормят их плохой, негодной пищей, изнуряют непосильным трудом, точно рабочий скот... При найме батракам обещают и жалованье, но ... получают они его лишь в редких случаях». Бобыли живут под гнетом кулаков «хуже, чем прежде крепостные, — писала в те же годы газета «Сакала». — За то, что их лагуча стоит на хозяйской земле, они зачастую должны работать на хозяина как крепостные, иначе тот скажет: убирайся со своей лачугой с моей земли».

В связи с выделением крестьянских хуторов и массовым уничтожением участков бобылей (припущенников) жизнь многих безземельных в деревне стала невыносимой. Тысячи людей не находили себе на месте в имениях и крестьянских хозяйствах никакой работы и нанимались на заводы и фабрики, на железные дороги, лесные и строительные работы, на корабли, искали работы в городах и во внутренних губерниях России. Массами уходили на материк сааремасцы и становились здесь строительными рабочими, землекопами, батраками и т. д. Часть крестьян переселялась в другие губернии России — вначале в Крым, Самарскую и Петербургскую губернии, а в последние десятилетия XIX века также на Кавказ, в Новгородскую губернию, в Сибирь и на Дальний Восток, где возникали иногда большие эстонские деревни, нередко существующие и по сей день.

Так капитализм неизбежно порождал подвижность населения, несвойственную крепостнической системе хозяйства в сколько-нибудь значительных размерах. Это, наряду с некоторыми другими порождениями капитализма, обусловливало серьезные перемены в самом характере трудящихся, в их духовном облике. «На смену оседлому, забитому, приросшему к своей деревне, верившему попам, боявшемуся «начальства» крепостному крестьянину вырастало новое поколение крестьян, побывавших в отхожих промыслах, в городах, научившихся кой-чему из горького опыта бродячей жизни и наемной работы».[1]

Массы безземельных и деревенской бедноты составляли резервную армию труда. Но развитие капитализма породило безработицу и в городах. Она проявилась в острой форме уже в

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 66.

условиях экономического кризиса первой половины 80-х годов. Городские безработные нанимались в качестве дешевых сезонных рабочих в имениях и крупных крестьянских хозяйствах. Это давало кулакам и помещикам возможность снижать заработную плату и усиливать эксплуатацию. Поэтому-то кулаки и помещики и выступали против переселенческого движения бедняков и безземельных.

Ремесло и рыболовство. С разложением натурального хозяйства во второй половине столетия увеличилась прослойка ремесленников в деревне. В среде деревенской бедноты появились столяры, плотники, каменщики, печники, портные, прядильщики, ткачи, вязальщицы, дубильщики и т. д. В некоторых местах особенное распространение получило деревообделочное ремесло — изготовление телег, саней и т. д., являвшееся дополнительным источником дохода. Широкую известность приобрела деревянная посуда из Авинурме. Авинурмовцы продавали свои изделия по всей Эстонии, а также отправляли их за Чудское озеро.

Разложение натурального хозяйства и распространение фабричных изделий привели к снижению роли домашнего ремесла (за исключением островов и северо-западной Эстонии). Все больше появлялось фабричных тканей и одежды городского покроя, в связи с чем прежняя народная одежда выходила из употребления (на материке) или претерпевала значительные изменения (на островах). В связи со все более широким распространением анилиновых красок национальные костюмы, особенно юбки, пояса, вязаные предметы, а также покрывала и полости для саней стали значительно ярче и богаче красками.

Художественным ремеслом занимались преимущественно безземельные крестьяне, зарабатывавшие себе этим на жизнь. Многие из них становились подлинными мастерами народного прикладного искусства (в ковроделии, резьбе по дереву и т. д.).

Постепенно начали вытесняться фабричными изделиями также прежние предметы домашнего обихода и орудия труда.

Значительным шагом вперед в развитии строительства явилось введение в середине XIX века больших пил. Это был целый переворот в лесных и строительных работах, где прежде основным орудием труда служил топор. Применение большой пилы привело к изменениям в технике строительства. При постройке жилищ вошли в практику чистый угол («в лапу») и дощатые полы.

В области рыболовства также произошли существенные перемены. В 80-х годах в морском рыболовстве стали применяться фабричные хлопчатобумажные сети, которые получили широкое распространение, так как были дешевле больших неводов. В последнее десятилетие XIX века в морском рыболовстве невода были в значительной мере вытеснены большими глубоководными мережами. Осташковские русские рыбаки, которые долгое время

играли главную роль в рыболовстве у эстонского побережья, не могли уже к концу века конкурировать с местными рыбаками. В то же время исчезли и прежние рыболовецкие артели, ведущим стало крупное капиталистическое рыболовство во главе с одиночками-предпринимателями, эксплуатировавшими массы рыбацкой бедноты.

Развитие внутреннего рынка и транспорта. Расслоение крестьянства, рост товарности сельского хозяйства и углубление общественного разделения труда, увеличение промышленного населения за счет земледельческого содействовали расширению внутреннего рынка. Местные рынки все теснее связывались с обширным русским внутренним рынком. Это имело огромное значение для экономического развития Эстонии, ускорило здесь развитие фабрично-заводской промышленности, транспорта и образование промышленного пролетариата.

Продолжалась специализация сельского хозяйства. Вблизи крупных городов развивалось товарное огородничество. С ростом промышленности и городов увеличилась потребность в сельскохозяйственном сырье и продуктах питания. Товарное сельское хозяйство, в свою очередь, нуждалось в машинах и других изделиях промышленности. Быстро возрастал спрос сельского населения на промышленные изделия личного потребления. В сельской местности появлялось все больше местных торговых центров и торговцев, гуще стала сеть деревенских ярмарок и увеличились их обороты, что также указывало на превращение натурального крестьянского хозяйства в товарное.

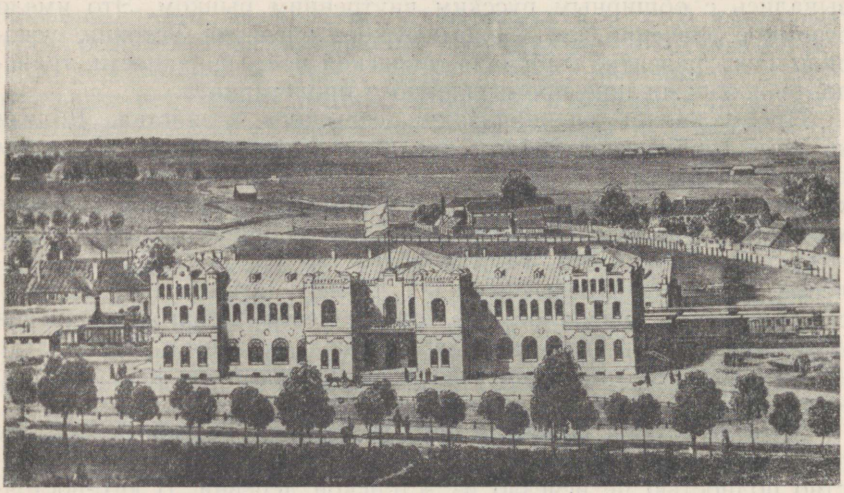
Хотя во второй половине века в сельской местности Эстонии появились лавки и довольно густая сеть базаров, коробейничество полностью не исчезло из эстонской деревни. В юго-восточной Эстонии, наряду с коробейниками, по деревням Выруского, Тартуского и Вильяндиского уездов разъезжали и тряпичники, в основном сету (эстонцы из района Петсери). Тряпичники привозили в деревню глиняные горшки и обменивали их на тряпье. По пути домой они сдавали его на бумажную фабрику в Ряпина.

По деревням разъезжали также и рыботорговцы, которые меняли свежую рыбу на хлеб или продавали ее за деньги.

Население Эстонии возросло за 34 года на 37 процентов (с 720 тысяч человек в 1863 году до 986 тысяч человек в 1897 году). Городское население росло в несколько раз быстрее, чем сельское, и увеличилось за тот же период с 61 000 до 176 000 человек, т. е. почти втрое. В 1863 году население 12 городов Эстонии составляло примерно 8,5 процента общей численности населения, а в 1897 году — около 18 процентов. Кроме того, в Эстонии в конце века насчитывалось 10 поселков с населением в 26 400 человек и 24 местечка с населением примерно в 9 тысяч человек. Часть из этих населенных пунктов, например, Кренгольм, Нуустаку (Отепя), Нарва-Йыэсуу, Локса, Сууре-Яани, Кунда, Килинги-Нымме, Тапа, Тори, Тырва, Антсла, Вяндра и др., и возникла

лишь в описываемый период. Удельный вес населения, занятого в сельском хозяйстве, сократился с 77 процентов в 1881 году до 68 процентов в 1897 году, тогда как процент промышленно-торгового населения увеличился с 15,6 до 25,1. Эти цифры говорят о быстром расширении внутреннего рынка. Однако и в конце XIX века Эстония по-прежнему оставалась аграрным краем.

Во второй половине XIX века быстро улучшаются пути сообщения. Началось строительство железных дорог, связывавших сельскохозяйственные районы с промышленными центрами и портовыми городами.



Литография Л. Г. Петерсена.
Балтийский вокзал в Таллине.

Происходившее в России в 60-х годах интенсивное строительство железных дорог вскоре захватило и Эстонию. В 1870 году была открыта первая железнодорожная линия в Эстонии, соединившая Таллин, порт Пальдиски и промышленный центр Нарву с Петербургом, а через него и с районами центральной России. Балтийская железная дорога дала мощный толчок развитию товарного сельского хозяйства в северной Эстонии. В 1876 году открылось железнодорожное сообщение между Тапа и Тарту, в 1887 году — между Тарту и Валга, которая к тому времени была уже связана железной дорогой с Ригой, и в 1889 году — между Валга, Выру и Псковом. Железные дороги играли огромную роль в расширении местного внутреннего рынка и все теснее связывали экономику Эстонии со всероссийским капиталистическим рынком.

Наступил перелом также и в службе связи. Была создана более густая сеть почтовых учреждений, начал применяться телеграф, а начиная с 80-х годов и телефон.

После Крымской войны на эстонском побережье развивается строительство парусных судов и торговое судоходство. Было открыто несколько мореходных училищ (первое из них — в Хейнасте в 1864 году). Удельный вес пароходов в судоходстве неуклонно повышался. Все больше эстонских моряков плавало по всем морям и океанам.

В условиях начавшегося после окончания русско-турецкой войны экономического оживления, в Таллине в 1879 году было основано эстонское общество торгового судоходства «Линда». Через несколько лет общество имело уже около 1000 членов и более 200 000 рублей акционерного капитала. Однако это первое крупное предприятие эстонской буржуазии не выдержало во время кризиса 80-х годов конкуренции немецких и русских торговых и пароходных компаний и было с большими убытками ликвидировано.

С открытием Балтийской железной дороги Таллин сделался крупнейшим торговым центром Эстонии. Если в 1869 году товарооборот таллинской гавани составлял 1,6 миллиона рублей, то в 1871 году он сразу увеличился до 22,1 и в 1879 году до 140,5 миллиона рублей. Во второй половине 60-х годов торговля с заграницей через Таллин составляла всего 0,4 процента внешней торговли Российского государства, в первой половине 80-х годов — уже 9,4 процента. Таллинская гавань по внешнеторговому обороту заняла теперь третье место в России (после Петербурга и Одессы), а по ввозу занимала временами даже первое место.

Быстрый рост ввоза отражал растущую потребность развивающейся промышленности в черных и цветных металлах, каменном угле, коксе, хлопке, машинах, растущую потребность капиталистического сельского хозяйства в минеральных удобрениях и т. д. До 40 процентов импортировавшегося в Россию хлопка шло через таллинскую гавань. Через Таллин, кроме Кренгольма, снабжалась хлопком почти вся хлопчатобумажная промышленность центральных районов России. Однако с середины 80-х годов товарооборот таллинской гавани значительно сократился вследствие неблагоприятной таможенной политики и высоких железнодорожных тарифов, и в первую половину 90-х годов он составлял лишь 5,2 процента внешней торговли России. Таллин отошел теперь на пятое место.

Быстрый рост Таллина, а также развитие промышленности, транспорта и связи привели к небывалому расширению строительства и значительно изменили внешний облик города. Магистрат, а позднее городская управа, заботившиеся о благополучии правящего класса, усердно занимались благоустройством центральной части города. В 1865 году было завершено строительство газового завода; была построена система водоснабжения и канализации, улучшены мостовые и уличное освещение. В 1888 году начала функционировать конка. Однако все эти новшества почти никак не затрагивали бурно развивавшихся предместий

(на полуострове Копли, в районах Пярнуского шоссе, Ласнамяги). В 70-х годах после постройки железной дороги начал развиваться пригород (в то время дачный поселок) Нымме.

Торговля через Пярну, непрерывно возраставшая вплоть до 70-х годов, когда она составила 0,8 процента внешней торговли России, в 80-х годах стала сокращаться. Сказывалось отсутствие железнодорожного сообщения с Пярну.

В последней трети XIX века, в связи с развитием торговли и промышленности, в Эстонии были открыты банки, часть из них — как отделения петербургских, псковских и рижских банков. Одновременно появились кредитные товарищества. Формирующаяся эстонская буржуазия не могла еще в то время играть сколько-нибудь заметную роль в кредитном деле. Капитал принадлежал в основном русским и прибалтийско-немецким купцам, промышленникам и помещикам.

Развитие капиталистической промышленности. С середины столетия бурному развитию промышленности способствовали все усиливающееся расслоение крестьянства, рост товарности сельского хозяйства и улучшение путей сообщения. Пролетаризация крестьянства создала необходимую для развития промышленности армию рабочих. Крупная промышленность в Эстонии развивалась благодаря небывалому росту потребностей всероссийского внутреннего рынка. Чем теснее то или иное предприятие, та или иная отрасль промышленности были связаны с всероссийским рынком, тем шире были перспективы его развития.

Развитие промышленности в Эстонии, как и во всей России, шло неравномерно. Годы подъема сменялись годами кризиса. Кризисы были неизбежным результатом обострения противоречий капитализма. Для рабочих кризисы означали массовую безработицу и усиление нищеты. Периодом подъема промышленности были годы после Крымской войны. В 1857 году владельцы хлопчатобумажных фабрик московского района основали под Нарвой хлопчатобумажную прядильную и ткацкую фабрику — Кренгольмскую мануфактуру. Последняя стала крупнейшим предприятием Эстонии, а по производственной мощности — крупнейшей хлопчатобумажной фабрикой России. В 1858 году были основаны текстильная фабрика в Халликукиви (Вольтвети), кожевенный завод Вильденберга в Куressaare и др. Следующий период подъема промышленности был связан с железнодорожным строительством в Эстонии. В 1870 году были построены цементный завод в Кунда и Таллинские железнодорожные мастерские. Однако уже в 1873 году начался кризис, продолжавшийся три года. После этого наступило некоторое оживление. В 1879 году были основаны чугунолитейный завод Зиновьева в Нарве и стекольный завод в Ярваканди. Но уже в начале 80-х годов разразился новый глубокий и продолжительный кризис. В 1887 году началось снова оживление. В Таллине было расширено механи-

ческое деревообделочное предприятие Лютера, на котором впервые в России стали изготовлять фанеру. Тогда же (в 1887 году) были основаны бумажная фабрика Иогансона, химический завод Майера и другие. Юлемистеская бумажная фабрика была переоборудована в 1893 году в целлюлозную.

Число промышленных предприятий, на которых работало 16 и более рабочих, увеличилось в Эстонии с 26 в 1860 году до 33 в 1879 году и 44 в 1890 году. Число рабочих, занятых в крупной промышленности, выросло за те же 30 лет примерно с 6 300 до

Кренгольмская мануфактура.

12 600 человек, т. е. в 2 раза, а общая стоимость вырабатываемой продукции — примерно с 4,9 миллиона рублей до 20 миллионов рублей, т. е. больше чем в 4 раза, что свидетельствует о техническом прогрессе и росте производительности труда в промышленности.

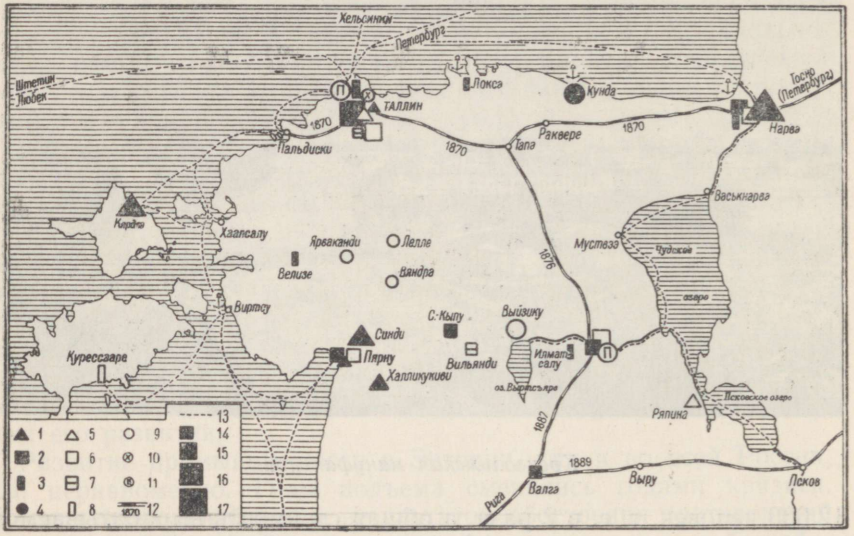
В последнее десятилетие XIX века начался новый подъем крупной промышленности: число предприятий выросло до 95, т. е. более чем в 2 раза, а число рабочих до 24 100 человек, т. е. почти в два раза.

Промышленность в этот период развивалась, в первую очередь, в Нарве и Таллине. Нарва в течение всей второй половины XIX века была крупнейшим промышленным центром Эстонии. Развитию промышленности здесь способствовала близость Петербурга — крупнейшего торгового и промышленного центра России, а также наличие водопада — дешевого источника энергии. В 1879 году в Нарве было сосредоточено 64 процента и в 1894 году 55 процентов всех промышленных рабочих Эстонии.

Наибольшее развитие получила в Эстонии текстильная промышленность, где в 60—70-х годах было занято до $^4/_5$, а в конце века до $^1/_2$ общего числа промышленных рабочих. На одном

только Кренгольме работало 4,5—5 тысяч рабочих, дававших продукции на 9—12 миллионов рублей в год. На Нарвской льняной фабрике, на суконных фабриках Нарвы и Синди работало примерно по одной тысяче рабочих, на Кярдлаской суконной фабрике — свыше 500.

Во второй половине XIX века в Эстонии начинает развиваться машиностроение. В середине столетия здесь был лишь один небольшой машиностроительный завод, а 1894 году — уже 11 заводов, кроме того, в Таллине и Валга работали еще железно-



Железные дороги и крупная промышленность в Эстонии в 1890 г.

1 — текстильная промышленность; 2 — машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность; 3 — кирпичная промышленность; 4 — цементная промышленность; 5 — целлюлозно-бумажная промышленность; 6 — деревообделочная промышленность; 7 — спичечная промышленность; 8 — кожевенная промышленность; 9 — стекольная промышленность; 10 — химическая промышленность; 11 — пищевкусовая промышленность; 12 — дата открытия движения по ж.-д. линии; 13 — пароходные линии; 14 — промышленные предприятия с числом рабочих с 16 до 100; 15 — с 101 до 500; 16 — с 501 до 1000; 17 — свыше 1000 рабочих (относится ко всем отраслям промышленности).

дорожные мастерские. На машиностроительных заводах изготовлялись сельскохозяйственные орудия и машины, аппаратура для винокуренных заводов, паровые котлы и машины. Особенно быстро росли машиностроительные заводы в Таллине.

Из новых отраслей промышленности в 1870 году возникает цементная, в 1885 году — фанерная, а в 1893 году — целлюлозная промышленность. Из прежних отраслей продолжают развиваться химическая, бумажная и стекольная промышленность.

Формирование промышленного пролетариата. Вместе с крупной фабрично-заводской промышленно-

стью в пореформенной России появился новый общественный класс — современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от фабричных рабочих крепостного периода как своей концентрацией на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами.

Эстонский пролетариат возник и развивался как часть российского пролетариата. Основными источниками формирования пролетариата было массовое разорение крестьянства, обезземеливание все большего количества сельского населения. В меньшей степени формирование пролетариата шло за счет притока в промышленность разорившихся ремесленников.

Большую роль в формировании кадров пролетариата в Эстонии играли русские рабочие, которых безработица еще в период мануфактурной промышленности приводила сюда на поиски заработка. Удельный вес русских рабочих был особенно высок на крупных промышленных предприятиях, главным образом, в Нарве. На Кренгольмской мануфактуре в 1880 году из 4967 рабочих русских было 1536; на нарвских льняной и суконной фабриках примерно две трети рабочих были русские. Это обстоятельство имело большое значение для развития рабочего движения в Эстонии и борьбы против царизма, в которой руководящая роль принадлежала русскому рабочему классу.

Численность пролетариата быстро росла. В 1865 году в Эстонии в крупной промышленности было занято примерно 6,5 тысячи рабочих, к 1894 году это число увеличилось до 14 300. Кроме того, большое количество рабочих было занято на мелких предприятиях, на железных дорогах, работало в портах, на строительстве и на лесоразработках.

Развитие фабрично-заводской промышленности и концентрация рабочих на крупных предприятиях означали решающий перелом в условиях жизни промышленного населения, которое теперь уже окончательно оторвалось от сельского хозяйства. Это явилось основой формирования классового сознания пролетариата. Развитие промышленного пролетариата было наиболее значительным явлением этих десятилетий. Возникла и стала расти единственно последовательная революционная сила, которая вскоре возглавила борьбу против царизма, помещиков, капиталистов и националистов, сила, которая превратилась в могильщика капитализма и привела трудящихся к победе социалистической революции.

Положение рабочего класса. Положение рабочих в Эстонии, как и повсюду в царской России, было исключительно тяжелым. На крупных фабриках рабочий должен был работать с крайним напряжением сил. На некоторых предприятиях была введена и ночная работа. Возросло применение женского и детского труда, приносившего капиталистам большие прибыли. Из воспитательных домов детей привозили на фабрику, где они,

полураздетые и полуголодные, должны были работать с раннего утра до позднего вечера наравне со взрослыми.

Рабочий день продолжался обычно 14 часов (а иногда и больше) — с 5 часов утра и до 8 часов вечера, примерно с часовым перерывом на обед. Работали люди в непроветриваемых, грязных и запыленных помещениях; никакой охраны труда не существовало. Тяжкие увечья и смертные случаи были весьма частым явлением. Рабочих, потерявших трудоспособность, фабриканты безжалостно выставляли за ворота. Рабочие терпели на фабрике побои и грубое обращение мастеров и фабрикантов. Например, на Кренгольмской мануфактуре, оборудованной самой совершенной для того времени техникой, господствовали буквально феодально-колониальные методы эксплуатации.

Заработная плата рабочих была крайне низкой. На Кренгольмской мануфактуре несовершеннолетние получали только 3,5—4 рубля в месяц, большинство женщин-работниц — от 6,5 до 7,5 рубля, а рабочие мужчины — от 7,5 до 9 рублей в месяц. Однако и этот заработок рабочим полностью не выплачивался. Особенно тягостной для рабочих была грабительская система штрафов. За всякий пустяк мастер или фабрикант имел право штрафовать рабочего, причем штрафы шли в карман тех же мастеров и фабрикантов. На Кренгольмской мануфактуре, например, на рабочих, у которых находили курительные принадлежности или спички, налагали штраф от 1 до 5 рублей. Фабриканты умышленно задерживали зарплату, а в иных местах платили особыми самодельными «денежными знаками». Таким образом они заставляли рабочих влезать в долги и покупать в фабричных лавках плохие товары по непомерно высокой цене. Вследствие неуклонного роста дороговизны реальная заработная плата рабочих систематически снижалась. Большинство рабочих страдало от недоедания.

Квартирные условия были невыносимые. При крупных фабриках были построены казармы и бараки; в одной комнате здесь жило по нескольку десятков человек, так что места едва хватало для того, чтобы лечь, а стоила такая комната очень дорого. В казармах за рабочими был установлен постоянный надзор, здесь их тоже штрафовали по любому поводу. Вследствие крайне нездоровых условий жизни и труда смертность среди рабочих была очень высокой. Часто вспыхивали холерные и другие эпидемии, которые косили сотни рабочих.

Такова была картина жестокой капиталистической эксплуатации промышленных рабочих, приносившей неисчислимые богатства горстке капиталистов. Рабочим же грозило вырождение и голодная смерть. Происходило характерное для капитализма относительное и абсолютное обнищание пролетариата.

Рабочие страдали и от пережитков крепостнического строя. Гакенрихтеры по указаниям фабрикантов избивали и истязали рабочих. Многих рабочих нанимали на фабрику только на зиму,

в период же полевых работ они снова возвращались в деревню. Подобное положение усложняло борьбу рабочих за свою свободу.

Буржуазия. Во второй половине века продолжалось развитие эксплуататорского класса капиталистического общества — буржуазии, которая начала формироваться уже значительно раньше. Крупная буржуазия, которая в Эстонии занимала господствующее положение в торговле, промышленности и кредитном деле, состояла в то время главным образом из прибалтийских немцев, а отчасти также из русских. Прибалтийская буржуа-

Картина Верхотурова.

Расчет.

зия была тесно связана с прибалтийскими помещиками и царской бюрократией. Многие помещики сами являлись капиталистическими предпринимателями. Прибалтийскую буржуазию объединял с помещиками страх перед эстонскими и латышскими народными массами, которых она старалась держать в ярме жестокой эксплуатации и духовном невежестве. Лучшим средством для этого она считала, кроме царских штыков, сохранение связанных с остзейским особым порядком сословных перегородок и других остатков крепостничества. Для защиты своих классовых интересов прибалтийская буржуазия создала ряд организаций, таких, например, как Таллинский биржевой комитет.

Основной силой формирующейся эстонской буржуазии являлись хозяева усадеб, трактирщики, мельники и т. д. Сельская буржуазия стала экономически крепнуть и освобождаться от зависимости помещиков в южной Эстонии только в 70—80-х годах, в северной же — еще позже. Некоторые из зажиточных эстонских крестьян стали даже помещиками, собственниками подмызков, а то и рыцарских имений; из этой же среды выдвинулись отдельные пасторы, управляющие и арендаторы имений. На побережье появились предприниматели-судовладельцы эстонской национальности. В городах наряду с лавочниками, содержателями трактиров, ростовщиками, владельцами мелких промышленных предприятий, вышедшими из рядов сельской буржуазии, появились первые представители собственно городской буржуазии, выдвинувшиеся из среды городских ремесленников, домовладельцев, мелких торговцев и др. Эстонская национальная городская буржуазия стала складываться как класс только в последних десятилетиях XIX века.

Эстонская буржуазия сформировалась исторически поздно, к тому же в условиях реакционного «прибалтийского особого порядка». Являясь в экономическом отношении относительно слабой, а в политическом — еще робкой и неопытной, эстонская буржуазия на первых порах и не помышляла о политической борьбе против прибалтийских немцев, не говоря уже о борьбе против царизма, которому она служила верой и правдой. В связи с обострением классовых противоречий в самом эстонском обществе национальную буржуазию больше беспокоило движение эстонской крестьянской бедноты, полупролетарских масс, чем те препятствия и преграды, которые ставили на ее пути бароны и царизм. В конце столетия эстонская буржуазия стала настойчиво искать сближения с русской буржуазией, надеясь таким путем укрепить свои позиции. Вот почему эстонская буржуазия никогда не являлась революционной силой. Однако в той мере, в какой эстонская национальная буржуазия, руководствуясь своими классовыми интересами, все же выступала против пережитков крепостничества и за быстрейшее развитие капитализма, она объективно играла в то время прогрессивную роль.

§ 3. НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЭСТОНИИ

Национальный вопрос в России. В России во второй половине XIX века после победы капитализма над феодализмом обострился национальный вопрос. Свыше половины всего населения России составляли угнетенные народы окраин. У этих народов возникли теперь свои экономические и культурные центры, сформировались национальная буржуазия, пролетариат и интеллигенция, стала развиваться национальная культура и зародилось национальное самосознание. Складывавшиеся

в России нации находились под гнетом царизма, а многие еще под жестоким национальным гнетом помещиков и буржуазии чужой национальности. Так в России возникли национальные движения, представлявшие собой составную часть общедемократического движения в стране.

Национальный вопрос в России был окончательно разрешен только Октябрьской революцией.

Во второй половине XIX века шло и формирование эстонской буржуазной нации. В докапиталистический период Эстония была экономически раздробленной, крепостные крестьяне были прикреплены к имениям. Теперь же развились промышленность и товарное сельское хозяйство, торговля и транспорт, появился национальный рынок, неуклонно растущие города превращались в экономические и культурные национальные центры, тесно связанные как с деревней, так и друг с другом. Возникновение рынка свободной рабочей силы, быстрый рост городов, местечек и рабочих поселков, формирование буржуазии и пролетариата обусловили значительную подвижность населения. Все эти факторы ликвидировали экономическую раздробленность эстонского народа. Изменилась структура эстонского общества — сложились национальная буржуазия, пролетариат и интеллигенция. Эти процессы послужили основой для пробуждения национального самосознания и развития национальной культуры. Значительную роль в процессе национальной консолидации эстонцев играл также язык — важнейшее средство человеческого общения. Во второй половине XIX века на основе диалекта центральной части северной Эстонии сложился эстонский национальный язык. В развитии литературного языка важное значение имела победа нового правописания над старым, носившим на себе следы немецкого влияния.

Возникновение и развитие эстонского национального движения в 60—80-х годах. Формирующаяся эстонская нация находилась в крайне стесненном положении. Господствовавшие в Прибалтике немецкое дворянство и буржуазия, за спиной которых стояло царское правительство, являлись здесь носителями полукрепостнического и национального гнета. Прибалтийские бароны и их идеологи — пасторы и реакционные публицисты — старались изобразить господствовавший здесь строй как наилучший, как воплощение европейской культуры. Они всячески принижали и оскорбляли эстонский народ, отрицали существование эстонской культуры и не признавали никакого будущего за эстонским народом. Чувствуя, что развитие капитализма расшатывает основы их крепостнической власти, прибалтийско-немецкие помещики выдвинули во второй половине XIX века лозунг онемечения эстонского народа. Они вынашивали также планы колонизации Эстонии немецкими крестьянами.

В силу этого развернувшееся во второй половине XIX века в

Эстонии общественно-политическое движение против пережитков феодализма должно было неизбежно принять национальную, антинемецкую окраску. Центральное место в эстонском национальном движении занимал аграрный вопрос. Борьба против экономического и политического господства привилегированных прибалтийско-немецких помещиков была неразрывно связана с борьбой эстонского народа за права нации и родного языка, с народно-просветительной деятельностью и строительством национальной культруы. Цели эстонского национального движения формулировала складывавшаяся национальная интеллигенция.

Эстонское национальное движение было подготовлено предшествовавшим ему антифеодальным движением, особенно деятельностью эстонских просветителей-демократов во второй четверти XIX века. В 50-х годах Ф. Р. Крейцвальд создал народный эпос «Калевипоэг», сыгравший важную вдохновляющую роль в общественно-политической борьбе. В 1857 году начала выходить газета «Пярну Постимээс» («Пярнуский Почтальон»). Этим была заложена основа национальной периодической печати.

В начале 60-х годов образовался уже ряд центров, которые объединяли вокруг себя представителей национальной интеллигенции, развивших активную общественную деятельность. В Тарту начиная с 1864 года стала выходить издаваемая И. В. Яннсеном газета «Ээсти Постимээс» («Эстонский Почтальон»). В Петербурге, в атмосфере царившей там кипучей общественной и культурной деятельности, местные эстонские интеллигенты образовали кружок «Петербургских патриотов», или «Друзей народа», в котором виднейшую роль играл художник Иохан Келер.

В 1864 году к этому кружку примкнул и молодой еще Карл Роберт Якобсон. До переезда в Петербург К. Р. Якобсон был учителем приходской школы и кистером в Торма. Своим проницательным взором он уже тогда подметил существование острых социальных противоречий в Эстонии. Вскоре у Якобсона возник конфликт с местным помещиком и пастором и он покинул Торма. «Петербургские патриоты» ставили перед собой цель освобождения эстонского крестьянства от прибалтийско-немецкого помещичьего гнета.

В середине 60-х годов крестьяне Вильяндиского уезда стали посылать царю петиции с требованиями, направленными против остатков феодализма. Эта петиционная кампания, носившая массовый характер, с одной стороны, явилась выражением стихийной классовой борьбы эстонского крестьянства, а с другой, отражала уже сознательное национальное движение, так как в ней направляющую роль играли И. Келер и местные интеллигенты (П. Петерсон, А. Петерсон, Я. Адамсон и др.). В начале 60-х годов в Вильяндиском уезде зародилась идея создания средней школы на родном языке, так называемого Эстонского Александровского училища.

Несмотря на преследования и гонения со стороны царских

властей и дворянства национальное движение принимало все более широкий размах.

Во второй половине 60-х годов началась общественная деятельность К. Р. Якобсона. С 1865 года он опубликовал на страницах «Ээсти Постимээс» статьи, в которых, насколько это позволяли цензура и робость редактора газеты И. В. Яннсена, разоблачались прибалтийско-немецкие помещики и пасторы как угнетатели эстонского народа, стремящиеся держать его в духовном невежестве. В своих статьях Якобсон выдвигал также требования улучшить положение народных школ и выступал против онемечения эстонского народа. Вскоре Якобсон выдвинулся в качестве виднейшего деятеля эстонского национального движения. В конце 60-х годов он стал все чаще выступать перед народом с речами и принимать активное участие в деятельности национальных организаций. Особую известность приобрели его «Три патриотические речи», произнесенные им в 1868 и 1870 годах. Эти речи были затем изданы отдельной брошюрой. Народ встретил их восторженно, а прибалтийско-немецкие помещики подняли против них неистовый вой. В «Патриотических речах» и во многих других своих публичных выступлениях Якобсон рассказывал о прошлом народа, говорил, что эстонцы до прихода чужеземных захватчиков были сильным и культурным народом, что прибалтийско-немецкие помещики являются угнетателями, ввергшими эстонский народ в рабство и нищету. Якобсон, правда, не избежал идеализации жизни эстонцев до прихода западных завоевателей, но эта идеализация не была для него самоцелью. Обращаясь к славным страницам истории народа, он старался вселить в своих соотечественников веру в их силы, пробудить в них дух борьбы. Он подчеркивал в своих выступлениях упорное сопротивление эстонского народа своим поработителям и этим призывал соотечественников на борьбу против прибалтийско-немецких помещиков.

К. Р. Якобсон.

«Петербургские патриоты» с самого начала пришли к убеждению, что в противовес робкой газете «Ээсти Постимээс» следует основать новую газету, которая бы ставила себе задачей

всестороннюю критику господствующих порядков в Прибалтике и пробуждение народа к активной общественной жизни.

Начиная с 1868 года К. Р. Якобсон стал добиваться разрешения на издание своей газеты, но царские власти всячески препятствовали осуществлению этого начинания.

В конце 60-х годов было положено начало ряду общеэстонских национально-культурных мероприятий: были предприняты шаги, чтобы учредить организацию для сбора денежных средств на среднюю школу, где преподавание велось бы на родном языке, и чтобы основать Общество эстонских литераторов. В 1869 году по инициативе И. В. Яннсена состоялся первый всеэстонский певческий праздник. Хотя он проходил под покровительством немецких пасторов и его репертуар состоял в основном из немецких песен, певческий праздник сыграл немалую роль в пробуждении национального самосознания эстонцев.

Классовая борьба крестьянства в 60-х годах и национальное движение тесно переплетались между собой. Стихийная борьба и требования крестьян оказывали влияние на формирование взглядов и деятельность передовой эстонской интеллигенции.

В 70-х годах национальное движение вступило в новую фазу. Стали работать многие национально-культурные организации. В 1871 году начала свою деятельность организация по сбору денежных средств для Эстонского Александровского училища, в 1872 году было открыто Общество эстонских литераторов, зарегистрированное под названием «Общества грамотных эстонцев». Организация по сбору денежных средств на среднюю школу состояла из так называемого главного комитета и сети подкомитетов по всей стране. Последние зачастую превращались в центры культурной работы на селе. Значительную роль в национальном движении играли местные певческие общества («Ванемуйне» в Тарту, «Ильмарине» в Нарве, «Койт» в Вильянди и др.), а также общества земледельцев в Тарту, Вильянди, Пярну и Выру. Последние, наряду с пропагандой рациональных способов ведения сельского хозяйства, выступали в то время против отработок и других пережитков крепостничества. Направляющей силой в национальных организациях были сельские народные учителя, активно участвовали в них арендаторы и владельцы крестьянских дворов, а также представители других слоев крестьянства.

Деятельность национальных организаций способствовала расширению культурного и политического кругозора народа, росту национального самосознания широких народных масс. Это явилось основой для особенно оживленной идейно-политической борьбы в конце 70-х и начале 80-х годов (совпавшей с новой революционной ситуацией в России). Толчок в этом направлении дала газета К. Р. Якобсона «Сакала», разрешение на издание которой он, наконец, получил в 1878 году. В то время стал выходить еще ряд эстонских газет («Тарту Ээсти Сейтунг» в 1879 г., «Валгус» в 1880 г., «Олевик» в 1881 г.). Началась ожесточенная

полемика между идеологами эстонского национального движения и идеологами прибалтийско-немецкого дворянства и буржуазии. Последние чувствовали шаткость своих позиций и грызлись между собой по вопросу проведения реформ прибалтийских сословных учреждений. Большинство дворянства продолжало цепко держаться за сословные привилегии. В то же время нарастал острый конфликт в самом эстонском национальном движении — между двумя его направлениями, сложившимися в ходе предшествующего развития.

Два направления в эстонском национальном движении. По своему содержанию национальное движение в Эстонии в 60—80-х годах было антифеодальным, то есть буржуазным. Оно носило общедемократический характер, ибо вовлекало в антифеодальную борьбу, в борьбу за права народа и нации все слои эстонского населения и, в первую очередь, крестьянство. При этом, однако, в национальном движении стали все отчетливее вырисовываться два различных направления: буржуазно-клерикальное и буржуазно-демократическое. Требования этих направлений отражали интересы разных классов.

Буржуазно-клерикальное направление в 60-х годах возглавлял редактор газеты «Ээсти Постимээс» И. В. Яннсен. С 70-х годов здесь выдвинулись Якоб Хурт и ряд других пасторов-эстонцев.

Для буржуазно-клерикального направления было характерно стремление содействовать развитию крестьянского хозяйства. В 60-х годах И. В. Яннсен на страницах газеты «Ээсти Постимээс» пропагандировал денежную аренду, покупку крестьянских дворов в собственность и сельскохозяйственные нововведения. В известной мере представители буржуазно-клерикального направления выступали и против привилегий помещиков, однако воздерживались при этом от серьезной критики существовавшей в Прибалтике полукрепостнической системы в целом и не выдвигали конкретных экономических и политических требований искоренения пережитков крепостничества. Буржуазно-клерикальное направление, страшась активизации народных масс, не призывало народ к политической борьбе. Низкопоклонничая перед помещиками, представители буржуазно-клерикального направления фактически не шли дальше робких просьб учитывать экономические и политические интересы крестьян-дворохозяев. В то же время, обращаясь к народу, они уговаривали его мириться со своим положением и уповать на бога. Особенно характерно это было для выступлений Яннсена, а также Хурта.

В 60-х годах деятельность И. В. Яннсена и его газеты «Ээсти Постимээс» характеризовалась стремлением пробудить национальное самосознание и повысить образовательный уровень народа. Прогрессивное значение имели и выступления Я. Хурта в 70-х годах против немецкой ассимиляции, за обучение на родном языке и за национальную культуру. Но и в этих своих устремле-

ниях представители буржуазно-клерикального направления не были последовательны. Христианскую религию, а именно, ортодоксальную лютеранскую веру, они считали важнейшим столпом национальной культуры. «Христианская церковь — наша духовная мать», — писал Я. Хурт. Деятели буржуазно-клерикального направления во главе с Я. Хуртом защищали «авторитет» прибалтийской лютеранской церкви — злейшего врага народного просвещения, прогресса и эстонской национальной культуры — от критики демократического направления. Тем самым буржуазно-клерикальное направление фактически ставило себя на службу прибалтийско-немецким помещикам и пасторам.

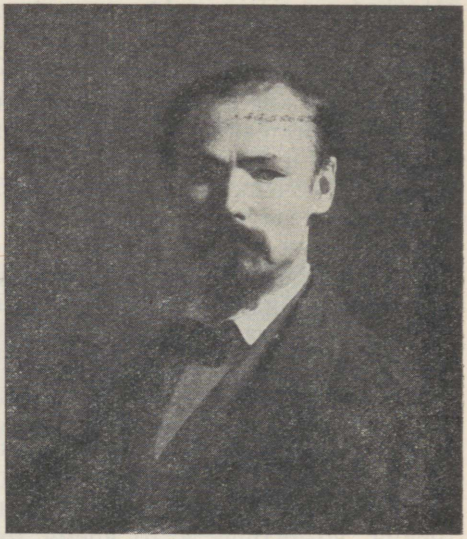
В последующие годы буржуазно-клерикальное направление шло все дальше по пути примирения с прибалтийским сословным порядком и даже оправдывало его. Начиная уже с 1871 года Яннсен стал получать денежные дотации от помещиков и закрыл доступ в свою газету Якобсону.

Хотя буржуазно-клерикальное направление в эстонском национальном движении и выступало за буржуазный путь развития, оно из страха перед движением народных масс шло на соглашение с помещиками и мирилось с пережитками крепостничества. Объективно это направление отражало медленный, отягощенный многими феодальными пережитками путь развития капитализма, так называемый прусский путь. Деятельность этого направления отражала корыстные интересы крепнущей эстонской сельской буржуазии, особенно той ее прослойки, которая была тесно связана с имениями и церковью.

Наиболее выдающимся представителем буржуазно-демократического направления в эстонском национальном движении был учитель, позднее дворохозяин и публицист К. Р. Якобсон. К этому направлению принадлежали также художник И. Келер, писатель Ф. Р. Крейцвальд, поэт и языковед Михкель Веске, писатели Адо Рейнвальд и Юхан Кундер, редактор газеты «Вирулане» Яак Ярв и др.

Целью буржуазно-демократического направления являлось создание свободного крестьянского землевладения и полная ликвидация всех феодально-крепостнических пережитков в Эстонии. Представители этого направления выступали за принципы равноправия сословий и уничтожение господства прибалтийско-немецкого дворянства, за предоставление эстонскому крестьянству политических прав. В неразрывной связи с этим они боролись и за жизненные права эстонской нации. К. Р. Якобсон смело поставил вопрос о том, что эстонец должен снова стать хозяином в своей стране. Прибалтийско-немецких помещиков он называл кровопийцами и паразитами, которые «впились, как пауки, в жилы эстонского народа». И. Келер высказывал мнение, что эстонские крестьяне имеют право безвозмездно получить обратно от помещиков землю своих отцов. Он стоял также за раздел мызных земель между безземельными крестьянами и считал, что по-

мещикам надо оставить в пользование лишь такой процент земли, какой они составляют от общей численности населения. Келер называл прибалтийско-немецких помещиков рыцарями-разбойниками, продолжающими и поныне грабить эстонских крестьян, и говорил, что от них необходимо избавиться любыми средствами. Якобсон, Келер и другие деятели буржуазно-демократического направления искренне верили, что с ликвидацией феодально-крепостного строя наступит всеобщее благоденствие.



Автопортрет.
И. Келер.

Якобсон и его единомышленники считали, что народ должен сам бороться за свои права. Они ставили своей целью активизировать народные массы на борьбу против помещиков, связывая эту борьбу с задачами национального пробуждения народа, повышения его культурного уровня и высвобождения из-под дурманящего влияния церкви. В избавлении от помещичьего гнета представители буржуазно-демократического направления видели необходимую предпосылку для развития национальной культуры.

Деятели этого направления всесторонне критиковали существовавшую в Прибалтике полукрепостническую систему и выдвигали ряд конкретных требований, направленных на ее ликвидацию. Большая часть этих требований была уже выработана в 60-х годах в ходе петиционного движения крестьян южной Эстонии. В более полном виде они были сформулированы К. Р. Якобсоном на страницах газеты «Сакала». Представители демократического направления настаивали на том, чтобы помещикам запретили отнимать у крестьян землю, чтобы крестьянские хозяйства наделялись лесом и торфяными болотами, добивались ликвидации всех форм отработочной ренты и прочих кабальных арендных договоров и равномерного распределения налогов между мызными и крестьянскими землями. Кроме того, они требовали отмены телесных наказаний, предоставления крестьянам одинаковых с дворянами прав в суде и самоуправлениях, а также полной ликвидации всех других сословных привилегий рыцарства и лютеранской церкви. На страницах газеты «Сакала» было выдвинуто требование распространить на Прибалтику российскую

земскую и судебную реформу, а также освободить волостные самоуправления, школы и церкви из-под власти помещиков и сделать школу светской с преподаванием на родном языке.

Представители демократического направления стояли на позициях равноправия и дружбы народов и пропагандировали эти идеи. В борьбе против прибалтийско-немецких помещиков они искали союзников в русском обществе. Опираясь на идеи дружбы народов, изложенные русским публицистом Н. Флеровским в его работе «Положение рабочего класса в России», К. Р. Якобсон развил мысль о дружеском сотрудничестве славянских и финских народов. Он писал: «Я все более и более сознаю, что только в дружбе с русскими мы можем достигнуть тех целей, к которым стремятся лучшие люди нашего народа».

Якобсон и Келер использовали для критики привилегий прибалтийско-немецких помещиков русскую либеральную и славянофильскую печать, не соглашаясь, однако, с руссификаторскими стремлениями славянофилов.

Келер, Якобсон и другие представители буржуазно-демократического направления поддерживали тесные связи также с прогрессивными деятелями Латвии, с которыми их сближала общая борьба против прибалтийско-немецких феодалов. Крепла связь и с деятелями культуры Финляндии, где народ тоже вел борьбу против национального угнетения.

Взгляды представителей буржуазно-демократического направления зачастую носили еще печать крестьянского наивного монархизма. Якобсон и Келер возлагали надежды и на некоторые трения, возникшие в то время между прибалтийско-немецкими помещиками и царским правительством, пытаясь использовать это в интересах эстонского крестьянства.

Имеются также данные, относящие к началу 80-х годов, о распространении среди эстонской прогрессивной интеллигенции республиканских идей. А. Дидо (Тийдо), корреспондент газеты «Сакала» и единомышленник Якобсона и Веске, высказал в 1882 году в одном рукописном стихотворении мысль об эстонской республике. Когда у Дидо был произведен обыск, это стихотворение, вместе с запрещенной иностранной литературой и другими материалами, попало в руки жандармов. После почти трехлетнего заключения Дидо был выслан в административном порядке. Через два года он эмигрировал и продолжал за границей заниматься публицистикой, требуя конституционных свобод и возвращения земли и лесов эстонским крестьянам.

Представители буржуазно-демократического направления не призывали народ непосредственно к революционной борьбе. Однако их главная цель — создать свободное крестьянское землевладение, ликвидировать власть прибалтийско-немецких помещиков и добиться осуществления равноправия сословий — была объективно революционной, ибо достижение ее было немыслимо

без разрушения полуфеодального строя, господствовавшего в Прибалтике.

Буржуазно-демократическое направление в эстонском национальном движении выступало за активизацию широких народных масс, против пережитков феодально-крепостнического строя. Объективно оно отстаивало быстрый и свободный путь развития капитализма, так называемый американский путь. Хотя по своему содержанию и это направление было буржуазным, оно, в отличие от клерикального направления, отражало не своекорыстные устремления крепнущей сельской буржуазии, а интересы самых широких слоев крестьянства и прежде всего широкого слоя «совсем незрелых, но энергично стремящихся созреть мелких и частью средних хозяев» [1]; в целом буржуазно-демократическое направление отражало интересы эстонского крестьянства как класса, борющегося против пережитков крепостничества.[2]

№ 1 ja 2.

Sakala.

üks poliitika, kirjanduse ja põllutöö ajaleht.

Заголовок газеты «Сакала».

Сформулированные представителями демократического направления требования нашли широкий отклик в народных массах. Об этом особенно ярко свидетельствует тесная связь с народом газеты К. Р. Якобсона «Сакала». Число подписчиков на газету за короткий срок достигло небывало высокой для условий того времени цифры — 4600 человек, при этом надо учитывать, что в то время одну газету читало обычно много людей. Сеть корреспондентов газеты охватила все уголки страны. Ото всех слоев крестьянства поступали в «Сакала» письма, в которых рассказывалось об угнетении народа помещиками и одурманивании его пасторами. Бароны и духовенство всячески преследовали Якобсона и его газету. В 1879 году они добились закрытия газеты на 8 месяцев. Это, однако, еще больше подняло ее популярность в народных массах.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 513.
[2] См. В. И. Ленин. Соч., т. 6, стр. 97.

Против «Сакала» яростное наступление повели и представители буржуазно-клерикального направления во главе с Я. Хуртом. В конце 70-х и начале 80-х годов эта острая борьба со страниц печати перенеслась и во все национальные организации. Я. Хурт и его единомышленники своими выступлениями против демократического движения и в защиту церкви все больше подрывали свое влияние на членов ведущих национальных организаций. Тогда Я. Хурт и его сторонники решили нанести сокрушительный удар, в первую очередь, Обществу эстонских литераторов. В 1881 году они вышли из состава членов общества. Но это только повысило интерес к деятельности общества со стороны широких слоев народа. Президентом Общества эстонских литераторов был избран К. Р. Якобсон. Ожесточенная борьба развернулась и в главном комитете и подкомитетах Эстонского Александровского училища вокруг вопроса о типе учебного заведения и составе его попечительского совета. Руководство главного комитета, состоявшее из приверженцев клерикального направления, намеревалось вместо крайне важной, с точки зрения народного просвещения, общеобразовательной средней школы основать сельскохозяйственную школу, угодную помещикам. Руководство комитета выступило также против попытки представителей демократического направления обеспечить в будущем попечительском совете большинство за представителями крестьян. В 1883 году Я. Хурт подал на подкомитеты Александровского училища донос политического характера. Царские власти воспользовались этим как поводом для закрытия главного комитета и всех подкомитетов. Так буржуазно-клерикальное направление вступило на путь предательства национальных интересов.

Борьба между обоими направлениями в эстонском национальном движении, в особенности же последовательные выступления газеты «Сакала» против пережитков феодально-крепостнического строя, оживленная полемика на страницах этой газеты — все это будило народ к политической жизни.

Национальное движение в Эстонии, как движение общедемократическое, объективно способствовало подготовке почвы для буржуазно-демократической революции.

§ 4. ПЕРВЫЕ ШАГИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В ЭСТОНИИ

Победа капитализма над феодализмом не уничтожила эксплуатации, она лишь заменила одну форму эксплуатации другой. Борьба трудящихся масс против эксплуататоров вступила в новую фазу. Во главе этой борьбы стоял самый революционный из всех существовавших доселе классов — пролетариат. Великими учителями и вождями пролетариата были Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Маркс и Энгельс являются основоположниками научного коммунизма — марксизма. Они показали, что развитие ка-

питалистического общества и классовая борьба неизбежно приведут к победе пролетариата над буржуазией, к диктатуре пролетариата, которая избавит человечество от капиталистической эксплуатации.

Борьба рабочих против капиталистов вначале носила стихийный, неорганизованный характер. В 60-х годах во всей России произошло лишь примерно 50 волнений и забастовок рабочих; в Эстонии их еще не было. Основными формами борьбы эстонских рабочих в этот период, как и в предыдущий, были самовольный уход с фабрик, подача жалоб и акты мести со стороны отдельных рабочих. Наиболее крупным в ту пору выступлением местных рабочих явилось бегство 150 нанятых в Германии ткачей с Кренгольмской фабрики весной 1860 года, вызванное невыносимо жестокой эксплуатацией и бесчеловечным обращением.

В 70-х годах начался новый этап в рабочем движении России. В 1870 году вспыхнула крупная забастовка на Невской бумагопрядильне в Петербурге. Забастовщиков арестовали и предали суду, ибо забастовки в России были запрещены. Царь издал секретный приказ, по которому губернаторы получали право в административном порядке высылать участников забастовок в отдаленные губернии. Несмотря на преследования, рабочее движение в 70-х годах продолжало неуклонно расти. В эти годы в России произошло уже 224 стачки. Забастовка, как специфическое средство классовой борьбы пролетариата, сделалась с этих пор важным оружием в руках и эстонских рабочих.

Первым массовым выступлением рабочих в Эстонии явилась забастовка рабочих Кренгольмской мануфактуры в 1872 году, которая была вместе с тем крупнейшей до тех пор забастовкой во всем рабочем движении России. Жестокая эксплуатация на Кренгольме, которая в начале 70-х годов еще более усилилась, вызвала острое недовольство среди русских и эстонских рабочих. Особенно тяжелым стало положение рабочих летом 1872 года, когда в результате крайне антисанитарных условий на Кренгольме вспыхнула эпидемия холеры. За короткий срок она унесла 334 человека.

Русские рабочие, прибывшие сюда из внутренних губерний и имевшие уже некоторый опыт стачечной борьбы, выступили первыми. 14 августа начали забастовку 500 ткачей, они предъявили выработанные заранее требования. Через неделю выставили свои требования и прядильщики. Рабочие потребовали от администрации улучшения условий труда, повышения заработной платы, уменьшения штрафов, сокращения рабочего дня, избрания рабочего старосты из среды самих рабочих и т. д. Забастовка принудила управляющего и эстляндского губернатора начать 21 августа разбор требований рабочих и пойти на некоторые, хотя и незначительные, уступки. Теперь работа на фабрике начиналась на полчаса позднее, обеденный перерыв был продлен на 20 минут, были отменены двухпроцентные вычеты «на больницу и церковь».

Единодушное выступление эстонских и русских рабочих напугало капиталистов и царские власти. В одном отчете даже отмечалось, что «по ряду выдвинутых рабочими требований и упорству эта забастовка была первым такого рода явлением в России».

В дальнейшем фабричное управление пыталось отказаться от сделанных уступок, при этом оно пошло на провокацию с целью избавиться от наиболее сознательных рабочих, выступивших в защиту интересов товарищей. Рабочие во главе с Вильгельмом Прейсманом и другими потребовали от фабричного управления увольнения двух доносчиков и удовлетворения всех ранее предъявленных требований. Теперь управляющий решил силой подавить выступление рабочих. Гакенрихтер начал производить среди них аресты. В ответ на это 11 сентября вспыхнула забастовка, в которой приняли участие все рабочие Кренгольмской мануфактуры — около пяти тысяч человек. Бастующие освободили часть арестованных.

В. Г. Герасимов.

В кренгольмской забастовке ярко проявилась дружба и братская солидарность эстонских и русских рабочих, выросшая на основе единства классовых интересов. Для предъявления требований начальству забастовщиками были избраны делегаты поровну от русских и эстонских рабочих; делегаты единодушно отстаивали общие требования.

Прибывшие на место крупные воинские части подавили забастовку. 27 рабочих были приговорены к каторжным работам, тюремному заключению и высылке. Над осужденными рабочими было учинено кроме того публичное надругательство — они были выставлены в Таллине к позорному столбу, а часть из них подверглась телесному наказанию. Фабричное управление, однако, не удовольствовалось этими репрессиями. До конца года оно уволило еще 405 рабочих, большинство которых было отдано в солдаты.

Из среды активных участников кренгольмской забастовки выдвинулись рабочие-революционеры. Наиболее выдающимся из них был Василий Герасимович Герасимов, который в последующие годы вел революционную работу среди рабочих и солдат в

Петербурге, где он вовлекал в революционную деятельность и эстонцев. Герасимов в 1875 году был приговорен к долгосрочной каторге. В написанных им воспоминаниях, опубликованных впервые только в 1906 году, содержатся ценные сведения о жизни и борьбе рабочих Кренгольма. В. Прейсман, которому запретили проживание в Раквереском и Ямбургском уездах, уехал после увольнения в Петербург, где он также принимал участие в революционном движении. В 1874 году он вместе со многими революционерами был арестован.

В 70-х годах революционную работу в России вели народники, взгляды которых в то время были широко распространены среди передовых рабочих и интеллигенции. Хотя народники и называли себя социалистами, но на самом деле они ничего общего с научным социализмом не имели. Народники не понимали передовой роли рабочего класса и ошибочно считали главной революционной силой крестьянство.

В эти годы в Петербурге появились и первые революционные рабочие кружки. По инициативе одного из руководителей петербургского рабочего кружка — Луки Иванова в начале 1875 года был создан рабочий кружок и на Кренгольме. Во главе кружка стоял Павел Федоров. Члены кружка читали и распространяли нелегальную литературу, присылаемую рабочими Петербурга. Это была еще главным образом народническая литература. Царская жандармерия разгромила этот кружок в начале апреля 1875 года.

Забастовки меньших размеров имели место в этот период и в Таллине — в 1876 году бастовали рабочие типографии Линдфорса, в 1880 году — портовые рабочие.

В 1878 году в Петербурге был организован «Северный союз русских рабочих», во главе которого стояли слесарь В. Обнорский и столяр С. Халтурин. В отличие от программы народников программа союза признавала массовую борьбу за политическую свободу. Конечной целью борьбы провозглашалось осуществление социалистической революции. Союз начал руководить забастовками рабочих. В начале 1879 года была сделана попытка вступить в контакт и с кренгольмскими рабочими, чтобы привлечь их к поддержке бастующих рабочих двух петербургских текстильных фабрик. Забастовка была, однако, подавлена, а прибывшие на Кренгольм петербургские рабочие были взяты администрацией под строгий надзор.

Почти все забастовки 70-х годов носили экономический характер. Однако рабочее движение того времени свидетельствовало о том, что рабочий класс в России начал пробуждаться и повел борьбу против капиталистов.

В результате обострения социальных и политических противоречий в 1879—1880 годах в России сложилась новая революционная ситуация.

Бедствия и нищета крестьянства и рабочего класса России возросли. Снова усилилось стихийное движение крестьян. Ширилась забастовочная борьба рабочих, особенно в Петербурге. Революционные народники вели борьбу против царизма путем индивидуального террора, но метод борьбы народников был ошибочен, он приносил только вред революции, тормозил развитие революционной инициативы рабочего класса и крестьянских масс. Правящий класс и царское правительство, боясь взрыва народной революции, колебались между реформами и репрессиями.

Революционная ситуация, однако, не переросла в революцию. Революционерам удалось в 1881 году убить царя Александра II, но движение угнетенных классов не было еще достаточно широким и организованным. Трусливые либералы ограничивались подачей петиций, стремясь добиться соглашения с самодержавием. На престол взошел новый царь Александр III. Наступили годы необузданной и жестокой реакции. Был проведен ряд контрреформ, в стране бушевал шовинизм. Жизнь рабочих и крестьян стала еще тяжелее.

Обострились социальные противоречия и в Эстонии, положение народных масс еще более ухудшилось. В конце 70-х и в начале 80-х годов возросла активность угнетенных масс в борьбе с пережитками крепостничества, в борьбе против помещиков и царизма, развернулось революционное движение. В Эстонии, как и в других местах России, среди крестьян распространились слухи о разделе земли. В деревне обострились противоречия между беднотой и хищнической сельской буржуазией. Об этом свидетельствует, между прочим, и увеличение числа судебных дел по обвинению крестьян в оказании сопротивления или оскорблении служащих волостных правлений — обычно зажиточных крестьян-собственников. Батраки и крестьяне-бедняки уезда Вырумаа открыто потребовали в 1882 году раздела кулацкой земли.

В то же время участились стихийные выступления зависимых от имений крестьян против помещиков. На это власти отвечали применением вооруженной силы и массовыми арестами. В качестве примера можно привести выступление бедняков имения Имасту в Вирумаа, которые в августе 1881 года отказались отбывать барщину на полях помещика. Выступление это было жестоко подавлено гакенрихтером и жандармами, один крестьянин был убит, а много других отдано под суд. В начале 80-х годов резко участились акты индивидуальной мести, которые были направлены на отдельных помещиков, их приспешников и кулаков. Эти акты мести чаще всего принимали форму поджога. Кое-где крестьяне самовольно захватывали помещичьи земли. В 1887

году были приговорены к тюремному заключению 17 крестьян из имения Сууремыйза (остров Хийумаа) за то, что они разрушили ограду помещичьего выгона и загнали свой скот на это пастбище.

Жестоко подавлялись и попытки крестьян представить властям требования относительно улучшения своего невыносимого положения. Подвергались преследованию даже те, кто оказывал крестьянам помощь в составлении прошений. В Раквере, в частности, за это были арестованы М. и Е. Линденберги и Г. Штейн.

В начале 80-х годов в Эстонии более широкое распространение получила деятельность революционных народников. Центром их был университетский город Тарту. В 1885 году в квартире одного студента жандармы обнаружили подпольную типографию, различную народническую литературу и корреспонденцию.

Эстонская буржуазия резко выступала против требований безземельных и деревенской бедноты, как и против требований промышленного пролетариата. Однако проповедуемое буржуазными националистами «национальное единство» не могло скрыть наличия классового расслоения и антагонизма в самой эстонской нации. Обострение классовых противоречий обусловило в 1882—1883 годах кризис в национальном движении. Изолируясь от масс и открыто выступая против их насущных интересов, эстонская буржуазия в 80—90-х годах еще настойчивее ищет союза с немецкими помещиками и русской буржуазией. Она всячески поддерживает реакционную антинародную политику царского правительства.

Подъем крестьянского движения в Эстонии и Латвии в начале 80-х годов и дальнейшее развитие капитализма заставили царское правительство уделить большее внимание положению в Прибалтике. В 1882—1883 годах в Лифляндской и Курляндской губерниях была проведена ревизия сенатора Манасейна. Это был маневр, направленный на обман латышского и эстонского крестьянства, маневр, который подготовил переход самодержавия и на этой окраине к политической реакции. Последовавшие затем реформы исходили, конечно, не из подлинных нужд и пожеланий народа, выявленных в ходе ревизии из массовых жалоб и заявлений, а имели целью укрепить позиции самодержавия и содействовать подавлению растущего рабочего и крестьянского движения. Однако объективно, в силу своей буржуазной сущности, эти реформы все же ослабляли прибалтийский особый порядок и способствовали развитию капитализма.

В 1888 г. была проведена полицейская реформа, заменившая гакенгерихты и орднунгсгерихты полицией, состоявшей из назначаемых правительственными властями чиновников. С некоторыми урезками была проведена, наконец, в 1889 году и судебная реформа. По сравнению с существовавшим доселе в Прибалтике крепостническим судопроизводством, она была шагом вперед. Были учреждены верхний крестьянский суд, мировой суд, съезд

мировых судей и губернский окружной суд. Судей в Прибалтике, в отличие от внутренних губерний, назначал непосредственно министр юстиции, присяжных заседателей вообще не было. Из существовавших ранее судов с некоторыми изменениями сохранился волостной суд, членов которого утверждал в должности съезд мировых судей. В то же время была проведена и реформа судопроизводства. Была учреждена должность комиссара по крестьянским делам. Комиссаров назначал министр внутренних дел. Обязанностью комиссаров был надзор за выполнением аграрных законов и деятельностью волостных самоуправлений. Одновременно были ликвидированы прежние, возникшие в период крепостного права мызные волости и образованы новые, более крупные волости.

В середине 80-х годов царское правительство стало проводить в Эстонии и Латвии активную руссификаторскую политику, используя для этого правительственные учреждения, школу и православную церковь. В 1885 году началось введение русского языка как единственного официального языка во всех учреждениях. В последующие годы народные школы были переданы в ведение министерства просвещения и все обучение в школах, как в начальных, так и в университете, постепенно было переведено на русский язык. Школьными учителями, судьями, полицейскими и другими должностными лицами стали назначать русских, не знавших местного языка. Усиленно стало распространяться православие. Этими мерами царское правительство преследовало реакционную цель руссификации эстонского народа.

§ 6. РОСТ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В 80-х ГОДАХ

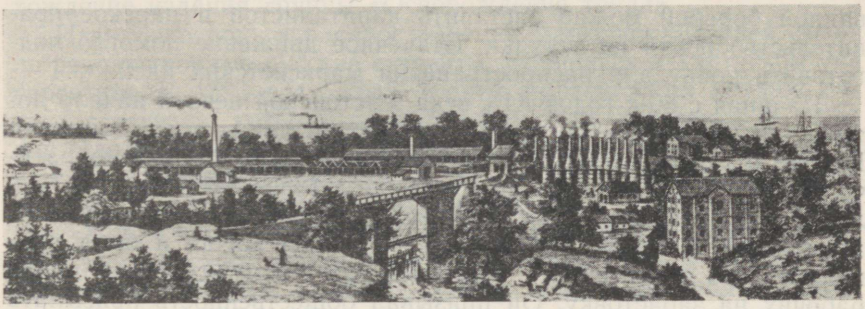
В начале 80-х годов в России разразился промышленный кризис. Кризис захватил и Эстонию. Капиталисты усилили наступление на рабочих. Систематически снижалась заработная плата, увеличивались штрафы. Вследствие массовых увольнений безработица приняла угрожающие размеры, цены на товары первой необходимости росли, среди рабочих усилилась нищета.

В условиях кризиса классовые противоречия еще более обострились, рабочее движение росло и крепло по всей России.

В Эстонии в 80-х годах крупнейшим выступлением рабочего класса была стачка нарвских рабочих в 1882 году. Кренгольмские рабочие в конце июля 1882 года потребовали повышения заработной платы, уменьшения грабительских штрафов, сокращения рабочего дня, ликвидации бесправия, грубого произвола мастеров, а также улучшения тяжелых квартирных условий. Фабричная дирекция, однако, и не думала выполнять справедливые требования рабочих. 29 июля забастовали 38 прядильщиков, а 2 августа бастовали уже все рабочие Кренгольма, всего свыше 5200 человек. Забастовка вспыхнула также на Нарвской суконной

фабрике и на литейном заводе Зиновьева. Впервые в Эстонии в забастовке одновременно участвовали рабочие более чем одного предприятия в одном и том же промышленном центре.

Ткачи суконной фабрики и литейщики завода Зиновьева, однако, вскоре прекратили забастовку: первые — вследствие уступок, сделанных фабричной администрацией, вторые — под угрозой расправ. На Кренгольме же забастовка продолжалась, несмотря на прибытие целого полка пехоты. Только в результате жестокого военно-полицейского террора, арестов, массовых высылок, преследований и избиений рабочих властями в конце концов удалось подавить забастовку. Под нажимом и под надзором войск рабочие постепенно принялись за работу, но ночная смена была снова введена лишь 16 сентября, когда прекратили забастовку последние 500 рабочих.



Цементный завод в Кунда.

Забастовка 1882 года была в сравнении с предыдущими более организованной и упорной, рабочие проявили больше сознательности, используя опыт борьбы петербургских рабочих. В организации забастовки принимали участие, наряду с ранее известными революционными рабочими (П. Федоров), также более молодые (Дмитрий Григорьев, Влас Филиппов, Пауль Кулламаа и др.). Руководящая роль в забастовке принадлежала русским рабочим. Из 245 арестованных и высланных рабочих 212 были русские.

В следующем году вспыхнула забастовка на цементном заводе в Кунда. Когда директор для устрашения рабочих решил отправить двух из них в гакенгерихт, они, не признавая полицейской власти помещика, отказались идти туда. «Виновных» попытались отвести силой, но рабочие оказали открытое сопротивление и начали 20 июля частичную, а 22 июля общую забастовку (всего бастовало 336 эстонских и русских рабочих). И эту забастовку подавили полицейской силой. Было арестовано 42 рабочих, из них 9 были отданы под суд и подверглись наказанию. Попытки кундаского заводского управления расколоть рабочих, натравить русских и эстонских рабочих друг на друга, а окре-

стных крестьян — на рабочих окончились полным провалом. В ходе борьбы рабочие еще теснее объединились против эксплуататоров, крестьяне же оказывали рабочим косвенную поддержку.

Во второй половине 80-х годов и в начале 90-х годов в Эстонии произошел ряд забастовок — в Нарве, Таллине, Кунда, Пярну и Валга.

Забастовочное движение в Эстонии в 80-х годах по-прежнему оставалось стихийным, рабочие выдвигали лишь экономические требования. Однако по сравнению с прежним десятилетием борьба пролетариата против капиталистов была все же более сознательной и активной. Из рабочего класса выдвинулись революционные вожаки, стало просыпаться классовое сознание пролетариата.

Из опыта стачечной борьбы рабочие делали вывод, что против капиталистов надо выступать сообща, что только организованной борьбой можно заставить капиталистов и царское правительство пойти на уступки. Стачечное движение помогло подготовить почву для распространения марксистских идей.

Начиная с 80-х годов XIX века в эстонской печати начало появляться все больше сообщений о рабочем движении в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки. Буржуазно-демократическая газета «Вирулане», выходившая в 1882—1888 годах в Таллине и редактировавшаяся Я. Ярвом, освещала не только тяжелое положение сельской бедноты, но и условия жизни и быта промышленного пролетариата. Ярв выступал в своей газете за право рабочих на забастовку. Он призывал общественность присылать в газету материалы, которые правдиво освещали бы события и положение на местах. Однако собранные о промышленном пролетариате и деревенской бедноте сведения и заметки из-за цензуры можно было публиковать только частично. Царские власти сочли опасной деятельность газеты «Вирулане», она была обвинена в распространении социализма и закрыта, а редактор Ярв осенью 1888 года был выслан из Эстонии.

Положения фабрично-заводского законодательства, вызванного к жизни борьбой русского рабочего класса, мало-помалу распространялись также на Эстляндскую и Лифляндскую губернии. Изданный в 1886 году в результате морозовской стачки закон о штрафах и расчетных книжках царское правительство было вынуждено в 1894 году распространить и на прибалтийские губернии, учредив здесь также фабрично-заводскую инспекцию.

Начало распространения марксизма в Эстонии. Гениальные труды Маркса и Энгельса проникли в Россию уже в 60—80-х годах. Первый перевод на русский язык «Манифеста Коммунистической партии» появился в 1869 году, перевод первого тома «Капитала» Маркса — в 1872 году. Большую работу по распространению марксизма в России проделала группа «Освобождение труда», основанная Г. В. Плехановым в 1883 году за границей, в Женеве. Начиная с 1884 года в Петер-

бурге и других местах России стали возникать марксистские группы и кружки. Однако эти группы и кружки не были еще связаны с массовым рабочим движением. Распространение идей марксизма шло в борьбе с народничеством. Идейный разгром народничества, как враждебного марксизму течения, завершил в 90-х годах В. И. Ленин.

На почве развития промышленного капитализма и роста рабочего движения в последние десятилетия века марксистские идеи стали распространяться и в Эстонии. Труды Маркса и Энгельса стали известны в Эстонии в первую очередь благодаря русским революционерам и передовым рабочим, а также немецким рабочим — социал-демократам, приезжавшим из Германии на работу в Эстонию. Газета «Вирулане» опубликовала некоторые заметки, которые знакомили читателей с учением марксизма и его влиянием в Западной Европе. В 80-х годах в Эстонии получили хождение издания группы «Освобождение труда».

Известную роль в распространении марксистских идей сыграли революционные русские студенты, учившиеся в Тартуском университете. В 1893 году здесь возник марксистский кружок русских студентов, который в следующем году возглавил В. Шанцер-Марат. Кружок имел связи с эстонскими и латышскими передовыми студентами. В начале 90-х годов изучением марксизма занялся также научно-литературный кружок латышских студентов «Пипкалония», организованный в 1888 году. Позднее в работе этого кружка участвовали и эстонцы (главным образом студенты). В 1895 году к этому кружку примыкал эстонский писатель Эдуард Вильде; знакомство с марксизмом оказало очень сильное влияние на формирование его мировоззрения.

В 80-х и начале 90-х годов появились небольшие рабочие кружки также в Таллине. Однако все они существовали лишь короткое время и, подобно студенческим кружкам, не были связаны с рабочим движением.

Причина слабости рабочего движения в 70—80-х годах заключалась в том, что оно тогда еще не было соединено с марксизмом. Задачу соединения марксизма с рабочим движением осуществил в России основоположник большевизма В. И. Ленин. С 1895 года в русском освободительном движении начался новый период — пролетарский.

Огромное значение для развития рабочего движения в Эстонии имело то обстоятельство, что крупные промышленные центры, и прежде всего Нарва, находились в тесной связи с Петербургом, игравшим авангардную роль в русском рабочем движении. Эстонские рабочие усваивали опыт петербургских рабочих. В эстонском рабочем движении руководящее место принадлежало русским революционным рабочим, которые имели большой опыт борьбы против эксплуататоров. Уже с первых шагов рабочего движения в Эстонии сложилось братское содружество эстонского и русского пролетариата.

§ 7. РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ ЭСТОНСКОГО НАРОДА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Основой роста культуры эстонского народа во второй половине XIX века было развитие капитализма, образование эстонской нации и укрепление культурных связей с соседними народами, в особенности с русским народом.

Все лучшее в эстонской культуре развивалось в тесной преемственной связи с эстонской народной культурой предшествующих периодов.

Если раньше в Эстонии господствовало в основном влияние одной лишь немецкой культуры, то к концу столетия стало быстро расти влияние передовой русской литературы и искусства. Эстонские писатели, художники и музыканты ездили в Петербург, учились в русских школах, близко знакомились с сокровищницей русской культуры.

Большое значение имели переводы русской литературы на эстонский язык. С конца 70-х годов начинается интенсивное издание на эстонском языке произведений Пушкина, Гоголя, Крылова, Лермонтова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Л. Толстого. Лучшие произведения этих писателей стали доступны теперь эстонскому народу. Многие эстонские писатели (Веске, Кундер, Тамм и другие) были одновременно переводчиками русской литературы. Русская демократическая, реалистическая литература была одним из важнейших источников формирования эстонской национальной литературы. Лучшие представители эстонского народа ощущали неразрывную связь с великим русским народом и его передовой культурой. Это ярко отразилось в письме М. Веске к И. Келеру в связи со смертью И. С. Тургенева в 1883 году. Веске писал: «Русская слава — это и эстонская слава. Русская радость и русская боль — это также эстонская радость и эстонская боль».

Развитие культуры эстонского народа протекало в борьбе против реакционной крепостнической и глубоко антинародной «культуры» прибалтийских помещиков и пасторов. К. Маркс дал меткую характеристику этой «культуре» в своем письме к Л. Кугельману в 1870 году: «Старые сословные перегородки, правоверное лютеранство и высасывание соков из крестьян, — вот что они называют немецкой культурой».[1] В то же время демократическая, прогрессивная культура Германии имела немалое положительное значение в деле развития эстонской культуры. Укреплялись связи также с латышской и финской культурой.

«Есть две нации в каждой современной нации... — говорит В. И. Ленин о буржуазных нациях. — Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре».[2] Во второй поло-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, 1947, стр. 233.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 20, стр. 16.

вине XIX века наличие двух культур — демократической и антидемократической — и борьба между ними уже довольно отчетливо проявились и в эстонской национальной культуре. Господствующая антидемократическая официальная культура была культурой помещиков, пасторов и националистической буржуазии, элементы же демократической культуры были порождены условиями жизни трудящихся и эксплуатируемых масс, представителями этой культуры были просветители-демократы.

Просвещение и наука. Несмотря на стремление прибалтийских баронов и пасторов держать эстонский народ в невежестве и использовать школу в целях его онемечения, развитие народной школы, начиная с 60-х годов, шло более успешно, чем раньше. Передовые учителя и крестьяне боролись за распространение образования. Они требовали освобождения волостных и приходских школ из-под влияния прибалтийско-немецких помещиков и пасторов, преподавания русского языка, естествознания, географии и истории. Крейцвальд неоднократно указывал, что до тех пор, пока школы будут находиться под влиянием «долгополых бездельников», т. е. пасторов, «нам нечего надеяться на образование».

Особенно энергично боролся за развитие народной школы, среднего и профессионального образования на эстонском языке, а также за женское образование К. Р. Якобсон, который, проработав длительное время в Петербурге учителем, ближе познакомился с русской школой и достижениями русской педагогики. Якобсон противопоставлял деятельность русской школы ведению школьного дела в Эстонии, которое находилось в руках прибалтийских немцев. Якобсон положил начало оригинальной школьной литературе на эстонском языке, написав ряд хороших учебников. Учителя широко пользовались этими учебниками, несмотря на яростные нападки пасторов. Ряд учебников по естествознанию и учебник русского языка опубликовал Ю. Кундер, получивший педагогическое образование в Тартуской семинарии и Петербургском учительском институте. Учебниками Якобсона и Кундера пользовались еще и в первые десятилетия XX века.

Крейцвальд, Якобсон и другие эстонские просветители, познакомившись с современной передовой педагогикой, требовали заменить прежнюю систему зубрежки сознательной учебой с применением наглядных учебных пособий, демонстраций и опытов. Прибалтийские реакционеры старались доказать, что дети трудящихся не способны к наукам. Крейцвальд решительно выступал против такой точки зрения, утверждая, что «у всех людей есть разум, который развивается по мере того, как его в молодости просвещают».

Усилия, предпринимавшиеся для улучшения положения народных школ, со временем дали некоторые результаты. По сравнению с предыдущим периодом состояние эстонских народных школ, особенно в 70-х годах, значительно улучшилось. Были по-

строены новые школьные здания, увеличилось количество учителей, имевших специальное образование, был издан ряд учебников и выработаны учебные программы. В 70-х годах во всех волостных школах Эстонии стало всеобщим обучение письму и арифметике, было введено преподавание географии, истории и русского языка. Начали также обучать ручному труду, что, однако, в дальнейшем прекратилось. В инструкции, изданной для учителей русских православных сельских школ, особенно подчеркивалась необходимость прививать детям трудовые навыки. В школах стали вводиться и уроки гимнастики. Учитель лайузеской приходской школы Ю. Соо начал с 1876 года организовывать гимнастические праздники. Законами 1874 и 1875 годов учебный год устанавливался с 15 октября по 15 апреля, причем волостную школу нужно было посещать три зимы, а приходскую — две. В 1881/82 учебном году в южной Эстонии было 560 волостных школ, в которых насчитывалась примерно 21 тысяча учеников, и 52 приходские школы с 1618 учениками; в северной Эстонии в это же время имелось 517 волостных школ с 18 500 учащимися, посещавшими школу только «несколько раз» в неделю, и 17 приходских школ, где училось 400 детей. Уровень большинства народных школ был, однако, еще очень низким.

Улучшилась также подготовка учителей волостных школ. Наряду с Куудаской семинарией были открыты также семинарии в Каарма (1871) и две семинарии в Тарту (1873 и 1876). Из семинарии в Валга выходили учителя для эстонских и латышских приходских школ. Для подготовки учителей православных школ прибалтийских губерний была организована семинария в Риге (1870), в которой обучались и эстонцы. Делались также попытки повысить заработную плату учителей волостных школ, которая обычно равнялась заработку батрака или неквалифицированного фабричного рабочего.

Продолжать образование в приходских школах могли главным образом дети зажиточных крестьян. Если в волостных школах дети безземельных батраков и бобылей составляли обычно более половины всего количества учащихся, то в приходских школах — только одну восьмую (в 1880 году). Кулаки были настроены против предоставления образования детям бедняков и безземельных, утверждая, будто «от этого они становятся только конокрадами».

В результате всего этого довольно большая часть народа и в конце XIX века продолжала оставаться неграмотной. Из данных, собранных в 1881 году, видно, что в Эстляндской губернии среди лиц старше 14-летнего возраста полностью неграмотных было 6 процентов, умевших лишь читать 53,6 процента, а умевших читать и писать — только 40,4 процента. Среди эстонцев Лифляндской губернии процент грамотных был несколько выше, а именно 44,6. Согласно данным переписи населения 1897 года, в Эстонии было 22,3 процента лиц, не умевших подписать свою фамилию.

В 1886 году народные школы были переведены в систему ми-

нистерства просвещения, после чего началась их реорганизация. Царское самодержавие стремилось проводить через школу свою реакционную политику руссификации, что нанесло удар развитию народной школы на родном языке. Часть учительских семинарий была закрыта (Тартуская семинария по подготовке учителей для эстонских волостных школ, Куудаская, Валгаская).

Начальное образование в городах осуществлялось в элементарных школах, женских нижних школах и так называемых церковноприходских школах, среднее образование — в уездных школах (в 70-х годах они были преобразованы в городские), прогимназиях и женских средних школах. В 60—80-х годах число гимназий увеличилось в Эстонии с 3 до 14; две из них были женские. Высокая плата за обучение (40—70 рублей в год) делала для детей бедных родителей получение среднего образования фактически невозможным. А это, в свою очередь, закрывало им доступ в университет.

В области профессионального образования, наряду с семинариями, в период 1873—1891 гг. открылись морские училища в Нарве, Пальдиски, Кясму и Курессааре, а также техническое железнодорожное училище в Таллине.

Общий неуклонный подъем народного образования и возникновение эстонской интеллигенции находят отражение в появлении эстонской периодики и значительном росте печатных изданий. Начало регулярным периодическим изданиям на эстонском языке было положено, как уже сказано, в 1857 году (еженедельная газета «Пярну Постимээс»). Первая ежедневная газета стала выходить в 1891 году (тартуская газета «Постимээс»).

Очень большим был также количественный рост печатных изданий. Если за все XVIII столетие на эстонском языке было выпущено около 220, а в первой половине XIX века 638 изданий, то за вторую половину XIX века эта цифра резко увеличилась и достигла 6054. Возросло количество оригинальных произведений, расширился круг тем, популярная и прикладная литература избавилась от религиозной дидактики. Все это свидетельствовало о громадном росте духовных потребностей, об усилившейся тяге к знаниям, что обусловливалось бурным развитием общественной и политической жизни.

Центром развития науки по-прежнему оставался Тартуский университет. Прибалтийские бароны старались превратить его в оплот реакции и поповщины. Преподаватели, стоявшие на позициях дарвинизма, изгонялись из университета (например, М. Я. Шлейден, один из создателей учения о клетке). Но несмотря на старания реакционеров в Тартуском университете продолжала развиваться и передовая научная и общественная мысль. Революционно настроенные студенты были в конце 50-х и начале 60-х годов в Тарту распространителями идей великих русских революционных демократов, некоторые из этих студентов были связаны с Герценом, жившим за границей. В 1868 году профессором

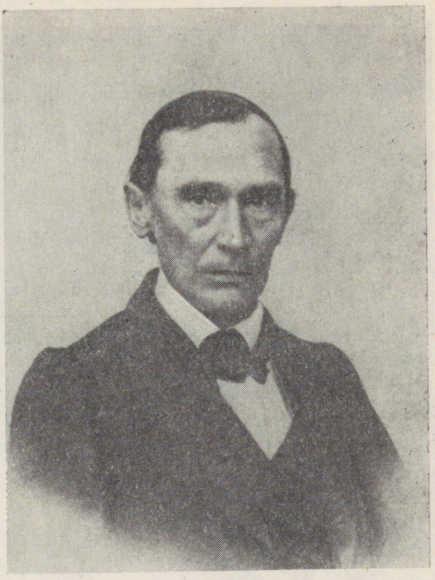
русского языка и литературы в Тартуский университет назначается А. А. Котляревский, который до этого, будучи в Москве, близко стоял к революционно-демократическим кругам. Н. Г. Чернышевский, с которым Котляревский был связан лично, высоко ценил его острый ум и просвещенность. Котляревский заложил основы славянской филологии в Тартуском университете. Химик К. Шмидт был активным сотрудником знаменитого русского почвоведа В. В. Докучаева. Молодой врач Н. И. Лунин, работавший в Тартуском университете, открыл в 1880 году витамины, опередив в этой области западноевропейских ученых.

Во второй половине XIX века большие успехи сделало эстонское языкознание. Одним из наиболее значительных событий этого периода был выход в свет «Эстонско-немецкого словаря» (1869) и грамматики эстонского языка (1875), составленных известным специалистом по финно-угорским языкам Ф. И. Видеманом.

Выдающимся языковедом был Михкель Веске, один из основоположников сравнительного языкознания прибалтийско-финских языков. Историческим исследованием прибалтийско-финских языков он опроверг распространенные в Западной Европе ложные взгляды, что эти языки якобы «хуже», чем, например, немецкий язык. Веске являлся в то же время активным деятелем демократического направления в национальном движении и страстным пропагандистом передовой русской культуры; он основал для этого журнал «Своя страна» (1884). Прибалтийско-немецкие помещики и пасторы, а также эстонские клерикалы всячески травили Веске, в результате чего он был вынужден в 1885 году покинуть университет. С 1886 года Веске работал в Казанском университете, где написал ценный научный труд «Славяно-финские культурные отношения по данным языка» (1890). В этом труде Веске, основываясь на древнейших взаимных языковых заимствованиях, показал исконные связи эстонских и славянских племен.

Литература. Ф. Р. Крейцвальд. Основоположником эстонской национальной литературы и наиболее выдающимся деятелем эстонской культуры в XIX веке был просветитель-демократ Фридрих Рейнгольд Крейцвальд. Большая часть его жизни прошла в Выру, где он работал врачом и одновременно занимался литературным трудом. Крупнейший его труд — эпос «Калевипоэг» — впервые был издан в 1857—1861 годах. Крейцвальд завершил работу, начатую его другом Фельманом. Крейцвальд составил народный эпос на основе народных сказаний, придав им форму народных песен и связав их в единое целое. В образе Калевипоэга, подлинного народного героя, воплощены сила и мудрость неустанного труженика и доблесть борца, безмерная любовь к своей родине и народу. В «Калевипоэге» находит свое отражение исконная дружба эстонского и русского народов. Немецкие завоеватели, помещики и церковники показаны в эпосе как заклятые враги эстонского народа.

«Калевипоэг», вышедший на заре национального движения, оказал большое влияние на народ, пробуждая его сознание. Русские ученые высоко оценили этот эпос. Российская Академия наук присудила за «Калевипоэга» Демидовскую премию. В то же время идеологи прибалтийских помещиков и буржуазии яростно набросились на «Калевипоэга». Яннсен даже заявлял в своей газете, что «Калевипоэг» якобы написан не для эстонцев.



Ф. Р. Крейцвальд.

«Старинные эстонские народные сказки» — наиболее ценное прозаическое произведение Крейцвальда, вышедшее полностью в 1866 году. «Сказки» также непосредственно опираются на народное творчество. В них дано в основном реалистическое изображение жизни. Героем этих народных преданий и сказок является трудовой народ, преодолевающий все трудности и добивающийся победы над своими угнетателями. Произведения Крейцвальда бичуют не только баронов и пасторов, но уже и эксплуататоров из среды самих эстонцев. Язык Крейцвальда народный, образный, богатый пословицами. «Старинные сказки» Крейцвальда сразу завоевали широкую популярность в народе. Произведения Крейцвальда переводились на другие языки. В пьесе выдающегося латышского писателя Я. Райниса «Золотой конь» использован сюжет одной из сказок Крейцвальда.

Перу Крейцвальда принадлежит большое количество произведений просветительного характера. Долгое время он редактировал «Полезный народный календарь», который расходился исключительно большим для того времени тиражом — до 25 тысяч экземпляров. Лучшие оригинальные и переводные лирические произведения Крейцвальда вышли под названием «Песни Вируского поэта» (1865).

Выдающимся писателем второй половины XIX века является Лидия Койдула, дочь редактора И. В. Яннсена. Она работала сначала в редакции газеты «Пярну Постимээс», а затем, с 1864 года — в редакции газеты «Ээсти Постимээс» в Тарту. Переехав в 1873 году в связи с замужеством в Кронштадт, она и там продолжала свою журналистскую и литературную деятельность.

Койдула была первой эстонской поэтессой. Ее сборник «Со-

ловей с берегов Эмайыги» (1867) — крупнейшее достижение патриотической лирики. К. Р. Якобсон писал по поводу выхода этого сборника, что стихи Койдула «вырвались из глубины эстонского сердца, в котором живет могучий дух песни», и что они «будут звучать и жить, пока живет эстонский народ». Острие этих стихов было направлено против немецких помещиков.

Койдула явилась также одним из первых эстонских драматургов и организатором эстонского театра. 24 июня 1870 года в Тарту состоялось первое открытое театральное представление общества «Ванемуйне»; автором пьесы и постановщиком была Койдула. В этом же году она писала Крейцвальду: «Каким неоценимым средством для воспитания народа может стать сцена, снабженная подходящим репертуаром!» Наибольшей известностью пользовалась пьеса Койдула «Этакий мульк, или сто пур соли» (1871), в которой отражаются стремление народа к просвещению и события, связанные с выкупом крестьянами земли.

Л. Койдула.

Большую популярность завоевали поэты и писатели Ю. Вейценберг, А. Рейнвальд, М. Веске, Ю. Кундер, Я. Тамм. С 80-х годов литература стала все ярче отражать обострение классовых противоречий в деревне. Например, тип кулака выведен в пьесе Ю. Кундера «Служивый», а также в реалистической поэзии Я. Тамма («Дешевые рабы», «Ронга Матс»).

В 1880 году вышла книга Эдуарда Борнхёэ «Тазуя» («Мститель»), которая положила в эстонской литературе начало исторической повести. Историческим фоном в «Тазуя» является восстание Юрьевой ночи в 1343 году. Глубокий патриотизм, сочувствие угнетенным, отчетливо выраженный призыв отомстить угнетателям — все это сделало повесть очень популярной в народе, особенно среди молодежи. В повести «Князь Гавриил» Борнхёэ показал на фоне событий Ливонской войны совместную борьбу эстонского и русского народов против их врагов. Героическое сопротивление эстонцев немецким завоевателям в XIII веке отобразили в своих произведениях А. Сааль и Я. Ярв. Исторические повести показались царским властям настолько опас-

ными, что в 1893 году публикация литературы подобного рода была в Эстонии запрещена.

Уже в 40—60-х годах XIX века в эстонской литературе намечается переход к реализму (Фельман, Вейценберг и др.). В 80-х годах реалистическое изображение действительности занимает в эстонской литературе все большее место. К концу века возникает критический реализм. Основой этого процесса являлось развитие противоречий в буржуазном обществе, появление общественной потребности в литературе, правдиво отражающей жизнь, все более широкое знакомство с творчеством крупнейших мастеров русской и западноевропейской литературы.

В конце века в эстонской литературе выдвинулся реалист Юхан Лийв; его прозаические произведения: «Десять рассказов», «Дочь колдуна» и «Тень» — были опубликованы в 1893—1895 годах. Ю. Лийв был близок к крестьянской бедноте, из среды которой он вышел и демократические стремления которой он поддерживал.

В 80-х годах началась литературная деятельность крупнейшего эстонского реалиста-демократа Эдуарда Вильде. Уже в его ранних повестях «Кубок яда» (1893) и «Акции „Линды“» (1894) дана резкая критика капитализма. Лучшая часть творчества Вильде относится к следующему периоду.

То же самое можно сказать и о Аугусте Кицберге, который в 90-х годах завоевал широкую известность как автор реалистических новелл и юмористических рассказов.

В рассматриваемый период возросло значение демократической литературной критики в развитии литературы. Критика выступала за повышение требовательности к литературе, за развитие художественных вкусов народа. Ф. Р. Крейцвальд в своих публицистических выступлениях и переписке неустанно и последовательно боролся против низкопробной переводной литературы, а также против эстонской клерикальной литературы, проповедовавшей раболепство перед власть имущими. Он требовал от писателей правдивого художественного отображения жизни, интересов и чаяний своего народа.

Лучшая часть критических и литературоведческих статей Ю. Кундера была опубликована в журнале «Мээлеяхутая». Ранняя смерть оборвала его работу над составлением курса истории эстонской литературы, до читателя дошел только один том этого труда («Первые эстонские поэты»).

Демократическая литература Эстонии сыграла большую роль в просвещении народных масс и в повышении их сознательности и активности.

Ф о л ь к л о р. Во второй половине XIX века с развитием литературы, печати, с возникновением просветительных и других обществ древние обычаи и верования были вытеснены и почти исчезли. В народном творчестве вместо постепенно отступающей народной песни с аллитерированным стихом на первый план вы-

двинулась рифмованная сатирическая народная песня с политической тематикой. Она широко распространилась в народе и имела большое общественное значение. В повествовательном жанре преобладали шутки. Как политические песни, так и шутки откликались на злободневные события современности, и поэтому их популярность и в деревне, и в городе была очень велика. Народная поэзия была свободна от оков цензуры и потому носила особенно боевой характер. В связи с ростом грамотности политико-сатирические народные песни распространялись и в письменной форме, в рукописях, образуя как бы подпольную народную литературу, читатели и распространители которой преследовались и наказывались полицией (как, например, было с А. Петерсоном и И. Эглоном).

Во второй половине XIX века получил широкое распространение цикл песен «Жалоба эстонца», где отражалось бесправное и нищенское положение эстонского крестьянства под игом немецких помещиков. Для «Жалобы эстонца» и других политических народных песен XIX века характерно подчеркивание 700-летнего рабства эстонского народа. Прибалтийские бароны выставляются в этих песнях как его исторические противники:

Из Германии набежали,
Всю Эстонию забрали.
На народ ярмо надели,
Все ограбили, объели.
Нет житья ни днем, ни ночью,
Стар и млад — все спины гнут.
Чуть приляжешь — нету мочи,
Кубьяс, кильтер [1] тут как тут.

Пасторы показаны в народных песнях в качестве верных помощников баронов в ограблении народа:

Пасторы — отцы святые,
Белый бант на каждой вые.
Много денег загребают,
Салом-жиром заплывают.
Погляди-ка, раб-народ:
Вот где кровь твоя и пот!

Политико-сатирические песни имели огромное агитационное значение. К. Р. Якобсон сделал попытку опубликовать некоторые из них в печати, но потерпел неудачу из-за цензуры.

Другой характерной чертой политических песен XIX века является восхваление царя. В этом проявился наивный крестьянский монархизм, окончательное крушение которого, как это опять-таки видно из народного творчества, наступило лишь в период революции 1905 года.

Новым видом песен явились рифмованные батрацкие песни, повествующие о тяжелой судьбе сельского пролетариата. Про-

[1] Кильтер — мызный надсмотрщик.

должали бытовать бобыльи и пастушьи песни, направленные своим острием против хозяина — серого барона.

Возникло много сатирических песен и шуток, осмеивавших мелкую буржуазию и так называемых «можжевеловых немцев», т. е. эстонцев, стремившихся подражать всему немецкому.

На селе к прежнему народному развлечению — качанию на качелях добавилось и новое — деревенские вечера, гулянки, на которых стали водить хороводы. Возникло много хороводных песен. Одним из народных инструментов стала гармонь. Расширился и народный танцевальный репертуар. Стали популярны многие русские народные песни (особенно привились песни узников, бродяг, солдатские песни). Среди хороводных песен было много заимствованных у немцев (в основном, любовные песни).

Сказительница Эпп Вазар.

Широкий размах приняли собирание и публикация фольклора. «Калевипоэг» и «Старинные эстонские народные сказки» Крейцвальда побудили ряд молодых интеллигентов заняться собиранием и изучением народного творчества. Центром этой работы стало основанное в 1872 году Общество эстонских литераторов. Почти все виднейшие писатели и деятели культуры второй половины XIX века занимались собиранием фольклора, черпая отсюда материал для своего творчества. К. Р. Якобсон использовал фольклор для своих школьных учебников, публиковал его в «Сакала», призывая собирать эстонские народные мелодии. Усердно собирал народные песни М. Веске. Часть собранных им народных песен он опубликовал в двухтомной антологии (1879 и 1883). М. Веске открыл также одну из крупнейших эстонских сказительниц — Эпп Вазар, у которой он записал 14 тысяч стихов. К сожалению, большая часть собранного М. Веске материала пропала после его скоропостижной смерти.

Крупным собирателем фольклора был Якоб Хурт. Еще в студенческие годы, под влиянием «Калевипоэга», Хурт начал собирать народные песни и долгое время руководил этой работой в Обществе эстонских литераторов. После ухода из Общества Хурт

переехал в Петербург, где также продолжал интересоваться вопросами народного творчества. В 1888 году он опубликовал в газете обращение к народу с призывом собирать фольклор. Этот призыв нашел живой и широкий отклик. Хурту удалось объединить вокруг себя обширную сеть корреспондентов, насчитывавшую до 1000 человек. Среди них были народные учителя, деревенские ремесленники, крестьяне, сельские рабочие, студенты — люди различных социальных слоев. Плодом деятельности энтузиастов явилось почти 115 тысяч страниц ценнейшего фольклорного материала — песен, сказаний, загадок, описаний обычаев и верований. Я. Хурт начал также систематическую научную публикацию народных песен. В 1875—1886 гг. вышли в свет два тома народных песен приходов Пыльва и Колга-Яани — «Вана Каннель» («Старые гусли»), а также «Сетукесте лаулуд» («Песни сету») в трех томах (1904—1907).

С конца 80-х годов собиранием фольклора с помощью корреспондентов занялся и М. И. Эйзен, уделявший особое внимание народным сказаниям, обычаям и верованиям. Эйзен поместил много фольклорного материала в популярных изданиях.

Из важнейших публикаций народного творчества следует отметить еще произведение Ф. И. Видемана на немецком языке «О духовной жизни и быте эстонцев» (1876), содержащее большое количество пословиц, поговорок, загадок и описаний народных обычаев и поверий; сборники сказок Я. Кырва (1881), Ю. Кундера (1885) и книгу П. Сюдда о богатыре Суур-Тылле.

Несмотря на стремление клерикальных кругов, а также таких косных деятелей, как И. В. Яннсен, опорочить народное творчество, особенно народную песню, народные массы поддерживали Ф. Р. Крейцвальда, считавшего, что «это охаиваемое наследие предков является *славой и красой* эстонского народа». Во второй половине XIX века народное творчество получило огромное распространение. Фольклорный материал публиковался в газетах, календарях, в специальных изданиях. Он служил неиссякаемым источником для писателей и публицистов.

Музыка и театр. Во второй половине XIX века большой размах приняло движение за создание и развитие певческих хоров. Первые эстонские композиторы создавали песни главным образом для хоров. В борьбе с церковной хоровой музыкой и мещанскими немецкими песенками складывалась эстонская народная музыка, опиравшаяся на традиции народного хора, народные мелодии и классическую музыку. К. Р. Якобсон в борьбе с пронемецко-клерикальным направлением, возглавлявшимся Яннсеном, заложил основы демократического направления в эстонской национальной музыке. Находясь в Петербурге, Якобсон пользовался при создании многоголосых хоровых песен помощью русских композиторов.

В 1869 году в Тарту состоялся первый всеэстонский певческий праздник. Общее руководство праздником осуществлял

И. В. Яннсен. Репертуар состоял в основном из немецких песен церковного характера. И все же певческий праздник дал толчок дальнейшему развитию эстонской народной песенной культуры и певческих хоров. В народе распространились мелодии, созданные Кунилейд-Зебельманом. Певческие праздники стали национальной традицией эстонского народа, живущей и поныне (в 1955 году состоялся 14-й по счету певческий праздник). Известным шагом вперед в развитии народной музыкальной культуры был четвертый певческий праздник (1891 год), отличавшийся от предыдущих и богатством репертуара, и весьма внушительным числом участников.

Композиторы начали собирать народные мелодии, что оказало плодотворное влияние на их собственное творчество. Их хоровые песни и обработки народных песен приобрели популярность по всей Эстонии и стали подлинными народными песнями («Каннель» А. Томсона, «Прекрасные песни» Зебельмана и другие). В последнюю четверть века выдвинулись композиторы, окончившие Петербургскую консерваторию (И. Каппель, М. Хярма и К. Тюрнпу). Благодаря их творчеству еще более усилились связи эстонской музыки с русской музыкальной культурой.

В последние десятилетия XIX века активным пропагандистом музыки выступает композитор К. А. Херман, который был известен также как лингвист и литературовед. В 1885 году он начал издавать журнал «Лаулу я мянгу лехт» («Журнал песни и игр»). Херман издал также довольно много нотной литературы.

Созданный Л. Койдула в Тарту театр «Ванемуйне» (см. стр. 296) продолжал свою деятельность также и после ее отъезда, хотя эстонские буржуазные деятели пытались теперь использовать театр как увеселительное заведение и средство извлечения доходов.

Любовь народа к театру неуклонно росла, о чем свидетельствует деятельность местных театральных обществ и актеров-любителей в Таллине, Нарве, Пярну, Вильянди, а также во многих небольших центрах по всей Эстонии. Серьезные затруднения были с помещениями и артистами, а также с репертуаром. В деревнях спектакли устраивались в сараях и больших комнатах, где занавесом и декорациями служили несколько сшитых вместе простынь, а участники «играли» самих себя. Особенной популярностью пользовались пьесы Л. Койдула и Ю. Кундера. В 1894 году появилась первая «народная пьеса» А. Кицберга «Пунга-Март и Уба-Каарел».

Регулярно стала ставить спектакли созданная в 1883 году при обществе «Ванемуйне» любительская актерская труппа под руководством А. Вийра. А. Вийра, по профессии столяр, был энтузиастом театрального дела, и уже в 70-х годах начал свою деятельность в «Ванемуйне». По его инициативе стали обращать особое внимание на постановку музыкальных спектаклей — прежде всего на оперетту.

Первая опера на эстонском языке — произведение основоположника немецкой романтической оперы К. М. Вебера «Прециоза» — была поставлена в Тарту в 1883 году. Постановки труппы Вийра, благодаря многочисленным гастрольным поездкам последней, стали известны и в других местах Эстонии. Несмотря на то, что в репертуаре труппы преобладал легкий развлекательный жанр, ее деятельность в последние десятилетия XIX века явилась значительным этапом в развитии эстонского театра, поскольку она подготовила почву для зарождения профессионального театра в начале XX века.

Уже в 1886 году Э. Вильде поднял вопрос о необходимости создания труппы профессиональных эстонских артистов, что послужило бы также стимулом для развития эстонской национальной драматургии. Вильде предупреждал, что пустые развлекательные пьесы могут испортить вкус зрителей, и подчеркивал, что «на сцене все должно происходить так, как в жизни».

Распространению театрального искусства в Эстонии содействовала деятельность местных немецких театров и русских любительских театральных трупп. В конце XIX века участились гастрольные спектакли петербургских артистов в Таллине, Пярну и Нарве.

Изобразительное искусство и архитектура. Вторая половина XIX века была периодом становления эстонского национального изобразительного искусства.

Основоположниками эстонского национального искусства были живописец Иохан Келер и скульптор Аугуст Вейценберг.

Сын бедного крестьянина-арендатора И. Келер, преодолевая большие материальные трудности, смог в 1856 году окончить Петербургскую Академию художеств. Затем Келер уехал совершенствоваться в Италию. Вернувшись в Россию, он обосновался в Петербурге и приобрел здесь известность главным образом как портретист.

Постоянная связь с Эстонией, руководящее участие в национальном движении способствовали расцвету его творчества в 60-е годы. Келер искренне старался служить своим искусством народу. «Первой задачей художника должно быть достижение наибольшей простоты и правды, — писал Келер. — Неужели искусство должно служить только художественным целям — почему бы не воспользоваться им для воплощения идей, как наиболее наглядным способом передачи?» В 1864 г. он создает аллегорическую композицию «Пробуждение от волшебного сна», в которой пытался выразить протест против бесправного положения эстонского крестьянства. Картина была встречена в штыки реакционной прибалтийско-немецкой печатью.

Для развития реализма и народности в эстонском искусстве большое значение имели другие работы художника 60-х годов, в которых правдиво и с глубокой задушевностью запечатлены образы эстонских крестьян (портреты отца и матери и аква-

И. Келер. Пряха. Акварель.

рель «Пряха»), передовых общественных деятелей (портрет Ф. Р. Крейцвальда), а также картины из деревенской жизни («Дом, где родился художник», «Хийумаские женщины у колодца»), пейзажи Эстонии. Келер во многом содействовал укреплению общественных и культурных связей эстонского и русского народов.

Лучшие картины пейзажиста Карла Майбаха написаны в 80-х годах. Полотна «Берег озера Пюхаярв», «Вид города Выру» отличаются эмоциональным восприятием природы, скромным колоритом.

А. Вейценберг. Портрет Михкеля Веске.

Прекрасные пейзажи побережья Эстонии написал Эжен Дюккер, немец по национальности, уроженец острова Сааремаа.

В творчестве Оскара Гофмана преобладает жанровая живопись. Уроженец Тарту, получивший художественное образование в Дюссельдорфе, он поселился в Петербурге, откуда часто приезжал в Эстонию. Гофман создал живые реалистические картины и офорты, изображающие типы крестьян, сцены сельской жизни, а также эстонскую природу.

Первые шаги делала эстонская графика. Здесь прежде всего необходимо отметить ксилографа Э. М. Якобсона, иллюстрировавшего учебники, составленные его братом, К. Р. Якобсоном, а также другие эстонские издания. В этом же направлении в конце XIX века работали ксилографы А. Кууск, П. Моорате и М. Пукитс.

Первым эстонским скульптором был Аугуст Вейценберг, сын крестьянина-бедняка из Вырумаа. В основном портретист, Вейценберг создал также ряд композиций на литературные и мифологические сюжеты. В них чувствуется заметное влияние классицизма.

Лучшая часть его творчества — правдивые портреты простых людей и деятелей эстонского национального движения («Портрет матери», «Портрет Ф. Р. Крейцвальда). Из скульптур, навеянных образами народного эпоса «Калевипоэг», наиболее удачна «Линда».

В 90-х годах появляются первые работы представителей но-

вого поколения эстонских художников — братьев Пауля и Кристьяна Раудов, Антса Лайкмаа, которые в своем творчестве продолжали развивать заложенные в предыдущий период реалистические традиции.

Развитие капитализма в Эстонии вызвало новые явления в строительной технике и развитии архитектуры. В городах строились большие производственные здания, банки, вокзалы, торговые заведения, доходные дома. При оформлении зданий обычно эклектически использовались архитектурные стили и формы прошлого. В 70—80-х годах строили главным образом в псевдоромanском и псевдоготическом стилях (например, Яновская и Каарлиская церкви в Таллине). Одновременно использовались и традиции классицизма (в Таллине — бывшее Петровское реальное училище по бульвару Эстония, 6, и бывшее здание окружного суда по Пярнускому шоссе, 7).

Из построенных в этот период производственных зданий следует отметить корпуса Кренгольмской мануфактуры, цементный завод в Кунда, Таллинские железнодорожные мастерские, машиностроительный завод Виганда.

Глава IX

ЭСТОНИЯ В ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА И БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЭСТОНИИ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА

На рубеже XIX и XX веков во всемирной истории начинается новый период. Капитализм достигает к этому времени высшей и последней стадии своего развития — стадии монополистического капитализма, или империализма. Основными признаками империализма являются высокая степень концентрации производства и капитала, значительный вывоз капитала в слаборазвитые страны, раздел мира между капиталистическими монополиями и империалистическими державами. Империализм означает крайнее обострение всех противоречий капитализма.

Все эти противоречия были присущи и развитию монополистического капитализма в России. В России эти противоречия были особенно острыми, потому что здесь во всех сферах жизни сохранялись еще значительные пережитки феодально-крепостнического строя. Экономическое господство финансового капитала в России переплеталось с политической и военной властью самодержавия и полуфеодального дворянства. Эти черты придали империализму в России военно-феодальный характер. Непосредственным следствием экономической и политической отсталости России была также ее все усиливающаяся зависимость от западноевропейского капитализма. В процессе исторического развития Россия стала узловым пунктом империалистических противоречий и центром мирового революционного движения.

Эстония и Латвия являлись в то время одними из экономически наиболее развитых районов России. Вместе с тем в Прибалтике сохранились в больших размерах, чем в других частях России, феодально-крепостнические пережитки — земельная монополия местных немецких помещиков, полукрепостнические формы эксплуатации, господствующее положение помещиков в местной политике и администрации.

Развитие промышленности. Дальнейшему разви-

тию крупной промышленности в конце XIX века способствовали достижения науки и техники. Очень много нового дало развитие электротехники. В связи со строительством все более крупных электрических станций быстро развивалось строительство мощных паровых машин и турбин.

В капиталистическом развитии крупной промышленности России 90-е годы XIX века составляли особый цикл, начавшийся с кризиса в начале десятилетия и завершившийся новым кризисом, вспыхнувшим в конце 1899 года. Промышленное оживление в середине десятилетия и последовавший затем лихорадочный подъем сказались в Эстонии наиболее заметно в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Число рабочих в этих отраслях в годы подъема более чем утроилось, а их удельный вес в общей численности фабрично-заводских рабочих Эстонии увеличился с 10,5 процента в 1890 году до 30 процентов в 1900 году. В эти годы были основаны такие крупные промышленные предприятия, как вагоностроительный завод «Двигатель» (1897), завод электродвигателей «Вольта» (1899), железнодорожные мастерские в Мыйзакюла (1899) и новый машиностроительный завод акционерного общества «Крулль» (ныне Таллинский машиностроительный завод). Металлообрабатывающая и машиностроительная промышленность сосредотачивалась в основном в Таллине, в ней было занято на рубеже столетий $^2/_3$ промышленного пролетариата города.

В текстильной промышленности больше всего расширилось хлопчатобумажное производство. Была расширена Кренгольмская мануфактура. В Таллине была построена новая крупная фабрика — Балтийская мануфактура. До первой мировой войны текстильная промышленность занимала первое место в крупной промышленности Эстонии. В 1900 году здесь работало более 46 процентов промышленного пролетариата Эстонии.

Третьей (после текстильной и металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности) отраслью крупной промышленности Эстонии стало деревообделочное и бумажное производство. Фанерная фабрика А. М. Лютера (реконструирована в 1898—1900 годы) и целлюлозная фабрика «Вальдгоф» (основана в 1898 году) были в начале XX века крупнейшими в мире предприятиями такого рода. Сырье эти предприятия скупали во многих губерниях России, а по сбыту готовой продукции занимали видное место не только на российском, но и на мировом рынке. Наряду с расширением таллинских целлюлозной фабрики и бумажной фабрики Иогансона было приступлено к строительству новых бумажных фабрик в Кохила и Тюри.

На четвертом месте стояла промышленность строительных материалов. Наиболее крупным заводом в этой отрасли был цементный завод в Кунда. В 1899 году был заложен новый цементный завод в Азери (вступил в действие в 1905 году). В последние годы прошлого столетия происходила быстрая концентрация в

кирпичной и известковой промышленности, причем наиболее крупные предприятия строились для удовлетворения потребностей Петербурга в строительных материалах.

В результате развития крупной промышленности численность промышленных рабочих Эстонии возросла с 14,3 тысячи в 1895 году до 26 тысяч в 1901 году. Большая часть прироста падала на крупную промышленность Таллина. Рост промышленного пролетариата шел главным образом за счет притока местного сельского населения. Однако на новые крупные предприятия прибывало также большое количество русских, латышей и рабочих других национальностей.

Расширилась и железнодорожная сеть. В 1896 году были сданы в эксплуатацию узкоколейные дороги Пярну—Валга и Мыйзакюла—Вильянди. В последующие годы было завершено строительство дороги Вильянди—Таллин. В 1906 году закончились работы по строительству железнодорожной ветки Кейла—Хаапсалу.

В годы промышленного подъема в развитии капитализма в Эстонии проявляются уже достаточно четко новые явления, говорящие о переходе к монополистическому капитализму.

Концентрация производства в Эстонии была высокой уже в начале 90-х годов, но особенно быстро возросла она в годы промышленного подъема. Больше половины всех промышленных рабочих было сосредоточено на 7—8 наиболее крупных предприятиях. В 1900 году на предприятиях с 500 и более рабочих было занято 65 процентов общего числа рабочих.

Вместе с концентрацией производства происходила концентрация капитала, причем особенно большое влияние на дальнейшее развитие капитализма оказывал процесс слияния промышленного и банковского капитала — образование финансового капитала. Новая роль банков в Эстонии выражается в участии как крупных петербургских банков, так и местных банков в основании и финансировании новых промышленных предприятий и акционерных обществ. Особенно наглядно проявляется это в деятельности открытого в Таллине в 1896 году отделения Рижского коммерческого банка и основанного здесь же в 1898 году Балтийского торгово-промышленного банка.

Акционерные общества стали главной формой централизации капитала и основной организационной формой крупных капиталистических предприятий. Акционерное общество позволяло создавать разного рода сложные связи между капиталистами, способствовало появлению обширных группировок и монополистических объединений капиталистов. Особое оживление в учреждении акционерных обществ наблюдалось во второй половине 90-х годов. Количество промышленных акционерных обществ в Эстонии увеличилось с 5 до 20. Основной капитал последних — 33 миллиона рублей — составлял уже значительно больше половины всего промышленного капитала. Крупнейшими капиталистическими объединениями были в то время «Товарищество Кренгольмской

мануфактуры» с основным капиталом в 6 миллионов рублей и акционерные общества «Двигатель» (4,5 миллиона рублей), «Балтийская мануфактура» (3 миллиона рублей), «Вальдгоф» (3 миллиона рублей).

Одной из характерных черт империализма является вывоз капитала из более развитых капиталистических стран в отсталые, экономически менее развитые страны, к числу которых принадлежала и Россия. Экспорт капитала имеет целью обеспечение максимальной прибыли капиталистам экспортирующих стран за счет эксплуатации народов малоразвитых стран.

Одним из наиболее ярких примеров проникновения иностранного капитала в Эстонию было основание в 1898 году крупнейшим концерном целлюлозной промышленности Германии «Вальдгоф» дочернего «Русского акционерного общества „Вальдгоф"» в Пярну, занявшего вскоре господствующее положение во всей целлюлозной промышленности России. Первоначально годовое производство здесь было определено в 16 тыс. тонн. В последующие десять лет производство увеличилось в пять раз и составляло более половины всей изготовлявшейся в России целлюлозы.

Вторым подобным примером является учреждение в 1898 году акционерного общества «А. М. Лютер» в Таллине, связанного монополистическим союзным договором с лондонским акционерным обществом «Венеста». О проникновении иностранного капитала свидетельствует также основание акционерного общества «Тиволи» в Тарту в 1898 году при участии действовавшей в Лондоне крупной международной фирмы по производству пива «А Ле Кок». Во владение бельгийского акционерного общества «Таллинский трамвай» перешла таллинская конка. Удельный вес иностранного капитала в промышленных предприятиях Эстонии в начале столетия составлял около 25 процентов, причем первое место занимал немецкий капитал.

Вслед за экономическим подъемом начался новый кризис. Первые признаки кризиса появились уже в конце 1899 года. Кризис 1900—1903 годов был более глубоким, чем все предшествующие. В сравнении с другими капиталистическими странами кризис в России начался раньше и был более острым.

В Эстонии кризис сильнее всего проявился в металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности, развивавшейся в годы подъема наиболее быстрыми темпами. На шести крупнейших машиностроительных заводах Таллина число рабочих вследствие массовых увольнений уменьшилось в 1900—1904 годах приблизительно с 3600 до 1700, т. е. больше чем наполовину. Общим явлением было сокращение количества рабочих дней в неделю на всех крупных предприятиях. Кризис сказался в большей или меньшей мере на всех отраслях промышленности.

В обстановке экономического упадка в период кризиса создались особенно благоприятные условия для проявления монополи-

стических тенденций финансового капитала. Именно в эти годы был основан ряд крупнейших монополистических объединений России, деятельность которых охватывала тем или иным образом и Эстонию. Так, например, в 1904 году вагоностроительный завод «Двигатель» был включен в известный синдикат «Продвагон» при одновременном значительном ограничении производства завода в интересах обеспечения максимальной прибыли. Обеспечение монополистической прибыли класса капиталистов происходило за счет высоких цен, что в конечном счете снижало и без того низкий жизненный уровень трудящихся масс.

Количество промышленных рабочих Эстонии упало в 1903 году приблизительно до 23 тысяч. Число безработных рабочих увеличилось, таким образом, на несколько тысяч человек. Фабриканты использовали это для усиления эксплуатации пролетариата. Наибольшее падение заработной платы наблюдалось в 1902—1903 годах — в самый острый период кризиса. Больше всего снизилась заработная плата чернорабочих. Так, зарплата чернорабочих Таллинской целлюлозной фабрики во время кризиса была урезана с 140,5 рубля до 83 рублей в год, то есть больше чем на 40 процентов, в то время как общее снижение зарплаты на фабрике составляло около 24 процентов. Путем систематического применения сверхурочных часов была увеличена продолжительность рабочего дня, значительно превышающая максимальную, установленную фабричным законодательством в 1897 году и равную одиннадцати с половиной часам. Фабриканты продолжали широко применять систему штрафов. Обращение с рабочими было грубым и издевательским, особенно со стороны немецких, английских и других иноземных директоров и мастеров.

В Эстонии, как и вообще в России, отсутствовало социальное страхование рабочих.

У рабочих не было никаких политических прав, они не могли создавать свои легальные организации. Они находились под постоянным надзором царской полиции, жандармов и фабричных приставов.

Развитие сельского хозяйства. Несмотря на относительно высокий уровень экономического развития Эстония и в рассматриваемый период оставалась аграрным краем. Свыше 70 процентов населения было занято в сельском хозяйстве.

Земельная монополия помещиков в прибалтийских губерниях была более сильной, чем в любой другой губернии России. Если в 50 губерниях Европейской части России в 1905 году из общего земельного фонда на долю помещиков приходилось 25,8 процента, крестьян — 35,1 процента и государства 39,1 процента, то в Лифляндской губернии на долю помещиков приходилось 54,3 процента, крестьян — 34,8 процента и государства — 10,9 процента. Данные по Эстляндской губернии еще более красноречивы. Здесь помещикам принадлежало 73,9 процента земли, крестья-

нам — всего 23,7 процента, государству — 2,4 процента. Средняя величина имений прибалтийских дворян доходила в Эстонии до трех тысяч десятин. При этом многие дворянские семейства владели несколькими имениями с десятками тысяч десятин земли. К тому же в латифундии немецких баронов входили самые лучшие полевые и сенокосные и почти все лесные угодья.

Острый недостаток земли у крестьян способствовал сохранению полуфеодальных форм эксплуатации. На основе отработок сдавались в аренду отдаленные и наиболее непригодные для обработки участки мызной земли (в том числе квотные и шестидольные земли). В Эстляндской губернии помещики сохранили за собой право требовать и с арендатора «крестьянской» земли выполнения до одной четверти арендной платы отработками. Вследствие отработочной аренды эти помещичьи поля обрабатывались примитивным сельскохозяйственным инвентарем крестьянина.

Уровень развития крестьянского хозяйства обусловливался двумя факторами: степенью зависимости крестьянина от помещика и величиной хозяйства. Наиболее отсталыми были наиболее зависимые — арендованные хозяйства. В северной Эстонии последние составляли 60 процентов, в южной — почти 40 процентов общего числа крестьянских хозяйств. Хозяйства меньше нормальной величины арендовались обычно только на один год, а так называемые усадьбы — на 6 лет. Размеры аренды устанавливались помещиками, в сущности, произвольно, и аренда постоянно возрастала. Так, например, помещик имения Вигала повысил арендную плату в 1901 году при обновлении арендных договоров на 90 и более процентов. Направленный арендаторами эстляндскому губернскому правлению протест по этому поводу был оставлен без внимания.

К началу XX века в северной Эстонии около $^1/_5$ арендных участков оставались еще на отработочной и натуральной ренте. Типичным примером являются обязанности арендатора в имении Сомпа. За пользование 9 пурными местами (1,6 га) земли он должен был работать круглый год в имении по два дня в неделю, убрать 4 гака помещичьей ржи, 8 гаков яровых, скосить 8 гаков покоса, 5 дней возить навоз, разбросать его на 9 гаках, чинить дорогу и т. д.

Другую группу составляли так называемые выкупные хозяйства, что были в собственности крестьян. Однако подавляющее большинство этих хозяйств находилось под тяжким бременем выкупных долгов и далеко не все крестьяне этой группы имели достаточное количество земли. О более или менее свободном капиталистическом развитии крестьянских хозяйств в начале настоящего столетия можно говорить лишь применительно к тем из них, которые полностью освободились от выкупных платежей. Но таких было немного — они составляли всего несколько процентов от общего числа крестьянских хозяйств.

Выделение хуторов и продажа земли крестьянам во второй половине XIX века способствовали развитию многопольной системы севооборотов в Эстонии. Но и тут были характерны большие различия. В помещичьих имениях господствовала в общем 7—12-польная система севооборота, в который вовлекались крупные земельные массивы. В крестьянских хозяйствах южной Эстонии наиболее распространенной была 5—6-польная система и в крестьянских хозяйствах северной Эстонии — 4-польная система севооборота. На Сааремаа сохранялось еще трехполье.

Обремененный долгами, влачащий полуголодное существование крестьянин имел обычно только самый примитивный и наиболее доступный инвентарь — соху, деревянную борону и т. п. Единственным видом работы в сельском хозяйстве, где на рубеже столетий начали преобладать машины, была молотьба. При этом в крестьянских хозяйствах в подавляющем большинстве случаев применялись еще машины, приводимые в движение лошадьми, а местами даже человеческими руками. В конце XIX века в деревнях стали создаваться общества для приобретения паровых молотилок.

По данным переписи 1898 года в помещичьих имениях было 80 242 головы молочного скота и 16 478 голов мясного скота, не считая молодняка. Средний годовой надой на одну корону в помещичьих имениях составлял около 1500 штофов[1] молока, в лучших же стадах средний годовой надой достигал 2000—2500 штофов. Хотя общее количество скота в крестьянских хозяйствах было больше, чем в помещичьих хозяйствах, по продуктивности крестьянский скот значительно уступал помещичьему. Средний годовой надой на одну крестьянскую корову в то время составлял лишь 500—600 штофов и только в лучших стадах — около 1000 штофов. Находившийся под тяжелым гнетом крестьянин не имел возможностей повышать продуктивность животноводства.

Основной отраслью промышленного производства в сельском хозяйстве в Эстонии по-прежнему было винокурение, оставшееся полностью монополией помещика. Большая часть различных вспомогательных работ при винокурнях выполнялась еще крестьянами в порядке отработок. Общее количество винокурен в Эстонии в начале XX века доходило до 250.

Другой основной отраслью была молочная промышленность, значение которой быстро росло. В начале XX века эта отрасль промышленности была еще почти полностью в руках помещиков. Поэтому в крестьянских хозяйствах в то время господствовал примитивный домашний способ переработки молока, хотя число предприятий молочной промышленности в Эстонии достигло уже 200 и в Тарту работала молочная лаборатория, получившая всероссийскую известность.

Несмотря на значительные пережитки феодализма, капитали-

[1] Штоф молока = 1,23 кг.

стическое развитие сельского хозяйства Эстонии неуклонно продолжалось. В эстонской деревне наряду со старыми противоречиями между помещиками и крестьянами углублялись новые классовые противоречия, присущие капитализму. Крестьянство все более распадалось на многочисленный слой сельского пролетариата, с одной стороны, и малочисленный, но экономически крепнущий слой сельской буржуазии — с другой. Сельская буржуазия захватывала в свои руки все больше земли. В северной Эстонии из общего количества проданных хуторов хозяйства, имевшие менее 15 десятин, составляли 21,6 процента, общая же их площадь равнялась только 4 процентам всей проданной земли. В то же время хутора в 40 и более десятин — они составляли соответственно 32 процента — занимали 55 процентов всей проданной земли. Примерно 46 процентов проданных хуторов (около 41 процента земли) принадлежало середнякам. В южной Эстонии процесс дифференциации был еще более глубоким.

Самой тяжелой была доля сельского пролетариата, составлявшего более 60 процентов всего сельского населения. В деревне усиливалась эксплуатация батраков кулаками. Характерным явлением было «очищение» кулацких земель от хозяйств семейных батраков. Хозяева стремились нанимать только одиноких батраков и батрачек.

Батраки летом работали, как правило, с раннего утра и до позднего вечера и должны были выполнять все требования хозяина. Батрачка получала 25—45 рублей, а одинокий батрак 60—95 рублей в год.

В помещичьих хозяйствах работали в основном семейные батраки, которым предоставлялись жилье и приусадебный участок, обычно им разрешалось также содержать корову, свинью и овцу. Рабочий день и здесь продолжался от восхода до захода солнца с двумя перерывами для принятия пищи. Помещик мог заставить батраков работать и в воскресные дни. В договорах о найме предусматривались определенные обязанности для членов семей батраков. В случае невыхода на работу батрака или члена его семьи с них взыскивался штраф в размере двухдневной зарплаты за каждый пропущенный день.

Для подавляющего большинства сельского населения Эстонии земельный вопрос, таким образом, являлся основным жизненным вопросом.

Национальный гнет. В Эстонии существовал двойной национальный гнет. Реакционное царское правительство не допускало свободы и равноправия народов и проводило политику насильственной руссификации. Но в условиях прибалтийского особого порядка в Эстонии еще более остро ощущался национальный гнет со стороны прибалтийско-немецких помещиков и крупной буржуазии. Пережитки феодализма в Эстонии при существовавшем здесь прибалтийском особом порядке приобретали наиболее

унизительные и оскорбительные для местного населения, прежде всего для крестьянства, формы.

Эстонцы, составлявшие более 90 процентов населения Эстонии, испытывали на себе национальный гнет уже со школьного возраста. Обучение уже с первого класса начальной школы велось на русском языке. Реакционная политика царского правительства превратила школы в средство насильственной ассимиляции местного населения. Делопроизводство во всех государственных учреждениях, включая и суды, велось только на русском языке. Развитию эстонской национальной культуры чинились препятствия как со стороны царских властей, так и со стороны прибалтийских немцев; красноречивым свидетельством того может служить судьба Эстонского Александровского училища и Общества эстонских литераторов в конце XIX века. Печать, общественная и культурная жизнь находились в тисках строгой цензуры.

На рубеже XIX и XX веков эстонская буржуазия все еще оставалась экономически и политически оттесненной на задний план. В 1904 году в Эстонии насчитывалось более 70 сельскохозяйственных обществ, однако в наиболее крупных из них (Лифляндское общеполезное экономическое общество, Эстляндское сельскохозяйственное общество) безраздельно господствовали прибалтийско-немецкие помещики. В сильной зависимости от них находились и многие другие.

Основными опорными пунктами эстонской буржуазии были Тартуское и Таллинское общества эстонских земледельцев, Тартуское эстонское ссудо-сберегательное общество (основано в 1901 году), Тартуское общество взаимного кредита (основано в 1904 году). Эстонская буржуазия стремилась выдавать деятельность этих и подобных им учреждений за общенациональное дело.

Ближайшей целью эстонской буржуазии было отвоевание части экономических и политических позиций у прибалтийских немцев, с тем чтобы добиться «равноправия» с ними. Первым наиболее значительным достижением в этом направлении было завоевание эстонско-русским буржуазным блоком в 1904 году руководящего положения в Таллинской городской думе и переход управления банка Лифляндского городского ипотечного общества, который находился в Тарту, в руки представителей эстонской буржуазии. Оба эти события сопровождались резкими проявлениями обоюдной национальной вражды.

По отношению к царскому самодержавию эстонская буржуазия выказывала верноподданническую лояльность. В царизме она видела оплот «порядка», надежную защиту от притязаний «своего» сельского и городского пролетариата.

Многочисленные феодально-крепостнические пережитки, в том числе национальный гнет, делали буржуазно-демократическую революцию исторической необходимостью. Наиболее важным вопросом назревающей революции являлся аграрный вопрос, все другие, в том числе и национальный, были тесно связаны с ним.

Быстрое развитие промышленности и рост промышленного пролетариата создали благоприятную почву для подъема революционного движения в Эстонии.

§ 2. РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В КОНЦЕ XIX И НАЧАЛЕ XX ВЕКА. М. И. КАЛИНИН В ТАЛЛИНЕ

Революционное движение в России. К концу XIX века центр мирового революционного движения переместился в Россию. Петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» во главе с В. И. Лениным начал осуществлять соединение социализма с рабочим движением.

Классовое сознание пролетариата росло. В начале XX века, в условиях промышленного кризиса, под воздействием агитации революционной социал-демократии начался переход от экономических стачек к политическим стачкам и демонстрациям. Демонстрация харьковских рабочих и студентов 1 мая 1900 года, демонстрация рабочих Тбилиси в апреле 1901 года и «Обуховская оборона» в Петербурге — все эти и другие революционные выступления пробуждали пролетариат к массовой политической борьбе. Крупная стачка в Ростове-на-Дону в 1902 году превратилась, по оценке Ленина, в «выдающуюся демонстрацию». Массовые политические стачки охватили в 1903 году Закавказье. В России назревала революционная ситуация.

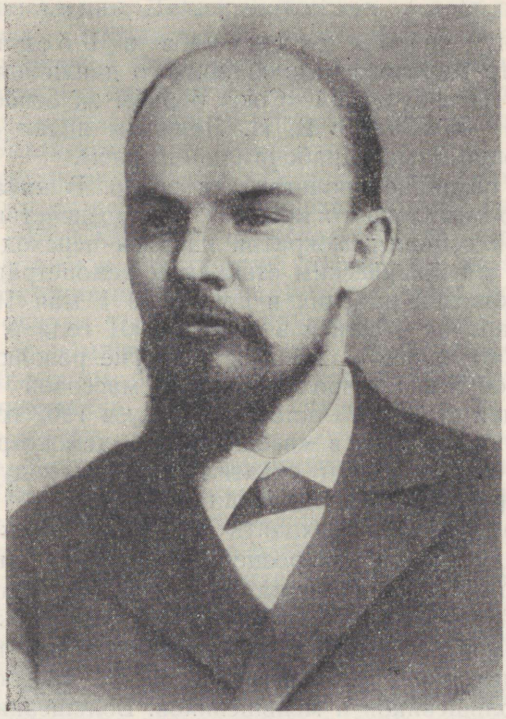
В 1900 году начала выходить ленинская «Искра», которая связала между собой разрозненные социал-демократические кружки и группы и подготовила II съезд Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП). На II съезде РСДРП в 1903 году были приняты программа и устав партии. В результате выявившихся на съезде разногласий произошел раскол РСДРП на большевиков и меньшевиков. Большевики повели решительную борьбу с меньшевиками, пытавшимися направить рабочее движение по пути соглашательства с буржуазией.

Таким образом уже в 1903 году под руководством В. И. Ленина была создана революционная рабочая партия нового типа — партия большевиков, способная повести рабочий класс на свержение власти капиталистов и помещиков в России.

Рабочее движение в Эстонии. Развитию рабочего движения в Эстонии, составлявшего часть общероссийского революционного движения, способствовала близость Петербурга — крупнейшего центра рабочего движения в России. В 1895 году в Нарве возник нелегальный кружок рабочих, который был связан с петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса». Члены этого кружка знакомились с революционной литературой и распространяли ее среди рабочих. В том же году полиции удалось напасть на след кружка и разгромить его. Этот

кружок нарвских рабочих был зачатком социал-демократического движения в Эстонии.

В конце XIX века в Эстонии наблюдается подъем стачечной борьбы. В апреле 1897 года вспыхнула забастовка на Кренгольмской мануфактуре. Рабочие требовали повышения заработной платы, ибо фабриканты намеревались вместе с предполагаемым



В. И. Ленин. Фото 1897 г.

ограничением продолжительности рабочего дня (до $11^1/_2$ часа) сократить заработную плату — фабриканты предлагали за «штуку» (60 аршин) выработанной ткани $38^1/_2$ копейки, рабочие же требовали 40 копеек. За выступлениями рабочих Кренгольма последовали в 1898 году забастовки рабочих на Синдиской суконной фабрике.

Положение рабочих на Синдиской фабрике было особенно тяжелым. Они жили в жалких бараках, принадлежавших фабрике. Произволу директоров и мастеров не было предела. Заработная плата была крайне низкой. Часть ткачей получала в месяц менее 10 рублей, средний их заработок составлял 14 рублей в месяц, в то время как в Риге ткачи получали в среднем по 24 рубля в месяц. Но предприниматели решили в феврале

1898 года снизить заработную плату рабочих еще на 25—30 процентов. Рабочие ответили на это забастовкой. Директор обещал сохранить прежние нормы зарплаты, и рабочие приступили к работе; в марте директор опять сообщил о снижении зарплаты и стал всячески издеваться над рабочими. Снова вспыхнула забастовка. Директор вызвал полицию для расправы с рабочими. 145 ткачей было уволено, 10 арестовано. Рабочие были вынуждены примириться со снижением зарплаты и приступить к работе.

В 1899 году опять была стачка рабочих Синди, в том же году бастовали строительные рабочие «Двигателя» и «Вальдгофа», в 1900 году — рабочие Балтийской бумагопрядильной мануфактуры. Рабочие требовали улучшения условий труда и повышения заработной платы. Несколько экономических стачек было также в начале XX века — в первые годы промышленного кризиса.

Однако до массовой политической борьбы рабочие еще не поднялись: они были слабо организованы, у них еще не было развито социалистическое сознание, известное влияние на эстонский пролетариат оказывала буржуазно-националистическая идеология. Отдельные революционные марксисты в последние годы XIX века в Нарве, Таллине и других городах были еще слабо связаны с широкими массами рабочих.

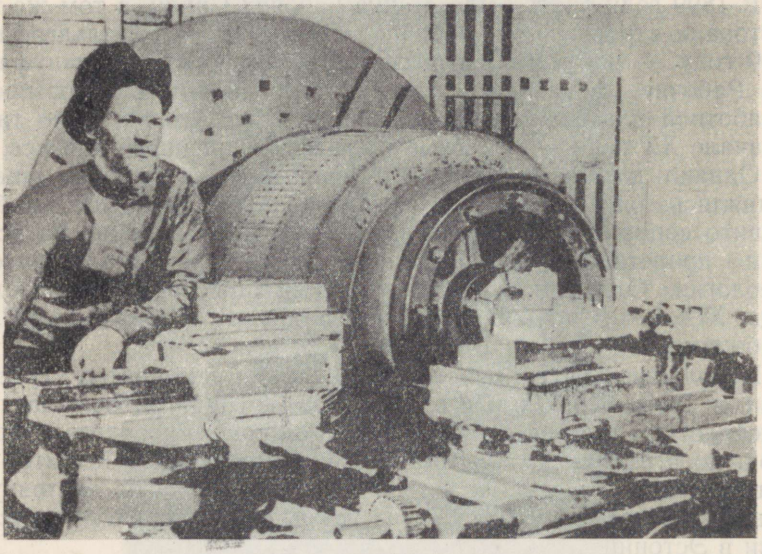
Небольшие кружки эстонских социал-демократов действовали в Петербурге и Риге. Рижская группа, работавшая под руководством Латышской СДРП, стремилась проводить революционную агитацию и в Эстонии. Так, Центральный Комитет Латышской СДРП выпустил в 1899 году первомайскую листовку на четырех языках, в том числе и на эстонском, которую распространяли в Эстонии.

Начало революционного социал-демократического движения. Соединение социализма с рабочим движением в Эстонии началось в начале XX века, в период, когда в Таллине работал верный соратник Ленина М. И. Калинин.

Калинин был рабочим-металлистом в Петербурге. Революционную закалку он получил в ленинском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». В 1900 году царская охранка выслала М. И. Калинина из Петербурга в Тбилиси, где он принимал активное участие в рабочем движении. После очередного ареста Калинина выслали и из Тбилиси. Местом своего жительства он выбрал Таллин, ибо здесь, в промышленном городе, Калинин имел возможность вести революционную работу среди рабочих; близость Таллина к Петербургу облегчала связь с революционными социал-демократическими организациями столицы. В Таллине М. И. Калинин работал токарем — вначале на заводе «Вольта», а затем в Главных железнодорожных мастерских. Пламенный революционер, он скоро снискал себе любовь и доверие таллинских рабочих. «Калинин быстро стал своим и подружился со всеми, несмотря на то, что он не знал эстонского языка, а мы плохо говорили по-русски», — пишет о том времени один из ста-

рых рабочих завода «Вольта». Калинин сделал много для воспитания русских, эстонских и латышских рабочих в духе дружбы и взаимного доверия. Он сплачивал всех рабочих, независимо от национальности, для решения главной задачи — борьбы против царизма и капиталистического строя.

М. И. Калинин был агентом (уполномоченным) «Искры» в Таллине. Для того, чтобы сделать «Искру» доступной эстонским



М. И. Калинин — рабочий завода «Вольта» в Таллине в 1903 году.

рабочим, некоторые ее статьи переводились на эстонский язык, а затем читались и обсуждались в рабочих кружках. Под руководством Калинина составлялись и распространялись листовки. В своих воспоминаниях рабочие рассказывают, что эти листовки говорили всю правду о нищенском положении рабочих и крестьян и разъясняли общие задачи борьбы: «На заводах шли разговоры, что виновником всех бед рабочих является царь. И вскоре появилась листовка. «Николай второй будет Николаем последним», — говорилось в ней. В листовке подчеркивалось также, что во всем виноваты царь и весь прогнивший строй царской России и что пора прогнать не только царя, но и всех капиталистов-поработителей». Эти листовки вселяли в рабочих веру в свои силы и готовили их к борьбе за свержение старого строя.

В результате большой организационной и разъяснительной работы Калинина и отдельных наиболее сознательных эстонских рабочих в Таллине появились марксистские группы. В своих воспоминаниях о жизни в Таллине Калинин писал: «У нас были

связи почти со всеми заводами, в вагоностроительном заводе был даже целый кружок».

В 1902 году под руководством М. И. Калинина, Ф. Леберехта и др. произошло объединение всех групп революционных рабочих в один большой кружок таллинских рабочих, который заложил основу таллинской социал-демократической организации.

Эстонская буржуазия в своих классовых интересах разжигала среди рабочих национальную рознь. Через общества трезвости,

Третій годъ изданія.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

№ 34. 15-го февраля 1903 года. № 34.

Ленинская «Искра», агентом (уполномоченным) которой в Таллине был М. И. Калинин. Фотография на фоне газеты изображает место в Таллинских железнодорожных мастерских, где рабочие прятали «Искру».

спортивные и другие общества, особенно же через свою печать буржуазия пыталась влиять на рабочих, направляя их внимание на мелкие вопросы культурной жизни, чтобы тем самым отвлечь рабочих от классовой борьбы, изолировать эстонский пролетариат от российского пролетариата.

Революционная разъяснительная работа помогала рабочим все лучше разбираться в этой политике эстонской буржуазии. Тем не менее борьба против буржуазии, против оппортунизма в то время была еще недостаточно последовательной.

В 1902—1904 годах на ряде крупных таллинских заводов появились социал-демократические кружки. Организаторами их были члены кружка, созданного Калининым. Нелегальная революционная деятельность в рабочих массах ширилась, чему способствовал приток в Таллин русских, латышских и других рабочих в связи с расширением здесь производства и увеличением спроса на квалифицированную рабочую силу. Часть из них была

выслана сюда из разных городов России за революционную работу. Так укреплялся боевой союз эстонского и русского пролетариата.

В январе 1903 года М. И. Калинин, преданный провокатором, был арестован вместе с шестью другими рабочими и отправлен в петербургскую тюрьму. Однако через несколько месяцев он вернулся в Таллин и снова поступил на завод «Вольта». С неослабевающей энергией продолжал он свою революционную работу, проводя ее и среди солдат. После II съезда РСДРП Калинин сразу же повел борьбу за осуществление большевистских* решений съезда. В феврале 1904 года Калинин вновь был арестован и выслан в Олонецкую губернию.

Деятельность М. И. Калинина в Таллине имела большое значение для дальнейшего развития революционного движения в Эстонии. По инициативе кружков, организованных под руководством Калинина, в 1904 году был создан Таллинский комитет РСДРП, который возглавил революционную борьбу таллинского пролетариата.

В Нарве в 1904 году также было несколько социал-демократических групп.

В Тарту социал-демократическое движение распространилось преимущественно среди студенчества. В Тартуский университет могли в то время поступать и студенты, исключенные за революционную деятельность из других университетов, поэтому число таких студентов здесь в начале XX века быстро росло. Среди них был и младший брат Ленина Дмитрий Ульянов. За революционную деятельность он был исключен в 1897 году из Московского университета и арестован. В 1900 году Д. Ульянов поступил на медицинский факультет Тартуского университета и окончил его в 1901 году. Он был активным приверженцем ленинской «Искры» и распространителем ее идей. Образовавшийся в Тарту в 1902 году социал-демократический кружок состоял в основном из студентов, но он вел разъяснительную работу и среди рабочих. Здесь была группа революционных студентов, получавших «Искру» и другую литературу искровского направления. Они выпустили в 1903 году первомайскую листовку на эстонском языке. «Искра» писала по этому поводу, что в Тарту перед 1 Мая распространялись листовки на эстонском языке, что вызвало обыски и аресты. Среди арестованных был студент Ветеринарного института Н. Чудовский — последовательный искровец, вступивший в 1904 году в большевистскую партию, один из активных революционных деятелей 1905 года в Тарту. Революционное движение росло и в других городах Эстонии, а также в деревне.

В России назревал революционный кризис, который еще более углубился в связи с началом русско-японской войны.

Хотя военные действия велись далеко на востоке, война дала себя почувствовать и здесь, в Эстонии. Эстонские трудящиеся,

как и трудящиеся других народов России, должны были нести тяжелое бремя военных расходов и посылать своих сыновей на смерть ради интересов помещиков и буржуазии. Возмущение народных масс усиливалось в связи с поражением русских войск. Революционные социал-демократы в Эстонии, особенно в Таллине и Тарту, составляли и распространяли антивоенные листовки, разъясняли рабочим и солдатам подлинную сущность войны.

§ 3. РЕВОЛЮЦИЯ 1905—1907 ГОДОВ В ЭСТОНИИ

Быстрый рост революционного движения и поражение царских войск в русско-японской войне в конце 1904 года привели к обострению революционного кризиса.

В начале января 1905 года вспыхнула всеобщая стачка в Петербурге. Царское правительство решило потопить в крови нарастающее революционное движение рабочих. Полицейскому агенту Гапону удалось повести рабочих с петицией к Зимнему дворцу, ибо значительная часть из них еще верила в царя. Царь встретил рабочих ружейными залпами. В этот день более тысячи рабочих было убито царскими войсками, свыше 2 тысяч ранено.

«Кровавое воскресенье» 9 января в Петербурге развязало революцию. Стачки протеста охватили всю страну. Не было ни одного крупного города, где бы рабочие не бастовали в знак протеста против злодейства царя и не выставляли политических требований.

Начало революции в Эстонии. Через Таллинский комитет РСДРП рабочие Таллина были тесно связаны с пролетариатом Петербурга. Узнав о жестокой расправе над рабочими в Петербурге, Таллинский комитет стал готовить всеобщую стачку и выпустил прокламацию. Стачка началась 12 января. Все фабрики и заводы дружно «выпустили пары». Никогда прежде на улицах Таллина не видно было таких огромных масс трудящихся, как в дни этой всеобщей стачки. В ней приняло участие 10—12 тысяч рабочих. На Лаусманском лугу (в районе, где сейчас улица Калинина) несколько тысяч рабочих собрались на митинг, чтобы выбрать своих представителей и выработать коллективные требования. Рабочие требовали установления восьмичасового рабочего дня, повышения заработной платы и т. д. С речами выступали члены Таллинского комитета РСДРП.

Представители рабочих предъявили свои требования вице-губернатору. Последний, однако, отказался выполнить их и потребовал, чтобы рабочие немедленно приступили к работе. В это же время 300 рабочих направились к тюрьме и пытались освободить политических заключенных, среди которых было 18 человек, арестованных полицией в этот день. По распоряжению губернатора власти попытались с помощью воинских частей вернуть ра-

бочих на работу. 14 и 15 января в гавани и около завода Майера царские войска пустили в ход оружие против рабочих. Несколько человек было убито и до двадцати ранено.

Всеобщая стачка закончилась 25 января. Январские выступления таллинских рабочих имели большое значение. Они пробудили эстонский пролетариат к широкой борьбе против царизма и капиталистов и показали, что Таллин стал центром революционной борьбы эстонского пролетариата, что пролетариат является гегемоном в начавшейся буржуазно-демократической революции.

В Нарве в январе бастовали рабочие льнопрядильной фабрики. 22 января началась стачка пярнуских рабочих во главе с рабочими «Вальдгофа». Всего в Эстонии бастовало в январе свыше 15 тысяч рабочих. По своим требованиям стачки эти носили экономический характер, но, как стачки протеста, они имели и большое политическое значение. Они сплачивали эстонских рабочих вокруг общих задач всего российского пролетариата в борьбе за свержение самодержавия.

Листовки, распространяемые организациями РСДРП в Эстонии, призывали рабочих к единству и к борьбе против самодержавия. В листовке Тартуской группы РСДРП о январских событиях говорилось: «Разразился первый гром приближающейся революции... Точите топоры, заряжайте ружья, ведь они скоро понадобятся. Вы ничего не потеряете в борьбе против самодержавия, кроме своих цепей, в которых вас держат... Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует народная республика!»

В январе большая часть студенчества Тарту включилась в активную революционную борьбу. На студенческих собраниях осуждался самодержавный строй и выдвигались требования о немедленном созыве Учредительного собрания. 13 и 14 января в Тарту происходили демонстрации студентов и рабочих. Средством протеста студенты избрали прекращение занятий до 1 сентября.

Прямым продолжением январских стачек были февральские выступления рабочих в Таллине, Тарту, Валга и в других местах. Они требовали сокращения рабочего дня, увеличения заработной платы, улучшения условий труда, а также выплаты зарплаты за дни стачек. Наиболее упорной была всеобщая стачка таллинских рабочих, которая началась 17 февраля. Попытки фабрикантов договориться между собой о том, чтобы не уступать бастующим, провалились; наткнувшись на стойкое сопротивление рабочих, предприниматели вынуждены были пойти на частичное удовлетворение их требований. На таких крупных предприятиях, как завод Виганда, Лаусмана, фабрика Лютера, рабочий день был сокращен с 11 до 10 часов, на «Двигателе» даже до 9 часов, заработная плата была повышена до 10 процентов. Предприниматели обещали улучшить медицинское обслуживание, уплатить за 1—2 дня стачки и т. д. Но как только рабочие приступили к работе, предприниматели стали нарушать свои обещания. Это

вызвало новые стачки. Февральские стачки были по своему характеру экономическими, но победы, одержанные в них рабочими, показали, какую огромную силу представляют хорошо организованные массовые выступления пролетариата.

Деятели наиболее влиятельных группировок эстонской буржуазии объединялись в то время в Таллине вокруг газеты «Театая» («Вестник»), а в Тарту — вокруг газеты «Постимээс». Главенствующую роль тут играли: в Таллине — К. Пятс, М. Пунг и Я. Тээмант; в Тарту — В. Рейман, Я. Тыниссон и П. Пыльд. Деятельность газеты «Театая» носила в некоторой степени либеральный характер, она не выступала открыто против рабочих. В первые месяцы революции таллинская буржуазия сама участвовала в некоторых мероприятиях, надеясь использовать борьбу трудящихся в своих классовых интересах — вырвать у правительства кое-какие права. Газета же «Постимээс» придерживалась значительно более консервативных взглядов. Обе буржуазные группировки стремились ослабить борьбу трудящихся и направить ее на путь реформ. Буржуазия стремилась внушить рабочим, что они должны ограничиться подачей петиций властям.

Организации РСДРП, проводившие среди рабочих огромную разъяснительную работу, разоблачали эту политику эстонской буржуазии, направленную против интересов трудящихся.

Массовая революционная борьба весной и летом 1905 года. Вместе с усилением борьбы рабочего класса и крестьянства всей России весной и летом 1905 года росло революционное движение и в Эстонии.

Для того, чтобы определить тактику партии в революции, большевики созвали III съезд РСДРП. Меньшевики были против созыва съезда и, когда съезд все же собрался, созвали свою конференцию, которая приняла соглашательские резолюции. На III съезде РСДРП была определена тактика большевиков в буржуазно-демократической революции. Ленин, разъясняя в своей работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» решения съезда, показал, что в буржуазно-демократической революции пролетариат должен отстранить либеральную буржуазию от руководства революцией и изолировать ее; гегемоном революции должен стать пролетариат, который вместе с крестьянством способен довести буржуазно-демократическую революцию до победного конца. Ленин считал победоносное вооруженное восстание народа важнейшим средством свержения царского самодержавия и замены его временным революционным правительством, которое явится органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Задачей этой диктатуры будет завершение буржуазно-демократической революции, с тем чтобы сразу же начать переход к революции социалистической. Ленин разоблачил меньшевиков как прихвостней буржуазии и осудил их оппортунистическую деятельность.

Определяя тактику партии, съезд выдвинул следующие основ-

ные лозунги: борьба за установление восьмичасового рабочего дня и немедленное осуществление других требований рабочего класса, организация массовых политических стачек, вооружение рабочих, организация революционных крестьянских комитетов.

Эти конкретные лозунги развязывали революционную инициативу масс и поднимали их на вооруженное восстание.

Большевизм как направление вполне сложился весною и летом 1905 года.[1] Тогда же окончательно определились и меньшевики, в основном это были представители мелкобуржуазной интеллигенции.

Меньшевики, которым удалось добиться большинства в Таллинском комитете, игнорировали решения III съезда РСДРП по вопросам организации и направления революционной борьбы рабочих. Революционную часть комитета составляли, главным образом, представители фабрично-заводских рабочих, которые на месте возглавляли борьбу масс, руководствуясь большевистскими лозунгами.

В марте и апреле в забастовочном движении, по сравнению с бурным подъемом в январе—феврале, наметился некоторый спад. Однако общее революционное настроение росло непрерывно. Рабочие не мирились уже с прежними условиями труда, с недостойным отношением к ним фабрикантов, директоров и мастеров. Они требовали увольнения ненавистных мастеров и на отдельных предприятиях вывозили их на тачках за ворота.

Рабочие принимали все более активное участие в политических собраниях и митингах. Избранные в феврале—марте старосты таллинских рабочих объединялись в Совет старост, стремившийся организовать общие выступления рабочих города.

24 апреля на многолюдной сходке в Рахумяэ таллинские рабочие решили объявить стачку протеста и отпраздновать 1 Мая. Одним из активнейших организаторов этой сходки был староста рабочих завода «Двигатель» Карл Мытус, который вел политическую разъяснительную работу среди таллинских рабочих и пользовался у них большим уважением. Узнав о решении рабочих, полиция арестовала К. Мытуса, надеясь сорвать таким образом празднование 1 Мая. Но это не удалось ей. Большую роль в организации празднования 1 Мая сыграл большевик Н. Ионсон, в прошлом петербургский рабочий.

Стачка продолжалась с 30 апреля по 2 мая, в ней приняло участие свыше 2 тысяч рабочих. 1 мая рабочие собрались у памятника «Русалка». Ораторы в своих выступлениях выдвигали политические требования. После митинга колонны рабочих двинулись в город; здесь демонстрация была разогнана полицией.

По всей России непрерывно происходили как экономические, так и политические стачки. Революционные события лета 1905 года — всеобщая забастовка рабочих Иваново-Вознесенска, а

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 16, стр. 350.

также всеобщая забастовка в Лодзи, переросшая в первое в России вооруженное выступление рабочих, восстание на броненосце «Потемкин» и др. — указали боевой путь трудящимся всей России. Участились политические выступления и в Эстонии, особенно в Таллине. 24 июня в Нымме состоялись демонстрация и митинг 10 тысяч таллинских рабочих, на котором большевики разъясняли решения III съезда РСДРП. Организаторами демонстрации и митинга были рабочие Ф. Леберехт, К. Керве, студент М. Полевой и др. Два оратора прибыли, очевидно, из Петербурга. Они были хорошо загримированы (с фальшивыми бородами), и охранке так и не удалось установить их личность. Когда участники этого грандиозного митинга возвращались в Таллин, произошло столкновение с полицией. Летом в Таллине состоялся ряд крупных стачек — на химическом заводе Майера, Балтийской бумагопрядильне и др. Наиболее упорной и последовательной была борьба рабочих «Двигателя», бастовавших в 1905 году 12 раз. При каждой большой стачке Таллинский комитет выпускал листовку, разъясняя рабочим положение на их заводе или фабрике и цели их борьбы.

Власти стремились парализовать революционное движение арестами наиболее активных рабочих Таллина. В июле было арестовано несколько членов Таллинского комитета РСДРП и много активных рабочих, особенно с «Двигателя». Таллинский пролетариат ответил на это политической стачкой, которой руководили большевики. Бастующие требовали освобождения арестованных товарищей. На собраниях и митингах, проходивших во время стачки, большевики разъясняли рабочим необходимость перехода к решительной борьбе с царизмом — к вооруженному восстанию. Такие же собрания и митинги происходили в Нарве, Пярну, Валга и в других местах. Организации РСДРП крепли, революционная борьба нарастала.

Борьба рабочих всколыхнула и крестьянство. Революционное движение в деревне началось в феврале. Батраки имений, требуя увеличения зарплаты и сокращения рабочего дня с 16—18 часов до 12—14 часов, поднимались на стачечную борьбу. Кое-где, например, в Алатскиви, Тооламаа, Моосте, произошли более серьезные волнения и даже стычки с войсками, вызванными помещиками для расправы с бастующими батраками. Полиция, опираясь на войска, производила аресты среди батраков имений и крестьян; репрессиям подверглись и сельские учителя, присоединившиеся к выступлениям крестьян. Арендаторы протестовали против непосильной арендной платы и захвата крестьянских земель помещиками. Крестьяне поджигали помещичьи амбары, сараи, хлева; в этом проявлялся стихийный протест против помещиков-угнетателей. Особенно велика была ненависть к корчмам, повсеместно открытым помещиками. Крестьяне требовали закрытия корчем и нередко сами закрывали и разрушали их. В некоторых местах крестьяне обрывали телефонную связь, чтобы по-

мешать помещикам вызвать войска. Местные власти были в панике, помещики настаивали на принятии более суровых мер против крестьян. 14 марта Лифляндская губерния была объявлена на положении «усиленной охраны», что давало властям «свободу действий».

Все смелее звучали требования крестьян об отчуждении помещичьих земель. Крестьянское движение было особенно интенсивным в южной Эстонии, где классовые противоречия были наиболее острыми; интенсивность борьбы объясняется в известной мере также влиянием революционной борьбы латышских рабочих и крестьян, а также пропагандой революционных студентов Тарту.

Забастовками в Эстонии было охвачено около 60 имений. Во многих имениях батраки и крестьяне предъявляли помещикам свои требования совместно. Эти требования были еще весьма ограниченными, но они показывали, что батраки имений, бедняки и часть середняков включились в революционную борьбу, хотя борьба эта велась здесь стихийно и не всегда последовательно. Революционные социал-демократы усилили агитацию в деревне, в своих листовках они призывали батраков и крестьян к организованной борьбе против помещиков и царского правительства, призывали создавать революционные крестьянские комитеты.

Эстонская буржуазия, опираясь на манифест царского правительства от 18 февраля, разрешавший представлять предложения «по усовершенствованию государственного строя», организовала весной и летом 1905 года широкую петиционную кампанию. «Постимээс» напечатал проект реформ, обсуждавшийся на совещании представителей волостей. Этой кампанией буржуазия стремилась отвлечь крестьян от революции, однако ей это не удалось. Движение в деревне росло и ширилось.

Неотъемлемой частью революционной борьбы рабочих и крестьян в Эстонии была борьба за освобождение от национального гнета. Трудящиеся требовали, чтобы обучение в народных школах, делопроизводство в учреждениях и судах велось на эстонском языке.

Общий революционный подъем захватил также часть студентов и учащихся-старшеклассников, многие из них помогали революционерам размножать и распространять листовки. Весной 1905 года революционные настроения охватили и часть учащихся Курессаареской гимназии. В одном из донесений полиции сообщалось, что ученик этой гимназии Виктор Кингисепп, вышедший с другими учащимися на улицу, воскликнул: «Долой самодержавие!»

Власти повсеместно принялись за подавление революционного движения. Они требовали присылки все новых и новых войск. Революционеров преследовали и арестовывали. Особенно свирепствовали прибалтийские бароны. Для борьбы с революционным народом они, при участии эстонской буржуазии создали

свои вооруженные отряды — «бюргервер» («самозащита»), которые народ прозвал «черной сотней».

Наряду с репрессиями правительство вынуждено было прибегнуть к политике лавирования. Летом 1905 года царь, с целью обмана народа, обещал созвать думу, известную под названием булыгинской. Но булыгинская дума была сметена революционной борьбой пролетариата, руководимого большевиками.

Революционную борьбу эстонского пролетариата стремились расколоть и федералисты. Партия федералистов, которая называла себя Эстонской социал-демократической рабочей партией (ЭСДРП), возникла летом 1905 года. Во главе ее стояли мелкобуржуазные попутчики революции. Федералисты хотели строить рабочие и партийные организации по национальному признаку, т. е. отгородиться от общероссийского революционного движения, что на деле означало раскол единого фронта борьбы с царизмом. Печатным органом федералистов стала мелкобуржуазно-демократическая газета «Уудисед» («Новости»).

Участие трудящихся Эстонии во всероссийской октябрьской политической стачке. Революционное движение по всей России еще более усилилось к осени 1905 года. В политической борьбе рабочего класса важную роль играла стачка.

Ленин указывал: «Своеобразие русской революции заключается именно в том, что она была по своему социальному содержанию буржуазно-демократической, но по средствам борьбы была пролетарской». Она была «... пролетарской, не только в том смысле, что пролетариат был руководящей силой, авангардом движения, но и в том смысле, что специфически пролетарское средство борьбы, именно стачка, представляло главное средство раскачивания масс и наиболее характерное явление в волнообразном нарастании решающих событий».[1]

Стачечная борьба рабочих Москвы и Петербурга и особенно их выступления в сентябре и в начале октября имели большое значение в ходе подготовки всеобщей стачки. 7 октября вспыхнула забастовка на Московско-Казанской железной дороге, а через несколько дней бастовали уже почти все железнодорожники России. Перестала функционировать почта и телеграф, прекратили работу рабочие фабрик и заводов. Октябрьская политическая стачка превратилась во всероссийскую. Эстонские железнодорожники присоединились ко всеобщей стачке 12—13 октября; в Таллине всеобщая забастовка началась 14 октября, в Тарту — 17 октября, в Нарве — 25 октября. Повсюду проводились сходки и обсуждались политические вопросы.

15 октября в Таллине в зале общества «Эстония» состоялось собрание рабочих старост, представителей железнодорожников

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 23, стр. 231.

и различных организаций, на котором были выработаны следующие политические требования: созыв Учредительного собрания, провозглашение свободы личности и других свобод, освобождение политических заключенных, — а также требование отозвать с улиц войска, с тем чтобы поддержание порядка в городе перешло в руки рабочих. Губернатор был вынужден освободить часть политзаключенных, охрана порядка в городе перешла фактически к рабочим. Когда освобожденные политзаключенные появились в зале общества «Эстония», собравшиеся горячо приветствовали их.

16 октября под руководством большевиков были проведены митинги рабочих — сначала на Лаусманском лугу, затем на Новом рынке. Рабочие потребовали освободить всех остальных политзаключенных и отозвать с улиц войска. Во время митинга на Новый рынок прибыло две роты солдат, которые по приказу офицера открыли по рабочим огонь. 90 человек было убито и более 200 ранено. Этим расстрелом трудящихся царские власти стремились нагнать страх на эстонский трудовой народ, но они просчитались. Кровавая расправа 16 октября явилась тяжелым уроком для эстонского пролетариата. Гнев и ненависть охватили трудящихся Эстонии. Большевики разъясняли рабочим, что главным виновником этого кровопролития, как и многих других злодеяний, является царское правительство, которое действует в интересах помещиков и буржуазии и путем репрессий хочет заставить трудовой народ покориться. Эстонский пролетариат ответил на это злодеяние сплочением своих рядов. Рабочие все яснее начинали осознавать, что царизм может быть уничтожен только вооруженным восстанием.

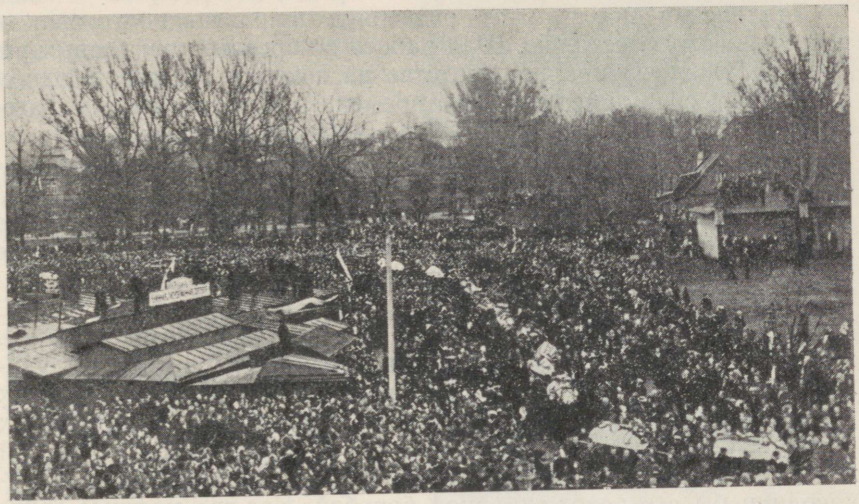
Расстрелы демонстрантов имели место также в Тарту, где 17 октября был убит один и несколько человек ранено, и в Нарве, где 1 ноября тоже был один убитый и несколько раненых.

Значительную активность в эти дни проявили рабочие и учащаяся молодежь Тарту. В университете и Ветеринарном институте, помещения которых осенью по решению студентов были открыты для проведения революционной разъяснительной работы, происходили теперь ежедневно большие митинги. Здесь собирались не только студенты, но и рабочие. Участники митинга 18 октября вышли из актового зала университета и с революционными песнями двинулись к тюрьме, где потребовали освобождения политических заключенных. Демонстранты с радостью встретили освобожденных властями товарищей и направились с ними на митинги в разные концы города.

Октябрьская всеобщая забастовка в России показала силу рабочего движения, она вынудила царя издать 17 октября манифест, содержавший лживые обещания всевозможных свобод. Эстонская буржуазия, как и русская буржуазия, восторженно встретила этот манифест, который ее полностью удовлетворял. Она воспользовалась сложившейся обстановкой, чтобы сплотить

свои силы и усилить борьбу против революции. Эстонская буржуазия создала свою первую политическую партию — партию прогрессистов во главе с Яаном Тыниссоном, принявшую программу кадетов. Народ окрестил эту партию «корыстолюбивой партией погибели».[1]

Но царскому правительству не удалось обмануть рабочий класс. Вместе с трудящимися всей России эстонский пролетариат продолжал борьбу под руководством большевиков. 20 октября



Похороны в Таллине 20 октября 1905 года жертв злодеяния 16 октября.

похороны жертв расправы на Новом рынке вылились в грандиозную демонстрацию таллинских рабочих, в которой приняло участие до 40 тысяч человек. По требованию рабочих на улицах не было ни войск, ни полиции, но порядок в городе был образцовый. В 10 часов утра похоронная процессия под звуки траурных маршей двинулась к кладбищу Рахумяэ. Рабочие несли на руках гробы. Развевалось множество красных с черными лентами флагов. На кладбище у открытых могил с речами выступили большевики. Состоявшееся после похорон собрание рабочих представителей потребовало призвать к ответу виновников кровавого злодеяния 16 октября.

Подобные похороны-демонстрации были также 20 октября в Тарту и 7 ноября в Нарве. Они имели огромное значение в мобилизации революционных сил народа.

Во всеобщей забастовке в Эстонии приняло участие до 20 ты-

---

[1] Игра слов: rahvameelne eduerakond — народная партия прогресса (официальное название партии); rahameelne kaduerakond — корыстолюбивая партия погибели.

сяч промышленных и железнодорожных рабочих и до 10 тысяч человек из других слоев трудящихся. Стачки закончились 21—27 октября. Однако уже в начале ноября вновь вспыхнули забастовки в знак солидарности с рабочими Петербурга.

По всей России в октябрьской стачке участвовало до 2 миллионов человек — она была поистине всероссийской. Большевики во главе с Лениным с полным правом считали эту стачку подготовительной ступенью к вооруженному восстанию пролетариата и призывали народ к продолжению борьбы.

Таллинский пролетариат развернул широкую подготовку к вооруженному восстанию. Шла работа по организации боевых рабочих дружин, собирались средства на покупку оружия. В одном из жандармских донесений того времени говорится, что «на вагоностроительном заводе «Двигатель» рабочие поголовно вооружены... револьверами и короткими пиками, которые фабриковались в мастерских завода».

Значительную политическую активность проявили эстонские рабочие в ноябре в связи с организацией профсоюзов. В Таллине было создано 7 и в Тарту 4 профсоюза.

Осенью активизировали свою деятельность и федералисты. Их лидеры широко открыли двери для всех, кто хотел вступить в их партию. Наряду с мелкобуржуазными элементами им удалось втянуть в ЭСДРП и часть пролетариата деревни и мелких городов, где трудящиеся еще плохо разбирались в партийных различиях. Трудовой народ, интерес которого к политической жизни неизмеримо возрос, тянулся к организациям, которые руководили бы его революционной борьбой. Кое-где местные группы ЭСДРП превратились в ходе событий именно в такие организации. Лидеры же федералистов по-прежнему стремились к расколу единого революционного фронта трудящихся и выступали с демагогическими обвинениями против РСДРП, что встречало достойный отпор со стороны революционных рабочих Таллина.

Подъем революционного движения в деревне. После октябрьской политической стачки продолжалось быстрое нарастание революционного движения в деревне. В волостях происходили собрания сельских рабочих и крестьян. В некоторых местах от дел были отстранены прежние волостные правления и на основе всеобщей и равной подачи голосов переизбраны волостные думы. В некоторых волостях по решению сходов батраков и крестьян в народных школах было введено обучение на эстонском языке. Многие учителя активно включились в революционное движение.

Между тем контрреволюция, возглавляемая царскими властями и прибалтийскими баронами, наступала. 24 ноября в Лифляндии было введено военное положение. В губерниях, где объявлялось военное положение, учреждалась должность генерал-губернатора с чрезвычайными правами. 28 ноября была учреждена должность временного прибалтийского генерал-губернатора. Цар-

ское правительство послало в распоряжение этих новых военных властей дополнительные войска.

Эстонская буржуазия также боялась движения сельского пролетариата и крестьянства. Чтобы направить это движение в угодное буржуазии русло, прогрессисты решили созвать 27 ноября в Тарту Всеэстонское собрание народных представителей. Каждый город посылал на собрание по два представителя от домовладельцев и торговцев и по два — от рабочих; каждая волость — одного от хозяев и второго от безземельных; каждое общество — по одному делегату.

Х. Пегельман.

Затея буржуазии была разоблачена таллинскими рабочими в специально выпущенном по этому поводу печатном обращении. В обращении содержалось требование, чтобы делегаты открыто заявили, что они не могут принимать решения как представители народа, — это может делать только собрание делегатов, избранных путем всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального голосования. Таллинские рабочие требовали созыва общероссийского собрания народных представителей, которое «установит в России демократическую (народную) республику».

Когда делегаты собрались в зале «Бюргермуссе», сразу возникли острые разногласия вокруг выборов руководства этого съезда. Приверженцы Я. Тыниссона всеми правдами и неправдами старались протащить его в председатели, однако революционно-демократическое большинство (500 из 800 делегатов) воспротивилось этому. Оно отделилось от сторонников буржуазии и провело 27—29 ноября свое собрание в университетском актовом зале («Аула»). В руководство собрания были избраны Х. Пегельман, Э. Вильде и либерал Я. Тээмант. На этом собрании царило революционное настроение. В решении о полномочиях съезда говорилось: «Собрание постановляет не считать настоящее так называемое «собрание депутатов от всего народа» всенародным собранием, но только собранием большинства депутатов, имеющих возможность указать народу руководящую цель

и направление». Собрание исходило из того, что «невыносимое и безвыходное положение России может быть исправлено только тем, что революционный народ свергнет произвол настоящего правительства». В решениях собрания содержались требования конфискации рыцарских, казенных и церковных земель, установления демократической республики, вооружения народа, избрания революционных самоуправлений, то есть крестьянских революционных комитетов, отделения церкви от государства, свободы стачек и союзов для рабочих и т. д. Аулаский съезд высказался за ограничение землевладения помещиков и уничтожение их привилегий, но не выставил требования о конфискации помещичьих земель. В этом проявилась непоследовательность крестьянской демократии.

Я. Сихвер.

Съезд выразил сочувствие петербургским рабочим в связи с арестом депутатов Совета.

Делегаты разъехались на места и приступили к проведению в жизнь решений съезда. Во многих волостях были образованы революционные самоуправления и вооруженная народная милиция. Район железнодорожных станций Руена и Мыйзакюла (на границе Эстонии и Латвии) стал одним из центров революционной борьбы. В Руена еще в ноябре были созданы революционное самоуправление и вооруженная народная милиция. Здесь действовала сплоченная социал-демократическая организация.

В Мыйзакюла 8 декабря под руководством учителя Яана Сихвера, студента Аболтина и др. были организованы революционное самоуправление и народная милиция Лаатреской волости. Подготовлялась поездка в Пярну для расширения революционного движения, но наступление карательного отряда сорвало это мероприятие. Такие же революционные самоуправления были созданы в Велисе, Ваали и других местах — всего в 42 волостях. В некоторых волостях выборы были назначены на более поздние сроки, но прибытие карательных отрядов помешало их проведению. Революционные комитеты были созданы и в городах — в Пярну и Курессааре.

Широкий размах получило движение новобранцев. В октябре—декабре в Выру, Таллине, Пярну, Тапа и других городах состоялись митинги новобранцев. Они отказывались от присяги

царю, пели революционные песни и предъявляли свои требования.

Таким образом, крестьянское движение в Эстонии приобрело широкий размах уже до декабрьского восстания. Большевики проводили в жизнь решения III съезда РСДРП по мобилизации революционных сил деревни.

Вооруженная борьба в Эстонии. Революционная борьба пролетариата и крестьянства в России под руководством большевиков нарастала и в декабре переросла в вооруженное восстание. В ноябре 1905 года из эмиграции вернулся в Россию Ленин и стал непосредственно руководить подготовкой вооруженного восстания. Партийные организации добывали оружие, создавали боевые дружины из рабочих, обучали их владеть оружием. Революционная агитация проводилась и в армии. После восстания на броненосце «Потемкине» и в Севастополе волнения и революционные выступления в войсках продолжались.

В воинских частях, находившихся в Эстонии, особенно среди матросов, усиливались революционные настроения. Кое-где у матросов даже было отобрано оружие, и их боялись посылать в караул. Морской министр, опасаясь присоединения матросов к революционному пролетариату Таллина, приказал вывести отсюда «возможно большее число судов с их командами». В начале декабря в Таллине была создана военно-революционная организация.

В декабре 1905 года в Таммерфорсе состоялась партийная конференция. На конференции обсуждался вопрос о вооруженном восстании. В это время (9 декабря) в Москве под руководством большевиков уже началось восстание. По предложению Ленина делегаты конференции разъехались на места, чтобы лично участвовать в восстании. Героически боролись московские рабочие, особенно в районе Пресни, где их боевые дружины десять дней отбивали атаки царских войск, вооруженных артиллерией и пулеметами.

Восстания вспыхнули и в ряде других городов и районов России. Однако эти восстания не были между собою связаны, поэтому царскому правительству удалось подавить их одно за другим.

В ходе революции закалялись эстонские большевистские организации. Руководствуясь ленинскими положениями, они все решительнее и последовательнее направляли движение масс и разоблачали буржуазно-националистическую сущность меньшевиков и федералистов.

Эстонский рабочий класс имел тесные связи с русским пролетариатом. Представители петербургских рабочих помогали рабочим Нарвы и Таллина, делились с ними боевым опытом. По примеру Петербургского Совета рабочих депутатов в конце ноября был создан Таллинский Совет рабочих депутатов, который 8 декабря провел под руководством Таллинского комитета РСДРП политическую стачку протеста таллинских рабочих против ареста

членов Петербургского Совета. Таллинский Совет пытался возглавить борьбу рабочих, но из-за оппортунистической деятельности меньшевиков он не стал органом вооруженного восстания, как Московский Совет рабочих депутатов, которым руководили большевики.

В начале декабря в Петербурге при поддержке легальной большевистской газеты «Новая жизнь» стала выходить на эстонском языке легальная газета РСДРП «Эдази» («Вперед»), которая сыграла значительную мобилизующую роль в революционном движении трудящихся Эстонии.

Таллинские рабочие, узнав о начале вооруженного восстания в Москве, хотели сразу же поддержать его своим выступлением, но раскольническая деятельность меньшевиков и федералистов, тормозившая организацию вооруженных сил рабочего класса, помешала этому. Между тем перешла в наступление и контрреволюция. 10 декабря в Таллине и Харьюском уезде было объявлено военное положение и произведены массовые аресты. Вооруженного восстания в Таллине и в других городах Эстонии не произошло.

В деревне в это время участились выступления. Среди крестьян все больше утверждалась идея республики: в некоторых волостях избранные революционные комитеты, действовавшие на местах как органы народной власти, назывались «республикой». В деревне Пуру (вблизи Йыхви) 9 декабря состоялся бурный сход крестьян. После революционных речей собрание решило приложить все усилия для свержения самодержавия. Избрав революционный комитет, сельскохозяйственные рабочие и крестьяне, частично вооруженные охотничьими ружьями и револьверами, направились во главе со своим комитетом в Йыхви «свергать, — как они заявили, — самодержавие». Они срывали вывески с государственных учреждений, уничтожали царские портреты; местным чиновникам было объявлено, что они, согласно решению народного собрания, увольняются. Чтобы получить средства на приобретение оружия, крестьяне захватили волостную кассу. На подавление этого восстания были направлены две роты солдат и полуэскадрон драгун. Подобные выступления происходили и в других местах.

11 декабря в Таллине должен был состояться съезд уполномоченных от волостей Эстляндской губернии. Делегаты стали съезжаться в Таллин уже 10 декабря, однако организаторы съезда, главным образом эстонские буржуазные деятели, из-за военного положения уже больше не показывались. Тогда рабочие пригласили приехавших делегатов на свои собрания, на которых были приняты решения о поддержке восстания в деревне.

На собрании, состоявшемся 11 декабря на заводе «Вольта», горячо обсуждался вопрос о вооруженном выступлении. В своей пламенной речи председатель собрания Х. Пегельман призвал «говорить по-латышски», т. е. поднять восстание против поме-

щиков по примеру латышей. Было высказано мнение, что боевые группы рабочих и крестьян должны двинуться в южную Эстонию, где латыши, несомненно, поддержат эстонцев. Полиция, узнав об этом собрании, устроила облаву. 22 человека были арестованы, остальным удалось скрыться.

Группы вооруженных рабочих Таллина направились в деревню, где, соединившись с батрацкими и бедняцкими отрядами, повели борьбу против своих исконных врагов — прибалтийских помещиков. Восстание охватило большую часть Харьюмаа и часть Ляэнемаа, Ярвамаа и Пярнумаа. Восставшие прежде всего разыскивали и конфисковывали оружие. Организованные отряды рабочих и крестьян не имели намерения жечь имения. Однако народная ненависть к этим гнездам помещичьего гнета была столь велика, что сдержать ее было трудно. Многие баронские мызы предавались огню и разрушению, помещики арестовывались. Кое-где имения конфисковывались и передавались крестьянам. В течение одной недели, с 12 по 20 декабря, в Эстонии было сожжено и разгромлено до 120 имений. Одновременно с этим на местах отстранялись представители царского правительства и власть переходила в руки восставших.

А. Янсен (Яан Сээн). Сатирическое изображение царского самодержавия. Опубликовано в журнале «Таппер» в 1906 г.

В некоторых волостях (Велисе, Кабала и др.) происходили крупные бои. Плохо вооруженные боевые отряды рабочих и крестьян терпели поражения от регулярных царских войск и баронских «черных сотен». В Велисе революционный комитет, во главе которого стояли учитель Я. Паулус и крестьянин М. Айтсам, создал народную милицию; она объединилась с прибывшим из Таллина отрядом рабочих и активно участвовала в борьбе против помещиков. В велисеской школе расположился штаб народной милиции. Когда Паулус узнал, что из Хаапсалу в Велисе направился карательный отряд под предводительством помещиков, он собрал в школе народную милицию и стал гото-

вить ее к сражению с «черной сотней». Тем не менее каратели неожиданно напали на Велисе и, окружив школу с трех сторон, открыли по ней беглый огонь. Восставшие, находившиеся в школе, пытались оказать сопротивление, однако из-за недостатка оружия не смогли отбить нападение врага. Часть повстанцев успела отступить к реке. Когда черносотенцы ворвались в школу, там было много убитых и раненых, последних палачи добивали шашками и штыками.

Участие рабочих отрядов в крестьянском восстании усилило революционную борьбу в деревне. Однако, несмотря на это, вооруженная борьба крестьян носила еще стихийный характер. Восстание было слабо организовано, отдельные боевые отряды почти не были связаны друг с другом. Цели и задачи борьбы не были еще вполне ясны для крестьян. Многие из них до сих пор продолжали верить, что получить землю, провести реформу самоуправления, ограничить произвол помещиков можно мирным путем, царским законом. Большевики не сумели еще достаточно последовательно руководить борьбой крестьянства.

Отступление революции. После поражения декабрьского восстания начался поворот к постепенному отступлению революции. Карательные экспедиции в Польше, Латвии, Эстонии, Закавказье, Сибири свирепствовали вовсю.

В дни вооруженной борьбы эстонского и латышского народов царское правительство формировало в спешном порядке крупные карательные отряды и посылало их в Прибалтику.

13 декабря в Валга прибыл отряд генерала Орлова, состоявший из пехотного батальона, 8 драгунских эскадронов, саперной роты и усиленный 6 пушками и 4 пулеметами; отсюда каратели двинулись в разных направлениях по Лифляндской губернии.

19 декабря прибыло два карательных отряда (по 400 матросов в каждом) и в северную Эстонию. Командовали ими прибалтийские немцы капитаны Рихтер и Ферзен. На следующий день в Таллин приехал начальник особого карательного отряда генерал Безобразов. На совещании у губернатора, где принял участие предводитель эстляндского рыцарства Деллингсгаузен, был выработан план карательной экспедиции в Эстляндской губернии, напоминавший собой план завоевания чужой территории. Губерния была разделена на 8 участков. В каждый из них направлялся отряд в 100 человек во главе с офицером, в помощь которому давали двух помещиков. Все местные гражданские власти должны были подчиняться начальникам этих сотен. Уже 21 декабря отряд Рихтера с пушками и пулеметами выступил из Таллина в приморские волости, где расстреливал, порол и арестовывал всех тех, кто оказался в списках, составленных помещиками. Рихтера за его кровавые деяния Николай II назвал «молодцом». От Рихтера не отставали и начальники других сотен.

После того как эти отряды прочесали все волости, в поход выступил генерал Безобразов. В карательный отряд генерала Без-

образова входили эскадрон драгун-гвардейцев, рота солдат и взвод драгун. Им были приданы две пушки. Царское правительство предоставило Безобразову неограниченные полномочия, в том числе и судить военно-полевым судом. Его первыми «помощниками» являлись немецкие бароны. Главным прокурором на «суде» был барон Коцебу. Отряд Безобразова прошел по местам вооруженных выступлений рабочих и крестьян, неся с собой смерть и опустошения. Безобразов выделил из своего отряда часть сил и поручил барону Сиверсу расправиться с жителями Вильянди и его окрестностей. Каратели Сиверса зверски убили 72 ни в чем не повинных человека, среди которых было несколько школьников.

Повсюду происходила жестокая расправа с рабочими и крестьянами — их арестовывали, пороли и расстреливали, дома крестьян сжигали. Карательным отрядом генерала Безобразова, например, в Мярьямаской волости в Ляэнемаа было убито 3 крестьянина и 79 человек подвергнуто порке — до 500 ударов каждому. Многие из подвергнутых экзекуции умерли, многие остались калеками на всю жизнь. Всего в Эстонии жертвами карательных отрядов пало около 300 человек, более 600 крестьян были подвергнуты телесному наказанию, многие сотни людей были брошены в тюрьмы. Рабочие профсоюзы, которые только начали создаваться, были разгромлены, собрания запрещены, все газеты, кроме черносотенных, закрыты.

В кровавых злодеяниях против эстонского и латышского народов принимало участие до 300 немецких баронов. На основании составленных ими списков производилась расправа над людьми.

Активную помощь карательным отрядам оказывали пасторы. Они выслеживали участников революционных выступлений и выдавали их карателям. Они издевались над жертвами палачей, называя действия последних «божьей карой», и оправдывали смертные приговоры.

После того как карательные отряды сделали свое дело на основе чрезвычайных полномочий, самодержавие приступило к расправе над народом на «законном основании». В 1906—1910 годах военно-полевые и военно-окружные суды, гражданские окружные суды и выездные сессии Петербургской судебной палаты инсценировали десятки больших и малых процессов, где сотни людей были осуждены на расстрел, на каторжные работы или приговорены к тюремному заключению.

Но ни разнузданный военно-полицейский террор, ни судебная расправа не смогли ликвидировать революционного движения — оно продолжалось, хотя и шло на убыль.

В 1906—1907 годах, в условиях непрекращавшейся промышленной депрессии, капиталисты усилили наступление на пролетариат, они стремились лишить рабочих тех прав, которые последние завоевали в революционной борьбе 1905 года. На многих

предприятиях Эстонии рабочий день был снова доведен до 11—12 часов, уменьшилась заработная плата, многие рабочие были уволены. Только в Таллине в 1906 году насчитывалось до 6 тысяч безработных.

Организации РСДРП в Эстонии перестроили свою работу в соответствии с новыми условиями, вызванными отступлением революции. В новом составе Таллинского комитета РСДРП большевики оказались в большинстве. Они продолжали организовывать и направлять революционную борьбу масс. Стачечное движение, несколько ослабевшее в начале 1906 года, весной вспыхнуло с новой силой. 1 Мая рабочие ознаменовали стачками. В Ямбурге (ныне город Кингисепп, Ленинградской области) власти замучили смелую революционерку — старосту рабочих Кренгольма Амалие Крейсберг. Привоз ее тела в Нарву 1 мая 1906 года вылился в многолюдную демонстрацию рабочих. Полиция стала разгонять демонстрантов, вырывая у рабочих цветы и венки.

А. Крейсберг.

В июле — августе произошли стачки и в ряде других мест Эстонии. В Нарве забастовка закончилась арестом 40 рабочих. Чтобы заставить рабочих смириться, Кренгольмская мануфактура была закрыта на месяц.

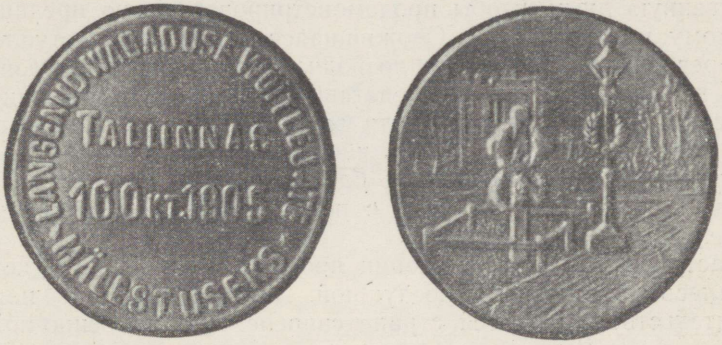
Таллинский пролетариат отметил первую годовщину событий 16 октября стачкой. Таллинский комитет в своей листовке призывал рабочих не забывать погибших товарищей и продолжать борьбу с царизмом. В память погибших таллинские рабочие выбили особую медаль.

Если в 1905 году в Эстонии участвовало в стачках 64 638 рабочих, т. е. каждый промышленный рабочий бастовал в среднем три раза, то в 1906 году бастовавших было 24100, в 1907 году — 16 972. Но при общем сокращении забастовочного движения возрастал удельный вес политических стачек, что свидетельствовало о росте классового сознания рабочих. В 1905 году в политических стачках участвовал 51 процент общего количества бастовавших, в 1906 году — 65 процентов и в 1907 году — 89 процентов.

В 1906—1907 годах активизировалась революционная борьба

в армии и флоте. Военная организация, созданная Таллинским комитетом РСДРП в декабре 1905 года, уделяла в 1906 году большое внимание революционному движению на флоте. Через организатора Арсения Коптюха (он же «Оскар») поддерживалась связь с революционными группами всех кораблей. Таллинская военная организация имела тесный контакт с петербургской организацией, от которой получала литературу и указания по проведению революционной работы на флоте и в армии. В начале 1907 года таллинская военная организация стала выпускать газету «Военный листок».

Летом 1906 года в Свеаборге, Кронштадте и во многих других местах России произошли восстания в армии и флоте. Рево-



Медаль в память жертв расстрела 16 октября 1905 года, изготовленная рабочими в 1906 году.

люционные матросы стоявших на таллинском рейде кораблей имели связь с рабочими, поддерживали их борьбу и сообща вели подготовку к восстанию. Командующий флотом, узнав через агентуру о готовящемся восстании, отвел большую часть кораблей подальше от Таллина. Несмотря на это, в ночь на 20 июля, когда стало известно о восстании, вспыхнувшем в Свеаборге, началось восстание на крейсере «Память Азова». Корабль перешел в руки восставших. Выступлением руководил подпольный судовой комитет РСДРП, во главе которого стоял артиллерийский квартирмейстер большевик Н. Л. Лобадин. Восставшие надеялись на поддержку других кораблей, однако лишь на учебном судне «Рига» была сделана попытка поднять восстание. Командованию флота удалось изолировать «Память Азова», и в тот же день восстание на крейсере было подавлено. Было арестовано 223 матроса команды, из них 18 приговорены к смертной казни, а несколько десятков брошены в тюрьмы. Крейсер «Память Азова» был переименован в «Двину». На злодеяние царских властей пролетариат Таллина ответил единодушной стачкой протеста.

Несмотря на то, что прибалтийские бароны, царское правительство и эстонская буржуазия напрягали все силы, чтобы подавить революцию, разгромить организации рабочих и помешать

их объединению, пролетариат Эстонии приступил к восстановлению своих профсоюзов. К осени 1907 года только в Таллине насчитывалось две с половиной тысячи членов профсоюзов. Во всей Эстляндской губернии было уже 13 профсоюзов.

Царское правительство понимало, что подавить революцию одними лишь репрессиями невозможно. Чтобы обмануть народные массы, оно приняло решение созвать в 1906 году Государственную думу. Большевики решили бойкотировать выборы в I думу, они разоблачали лживую политику царского правительства и контрреволюционной буржуазии. Эстонские рабочие под руководством большевиков принимали активное участие в бойкоте I думы. Эстонская буржуазия использовала выборы в Государственную думу, чтобы продемонстрировать свою преданность царскому правительству. Сложившаяся в связи с наступлением контрреволюции обстановка позволила эстонской буржуазии послать в I думу пять своих представителей, которые объединились там с кадетами. Представители эстонской буржуазии отстаивали в думе неприкосновенность частной собственности на землю, заботясь об интересах «серых баронов». Иллюзорные надежды крестьян на получение земли с помощью думы потерпели крушение.

Наступление контрреволюции продолжалось. I дума, которая оказалась недостаточно послушной, была разогнана царским правительством. По всей стране свирепствовали военно-полевые суды.

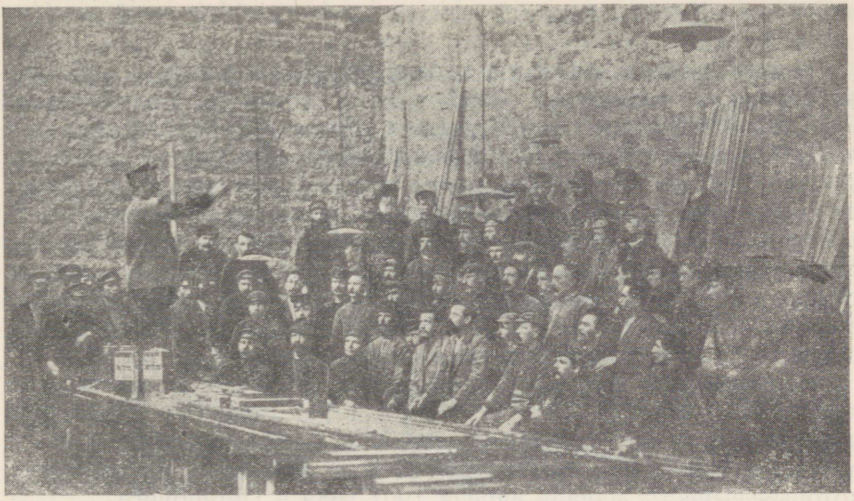
В этих трудных условиях большевики продолжали сплачивать революционные силы масс и руководить их борьбой.

Таллинский комитет РСДРП проводил среди трудящихся широкую разъяснительную работу. К осени 1906 года Таллинский комитет имел две типографии. В сентябре стала выходить нелегальная газета «Социал-демократ». Газета давала решительную отповедь эстонской буржуазии, разглагольствовавшей о конце революции. Газета писала, что революция продолжается, что «раскаленная лава может вскоре вновь извергнуться, и мы должны быть готовы к этому». Когда меньшевикам удалось захватить в свои руки типографию и издательство газеты «Социал-демократ», большевики начали издавать свою газету «Выйтлус» («Борьба»). Они, правда, смогли выпустить лишь один номер, так как полиция разгромила типографию.

В первой половине 1907 года произошел ряд стачек. Особенно упорной и хорошо организованной была стачка рабочих завода Лаусмана; стачка продолжалась около полутора месяцев и закончилась победой рабочих. Большая часть таллинского пролетариата отметила 1 Мая стачками. В мае бастовали рабочие Нарвской льнопрядильной фабрики. Администрация отказалась удовлетворить требования рабочих. Ненависть рабочих к фабричному управлению, особенно директору Пельцеру, измывавшемуся над рабочими, была так велика, что они утопили его

в Нарвском водопаде. За это все рабочие были уволены, более ста человек арестовано, из них 6 приговорены к смертной казни.

В начале 1907 года состоялись выборы во II Государственную думу. Ленин указывал, что в обстановке отступления революции большевики должны принять участие в выборах во II Государственную думу, чтобы использовать ее как трибуну в интересах революции.



Депутат II Государственной думы П. Пярн выступает перед рабочими завода «Двигатель».

Эстонские большевики использовали выборы во II думу для развертывания в народе революционной агитации. Таллинские рабочие выбрали своим депутатом рабочего завода «Двигатель» П. Пярна. Рабочие всей Эстонии выражали П. Пярну свое доверие и в письмах к нему наказывали защищать в Государственной думе интересы трудящихся. Отъезд Пярна в Петербург вылился в крупную демонстрацию таллинских рабочих. Пярн поддерживал во II думе социал-демократическую фракцию. В своих выступлениях на собраниях таллинских рабочих он отстаивал большевистские взгляды на Государственную думу.

Из остальных четырех депутатов от Эстонии один был представителем крестьян и трое — представителями буржуазии. Последние по-прежнему отстаивали интересы эстонских кулаков.

В 1906—1907 годах усилился большевизм в Эстонии. Таллинский комитет стал фактически руководящим партийным центром, отсюда большевики посылались для проведения разъяснительной работы в другие места. Существовавший при Таллинском комитете так называемый «сельский район» (особая группа Таллинского комитета) руководил партийной работой в деревне. Эта

группа созвала в августе 1906 года совещание сельских организаций РСДРП, где обсуждались задачи революционной борьбы в деревне и было принято решение об усилении работы сельских организаций партии.

Большевики южной Эстонии созвали в конце 1906 года конференцию северолифляндской организации РСДРП, где принял участие также представитель большевистской газеты «Пролетарий». Конференция приняла большевистские резолюции и избрала Исполнительный комитет северолифляндской организации РСДРП.

В порядке подготовки к V съезду РСДРП в феврале 1907 года в Териоках состоялась конференция эстонских организаций РСДРП. В ней участвовал 21 делегат. Делегаты представляли около 1000 членов партии. Большевики имели на конференции большинство, и все же меньшевики, опираясь на поддержку своих петербургских единомышленников, попытались протащить оппортунистические резолюции. Однако на конференции были приняты большевистские решения, был утвержден устав «Союза Эстонского края» РСДРП. Ленин, анализируя резолюцию конференции по вопросу о Государственной думе, составленную Х. Пегельманом, оценил ее как большевистскую и поучительную для других.[1]

Конференция обсудила составленные Лениным проекты резолюций V съезда РСДРП и одобрила их. Решения Териокской конференции и проекты резолюций V съезда были опубликованы в первом номере большевистской газеты «Тёэлине» («Рабочий»), который вышел в начале апреля 1907 года в Петербурге.

3 июня 1907 года была разогнана II Государственная дума. Социал-демократические депутаты думы, в их числе и П. Пярн, были арестованы и отправлены в ссылку. Был объявлен новый, крайне реакционный избирательный закон, который должен был обеспечить черносотенный состав думы.

В России начался период реакции.

Причины поражения революции. Первая русская революция потерпела поражение. Причины поражения, которые дали себя знать и в Эстонии, были следующие.

Не сложился еще прочный союз рабочих и крестьян. Крестьянство боролось против помещиков, но оно еще не осознало с полной ясностью, что царское правительство — это власть помещиков, что для победы над помещиками надо свергнуть царя.

Недостаточно дружно действовали и рабочие. Если, например, в Таллине каждый рабочий крупной промышленности бастовал в 1905 году в среднем 7 раз, то в других районах — 1—2 раза.

Не было единой партии рабочего класса. Если большевики нацеливали пролетариат на вооруженное восстание, то меньшевики и эстонские федералисты своей раскольнической деятельностью тормозили развитие революции.

---

[1] См. В. И. Ленин. Соч., т. 12, стр. 209—211.

Большинство солдат еще помогало царю подавлять революцию. Царизму в его борьбе против революционного народа помогли западноевропейские империалисты.

Первая русская революция имела огромное значение для всех народов царской России, в том числе и для эстонского народа. Она показала, что гегемоном революции был рабочий класс и его союзником — крестьянство. Руководящая роль в революции принадлежала русскому пролетариату. Борьбу рабочего класса направляла большевистская партия во главе с Лениным. Революция имела огромное значение в деле воспитания пролетариата и крестьянства в духе интернационализма. Она разоблачила контрреволюционную сущность эстонской буржуазии и разъяснила трудящимся массам взаимоотношения всех классов. Она показала, что эстонские трудящиеся своей массовой революционной борьбой внесли достойную лепту в дело революции.

Революция 1905 года вооружила весь трудовой народ России, в том числе и эстонский рабочий класс и крестьянство, богатым опытом революционной борьбы, который они использовали в своей дальнейшей борьбе за свержение царизма и за победу социалистической революции.

§ 4. ЭСТОНИЯ В ГОДЫ СТОЛЫПИНСКОЙ РЕАКЦИИ (1907—1910)

В послереволюционные годы царизм проводил политику жесточайших репрессий. По имени главы правительства Столыпина весь этот период называют годами столыпинской реакции.

В Эстонии также продолжал свирепствовать военно-полицейский террор. Непрерывно действовали военные суды, рабочих и крестьян бросали в тюрьмы и отправляли в ссылку. В 1907—1908 годах были арестованы почти все члены Таллинского комитета РСДРП. С помощью провокаторов жандармы разгромили ряд других организаций РСДРП. Это привело к распаду «Союза Эстонского края». В 1910 году были разогнаны профсоюзы.

Промышленная депрессия продолжалась. Если в легкой промышленности, особенно в хлопчатобумажной, замечался в сравнении с 1900—1905 годами некоторый подъем (на Кренгольмской мануфактуре, например, производство расширилось настолько, что количество рабочих превысило там 10 тысяч человек), то в металлообрабатывающей промышленности, прежде всего в Таллине, где заводы в значительной мере зависели от государственных заказов, не прекращался спад. В связи с сокращением строительства железных дорог сократилось производство на вагоностроительном заводе «Двигатель». Если в 1905 году здесь работало 1600 рабочих, то в 1907—1910 годах — всего 700—800 рабочих. Многие фабрики работали только 3—5 дней в неделю. Некоторые предприятия были закрыты на длительное время.

Капиталисты использовали депрессию для наступления на рабочий класс. Начались массовые увольнения, в результате чего

много рабочих очутилось на улице. В Таллине в 1908 году, по официальным данным, насчитывалось до 2 тысяч безработных, в действительности их было гораздо больше. Предприниматели удлиняли рабочий день, снижали заработную плату, повышали штрафы. Имена наиболее сознательных рабочих заносились в «черные списки». Неуклонно росла дороговизна. Цены на предметы широкого потребления в течение 1907 года поднялись в Таллине на 40—50 процентов.

Наряду с политикой жесточайшего террора, направленного против трудового народа и его организаций, царизм предпринял маневр для обмана народа. Для предотвращения нового революционного взрыва Столыпин провел аграрную реформу, преследовавшую следующие цели: уничтожить крестьянскую общину, путем выделения хуторов из общины создать условия для усиления кулачества, которое должно было стать прочной опорой царизма в деревне; переселить из очагов революционного движения в более отдаленные губернии возможно больше крестьян. Была созвана III дума — послушное орудие царизма.

В Прибалтике не было надобности проводить аграрную реформу Столыпина в полном объеме. Здесь крестьянская община давно была разрушена помещиками, а кулак фактически уже являлся опорой царского правительства в деревне. Однако в интересах кулачества в 1906 году деятельность Крестьянского банка была распространена на Эстонию и Латвию. Этот банк предоставлял кредиты на более льготных условиях, чем кредитные учреждения прибалтийского дворянства. Кроме того, царское правительство раздробило некоторые казенные имения и стало продавать их по частям или сдавать в аренду крестьянам. Это не улучшило положения бедноты, так как землю могли купить только те, кто имел деньги, т. е. главным образом кулаки.

Широкие массы крестьянства по-прежнему страдали от безземелья. Помещики непрерывно повышали и без того высокие цены на землю и арендную плату. Местами в имениях все еще применялись отработки. Многие крестьянские хозяйства продавались с молотка. Помещики усиливали эксплуатацию сельскохозяйственных рабочих. Последние, борясь с их произволом, пытались организовать стачки, которые, однако, подавлялись полицией и жандармерией. Обострялись противоречия между «серыми баронами» и бедняками. Крестьянство надеялось улучшить свое положение путем массового переселения в другие губернии России. Так, из Вырумаа в 1905—1908 годах в одну только Вологодскую губернию переселилось 6 тысяч человек. Царское правительство, со своей стороны, поддерживало это переселение, надеясь таким путем удалить из районов революционного движения, каким являлась и Прибалтика, наиболее беспокойные безземельные элементы.

Все это показывало, что аграрный вопрос, один из главных вопросов буржуазно-демократической революции, по-прежнему

оставался неразрешенным. Вместе с тем крестьянство начинало понимать, что ему не получить помещичьей земли, пока существует царское правительство и помещичье-кадетская Государственная дума, что аграрный вопрос может быть разрешен только революционным путем.

Кулак обогащался за счет беспощадной эксплуатации сельской бедноты. Сельская и городская буржуазия Эстонии укрепляла свои экономические позиции с помощью кооперации, создавая общества взаимного кредита, общества земледельцев, молочные товарищества и т. п. Эту деятельность буржуазия пыталась выдать за общенациональное дело и использовать ее в целях пропаганды «национального единства».

Наступление контрреволюции шло и на идеологическом фронте. Буржуазные писатели и публицисты «критиковали» и «разносили» марксизм, оплевывали революцию, издевались над нею, воспевали предательство и разврат.

Боясь революционного движения трудящихся масс, эстонская буржуазия старалась отвлечь народ от революции с помощью реакционной националистической пропаганды. Она «критиковала» марксизм и силилась доказать, что революция якобы несет народу только страдания.

Буржуазия призывала народ довольствоваться теми «свободами», которые предоставляет ему царь. В III Государственную думу эстонской буржуазии удалось послать двух депутатов, которые трусливо отмалчивались в течение всего периода деятельности думы, являясь союзниками прибалтийских баронов.

В Эстонии, как и повсюду в России, большой ущерб революционному движению наносили меньшевики-ликвидаторы. Отрицая необходимость революционной борьбы и по существу добиваясь подчинения пролетариата буржуазии, они пытались ликвидировать нелегальные организации РСДРП.

На разгул реакции рабочий класс ответил революционной борьбой. В эти годы состоялся ряд стачек, хотя их было значительно меньше, чем в 1905—1907 годах. Наиболее крупная стачка в Эстонии в 1908 году произошла на заводе «Вольта». Она продолжалась 46 дней и закончилась локаутом. Предприниматели уволили наиболее активных участников стачки. Ежегодно 16 октября рабочие Таллина объявляли стачку протеста. 16 октября 1909 года в Таллине бастовало более 8 тысяч рабочих.

Эстонские организации РСДРП после разгрома начали снова собирать силы, укреплять свои ряды. Значительную помощь эстонским большевикам оказала петербургская организация РСДРП, которая неоднократно посылала своих представителей, особенно пропагандистов, в таллинскую и нарвскую организации. В конце 1907 года в качестве пропагандиста в Таллинский комитет был направлен В. Кингисепп, в то время студент Петербургского университета. Большевики южной Эстонии работали в тесном сотрудничестве с латышскими организациями РСДРП.

§ 5. ЭСТОНИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПОДЪЕМА (1910—1914)

Экономическое развитие. В 1910 году длительная депрессия в России стала сменяться оживлением, за которым последовал подъем. Промышленный подъем в Эстонии проявился в основном в металлообрабатывающей промышленности, которая была наиболее тесно связана с милитаризацией экономики страны. В Таллине началось сооружение крупных судостроительных заводов (в 1912 году — Русско-Балтийского и Беккера, а в 1913 году — «Ноблесснера»), предназначенных для строительства военных кораблей. Уже осенью 1913 года на Русско-Балтийском заводе и заводе Беккера приступили к закладке миноносцев и крейсеров, а вслед за тем началось строительство подводных лодок на заводе «Ноблесснер». В металлообрабатывающей промышленности число рабочих возросло с 6 600 человек в 1910 году до 11 000 человек в 1913 году.

В широких масштабах развернулись также работы по строительству морской крепости имени Петра Великого и военного порта в Таллине.

По объему валовой продукции и по количеству рабочих на первом месте продолжала оставаться текстильная промышленность. Здесь в 1913 году было занято свыше 18 тысяч рабочих. Возникли некоторые новые предприятия, например, фабрика искусственного шелка «Вискоза» на острове Хийумаа, льноткацкие фабрики в городах Вильянди, Раквере и в Мыйзакюла.

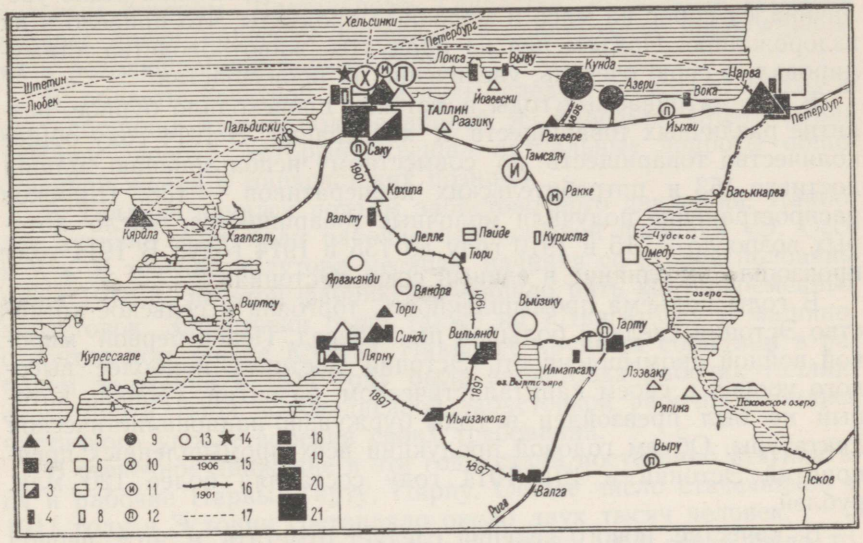
Значительное расширение производства происходило в деревообделочной, целлюлозно-бумажной и химической промышленности.

В годы нового промышленного подъема ускорился процесс концентрации производства. Общее количество рабочих на предприятиях с числом рабочих 16 и выше в 1913 году составляло 43 тысячи. 75 процентов из них было занято на крупных фабриках и заводах с числом рабочих свыше 500. Рост производства, особенно военного производства, был связан с усилением существующих и образованием новых монополий. За 10 лет (1903—1913) основной капитал Кренгольмской мануфактуры возрос с 6 до 12 миллионов рублей, целлюлозной фабрики «Вальдгоф» — с 3 до 12 миллионов рублей. Общая сумма акционерного капитала действующих предприятий в Эстонии возросла за эти годы с 33 до 100 с лишним миллионов рублей.

Быстро росли иностранные капиталовложения. Накануне первой мировой войны иностранному капиталу прямо или косвенно принадлежало, по приблизительным подсчетам, уже до половины всего акционерного капитала, причем преобладающее значение приобрел теперь французский капитал.

Промышленный подъем привел к оживлению внутренней и внешней торговли. Ввоз товаров из внутренних районов России в

Эстонию увеличился с 44 миллионов пудов в 1910 г. до 57,3 миллиона пудов в 1913 г., то есть на одну треть. Часть из привозимых в Эстонию товаров, как, например, хлеб, шла транзитом на заграничные рынки. Во внешнеторговом обороте балтийских портов России на эстонские порты накануне первой мировой войны приходилось 21,4 процента ввоза и 7,2 процента вывоза. Всего к эстонским портам было приписано 39 пароходов и 329 парусных судов.



Крупная промышленность в Эстонии в 1913 г.

1 — текстильная промышленность; 2 — машиностроительная и металлообрабатывающая промышленность; 3 — судостроение; 4 — кирпичная промышленность; 5 — целлюлозно-бумажная промышленность; 6 — деревообделочная промышленность; 7 — спичечная промышленность; 8 — кожевенная промышленность; 9 — цементная промышленность; 10 — химическая промышленность; 11 — известковая промышленность; 12 — пищевкусовая промышленность; 13 — стекольная промышленность; 14 — электрическая станция; 15 — дата открытия движения по ширококолейной ж.-д. линии; 16 — по узкоколейной ж.-д. линии; 17 — пароходные линии; 18 — промышленные предприятия с числом рабочих с 16 до 100; 19 — с 101 до 500; 20 — с 501 до 1000; 21 — свыше 1000 рабочих (относится ко всем отраслям промышленности).

Быстрый рост крупной промышленности и торговли привел к росту городского населения (со 176 тысяч человек в 1897 году до 286 тысяч человек в 1914 году).

В связи с расширением внутреннего рынка значительно ускорилось развитие сельского хозяйства Эстонии. Рост спроса на сельскохозяйственные продукты стимулировал переход к более рациональным способам земледелия. При обработке земли в имениях и кулацких хозяйствах все шире применялись усовершенствованные орудия труда и новые агротехнические приемы, в частности плуговая распашка. В это время помещики все шире переходили на 9—12-польный, а крестьяне на 6—9-польный севообо-

рот с полевыми травами и корнеплодами. Улучшение обработки почвы и применение искусственных удобрений привели к росту урожайности. Так, урожайность зерновых к 1914 году поднялась по сравнению с 1900 годом в среднем на 10 процентов.

Некоторые изменения наблюдались в структуре посевных площадей. Значительно расширялись площади под овес, клевер и корнеплоды, в то время как посевы ржи, пшеницы, ячменя несколько сократились.

В связи с ростом численности городского населения резко увеличивался спрос на мясо и молочные продукты, что привело к их вздорожанию. Подъем цен на продукты животноводства стимулировал, в свою очередь, увеличение их производства.

В рассматриваемые годы в Эстонии происходило бурное развитие различных товариществ и кооперации. В 1914 году общее количество товариществ по совместному использованию машин достигло 153 и потребительских кооперативов — 138. Широкое распространение получили молочные товарищества, число которых возросло с 15 в 1910 году до 135 в 1914 году. В 1911 году произошло их слияние в единый союз «Эстония».

В годы подъема промышленность, торговля и сельское хозяйство Эстонии сделали большой шаг вперед. Перед первой мировой войной промышленность Эстонии достигла наиболее высокого уровня в своем капиталистическом развитии, уровня, который не был превзойден в годы буржуазно-националистической диктатуры. Объем годовой продукции всех промышленных предприятий Эстонии в 1913/1914 году составлял более 120 млн. рублей.

В качестве нового явления следует отметить в этот период сравнительно интенсивное формирование эстонской крупной буржуазии. В 1912 году эстонская буржуазия основала в Вильянди льноперерабатывающую фабрику с 300 рабочими; первоначальный акционерный капитал составил 150 тыс. рублей. Кроме этого, с эстонским капиталом или при значительном участии эстонского капитала были построены льноперерабатывающие фабрики в Пярну, Тори, Лээваку, заводы сельскохозяйственного инвентаря в Вильянди, Пайде, Кяру, мебельные фабрики в Таллине и Тарту и другие промышленные предприятия. Основной капитал учрежденного в 1912 году Таллинского пароходного общества в 1914 году составлял 180 тысяч рублей. Число «национальных» сберегательных обществ достигло 87, кроме того развивались общества взаимного кредита с национальным капиталом. На сцене появились такие представители эстонской буржуазии, как, например, предприниматели В. Лендер, И. Питка, адвокаты К. Пятс, О. Штрандман, И. Поска и др.

Подъем революционного движения. Первые признаки нового оживления революционного движения в России появились в 1910 году. В конце этого года состоялись демонстрации, связанные со смертью Льва Толстого. На эти события от-

кликнулись в Эстонии студенты Тартуского университета, которые организовали на Ратушной площади митинг, требуя отмены смертной казни. Демонстрация была разогнана полицией, часть демонстрантов была арестована. В 1911 году революционное брожение среди студенчества в Тарту приняло еще более широкие размеры.

Осенью 1910 года в Нарве по инициативе большевиков было создано Общество народного образования, которое стало их легальным центром. Деятельность Общества, вызвавшая большой интерес среди нарвских рабочих, способствовала пробуждению их к революционной борьбе.

В области печатной пропаганды следует отметить выход в свет сборника статей под редакцией Я. Анвельта «Мейе сына» («Наше слово»), который освещал актуальные вопросы общественной жизни с марксистских позиций.

В Таллине начался подъем забастовочного движения. Наиболее активно выступали рабочие целлюлозной фабрики «Э. Оссе и К°». В течение полутора месяцев, начиная со второй половины июня 1910 г., на этой фабрике произошло пять кратковременных забастовок. Забастовки были также на «Двигателе» и машиностроительном заводе Крулля. Наиболее крупным событием в рабочем движении в 1911 году была забастовка рабочих таллинского порта. Этой восьмидневной забастовкой рабочие добились частичного удовлетворения своих требований.

В стачечное движение в эти годы стали постепенно втягиваться и рабочие Нарвы, Тарту, Пярну. Общее число стачечников в 1911 году в Эстонии составляло около двух тысяч человек.

Характерным в стачечной борьбе 1910—1911 годов было то, что часть стачек носила опять наступательный характер: рабочие начали требовать теперь увеличения заработной платы, улучшения условий труда и т. п., тогда как ранее забастовки чаще представляли собой оборонительную меру против попыток капиталистов снизить заработную плату или ущемить права рабочих. Оживление рабочего движения в Эстонии было связано с активизацией деятельности организаций РСДРП. В 1910 году были выпущены подпольные листовки Таллинского комитета РСДРП, приуроченные к 9 Января и 1 Мая. В том же году в конце июня состоялась конференция эстонских большевистских организаций и групп в Сууре-Яани (в Вильяндиском уезде), которая заслушала отчеты с мест о деятельности социал-демократических организаций и групп, обсудила политическое положение и задачи партии. Конференция имела положительное значение для развития революционной борьбы, она приняла решение об объединении социал-демократических организаций Эстонии в «Эстонский Союз РСДРП».

И все же подъем рабочего движения в Эстонии вначале шел очень медленно. Это было отчасти обусловлено деятельностью оппортунистов в рядах местных организаций РСДРП. Вследствие

того, что многие большевики в Эстонии были арестованы, оппортунисты сумели усилить свое влияние на рабочее движение.

Мощным толчком к резкому подъему революционной борьбы трудящихся послужил расстрел рабочих на Ленских золотых приисках в апреле 1912 года. Массовые стачки протеста всколыхнули всю страну.

В Эстонии это злодеяние царизма вызвало глубокое возмущение рабочих. На ряде предприятий, как, например, на вагоностроительном заводе «Двигатель», целлюлозной фабрике «Э. Оссе и К°», писчебумажной фабрике Иогансона произошли стачки протеста, хотя оппортунистическое руководство Таллинского комитета было против выступления.

Эти апрельско-майские стачки явились началом серьезного революционного подъема в Эстонии. Движение охватывало все более широкие массы трудящихся. 1912 год был годом массовых стачек. Наиболее ярким примером является политическая стачка в Таллине 16 октября, в 7 годовщину расстрела демонстрации на Новом рынке; в стачке участвовало 4 тысячи рабочих. С политическими выступлениями рабочих была тесно связана и их экономическая борьба.

Большим событием в рабочем движении Эстонии была всеобщая забастовка печатников в октябре 1912 года. Эта забастовка продолжалась в Таллине 43 дня, в Тарту 78 дней и завершилась заключением коллективного договора, в котором было предусмотрено некоторое увеличение заработной платы. В 1913 году стачки экономического характера охватили еще более широкие слои рабочих.

Из многочисленных крупных забастовок наиболее длительной была забастовка рабочих целлюлозной фабрики «Вальдгоф» в Пярну, которая проходила летом 1913 года. Забастовка продолжалась 20 дней, но из-за слабой организованности и недостаточной политической сознательности рабочих кончилась их поражением.

Из массовых политических выступлений эстонского пролетариата в 1913 году наиболее внушительной была первомайская стачка. По призыву большевиков в день 1 Мая рабочие остановили работу почти на всех фабриках и заводах Таллина. Частичные забастовки произошли также в Тарту и Нарве.

В эти годы развернулась борьба пролетариата также за социальное страхование.

Новые страховые законы, принятые царским правительством в 1912 году, касались только двух видов страхования — на случай болезни и увечья. Они совершенно не касались страхования по старости, инвалидности и в случае безработицы; к тому же страхование распространялось не на всех рабочих, а лишь на $2^1/_2$ миллиона рабочих фабрично-заводской и горной промышленности. Фонд страхования создавался частично за счет рабочих.

В Эстонии местные власти и предприниматели грубо нарушали и те куцые положения о страховании рабочих, которые были предусмотрены в законе. Они чинили препятствия рабочим в ознакомлении с новым страховым законом и в создании больничных касс. Все это вызвало глубокое возмущение масс. В начале сентября 1913 года в Таллине состоялась всеобщая забастовка протеста против нарушения закона о страховании. Большевики Эстонии в период выборной кампании в больничные кассы, которая происходила в обстановке напряженной борьбы, провели большую политико-воспитательную работу среди рабочих: они разоблачили оппортунистическую тактику меньшевиков, которые старались придать страховой кампании сугубо реформистский характер. Всего в Эстляндской губернии в 1914 году было организовано 14 больничных касс. Уполномоченными от рабочих прошли главным образом большевики и сочувствующие им рабочие.

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Годъ изданія первый.

№ 13. Вторникъ. 8 мая 1912 г. ЦѢНА 2 Коп.

Заголовок «Правды».

Большую роль в развертывании революционного движения сыграла рабочая печать. В мае 1912 года в Петербурге по инициативе петербургских рабочих начала выходить ежедневная большевистская газета «Правда». Она имела множество читателей и корреспондентов в Эстонии. На своих страницах газета регулярно освещала положение в рабочем движении Эстонии.

По примеру «Правды» эстонские рабочие стали издавать в Нарве рабочую газету «Кийр». Первый номер газеты вышел 15 июня 1912 года. Сотрудниками газеты были видные большевики Эстонии В. Кингисепп, И. Кясперт, Х. Суудер, Х. Пегельман, А. Кони и др. Фактическим редактором ее был Я. Анвельт. В газете сотрудничали первое время также и некоторые меньшевики. В центре внимания газеты было угнетенное положение рабочих, крестьян и их революционная борьба за лучшее будущее. Газета разоблачала политику царского правительства и эстонской буржуазии, рассказывая о жестокой эксплуатации, преследованиях и издевательствах, которым подвергались рабочие и крестьяне со стороны капиталистов, помещиков и их прислужников. Газета «Кийр» имела огромное значение для развития революционного

движения в Эстонии. Она стала по существу легальным центром большевиков Эстонии, который под руководством ленинского ЦК РСДРП(б) обеспечил победу большевизма во всех рабочих организациях Эстонии.

В годы нового революционного подъема идейная борьба между большевиками и меньшевиками в Эстонии значительно усилилась. Во главе Таллинского комитета, начиная со второй половины 1910 года, стояли оппортунисты, которые всячески пытались тормозить развертывание революционного движения. Ведущую роль в этой оппортунистической группировке играл редактор уголка «Рабочей жизни» в буржуазной газете «Таллина Театая» А. Кастра. Он и его единомышленники активно сотрудничали также в меньшевистской газете «Луч», которая издавалась в Петербурге. В ходе борьбы взаимоотношения внутри партийной организации Эстонии настолько обострились, что перед ней резко встал вопрос об организационном размежевании.

Nr. 88 (124) Hind 2 kop.

Kiir

Töörahwa ajalcht

Ilmub igal teisipäewal, neljapäewal ja laupäewal.

Заголовок газеты «Кийр».

Большую помощь в борьбе против меньшевиков в Эстонии оказало центральное партийное руководство РСДРП(б). По инициативе В. И. Ленина Русское бюро Центрального Комитета направило своего представителя Г. И. Петровского в Таллин на партийное совещание, которое происходило в конце марта 1914 года. На этом совещании произошел окончательный разрыв между большевиками и меньшевиками Эстонии. На основе принятого совещанием решения состоялись новые выборы в партийные органы. В состав нового Таллинского комитета были избраны только большевики.

Окрепшие идейно и организационно, большевики Эстонии созвали в июне 1914 года в районе Нарвы, в Паэмурру, партийную конференцию, которая обсудила ряд важных вопросов внутрипартийной жизни и избрала руководящий центр большевистских организаций Эстонии.

Революционная борьба достигла наиболее высокого уровня накануне первой мировой войны. Всеобщая забастовка на бакинских нефтяных промыслах в мае 1914 года, массовые забастовки в июле в Петрограде и кровавые столкновения с войсками в ряде городов показали, что в России назревает новая революционная ситуация.

Пролетариат Эстонии, руководимый большевиками, не стоял в стороне от этих массовых политических выступлений. В течение первых семи месяцев 1914 года в Эстляндской губернии, по официальным данным, было 79 забастовок, в которых участвовало 27 726 человек, то есть больше, чем в революционном 1906 году. Особенно многолюдной была первомайская стачка в Таллине в 1914 году. В ней, по сообщению газеты «Правда», участвовало 16 тысяч человек. В июле в Таллине состоялась еще более мощная политическая стачка протеста в связи с кровавыми событиями на Путиловском заводе в Петербурге. В этой забастовке приняли участие почти все рабочие мелких и крупных предприятий города.

Начавшаяся война прервала этот мощный подъем революционного движения.

Национальный вопрос. После поражения первой русской революции национальный вопрос в России принял еще более острый характер. Царское правительство и буржуазия усилили шовинистическую и националистическую пропаганду с целью разжечь национальную вражду между народами.

Вместе с тем несравненно усилились противоречия внутри самих буржуазных наций.

Социальные и национальные стремления эстонского народа шли вразрез с интересами эстонской буржуазии. По мере роста революционного движения и укрепления экономических позиций эстонской буржуазии ее разногласия с немецким дворянством и буржуазией ослабевали, а боязнь «своих» народных масс усиливалась. Буржуазия стремилась воспрепятствовать росту классового сознания масс, прибегая к националистическим лозунгам «единства народа» и «единой национальной культуры». Для достижения этой цели использовались буржуазная периодическая печать, литература, школы, различные культурно-просветительные учреждения и общества.

В этих условиях разоблачение буржуазно-националистической идеологии приобрело особенно важное значение. Большевики Эстонии исходили из общепартийных решений. Национальный вопрос обсуждался на Краковском и Поронинском совещаниях ЦК РСДРП(б). В решении Поронинского совещания подчеркивалась необходимость слияния рабочих всех национальностей данного государства в единых пролетарских организациях. Только таким путем, говорилось в решении совещания, можно организовать «победоносную борьбу с международным капиталом и с реакцией, а равно с проповедью и стремлениями помещиков, попов и буржуазных националистов всех наций, которые проводят обыкновенно свои антипролетарские стремления под флагом «национальной культуры».

Большую работу в деле разъяснения национального вопроса проделала газета «Кийр». Руководствуясь программой партии, решениями съездов и конференций РСДРП по национальному во-

просу, газета последовательно вела борьбу против буржуазно-националистической идеологии. Статьи, посвященные революционному движению в России и за границей, сыграли важную роль в воспитании трудящихся Эстонии в духе пролетарского интернационализма. Весной 1914 года эстонские рабочие совместно с рабочим классом всей страны широко отметили день рабочей печати.

В Таллине по инициативе большевиков весной 1914 года было созвано специальное совещание по национальному вопросу, на котором присутствовали представители от всех крупных, а также ряда мелких предприятий. Всего в совещании приняло участие 55 человек разных национальностей. После совещания в газете «Кийр» было опубликовано от имени группы марксистов обращение к рабочим. В нем говорилось: «Все рабочие, независимо от национальности, одинаково стонут под капиталистическим гнетом. Потому они не должны ослаблять свои силы национальной враждой и национальными трениями, а идти рука об руку вперед по пути, который приведет к их общему освобождению. На этом пути нет ни эстонцев, ни русских, а есть только братья-рабочие».

Это совещание имело большое значение для развития рабочего движения в Эстонии. Братская дружба между эстонскими, русскими и латышскими рабочими продолжала расти и крепнуть.

§ 6. ЭСТОНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЭСТОНИИ (1914—1917)

Начало империалистической войны. Борьба между империалистическими государствами за рынки сбыта и источники сырья порождает стремление к переделу мира.

Уже задолго до войны империалистические государства заключали между собой военные договоры и союзы. В Европе образовалось две агрессивные военные каолиции: с одной стороны, Германия и Австро-Венгрия, с другой — Франция, Англия и зависимая от них Россия. Все эти государства стремились захватить чужие земли, переделить колонии и сферы приложения капитала, устранить конкурентов на мировом рынке. Инициатором развязывания войны была Германия.

Царская Россия не была подготовлена к войне. Промышленность, транспорт и сельское хозяйство в России были развиты значительно слабее, чем в других капиталистических государствах, и не могли служить прочной экономической основой для ведения продолжительной войны. Поэтому хозяйственная разруха началась в России гораздо раньше и была более острой, чем в других воюющих странах.

Война прервала подъем революционного движения в России. Царские власти повсюду предприняли разгром рабочих организаций.

Партии II Интернационала, в том числе и меньшевики, сразу же открыто заявили о поддержке империалистической политики правительств своих стран. Только большевистская партия продолжала вести последовательную борьбу с социал-шовинистами и разоблачала сущность империалистической войны. Большевики во главе с Лениным выдвинули четкий лозунг: «Превратить войну империалистическую в войну гражданскую».

Надеясь нажиться на войне, эстонская буржуазия вместе со всей буржуазией России с самого начала встала на путь поддержки империалистической политики царского правительства. Пресмыкаясь перед царизмом, эстонская буржуазия активизировала свою борьбу против трудового народа. Эстонские меньшевики и эсеры всячески поддерживали политику защиты буржуазного «отечества».

На первых порах война оправдала надежды буржуазии. Промышленные предприятия получали выгодные военные заказы. Особенно наживалась буржуазия в Эстонии, благодаря близости фронта и наличию здесь военно-морских баз. В 1916 году из 37 тысяч рабочих сорока наиболее крупных заводов и фабрик Эстонии 93 процента были заняты выполнением военных заказов. Даже мелкие промышленные предприятия и мастерские изготовляли различные военные материалы. Бумага, ткани, кожа и другие изделия поступали в основном в распоряжение военных властей. Особенно успешно развивались предприятия, изготовлявшие вооружение и боеприпасы. На 4 таллинских судостроительных и судоремонтных заводах количество рабочих возросло с 4 тысяч перед войной до 18 с лишним тысяч в конце 1916 года. Увеличилось количество рабочих также на других металлообрабатывающих заводах. Общее число рабочих крупной промышленности в Эстонии в период войны превысило 50 тысяч.

Снабжение предприятий сырьем и топливом, в которых была острая нехватка, производилось соответственно степени важности военных заказов. В связи с этим многие предприятия, не имевшие военных заказов, вынуждены были свертывать производство, а некоторые — совсем прекратить работу. Выпуск пряжи на Кренгольмской мануфактуре к 1917 году уменьшился на 38 процентов. На деревообделочной фабрике Лютера в конце 1916 года работало всего 726 рабочих, тогда как до войны было 2000. Производство предметов потребления было сведено почти на нет.

Во время войны прекратили свое существование целлюлозная фабрика «Вальдгоф» в Пярну, кожевенный завод Вильденберга в Куресааре и фабрика искусственного шелка «Вискоза» на острове Хийумаа. Первая из них была взорвана в августе 1915 года при появлении немецких военных кораблей в Пярнуском заливе.

Большой урон нанесла война торговле. Почти полностью прекратилась внешняя торговля. В связи с этим возникли серьезные

затруднения в снабжении промышленных предприятий Эстонии каменным углем, металлом, хлопком и иным сырьем. В то же время в связи с прекращением экспорта в Эстонии скопились большие запасы льна-волокна, что способствовало расширению здесь промышленности по переработке льна.

В связи с острым топливным кризисом в годы войны продолжались исследования эстонского сланца, с тем чтобы использовать его в промышленности. Уже в 1916 году в Кукрузе начались разработки горючего сланца, и до весны 1917 года было добыто 50 000 пудов.

Прибыли капиталистов и особенно крупных монополий значительно возросли за счет военных заказов и роста цен на предметы потребления. Положение же рабочих резко ухудшилось. В несколько раз поднялись цены на продукты питания и предметы первой необходимости. Зарплата рабочих все более отставала от роста дороговизны жизни. Пышным цветом расцвела спекуляция. На ряде предприятий и прежде всего на таллинских судостроительных заводах рабочий день увеличился за счет сверхурочной работы до 14—16 часов. Было разрешено применение женского и детского труда в ночное время и во всех без исключения отраслях промышленности, на женщин и детей распространялась также обязательная сверхурочная работа. Была запрещена деятельность профсоюзов, не разрешались какие бы то ни было выступления рабочих в защиту своих интересов.

Война вызвала большие изменения и в сельском хозяйстве Эстонии. В армию было мобилизовано до 21 процента мужского населения деревни. Значительно сократилось количество рабочего скота и снабжение сельского хозяйства машинами и инвентарем, а также минеральными удобрениями. Вследствие этого снизился агротехнический уровень обработки полей. В 1915, особенно же в 1916 году много хлеба, картофеля и сена в помещичьих имениях осталось неубранным из-за недостатка рабочих рук. Большое количество продуктивного скота было реквизировано для нужд армии и прирезано в связи с нехваткой кормов.

Но влияние войны на различные слои сельского населения не было одинаковым. Цены на сельскохозяйственные продукты в годы войны значительно поднялись, по дороговизне прибалтийские губернии занимали одно из первых мест среди других губерний. Крупные крестьянские хозяйства, стремясь увеличить свои доходы, использовали в значительных количествах наемный труд женщин и подростков, расширяли посевы и увеличивали поголовье скота. До 1917 года наблюдается общее увеличение посевных площадей и количества скота в крестьянских хозяйствах. Доходы крупных крестьянских хозяйств значительно возросли. В Тартуском эстонском обществе взаимного кредита, где преимущественно хранились деньги сельской буржуазии, вклады за один год увеличились в десять раз — со 174 тысяч рублей в 1915 году до 1 644 тысяч рублей в 1916 году.

В помещичьих хозяйствах, где было труднее найти замену ушедшим на фронт рабочим и преодолеть другие возникшие во время войны затруднения, уменьшились как посевные площади, так и поголовье скота. Однако в целом (по крестьянским и помещичьим хозяйствам вместе) посевные площади и количество крупного рогатого скота до 1917 года увеличивались. Расширение посевных площадей происходило за счет увеличения посевов овса и ячменя, которые выращивались по заявкам военных властей для фуража. Количество крупного рогатого скота возросло за счет молодняка, оставляемого для пополнения потерь от реквизиций.

Растущий во время войны недостаток продовольственных продуктов в Эстонии и их дороговизна были обусловлены не столько сокращением объема производства, сколько общей военной обстановкой и связанной с нею спекуляцией. В 1917 году имело место уже существенное сокращение производства сельскохозяйственных продуктов.

Положение бедняков и сельскохозяйственных рабочих значительно ухудшилось. Их зарплата хотя и повысилась в годы войны, но сильно отставала от роста цен на продукты питания и промышленные товары. На бедноту взваливалась также основная тяжесть связанных с войной повинностей — работы в укрепленных районах, военные перевозки и др.

Некоторое ухудшение политического и экономического положения немецких баронов и укрепление позиций эстонской сельской и городской буржуазии привело к дальнейшему сближению между ними для усиления борьбы с трудящимися массами. В этой обстановке только союз с рабочим классом мог обеспечить успешную борьбу сельской бедноты за улучшение своего положения.

Мировая война серьезно затормозила развитие революционного движения в России, но война не только не устранила его причин, а еще больше обострила общественные противоречия в стране. Именно первая мировая война знаменовала начало общего кризиса капитализма.

Первые стачки в Эстонии в период войны состоялись весной 1915 года. В 1915—1916 годах неоднократно бастовали рабочие судостроительных заводов, заводов «Двигатель», «Вольта» и других, несмотря на то, что на этих заводах, выполнявших военные заказы, были запрещены под угрозой применения законов военного времени всякие выступления рабочих. Много стойкости проявили в своей забастовочной борьбе рабочие Кренгольмской мануфактуры. Все чаще рабочие выдвигали политические требования. 9 января 1916 года, в годовщину «Кровавого воскресенья», на Русско-Балтийском заводе состоялась политическая стачка.

Несмотря на систематические погромы, аресты, высылки и мобилизации, большевистские организации Эстонии усилили революционную агитацию. В многочисленных листовках большевики

разъясняли рабочим, что принесла им война, в чьих интересах она ведется, и призывали рабочих бороться за свержение царизма.

В листовке комитета таллинских большевиков, вышедшей в апреле 1916 года, на вопрос: «Что дали нам 20 месяцев войны?» — дается следующий ответ: «Они принесли нам ужасный рост дороговизны — на 200 и больше процентов, а также бесконечное множество беженцев. А если мы осмелимся высказать недовольство или потребовать изменения невыносимого положения, в нас стреляют». Листовка заканчивается призывом: «Долой войну! Долой самодержавие!»

Большевистская организация Нарвы, во главе которой стоял Я. Анвельт, развивала во все годы войны активную революционную деятельность, выпустила много листовок, руководила забастовками рабочих.

В Тарту при участии литовского революционера Владаса Рекашиуса («Володи») был восстановлен в конце 1916 года городской комитет РСДРП(б), который издавал листовки, вел в народе агитацию, а также стал готовить созыв всеэстонской партийной конференции.

Большевики Эстонии уделяли много внимания революционной работе среди солдат и матросов, организовывали их на борьбу против войны и царизма. Один из членов Таллинской организации большевиков Рудольф Лийв работал непосредственно в военных казармах. Нарвские большевики выпустили листовки, в которых они призывали солдат руководствоваться большевистскими лозунгами.

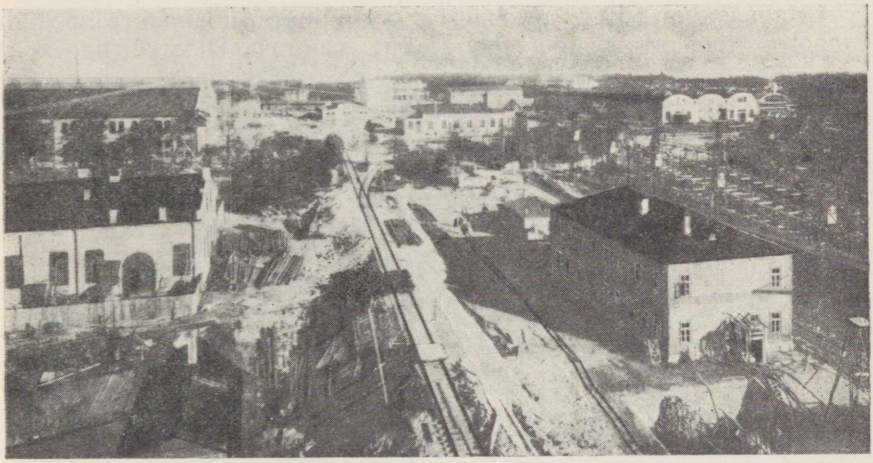
Возглавляя борьбу трудящихся, эстонские большевики исходили из ленинской теории и тактики.

Большевистская теория обогатилась в годы войны новыми ленинскими положениями по вопросам войны, мира и революции. Огромное значение для революционного рабочего движения всего мира имели теоретические работы Ленина, особенно книга «Империализм, как высшая стадия капитализма», написанная весной 1916 года. Ленин показал, что империализм является последней стадией капитализма, кануном социалистической революции, и что в связи с неравномерным развитием капиталистических стран в период империализма возможна победа социализма первоначально в одной, отдельно взятой, стране. Эта была новая теория революции, которая нашла подтверждение в победе Великой Октябрьской социалистической революции.

К р и з и с ц а р и з м а. Поражение царской армии на фронте, все углубляющаяся хозяйственная разруха вызывали острое недовольство царизмом и продолжающейся войной. Начальник Эстляндского жандармского управления вынужден был в конце 1916 года признать, что если положение в губернии в ближайшие $1^1/_2$—2 месяца не улучшится, то «власть гражданская... не будет в состоянии своими мерами охранять государственную и общественную безопасность без военной помощи».

Положение, однако, не улучшилось. Усилился недостаток топлива и сырья на промышленных предприятиях. Управление цементного завода в Азери, например, сообщало, что завод в январе—феврале 1917 года совершенно не получил угля, что вследствие этого из 10 печей работает только одна и что «все это влияет угнетающе на рабочих».

В городах, особенно в Таллине, возникли серьезные продовольственные затруднения. В январе 1917 года было решено реквизировать в уездах Харьюмаа и Ярвамаа 200 тысяч пудов ржи и столько же ячменя, хотя с мест сообщали, что у крестьян хлебных излишков нет.



Судостроительный завод Беккера в Таллине.

Выступления рабочих становились все более революционными. С осени 1916 года неоднократно бастовали рабочие «Ноблесснера», «Двигателя», заводов Беккера, Крулля и других предприятий. Забастовавшие 21 января 1917 года рабочие завода «Ноблесснер» потребовали серьезного отношения администрации к нуждам рабочих, права избирать рабочих старост, а также удаления полиции из мастерских, они требовали не высылать их «представителей в дальние губернии и не называть их бунтовщиками».

Власти, стремясь укрепить положение, обратились к населению, солдатам и матросам в ноябре 1916 года с предупреждением, что всякое вооруженное выступление против власти, нападение на ее представителей, а равно и всякое оскорбление военных и полицейских начальников «рассматриваются как тягчайшее преступление и подлежат рассмотрению в военно-полевых судах». 27 января 1917 года были введены особые пропуска для прохода на территорию крепости имени Петра Великого. 28 января была

запрещена деятельность организованного за несколько месяцев до того профсоюза металлистов. Все эти меры, однако, не могли задержать роста революционного движения. Таллинские большевики выпустили в январе 1917 года листовку, призывающую рабочих к революционному выступлению. «Долой Романовых! Да здравствует грядущая революция!» — писалось в листовке. В стране назревала новая революция.

Февральская революция в Эстонии. Начало второй буржуазно-демократической революции в России ознаменовалось крупными стачками и демонстрациями рабочих в Петрограде, Москве и других городах. 27 февраля (12 марта) 1917 года революция победила в Петрограде.

Опираясь на победу русского пролетариата, поднялись против старого строя и трудящиеся других национальностей царской России.

За несколько дней до революции в Таллин были переброшены новые войска. Матросов с военных кораблей не пускали на берег, чтобы помешать им установить контакт с рабочими. Укрепляя таллинский гарнизон, царское правительство надеялось использовать его против революции. Однако, как только 28 февраля весть о победе революции в Петрограде достигла Таллина, рабочие и солдаты под руководством большевиков поднялись на свержение старой власти. 1 марта таллинские рабочие прекратили работу, начались собрания и демонстрации. Таллинские большевики вышли из подполья и открыто возглавили борьбу масс. Началось создание народной милиции.

Революция победила в Таллине 2 марта. На всех предприятиях проводились митинги, проходившие под революционными лозунгами. Рабочие вышли на улицу, неся перед колонной знамя 1905 года, сохраненное железнодорожниками. После остановки на Новом рынке, где большевики выступали с призывом поддержать победу петроградских рабочих, демонстрация направилась в порт. К рабочим присоединились матросы Балтийского флота, а затем и солдаты местного гарнизона. Все вместе они двинулись к тюрьме, чтобы освободить находившихся там революционеров. Здесь произошли стычки революционно настроенного народа с приверженцами старого строя, не желавшими открыть ворота тюрьмы. Тюрьма «Толстая Маргарита», в застенках которой в течение долгих лет томились многие лучшие сыны трудового народа, после освобождения заключенных была подожжена. Демонстранты разгромили канцелярии полицейских участков, судов и губернатора.

Вечером того же дня под руководством большевиков состоялось собрание актива таллинских рабочих, которое вынесло решение сразу же приступить к выборам Совета рабочих и солдатских депутатов. Велика была революционная активность масс, повсюду проявлялся высокий революционный энтузиазм. Утром 3 марта на предприятиях и в воинских частях начались выборы де-

путатов в Совет, который собрался вечером того же дня. Совет немедленно приступил к работе. 4 марта Совет решил ввести 8-часовой рабочий день и отдал распоряжение всем фабрикам и заводам возобновить работу 6 марта. Вся власть перешла в руки революционного народа.

В эти дни на всех крупнейших фабриках и заводах Таллина возникли большевистские организации. Был укреплен Таллинский комитет РСДРП(б).

Демонстрация рабочих и солдат в Таллине в марте 1917 г.

Так же стремительно шло свержение старого строя в Нарве. Восстание рабочих возглавил Нарвский комитет РСДРП(б). Повсюду работа была прекращена, проводились собрания и митинги. 3 марта состоялись выборы депутатов от рабочих и солдат в Совет, который сразу же взялся за дело. Председателем Исполнительного комитета Совета был избран Я. Анвельт. Власть перешла в руки трудового народа.

3 марта состоялись также собрания и митинги рабочих и студентов в Тарту. Была организована народная милиция, некоторые представители старой власти были арестованы. Выборы представителей в Совет рабочих, солдатских и студенческих депутатов состоялись здесь несколько дней спустя.

В начале марта власть самодержавия пала по всей Эстонии.

Возникновение двоевластия. В Петрограде русская буржуазия с согласия меньшевиков и эсеров образовала Временное правительство. 5 марта это правительство назначило

своим комиссаром в Эстляндскую губернию представителя эстонской буржуазии, бывшего таллинского городского голову Ивана Поска. Но рядом с буржуазной властью в Эстонии существовала, как и повсюду в России, другая власть — Советы рабочих и солдатских депутатов, которые являлись органами союза рабочих и крестьян — органами их власти, органами диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Перед большевистской партией стояла задача: терпеливой разъяснительной работой вскрыть империалистический характер Временного правительства, разоблачить предательство меньшевиков и эсеров, подготовить свержение власти буржуазии.

За осуществление этой задачи взялись и эстонские большевики. Они укрепляли свои организации по всей Эстонии, в первую очередь в рабочих районах. В Кунда, Азери, Синди, Кохила и других местах возникли партийные организации, которые разъясняли рабочим и трудящимся крестьянам политику большевистской партии.

Посещение рабочими 10 марта в Таллине могилы борцов за революцию вылилось в мощную демонстрацию. Такая же демонстрация под лозунгами большевиков состоялась в Нарве у могилы Амалие Крейсберг.

17 марта в Таллине состоялось собрание женщин, на котором выступали Алисе Тислер и другие большевики. После собрания женщины с революционными песнями вышли на демонстрацию.

18 марта таллинские большевики приступили к изданию газеты «Кийр», которая стала органом эстонской большевистской организации. Газета «Кийр» значительно способствовала росту политической сознательности эстонского трудового народа. Она разоблачала антинародную политику эстонской буржуазии, а также предательскую сущность меньшевиков и эсеров.

Наиболее крупными Советами в Эстонии были Таллинский, Нарвский, Тартуский и Совет Мухуского (Моонзундского) укрепленного района. Вначале большевики в Советах Эстонии, кроме Нарвского, были в меньшинстве. Они вели непрерывную борьбу против меньшевиков и эсеров, которые стремились передать власть, находившуюся в руках Советов рабочих и солдатских депутатов, буржуазии. Эсеро-меньшевистское большинство в Таллинском Совете постановило, что решения Совета недействительны без подписи губернского комиссара и коменданта крепости. Таллинский Совет, в распоряжении которого находились все вооруженные силы военно-морской базы и гарнизон крепости, добровольно передал власть комиссару Временного правительства в Эстонии. Для координации действий губернского комиссара и Совета была создана специальная «контактная комиссия», через посредство которой и осуществлялась передача власти Временному правительству.

Губернская «автономия» Эстонии. Временное правительство, империалистическое по своей сущности, стреми-

лось, как и правительства западных империалистических государств, к захвату новых колоний и покорению других народов, оно продолжало старую политику угнетения малых народов. Временное правительство и не собиралось предоставлять малым народам подлинную автономию. Оно старалось лишь заменить старые формы национального угнетения новыми, более утонченными формами. Временное правительство испытывало страх перед ростом революционного движения в Прибалтике и надеялось помешать этому путем укрепления власти контрреволюционной национальной буржуазии на местах.

Эстонская буржуазия точно так же не была заинтересована в отделении Эстонии от России помещиков и капиталистов, которая представляла обширный рынок для ее товаров. Эстонская буржуазия была заинтересована в том, чтобы центральное русское правительство беспощадно подавляло революционную борьбу трудящихся. Лидеры эстонской буржуазии в своих докладных записках Временному правительству и в своей печати не переставали клясться, что «об отделении от Российского государства в Эстонии никто не помышляет и не говорит».

Эстонские буржуазные националисты прилагали все силы к тому, чтобы помешать развитию революциии, сохранить и укрепить буржуазный строй. В этих целях они выдвинули лозунг «автономии» и стали добиваться, чтобы Временное правительство утвердило разработанный ими проект «самоуправления». Автономия, которую требовали эстонские буржуазные партии, не означала государственной автономии и не преследовала целей ограничения прав центральной власти. Кампанию за автономию буржуазия начала для того, чтобы отвлечь внимание масс от революционного движения и захватить власть на местах в свои руки. Для оказания давления на Временное правительство эстонская буржуазия использовала состоявшуюся в Петрограде 23 марта демонстрацию по случаю похорон жертв революции. Эстонские буржуазные общества организовали здесь отдельную эстонскую колонну под сине-черно-белыми флагами и лозунгами с требованиями автономии Эстонии.

30 марта Временное правительство опубликовало «Постановление о временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». В постановлении предусматривалось присоединение к Эстляндской губернии Тартуского, Выруского, Вильяндиского, Пярнуского и Сааремаского уездов Лифляндской губернии, населенных эстонцами. Второй пункт постановления гласил, что при губернском комиссаре создается временный Губернский земский совет, в уездах же — временные уездные земские советы. Для Губернского земского совета постановление Временного правительства не предусматривало самостоятельных функций. Он должен был действовать совместно с губернским комиссаром и быть при последнем совещательным органом.

Буржуазия нуждалась в институтах, которые имели бы видимость «общенациональных» и вокруг которых она могла бы собрать силы для борьбы против трудового народа. Одним из таких «общенациональных» институтов в руках эстонской буржуазии и был Губернский земский совет, который впоследствии стал ею называться «маапяэвом» (эстонский перевод немецкого «ландтага»). Подобные учреждения национальной буржуазии, возникшие на окраинах России после Февральской революции, стали опорой Временного правительства на местах.

Сотрудничеству эстонской и русской буржуазии большевики противопоставляли исконную историческую дружбу эстонского трудового народа с трудящимися массами великого русского народа. В ходе революции, в совместной борьбе за ниспровержение власти капиталистов и помещиков росла и крепла дружба эстонских и русских трудящихся.

§ 7. БЫТ И КУЛЬТУРА

Крестьянский быт. Увеличение числа выкупленных крестьянских хозяйств вызвало изменения и в характере поселений. После того как часть крестьян, выделившись из деревни, переселилась на отдельные хутора, деревни приобрели более разбросанный вид. В то же время на бросовых землях возникли новые поселения безземельных и малоземельных крестьян — бобылей. Эти деревни образовывались главным образом в тех местах, где имелась возможность найти заработок каким-либо ремеслом, рыбной ловлей, лесными или сезонными полевыми работами. То же самое можно сказать о поселках ремесленников, выраставших у церквей, железнодорожных станций и волостных правлений.

Развитие сельского хозяйства, в первую очередь животноводства, вносило изменения и в планировку двора и построек крестьянской усадьбы, прежде всего это коснулось зажиточных хозяйств. С последней четверти прошлого века, особенно в южной Эстонии, прежняя жилая рига начала уступать место специальным жилым помещениям. Жилой дом строится отдельно, обособленной постройкой.

Обычно жилой дом состоял из задних помещений, служивших спальней для хозяйской семьи, включавшей хозяина, хозяйку и их детей, и передней большой комнаты для тех, кто работал в хозяйстве, но не являлся членом хозяйской семьи (батраки и др.).

Вместо прежних отдельно расположенных небольших клетей начинают строить (часто под одной крышей) две более просторные клети, из которых одна служила для хранения одежды, а другая — для зерна. С развитием животноводства увеличивались размеры хлевов, появились конюшни — либо в виде отдельных построек, либо (там, где сохранилась жилая рига с гумном) в виде пристройки к последнему. В более крупных крестьянских

хозяйствах надворных построек было больше — строились сараи для хранения кормов, для сельскохозяйственных орудий, телег и саней, сводчатые каменные погреба.

В обстановке жилых помещений также произошли известные перемены: для спанья начали пользоваться деревянными кроватями, а для сидения — стульями. Вошли в обиход шкафы и комоды.

Кухонная деревянная утварь (блюда, миски, ложки), подойники и ведра заменяются к концу века глиняной и жестяной посудой, которую легче мыть. В начале нашего века в деревне, по крайней мере в праздники, начали пользоваться отдельной столовой посудой, вилками и ножами.

В пище по-прежнему главное место занимал ржаной хлеб, а также крупяные и мучные блюда. Некоторые традиционные кушанья (толокно, творог, кровяная колбаса), которые раньше употреблялись только в отдельных местностях, в XX веке получили общее распространение; ряд прежних кушаний (овсяный кисель, суп из пива, конопляное «молоко» и масса из толченых семян конопли, намазываемая на хлеб) начинает исчезать.

Хотя с развитием животноводства удельный вес молочных продуктов в повседневной крестьянской пище и увеличился, потреблялось их все же очень мало, так как молоко все больше становилось одним из основных источников дохода крестьянского хозяйства. В будние дни употребляли снятое молоко. Особенно большое место оно занимало в пище батраков. Бедняцкие хозяйства экономили в основном за счет еды.

Во второй половине XIX века традиционная народная одежда начинает быстро исчезать, уступая место одежде городского типа. Элементы народной одежды остаются в свадебных и вообще в праздничных нарядах, связанных с определенными древними обычаями (например, свадебный головной убор невесты, надевание которого сопровождалось особым обрядом). В начале нынешнего века и эти немногочисленные элементы исчезают, сохраняясь лишь в праздничной одежде старшего поколения. Дольше всего женская народная одежда удерживалась в некоторых местах на Сааремаа, на острове Муху и Кихну, а также в Сетумаа.

Хотя одежда принимала все более городской облик, покупные ткани для шитья одежды распространялись очень медленно. Вплоть до первой мировой войны пользовались большей частью домотканными материалами. По мере развития животноводства уход за скотом отнимал у женщин все больше времени, и они не имели уже возможности заниматься тканьем. Последнее постепенно превращается в профессию, в источник заработка отдельных безземельных или малоземельных крестьян. Рост фабричного производства вытесняет такие виды домашнего ремесла, как прядение, крашение материи, валяние.

С развитием капитализма и обособлением крестьянского хо-

зяйства меняются или совершенно исчезают древние крестьянские обычаи взаимопомощи. Уже выделение крестьянских хозяйств и возникновение хуторов, а также размежевание земельных участков, привели к прекращению совместных полевых работ. Практиковалась еще толока лишь по вывозке навоза, заготовке сена, трепанию льна и т. д. На Сааремаа и в Ляэнемаа, где имелись большие кучные деревни, а также в некоторых других местах еще в нынешнем веке крестьяне пасли свой скот совместно; там сохранились и связанные с этим обычаи. Из древних народных коллективных развлечений в начале века продолжали еще бытовать хороводы в завершение толоки и качание на качелях, в дальнейшем они были постепенно вытеснены парными танцами. Во втором десятилетии нынешнего века танцы и гулянья, устраиваемые раньше сельской молодежью в отдельных усадьбах, уступают место вечерам, проводимым всевозможными местными обществами.

Просвещение и школа. Проведенные в 80-х годах XIX века в Прибалтике реформы не затронули устаревшей сословной школьной системы, при которой для трудящихся были предназначены начальные, а для правящих классов — средние и высшие школы. Среди начальных школ существовало большое многообразие (16 типов), но ни одна из них не давала ни необходимой подготовки, ни права на продолжение учебы в среднем учебном заведении. Поступлению трудящихся в средние, а тем более в высшие учебные заведения препятствовала также высокая плата за обучение.

Содержание народных школ в Прибалтике, как и по всей России, было взвалено на плечи трудящихся. Помещики не несли в этом деле почти никаких расходов (в северной Эстонии, например, доля помещиков в содержании школ составила в 1904 году всего 0,8 процента). В 1897 году на содержание народных школ в Эстляндской губернии была израсходована ничтожно малая сумма — по 37 копеек на душу населения. Вследствие этого народные школы работали в чрезвычайно тяжелых условиях: школьный инвентарь никуда не годился, недоставало учебных пособий. На уровень обучения в народных школах отрицательное влияние оказывало также нищенское и бесправное положение учителей. Значительная часть и без того короткого учебного процесса в народных школах по-прежнему уходила на отупляющую зубрежку библейских сказаний, катехизиса и на церковное пение. Ученики в народной школе получали лишь элементарные познания в чтении и письме, в основах арифметики и географии, овладевали в какой-то мере русским языком.

Из-за тяжелого материального положения трудящихся дети многих из них не могли окончить даже народную школу. Приблизительно половина учеников выбывала из народных школ, не закончив курса обучения.

Пролетариат, крестьянство и прогрессивная интеллигенция

вели упорную борьбу за демократическое и светское образование с преподаванием на родном языке. Борьба трудящихся и рост общественных потребностей заставляли царское правительство расширять сеть школ, в связи с чем увеличивалось число учащихся. В 1894 году в Эстонии было 1 396 народных школ, в которых обучалось 58 068 учеников, к 1911 году количество школ выросло до 1 646, а число учащихся — до 74 873.

Эстония стала, по характеристике В. И. Ленина, поголовно грамотной страной.[1] Показателем повышения грамотности является рост числа печатных изданий. В 1901—1917 годах на эстонском языке было выпущено больше печатных изданий (7 548 единиц), чем в течение всего предыдущего столетия (6 692 единицы).

В средних школах число учеников после революции 1905—1907 годов значительно увеличилось, хотя по-прежнему большинство здесь составляли дети представителей привилегированных сословий и зажиточных слоев населения. Так, если в 1905 году в Эстонии работала 21 средняя школа, а число учеников доходило примерно до 5 тысяч, то в 1908 году количество таких школ возросло до 29 и обучалось в них 7 569 человек, в 1914 же году в Эстонии насчитывалось уже 38 средних школ с 10 879 учащимися. Расширилась также сеть профессиональных школ, большинство учащихся которых составляли дети трудящихся. Количество учебных заведений такого типа (не считая различных портняжных школ и школ рукоделия) увеличилось в период 1905—1916 годов с 10 до 32, а число учащихся в них — с 700 примерно до 3 400.

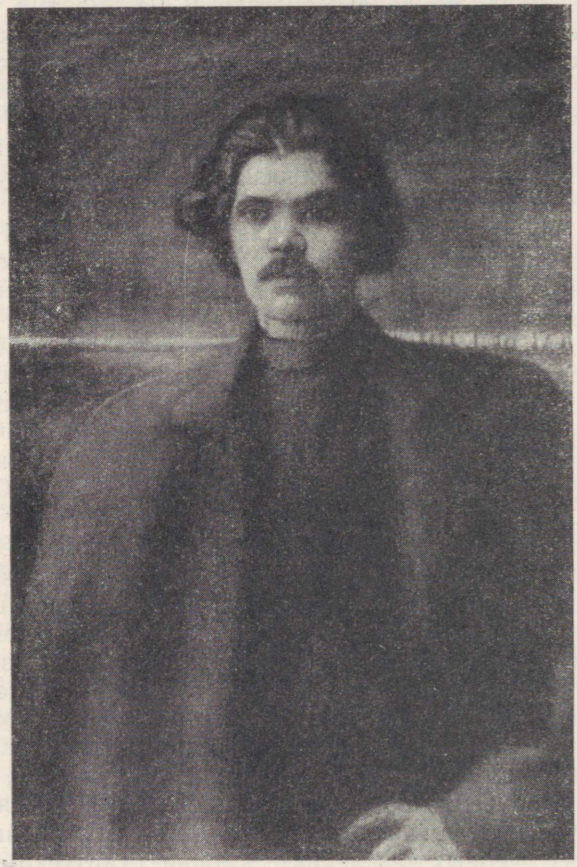
В результате революции 1905—1907 годов было разрешено вести преподавание на родном языке в первых двух классах народных школ; разрешалась также организация частных школ с преподаванием на родном языке. Поднявшаяся в послереволюционные годы волна реакции не смогла уничтожить эти завоевания. Школьная сеть расширялась, правда, главным образом за счет создания частных школ. Несмотря на стремление эстонской буржуазии использовать их в своих классовых интересах, создание частных школ имело все же положительное значение, поскольку расширялось обучение на родном языке и трудящиеся получали несколько более широкий доступ к среднему образованию.

В высших учебных заведениях Эстонии (Тартуском университете и Ветеринарном институте, а также на частных университетских курсах, организованных в 1908 году профессором Тартуского университета М. И. Ростовцевым) вплоть до Октябрьской революции более половины студентов были представителями привилегированных сословий — дворянства, духовенства, купечества.

Черносотенная политика правящих классов не могла задержать роста демократических элементов в учебных заведениях. В Тартуском университете и Ветеринарном институте число студентов — выходцев из мещан и крестьян выросло с 479 в

[1] См. В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 415.

1899 году до 1071 в 1917 году, то есть с 31 до 46 процентов. Начиная с 1912 года Тартускому университету было разрешено принимать женщин в качестве вольнослушательниц. В 1908 году профессор Тартуского университета Ясинский основал женские исторические курсы, которые в 1915 году были слиты с Тартуским университетом. Благодаря этому женщины, хотя и не на



А. Лайкмаа. Пастель.
М. Горький.

равных условиях с мужчинами, приобрели возможность и права получать высшее образование. В предшествующие Октябрьской революции десятилетия некоторое количество эстонцев училось и в других высших учебных заведениях России (Петербургском университете, Рижском политехническом институте и др.).

Литература. Реализм в России стал основным литературным направлением уже в середине XIX века. В 90-х годах

начал свою литературную деятельность основоположник социалистического реализма Максим Горький. Обострение социальных противоречий в эстонском обществе привело к переходу от реализма описательного к более высокой его ступени — критическому реализму. Его развитию способствовали передовая общественная мысль того времени, находившаяся под влиянием марксистских идей и материализма, демократические традиции эстонской литературы предшествующего периода и рост реализма в литературах других народов. Победу критического реализма в Эстонии знаменует появление в 1896 году романа Э. Вильде «В суровый край».

Эд. Вильде.

Основоположник критического реализма в эстонской литературе Эдуард Вильде принадлежит к наиболее выдающимся и ярким представителям эстонской национальной культуры. Основная часть его творчества приходится на предоктябрьский период. В эти годы им написаны историческая трилогия («Война в Махтра», «Ходоки из Ания», «Пророк Мальтсвет»), романы «В суровый край», «Железные руки», «Молочник из Мяэкюла», пьесы «Непостижимое чудо», «Домовой», рассказы, повести, путевые заметки, различные сатирические произведения и общественно-политические статьи. Писатель страстно бичевал прибалтийских баронов, царское самодержавие, алчность и корыстолюбие эстонской буржуазии, прикрываемые разговорами о «национальных интересах». В период революции 1905—1907 годов он издавал в Финляндии журнал политической сатиры «Каак» («Позорный столб»). Многие свои произведения Вильде публиковал также в изданиях пролетарского поэта и публициста Ю. Лилиенбаха. Еще при жизни писателя его творчество стало известно далеко за пределами Эстонии. Его произведения переведены на русский, немецкий, латышский, чешский, венгерский, финский, французский и другие языки.

Такие социально значительные темы, как эксплуатация крестьянства и классовые противоречия в эстонском обществе конца

прошлого века, нашли отражение и в произведениях другого критического реалиста — Эрнста Сяргава-Петерсона. Наиболее известны его серии рассказов «Нарывы» и повесть «Просветитель».

Один из наиболее крупных драматургов и прозаиков предоктябрьского периода Аугуст Кицберг обогатил литературу драмами «В вихре ветров», «Оборотень», «Бог мошны» и др. Выведенный в пьесе «Бог мошны» тип жадного стяжателя, эксплуататора-эстонца (Мярт Могри) по силе художественного обобщения является одним из наиболее удачных образов в эстонской литературе.

Юхан Лийв выступает в 900-х годах главным образом как поэт. Своей социально заостренной, эмоционально глубокой лирикой, своими стихотворениями, направленными против общественного и национального гнета, своими поэтическими произведениями, воспевающими природу родного края, Ю. Лийв внес ценный вклад в эстонскую демократическую литературу.

Представителем реалистической поэзии был Я. Тамм, вошедший в историю эстонской литературы как мастер баллады и басни, лирик и один из выдающихся переводчиков русской литературы. Проникновенные лирические стихотворения были созданы Анной Хаава. Многие их них были переложены на музыку и стали народными песнями; по сей день не потеряли своей свежести и юмористические произведения поэтессы. Волнующие патриотические стихотворения, юмористические, любовные и детские песни написал К. Э. Сёэт.

В первом десятилетии нынешнего века в эстонской литературе появился ряд новых имен.

Популярностью пользовались революционно-романтические стихи Г. Суйтса, поэтические произведения В. Грюнталя-Ридала, где отображены события 1905—1907 гг., лучшие образцы его пейзажной лирики, а также задушевные стихи Э. Энно, посвященные воспоминаниям детства и трудовому человеку. К творческим достижениям Ф. Тугласа относятся рассказы и короткие литературные зарисовки, написанные в период и под влиянием революции 1905—1907 гг. Выдающиеся заслуги имеет Туглас в развитии жанра путевых очерков. В форме короткого рассказа создал в эти годы свои лучшие произведения новеллист Я. Мяндметс, в которых своеобразно обрисованы быт и трудовая жизнь населения эстонского побережья.

В рассматриваемый период начали свой творческий путь А. Таммсааре, М. Метсанурк и О. Лутс. Последний опубликовал свою первую повесть «Весна», являющуюся и в наши дни одним из популярнейших произведений национальной литературы, а также ряд одноактных пьес, из которых наибольшей известностью пользуется пьеса «Кочан капусты».

Декадентское течение в литературе и искусстве, объединившее различные антиреалистические школы, возникло в Западной Ев-

ропе в 80-х годах XIX века. Позднее декадентство в виде оформившегося направления появилось в русской литературе, а после революции 1905—1907 годов и в эстонской.

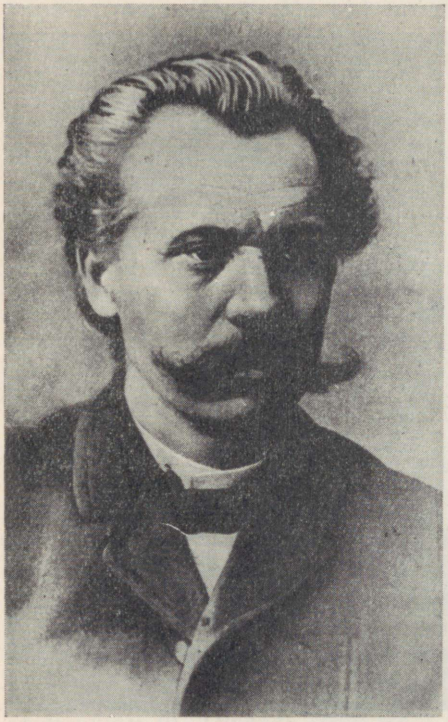
В Эстонии основными приверженцами и проводниками декадентских тенденций в литературе были писатели, объединенные в литературную группу «Ноор Ээсти» («Молодая Эстония») во главе с Г. Суйтсом. Члены этой группы примкнули к революции 1905—1907 годов, и их литературное творчество за эти годы (два альбома, в 1905 и 1906 годах) было в основном реалистическим и революционно-романтическим.

О. Лутс.

После поражения революции «младоэстонцы» становятся противниками реализма и народности, носителями декадентства. Их издания: альбом «Ноор Ээсти» (III, IV, V, 1909, 1912, 1915) и журналы «Ноор Ээсти», 1909—1911, «Ваба Сына», 1914—1916, — проповедовали индивидуализм, пессимизм, мистику, отступничество от революционной борьбы и предательство интересов трудящихся. Та часть творчества В. Грюнталя-Ридала, Э. Энно и других «младоэстонцев», для которой характерны формалистические выкрутасы, словесная заумь, рабское подражение упаднической литературе западноевропейской и русской империалистической буржуазии, была неприемлема и чужда для трудящихся масс.

«Младоэстонцы» нападали на писателей-реалистов Вильде и Сяргава, порочили русскую прогрессивную литературу, в частности Горького, силились доказать, что творчество пролетарских писателей не имеет ничего общего с литературой. Идеологи «Ноор Ээсти» поносили эстонское народное творчество, говоря, что народные сказки «лишены формы и фантазии», что народные песни монотонны и в них нет чувства. Находились и такие критики (например, И. Аавик), которые утверждали, что «Калевипоэг» написан скверным стилем, что даже библия в этом отношении куда лучше. Они призывали «предать забвению» весь эпос.

Свой антидемократизм, свои реакционные устремления декаденты прикрывали лозунгом «искусство для искусства», пытаясь таким путем подчеркнуть свою якобы аполитичность. В действительности же реакционная идеология декадентства служила идейным оружием в руках эстонской буржуазии, с помощью которого она стремилась набросить националистические путы на движение народных масс и демократическую литературу.



Ю. Лилиенбах.

Пролетарская и демократическая литературная критика разоблачала антинародное декадентское направление в эстонской культуре.

Одним из первых выступил против группы «Ноор Ээсти» Э. Вильде. Наиболее глубоко и полно показала реакционную сущность декадентского направления в эстонской литературе пролетарская критика. Основной задачей пролетарской критики стало разъяснение трудящимся массам вопросов литературы и искусства с марксистских позиций. Это явилось, вместе с тем, формой борьбы против враждебной народу литературной критики, за реализм и народность эстонской литературы и искусства. Пролетарские критики (В. Кингисепп, Я. Анвельт, Х. Пегельман, О. Мюнтер, В. Бук, Г. Тикерпуу и др.) вскрывали причины и условия появления идеологии группы «Ноор Ээсти», разоблачали классовый характер деятельности этой группы.

Так в острой борьбе против декадентской литературы и реакционной идеологии группы «Ноор Ээсти» возникла демократическая и пролетарская литературная критика и были заложены основы нового литературоведения, призванного служить интересам трудового народа.

Пролетарская литература, как новое явление и самостоятельное направление в эстонской литературе, родилась в революционные дни 1905—1907 годов. Она была вызвана к жизни соединением социализма с рабочим движением, началом сознательной борьбы пролетариата. На ее формирование оказала благотворное

влияние русская революционная литература. Пролетарская литература стояла на позициях самого передового класса буржуазного общества — пролетариата — и присущими литературе средствами художественного воздействия служила прямо и открыто интересам борьбы трудящихся масс против царизма, помещиков и буржуазии. Пролетарская литература свободна от тех противоречий и колебаний, которые свойственны писателям критического реализма.

Первые печатные произведения пролетарской литературы (статьи, рассказы и стихотворения, отображающие революционную борьбу народа) вышли в двух сборниках «Эдази» («Вперед», 1905—1906), которые были выпущены пролетарским поэтом и издателем Ю. Лилиенбахом.

Наиболее популярным и талантливым пролетарским поэтом был Х. Пегельман. В период революции 1905—1907 годов он опубликовал ряд стихотворений, которые звали на бой с угнетателями («Под знамя», «Вперед», «Поддадим пару, братья»), перевел на эстонский язык «Рабочую Марсельезу», «Интернационал», «Варшавянку» и другие революционные песни. Эти песни быстро распространились в народе, они в течение многих лет вдохновляли трудящихся на революционную борьбу.

В период столыпинщины пролетарская литература средствами политической сатиры давала истинную оценку кровавой реакции, разоблачала обманные маневры царизма (Государственная дума), предательство эстонской националистической буржуазии во главе с партией прогрессистов.

Вышли в свет стихи Ю. Лилиенбаха «Утренние песни» (1909), сборник стихотворений В. Мелдера «Папоротники» (1910), сатирический сборник Х. Пегельмана-Рооская «В общих чертах» (1910). В период нового подъема рабочего движения были напечатаны повести В. Бука, его поэма «Лен» и др. После продолжительного перерыва Ю. Лилиенбах стал вновь издавать рабочие альбомы; произведения пролетарской литературы публиковались и на страницах газеты «Кийр». В 1916—1917 годах вышел сборник рассказов Ээссааре Ааду (Я. Анвельта) «Под застрехой» и повесть «Подчистую».

Эстонская пролетарская литература, развиваясь в тесной связи с русской революционной литературой, под направляющим воздействием большевистской партии, становилась серьезным духовным оружием рабочего класса.

Изобразительное искусство и архитектура. С конца XIX века эстонское искусство вступает в новый период своего развития, который характеризуется прежде всего становлением критического реализма. Расширяется тематика произведений, художники решительнее, острее отображают социальную действительность, начинают глубже проникать во внутренний мир человека. Создаются новые художественные образы, исполь-

зуются новые художественные формы и средства, национальное своеобразие искусства проявляется более отчетливо.

Ведущими художниками на рубеже двух веков становятся братья Пауль и Кристьян Рауды, Антс Лайкмаа и Амандус Адамсон.

Живописец Пауль Рауд завоевал известность как талантливый портретист и автор камерных жанровых и пейзажных произведений. К числу лучших его работ относятся «Портрет матери художника», «Дядя Пауль с трубкой», «Старик с острова Муху», «Автопортрет», «У порога», «Дойка».

Автопортрет.

А. Лайкмаа.

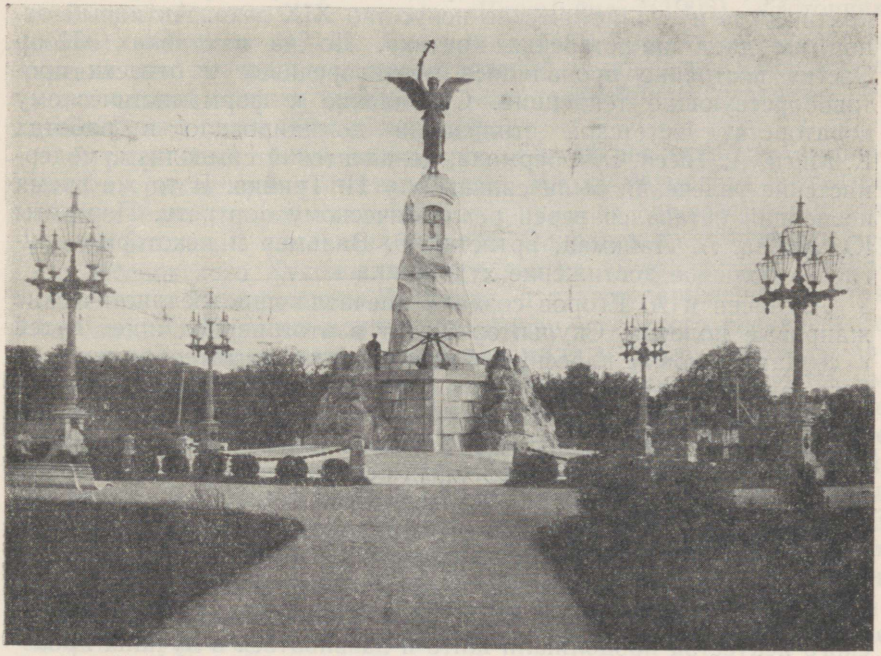
График Кристьян Рауд достиг большого мастерства в рисунках углем, относящихся к концу 90-х годов («Уборка картофеля», «Жестянщики» и др.). С суровой правдивостью и глубоким сочувствием запечатлел он тяжелую жизнь бедняков.

Антс Лайкмаа сформировался в начале XX века как художник-гражданин, борец за национальное искусство, насыщенное передовыми идеями. Он создатель и руководитель первой эстонской художественной студии (1903), организатор художественного общества и выставок, а также прогрессивный критик.

Лайкмаа — мастер изображения человека. Многие работы художника поражают глубоким проникновением в характер портретируемого, ярким раскрытием его духовного облика (автопортреты, «Сальме»). Кисти Лайкмаа принадлежат портреты выдающихся эстонских и русских писателей (Крейцвальда, Горького). Лайкмаа первый создает яркий образ эстонского крестьянина-революционера («Старый Айтсам»). В 1905—1907 годах он принимал активное участие в революционных событиях, сотрудничал в пролетарских изданиях, оформлял знамена рабочих. Многим его произведениям этих лет присущ пафос революционной романтики.

Широкое признание получило творчество талантливого скульптора Амандуса Адамсона. В скульптурах на самые разнообразные темы, выполненных в мраморе и бронзе, художник достиг большого мастерства. В 90-х годах Адамсон создал ряд

интересных скульптур на темы из жизни эстонских рыбаков и на темы эстонского фольклора («Рыбак с острова Муху», «В тревожном ожидании», «Калевипоэг и рогатый»). Ему принадлежат также многочисленные аллегорические композиции. Адамсон выступал и как скульптор-монументалист. Из этих его работ особенно удачны памятник команде броненосца «Русалка» в Таллине (1902), памятник затопленным кораблям в Севастополе (1904) и памятник кубанским казакам в Тамани (1911).



А. Адамсон.

Памятник «Русалка» в Таллине.

В первом десятилетии XX века в Эстонии появляется многочисленная художественная молодежь, в большинстве своем получившая профессиональную подготовку в Петербурге. Быстро проявили себя как одаренные и самобытные художники Н. Трийк, А. Янсен, К. Мяги, Г. Рейндорф, Я. Коорт, А. Ууритс, Р. Ниман, О. Каллис, П. Бурман, А. Егоров.

В дни первой русской революции революционно настроенная молодежь создала в эстонских сатирических журналах яркую политическую графику, обличавшую самодержавие, помещиков и их слуг, злодеяния карателей. Серию рисунков о революционной борьбе в эстонской деревне создал крестьянский художник-самоучка Х. Мельдерман.

В годы реакции в изобразительном искусстве обнаруживаются

многие упаднические явления, характерные для буржуазного искусства эпохи империализма: резкие противоречия в творчестве художников, отказ от социальной тематики и передовых идей, тяготение к декадентскому символизму, к искусству для искусства, формалистические искания. Именно в этот период в эстонском искусстве начинается размежевание двух направлений — прогрессивного, реалистического и буржуазно-упаднического, модернистского. «Ноор Ээсти» устами своих идеологов выступает за модернистское, псевдоноваторское искусство, третирует демократическое и реалистическое искусство XIX века. Активный отпор им дает пролетарская критика. Но на выставках «Ноор Ээсти» постоянно проявлялись противоречивые и отчасти противоборствующие тенденции. Стремление к формалистическому новаторству, эстетской стилизации доминировало в работах К. Мяги, А. Тасса, Э. Обермана, декадентский символизм, модернистские увлечения были сильны и у Н. Трийка. В то же время последний оставался верен реалистическому портрету. Портреты Ю. Лийва, А. Лайкмаа, артистки Э. Вильмер и некоторые другие — большое достижение художника.

А. Янсен и А. Егоров создали впечатляющие реалистические жанровые полотна. Скульптор Коорт в этот период ищет путей к созданию новой классики. Ряд художников интерпретирует в духе так называемого «северного романтизма» эпос «Калевипоэг», народные сказания, стремится к созданию архаизированного национального стиля. Наибольшего успеха в этом направлении добился О. Каллис, в многочисленных картинах создавший интересный художественный образ Калевипоэга.

Несмотря на очевидное резко отрицательное воздействие буржуазной идеологии, западноевропейского декадентско-модернистского искусства на многих, прежде всего молодых, несформировавшихся еще художников, традиции правдивого, демократического искусства продолжали жить и развиваться в лучших произведениях этих лет.

С начала XX века на развитие архитектуры начинает активно влиять окрепшая к тому времени эстонская буржуазия. Если прибалтийское дворянство стимулировало развитие псевдоготического и псевдороманского стилей, то эстонская буржуазия ориентировалась на югендстиль, или модерн. Этот стиль проник в Эстонию через финских архитекторов. Из возведенных в этом стиле общественных построек следует отметить здание театра «Ванемуйне» в Тарту (1906, архитектор А. Линдгрен), здания «Кредитного общества», ныне Эстгосиздат (1912, архитектор Э. Сааринен), и театра «Эстония» в Таллине (1913, архитекторы А. Линдгрен и В. Ленн). Были сделаны первые попытки использовать в современном строительстве национальную архитектурную традицию (здание «Общества эстонских студентов» в Тарту, ныне здесь одна из кафедр Тартуского госуниверситета; построено в 1902 году архитектором Г. Хеллатом).

В строительстве промышленных предприятий стали применяться железные и железобетонные конструкции, что отразилось и на архитектурном облике этих сооружений. Железные и железобетонные конструкции были использованы при расширении производственных корпусов «Двигателя» и фабрики Лютера, Таллинской целлюлозной фабрики, при постройке судостроительных заводов (Русско-Балтийского, Беккера и «Ноблесснер»).

Театр, музыка, кино. В рассматриваемый период из любительских театральных кружков образовались первые эстонские профессиональные театры: «Ванемуйне» (1906), «Эстония» (1906), «Эндла» (1911); были построены первые специальные здания для театральных представлений и концертов. Все это в значительной степени способствовало дальнейшему развитию национального сценического искусства.

В результате театрально-педагогической деятельности выдающегося режиссера и постановщика Карла Меннинга в театре «Ванемуйне» вырос первый стоящий на профессиональном уровне эстонский коллектив актеров. Опираясь на творческий метод Московского Художественного театра, руководимого Станиславским и Немировичем-Данченко, а также парижского театра Антуана, К. Меннинг положил в основу эстонского сценического искусства принцип сыгранности ансамбля и реалистического воплощения художественного образа. Направление выбранного им репертуара характеризуется постановкой, в первую очередь, пьес оригинальной эстонской драматургии того времени, а также произведений мировой драматургии (М. Горький, Л. Толстой, Г. Ибсен, Г. Гауптман и др.). Особое внимание Меннинг уделял пьесам, правдиво отображающим жизнь трудового народа. В 1914 году Меннинг, из-за нападок со стороны газеты «Постимээс» и литературной группы «Ноор Ээсти», был вынужден покинуть театр. Нападки были вызваны выбором пьес, в которых критиковался существующий строй, а также интерпретацией их в духе разоблачения буржуазии.

Под воздействием русской и западной классической драматургии и благодаря влиянию театра «Ванемуйне» реалистическая манера игры привилась и в другом крупном театре — «Эстония». Наиболее популярными постановками этого театра были «Власть тьмы» Л. Толстого, «Ревизор» Гоголя, «На дне» Горького, долго не сходившие с его сцены. Руководители театра «Эстония» П. Пинна, Т. Альтерман и К. Юнгхольц, будучи талантливыми, творчески разносторонними актерами, создали немало замечательных сценических образов, однако им не удалось создать цельных спектаклей, где коллективная игра всей группы была бы так безупречна, как в «Ванемуйне». Наряду с пьесами русской и западной классики и эстонскими пьесами в «Эстонии» в большом количестве ставились пустые оперетты, что вполне соответствовало извращенным художественным вкусам буржуазной публики.

В годы первой революции появились рабочие самодеятельные

драматические кружки. В кружках при фабрике Лютера и при обществе трезвости «Валвая» был осуществлен ряд постановок, в которых подвергался критике капиталистический строй и отражалась жизнь рабочих. Большой любовью среди рабочих пользовалась игра Юлиуса и Анете Росфельдтов, Альфреда и Марты Умбергов, Иоханнеса Аллика и др. Осенью 1917 года, когда был создан Рабочий театр, они составили ядро его труппы.

Мийна Хярма.

Принявшая в эпоху империализма более острые формы общественная и политическая борьба народных масс находила отражение и в области музыки. Родились революционные песни, из которых в период революции 1905—1907 годов наибольшую известность приобрела песня «Горят поместья, гибнут господа». Широкое распространение получили также международные пролетарские революционные песни, как «Рабочая Марсельеза», «Интернационал», «Варшавянка» и др., а также политические куплеты на популярные мотивы.

Хоровое движение в этот период продолжало расширяться. Седьмой певческий праздник 1910 года явился важным этапом в истории эстонской музыкальной культуры. В то же время эстонская националистическая буржуазия, видя, какое важное общественное значение приобретает хоровое движение, все больше пыталась подчинить его своим классовым интересам, связывая музыкальные мероприятия с фальшивым лозунгом «национального единства».

Начало развитию симфонической музыки в Эстонии было положено в 1900 году, когда А. Ляте организовал в Тарту первый в Эстонии любительский симфонический оркестр. В 1908 году этот музыкальный коллектив выступал как симфонический оркестр театра «Ванемуйне», исполняя на концертах, организуемых в парках, классическую музыку, главным образом произведения русских композиторов. Оркестр устраивал специальные вечера, на которых исполнялись произведения Чайковского, Глазунова и Скрябина.

Несмотря на то, что характерные для эпохи империализма противоречия и явления декаданса оказывали свое влияние и на эстонскую национальную музыку, последняя в основном разви-

валась все же в направлении реализма, была понятна народу и пользовалась большой популярностью. Композитор и хормейстер Мийна Хярма создала в рассматриваемый период одну из своих лучших хоровых песен — «Мужскую песню»; прочно вошли в репертуар хоров обработанные ею народные мелодии и песни «Тульяк», «Детство поэта», «Не могу молчать». В пору зрелого творческого мастерства вступил в это время и К. Тюрнпу.

В описываемый период была заложена прочная основа для развития эстонской симфонической, камерной музыки и вокально-инструментального творчества. Помимо ставших широко известными хоровых песен («К облакам» и др.) и романсов («Primula veris», «На качелях») Аугуст Ляте написал в это время также ряд инструментальных пьес, увертюру «Калевипоэг» и струнный квартет, которые были первыми эстонскими произведениями этого жанра.

Яркой творческой индивидуальностью и профессиональной зрелостью отмечены квартеты, кантата «Иоанн Дамасский», оратория «Иона», ряд фортепианных пьес, хоровые песни «Вор», «Молодые кузнецы» и другие произведения Рудольфа Тобиаса.

В 900-х годах начал свой творческий путь один из наиболее выдающихся представителей эстонской симфонической музыки Артур Капп. Широкое признание приобрели его первые хоровые песни («Мое сердце», «Мольба»), романсы («На лесной дороге» и др.) и кантата «К солнцу». Большую популярность завоевали также симфоническая картина «Ночь под Иванов день» и хоровая песня «Рассвет» композитора М. Людига. В классических традициях написаны концерт для рояля и первая симфония А. Лемба.

Эстонская национальная музыка обогатилась в рассматриваемый период органными произведениями П. Сюда, хоровыми песнями и фортепианными пьесами М. Саара, а также первыми произведениями для рояля и симфонического оркестра Х. Эллера.

Большинство известных в те годы интерпретаторов было одновременно органистами и руководителями хоров (М. Хярма, Р. Тобиас, К. Тюрнпу, А. Капп, П. Сюда и др.). Как пианисты получили признание в начале XX века Т. Лемба и А. Лемба; популярным скрипачом стал Э. Сырмус, который неразрывно связал свою жизнь и искусство с революционной борьбой трудящихся. В коллективе театра «Эстония» в этот период выросли певцы Х. Эйнер, Б. Ханзен, А. Сяллик и др. Большим успехом пользовалась у слушателей горячая пропагандистка народных песен певица Айно Тамм.

Большинство эстонских композиторов получило образование в Петербургской консерватории, где они занимались под руководством знаменитых русских композиторов Римского-Корсакова, Глазунова и др. В связи с этим влияние прогрессивной русской музыкальной культуры на развитие эстонской национальной музыки было в этот период сильнее, чем когда-либо прежде.

Кино впервые стало известно в Эстонии в 1897 году. Приблизительно в это же время были осуществлены первые местные киносъемки. Первый эстонский художественный фильм («Охота на медведя в Пярнуском уезде») был создан в 1913—1914 годах, документальный — в 1914 году. В 1901—1905 годах появились первые стационарные кинотеатры.

Наука. В период империализма развитие науки как на Западе, так и в России (в том числе в Эстонии) протекало крайне противоречиво.

Сделанные на рубеже столетий важнейшие открытия в физике, особенно в области строения материи (электромагнитные волны, делимость атома, рентгеновские лучи), привели к революции в естествознании. Но в условиях империализма революции в естествознании сопутствовал его кризис, выразившийся в различных идеалистических философских выводах, в пропаганде агностицизма и мистики. В России этот кризис проявился не в такой острой форме, как в Западной Европе, ибо в русской науке сохранялись довольно сильные материалистические традиции.

В период империализма наука в Эстонии развивалась, как и раньше, в тесной связи с русскими передовыми учеными и научными учреждениями, а также под влиянием прогрессивной западной науки. Несмотря на то, что царские власти и правящие классы оказывали научно-исследовательской работе крайне слабую поддержку, пресмыкались перед всем иностранным, несмотря на то, что отечественные научные достижения не получали должного признания и нередко оставались неиспользованными, передовые ученые России, в том числе и ученые Эстонии, разрешили ряд таких научных проблем, которые явились вкладом не только в русскую, но и в мировую науку.

Средоточием научной работы в описываемый период оставался по-прежнему университетский город Тарту.

Благодаря проведенной в Тартуском университете в конце XIX и в начале XX века интенсивной научно-исследовательской работе в области геологии это учебное заведение стало крупным, во всероссийском масштабе, центром геологической науки. На рубеже столетий здесь работали минералог Ф. Ю. Левинсон-Лессинг и палеонтолог Н. И. Андрусов, исследовательские работы которых значительно обогатили русскую геологическую науку и пополнили данные о богатствах недр России.

Большое значение имело исследование основного природного богатства Эстонии — горючих сланцев (кукерсита). В рассматриваемый период русские ученые разработали свою теорию о происхождении и возникновении сланцев и начали изучение возможностей их применения. В 1916 году в районе Ярве был создан первый экспериментальный открытый карьер. Проведенные здесь опыты оказались настолько обнадеживающими, что было решено заложить еще два открытых карьера и одну шахту у деревни Кукрузе. Дальнейшее развитие сланцевой промышленности и ис-

следовательские работы по использованию сланцев были прерваны оккупацией Эстонии немецкими войсками в 1918 году.

Выдающимся ботаником, работавшим в Тартуском университете, был Н. И. Кузнецов, по инициативе которого в Тарту в 1900—1917 годах издавался один из лучших ботанических журналов России. Кузнецову принадлежат также ценные исследования флоры Кавказа.

Научные исследования профессоров Тартуского ветеринарного института В. Гутмана, Э. Семмера, О. И. Калнинга по выработке основ защиты от эпизоотий и некоторые их достижения в других областях ветеринарной науки получили международное признание и имеют большое значение и в настоящее время. В результате исследований К. Гаппиха и работ руководимой им молочно-бактериологической станции, находившейся при Тартуском ветеринарном институте, качество русского экспортного масла возросло настолько, что оно считалось за границей одним из лучших.

В Эстонии, где было развито земледелие и животноводство, большое значение имело выведение новых сортов сельскохозяйственных культур. Ф. Берг в результате длительных опытов, начатых еще в 1875 году, создал новый сорт ржи «Сангасте», являющийся лучшим в условиях Эстонии по морозостойкости и урожайности. Юлиус Аамисепп, один из наиболее известных в мире селекционеров картофеля, вывел еще в дооктябрьский период сорт «Калевипоэг» и начал работы по созданию новых сортов овощей, бобовых и ягодных культур. Аамисепп поддерживал уже в то время связь с И. В. Мичуриным и крупным литовским селекционером Д. Рудзинскасом.

Еще в дооктябрьский период начал заниматься опытами по улучшению сортов овса, льна и озимой пшеницы видный эстонский селекционер зерновых Михкель Пилль. Опыты по созданию новых сортов сельскохозяйственных культур проводились также в Ныммику, вблизи Тарту, где К. Ратлеф вывел несколько улучшенных сортов овса и четырехгранный ячмень. В 1912 году в Кехра была основана селекционная станция. На Ториском конном заводе в этот период была выведена новая ценная порода упряжной лошади.

В 1911 году было основано первое в Эстонии научное учреждение по изучению болот — мелиоративная станция в Тоома. Заложенные в тот период длительные опыты для выяснения возможностей осушения болот и использования осушенных земель продолжаются частично и в настоящее время.

Успехи в естествознании открыли новые перспективы для развития отечественной медицины.

В Тартуском университете в 1901—1918 годах учился и работал один из выдающихся медиков-хирургов, впоследствии организатор и руководитель советской клинической и военной хирургии академик Н. Н. Бурденко. Под благотворным влиянием идей

Н. И. Пирогова и И. П. Павлова Н. Н. Бурденко вырос в замечательного ученого и стал одним из основателей нейрохирургии.

Близкими к Павлову путями шел в своей работе наиболее выдающийся эстонский медик, специалист по нейрохирургии с мировым именем и пионер в этой области Людвиг Пуусепп. Работая в конце XIX и начале XX века в Петербурге под руководством В. М. Бехтерева в качестве невропатолога, Л. Пуусепп стал для лечения болезней нервной системы применять хирургию. В 1910 году Л. Пуусепп был избран первым профессором первой в мире кафедры нейрохирургии в основанном в Петербурге Психоневрологическом институте. Кроме того он являлся директором нейрохирургической клиники этого же института. Пуусепп издал первый в мире учебник по нейрохирургии.

Характерным для эстонской медицины рассматриваемого периода было то, что формирование большинства передовых медиков проходило под воздействием материалистических идей и научной школы И. П. Павлова. Научный авторитет И. П. Павлова среди тартуских медиков был столь велик, что некоторые профессора настаивали, чтобы на работу в Тартуский университет присылали только учеников Павлова.

Специальные отделы основанных в начале XX века общественных организаций, занимавшихся вопросами культуры («Общество народного просвещения Эстонии» в Таллине, «Эстонское литературное общество» и «Общество эстонских студентов» в Тарту), приступили к нормированию эстонского литературного языка и развитию научной терминологии. Плодом их работы явились изданные в 1909—1917 годах терминологические словари по математике, географии, химии, медицине и ботанике. Эти издания способствовали унификации и внедрению в практику научных терминов. В 1918 году вышел в свет первый эстонский орфографический словарь. Был фиксирован ряд орфографических и морфологических правил.

В этот период быстро пополнялся словарный фонд, особенно за счет новых общественно-политических терминов («оппортунист», «контрреволюция», «классовое различие», «классово сознательный», «свобода стачек», «ленинец» и многие другие). Возникли такие термины, как «прибавочная стоимость», «производственные отношения», «производительность труда», «надстройка», «отрезок», «фактор», «удельный вес», «раствор» и т. д.

В 900-х годах начал свою обширную языковедческую деятельность Иоханнес Вольдемар Вески. Известную положительную роль сыграла также деятельность «обновителей языка» из группы «Ноор Ээсти» во главе с И. Аавиком, хотя многие предложения Аавика, исходившего из ложных представлений о том, что языку можно навязать новшества произвольным путем, не считаясь с закономерностями развития самого языка, не были приняты.

Первые десятилетия XX века ознаменовались большими успе-

хами и в эстонской фольклористике. Продолжали собирать фольклорный материал Я. Хурт и М. И. Эйзен. Огромную организационную работу по собиранию народных мелодий провел Оскар Каллас, причем к ней были привлечены преимущественно студенты. В нее включились почти все виднейшие деятели музыки: М. Хярма, М. Саар, Ю. Симм, К. Крээк и многие другие. Работа по собиранию народных песен и мелодий, начавшаяся в 1903 году и прерванная мировой войной, дала эстонской фольклористике более 20 000 страниц произведений народного творчества.

Развитию науки сопутствовала популяризация научных знаний среди населения. На эстонском языке были изданы книги и брошюры выдающихся русских популяризаторов естествознания В. В. Лункевича, Н. А. Рубакина, Д. Н. Кайгородова, труды великих русских и мировых ученых И. И. Мечникова, И. П. Павлова, К. А. Тимирязева. Следуя примеру русских деятелей науки, эстонские передовые студенты и получившие высшее образование молодые специалисты Р. Аавакиви, А. Альвер, И. Депман, М. Пилль, И. В. Вески, И. Пийпер, Я. Сарв и другие пропагандировали в своих печатных работах и лекциях дарвинизм, учение Павлова и достижения современного естествознания и техники. Издавались научно-популярные сборники «Ильм я элу» («Мир и жизнь»), «Лыбу я теадус» («Развлечение и наука») и журнал «Рахва лыбулехт» («Занимательная народная газета», 1898—1906). Публиковались также труды прогрессивных ученых Запада (Э. Геккеля, В. Бельше и др.) и пропагандировались достижения западной науки. Молодые эстонские естествоиспытатели и популяризаторы научных знаний давали отпор представителям духовенства и эстонской буржуазной интеллигенции, пытавшимся нападать на материалистическое мировоззрение с помощью новых, более изощренных методов.

В рассматриваемый период была создана база для исследования быта и культуры эстонского народа — Эстонский народный музей (1909). При поддержке и участии широких народных масс в музее было собрано большое количество этнографических материалов и материалов по истории культуры, которые составляют значительную часть фондов теперешних Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда и Этнографического музея Академии наук Эстонской ССР. В те же годы была основана библиотека Эстонского народного музея, наследницей которой является нынешняя библиотека Литературного музея, обладающая наиболее полным собранием эстонских книг и периодических изданий.

*

До наступления кризиса феодализма и консолидации эстонской национальной буржуазии как класса в эстонской национальной культуре не было сформировавшегося реакционного направления, так как отсутствовал национальный класс эксплуататоров.

С XIX века развитие эстонской национальной культуры связано с разделением ее на две противоположные культуры. Демократическая культура, имевшая вековые прогрессивные традиции, опиралась на богатое наследие народного творчества, в то время как реакционная буржуазная культура могла использовать лишь единичные элементы народного творчества.

Чем больше упрочивала свои позиции эстонская буржуазия и чем глубже становились классовые противоречия в эстонской нации, тем решительнее национальная буржуазия отрекалась от всего прогрессивного, тем ожесточеннее вела она наступление на трудящиеся массы.

В борьбе с антинародной буржуазной культурой периода империализма сильнее, чем когда-либо прежде, укреплялись связи эстонской национальной демократической культуры с передовой русской культурой и культурой других народов. Росту и развитию демократической культуры, однако, препятствовала антинародная «культурная политика» царизма и правящих классов, в том числе и националистической буржуазии. Весь ход экономического и культурного развития эпохи империализма вел к крайнему обострению противоречий как в хозяйственной и политической, так и в культурной жизни страны. Ликвидировать эти противоречия можно было только путем коренных преобразований экономического и политического строя.

В рассматриваемый период (в деятельности литераторов и художников группы «Ноор Ээсти») отчетливо намечается та тенденция упадка национальной культуры, которая столь сильно навязывалась ей в последующие годы, в период буржуазно-националистической диктатуры.

Глава X

ЭСТОНИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(апрель 1917 — февраль 1918)

§ 1. ДВОЕВЛАСТИЕ В ЭСТОНИИ

Апрельские тезисы Ленина. В начале апреля 1917 года, сразу после возвращения из эмиграции в Россию, В. И. Ленин выступил перед партией со своими знаменитыми Апрельскими тезисами, в которых дал партии и пролетариату ясный и конкретный план борьбы за переход от буржуазно-демократической революции к революции социалистической. В качестве ближайшей задачи партии Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам!», а отношение к Временному правительству определил лозунгом — «Никакой поддержки Временному правительству!». Относительно продолжавшейся мировой войны Ленин говорил, что эта война и при Временном правительстве остается грабительской, империалистической.

Ленин показал в своих тезисах, что хотя руководство Советами находится в руках оппортунистов — меньшевиков и эсеров, в результате чего Советы добровольно разделили власть с буржуазным Временным правительством, Советы являются единственно подлинными демократическими массовыми организациями рабочих, солдат и крестьянской бедноты, единственно возможной формой революционного правительства. Поэтому Ленин не требовал немедленного свержения Временного правительства, поскольку это правительство пользовалось поддержкой Советов рабочих и солдатских депутатов. В. И. Ленин добивался того, чтобы путем терпеливой и настойчивой разъяснительной работы в массах завоевать большинство в Советах, изменить политику Советов, а через Советы — изменить состав и политику правительства. Этим Ленин дал установку на мирное развитие революции.

Интерес к Апрельским тезисам — ближайшей боевой программе большевиков — в Эстонии, как и повсюду, был очень велик.

Для обсуждения Апрельских тезисов эстонские большевики организовали собрания рабочих и крестьянской бедноты.

На основе ленинских указаний большевики приступили к организации пролетариата, трудящегося крестьянства, солдат и матросов и завоеванию их на свою сторону.

До Февральской революции большевистские организации в Эстонии были в Таллине, Нарве и Тарту. Они входили в состав РСДРП(б). Руководящего центра в Эстонии эти организации не имели, ибо неоднократные попытки создать такой центр срывались царской охранкой.

16—17 апреля в Таллине проходила конференция эстонских большевиков, известная под названием I конференции северо-балтийских организаций. Председателем конференции был избран Я. Анвельт, заместителем председателя — И. Рабчинский. Конференция приветствовала Ленина как великого вождя пролетариата и всего трудового народа, одобрила Апрельские тезисы Ленина и положила их в основу своей работы. Конференция избрала руководящий центральный орган эстонских большевистских организаций — Северо-Балтийское бюро РСДРП(б), в составе председателя Ю. Росфельдта, секретаря Д. Хазан, кассира И. Хейнтука и их заместителей И. Рабчинского, Р. Вакмана, Г. Топпа.

Всероссийская Апрельская конференция большевистской партии. 24 апреля в Петрограде открылась VII (Апрельская) Всероссийская конференция партии, в работе которой принимала участие и делегация эстонских большевиков. Конференция обсудила и выработала линию партии по всем основным вопросам войны и революции в соответствии с установками Ленина.

По аграрному вопросу конференция по предложению Ленина выдвинула требования о конфискации помещичьих земель с передачей их в распоряжение крестьянских комитетов и о национализации всех земель.

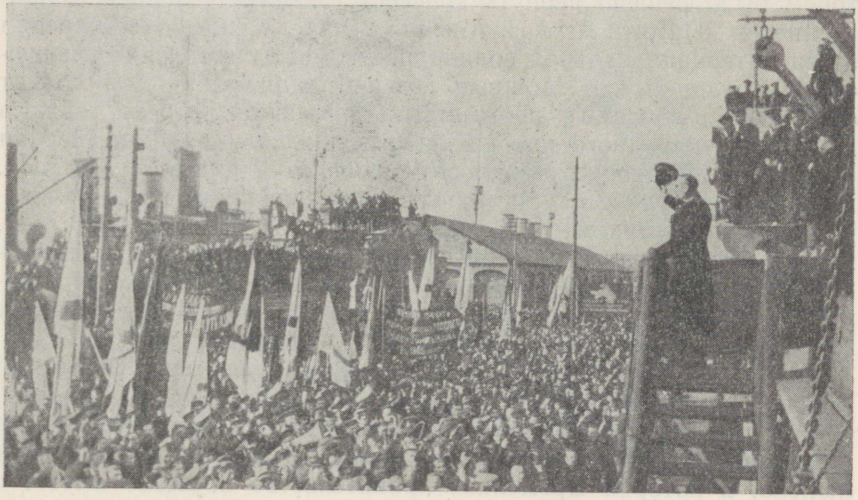
Большое значение имела резолюция конференции по национальному вопросу. Резолюция требовала предоставления всем нациям права на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Последовательная борьба большевиков против всякого национального угнетения, за полное равноправие всех наций обеспечила им в их борьбе за социалистическую революцию сочувствие и поддержку всех угнетенных народов России.

Конференция единодушно поддержала Ленина, заняла четкую позицию по всем важнейшим вопросам и нацелила партию на победу социалистической революции.

Эстонская большевистская газета «Кийр» опубликовала Апрельские тезисы Ленина, ряд его статей, а также решения Апрельской конференции, имевшие огромное значение для роста политической сознательности эстонских трудящихся.

В Таллине с докладом о работе конференции выступил Иван

Васильевич Рабчинский — опытный революционер-большевик, принимавший участие в революционном движении уже с 1895 года. Доклад Рабчинского вместе с ответами на вопросы продолжался примерно 5 часов. Как пишет Рабчинский в своих воспоминаниях, самый большой интерес вызывал аграрный вопрос. «... Все, перебивая друг друга, говорили о земле. Я передал разъяснение Ленина о том, что крестьянам в лице своих Советов предстоит немедленно захватить в свои руки баронскую землю, не допуская поджогов и порчи хозяйственного инвентаря, чтобы на следующий день можно было продолжать работу».



Демонстрация в таллинском порту по случаю возвращения крейсеру «Двина» его прежнего названия «Память Азова».

После Апрельской конференции большевики начали бороться за осуществление ее решений. Они развернули энергичную работу по завоеванию трудящихся масс на свою сторону, их боевому воспитанию и повышению их активности. Деятельность большевиков была направлена на изоляцию от масс меньшевиков и эсеров и на завоевание большинства в Советах.

17 мая в Таллине стала издаваться, наряду с «Кийром», большевистская газета на русском языке «Утро Правды», сыгравшая важную роль в большевизации рабочих, солдат и матросов. При Таллинском комитете РСДРП(б) была создана большевистская военная организация, развернувшая революционную работу в Балтийском флоте и в расположенных на территории Эстонии воинских частях, укрепляя их связи с революционными солдатами и матросами Петрограда, Кронштадта и других гарнизонов.

Организационная и разъяснительная работа в массах стала еще более плановой и широкой после возвращения в Эстонию томившихся в царских тюрьмах, а также бывших на поселении и в

изгнании революционеров-большевиков Рудольфа Вакмана, Виктора Кингисеппа, Юхана Типпо и др., которые сразу же включились в активную революционную деятельность.

Уже в первые месяцы революции большевики в Эстонии организовали ряд демонстраций под лозунгами большевистской партии. В этих демонстрациях принимали участие десятки тысяч рабочих, солдат и матросов, выражавших протест против антинародной политики Временного правительства, направленной на продолжение империалистической войны. 2 апреля в таллинском порту состоялся многолюдный митинг рабочих и матросов, на котором было решено вернуть крейсеру «Двина» его прежнее название — «Память Азова». Митинг 2 апреля еще более укрепил связи интернациональной солидарности между эстонскими и русскими трудящимися. Мощные демонстрации рабочих и солдат состоялись в городах и промышленных районах Эстонии также в день международного праздника трудящихся — 1 Мая (1 Мая в России в 1917 году отмечалось 18 апреля — по старому стилю). В Таллине во главе демонстрантов, направившихся из центра города к Кадриоргскому дворцу, где находился Таллинский Совет, шли члены Таллинского комитета РСДРП(б). Во время первомайских демонстраций трудящиеся несли красные знамена и лозунги: «Долой войну!», «Вся власть Советам!», «Да здравствует братство народов!», «Да здравствует социализм!».

Кризис Временного правительства. По всей России, в том числе и по Эстонии, 20—21 апреля прокатилась волна многолюдных демонстраций и митингов протеста против ноты министра иностранных дел Временного правительства Милюкова, в которой Временное правительство обещало вместе с английскими, французскими и американскими империалистами продолжать империалистическую войну «до победного конца». 2 мая под давлением народных масс из состава Временного правительства были выведены черносотенцы Милюков и Гучков. Для обмана народа буржуазия образовала первое коалиционное Временное правительство, в состав которого наряду с представителями буржуазии вошли также эсеры и меньшевики. Это был открытый переход эсеров и меньшевиков в лагерь контрреволюционной буржуазии. Вступив в коалиционное правительство, министры-«социалисты» начали проводить империалистическую политику. С каждым месяцем в стране нарастало недовольство политикой Временного правительства.

18 июня в Таллине, Нарве, Тарту и других городах, как и в Петрограде, состоялись демонстрации и митинги рабочих и солдат против продолжения империалистической войны. Демонстранты несли флаги с надписями: «Долой десять министров-капиталистов!», «Война до победного конца с капиталистами и другими врагами революции!».

«Вчерашнюю демонстрацию можно сравнить с весенним разливом, — писала большевистская газета «Кийр» о таллинской де-

монстрации. — Вся длинная аллея от «Русалки» до улицы Лийва была полна народа, где выступали пропагандисты нашей партии». Массовость демонстраций и их революционный дух показали, что идеи большевистской партии все глубже проникают в массы.

Организация сил буржуазии. Эстонская буржуазия изо всех сил старалась задержать развитие революции, сохранить и укрепить прогнивший буржуазный строй.

Демонстрация 18 июня в Таллине.

Буржуазия рассчитывала использовать для этого Губернский земский совет при губернском комиссаре, созыв которого был предусмотрен постановлением Временного правительства от 30 марта «О временном устройстве административного управления и местного самоуправления Эстляндской губернии». Губернский земский совет, который буржуазия начала называть «маапяэвом», буржуазные националисты намеревались использовать как центр объединения антинародных контрреволюционных сил.

Закон о выборах в земские советы был составлен так, что он обеспечивал большинство представителям буржуазии. Выборы были многостепенные. В каждом уезде проводились волостные собрания, на которых избирались члены уездных выборных собраний, так называемые выборщики (один от 1000 жителей). Уездные выборные собрания избирали уездные земские советы в составе 7—15 членов, а последние, в свою очередь, избирали уже Губернский земский совет. Представители городов в Губернский земский совет избирались городскими думами, из расчета на

каждые 20 тысяч населения — один представитель. Небольшие города, где имелось всего лишь 2—3 тысячи или даже меньше жителей, также имели право посылать по одному представителю. Многостепенностью выборов, созданием для небольших городов привилегированного положения и другими ограничениями буржуазия надеялась свести на нет влияние пролетариата в Земском совете.

Выборы в губернский и уездные земские советы губернский комиссар Поска назначил самовольно на 23 мая, не считаясь с требованием Советов Эстонии. Выборы проводились в большой спешке, чтобы не оставалось времени для предвыборной агитации.

Эстонские большевики разоблачали демагогические попытки буржуазии изобразить себя защитницей национальных интересов эстонского народа. Они разъясняли трудящимся, что затея с «маапяэвом» является сговором эстонской буржуазии с баронами и черносотенцами, направленным против рабочих и крестьян. Повсюду в Эстонии проходили собрания трудящихся, на которых большевики показывали, что придуманные буржуазией земские советы — это жалкая пародия на демократическое самоуправление. Подлинной целью буржуазии, говорили большевики, является ликвидация Советов рабочих и солдатских депутатов и замена их земскими советами, состоящими из представителей буржуазии. Трудовой народ на своих собраниях протестовал против антидемократического проекта «самоуправления» и настаивал на его отклонении.

Большевистская фракция в Таллинском Совете потребовала смещения Поска с поста губернского комиссара за самовольное, без согласования с Советами, назначение выборов в земские советы. Под давлением трудящихся масс большинство Таллинского Совета голосовало за предложение большевиков, и 26 мая Поска был смещен. Решение Таллинского Совета поддержали и другие Советы Эстонии. По всей Эстонии прошли многочисленные демонстрации рабочих и крестьянской бедноты, которые выражали свою поддержку решению Таллинского Совета. Однако меньшевики и эсеры, имевшие большинство в Таллинском Совете, по требованию Временного правительства вскоре дали свое согласие на возвращение Поска на прежний пост.

Как и следовало ожидать, «выборы» дали большинство представителям буржуазии. В результате Губернский земский совет («маапяэв») оказался не народным представительством, а гнездом контрреволюционных заговорщиков.

Буржуазия стремилась создать также свои вооруженные силы. Находившиеся в Эстонии солдаты и матросы, среди которых усиливались революционные настроения, поддерживали Советы. Поэтому эстонская буржуазия ходатайствовала перед Временным правительством о разрешении на создание национальных воинских частей под командованием офицеров, главным образом, выходцев из буржуазных кругов.

Буржуазные националисты пытались разжечь среди солдат эстонской национальности вражду к русскому народу. «Национальная вуаль, — писал В. Кингисепп, разоблачая демагогию буржуазии, — должна скрыть от рабочего, что русский, латышский и литовский рабочий — его друг и что эстонский капиталист — такой же кровопийца, как и русский, латышский и литовский капиталист. Националистический угар должен помутить разум батрака и арендатора, чтобы тот не понял того, что эстонский и немецкий помещик одинаково угнетают его».

В связи с тем, что буржуазия намеревалась использовать национальные воинские части в контрреволюционных целях, большевики выступали на данном этапе против организации таких частей, хотя в принципе они и не были против их создания. Большевики требовали демократизации государственной власти и армии, вооружения трудящихся, уничтожения национального гнета, отказа от империалистической политики. Выполнение этих требований явилось бы необходимой предпосылкой для организации подлинно народных эстонских воинских частей.

По предложению большевиков, поддержанному массами трудящихся, Таллинский Совет принял решение распустить создаваемые буржуазией войсковые части, как контрреволюционные. Однако Временное правительство и реакционные генералы во главе с Корниловым пошли навстречу стремлениям эстонской буржуазии создать национальные воинские соединения, надеясь использовать их против революционных рабочих и солдат. Под нажимом Временного правительства оппортунистическое большинство Таллинского Совета изменило свое решение и дало согласие на формирование вооруженных сил эстонской буржуазии.

Рост влияния большевиков в массах. Терпеливая и настойчивая разъяснительная работа большевиков принесла свои плоды.

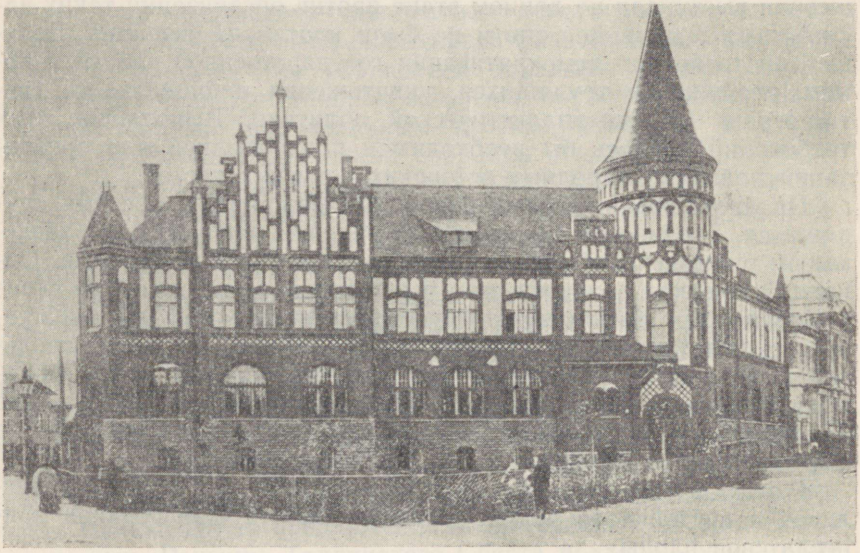
С каждым днем усиливалось влияние большевиков в Советах, среди крестьянства, в армии.

Важнейшими массовыми организациями рабочих, солдат и матросов были Советы. В период двоевластия Советы, как писал Ленин, «. . . представляли из себя делегации от массы свободных, т. е. никакому насилию извне не подвергающихся, и вооруженных рабочих и солдат».[1]

В конце апреля депутаты-большевики образовали в Таллинском Совете под руководством Я. Анвельта свою фракцию. Вслед за этим большевистские фракции возникли также во всех других крупных Советах Эстонии. Сознательность трудящихся в результате большевистской пропаганды и агитации быстро росла. Сторонников соглашательских партий — меньшевиков и эсеров — стали проваливать на перевыборах Советов. Рабочие выбирали в Советы большевиков. Так было во время перевыборов Советов

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 25, стр. 164.

на «Вольта», «Двигателе», на фабрике Лютера и других таллинских предприятиях. Писатель-большевик И. Лауристин (Мадарик), который летом 1917 г. работал токарем на «Двигателе», пишет о росте политической сознательности рабочих этого завода следующее: «Политическим просвещением на заводе «Двигатель» занимались тогда в большинстве случаев по утрам, до начала работы, где-нибудь в цехе между станками... Там разбирались, и по возможности обстоятельно, последние известия и позиции различных партий. Было отрадно видеть, как росло число сторонников нашей партии в Советах».



Помещение штаба эстонской Красной гвардии в Таллине в 1918 г.

Рабочие и крестьянская беднота все настойчивее требовали создания для защиты революции вооруженной организации трудового народа — Красной гвардии. Под давлением трудящихся Таллинский Совет в конце апреля принял предложение большевиков о необходимости создания Красной гвардии. Однако уже через несколько дней, когда Временное правительство выразило по этому поводу свое недовольство, меньшевистско-эсеровское большинство Таллинского Совета отказалось от своего решения. Эсеры и меньшевики всячески мешали трудовому народу организовывать его вооруженные силы и помогали буржуазии вооружать свои контрреволюционные отряды. Несмотря на это большевики заложили основы эстонской Красной гвардии, которая состояла из рабочих и беднейших крестьян. Красногвардейцы несли охрану Дома рабочих и партийных учреждений, а также

оберегали собрания трудящихся от организуемых буржуазией шаек погромщиков.

После свержения самодержавия царская полиция была распущена и начались выборы народной милиции. Ленин призывал рабочих и солдат быть бдительными и не допускать восстановления полиции. Однако в те дни политический опыт трудящихся был еще недостаточен, и поэтому буржуазии в большинстве случаев удалось провести выборы в своих интересах, укомплектовав милицию из реакционных элементов. Милиция в Эстонии превратилась в послушное орудие губернского комиссара Временного правительства. Правда, в Таллине милиция осталась в подчинении Совета, но назначенный им начальник милиции, меньшевик А. Хеллат, сотрудничал с буржуазией и комплектовал милицию из ее приверженцев. В первые дни революции рабочие создали на промышленных предприятиях фабрично-заводскую милицию, состоявшую из рабочих. Эта милиция под руководством большевиков превратилась в вооруженную организацию трудящихся. Предприниматели неоднократно пытались ликвидировать фабрично-заводскую милицию, но рабочие срывали эти попытки. На крупных фабриках и заводах (например, на вагоностроительном заводе «Двигатель») рабочие выбрали начальниками милиции большевиков, которые организовали регулярные занятия по стрельбе, стали обучать рабочих обращению с оружием.

Буржуазным офицерам не удалось лживыми националистическими лозунгами остановить рост политической сознательности эстонских солдат национальных формирований. И среди них усиливалось влияние большевиков, особенно в воинских частях, расположенных в Таллине и Тарту.

Огромное значение для судеб революции имел рост влияния большевиков среди крестьянства.

Подавляющее большинство эстонского крестьянства — примерно две трети — было безземельным. Одних только помещичьих батраков насчитывалось свыше 100 тысяч. Эстонская крестьянская беднота была переполнена жгучей ненавистью к своим угнетателям. Временное правительство ничего не предпринимало для улучшения положения крестьянства. Земля попрежнему оставалась в руках помещиков, привилегии их были сохранены. Буржуазные и мелкобуржуазные партии давали крестьянам демагогические обещания, что они получат землю; надо, мол, только терпеливо дожидаться решения Учредительного собрания.

Благодаря разъяснительной работе большевиков эстонское крестьянство все больше убеждалось, что лишь в тесном союзе с рабочим классом, под руководством рабочего класса можно избавиться от баронского гнета. По всей Эстонии большевики организовывали союзы батраков и бедняков, созывали совещания их представителей. Для работы среди безземельных и малоземельных крестьян при Северо-Балтийском бюро РСДРП(б) было об-

разовано Центральное бюро безземельных Эстонии во главе с большевиком Яном Сихвером, была создана также газета трудящихся деревни «Маатамээс» («Безземельный»). Редактором газеты «Маатамээс» был назначен большевик Х. Пегельман, который возвратился в конце июня из эмиграции на родину.

В волостях большевики организовали комитеты безземельных, которые в ходе дальнейшего развития революции стали основой Советов крестьянских депутатов.

Рост влияния большевиков в массах обнаружился отчетливо в связи с созывом в начале июля так называемого «национального конгресса». 1 июля собрался Временный губернский земский совет, который состоял вначале только из уездных представителей. Чтобы придать открытию этого ненавистного народу органа торжественный характер, буржуазные лидеры одновременно созвали так называемый «народный конгресс», состоявший из делегатов различных, главным образом, буржуазных организаций и обществ. После окончания этого конгресса его делегаты, по национальности эстонцы, должны были продолжить заседания, но это собрание называлось уже «национальным конгрессом». На «народном конгрессе» должна была состояться также процедура «избрания» Поска губернским комиссаром, в противовес решению Таллинского Совета об отстранении его с этого поста. Конгресс был задуман как смотр и демонстрация сил контрреволюции.

«Народный конгресс», как и «маапяэв», избирался недемократическим путем. Накануне конгресса буржуазия лихорадочно сколачивала новые «общества». Чтобы создать видимость роста числа членов этих обществ, буржуазные деятели одновременно вступали в несколько организаций.

Конгресс под руководством К. Пятса рассмотрел вопрос государственного устройства, создания национальных войсковых частей, земельный и др. Идеалом государственного устройства была признана автономная Эстония в составе России. Было принято решение о создании национальных воинских частей из эстонцев — военнослужащих русской армии. По земельному вопросу конгресс нашел, что казенные земли следует отчуждать безвозмездно, а помещичьи и другие частные земли — «за справедливое вознаграждение».

По предложению большевиков представители рабочих, безземельных и малоземельных крестьян покинули конгресс. Вследствие отсутствия кворума не могло состояться и избрание Поска. Представители крестьянства, покинувшие конгресс, собрались на совещание в Доме рабочих. Совещание, проходившее под руководством Х. Пегельмана и других большевиков, осудило «конгресс» как контрреволюционную затею буржуазии и единодушно высказалось за конфискацию помещичьих, а также церковных, удельных и др. земель и за передачу их в распоряжение крестьян. Было принято также решение о перевыборах волостных само-

управлений царского периода и по другим важным вопросам, касавшимся организации трудового крестьянства на борьбу против буржуазии и помещиков.

Под давлением масс меньшевики и эсеры вынуждены были признать, что конгресс лишь «условно» может рассматриваться как народное представительство.

Июльская демонстрация рабочих и солдат. Продолжение империалистической войны во имя интересов буржуазии и помещиков, стремившихся к наживе, все усиливающаяся разруха, отправка карательных отрядов против крестьян, начавших захват помещичьих земель, — все это усиливало недовольство трудящихся антинародной политикой Временного правительства. 3 июля в Петрограде стихийно начались рабочие и солдатские демонстрации, которые на следующий день переросли в общую грандиозную демонстрацию. На знаменах демонстрантов были написаны лозунги: «Долой империалистическую войну!», «Вся власть Советам!».

Временное правительство, несмотря на мирный характер демонстрации, двинуло против нее контрреволюционные войска. Много рабочих и солдат было убито и ранено. Лидеры эсеров и меньшевиков одобрили расстрел демонстрации, организованный буржуазией вместе с монархическими генералами.

4 июля по призыву большевиков и в Таллине состоялась большая демонстрация трудящихся, в которой участвовало свыше 40 тысяч человек. Демонстранты потребовали, чтобы Советы взяли всю власть в свои руки и положили конец империалистической войне. Трудящиеся выступили против попыток эстонской буржуазии выдать заседавший в эти дни (3 и 4 июля) «национальный конгресс» за общенародное представительство. По требованию демонстрантов лидеры буржуазии были вынуждены предстать перед народом и открыто заявить, что конгресс никого, кроме их самих, не представляет. Мощная демонстрация трудящихся в Таллине показала, что широкие народные массы, воодушевленные лозунгами большевиков, сплотились под их знаменами.

Наступление контрреволюции. После кровавой расправы над мирной демонстрацией в Петрограде Временное правительство установило диктатуру буржуазии и помещиков, превратило эсеро-меньшевистские Советы в свое послушное орудие.

Укрепившись в Петрограде, контрреволюция перешла в наступление по всей стране. Эстонская буржуазия приняла активное участие в этом походе против революционных организаций. Были закрыты большевистские газеты «Кийр» и «Утро Правды», а их редакции и типографии разгромлены. Редактор газеты «Кийр» Я. Анвельт был арестован. Вскоре, однако, в связи с вспыхнувшими на фабриках и заводах забастовками протеста против насилий буржуазии, Временное правительство было вынуждено освободить его. С 15 июля вместо «Кийра» начала вы-

ходить новая большевистская газета «Тёэлине» («Рабочий») и с 1 августа вместо газеты «Утро Правды» — газета «Звезда». Контрреволюции не удалось разгромить эстонские большевистские организации.

§ 2. КУРС НА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

VI съезд большевистской партии и реализация его решений в Эстонии. В обстановке наступления контрреволюции в Петрограде в конце июля и начале августа нелегально работал VI съезд большевистской партии. В. И. Ленин вынужден был скрываться от буржуазных ищеек в подполье. Работой съезда, по указанию Ленина, руководили его соратники и ученики. От эстонской партийной организации в работе съезда принимало участие 3 делегата.

Советы, в которых предатели трудового народа — меньшевики и эсеры имели большинство, утратили власть, превратившись в придаток Временного правительства. Поэтому лозунг «Вся власть Советам!» был временно снят. Съезд нацелил партию на завоевание диктатуры пролетариата путем вооруженного восстания. VI съезд с особой силой подчеркнул, что основным условием победы социалистической революции является всестороннее укрепление союза пролетариата и беднейшего крестьянства.

Эстонские большевики сразу же приступили к проведению в жизнь решений VI съезда партии.

С 13 по 16 августа в Таллине проходила II конференция северо-балтийских организаций РСДРП(б), на которой были представлены 7 тысяч членов партии от 23 организаций. Конференция одобрила все решения VI съезда партии. Важнейшими вопросами повестки дня конференции были аграрный и национальный вопросы. По аграрному вопросу конференция высказалась за национализацию земли и конфискацию помещичьих земель. В решении по национальному вопросу конференция подчеркнула, что полное национальное освобождение эстонскому народу может принести только свержение буржуазии и победа в России пролетарской революции, революции, которая предоставит каждому народу право самому решать свою судьбу. Поэтому эстонский трудовой народ должен идти в тесном союзе с русским революционным пролетариатом и всеми трудящимися России, борющимися за полное равноправие всех народов.

Конференция избрала новый состав Северо-Балтийского бюро РСДРП(б), которое решено было впредь называть Эстляндским бюро РСДРП(б). В состав бюро вошли И. Хейнтук, Х. Суудер, Я. Анвельт, П. Егоров и В. Вельман. Работой Бюро руководил Я. Анвельт.

В середине августа большевики созвали в Таллине конферен-

цию представителей батраков и беднейших крестьян Эстонии. Конференция по всем вопросам одобрила установки большевиков. Ею руководил В. Вельман. Конференция избрала Всеэстонский Центральный Комитет безземельных (батраков, безземельных и малоземельных крестьян), в который вошли: Я. Сихвер — от редакции «Тёэлине», Х. Пегельман — от редакции «Маатамээс», И. Хейнтук — от Эстляндского бюро РСДРП(б) и 8 представителей от уездов. Было решено создать в волостях и уездах волостные и уездные комитеты безземельных. Вся Эстония покрылась сетью организаций безземельных и малоземельных крестьян, что имело огромное значение для обеспечения основного условия победы социалистической революции — союза пролетариата с беднейшим крестьянством.

VI съезд партии уделил большое внимание вопросу о профсоюзах. Он отметил, что профсоюзы должны стать боевыми классовыми организациями, признающими политическое руководство партии большевиков. Большевики Эстонии образовали в профсоюзах большевистские фракции. Для руководства профсоюзной работой еще в апреле было создано Таллинское центральное бюро профсоюзов, реорганизованное осенью в Центральный Совет профсоюзов Эстонии. Число членов профсоюзов быстро росло. Эстонские профсоюзы под руководством большевиков встали на путь революционной классовой борьбы.

Большое значение для развития классовой борьбы имели Советы рабочих старост и фабрично-заводские комитеты, избиравшиеся рабочими. Фабзавкомы и Советы рабочих старост организовывали борьбу рабочих за повышение заработной платы, руководили стачками, добивались введения рабочего контроля. Попытки Временного правительства ликвидировать Советы рабочих старост и фабзавкомы были сорваны рабочими. Важнейшие Советы рабочих старост и фабзавкомы работали под руководством большевиков.

В выполнении решений VI съезда партии эстонские большевики придавали большое значение активизации молодежи и женщин.

По инициативе большевиков в мае—июне был создан «Таллинский клуб социал-демократической молодежи», число членов которого к концу августа достигло уже 500. Клуб имел отделения на фабриках, в школах, учреждениях, свой хор, драматические кружки и спортивные группы. Члены клуба устраивали для рабочей молодежи лекции, вечера самодеятельности и т. д. Были открыты также клубы матросов и солдат. Эти клубы проводили воспитательную работу среди трудящейся молодежи и солдат. В клубах знакомили молодежь с основами марксизма, призывали бороться против империалистической войны, добиваться предоставления юношам и девушкам с 18-летнего возраста избирательных прав и т. д. Большевики организовали также рабочее спортивное общество «Йыуд» («Сила»).

Большевики широко вовлекали в революционное движение трудящихся женщин. В особенно тяжелых условиях находились солдатские семьи, ибо выплачиваемое пособие было крайне скудным. В. Кингисепп, выступивший с некоторыми статьями в защиту солдатских семей, писал, что стоящая у власти буржуазия гонит мужчин на империалистическую грабительскую войну, а их семьи обрекает на голод. Появился ряд организаций солдатских жен. Особенно выделялась как организатор революционной борьбы трудящихся женщин большевичка Алисе Тислер. Работницы и солдатки устраивали массовые демонстрации протеста против продолжения империалистической войны, требуя хлеба и мира. Когда многочисленная демонстрация женщин с лозунгами: «Долой спекулянтов!», «Городское самоуправление — в руки народа!», «Долой империалистическую войну!» — направилась к губернскому комиссару Поска, то этот ставленник буржуазии вызвал для разгона женщин вооруженный отряд.

Большое значение в революционном воспитании трудящихся масс имело издание марксистско-ленинской литературы. Уже в первые месяцы революции в газете «Кийр» появился перевод ряда статей В. И. Ленина. Литературная комиссия Северо-Балтийского бюро РСДРП(б) издала отдельными брошюрами статьи Ленина «Письма о тактике», «Задачи пролетариата в данной революции» (Апрельские тезисы) и др. В эстонском переводе вышел в свет «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Под редакцией Ю. Лилиенбаха стал вновь издаваться общественно-политический и литературный журнал трудящихся «Таппер».

Большевистская литература сыграла огромную роль в подготовке трудящихся масс к вооруженному восстанию.

В народе получили широкое распространение и завоевали большую популярность такие, частично уже знакомые со времен революции 1905—1907 гг., революционные песни, как «Рабочая Марсельеза», «Интернационал», «Красное знамя», «Смело, товарищи, в ногу» и др. Эти песни пелись с большим воодушевлением на всех народных собраниях и демонстрациях, они вдохновляли рабочих и крестьян на революционную борьбу за свержение власти буржуазии.

Для культурно-просветительной работы в массах таллинские большевики использовали общество трезвости «Валвая», при котором работал хоровой кружок под руководством Рихарда Венникаса; был создан также драматический кружок, который ставил революционные пьесы для рабочих в Таллине и во многих других местах. К рабочим перешло и Таллинское музыкальное общество «Пандорин», на базе которого к осени возник Рабочий театр.

Рост влияния большевиков нашел яркое отражение в результатах выборов в городские думы. В августе в городах Эстонии начались перевыборы городских дум, избранных еще в царское

время. На выборах большевики одержали крупную победу. Выступая против всех других партий, большевики собрали в Таллине 31 процент и в Нарве, где избирательной кампанией рабочих руководил В. Кингисепп, 47 процентов голосов, а в рабочих кварталах этих же городов списки большевиков получили абсолютное большинство. В Таллине городским головой был избран большевик В. Вельман, а председателем новой городской думы — Я. Анвельт. В городской управе Таллина из 9 мест городских советников (членов городской управы) большевики получили 5. Таким образом, Таллинская городская управа перешла в руки большевиков. По их предложению в Таллинской городской думе был принят в качестве официального языка эстонский язык, чего не осмеливалась сделать эстонская буржуазия. В Тарту и в других городах также значительно уменьшилось влияние буржуазных и мелкобуржуазных партий, а число большевистских депутатов в городских думах увеличилось.

Переход Таллинской городской управы в руки представителей рабочего класса имел большое значение в деле подготовки социалистической революции в Эстонии. Новая городская управа немедленно приняла ряд мер по улучшению продовольственного снабжения населения и переложению части налогового бремени с трудящихся на капиталистов. Она повысила оклады городских служащих и улучшила школьные условия. Однако еще большее значение эта победа имела в политическом отношении: эстонский рабочий класс продемонстрировал свою организованность, силу и способность управлять. Это помогло перетянуть на сторону революции сильно уставшие от империалистической войны, но колеблющиеся мелкобуржуазные слои населения.

Углубление революционного кризиса. В течение августа революционный кризис в Эстонии еще более углубился. Усилилось стачечное движение, острие которого было направлено, в первую очередь, против антинародной политики Временного правительства. В одном только Таллине в начале августа бастовало около 10 тысяч рабочих. Стоявшая у власти буржуазия стала вынашивать планы высылки из пределов Эстонии революционных рабочих. Представители эстонской буржуазии Поска и Пятс внесли во Временное правительство предложение эвакуировать из Эстонии рабочих во внутренние губернии, демагогически мотивируя это продовольственными затруднениями в прифронтовой полосе. При этом они умалчивали о том, что буржуазия, затягивая империалистическую войну, тем самым только усиливает эти затруднения. В продовольственном управлении губернии, находившемся в руках лидеров эстонской буржуазии, хозяйничали спекулянты и мародеры. Они присваивали крупные запасы муки, сахара и других товаров широкого потребления.

Продолжение буржуазией империалистической войны делало все более невыносимым и положение трудового крестьянства. Волна крестьянских восстаний охватила всю Россию. Крестьяне

стали захватывать помещичьи земли и запахивать их. Буржуазия и помещики посылали карательные отряды для подавления революционного движения в деревне.

Кровавые столкновения между помещичьими карательными отрядами, с одной стороны, и мызными батраками и арендаторами, с другой, происходили и в Эстонии. В Вильяндиском уезде, в имении Куристе, отрядом местных кулаков под предводительством управляющего имением были убиты арендатор Тынис Касс и его сын, которые отказались выполнить приказ барона и уйти с арендуемой земли. Эстонский помещик Раамот (он же и один из лидеров буржуазии) вооруженной силой подавил стачку сельскохозяйственных рабочих в своем имении.

Широкие слои трудового народа, находившиеся до сих пор под влиянием соглашательских партий меньшевиков и эсеров, отвернулись от них, когда те вместе с буржуазией стали открыто поддерживать политику продолжения империалистической войны. Трудящиеся массы перешли на сторону тех, кто требовал демократического мира, хлеба и земли для народа, — перешли на сторону большевиков.

Видя быструю большевизацию трудящихся масс, буржуазия и ее агентура — мелкобуржуазные партии — усилили заговорщическую деятельность. В середине августа Временное правительство созвало в Москве так называемое Государственное совещание, призванное мобилизовать силы буржуазии и помещиков в центре и на окраинах на борьбу против революционного народа. В этом совещании, наряду с представителями эстонской буржуазии, принимали участие и представители эстонских эсеров.

Штабом эстонской буржуазии являлся Губернский земский совет. Во время весенних антидемократических выборов в него попал только один большевик — Анна Лээтсман. В сентябре, после того как вновь избранные городские думы послали в Земский совет своих представителей, большевики получили здесь еще три места. В Земском совете была создана большевистская фракция в составе четырех членов (А. Лээтсман, Я. Сихвер, Х. Пегельман и Я. Анвельт). Руководителем фракции стал Я. Сихвер. Позднее, в середине октября, к этой фракции примкнул перешедший к большевикам член Земского совета от партии трудовиков А. Вальнер. Большевики выступили с требованием распустить антинародный Земский совет и назначить новые выборы на демократической избирательной основе, приступить к подготовке аграрной реформы, разрешить продовольственную проблему, ликвидировать или ограничить привилегии помещиков и капиталистов, ввести в школах преподавание на родном языке. Однако большинство Земского совета, состоявшее из представителей буржуазии и соглашательских партий, пресмыкалось перед реакционным Временным правительством, надеясь на его помощь против революции. Оно забаллотировало предложения большевиков и разработало

новые законопроекты, направленные на дальнейшее закабаление трудящихся.

Буржуазия по всей России стала готовиться к уничтожению обессиленных, вследствие предательства меньшевиков и эсеров, Советов и к установлению военной диктатуры. На фронте была введена смертная казнь для солдат, собирались ввести ее и в тылу. Стоявшая у власти буржуазия, чтобы вызвать голодные «бунты», а затем подавить их «железом и кровью», умышленно расстраивала народное хозяйство, подрывала продовольственное снабжение. Так, средства, отпущенные продовольственному управлению Эстляндской губернии и находившиеся в распоряжении лидеров буржуазии, были израсходованы на нужды контрреволюции.

Чтобы открыть фронт германским империалистам и с их помощью задушить революцию в России, Ставка во главе с контрреволюционным генералом Корниловым 21 августа предательски сдала немцам Ригу. Четыре дня спустя генерал Корнилов поднял мятеж, целью которого был захват Петрограда и Москвы, уничтожение Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и реставрация царизма. Эстонская буржуазия поддерживала мятеж Корнилова. Когда Губернский земский совет обсуждал меры по ликвидации мятежа, лидеры буржуазии покинули заседание, в результате чего не оказалось нужного кворума для принятия решения. Главарей крупнейших буржуазных партий «демократического блока» — Поска, Пятса и Тыниссона, — полностью поддержавших мятеж, народ прозвал «эстонскими корниловцами».

В Эстонии рабочие, солдаты и матросы под руководством большевиков единодушно и активно участвовали в разгроме корниловщины.

В Таллине состоялось объединенное заседание исполкомов Таллинского Совета и Советов Эстляндского края, на котором было решено принять ряд мер к подавлению корниловщины. При Исполкоме Таллинского Совета была организована Военная секция, которая непосредственно занималась военными вопросами, собирала данные о настроениях в воинских частях и т. д. Надежные войсковые части были приведены в боевую готовность. Была введена вооруженная охрана революционных организаций. Было признано необходимым занять важнейшие железнодорожные узлы, прежде всего станцию Тапа, куда были посланы три представителя Совета и вооруженные силы. На телеграфе и на телефонной станции было установлено дежурство революционных солдат. На железнодорожные станции были направлены группы агитаторов, состоявшие из революционных солдат и матросов. Нарвские рабочие, организованные на борьбу против контрреволюции В. Кингисеппом, задержали несколько эшелонов корниловских войск.

Большевики подняли массы на ликвидацию контрреволюционной авантюры Корнилова и подавили мятеж.

Временное правительство и контрреволюционное командова-

ние, однако, не отказались от планов сдачи Петрограда. Не было принято должных мер к обороне Петрограда со стороны моря, что дало немцам возможность занять острова Эстонии.

Немецкое командование сосредоточило для проведения Сааремаской (Моонзундской) операции свыше 300 кораблей (в том числе 10 новейших линкоров) и свыше 100 самолетов. На рассвете 29 сентября немцы высадили на острове Сааремаа (Эзель) главные силы 25-тысячного десанта. Русские части, несмотря на большой численный перевес противника, упорно обороняли острова, но вынуждены были 4 октября оставить Сааремаа, а затем и острова Муху и Хийумаа (Даго). Дальнейшие оперативные замыслы немцев были сорваны революционными моряками Балтийского флота. Прорваться в Финский залив немецкому флоту не удалось, несмотря на трехкратное превосходство в силах. В боях с героическим Балтийским флотом и береговыми батареями немцы потеряли до 30 кораблей.

Английский флот, в том числе английские подводные лодки, находившиеся в Хельсинки и Таллине, бездействовали, имея, видимо, указание не препятствовать немцам в их движении на революционный Петроград.

7 октября Ленин писал: «Не доказывает ли полное бездействие английского флота вообще, а также английских подводных лодок при взятии Эзеля немцами, в связи с планом правительства переместиться из Питера в Москву, что между русскими и английскими империалистами, между Керенским и англо-французскими капиталистами заключен з а г о в о р об отдаче Питера немцам и об удушении русской революции т а к и м п у т е м?».[1]

В то время, как моряки Балтийского флота самоотверженно сражались против превосходящих сил неприятеля, эсер Керенский, премьер-министр Временного правительства, выступил с клеветническим обвинением моряков в предательстве. Такое выступление Керенского вызвало на флоте бурю негодования и резкие протесты. На кораблях состоялись митинги и собрания, где было выражено презрение Керенскому и поддерживавшим его соглашательским партиям. Соглашательские партии быстро теряли всякое доверие матросов и солдат.

§ 3. ПОБЕДА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ЭСТОНИИ

Б о л ь ш е в и з а ц и я С о в е т о в. После ликвидации корниловского мятежа начался период быстрой большевизации Советов по всей России. На перевыборах в Советы эсеры и меньшевики провалились, рабочие, солдаты и матросы избирали в Советы представителей большевистской партии. Вслед за Петроград-

[1] В. И. Л е н и н. Соч., т. 26, стр. 119.

ским Советом, высказавшимся за политику большевиков, и Таллинский Совет принял 5 сентября решение, в котором требовал установления власти пролетариата и беднейшего крестьянства, создания Советской власти. Это решение было единодушно поддержано Нарвским, Тартуским и другими наиболее крупными Советами Эстонии.

Большевизация Советов отражала огромный рост влияния партии в широких народных массах, среди рабочих, крестьян и солдат.

Революционная демонстрация трудящихся Синди осенью 1917 года.

В августе—сентябре в Эстонии состоялись перевыборы волостных дум. Крестьянская беднота, руководимая большевиками, выступила на выборах со своим списком. Кандидаты крестьянской бедноты одержали по всей Эстонии крупную победу, а во многих волостях, особенно в Вильяндиском уезде, они получили абсолютное большинство.

Процесс большевизации начался и в эстонских национальных воинских частях. В Тарту была создана военная организация большевиков, во главе которой стояли солдаты эстонского запасного батальона — Андрес Винк и Эдуард Оттер. Между русскими, эстонскими и латышскими воинами установился тесный контакт, укрепилось дружеское сотрудничество солдат разных национальностей.

Революционные рабочие, солдаты и матросы, большевистские Советы все настойчивее требовали созыва II Всероссийского съезда Советов.

Стремясь приостановить рост революционного движения и помешать созыву II Всероссийского съезда Советов, на котором

большевики надеялись получить большинство, эсеро-меньшевистский Всероссийский исполнительный комитет, избранный в июне на I Всероссийском съезде Советов, созвал «Всероссийское демократическое совещание». При этом были предприняты шаги к тому, чтобы на нем были представлены главным образом представители буржуазных и мелкобуржуазных организаций, чтобы представители рабочих, солдат и матросов остались вне стен совещания. «Всероссийское демократическое совещание» (заседания его проходили в Петрограде 12—22 сентября), в большинстве своем состоявшее из контрреволюционных элементов, выделило так называемый Предпарламент (Временный совет республики), с помощью которого соглашатели надеялись направить Россию на путь буржуазно-конституционного развития. От эстонских соглашателей в состав Предпарламента вошел меньшевик К. Лутс. Большевики решили бойкотировать Предпарламент.

Борьба за созыв II Всероссийского съезда Советов не утихала. Все усиливавшееся давление большевистских Советов вынудило Всероссийский исполнительный комитет назначить созыв II съезда на вторую половину октября. Наряду с подготовкой ко II Всероссийскому съезду Советов эстонские большевики начали готовиться и ко II съезду Советов Эстонии.

На I съезде Советов Эстонии, проходившем 23—27 июля в обстановке наступления контрреволюции, в большинстве оказались меньшевики и эсеры, которые и одобрили империалистическую политику Временного правительства. На II съезде Советов, состоявшемся 12—14 октября, картина была иной. При открытии съезда из 26 делегатов с правом решающего голоса 18 были большевики, причем в дальнейшем число большевистских делегатов увеличилось. Председателем съезда был избран большевик В. Миланов. Выступивший на съезде В. Кингисепп подчеркнул, что пролетариат и крестьяне-бедняки должны установить Советскую власть; только Советская власть может покончить с империалистической войной и заключить справедливый демократический мир. Съезд одобрил политику большевистской партии. Были приняты большевистские резолюции по вопросам мира и власти. В новом составе Исполкома Советов Эстонии большевики имели большинство. В него вошли Я. Анвельт (председатель), И. Хейнтук, В. Кингисепп, Г. Соколов, И. Мяги, Э. Лелль, И. Кясперт (секретарь).

Газета «Рабочий путь» — центральный орган большевистской партии — писала о росте влияния большевиков в Эстонии накануне Октябрьской революции: «В войсковых частях наше влияние растет с каждым днем. Новые полки, прибывающие в Ревель, обращаются в первую очередь в нашу партию за ораторами. 16 октября была устроена демонстрация (в память павших в 1905 г.), в которой кроме рабочих участвовали и все войсковые части, вновь прибывшие фронтовики с оружием, артиллеристы с

пушками. Большинство лозунгов наши: Долой Временное правительство, долой Керенского, вся власть Советам!

В Юрьеве была демонстрация. 15-го октября вышел местный гарнизон весь, так как латышские стрелки и Эстонский зап. батальон настроены определенно в нашем духе. В Нарве гарнизон, не исключая и казаков, которых там сотни две, на нашей стороне. В последние дни прибывают новые части, некоторые из них стоят на нашей платформе, отношение других еще не выяснено.

В деревне среди безземельных наше влияние увеличивается с каждым днем. 15 окт. состоялись конференции в трех уездах. Самая удачная, в численном отношении, была в Везенбергском уезде, где были представлены почти все волости (95%). На конференции обсуждались вопросы, связанные с текущим моментом, работой в волостных земствах и выборами в Учредительное собрание. Присутствовали и представители с.-р., но все делегаты (единогласно) голосовали за наши резолюции».

Подготовка вооруженного восстания. Благодаря большевизации Советов на очередь вновь стал лозунг «Вся власть Советам!», однако теперь этот лозунг означал призыв к восстанию против Временного правительства для передачи всей власти в стране Советам, руководимым большевиками.

Находясь в подполье, Ленин поддерживал тесную связь с Центральным Комитетом РСДРП(б). В своих статьях и письмах в Центральный Комитет и к большевистским организациям Ленин дал конкретный план подготовки и проведения вооруженного восстания.

В письме «Марксизм и восстание», адресованном в Центральный Комитет РСДРП(б), Ленин показал, что налицо имеются все предпосылки для успешного восстания. Он подчеркнул, что восстание — это искусство, которое надо серьезно изучать, и дал конкретный план того, как использовать для решительного осуществления восстания флот, воинские части и отряды Красной гвардии, какие решающие пункты в столице надо захватить

Ленин указал, что для успеха вооруженного восстания необходимо «... одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота...» [1].

По указаниям Ленина эстонские большевики вместе со всей партией начали энергично готовить рабочих и крестьянскую бедноту к вооруженному восстанию.

27 сентября в Таллине состоялось совещание Советов, а также всех рабочих и военных организаций Эстонии, в котором принимал участие представитель Центрального Комитета РСДРП(б) И. Смилга. Подавляющим большинством голосов была принята внесенная большевиками резолюция, которая требовала перехода

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 152.

власти к Советам. После совещания эстонская большевистская организация направила в Петроград ответственного партийного работника И. В. Рабчинского, чтобы доложить Центральному Комитету большевистской партии о положении в Эстонии.

11—13 октября в Петрограде проходил созванный Центральным Комитетом РСДРП(б) съезд Советов Северной области. От Советов Эстонии в работе съезда принимали участие 5 делегатов, трое из них — большевики. Съезд в своих решениях призвал массы трудящихся к вооруженному восстанию. Съезд имел большое агитационное и организационное значение в подготовке восстания. В своем «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области» Ленин говорил: «Дело в восстании, которое м о ж е т и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель».[1] Таким образом, Ленин указывал на большое значение Таллина в подготовке и проведении вооруженного восстания, в судьбах революции.

И. В. Рабчинский.

10 октября под руководством В. И. Ленина, нелегально прибывшего из Финляндии в Петроград, состоялось историческое заседание Центрального Комитета большевистской партии, принявшее решение, в котором отмечалось, что вооруженное восстание неизбежно, что оно — вопрос ближайших дней. На расширенном заседании ЦК 16 октября был избран руководящий орган по подготовке и проведению восстания — Партийный центр (в составе Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, Ф. Э. Дзержинского, А. С. Бубнова, М. С. Урицкого), который являлся руководящим ядром созданного при Петроградском Совете Военно-революционного комитета. По указаниям, полученным от ЦК партии, эстонские большевики также создали при Исполкоме Советов Эстонии Военно-революционный комитет. Председателем его был избран И. Рабчинский, заместителем председателя — В. Кингисепп. Всю работу Военно-революционного комитета Эстонии в период

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 159.

подготовки и проведения восстания направлял член Партийного центра Яков Михайлович Свердлов.

23 октября в Таллине состоялось первое заседание Военно-революционного комитета Эстонии, на котором, согласно указаниям Партийного центра, было решено взять под свой контроль стратегически важные пункты в Эстонии, чтобы оградить революционный Петроград от возможного наступления контрреволюции с запада. В воинские части и при местном военном командовании были назначены политические комиссары. Военно-революционные комитеты были созданы также в Тарту и в других городах Эстонии.

Я. М. Свердлов.

Военно-революционный комитет Эстонии выработал подробный план действий, который был затем утвержден Таллинским комитетом РСДРП(б). Тяжелые орудия 4-го артиллерийского полка были наведены на расположенные в районе вокзала и крепости казачьи полки. Для несения патрульной службы был назначен Усть-Двинский полк. Корабли были приведены в боевую готовность. Рабочие судоремонтного завода должны были под руководством группы специалистов привести в негодность бронемашины, поскольку команды последних, только недавно прибывшие в Таллин, не вызывали доверия. Все средства связи войск и флота были взяты под наблюдение и охрану. Была установлена связь с Тартуским, Валгаским, Выннуским и другими Советами. Был подготовлен захват узлов дорог и других важных пунктов.

Победа Октябрьской революции. Образование Советского правительства. 24 октября в Петрограде началось восстание. На следующий день, 25 октября (7 ноября), революционные рабочие, солдаты и матросы захватили все важнейшие пункты и правительственные учреждения столицы. Боевым штабом революции был Смольный, где находились Центральный Комитет большевиков, Петроградский Совет и В. И. Ленин, взявший дело руководства восстанием в свои руки. На помощь восставшему пролетариату Питера подходили все новые революционные войсковые части и корабли Балтийского флота. Временное правительство укрылось в Зимнем дворце под

защитой юнкеров. Под гром орудий «Авроры» рабочие, солдаты и матросы начали штурм цитадели буржуазии и помещиков — Зимнего дворца, захватили его и арестовали Временное правительство. Восстание в Петрограде победило.

Картина В. Цыплакова.

В. И. Ленин.

Вечером 25 октября собрался II Всероссийский съезд Советов, на котором большевики были в большинстве. Съезд провозгласил переход власти в руки Советов. По докладам Ленина съезд принял декрет о мире и декрет о земле. Было создано первое Советское правительство — Совет Народных Комиссаров — во главе с В. И. Лениным.

26 октября эстонские рабочие, крестьяне, солдаты и матросы с большим воодушевлением восприняли весть о победе революции в Петрограде.

«Товарищи! Величайшая революция свершилась, — говорилось в опубликованном 26 октября воззвании Военно-революционного комитета Эстонии ко всем гражданам Эстонии. — Все мы должны встать непоколебимой стеной на защиту и поддержку революционной Советской власти. Будьте бдительны, товарищи солдаты, матросы, рабочие!»

26 октября по всей Эстонии начались многочисленные митинги и собрания рабочих, крестьян, солдат и матросов, на которых они приветствовали Советскую власть. Показателен митинг, состоявшийся 27 октября в Эстонском полку в Таллине, который буржуазия считала своей опорой. От большевиков выступали Я. Сихвер и Х. Суудер, от эстонской партии трудовиков (эстонская партия трудовиков — буржуазно-националистическая партия, близкая к русским правым эсерам) Вильмс и Сельямаа. Газета «Тёэлине» писала, что на настроение солдат не подействовали националистические фальшивки и демагогия господ Вильмса и Сельямаа. «Рабочий и крестьянин борются так, как того требуют их классовые интересы. Эстонские полки — надежда буржуазии — также переходят туда, где их место, — в ряды революционных войск». На митинге была единогласно принята резолюция, внесенная большевиком Сихвером, в которой говорилось: «Мы поддерживаем новую революционную власть и будем поддерживать проведение в жизнь народных требований».

Отряды рабочих-красногвардейцев, революционные солдаты, матросы Балтийского флота составляли те вооруженные силы, опираясь на которые, Военно-революционный комитет под руководством большевистской партии приступил к закреплению победы Октябрьской революции и установлению Советской власти по всей Эстонии.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в Петрограде контрреволюция еще во многих местах продолжала сопротивляться. Керенский вместе с генералом Красновым формировал контрреволюционные части для отправки их под Петроград. Эстонские большевики срывали переброску частей Краснова на Петроград, посылая на железнодорожные станции заградительные и агитационные отряды. Они развернули разъяснительную работу среди солдат проходивших эшелонов, в результате чего солдаты отказывались наступать на революционный Петроград. Из Таллина в Питер прибыли крейсер «Олег» и миноносец «Победитель» с революционными матросами. Тем самым эстонские большевики оказали большую помощь в разгроме антисоветского мятежа Керенского и Краснова, с честью выполнили ленинский наказ: ни в коем случае не пропустить неприятеля. Мятеж Краснова был подавлен.

Соотношение сил в Эстонии было столь явно не в пользу буржуазии, что она не решилась взяться за оружие.

Эстонская буржуазия давно дискредитировала себя в глазах народа открытой поддержкой политики Временного правительства — политики продолжения войны, сохранения помещичьего землевладения, нищеты и голода для народных масс. Равным образом дискредитировали себя соглашательские партии, влияние которых в массах после корниловского мятежа резко упало.

Авторитет и влияние революционной партии рабочего класса в широких народных массах, напротив, неуклонно росли, и к моменту Октябрьского восстания большевики имели не только активную поддержку рабочего класса, но и симпатии и сочувствие огромного большинства всего эстонского народа.

Вследствие этого буржуазия не располагала какой-либо реальной военной силой для вооруженного сопротивления. Армия и флот были завоеваны большевиками; даже национальные части, специально создаваемые буржуазией как вооруженная сила контрреволюции, в результате большой разъяснительной работы, проведенной большевиками, оказались в решающий момент на стороне народа.

Вследствие крушения власти буржуазии в центре эстонская буржуазия не могла рассчитывать на прямую помощь русской контрреволюции; эстонский рабочий класс, в результате победы Октябрьского восстания в Петрограде, напротив, мог рассчитывать на непосредственную помощь русского рабочего класса, революционных солдат и матросов.

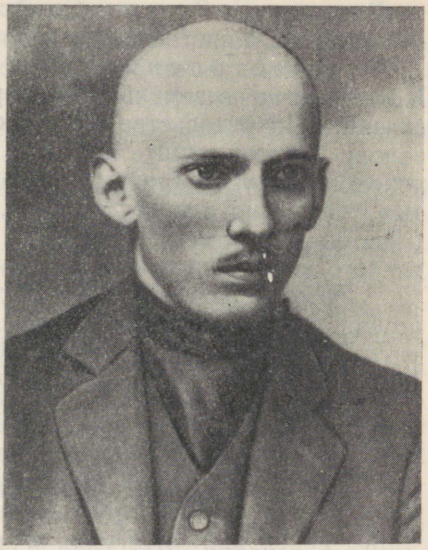
Однако эстонская буржуазия не собиралась отказываться от своих антинародных замыслов и начала теперь вынашивать планы восстановления старого режима путем организации иностранного вмешательства в дела Эстонии. Охрана завоеваний народа от покушений со стороны контрреволюции стала одной из основных задач молодой Советской власти.

§ 4. ОРГАНИЗАЦИЯ И ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. БОРЬБА ПРОТИВ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ. ЗНАЧЕНИЕ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ДЛЯ ЭСТОНСКОГО НАРОДА

Слом буржуазной государственной машины и строительство нового, советского государственного аппарата. С победой Октябрьской революции в России на территории огромной страны, занимающей шестую часть земного шара, была установлена диктатура пролетариата. Марксизм-ленинизм учит, что диктатура пролетариата означает классовый союз пролетариата и трудящихся масс крестьянства для свержения капитала, для окончательной победы социализма, причем руководящей силой этого союза является пролетариат. Победившему пролетариату следовало окончательно сломить сопротивление свергнутых и экспроприированных капиталистов и помещи-

ков, ликвидировать их попытки восстановить власть капитала. Надо было укрепить союз со всеми трудящимися и эксплуатируемыми массами и привлечь их к социалистическому строительству. Необходимо было вооружить революцию, организовать революционную армию для борьбы против внешних врагов, империалистов.

Советская власть в Эстонии под руководством большевиков сразу же приступила к слому старой, буржуазной государственной машины и созданию нового, советского государственного аппарата, к осуществлению декретов Советского правительства, причем эта работа проводилась с учетом местных условий и особенностей. Были ликвидированы буржуазные органы власти — уездные земские советы и земские правления, упразднены городские и волостные думы и вместо них избраны по всей Эстонии Советы депутатов трудящихся — органы диктатуры пролетариата.



В. Кингисепп.

Установлением Советской власти в Эстонии руководили Эстляндское бюро РСДРП(б) и Исполнительный комитет Советов Эстонии.

По уполномочию Военно-революционного комитета Виктор Кингисепп 27 октября принял дела губернского правления — центра буржуазной власти. Прежде всего Кингисепп приступил к налаживанию продовольственного снабжения, которое буржуазия совершенно развалила. Вооруженные организации буржуазии, а также старая милиция были распущены. Была организована народная милиция, ядро которой составляла рабочая Красная гвардия. Отряды народной милиции, состоявшие из рабочих, батраков и крестьян-бедняков, были созданы по всей стране. Когда Советское правительство издало декрет о создании Красной Армии и Флота, эстонские большевики также приступили к организации красных войск. В январе 1918 года состоялся съезд эстонских социалистических воинов, на котором был избран Всеэстонский Совет социалистических войск во главе с В. Кингисеппом. В начале февраля в Таллине началось формирование первого красного полка.

Разрушив буржуазный правительственный аппарат, Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила и старый суд, который в руках буржуазии и помещиков был орудием по-

давления угнетенных народных масс, и создала новый, советский народный суд для подавления сопротивления эксплуататоров и воспитания трудящихся масс в духе революционной законности. В деятельности новых народных судов могли принимать участие только представители трудового народа. Все судьи и народные заседатели избирались демократическим путем.

Законами Советской власти впервые в Эстонии делопроизводство было переведено на эстонский язык.

Все эти мероприятия Советской власти означали слом буржуазной государственной машины.

Осуществление ленинского декрета о земле. В своей речи по земельному вопросу 26 октября 1917 года Ленин сказал: «Правительство рабоче-крестьянской революции в первую голову должно решить вопрос о земле, — вопрос, который может успокоить и удовлетворить огромные массы крестьянской бедноты».[1] Согласно декрету о земле, который был принят II съездом Советов по предложению В. И. Ленина, помещичьи имения без всякого выкупа переходили в руки народа.

В Эстонии Советская власть тотчас приступила к конфискации помещичьих земель, чтобы передать их в распоряжение Советов трудящихся. «Декрет о земле передал землю народу, — говорил В. Кингисепп, — в Эстонии этот декрет по решению и распоряжению Исполкома Советов будет осуществлен уже в ближайшие недели».

К осуществлению декрета о земле эстонские большевики приступили при поддержке широкого актива трудящегося крестьянства.

3—4 декабря 1917 года в Таллине в Вышгородском дворце состоялась конференция эстонских безземельных крестьян (батраков и бедняков). В своей приветственной речи Х. Пегельман подчеркнул большое значение Октябрьской социалистической революции и для эстонского трудового крестьянства, представители которого могут теперь, наконец, спустя 700 лет после сражения на реке Пала, собраться как хозяева в этом главном дворце рыцарей-палачей, — дворце, где до сего времени зрели лишь планы порабощения, угнетения и эксплуатации эстонского народа, — могут собраться и самостоятельно держать совет о судьбах своей страны и своего народа.

С докладом по аграрному вопросу выступил Я. Анвельт, который разоблачил лидеров буржуазных и мелкобуржуазных партий, проводивших в интересах баронов агитацию против конфискации поместий.

Докладчик отстаивал положение ленинского декрета о земле — помещичьи земли должны быть немедленно переданы в руки народа. Бароны должны быть выселены из их барских уса-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 26, стр. 225.

деб. Усадьбы должны стать школами, местами проведения собраний, а в случае необходимости — и квартирами мызных рабочих.

Споры на конференции шли главным образом о том, следует ли конфискованные поместья разделить между крестьянами или оставить их в руках трудящихся для совместной обработки. Докладчик выступал против раздела имений, мотивируя это тем, что общественное хозяйство выгоднее и целесообразнее. Ряд делегатов высказался за раздел имений, однако большинство конференции стояло за коллективную обработку земли. В. Кингисепп считал, что не следует тратить время на ведение споров по этому вопросу; в настоящий момент наиболее важно немедленно отобрать землю у помещиков. «Когда поместья будут отобраны, тогда хватит времени выяснить, какой метод ведения хозяйства является наиболее выгодным», — говорил он.

Конференция постановила принять предложение докладчика о том, что трудовой народ должен немедленно конфисковать и забрать в свои руки все помещичьи земли. В постановлении говорилось также, что «поместья, в которых в настоящее время ведется крупное хозяйство, не следует делить, а вести его по-прежнему. Малоземельным крестьянам земля должна быть прирезана, в случае надобности, за счет земельных участков, расположенных на окраинах поместий, а также за счет земель крупных хуторов».

В начале января 1918 года в Таллине состоялось еще более широкое совещание для обсуждения земельного вопроса — съезд безземельных и малоземельных крестьян со всех волостей Эстонии (за исключением оккупированных островов). О полном доверии трудящихся крестьян Эстонии к партии большевиков свидетельствует состав съезда: из 530 представителей крестьянства 469 были большевиками или их сторонниками. На съезде обсуждались вопросы, связанные с конфискацией поместий, а также вопросы дальнейшего управления ими.

Съезд подавляющим большинством (против голосовало лишь 7 эсеров) высказался за то, чтобы эстонский трудовой народ и впредь оставался в самом тесном государственном единении с другими советскими народами.

Доклад по земельному вопросу был сделан Я. Анвельтом. Доклад касался главным образом проблем взаимоотношений между крупным и мелким производством. Точка зрения большевиков в аграрном вопросе, заявил докладчик, состоит в том, что поместья не следует делить. Крупная промышленность выгоднее мелкой, так же обстоит дело и в сельском хозяйстве.

Предложение о коллективной обработке земли было принято съездом овациями. За соответствующее решение проголосовало огромное большинство съезда.

За раздел имений высказался эсер М. Блейман, который утверждал, что в промышленности применяются машины, в сельском же хозяйстве машины неприменимы. Опыт показывает, за-

явил он, что в Западной Европе мелкое сельское хозяйство вытесняет крупное. Блейман подчеркивал также, что эстонскому национальному характеру якобы свойственно стремление к единоличному хозяйству. Речь Блеймана вызвала недовольство, и председательствующий вынужден был несколько раз призывать делегатов к спокойствию. Предложение Блеймана было отвергнуто съездом.

Съезд обсудил также ряд других важных вопросов, связанных с жизнью трудящегося крестьянства, например, вопрос о создании Красной гвардии в деревне, о страховании и заработной плате сельскохозяйственных рабочих, о народном образовании и др.

Под руководством большевиков рабочие и крестьяне Эстонии быстро и решительно осуществляли конфискацию имений. Однако тогдашнюю точку зрения эстонских большевиков — не делить поместья между безземельными и малоземельными крестьянами, а начать их немедленно использовать как крупные социалистические хозяйства — надо считать ошибочной, так как в преимуществах крупного социалистического хозяйства перед мелким единоличным хозяйством крестьяне еще не сумели убедиться на своем собственном опыте. Эта ошибка (которая, впрочем, была характерна не только для эстонских большевиков, но и для партийных организаций многих других районов) не способствовала укреплению союза рабочего класса с крестьянством и разоблачению демагогии мелкобуржуазных партий.

Эта точка зрения исходила главным образом из экономических соображений, без всестороннего политического анализа проблемы. После победы Октябрьской революции нужно было сразу же приступить к восстановлению промышленности и сельского хозяйства, разоренных империалистической войной. Нужно было быстро повысить жизненный уровень народа, покончить с голодом и нищетой. Раздел помещичьих имений и передача их земель в руки крестьян-бедняков и батраков, в условиях, когда у последних не было ни инвентаря, ни рабочего скота и когда государство было еще не в состоянии сразу же оказать им действенную помощь, могли привести к временному регрессу сельскохозяйственного производства. Именно из этих экономических соображений исходили и делегаты январского съезда, когда они высказывались за общественную систему ведения сельского хозяйства.

Проблема, однако, имела и существенную политическую сторону, которая вскоре дала себя знать очень сильно. Немедленное удовлетворение чаяний многочисленной прослойки бобылей, безземельных, малоземельных и других беднейших представителей трудового крестьянства путем наделения их землей, полученной в результате раздела имений, убедительнейшим образом показало бы им значение победы революции и превратило бы их в самых активных сторонников социалистической революции. Это не было сделано, что и вызвало в дальнейшем, в ходе гражданской войны, колебания крестьянства.

Надо отметить, что точка зрения большевиков Эстонии по земельному вопросу была обусловлена также их твердой уверенностью в скорой победе социалистической революции в Западной Европе и последующей очень быстрой победе социалистического способа производства. «Европа стоит на пороге пролетарской революции», — писали эстонские советские газеты. Ход истории оказался, однако, сложнее. Социализм утвердился первоначально в одной, отдельно взятой, стране, а в мировую систему он превратился лишь много лет спустя.

Земельный вопрос должен был получить окончательное решение на IV съезде Советов трудящихся и солдат Эстонии, созыв которого был назначен на 27 февраля 1918 года, и на намечавшемся одновременно с ним съезде эстонских организаций РСДРП(б). Однако вторжение немецких интервентов помешало созыву этих авторитетных руководящих органов.

За короткое время существования Советской власти в Эстонии — за три с половиной месяца — конфискация баронских имений была в основном закончена. В Эстонии у помещиков было конфисковано и передано в собственность народа более 2,4 миллиона гектаров земли. Эстонское трудовое крестьянство избавилось от ежегодной уплаты арендных платежей баронам, освободилось от ежегодных расходов на покупку земли.

Введение рабочего контроля на фабриках и заводах. Для организации советской промышленности и всего народного хозяйства, для подрыва экономической мощи буржуазии были национализированы банки. На фабриках и заводах был введен рабочий контроль. В Эстонии из представителей рабочих организаций также была создана комиссия по осуществлению рабочего контроля над производством и распределением. На более крупных предприятиях Таллина и Нарвы был введен рабочий контроль. На основании декрета Советского правительства от 29 октября по всей Эстонии был установлен 8-часовой рабочий день. Введение рабочего контроля на фабриках явилось подготовкой к национализации промышленности. Рабочий контроль пресек саботаж и вредительство буржуазии.

Для руководства народным хозяйством и финансами Советским государством в декабре 1917 года был создан Высший совет народного хозяйства, а затем и местные Советы народного хозяйства. 13 января 1918 года и в Эстонии был создан Совет народного хозяйства, который руководил деятельностью рабочего контроля.

В Эстонии были проведены в жизнь также и другие декреты Советского правительства: о ликвидации сословий, сословных привилегий и титулов (бароны, графы, фоны и т. д.), об отделении церкви от государства и школы от церкви, о равноправии женщин с мужчинами.

Первые мероприятия Советской власти в области народного образования и культуры. Советская власть в Эстонии приступила к реорганизации народного образования в интересах рабочих и крестьян. Обучение в школе на родном языке, введенное Советским правительством, было самым важным фактором, сделавшим образование доступным для детей трудящихся. Чтобы демократизировать школу, было решено ввести в педагогические советы представителей родителей учащихся.

Школьная сеть была расширена, открыты добавочные классы, получила развитие система образования для взрослых. 28 декабря 1917 года состоялся съезд эстонских учителей, который единодушно приветствовал Советское правительство и его декреты, а также предпринимаемые им мероприятия по организации народного просвещения. В своей резолюции учителя, приветствуя пролетарскую революцию, подчеркивали, что власть должна остаться в руках Советов трудящихся. «Мы за то, — говорилось в резолюции, — чтобы народные учителя, которые прежде всего являются воспитателями трудящейся молодежи, всячески боролись за лучшее будущее человечества рука об руку с рабочим классом и оказывали последнему в его трудном строительстве всяческую помощь». Избранный на съезде учителей исполком внес предложение — провести национализацию школ и разработать новые типы школ в соответствии с советской учебной программой. Кроме того, исполком признал необходимым, чтобы, в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров о свободе совести, преподавание «закона божьего» было исключено из школьных программ, а предусмотренные для этого часы использованы на преподавание других предметов.

Советская власть ввела в Тартуском университете, впервые в его истории, преподавание на эстонском языке. Была создана профессура эстонского и финно-угорских языков и эстонской литературы.

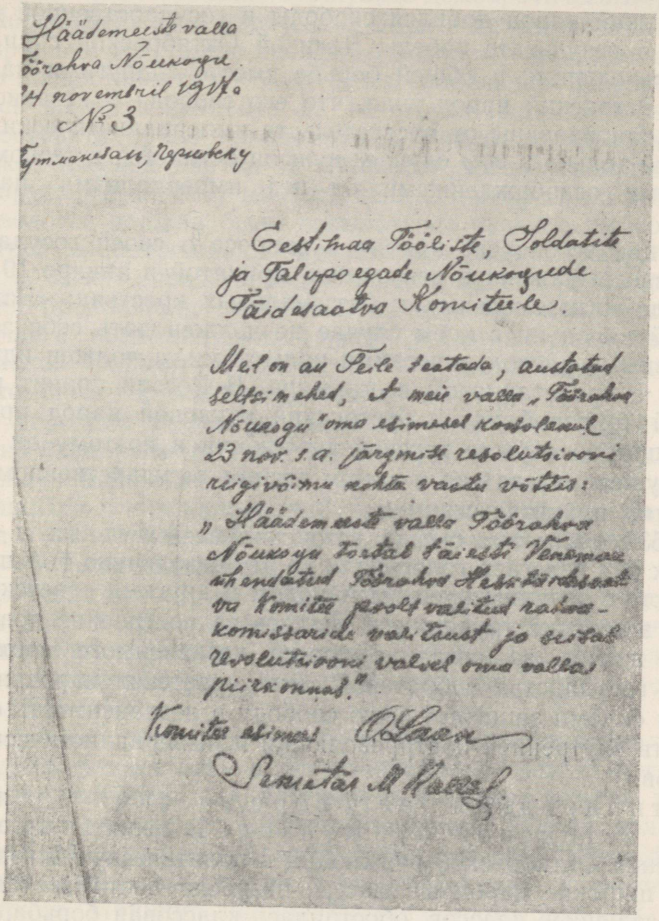
Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широкие перспективы и для развития эстонского искусства. Все театры, народные дома, концертные залы и кинотеатры перешли в собственность народа. Заведование ими было возложено на Советы депутатов трудящихся.

Вопрос о государственном устройстве. Советское правительство в своем специальном постановлении — «Декларация прав народов России» — в ноябре 1917 года провозгласило полное равноправие всех народов России, право их на свободное самоопределение. Эта декларация последовательно проводилась в жизнь.

Таким образом, благодаря победе Великой Октябрьской социалистической революции эстонский народ, впервые в истории, получил реальную возможность — юридическую и фактиче-

скую — решить вопрос о государственном устройстве своей страны.

На основе «Декларации прав народов России» эстонские большевики в январе 1918 года разработали проект конституции



Одна из многочисленных резолюций местных Советов о полной поддержке Советского правительства.

Эстонской Советской Республики (Эстляндской рабочей коммуны). «Эстляндская рабочая коммуна, — говорилось в проекте, — является автономной частью Российской Советской Республики. Взаимоотношения с Российской Республикой и вопросы, касающиеся внешних дел Эстляндской коммуны, разрешаются путем соглашения с центральной властью Российской Советской Республики.

Эстляндская рабочая коммуна вполне автономна во всех местных вопросах, ей принадлежит безусловное право в любое время, не испрашивая согласия других народов или правительств, отделиться от России и либо присоединиться к какому-нибудь из других государств, либо объявить себя независимой».

Эстонский народ добился свободы и государственной независимости в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции, в общей борьбе вместе с другими народами России. Эстонский народ знал, что его свобода и независимость будут гарантированы от посягательств империалистических поработителей только в том случае, если он останется в тесном союзе с другими освобожденными от ига империализма народами России.

Позиция эстонского народа в вопросе о своей государственности ясно выражена в резолюции, принятой в январе 1918 года на съезде малоземельных и безземельных крестьян: «Эстонский трудовой народ ни в коем случае не должен дать себя запутать буржуазными раскольническими попытками, а должен идти рука об руку с пролетариатом всего мира. В России правит революционный трудовой народ. Эстонский трудовой народ пришел к власти при поддержке русской революции и поэтому он должен и в будущем оставаться в самом тесном государственном единении с этим правительством».

Из 530 делегатов съезда эстонских безземельных и малоземельных 523 делегата голосовали за эту резолюцию большевиков.

Вместе с великим русским народом и другими советскими народами эстонские трудящиеся взялись за построение новой, свободной жизни, за создание своего независимого социалистического государства в братской семье советских народов, чтобы общими силами защитить свою свободу и независимость от посягательств внутренней контрреволюции и империалистических захватчиков.

Антинародная заговорщическая деятельность эстонской буржуазии. В период подготовки и проведения Октябрьской революции в политическую жизнь включились широкие народные массы, возросла политическая активность различных классов, обострилась классовая борьба, появился ряд буржуазных и мелкобуржуазных политических партий. К числу буржуазных партий принадлежали Эстонская демократическая партия (бывшая партия прогрессистов) во главе с Я. Тыниссоном; «нейтральный» «Союз эстонских земледельцев» («Маалийт») К. Пятса; Эстонская радикально-демократическая партия (А. Бирк, Ю. Яаксон) и ее близнец — «Эстонский крестьянский союз». Все эти партии представляли собой организации эстонского кулачества и городской буржуазии. Существенных расхождений между их программами не было. Так, например, вся разница между «демократами» и «радикал-демократами» состоя-

ла в том, что первые представляли кулачество южной Эстонии, а вторые — северной.

Все эти партии были не только ярыми противниками социалистических преобразований — они выступали и против всех сколько-нибудь существенных буржуазно-демократических реформ.

После свержения царя Пятс, Бирк и др. выработали план «самоуправления Эстонии», согласно которому право голоса должно было предоставляться только землевладельцам. Позднее они оказались вынуждены пойти на некоторые уступки и предложили предоставить право голоса только налогоплательщикам. Лидер демократической партии Я. Тыниссон хотел установить в Эстонии прусскую систему многостепенных выборов, по которой каждая волость должна была посылать на уездное выборное собрание трех выборщиков: одного землевладельца, одного безземельного и одного представителя интеллигенции. В целом все эти партии продолжали оставаться принципиальными противниками всеобщего избирательного права. Для Эстонии они считали идеальной формой государственной организации ограниченную автономию в составе буржуазной России.

В условиях революционного подъема летом 1917 года буржуазно-националистические партии под нажимом масс оказались вынужденными изменить свои программы и признать требования трудящихся о предоставлении народу всеобщего избирательного права и об отчуждении — правда, только за «справедливую плату» — помещичьих земель.

Из числа эстонских мелкобуржуазных партий и группировок, возникших в предоктябрьский период, наиболее известны следующие три: трудовики (радикал-социалисты), эстонские социалисты-революционеры (эсеры) и эстонские социал-демократы (меньшевики).

Трудовики объявили, что их целью является социализм, который должен наступить в результате очень длительного мирного процесса развития. По вопросу о государственном устройстве они выдвигали лозунг, согласно которому Россия должна стать федерацией отдельных национальных штатов. В эту федерацию должна была, по их мнению, в качестве одного из штатов входить и Эстония. Принцип национализации промышленных предприятий они признавали лишь частично, предлагая в каждом отдельном случае решить, «как далеко зашло развитие соответствующей отрасли промышленности». Земля должна была остаться частной собственностью. «Идея национализации земли в настоящий момент нам чужда», — говорилось в одном из программных выступлений трудовиков. Перед выборами в Учредительное собрание России трудовики стали требовать национализации крупных земельных владений и их раздачи крестьянам «в вечную аренду в границах трудовой нормы», т. е. сколько сможет обработать одна семья.

Основные силы трудовиков состояли из малосознательных

средних слоев города и деревни, мелких предпринимателей и служащих. Среди рабочих и солдат трудовики поддержкой не пользовались, отчего и не имели никакого влияния в Советах. Их позиции были близки к эсеровским. Многие требования и лозунги трудовиков, в том числе и лозунг о разделе помещичьих земель в пределах трудовой нормы, были фактически списаны с программы русских эсеров.

Лозунги эсеров о «свободе» и «отчуждении помещичьих земель согласно трудовой норме» завоевали на первых порах, сразу же после Февральской революции, поддержку широких слоев крестьянства, солдат и матросов. Когда же эсеры, в действительности и не помышлявшие о выполнении своих обещаний, вместо установления свободы начали помогать Временному правительству вводить смертную казнь для противников империалистической войны и подавлять вооруженной силой движение крестьян, направленное на захват и раздел имений, — доверие народа к эсерам стало быстро падать. Их эстонский печатный орган «Тёэ Липп» («Знамя труда») даже прекратил свое существование из-за отсутствия читателей. В послеоктябрьский период, в условиях торжества Советской власти и быстрого роста революционной активности народных масс, эсеры и меньшевики прилагали отчаянные усилия сохранить любыми средствами свое влияние в массах. Перед выборами в Учредительное собрание эсеры выступили с двумя списками — эстонским и русским. Поражение на выборах вызвало среди эстонских эсеров новый раскол — на южноэстонских и североэстонских эсеров (последние представляли собой левых эсеров).

Точно такой же процесс распада произошел и среди социал-демократов — меньшевиков. Организация эстонских меньшевиков, выступавшая летом 1917 года как «Социал-демократический союз Эстляндии», приняла в октябре того же года новое название: Эстонская социал-демократическая рабочая партия. Однако смена вывески не помогла меньшевикам завоевать доверие народа. Поддерживая контрреволюционную буржуазию и проводимую ею политику продолжения империалистической войны, они все больше и больше теряли влияние в массах.

В ноябре, перед выборами в Учредительное собрание, в партии эстонских меньшевиков возникли две группировки. Левые меньшевики во главе с М. Мартна по своим взглядам приближались к русским «интернационалистам» («новожизненцам»); правые (К. Аст, Н. Кестнер, А. Рей и др.) по ряду вопросов, в том числе и земельному, разделяли точку зрения трудовиков. Однако на выборы в Учредительное собрание обе группировки пошли все же с единым меньшевистским списком.

Все буржуазно-националистические партии стремились обмануть народ лживыми обещаниями и подчинить его влиянию империалистической буржуазии. В период между Февральской и Октябрьской революциями эти буржуазно-националистические

партии, имея вместе с эсерами и меньшевиками большинство в «маапяэве» и держа в своих руках губернское правление, ничего не сделали для улучшения положения рабочих и трудового крестьянства. Они намеренно расстроили продовольственное снабжение, что вызвало летом 1917 года голод, они преследовали крестьян, которые пытались захватить баронские земли, подавляли забастовки рабочих и батраков, препятствовали введению в школах преподавания на родном языке, агитировали за продолжение империалистической войны. Тем самым буржуазно-националистические партии разоблачили себя в глазах народа, помогли народу увидеть их подлинное лицо.

О резком падении влияния буржуазных и мелкобуржуазных партий говорят, в частности, результаты выборов в российское Учредительное собрание.

На выборах в Учредительное собрание, состоявшихся 12—14 ноября 1917 года, эстонские большевики получили столько же мест, сколько все буржуазные и мелкобуржуазные партии вместе взятые. Список большевиков собрал 119 863 голоса. Из буржуазных и мелкобуржуазных партий наибольшее количество голосов собрал «демократический блок» (демократическая партия и «Союз земледельцев») — 68 000; трудовики получили 64 047 голосов, общий список «радикал-демократов» и «крестьянского союза» — 17 022 голоса. О катастрофическом падении влияния меньшевиков и эсеров говорит тот факт, что эти партии, имевшие большинство в Советах после Февральской революции, теперь, спустя несколько месяцев, собрали ничтожное количество голосов: эстонские эсеры — 17 726, русские эсеры — 3 027, эстонские меньшевики — 9 244.

Эстонская буржуазия всячески старалась препятствовать укреплению Советской власти. С помощью меньшевиков и эсеров она саботировала мероприятия Советской власти. В Таллине русские и эстонские контрреволюционеры организовали забастовку служащих почты и телеграфа, однако в ней приняла участие только чиновничья верхушка. Подавляющее большинство служащих честно продолжало выполнять свои обязанности. Чиновники бывшего губернского правления уничтожили бухгалтерскую документацию, чтобы скрыть преступления буржуазных лидеров в период их пребывания у власти. Буржуазные дельцы в губернском правлении присвоили крупные суммы, которые использовали на контрреволюционную деятельность и установление связи с империалистическими кругами Запада.

Эстонская буржуазия и прибалтийские бароны, сотрудничество которых укреплялось по мере развития революционного движения, после победы Октябрьской революции образовали тесный антинародный союз. Они сообща готовили антинародный заговор. Так, они сделали попытку создать в Тарту, Вильянди, Мярьямаа и еще в некоторых местах белогвардейские отряды, чтобы, опираясь на них, поднять мятеж против Советской власти,

приурочив его к вторжению немецких оккупационных войск на материковую часть Эстонии. Предводитель эстляндского рыцарства барон Деллингсгаузен собирал в имениях седла для организуемого в Вильянди контрреволюционером Питка кавалерийского полка. Однако эти антисоветские отряды были решительно ликвидированы Красной гвардией под руководством большевика Яана Сихвера. Сихвер навел в Вильяндимаа твердый революционный порядок.

Для защиты имений от крестьян лидеры эстонской буржуазии посылали в помощь баронам отряды белогвардейцев. В имении Пюсси Вируского уезда отряд баронов и эстонских белогвардейцев 10 декабря совершил кровавое злодеяние, открыв стрельбу по рабочим и крестьянам-беднякам, явившимся конфисковать имение. Прибывшие на помощь местным трудящимся известный деятель эстонского революционного рабочего движения Михкель Айтсам и двое красногвардейцев Юри Кальмус и Рудольф Имберг были убиты.

Центром антинародной заговорщической деятельности буржуазии был Губернский земский совет и особенно его совет старейшин, состоявший из махровых реакционеров.

15 ноября было созвано чрезвычайное заседание Губернского земского совета. Этот совещательный орган при теперь уже несуществующем губернском комиссаре Временного правительства самочинно объявил себя органом власти, притом «единственным носителем верховной власти в Эстляндии».

Этот контрреволюционный акт буржуазии вызвал среди рабочих и всего трудового народа бурю негодования. По всей Эстонии на собраниях трудящихся принимались резолюции, которые требовали, чтобы штаб антинародного заговора буржуазии — Губернский земский совет — был немедленно разогнан. 15 ноября в Таллине состоялась большая общегородская демонстрация трудящихся, в которой приняли участие десятки тысяч человек. Демонстранты собрались на Тоомпеа. Сюда пришли и солдаты эстонских полков, которые единогласно приняли резолюцию о разгоне «маапяэва». Перед демонстрантами с пламенными речами выступили В. Кингисепп и Я. Сихвер. Собравшиеся потребовали прекращения антисоветской, враждебной народу деятельности буржуазии и разогнали «маапяэв». Однако руководители «маапяэва» продолжали втайне плести антинародные заговоры.

Когда в России у власти находились царизм и буржуазно-помещичье Временное правительство, эстонская буржуазия мирилась с национальным гнетом и всячески подчеркивала свои верноподданнические чувства. Наиболее радикальные устремления буржуазии не шли дальше скромной автономии.

Теперь же, после победы Октябрьской революции и ликвидации национального гнета, эстонская буржуазия вместе с прибалтийско-немецкими помещиками стала вынашивать планы отторжения Эстонии от России и восстановления буржуазных порядков

посредством иностранной военной интервенции. В первую очередь буржуазия и помещики возлагали надежды на оккупацию Эстонии империалистами Германии, войска которой находились на островах Эстонского архипелага и в южной Латвии.

Чтобы создать благоприятные возможности для иностранного вмешательства, изолировать эстонских трудящихся и лишить их помощи революционной России, буржуазия и помещики решили прибегнуть к провозглашению «независимости» Эстонии. Впервые эта идея была высказана уже на второй день после победы Октябрьского восстания в Петрограде. 26 октября вечером в кабинете губернского комиссара Поска состоялось тайное совещание лидеров эстонской буржуазии, где была высказана мысль о необходимости временной (до победы контрреволюции в России) «независимости» Эстонии. По мере укрепления Советской власти лозунг «независимости» становился для буржуазии и помещиков все более заманчивым.

В то время провозглашение «независимости» Эстонии совпадало и с планами германского империализма.

В январе 1918 года германское министерство иностранных дел через эстляндское рыцарство предложило лидерам эстонских буржуазных националистов провозгласить «независимость Эстонии», чтобы можно было ввести в Эстонию германские оккупационные войска по просьбе «независимой Эстонии». Вскоре органы Советской власти раскрыли разветвленную подпольную антисоветскую организацию немецких баронов и эстонской буржуазии. Эта организация собирала подписи под прошением кайзеру Вильгельму, содержавшим просьбу прислать в Эстонию германские оккупационные войска. Эта организация передавала в Берлин шпионские сведения о расположенных в Эстонии войсках и подготовляла контрреволюционный мятеж. В то же время лидеры эстонской буржуазии вступили в преступную связь и с командованием немецких войск на острове Сааремаа. Советская власть приняла необходимые меры для предотвращения контрреволюционного выступления буржуазии и баронов. Бароны были арестованы и высланы из Эстонии.

Эстонские буржуазные националисты, вступая в сделку с германскими империалистами, одновременно нанимались на службу и к американским, английским и французским империалистам, посылая своих делегатов в посольства этих государств в Петроград и за границу.

Значение Великой Октябрьской социалистической революции для эстонского народа. Октябрьская революция свершилась не в результате случайного стечения обстоятельств, а вследствие закономерного развития общественной жизни России эпохи империализма и возникшего в связи с этим революционного движения рабочих и крестьян.

По своим целям Октябрьская революция была неизмеримо глубже и ставила перед собой несравненно дальше идущие

цели, чем все другие революции до этого, и поэтому в ней участвовали огромные, невиданные ранее в истории, народные массы. Главнейшим условием победы этой великой народной революции было руководство большевистской партии и выпестованный большевиками союз рабочих и крестьян, руководящую роль в котором играл рабочий класс.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом отличалась от всех других революций также и тем, что все прежние революции оканчивались заменой одних групп эксплуататоров другими группами эксплуататоров. Октябрьская же революция полностью уничтожила эксплуататорский строй, угнетение человека человеком. Поэтому Октябрьская революция означала решающий поворот в мировой истории, в истории всего человечества. Октябрьская революция прорвала фронт мирового империализма, открыла во всем мире эру крушения капитализма и победы социализма, нанесла капитализму смертельную рану, от которой он уже не смог оправиться. Она создала мощную базу для революционного движения во всем мире.

Октябрьская революция сорвала реформистские путы с идеологии рабочего класса. Она родилась и окрепла под флагом идеи диктатуры пролетариата; она является величайшим триумфом теории марксизма-ленинизма.

Великая Октябрьская социалистическая революция — событие величайшего значения также и в истории эстонского народа.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила в Эстонии политическую власть буржуазии и помещиков, передала всю власть трудящимся.

Октябрьская революция отобрала у капиталистов фабрики и заводы и передала их рабочему классу, осуществила 8-часовой рабочий день, ликвидировала эксплуатацию рабочего класса.

Октябрьская революция уничтожила экономическое господство баронов, которые столетиями угнетали эстонский народ, и передала землю трудовому крестьянству, аннулировала долги крестьянства помещикам, освободила крестьян от арендных платежей и ежегодных расходов на покупку земли.

Октябрьская революция ввела преподавание в школах и делопроизводство в учреждениях на родном языке. Она создала небывало благоприятные условия для развития эстонской национальной культуры.

Октябрьская революция создала — впервые в истории — эстонскую национальную государственность.

Благодаря Великой Октябрьской социалистической революции эстонский народ, освободившись от социального и национального гнета, стал хозяином своей судьбы.

Глава XI

ЭСТОНИЯ В ПЕРИОД ИНОСТРАННОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

(февраль 1918 — февраль 1920)

§ 1. ВООРУЖЕННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ ГЕРМАНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ

С первых же дней победы Октябрьской революции большевистская партия и Советское правительство развернули борьбу за прекращение империалистической войны, за мир между народами. Первым декретом Советской власти был декрет о мире. Советское правительство сделало всем воюющим странам предложение начать немедленно переговоры о мире. Но державы Антанты отказались от переговоров.

Переговоры Советской России с Германией и Австро-Венгрией начались 3 декабря 1917 года в Брест-Литовске. 5 декабря было подписано соглашение о временном прекращении военных действий. Германские империалисты предъявили Советской стране требование, чтобы государственная граница проходила по линии фронта. Условия мира были тяжелые, но их нужно было принять, чтобы получить передышку, укрепить Советскую власть и создать Красную Армию. Обосновывая необходимость заключения мира, В. И. Ленин на заседании Центрального Комитета 24 января 1918 года сказал, что, подписывая мир, «мы сохраняем социалистическую Эстляндскую республику и даем возможность окрепнуть нашим завоеваниям ... Если немцы начнут наступать, то мы будем вынуждены подписать всякий мир, а тогда, конечно, он будет худшим» [1].

Однако Троцкий, будучи председателем советской делегации, в ответ на ультимативные предложения немцев заявил, что Советское правительство мир не подпишет, но войну прекратит и армию демобилизует. Командование немецкой армии воспользовалось этим заявлением, нарушило условия перемирия и начало 18 февраля 1918 года наступление по всему фрон-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 36, стр. 429.

ту от Балтийского до Черного моря. Войскам кайзера Вильгельма удалось захватить огромную территорию. В частности, они вторглись на территорию Советской Эстонии и стали угрожать Петрограду.

Оккупация Советской Эстонии. Эстонская националистическая буржуазия связала все свои политические расчеты с иностранной интервенцией. Она еще в январе 1918 года послала тайно в Стокгольм «иностранную миссию» во главе с Я. Тыниссоном; последний представил германскому послу в Стокгольме докладную записку, адресованную германскому правительству, в которой излагалось ходатайство о немедленной оккупации Эстонии германскими войсками. В феврале в Берлин прибыла делегация партии эстонских «серых баронов» — «Маалийта», с тем чтобы просить у министерства иностранных дел и главного командования Германии «срочной помощи против Красной гвардии». Одновременно командир 1-го Эстонского полка, по заданию К. Пятса и И. Лайдонера, вступил в связь непосредственно с командованием германских войск, направив в немецкий штаб в городе Куресааре своих специальных уполномоченных для согласования планов и получения инструкций. По указке германского командования и лидеров эстонских буржуазных националистов офицеры расположенной в Хаапсалу эстонской воинской части подняли мятеж: арестовали полкового комиссара и ряд руководящих советских работников, окружили и разоружили отступавший с острова Вормси батальон морской пехоты. Тем самым немцам был открыт фронт. В результате этого предательства наступающие с острова Сааремаа германские части, которые по первоначальному плану германского командования должны были идти на соединение с войсками, наступавшими с юга, были брошены прямо на Таллин.

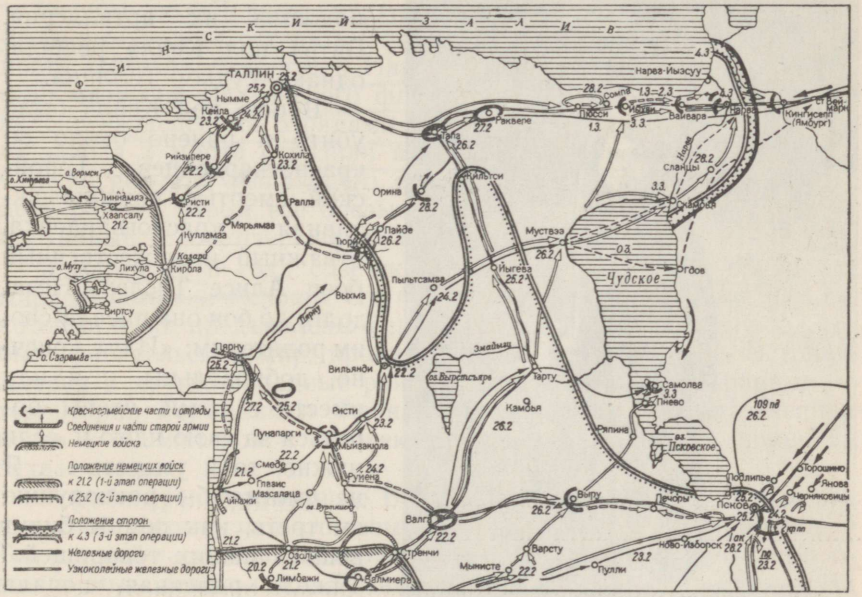
Чтобы сорвать оборону Эстонии против интервентов, буржуазные националисты, по сговору с немецкими захватчиками, выступили против Советской власти и в ряде других мест (Таллин, Тарту, Раквере, Пайде). Силы мятежников были ничтожны, но, действуя в контакте с наступающим внешним врагом и по его заданиям, они сумели все же нанести вред организации обороны Эстонии. Члены буржуазно-националистических подпольных групп занимались шпионажем в пользу немцев, совершали нападения на красногвардейцев и революционных матросов, убивали из-за угла советских активистов, совершали диверсионные акты, захватывали отдельные важные для обороны объекты. Так, например, по заданию контрреволюционных лидеров разогнанного рабочими в ноябре 1917 года Губернского земского совета («маапяэва») было взорвано полотно железной дороги к востоку от Таллина, чтобы задержать направляющийся в город эшелон революционных матросов.

Лидеры националистической буржуазии призывали население не противодействовать внешнему врагу. Чтобы сбить население

с толку и скрыть свою роль пособников внешнего врага, члены совета старейшин «маапяэва» выступили 24 февраля с манифестом о «независимости Эстонии». В манифесте декларировался «полный политический нейтралитет» по отношению к «наступающим с запада победоносным немецким войскам».

Все эти предательские действия буржуазных националистов ускорили оккупацию Эстонии немцами.

Оборону Эстонии против немецких интервентов и их буржуазно-националистических пособников возглавили большевики.


Красногвардейские части и отряды
Соединения и части старой армии
Немецкие войска
Положение немецких войск
к 21.2 (1-й этап операции)
к 25.2 (2-й этап операции)
Положение сторон
к 4.3 (3-й этап операции)
Железные дороги
Узкоколейные железные дороги
Чудское
Таллин
Нарва-Йыэсуу
Кейла
Нымме
Рийзипере
Кохила
Ринне
Ринд
Ранквере
Оринк
Ряпла
Пайде
Муствэ
Выхма
Пылтсамаа
Йыгева
Тарту
Вильянди
Ристи
Пунапаргн
Мыйзакюла
Смерд
Пярну
Валга
Выпту
Варсту
Мынисте
Пуллн
Лимбажи
Псков
Гдов
Сланцы
Кингисепп
Ямбург
Ивангород
Нарва
Йыхви
Кохтла
Раквере
Тапа
Пайде
Тюри
Кейла-Йоа
Кивиыли
Кунда
Раквере
Ахтме
Вайвара
Сомпа
Поосе
Ханике
Ямм
Сланцы
Муствэ
Йыгева
Тарту
Выхма
Пылтсамаа
Вильянди
Ристи
Пунапаргн
Мыйзакюла
Смерд
Пярну
Валга
Выпту
Варсту
Мынисте
Пуллн
Лимбажи
Псков
Гдов
Сланцы
Кингисепп

на то, что большая часть красногвардейцев участвовала в боях впервые, имела слабую военную подготовку и недостаточное вооружение, они мужественно сражались и нанесли вооруженным до зубов немецким войскам первый контрудар. Неравный бой продолжался несколько часов, и только под вечер германским регулярным войскам удалось прорвать оборону. Упорное сопротивление красногвардейцев задержало продвижение оккупантов. Понеся потери, интервенты не рискнули продолжать наступление, пока не подошла их артиллерия. Битва под Кейла решила, однако, судьбу Таллина.

А. Тислер.

В бою под Кейла было убито и ранено около 50 красногвардейцев. Геройской смертью погибла активная красногвардейка, отважный и мужественный боец Алисе Тислер. Незадолго до боя она писала своим родителям: «Идут, конечно, добровольцы, и я иду вместе с ними, чтобы бороться за свою идею и, если нужно, то и умереть ... Я не смогла бы равнодушно смотреть, как немцы будут вешать наших товарищей». Тяжело раненная, попала она в руки немецких захватчиков и была зверски заколота штыками.

В тот же день произошло и сражение под Псковом, принесшее успех революционным солдатам и красногвардейцам. 23 февраля, день боев под Псковом и Кейла — первых наиболее крупных боев за свободу и независимость социалистического отечества, — отмечается в нашей стране как день Советских вооруженных сил.

Немецкие части, наступавшие с юга, заняли Валга и двинулись дальше на север. На подступах к Тапа им было нанесено несколько контрударов. У имения Орина недалеко от Пайде красногвардейский отряд отбил атаку противника и лишь после прибытия крупного немецкого подкрепления был вынужден отойти. Несмотря на слабую военную подготовку и крайне недостаточное

вооружение, эстонские красногвардейские отряды оказали немецким оккупантам упорное сопротивление также в Йыгева, Кильтси и в ряде других мест.

Ожесточенные бои произошли в Вирумаа, особенно на подступах к Нарве. 25—26 февраля на этот фронт стали прибывать боевые отряды петроградских рабочих и балтийских моряков. 28 февраля немецкие авангарды были выбиты из Сомпа. Продвижение противника временно приостановилось, но 1 марта их войска (несколько тысяч штыков при поддержке многочисленной артиллерии) возобновили наступление. Отряды Красной гвардии были вынуждены оставить Сомпа и Йыхви и отступить в окрестности Вайвара. 2 марта в Нарву прибыло значительное количество матросов Балтийского флота, которые вместе с эстонскими красногвардейскими отрядами и красногвардейцами Путиловского завода 3 марта отразили новое наступление немецких войск. Однако сил для решающего отпора не хватало. На следующий день ранним утром все боевые отряды Красной Армии, а также партийный и советский актив покинули город.

3 марта 1918 года советская делегация в Бресте подписала мирный договор. Условия его были еще более тяжелыми, чем те, которые были предъявлены Германией в начале переговоров. Это был грабительский мир, продиктованный грубой силой. Эстония, Латвия и другие западные районы Советской страны, равные по территории Германии и Франции вместе взятым, с населением почти в 40 миллионов человек, подпадали под власть немецких захватчиков.

Корабли революционного Балтийского флота совершили в эти дни свой героический «ледовый поход». 25 февраля стоявшие в Таллинской гавани корабли во главе с крейсером «Рюрик», сопровождаемые ледоколом «Ермак», направились в Хельсинки. На кораблях было много эстонских партийных и советских работников, а также красногвардейцев. Корабли, вышедшие из Таллина, соединились с кораблями, находившимися в Хельсинки, и через замерзший залив, отбивая атаки германского флота, под огнем финских батарей, начали пробиваться в Кронштадт. К 24 апреля в Кронштадте собралось 211 кораблей, проделавших этот трудный переход.

«Ледовый поход» кораблей Балтийского флота явился первой стратегической операцией советского флота, сорвавшей планы империалистической Германии и финских белогвардейцев. Балтийские матросы, эстонские и финские революционеры спасли флот, что оказало большое влияние на дальнейший ход гражданской войны.

Эстония под игом оккупации. В разгар наступления немецких войск совет старейшин контрреволюционного Губернского земского совета создал «комитет спасения» из трех человек, который образовал «временное правительство Эстонии» во главе с К. Пятсом. Однако «правительство» не успело ничего

предпринять, кроме приготовлений к торжественной встрече кайзеровских войск; не только население, но и даже некоторые назначенные заочно «министры» ничего не знали о новом «правительстве», о составе которого было объявлено утром 25 февраля. Через несколько часов в Таллин вступили немецкие части. К. Пятс униженно ждал распоряжений в приемной командующего оккупационными войсками.

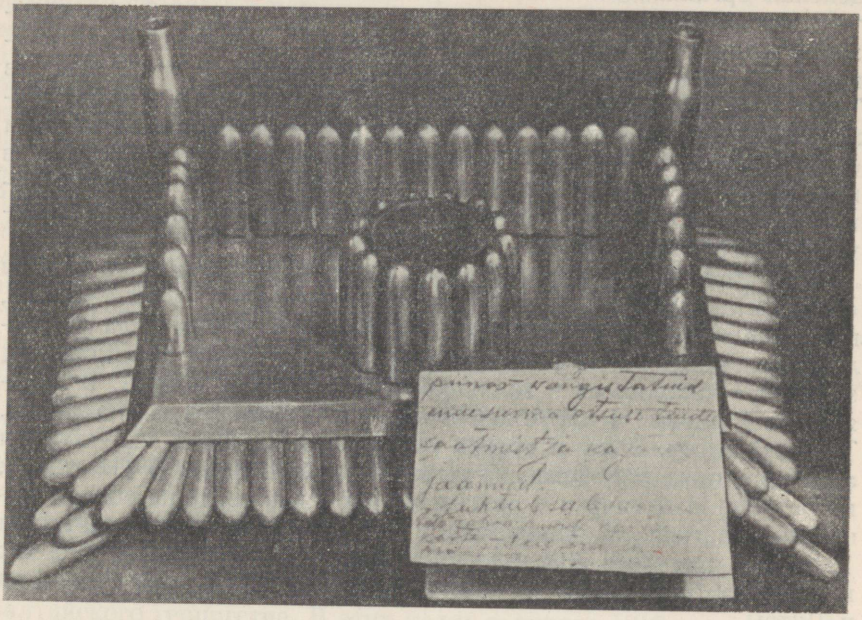
Попав, наконец, через несколько дней на официальный прием к генералу Зекендорфу, К. Пятс заявил: «... Мы рады тому, что намерение Вашего Превосходительства ... полностью отвечает нашим стремлениям, в связи с чем мы готовы оказывать военным властям всяческое содействие». Однако немецкое командование резонно полагало, что обойдется и без помощи столь бутафорского, лишенного всякой реальной власти и влияния «правительства». Немецкое командование согласилось лишь на то, чтобы использовать расформированные им эстонские национальные части в качестве полицейских сил, которые должны были действовать под руководством оккупационных властей.

«Трудовой народ будет вечно помнить это подлое предательство, которое стремились прикрыть фиговым листком «независимости», — писал год спустя в воззвании к трудящимся Эстляндский Центральный Комитет Коммунистической партии. — Свою нейтральность буржуазия провозгласила по отношению к наступавшим немецким войскам, которые пришли для установления власти баронов. А в то же время кровавые собаки буржуазии набросились в Таллине, Нарве, Тарту, Выру и по всей стране на рабочих и безземельных крестьян, заполняя тюрьмы трудящимися, убивая и вешая «ненавистных красных».

К 4 марта 1918 года войска немецких империалистов оккупировали всю Эстонию. Советские органы управления были полностью разгромлены. Высшим органом власти стала немецкая военная администрация, исполнительные органы на местах создавались оккупантами из прибалтийских баронов. В стране был установлен оккупационный режим, державшийся на военной силе и терроре. Эстонские буржуазные националисты ревностно помогали оккупантам. По всей Эстонии расстреливали и вешали советских людей. В Валга, Раквере и других местах тела повешенных висели по нескольку дней. В Тарту в первые дни оккупации было убито около 150 человек. Людей расстреливали на льду реки Эмайыги и тела их спускали в прорубь. В Выру, Тапа, Пыльтсамаа и многих других пунктах немецкие оккупанты сообща с местными помещиками, пасторами и кулацко-националистическими шайками чинили жестокую расправу над рабочими и крестьянами, пытая, расстреливая и вешая советских активистов и сочувствующих советской власти людей. 8 марта были повешены после пытки председатель Вырумаского Совета Ф. Лээген, члены Совета К. Кальмус и О. Лээген; члены Совета А. Сээдер и О. Турб были расстреляны. Стены домов пестрели приказами ок-

купационных властей, угрожавшими смертной казнью за малейшее нарушение «порядка».

Оккупанты полностью восстановили помещичье землевладение и все привилегии баронов. В имениях были введены телесные наказания. Батраки имения Каркси, оказавшие оккупантам сопротивление, были расстреляны на месте. Озлобленные бароны



Чернильница, принадлежавшая семье Лээгенов.

Между ее двойным дном в 1946 году было обнаружено письмо следующего содержания: «Убийцами депутатов трудящихся Выруского уезда Фрид. Лээгена, Оскара Лээгена, Кристьяна Кальмуса, Арнольда Сээдера и Оскара Турба были: фон Самсон, Шульц, фон Клазенапп, торг. Мыттус с сыновьями, набросивший петлю на шею, пастор Хольманн, Анисов, управляющий имением Нурси, по решению которого был убит Турб. Основную роль играл Самсон, который кроме всего прочего пытал заключенных, как приговоренных к смерти, так и других. Если этот листок попадет в руки защитников интересов трудящихся, то не забудьте, что пролитая кровь требует отмщения».

и кулаки, добившись восстановления своих «прав», жестоко издевались над арендаторами и батраками.

Делопроизводство в учреждениях было переведено на немецкий язык. В начальных школах уже с первого класса обучению немецкому языку отводилось большое количество часов в неделю. В гимназиях и Тартуском университете преподавание велось исключительно на немецком языке. Прежние судебные учреждения были ликвидированы и заменены военно-полицейскими судами, где допрос обвиняемых не являлся обязательным. Решения суда

можно было обжаловать только с согласия уездного начальника — немецкого офицера.

Уже в первые дни оккупации эстонские национальные воинские части были расформированы. Рядовой их состав был «ненадежным». Из прибалтийских баронов и эстонских буржуазных националистов была создана вооруженная террористическая полицейская организация «Бюргервер» («Омакайтсе» — «Самозащита»), которая верой и правдой служила оккупантам. Эта организация прибалтийских баронов и эстонской буржуазии была прямой преемницей бюргервера, организованного в 1905 году в Тарту прибалтийскими баронами и представителем эстонской буржуазии Я. Тыниссоном. Теперь бюргервер возродился уже при более широком участии эстонской буржуазии. Он находился в полном распоряжении немецкой военной администрации и выполнял все распоряжения городских комендантов и начальника немецкой военной полиции.

У трудового народа Эстонии во время оккупации были отняты самые элементарные права, все его организации были закрыты, наиболее активная и боеспособная часть трудящихся была истреблена или арестована. В первые месяцы оккупации в таллинском элеваторе находилось в заключении около 1000 человек. В вильяндиской тюрьме в марте насчитывалось около 250 заключенных. Тюрьмы Тарту, Выру и других городов также были переполнены арестованными рабочими и крестьянами-бедняками. В Пяэскюла, на острове Найссаар и в других местах были созданы концентрационные лагери. В одном лишь концлагере в Пяэскюла летом 1918 года томилось 700 человек. Кроме того, множество рабочих и крестьян были высланы в концлагери на территории Германии и Литвы.

Экономическое положение было очень тяжелым. Больше всего пострадали от немецкой оккупации крупные предприятия, и в первую очередь — тех отраслей промышленности, рабочие которых играли ведущую и решающую роль в рабочем движении Эстонии. Численность рабочих сократилась в металлообрабатывающей промышленности на 90 процентов, в деревообделочной — на 71 процент, в хлопчатобумажной — на 71, в бумажной на — 64, в шерстяной, льняной и пеньковой промышленности — на 43 процента. Больше всего — на девять десятых — сократилось число рабочих в крупнейшем промышленном центре — Таллине. Особенно сильно пострадали таллинские судостроительные заводы, завод «Вольта» и другие машиностроительные предприятия. Вплоть до лета бездействовали бумажные фабрики и фабрика Лютера. На тех немногих предприятиях, на которых работа продолжалась (например, текстильных) и которые выполняли заказы германской армии, рабочий день был увеличен до 14—15 часов, а заработная плата рабочих была сильно урезана. «Ненадежных» рабочих увольняли.

Оккупанты выжимали из Эстонии все, что возможно. Только

из Таллина с февраля по июль было вывезено в виде «трофеев» кож, цветных металлов, леса, жиров, железа и т. д. на 40 миллионов марок. С каждым днем увеличивались реквизиции. Все запасы продовольствия были взяты на учет и свободная торговля ими была запрещена. В крестьянских хозяйствах часто проводились обыски; крестьянам приходилось прятать свое зерно в подвалы, на чердаки, закапывать его в землю. По деревням рыскали немецкие солдаты в поисках продуктов, особенно сала и яиц. Во многих местах весной был прекращен сев и у крестьян отнята значительная часть семенного зерна. Кое-где крестьяне, опасаясь остаться без семян, проводили сев в ночное время. В июле была проведена очередная реквизиция зерна. Только в северной Эстонии в течение полугода, по данным самих немцев, у крестьян был реквизирован 168 271 пуд мяса, в короткое время было вывезено 3,6 миллиона пудов картофеля. По неполным данным, с июня по октябрь из Эстонии было вывезено более полумиллиона пудов масла и молочных продуктов и один миллион яиц. Реквизированные продукты и имущество отправлялись в Германию, По подсчетам буржуазных экономистов, общий ущерб, нанесенный оккупационными войсками и властями экономике Эстонии, составлял 193 миллиона золотых рублей.

Положение трудящихся стало невыносимым. Начался голод. Усиливая репрессии и ограбление трудящихся, оккупанты в то же время подготовляли колонизацию Эстонии выходцами из Германии.

Немецкие империалисты при поддержке прибалтийских баронов и небольшой части эстонских кулаков хотели присоединить Эстонию и Латвию к Германии путем создания так называемого Балтийского герцогства. В этих целях в апреле 1918 года оккупационными властями был созван «объединенный ландесрат Лифляндии, Эстляндии, города Риги и острова Эзель» в составе 58 человек, из которых 34 были местные немецкие помещики, а остальные — известные германофилы из числа волостных старшин, эстонской и латышской буржуазии и духовенства. Несмотря на то, что часть эстонских волостных старшин заявила письменный протест, ландесрат принял решение об отделении Прибалтики от России и создании Балтийского герцогства, которое должно было быть связано персональной унией с Германской империей. В осуществление этого плана в начале ноября в Риге был образован «регентский совет» во главе с бароном фон Пиларом. В этот совет вошли и два представителя эстонской буржуазии.

Решение ландесрата об образовании Балтийского герцогства вызвало возмущение широких масс трудящихся Эстонии и Латвии. Советское правительство в своей ноте от 26 мая 1918 года указывало, что дворянство Лифляндии и Эстляндии никоим образом не имеет права говорить от имени жителей Эстонии и Латвии, ибо «тысячи граждан городских и сельских округов Эстлян-

дии и Лифляндии открыто протестуют против подобного искусственного и насильственного отторжения этих областей от России».

В первой половине 1918 года в руках германских империалистов оказалась огромная территория. На западе кайзеровские войска стояли под Парижем, на востоке они вышли на линию Нарва—Могилев—Лихая—Ростов.

В этих условиях эстонская буржуазия делала ставку на победу германского империализма. В резолюции, принятой на съезде аграрной партии в мае 1918 года, признавалось необходимым сотрудничать с германским командованием и «для защиты обоюдных интересов установить контакт».

Некоторые другие представители буржуазии, учитывая настроения масс и возможные в будущем внешнеполитические осложнения, боялись дискредитировать себя открытым сотрудничеством с оккупантами, тем более, что оккупационные власти ориентировались на прибалтийских помещиков и мало считались с интересами эстонской буржуазии. Ряд буржуазных деятелей, в том числе и некоторые члены аграрной партии во главе с Пятсом, чтобы добиться от немцев небольших уступок, подвергал известной критике «крайности» политики оккупантов, в частности, создание Балтийского герцогства. Оккупанты, однако, не были намерены идти ни на какие уступки. Летом и осенью 1918 года они даже арестовали на короткий срок К. Пятса и некоторых других буржуазных деятелей.

Осенью, когда политическое и военное положение Германии резко ухудшилось, когда фактически стало ясно, что Германия проиграла войну, эстонская буржуазия начала искать сотрудничества с Антантой и рекламировать свою «антинемецкую ориентацию».

§ 2. ПОДГОТОВКА К ОСВОБОЖДЕНИЮ ЭСТОНИИ

Начало вооруженной интервенции Антанты против Советской России. Советская республика, воспользовавшись передышкой, которую дал Брестский мир, создала Красную Армию и приступила к мирному социалистическому строительству. Уже тогда Ленин составил план обширных работ приступа к построению социализма в нашей стране.

Закрепление в РСФСР побед Октябрьской революции и успехи Советской власти воодушевляли на борьбу за восстановление Советской власти и те народы России, которые изнывали еще под гнетом немецкой оккупации, вселяли в них веру в свои силы и надежду на скорую победу.

Однако иностранные империалисты не хотели мириться с фактом существования Советского государства, так как это революционизировало международный пролетариат и указывало угнетенным и эксплуатируемым массам всего мира путь к освобож-

дению. Империалисты не могли и не хотели мириться и с тем, что Советское государство аннулировало все внешние займы, национализировало банки и промышленность, лишив тем самым иностранные монополии огромных доходов.

Иностранные империалисты действовали в тесном единстве с белогвардейскими и другими контрреволюционными силами внутри России, стремившимися с помощью интервентов вернуть себе власть. Таким образом, в первой половине 1918 года в борьбе против Советской власти объединились две силы: иностранный империализм и внутренняя контрреволюция, которые навязали молодому Советскому государству тяжелую и длительную гражданскую войну.

Эстонская буржуазия играла роль послушного вассала империалистических держав в осуществлении их интервенционистской политики, направленной против Страны Советов. Участие эстонской буржуазии в подготовке интервенции фактически началось сразу же после победы Октябрьской революции, когда трудящиеся Эстонии стали хозяевами своей страны. В начале 1918 года Лайдонер организовал шпионаж в эстонских частях Красной Армии, вступил в связь с английским дипломатическим представителем в Вологде и английской военной миссией в Кандалакше, посылал эстонских белогвардейских офицеров в войска интервентов, высадившихся на севере России. Осенью 1918 года при французском интервенционистском отряде в Архангельске был создан «эстонский легион» в составе 200 человек, одетых в форму французских колониальных войск.

Эстонские буржуазные националисты продавали Эстонию в одно и то же время английским, американским и германским империалистам. Все эти контрреволюционные действия поддерживали эстонские социал-демократы (соцы).

Деятельность эстонских большевиков в Советской России. Центральный Комитет партии и Советское правительство провели большую работу по привлечению трудящихся нерусской национальности к социалистическому строительству и обороне страны. Этой работой руководили соответствующие национальные секции РКП(б) и отделы Народного Комиссариата по делам национальностей. Были образованы и эстонские секции РКП(б) и избрано их бюро. Последнее руководило партийно-политической работой среди эстонцев — как эвакуировавшихся из Эстонии, так и ранее проживавших в Советской России. Оно оказывало содействие военным органам в направлении эстонцев в Красную Армию и занималось вопросами экономического и культурного строительства в тылу. В задачи Бюро эстонских секций РКП(б) входило также установление связей с подпольной партийной организацией на оккупированной территории Эстонии.

При Народном Комиссариате по делам национальностей был создан Эстонский отдел во главе с Х. Пегельманом. Этот отдел

проводил большую работу среди эстонцев в Петрограде, в Сибири, Поволжье и на Кавказе, издавал эстонскую газету «Тёэлине» («Рабочий»), политические брошюры, листовки и воззвания. Тайно их пересылали для распространения в оккупированную Эстонию. Было продолжено издание выходившего в Таллине журнала «Ээсти Кооль» («Эстонская школа»). Отдел создал в Петрограде и его окрестностях, где имелось значительное количество эстонцев, более 25 школ. Под руководством отдела в Петрограде работал также Рабочий университет, насчитывавший более 100 слушателей. В Кронштадте и Ямбурге функционировали курсы, являвшиеся отделениями университета.

При Эстонском отделе Народного Комиссариата по делам национальностей действовал также Эстонский совет пролеткульта, который направлял своих инструкторов в разные районы России.

Издательство эстонских секций РКП(б) выпустило в Петрограде брошюры Х. Пегельмана — «Будущность Эстонии» и «Что за это время произошло». В них Х. Пегельман показывал, что планы отрыва Эстонии от России инспирированы немецкими империалистами и преследуют цель создать благоприятные условия для иностранного вмешательства. В Петрограде вышла в свет также брошюра В. Кингисеппа «Кому независимость, кому иго». В. Кингисепп, разоблачая приспешников немецких оккупантов — буржуазных националистов, показал, что они являются не менее опасными врагами трудового народа Эстонии, чем прибалтийские немецкие бароны.

В. Кингисепп, избранный на IV Всероссийском съезде Советов членом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК), работал в то время в Москве, сначала следователем Верховного трибунала, затем во Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Параллельно он вел политическую и организационную работу среди эвакуированных эстонцев и принимал активное участие в руководстве борьбой трудящихся в оккупированных районах.

Эстонские секции РКП(б) и Эстонский отдел Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР вели энергичную работу по организации эстонских коммунистических полков. 13 марта в Петрограде из состава 1-го корпуса Красной Армии был выделен коммунистический военный отряд, куда вошли советские и партийные активисты и красногвардейцы, эвакуировавшиеся на кораблях из Таллина. Через несколько дней отряд был переформирован и стал именоваться Отдельным Таллинским эстонским коммунистическим батальоном (позднее преобразован в 1-й Таллинский коммунистический стрелковый полк). Ядро батальона составили таллинские рабочие, 80 процентов его бойцов были коммунисты. Батальону была поручена охрана Смольного. Он участвовал также в подавлении ряда контрреволюционных выступлений и заговоров. В мае месяце в батальоне числилось уже

одоло 1000 человек, он успешно сражался на Уральском фронте. За мужество и храбрость, проявленные в боях против белых, Уральский комитет партии наградил эстонскую воинскую часть почетным красным знаменем. Вторым красным знаменем Таллинский полк был награжден Советом I городского района Петрограда.

В конце мая завершилось формирование Тартуско-Ямбургского полка, позднее преобразованного в 3-й Тартуский эстонский коммунистический стрелковый полк. Его основу составили сводный тартуско-путиловский и раквереские партизанские отряды, которые уже в конце февраля принимали участие в боях против немецких оккупантов в районе Раквере, Йыхви и Нарвы. В августе этот полк подавил кулацкий мятеж в районе Ямбурга—Гатчины, а затем был направлен на Архангельский фронт, где сражался против иностранных интервентов. За мужество и героизм, проявленные здесь в борьбе с интервентами, Тартуский полк получил от рабочих Путиловского завода почетное красное знамя. В ноябре полк насчитывал в своих рядах 1250 бойцов.

В сентябре—октябре началось создание 2-го Вильяндиского эстонского коммунистического стрелкового полка. Он был сформирован главным образом из эстонцев, живших в Петрограде и его окрестностях, а также из эстонской молодежи, бежавшей с оккупированной немцами территории. В ноябре полк насчитывал 730 человек. Летом и осенью были созданы дивизион легкой артиллерии, батарея тяжелой артиллерии и несколько других подразделений. На Уральском фронте был сформирован эстонский кавалерийский эскадрон, выросший впоследствии в Красный эстонский кавалерийский полк.

В эстонские коммунистические полки принимались в основном коммунисты, беспартийные могли быть зачислены только по рекомендации членов партии. Формирование этих воинских частей происходило на началах добровольности, их ряды состояли из беззаветно преданных делу революции сынов эстонского трудового народа.

Курсы командиров Красной Армии прошли видные партийные деятели Я. Анвельт, Я. Сихвер, Р. Вакман и другие.

Рабочие и крестьяне Эстонии, сражавшиеся в рядах Красной Армии против иностранных интервентов и русских белогвардейцев, внесли свой вклад в дело защиты Советской власти в России. В этой борьбе эстонские красные воины видели также и борьбу за Советскую Эстонию. Во время проводов 2-го батальона 1-го Таллинского стрелкового полка на Восточный фронт Совет воинов эстонских стрелковых частей обратился к эстонским трудящимся с воззванием, в котором говорилось: «Эстонские рабочие и безземельные являются коммунистическими воинами. У них единый фронт — они борются за уничтожение капиталистического строя. Они помогают смести с лица земли врагов российского пролетариата. Мы убеждены, что земля великого социалистиче-

ского отечества будет очищена от врагов трудящихся. И враги эстонского трудового народа также понесут заслуженную ими кару... До свидания — на площади Таллинского Вышгорода!»

Борьба трудящихся Эстонии за изгнание немецких оккупантов. Несмотря на то, что оккупация нанесла сильный урон пролетариату Эстонии, уже в марте в подполье стали восстанавливаться организации большевиков. Рабочие-коммунисты Р. Эйге, Ю. Типпо, М. Петеркоп, К. Тийтсен и

Первые выпускники курсов командиров эстонских коммунистических полков. В середине (×) Я. Анвельт.

др. организовали новые группы и возродили Таллинский комитет. Вскоре стал выходить нелегальный орган компартии газета «Коммунист» (ее первые номера были напечатаны вне пределов Эстонии и доставлены сюда нелегальным путем). Газета призывала народные массы сплотить свои ряды и начать решительную борьбу против оккупантов и их пособников — буржуазных националистов, за восстановление Советской власти. Под руководством представителя Таллинского комитета партии в конце апреля была восстановлена партийно-организационная работа в Нарве и создан местный руководящий центр.

К 1 Мая Таллинский комитет выпустил листовку с призывом начать в честь международного праздника пролетариата всеобщую стачку. Несмотря на облавы, проведенные оккупационными войсками и полицией, 1 мая почти все фабрики в Таллине не работали. В других крупных центрах эстонские большевики также поднимали трудящихся на борьбу против оккупантов. Находясь в глубоком подполье, большевики установили тесную связь с рабо-

чими всех наиболее крупных предприятий, проводили революционную работу и среди оккупационных войск. В июне в Таллине была успешно проведена политическая стачка печатников, а в Нарве стачка рабочих Кренгольма. Таллинский комитет руководил всеобщей забастовкой 12—14 сентября, в которой принимали участие почти все рабочие города. Передовые немецкие солдаты и матросы под влиянием революционного движения отказывались подавлять забастовки. Они приветствовали забастовщиков возгласами на эстонском языке: «Привет, товарищи!». Оккупационные власти, увидев, что они не могут более полагаться на свои войска, направили против рабочих полицию с броневиками и пулеметами.

Под руководством таллинских коммунистов рабочих-металлистов М. Ликеметса, И. Куппара, Ю. Шютца в короткий срок почти во всех городах, в местечках, а также во многих сельских районах были созданы новые партийные организации.

К осени 1918 года подпольная партийная организация в Эстонии еще более укрепила свои ряды. Если весной она насчитывала не более 200 коммунистов, то в сентябре это число было во много раз больше. Увеличилось и число революционных рабочих-активистов, выполнявших под руководством партии ответственные задания. В октябре работали направленные Таллинским комитетом партии ответственные организаторы в Тарту, Нарве, Валга, Хаапсалу, Пярну, Вильянди и других местах. Активизировалась партийная работа в организациях Рапла, Райккюла, Тюри, Кунда, Азери, Мыйзакюла и др. Таллинский комитет провел ряд мероприятий по подготовке и проведению рабочих демонстраций и стачек, а также по усилению политической агитации как среди трудящихся, так и среди солдат оккупационной армии. В частности, в связи с первой годовщиной Октябрьской революции была выпущена на эстонском и немецком языках листовка с таким призывом: «Эстонские рабочие, немецкие солдаты и матросы! 7-е ноября — ваш праздник... Бросайте работу. Выходите на улицы с лозунгом: «Немецкий солдат и эстонский рабочий — братья!»

19 октября в Москве открылась первая конференция коммунистических организаций оккупированных областей. Конференцией руководил секретарь ЦК РКП(б), Председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Я. М. Свердлов. Представитель Эстонии сообщил на конференции, что в подпольную организацию Эстонии входят самые верные, опытные и активные товарищи, что население «в подавляющем большинстве на стороне нас, коммунистов. Городские рабочие и деревенские бедняки ждут не дождутся восстановления Советской власти».

Учитывая положение в оккупированных районах, конференция признала необходимым готовить вооруженное восстание, подчеркнув при этом, что всей подготовительной работой в этом направлении должны руководить местные партийные организации.

Конференция приняла обращение «К рабочим Финляндии, Латвии, Эстонии, Польши, Литвы и Белоруссии» с призывом немедленно начать борьбу за освобождение оккупированных территорий от иностранных поработителей.

Несмотря на репрессии и зверства немецких оккупантов и сотрудничавших с ними эстонских буржуазных националистов, революционное движение рабочих и крестьян Эстонии, под руководством большевиков, росло.

8 ноября рабочие всех крупных заводов и фабрик Таллина объявили забастовку и под красными знаменами с революционными песнями двинулись к Ратушной площади. Забастовка таллинских рабочих превратилась в массовую демонстрацию, направленную против германских оккупантов. 9 ноября на улицы вышел уже весь таллинский пролетариат. В городе происходили митинги и собрания трудящихся, которые требовали вывода оккупационных войск и передачи власти в руки народа. Рабочие-железнодорожники объявили забастовку, чтобы не допустить вывоза из Эстонии народного добра. С этой же целью рабочие таллинского порта, вооружившись, силой воспрепятствовали погрузочным работам.

Политические демонстрации и забастовки продолжались 4 дня, вплоть до 12 ноября.

Развертывалась борьба с оккупантами также и в Латвии, Польше, на Украине, в Финляндии.

§ 3. ЭСТЛЯНДСКАЯ ТРУДОВАЯ КОММУНА

Крах немецкой оккупации. 9 ноября 1918 года в Германии разразилась революция. Германия была вынуждена капитулировать. Среди расположенных в Эстонии оккупационных войск, особенно среди матросов, в это время также усилились революционные настроения. Была создана «Таллинская группа немецких воинов-коммунистов». Был образован Совет солдат и матросов Таллинского гарнизона, принявший решение не выступать против эстонских трудящихся.

Оккупационные власти поняли, что они будут не в силах задержать в Эстонии разложившиеся и уставшие от войны войска. Начавшаяся революция помешала проведению в жизнь и плана создания Балтийского герцогства. Для того, чтобы не допустить перехода власти в руки трудящихся Эстонии, немецкие оккупанты и прибалтийские бароны поставили 11 ноября у власти эстонское буржуазное временное правительство во главе с лидером аграрной партии Пятсом. 19 ноября в Риге был подписан акт, которым была оформлена передача власти немецкими оккупантами эстонским буржуазным националистам.

Первым внутриполитическим актом временного правительства было издание закона, согласно которому все без исключения рас-

поражения и постановления оккупационного времени сохраняли силу. Тем самым было, в частности, подтверждено восстановление помещичьего землевладения.

Эстонское буржуазное правительство, изолированное от народа и напуганное революционным подъемом в Эстонии, сознавало, что с уходом германских войск у него не окажется достаточной вооруженной силы, на которую оно могло бы опереться. Единственной его опорой являлась созданная во время оккупации военизированная организация «Омакайтсе» («Самозащита»), которая в спешном порядке была теперь переименована в «Кайтселийт» («Союз защиты»). Он и стал первым карательным органом диктатуры эстонской буржуазии, ее орудием борьбы против трудящихся. Но было очевидно, что удержаться на силе одного лишь кайтселийта буржуазии не удастся. И первым внешнеполитическим шагом ее правительства была адресованная к американским и английским империалистам просьба запретить германским оккупационным войскам уходить из Эстонии.

Уже начало деятельности временного правительства показало его открытую враждебность по отношению к рабочим и крестьянам, его полнейшую зависимость от иностранных империалистов.

Политическая обстановка в Эстонии. Опасаясь восстановления Советской власти в оккупированных районах после ухода оккупантов, империалисты Антанты включили в соглашение о перемирии с Германией пункт, согласно которому германские войска оставались на оккупированных ими территориях Советской страны, в том числе и на территории Советской Эстонии, чтобы подавить революционное движение трудящихся. Оставление германских оккупационных войск на эстонской территории было фактически началом открытой интервенции в Эстонии со стороны «союзников».

Революционные рабочие под руководством коммунистов повели решительную борьбу за восстановление Советской власти в Эстонии, за свержение власти эстонской буржуазии, пришедшей на смену немецким оккупантам. В тот же день, когда стало известно о создании буржуазного временного правительства, Таллинский комитет партии выпустил воззвание «К эстонскому трудовому народу». В воззвании давался анализ создавшегося положения, разоблачалась контрреволюционная сущность временного правительства, говорилось о той опасности, которая грозит эстонским трудящимся со стороны Антанты. Коммунисты призывали народ к решительной борьбе как против внешних, так и против внутренних врагов, к свержению буржуазии. «Новое правительство, — подчеркивалось в воззвании, — является правительством, созданным милостью Зекендорфа, Ллойд Джорджа и Вильсона. Лагерь Пятса, Поска, Тыниссона, Вильмса и Мартна заодно с лагерем балтийских баронов, Зекендорфа и англо-американских империалистов. Их связывают кровные узы капиталистической частной собственности. Невозможно бороться против

баронов и не бороться против Пятса — Мартна. Нельзя бороться против Пятса — Вильмса и... не бороться против англо-американских империалистов».

12 ноября рабочие Таллина вышли на улицы с революционным лозунгом: «Долой буржуазное правительство!» Они требовали отставки правительства, поставленного у власти немецкими оккупантами, и заявляли, что хотят стать хозяевами своей судьбы и потому доверяют только своему, рабочему правительству. Вооруженные отряды буржуазии вместе с оккупационными войсками генерала Зекендорфа выступили против демонстрации. На улицах были установлены пулеметы и пушки.

М. Коольмейстер.

Демонстрация таллинских рабочих явилась красноречивым свидетельством того, что наиболее сознательная часть эстонских трудящихся выступает против создания буржуазного государства и поддерживает Советскую власть. Это была демонстрация верности общей борьбе рабочих и крестьян России за Советскую власть. Через несколько дней состоялось собрание протеста рабочих Таллина, на котором рабочие по предложению М. Коольмейстера приняли резолюцию, в которой подчеркивалось, что «рабочие хотят сами быть хозяевами своей судьбы». Резолюция оканчивалась призывом: «Да здравствуют Советы трудящихся Эстонии!»

С 16 ноября в Таллине стала легально выходить газета «Коммунист», однако из-за преследований со стороны буржуазного правительства редакции газеты вскоре снова пришлось уйти в подполье. Под руководством В. Кингисеппа и Р. Вакмана, нелегально прибывших в Эстонию, в Таллине состоялась конференция эстонских организаций Коммунистической партии, имевшая значение съезда. На конференции был избран Центральный Комитет, в состав которого вошли В. Кингисепп, Р. Вакман, М. Ликеметс, Р. Венникас и Ю. Рястас.

Начались выборы в Таллинский Совет рабочих депутатов, которые закончились в основном 19 ноября. Большинство голосов получили большевики. Результаты выборов ярко отразили политическую настроенность масс — широкие слои трудящихся стремились к восстановлению Советской власти. На своем первом заседании 19 ноября Совет декларировал, что таллинские рабочие

вновь, после восьмимесячного перерыва, имеют возможность открыто выступить на арену политической борьбы. Председателем Совета был избран коммунист Р. Венникас. Отчет «Об обстановке и временном правительстве» сделал В. Кингисепп, выступивший на заседании Совета инкогнито. В. Кингисепп разоблачил контрреволюционную сущность буржуазного временного правительства и показал, что у трудящихся Эстонии не может быть ничего общего с этим правительством, кроме борьбы с ним. Трудовой народ, сказал В. Кингисепп, должен создать свое, советское правительство.

Р. Вакман.

В заявлении Таллинского Совета говорилось: «Таллинский Совет рабочих депутатов приветствует пролетариат России как могучий авангард всемирной социалистической революции, который, более года борясь в исключительно тяжелых условиях против империалистов всего мира, сумел отстоять свою свободу и обуздать свою буржуазию.

Пролетариат Эстонии все еще находится в тяжелых условиях... Крикуны и агенты буржуазного правительства заявляют, что из английских гаваней в Таллин скоро прибудут новые отряды усмирителей. Эстонская буржуазия предала нас иностранным насильникам. Эстонская буржуазия вступила в тесную связь с империалистами Англии и Америки. Трудовой же народ Эстонии протягивает братскую руку трудовому народу России для борьбы против общего врага за Эстонскую Советскую Республику».

По инициативе Совета рабочие восстановили на фабриках и заводах 8-часовой рабочий день.

Совет призвал таллинский пролетариат провести 20 ноября однодневную забастовку в знак протеста против нового созыва буржуазного Земского совета. В этой забастовке участвовало около 4000 рабочих.

Было ясно, что эстонское буржуазное правительство не сможет предотвратить восстановление Советской власти в Эстонии. Поэтому американские, английские и французские империалисты поспешили с отправкой в Эстонию вооружения и флота. В скандинавских странах и Финляндии началась вербовка наемников

для отправки в Эстонию. 12 декабря на таллинском рейде стала на якорь английская эскадра под командованием адмирала Синклера.

Трудовой народ Эстонии не хотел подпасть под гнет новой оккупации. 13 декабря состоялось заседание Таллинского комитета, где было принято решение организовать массовые политические демонстрации, забастовки, митинги, направленные против английских интервентов. На организованном Таллинским Советом 15 декабря в зале «Эстония» массовом митинге трудящихся была принята предложенная коммунистом Р. Вакманом резолюция, которая требовала отставки буржуазного временного правительства, немедленного вывода иностранных империалистических войск и передачи всей власти Советам рабочих депутатов. 17 декабря таллинские рабочие по призыву большевиков вышли на улицы с красными знаменами и лозунгами: «Долой интервентов!», «Вон англичан!»

Буржуазное правительство, ободренное приходом английского флота, отдало своим воинским частям приказ: открывать огонь по демонстрантам без предупреждения. На уличных перекрестках были установлены пулеметы. Портовые мастерские были окружены войсками. Были закрыты все рабочие организации. 18 декабря была запрещена деятельность Таллинского Совета рабочих депутатов. Начались аресты среди коммунистов, рабочих и сочувствующих им. Были введены военно-полевые суды.

Создание Эстляндской трудовой коммуны. В результате революции в Германии Советская страна получила возможность аннулировать грабительский Брестский мир и начать открытую политическую и военную борьбу за освобождение Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии, Украины и Закавказья от ига германского империализма. Советское правительство призвало трудящихся всех оккупированных областей вступить в братский союз с рабочими и крестьянами России и обязывалось оказывать трудящимся оккупированных областей всестороннюю помощь в их борьбе за восстановление власти народа. Бюро эстонских секций РКП(б) образовало Временный революционный комитет Эстонии.

В ответ на воззвание Таллинского Совета Советское правительство выделило вооруженные силы для совместной борьбы против иностранных империалистов — общего врага всех трудящихся. Для освобождения Эстонии были направлены прежде всего эстонские части Красной Армии.

Численность войск, готовившихся к наступлению на Нарвском фронте, составляла к 21 ноября 3000 человек (вместе с резервами). 22 ноября была предпринята разведка боем в районе Нарвы. Выяснилось, что к востоку от Нарвы создана густая сеть окопов, перед которыми проходят в два-три ряда проволочные заграждения, находящиеся под током высокого напряжения. Нарву

обороняли крупная немецкая военная группировка и отдельные части белоэстонцев (всего около 6000 человек).

Перед частями Красной Армии была поставлена задача освободить город. Главный удар должен был нанести Вильяндиский эстонский коммунистический стрелковый полк, которому надлежало форсировать реку Нарву и атаковать город с юга. Удар с востока должны были нанести Тартуский эстонский коммунистический стрелковый полк и другие части, а с севера — десантный отряд балтийских моряков.

Я. Анвельт.

26 ноября Вильяндиский полк начал из района устья Плюссы свой шестнадцатикилометровый поход по заболоченным лесам, обходя противника с тыла. Ранним утром 28 ноября передовые отряды полка вышли на подступы к Нарве, но на открытом поле попали под шквальный пулеметный и артиллерийский огонь противника. В бою полк потерял убитыми и ранеными свыше 100 бойцов. Погиб и член Совета воинов эстонских стрелковых частей Я. Сихвер. Однако своими действиями Вильяндиский полк помог фронтальной атаке основных сил. Тартуский полк и другие части Красной Армии после пятичасового сражения заняли к вечеру 28 ноября восточную часть города, а ночью перешли по остаткам взорванного немцами железнодорожного моста реку Нарву и ворвались в западную часть города. Большую помощь при освобождении Нарвы оказал высадившийся в Нарва-Йыэсуу десант эстонских красных моряков. Немцы были вынуждены в спешном порядке покинуть город. Наступление Красной Армии на Нарву поддерживали и кренгольмские рабочие.

К утру 29 ноября Нарва была полностью очищена от немецких и белоэстонских войск. Рабочие восторженно приветствовали красных воинов. На многих фабриках состоялись митинги.

В тот же день в Нарвской ратуше открылось заседание руководства эстонских секций РКП(б) и Временного революционного комитета Эстонии, на котором была провозглашена Эстонская Советская Республика (Эстляндская трудовая коммуна).

Председателем Совета (правительства) Эстляндской трудовой

коммуны был назначен Я. Анвельт, ему же поручалось руководство военным отделом. Руководство экономической деятельностью Коммуны было возложено на Х. Пегельмана. Управляющим делами правительства Коммуны был назначен И. Кясперт.

«Именем революционного трудового народа Эстонии и революционных эстонских красных войск, — говорилось в манифесте Совета коммуны, — правительство Коммуны . . . объявляет о вос-

Nr. 7.

Kõigi maade töölised, ühinegem!

Eesti Töörahwa Kommuuna Walitsuse Manifest.

Kõigele Eesti linna- ja maa töörahwale.

Rewolutsioonilise Eesti töörahwa, rewolutsioonilise Eesti punase sõjawäe nimel.

Eesti Töörahwa Kommuuna Walitsus tunnistab „Eesti asutise walitsuse" tühjaks ja kuulutab Eestis töörahwa nõukogude walitsuse uuesti jõusse.

Seltsilised töölised!

Nahwuswahelise proletaarlise rewolutsiooni käigus on silmapilk kätte jõudnud, kus Eesti töörahwas oma saatuse määramise enese kätte wõtab. Langewad ahelad, mis Saksa saagiahne imperialism ühes werejuuliste Balti parunite ja Eesti walgekaartlastega ta käte ümber needis, et teda tühjekese wabaduseja järele uuesti orjaikkesse suruda. Loppemas on see werepuhu, see laastamine, mida rahwa kurnajad ühekse kuu jooksul Eesti proletariaadi kallal toime panid.

Niipea, kui kontrrewolutsioonilised salgad Eestis on ära häwitatud ja kõigis maaosades töörahwa nõukogu asutatud, kutsub kommuuna walitsus töörahwa nõukogude kongressi kokku, et sellele oma tegewusest aruannet ette kanda ja kõike wõimu Eestis teina kätte anda.

Seltsilised töölised, maatainimesed, punased sõjawäelased, kõik töörahwas Eesti linnades, alewites, külades ja mõisates! Teie ise olete nüüd oma wabaduse ja hää käekäigu sepad! Ainult teie ise suudate nõukogude wabariiki Eestis kindlustada, töörahwa isamaa oma weriwaenlastest ära puhastada ja teda nende kallaletungimise eest kaitsta.

Kodanlus, kes hambaid kirstades meeletus wihas samm-sammult töörahwahulkade pilsitikkude eest taganema peab, et kaota weel wiimast lootust, et ta sälle oma õigused tagasi saab ja uuesti töörahwa turjale suudab ronida. Ta mõtleb weel sajandeid ja tuhandeid plaanid ja kawatsused wälja, et kommunistlist rewolutsiooni ära

Манифест Эстляндской трудовой коммуны.

становлении Эстонского Советского правительства трудового народа». Обращаясь к трудящимся города и деревни, Совет подчеркивал: «Вы сами являетесь теперь кузнецами своей свободы и своего благополучия. Только вы сами сможете укрепить Советскую республику в Эстонии, очистить родину трудового народа от его кровных врагов и защитить ее от их нападения».

Эстляндская трудовая коммуна аннулировала все постановления, законы, договоры и распоряжения оккупантов и буржуазного временного правительства. Все декреты, изданные Советским правительством до вторжения германских войск в Эстонию, снова вступили в действие. Трудящиеся Эстонии с воодушевлением приветствовали восстановление Советской власти.

22 ноября советские войска начали наступление также под Псковом и 25 ноября освободили его. Немецкие оккупанты и Северный корпус русских белогвардейцев в беспорядке отступали. Продвигаясь вперед, Красная Армия освободила Раквере, Выру и Валга. 15 декабря, при подходе советских войск в Валга, там вспыхнуло восстание трудящихся, но белогвардейцам удалось подавить его. 15 организаторов восстания были схвачены, загнаны в баню и заживо сожжены.

Упорное сопротивление контрреволюция пыталась оказать на подступах к Тарту, где наступал 49-й полк Красной Армии. Последний разбил полуторатысячный отряд прибалтийских немцев, а затем части эстонских и русских белогвардейцев. Освобождению Тарту способствовало также восстание, вспыхнувшее 20 декабря во 2-ом полку буржуазных войск. Когда части Красной Армии 22 декабря вошли в город, их встретили боевые отряды рабочих, уже восстановившие в Тарту Советскую власть.

Катастрофа белых в Тарту вызвала панику в лагере эстонской буржуазии и ободрила трудовой народ. Полковник эстонской буржуазной армии Соотс доносил из Вильянди, что положение здесь «ненадежное», что солдаты вверенных ему войск встречали бежавших из Тарту чиновников и офицеров насмешками и возгласами: «Заяц! Буржуй!»

Критическое для буржуазии положение сложилось и на других участках. 19 декабря начальник штаба Вируского (Нарвского) фронта сообщал в своем донесении Лайдонеру о массовом паническом отступлении войск на этом фронте: «Здесь солдаты просто бегут, и больше ничего. В бегство их обращают даже 3—4 большевика, и притом совершенно пассивных».

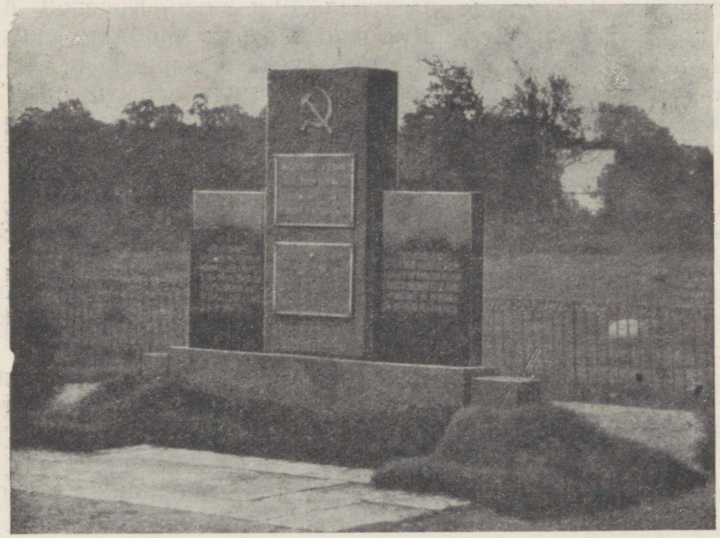
Нисколько не лучше обстояло дело и с боеспособностью кайтселийта. Так, 24 декабря командующий Вируским фронтом сообщал военному министру буржуазного правительства, что «кайтселийт ни в малейшей степени не отвечает своему назначению... Когда противник приближается на расстояние в 10—20 верст, весь кайтселийт пускается наутек... В вируском кайтселийте насчитывалось 2100 членов, сейчас же из них осталось всего тридцать человек, да и то лишь потому, что это школьники и находятся в отдельном вагоне при штабе».

С моря действия Красной Армии поддерживались Балтийским флотом, который сковывал действия английской эскадры и нанес ей серьезный урон. Немало вражеских судов подорвалось на минах: фортами было потоплено 4 английских крейсера, 2 миноносца, 3 катера, 3 тральщика, одна подводная лодка и сбито 2 самолета. Балтийский флот уничтожил, кроме того, один катер, один вооруженный пароход, один буксир и 2 самолета, принадлежавшие белогвардейцам.

26 декабря 1918 г. английским военно-морским силам удалось захватить в Таллинском заливе миноносец «Спартак» и на следующий день — миноносец «Автроил». Матросов, попавших в

плен (около 200 человек), отправили в концентрационный лагерь на остров Найссаар, где их истязали и морили голодом. 36 из них, в том числе несколько эстонцев, были зверски убиты эстонскими белогвардейцами (3 и 5 февраля 1919 года). Смертные приговоры палачи оформили задним числом.

К концу декабря части Красной Армии освободили большую часть территории Эстонии: уезды Вирумаа, Валгамаа, Вырумаа и Тартумаа — полностью, Вильяндимаа, Пярнумаа, Ярвамаа и



Памятник морякам миноносцев «Автроил» и «Спартак» в Таллине.

Харьюмаа — частично. Красные полки стояли в 4—5 км от Пайде и в 30—35 км от Таллина. В Таллин доносилась артиллерийская канонада.

В освобождении Эстонии в качестве военного консультанта при эстонских красных частях принял участие А. Корк, который позднее, как крупный знаток военного дела, занимал в Красной Армии весьма ответственные посты.

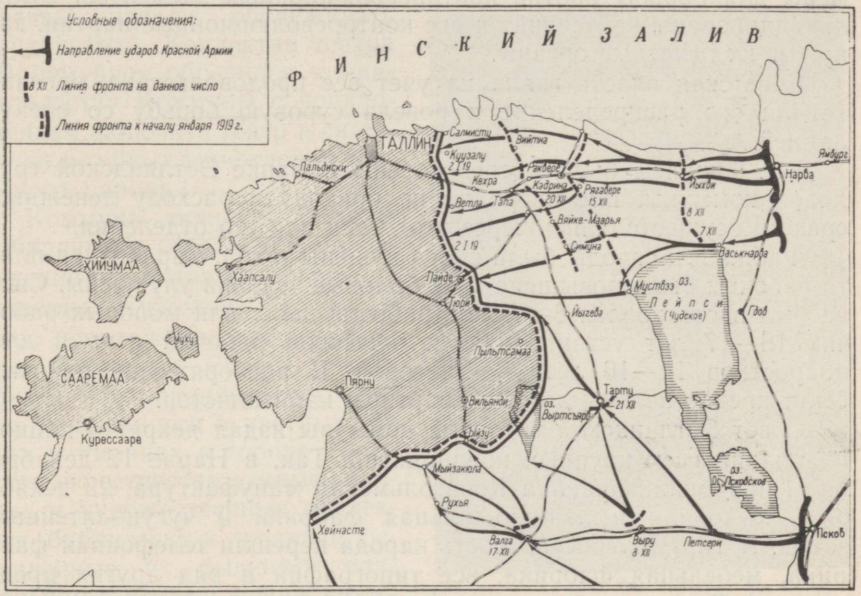
Операциями по освобождению Пскова, Выру, Тарту, Валга, Риги и южных уездов Эстонии руководил видный военачальник Красной Армии латышский большевик Ян Фабрициус.

18 декабря в Валга Латвийское Советское правительство издало манифест, возвестивший о создании Латвийской Советской Социалистической Республики. К началу 1919 года бóльшая часть территории Советской Латвии тоже была очищена от белогвардейцев и оккупантов.

Трудящиеся повсюду оказывали помощь и поддержку частям

Красной Армии. 14 и 15 декабря в боях под Кунда и Раквере вооруженный отряд, организованный рабочими Кунда, открыл огонь по бронепоезду белых. Около станции Юлемисте рабочие завода «Двигатель» разрушили железнодорожный мост, чтобы не допустить выезда бронепоезда белых.

Сообщения самих белогвардейцев говорят о действиях партизан в их тылу и о панике буржуазии. На заводах рабочие саботировали ремонт оружия, портили военное снаряжение, резали автомобильные шины, уносили детали орудий. На хлебозаводе



Операции Красной Армии по освобождению Эстонии, ноябрь 1918 — январь 1919 гг.

Ротермана рабочие срывали выпечку хлеба, чтобы помешать снабжению буржуазных войск. В Нымме был взорван склад боеприпасов и повреждено железнодорожное полотно.

Успешное наступление Красной Армии и сражавшихся в ее составе эстонских полков вынудило германские оккупационные войска быстро убраться из Эстонии. Не оправдались, таким образом, надежды империалистов Антанты на то, что германские войска смогут помешать восстановлению Советской власти в Эстонии.

Деятельность Эстляндской трудовой коммуны. Борьбой эстонских трудящихся за восстановление Советской власти руководили коммунисты, которые были организаторами вооруженных сил трудового народа и вдохновляли трудящихся на борьбу за освобождение всей Эстонии. Коммунисты шли

в авангарде наступающих частей. В крупных городах были созданы партийные комитеты. В конце 1918 года возобновило свою деятельность «Тартуское социал-демократическое молодежное общество». На своем собрании 5 января 1919 года оно приняло решение именоваться впредь «Тартуским коммунистическим обществом молодежи».

Повсеместно восстанавливались Советы. Все делопроизводство снова начало вестись на эстонском языке. Для поддержания революционного порядка была создана милиция; были приняты меры для борьбы против контрреволюционных элементов. Были ликвидированы кайтселийт и все контрреволюционные партии, закрыты их печатные органы.

Советская власть взяла на учет все продовольствие, организовала его распределение и повела суровую борьбу со спекуляцией.

Все финансы были сосредоточены в Банке Эстляндской трудовой коммуны. Все операции по приходу и расходу денежных средств осуществлялись через этот банк или его отделения.

Фабрики и заводы были снова пущены в ход. Заработная плата рабочим была повышена и их бытовые условия улучшены. Снова был восстановлен 8-часовой рабочий день; для молодых рабочих 16—17 лет устанавливался 6-часовой рабочий день и для подростков 14—16 лет — 4-часовой. В распоряжение рабочих были предоставлены дома и квартиры капиталистов.

Совет Эстляндской трудовой коммуны издал декрет о национализации всех крупных предприятий. Так, в Нарве 12 декабря была национализирована Кренгольмская мануфактура, 23 декабря — суконная и льнопрядильная фабрики и чугунолитейный завод. В Тарту в собственность народа перешли телефонная фабрика, мебельная фабрика, все типографии и ряд других предприятий. Были восстановлены и пущены в ход кожевенная и валяльная фабрики, мастерская по ремонту сельскохозяйственных орудий, судоремонтная мастерская и т. д. В Раквере были восстановлены разрушенные белыми электрическая и телефонная станции и национализированы типографии, писчебумажные магазины и пекарни. На льнопрядильной фабрике были взяты на учет все запасы сырья и предприняты шаги для ввода ее в действие. Такие же подготовительные работы стали проводиться и на местном крахмальном заводе. В Выру были пущены в ход электростанция, лесопильный завод, типография, а в Ряпина — бумажная фабрика.

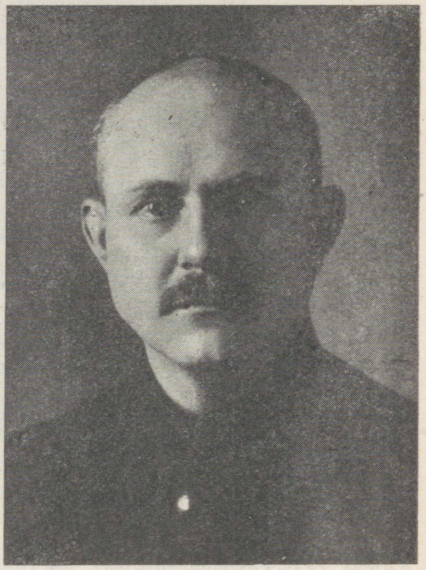
Национализированные предприятия были подчинены промышленному отделу Управления народного хозяйства Эстляндской трудовой коммуны. В обязанности отдела входило снабжение предприятий сырьем и реализация готовой продукции.

Специальным декретом Совета Эстляндской трудовой коммуны собственностью народа были объявлены все находившиеся

на территории Коммуны магазины, промышленные предприятия, лавки и хутора, владельцы которых бежали вместе с белыми.

Весь железнодорожный транспорт перешел в руки государства. Несмотря на огромные трудности, к концу декабря было восстановлено регулярное сообщение на линии Нарва—Тапа—Тарту—Валга—Псков.

Советская власть развернула большую работу по развитию культуры. Обучение в школах вновь стало вестись на родном языке; было отменено преподавание «закона божьего» и введены советские учебные программы. Театры начали обслуживать трудящихся. Коллектив театра «Ванемуйне» обратился к правительству Коммуны с предложением включить театр в систему культурных учреждений трудового народа.



И. Кясперт.

Коммуна приняла меры к собиранию и сохранению произведений искусства и памятников старины. Художник Я. Коорт внес предложение взять под охрану местного Совета трудящихся как народное достояние все находящиеся в частных домах и имениях в городе Тарту и его окрестностях ценные научные и художественные коллекции, библиотеки и рукописи, оставленные их бывшими владельцами. Все эти фонды должны были войти в организуемую публичную библиотеку, музей искусства и истории и исторический архив и стать доступными для широких масс трудящихся. Эстонское Советское правительство приняло это предложение. Коорт был назначен комиссаром отдела по охране памятников искусств Эстляндской трудовой коммуны. К осуществлению своего широко задуманного плана Я. Коорт привлек ряд тартуских художников и журналистов.

Во всех крупных центрах открылись рабочие клубы с библиотеками и читальнями. Регулярно выходила газета «Ээсти кютивяэ театая» («Эстонский армейский вестник») и «Тёэлине» («Рабочий»). При Совете Коммуны была создана редакционная комиссия во главе с Ю. Лилиенбахом.

Для облегчения положения трудящихся крестьян Эстонское Советское правительство отменило арендную плату и аннулировало их долги. Декретом от 5 декабря все поместья были вновь объявлены собственностью народа. Местные советские органы

немедленно приступили к проведению этого декрета в жизнь. Начали свою деятельность выбранные из среды батраков имений мызные комитеты, ставшие местными органами нового землеустройства.

В задачу мызных комитетов входила организация общественного хозяйства национализированных поместий и руководство им. В январе 1919 года в помощь мызным комитетам были выделены специальные инструкторы, которые должны были осуществ-

Курсы сельскохозяйственных инструкторов Эстляндской трудовой коммуны в 1919 году.
В середине (X) сидит заведующий Управлением народного хозяйства Коммуны Х. Пегельман.

лять практическое руководство сельскохозяйственными коммунами. Такие коммуны были созданы в целом ряде бывших имений в Вирумаа и Вырумаа.

Повсюду развернулась широкая организационная работа. С 29 ноября 1918 года по 31 января 1919 года в четырех полностью освобожденных уездах и 126 волостях были созданы и приступили к работе местные Советы. Большевистская печать отмечала, что восстановление местных органов Советской власти, а также национализация земельных владений баронов местными комитетами трудящихся, благодаря высокой активности рабочих, безземельных и крестьян-бедняков, проходят быстро и организованно.

Признание независимости Эстонии. Правительство Советской России и большевистская партия уделяли

большое внимание революционным событиям в Эстонии и оказывали Советской Эстонии всяческую поддержку. 29 ноября В. И. Ленин послал командующему войсками телеграмму, в которой подчеркивалась необходимость оказания помощи Эстонскому Советскому правительству. 7 декабря Народный Комиссариат по делам национальностей внес в Совет Народных Комиссаров предложение о признании независимости Эстонской Советской Республики. В этом предложении указывалось, что правительство РСФСР, исходя из принципов равноправия и суверенитета народов, готово безоговорочно признать прибалтийские советские республики и предоставить народам этих республик возможность определить свою дальнейшую судьбу. В тот же день Совет Народных Комиссаров утвердил проект декрета о признании независимости Эстонской Советской Республики. Декрет за подписью В. И. Ленина был опубликован 15 декабря 1918 года.

25 декабря Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, заседавший под председательством Я. М. Свердлова, обсудил вопрос о признании Эстонской, Латвийской и Литовской советских республик. Центральный Исполнительный Комитет принял по докладу И. В. Сталина решение о признании независимости прибалтийских советских республик. В своем решении ВЦИК выразил «твердую уверенность, что только ныне, на почве признания полной свободы самоопределения и перехода власти в руки рабочего класса, создается свободный, добровольный и нерушимый союз трудящихся всех наций, населяющих территорию бывшей Российской империи...» В борьбе за освобождение из-под ига буржуазии эстонский трудовой народ мог рассчитывать на всемерную поддержку со стороны Советской России. ВЦИК обязал военные и гражданские власти оказывать правительству и вооруженным силам Эстляндской трудовой коммуны помощь в деле освобождения Эстонии и восстановления на ее территории Советской власти.

Правительство Эстляндской трудовой коммуны назначило своих представителей при правительствах РСФСР, Латвии и других советских республик. Представителем при правительстве РСФСР был назначен И. В. Рабчинский.

22 декабря в Москве состоялись переговоры между делегацией правительства Эстляндской трудовой коммуны и представителями правительства Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Эстонская Советская Республика получила от правительства РСФСР крупный заем. Между обеими братскими республиками был налажен широкий товарообмен. За короткий срок Советская Эстония получила большое количество зерна, различного продовольствия, горючего и т. д.

4 января 1919 года делегация Коммуны вела переговоры с наркомом торговли и промышленности РСФСР Л. Б. Красиным о расширении экономических связей. Здесь обсуждались и вопросы совместной переработки горючих сланцев.

Катастрофическое положение буржуазного правительства. В то время как на освобожденной территории Советской Эстонии трудовой народ под руководством большевиков восстановил свою власть, трудящиеся в неосвобожденных районах продолжали вести героическую борьбу против буржуазной диктатуры. Всей этой борьбой руководили коммунисты. Действуя в тяжелых условиях подполья, партийные организации проделали огромную работу.

Сочувствие трудящихся Эстонии Советской власти было так велико, что временному правительству буржуазных националистов не удалось создать сколько-нибудь значительных военных сил. Если на освобожденной территории молодежь добровольно шла в Красную Армию (так, в Раквере в течение одного дня в Красную Армию вступило более 200 юношей), на стонущей под гнетом буржуазии территории Эстонии мобилизации проваливались. Объявленная буржуазным правительством «вербовка добровольцев» в так называемое «народное ополчение» дала вместо ожидаемых 25 тысяч немногим более 800 человек. В Вирумаа, например, на мобилизационные пункты явилось первоначально всего 20 человек.

Премьер-министр К. Пятс должен был признать на одном из закрытых заседаний правительства, что всеобщая мобилизация тоже не оправдала возлагаемых на нее надежд, что, только «угрожая 15-летними каторжными работами, мы смогли собрать мобилизуемых. Но затем началось бегство с линии фронта, дезертиры уходили, унося и казенное обмундирование». Лидеры буржуазии жаловались, что после каждого столкновения на фронте 50 процентов личного состава частей дезертирует. Но и те из мобилизованных, которые не решались дезертирвать, не хотели воевать против трудящихся.

Один из руководителей белогвардейцев вынужден был признать, что «мобилизованные, настроение которых было, по-видимому, весьма скверным, не выполняли приказов, а попытки привлечь их вдохновляющими речами они встречали насмешками, заявляя кратко: «Что нам здесь, собственно, защищать... Эти большевики — не враги нам». Позднее, 30 апреля 1919 года, К. Пятс в речи на заседании Учредительного собрания еще раз напомнил, каково было настроение народа в конце 1918 года. Он сказал: «Наша армия должна была воевать также против внутреннего врага, который окружал ее со всех сторон. Отовсюду нашей армии наносили вред... Вы бы послушали, что говорили наши гимназисты, когда они вернулись с фронта. Усталые, голодные, заходили они на хутора просить хлеба, но им ничего не давали. Когда же они говорили, что они красные, то сразу же им выносили и хлеб и прочее».

К концу 1918 года положение буржуазного временного пра-

вительства стало катастрофическим. Наступающие части Красной Армии подходили к Таллину. В тылу белых развертывалась партизанская борьба. Мобилизации проваливались, «ополченцы» проявляли больше «храбрости» в ограблении мирных жителей, чем на фронте. Министры временного правительства, боясь выступления рабочих, не осмеливались расходиться на ночь по домам. Министерство финансов разослало секретный циркуляр о мерах по подготовке эвакуации всех ценных бумаг и драгоценностей. В Пальдиски по приказу премьер-министра стояло под парами специальное судно, на котором правительство намеревалось в случае опасности спастись от гнева «своего» народа. Восстание рабочих в Таллине было предотвращено лишь пребыванием на рейде английской эскадры.

Все свои надежды буржуазные националисты возлагали на оккупацию Эстонии войсками Антанты. «Маапяэв» на закрытом заседании 27 декабря 1918 года решил послать делегацию к английскому адмиралу Синклеру, чтобы передать ходатайство о немедленной оккупации Эстонии. 29 декабря делегация, состоявшая из представителей аграрной партии, народной партии, трудовиков и социал-демократов, передала английскому адмиралу меморандум, в котором просила «правительство его величества оккупировать и взять под свой военный протекторат территорию Эстонской республики, подчинив своему высшему командованию все военные силы, которые уже созданы, а также те, которые будут созданы в будущем». С аналогичными просьбами эстонская буржуазия обращалась к правительству США. Делегат буржуазного правительства был отправлен также в Финляндию; он убеждал финских белогвардейцев, что если они в ближайшие три дня не выступят на помощь буржуазии Эстонии, то будет уже поздно.

Усиление интервенции. Переход сил контрреволюции в наступление. Империалисты с тревогой следили за ходом восстановления Советской власти в Эстонии. Но к тому времени они уже убедились, что посылка своих войск в Советскую страну не дает результатов. Политика открытой интервенции была признана гибельной. «Если бы тотчас предложить послать для этой цели в Россию английские войска, в армии поднялся бы мятеж», — заявил английский премьер-министр Ллойд Джордж в январе 1919 года. Отказ от посылки своих войск в Эстонию, однако, вовсе не означал отказа империалистов от интервенции вообще.

Для организации интервенции империалисты начали использовать националистическую контрреволюционную буржуазию граничащих с Советской Россией стран и ее окраин. Эта буржуазия во имя сохранения своей власти была готова на всевозможные авантюры. Такая политика была очень выгодна империалистам: им не нужно было использовать свои силы, вместо них воевали теперь «малые народы».

И в Эстонии западные империалисты организовывали интер-

венцию преимущественно чужими руками. Они посылали вооружение и снаряжение эстонским, русским и немецким белогвардейцам в Эстонии, финансировали их и организовывали посылку в Эстонию «добровольцев» из Финляндии, Швеции и Дании. Среди «добровольцев» было много всевозможных авантюристов; но некоторые из наемных солдат, сбитые с толку лживой пропагандой, искренне верили, что едут помогать эстонскому народу бороться за независимость. Лишь на фронте их иллюзии рассеялись.

Буржуазное временное правительство, ободренное поддержкой интервентов, организовало из кулаков и других слоев буржуазии, прибалтийских баронов и русских белогвардейцев ударные части.

Главнокомандующим в конце декабря был назначен полковник царского генерального штаба Лайдонер, который начал энергично «наводить порядок». Были сформированы 1-я и 2-я дивизии, несколько позже — 3-я дивизия. Создавались новые пехотные, кавалерийские и артиллерийские части, бронепоезда для узкой и широкой колеи и морские силы. Наряду с регулярными частями буржуазной армии создавались и специальные ударные отряды. Все это делалось в самом тесном контакте с командованием английской военной эскадры, стоявшей на таллинском рейде. Интервенты требовали, чтобы буржуазия мобилизовала все силы для борьбы с Красной Армией и подавления сопротивления трудового народа. Империалисты выделили крупные суммы для осуществления интервенции. На эти средства были организованы Таллинский, Тартуский и Ярваский охранные полки. В Вильянди вербовкой «добровольцев» на американские деньги занимался арендатор имения Вастемыйза капитан американской армии, эстонец по происхождению, Х. Рейсар, который в свое время принимал участие в подавлении народно-освободительного движения в американских колониях и имел, таким образом, богатый опыт в этом деле.

Помещики выделили большую сумму денег и организовали так называемый «балтийский батальон», состоявший из помещиков, их управляющих и прочей помещичьей челяди. В прифронтовой полосе этот батальон совершал акты грубого насилия над местным населением. В частности, в имении Мууга по жалобе управляющего были подвергнуты телесному наказанию 15 крестьян. Главнокомандующий буржуазной армии неоднократно отмечал в своих приказах этот батальон, ставя его в пример эстонским буржуазным войскам. В декабре был подчинен верховному командованию Лайдонера и послан на фронт Северный корпус численностью в 5600 человек. В дополнение к большому количеству военного снаряжения, оставленного немецкими оккупантами (свыше 40 000 винтовок, 125 артиллерийских орудий, 108 станковых пулеметов, 226 минометов и бомбометов, 421 000 ручных гранат, 2 бронепоезда и т. д.), буржуазия получила много оружия и военных материалов от империалистов Антанты.

В конце 1918 и в первые дни 1919 года в Эстонию прибыли завербованные на деньги империалистов «добровольцы» из Финляндии, около 3 тысяч человек, а также «добровольцы» из Швеции и Дании.

Соотношение сил теперь резко изменилось в пользу контрреволюции. 6—7 января объединенными силами частей эстонской буржуазной армии, финских наемников и русских белогвардейцев было предпринято наступление против Красной Армии в северной Эстонии. Наступление поддерживали три бронепоезда и десант финских наемников, высаженный английской эскадрой в районе Утрия и Мерекюла. Численность войск противника значительно превышала численность войск Красной Армии на этом участке фронта. Особенно чувствительным был перевес в артиллерии; важнейшей ударной силой буржуазии являлись бронепоезда, команды которых состояли главным образом из офицеров.

9 января войска контрреволюции прорвали фронт. Пал город Тапа, нарушилась связь между северной и южной группами войск Красной Армии. К 19 января части Красной Армии отступили за реку Нарву. На этой линии фронт стабилизировался на продолжительное время.

Вся территория Эстонии превратилась теперь в плацдарм антисоветской интервенции, где началась подготовка к наступлению на Петроград. Первоначально этой подготовкой руководили англичане. Вскоре в нее включились представители и других империалистических государств. В марте 1919 года на Парижской мирной конференции по предложению генерального штаба Франции была образована комиссия по Прибалтике, имевшая задачу оказывать всестороннюю поддержку местной контрреволюции. В состав комиссии входили представители Англии, Соединенных Штатов Америки, Франции, Италии и Японии. Позднее была создана особая союзническая прибалтийская военная миссия, во главе которой был поставлен генерал Гоф. Эта миссия превратилась в центр, которому подчинялись все контрреволюционные силы в Прибалтике и под руководством которого продолжалась подготовка похода на Петроград. С целью политического обеспечения плацдарма началось повсеместное подавление революционных сил и истребление наиболее сознательной части эстонского народа.

Массовый белый террор. Завербованные империалистами «добровольческие» войска состояли в значительной мере из различного рода авантюристов и уголовных преступников. Как и средневековых наемников, их привлекала в Эстонию возможность безнаказанного грабежа и обогащения. «Добровольцы» стремились перещеголять друг друга в ограблении крестьян. Награбленное добро они отсылали в Таллин, где для этого у них имелись специальные склады.

Особенно выделялись своей жестокостью нанятые на амери-

канские деньги финские белогвардейцы, которых за кровавую расправу над финскими трудящимися последние прозвали «мясниками».

Эстонские буржуазные лидеры и соцы, не жалея красок, уже заранее расписывали «доблесть» финских наемников. Но на фронте их «доблесть» стала быстро остывать; они самовольно целыми группами уходили в тыл, чтобы грабить в безопасности. Так было в Валга, Вольди и других местах.

Зверски расправлялись завербованные американскими и английскими империалистами наемники и местные белогвардейцы с попавшими в плен красноармейцами. В июне 1919 года на Нарвском участке фронта были взяты в плен красноармейцы П. Аммерман и М. Мартынов. Когда белогвардейцы снова были выбиты со своих позиций, были найдены тела пленных красноармейцев, носившие следы страшных пыток: у обоих со спины были вырезаны ремни, руки и ноги вывернуты из суставов и переломаны. 16 декабря 1919 года здесь же, после отступления белогвардейцев, были обнаружены тела зверски замученных курсантов и матросов. Глаза убитых были выколоты, руки вывернуты из суставов, ноги переломаны и со спины вырезаны ремни. Партизану-красноармейцу И. Егорову, тело которого было найдено в местечке Лаура, палачи выкололи глаза и нанесли большую штыковую рану в лоб. Красноармеец В. Осипов тяжело раненным попал в руки белогвардейцев, которые выковыряли ему штыком сердце и мозг.

В тылу также свирепствовал белый террор. Буржуазия повсюду жестоко расправлялась с трудящимися. Буржуазия совершала массовые убийства наиболее активных и сознательных рабочих. Только за последние дни января в одном Таллине было уничтожено около 100 рабочих. Руководителей рабочего движения подвергали зверским пыткам, а потом убивали. От руки палачей пали И. Куппар, Ю. Шютц, Л. Линдер, Л. Тыльдсепп, Э. Вейденбаум, Ю. Куйв и другие. В карьере вблизи Тарту было погребено свыше 400 жертв белого террора. В Нарве, Выру, Тапа и его окрестностях, а также в других местах были убиты сотни пролетариев. Для устрашения населения тела убитых часто оставляли валяться на улицах. Тысячи трудящихся были брошены в тюрьмы и концлагери, где их морили голодом, пытали, а нередко и убивали. В начале 1919 года вильяндиская тюрьма была битком набита арестованными. В расположенном среди болота вблизи Таллина крупном лагере Пяэскюла в развалившихся деревянных бараках содержались, по данным одной комиссии буржуазного правительства, свыше 2800 заключенных, из которых большинство были больны сыпным тифом, скорбутом и другими болезнями. В каморках, длиной в четыре и шириной в три метра, находилось по 30—40 человек.

В концентрационные лагери людей заключали без суда и следствия. Там томились те, кто представлял опасность для бур-

жуазной диктатуры, так называемые «антигосударственно настроенные», к которым можно было причислить любого рабочего, крестьянина-бедняка или трудящегося интеллигента, не пожелавшего стать пушечным мясом для иностранных интервентов.

Эстонские социал-демократы и эсеры — пособники буржуазии и интервентов. Роль пособников иностранных империалистов и контрреволюционной эстонской буржуазии играли социал-демократы.

Вместе с буржуазией и прибалтийскими баронами социал-демократы пытались продлить немецкую оккупацию в Эстонии. Лидер социал-демократов М. Мартна вел с империалистами в Лондоне переговоры о посылке интервенционистских войск в Эстонию. В Таллин он возвратился с английской эскадрой, на транспортном судне с военными материалами для белогвардейцев.

Другому лидеру соцов Рею буржуазное правительство поручило организовать вербовку «добровольцев» в Финляндии и скандинавских странах.

27 декабря, когда эстонские части Красной Армии находились в 30—40 километрах от Таллина, состоялось закрытое заседание «маапяэва», где присутствовали и представители партии эсеров. На этом заседании К. Пятс сообщил, что английский адмирал отказал эстонской буржуазии в сухопутных войсках. Эсеры скрыли от рабочих этот факт, который мог бы иметь исключительно важное значение: ведь таллинские рабочие воздержались от выступления против буржуазии именно из опасения, что англичане высадят десант.

Партии соцов и эсеров обманывали трудящихся бесстыдной демагогией. Им удалось увлечь на ложный путь малосознательных рабочих. 9 ноября 1918 года в Таллине на собрании представителей рабочих была принята, несмотря на протест представителей наиболее крупных предприятий, резолюция, в которой выставлялось требование о передаче власти буржуазному временному правительству. В благодарность за эти услуги, оказанные буржуазии, соцы получили во временном правительстве три министерских поста. Лидеры социал-демократов обещали, что Учредительное собрание Эстонии, выборы в которое должны были состояться весной 1919 года, осуществит социализм «законным путем» и отдаст землю тем, кто ее обрабатывает. Эта лживая пропаганда имела известное влияние на отсталую часть эстонского крестьянства. Предательская деятельность соцов существенно помогла победе контрреволюции в Эстонии.

§ 5. ВОССТАНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ САРЕМАА

Причины восстания. На Сааремаа, как и повсюду в Эстонии, смена власти германских оккупантов властью эстонской буржуазии нисколько не улучшила положение трудящихся. В име-

ниях по-прежнему хозяйничали бароны. Среди трудящихся масс усиливалось недовольство, рос гнев против власти буржуазных националистов и баронов. Возвратившиеся из армии солдаты видели, как в России после победы Октябрьской революции у помещиков отбирали имения и делили землю между крестьянами. Они рассказывали об этом своим землякам.

Непосредственным поводом к восстанию послужил очередной мобилизационный приказ эстонского буржуазного правительства. Трудящиеся островов не хотели воевать за интересы американ-

А. Койт.

А. Охак.

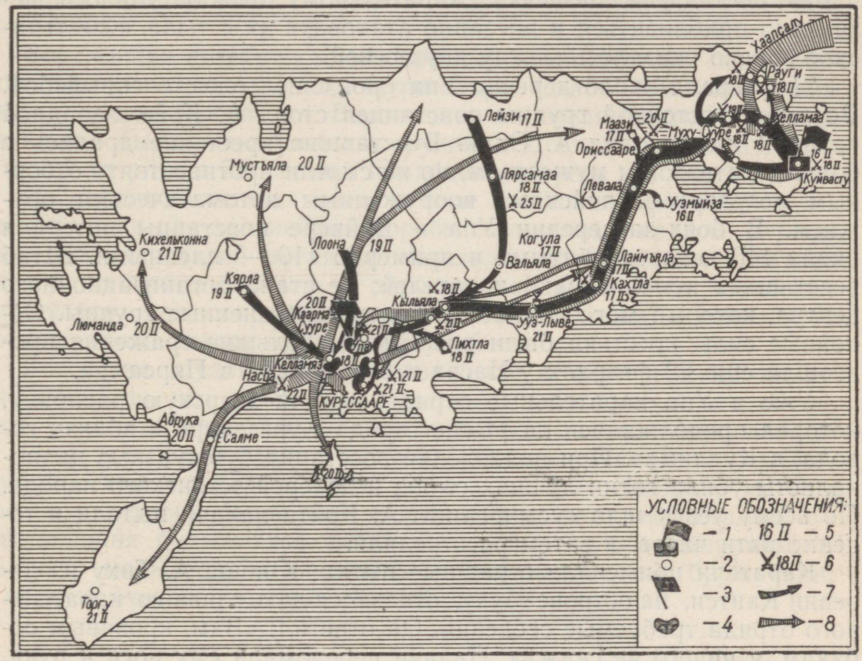
ских и английских интервентов и эстонской буржуазии, против Советской России. Трудящиеся островов хотели мира, земли и свободы.

Главными руководителями восстания были крестьяне-бедняки А. Койт, бывший унтер-офицер, и А. Охак, бывший матрос. Оба они принимали участие в борьбе за Советскую власть в России, познакомились там с идеями коммунистической партии и, возвратившись на родину, стали и здесь агитировать и активно бороться за Советскую власть, стремясь прежде всего помешать буржуазным правителям мобилизовать крестьян для антисоветской войны.

Ход восстания. В феврале 1919 года буржуазные власти начали отсылать мобилизованных островитян на материк. На собрании представителей мобилизованных, проходившем на хуторе Мяннику-Юри в деревне Лепику (остров Муху), было принято решение не выполнять приказа о мобилизации и призвать весь народ к восстанию, чтобы уничтожить иго буржуазии и баронов.

16 февраля мобилизованные из различных волостей были собраны в имении Куйвасту для отправки на подводах в Хаапсалу. Люди собрались, но чтение приказа о мобилизации встретили насмешками. Когда этапный комендант стал угрожать им оружием, то его и двух кайтселийтчиков застрелили. Восстание началось.

Восставшие немедленно устранили представителей буржуазной власти, захватили почтовую контору Куйвасту, телефонную станцию в Вийракюла и взяли под строгий контроль связь с ма-



Восстание трудящихся Сааремаа.

1 — исходный пункт восстания, 2 — центры восстания, 3 — штаб восставших, 4 — главные силы восставших, 5 — дата начала восстания в волостях, 6 — места сражений восставших с подразделениями карательного отряда, 7 — направление наступления восставших, 8 — путь карательного отряда.

териком. Восставшие сразу же стали создавать свои вооруженные силы. На лошадях, взятых в имениях, по деревням были разосланы гонцы с приказом о мобилизации.

Быстро было создано крестьянское войско почти в тысячу человек. Восстание ширилось, и к 18 февраля власть буржуазии была ликвидирована на всем острове Муху и в большей части волостей Сааремаа. Трудящиеся островов объединились в борьбе против буржуазии и помещиков под лозунгом: «Смерть баронам, долой буржуазию!». Восставшие осадили Куресссаре и избрали депутатов, которые должны были после освобождения города взять в свои руки власть в уезде.

Буржуазия и помещики бежали в Курессааре и создали там свои вооруженные отряды. С материка прибыли посланные временным правительством каратели — пехотные и кавалерийские части, вооруженные пулеметами и автоматическими винтовками. Они жестоко подавили восстание на Муху, не щадя при этом ни мирных жителей, ни даже подростков, которые из любопытства сбежались на звуки выстрелов.

У повстанцев, находившихся на подступах к Курессааре, была плохо поставлена разведка; карательному отряду удалось незаметно приблизиться и внезапно атаковать их с тыла. Крестьянское войско оказалось между двух огней.

21 февраля около деревни Упа произошел ожесточенный бой. Во главе восточной группы повстанцев стоял А. Койт, западной группой командовал А. Охак. Восставшие крестьяне дрались с большой отвагой и мужеством, но не смогли противостоять отборным регулярным войскам, вооруженным автоматическим оружием. В боях за деревни Упа и Вайвере повстанцы потеряли около 140 человек убитыми и примерно 110 — пленными. Штаб восставших попал в руки карателей; не стало организационного центра, который мог бы снова собрать разрозненные группы. Основные силы крестьян были разбиты. Небольшие сражения произошли еще 22 февраля у Насва и 25 февраля в Пярсамаа.

Уже в Упа карательные отряды начали зверскую расправу, которая продолжалась на рынке города Курессааре и вблизи города, в Куллимяэ. При подавлении восстания буржуазные националисты убили сотни лучших сынов и дочерей эстонского народа. По всему уезду шло «усмирение». А. Койта палачи пытали в течение пяти часов, а затем расстреляли.

Каратели применяли страшные пытки. Юноша А. Тиху из деревни Кантси, на острове Муху, отказался дать главарю карательного отряда требуемые сведения. Он ответил: «Вам, кровавым собакам, я ничего не скажу». Палачи переломали ему ноги и руки, выкололи глаза и наконец сломали позвоночник. Василию Ряймауку также выкололи глаза, а затем отрубили голову. Оскар Пыльд был найден с 20 пулевыми ранами на теле и разбитой прикладом головой. Зверски была убита и активная участница восстания революционерка Мария Эллам.

По приговору военно-полевого суда было расстреляно несколько сот человек, не считая тех, кто был арестован позднее и казнен в Таллине.

По приговору военно-полевого суда не менее ста человек были подвергнуты телесным наказаниям — по 25 ударов; в числе их были и женщины.

Еще в 1925, 1927 и даже 1930 году происходили судебные процессы над участниками восстания на Сааремаа.

Причины поражения восстания. Главная причина поражения восстания заключалась в том, что оно было стихийным и изолированным. Восстание началось в то время, когда

на материковой части Эстонии уже фактически восторжествовала контрреволюция и рабочие не могли поддержать сааремаских крестьян. Красная Армия тоже была далеко. Со своими непосредственными противниками на островах восставшие крестьяне справились сравнительно легко, но противостоять прибывшим с материка, вооруженным до зубов регулярным войскам они не могли. На Сааремаа не было промышленного пролетариата, который возглавил бы восстание. Не было здесь и коммунистической организации, которая взяла бы в свои руки руководство выступлением трудящихся.

Восставшие потеряли много времени на подготовку решительного наступления на город Курессааре. Слабо была налажена связь с тылом и разведка. Восставшие не имели опытных руководителей и были очень плохо вооружены. Достаточно сказать, что в одной из рот на 75 человек приходилось всего три винтовки.

Из ошибок, имевших место в ходе восстания, трудящиеся извлекли уроки для дальнейшей борьбы с классовым врагом. Страшные дела карателей наглядно показали, что «свои» угнетатели ничуть не лучше баронов и царских жандармов, что эстонская буржуазия для сохранения своей власти готова использовать средневековые пытки и массовые убийства.

Восстание трудящихся островов было потоплено в крови, но оно показало, что даже самый зверский террор не может заставить эстонский народ отказаться от борьбы за Советскую власть.

Вооруженное восстание сааремаских крестьян вынудило буржуазию серьезно пересмотреть свою политику. Прежние методы военного террора были явно недостаточны для дальнейшего существования буржуазной диктатуры; надо было предпринимать какие-то меры, чтобы завоевать поддержку мелкой буржуазии, в первую очередь — крестьянства.

§ 6. АНТИСОВЕТСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ БУРЖУАЗНОЙ ЭСТОНИИ

Выборы в Учредительное собрание. Упрочение диктатуры буржуазии. Сааремаское восстание со всей очевидностью показало непрочность внутреннего положения буржуазной Эстонии. После стабилизации фронта вопросы земли, мира и методов управления приобрели особую остроту.

Трудящееся крестьянство было жизненно заинтересовано прежде всего в разрешении аграрного вопроса. Когда буржуазное временное правительство в ноябре 1918 года аннулировало советские законы о национализации земли и восстановило таким образом помещичье землевладение, широкие слои крестьянства отвернулись от буржуазии. Крестьяне уклонялись от мобилизаций, дезертировали с фронтов и восторженно встречали наступавшие красные войска.

Однако от Эстляндской трудовой коммуны крестьяне ждали

не только ликвидации помещичьего землевладения, но и раздела земли. Демагогические обещания мелкобуржуазных партий о наделении крестьян землей, с одной стороны, и политика Коммуны, направленная на ускоренное создание сельскохозяйственных коммун, — с другой, вызвали серьезные колебания крестьянства. Преимущества коллективных форм ведения сельского хозяйства для большинства крестьян были в то время далеко еще не ясны. «Жажда собственного клочка земли» превращалась в серьезнейший политический фактор.

Трудящиеся массы устали от пятилетней войны. Пока военные действия шли на территории Эстонии, часть солдат еще верила, что они воюют «за свободу и независимость». Но когда буржуазия стала посылать солдат за этнические границы Эстонии для участия в захвате русских территорий, недовольство резко усилилось. С фронта начали поступать сообщения об отказе солдат идти в наступление.

Существенное значение имел и вопрос о методах управления. Грубый произвол и дикий террор буржуазии, воскресившей нравы карателей 1905 года, вызвали к ней глубокую ненависть со стороны широких народных масс. Со всех концов страны, даже с залитого кровью острова Сааремаа, поступали сообщения: дескать, «красные угрожают вскоре собраться с силой и снова начать».

В этих условиях эстонская буржуазия, трезво оценив обстановку, пошла на крупный политический маневр: на апрель 1919 года были назначены выборы в Учредительное собрание. Эстонскому народу еще не пришлось испытать на себе буржуазный парламентаризм в рамках своего национального государства. Политически отсталые слои народа легко поддавались иллюзиям, они верили, что Учредительное собрание разрешит вопросы земли и мира, демократизирует управление страной.

В ходе предвыборной кампании мелкобуржуазные и буржуазные партии не скупились на всевозможные посулы. Соцы обещали, что Учредительное собрание осуществит социализм «законным путем», Эстония станет в результате выборов «трудовой республикой», будут начаты мирные переговоры, а земля перейдет к тому, кто ее обрабатывает; пусть только крестьянство поможет «установить независимость». Партия трудовиков выдвинула в качестве программных требований свободу союзов и стачек и даже «постепенную национализацию промышленных предприятий». Даже правые партии — аграрная и так называемая Эстонская народная партия — и те выступали за «частичное отчуждение имений и постепенное проведение земельной реформы».

Коммунистическая партия Эстонии призвала трудящихся бойкотировать выборы. «Не в Учредительное собрание для праздных разговоров, а с винтовкой в руках — под красное знамя... Поднимайтесь на вооруженную борьбу на красном фронте. Поднимайтесь — продолжать самоотверженную борьбу в тылу у белых». Партия распространила перед выборами «Список распя-

того трудового народа» (список № 11), где значились имена 120 товарищей, замученных и расстрелянных эстонской буржуазией. Коммунисты призывали трудящихся опустить этот список, вместо бюллетеня, в избирательные урны. Провозглашенный коммунистической партией бойкот выборов имел своей целью борьбу против мелкобуржуазных иллюзий трудящихся. «Учредительное собрание ни на иоту не улучшит тяжелого положения эстонских трудящихся», — писал Центральный Комитет в своем воззвании от 18 апреля, — так как оно будет ничем иным, как «новым изданием бесславного Земского совета («маапяэва»)». В нем будут хозяйничать те же «земной и небесный союзы [1] ... за спиной которых стоят финно-шведско-датские наемники». Только «реальная сила — классовые силы пролетариата спасут нас от диктатуры буржуазии».

Но выборная кампания проходила в обстановке, когда компартия была загнана в подполье и не имела возможности вести широкую массово-разъяснительную работу. Большая часть трудящихся, поддавшись демагогической буржуазной агитации, считала, что участие в выборах принесет облегчение их тяжелому положению. В то время как все буржуазные и мелкобуржуазные партии сделали основным своим козырем в предвыборной борьбе обещание земельной реформы, компартия по-прежнему недооценивала этот вопрос.

Состоявшиеся 5—7 апреля выборы принесли победу мелкобуржуазным партиям. Соцы получили в Учредительном собрании 41 место, трудовики — 30, эсеры — 7. Находившаяся у власти аграрная партия потерпела поражение и получила всего лишь 8 мест, народная партия, игравшая в оппозицию, с помощью националистической и социальной демагогии добилась 25 мест. Остальные 9 мест распределились между различными мелкими группировками.

После выборов было сформировано «социалистическое правительство» из 9 членов. Соцы получили 4, трудовики — 3, а народная партия — 2 портфеля. Пост премьер-министра занял трудовик О. Штрандман. Его правительство, просуществовавшее до ноября 1919 года, являлось послушным орудием в руках буржуазии. Оно проводило прежнюю политику террора, принимало все меры к усилению антисоветской интервенции и оказывало содействие западным империалистам в наступлении на Петроград. «Социалистическая программа» была предана забвению на следующий же день после выборов.

Этот крупнейший политический маневр эстонской буржуазии в период гражданской войны увенчался, таким образом, успехом. Теперь насилие над трудовым народом Эстонии осуществлялось руками «его собственных представителей», белый террор получил «правовую» и «демократическую» основу, а социаль-

[1] То есть аграрная и христианско-народная партии.

ная база буржуазной диктатуры расширилась за счет средних слоев обманутого крестьянства. Обещания провести земельную реформу дали буржуазии возможность до поры до времени удержать крестьянство от революционных выступлений и заставить его проливать кровь за интересы иностранных империалистов.

Эстонское буржуазное правительство — вассал империалистов. Под влиянием Октябрьской революции в Европе и других частях света развернулось в 1918—1920 годах мощное революционное движение. В ряде стран произошли вооруженные выступления рабочих; невиданные доселе масштабы приняла стачечная борьба. Английские рабочие выдвинули лозунг «Руки прочь от Советской России!». Революционное движение в странах Европы сковывало действия империалистов Антанты. Организаторы интервенции, опасаясь, что их собственные войска в России «заразятся большевизмом», стали отводить своих интервенционистских планах все большее место буржуазии Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, которая должна была поставлять империалистам пушечное мясо для поддержки Колчака и Деникина, возглавлявших русскую контрреволюцию. Буржуазия прибалтийских стран, в том числе и Эстонии, была послушным орудием империалистов, ибо только с их помощью она могла рассчитывать на удержание власти в своих руках.

В мае 1919 года с «Американской администрацией помощи» (АРА) было заключено соглашение о поставке в Эстонию военного снаряжения и продовольствия. В соглашении указывалось, что американская помощь предназначается «для поддержания порядка и ограничения дальнейшего распространения анархии» (т. е. для борьбы против Советской власти). В осуществление этого США послали в Эстонию на 16,6 миллиона долларов военного и другого снаряжения. Этот долг, вместе с займами, полученными под высокие проценты от Франции, Финляндии и других государств, лег на долгие годы тяжелым бременем на плечи эстонского трудового народа. Американские империалисты посылали в Эстонию также и продовольствие, но за американскую тухлую селедку и затхлую муку эстонский народ должен был проливать свою кровь. С презрением разоблачая эту подлую политику американских империалистов в отношении Эстонии, Виктор Кингисепп летом 1919 года писал в своей брошюре «За селедку Вильсона!»: «Вильсон обменивает свою селедку на дымящуюся человеческую кровь... На каждой крупинке — капли крови миллионов павших в бою и искалеченных воинов-инвалидов! На каждой крупинке — слезы и страшное проклятие десятков миллионов скорбящих матерей, жен, братьев, сестер, детей!» «Вместе с каждым глотком, — говорил В. Кингисепп, обращаясь к детям эстонских трудящихся, — пусть растет ваш безграничный гнев и ненависть к этим поклонникам золотого тельца, которые дают вам булку и говорят: вот она, ешьте! Но сначала пусть ваши отцы и братья пойдут убивать наших врагов!»

Оказывая щедрую военную и экономическую поддержку эстонской буржуазии для осуществления антисоветской интервенции, западные империалисты вместе с тем всячески игнорировали буржуазную Эстонию как государство. В мае 1919 года они признали Колчака «верховным правителем» всей России (в том числе Эстонии). Одновременно они вынашивали планы превращения Прибалтики в свою колонию. Руководитель американской миссии в Прибалтике послал в июне 1919 года американской делегации на Парижской мирной конференции меморандум, в котором делалось предложение, чтобы США и Англия взяли себе мандат на управление прибалтийскими провинциями России. Таким образом, в планах империалистов для Эстонии была предусмотрена только одна возможность — стать в том или ином виде колонией империалистических государств. Хотя буржуазные националисты хорошо знали об этом, они принуждали эстонцев проливать свою кровь за осуществление этих империалистических планов. Для ослепления народных масс они использовали преднамеренную ложь, будто целью войны является «самостоятельность Эстонии», в возможность чего в то время ни один из лидеров буржуазии всерьез не верил.

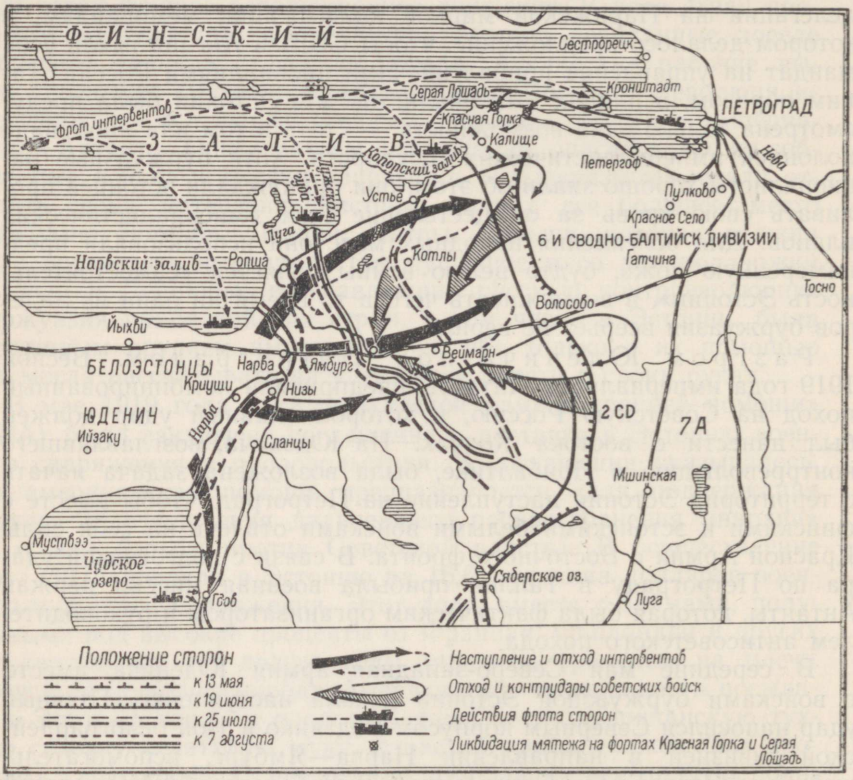
Разгром Юденича под Петроградом. Весной 1919 года империалисты Антанты предприняли комбинированный поход на Советскую Россию, в котором главный удар должен был нанести с востока Колчак. На Юденича, возглавлявшего контрреволюцию в Прибалтике, была возложена задача начать с территории Эстонии наступление на Петроград, чтобы вместе с финскими и эстонскими белыми войсками отвлечь на себя силы Красной Армии с Восточного фронта. В связи с подготовкой удара по Петрограду в Таллин прибыла военная миссия держав Антанты, которая была фактическим организатором и руководителем антисоветского похода.

В середине мая Северо-западная армия Юденича вместе с войсками буржуазной Эстонии начала наступление. Главный удар наносился Северным корпусом Родзянко и 1-ой белогвардейской дивизией в направлении Нарва—Ямбург, вспомогательный — отрядом Булак-Балаховича и 2-ой белоэстонской дивизией на Псков и Гдов. Белогвардейцы имели на нарвском участке более чем двукратный перевес в силах, на других — еще больший. С моря наступление поддерживала английская эскадра. Военными действиями эстонских белогвардейцев руководили английские офицеры.

Гарнизоны фортов Красная Горка и Серая Лошадь, поддавшись контрреволюционной агитации бывших царских офицеров, подняли мятеж против Советской власти. Форты временно оказались в руках контрреволюции. Английский флот пытался атаковать Кронштадт. Враг угрожал Петрограду.

Для организации отпора белым Центральный Комитет партии и Совет обороны приняли ряд энергичных мер. С большим подъ-

емом проходила мобилизация людей и материальных средств. В качестве уполномоченного Совета обороны в Петроград был послан И. В. Сталин. На фронт пошли коммунисты Петрограда. Мятежные форты были взяты комбинированным ударом с моря и суши. Партия предприняла решительные меры для очищения армии и тыла от шпионов и предателей, усиления обороны Петрограда и ликвидации контрреволюционных мятежей. Вскоре перевес



Разгром Юденича под Петроградом. Май—август 1919 года.

в силах оказался на стороне Красной Армии и в обстановке на фронте наступил перелом. Войска Юденича и эстонских белогвардейцев начали терпеть поражения и были отброшены к границам Эстонии. В разгар победоносного наступления вновь было заявлено, что советские войска не перейдут границу Эстонии и что правительство РСФСР готово приступить к мирным переговорам с Эстонией.

Во второй половине апреля Красная Армия на Восточном фронте остановила продвижение Колчака и в последующие дни сама перешла в наступление. Центральный Комитет партии по-

ставил задачу довести разгром Колчака до конца, отбросить остатки его войск не только за Урал, но и очистить от контрреволюционной нечисти всю Сибирь.

Противоречия между империалистами в прибалтийском вопросе. В начале января 1919 года в результате победоносного наступления латышских частей Красной Армии и героического восстания рижских рабочих, в Риге было свергнуто буржуазно-националистическое правительство Ульманиса. Рига стала столицей Советской Латвии.

Но Советской Латвии с самого начала своего существования пришлось вести тяжелую борьбу с превосходящими силами интервентов и белогвардейцев. Американские и английские империалисты организовали в Латвии из прибалтийских баронов, остатков германских оккупационных войск и завербованных в Германии наемников так называемый ландесвер. Кроме того, из остатков 8-ой германской армии интервенты создали так называемую «железную дивизию». Во главе этих соединений был поставлен кровавый палач финского народа, немецкий генерал фон дер Гольц. Всего он имел в своем подчинении до 40 тысяч человек. Армия ландесвера, совместно с белолатышскими частями, начала с юга наступление на войска Советской Латвии. Одновременно с севера на Советскую Латвию двинулись эстонские белогвардейские части генерала Лайдонера.

Все эти силы начали наступление на Советскую Латвию по указке иностранных империалистов как раз в то время, когда Советская Россия на ряде фронтов была вынуждена отбивать комбинированный поход Антанты и не могла поэтому оказать молодой Советской Латвии достаточной помощи. Наступление контрреволюции, организованное одновременно с двух сторон, привело к падению Риги, где белогвардейцы учинили массовую кровавую резню, и к свержению Советской власти в Латвии. У власти вновь стало буржуазно-националистическое правительство.

Но победа контрреволюции вызвала и усиление империалистических противоречий в прибалтийском вопросе. Империалистов США, Англии, Франции и Германии объединяла антисоветская интервенция, стремление восстановить в Прибалтике и во всей России помещичье-буржуазные порядки. Но при этом каждая из империалистических стран стремилась извлечь наибольшие выгоды для себя, в ущерб интересам других участников интервенции.

Фон дер Гольц, опираясь на силы ландесвера и «железной дивизии», хотел превратить Прибалтику в полуколонию Германии. Он стремился поставить у власти в Латвии и остальных прибалтийских странах прогерманские правительства, обеспечить на Востоке рынок для немецких товаров, провести колонизацию Латвии немцами (для этого прибалтийско-немецкие помещики обещали уступить $^1/_3$ своих земельных владений). В апреле 1919 года Гольц свергнул ориентировавшееся на Англию правительство

Ульманиса, заменив его прогерманским правительством Ниедры. В начале июня войска ландесвера перешли в наступление против войск послушного Антанте буржуазного правительства Эстонии, требуя их ухода из северной Латвии.

Военная миссия Антанты, естественно, не могла согласиться с таким усилением влияния Германии и нарушением англо-французских интересов. Кроме того, она опасалась, что крайне непопулярное правительство Ниедры будет не в состоянии мобилизовать латышей на антисоветскую интервенцию. 10 июня по требованию союзнической военной миссии между фон дер Гольцем и белоэстонцами было заключено перемирие.

Английский генерал Гоф требовал отвода частей ландесвера к Риге и замены правительства Ниедры правительством Ульманиса. Но это требование не получило поддержки американских представителей. Правительство США делало ставку на наиболее реакционные силы. Оно считало единственными законными представителями Прибалтики местных немецких помещиков. Что касается литовского, латышского и эстонского народов, то государственный секретарь США Лансинг охарактеризовал их как варварские, неспособные к самоуправлению. Любые буржуазные национальные правительства в Прибалтике рассматривались правительством США как временные. Основной своей задачей американцы считали поддержку и усиление войск Юденича и фон дер Гольца, как наиболее реальных интервенционистских сил в борьбе против Советской России.

19 июня части ландесвера возобновили наступление против войск буржуазной Эстонии. Наступление ландесвера вызвало в Эстонии волну возмущения. Одетые в солдатские шинели эстонские крестьяне глубоко ненавидели баронов и баронский ландесвер. Солдаты эстонской буржуазной армии в одиночку и целыми группами самовольно уходили с советского фронта для участия в боях с ландесвером. Бои носили исключительно ожесточенный характер; пленных не было. «Все воины, — писал один из участников этих боев, — сражаются, охваченные какой-то инстинктивной дикой страстью. Как будто вся ненависть, накопившаяся за 700 лет в душе народа, вдруг вспыхнула ярким пламенем!»

Наступление ландесвера было отбито; ему угрожал полный разгром. Это, однако, не входило в расчеты Антанты, которая стремилась лишь заставить ландесвер послушно играть предназначенную ему роль в общей интервенции империалистических государств против Советской России. При посредничестве французского военного атташе было заключено новое перемирие, остановившее наступление войск буржуазной Эстонии на Ригу и спасшее ландесвер от окончательного разгрома. После этого войска эстонской буржуазии и баронского ландесвера, по приказу американских и английских империалистов, снова сражались вместе против Советской страны.

Во время военных действий против ландесвера коммунистиче-

ская партия была единственной в Эстонии партией, которая разоблачала перед трудящимися сговор между эстонскими буржуазными националистами, западными империалистами и прибалтийскими баронами. «Английскому капиталистическому правительству, — писала коммунистическая партия в своем воззвании «К эстонскому трудовому народу», — было нужно покончить с влиянием германского государства на дела Прибалтики. В Лондоне нажали на кнопку, и таллинские марионетки были приведены в движение».

Виктор Кингисепп в своей статье «Истинный характер войны с ландесвером» справедливо заметил, что «эстонское буржуазное правительство получило... приказ свергнуть в Риге правительство Ниедры и поставить на ноги правительство Ульманиса, т. е. говоря иными словами: англичане приказали создать в Риге правительство, которое было бы столь же послушным союзником, как и таллинское».

§ 7. МАНИФЕСТ О МИРЕ. ЗНАЧЕНИЕ ЭСТЛЯНДСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Манифест 19 июля. Партийная организация Эстонии, входившая ранее в состав РКП(б), в конце 1918 года приняла название: Эстляндская организация Коммунистической партии и в марте 1919 года на учредительном конгрессе Коминтерна вошла в качестве самостоятельной секции в III Интернационал.

Эстонские большевики, вынужденные работать в тяжелых условиях террора, в глубоком подполье, неустанно разоблачали бесстыдную демагогию эстонской буржуазии и социал-демократов, пытавшихся антисоветскую интервенционистскую войну, войну против трудящихся, представить в качестве «освободительной войны». Нелегальная газета «Коммунист», воззвания и листовки Центрального Комитета, которые печатались массовыми тиражами в подпольных типографиях партии, разоблачали антинародную сущность эстонских буржуазных националистов. Для нелегальной работы партия имела в одном только Таллине в годы гражданской войны несколько сот конспиративных квартир.

Руководя рабочим движением, партия, наряду с нелегальными, использовала и все легальные возможности работы, особенно через профсоюзы, которые поддерживали политику коммунистической партии и распространяли партийные лозунги среди широких масс. Партия через профсоюзы организовывала демонстрации и забастовки протеста против насилий буржуазии. 1 мая 1919 года в Таллине и других местах Эстонии состоялись рабочие демонстрации, проходившие под знаком борьбы за окончание интервенционистской войны и вывод иностранных войск из страны. 2 мая в Таллине вспыхнули отдельные забастовки, которые вскоре переросли во всеобщую стачку, продолжавшуюся до 12—14 мая. Забастовочное движение охватило и уезды. Чтобы

«успокоить» тыл в период начавшегося военного похода на Петроград, буржуазия бросила против бастующих рабочих войска и произвела массовые аресты.

Революционная борьба в Эстонии протекала в крайне трудных условиях. Эстония, как плацдарм антисоветской интервенции, кишела войсками эстонских, русских и прибалтийско-немецких белогвардейцев, а также вооруженными до зубов финскими, шведскими и датскими наемниками. По официальным данным, на 25 мая в одной только армии буржуазной Эстонии находилось 74 500 солдат и свыше 32 000 годных к строевой службе кайтселийтчиков.

Все попытки выступлений трудового народа и революционных элементов в армии зверски подавлялись. Организации рабочих систематически подвергались разгрому. Наиболее сознательных трудящихся заключали в тюрьмы или расстреливали.

При создавшемся соотношении сил реакции и революции у эстонского пролетариата не было шансов в ближайшее время освободиться от капиталистического рабства. Эстонские буржуазные националисты превращали эстонский народ в пушечное мясо в интервенционистской войне западных империалистов против других народов нашей родины. Продолжение войны означало бы лишь пролитие крови еще тысяч трудящихся Эстонии в интересах иностранных империалистов. Перед компартией и классово сознательным пролетариатом Эстонии встала задача: не допустить, чтобы эстонская территория и эстонские трудящиеся использовались для ведения войны против Советской страны. Для этого нужно было развернуть борьбу за заключение мира между Эстонией и Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой.

Компартия учитывала также, что события гражданской войны в Эстонии составляли только небольшую часть общей борьбы народов нашей страны против иностранных интервентов, белогвардейцев и буржуазных националистов окраин.

Таким образом, в сложившейся обстановке как общие интересы народов всей нашей страны, так и интересы самого эстонского народа требовали выхода Эстонии из интервенционистской войны.

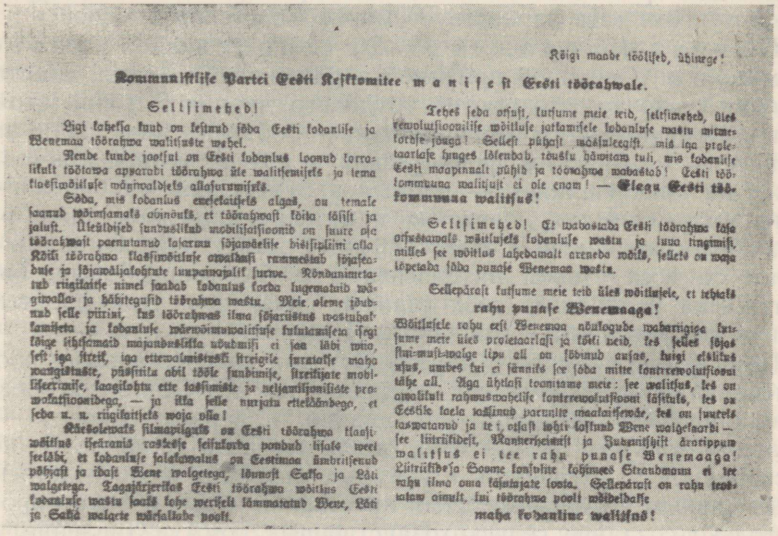
В апреле 1919 года правительство Венгерской Советской Республики передало правительству Эстонии предложение правительства РСФСР начать мирные переговоры. Правительство Советской России неоднократно заявляло, что оно готово признать эстонское буржуазное правительство и немедленно заключить с ним мир.

Курс компартии на выход Эстонии из войны, на завоевание мира находил полную поддержку среди трудящихся.

Случаи дезертирства из армии участились. В апреле солдаты 4-го и 5-го полков отказались идти в наступление. Командованию, чтобы послать солдат в бой, все чаще приходилось угрожать им

с тыла бронепоездами и пулеметами. 10 июля вспыхнуло восстание в запасном полку в Тарту, где было около 4 тысяч солдат. Только 13 июля, при помощи крупного карательного отряда, буржуазии удалось подавить восстание. По приговору военно-полевого суда два солдата были повешены и 20 расстреляны.

19 июля 1919 года, в разгар победоносных боев Красной Армии против Юденича, Эстляндский Центральный Комитет партии обратился к трудящимся с манифестом, призывая их к борьбе за мир между Советской Россией и буржуазной Эстонией. В манифесте говорилось: «Для того, чтобы дать возможность эстонскому трудовому народу повести решительную борьбу против бур-



Kõigi maade töölised, ühinege!

Kommunistliise Partei Eesti Keskkomitee manifest Eesti töörahwale.

Seltsimehed!

Ligi kaheksa kuud on kestnud sõda Eesti kodanliise ja Wenemaa töörahwa walitsuste wahel.

Nende kuude jooksul on Eesti kodanlus koonud korraliikult töötawa apparadi töörahwa ülle walitsemiseks ja terwa riiklisemõtluse mägivaldseks allasurumiseks.

Sõda, mis kodanlus enesekaitseks algas, on ternale saanud wõimsamaks aünoüks, et töörahwast kõik tõsised ja jalust. Ülestõusid sundselikud mobiliseerimised on suure osa töörahwast paernatanud talerma sõjamõtelise distsipliini alla. Kõik töörahwa klassiwõitluse awaldusi rammestab sõjaseaduse ja sõjaväljakohtute kurjapuujalik surwe. Nõndanimetatud riigiliste ninel saadab kodanlus korda kugrmatuid wägiwallu- ja häbiteguisid töörahwa wastu. Meie oleme jõudnud selle piirini, kus töörahwas ilma sõjariistu wastuhakkamiseta ja kodanluse wäenõimawaitsuse kuluemiseta iseg kõige itsitsemaid majandusliisia wõudmiisi ei jaa läbi wiia, sest iga streiki, iga ettewalmistuseki streigiele surnatakse maha wangistuste, pääsmiste abil tööle sundimise, streikijate mobiliseerimise, laagilohtu ette tassumiste ja neljanelimisliiste prowokatsioonidega, — ja ikka selle nurjatu ettekäändega, et seda u. n. riigikaitseks waja olla!

Kõrtelowaks silmapiiguks on Eesti töörahwa klassiwõitlus iseäranis raskeste seikuloorda pondub lisaks weel seeläbi, et kodanluse salakawalus ja Eestimaa ümbritsemad põhjast ja idast Wene walgetega, lõunast Saksa ja Läti walgetega. Tagajärjeriikos Eesti töörahwa wõitlus Eesti kodanluse wastu jouks lehe wereselt lämmatatud Wene, Läti ja Saksa walgete wäesallede poolt.

Tehes seda otsust, kutsume meie teid, seltsimehed, üles revolutsioonilise wõitluse jatkamisele kodanluse wastu mitmekordse jõuga! Selleks pühast mäsalseegist, mis iga proletaarlase hinges lõkendab, tõusku häwitama tuli, mis kodanlise Eesti maapinnalt pühib ja töörahwa wabastab! Eesti töökommuuna walitsust ei ole enam! — **Elagu Eesti töökommuuna walitsus!**

Seltsimehed! Et wabastada Eesti töörahwa käe otsustawals wõitlusels kodanluse wastu ja luua tingimisi, milles see wõitlus lahendamalt arenedu nõuks, selleks on waja tõpetada sõda punase Wenemaa wastu.

Sellepärast kutsume meie teid üles wõitlusele, et tehtaks

rahu punase Wenemaaga!

Wõitlusele rahu eest Wenemaa nõukogude wabariigiga kutsume meie üles proletaarlasi ja töölisi neid, kes selles õjas sini-must-walge lipu all on sõbinud ausas, kuigi eksitatus nuus, unubes kui ei sünnis see sõda mitte kontrrevolutsioonitähe all. Aga ühtlasi teamtame meie: see walitsus, kes on awalikult rahuwastwelise kontrrevolutsioonist täitkuks, tes on Eestile kaela sadanud parunite maalaitsewade, kes on suurels kaswatanud ja te!, otsast lõhi-lõstund Wene walgekaardi — see liitrüüdest, Mannerheimist ja Judenitshist äratõppuw walitsus ei tee rahu punase Wenemaaga! Liitrüüdeja Soome konstuline kõhimees Straudmann ei tee rahu ilma oma täjatajate loota. Sellepärast on rahu teostatav ainult, kui töörahwa poolt wõidelduse

maha kodanluse walitsus!

Манифест Эстляндского Центрального Комитета Коммунистической партии к трудящимся Эстонии от 19 июля 1919 г.

жуазии и создать условия, при которых эта борьба могла бы свободнее развиваться, для этого нужно кончить войну против красной России. Поэтому мы призываем вас начать борьбу за заключение мира с красной Россией!»

В манифесте партия предупреждала трудящихся, что эстонская буржуазия — враг мира, что она заключит мир только тогда, когда это ей разрешат сделать ее подлинные хозяева — западные империалисты. Поэтому трудящиеся Эстонии могут добиться мира только путем упорной борьбы.

В манифесте от 19 июля деятельность Эстляндской трудовой коммуны объявлялась законченной. «Принимая это решение, мы призываем вас, товарищи, — говорил Центральный Комитет, — к продолжению революционной борьбы со все возрастающей силой! Пусть вспыхнет то священное мятежное пламя, которое пы-

лает в душе каждого пролетария, и очистительный огонь сметет с лица земли буржуазию Эстонии и освободит трудящихся!»

В манифесте Центрального Комитета подчеркивалось, что главной целью партии по-прежнему остается борьба за свержение буржуазии и установление Советской власти. «В огне этой борьбы родится Эстония трудового народа и будет создана Эстляндская трудовая коммуна, сломить которую не сможет никакая сила».

20 июля состоялся расширенный пленум Таллинского городского комитета, который обязал партийные организации мобилизовать все силы на активную борьбу за мир. Городской комитет предложил организовать массовые собрания, забастовки и т. д. под лозунгом: «Да здравствует мир с Советской Россией!»

Причины поражения Эстляндской трудовой коммуны. Основной причиной поражения Советской власти в Эстонии было то, что против трудового народа Эстонии стояли силы международного империализма — объединенные силы американских, английских, французских и других империалистов, а также их приспешников — эстонской буржуазии, прибалтийских помещиков, финских, шведских и датских авантюристов и русских белогвардейцев. Советская же Россия, окруженная в то время со всех сторон интервентами и белогвардейцами, была вынуждена направлять свои главные силы на другие фронты, в первую очередь против Колчака и Деникина.

Поражению трудового народа Эстонии способствовало, кроме изменения соотношения сил, также и то, что Эстонское Советское правительство допускало ошибки, в первую очередь — в аграрном вопросе. Вместо того, чтобы передать часть земли, конфискованной у помещиков и крупных аграриев, непосредственно безземельным и малоземельным крестьянам, Коммуна форсировала только создание сельскохозяйственных коммун (явление, которое, между прочим, было свойственно не одной лишь Эстляндской трудовой коммуне, а наблюдалось в тот период и во многих других местах). Такая аграрная политика в условиях ожесточенной гражданской войны затруднила создание прочного союза рабочего класса с беднейшим крестьянством. Эстонским коммунистам не удалось в связи с этим ликвидировать влияние социал-демократов и эсеров, обманывавших крестьян лживыми обещаниями наделить их землей.

Допускались и ошибки военно-оперативного порядка. После освобождения Нарвы эстонские коммунистические стрелковые полки не организовали немедленного преследования отступающего и деморализованного противника; наступление было возобновлено лишь 6 декабря. То же повторилось 16 декабря после освобождения Раквере, хотя неприятельские ряды и здесь были сильно расстроены. Аналогичное положение сложилось и на южном участке. Это позволило эстонской буржуазии выиграть время для мобилизации и концентрации своих сил. Руководители Ком-

муны недооценивали возможности противника, в частности, не учли возможности вооруженного вмешательства извне. Прибытие иностранных добровольцев было для них полной неожиданностью. Только 11 января 1919 года, когда объединенные силы белогвардейцев и интервентов уже перешли в наступление и прорвали фронт, в Нарве и уезде была объявлена всеобщая мобилизация, к проведению же ее было приступлено только тогда, когда части Красной Армии начали покидать город. С опозданием была проведена мобилизация также и в Тартуском, Валгаском и Вильяндиском уездах. В частности, мобилизованные смогли прибыть в Валга лишь к моменту отступления Красной Армии из города.

Правительство Коммуны недостаточно учитывало то обстоятельство, что многолетняя руссификаторская политика царизма создала среди крестьянства и вообще мелкой буржуазии известную почву для националистических предрассудков. Контрреволюционная эстонская буржуазия использовала и всячески раздувала эти предрассудки, выдвинув на первый план лозунг национальной независимости как основное средство маскировки своих антинародных замыслов. Эстляндская трудовая коммуна поступала правильно, когда всемерно подчеркивала интернациональный характер Советской власти и неразрывность интересов эстонского трудового народа с интересами трудящихся всей России, но Коммуна недостаточно разъясняла, что именно Советская власть и несет Эстонии подлинную независимость и национальную свободу; в своей практической деятельности эстонские коммунисты нередко недооценивали роль сложного фактора национальных чувств и национальных традиций в складывании соотношения классовых сил.

Компартия Эстонии делала «левые» ошибки и по ряду других вопросов (роль профсоюзов, использование старых специалистов, отношение к религии и т. д.). Руководящие деятели Коммуны принадлежали к числу тех товарищей, которые на VIII съезде РКП(б) были охарактеризованы как коммунисты, «говорившие в начале революции, что пройдет 3—4—5 лет и у нас будет построен социализм».

Поражению Эстляндской трудовой коммуны способствовало также и то обстоятельство, что силы эстонского рабочего класса вследствие германской оккупации значительно уменьшились. В тылу белогвардейских войск не было широкого организованного партизанского движения, хотя для этого существовали необходимые предпосылки. Об этом убедительно говорит восстание на острове Сааремаа.

Значение Эстляндской трудовой коммуны. Эстляндская трудовая коммуна просуществовала недолго, но, несмотря на это, ее значение в истории освободительной борьбы эстонского трудового народа исключительно велико.

Эстляндскую трудовую коммуну, или Эстонскую Советскую

Республику, создавал рабочий класс во главе с коммунистами, которые увлекали за собой десятки тысяч безземельных и малоземельных крестьян.

Эстляндская трудовая коммуна была суверенным национальным государством эстонских рабочих и крестьян.

Командарм А. Корк.

Эстонский трудовой народ накопил за этот короткий срок огромный опыт. Он научился создавать свои собственные вооруженные силы и управлять ими; научился организовывать советский государственный аппарат и советскую систему хозяйства. Трудящиеся Эстонии убедились, что к осуществлению Советской власти привлекаются самые широкие слои трудового народа, что эта власть выражает интересы всех трудящихся и несет им освобождение от капиталистического рабства.

Органы Совета Эстляндской трудовой коммуны провели огромную политическую, хозяйственную и воспитательную работу по повышению классовой сознательности народных масс. Результаты этой работы были столь значительны, что двадцатилетний период буржуазного террора оказался не в состоянии вытравить их из сознания людей.

Давая оценку исторической роли и значению Эстляндской трудовой коммуны в самоотверженной борьбе революционных рабочих и трудящихся Эстонии, резолюция, принятая 9 августа 1919 года на объединенной конференции представителей Эстляндской организации Коммунистической партии и эстонских секций РКП(б) в Петрограде, отмечала: «Хотя Эстонская Советская Республика по вине международных палачей и исчезла с лица земли, она не умерла. Она продолжает жить в сердцах тысяч и десятков тысяч эстонских рабочих...»

Осенью 1919 года эстонские коммунистические части были переведены на Южный фронт, где они, сражаясь против Деникина и Врангеля, вписали немало славных страниц в историю гражданской войны. Беспримерный героизм, самоотверженность, высокий революционный порыв проявили эстонские воины в сражениях

под Орлом, при освобождении Курска, Белгорода, Тима, Волчанска и Изюма, при разгроме белогвардейских банд в Донбассе. Эстонская дивизия участвовала в знаменитом прорыве вражеских позиций на Перекопском перешейке и в овладении Юшуньскими укреплениями в ноябре 1920 года.

Эстонские части приняли участие в очистке тыла войск Юго-западного фронта от махновских и других контрреволюционных банд.

В ходе боев на многих фронтах гражданской войны из среды эстонских воинов выдвинулся ряд крупных военачальников — командармы А. Корк, А. Кукк, комдив И. Раудметс, флагман I ранга И. Лудри и др.

Эстонские коммунистические полки с честью выполнили свой революционный интернациональный долг по защите первого в мире государства трудящихся — Советской России.

§ 8. БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ЭСТОНИИ ЗА МИР. ТАРТУСКИЙ МИР

I съезд профсоюзов Эстонии. К осени 1919 года Антанта начала подготовку «похода 14 государств» против Советской России. Теперь, после разгрома Колчака, империалисты надеялись главным образом на наступление Деникина с юга. Для поддержки Деникина Юденич должен был снова нанести удар по Петрограду. Юденичу по приказу Антанты были приданы также эстонские белогвардейские части.

Буржуазное правительство ничем не могло оправдать участия эстонской белой армии в интервенции, ибо империалисты Антанты и русские белогвардейцы признавали только «единую и неделимую Россию». В целях обмана общественного мнения и вовлечения эстонцев в войну против Советской России империалистами Антанты в августе 1919 года в спешном порядке — в течение одного часа — было сколочено в Таллине марионеточное «русское северо-западное правительство» во главе с нефтепромышленником Лианозовым, которое тут же «признало» существование Эстонии как государства. Эфемерный характер «правительства» Лианозова был хорошо известен лидерам эстонской буржуазии; Юденич игнорировал его полностью. Тем не менее, эстонским солдатам, которых посылали в бой за восстановление «единой и неделимой» и национального гнета, говорили, что они воюют за национальную свободу и независимость.

Борьба трудящихся Эстонии за мир срывала планы империалистов и грозила им потерей важного антисоветского плацдарма.

Эта борьба достигла высшей точки на I съезде профсоюзов Эстонии (30—31 августа 1919 года). На съезде было представлено около 40 тысяч организованных рабочих. Из 417 делегатов 379 были сторонниками коммунистов. Съезд решил стать на позиции Коминтерна, осудил насилие над революционными рабо-

чими деятелями, выразил глубокую благодарность и сочувствие товарищам, пострадавшим за дело рабочего класса, и изгнал со съезда лидеров социал-демократов за их деятельность, направленную против трудового народа.

Накануне съезда английский консул Бозанкет сделал председателю Центрального Совета профсоюзов А. Аннусу провокационное предложение, чтобы Центральный Совет организовал восстание рабочих для свержения буржуазного правительства. При

«Рабочий дом» (на улице Суур-Карья, 18, в Таллине), где в 1919 году проходил I съезд профсоюзов Эстонии.

этом английский консул обещал, что если рабочие возьмут власть в свои руки, то им будет обеспечена денежная и военная помощь англичан. Съезд разоблачил предложение английского дипломатического представителя как наглую провокацию, предпринятую по договоренности с эстонским буржуазным правительством и имевшую целью вызвать вооруженное восстание рабочих, чтобы потопить его в крови и разгромить движение трудящихся масс за мир. Съезд потребовал высылки дипломата-провокатора.

Основным вопросом, стоявшим на съезде, был вопрос о мире. Уже давая разрешение на проведение съезда, министр внутренних дел социал-демократ Хеллат потребовал, чтобы на нем не затрагивался вопрос о мире. Но съезд занял смелую позицию в этом важнейшем вопросе. Он подчеркнул, что Эстония стала ору-

дием империалистических государств в антисоветской войне. В принятой резолюции съезд потребовал, чтобы эстонское буржуазное правительство немедленно прекратило всякое сотрудничество с русскими белогвардейцами и иностранными интервентами и предприняло шаги для заключения мира с Советской Россией. Резолюция заканчивалась призывом: «Да здравствует мир с Советской Россией!» Делегаты съезда горячо приветствовали резолюцию и единодушно проголосовали за нее. После этого все делегаты встали и запели «Интернационал». Тотчас же в зал, где происходил съезд, ворвались солдаты в полном боевом снаряжении. По указке «социалистического» правительства, по заранее подготовленным спискам, были арестованы наиболее активные делегаты съезда. В тот же день в городе были арестованы также многие другие рабочие. Ночью арестованных отвезли под сильным конвоем на фронт под Псков. План властей состоял в том, чтобы спровоцировать уничтожение арестованных самой Красной Армией; для этого арестованных — 76 человек — направили под видом «белого десанта» в сторону фронта. Благодаря бдительности красноармейцев этот подлый план сорвался. Красноармейцы не открыли огня и радушно встретили эстонских товарищей.

А. Аннус.

По приказу социал-демократического министра внутренних дел Хеллата 25 выдающихся представителей эстонского рабочего движения, которые были отделены от остальных арестованных, 6 сентября без всякого суда были тайно убиты на болоте вблизи Изборска. Это было типичное политическое убийство, такое же, как организованное англичанами за год до этого убийство 26 бакинских комиссаров.

Жертвами буржуазных убийц пали А. Аннус, М. Коольмейстер, Ю. Типпо, А. и М. Умберги и другие видные представители трудящихся — борцы за мир.

Оценивая значение I съезда профсоюзов Эстонии, Ленин сказал: «Маленькая Эстляндия на своей беспартийной конференции

профессиональных союзов дала должный ответ сильной Англии, — Англии, которая грозила нам союзом четырнадцати государств».[1]

Съезд ясно показал, что эстонский трудовой народ не хочет воевать против Советской России. Твердая позиция съезда в вопросе о мире была серьезным предупреждением буржуазии и заставила ее задуматься о мирных переговорах, несмотря на то, что ее хозяева — империалисты — не давали на это своего разрешения. I съезд профсоюзов Эстонии показал, что американским и английским интервентам становилось все труднее находить пушечное мясо для осуществления своих планов мирового господства.

Ликвидация армии Юденича. Тартуский мир. В конце сентября, в самый напряженный момент боев на юге, когда деникинцы угрожали Москве, Северо-западная армия Юденича вновь начала наступление на Петроград. Силы ее к тому времени значительно возросли, в то время как Советская страна вынуждена была направлять все свои силы на юг.

Для маскировки своего участия в походе Юденича эстонское буржуазное правительство сделало вид, что оно уступает требованиям трудящихся и идет на переговоры о мире с Советской Россией. Но когда 17 сентября в Пскове начались переговоры о мире, представители буржуазной Эстонии выдвинули явно провокационные требования, вроде требования об отводе частей Красной Армии на линию Петроград—Дно—Великие Луки—Витебск—Орша и требования о ликвидации советского Балтийского флота.

Державы Антанты были категорически против переговоров между Советской Россией и Эстонией. В тот же день, когда в Пскове начались переговоры, британский военный представитель в Прибалтике в письменной форме потребовал от правительства буржуазной Эстонии, чтобы оно «не предпринимало никаких шагов к заключению мира с большевиками». На такой же позиции стоял и руководитель французской военной миссии в Прибалтике. Начальник американской военной миссии заявил, что мирные переговоры «представляют собой опасную игру», которая заставит союзников отказаться от оказания помощи Эстонии. Уже на следующий день правительство буржуазной Эстонии прервало переговоры. Белоэстонские войска вероломно нарушили перемирие и повели наступление вдоль берега Финского залива, одновременно высадив два десанта.

При этом правительству Эстонии было прекрасно известно заявление, сделанное Юденичем журналистам после захвата Гатчины (среди этих журналистов находился и представитель эстонской буржуазной прессы). Юденич заявил: «Вот сначала возьмем Петроград, а потом повернем штыки на Ревель». Эстонскому буржуазному правительству еще раньше была известна «точка зре-

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 7.

ния» Юденича, говорившего, что «никакой Эстонии нет. Это кусок русской земли, русская губерния».

Чтобы поднять боевой дух своей армии и усилить иллюзорные надежды крестьян на получение земли, Учредительное собрание в срочном порядке приняло земельный закон, согласно которому отчуждалась крупная земельная собственность помещиков. Было обещано в первую очередь наделить землей солдат буржуазной армии.

20 октября армия Юденича, вооруженная английскими танками и поддержанная эстонскими белогвардейскими частями, вышла на подступы к Петрограду. Западноевропейская печать трубила о падении города в ближайшие дни. Но героический петроградский пролетариат грудью встал на защиту колыбели революции. Ленин призвал рабочих и красноармейцев Петрограда защищать каждую пядь родной земли, бороться до последней капли крови. Петроградские коммунисты и комсомольцы были мобилизованы на защиту города. Целыми семьями рабочие шли на рытье окопов. Предприятия круглосуточно работали на оборону. Пролетарский Петроград стал неприступной крепостью.

Эстонский трудовой народ энергично выступил против нового военного похода «своей» буржуазии и иностранных интервентов. Листовки Центрального Комитета партии призывали военнослужащих буржуазной армии отказываться идти на Петроград, а таллинских рабочих — протестовать против этой авантюры буржуазии и еще энергичнее бороться за мир с Советской Россией. Коммунисты усилили среди солдат разъяснительную работу, разоблачая истинный, контрреволюционный и интервенционистский характер похода на Петроград. В Таллине развернулось широкое забастовочное движение, переросшее к середине ноября во всеобщую стачку. Своим острием забастовка была направлена против буржуазного правительства, против его интервенционистской политики.

Эстонская буржуазия теперь ясно поняла, что для своего спасения она должна заключить мир с Советской Россией.

В 20-х числах октября Красная Армия начала контрнаступление. 7-я армия (командующий Д. Н. Надежный) нанесла удар в направлении Ямбурга, 15-я армия (командующий А. И. Корк) — на участке Луга—Псков. К середине ноября обе армии соединились и овладели Ямбургом. Армия Юденича под влиянием поражений быстро разваливалась, сотни и тысячи солдат переходили на сторону Красной Армии или сдавались в плен. Деморализованы были и белоэстонские части, они все чаще отказывались идти в бой.

5 декабря 1919 г. эстонское правительство, под воздействием поражений на фронте, мощного забастовочного движения таллинского пролетариата и антивоенного движения в рядах армии, вынуждено было возобновить мирные переговоры с Советской Россией, хотя верховный совет Антанты был по-прежнему против

заключения мирного договора. Переговоры в Тарту закончились заключением 31 декабря 1919 года перемирия, а затем подписанием 2 февраля 1920 года мирного договора.

Мирные переговоры разоблачили эстонскую буржуазию как мелкого, но алчного хищника. Она всячески пыталась использовать переговоры для достижения своих захватнических целей. По мирному договору в пределах буржуазной Эстонии остались территории с русским населением: Печоры, Изборск и их окрестности, а также территория к востоку от реки Нарвы. Советское правительство пошло также навстречу стремлению буржуазной Эстонии получить соответствующую часть золотого запаса царской России: согласно договору буржуазная Эстония получила 15 миллионов рублей золотом. Сделав эти уступки Эстонии, которая еще не была признана де-юре ни одним государством, Советская страна дала всему миру еще одно убедительное доказательство своего великодушия и мирной политики. Из всех заключенных до этого договоров между большим и малым государством, это был единственный договор, заключенный на началах равноправия.

Международное значение Тартуского мира. Заключение мирного договора знаменовало важную победу народов России над своими внешними и внутренними врагами. Этот договор был первым мирным договором Советской России, первой трещиной в империалистическом фронте, который кольцом окружал Советскую страну.

В. И. Ленин, выступая 2 февраля 1920 года на заседании Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, указывал, что демократический мир с Эстонией означает, что Советская республика оказалась сильнее всего мира хищников, как в прямой борьбе против контрреволюции, поддерживаемой империалистами всего мира, так и на пути к миру, против которого всеми своими силами выступал капиталистический мир. Ленин показал, что советский народ победил потому, что большинство населения земного шара фактически было на стороне Советской республики, потому что Советское государство делами подтвердило свою мирную политику.

По оценке Ленина, мирный договор с Эстонией был победой, которая «имеет гигантское историческое значение, потому что она одержана без применения насилия, эта победа одержана над всемирным империализмом, победа, благодаря которой большевики приобретают сочувствие всего мира».[1]

Заключение мира между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и буржуазной Эстонией имело большое значение для эстонского народа.

По Тартускому мирному договору находившиеся на эстонской территории белогвардейские банды Юденича были принуждены

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 299.

разоружиться, а вооруженные силы иностранных интервентов, в том числе и английский флот, должны были покинуть Эстонию. Провалились планы превращения Эстонии в мандатную территорию Англии, а также планы создания баз английского флота на эстонских островах. По сравнению с этим буржуазная «независимость» была все же меньшим злом.

Поскольку Тартуский мирный договор помог всем советским народам добиться общей победы над интервентами и белогвардейцами и укрепить положение первого в мире Советского государства, он вместе с тем создал условия для развертывания в дальнейшем революционного движения эстонского трудового народа за свержение буржуазной диктатуры и восстановление Советской власти.

Тартуский мир положил конец тому периоду в истории эстонского народа, когда его заставляли проливать свою кровь и кровь русских трудящихся в интересах Антанты и эстонской буржуазии. Кончился период, в течение которого лозунги буржуазной «независимости» и национализма имели наиболее широкое разлагающее влияние на менее сознательные слои населения. Безоговорочное признание Советской Россией малой страны, не признанной ни одним другим государством, нанесло сильный удар по дальнейшему росту антирусского национализма. «Именно признанием независимости государств польского, латышского, литовского, эстляндского, финского, — говорил позднее В. И. Ленин, — мы медленно, но неуклонно завоевываем доверие самых отсталых, всего более обманутых и забитых капиталистами, трудящихся масс соседних маленьких государств. Именно таким путем мы всего вернее отрываем их из-под влияния «их» национальных капиталистов, . . . ведем их к полному доверию, к будущей . . . Советской республике».[1]

Так героическая борьба эстонского народа под знаменем пролетарского интернационализма помогла тому, что Эстония первой выпала из системы антисоветских интервенционистских сил, организованных западным империализмом. Но эстонскому трудовому народу не удалось одолеть объединенные силы «своей» буржуазии, помещиков и иностранных интервентов и стать хозяином своей страны. В результате поражения эстонского трудового народа в гражданской войне в Эстонии на двадцать лет был реставрирован отживший свое время капиталистический строй. Интервентам удалось временно оторвать эстонский народ от других народов нашей страны. В Эстонии установилась кровавая диктатура националистической буржуазии.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 30, стр. 270.

Глава XII

ЭСТОНИЯ В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ (1920—1940)

§ 1. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ЭСТОНИИ В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА (1920—1924)

В. И. Ленин указывает, что в эпоху империализма «финансовый капитал и соответствующая ему международная политика, которая сводится к борьбе великих держав за экономический и политический раздел мира, создают целый ряд переходных форм государственной зависимости. Типичны для этой эпохи не только две основные группы стран: владеющие колониями и колонии, но и разнообразные формы зависимых стран, политически, формально самостоятельных, на деле же опутанных сетями финансовой и дипломатической зависимости».[1]

Эта характеристика относится и к буржуазной Эстонии, которая попала уже в годы гражданской войны в большую политическую и экономическую зависимость от Соединенных Штатов Америки, Англии и Франции. В последующие годы эта зависимость сохранилась и даже усилилась, но носила теперь намного более скрытый характер.

Экономическая зависимость Эстонии от западных держав, которая неизбежно влекла за собой и зависимость политическую, проявлялась в систематическом росте государственного долга, в неравноправных договорах и ряде других форм. Политическая зависимость, кроме того, обусловливалась еще постоянным страхом буржуазии Эстонии перед «коммунистической опасностью»; это заставляло ее добиваться «союза» с империализмом, не считаясь с экономическим ущербом, который приносил этот союз, и отказываться от сближения с Советской страной, несмотря на явные экономические выгоды, которые давал такой курс.

Послевоенные годы в Эстонии, как и во всей Европе, характе-

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 250.

ризуются революционным кризисом. Хаос в европейской промышленности, торговле и финансах сильно ухудшил положение трудящихся и вызвал крайнее усиление их недовольства. Ободренный победой Октябрьской революции, рабочий класс в ряде мест выступил с оружием в руках против буржуазии.

Промышленность. С установлением буржуазной диктатуры экономика Эстонии была искусственно изолирована от народного хозяйства России, органической частью которого она была до сих пор. В результате этого эстонская промышленность и сельское хозяйство потеряли исторически сложившийся рынок сбыта, а промышленность, кроме того, — важную сырьевую и топливную базу. С реставрацией капитализма Эстония стала составной частью мировой империалистической системы, которая к тому времени находилась в состоянии общего кризиса капитализма. В этих условиях потерю русских рынков нельзя было уже ничем компенсировать.

Созданная в свое время для удовлетворения потребностей внутреннего рынка России крупная промышленность Эстонии, прежде всего металлообрабатывающая промышленность, не находила в капиталистических странах Западной Европы рынков для сбыта своей продукции. Западноевропейские монополисты были заинтересованы в получении от Эстонии дешевого сырья, продовольственных продуктов и полуфабрикатов и в продаже ей, со своей стороны, по повышенным ценам заводского оборудования, сельскохозяйственных машин и разного рода промышленных товаров.

Таким образом, буржуазная Эстония могла найти рынки в основном только для сырья, полуфабрикатов и сельскохозяйственных продуктов. Несмотря на это, вплоть до начавшегося в 1923 году экономического кризиса, главное внимание в развитии экономики уделялось все же промышленности. Проведение политики «промышленной ориентации» определялось рядом факторов. В большой степени это обусловливалось тем, что положение и роль буржуазной Эстонии в мировой капиталистической системе, где ей отводилось место аграрной страны, в те годы еще не были в достаточной степени ясны эстонской буржуазии. Она еще питала кой-какие иллюзии. Буржуазия развивала промышленность еще и потому, что она лелеяла надежды на скорую реставрацию капитализма в Советской России.

В эти годы в промышленность направлялось 43—46 процентов выделяемых народному хозяйству государственных кредитов, которые покрывались в основном за счет полученных от Советской России по Тартускому мирному договору 15 миллионов золотых рублей. В то же время государственный кредит сельскому хозяйству составлял всего лишь 1,3—5,3 процента всех выдаваемых Эстонским банком займов. Львиная доля выделенных промышленности кредитов (в 1921 году — 68 процентов), в свою очередь была направлена в крупную промышленность, в том чис-

ле и на субсидирование прежних крупных предприятий. Государственный заем одному только Русско-Балтийскому судостроительному заводу, выданный через Эстонский банк, увеличился с 11 миллионов марок в конце 1920 года до 56 миллионов марок в конце 1922 года. Щедрое предоставление промышленности кредитов (политика «открытых кранов») способствовало безудержной спекуляции. Обычным явлением стало учреждение фиктивных, существующих только на бумаге, лишенных реальной экономической основы объединений и акционерных обществ, единственной целью которых было получение государственных займов.

Так, наиболее известные дельцы и спекулянты буржуазной Эстонии при участии Пятса и Лайдонера основали «Харьюский банк». Банк получил от государства заем — свыше 185 миллионов марок, который, в свою очередь, был роздан в виде ссуд специально созданным сомнительным предприятиям («Космос», «Леннук», «Атланта» и др.), где руководящую роль играли те же самые спекулянты или их подручные. В 1925 году «Харьюский банк» и названные предприятия были объявлены неплатежеспособными. Полученные от государства суммы и сбережения населения остались в карманах у спекулянтов.

Экономические отношения между буржуазной Эстонией и Советской Россией основывались на временных соглашениях. В первые годы буржуазной диктатуры эти отношения были все же (сравнительно с последующими годами) довольно оживленными. В 1920 году в Советскую страну шло 15,4 процента экспорта буржуазной Эстонии, в 1921 году — 28,6 процента и в 1923 году — 6,7 процента. Благодаря относительно оживленной торговле с Советской Россией послевоенный экономический кризис 1920—1921 годов, который в Западной Европе был очень острым, только частично захватил Эстонию.

Эстония экспортировала в Советскую Россию в основном промышленные товары — бумагу и другую продукцию целлюлозно-бумажной промышленности, металлоизделия (сельскохозяйственные орудия и машины) и текстиль. Для эстонской промышленности, работавшей с хронической недогрузкой и остро нуждавшейся в рынках, жизненно важным вопросом было заключение долгосрочных и широких торговых соглашений с Советским Союзом. Но буржуазное правительство уклонялось от тесных экономических связей с Советским Союзом, даже вопреки требованиям некоторых кругов буржуазии. Что касается трудящихся Эстонии, то они вели постоянную борьбу за установление нормальных экономических отношений с Советским Союзом, видя в этом важнейшее средство сокращения безработицы и общего улучшения экономического положения страны.

Отрицательные последствия потери всероссийского рынка и проводившейся буржуазией политики изоляции Эстонии от Советского Союза сильнее всего сказались на металлообрабатывающей и текстильной промышленности. Крупные предприятия ме-

таллообрабатывающей промышленности разорились уже в первые годы буржуазно-националистической диктатуры. Русско-Балтийский и Петровский (бывший «Ноблесснер») судостроительные заводы занимались в основном лишь ремонтом паровозов, причем на первом в 1922 году работало лишь 12 процентов, а на втором 27 процентов прежнего числа рабочих. Мощный вагоностроительный завод «Двигатель» занимался до 1922 года только ремонтом, и то в очень ограниченных масштабах. Названные заводы могли работать благодаря полученным от Советской России в 1921—1923 годах заказам на ремонт паровозов и тендеров. Крупные машиностроительные заводы, где производство, приспособленное теперь к нуждам внутреннего рынка, было распылено, также работали с недогрузкой. Так, на машиностроительном заводе акционерного общества «Крулль» в 1922 году работало 80 процентов и на машиностроительном заводе акционерного общества «Ильмарине» (бывший завод Виганда) — всего 60 процентов довоенного числа рабочих. Электромашиностроительный завод акционерного общества «Вольта», большая часть оборудования которого за годы войны была расхищена, был частично восстановлен в 1922 году для производства продукции на внутренний рынок. В 1923 году на заводе работало только около 10 процентов от числа рабочих, занятых здесь в 1914 году. Лишь одно-единственное металлообрабатывающее предприятие Эстонии — завод сельскохозяйственных орудий и машин акционерного общества «Тегур» в Тарту — превысило довоенный уровень производства, да и то благодаря тому, что часть его продукции удавалось экспортировать в Советский Союз.

Начавшееся разорение крупных предприятий металлообрабатывающей промышленности не могло быть компенсировано созданием множества новых, преимущественно мелких предприятий. Если в 1913 году в металлообрабатывающей промышленности (на предприятиях с числом рабочих 16 и более) работало 11 тысяч рабочих, а в 1916 году, когда крупные судостроительные заводы начали работать с полной нагрузкой, — 26 тысяч, то в конце 1922 года здесь было занято менее 8 тысяч рабочих.

Крупные предприятия текстильной промышленности, остро ощущавшие отсутствие рынков, в 1923 году достигли по хлопчатобумажным тканям 36 процентов, по пряже — 17 процентов и по сукну — 48 процентов довоенного уровня производства. Количество текстильных предприятий за счет основания многочисленных новых, в первую очередь карликовых, предприятий увеличилось с 552 в 1920 году до 678 в 1921 году. Несмотря на это текстильная промышленность давала гораздо меньше продукции, чем до войны. Если в 1913 году на крупных предприятиях [1] текстиль-

[1] В 1913 году к крупным предприятиям относили такие, на которых было занято 16 и более рабочих; в буржуазной Эстонии к крупным относили предприятия с числом рабочих 20 и более; к средним предприятиям относили предприятия с 5—19 рабочими.

ной промышленности работало более 18 тысяч рабочих, то в 1923 году на крупных и средних предприятиях, вместе взятых, было занято менее 10 тысяч рабочих.

Бумажным фабрикам, в основном благодаря заказам Советского Союза, удалось достигнуть примерно 85 процентов довоенного уровня производства. Из крупных предприятий легкой промышленности превысили довоенный уровень производства только спичечные фабрики; наличие отечественного сырья и дешевой рабочей силы позволило им конкурировать с заграничными спичечными фабриками. Главными потребителями продукции эстонских спичечных фабрик были Англия и Франция.

Марксизм-ленинизм учит, что общая тенденция загнивания монополистического капитализма не исключает возможности технического прогресса и подъема производства. «Было бы ошибкой думать, — писал Ленин, — что эта тенденция к загниванию исключает быстрый рост капитализма; нет, отдельные отрасли промышленности, отдельные слои буржуазии, отдельные страны проявляют в эпоху империализма с большей или меньшей силой то одну, то другую из этих тенденций».[1]

И в буржуазной Эстонии, наряду с общей тенденцией загнивания капитализма и специфической для Эстонии и некоторых других стран тенденцией резкого упадка и разрушения тяжелой промышленности, проявлялась противоположная тенденция относительно быстрого, хотя и неравномерного, развития отдельных отраслей промышленности. Быстро развивались сланцевая и торфяная промышленность, а также некоторые отрасли легкой промышленности, удовлетворявшие потребности внутреннего рынка.

Прямым толчком к созданию уже в конце 1918 года государственной сланцевой промышленности был порожденный войной острый топливный голод. Добыча сланца в государственной сланцевой промышленности увеличилась с 46 125 тонн в 1920 году до 227 645 тонн в 1924 году, а производство сланцевого масла — со 121 тонны в 1921 году, когда вошел в строй сланцеперегонный завод в Кохтла, до 335 тонн в 1924 году. Наличие дешевой рабочей силы было важнейшим обстоятельством, сделавшим возможным такой рост, несмотря на техническую отсталость сланцеперерабатывающей промышленности. Работа в сланцевых шахтах была сущим адом; нередко здоровье рабочего разрушалось уже через несколько лет работы в шахтах.

Хотя в руках иностранного, главным образом, английского капитала в рассматриваемый период находились уже обширные месторождения эстонского сланца, продукция принадлежавших иностранцам предприятий составляла лишь несколько процентов общего производства сланца. Ведущее место в сланцевой промышленности в годы послевоенного революционного кризиса удерживалось еще государственной промышленностью.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 22, стр. 286.

В целом промышленность Эстонии даже в годы «промышленной ориентации» далеко не достигла довоенного уровня.

Произошли серьезные изменения и в самой структуре промышленности. Если в 1913 году в металлообрабатывающей промышленности было занято 25,7 процента, а в 1916 году даже 52 процента общего количества промышленных рабочих, то в 1923 году этот процент снизился до 19,5 и в 1924 году даже до 16. В то же время удельный вес пищевой промышленности (по числу занятых в ней рабочих) поднялся с 2,6 процента в 1913 году до 6 процентов в 1923 году.

Начался процесс превращения Эстонии в аграрный и сырьевой придаток империалистических держав.

В рассматриваемый период продолжалось начавшееся еще в царское время проникновение иностранного капитала в национальную экономику Эстонии. Особенно лакомым кусочком для иностранного капитала были запасы эстонских сланцев. За их захват в 1920—1924 годах между империалистическими державами шла довольно острая борьба. Победителями в этой борьбе на первых порах оказались английские монополисты, которым удалось оттеснить на задний план монополии других стран (кроме шведских).

Из-за начавшегося разорения тяжелой промышленности и хронической недогрузки других крупных предприятий в Эстонии появилась постоянная армия безработных. Это открывало перед предпринимателями широкие возможности для снижения заработной платы и ухудшения условий труда. Заработная плата рабочих, по признанию самой буржуазной статистики, была самой низкой в Европе. Многие рабочие и их семьи страдали от недоедания. Женщинам-работницам за равный труд платили на 25—50 процентов меньше, чем мужчинам.

Крайне плохими были и жилищные условия рабочих. По данным буржуазной статистики, в 1922 году 58,6 процента рабочих семей жило в однокомнатных квартирах и в постройках барачного типа. Рабочих, потерявших работу и не имевших возможности внести в срок квартирную плату, домовладельцы по решению буржуазного суда выбрасывали на улицу.

Хотя буржуазия не осмеливалась официально отменить установленный Октябрьской революцией восьмичасовой рабочий день, фактически на большинстве предприятий он не соблюдался. Во многих мастерских и на фабриках чистота, освещение, вентиляция, отопление и т. д. не отвечали самым минимальным санитарно-гигиеническим требованиям. Положения об охране труда и технике безопасности, частично сохранившиеся еще с царского времени, не соблюдались администрацией предприятий. Число тяжелых несчастных случаев на производстве непрерывно росло. Если в 1922 году было зарегистрировано 2 804 несчастных случая, то в 1923 году — уже 4 212. В августе 1921 года министерство труда и попечительства утвердило «Таблицу штрафов за нарушение

внутреннего распорядка на фабриках Эстонии», которая восстанавливала систему штрафов царского времени, сметенную революцией 1917 года, и наделяла фабрикантов полицейскими, отчасти даже судебными правами по отношению к рабочим. Государственного обеспечения рабочих по старости, в случае потери трудоспособности, а также по безработице не существовало.

Буржуазная аграрная реформа и положение в сельском хозяйстве. Помещичья собственность на землю, ликвидированная Октябрьской революцией, была восстановлена буржуазно-националистической властью. Однако полный возврат к старому был невозможен. Уже через год, после Сааремаского восстания, буржуазия вынуждена была пойти на уступки крестьянству и осуществить аграрную реформу.

В октябре 1919 года Учредительное собрание приняло аграрный закон; в собственность государства было отчуждено 2 346 494 гектара, или 96,6 процента крупной земельной собственности. Из этого количества 1 253 189 гектаров приходилось на лес и непригодные для обработки земли, которые остались в распоряжении государства. Движимое и недвижимое имущество имений по аграрному закону следовало отчуждать за вознаграждение, вопрос же о денежной компенсации за землю был оставлен открытым.

Буржуазный аграрный закон и принятые в осуществление его постановления содержали заверения о наделении землей всех безземельных и об оказании им помощи в обзаведении хозяйством. Но это был лишь демагогический прием, рассчитанный на обман крестьян и ослабление классовой борьбы. На деле бóльшая часть созданного по аграрному закону государственного земельного фонда была роздана участникам антисоветской войны (им предоставлялось право на первоочередное получение земли), а также кулацким семьям, чиновникам, проводившим буржуазную аграрную реформу, и всевозможным спекулянтам. К концу 1923 года было создано 19 828 новых крестьянских дворов общей площадью в 421 345,5 гектара. 9242 из них (46,6 процента) общей площадью в 204 854,6 гектара (48,7 процента) были переданы участникам антисоветской интервенции.

Из 21 600 бывших мызных батраков к маю 1925 года получили землю только 5 504 человека, в среднем менее 7 гектаров каждый, а всего 38 237 гектаров. Десятки тысяч крестьян попрежнему оставались безземельными. Но и владельцы мизерных участков, естественно, должны были батрачить у «новых помещиков». И все же острое недовольство трудящихся крестьян было несколько ослаблено.

О классовом характере буржуазной аграрной реформы особенно наглядно свидетельствуют условия, на которых земля давалась в пользование новопоселенцам. Если активные белогвардейцы — «кавалеры креста свободы» и иностранные добровольцы — получали хозяйства нормального размера, обычно с хорошими угодьями, бесплатно и навечно, с правом наследования, то

остальным новопоселенцам земля давалась лишь за плату. Новопоселенцам, не являвшимся активными белогвардейцами, хозяйство вначале обычно давалось в пользование на шесть лет на основе договора об аренде. Если такой новопоселенец в течение этого срока точно выполнял все предусмотренные договором условия, он мог, выплачивая ежегодно определенную сумму, приобрести это хозяйство в постоянное пользование с правом наследования. Так как сотни новопоселенцев из крестьян из-за высокой арендной платы, земельного налога и отсутствия средств на строительство не в состоянии были выполнить все условия договора об аренде, они «добровольно» отказывались от выделенных им участков.

В результате потери петербургского рынка и приспособления к потребностям рынка западных держав прежнее многоотраслевое сельское хозяйство Эстонии (где наряду с животноводством было высоко развито также производство технических культур и зерна) стало приобретать однобокий характер, ориентируясь на производство масла и бекона.

Обслуживавшее петербургский рынок свиноводство сального направления пришлось, в соответствии с запросами английского рынка, реорганизовать в направлении производства бекона. Так как это требовало капиталовложений, то беконное свиноводство стало развиваться прежде всего в кулацких и состоятельных середняцких хозяйствах, способствуя тем самым дальнейшей дифференциации крестьянства. Сальные свиньи выращивались в меньшем количестве — для экспорта в Германию.

Раньше из молочных продуктов на петербургский рынок, наряду с маслом, шло много молока и сливок, теперь же новые рынки требовали только масло. Это повлекло за собой и известную реорганизацию молочного хозяйства.

Жесткие требования западного рынка вместе с тем привели к повышению уровня молочного животноводства, увеличению числа молочных товариществ и сепараторных станций.

Вследствие поворота сельского хозяйства к животноводству уже к концу рассматриваемого периода поголовье дойного стада превысило довоенный уровень; приближалось к довоенному и производство молока. Экспорт масла увеличился со 109 тонн в 1921 году до 3 187 тонн в 1924 году, что составляло примерно две трети довоенного уровня.

Подавляющую часть товарной продукции сельского хозяйства давали кулацкие хозяйства. Трудящееся крестьянство могло производить продукты на продажу лишь за счет ограничения своего и без того скудного потребления. Основой экономического роста кулаков была нещадная эксплуатация сельского пролетариата и бедноты. В летнее время кулаки заставляли сельскохозяйственных рабочих работать по 15—16 часов в сутки. Оплата их труда была ниже, а жилищные условия еще хуже, чем у городских рабочих.

С каждым годом росла зависимость сельского хозяйства от

«своего» и иностранного (в первую очередь английского) монополистического финансового капитала. Сбыт и экспорт сельскохозяйственных продуктов, а также снабжение крестьянства промышленными товарами все больше сосредотачивались в руках монополистических объединений. Так, союз «Эстония» в 1922 году захватил в свои руки 46,2 процента экспорта масла, а в 1924 году уже 53,1 процента. Монополистические союзы поддерживали низкие цены на сельскохозяйственные продукты и высокие — на промышленные товары. Результатом этого было разорение трудящегося крестьянства, значительно усилившееся в период экономического кризиса 1923—1924 годов.

Экономический кризис 1923—1924 годов. Летом 1923 года в Эстонии разразился экономический кризис. Большое число предприятий металлообрабатывающей, текстильной и других отраслей промышленности из-за отсутствия рынков сбыта вынуждено было полностью прекратить работу. Своего высшего предела кризис достиг в 1924 году.

Больше всего пострадала от кризиса металлообрабатывающая промышленность, особенно крупные судостроительные заводы. Это было обусловлено потерей в эти годы заказов от Советского Союза из-за недобросовестного выполнения буржуазией Эстонии временного советско-эстонского торгового соглашения. Если в начале 1917 года на Русско-Балтийском судостроительном заводе было занято 7 375, а на Петровском — 1 257 рабочих, то на 1 октября 1924 года эти цифры составляли соответственно лишь 400 и 62.

Тяжело переживала экономический кризис также и текстильная промышленность. В начале 1924 года на крупных предприятиях этой отрасли промышленности работал 8 121 человек, а в июле уже только 5 326, т. е. на 35,5 процента меньше. Выпуск продукции крупных предприятий текстильной промышленности в 1924 году сократился по сравнению с 1923 годом: по хлопчатобумажным тканям на 38 процентов, по суконным тканям приблизительно на 25 процентов, по хлопчатобумажной пряже на 38, по льняной пряже примерно на 30 процентов.

Число мелких предприятий (менее чем с 5 рабочими) сократилось в годы кризиса на 40 процентов.

Еще более осложнили положение неурожай 1923 года, падение курса марки и финансовый кризис.

В мае 1924 года Государственное собрание приняло предложенную министром финансов О. Штрандманом программу санации. В соответствии с этой программой для оздоровления экономики надлежало остановить падение курса марки путем перевода ее на золотую основу, ограничить ввоз и государственные кредиты, интенсифицировать вывоз и сократить бюджетные расходы. Путем жесткого проведения в жизнь этих мер и с помощью полученных в Швеции и Англии летом 1924 года займов к концу

1924 года удалось остановить падение курса марки. Промышленный кризис был преодолен в первой половине следующего года.

Кризис 1923—1924 годов имел для экономической жизни буржуазной Эстонии переломное значение. Он показал, что проводившаяся буржуазией «промышленная ориентация» не соответствовала объективным условиям, в которые попала национальная экономика Эстонии из-за ее насильственного отрыва от Советской России. С весны 1924 года начинается «сельскохозяйственная ориентация». Известная подготовка к этому была проведена еще в предшествовавшем году. В результате этой переориентации процесс аграризации Эстонии пошел еще более быстрыми темпами.

Буржуазия у власти. Конституция 1920 года. Хотя Эстония была по преимуществу мелкобуржуазной страной, ведущая роль в ее общественно-политической жизни принадлежала крупной буржуазии, представители которой в большинстве случаев возглавляли и правительства.

Основной опорой буржуазно-националистической диктатуры в Эстонии являлось кулачество. В 1922 году сельская буржуазия, по официальным статистическим данным, составляла 83,4 процента эстонской буржуазии. Насилием и обманом аграрии в союзе с городской буржуазией обеспечивали себе власть над эстонскими трудящимися. Все попытки трудящихся взять в свои руки судьбы Эстонии беспощадно подавлялись буржуазией. Необузданный террор господствующий класс сочетал с безграничной демагогией об «общих интересах» народа и «суверенной» Эстонии. Чем больше усиливалась зависимость Эстонии от иностранного капитала, тем больше господствующий класс шумел о якобы национальной независимости Эстонии. Чем наглее он предавал и продавал жизненные интересы эстонского народа, тем больше он разглагольствовал о любви к отечеству. Буржуазный национализм был важнейшим идеологическим оружием буржуазии, с помощью которого она стремилась выдавать интересы своего класса за интересы всего эстонского народа, отравлять сознание народа и принуждать его мириться с режимом насилия и бесправия.

Законодательное оформление буржуазно-националистическая диктатура получила в конституции, принятой Учредительным собранием в июне 1920 года.

По конституции 1920 года высшим (законодательным) органом власти в Эстонии являлся однопалатный, избиравшийся на 3 года парламент — Государственное собрание в составе 100 членов. Исполнительная власть по конституции принадлежала образуемому Государственным собранием правительству, состоявшему из государственного старейшины (премьер-министра) и министров.

В конституции 1920 года провозглашался целый ряд демократических прав и свобод. Буржуазия, стремившаяся к «твердой» власти, мечтала о другой конституции, но соотношение классовых сил непосредственно после Октябрьской революции и окончания

гражданской войны не позволило ей осуществить это. Основной докладчик по проекту конституции министр юстиции и внутренних дел Андеркопп позднее открыто признавал, что ему «пришлось пойти на многие компромиссы со своими взглядами» и что если конституция получила такой демократический вид, то только потому, что в 1920 году нельзя было провести иную конституцию.

В отношении трудящихся провозглашенные в конституции принципы никогда в жизнь не проводились. Несмотря на декларированную в конституции свободу слова и печати буржуазное правительство систематически преследовало рабочую печать. Только в течение 2 лет (с конца 1921 по конец 1923 года) власти закрыли 16 рабочих газет. Обычным явлением в «демократической» Эстонии было запрещение рабочих собраний и их разгон. В. Кингисепп как-то метко заметил, что в Эстонии «свобода слова рабочих — это свобода стонать». В конституции декларировалось, что никто не может быть арестован без постановления суда, за исключением лиц, застигнутых на месте преступления. На самом же деле неприкосновенности личности не существовало даже для депутатов парламента, если они избирались по рабочему списку. Депутатов-коммунистов арестовывали по усмотрению полицейских властей без всякого повода, хотя по закону депутат не мог быть подвергнут аресту без разрешения Государственного собрания. Первый массовый арест коммунистов, избранных в парламент и органы местного самоуправления, был осуществлен по всей Эстонии весной 1921 года.

Уже из-за действовавшего в буржуазной Эстонии с ноября 1918 года военного положения конституционные свободы в отношении трудового народа оставались, в сущности, лишь пустыми декларациями, служившими для украшения фасада буржуазной диктатуры. Под давлением народных масс буржуазное правительство было вынуждено начиная с марта 1921 года частично отменить военное положение. Начиная с сентября 1922 года военное положение сохранялось «только» в Таллине, Нымме, вдоль всей границы с Советской Россией (включая весь район Петсери), на всех железнодорожных узлах и в ряде приморских волостей, а также в волостях, примыкающих к Таллину. Однако и в это время коммунисты, независимо от места их деятельности, предавались суду военного трибунала и судились по законам военного времени, ибо считалось, что ЦК компартии находится в Таллине, а в Таллине военное положение за все годы буржуазной диктатуры никогда не отменялось. После подавления вооруженного восстания трудящихся 1 декабря 1924 года по всей стране было вновь введено военное положение.

Именно закон о военном положении, а не конституция, был в действительности основным законом государственной жизни буржуазной Эстонии.

Между различными буржуазными партиями, отстаивавшими

интересы отдельных групп буржуазии, шла непрерывная грызня за увеличение своей доли в эксплуатации трудящихся и дележе «государственного пирога». Но все они единым фронтом противостояли эстонским трудящимся и их революционному движению.

Важнейшими буржуазными и мелкобуржуазными партиями были объединение аграриев, народная партия, трудовая партия (трудовики) и партия социал-демократов.

Объединение аграриев — сильнейшая политическая партия буржуазной Эстонии — было не чем иным, как бывшим «Союзом земледельцев», который принял новое название, так как прежнее было дискредитировано его сотрудничеством с немецкими оккупантами в 1918 году и необузданным террором в годы гражданской войны. Социальную базу этой партии составляли кулачество и наиболее крупная городская буржуазия. Объединение аграриев являлось наиболее реакционной партией в Эстонии. Лидером партии был К. Пятс. На выборах во II Государственное собрание в мае 1923 года аграрии собрали 21,6 процента голосов и получили 23 депутатских места.

Народная партия выражала в основном интересы средней и части крупной городской буржуазии, а также интересы некоторых кругов кулачества. Наиболее сильными были позиции этой партии в Тарту. Лидеры партии во главе с Я. Тыниссоном, большинство из которых являлось представителями крупной буржуазии, выступали с демагогическими заявлениями, что они-де в противоположность другим партиям, в первую очередь — аграриям, защищают интересы не узких кругов общества, а всего народа. На деле же руководители партии — Я. Тыниссон, Ю. Яаксон и другие — проводили в буржуазных правительствах политику, которая мало чем отличалась от политики аграриев. На выборах во II Государственное собрание народная партия собрала 7,5 процента голосов и получила 8 мандатов.

Эстонская трудовая партия опиралась в основном на мелкую буржуазию (мелких землевладельцев, ремесленников и т. д.). Стараясь обмануть широкие слои народа, трудовики лицемерно заявляли, что их конечной целью является установление социалистического строя, но не через классовую борьбу и диктатуру пролетариата, а «путем реформ». Лидер партии О. Штрандман не раз был главой правительства и министром и последовательно защищал при этом интересы эстонского и иностранного капитала. «Трудовая партия очень даже уважает чужой труд, если плоды этого труда можно на основании капиталистического права опустить в карман того, кто не работает», — так В. Кингисепп охарактеризовал подлинную сущность трудовой партии. На выборах во II Государственное собрание трудовики собрали 11,2 процента голосов и получили в парламенте 12 мест.

В 1923 году из трудовой партии выделилось «объединение новопоселенцев и мелких земледельцев». Эту новую партию возглавили деятели буржуазной земельной реформы — И. Цим-

мерман, И. Лехтман и другие. Они стремились путем обмана оторвать от трудового крестьянства мелких новопоселенцев и втянуть их в одну партию с кулаками-новопоселенцами, с тем чтобы предотвратить сплочение бедных слоев крестьянства под знаменем компартии. На выборах во II Государственное собрание «объединение новопоселенцев и мелких земледельцев» получило 3,8 процента голосов, а на выборах в III Государственное собрание (1926 год) уже 13,5 процента.

Основную социальную базу Эстонской социал-демократической рабочей партии составляли полупролетарии и малосознательная часть рабочего класса. Лидеры социал-демократов — М. Мартна, А. Рей, К. Аст и другие — лишь на словах защищали интересы рабочего класса, на деле же они являлись злейшими врагами трудящихся и верными прислужниками эстонской буржуазии. А. Рей, К. Аст и их соратники по партии неоднократно входили в состав буржуазных правительств и поддерживали антирабочую политику буржуазии, включая и белый террор. «Социалист» Хеллат был организатором разгона I съезда профсоюзов, убийства 25 виднейших деятелей рабочего движения и ряда других грязных дел эстонской буржуазии. На выборах во II Государственное собрание за социал-демократов было подано 14 процентов общего числа голосов, что позволило им занять в парламенте 15 мест.

В «демократической» эстонской республике деятельность коммунистической партии была запрещена. Принадлежность к этой партии каралась каторгой или смертной казнью. Хотя по конституции все граждане имели право объединяться в союзы, рабочие организации всячески преследовались, деятельности их чинились всевозможные препятствия. Рабочие организации Таллина могли, например, использовать лишь сырое подвальное помещение под городской библиотекой, которое называли «Рабочим подвалом».

Военные акции буржуазии против трудящихся никогда не прекращались. Охранка, армейская разведка и контрразведка, кайтселийт, суд и армия вели непрестанную борьбу против «коммунистической опасности» в Эстонии. Всякий раз накануне «демократических» выборов военные и полицейские силы проводили широкие «операции» против организаций трудящихся: их помещения подвергались разгрому, газеты конфисковывались или уничтожались, проводились массовые аресты деятелей рабочего движения.

Внешняя политика. Основной целью внешней политики империалистических правительств США и Англии после Октябрьской революции было изолировать и ослабить Советскую страну, с тем чтобы подготовить ее уничтожение вооруженной силой.

Ненависть эстонской буржуазии к Советской власти, ее страх перед «своими» трудящимися и огромная задолженность империалистическим странам толкали ее на послушное участие в антисоветских махинациях империалистов. Это было грубым наруше-

нием эстонской буржуазией Тартуского мирного договора, по которому договаривающиеся стороны обязывались наладить между собой тесные и добрососедские отношения. Уже на конференции в Сан-Ремо в начале 1920 года представители буржуазной Эстонии Пийп и Пуста следующим образом сформулировали «международную миссию» Эстонии: по своему географическому положению Эстония может служить каналом для распространения западной цивилизации на восток. В переводе с дипломатического языка на обычный это означало, что буржуазная Эстония готова стать каналом для антисоветской империалистической агрессии.

В 1920 году, когда Антанта силами панской Польши и Врангеля осуществляла очередной поход против Советской страны, под руководством французской дипломатии в Хельсинки (в январе) и в Варшаве (в марте) происходили конференции представителей Польши, Финляндии и прибалтийских государств с целью создания антисоветского блока. Революционная борьба трудящихся этих стран, разгром Красной Армией Врангеля, а также разногласия между государствами — участниками конференции, особенно между Польшей и Литвой, помешали осуществлению этого плана. Не удалось Антанте сколотить агрессивный прибалтийский блок из Эстонии, Латвии, Финляндии и Польши и в 1921 году — в первую очередь из-за противоречий между самими этими странами. В марте 1922 года в Варшаве состоялась очередная конференция представителей Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии, на которой под руководством французской дипломатии между ее участниками был заключен антисоветский военно-политический союз (со стороны Финляндии он остался нератифицированным). Затем в ноябре 1923 года последовало создание эстонско-латвийского военного союза, направленного своим острием против Советского Союза.

Оптационная комиссия буржуазной Эстонии, действовавшая в Советской России, была одним из каналов, через который империалисты Антанты поддерживали инспирированный ими в 1921 году антисоветский мятеж в Кронштадте. Оптационная комиссия буржуазного правительства пыталась наряду с прямой поддержкой кронштадтского мятежа нанести ущерб Советской стране и экономически, путем организации спекуляций и вывоза из страны золота и драгоценностей. Председатель комиссии Орг и ее члены были уличены советскими властями в попытке вывезти из Советской России большое количество золота и драгоценных камней.

В 1921 году белофинны при подстрекательстве и поддержке американских и западноевропейских империалистов предприняли военную авантюру против Советской России в Карелии. Эстонская буржуазия поддерживала эту авантюру как экономически, так и дипломатически.

§ 2. РЕВОЛЮЦИОННАЯ БОРЬБА ЭСТОНСКИХ ТРУДЯЩИХСЯ В ГОДЫ ПОСЛЕВОЕННОГО КРИЗИСА

Разработка организационных и тактических основ Коммунистической партии Эстонии. Дезиндустриализация Эстонии привела к деклассированию значительной части пролетариата и к распылению остальной его части по множеству карликовых предприятий. Если до войны три четверти промышленных рабочих Эстонии были сосредоточены на крупных предприятиях (с числом рабочих 500 и более), то в конце 1922 года на таких предприятиях было занято лишь 28 процентов общего числа рабочих. Одновременно ряды пролетариата пополнились за счет разорившихся ремесленников, мелких торговцев и других мелкобуржуазных элементов. Уменьшение концентрации рабочего класса и изменение его состава создавали серьезные трудности в организационной и массово-разъяснительной работе партии.

Коммунистическая партия Эстонии могла действовать только в глубоком подполье, и поэтому важнейшим условием ее деятельности являлось умелое сочетание легальной и нелегальной работы. Задачи рабочего класса и коммунистов были сформулированы в манифесте Центрального Комитета, опубликованном в начале февраля 1920 года в связи с Тартуским миром. В нем отмечалось, что эстонский трудовой народ не избавится от нищеты и ярма наемного рабства, не освободится от оков лжедемократии до тех пор, пока он не разрушит буржуазное государство и не создаст государство трудящихся. Центральный Комитет выдвинул лозунг: «Долой эстонское государство господ! Да здравствует революция эстонского трудового народа! Да здравствует советская республика эстонского трудового народа!». Центральный Комитет указывал, что трудящиеся Эстонии завоюют себе свободу только тогда, когда создадут единый фронт классовой борьбы с трудящимися всех стран и, победив, вступят в самый тесный союз с Российской Советской Республикой. В манифесте выдвигались также первоочередные задачи — добиваться полной амнистии политзаключенных, отмены военного положения, гарантий декларированных демократических свобод, тесных экономических связей с Советской Россией.

Коммунистическая партия Эстонии строила всю свою деятельность на идейных, организационных и тактических основах большевизма. Партия укрепляла свои подпольные организации (коллективы) на заводах и фабриках. Были созданы нелегальные городские, уездные и районные комитеты. В 1920 году в Таллине, кроме городского комитета, действовали еще три районных комитета. Нелегальные организации существовали также в Нарве, Тарту, Пярну, Валга, Вильянди, Раквере, Пайде и Тапа. Подпольные коллективы имелись в Рапла, Райккюла, Юуру, Азери, Кунда, Козе, Тюри, Кохила, Мыйзакюла, Синди, Ярваканди и других

местах. Если в 1920 году насчитывалась 41 организация (коллектив), то годом позже их было уже 73. В 1920 году в Эстонии было 500 членов партии, из них половина — в таллинской организации. В октябре 1921 года число членов партии составляло не менее 1100 (из них в таллинской организации 365). Это были беззаветные борцы за дело трудящихся, которые хорошо знали, что одна только принадлежность к партии уже влечет за собой многолетнюю каторгу. Кроме того партия располагала многочисленным беспартийным активом (для поддержания связей, распространения литературы и выполнения ряда других заданий). В конце 1920 года число активных приверженцев партии превышало число ее членов не менее чем в четыре раза.

О. Рястас.

Систематически росли тиражи нелегальной газеты «Коммунист», листовок «Коммуниста» и воззваний. Только Центральный Комитет и Таллинский городской комитет выпустил в 1920 году 50 специальных изданий нелегальной литературы общим тиражом в 471 000 экземпляров. Кроме того нелегальную литературу издавали также Нарвский и некоторые другие комитеты партии. Если в 1920 году вышли семь номеров партийного органа «Коммунист», то в 1921 году число их достигло уже 27. Больше печаталось и воззваний. В 1921 году одно время работало сразу пять нелегальных типографий партии.

В глубоком подполье в ноябре 1920 года состоялся I съезд КПЭ, а в октябре 1921 года — II съезд. Эти съезды положили в основу работы партии принципы Коммунистического Интернационала.

I съезд КПЭ подвел итоги партийной работы в Эстонии за годы гражданской войны. Принятые съездом программа и устав партии, а также резолюции о задачах партии и об организационной работе послужили общим руководством в дальнейшей борьбе партии за победу дела пролетариата в новых условиях — условиях диктатуры «своей» буржуазии. Съезд избрал Центральный Комитет в составе 9 членов (В. Кингисепп, Я. Анвельт, Х. Пегельман, О. Рястас, Р. Вакман и др.), а также решил переименовать партию в соответствии со структурой Коминтерна в Ком-

мунистическую партию Эстонии.[1] В манифесте к эстонскому трудовому народу, принятом на I съезде КПЭ, говорилось: «В Эстонии коммунисты показали, что они умеют бороться и умирать. Но они покажут также, что во главе трудящихся они сумеют и победить!»

II съезд КПЭ уделил большое внимание вопросу укрепления связей с трудящимися массами и поддержки их повседневных жизненных требований. Особенно большое значение имели реше-

Группа активистов Всеэстонского союза молодых пролетариев в Таллине в конце 1920 г.
(×) А. Соммерлинг, (××) Б. Клементи.

ния съезда об усилении разъяснительной работы в массах и сочетании нелегальной и легальной деятельности.

Работая в тяжелых условиях подполья, партия сумела за короткий срок усилить свое направляющее влияние в легальных организациях трудящихся. Партия опиралась на профсоюзы, молодежные и спортивные организации, использовала легальную рабочую печать.

Под руководством партии профсоюзы на конкретных фактах

[1] До того КПЭ называлась: с начала 1917 года — Северо-Балтийской организацией РСДРП(б), с августа 1917 года — Эстляндской организацией РСДРП(б), а с конца 1918 года — Эстляндской организацией Коммунистической партии.

разоблачали подлинное лицо буржуазной «демократии». Журналы и газеты «Рыхутуте Хяэль» («Голос угнетенных»), «Тёэлине» («Рабочий»), «Таллина Тёэлине» («Таллинский рабочий») приобрели большую популярность. Существенным достижением профсоюзов явилось то, что они добились отмены «Таблицы штрафов». Профсоюзы под руководством КПЭ все более превращались в прочные организации классовой борьбы, повышался их авторитет, росло число их членов. В конце 1921 года профсоюзы в одном только Таллине объединяли около 10 тысяч рабочих.

Я. Креукс.

Коммунистическая партия Эстонии вела активную работу среди рабочей молодежи. В конце 1920 года в Таллине был образован легальный Всеэстонский союз молодых пролетариев, принявший программу Коммунистического Интернационала Молодежи. В руководство Союза были избраны А. Соммерлинг, Х. Аллик, Р. Мирринг и другие. Союз молодых пролетариев завоевал много приверженцев и среди сельской молодежи. Менее чем через пять месяцев у Союза было уже по всей стране 12 отделений с 1100 членами. После разгрома Союза буржуазией летом 1921 года был создан организационный комитет Коммунистического Союза Молодежи Эстонии (КСМЭ). Оргкомитет работал нелегально под руководством КПЭ, последовательно поддерживая политическую борьбу партии. В его состав вошли Я. Креукс, которого Центральный Комитет КПЭ направил туда для организационной работы и руководства коммунистическим движением молодежи, И. Лауристин, Вильгельмине Клементи и другие. Осенью того же года собрание представителей молодежи избрало Временный Центральный Комитет КСМЭ. 1 декабря 1921 года вышел первый номер нелегальной газеты «Ноор Пролетаарлане» («Молодой пролетарий»). При многих профсоюзах были созданы молодежные комиссии. С 1922 года стал издаваться журнал «Ноор Тёэлине» («Молодой рабочий»). Активную работу по организации молодежи проводили также Р. Пяльсон, А. Ре-

зев, Х. Арбон, Ольга Кюннапуу и другие. В сентябре 1922 года в подполье состоялся I съезд КСМЭ, на котором обсуждались вопросы участия молодежи в борьбе за установление власти трудящихся и был избран Центральный Комитет. К тому времени в Эстонии существовало 46 коллективов коммунистической молодежи, объединявших 300 членов. В одном только Таллине было 24 коллектива со 189 членами.

Для укрепления связей партии с трудящимися города и деревни использовались также легальные рабочие спортивные общества, больничные кассы и т. д.

На выборах в I Государственное собрание в конце 1920 года и в уездные и городские самоуправления в следующем году партия призывала трудящихся голосовать за список Таллинского Центрального Совета профсоюзов. По этому списку в Государственное собрание были избраны 5, а в Таллинскую городскую думу 28 депутатов, которые образовали там свои фракции, открыто называя себя «коммунистическими рабочими фракциями». На выборах в Таллинскую городскую думу этот список получил наибольшее количество голосов (26,4 процента всех участвовавших в голосовании).

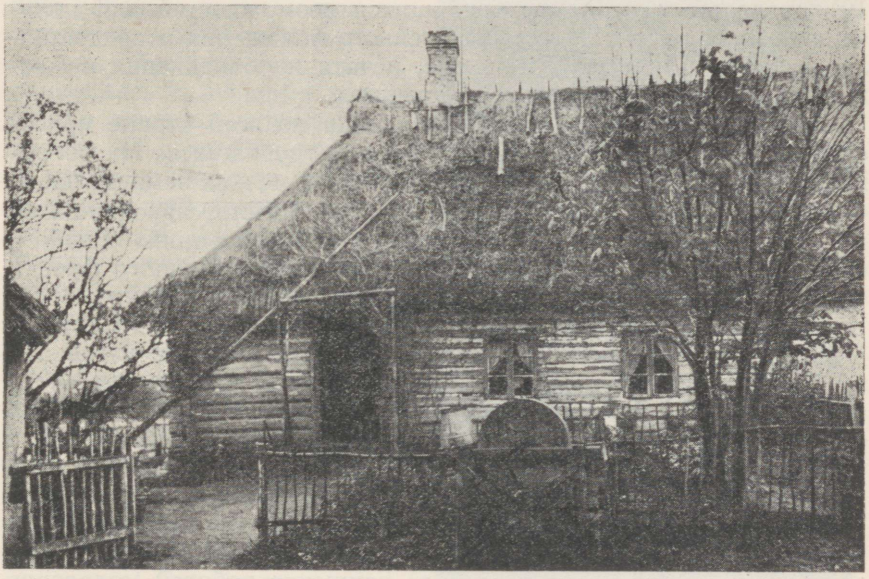
На проходивших в июне 1921 года выборах в волостные правления коммунисты призывали крестьян голосовать за списки бедняков и безземельных. Местами они добились большого успеха. Так, в Сууре-Кыпуское волостное правление из 20 депутатов половина была избрана по этому списку.

Через коммунистические рабочие фракции усиливалось влияние КПЭ в широких массах трудящихся. Рабочее движение принимало все больший размах. В 1920 году было официально зарегистрировано 27 забастовок, а в следующем году уже 53.

Наиболее крупным политическим выступлением пролетариата в 1920 году была состоявшаяся 30 июня — 2 июля мощная стачка протеста против вынесения смертных приговоров деятелями рабочего движения. В ней приняло участие 6770 металлистов, текстильщиков, печатников и других рабочих Таллина. В результате этой стачки буржуазное правительство не осмелилось привести в исполнение смертный приговор в отношении коммунистов Г. Креукса и В. Богданова.

1 мая 1921 года произошла демонстрация трудящихся, организованная и руководимая компартией. Несмотря на чинившиеся буржуазией препятствия, в Таллине в демонстрации участвовало более 10 тысяч человек. Демонстранты шли под красными знаменами, революционными лозунгами, часто раздавались приветственные возгласы в честь Коминтерна, Советской России и Коммунистической партии Эстонии. Глубокое впечатление произвели ряды маленьких детей, участвовавших в шествии, которые несли флажки с надписями: «Мой отец зверски убит в Изборске!», «Мой отец и моя мать — жертвы буржуазии, они брошены в тюрьму!» и т. п.

Единый фронт трудящихся. Летом 1921 года состоялся III конгресс Коммунистического Интернационала. Конгресс подвел итоги борьбы, проведенной под руководством молодых, созданных после империалистической войны коммунистических партий, обобщил их боевой опыт и разработал новый стратегический и тактический план борьбы. Конгресс выдвинул лозунг «В массы!» и поставил перед всеми коммунистическими партиями буржуазных государств задачу завоевать на свою сторону большинство рабочего класса и усилить борьбу против главной опоры буржуазии — социал-демократов. Исходя из решений



Усадьба Уку в Сауэ, где размещалась подпольная типография коммунистов в 1921—1922 годах.

конгресса, Исполнительный Комитет Коминтерна принял в декабре того же года тезисы о Едином фронте. «Под Единым рабочим фронтом, — говорится в тезисах, — следует разуметь единство всех рабочих, желающих бороться против капитализма».

Коммунистическая партия Эстонии также приступила к осуществлению лозунга Коминтерна «В массы!» и к проведению в жизнь разработанной Коминтерном тактики единого фронта всех трудящихся в борьбе против буржуазии. При этом КПЭ учитывала существовавшие в Эстонии условия, в известной мере отличные от условий в капиталистических странах Западной Европы (незначительное влияние эстонских социал-демократов на организованных рабочих, нелегальное положение КПЭ и др.).

В январе 1922 года нелегальная газета «Коммунист» и ле-

гальная газета «Таллина Тёэлине» опубликовали воззвание, в котором были сформулированы «12 требований» Единого фронта, а именно: 1) установление минимума заработной платы рабочих, 2) введение государственного страхования рабочих, 3) улучшение жилищных условий рабочих и крестьянской бедноты, 4) сокращение рабочего дня, 5) прекращение раздела имений, 6) отмена поземельной ренты и арендной платы за пользование водоемами и побережьем для рыбной ловли, 7) справедливое распределение налогов, 8) обеспечение прочного мира вообще и с Советской Россией — в особенности, 9) ликвидация политической полиции и существующей армии и вооружение трудящихся, 10) предоставление детям трудящихся возможностей для получения образования, 11) отмена военного положения и предоставление трудящимся свободы слова, печати и объединения в союзы, 12) амнистия для политзаключенных.

Одна за другой рабочие организации по всей стране присоединялись к платформе Единого фронта трудящихся. На собраниях рабочих организаций, а также союзов мелких земледельцев, больничных касс, спортивных и других обществ, находившихся под влиянием рабочих, принимались «12 требований» Единого фронта. 20 марта присоединился к требованиям Единого фронта трудящихся и съезд Всеэстонского союза сельских рабочих, представлявший 63 местные организации с 5 600 членами. Состоявшееся всеэстонское собрание рабочих старост фабрик и заводов приняло постановление, в котором говорилось, что «фабрикант и серый барон объединились. Плодом этого объединения является правительство К. Пятса. Единому фронту угнетателей надо и в Эстонии противопоставить единый фронт трудящихся». «12 требований» явились важным фактором укрепления и роста влияния рабочих организаций. Активную борьбу за проведение в жизнь тактики Единого фронта трудящихся вел КСМЭ, оказывая все большее влияние на легальное движение рабочей молодежи.

Под руководством КПЭ профсоюзы и другие рабочие организации провели по всей Эстонии 1 мая 1922 года демонстрации трудящихся, проходившие под лозунгами Единого фронта. В Таллине в демонстрации участвовало более 20 тысяч рабочих, которые несли около ста знамен и плакатов. Демонстрация проходила под лозунгами: «Требуем для Компартии и Коммунистического союза молодежи свободы и легальной деятельности!», «Руки прочь от Советской России!», «Только правительство трудящихся спасет трудящихся от голодной смерти!». Демонстранты прошли по городу в Кадриорг, где состоялся митинг. На нем выступали депутаты коммунистической фракции Государственного собрания, требовавшие от имени трудового народа предоставления Коммунистической партии Эстонии свободы деятельности. Участники митинга, в сопровождении оркестра, вместе с рабочим хором пели «Интернационал» и другие революционные песни.

Мощные первомайские демонстрации состоялись в Тарту, Нар-

ве, Валга и других городах. В Пайде в демонстрации кроме городских рабочих участвовало также большое количество сельскохозяйственных рабочих из Вяэтса, Койги и других мест. Хорошо организованная демонстрация сельских рабочих произошла и в волости Ууэмыйза (Сааремаа).

Белый террор. Убийство Виктора Кингисеппа. На активизацию рабочего движения буржуазия ответила жесточайшим террором. Буржуазные националисты, называвшие себя «демократами», в борьбе против трудящихся применяли «Уголовное уложение» царского времени, принятое еще в 1903 году. Буржуазия беспощадно расправлялась с лучшими сынами и дочерьми эстонского народа — с коммунистами и другими классово сознательными рабочими и крестьянами. В 1920 году состоялся первый массовый процесс деятелей рабочего движения, который по числу подсудимых получил название «процесса 35-ти». В 1921 году был инсценирован «процесс 50-ти», в 1924 году — «процесс 149-ти». С 1920 по 1924 год буржуазия организовала более 70 политических процессов. Свидетелями на суде выступали агенты охранки, шпики и провокаторы. Большинство подсудимых приговаривалось к долголетнему тюремному заключению.

В. Кингисепп.

Наряду с политическими процессами буржуазия практиковала убийства деятелей рабочего движения без всякого суда.

Буржуазные правители знали, что всем революционным движением руководит из подполья Центральный Комитет КПЭ. Шпики охранки и агенты контрразведки вели непрерывную слежку за организаторами рабочего движения. За головы членов Центрального Комитета были назначены крупные денежные вознаграждения. С помощью предателя шпикам удалось, в конце концов, выследить и в ночь на 3 марта 1922 года арестовать Виктора Кингисеппа. Уже при аресте его начали жестоко истязать. В тот

же день было инсценировано заседание военно-полевого суда. В. Кингисепп вел себя на суде исключительно мужественно, враги были поражены его непоколебимостью и твердостью. Он отказался давать какие-либо показания. На вопрос о профессии Кингисепп ответил: «Ниспровергатель эстонской буржуазной республики!» В последнем слове он сказал: «Для чего торговаться? . . Я знаю, что приговор у вас давно готов. Вы — суд палачей!» В ночь на 4 мая его повели на расстрел. С возгласом «Да здравствует Эстонская Советская Республика!» В. Кингисепп пал, сраженный залпом. Но даже мертвый он внушал страх буржуазии. Через некоторое время его труп был выкопан, глубокой ночью его вывезли далеко в море и бросили в воду.

В лице В. Кингисеппа эстонский трудовой народ потерял непоколебимого руководителя ленинского типа, посвятившего всю свою жизнь самоотверженной революционной борьбе за интересы трудящихся. С его именем неразрывно связана история Коммунистической партии Эстонии, он воспитывал эстонских коммунистов в духе марксистско-ленинского учения.

На известие об убийстве В. Кингисеппа эстонские рабочие ответили забастовками протеста. Советский народ разделял скорбь эстонских трудящихся. В Советской России прошли траурные митинги и митинги протеста. В память о выдающемся сыне эстонского народа город Ямбург был переименован в Кингисепп. Коммунистическая печать во всем мире посвятила Кингисеппу некрологи.

Несмотря на волну террора, которая последовала за убийством В. Кингисеппа, несмотря на разгром рабочих организаций и запрещение рабочей печати, КПЭ с неослабевающей энергией продолжала свою работу. Под руководством Я. Анвельта, О. Рястаса, Я. Креукса и других были восстановлены партийные связи, созданы новые конспиративные квартиры, продолжена работа по дальнейшей мобилизации трудового народа. В октябре 1922 года собрался III съезд КПЭ, который потребовал от всех коммунистов усиления борьбы за сплочение трудящихся масс города и деревни вокруг рабочего класса и его организаций. Съезд уделил особое внимание вопросу о союзнике пролетариата, улучшению работы среди трудящихся женщин и молодежи. Для успешного выполнения стоящих перед партией задач надо было укрепить ее ряды. III съезд КПЭ подчеркнул необходимость пополнения рядов партии новыми активными борцами за дело рабочего класса. К съезду в партии насчитывалось 1320 членов.

Укрепление и расширение Единого фронта трудящихся. В 1922 году советские республики объединились в единое многонациональное союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик. Укрепление Страны Советов оказывало огромное влияние на рабочее движение всех стран. Ни колючая проволока на границе, ни лживая пропаганда буржуазных националистов не могли изолировать эстонский народ от революционизирующего влияния Советского Союза.

2021, 22, 2

Проводя тактику Единого фронта трудящихся, КПЭ привлекла на свою сторону почти все профсоюзы, союзы сельских рабочих, общества рабочей молодежи и спортивные общества.

По инициативе КПЭ рабочие организации создали комиссии трудящихся женщин. Комиссии ставили перед собой задачу вовлечь женщин-работниц в ряды пролетарских организаций и включить их в борьбу за осуществление «12 требований» Единого фронта трудящихся. Под руководством КСМЭ продолжали свою деятельность молодежные комиссии, созданные почти при всех профсоюзах городских рабочих и многих профсоюзах сельских рабочих. В ноябре 1922 года эти комиссии объединяли в одном лишь Таллине около 3000, а по всей стране — до 5000 организованных молодых рабочих. Платформу Единого фронта приняло и рабочее спортивное общество «Геркулес» (после закрытия «Геркулеса» — «Спартак»).

Я. Томп.

Вопрос об укреплении и расширении Единого фронта трудящихся занимал центральное место на II съезде профсоюзов Эстонии, состоявшемся в конце ноября 1922 года. На нем было представлено свыше 120 рабочих организаций с 20 000 членами. Съезд единогласно признал правильными и одобрил «12 требований», обязав все свои организации продолжать агитацию за их претворение в жизнь. Председателем Центрального Совета профсоюзов был избран коммунист Я. Томп, секретарем — коммунист П. Кээрдо. После съезда рабочее движение в Эстонии развернулось с еще большей силой.

Очень важной задачей, стоявшей перед Коммунистической партией, являлось вовлечение трудящихся деревни в ряды Единого фронта. Работой в деревне КПЭ руководила главным образом через профсоюзы. По предложению Центрального Совета каждая профсоюзная или иная рабочая организация брала под свое шефство одну из волостей, устанавливая тесные связи с ее трудящимися. Профсоюзы широко использовали при этом такие формы работы, как выезды городских рабочих в волости — встречи дружбы, как их тогда называли. Во время таких выездов городские рабочие разъясняли трудящимся деревни требования

Единого фронта, делились с ними своим революционным опытом, оказывали батракам и мелким земледельцам помощь в их борьбе.

Другой формой вовлечения трудящихся деревни в ряды Единого фронта являлись совместные совещания (конференции) городских и сельских рабочих. Первая такая объединенная уездная конференция состоялась в Пярну. За ней последовали в 1923 году конференции в Вильяндиском, Тартуском, Вируском, Харьюском и Валгаском уездах. Эти конференции дали большой толчок к активизации сельских рабочих и способствовали их вовлечению в борьбу против буржуазии.

В ходе проводимой среди трудящихся деревни работы выяснилось, что одно из требований Единого фронта, а именно требование о прекращении раздела имений, не встретило поддержки. Если все остальные лозунги Единого фронта нашли здесь единодушное одобрение, то с лозунгом о прекращении раздела имений большая часть трудящихся деревни была не согласна, ибо это не соответствовало в то время их конкретным требованиям. Учитывая это, КПЭ вскоре выдвинула требование об образовании земельных комитетов из числа сельскохозяйственных рабочих, новопоселенцев и других представителей трудящихся. Комитеты должны были определить на местах формы использования государственного земельного фонда и установить, кто имеет право на получение земли. Смена лозунга способствовала объединению сельских тружеников в рядах Единого фронта, хотя и не рассеяла окончательно сомнений крестьян. В ту пору партия не заявила еще ясно и определенно, что крестьяне, которые нуждаются в земле и хотят получить ее, действительно ее получат в результате пролетарской революции. Не были открыто признаны ошибки времен Эстляндской трудовой коммуны, а потому крестьянство все еще истолковывало аграрную программу партии в том духе, что имения останутся неразделенными и перейдут в государственное или общественное крестьянское пользование. Это обстоятельство затрудняло создание прочного союза городского пролетариата с сельскими рабочими и крестьянской беднотой.

Благодаря тактике Единого фронта трудящихся, в основанной в начале 1920 года полуменьшевистской Независимой социалистической рабочей партии Эстонии (НСРПЭ) все больше рядовых членов переходило на позиции революционной классовой борьбы, резко выступая против двурушнической и предательской политики своего партийного руководства (Я. Пийскара, Э. Иоонаса, О. Густавсона и других). КПЭ направила в эту партию ряд коммунистов, в том числе С. Андреева, Я. Камберга, А. Рейнсона, А. Мурро, И. Саата, О. Кюннапуу, Э. Моргенсон, которые разоблачали действия правых оппортунистических лидеров НСРПЭ, в результате чего партийная верхушка была изолирована и ее влияние сведено на нет. Эта партия превратилась, в сущности, в революционную легальную рабочую партию, работавшую под руководством КПЭ и полностью присоединившуюся к «12 требо-

ваниям» Единого фронта. С 1923 года она стала называться Партией трудящихся Эстонии и превратилась в легальный центр коммунистической организации трудящихся. Она имела на местах более 100 отделений, что представляло собой первую в буржуазной Эстонии легальную сеть рабочей партии. Там, где Коммунистическая партия Эстонии из-за своего нелегального положения не могла создавать свои организации, это делала Партия трудящихся Эстонии. Все наиболее крупные политические мероприятия 1923 года осуществлялись по указаниям КПЭ Партией трудящихся Эстонии. Благодаря деятельности этой партии значительно вырос авторитет КПЭ в массах.

Тактика Единого фронта трудящихся помогла сильно подорвать влияние трудовиков и социал-демократов среди трудового народа. Таллинский Совет профсоюзов и коммунистическая фракция Государственного собрания обратились к социал-демократам и трудовикам с публичным предложением высказать свое отношение к «12 требованиям» и принять участие в рамках Единого фронта трудящихся в борьбе за их осуществление. Соцы и трудовики уклонились от присоединения к Единому фронту, тем самым основательно разоблачив себя в глазах масс. Массы все более убеждались в том, что эти партии только на словах ратуют за интересы трудящихся, тогда как в действительности защищают классовые интересы буржуазии.

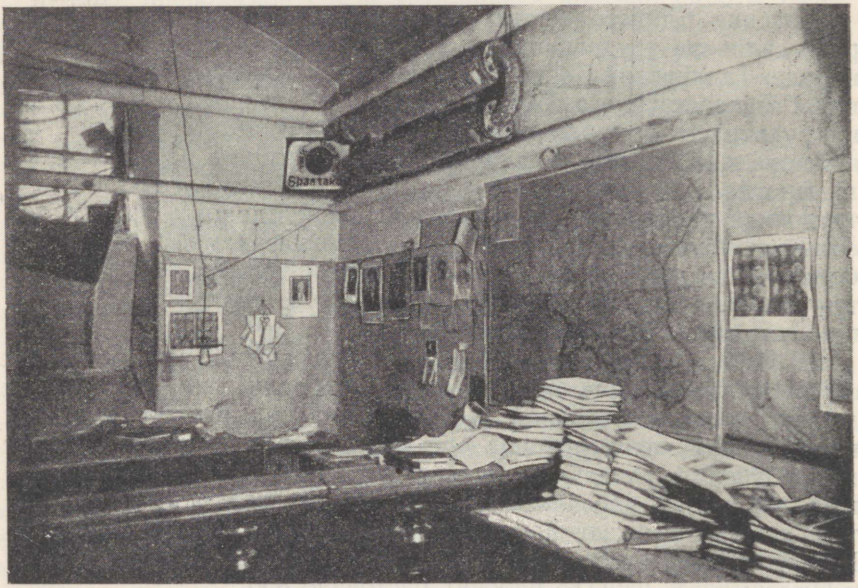
В 1923 году, в условиях экономического кризиса, недовольство трудящихся еще более возросло. Созрели реальные условия для массовых выступлений. В мае состоялось совещание представителей таллинских рабочих организаций, где было принято решение усилить стачечную борьбу. Во второй половине мая и в июне бастовали рабочие Балтийской и Кренгольмской мануфактур, химического завода Майера и ряда других предприятий. В августе произошла забастовка на сланцевых шахтах в Кохтла и Пюсси; здесь из 1185 рабочих бастовало 850.

КПЭ активизировала свою деятельность не только в рабочих центрах. Улучшилась работа подпольных организаций в Пярнуском, Вируском, Ярваском и других уездах. Летом 1923 года в революционную борьбу стали втягиваться сезонные рабочие, занятые на торфоразработках. К требованиям Единого фронта трудящихся примкнули союзы новопоселенцев ряда волостей.

Легальным штабом руководства рабочим движением был в те годы «Рабочий подвал» в Таллине, где проходили собрания профсоюзов, рабочей молодежи, работали разного рода кружки и секции, устраивались конференции рабочих организаций. Несмотря на то, что полиция закрывала газеты Единого фронта, они благодаря поддержке рабочих возрождались и продолжали выходить под новыми названиями. Сотни рабочих, мелких земледельцев и солдат сотрудничали в этих газетах, помогая превратить их в подлинно народные печатные органы. Редакции рабочих газет также находились в «Рабочем подвале».

В 1923 году Центральный Комитет КПЭ образовал бюро Единого фронта (Я. Томп, Х. Аллик, П. Кээрдо и др.). В задачи бюро входило быстрое и оперативное решение всех вопросов, возникавших в ходе осуществления тактики Единого фронта в легальных условиях.

Выборы в Государственное собрание, в городские и уездные самоуправления. Наступление реакции. В 1923 году состоялись выборы во II Государственное собрание, а также в уездные и городские самоуправления. КПЭ и на этих выборах не имела возможности выступить



«Рабочий подвал» в Таллине.

со своим списком. Она участвовала в выборах через легальные рабочие организации, стоявшие на позиции классовой борьбы. Эти организации выступили на выборах со списками кандидатов Единого фронта трудящихся.

Кандидатами Единого фронта трудящихся в парламент на многочисленных рабочих собраниях были выдвинуты видные деятели эстонского революционного движения — коммунисты Я. Креукс, И. Лауристин, Я. Томп, Х. Аллик и др., а также беспартийные рабочие, стоявшие на позициях классовой борьбы.

28 марта 1923 года член Центрального Комитета КПЭ Я. Креукс был убит агентом охранки выстрелом в спину. Одновременно по всей стране буржуазия начала очередную кампанию массовых арестов. В числе других был арестован и И. Лауристин. Рабочие газеты были закрыты. Делалось все и вся, чтобы поме-

шать рабочим организациям проводить свои предвыборные мероприятия (отказ в предоставлении помещений для устройства собраний и т. п.). Для подрыва Единого фронта и обмана трудящихся буржуазия выставила избирательные списки так называемых «Союза трудящихся» и «Сельского союза». Эти списки, включавшие нередко служащих охранки и шпиков, рекламировались как списки «представителей трудящихся». Однако ни провокации буржуазии, ни акты террора не могли приостановить рабочее движение.

На выборах в Государственное собрание весной 1923 года Единый фронт трудящихся получил 10 процентов всех депутатских мест. В состав Государственного собрания вошли 10 коммунистов (Я. Томп, Х. Хейдеман, Р. Пяльсон, П. Кээрдо, Х. Аллик, И. Рээзен и др.). Это явилось крупной победой, если учесть, что она была одержана в обстановке все усиливавшегося террора, в условиях, когда для рабочих фактически не существовало свободы печати и собраний. Кроме того, в таких важнейших избирательных центрах, как Таллин и Вируский уезд с Нарвой, где кандидаты трудового народа могли рассчитывать на полный успех, их списки были аннулированы. Таллинские рабочие организации нелегально отпечатали и распространили среди избирателей бюллетени аннулированных списков. Результаты были весьма красноречивые. В Таллине за аннулированный список проголосовало свыше 10 тысяч избирателей (то есть около одной трети участвоваших здесь в голосовании), а в Вирумаа — свыше 2 тысяч избирателей. Опускавшие эти бюллетени знали, что их голоса не будут учтены, однако они хотели продемонстрировать свое доверие руководимому КПЭ Единому фронту трудящихся. Большого успеха Единый фронт трудящихся добился в Пярну, Тарту и других городах. Орган народной партии газета «Постимээс» с разочарованием писала, что «если бы Единый фронт имел везде свой список на выборах, коммунисты заняли бы во II Государственном собрании второе место после аграриев».

Результаты выборов нагнали страх на буржуазию. Ее газеты писали о «коммунистической опасности, которая заставляет серьезно задуматься». «Недостаточно только точить сабли, — напоминала газета трудовиков «Эсмаспяэв», — нужно устранить эти пороки... Голос Единого фронта, как мы убедились, доносится не только из-за фабричных стен, но в еще большей степени именно... из-под закопченных крыш бобыльских лачуг».

Трудовой народ делал из результатов выборов свои выводы. Выборы показали, отмечала газета «Тёэрахва Хяэль» («Голос трудового народа», орган Единого фронта), что «свинцом и кровью рабочий класс запугать невозможно. Эта блестящая победа вдохновляет всех классово сознательных рабочих на то, чтобы в будущем еще более энергично и неустанно работать и стремиться вперед к окончательной победе трудящихся...»

В конце того же года состоялись выборы в уездные и волост-

ные самоуправления, а также в городские думы. В Синди списки Единого фронта получили 56 процентов голосов, в Вана-Каристе — 52 процента, в Ууэ-Каристе — 47 процентов, в Отепя и Вольтвети — 44 процента. В 47 волостях и 9 поселках список Единого фронта по количеству поданных за него голосов занял первое место.

Выборы в городские думы принесли Единому фронту еще бóльшую победу. В Таллине список Единого фронта трудящихся получил 36 процентов голосов, тогда как приспешники буржуазии — социал-демократы — собрали всего лишь 7 процентов. В Нарве и Пярну за списки Единого фронта трудящихся было подано 35 процентов голосов, в Тарту — 25 процентов. Социал-демократы и блокировавшиеся с ними партии потеряли в городах до половины голосов, поданных за них весной на выборах в Государственное собрание. В 10 городских думах Единый фронт трудящихся вместо прежних 42 имел 102 представителя. Итоги выборов показали, что коммунистам удалось изолировать социал-демократов от рабочего класса, прочно завоевать на свою сторону большинство пролетариата и значительно уменьшить влияние оппортунистических партий на мелкобуржуазные слои населения.

Блестящая победа Единого фронта на выборах городских дум вызвала новую панику в рядах буржуазии. «По воле большинства населения, — писала газета трудовиков «Ваба Маа», — решающее слово в вопросах, касающихся собственности, продажи недвижимого имущества, кредитов и т. д., принадлежит теперь коммунистам, ибо без их согласия невозможно собрать необходимые две трети голосов».

Буржуазия подняла вопрос об аннулировании выборов. Несмотря на то, что выборы происходили в строгом соответствии с положением о выборах, буржуазный суд признал недействительными выборы в Таллинскую городскую думу. Но господствовавшая клика знала, что новые выборы принесут Единому фронту трудящихся еще больший успех. Поэтому она решила обрушить на рабочий класс и его организации новую волну террора.

21 января 1924 года охранка разгромила одновременно по всей стране около 300 организаций трудящихся; актив рабочих организаций, депутаты Государственного собрания, городских дум и уездных самоуправлений, избранные по спискам Единого фронта, были арестованы. На следующий день газета «Пяэвалехт» писала, что «предпринята основательная чистка» и что теперь «на эстонской земле не посмеет шевельнуться ничто коммунистическое».

Но партия быстро перестроила свою работу и продолжала руководить революционным движением. Террор буржуазии не мог подавить рост активности трудового народа.

21 января скончался вождь трудящихся всего мира В. И. Ленин. Эстонский трудовой народ присоединился к великому трауру мирового пролетариата. Несмотря на жестокие ре-

прессии эстонские рабочие в день похорон В. И. Ленина объявили пятиминутную остановку всех работ.

20 февраля в Таллине произошла демонстрация безработных. Хотя демонстрации были запрещены, хотя в этот день бушевала метель, собралось около 1000 человек, которые несли плакаты с надписями: «Долой республику эксплуататоров!», «Освободить из тюрем деятелей Единого фронта трудящихся и других политзаключенных!», «Да здравствует правительство трудящихся!». Конная полиция, вооруженная карабинами и резиновыми дубинками, пыталась помешать демонстрантам подняться на Тоомпеа, к резиденции правительства. Однако части демонстрантов удалось прорваться и с возгласами: «Лучше умереть на улице, чем в холодной тюремной камере от голода!» — проникнуть на Тоомпеа.

На происходивших весною 1924 года митингах и собраниях эстонские трудящиеся принимали резолюции с требованием о воссоединении Эстонии с Советским Союзом. 1 мая в Таллине состоялась мощная демонстрация трудящихся, в которой участвовало 12 тысяч человек, в том числе солдаты и матросы. Демонстранты несли лозунги: «Эстонию — в состав Союза Советских Социалистических Республик!», «Вперед по пути Ленина!», «Да здравствует ленинизм!». Первомайские демонстрации произошли и в других городах.

Невзирая на все трудности, революционные рабочие под руководством партии вели борьбу за восстановление своих профсоюзных организаций. Вместо разгромленных профсоюзов было создано «Единое общество рабочих и служащих», где в августе 1924 года насчитывалось уже 90 процентов прежних членов профсоюзов. Несмотря на то, что с января по август полиция 12 раз закрывала рабочую газету, она продолжала выходить под новыми названиями. На место арестованных депутатов в Государственное собрание пришли новые представители Единого фронта (И. Юрна, Я. Вельт и др.).

Обстановка в Эстонии все более накалялась.

§ 3. ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ 1 ДЕКАБРЯ

Возникновение революционной ситуации в Эстонии осенью 1924 года. В то время как Советский Союз успешно восстанавливал и развивал свое народное хозяйство, в Эстонии все больше обострялся экономический кризис. В стране свирепствовал белый террор. Ненависть трудящихся к буржуазии непрерывно росла.

Наибольшей остроты экономический кризис достиг во второй половине 1924 года. Целый ряд промышленных и торговых предприятий обанкротился.

Резко ухудшилось и без того бедственное положение эстон-

ских трудящихся. Безработица росла с неимоверной быстротой. Осенью 1924 года насчитывалось 20 085 официально зарегистрированных безработных, фактически же их было значительно больше. В одной лишь Нарве продолжительное время имелось свыше 5000 безработных. Шло массовое разорение мелкой буржуазии и трудового крестьянства.

Пошлины на импортные товары были увеличены в июне на 70—75 процентов, а в июле еще на 100—275 процентов. Вследствие этого вновь подскочили цены на предметы первой необходимости, что опять-таки ударило по трудящимся.

Упадок промышленности, рост спекуляции привели к падению курса марки и финансовому кризису.

Углубление кризиса в промышленности и торговле сопровождалось обострением сельскохозяйственного кризиса. Многие крестьянские хозяйства разорились и были проданы с аукциона.

Буржуазия пыталась найти выход из экономического кризиса в первую очередь за счет трудящихся масс, путем усиления их эксплуатации. И без того низкая заработная плата рабочих была еще более сокращена. Экономическое положение рабочих и других слоев трудового населения становилось все невыносимее. Многих нищета довела до отчаяния. Увеличивалось число самоубийств.

Из-за обострившегося экономического кризиса усилились трения и в самом лагере буржуазии. Углубился кризис господствующего класса, кризис правящей верхушки. Буржуазные партии в резких тонах обвиняли друг друга в коррупции, чем еще более дискредитировали себя в глазах трудящихся.

Катастрофическое — по словам самой буржуазии — положение создалось весной 1924 года, когда экономический кризис перерос в кризис политический, и правительство К. Пятса вынуждено было уступить место правительству блока христианско-народной партии и партии трудовиков. При активной поддержке социал-демократов эти партии, располагавшие в Государственном собрании всего лишь 28 мандатами из 100, оставили вне правительства крупнейшую в Государственном собрании и сильнейшую в экономическом отношении партию аграриев, имевшую в Государственном собрании 23 депутатских места. Оттесненные от участия в правительстве, крайне правые лидеры буржуазии открыто заявляли, что демократические методы управления «изжили себя», и начали подготовку фашистского переворота. Происходило усиленное обучение отрядов кайтселийта, а также переброска в Таллин «благонадежных» воинских частей.

Эстонские трудящиеся все более убеждались в том, что единственным выходом из тупика, в который завела буржуазия Эстонию, является революция. Особенно быстро начала расти революционная активность эстонских трудящихся после того, как стало известно, что наиболее реакционные круги эстонской буржуазии

во главе с К. Пятсом замышляют фашистский государственный переворот.

Летом 1924 года буржуазное правительство для отвода глаз арестовало несколько членов разоблаченной коммунистической печатью фашистской группировки — так называемой «организации спасения», однако подлинные вдохновители фашистского заговора — К. Пятс, генералы И. Лайдонер, А. Тыниссон и другие — остались нетронутыми и продолжали готовить переворот. Центральные Комитеты коммунистических партий Эстонии, Латвии и Литвы опубликовали совместное воззвание, в котором предупреждали рабочих и крестьян Прибалтики, что буржуазия собирается установить еще более кровавый, фашистский режим и с этой целью организует свои ударные отряды. Коммунистические партии трех прибалтийских республик призывали трудящихся к борьбе с фашистской угрозой, разоблачая одновременно социал-демократов как предателей трудового народа, расчищавших дорогу к установлению фашистской диктатуры. «Только правительство рабочих и крестьян, — говорилось в воззвании, — может указать путь, ведущий к улучшению нашего положения... Это путь воссоединения с Союзом Советских Социалистических Республик, с которым мы имеем общие экономические и политические интересы, с которым мы срослись в ходе экономического развития на протяжении десятилетий, но от которого мы были насильственно оторваны в интересах кучки паразитов». Воззвание заканчивалось словами: «Против фашистской диктатуры — диктатуру рабочего класса! Против фашистских ударных отрядов — красные боевые отряды пролетариата!»

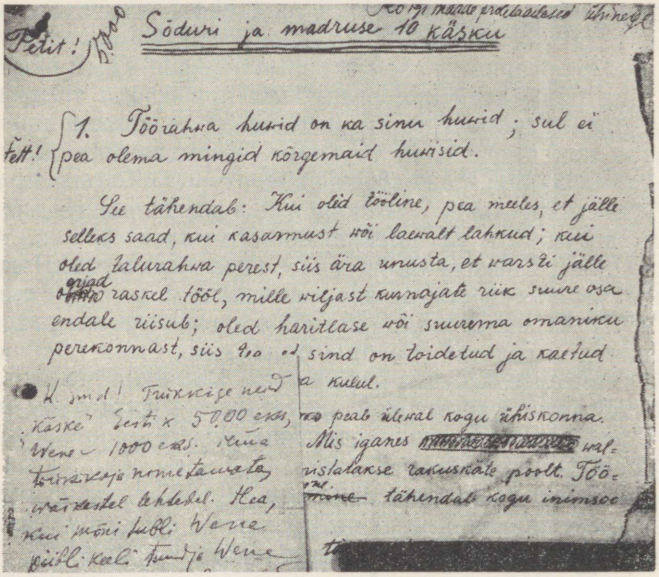
Влияние КПЭ возросло и в армии. В 1923 году на выборах в местные самоуправления за списки Единого фронта трудящихся в некоторых воинских частях в Таллине было подано 25—35 процентов голосов. Нелегально распространялись газеты «Пунане сыдур я мадрус» («Красный солдат и матрос») и листовки «Десять заповедей солдата и матроса». Организация коммунистической молодежи вела разъяснительную работу среди новобранцев. Весной 1924 года газета «Коммунист» сообщала, что новобранцы, проезжая Мыйзакюла, пели «Интернационал» и выкрикивали: «Да здравствует Советская республика!». Таллинские и харьюские новобранцы по пути в казармы свернули самовольно в сторону и прошли по улице Пикк, где находилось советское посольство. Когда они проходили мимо здания посольства из их рядов неслись приветственные возгласы в честь Советского Союза.

Стали нередки случаи избиения полицейских во время рабочих собраний и демонстраций. Имели место и такие факты, когда рабочие силой освобождали своих арестованных товарищей.

3 августа в Таллине состоялась большая антивоенная демонстрация трудящихся, организованная Коммунистической партией Эстонии по случаю 10-ой годовщины начала мировой войны. Несмотря на то, что буржуазные власти запретили демонстрацию

и сосредоточили на перекрестках конную полицию, на улицы вышло 4000 демонстрантов. Произошли кровопролитные стычки между рабочими и полицейскими, многие полицейские были избиты. В Вильянди рабочие ворвались в полицейский участок, чтобы освободить арестованного депутата Государственного собрания И. Рээзена, избранного по списку Единого фронта.

Влиятельнейший орган буржуазной печати, газета «Пяэвалехт» писала, что буржуазное правительство сидит на бочке с порохом, которая в любой момент может взорваться.


Sõduri ja madruse 10 käsku

Petit!

1. Töörahwa huwid on ka sinu huwid; sul ei pea olema mingid kõrgemaid huwisid.

See tähendab: Kui oled tööline, pea meeles, et jälle selleks saad, kui kasarmust wõi laewalt lahkud; kui oled talurahwa perest, siis ära unusta, et warsti jälle orjad raskel tööl, mille wiljast kurnajate rük suure osa endale riisub; oled haritlase wõi suurema omaniku perekonnast, siis 900 od sind on toidetud ja kaetud a kulul.

K. sind! Trükkige nend käske Eesti x 5000 eks, Wene 1000 eks. Mina tõõrakoja nõmetamata, wäskestel lehtedel. Hea, kui mõni tubli Wene piibli keeli tundja Wene

ko peab ülewal kogu ühiskonna. Mis iganes [redacted] wal-ristatakse rakuskate poolt. Töö-[redacted] tähendab kogu inimsoo

Рукопись листовки «Десять заповедей солдата и матроса».

Если в Западной Европе в 1924 году наблюдалось начало периода временной, частичной стабилизации капитализма, то в буржуазной Эстонии послевоенный кризис достиг осенью 1924 года кульминационной точки.

П о д г о т о в к а к в о о р у ж е н н о м у в о с с т а н и ю. События весны и лета 1924 года показали, что возможности для революционного выступления в Эстонии увеличиваются. В связи с этим Коммунистическая партия Эстонии приступила к подготовке вооруженного восстания трудящихся.

В воззвании политзаключенных таллинской тюрьмы, написанном Я. Томпом, говорилось: «Да здравствует вооруженное выступление! Настало время создать свое правительство — правительство рабочих и крестьян!». В многочисленных листовках, в газете «Коммунист», в брошюрах партия призывала народ вооружаться.

15 октября Центральный Комитет КПЭ опубликовал «Открытое письмо» к рабочим, служащим, крестьянам и другим слоям трудового населения, к солдатам и матросам, в котором давалась характеристика создавшегося положения и указывалось, что выход из тупика — в революции. «... Никакой независимости и самостоятельности у эстонского трудового народа при буржуазном строе нет. Эстонский народ может стать независимым только в составе Союза Советских Социалистических Республик!»

Во многих городах и поселках (Таллине, Тарту, Пярну, Нарве, Раквере, Вильянди, Кохила, Кунда и др.) под руководством коммунистов началось создание вооруженных боевых групп. В Таллине эти группы были сведены в роты и батальоны. Кроме членов партии в боевых группах было много комсомольцев и беспартийных рабочих. «Молодой товарищ! Пролетарский новобранец! — говорилось в специально выпущенной Центральным Комитетом КСМЭ листовке. — Возьми винтовку в руки и научись ею пользоваться. А когда придет время и тебя позовут, ты должен первым выступить против врагов трудящихся!». Энергично работали по созданию подпольных вооруженных сил рабочего класса В. Клейн, А. Соммерлинг, Г. Креукс, И. Юрна и другие коммунисты. В середине октября в боевых группах насчитывалось около 1000 человек, из них в Таллине — 400. В Тарту подготовкой вооруженного выступления руководил Х. Хейдеман, но еще до начала восстания он был арестован. Общее руководство подготовкой восстания осуществлял Я. Анвельт.

В ноябре 1924 года буржуазия инсценировала очередной политический судебный процесс — «процесс 149-ти». Буржуазия хотела использовать этот процесс для устрашения трудящихся и подавления их воли к борьбе. Но ее надежда не оправдалась. Коммунисты мужественно вели себя на суде. Когда начался процесс, подсудимые громко запели «Интернационал», который был подхвачен и публикой. Ошеломленные судьи бежали из зала. Публика была удалена. В своих ответах на вопросы суда подсудимые смело разоблачали антинародную политику правительства. Председатель Центрального Совета профсоюзов, депутат Государственного собрания Я. Томп воскликнул: «Да здравствует правительство трудящихся!». Он был предан военно-полевому суду и расстрелян 14 ноября. 46 подсудимых (Г. Абельс, Х. Аллик, Х. Арбон, Р. Буш, А. Вальдзак, А. Веймер, Леонтине Вельс, Я. Камберг, П. Кээрдо, Ольга Кюннапуу, Лена Лайд, Эльфриде Моргенсон, А. Рейнсон, А. Резев, И. Саат, В. Сасси, О. Сепре и другие) были приговорены к пожизненной каторге, остальные к 10—15 годам каторжных работ.

После этого судебного процесса, закончившегося 27 ноября, буржуазная печать писала, что теперь, «наконец, с коммунистической опасностью в Эстонии покончено». Однако в действительности «процесс 149-ти» явился последней каплей, переполнившей чашу народного гнева.

Ход вооруженного восстания. В конце ноября таллинские фабричные старосты и представители ряда профессиональных союзов опубликовали открытое воззвание к эстонскому народу, в котором объявили время с 14 декабря по 18 января месячником основания рабочих организаций. В нелегальных же листовках об этом говорилось как о месячнике борьбы за правительство рабочих и крестьян и предлагалось быть каждую минуту готовым к восстанию. Партия использовала этот тактический прием для того, чтобы создать у противника впечатление, будто до 14 декабря никаких выступлений не будет. И это удалось. Сразу после «процесса 149-ти» была снята усиленная охрана правительственных учреждений, собранные отовсюду в Таллин на время процесса шпики и полицейские были отосланы обратно в свои районы.

В. Клейн.

Одновременно Центральный Комитет разработал окончательный план восстания. 29 ноября состоялось объединенное заседание Центральных Комитетов КПЭ и КСМЭ, на которое были приглашены также командиры батальонов и боевых отрядов. На заседании был создан Военно-революционный комитет в составе 9 человек во главе с В. Клейном. Было единогласно принято решение начать восстание в ночь на понедельник, 1 декабря. По плану основной удар следовало нанести прежде всего в центре буржуазной власти — в Таллине, а затем на периферии — в Тарту, Нарве, Пярну, Вильянди, Раквере, Кохила и других местах.

1 декабря в 5.15 утра началось восстание. Одна из боевых групп атаковала замок Тоомпеа и захватила его. Другая группа сняла часовых и ворвалась в резиденцию премьер-министра. Премьер-министр Акель бежал в задние комнаты, запирая за собой одну дверь за другой, а его адъютант в одном белье выпрыгнул из окна. Были захвачены Балтийский вокзал, железнодорожная станция Таллин-Вяйке и Главный почтамт.

Боевая группа в составе 13 человек успешно атаковала расположенный на Ласнамяги военный аэродром. Солдаты авиадивизиона, среди которых было много бывших рабочих-метал-

листов, почти целиком (40 человек) присоединились к восставшим. Был избран солдатский комитет.

В автотанковом дивизионе, где имелась партийная организация, восставшие под руководством унтер-офицера Лооренца захватили гараж с танками. Некоторые танки были приведены в негодность, а один подготовлен для выезда. Была захвачена также часть казарм, но после того, как Лооренц пал в бою, противник перехватил инициативу и оттеснил революционеров.

Группа, выделенная для занятия Таллинского военного училища, захватила нижний этаж и находившиеся там пирамиды с оружием, однако аспирантам (курсантам) удалось собрать свои силы и принудить революционеров к отступлению. Группа восставших, атаковавшая военное министерство, проникла в помещение, но закрепиться в здании не смогла. Неудачей окончился также штурм казарм конного резерва полиции.

Революционеры, засевшие в Балтийском вокзале, успешно отразили атаки конной полиции; противник сумел их выбить оттуда только с помощью двух взводов учебного батальона. Упорно сопротивлялись восставшие и в здании Главного почтамта. Атака, предпринятая взводом учебного батальона при поддержке бронемашины, была отбита, и лишь после прибытия нового отряда под начальством генерала Пыддера, карателям удалось занять здание.

Группа восставших, овладевшая военным аэродромом на Ласнамяги и захватившая много вооружения, допустила серьезную ошибку: она не развернула вместе с присоединившимися к ним солдатами наступательных действий против других объектов, а заняла оборону.

Стремясь поддержать своих товарищей и помешать отправке войск в Таллин, тартуские рабочие взорвали железнодорожный мост и разрушили линии связи между Тарту и узловой станцией Тапа. Чтобы воспрепятствовать переброске в Таллин дивизиона бронепоездов, находившегося в Тапа, был взорван железнодорожный путь у станции Аэгвийду.

Героическое восстание таллинских рабочих вызвало панику в лагере буржуазии. Боясь присоединения солдат к восставшим, власти не осмелились вывести против них ни одной регулярной воинской части. У флотского экипажа и солдат 10-го полка было даже отобрано оружие. Для подавления восстания были организованы специальные карательные отряды из офицеров, курсантов военного училища, учебного батальона, состоявшего из кулацких элементов, и полицейского резерва, которым удалось отбить у восставших все захваченные ими объекты. Группы кайтселийта осмелились показаться лишь после того, когда неуспех восстания стал очевиден и когда они могли приступить к арестам и кровавым расправам.

Восставшие отступали с боями. Исключительное мужество

проявили А. Соммерлинг, Э. Амбос и О. Пийр. 5 декабря в 9 километрах от Таллина, в Иру, они в течение целой ночи огнем пистолетов отражали атаки 45 вооруженных до зубов карателей, пока не погибли все в неравном бою. Утром 7 декабря произошел бой в Таллине на нынешней ул. Я. Томпа, в доме № 50, трех революционеров — Г. Креукса, Р. Пяльсона, В. Богданова — с отрядом полицейских. Революционеры сражались до последнего вздоха.

Отдельные группы восставших вели местами бои вплоть до середины декабря.

Причины поражения восстания. Из-за ошибок, допущенных в ходе подготовки и проведения восстания, буржуазии удалось подавить героическое выступление таллинского пролетариата. План восстания в общем был составлен правильно. Главнокомандующий эстонской буржуазной армии И. Лайдонер вынужден был признать, что 1 декабря «наше существование висело на волоске... положение зависело от нескольких единичных моментов». Если бы повстанцам «удалось захватить военное министерство, разрушить центральный аппарат армии, захватив центральную телеграфную станцию, если бы они смогли захватить власть хотя бы на несколько часов, то, возможно, история нашего народа приняла бы совершенно иной оборот».

Восстание не увенчалось победой потому, что руководитель его — Центральный Комитет КПЭ — не смог до конца следовать марксистско-ленинскому учению о восстании как искусстве. В тяжелых условиях конспирации КПЭ не сумела подготовить и провести восстание по всем требованиям этого искусства.

В такой маленькой стране, как Эстония, где каждый революционно настроенный рабочий был на учете у охранки, соблюдение строжайшей конспирации было особенно необходимо. Провал летом 1924 года тартуского боевого отряда, возглавляемого Х. Хейдеманом, показал это со всей очевидностью. Неизбежность же строгой конспирации затрудняла подготовку и проведение восстания. На первый план был выдвинут принцип внезапности, в чисто военном смысле этого слова. Была допущена недооценка значения массового движения в восстании, роли народных масс в революции. Массы рабочих, готовые действовать, своевременно не получили указаний. Членов боевых групп не удалось заранее как следует обучить военному делу. Многие из них недостаточно владели оружием и не представляли себе ясно, как ведутся уличные бои.

Восставшие рабочие, правда, наступали почти повсюду, но они не создали на решающих участках достаточного перевеса сил. Как раз те боевые группы, которые атаковали решающие объекты, были слишком малочисленны. Объекты же, которые были захвачены, не решали главной задачи. У восставших не имелось резерва для парирования неизбежных в ходе восстания неожиданностей. Давал себя чувствовать и недостаток оружия.

Организационная работа по мобилизации масс непосредственно перед восстанием и во время восстания велась слабо. На заводах и фабриках не были организованы отряды, которые выступили бы сразу на поддержку авангарда. Руководящие и наиболее активные товарищи были отозваны с заводов в боевые группы.

Анализируя причины неудачи восстания, газета «Правда» в шестую годовщину восстания писала, что Коммунистическая партия Эстонии «перед восстанием сумела втянуть в революционную классовую борьбу громадные массы трудящихся. Однако в решительный момент, во время вооруженной борьбы за власть эти массы оставались пассивными зрителями. Компартия не сумела организационно и в военном отношении увязать выступление передового боевого отряда с выступлением масс».

На результаты восстания оказало влияние и то обстоятельство, что, несмотря на усилившиеся связи партии с крестьянскими массами, беднякам и середнякам не было четко и конкретно разъяснено, что им даст Советская власть.

Кровавый террор буржуазии после подавления восстания. Буржуазия потопила восстание трудящихся в крови. Участников восстания арестовывали и расстреливали на месте. Медицинских работников убивали за то, что они помогали перевязывать раненых участников восстания. Тяжело раненных выволакивали из больниц и расстреливали. Некоторые рабочие семьи были полностью уничтожены. Паулине Вакман расстреляли вместе с сыновьями — Эрихом и Рихардом. В семье Соансов расстреляли несколько человек. Жертвами террора стали многие славные сыны и дочери эстонского народа (А. Лиллакас, Э. Кягу, К. Грюнбах, Р. Тиккар, А. Кыргемаа и другие). До марта 1925 года было убито более 500 рабочих; более 2 500 человек были брошены в тюрьмы. Аресты производились даже по спискам подписчиков выходивших до восстания легальных рабочих газет и по спискам членов разгромленных легальных рабочих союзов.

Арестованных избивали и пытали. Широко применялась «электрическая ванна». На допросах арестованных истязали так, что многие из них, не выдержав, выбрасывались в наручниках с третьего-четвертого этажа. Избитый К. Круузамяги выпрыгнул с третьего этажа здания охранки и сломал ноги и руки. Его отвезли в мертвецкую, где он умер только через пять часов. И. Куускман выбросился в окно и повис на телефонных проводах. Захваченных у Таллинского военного училища повстанцев, а также оказавшихся поблизости людей, которых лишь подозревали в причастности к восстанию, связали общей веревкой и прогнали сквозь строй 50 курсантов; избитых до полусмерти людей тут же расстреляли из пулеметов. Массовые расстрелы проводились во дворе городской комендатуры.

Волна дикого белого террора прокатилась по всей Эстонии. Одновременно буржуазия провела «чистку» в рядах своей ар-

мии, особенно среди младшего офицерского состава, где имелись люди сочувственно отнесшиеся к восстанию. В Таллине более 100 военнослужащих были преданы военно-полевому суду.

Последовавший за подавлением восстания разгул белого террора в буржуазной Эстонии вызвал гневный протест рабочего класса в Советском Союзе, Чехословакии, Германии, Польше, Канаде, Франции, Англии и других странах.

Лидеры социал-демократов выступили в роли верных пособников эстонской буржуазии в ее кровавых злодеяниях. По доносу соца Л. Иохансона арестовывались и расстреливались профсоюзные активисты, которых социал-демократы подозревали в коммунизме. Соц К. Аст лично присутствовал при расстрелах, чтобы получить «литературное вдохновение». Главарь соцов М. Мартна писал для заграничной буржуазной и оппортунистической печати статьи, в которых без зазрения совести фальсифицировал ход событий в Эстонии и клеветал на революционных деятелей. После 1 декабря буржуазия с помощью социал-демократов образовала коалиционное правительство «от стены до стены», то есть с участием всех буржуазных партий вместе с социал-демократами. К. Аст получил в нем пост «министра без портфеля», в обязанности которого входило распространение за границей ложных сведений о положении в Эстонии.

Уроки восстания 1 декабря. Декабрьское восстание еще раз показало, что эстонский народ находится в руках буржуазной террористической банды, которая могла удерживаться у власти только при помощи постоянно действовавшего военного положения и жесточайшего террора.

Кровь героев, павших в восстании 1 декабря, была пролита не напрасно. Декабрьское вооруженное восстание явилось серьезной школой революционной борьбы эстонского пролетариата. В своей дальнейшей революционной работе эстонский рабочий класс и его авангард — Коммунистическая партия Эстонии — учитывали опыт этого восстания, приобретенный ценой жизни их лучших представителей.

Вооруженное выступление в Таллине являлось одним из многочисленных вооруженных восстаний трудящихся, происшедших в капиталистических странах Европы в годы послевоенного кризиса. Оно вооружало боевым опытом не только эстонский рабочий класс, но и пролетариев всех стран. Вооруженное восстание в Таллине, писала в 1930 году «Правда», «дает много поучительного для международного пролетариата, который стоит перед решительными боями с капитализмом»; опыт героической борьбы таллинских повстанцев «должен быть изучен наряду с великими восстаниями русского пролетариата в 1905 году и в Октябре 1917 года, германского пролетариата в 1919, 21, 23 годах и т. д.»

§ 4. ВРЕМЕННАЯ, ЧАСТИЧНАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ КАПИТАЛИЗМА В ЭСТОНИИ (1925—1928)

Экономическое положение в годы стабилизации. В 1924 году капиталистическому миру более или менее удалось преодолеть послевоенный экономический кризис. Производство и торговля, которые в годы кризиса пришли в упадок, стали вновь оживляться. Общий циклический характер развития капиталистической системы оказал решающее влияние и на экономическое развитие буржуазной Эстонии, являвшейся составной ее частью. Однако в Эстонии стабилизация наступила несколько позднее, чем в международном масштабе.

Экономический кризис в Эстонии был в основном преодолен в первой половине 1925 года. Увеличение экспорта сельскохозяйственных продуктов и лесоматериалов позволило достичь активного баланса внешней торговли; благодаря этому, а также ряду других мероприятий удалось приостановить падение, а затем и несколько поднять курс марки. Эстонское правительство стало хлопотать о получении внешнего займа для стабилизации валюты. Оно обратилось по этому вопросу к Финансовому комитету Лиги наций, который представлял интересы главным образом английского финансового капитала. Англия занимала в то время второе после США место по экспорту капитала и финансовой эксплуатации мира.

В 1927 году Эстония получила, наконец, заем на сумму в 1 350 000 фунтов стерлингов (28 миллионов крон), который был реализован через нью-йоркский банк «Холгертон и К°» и «Мидленд бэнк» в Лондоне. Финансовый комитет Лиги наций, как гарант займа, продиктовал эстонскому правительству условия денежной реформы. Львиная доля займа, а именно 1 миллион фунтов стерлингов, оставалась в качестве обеспечения в Английском банке. В обеспечение займа и высоких процентов по нему (7 процентов годовых) заимодатели взяли под свой контроль акцизные доходы Эстонии. Эстонский банк был отделен от государства и, в сущности, превращен в частный банк. У правительства было отнято право эмиссии, эмиссия стала монополией Эстонского банка. В совете Эстонского банка особое месте было предоставлено финансовому советнику Лиги наций, указания которого были для банка обязательными. Таким образом, все финансы были фактически поставлены под контроль иностранных капиталистов. В начале 1928 года в Эстонии была пущена в обращение новая валюта. Вместо прежних марок и пенни (1 марка = 100 пенни) были выпущены кроны и сенты (1 крона = 100 сентам или 10 000 прежних пенни). В Эстонии был установлен стандарт золотой валюты.

Новый заем довел внешнюю задолженность Эстонии до 110 миллионов крон, что еще больше увеличило зависимость Эстонии от иностранного капитала. Приходилось также погашать прež-

ние долги, сделанные буржуазным правительством в годы интервенции и гражданской войны, и выплачивать проценты по ним. Проценты по государственным внешним займам с 0,35 миллиона крон в 1925 году возросли до 3,7 миллиона крон в 1928 году. Уплата долгов и процентов по внешним займам легла тяжелым бременем на экономику Эстонии.

В годы стабилизации усилилось проникновение иностранного капитала в экономику Эстонии. В начале 1926 года общая сумма иностранных капиталовложений в Эстонии, по данным банка Шееля, достигла 68 миллионов крон, причем основную часть составлял английский капитал. Иностранный монополистический финансовый капитал осуществлял свое господство в эстонской промышленности и других отраслях хозяйства главным образом через частные банки. Наиболее влиятельными банками были «Г. Шеель и К°», а также Тартуский банк. Банк Шееля финансировал сланцевую, бумажную, текстильную, деревообрабатывающую и металлообрабатывающую промышленность, Тартуский банк — различные отрасли производства, работающие на экспорт, и импортную торговлю. Из Эстонии вывозились крупные суммы в виде процентов за иностранный кредит и дивидендов на иностранный акционерный капитал. Так, в 1925 году было вывезено 2,75 миллиона крон, а в 1927 году уже 4 миллиона крон.

Начавшееся в послевоенные годы разорение тяжелой промышленности продолжалось и в период стабилизации. Причина заключалась в изоляции Эстонии от России и в крайне ограниченных возможностях сбыта промышленной продукции, сопутствовавших общему кризису капитализма. Число рабочих-металлистов сократилось до 4 800 человек. В эти годы почти полностью прекратили работу Русско-Балтийский и Петровский заводы, завод «Двигатель»; бездействовал химический завод Майера; закрылся цементный завод в Азери. Единственной отраслью тяжелой промышленности, где наблюдался известный подъем, была сланцевая промышленность, захваченная иностранными капиталистами. Начался некоторый подъем легкой промышленности — пищевой, деревообрабатывающей и (в меньшей степени) текстильной и кожевенной. Вследствие этого валовая стоимость продукции крупной промышленности возросла с 36,7 миллиона крон в 1924 году до 52 миллионов крон в 1929 году. Число рабочих, занятых в крупной промышленности, увеличилось с 28 000 в 1924 году до 31 200 в 1929 году. Хотя уровень послевоенных кризисных лет и был превзойден, промышленность Эстонии в целом все-таки значительно отставала от довоенного уровня. Стабилизация в эстонской промышленности носила, таким образом, весьма ограниченный характер. Многие предприятия работали с большой недогрузкой. Так, производственные мощности текстильной промышленности использовались только на 15 процентов, цементной промышленности — на 30 процентов и т. д. В неполном ис-

пользовании производственных мощностей наглядно проявлялось загнивание капитализма на его империалистической стадии.

В годы стабилизации шел быстрый рост монополий, усиливался их диктат в хозяйственной и политической жизни Эстонии.

Спичечную промышленность захватил в свои руки известный международный трест Крейгера; это повлекло за собой ликвидацию большинства спичечных фабрик и резкое вздорожание спичек. Крупнейшие текстильные фабрики Эстонии объединились в 1928 году в синдикат «Кренбалт». Соответствующие соглашения были заключены также в бумажной, пивной и табачной промышленности. Высокие цены на внутреннем рынке давали этим монополиям возможность экспортировать товары по демпинговым ценам. Таможенная политика правительства обеспечивала господство местных монополий на внутреннем рынке.

Происходила также концентрация банковского дела. Число акционерных банков сократилось с 23 до 19, общая же сумма вкладов возросла с 14,4 миллиона крон до 44,8 миллиона крон.

Правительство и государственный аппарат буржуазной Эстонии были поставлены на службу интересам монополистического финансового капитала. В то время как торговый и промышленный налоги, а также налог с прибыли были снижены, бремя косвенных налогов значительно увеличилось. Пошлины возросли с 6 миллионов крон в 1921 году до 20 миллионов крон в 1929 году, а акцизные сборы — с 1,3 миллиона крон до 4,9 миллиона крон. Повышение косвенных налогов означало рост цен на продовольственные товары и промышленные товары первой необходимости, от чего страдали главным образом широкие народные массы. Стоимость жизни поднялась к 1929 году на 31 процент по сравнению с 1922 годом.

Численность рабочих и общая сумма их заработной платы в период стабилизации несколько увеличились. Номинальная заработная плата рабочих также показывала некоторую тенденцию к повышению, но реальная заработная плата из-за систематического вздорожания жизни не достигла уровня, существовавшего до экономического кризиса 1924 года. По данным буржуазной статистики, индексы номинальной и реальной заработной платы рабочих крупной промышленности (в среднем по всем отраслям промышленности) составляли:

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.	1928 г.	1929 г.
Индексы номинальной заработной платы	100	90,9	99,3	97,9	102,4	108,7	112,2
Индексы реальной заработной платы	100	91,8	92,8	92,4	97,5	97,1	95,9

Особенно низкая заработная плата существовала в текстильной промышленности (21—23 сента в час), сравнительно лучше

оплачивался труд металлистов (36—44 сента в час) и печатников (40—41 сент в час). В годы стабилизации стал еще шире применяться труд женщин и подростков, которые за равный с мужчинами труд получали значительно меньшую плату.

Безработица отнюдь не была ликвидирована. Наличие постоянной армии безработных позволяло капиталистам ухудшать условия труда и усиливать эксплуатацию рабочего класса. Из-за широкого применения сверхурочной работы фактическая продолжительность рабочего дня на промышленных предприятиях

Безработные перед зданием биржи труда в Таллине.

равнялась в среднем 10—12 часам. Рабочие вынуждены были идти на это, чтобы таким образом хоть немного увеличить свой низкий заработок.

В сельском хозяйстве в 1925—1929 годах была завершена земельная реформа. В обстановке стабилизации позиций капитализма буржуазия смогла взяться за пересмотр первоначальных положений земельного закона. Новоземельцы должны были в рассрочку, в течение 60 лет, оплатить по высокой цене землю, причем каждый год начислялись проценты. Бобыли также могли приобрести свои земельные участки в собственность, но только с согласия землевладельца — серого барона. На кулацких и государственных землях в Эстонии было свыше 9600 бобыльских участков, на которых проживало 36 тысяч человек. Величина участка на частных землях равнялась в среднем 1 га. Вопрос о

выделении бобылям дополнительной земли вообще не рассматривался Государственным собранием.

В 1926 году был принят закон о компенсации помещикам за отчужденную у них землю; соответствующая сумма первоначально была определена в 12 миллионов крон (с дополнениями в 1931 году сумма платежей баронам достигла 17 миллионов крон). Был организован Сельскохозяйственный банк, задача которого заключалась во взыскании с новоземельцев выкупных платежей за землю, арендной платы, ссуд и процентов по ним. Из всех этих поступлений создавался так называемый новоземельческий капитал, за счет которого и выплачивались начисленные помещикам суммы. Помещикам была возвращена часть принадлежавших им земель («ландштелле»), а также дачи, строительные участки, лесные делянки и т. д. Были также частично возвращены церковные земли.

К 1929 году в результате распределения государственного земельного фонда было создано 50 749 новых крестьянских хозяйств. Из них 45,6 процента хозяйств имело до 10 га, 47,4 процента — от 10 до 30 га и 7 процентов — свыше 30 га каждое.

Надежды, которые широкие слои крестьянства возлагали на аграрную реформу, должны были скоро рассеяться, так как реформа не ликвидировала безземелья в эстонской деревне и не улучшила положения крестьянской бедноты. По данным 1929 года, 67 033 хозяйствам (что составляло 43,4 процента всех крестьянских хозяйств) величиной менее 10 га каждое принадлежало только 9,7 процента общей площади сельскохозяйственных земель. По признанию самой буржуазии, большая часть мелких хозяйств из-за недостаточности земли была нежизнеспособной. Наличие таких карликовых хозяйств обеспечивало крупные хозяйства постоянным резервом дешевой рабочей силы. Десятки тысяч батраков и безземельных по-прежнему были лишены земли. Земля, как и раньше, оставалась средством эксплуатации и обогащения одних за счет других. В конечном результате буржуазная аграрная реформа способствовала капиталистической дифференциации эстонской деревни. По данным сельскохозяйственной переписи 1929 года, крестьянским хозяйствам размером свыше 30 га (такие составляли 21,8 процента всех крестьянских хозяйств) принадлежало около 50 процентов всех сельскохозяйственных земель, 77 процентов тракторов, 73,4 процента паровых машин, 69 процентов сеялок, 48,2 процента молочного стада и т. д. Эта группа крестьянских хозяйств являлась главным эксплуататором наемной рабочей силы и поставщиком товарной продукции.

Валовая стоимость сельскохозяйственной продукции Эстонии возросла с 231 миллиона крон в 1924/25 году до 256 миллионов крон в 1928/29 году. Экспорт масла увеличился с 6444 тонн в в 1925 году до 12 359 тонн в 1929 году. Вырос и экспорт бекона. Главными потребителями были английский и германский рынки.

В результате односторонней ориентации сельского хозяйства на потребности этих рынков Эстония превратилась в аграрный придаток стран Западной Европы. Эстонское сельское хозяйство стало полностью зависеть от стихийных колебаний конъюнктуры западных рынков. В условиях общего кризиса капитализма сельское хозяйство Эстонии не имело реальных предпосылок для устойчивого роста. Уже в годы стабилизации на капиталистическом мировом рынке началось частичное падение цен на сельскохозяйственные продукты, что не могло не сказаться на положении сельского хозяйства Эстонии.

Основным содержанием капиталистической стабилизации в области сельского хозяйства явился рост прибылей монополистического капитала и укрепление кулацких хозяйств за счет усиления эксплуатации широких слоев крестьянства. Монополистические объединения («Эстония», Эстонский центральный союз потребительских обществ «ЭТК») и в эти годы осуществляли политику занижения закупочных цен на сельскохозяйственные продукты и завышения цен на промышленные товары. Монополистический капитал угнетал трудящееся крестьянство и путем предоставления дорогого кредита. Бремя государственных и местных налогов было тяжелее довоенного. Все это вело к разорению и экспроприации тысяч середняков и бедняков.

Сельские рабочие и бедняки составляли, по данным переписи, более половины сельскохозяйственного населения. Условия труда сельскохозяйственных рабочих не регулировались никакими законами, так как закон 1921 года о регулировании рабочего времени и заработной платы сельскохозяйственных рабочих из-за сопротивления кулаков так и не был проведен в жизнь. Средний месячный заработок рабочих, нанимаемых на год, составлял в 1929 году 27,2 кроны (у мужчин) и 19,1 кроны (у женщин). Работать их заставляли с рассвета до позднего вечера.

В годы стабилизации в общем завершалась дезиндустриализация Эстонии и превращение ее в типичную аграрную страну. Если к началу первой мировой войны промышленная продукция составляла две трети, а сельскохозяйственная — одну треть валовой продукции Эстонии, то в 1929 году удельный вес сельскохозяйственной продукции составлял 80 процентов. В эстонском экспорте удельный вес промышленной продукции показывал систематический спад. К тому же видное место среди вывозившейся промышленной продукции занимали полуфабрикаты. В эстонском импорте все более преобладали сравнительно дорогие промышленные товары империалистических стран. Ввозились также промышленное сырье и зерно. Внешняя торговля Эстонии зависела главным образом от двух империалистических государств — Англии и Германии. Путем закупки в Эстонии по низким ценам продовольственных товаров и сырья и продажи ей по высоким ценам промышленных товаров империалисты грабили и обирали эстонских трудящихся.

Отказываясь от упорядочения торговых связей с Советским Союзом, буржуазное правительство тем самым способствовало превращению Эстонии в аграрную полуколонию западных империалистов. Вплоть до 1929 года оно не заключало торгового соглашения с Советским Союзом, ограничиваясь случайными сделками. В договоре же от 1929 года по сути дела было зафиксировано прежнее положение и не было внесено никаких существенных изменений в направлении увеличения товарооборота. В связи с займом 1927 года эстонское правительство подпало под еще более сильное политическое влияние английских империалистов. А последние, как известно, добивались в то время не только политической, но и экономической изоляции Советского Союза.

Временная стабилизация политической власти буржуазии. После подавления вооруженного восстания 1 декабря все буржуазные и мелкобуржуазные партии образовали единый реакционный фронт во главе с коалиционным правительством. Блок буржуазных партий и социал-демократов осуществлял безудержный террор против трудящихся.

12 февраля 1925 года Государственное собрание приняло «закон о защите государственного строя», который открыто аннулировал провозглашенные в конституции права граждан. Министру внутренних дел предоставлялись широкие полномочия, он мог теперь по своему усмотрению закрывать любую организацию, если сочтет, что она «представляет опасность для существующего строя». Государственное собрание и самоуправления получили право игнорировать волю избирателей, аннулируя выборы по спискам, «представленным организациями или группами граждан, деятельность которых является опасной для Эстонского государства». На основе этого закона были признаны недействительными выборы во II Государственное собрание и в местные самоуправления по спискам Единого фронта трудящихся. Депутаты, избранные по этим спискам, уже задолго до принятия этого закона были упрятаны в тюрьмы.

В апреле 1925 года был предпринят очередной разгром организаций трудящихся в 47 волостях, 9 местечках и 9 городах. Шли массовые допросы, обыски и аресты. Демонстрации были запрещены, о всех собраниях нужно было в письменном виде сообщать полицейским властям, причем полиции было дано право разгонять даже разрешенные ею собрания. Постановлением министра внутренних дел от 1 апреля 1925 года можно было карать в административном порядке редакторов и издателей газет за опубликование материалов, которые министром внутренних дел могли быть квалифицированы как «злоумышленные», «угрожающие безопасности государства» и т. д. Это постановление вызвало протест даже со стороны буржуазного союза журналистов. В письменном заявлении этого союза говорилось, что постановление министра внутренних дел «дает административным властям

такие безграничные возможности для оказания давления на печать, которые редко имели место в царской России».

Активизировалась деятельность буржуазно-националистической вооруженной организации — кайтселийта. В 1925 и 1926 годах для содержания кайтселийта с населения взимался чрезвычайный налог в размере 200 миллионов марок. «Узаконенный» произвол и наглость кайтселийтчиков были столь велики, что даже депутаты буржуазного Государственного собрания вынуждены были протестовать против того, что «кайтселийтчики избивают мирных граждан и стреляют в них».

Х. Хейдеман.

Путем террора и националистической демагогии буржуазии, после подавления декабрьского вооруженного восстания 1924 года, удалось укрепить свою политическую власть. Важную роль в стабилизации власти буржуазии сыграла земельная реформа, с помощью которой буржуазии, при посредничестве мелкобуржуазных партий, удалось временно распространить свое влияние на широкие слои крестьянства.

Как только положение несколько стабилизировалось, буржуазия вновь вернулась к своим планам установления «твердой власти». В 1926 году, когда произошли фашистские государственные перевороты в Польше и Литве, парламентская фракция аграриев внесла проект изменения конституции, по которому почти вся полнота власти должна была перейти к президенту. Но для установления фашистской диктатуры в Эстонии еще не созрели условия.

Как и в других капиталистических странах, годы стабилизации в Эстонии характеризуются также значительным усилением роли социал-демократии. Рост влияния социал-демократии отразился на выборах в III Государственное собрание в 1926 году и особенно на выборах самоуправлений в 1927 году. В ноябре 1928 года лидер социал-демократов А. Рей возглавил правительство. Социал-демократы с помощью ловкой социальной и националистической демагогии подчинили своему влиянию мелкую буржуазию и некоторую часть рабочего класса и содействовали, таким образом, укреплению политической власти буржуазии.

Рабочее движение. Борьба компартии в условиях террора. Террор буржуазии нанес тяжелый удар

рабочему движению. Профсоюзы были разгромлены, а их центры закрыты. Коммунистической партии Эстонии пришлось продолжать борьбу в еще более тяжелых условиях, чем когда-либо прежде.

Бóльшая часть руководящих кадров КПЭ была убита или брошена в тюрьмы; буржуазия стремилась уничтожить и оставшиеся кадры. В 1925 году в Тарту был проведен «процесс 77-ми». Выдающийся революционер коммунист Х. Хейдеман был казнен, остальных подсудимых приговорили к долгосрочному заключению. 23 апреля 1926 года в Таллине был убит руководитель подпольной организации КПЭ А. Рийзман, а 3 августа 1927 года — А. Лейнер, возглавивший организацию после убийства А. Рийзмана.

А. Лейнер.

Несмотря на жестокий террор, партия в подполье упорно продолжала свою деятельность. В эти годы вели самоотверженную подпольную работу Х. Росс, В. Туберик-Надсон, Альвине Пуусепп, Линда Юнман и другие партийные активисты. Коммунисты организовали в 1925 году забастовки на Русско-Балтийском заводе и Балтийской мануфактуре; широко распространялись листовки.

В условиях стабилизации капитализма стачечная борьба временно ослабла. Происходившие в то время стачки носили экономический характер; в большинстве случаев они были вызваны тем, что предприниматели задерживали выплату заработной платы и обсчитывали рабочих. Против забастовщиков правительство использовало полицию и кайтселийт. Так, в ноябре 1925 года кайтселийтчики были посланы против бастующих рабочих Русско-Балтийского завода. В 1926 году комиссар полиции заявил бастующим рабочим электростанции Кренгольма, что по распоряжению начальника гарнизона рабочие должны немедленно приступить к работе, в противном случае они будут преданы военному суду, который на основании закона о военном положении в течение 24 часов приговорит их к смертной казни. Правительство одобрило действия комиссара полиции, а интерпелляция по этому поводу не собрала в Государственном собрании нужного числа голосов.

Важнейшей задачей Коммунистической партии Эстонии было восстановление профсоюзного движения. Министр внутренних дел дал разрешение на создание новых профсоюзов только социал-демократам, поэтому ЦК КПЭ еще в августе 1925 года выпустил листовку, в которой призвал всех членов партии и классово сознательных рабочих вступить в члены союзов, организуемых социал-демократами, и выбирать в руководство своих представителей. В течение 1926 года по стране было восстановлено свыше 15 профсоюзов городских рабочих и несколько союзов сельских рабочих и рабочих лесозаготовок. Нарвские и пярнуские профсоюзы, а также часть таллинских теперь перешли в руки левых. В апреле 1927 года состоялась всеэстонская конференция профсоюзов, на которой был учрежден Центральный союз рабочих объединений Эстонии и избрано его правление. Хотя из 14 союзов промышленных рабочих 7 были левыми, социал-демократам удалось при поддержке представителей профсоюзов служащих и сельских рабочих провести в правление Центрального союза своих кандидатов. Левые профсоюзы решили держаться в стороне от Центрального союза. Их главным центром стал Таллинский Центральный Совет.

Однако отрыв революционных профсоюзов от Центрального союза помешал созданию единого фронта рабочего класса, что было только на руку лидерам соцов, проводивших раскольническую политику.

Рост влияния соцов и усиление реформистского направления в профсоюзном движении объясняются не только жесточайшим террором против КПЭ, но и возросшим давлением мелкой буржуазии на рабочий класс, что явилось результатом объективных изменений в структуре экономики Эстонии. Постепенная смена прежних революционных кадров новыми, классово менее сознательными и подверженными влиянию мелкобуржуазной идеологии, облегчила проникновение провокаторских элементов в революционное рабочее движение. Начиная с 1926 года охранка стала все шире практиковать засылку провокаторов в рабочие организации.

Коммунистическая партия Эстонии наряду с левыми профсоюзами стремилась использовать в качестве легальной организации Эстонскую рабочую партию (1926—1930), которая была основана левыми элементами, порвавшими с партией социал-демократов. На выборах в III Государственное собрание КПЭ поддерживала список Эстонской рабочей партии, в результате чего последней удалось провести в Государственное собрание 6 депутатов.

В 1927 году, после двухлетнего перерыва, снова отмечалось 1 Мая. Рабочие требовали прекратить военные махинации против Советского Союза, наладить с ним дружественные экономические и политические отношения. Делегации эстонских рабочих стали ездить в Советский Союз, где знакомились с успехами социали-

стического строительства. По возвращении делегаты проводили широкую разъяснительную работу, выступая на собраниях трудящихся и на страницах рабочей печати. Активизировалась работа Коммунистического Союза Молодежи Эстонии. К 1928 году ряды КСМЭ по сравнению с 1925 годом выросли в 2,5 раза. В конце 1927 года был создан легальный Всеэстонский союз рабочей молодежи, который был, однако, вскоре закрыт охранкой.

В 1928 году начался подъем стачечной борьбы. Если в 1927 году произошло 5 забастовок с 218 участниками, то в 1928 году состоялось уже 7 забастовок с 1098 бастующими. Одной из наи-

Рабочая демонстрация 1 мая 1927 г. в Таллине.

более крупных была всеобщая стачка полиграфистов в 1928 году, продолжавшаяся 100 дней и охватившая 800 рабочих. В 1929 году стачечное движение продолжало расширяться. Число забастовок достигло 16, а количество бастующих 1915. В течение 1929 года трижды бастовали строительные рабочие на прокладке железной дороги Тарту—Петсери, которых жестоко эксплуатировали подрядчики-датчане. Все эти стачки в основном были экономическими, но они ясно указывали на неустойчивость стабилизации капитализма и предвещали ее близкий конец. В 1929 году в Таллине и Нарве прошли митинги по случаю 10-ой годовщины кровавого злодеяния в Изборске. В политическую демонстрацию вылились также похороны замученной в тюрьме комсомолки В. Клементи, состоявшиеся в Таллине 24 февраля 1929 года при участии 6000 рабочих. Участники похорон несли красные знамена и пели революционные песни.

Если на конференции КПЭ в 1926 году отмечалось, что эстон-

ская буржуазия добилась некоторой стабилизации экономики, то на конференции в 1929 году констатировалось, что от этой стабилизации почти ничего не осталось. На конференции было обращено внимание на правую опасность, выразившуюся в переоценке прочности стабилизации капитализма и влияния социал-демократов в рабочем движении. Конференция подчеркнула, что КПЭ должна обратить главное внимание на укрепление своих организаций, на сплочение рабочих масс под знаменем революционной классовой борьбы, на упрочение союза рабочих и крестьян, а также на создание единого фронта трудящихся, направленного против подрывной деятельности лидеров социал-демократии.

В результате обострения противоречий капитализма, временный отлив в рабочем движении сменился новым приливом, выдвинувшим перед КПЭ серьезные задачи по организации революционного рабочего движения и руководству им. Политический секретариат Коминтерна в своей резолюции от 16 января 1930 года охарактеризовал тогдашнее положение в КПЭ как состояние организационного кризиса, выразившегося в сокращении числа членов партии, отрыве от масс и т. п. Это явилось следствием происшедших изменений в структуре рабочего класса, систематического истребления его революционных кадров и испытанных руководителей. По этим причинам КПЭ не смогла превратить левые профсоюзы в массовые организации, упрочить союз рабочих и крестьян и создать единый фронт трудящихся.

Внешняя политика. В годы стабилизации эстонское буржуазное правительство старалось согласовать свои позиции прежде всего с политикой Англии, которая в 1926—1927 годах взяла в свои руки инициативу непосредственной подготовки антисоветской интервенции.

В международных отношениях временная стабилизация капитализма нашла отражение в соглашениях империалистических государств по вопросу о Германии. В 1924 году был принят так называемый план Дауэса, который предусматривал восстановление военно-промышленного потенциала Германии. По Локарнскому соглашению, заключенному в 1925 году, не гарантировалась неприкосновенность границ восточных соседей Германии, что означало направление будущей агрессии Германии на восток, в конечном счете против Советского Союза. Одновременно с попыткой включить Германию в антисоветский блок, поджигатели новой войны приняли ряд мер и к вовлечению в этот блок других государств. В духе Локарнского соглашения были предприняты попытки сколотить так называемое «Прибалтийское Локарно» во главе с Польшей. В осуществление этого плана в декабре 1925 года состоялось совещание представителей генеральных штабов прибалтийских стран, Польши и Румынии, на котором обсуждались вопросы координации работы генеральных штабов, разведки и т. д. Столицы прибалтийских государств давно

стали центрами разведывательной антисоветской деятельности западных империалистических государств.

Неуклонная мирная политика Советского Союза помешала осуществлению планов поджигателей войны. В 1926 году между Советским Союзом и Германией был подписан пакт о ненападении и нейтралитете. В начале того же года Советское правительство обращалось к правительствам Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии с предложением заключить с ними такие же договоры. Правительства прибалтийских государств, подстрекаемые английскими консерваторами, старались уклониться от этих предложений. Согласилась заключить с Советским Союзом пакт о ненападении и нейтралитете только Литва. В марте 1927 года был парафирован договор о ненападении и нейтралитете между Советским Союзом и Латвией, но в результате открытого вмешательства английского посланника в Риге соглашение так и не было ратифицировано. Когда в июне 1927 года был подписан торговый договор между Советским Союзом и Латвией, эстонское буржуазное правительство, тесно связавшее себя внешним займом 1927 года с английской политикой, действуя по указаниям Лондона, всячески старалось помешать сближению Латвии и Советского Союза. Эстония пыталась оказать на Латвию дипломатическое давление, угрожая денонсировать договор 1923 года о союзе. Одновременно английские империалисты и их эстонские пособники разрабатывали планы свержения социал-демократического правительства Латвии.

В августе 1928 года государственный секретарь США Келлог и министр иностранных дел Франции Бриан подписали в Париже пакт об отказе от войны как средства национальной политики. Авторы пакта задумали его как пацифистский маневр для прикрытия подготовки войны, но Советский Союз использовал его в интересах мира. Советский Союз обратился к своим соседям с предложением подписать протокол о досрочном введении в действие пакта Келлога—Бриана. Под давлением народных масс правительства Эстонии, Латвии, Польши и Румынии вынуждены были 9 февраля 1929 года подписать этот протокол. Но и подписав его, эстонская буржуазия продолжала тайно проводить военные приготовления. В 1929 году была сделана попытка создать блок Северных стран. Происходил обмен «визитами» представителей Швеции и прибалтийских стран. Для постройки стратегических железных дорог Швеция предоставила Эстонии заем в размере 7,6 миллиона крон. Началась реорганизация армии, выразившаяся прежде всего в укреплении командного состава. Вводилось оружие английского образца. На границе с СССР, в окрестностях Нарвы и Петсери, было построено два больших военных лагеря.

Несмотря на все усилия империалистических поджигателей войны, им не удалось создать единый фронт против Советского Союза. Причиной срыва планов империалистов были последова-

тельная и непоколебимая мирная политика Советского Союза, борьба рабочего класса капиталистических стран за мир и установление дружеских связей с Советским Союзом, а также противоречия в самом империалистическом лагере, обострившиеся в связи с новым экономическим кризисом.

§ 5. ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КРАХ БУРЖУАЗНОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА (1929—1933)

Экономический кризис. Временная стабилизация капитализма сменилась в 1929 году новым экономическим кризисом. Новый экономический кризис оказался исключительно тяжелым и затяжным. Промышленный кризис переплелся с аграрным и финансовым кризисом.

Объем промышленной продукции за годы кризиса в Англии упал на 14 процентов, в Германии — на 34 процента, в Соединенных Штатах Америки — на 35 процентов. Десятки миллионов рабочих капиталистических стран остались без работы, они были обречены на голод и нищету. Многие миллионы крестьян разорились и лишились земли.

В то же время Советский Союз быстро развивал свое народное хозяйство и увеличил объем промышленной продукции за эти годы более чем в два раза.

В экономике буржуазной Эстонии кризисные явления стали наблюдаться довольно рано. Падение цен на сельскохозяйственные продукты на мировом рынке особенно сильно дало себя почувствовать во второй половине 1929 года. Начиная с 1929 года общий оборот внешней торговли Эстонии стал сокращаться. В 1928—1930 годах Эстония имела пассивный внешнеторговый баланс. Отлив иностранной валюты привел к сокращению фонда покрытия Эстонского банка. Уже в октябре 1928 года Эстонский банк повысил учетный процент, а в сентябре 1929 года и ссудный. Появились симптомы финансового кризиса. Была ограничена выдача кредитов. Число протестованных векселей росло с каждым месяцем.

В 1929 году участились банкротства торгово-промышленных предприятий: объявили себя неплатежеспособными несколько предприятий текстильной и кожевенной промышленности.

В металлообрабатывающей промышленности трудности сказались прежде всего в области сбыта сельскохозяйственных машин, что привело к закрытию нескольких предприятий сельскохозяйственного машиностроения («Тегур», фабрика сепараторов Г. Пээтса). Окончательно разорились в годы кризиса прежние крупные предприятия металлообрабатывающей промышленности (Русско-Балтийский завод, заводы «Двигатель» и Беккера). Число рабочих в крупной металлообрабатывающей промышленности за 1929—1933 годы уменьшилось на одну треть.

Значительно сократились в годы кризиса экспортные возможности текстильной промышленности. Вывоз текстильных изделий упал с 2 257 тонн в 1929 году до 511 тонн в 1933 году. Число рабочих крупной текстильной промышленности в годы кризиса сократилось на 1 500 человек. Подобное же положение наблюдалось в большинстве других отраслей производства. В известной мере развивалась лишь сланцевая промышленность, доля иностранного капитала в которой в годы кризиса удвоилась.

В целом валовая продукция крупной промышленности упала со 119,3 миллиона крон в 1929 году до 80,7 миллиона крон в 1932 году, то есть на 32,4 процента.

Капиталисты с помощью государственного аппарата всячески стремились облегчить свое положение и переложить все тяготы кризиса на плечи трудящихся. Монополии пытались под прикрытием защитных пошлин сохранить на внутреннем рынке высокие цены, чтобы компенсировать потери во внешней торговле. Под защитой высоких пошлин реализовывалось на внутреннем рынке 70 процентов валовой продукции текстильной промышленности. В то же время цены на продукты труда неорганизованных мелких производителей (крестьян, кустарей и т. д.) значительно упали.

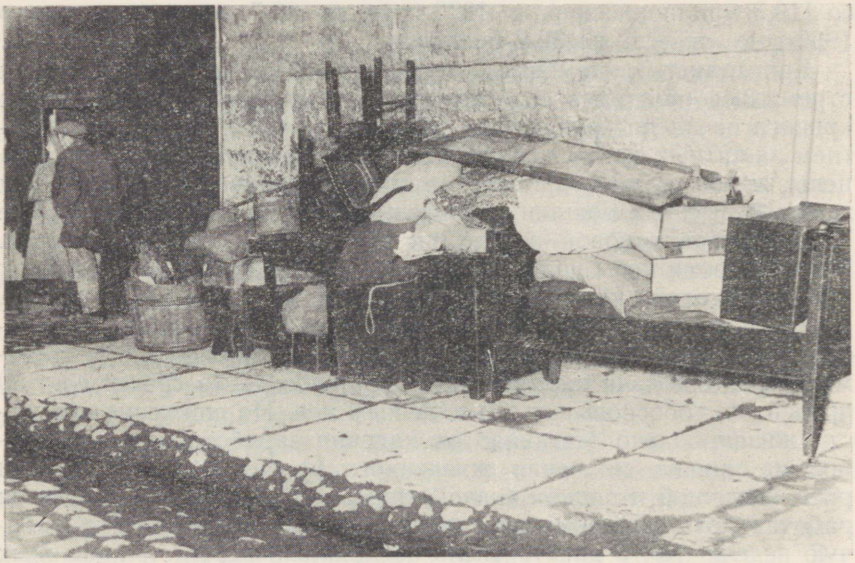
Экономический кризис ускорил процесс абсолютного и относительного обнищания рабочего класса. Предприниматели систематически снижали заработную плату рабочих (в среднем на 30 процентов), обосновывая это падением цен. Но снижение стоимости жизни далеко отставало от падения заработной платы. Одной из причин снижения жизненного уровня трудящихся был рост частичной и полной безработицы. В 1932 году 55 процентов рабочих крупной промышленности работало сокращенную рабочую неделю (3—5 дней). Число официально зарегистрированных безработных достигло зимой 1932 года 31 767 человек (из них 15 572 в городах). В начале 1933 года в городах было зарегистрировано уже 18 110 безработных. В это время во всей крупной и средней промышленности работало всего 28 тысяч рабочих.

В этих условиях буржуазное правительство было вынуждено организовать для безработных так называемые «общественные работы». Таким путем осуществлялись все важнейшие государственные работы (дорожное строительство, лесоразработки, углубление гаваней и т. д.). Мизерная оплата труда на этих работах давала возможность предпринимателям снижать зарплату и другим рабочим.

Наряду со снижением заработной платы повсеместно повышались нормы выработки. На Кренгольмской мануфактуре, например, было значительно увеличено число машин и станков, обслуживаемых одним рабочим, на обувной фабрике «Унион» дневная норма была повышена с 500 до 600 пар. Норма прибавочной стоимости в крупной промышленности буржуазной Эстонии в годы кризиса значительно выросла — по некоторым данным, со 138 процентов в 1928 году до 200 процентов в 1933 году. Реаль-

ная заработная плата рабочих постоянно снижалась и одновременно уменьшалась их доля в национальном доходе.

Особенно остро чувствовался кризис в сельском хозяйстве, которое давало примерно три четверти всей валовой продукции буржуазной Эстонии (в 1932 году 74 процента). В то время как с 1928 по 1932 год выпуск промышленной продукции сократился почти на одну треть, производство товарной продукции сельского хозяйства сократилось более чем вдвое.



Выброшенная из квартиры рабочая семья.

Кризис в сельском хозяйстве был обусловлен сужением рынка сбыта сельскохозяйственных продуктов и падением цен. На мировом рынке цены на сельскохозяйственные продукты к 1933 году упали, по сравнению со средним уровнем 1925—1929 годов, на 65 процентов. Поскольку падение цен на промышленные товары было гораздо меньшим, то в годы кризиса ножницы цен еще более увеличились; значительно сократилась покупательная способность крестьянских хозяйств. В период аграрного кризиса денежные доходы крестьянских хозяйств уменьшились на 49 процентов.

К 1932 году сетями долговой кабалы было опутано уже 73 тысячи хозяйств, что составляло более 50 процентов их общего числа. Сумма долга исчислялась в 115 миллионов крон. Сильнее всего давили долги на бедняков. Начиная с 1930 года резко увеличилось число аукционов. В «Государственных ведомостях» объявления об аукционах занимали по нескольку страниц убористого шрифта. За годы кризиса разорились тысячи крестьянских

хозяйств (главным образом бедняцких и середняцких). Земли разорившихся крестьян за бесценок скупали банки, всевозможные спекулянты и верхушка кулачества.

Правительство приняло ряд мер для защиты интересов кулацких хозяйств, в частности, установило дотации (премии) на вывозимые продукты сельского хозяйства. С 1930 года премии выплачивались за бекон, с 1933 года также за масло и яйца. Сужение перспектив развития продуктивного животноводства заставило кулаков в годы кризиса взять курс на зерновое хозяйство, чтобы за счет внутреннего рынка компенсировать потери на внешнем рынке. В 1930 году ввоз ржи был объявлен государственной монополией. Повышены были также пошлины на ввоз пшеницы, овса и ячменя. Одновременно государство начало скупать у крестьян рожь по повышенным ценам. Убытки государства в связи с реализацией скупленной ржи в годы кризиса превысили 4 миллиона крон. Таким образом, интересы кулаков обеспечивались за счет трудящихся — налогоплательщиков. Государство облегчало положение зажиточного крестьянства также путем регулирования условий кредита (мораторий и т. п.) и снижения налогов.

Одним из главных средств, с помощью которых кулачество пыталось компенсировать сокращение своих денежных доходов, было снижение заработной платы сельскохозяйственным рабочим. Общая сумма заработной платы сельскохозяйственных рабочих снизилась с 17,2 миллиона крон в 1928 году до 8,6 миллиона крон в 1932 году, то есть на 50 процентов.

В годы кризиса в деревне получила широкое распространение практика увольнения сельскохозяйственных рабочих раньше договорного срока — без выплаты заработной платы. Для этого хозяева находили всевозможные предлоги или создавали рабочим такие невыносимые условия, что те уходили сами. В эти годы кулачество вообще стремилось сократить применение наемной рабочей силы. Буржуазные статистики зимой 1932 года насчитывали примерно 45 тысяч безработных сельских жителей. В деревню устремлялись также тысячи безработных горожан, которые ходили от хутора к хутору, предлагая свой труд на любых условиях. Кулаки на своих собраниях уславливались давать этим несчастным работу только в том случае, если они согласятся трудиться за одни лишь харчи. Орган партии аграриев — «Кая» — призывал правительство направлять на лето безработных из города в деревню, в кулацкие хозяйства, именно на этих условиях.

Катастрофически упала в годы кризиса внешняя торговля: импорт со 131,4 миллиона крон в 1928 году сократился до 36,9 миллиона крон в 1932 году, экспорт — со 127,1 миллиона крон до 42,6 миллиона крон.

Результаты экономической зависимости Эстонии от Запада в годы кризиса сказывались особенно сильно. Кризис в Эстонии достиг особой остроты после девальвации фунта стерлингов в сентябре 1931 года. Только Эстонский банк на депозите в Ан-

глийском банке потерял 7 миллионов крон. Падение фунта значительно повлияло на стоимость эстонского экспорта. Первое время делались попытки сохранить золотой стандарт кроны, так как Германия, игравшая большую роль в экономической жизни большинства стран Европы, в том числе и Эстонии, удерживала свою валюту на золотой основе. Однако те капиталистические круги Эстонии, которые были тесно связаны с английским рынком, повели энергичную борьбу за падение кроны. Поскольку Англия занимала в экспорте буржуазной Эстонии первое место, то сторонники стерлингового блока («сокрушители кроны») в конце концов одержали победу. В июне 1933 года, после двухлетней борьбы между капиталистическими группировками, крона была переведена на стерлинговую основу. Это означало автоматическое падение курса кроны на 35 процентов. Соответственно упавшему курсу кроны поднялись цены на товары на внутреннем рынке. Широкие массы трудящихся могли купить теперь товаров на свою зарплату на одну треть меньше, чем раньше.

Падение кроны облегчило конкурентную борьбу эстонских экспортеров на внешних рынках. Сразу же после падения кроны, в июле 1933 года, был заключен временный торговый договор с Англией сроком на один год, который отчетливо фиксировал экономическую зависимость Эстонии. В интересах сохранения экспорта сельскохозяйственных продуктов пришлось пойти на увеличение удельного веса Англии в эстонском импорте. Цены на импортные товары были значительно выше экспортных. Оплачивая эту разницу, эстонские трудящиеся способствовали облегчению экономического кризиса в тех капиталистических странах, от которых зависела Эстония.

Во второй половине 1933 года в Эстонии, как и в других капиталистических странах, начался переход от кризиса к депрессии. Это проявилось в некотором росте промышленной продукции и числа рабочих, а также в оживлении внешней торговли. Известную роль в выходе из кризиса сыграла складывавшаяся в гитлеровской Германии военная конъюнктура, к которой начала приспосабливаться часть эстонской промышленности.

Кризис парламентаризма. Экономический кризис принес неисчислимые страдания рабочим и трудящемуся крестьянству. Кризис особенно отчетливо показал всю гнилость капиталистической системы. Недовольство трудящихся существующим эксплуататорским строем резко возросло. Уже в 1928 году в рабочем движении начался новый подъем. В условиях экономического кризиса особенно интенсивно развивалась борьба безработных, которую направляла КПЭ. Наряду с экономическими требованиями рабочие и безработные все чаще стали выдвигать и политические. Эстонская буржуазия видела, что прежняя система насилия, прикрытая вывеской демократии, в новых условиях уже недостаточна для подавления трудящихся.

Одновременно обострилась и взаимная борьба между самими

буржуазными группировками. Росло недовольство широких слоев мелкой буржуазии. В силу всех этих причин буржуазия стала все более склоняться к открытой террористической диктатуре — к фашизму. Обозначился кризис буржуазного парламентаризма.

До наступления экономического кризиса изменения действующей конституции и установления фашистской диктатуры добивалась главным образом партия аграриев. Теперь планы изменения конституции вынашивались уже обеими крупнейшими бур-

Подпольная типография КПЭ в Таллине, в доме № 14 по ул. Тууле, в 1930 г.

жуазными партиями — аграриями и народной партией. Их фракциями в Государственном собрании соответствующие законопроекты были внесены в 1929 году. Оба проекта предусматривали значительное ущемление прав Государственного собрания и введение института главы государства — фактически диктатора, наделенного неограниченными полномочиями. Представители основных мелкобуржуазных партий (трудовиков и социал-демократов) в Государственном собрании заявили о своей солидарности с планами изменения конституции. Внесенные проекты были согласованы в соответствующей комиссии Государственного собрания, в работе которой участвовал и представитель социал-демократов. Совместный проект Государственного собрания был готов к 1932 году.

На обострение экономического кризиса и подъем рабочего движения буржуазия ответила попыткой сплотить свои классо-

вые силы, с тем чтобы найти выход из кризиса за счет трудового народа. Накануне выборов в V Государственное собрание, которые происходили в мае 1932 года, было осуществлено объединение ряда буржуазных партий. «Объединение аграриев, новопоселенцев и мелких земледельцев» получило в парламенте 42 места (раньше они имели все вместе 38 мест), «Национальный центр» (народная партия, христианско-народная партия, трудовики, «хозяйственная группа») — 23 (раньше 22), социал-демократы — 22 (раньше 25). Последние потеряли 17 тысяч голосов. Успех объединения аграриев свидетельствовал о росте влияния фашизирующейся буржуазии на мелкобуржуазные слои в деревне. Процент участия в выборах в V Государственное собрание, по сравнению с прежними, значительно упал; в первую очередь, воздержались от голосования бывшие сторонники социал-демократов. Результаты выборов отразили процесс политической дифференциации мелкой буржуазии, который в условиях экономического кризиса протекал с возрастающей быстротой.

Глубокое недовольство народа, трения в лагере самой буржуазии и неустойчивое положение в парламенте привели к тому, что за 1932—1933 годы сменилось целых шесть правительств, причем возникали длительные и острые правительственные кризисы. Делались попытки стабилизировать положение путем предоставления правительству чрезвычайных полномочий, распространения на всю территорию страны военного положения, путем закулисных сговоров и политических махинаций, однако обстановка все накалялась. Буржуазные партии теперь еще больше уповали на изменение конституции, уменьшение значения парламента и введение института главы государства. Буржуазия рассчитывала, что общее недовольство, порожденное кризисом, удастся направить против «устаревших» положений конституции, которые якобы и являются причиной правительственной чехарды и прочих бед. При этом курс на ущемление демократии прикрывался разговорами о необходимости ее усиления.

В марте 1932 года Государственное собрание приняло решение о проведении референдума по вопросу изменения конституции. Референдум проходил в августе. Он не дал ожидаемых результатов. Голоса разделились почти поровну (за изменение конституции было подано 316 388 голосов, против — 330 632 голоса). Менее чем через год состоялся новый опрос. На этот раз за изменение конституции было подано всего 161 595 голосов, против — примерно то же число, что и прежде, — 333 107 голосов; остальные избиратели уклонились от участия в референдуме.

Но буржуазия и не думала отказываться от своих планов. Съезд аграриев принял решение поддержать выдвинутый вапсами проект изменения конституции, который был «радикальнее» других.

Партия вапсов («Союз ветеранов») сформировалась из организаций белогвардейцев — участников антисоветской интервен-

ции. Возглавляли эту партию фашистские авантюристы Сирк, Ларка, Мяэ и другие.

В годы экономического кризиса партия вапсов превратилась в орудие монополистического финансового капитала, направлявшее недовольство мелкобуржуазных слоев населения в русло фашизма. В отличие от старых буржуазных партий, ориентировавшихся в своей внешней политике на английский империализм, вапсы равнялись по германским фашистам-гитлеровцам. Движение вапсов финансировалось промышленниками, банкирами и крупными торговцами Эстонии, связанными преимущественно с немецким капиталом, а также германскими органами пропаганды. Гитлеровцы создали в Эстонии разветвленную агентуру в лице фашистских организаций прибалтийских немцев («Штурм», «Балтийское братство»). Вапсы тесно сотрудничали с прибалтийскими немцами, хотя старались скрывать это от народа. Вапсы ставили своей целью полное подавление революционного движения рабочего класса. «Дубинщики» (так прозвал народ вапсов, избравших своим символом дубину) вели разнузданную демагогическую пропаганду, выставляя себя поборниками «национального государства», «национальной целостности», «подлинного народовластия», борцами против коррупции партий, защитниками интересов всех слоев народа, в том числе и рабочих. Они обещали всем все: крестьянам — повышение цен на сельскохозяйственные продукты и снижение долгового бремени за счет городского населения, а городским жителям — уменьшение дороговизны за счет снижения цен на сельскохозяйственные продукты; домовладельцам они обещали повышение, а квартиросъемщикам — постоянное снижение квартирной платы. Мутное «движение» вапсов привлекло не только уголовные элементы, обанкротившихся торговцев и спекулянтов, но и часть мелкой буржуазии, интеллигенции, а также доведенных кризисом до отчаяния безработных.

Голосование вапсовского проекта происходило в октябре 1933 года в очень напряженной внутриполитической атмосфере и принесло им крупную победу (за — 416 878, против — 156 984 голоса).

Основная причина победы вапсов заключалась в общем недовольстве народа, которое из-за слабости рабочего класса и КПЭ и из-за предательской тактики лидеров правых социалистов не удалось направить на путь революционного преобразования существующего строя. Победе вапсов способствовал ряд факторов: их безграничная демагогия и террор, поддержка со стороны сильнейшей буржуазной партии — аграриев — и т. п. Путь к фашизму прокладывали все правительства того периода, а в особенности правительство Я. Тыниссона (с мая по октябрь 1933 года): оно снизило курс кроны, ухудшив тем самым положение трудящихся, ввело по всей стране военное положение, закрыло ряд левых рабочих организаций, установило предварительную цензуру и др. Формально закрывались и союзы вапсов, факти-

чески же им разрешали спокойно действовать и окружать себя ореолом «борцов за интересы народа». Сразу же после референдума правительство Тыниссона ушло в отставку, отменив частично военное положение. Вслед за тем к власти пришло (в третий раз за годы кризиса) правительство Пятса, лидера аграриев.

Новая конституция, вступавшая в силу 24 января 1934 года, сильно урезывала роль парламента и предоставляла главе государства — президенту почти неограниченные права, в частности, право издавать важнейшие законы в форме президентских декретов.

Таким образом, в результате третьего референдума была достигнута общая цель всех буржуазных группировок — принятие новой конституции и расчистка «законного» пути для фашизма — открытой террористической диктатуры крупной буржуазии.

Борьба рабочего класса и Коммунистической партии Эстонии против угрозы фашизма. Главной силой, боровшейся под руководством КПЭ за демократические свободы народа, был рабочий класс. Компартия призывала трудящиеся массы к бдительности, к борьбе против угрозы фашизма, разъясняя, что победа фашизма означала бы для трудового народа новые страдания, ликвидацию остатков демократических свобод и вступление Эстонии в интересах иностранных империалистов на гибельный путь антисоветских военных авантюр.

Февральский Пленум ЦК КПЭ (1931 г.) указал в своем решении, что важнейшей задачей всех партийных организаций является «мобилизация трудящихся масс против угрозы фашизма, усиление разъяснительной работы против реально приближающейся опасности войны ... антимилитаристская работа среди молодежи, разоблачение социал-фашистов» (т. е. соцов).

Пленум обратил внимание партийных организаций на необходимость решительной борьбы с «левым» уклоном. «Левые» сектанты недооценивали значение и необходимость работы в правых профсоюзах и т. п. В то же время партийным организациям пришлось вести борьбу и против правых, ликвидаторских настроений, выражавшихся в переоценке сил буржуазии и в тенденциях ограничить партийную работу легальной деятельностью.

Претворяя в жизнь решения Центрального Комитета КПЭ, партия стала преодолевать организационный кризис. Усилились связи с массами, возросло число членов партии, были созданы крупные коллективы коммунистов на машиностроительном заводе «Крулль» и Балтийской мануфактуре. Заводской комитет «Крулля» начал выпускать размножаемую на ротаторе рабочую газету. Возросла активность партии по организации движения безработных. В феврале 1931 года в Таллине под руководством КПЭ состоялся первый всеэстонский съезд безработных, выдвинувший требования демократических свобод и улучшения положения безработных. Оживилась и работа КСМЭ, которую возглавил О. Кивиссон.

На активизацию деятельности КПЭ буржуазия ответила новой волной террора. 13 марта 1930 года агенты охранки убили в Таллине члена ЦК КПЭ И. Юрна. И. Лауристин после 19-дневного пребывания на свободе был снова заточен в тюрьму. Власти распустили Центральный Совет левых профсоюзов и арестовали весь состав Всеэстонского комитета безработных. В июне 1931 г. охранка арестовала свыше 30 подпольных работников во главе с нелегальным бюро КПЭ (О. Тууль и др.). Одновременно она раскрыла две подпольные типографии. Этот новый тяжелый удар по КПЭ оказался возможным потому, что партия не вела еще достаточно умелой борьбы против провокаций.

КПЭ перестроила свою работу на новых основах, усилила конспирацию и борьбу против провокаторов. После очистки левых профсоюзов от провокаторских элементов работа профсоюзов стала улучшаться.

И. Юрна.

В 1932 году экономический кризис достиг наивысшей точки. Это вызвало крайнее обострение классовых противоречий. Стачечное движение, которое в 1930 году временно ослабло, уже в следующем году стало снова разрастаться. В 1932 году бастовало свыше 5000 рабочих, то есть больше, чем за предыдущие четыре года вместе взятых. Основные требования бастующих были направлены против повышения норм выработки, снижения оплаты труда и увольнения рабочих. Большая часть забастовок 1932 года произошла на «общественных работах».

Движение безработных, руководимое КПЭ, принимало все более революционный характер. По всей стране происходили собрания безработных, комитеты безработных были созданы почти во всех городах, во многих поселках и волостях. Наряду с экономическими безработные выдвигали и политические требования (роспуск вапсовских организаций и кайтселийта и т. д.) Они призывали также к защите Советского Союза. Состоявшийся в январе 1933 года III всеэстонский съезд безработных обратился ко всем рабочим с призывом бороться за свободу слова, печати, собраний, за свободу мысли и потребовал от правительства освобождения политических заключенных. В резолюции собрания

тартуских безработных (декабрь 1933 года) говорится, что выход из экономического кризиса возможен только путем свержения буржуазного строя и создания рабоче-крестьянского правительства.

В резолюциях, принятых на рабочих собраниях, также все чаще выдвигались политические требования: предоставление политических свобод, освобождение политических заключенных, роспуск кайтселийта и т. д. В борьбу против угрозы фашизма включилась и прогрессивная интеллигенция — писатели Э. Вильде, И. Барбарус, ученый А. Аудова и другие.

В 1932 году Центральный Комитет КПЭ опубликовал манифест, где были подвергнуты принципиальной критике ошибки по аграрному вопросу, допущенные Эстляндской трудовой коммуной в 1918—1919 годах. Манифест определил программу действий будущего рабоче-крестьянского правительства, в которой предусматривалось наделение сельскохозяйственных рабочих, безземельных и малоземельных крестьян землей. Манифест имел важное значение для упрочения союза рабочего класса и крестьянства.

В 1932—1933 годах расширилась сеть организаций КПЭ в деревне, укрепились их связи с крестьянскими массами. Буржуазная газета «Ваба Маа» писала весной 1933 года, что «в местечках и других населенных местах появились подпольные коммунистические ячейки, которые выполняют свои задачи, по-видимому, успешно. От бедноты в деревне можно все чаще услышать по адресу зажиточных: «Буржуазные кровопийцы!»

КПЭ призывала трудящихся голосовать против изменения конституции и выпустила в связи с этим много листовок. Так, накануне референдума по вапсовскому проекту КПЭ распространила 40 000 экземпляров листовки «К трудящимся Эстонии». Чтобы преградить путь фашизму, КПЭ приступила в 1933 году к созданию Единого фронта трудящихся, к которому сразу же примкнули левые профсоюзы Тарту и Центральный Совет профсоюзов Таллина и Харьюмаа. Но коммунистической партии приходилось работать в условиях жесточайшего террора, глубоко в подполье. Правые же главари эстонских социал-демократов использовали все свое влияние и все средства для того, чтобы сорвать создание Единого фронта, расколоть и раздробить силы рабочего класса. Этим они оказали очередную услугу эстонской буржуазии и иностранным империалистам и расчистили дорогу для фашизма в Эстонии.

Внешняя политика. В условиях экономического кризиса международные отношения приняли напряженный характер. Борьба за рынки обострялa противоречия между капиталистическими странами и толкала их на разработку планов передела мира. Усилилась угроза войны.

Рост могущества Советского Союза и его миролюбивая политика были важными стабилизирующими факторами в этой

напряженной обстановке. В эти годы улучшились советско-французские и советско-польские взаимоотношения; в 1933 году были установлены дипломатические отношения между Советским Союзом и Соединенными Штатами Америки.

Советский Союз возобновил переговоры о заключении договоров о ненападении со своими западными соседями — от Финляндии до Румынии. В 1926 году эти переговоры закончились безрезультатно. Теперь правительство буржуазной Эстонии, учитывая изменения в международной обстановке и рост могущества Советского Союза, было вынуждено принять это предложение. Договор о ненападении между СССР и Эстонией был подписан 4 мая 1932 года. Стороны взаимно гарантировали неприкосновенность государственных границ и обязались воздержаться от какого бы то ни было нападения друг на друга. Была достигнута также договоренность о том, что стороны не будут принимать участия в политических соглашениях и коалициях, направленных против другой стороны. Спорные вопросы, не поддающиеся урегулированию обычным дипломатическим путем, должны были решаться в смешанной комиссии. Договор был заключен на три года с автоматическим продлением в том случае, если ни одна из сторон по истечении срока договора не заявит о денонсации его.

Однако, как показали последующие события, реакционное правительство буржуазной Эстонии не отказалось от своей антисоветской политики. Но договор о ненападении все же удерживал его от открытого осуществления этой политики.

§ 6. ФАШИСТСКАЯ ДИКТАТУРА И БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ ЗА ЕЕ СВЕРЖЕНИЕ (1934—1940)

Установление фашистской диктатуры. Принятие конституции вапсов отнюдь не решило вопроса о власти. Грызня вокруг того, какая из буржуазных группировок должна возглавить переход к фашистской диктатуре, разгорелась с новой силой. Кандидатами на пост президента были выдвинуты Пятс, Лайдонер, «фюрер» вапсов Ларка и лидер социал-демократов Рей. У народной партии после недавнего скандального падения правительства Тыниссона не было никаких перспектив, и она решила завоевать популярность игрой в «оппозицию диктаторской власти» и «защиту демократии».

«Национальные» эстонские торгово-промышленные круги, связанные более всего с английским капиталом, не были заинтересованы в том, чтобы власть перешла к агентуре германского империализма — партии вапсов. В силу того, что в 1933—1934 годах обострилась конкурентная борьба между Англией и Германией за рынки прибалтийских стран, лидеры крупной буржуазии, опиравшиеся на реакционные парламентские круги, могли рас-

считывать в деле устранения вапсов на поддержку англо-французских империалистов.

Буржуазия не могла полностью игнорировать и настроения широких народных масс. Даже в условиях необузданной демагогии и террора, которые царили во время референдума в октябре 1933 года, трудящиеся Эстонии подали более 150 тысяч голосов против фашистской конституции. Одновременно с усилением вапсизма происходил сдвиг сознательной части рабочего класса влево, началось также разложение верной опоры буржуазии — социал-демократии. Успех партии вапсов носил, особенно на селе, непрочный характер: на состоявшихся в январе 1934 года выборах волостных правлений за вапсов было подано всего 8—15 процентов всех голосов. Доверить в этих условиях осуществление перехода к фашизму вапсам эстонская буржуазия считала рискованным. Ее лидеры предпочитали вапсовским методам лобовой атаки более тонкие, более замаскированные методы перехода к фашизму.

Решающим преимуществом реакционных парламентских группировок в борьбе с вапсами явилось то обстоятельство, что в их руках находился государственный аппарат, во главе которого стоял прожженный политикан премьер-министр Пятс. Последний, договорившись о совместных действиях с военщиной, главарем которой был генерал Лайдонер, решил опередить вапсов, подготавливавших государственный переворот. 12 марта 1934 года военное положение было распространено на всю территорию Эстонии, были запрещены всякие собрания и демонстрации. Организации вапсов были закрыты, а часть их главарей арестована (позднее, когда государственный переворот был завершен, они фактически были амнистированы и многие из них слились с правящей кликой Пятса—Лайдонера). Подготовка к выборам президента была приостановлена. В середине апреля Государственное собрание было распущено на «летние каникулы», по окончании которых ему позволено было собраться лишь при условии, что оно воздержится от критики мер правительства. Однако некоторые члены парламента все-таки осмелились осудить произвол Пятса—Лайдонера; поэтому Государственное собрание было окончательно распущено на первом же заседании осенней сессии. Началось так называемое «состояние безмолвия», которое фактически ознаменовало переход к фашистской диктатуре.

Учитывая антифашистские настроения широких народных масс и популярность демократических лозунгов, Пятс осуществил фашистский переворот под вывеской «защиты демократии». Зависимая от правительства печать объявила, что чрезвычайные меры имеют якобы временный характер и направлены против вапсов. В действительности же «состояние безмолвия» и «твердый порядок» были нужны буржуазии отнюдь не для борьбы против вапсов, а для подавления трудящихся, для усиления их эксплуатации и ликвидации последних остатков демократи-

ческих свобод. Что же касается запрещения деятельности вапсов, то эта мера была направлена лишь на то, чтобы устранить конкурента в борьбе за пост главы государства, а также сделать вапсов более «покладистыми» в переговорах. На деле Пятс не только опирался на конституцию вапсов, но и заимствовал у них программу.

Так как переход к фашистской диктатуре был общей целью всех группировок буржуазии, а их разногласия между собой касались лишь третьестепенных вопросов, то действия Пятса и Лайдонера не встретили никакого сопротивления со стороны других буржуазных партий. Один из руководителей оппозиции в Государственном собрании Я. Тыниссон писал сразу же после событий 12 марта, что деятельность Пятса соответствовала «государственной необходимости» и «интересам народа».

Активно содействовали установлению и укреплению фашистской диктатуры лидеры правых социалистов. Видный деятель социалистов К. Аст до переворота 12 марта вел по поручению своей партии переговоры с Пятсом и обещал ему поддержку социал-демократов. Другой лидер этой партии А. Рей заявил на последнем заседании Государственного собрания, что объяснения, данные правительством, являются «во многом удовлетворительными», и оправдывал ликвидацию правительством свободы слова, союзов и других демократических свобод. Вскоре Рей, Аст и ряд других социал-демократических деятелей заняли высокие посты в фашистском государственном аппарате, «рабочей палате» и т. п.

Правительство приступило к фашизации всех сторон общественной и политической жизни. Власти издавали все новые и новые постановления, которые до предела урезывали буржуазно-демократические свободы (свободу союзов и собраний, свободу слова и печати, неприкосновенность личности и жилища и т. д.). Особенно строго регламентировалось все, что так или иначе было связано с рабочим движением. Профсоюзы были поставлены под непосредственный надзор полиции, их деятельности чинились все новые препоны. Началось введение принудительного «посредничества» властей в трудовых конфликтах, чтобы таким путем ликвидировать свободу стачек. Деятели рабочего движения подвергались всяческим преследованиям.

Чтобы обеспечить проведение всех этих весьма непопулярных мер и укрепить свои позиции, диктаторы сплачивали и собирали вокруг себя все реакционные силы, начиная с охвостья прибалтийско-немецких помещиков и вапсов и кончая самыми реакционными элементами старых буржуазных партий.

В марте 1935 года были окончательно распущены все политические партии. Вместо них была создана монопольная фашистская партия «Изамаалийт» («Отечественный союз»). Так как ее социальная база была чрезвычайно узка — в члены этой партии первоначально вступали главным образом лишь государственные чиновники, жаждавшие сделать карьеру, — то Пятс через своих

агентов вступил в переговоры с лидерами вапсов по вопросу о примирении и объединении. При этом вапсам было предложено три министерских портфеля. Для Х. Мяэ, например, предполагался пост министра просвещения и социальных дел. Реорганизация правительства все же не была осуществлена, ибо некоторые вапсовские главари (Сирк и др.) рассчитывали сами захватить власть с помощью немецких фашистов; однако большинство деятелей прежней партии вапсов вошло в «Изамаалийт» и принимало активное участие в фашизации государственной и общественной жизни, в подавлении трудящихся.

Переход Эстонии в сферу влияния гитлеровской Германии. Подчинение основных отраслей хозяйства страны нуждам военной экономики Германии. В 1934—1935 годы произошли существенные изменения и в международном положении буржуазной Эстонии. Англо-германская конкурентная борьба за господство на Балтийском море и на рынках стран Северной и Восточной Прибалтики, обострившаяся после прихода Гитлера к власти, вовсе не исключала компромисса, сговора по этому вопросу между двумя империалистическими державами. Стремясь «канализировать» германскую агрессию на восток, против Советского Союза, правящие круги западных держав сделали Гитлеру ряд уступок и послаблений в отношении стран Восточной Европы, граничащих с Советским Союзом. Заключенное в июне 1935 года англо-германское морское соглашение разрешило фашистской Германии увеличить военно-морской флот в пять раз и предоставило гитлеровцам свободу рук на Балтийском море. В результате этого соглашения резко возросли возможности экономической и политической экспансии Германии в прибалтийских странах. Гитлеровские идеологи и правители открыто, перед всем миром, стали развивать планы захвата и колонизации Прибалтики, конечной целью которых являлось уничтожение коренного населения прибалтийских стран и включение этих территорий в состав германской империи. Над эстонским и другими прибалтийскими народами нависла серьезная опасность.

В этой сложной и угрожающей обстановке правительство буржуазной Эстонии не предпринимало ничего для защиты национальных интересов эстонского народа, хотя реальные возможности для этого существовали, прежде всего потому, что в непосредственном соседстве с Эстонией находилась великая социалистическая страна — Советский Союз, который последовательно проводил ленинскую мирную политику, неуклонно выступал в защиту безопасности и независимости малых народов, в защиту их от империалистической агрессии.

Поскольку Советский Союз был жизненно заинтересован в укреплении мира в районе Балтийского моря, на северо-западных подступах к своим границам, Советское правительство предложило в 1934 году правительству Германии совместно гарантиро-

вать независимость и территориальную целостность прибалтийских государств. Вопреки национальным интересам своей страны эстонское правительство выступило против этого предложения и помогло таким образом германским фашистам отклонить его. Эстонская дипломатия по мере своих сил участвовала также в срыве плана договора о коллективной безопасности в Восточной Европе (Восточный пакт), хотя осуществление этого плана, за что активно выступал Советский Союз, означало бы обуздание гитлеровской агрессии на востоке Европы, а тем самым — обеспечение безопасности прибалтийских стран.

Таким образом, правящие круги Эстонии, вступив на путь фашизма во внутренней политике, стали и в своих международных отношениях проводить крайне реакционную, антинародную линию, толкая страну к национальной катастрофе. При этом они руководствовались слепой классовой ненавистью к Советскому государству и желанием заслужить одобрение и покровительство германского фашизма. Последний мотив играл особенно важную роль потому, что на совести клики Пятса — Лайдонера были некоторые «грехи» по отношению к гитлеровцам: Пятс в 1933—1934 годах, использовав англо-германские противоречия в Прибалтике, несколько ограничивал деятельность агентуры германского фашизма в Эстонии. В новых условиях, когда в результате империалистической сделки англо-германские противоречия в этом районе отодвинулись на задний план и гегемония перешла к германским империалистам, правительство Пятса с особым рвением старалось заслужить расположение и поддержку гитлеровцев.

В объятия гитлеровской Германии толкали эстонскую буржуазию и экономические соображения, погоня за максимальными прибылями. Хотя основное бремя кризиса буржуазия свалила на плечи трудящихся, эстонские капиталисты также пострадали в годы мирового экономического кризиса. Возможности сбыта эстонских товаров на внешних рынках сократились, резко увеличились «ножницы» между высокими ценами на импортные товары и низкими ценами на вывозимые продукты. Возросла внешняя задолженность государства и частных предпринимателей, финансовое положение страны ухудшилось. Для быстрейшего преодоления последствий кризиса эстонские правители взяли курс на расширение хищнического использования природных богатств страны, в первую очередь запасов сланца и леса. При тяжелом экономическом положении Эстонии и ее зависимости от империализма это было осуществимо лишь путем привлечения новых иностранных капиталов. Среди иностранных капиталистов наибольший интерес к эстонским сланцам, целлюлозе, сельскохозяйственным продуктам проявляли в то время фашисткие «фюреры экономики» и военно-промышленные концерны Германии, занятые лихорадочной подготовкой к новой войне. Интенсивная эксплуатация эстонского стратегического сырья германскими концернами, которые получали от военных заказов огромные прибыли, сулила немалый

куш и верхушке эстонской буржуазии, ибо перед ней открывались различные возможности действовать в качестве пайщиков и контрагентов германских фирм и т. д. Результатом проникновения германского капитала было экономическое оживление, которое эстонская правящая клика использовала для саморекламы, выдавая его за «экономический расцвет», явившийся якобы следствием «мудрого правления» фашистских диктаторов.

Во второй половине 1935 года началось широкое проникновение германского капитала в эстонскую сланцевую промышленность, что вскоре привело к подчинению германским концернам («И. Г. Фарбениндустри» и др.) всех важнейших шахт и сланцеперегонных заводов, в том числе и всей государственной сланцевой промышленности. Расширение сланцевой промышленности обусловливалось главным образом ростом экспорта в Германию полуфабрикатов — сланцевых масел. Предприятия с германским капиталом давали в 1938 году почти четыре пятых сланцевых масел, производившихся в Эстонии; 90% экспорта этого стратегического сырья в 1939 году пошло в Германию. Эстонское правительство предоставило германскому монополистическому капиталу различные льготы: главное немецкое предприятие в сланцевом бассейне «Ээсти Кивиыли» было освобождено от уплаты большей части государственных налогов, от него не требовалось выполнения законов по охране труда и т. д. Поэтому и условия труда и быта рабочих в сланцевой промышленности были особенно тяжелыми, а степень эксплуатации очень высокой. «Сейчас там — нечто похожее на колониальную промышленность», — так оценивали положение в 1938 году даже члены реакционной Государственной думы.

Германские концерны — «Сименс-Шуккерт», «Гуте-Хоффнунгсхютте» и т. д. — подчинили своему контролю и другие отрасли эстонской промышленности, производившие важнейшие полуфабрикаты — целлюлозу и фосфориты. В расширении этих отраслей промышленности, которое происходило при «технической помощи» немцев и под их руководством, широко участвовало своим капиталом и эстонское государство. Таким образом, деньги, выжатые у эстонских трудящихся в виде налогов и иным путем, шли на нужды военной подготовки гитлеровской Германии, и Эстония все больше попадала в экономическую зависимость от германского монополистического капитала и гитлеровского правительства. Некоторая концентрация капитала и производства, происходившая в Эстонии в эти годы, и направление государственных ресурсов в хозяйство страны, а также государственное «регулирование» экономики, которое всячески рекламировалось правительственными экономистами как средство оживления хозяйства и обеспечения «расцвета», фактически были тесно связаны с дальнейшим подчинением экономики Эстонии иностранному монополистическому капиталу и содействовали этому.

Систематически увеличивался в эти годы и вывоз в Германию

из Эстонии сельскохозяйственных продуктов, росло значение германского капитала в торговле, финансах, банковском деле. В общем обороте эстонской внешней торговли гитлеровская Германия в 1937 году заняла первое место, оттеснив Англию на второе. Торговля Эстонии с Советским Союзом была очень ограниченной, и эстонское правительство отказывалось от ее расширения, несмотря на то, что торговля с СССР была бы очень выгодна для Эстонии и уменьшила бы ее зависимость от гитлеровской Германии, которая не скрывала своих захватнических планов в отношении прибалтийских стран.

В 1937 году капиталистический мир вступил в полосу нового экономического кризиса. Одной из особенностей этого кризиса было то, что агрессивным государствам, переведшим свою экономику на военные рельсы, удалось оттянуть наступление кризиса.

И в Эстонии в мирных отраслях промышленности в 1937—1938 годах произошел резкий спад (так, выпуск некоторых видов продукции текстильной промышленности сократился примерно на 16—20 процентов). Однако этот спад был компенсирован ростом производства и экспорта стратегических полуфабрикатов. Таким образом и Эстонии удалось оттянуть наступление кризиса, однако лишь ценой еще большего подчинения экономики нуждам гитлеровской военной машины, ценой того, что Эстония превращалась в беспомощный придаток военной экономики Германии.

Летом 1939 года число рабочих крупной промышленности достигло рекордной для всего буржуазного периода цифры — 49 тысяч человек, то есть несколько превысило уровень 1913 года и приблизилось к уровню 1916 года. Расширение промышленного производства и рост численности рабочих был обусловлен в основном усилившейся хищнической эксплуатацией природных богатств страны и увеличением производства полуфабрикатов, необходимых для германской военной промышленности. Удельный вес полуфабрикатов в эстонском экспорте непрерывно повышался, что приводило к усилению экономической зависимости страны. В 1938—1939 годах полуфабрикаты составляли уже около половины всей продукции эстонской промышленности. Промышленность Эстонии все больше и больше приобретала полуколониальный облик.

Некоторое расширение промышленного и ремесленного производства и тяжелые условия жизни сельских трудящихся вызывали дальнейший отлив населения из деревни в города. Процент городского населения возрос к 1939 году до 32,8 процента (в 1922 году — 27,4 процента), некоторые поселки разрослись в небольшие города.

В 1934—1940 годы особенно интенсивно проходило сращивание государственного аппарата с монополиями и его подчинение последним. Небывалых размеров достигла коррупция. Фашистские правители Пятс, Лайдонер, Сельтер и другие использовали свое положение для различных прибыльных махинаций, занимали

42 2.

T. salajana

Majandusministri ettepanek	Vabariigi Valitsuse otsus
21 detsembrist 1935 a Nr 262 S	23. detsembrist 1935 a

Lubada Pikalaenu Pangal:

1) loobuda nõudmisest kindral J.Laidoneri vastu Vabariigi Valitsuse arvel Panga valitseda olevate o/ü. Eko võlaarve kindlustusvekslite summas Kr.47.500.- ja K.Lausseni ja J.Laidoneri nimelise konto-korrent arve, saldo 1.12.34.a. Kr.159.977.29, järgi tingimusel, kui J.Laidoner tasub tähendatud kohustuste katteks Kr.18.000.-;

2) võimaldada Kr.18.000.- tasumist järk-järgult Kr.2.000.- suuruste aastamaksudega, nõudmata intresse;

3) katta J.Laidoneri poolt kokkulepe korras tasutavast summast eeskätt J.Laidoneri ja J.Kalpuse pealkirja kandva o/ü. Eko võlaarve kindlustusveksli Kr.10.000.- ühes protsentidega pooles suuruses;

4) omandada Vab. Val.arvel K.Lausseni ja J.Laidoneri konto-korrent arve kindlustuste likvidatsiooni huvides J.Laidonerilt, temale kuuluva 1/2 mõttelise osa kinnisvarast Pärnus kinn. nr.nr.337 - 340 all hinnaga Kr.15.000.-, kattes ostuhinna Panga valdusel olevate, sellele kinnisvarale kinnistatud, obligatsioonidega vastavas osas ja võttes kinnisvara ostuga seotud kulud Panga kaada.

Alus: Pikalaenu Panga põhikirja § 46.

K. Selter
Majandusminister

KINNITADA

K. Päts
Praminister

Tänas
Hägiaskretär

Совершенно секретное решение правительства о погашении долгов Лайдонера.

сами и предоставляли своим агентам множество высокооплачиваемых мест в правлениях и советах капиталистических предприятий. Крупные, достигавшие сотен тысяч крон долги Лайдонера были списаны, взяты на счет государства. Ряд министров и других высокопоставленных чиновников стремились в своей служебной деятельности выслужиться перед иностранными монополистическими объединениями («И. Г. Фарбениндустри», «Лейна-Берке» и др.), чтобы после ухода со своего поста можно было рассчитывать на поступление на службу соответствующей монополии в качестве представителя ее «интересов» в Эстонии.

В сельском хозяйстве в эти годы особенно интенсивно происходила дифференциация крестьянства, выражавшаяся в росте и развитии производства кулацких и зажиточных середняцких хозяйств и обнищании бедняцких и многих маломощных середняцких хозяйств. Продуктивность скота и средняя урожайность полей по некоторым важнейшим культурам несколько повысились (главным образом за счет крупных хозяйств), хотя это повышение происходило далеко не систематически из года в год и не равномерно по всей стране; однако гораздо быстрее возрастало бремя долгов крестьянских хозяйств; ежегодно объявлялась распродажа 900—1700 хозяйств.

Фашистское правительство всемерно содействовало укреплению позиций кулачества, видя в нем свою главную социальную базу. Продолжала существовать и даже расширялась система государственных субсидий для поощрения производства основных видов рыночной продукции сельского хозяйства, хотя нерентабельность этих «премий» была вполне очевидна, как и то, что они наносили большой ущерб всей экономике страны. Эти субсидии шли главным образом в карман кулаков. Сбыт сельскохозяйственной продукции был передан государственно-монополистическим объединениям («Маслоэкспорт», «Мясоэкспорт», «Яйцоэкспорт» и др.). В результате отсутствия конкуренции руководители этих монополий — деятели фашистского «Изамаалийта» — имели возможность проводить такую политику цен, которая обеспечивала им самим и их местным агентам — кулакам — максимальные прибыли за счет ограбления трудящегося крестьянства и городских потребителей.

Правительство поощряло скупку земель кулацкой верхушкой, создание новых мыз. Наиболее богатые кулаки объединяли в своих руках по 3—4 хозяйства с сотнями гектаров сельскохозяйственных угодий и эксплуатировали большое количество рабочей силы. Многие прибалтийско-немецкие помещики восстанавливались в своем прежнем землевладении, другие путем скупки приобретали новые земли у разорявшихся крестьян. Щедрую поддержку оказывала им германо-фашистская организация «СС-Рейхслейтунг» («Имперское управление СС») через таллинский банк Шееля. Хотя эстонским властям была хорошо известна эта направляемая из Германии «хозяйственная» деятельность прибал-

тийских помещиков, за которой явно скрывались далеко идущие политические цели, правительство не предпринимало ничего против постепенного восстановления немецкого землевладения в Эстонии. К осени 1939 года во владение немцев перешло свыше 60 мыз (до 650 га каждая).

Усиление позиций германского монополистического капитала в Эстонии сопровождалось подчинением внешней политики эстонского правительства целям и задачам гитлеровской дипломатии, постепенным превращением Эстонии в орудие антисоветской «восточной политики» германского фашизма. Эстонские фашистские правители не ограничились участием в срыве планов коллективной безопасности, отстаивавшихся Советским правительством, — они активно способствовали проведению германо-польской линии, направленной на создание и расширение различных антисоветских блоков на границах Советского Союза. В системе заключенного в 1934 году эстонско-латвийско-литовского договора «о сотрудничестве» («Балтийская Антанта») Эстония особенно усердно старалась направить эту «Антанту» против Советского Союза и добивалась превращения ее в широкий антисоветский военный союз с участием Польши и Финляндии. Лидеры эстонской буржуазии Лайдонер, Улуотс и другие стали открыто восхвалять захватническую германскую политику прошлого, призывали эстонцев не видеть в рыцарях Ордена своих исторических врагов, превозносили «атмосферу доверия» в эстонско-германских отношениях, созданную за время владычества гитлеровцев, и т. д.

Вместе с тем началась и «переориентация» эстонской буржуазной армии на требования гитлеровского генерального штаба, что вызвало значительный рост военных расходов Эстонской республики. Начиная с 1936 г. командованию германской армии официально разрешалось использовать территорию Эстонии для разведывательной деятельности против Советского Союза. Оснащение эстонской армии оружием и боеприпасами почти полностью перешло к военной промышленности Германии. Во все сколько-нибудь значительные соединения и части эстонской армии прибыли в длительные командировки германские офицеры-инспекторы.

В целях сокрытия от народа резкого роста расходов на армию, кайтселийт и другие военно-фашистские организации большая часть их расходных смет включалась в бюджеты других ведомств (министерства путей сообщения, министерства хозяйства, министерства внутренних дел). Например, одной из задач «фонда оживления народного хозяйства», афишировавшегося буржуазией, являлось финансирование подготовки к войне, а большая часть затрат по министерству путей сообщения шла на строительство военных сооружений. Уже в 1936/37 бюджетном году военные приготовления поглотили около половины доходов государственного бюджета, в последующие годы эти расходы еще более возросли. В 1938 году началось осуществление «особой програм-

мы оснащения армии», на что в течение ближайших 4—5 лет предполагалось израсходовать еще 27 миллионов крон.

Фашизация общественной и политической жизни. Ухудшение положения трудящихся. К 1936—1937 годам правящей верхушке удалось сгладить внутренние разногласия в лагере реакции, достичь примирения с большинством бывшей партии вапсов и поднять на ноги «Изамаалийт». В связи с этим фашистские правители сочли возможным усилить натиск на трудящихся и ускорить фашизацию всех сторон общественной жизни. Этого же требовали и германские фашисты.

Однако в широких слоях населения росло недовольство диктатурой Пятса — Лайдонера. Если в первые месяцы после мартовского переворота многие трудящиеся верили утверждениям правительственной пропаганды о «защите демократии», о «борьбе» с опасностью вапсизма и т. п., то последовавшие вскоре архиреакционные декреты, амнистирование вапсов и жестокое подавление рабочего и демократического движения показали лживость и лицемерие этой пропаганды. Большую роль в разоблачении фашистской сущности политики периода «безмолвия» сыграла разъяснительная работа, проводившаяся Коммунистической партией Эстонии. В изданиях КПЭ, которые в большом количестве распространялись среди рабочих, с пятсовского режима срывалась лживая маска, на фактах обнажалась антинародная фашистская сущность внутренней и внешней политики пятсовского режима.

Огромное значение для эстонского народа имели исторические преобразования, осуществленные к тому времени в Советском Союзе. Успешно развивалась индустриализация страны; план первой пятилетки был выполнен досрочно, советский народ с огромным энтузиазмом претворял в жизнь еще более грандиозные задачи второй пятилетки. Сельское хозяйство Советской страны было переведено на рельсы социализма. Победа социализма в Советском Союзе дала возможность перейти к проведению развернутой социалистической демократии во всей общественной и политической жизни страны. В 1936 году состоялось всенародное обсуждение проекта новой Советской Конституции, который получил всеобщее одобрение; 5 декабря 1936 года новая Конституция была принята на VIII Чрезвычайном съезде Советов.

Победа социализма и введение новой Конституции в Советском Союзе оказали глубокое воздействие на трудящихся капиталистических стран. Особенно велико было это влияние на эстонских трудящихся, которые сражались вместе с русскими рабочими и крестьянами в революционных битвах и вместе с ними провели Октябрьскую революцию. Трудящиеся Эстонии, несшие иго фашистской диктатуры, особенно отчетливо видели, что их старые боевые друзья — рабочие и крестьяне России добились большой победы, устроив свою жизнь без всяких эксплуататоров, не знают кризисов и безработицы. Вследствие этого новая Советская Кон-

ституция имела очень большое революционизирующее воздействие на эстонских трудящихся.

Буржуазия Эстонии не могла не считаться с быстрым нарастанием антифашистских настроений в широких слоях народа, с влиянием успехов Советского Союза на эстонских трудящихся, не могла не видеть, что вывеска «защиты демократии» мало кого может теперь обмануть. Наряду с дальнейшей фашизацией общественной и политической жизни буржуазия решила подновить свою «демократическую» маску.

Ловко использовав непопулярность конституции 1933 года, правительство поставило в феврале 1936 года на референдум предложение созвать «национальное собрание» для разработки новой конституции. Голосование проводилось в атмосфере жестокого подавления всякой оппозиции. За предложение правительства голосовало около 60 процентов имеющих право голоса. Разумеется, отнюдь не все, кто голосовали за изменение действовавшей фашистской конституции, были за политику правительства. Представители правящей верхушки сами признавались друг другу, что голосование не отразило подлинных настроений народа. Начальник разведывательного отдела штаба армии Маазинг в беседе с одним из лидеров вапсов, генералом Тырвандом, сказал: «Правительству известно, что примерно 50 процентов населения находится в оппозиции к правительству». Фактически недовольство политикой правящей верхушки охватывало даже более широкие круги и все более возрастало.

Формирование самого «национального собрания» происходило в обстановке еще большего нажима со стороны властей. Кандидатов из числа членов кайтселийта и «Изамаалийта» выдвигали так называемые «общественные комитеты», состоявшие из агентов правительства. Выдвижение других кандидатов было крайне затруднено ввиду отсутствия элементарных политических свобод. В избирательных округах, где был выставлен один кандидат, он считался избранным автоматически, без голосования. Таких «народных представителей» оказалось 50, то есть почти $^2/_3$ состава «национального собрания» было «избрано» без выборов.

Коммунистическая партия Эстонии решила бойкотировать эти «выборы» и призвала трудящихся увязывать бойкот с борьбой за свои жизненные интересы. Итоги выборов показали, что широкие слои трудящихся, особенно рабочие, последовали этому призыву. По сравнению с предыдущим голосованием резко упал процент участвовавших в выборах, составляя едва половину общего числа имеющих право голоса. В крупнейших городах в выборах участвовало всего 30—35 процентов избирателей. Многие правительственные кандидаты провалились. Это явилось серьезным морально-политическим поражением фашистской диктатуры и победой демократических сил.

«Национальное собрание», разумеется, приняло конституцию, предложенную Пятсом, и она вступила в силу с начала 1938 года.

Фашистская диктатура в Эстонии получила свою последовательную конституционно-юридическую основу.

По новой конституции в руках главы государства (президента) сосредотачивалась неограниченная власть. При этом предусматривалось, что президент избирается особым собранием, которое состоит из членов парламента и представителей местных самоуправлений. Большая часть членов этого собрания была не только косвенно, но и прямо зависима от Пятса и его правительства, так как назначалась им. Вполне понятно, что такое собрание избрало главой государства не кого иного, как Пятса. Что касается парламента (Государственного собрания), то только на избрание первой палаты (Государственной думы) могли оказать влияние граждане, имеющие право голоса, — в той мере, конечно, в какой это вообще было осуществимо в обстановке попрания политических прав и свобод. Вторая палата (Государственный совет) была полностью независима от избирателей; ее члены либо назначались президентом, либо попадали в парламент по своей должности, на которую опять-таки назначались президентом или его подручными. Во вторую палату входили такие «представители народа», как оба епископа (лютеранский и православный), начальник кайтселийта и т. п. Парламент в своей работе целиком зависел от главы государства; ни один закон, принятый Государственным собранием, не вступал в силу без утверждения президентом.

Чтобы предотвратить провал фашистских кандидатов на выборах Государственной думы, правительственный аппарат принял ряд мер. Спекулируя на большой популярности лозунга антифашистского народного фронта, правительственные кандидаты выступили на этот раз под лживой вывеской «народного фронта для проведения в жизнь конституции». Угрозами и террором правительство старалось воспрепятствовать выдвижению оппозиционных кандидатов, чтобы снова иметь возможность протащить в парламент без всякого голосования своих агентов — представителей «Изамаалийта».

Во время этих выборов уже ощущался рост политической активности трудящихся, который вскоре стал исходным пунктом нового антифашистского революционного подъема. Ввиду твердой поддержки оппозиционных кандидатов трудящимися правительственной партии удалось провести своих кандидатов без голосования только в 8 избирательных округах. В остальных 72 округах, где происходило голосование, снова значительно сократилось число голосов, поданных за изамаалийтчиков, а во многих местах их кандидатуры провалились. В результате в парламенте возникли две оппозиционные группы: «Единый блок трудового народа», проводивший линию Единого фронта рабочего класса, и «демократическая оппозиция», куда входили сторонники Я. Тыниссона. Депутаты «демократической оппозиции» по существу занимались в Государственном собрании лишь игрой в оппози-

цию — в основных вопросах они неизменно поддерживали правительственную политику. Однако уже одно то, что, выступая под демократической вывеской, они одержали на выборах победу над кандидатами правительства, говорило о растущей изоляции фашистской диктатуры, о начавшемся отходе средних слоев населения от фашизма.

Наряду с конституционно-юридическим оформлением и маскировкой фашистской диктатуры в эти годы происходила последовательная ликвидация остатков буржуазной демократии. Законами, изданными диктатором Пятсом в виде декретов, была по сути дела окончательно уничтожена свобода слова, собраний и союзов, печать была полностью передана под надзор полиции и фашистского управления пропаганды, права представительных собраний местных самоуправлений были сведены к нулю. Как отмечали некоторые члены Государственного собрания с трибуны парламента, по своей реакционности эти декреты превзошли аналогичные законодательные акты царского времени.

Уничтожение гражданских прав и свобод содействовало усилению эксплуатации трудящихся капиталистами. Особенно больно ударила по рабочим ликвидация свободы профсоюзов и свободы стачек. Деятельность профсоюзов была подчинена всестороннему контролю государственной власти, профсоюзам была запрещена не только деятельность, «направленная на достижение политических целей», но также и деятельность, «наносящая ущерб народному хозяйству», то есть интересам капиталистов. С целью парализовать профсоюзное движение была создана так называемая «рабочая палата», во главе которой по заданию правительства встали бывшие социал-демократы и агенты охранки. Свобода стачек была заменена «свободой» трудовых конфликтов, причем последние подлежали разрешению путем государственного «посредничества». «Комиссия по разрешению трудовых конфликтов», созданная правительством, разумеется, всячески отстаивала интересы капиталистов. Пять из семи членов комиссии являлись представителями предпринимателей и государственной власти; порой члены этой комиссии состояли непосредственно на службе того предприятия, требования рабочих которого они «разрешали».

Несмотря на некоторое оживление в экономике страны и расширение промышленного производства, материальное положение рабочего класса в эти годы нисколько не улучшилось. Некоторое повышение номинальной зарплаты рабочих не покрывало быстрого и непрерывного роста квартирной платы и цен на предметы первой необходимости. Реальная заработная плата значительной части рабочих была даже ниже, чем в годы кризиса.

По официальным данным министерства хозяйства, прожиточный минимум за четыре года, с 1934 по 1938 год, повысился на целых 22 пункта (за 100 пунктов был взят среднегодовой с

1927 по 1931 год). Фактически для трудящихся рост дороговизны был еще большим.

Только у части рабочих, занятых на предприятиях крупной промышленности, за этот период зарплата поднялась на 20—25 процентов, зарплата широких масс рабочих в средней и мелкой промышленности значительно отставала от роста дороговизны.

Безработица — этот страшный бич рабочего класса — продолжалась и в годы «экономического подъема», хотя в меньших размерах, чем в годы кризиса. Чтобы скрыть безработицу от общественности, на биржах труда в 1934 году была по существу прекращена регистрация безработных, причем безработные разгонялись под угрозой направления на принудительные работы. В 1938 году, главным образом с целью терроризирования рабочего класса, был создан первый лагерь принудительного труда для безработных под названием «трудовой лагерь для лодырей». На основании соответствующего декрета размещению в таких лагерях подлежали лица, которые «шатаются без работы и средств к существованию»; в этом лагере был установлен тюремный режим и 12-часовой рабочий день, введены телесные наказания.

В целях отвлечения внимания народа от таких актуальных политических вопросов, как борьба демократических и реакционных сил, ухудшение положения трудящихся, превращение Эстонии в сателлита гитлеровской Германии, а также для усиления националистической пропаганды фашистские правители развернули различные псевдонациональные и другие дутые широковещательные кампании и мероприятия. Так, большая шумиха была поднята вокруг эстонизации фамилий и топонимики, была организована кампания по «украшению домов», устраивались «конгрессы национального воспитания», конкурсы магазинных витрин, во всех подробностях обсуждалось, в чем должны заключаться «расовые особенности» эстонцев и т. д. Под прикрытием такой, внешне аполитичной, шумихи еще больше усиливалась клевета на демократию и социализм, на Советский Союз. С введением новой конституции в начале 1938 года участились антисоветские провокации на восточной границе Эстонии.

Борьба трудящихся под руководством КПЭ против фашистской диктатуры. Начало нового революционного подъема. И в годы фашистской диктатуры буржуазия не смогла превратить эстонских трудящихся в своих послушных и безмолвных рабов. Несмотря на жестокий террор и различные демагогические приемы, применявшиеся властями, эстонские рабочие и трудящиеся крестьяне продолжали борьбу против фашизма, за восстановление демократических прав и свобод, за восстановление Советской власти. С усилением нажима реакции увеличилось сопротивление рабочего класса, руководимого коммунистической партией, ширились его связи с другими демократическими силами народа, подготавли-

вались условия для свержения буржуазно-националистической власти.

Мутная волна вапсизма и последовавшая за этим победа фашизма под маской «защиты демократии» нанесла рабочим и их организациям тяжелый урон, но вместе с тем эти годы явились серьезным уроком для рабочего класса. Примечательно, что именно в период захвата власти фашизмом, в 1934—1935 годы, произошла полная изоляция правых социал-демократов от рабочего класса, дезорганизация и распад их партии. Оказанием поддержки Пятсу при его переходе к фашизму правые социал-демократы, как и некоторые буржуазные партии, окончательно разоблачили себя в глазах народа. Это создало предпосылки для сплочения трудящихся масс в последующие годы под боевыми лозунгами коммунистической партии.

Преодолев в основном организационный кризис в своих рядах и ликвидируя как лево-сектантские, так и правые ошибки, Коммунистическая партия Эстонии в эти годы усилила свою работу по созданию единого фронта рабочего класса и антифашистского народного фронта. В августе 1934 года состоялась партийная конференция, на которой было решено поставить в качестве ближайшей задачи партии разъяснение народным массам фашистской сущности режима Пятса — Лайдонера и организацию масс на борьбу за свержение фашизма. Вскоре после конференции КПЭ сделала предложение о создании единого фронта отколовшейся от социалистической партии левой группе — «Марксистскому объединению трудящихся» (МОТ) (А. Йыээр, Н. Руус, Н. Андрезен, А. Абен и др.). Эта группа в принципе одобрила идею единого фронта. В июле 1935 года в Финляндии на совместном совещании представителей КПЭ и МОТ было заключено соглашение о создании единого фронта. При этом группа левых социалистов присоединилась к оценке, данной Коммунистической партией современному положению в Эстонии, а также признала правильными намеченные КПЭ очередные задачи рабочего класса.

Соглашение о едином фронте содержало общую платформу борьбы обеих организаций за непосредственные жизненные интересы рабочего класса, за демократические свободы, за мир, против угрозы войны; предусматривались также совместные действия в поддержку политических заключенных. Было решено применять во всей своей работе пролетарские формы борьбы. Обе стороны сохраняли полную независимость в принципиальных вопросах, отказавшись в то же время от взаимных нападок. Для руководства совместной работой было решено создать координационный комитет. Было признано необходимым создание общей организации молодежи.

Претворение в жизнь этого соглашения, в соответствии с решениями VII конгресса Коммунистического Интернационала (июль — август 1935 года), дало КПЭ возможность добиться значительного подъема рабочего движения в Эстонии. Под не-

KÕIGI MAADE PROLE

KOMMUN

Maha sõda!

Kõigi maade proletaarlased, ühinege!

Faschism, sõjahädaoht ja töölisklassi ülesanded

Kõigi maade proletaarlased, ühinege!

Teadleht

Kommunist

Võitlusele sõja ja faschismi vastu!
Nõukogude Liidu kaitseks!

Maha faschistlik reaktsioon!
Proletaarsed ühise võitlusrinde eest!

Kommunist

Eestimaa Kommunistlise Partei

Proletaarlased, ärge kohkuge ühegi võitlus-raskuse ees!

Kõigi maade proletaarlased, ühinege!

Kõigile töölistele Eesti sotsialistlises parteis ja reformistlistes ametiühingustes!

Faschismi vastu võitlemise tähe all panid Päts ja Laidoner Eestis fashistlise diktatuuri maksma.
Mitte faschismi vastu ei võitle Päts ja Laidoner, vaid töölisklassi vastu. "Vabsidega" võitleb Päts ainult niipalju, kui see tal tarvilik oma dik-

Igasugune viivitamine ja kõhklemine on hädaohtlik!
Ainult töölisteklass ise, võideldes kommunistlise partei lipu all, võib faschismile vastulöögi anda, kodanlust kukutada ja nõukogude võimu maksma panna, milles on ainukene väljapääs näljast, kriisist, kurnamisest ja terrorist!

Mai, 1934 a.

Eestimaa Kommunistlise Partei Tallinna komitee.

Paljundatud EKP Tallinna komitee trükikojas. Väljaanne Nr. 22.

Издания КПЭ 1934—1935 гг., отражающие борьбу партии за создание единого антифашистского фронта трудящихся.

посредственным влиянием и руководством КПЭ работала теперь почти треть прежней социалистической партии и такая же часть профсоюзов. С помощью единого фронта был достигнут заметный успех в укреплении профсоюзов: удалось в известной мере оградить их от ударов правительства и направить их деятельность по пути революционной борьбы рабочего класса. Полулегальная деятельность местных организаций входившего в Единый фронт Всеэстонского союза сельских трудящихся помогала КПЭ усиливать свое влияние и среди сельских рабочих и мелких земледельцев.

Благодаря прекращению взаимной борьбы и установлению сотрудничества между двумя сильнейшими политическими организациями рабочего класса удалось нанести чувствительные удары по фашистской диктатуре на референдуме в феврале 1936 года, на выборах в «национальное собрание» и особенно на парламентских выборах в 1938 году. Выпускались совместные листовки, издавались литературные и общественно-политические альманахи («Ринг», «Испания в огне»), распространялись изданные на эстонском языке избранные труды Маркса и Энгельса, в том числе первый том «Капитала». Силами Единого фронта и при участии некоторых представителей демократической интеллигенции было предпринято издание газеты Народного фронта «Рахва Хяэль», которую печатали в Дании и распространяли в Эстонии нелегально. Газету редактировал коммунист А. Вахтман (Варанди).

Коммунистическая партия стремилась вступить в контакт и с теми из правых социалистов, которые не поставили себя на службу пятсовскому режиму. Несмотря на то, что правые социалисты отказались от единого фронта с коммунистами, КПЭ с помощью других сил Единого фронта удалось добиться того, что часть социалистов отказалась в 1937 году от нападок на коммунистическое движение и Советский Союз и обязалась оказать Единому фронту содействие в создании антифашистского народного фронта. Это сотрудничество продолжалось в период предвыборной кампании в 1938 году, в результате чего в Государственной думе была создана фракция «Единый блок трудового народа», в которую помимо четырех представителей Единого фронта входили и два представителя правых социалистов. Это сыграло положительную роль и в подготовке нового революционного подъема.

Накануне выборов Единый фронт рабочего класса вступал в контакты и с некоторыми буржуазными антиправительственными группировками (с представителями партии «Национальный центр» и партии новопоселенцев), однако от создания антифашистского народного фронта и вообще от сколько-нибудь значительного сотрудничества с коммунистами эти круги отказались.

Активизации демократических сил и сплочению их вокруг рабочего класса содействовали международные события, особенно гражданская война и итало-германская интервенция в Испании.

В то время как эстонские властители все более явно выражали свои симпатии франкистским мятежникам и продавали им оружие, рабочие и демократическая интеллигенция под руководством Единого фронта рабочего класса проводили сбор средств для республиканской Испании. Большая группа эстонской молодежи (Р. Буш, Р. Эрлих, К. Хансон, И. Кламмер, А. Муст, Х. Роог и др.) тайком отправилась в Испанию, чтобы добровольцами сражаться на фронтах антифашистской войны.

Рабочий класс Эстонии ответил на приход к власти фашизма ростом стачечного движения, которое не затихало и в период самого разнузданного террора, в условиях строжайшего запрета стачек. Несмотря на то, что забастовщики выставляли главным образом экономические требования, многие стачки и сопутствовавшие им кампании солидарности рабочего класса имели в условиях фашистского режима выдающееся политическое значение. Участники их единодушно демонстрировали свой протест против запрещения стачек, против полицейско-террористического подавления борьбы рабочих, выступали за повышение заработной платы. Особенно значительными по своей продолжительности, упорству и заостренности против фашистской «рабочей политики» были широкая стачка текстильных рабочих в 1936 году, начавшаяся на Синдиской фабрике, и стачка шахтеров в том же году, в которой участвовало свыше 1000 рабочих, а также выступление металлистов завода «Крулль» в 1938 году.

На подъем стачечного движения правительство ответило насильственным устранением в 1936 г. правлений ряда профсоюзов и руководства Центрального союза рабочих объединений и назначением новых правлений из числа своих агентов. Однако ни эта мера, ни маневр с созданием «рабочей палаты» не смогли парализовать крепнущей воли рабочего класса к борьбе. Так, на конференции профсоюза текстильщиков рабочие забаллотировали всех назначенных правительством членов правления и постановили исключить их из союза. После такого «урока» правительство воздержалось от выдачи разрешения на созыв съезда профсоюзов.

Стачечное движение выдвинуло из среды рабочих многих талантливых организаторов, которые оттеснили от практической работы коррумпированную, состоявшую из правых социалистов бюрократию профсоюзов и «рабочей палаты». КПЭ установила связь с этими новыми рабочими кадрами, и многие из них в условиях зарождавшегося революционного подъема стали выполнять задания партии, стали партийными кадрами (Э. Кадакас, К. Ялак, В. Яанус, О. Хирш и др.).

В 1938—1939 годах появились признаки нового революционного подъема. К этому времени КПЭ организационно значительно окрепла, были созданы новые партийные организации на местах. Большую работу по усилению партийно-организационной и массово-разъяснительной работы провела группа освобожденных из

тюрьмы, на основании амнистии 1938 года, видных работников КПЭ — И. Лауристин, П. Кээрдо, Х. Арбон, Х. Аллик, А. Веймер, А. Резев и др. Руководство «рабочей палаты» и назначенное правление Центрального союза рабочих объединений были изолированы от основных масс организованных рабочих, деятельность всех крупнейших профсоюзов направлялась Единым фронтом рабочего класса. Оживленную деятельность развернул ряд легальных и полулегальных рабочих обществ — общества культуры, трезвости и другие, в которых коммунисты имели руководящее и направляющее влияние. На работе в этих организациях выдвинулись многие прогрессивные интеллигенты, доказавшие свою преданность рабочему классу в ходе подготовки и проведения социалистической революции (И. Круус, Х. Хаберман, А. Уйбо и др.). Партия добилась некоторого успеха и в расширении связей с беднейшим крестьянством.

Несмотря на террор и давление со стороны властей, широкие массы трудящихся все решительнее выражали свое возмущение антинародной внутренней и внешней политикой фашистского правительства. Даже делегаты «конференции представителей эстонских рабочих», которая была созвана властями, под нажимом рабочего класса провалили весной 1939 года предложение «рабочей палаты» по вопросу о разрешении трудовых конфликтов и предъявили требования восстановить свободу стачек. Осенью того же года «Изамаалийту» был нанесен тяжелый удар на выборах местных самоуправлений.

Внешняя политика. Весной и летом 1939 года в Москве происходили англо-франко-советские переговоры по вопросам обуздания гитлеровской агрессии. Правительства западных держав вели эти переговоры лишь для того, чтобы обмануть народные массы, фактически не желая препятствовать германской агрессии в Восточной Европе.

Фашистские правители Эстонии также внесли свой вклад в срыв этих переговоров. Одним из важнейших вопросов московских переговоров являлось предоставление прибалтийским государствам международных гарантий против германской агрессии; эстонское правительство — в полном соответствии с пожеланием гитлеровского правительства — заявило, что Эстония не примет никаких гарантий и будет расценивать предложение помощи как «агрессию», против которой она будет «бороться всеми силами». Во время московских переговоров эстонское правительство вместе с правительством Латвии демонстративно заключило пакт «о ненападении» с Германией. Этим договором Эстония нарушила другие свои международные обязательства и официально связала себя с агрессивной политикой Германии.

Все более очевидным становилось военное подчинение Эстонии гитлеровской Германии. Среди многочисленных визитов гитлеровских офицеров особое внимание общественности привлекла инспекционная поездка по прибалтийским странам начальника

генерального штаба германских сухопутных войск Гальдера в июне 1939 года. Эстонские власти затеяли в это время переговоры с гитлеровцами о создании баз германского флота на эстонских островах и присылке немецких войск в Эстонию — на случай, если московские переговоры закончатся соглашением об обуздании гитлеровской агрессии путем предоставления гарантий прибалтийским республикам.

Хотя эстонское правительство пыталось скрыть эти факты от народа, широкие массы понимали все яснее, что находящаяся у власти буржуазия превращала Эстонию в послушного сателлита германского фашизма, в военный плацдарм германской армии, толкая страну к национальной катастрофе. В 1939 году, особенно в связи с заключением эстонско-германского договора «о ненападении», в адрес правительства стало поступать множество писем, в которых население протестовало против предательской внешней политики правящей верхушки. Эстонские трудящиеся с нескрываемой враждебностью встречали «дорогих гостей» правительства — делегации и миссии германской армии и флота. Летом 1939 года столкновения между гитлеровскими военнослужащими и жителями Таллина приняли такие размеры, что при очередном визите германской эскадры командование вынуждено было отказать личному составу в разрешении сойти на берег. Германские дипломаты и другие гитлеровские агенты в Эстонии горько сетовали на резкие антигерманские настроения местного населения.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, что Эстония приближалась к новому революционному кризису. Развитие событий в этом направлении было ускорено наступлением коренных изменений в международном положении Эстонии накануне и в начале второй мировой войны.

§ 7. КУЛЬТУРА В ПЕРИОД БУРЖУАЗНО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ

Борьба двух культур. Развитие национальной культуры в 20-х и 30-х годах протекало крайне противоречиво.

Господствующей и руководящей силой эстонской нации в рассматриваемый период была буржуазия, во главе с ее националистическими партиями. Поэтому господствующей культурой была культура буржуазная. Эстонская буржуазия установила свою диктатуру после подавления с помощью империалистических государств народной власти — власти Советов. Эта буржуазия правила в стране, где народ был участником победы Октябрьской революции и не мог мириться с реставрацией капитализма. Эстонская буржуазия испытывала вечный страх перед «коммунистической опасностью». Средствами террора она стремилась укрепить свою диктатуру. При этом буржуазия, как господствующий класс,

придавала очень большое значение средствам идеологического воздействия на народные массы и активно боролась против передовой идеологии и прогрессивной культуры.

Важнейшим оружием в арсенале буржуазной пропаганды был национализм. Идеологи буржуазии пытались свести все вопросы общественной жизни к национальному вопросу, выдавая все то, что отвечало интересам буржуазии, за общенациональное дело, проявление «эстонства», а все, что шло вразрез с интересами буржуазии, — за национальный нигилизм, за покушение на интересы нации.

Буржуазно-националистическая идеология и усиленно подогреваемые националистические предрассудки и иллюзии мелкой буржуазии были важнейшей предпосылкой сохранения буржуазного господства.

Для распространения своей идеологии эстонская буржуазия использовала все имеющиеся в ее распоряжении средства — школу, периодическую печать, радио, церковь, литературу, искусство, науку, различные буржуазные организации, партии, союзы и т. п. Буржуазия тратила на пропаганду своих идей огромные средства. Целая армия наемных журналистов отравляла сознание народа. Бывали годы, когда в буржуазной Эстонии издавалось до 300 газет и журналов, но лишь незначительная часть из них выступала в защиту интересов трудящихся. Буржуазия всячески подавляла прогрессивную печать. Стоило той или иной газете вступить на путь реальной защиты интересов трудящихся, как ее немедленно закрывали, а редакторов обычно арестовывали. Газета «Коммунист» выходила нелегально. Рабочие газеты издавались на трудовые гроши, поступавшие в виде добровольных пожертвований от трудящихся, в то время как реакционные газеты и журналы получали щедрые субсидии от буржуазии и государства. Наряду с репрессиями буржуазия стремилась поставить деятелей культуры в материальную зависимость от себя.

Навязывая национальной культуре задачи обслуживания отжившего общественного строя, борьбы против всего передового, националистическая буржуазия тем самым толкала ее на путь упадка и деградации. Это характерная тенденция развития культуры в рассматриваемый период. Но в эти годы, как и ранее, действовала и противоположная тенденция — тенденция поступательного, восходящего развития национальной культуры. Более того, в рассматриваемый период последняя проявлялась даже сильнее, чем когда-либо раньше. Это было обусловлено рядом обстоятельств. В результате победы Октябрьской революции впервые в истории было создано эстонское национальное государство, уничтожен национальный гнет, введено обучение на родном языке в начальных, средних и высших учебных заведениях, осуществлено отделение школы от церкви; к активной политической жизни были подняты широкие народные массы; в сознании интеллигенции произошли серьезные сдвиги. С победой контррево-

люции действие этих новых условий было сильно ущемлено и сужено, но ликвидировать его было уже невозможно. Последующая революционная борьба народа также оказала влияние на деятелей культуры. Она заставляла их все больше задумываться над судьбой народа и страны, критически оценивать капиталистическое «процветание»; лучшие из деятелей культуры становились открыто на сторону народа.

Борьба этих двух противоположных тенденций пронизывает развитие культуры на всем протяжении рассматриваемого периода. Сложное их переплетение и обусловило крайнюю противоречивость развития литературы, искусства и науки. Реакционной буржуазии не удалось направить развитие национальной культуры всецело по угодному ей пути. Этот период в развитии национальной культуры отмечен не только характерными явлениями упадка и загнивания, но и серьезными достижениями как в отношении ее содержания, так и формы.

Наряду с господствующей буржуазной культурой продолжала существовать и развиваться прогрессивная культура — те, по определению В. И. Ленина, «элементы демократической и социалистической культуры», которые всегда имеются в национальной культуре буржуазных наций.

Эти две культуры не были изолированными явлениями. Наоборот, именно в рассматриваемый период они оказывали друг на друга наиболее многообразное и сложное влияние. Элементы и тенденции двух противоположных культур зачастую выступают в творчестве одного и того же деятеля культуры или даже переплетены сложнейшим образом в одном и том же его произведении. Для эстонских деятелей культуры того времени часто характерны резкие колебания, стремление совместить диаметрально противоположные явления. В то же время в целом борьба между двумя культурами стала в этот период более острой, чем в дореволюционный.

Народное образование и наука. Образовательный уровень населения в рассматриваемые годы продолжал подниматься. Росла школьная сеть, сокращалась неграмотность.

Эстонская буржуазия, придя к власти, не могла ликвидировать все то новое в области народного образования, что Советская власть успела осуществить за первые месяцы после победы Октябрьской революции. Основой народного образования осталась единая школа, первую ступень которой составляла обязательная бесплатная начальная школа на родном языке без «закона божьего» как предмета преподавания, то есть школьная система, введенная Советской властью. Однако уже в 1923 году был принят закон о преподавании «закона божьего» в начальных школах. Хотя занятия этим предметом формально считались добровольными, на деле ученики, отказывавшиеся заниматься им, подвергались различным мерам давления (им отказывали в освобождении от платы за обучение, требовали от их родителей пись-

менного заявления об отказе от этого «добровольного» предмета и т. п.).

Главным препятствием на пути к образованию была нищета народных масс. Дети бедных родителей не могли посещать школу из-за отсутствия подходящей одежды и обуви, а также из-за необходимости уже с ранних лет зарабатывать себе на жизнь. «В одной из волостей Ляэнемаа, — писала в 1922 году газета «Тёэлине», — была проведена перепись детей школьного возраста. Выяснилось, что из имевшихся в волости 97 детей школьного возраста посещало школу только 43».

В 1930 году в Эстонии был осуществлен переход к обязательному шестиклассному начальному образованию. Была введена обязательность обучения с 8-летнего возраста и до окончания курса шестиклассной начальной школы или же по достижении 16-летнего возраста. Однако начальную школу заканчивала лишь часть детей. В 1934 году обязательный школьный возрастной ценз был снижен с 16 до 14 лет, что еще больше увеличило число детей, покидавших школу до окончания курса обучения. В 1936 году из начальных школ Эстонии ушло, не закончив курса, 42 процента поступивших в них детей. В последующие годы этот процент удерживался на том же примерно уровне. В 1935 году «Хроника Эстонии» отмечала, что на селе «шестиклассное начальное образование для всего народа — это все еще музыка далекого будущего».

Процент неграмотных среди детей от 10 лет и старше снизился с 10,9 в 1922 году до 6 в 1934 году. Для ликвидации неграмотности среди взрослого населения при начальных школах были открыты так называемые воскресные школы.

Среднее и высшее образование эстонская буржуазия стремилась превратить в привилегию одних лишь буржуазных кругов. Особенно антидемократический характер школьная политика приняла после подавления вооруженного восстания 1 декабря 1924 года, когда началось наступление реакции. Наряду с повышением платы за обучение, затруднявшим детям трудящихся обучение в средних школах, было предпринято значительное сокращение сети средних школ. Согласно разработанному реакционным министром просвещения пастором Латтиком «плану сокращения образования» была ликвидирована треть средних школ Эстонии. Если в 1929/30 учебном году сеть средних школ состояла из 83 школ с 555 классными комплектами и 15 663 учениками, то к 1933/34 учебному году сохранилось всего лишь 400 классных комплектов с 11 895 учениками.

В целях воспитания молодежи в духе буржуазного национализма, клерикализма и милитаризма буржуазия пыталась использовать в качестве своего политического инструмента учителей народных школ. Подготовка учителей начальных школ происходила в семинариях, обучение в которых было бесплатным, а поэтому в них училось много выходцев из трудящихся; среди них многие

придерживались революционных взглядов. Директорам учительских семинарий было дано предписание — не выдавать свидетельства на право преподавания лицам, мировоззрение которых педагогический совет считает враждебным буржуазному строю. В 1927—1932 годах учительские семинарии были ликвидированы. Для подготовки учителей начальных школ в Таллине и Тарту были созданы платные двухгодичные педагогические курсы (педагогиумы), куда принимались лица, окончившие гимназию. Широкие круги учителей выступили против ликвидации семинарий. Особенно острая борьба разгорелась вокруг выруской и хаапсалуской семинарий.

Чтобы еще более затруднить получение среднего образования детям трудящихся, буржуазия приступила к ликвидации единой школы и к созданию дуалистической школьной системы. В мае 1934 года был принят закон о средней школе, по которому создавалась пятиклассная средняя школа (прогимназия), базировавшаяся на четырехклассной начальной школе. Окончившие прогимназию могли поступать в трехклассную гимназию. По замыслу авторов реформы, прогимназия должна была превратиться в школу для детей зажиточных родителей, в то время как для детей трудящихся была сохранена шестиклассная начальная школа. Учебная программа последней значительно отличалась от учебных программ средних школ, что сильно затрудняло детям трудящихся получение среднего образования. Под давлением многочисленных протестов буржуазное правительство оказалось вынужденным изменить закон о средней школе, создав для окончивших шестиклассные начальные школы трехклассные реальные училища, по окончании которых можно было поступить в гимназию. Оба типа средней школы были формально равноправны, но фактически поступить в гимназию по окончании реального училища было значительно труднее, чем из прогимназии. На 1 ноября 1939 года в Эстонии имелось 46 прогимназий, 37 реальных училищ и 45 гимназий, в которых училось 16 675 человек. Более $^2/_5$ учеников, поступавших в средние школы, покидали их, не закончив курса обучения.

Наряду с общеобразовательными средними школами существовали также различные профессиональные школы (техникумы, ремесленные, сельскохозяйственные, торговые, мореходные, музыкальные и другие училища).

Высшими учебными заведениями буржуазной Эстонии были Тартуский университет, Таллинский технический институт (основанный в 1936 году и позднее переименованный в Таллинский технический университет), высшее художественное училище «Паллас» и Таллинская консерватория. Для подготовки учителей средних и профессиональных школ при Тартуском университете и Таллинском педагогиуме были созданы дидактико-методические курсы, куда принимались лица, окончившие высшие учебные заведения.

Люди с высшим и средним образованием часто не находили применения своим знаниям и способностям. В связи с хронической безработицей среди интеллигенции буржуазные ученые, писатели и журналисты стали твердить о «перепроизводстве интеллигенции» и требовали дальнейших ограничений в области народного просвещения.

Безработица среди интеллигенции была обычной темой буржуазных газет. Например, в сообщении под характерным заголовком «Интеллигенты наперегонки бегут за хлебом» говорится, что на место делопроизводителя санатория в Нымме-Кивимяэ подали письменные заявления 132 кандидата, многие из них с высшим, остальные со средним образованием. Место делопроизводителя досталось претенденту, окончившему физико-математический факультет Тартуского университета. На объявление Раквереской больницы о вакантной должности фельдшера отозвалось 75 человек, среди них 10 дипломированных врачей. На место швейцара военного министерства в числе десятков других подали заявления 2 человека с высшим образованием.

Буржуазия пыталась путем систематического повышения платы за обучение затруднить представителям трудящейся молодежи получение высшего образования. На протяжении десяти лет плата за обучение в Тартуском университете выросла с 25 крон до 60 крон за семестр. До 1926 года число студентов увеличивалось, достигнув 4 726 человек, однако в последующие годы оно стало сокращаться и в 1939 году составило 2 689. Газета «Юлиыпиласлехт» («Студенческая газета») писала в 1926 году, что дети трудящихся составляют всего лишь 5 процентов общего числа студентов. За два десятилетия буржуазно-националистической диктатуры Тартуский университет окончило 5689 человек (4179 мужчин и 1510 женщин).

Для отравления сознания трудящейся молодежи буржуазной идеологией и воспитания ее в клерикально-националистическом и милитаристском духе эстонская буржуазия создала многочисленные молодежные организации как в школе, так и вне ее. Их патронами и опекунами были виднейшие лидеры буржуазии (президент республики, главнокомандующий и т. п.).

По закону 1920 года центром научно-исследовательской работы в Эстонии должно было стать «Учреждение эстонской науки», которое, однако, так и не было создано. В 1938 году был издан декрет о создании Академии наук, назначены ее президент и часть ее членов, но и этот акт по существу остался формальным. Научная работа велась в высших учебных заведениях и научных обществах. Несмотря на общие неблагоприятные условия и крайне ограниченную материально-техническую базу, отдельные ученые добились заметных успехов.

Эстонские астрономы (Э. Эпик, Т. Роотсмяэ, А. Киппер и др.) продолжали развивать традиции знаменитого В. Я. Струве. Ра-

ботники Тартуской обсерватории провели ряд серьезных исследований по вопросам звездной астрономии и т. д.

Х. Беккер выполнил ряд обобщающих работ по геологии Эстонии. Его исследования были успешно продолжены А. Луха и другими.

В области биологических наук следует отметить известного ботаника, воспитанника Московского университета микробиолога Ф. В. Бухгольца, а также геоботаника и специалиста по растительным пигментам Т. Липпмаа, который оставил многочисленные и весьма ценные труды по флоре Эстонии. Ю. Аул выполнил ряд исследований в области антропологии.

Профессор Тартуского университета Л. Пуусепп и в рассматриваемый период продолжал плодотворную деятельность в области нейрохирургии. Его труды («Опухоли мозга», многотомное капитальное исследование «Хирургическая невропатология» и другие) принесли ему мировую известность.

Развитие сланцевой промышленности в буржуазной Эстонии дало толчок дальнейшему развитию химии горючих сланцев; значительных результатов в этой области достиг П. Когерман. Проводились также работы по изучению возможностей использования фосфоритов для производства удобрений.

Важную работу по селекции растений продолжали энтузиасты этого дела М. Пилль и Ю. Аамисепп на Йыгеваской селекционной станции (основана в 1920 году). М. Пилль занимался выведением новых сортов зерновых, Ю. Аамисепп — картофеля и кормовых корнеплодов. Ю. Аамисепп и ряд селекционеров-энтузиастов, например, Я. Раэда и А. Курвитс, вывели также новые сорта плодовых и ягодных культур.

Ликвидация Октябрьской революцией национального гнета создала условия для широкого изучения истории Эстонии, развития этнографии, языкознания, литературоведения, фольклористики (Х. Моора, Х. Круус, О. Лийв, Ф. Туглас и др.). И. В. Вески подготовил большой «Орфографический словарь эстонского языка» (1925—1937), сыгравший важную роль в становлении современного эстонского литературного языка.

Литература. Основными средствами идейного развращения народных масс были буржуазная литература и печать.

В буржуазной Эстонии систематически издавалось большое количество литературных произведений, в которых превозносился буржуазный строй, восхвалялось «национальное единство» и разжигалась антирусская и антисоветская вражда.

Писатели А. Мяльк, К. А. Хиндрей, А. Кивикас, Х. Виснапуу и другие проповедовали в своих произведениях вражду к русскому народу, помогали буржуазии отравлять сознание молодежи национализмом. Ряд изданий выдержал, например, роман А. Кивикаса «Имена на мраморной доске» (1936). Придав роману занимательную форму, автор живописует нетипичный образ: рабочий парень в ходе гражданской войны становится убежденным «борцом за

свободу» — активным участником антисоветской интервенции. Подобная литература была действенным средством растления молодежи.

Но буржуазии удалось превратить в своих последовательных и послушных идеологов только небольшую часть эстонских писателей. Большинство писателей выражало в той или иной мере свое недовольство существующим строем. Однако господствующее положение буржуазной идеологии и культуры сказалось и на их творчестве. Недовольство большинства писателей обычно не выходило за определенные, довольно узкие рамки. Писатели чаще всего критиковали наиболее ярко выделяющиеся недостатки и «крайности» буржуазного строя и государства, но они верили, что эти недостатки и «крайности» можно устранить в рамках буржуазного строя и буржуазной «независимости». Они не понимали, что буржуазная демократия является формой диктатуры буржуазии, и противопоставляли эти понятия друг другу. Протест писателей против стремления буржуазии использовать их на службе своей политики выражался часто в утверждении, что истинный писатель не должен заниматься политикой — его дело обслуживать «человека и жизнь» вне политики.

Ряд литераторов выступал против фашизма. Но когда эстонская буржуазия осуществила переход к фашизму под флагом «защиты демократии», многие видные писатели были введены в заблуждение, не поняли сущности фашистского переворота в Эстонии. Демократические писатели, будучи убежденными антифашистами, в своем большинстве относились, однако, отрицательно и к диктатуре пролетариата, защищая мнимую «чистую» демократию.

Несмотря на то, что творчество демократических писателей обычно весьма противоречиво, оно объективно имело прогрессивное значение.

Демократические писатели-реалисты в своих лучших произведениях разоблачали пороки капиталистического строя, описывали положение трудящихся и их борьбу. Именно эти произведения, хотя они составляли только небольшую часть литературной продукции рассматриваемого периода, отображают наиболее правдиво жизнь эстонского народа и останутся в сокровищнице национальной культуры.

Крупнейшим представителем демократической литературы в Эстонии периода буржуазно-националистической диктатуры был писатель-реалист Антон Таммсааре (А. Хансен). В его литературном творчестве особенно выделяются романы «Правда и право» и «Новый Сатана из Пыргупыхья».

В пятитомном романе «Правда и право» А. Таммсааре рисует жизнь эстонской деревни и города, начиная с последней четверти прошлого столетия и до 30-х годов нашего века. Главный герой романа Андрес из Варгамяэ, а позднее его сын Индрек, несмотря на благие стремления, не могут добиться счастья, найти

правду, которую страстно ищут. В романе «Новый Сатана из Пыргупыхья» Таммсааре с большей, чем у любого другого эстонского писателя того периода, сатирической тонкостью и остротой разоблачает жестокую эксплуатацию деревенской бедноты в буржуазной Эстонии. Большое значение произведений А. Таммсааре состоит в том, что они правдиво и с большой художественной силой обнажали пороки буржуазного строя, показывали его обреченность и воспитывали таким образом в трудящихся массах чувство протеста против него. Сам Таммсааре, однако, не видел путей к уничтожению существующей несправедливости и насилия.

А. Таммсааре.

Такие же, как и А. Таммсааре, проблемы ставит видный писатель-реалист Майт Метсанурк (Эдуард Хубель). В его лучших произведениях находят отражение взгляды и искания интеллигенции, вышедшей из крестьянской среды, искания тех людей, которые не поддерживают буржуазию и являются носителями протеста против существующего порядка, но в то же время не в силах перейти на позиции пролетариата. В романах «Белое облако» (1925) и «Красный ветер» (1928) писатель показывает искания своего героя, его напряженную внутреннюю борьбу, стремление найти правду и справедливость. Важнейшей чертой «Красного ветра» — лучшего из произведений М. Метсанурка — является то, что симпатии автора всецело на стороне угнетаемых. Через весь роман проходит мысль о том, что несправедливость буржуазного строя сама неизбежно порождает «красный ветер» (революционные настроения и революционную борьбу). В пьесе «Сын генерала» (1925) писатель делает попытку показать человека, вступающего на путь революционной борьбы. Из исторических произведений Метсанурка наиболее выдающимся является роман «На реке Юмера» (1934), в котором реалистически изображаются события начала XIII века в Эстонии.

А. Якобсон в своих повестях и романах с глубокой симпатией изображает жизнь простых рабочих людей, показывает их невыно-

симо тяжелое положение в буржуазной Эстонии. В то же время он разоблачает паразитирующую буржуазию, страстно выступает против реакционных идей и течений. Писатель образно показывает тупик, в который завела народ буржуазия, и побуждает его найти выход из этого тупика. Якобсон был одним из популярнейших в рабочей среде авторов, хотя и он не избежал противоречий в своем творчестве.

Ю. Сютисте был наиболее выдающимся и талантливым поэтом буржуазной Эстонии. Его стихи отображали жизнь трудящихся. Лучшая часть его творчества направлена против насилия эстонской буржуазии, милитаризма и фашизма. Во многих своих произведениях он описывает борьбу между двумя враждебными лагерями буржуазной Эстонии — трудящимися и буржуазией.

Популярность у демократического читателя завоевал также ряд произведений писателей и поэтов О. Лутса, И. Барбаруса, Я. Кярнера, А. Антсона, Ф. Тугласа, И. Семпера, А. Алле, Э. Таммлаана и др.

В первых рядах активных борцов литературного фронта шли профессиональные революционеры В. Кингисепп, Я. Анвельт, Х. Пегельман, И. Лауристин, П. Кээрдо и другие коммунисты, последовательно и сознательно боровшиеся за интересы народных масс и прогрессивную культуру.

Литературное наследство В. Кингисеппа включает ряд выдающихся произведений эстонской пролетарской публицистики («Под игом независимости», «За селедку Вильсона» и др.). Я. Анвельт (Ааду Ээссааре), кроме публицистических произведений, опубликовал роман «Вне закона», отображающий борьбу коммунистической партии Эстонии, а также ряд рассказов. Поэзия Х. Пегельмана этого периода рисует героическую борьбу эстонских трудящихся против буржуазии. Он опубликовал также ряд литературно-критических статей. Наиболее значительным произведением И. Лауристина (Мадарика) является роман «Республика», в котором описывается революционная борьба трудящихся Эстонии, начиная с конца прошлого века и до периода буржуазной диктатуры. Часть рукописи этого романа затерялась. Свои наиболее крупные произведения Мадарик написал в тюрьме буржуазной Эстонии. В тюремных условиях сложились как пролетарские писатели и поэты также П. Кээрдо и Лена Лайд-Паркер.

Во второй половине и конце 20-х годов в СССР стали выходить повести и стихотворения ряда молодых эстонских авторов, виднейшим из которых является Вальтер Юхкум. Наиболее крупное его произведение «Прилив» — это роман о восстании 1 декабря 1924 года.

Изобразительное искусство и архитектура. В 20-е годы в эстонское искусство проникают крайние модернистские течения: кубизм, конструктивизм и другие. Распространяется формалистическое, псевдоноваторское, космополитическое искусство, оторванное от социальной действительности, от нацио-

нальных традиций. Господствующему классу и его контрреволюционным целям открыто служили художники А. Вихвелин, М. Максолли и другие. Они создавали произведения, в которых восхвалялась антисоветская интервенция и ее «герои».

Но в противовес буржуазному апологетическому и модернистскому искусству продолжало жить и развиваться, хотя и не без серьезных противоречий, прогрессивное искусство, опиравшееся на реалистические и гуманистические традиции. В 20-е годы здесь основную роль сыграли художники, сложившиеся в предыдущий период (А. Лайкмаа, А. Янсен, А. Егоров, Р. Ниман, и в определенной мере Н. Трийк в живописи, Я. Коорт, В. Мелик и Ф. Саннамээс в скульптуре и Г. Рейндорф — в графике). В это время наиболее плодотворно развивается портретная живопись и пейзаж. Очень разносторонним было творчество скульптора Я. Коорта, отстаивавшего принципы большого гуманистического искусства. Прекрасны его портреты («Голова старика», «Ра Коорт») и анималистические скульптуры. Коорт резко выступал против формалистического искусства и разоблачал политику буржуазии в области искусства.

Скульптор Я. Коорт.

В ответ на наступление реакции и фашизацию общественной жизни в 30-е годы усилилось антифашистское и антимилитаристское движение трудящихся, оказавшее большое воздействие на искусство.

Позиции модернизма ослабли, реализм одержал серьезные победы. Вновь активизировалось творчество А. Лайкмаа и К. Рауда. Усилились реалистические тенденции в творчестве Н. Трийка, А. Лайго и особенно Э. Вийральта. Молодые художники, близкие к жизни народа, — живописцы К. Лийманд, А. Иохани, Н. Куммитс, А. Мийкмаа, графики Х. Мугасто, А. Бах, Э. Мятик сознательно стремились к идейности и народности искусства и пошли по пути реализма. Знакомясь с советским искусством, преодолевая воздействие буржуазного эстетизма и модернизма и псевдоноваторство, эти художники творчески оригинально возрождали традиции национального искусства, обо-

гащали его новыми художественными достижениями. А. Иохани, К. Лийманд и Н. Куммитс создали яркие жанровые картины, в которых с глубокой симпатией изображены простые труженики. Иохани пробовал свои силы в изображении народных масс («Народный праздник»). «Автопортрет» Иохани и «Портрет художницы А. Бах» Лийманда — выдающиеся достижения национального портретного искусства.

Особенно интенсивно в это время развивалась графика. Зрелого мастерства достиг выдающийся график Эдуард Вийральт, в совершенстве владевший всем многообразием техники, создавший ряд гравюр, отличающихся виртуозностью исполнения («Портрет Кристьяна Рауда» и др.). Немалый вклад в развитие ксилографии внесли А. Лайго и Х. Мугасто (последний особенно своими цветными гравюрами «Звонница Печорского монастыря» и «Двор»).

В 30-е годы начали свою творческую деятельность и известные эстонские советские художники Э. Эйнман, Р. Сагритс, Р. Уутмаа, Э. Китс, Ю. Выэрахансу, Э. Коллом, М. Сакс и другие.

Значительные успехи были в 20-е и 30-е годы достигнуты в области прикладного искусства (керамика, тиснение по коже, художественная обработка металла, художественный текстиль, вязание), где творчески использовались традиции народного искусства.

В архитектуре и строительстве также отразились острые противоречия, характерные для рассматриваемого периода. Застройка городов происходила хаотически, основное внимание уделялось архитектурному оформлению городских центров (особенно в Таллине), окраины и рабочие поселки застраивались одно-двухэтажными деревянными домами. В сланцевом бассейне возникли многочисленные рабочие поселки с неблагоустроенными деревянными бараками (Кивиыли). В то же время быстро развивались некоторые пригороды, где жили преимущественно состоятельные и средние слои населения: Нымме — в Таллине, Тамме и Тяхтвере — в Тарту; здесь многие индивидуальные жилые дома отличаются рациональными и экономичными архитектурными решениями.

Некоторые успехи были достигнуты в озеленении городов (Таллин), а также в строительстве общественных и административных зданий. Если в 20-х годах строили еще в духе академического классицизма или в стиле модерн, то в 30-х годах в архитектуре были использованы некоторые принципы конструктивизма и функционализма. Удачно решены некоторые школьные здания в Таллине (в Пельгулинне, на ул. Кеваде, на ул. Харидузе, на Тынисмяги, на Нарвском шоссе), школа в Раквере, а также здание клинической больницы в Таллине и др.

В сельском строительстве сказалась резкая дифференциация крестьянства. Если кулаки и зажиточные хозяева хуторов жили часто уже в новых, благоустроенных домах, построенных по го-

родскому образцу, с электрическим освещением от ветряного двигателя, а нередко и с водоснабжением, то основная масса крестьянства продолжала жить в старых или перестроенных ригах. На окраинах хуторов сохранились по-прежнему убогие жилища бобылей и безземельных. В качестве нового явления в сельской архитектуре следует отметить многочисленные дома новопоселенцев, построенные местами по типовым проектам.

Музыка. Эстонская буржуазия проводила свою реакционную политику и в области музыки. Традиционное хоровое движение правящий класс стремился поставить на службу пропаганде буржуазного национализма. Праздники песни проводились под флагом «национального единства», в репертуар включались шовинистические песни. Композиторов поощряли писать церковную музыку.

Высокая плата за обучение в консерватории и музыкальных школах создавала детям трудящихся большие трудности для получения музыкального образования, высокие цены за аренду концертных залов ограничивали деятельность исполнителей; произведения композиторов большей частью оставались в рукописях.

Но реакционная политика буржуазии не смогла уничтожить прочные традиции демократической музыкальной культуры. Эти традиции развивались прежде всего в народном хоровом и музыкальном искусстве. По требованию общественности и по инициативе передовых деятелей музыки в оперный репертуар театра «Эстония» были включены лучшие произведения классиков русской и западноевропейской музыки. Старшее поколение эстонских композиторов получило образование в Петербургской консерватории; работая в Таллинской консерватории и Тартуской музыкальной школе, оно воспитывало молодых композиторов и музыкантов-исполнителей на классических традициях.

Буржуазная критика, воспевая новейшие «достижения» западного модернизма, поощряла нездоровые тенденции в творческих исканиях эстонских композиторов. Эти тенденции сказались даже в творчестве таких выдающихся композиторов, как М. Саар, Х. Эллер и А. Ведро. Но все же в творчестве большинства композиторов преобладали реалистические и здоровые начала. Выдающиеся произведения были в этот период созданы А. Каппом, А. Лемба, А. Ведро, Э. Тубином и т. д. На богатства народного творчества опиралась большая часть мастерски написанных хоровых песен М. Людига, М. Саара, К. Крээка и Э. Аава. На народные мотивы написаны Первая симфония А. Каппа и его вторая сюита (на мелодии рун). Свежестью выразительных средств характеризуются симфонические поэмы Х. Эллера, симфония Э. Тубина, а также первые симфонические произведения Э. Аава и Э. Каппа.

Основа национальной эстонской оперы была заложена оперой Э. Аава «Викинги» (впервые поставлена в 1928 году), которая принадлежит к числу наиболее выдающихся произведений

эстонских композиторов. Из последующих опер выделяются «Каупо» А. Ведро, «Эльга» А. Лемба и «Цена победы» И. Хиоба. В монументальном плане написана оратория А. Каппа «Иов»; первый эстонский реквием был создан К. Крээком.

Театр. Правящий класс стремился навязать декадентские тенденции и театру. Реалистическое искусство третировалось. Распространение получили экспрессионизм и символизм. Однако все это повело к систематическому уменьшению числа посетителей театров. Театр «Эстония» пытался поднять число посетителей уступками плохому вкусу. После подавления первого декабрьского вооруженного восстания буржуазия выдвинула требование о создании оригинальных драматических произведений с «актуальным» содержанием и неприкрытой националистической тенденцией, но поскольку таковых было мало, на сцену попадала и эстонская классика. Некоторые постановщики (В. Меттус и др.) старались извратить реалистические, жизненные произведения, представляя их в формалистически-надуманном виде. Однако большинство артистов, несмотря на неприкрытый нажим, стремилось придерживаться реалистического сценического искусства.

Композитор А. Капп.

Талантливыми мастерами сцены показали себя А. Лаутер, Э. Вильмер, А. Тээтсов, Р. Тармо, Л. Рейман, Р. Ратассепп, Х. Глезер, П. Пинна. Выступления Л. Рейман в «Орлеанской деве» (в роли Жанны) и в «Марии Стюарт» Шиллера, а также в «Бунте женщин» Лопе де Вега привлекли общее внимание. На сцену выступили также молодые талантливые артисты Х. Лаур, П. Пыльдроос, К. Карм, А. Эскола и ряд других.

В начале 20-х годов успешно развивалась деятельность рабочих театральных кружков, работу которых направляли коммунисты через Таллинский Центральный Совет профсоюзов, позднее через культурную комиссию Центрального союза рабочих объединений Эстонии. В помещении таллинского рабочего общества трезвости «Валвая» и в Рабочем доме Тарту были поставлены критические пьесы, например, «Жан Руль» Мирбо, «Голос и эхо»

Упита и др. Трудящиеся, бойкотировавшие официальный театр, с необычайной живостью и энтузиазмом поддерживали деятельность рабочих театральных кружков. Но в 1924 году власти ликвидировали культурные организации рабочих и арестовали их деятелей, отняв также помещение общества «Валвая».

В 1926 году в Таллине был основан рабочий театр. Впоследствии театры подобного типа были созданы также в Тарту и Пярну. Режиссерами Таллинского рабочего театра были П. Пыльдроос, позднее также А. Сярев. Из артистов этого театра наибольшей известностью пользовались А. Тээтсов, Р. Бауман, К. Хансен и др. Таллинский рабочий театр осуществил постановку ряда советских пьес, а также произведений русской классики, обращал большое внимание на постановку эстонской классики и новых произведений («Железный дом» Э. Таммлаана).

В тяжелых условиях фашистской диктатуры в 1937—1939 годах активную борьбу за прогрессивное сценическое искусство вел Тартуский рабочий театр, тесно связанный с революционным рабочим движением. Художественным руководителем театра был К. Ирд. В репертуар Тартуского рабочего театра были включены «Платон Кречет» Корнейчука, «Рычи, Китай!» Третьякова, «Железный дом» Таммлаана.

Театр «Эстония» в эти годы ставил на своей сцене, хотя и с купюрами, и советские музыкальные произведения (оперу «Тихий Дон», балет «Красный мак» в постановке Э. Уули), восторженно встреченные зрителями.

*

Трудящимся массам Эстонии пришлось в течение двух десятков лет пережить ряд экономических и политических кризисов, пришлось увидеть гибельные результаты зависимости от империалистических государств, крах буржуазной демократии и торжество фашизма, начало новой мировой войны и возникновение непосредственной угрозы вторжения фашистских агрессоров. Этот горький опыт народных масс привел к крушению буржуазно-демократических и «национальных» иллюзий и дал возможность коммунистической партии на грани 30-х и 40-х годов объединить силы трудящихся для активной борьбы за Советскую власть.

В подготовке условий для этого свою роль сыграла и развивавшаяся и крепнувшая в борьбе прогрессивная — социалистическая и демократическая — культура, элементы которой в эстонской национальной культуре буржуазии никогда не удавалось уничтожить. Историческая роль этой культуры несравненно больше, чем ее удельный вес в культуре буржуазного периода.

Наряду с культурным наследством дооктябрьского периода прогрессивная культура 20-х и 30-х годов стала после восстановления Советской власти в 1940 году основой для развития национальной эстонской советской культуры.

Глава XIII

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ. ПЕРВЫЕ ШАГИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

(1940 — июнь 1941)

§ 1. НАЗРЕВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА

Внешнеполитическое положение Эстонии в начале второй мировой войны. Заключение советско-эстонского пакта о взаимопомощи. Географическое и стратегическое положение прибалтийских государств способствовало их вовлечению в русло событий, связанных с подготовкой и началом второй мировой войны.

Международная обстановка к этому времени резко обострилась. Правящие круги Англии и Франции, пытаясь отвлечь внимание фашистской Германии от Западной Европы, под прикрытием политики «невмешательства» продолжали настойчиво направлять гитлеровскую агрессию на восток. В рамках этой политики они по-прежнему отводили Прибалтике важное место. Сорвав летом 1939 года англо-франко-советские переговоры, империалисты западных держав еще раз недвусмысленно указали германским фашистам на возможность безнаказанного использования прибалтийского плацдарма для нападения на СССР.

Однако эти планы были сорваны неуклонной борьбой Советского Союза за мир и безопасность народов и его дальновидной политикой в прибалтийском вопросе, а также острыми противоречиями в лагере империализма, которые вскоре привели к мировой войне. Заключение в августе 1939 года советско-германского договора о ненападении не только отодвинуло непосредственную угрозу превращения прибалтийских стран в базу развертывания германской агрессии; заключение этого договора создало предпосылки для существенного ослабления политических и экономических позиций германского империализма в Прибалтике.

1 сентября 1939 года нападением гитлеровской Германии на Польшу началась вторая мировая война. Эта война расколола капиталистический мир на два враждебных лагеря: Германию, Италию и Японию, с одной стороны, Англию, Францию и позднее

США, — с другой. Прибалтийские государства в результате этого оказались фактически отрезанными от Англии и Франции.

Среди ряда оборонительных мероприятий правительство СССР предложило в сентябре 1939 года Эстонии заключить пакт о взаимопомощи. Трудящиеся Эстонии, жизненно заинтересованные в мире, с одобрением встретили это предложение. Но сближение с Советским Союзом никак не входило в планы правящих кругов Эстонии, которые на протяжении ряда лет связывали свои расчеты с началом войны фашистской Германии против СССР. После предложения СССР о заключении пакта о взаимопомощи эстонские представители стали лихорадочно зондировать почву в министерствах иностранных дел Латвии, Финляндии и Германии. Фашистские правители Эстонии изучали возможность провоцирования военного конфликта с СССР, который должен был перерасти в «большую войну» капиталистического мира против страны социализма. Однако в создавшихся условиях ни Германия, ни Латвия, ни Финляндия не могли поддержать авантюристический план правителей Эстонии. Столь же неблагоприятна для войны была и внутриполитическая обстановка. На созванном президентом Пятсом секретном совещании главнокомандующий Лайдонер заявил: «Трудно начинать войну, когда предлагается пакт о взаимопомощи». Министр иностранных дел Пийп сказал, что «вообще воевать можно, но сейчас народ совсем не в таком настроении».

Пакт о взаимопомощи

Пакт о взаимопомощи между Советским Союзом и Эстонией был подписан 28 сентября 1939 года. Договаривающиеся стороны обязались «оказывать друг другу всяческую помощь, в том числе и военную, в случае возникновения прямого нападения или угрозы нападения со стороны любой великой европейской державы по отношению морских границ договаривающихся сторон в Балтийском море или сухопутных их границ через территорию Латвийской Республики». Советский Союз обещал оказать на льготных условиях помощь эстонской армии вооружением и военными материалами. Эстония обеспечивала за СССР право иметь на островах Сааремаа, Хийумаа и в городе Пальдиски военно-морские базы, аэродромы и определенное количество наземных сил для охраны баз. Договаривающиеся стороны обязались не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из сторон.

Аналогичные пакты были заключены Советским Союзом в октябре 1939 года с Латвией и Литвой. Между СССР и прибалтийскими государствами были подписаны также торговые соглашения.

Рабочий класс Эстонии, трудящиеся деревни и прогрессивная интеллигенция горячо одобрили заключение пакта о взаимопомощи с СССР. В адрес правительства поступило большое количество писем, в которых подчеркивалось громадное значение заключенных соглашений; поздравительные телеграммы и письма на-

правлялись из Эстонии и руководителям Советского правительства.

Заключение пактов о взаимопомощи с Советским Союзом гарантировало Эстонии и другим прибалтийским государствам защиту их национальной независимости, обеспечение безопасности и мира, сорвало планы западных империалистов принести Прибалтику в жертву гитлеровской агрессии. Недаром несколько лет спустя Гиммлер сетовал: «Это было нашим несчастьем, что мы не смогли завоевать Эстонию уже в 1939 году».

Подписание пактов усиливало изоляцию Эстонии от сил империализма, оставляло буржуазию один на один с растущим демократическим движением народа и тем самым ослабляло позиции фашистского режима.

Возникновение революционной ситуации. Война нарушила экономические связи Эстонии с большинством западных государств. Ввоз сырья, например, упал в сентябре 1939 года на 42 процента.

По заключенным в октябре и декабре 1939 года секретным соглашениями с Германией Эстония обязывалась довести размеры экспорта в Германию до 65 миллионов крон и полностью прекратить торговлю с Англией и Францией. Германия устанавливала строгий контроль над торговлей Эстонии и с нейтральными странами, объем которой ограничивался 15 миллионами крон (без СССР). При этом Эстония по требованию Германии должна была закупать у нейтральных государств дефицитное сырье и снабжать им Германию. В соответствии с соглашениями Эстония связывала себя совершенно определенными обязательствами по каждой статье вывоза, причем на весьма льготных для Германии условиях. Германия же обещала лишь «по мере возможности» учитывать потребности Эстонии. В результате сокращения импорта из Германии и резкого увеличения эстонского экспорта в Германию Эстония фактически согласилась кредитовать ежегодно германское военное хозяйство суммой в 9—10 миллионов крон, что составляло примерно десятую часть ее государственного бюджета. Таким образом, соглашения были явно невыгодны для Эстонии и по существу носили кабальный характер.

Заключенное в 1939 году торговое соглашение с Советским Союзом предусматривало увеличение товарооборота между двумя странами до 39 миллионов крон в год, то есть более чем в 4,5 раза, и открывало перед экономикой Эстонии широкие возможности. Однако фашистские правители Эстонии по политическим соображениям не использовали всех вытекавших из соглашения возможностей.

Нехватка сырья и сужение возможностей сбыта создали серьезные экономические трудности и породили массовую безработицу. Зимой 1939—1940 года на многих фабриках было проведено значительное сокращение числа рабочих; например, с Кренгольмской мануфактуры было уволено свыше 700 человек,

то есть примерно треть всех рабочих, с таллинской шоколадной фабрики «Каве» — более 300. Многие крупные предприятия перешли на четырехдневную рабочую неделю. К апрелю 1940 года число безработных почти достигло среднего уровня кризисных лет. Усилилась спекуляция, поднялись цены на продовольствие и другие товары первой необходимости. Была введена карточная система на сахар, керосин, бензин. Стоимость жизни, по данным министерства хозяйства, с июня 1939 года по июнь 1940 года возросла на 20 процентов.

Ухудшилось и положение трудящегося крестьянства. Если кулацкая часть деревни с помощью государственных дотаций приспосабливалась к военной конъюнктуре, то бедняки и часть середняков испытывали все большие трудности, все больше залезали в долги и еле-еле сводили концы с концами. Задолженность эстонских крестьян к 1940 году достигла огромной цифры — почти 150 миллионов крон, что значительно превышало, например, сумму доходов государственного бюджета за 1938/39 финансовый год. С молотка было продано большое количество разорившихся крестьянских хозяйств.

Особенное недовольство народа вызывала авантюристическая внешняя политика правительства, его явно прогерманская ориентация.

Эстонское правительство умышленно затягивало переговоры с правительством СССР о размещении советских войск и о их правовом статуте. Эстонская буржуазия все еще связывала свои расчеты с войной Германии или всего капиталистического мира против СССР. Особенно оживились эти надежды в связи с военным конфликтом между Финляндией и СССР и интервенционистскими планами Англии и Франции. Но поскольку война закончилась за несколько месяцев, дело не пошло дальше сбора денежных средств и отправки в Финляндию эстонских «добровольцев».

Успехи гитлеровцев в Европе в конце 1939 — начале 1940 годов и явное стремление империалистических кругов Англии и Франции повернуть фронт войны против СССР порождали у эстонской буржуазии планы присоединения страны к «большой войне» против Советского Союза. В марте 1940 года на нужды эстонской армии было отпущено дополнительно 1 653 140 крон. В апреле был принят закон о выпуске пятимиллионного принудительного займа «обороны», были повышены налоги. На расходы по военному ведомству государственный бюджет 1940/41 финансового года предусматривал 34 миллиона (в предшествующем году эти расходы равнялись 25,5 миллиона крон). Игнорируя вытекавшие из договора с СССР возможности снабжения эстонской армии советским вооружением и военными материалами на льготных условиях, эстонское правительство закупало у Германии самолеты, зенитные орудия, стрелковое вооружение, боеприпасы, транспортные средства и военные материалы. Резко увеличился

вывоз в Германию стратегического сырья (сланцевого масла, целлюлозы и др.).

Прилагались большие усилия к созданию антисоветского военного блока прибалтийских государств. Эстонские дипломаты втайне от СССР старались укрепить военный союз между Эстонией и Латвией, привлечь к нему Литву и даже Финляндию. Пропаганда «Прибалтийских Соединенных Штатов», участившиеся визиты военных представителей, обмены военными делегациями, всевозможные секретные совещания вызывали тревогу у трудящихся прибалтийских государств. За антисоветскими происками буржуазии они чувствовали опасность войны.

Усиливающееся недовольство внутри страны правящие круги пытались подавить репрессивными мерами. Например, только за октябрь 1939 года полиция запретила рабочие собрания на Нарвской суконной фабрике, заводе «Вольта», Балтийской бумагопрядильной мануфактуре, конфисковала материалы совещания рабочих старост и представителей профсоюзов, запретила публикацию данных о массовых увольнениях. Активисты рабочего движения подвергались всевозможным преследованиям. Даже деятели «рабочей палаты» вынуждены были в своей резолюции от 5 ноября 1939 года отметить, что «деятельность профессиональных союзов и рабочей палаты затрудняется невиданным доселе полицейским гнетом».

Однако это только усиливало недовольство рабочего класса. Сложная международная обстановка, реальная угроза войны, открытая прогерманская ориентация правящих кругов, реакция во внутренней политике, крушение демократических иллюзий, которые имели широкое распространение в первые годы фашистской диктатуры, — все это заставляло задумываться даже тех людей, которые обычно стояли в стороне от политики. Серьезные сдвиги происходили в сознании интеллигенции, мелкой буржуазии и вообще всех «средних» слоев населения.

В конце 1939 года большой размах получила кампания сбора подписей под петицией правительству, осуждавшей фашистский строй и требовавшей демократических свобод, борьбы с безработицей и т. д. Тысячи рабочих, представители профсоюзов, интеллигенты открыто ставили свои подписи под этой петицией. Петиционную кампанию организовала парламентская группа «Единый блок трудового народа» (Н. Руус, К. Ялак, А. Йыээр и др.), проводившая линию единого фронта рабочего класса и работавшая в тесном контакте с Коммунистической партией Эстонии. Кампания приняла столь широкий размах, что даже бывшие правые социалисты, члены парламента, вынуждены были примкнуть к требованиям «Единого блока трудового народа». Сборщиков подписей арестовывали, высылали из городов, часть списков была конфискована политической полицией, однако все новые тысячи подписей посылались премьер-министру.

Активное участие в петиционной кампании приняли профес-

сиональные союзы. К этому времени крупнейшие профсоюзы высвободились из-под влияния «рабочей палаты», бывших правосоциалистических лидеров и, став опорными пунктами КПЭ, проводили большую пропагандистскую и организаторскую работу. В правления наиболее крупных профсоюзов избирались теперь деятели рабочего движения, разделявшие взгляды коммунистической партии. В октябре 1939 года профессиональные союзы Эстонии послали приветствие советскому народу, Советской Армии, руководителям ВКП(б) и правительства Советского Союза.

В первой половине 1940 года в адрес буржуазного правительства поступало от различных профессиональных объединений много писем, содержавших уже не только констатацию тяжелого положения рабочего класса, но и решительные требования улучшения материального положения трудящихся, свободы стачек и организаций. Демократическая общественность страны требовала расширения торговых связей и укрепления дружественных отношений с Советским Союзом.

Свидетельством революционизирования масс явились результаты дополнительных выборов в Государственную думу по Ракверескому избирательному округу в начале 1940 года. В условиях фашистской диктатуры в Государственную думу был избран коммунист В. Яанус.

В новой обстановке, сложившейся после заключения советско-эстонского пакта, буржуазии все труднее становилось управлять по-старому. Назревал кризис верхов. В октябре 1939 года была предпринята реорганизация правительства. Вместо полицейского деятеля Ээнпалу, скомпрометировавшего себя откровенной антисоветской политикой и репрессиями против трудящихся, на пост премьер-министра был выдвинут более изворотливый политик, профессор права Ю. Улуотс. Демагогическими посулами «привлечения всех общественных сил к управлению» Улуотс пытался сохранить «домашний мир».

Но такими маневрами уже нельзя было изменить ход событий. Недовольство масс все усиливалось и начало быстро перерастать в общий революционный подъем.

Опираясь на эту активизацию масс, Коммунистическая партия Эстонии весной 1940 года взяла курс на подготовку открытого революционного выступления. В апреле 1940 года в Таллине собралась подпольная конференция КПЭ, которая выдвинула лозунг свержения фашистской диктатуры и создания демократического, народного правительства.

В своем обращении «Ко всему эстонскому народу», опубликованном в нелегальной газете «Коммунист», партия разъясняла народу, что успеху выступления против фашизма благоприятствуют как внутренние, так и внешние условия. Правительство всеми своими действиями разоблачило себя как правительство антинародное. «В борьбе против трудящихся, — писала газета «Коммунист», — не придут на помощь диктатуре Пятса — Лайдо-

нера — Улуотса английские танки, германские штыки и финские ножи, как это было 20 лет назад». Призывая народ к революционной борьбе, к свержению фашистской диктатуры, партия подчеркивала, что она борется не за буржуазную демократию, а за подлинную демократию для народа, при которой трудящиеся сами смогут решить, как устроить свою жизнь.

Это обращение коммунистической партии широко распространялось на предприятиях, в рабочих поселках, среди сельского населения.

И. Лауристин.

Центральный Комитет Коммунистической партии Эстонии, или, как его называли тогда, «Нелегальное бюро» (И. Лауристин, Х. Аллик, П. Петраэ, П. Кээрдо и Х. Арбон), к этому времени восстановил партийные комитеты в Таллине и Тарту. В других городах действовали постоянные уполномоченные ЦК партии Г. Абельс, Д. Кузьмин, Б. Кумм, А. Мяэмат, И. Ойнас, А. Паук и А. Штамм.

В обстановке разгула реакции, в условиях, когда охранная полиция десятками засылала провокаторов в рабочие организации и использовала малейшие поводы для расправы с деятелями рабочего движения, коммунистическая партия, несмотря на революционный подъем, не могла пойти на большое расширение своих рядов. Но она могла опираться на созданный в предшествующие годы многочисленный боевой актив наиболее сознательных участников рабочего движения. Организаторскую и пропагандистскую работу партия проводила через различные легальные и полулегальные организации рабочих и интеллигенции. Серьезную работу по распространению марксистско-ленинских идей и освещению миролюбивой политики Советского Союза проводили такие организации, как культурно-просветительное общество «Идея», имевшее свои филиалы в нескольких городах, Тартуское рабочее противоалкогольное общество, Рабочий театр в Тарту, Культурное общество в Нарве. Их влияние быстро росло. Число членов Тартуского противоалкогольного общества, деятельность которого направляли коммунисты Э. Лепик, И. Круус и Л. Иллисон, за несколько месяцев возросло до 500—600 человек. Запрещение полицией общества «Идея» и Тартуского противоалкогольного общества и административная высылка руководящих дея-

телей этих организаций вызвали большое недовольство среди рабочих и интеллигенции.

К июню 1940 года сложились все условия для победоносного народного выступления против прогнившего фашистского режима. Буржуазия прибалтийских стран была фактически лишена возможности получить сколько-нибудь серьезную поддержку со стороны сил международного империализма и оказалась, таким образом, один на один против своих народных масс. Возлагая все надежды на втягивание Эстонии в «большую войну», она запуталась в своих прогерманских махинациях, антинациональный характер ее политики обнажился до предела. Бывшие правосоциалистические лидеры скомпрометировали себя поддержкой ненавистного народу режима, они не могли предложить никакого реального выхода и поэтому утратили почти всякое влияние. Рабочий класс, политическая активность которого за последние полгода резко возросла, был готов выступить под руководством коммунистической партии и повести за собой широкие трудящиеся массы.

§ 2. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Революционное выступление трудящихся 21 июня 1940 года. Создание демократического правительства И. Вареса. 15 июня в Таллине открылась «Балтийская неделя», которая должна была продемонстрировать единство антисоветских сил Прибалтики. 16 июня Министерство иностранных дел СССР вручило эстонскому посланнику в Москве от имени Советского правительства ноту, где приводился ряд фактов, свидетельствовавших о нарушении Эстонией советско-эстонского пакта о взаимопомощи. Эстония, указывалось в ноте, не только не ликвидировала ранее созданный военный союз с Латвией, но даже старалась расширить его за счет привлечения Литвы, а также Финляндии. Советское правительство не могло в условиях напряженной международной обстановки мириться с угрожавшими безопасности СССР грубыми нарушениями пакта о взаимопомощи. Оно считало, что в Эстонии должно быть сформировано такое правительство, которое было бы способно честно проводить в жизнь пакт о взаимопомощи с СССР. Для предотвращения провокаций, возможность которых вытекала из всей деятельности эстонского правительства и многочисленных фашистских организаций, Советское правительство считало также целесообразным ввод на территорию Эстонии дополнительных частей советских войск. Аналогичные ноты были предъявлены правительствам Латвии и Литвы.

Ноты Советского правительства помогли народам Прибалтики по-настоящему увидеть и осознать, насколько опасной была политика фашистских правителей, старавшихся втянуть Эстонию, Латвию и Литву в войну против СССР. Осознание этой опасности

явилось тем толчком, который привел к открытым выступлениям трудящихся по всей Прибалтике.

На крупнейших заводах и фабриках Эстонии несколько дней шли собрания и митинги. Рабочие единодушно принимали выдвинутые коммунистической партией резолюции, которые требовали немедленного устранения фашистской клики провокаторов войны, создания правительства, облеченного доверием народа, установления демократических свобод, дружбы и тесного сотрудничества с СССР, очищения государственного аппарата от провокаторов войны. Были выдвинуты требования всеобщей амнистии политических заключенных, ликвидации полицейских «рабочих» организаций, прекращения преследования деятелей рабочего движения.

Резолюции, принятые на митингах и собраниях рабочих, были направлены президенту республики. Однако правящий класс еще пытался маневрировать. Вынужденное принять предложение Советского Союза, правительство Улуотса формально подало в отставку, но фактически продолжало выполнять свои функции. Президент не торопился с формированием нового кабинета. Буржуазия все еще рассчитывала на войну западных держав против СССР и на помощь империалистов в подавлении революционного движения народа. Приказом главнокомандующего были запрещены все собрания, демонстрации и сходки, была ограничена свобода передвижения. Но массы чувствовали свою силу и не хотели больше повиноваться властям, власти же не решались прибегнуть к насилию. Приказы полицейских префектов и военных начальников больше никого не пугали.

Вечером 20 июня Центральный Комитет Коммунистической партии, вопреки запрещению властей, созвал в помещении таллинского рабочего спортивного клуба собрание представителей рабочих. На собрании присутствовало свыше тысячи человек. Собрание решительно осудило провокационную политику фашистской клики. Было решено призвать рабочих к активным выступлениям.

Утром 21 июня в Таллине прекратили работу все заводы и фабрики. Со всех концов города к площади Свободы начали стекаться колонны трудящихся. Они шли под красными знаменами, овеянными славой революционных битв 1905 и 1917 годов. Демонстранты несли лозунги: «Долой правительство провокаторов войны!», «Требуем создания правительства, которое честно будет выполнять пакт о взаимопомощи с СССР!», «Освободите политических заключенных!».

На площади, где собрались десятки тысяч трудящихся, состоялся митинг. Выдвинутые накануне требования рабочего актива получили единодушное одобрение. Демонстранты направились с этими требованиями в Кадриорг, к резиденции президента. Проходя по улице Пикк, мимо советского посольства, они тепло приветствовали вышедших на балкон работников посольства, среди которых находился также приехавший 19 июня в Таллин се-

кретарь ЦК ВКП(б), член Президиума Верховного Совета СССР А. А. Жданов.

В ответ на отказ президента выполнить требования трудящихся рабочие заняли резиденцию правительства — дворец Тоомпеа и освободили из тюрем политических заключенных. Были созданы отряды Народной самозащиты — первые вооруженные организации революции, сыгравшие важную роль в охране общественного порядка.

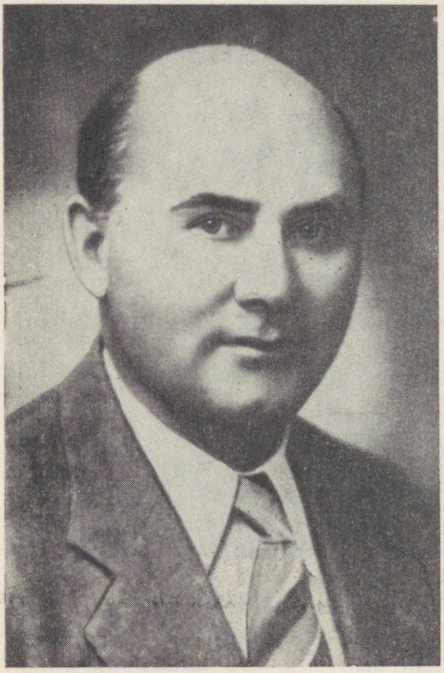
Демонстрация таллинских трудящихся у дворца в Кадриорге 21 июня 1940 г.

В этот же день революционные выступления, возглавленные коммунистами, произошли в Тарту, Нарве, сланцевом бассейне и во многих других пунктах. Революция охватила всю страну.

Вечером 21 июня было образовано новое, демократическое правительство. Это правительство явилось правительством народного антифашистского фронта. В него вошли такие крупные общественные деятели, разделявшие взгляды коммунистической партии, как И. Варес (глава правительства) — известный эстонский поэт, один из организаторов движения помощи испанским республиканцам, и Н. Руус — секретарь парламентской группы «Единый блок трудового народа». В правительство вошли также известные антифашистские деятели И. Семпер, Н. Андрезен и др. Заместителем премьер-министра был утвержден видный историк Х. Круус.

Новое правительство в опубликованной декларации заявило, что своими важнейшими задачами в области внешней политики

оно считает добросовестное выполнение советско-эстонского пакта о взаимопомощи, установление и развитие добрососедских отношений с СССР. В области внутренней политики правительство ставило своей целью содействовать улучшению материального положения народа, осуществить демократические свободы, распустить не представлявших интересов народа Государственную думу и Государственный совет, провести новые выборы, которые должны были обеспечить действительное представительство народа, очистить государственный аппарат от фашистских элементов.



И. Варес.

Таким образом, программа нового правительства основывалась на требованиях, которые были выработаны коммунистической партией и единодушно приняты на многочисленных собраниях трудящихся.

Дальнейшее развитие революции. Деятельность демократического правительства. После 21 июня в Эстонии проходила полоса собраний и митингов, на которых трудящиеся приветствовали новое правительство и его программу. В адрес правительства поступали сотни резолюций, приветствий с выражением доверия и одобрением его деятельности — от рабочих, крестьян, солдат и различных общественных организаций. Вышедшая в июньские дни из подполья Коммунистическая партия Эстонии теперь легально возглавила революционное движение масс. Партия проводила большую работу по сплочению всех прогрессивных сил народа, по оказанию им помощи в создании массовых объединений. Особое внимание уделялось профессиональным союзам, Всеэстонскому союзу сельских трудящихся, молодежным и женским организациям.

22 июня совещание представителей профессиональных союзов избрало новое правление Центрального Совета профсоюзов. В правление вошли член ЦК компартии Х. Арбон, видный профсоюзный деятель А. Абен, являвшийся в то же время председателем Всеэстонского союза сельских трудящихся, и другие.

Всеэстонский союз сельских трудящихся, деятельность которого была приостановлена фашистским правительством в 1934 году, возобновил широкую работу. За короткое время в волостях и уездах возникла большая сеть организаций Союза, объединившего в своих рядах батраков, бедняков, рабочих лесоразработок, рыбаков, передовых представителей сельской интеллигенции. Союз сельских трудящихся сыграл большую роль в сплочении крестьянских масс и укреплении союза рабочего класса и трудящегося крестьянства. Из его активистов были организованы отряды Народной самозащиты в деревне.

В конце июня — начале июля в профсоюзы и Союз сельских трудящихся вступили многие тысячи рабочих и крестьян.

С 22 июня вместо закрытых реакционных газет, начала выходить новая, демократическая газета «Рахва Хяэль», а с июля — газеты компартии — «Коммунист» и «Трудовой путь». Газеты и радио разъясняли массам суть происходящих событий, разоблачали антинародную политику буржуазии и на основе документальных данных, ставших теперь доступными революционной власти, вскрывали темные махинации буржуазных заправил, расхищавших национальные богатства страны. Газеты знакомили трудящихся Эстонии и с опытом строительства социализма в Советском Союзе.

Коммунистическая партия последовательно и неустанно разъясняла трудящимся, что закрепление победы над фашизмом, действительное обеспечение свобод для трудового народа и независимость страны возможны только тогда, когда буржуазия будет лишена частной собственности на орудия и средства производства и трудящиеся станут хозяевами создаваемых ими богатств.

Правительством И. Вареса в течение июня—июля был проведен ряд важнейших мероприятий. Это правительство в своей деятельности опиралось на революционный подъем народных масс и, в свою очередь, мероприятиями, направленными на искоренение фашизма, на демократизацию общественной и политической жизни, содействовало дальнейшему росту революционной волны, становлению и развитию диктатуры пролетариата.

Были закрыты все фашистские и белогвардейские организации («Изамаалийт», «Кайтселийт» и др.), распущена фашистская «рабочая палата», начата чистка государственных учреждений от фашистских элементов. На руководящие посты в министерства и государственные учреждения выдвигались участники революционного движения, коммунисты, профсоюзные активисты.

Большое внимание уделялось демократизации армии. Правительство издало декрет о создании института политических руководителей и комитетов военнослужащих. Главным политическим руководителем армии был назначен член ЦК Компартии Эстонии П. Кээрдо.

Был установлен рабочий контроль над производством. Для пресечения попыток экономического саботажа министр хозяйства

в начале июля издал постановление о порядке проведения торговых операций. Была создана комиссия для контроля над валютными операциями. Обычные банковские сделки не должны были превышать 100 крон в месяц на одного человека. Местные профсоюзные организации осуществляли контроль над деятельностью предпринимателей на производстве. Они не допускали изъятия из касс и присвоения капиталистами денежных средств.

Всеми этими мероприятиями правительства была серьезно подорвана экономическая мощь буржуазии. Капиталисты оставались собственниками средств производства, но фактически их право распоряжаться этой собственностью было сильнейшим образом урезано.

Наряду с мерами, направленными на повышение жизненного уровня рабочего класса, правительство издало постановления, облегчившие положение крестьянства, и в первую очередь, батраков и беднейшего крестьянства. Это — постановления об отчуждении заброшенной земельной собственности и наделении ею малоземельных и безземельных крестьян, о предоставлении им денежных ссуд, об упорядочении задолженности крестьян.

Выборы в новую Государственную думу. Самым крупным политическим событием этих дней явились подготовка и проведение выборов в новую Государственную думу. Решался вопрос о государственном устройстве страны.

После того, как рабочие многих столичных предприятий поставили вопрос о роспуске таких рассадников реакции и коррупции, какими были сколоченные фашистским правительством в результате подлогов, подкупов и обмана Государственная дума и Государственный совет, и о безотлагательном проведении свободных выборов, правительство 5 июля опубликовало решение о роспуске Государственной думы и Государственного совета и назначении на 14—15 июля 1940 г. выборов в Государственную думу. Государственный совет, как орган, который по действовавшей конституции создавался явно недемократическим путем, решено было не формировать.

Во время подготовки к выборам коммунистическая партия объединила все демократические слои населения в единый избирательный блок — «Союз трудового народа». В него вошли 22 организации: Коммунистическая партия, Центральный Совет профсоюзов, Союз сельских трудящихся, Коммунистический союз молодежи, Центральный Совет малоземельных крестьян, Комитет трудящихся женщин, Рабочая спортивная лига, Союз больничных касс, Таллинский союз потребительской кооперации, культурно-просветительное общество «Идея» и др.

В опубликованном 6 июля воззвании «Союз трудового народа» провозгласил в качестве основных положений избирательной платформы установление самой тесной дружбы с Советским Союзом, широкие демократические свободы для трудящихся, демократизацию армии, общедоступное и бесплатное обучение, широкую

организацию социального страхования и обеспечения инвалидов труда и престарелых рабочих, всемерную помощь государства трудовому крестьянству и т. д. Эти требования, а также опубликованные 11 июля лозунги «Союза трудового народа» ясно говорили избирателям, за что они голосуют, поддерживая платформу «Союза трудового народа».

По всей стране проводились тысячи предвыборных собраний. На этих собраниях выступали коммунисты, известные общественные деятели, деятели профессионального движения, активисты Всеэстонского союза сельских трудящихся. Избирательная платформа «Союза трудового народа» встречала единодушное одобрение трудящихся.

Подготовка и проведение выборов проходили в обстановке напряженной классовой борьбы. Еще в первые дни революции, как признал позднее Х. Мяэ, один из главарей вапсов, пособник немецких фашистов, К. Пятс предложил ему направиться «в Германию и просить у германского правительства помощи, чтобы спасти то, что еще можно спасти». Во время предвыборной кампании враги пытались обмануть трудовой народ и протащить своих кандидатов в Государственную думу. Они распространяли клеветнические измышления о Советском Союзе, порочили политику коммунистической партии, старались запугать крестьянство и оторвать его от рабочего класса. Но силы буржуазии были дезорганизованы и деморализованы грозным и стремительным ходом событий. Антинародные силы не имели единого плана и единого руководства, они не смогли оказать серьезного сопротивления.

Выборы в Государственную думу проводились в старых конституционных формах, но их содержанием была революционная самодеятельность народных масс. Избирательные комиссии, созданные на широкой демократической основе из представителей трудящихся, отвели ряд кандидатов, которые скомпрометировали себя в прошлом антинародной деятельностью.

На выборах 14 и 15 июля все кандидаты «Союза трудового народа» были избраны депутатами Государственной думы. Выборы показали небывалую активность народных масс и полную поддержку ими политики коммунистической партии. В выборах участвовало 84 процента всех избирателей; 92,8 процента участвовавших в голосовании отдали свои голоса за кандидатов «Союза трудового народа».

Установление Советской власти. Вновь избранная Государственная дума должна была решить важнейшие вопросы жизни страны — вопросы государственного устройства и формы правления.

За месяц, истекший со времени свержения фашистской диктатуры, в настроении масс, в результате огромной организаторской и разъяснительной работы компартии, в результате небывало активного участия широчайших масс в политической жизни, про-

изошли серьезные сдвиги. Теперь уже не только фашизм, но и буржуазно-демократические формы правления потеряли почти всякий кредит у народных масс. Идея восстановления Советской власти, жившая в умах рабочего класса во все годы буржуазно-националистической диктатуры, овладела теперь и широкими непролетарскими массами. Участники семидесятитысячной демонстрации, проходившей в Таллине 17 июля, несли лозунги: «Да здравствует Советская Эстония!», «Требуем вступления Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик!», «Да здравствуют Советы Эстонии!».

21 июля, в день открытия сессии Государственной думы, газеты опубликовали обращение рабочих и служащих крупнейших предприятий республики (завода «Крулль», «Ильмарине», фабрики Лютера, Балтийской мануфактуры и ряда других) к Государственной думе. В нем четко выражались требования объявить Эстонию советской республикой, войти в состав Союза ССР, а также передать в собственность народа созданные его трудом заводы, фабрики, национализировать землю и т. д.

Эти же требования звучали в речах представителей многочисленных делегаций рабочих и крестьян, пришедших приветствовать Думу. «Вся власть в Эстонии, — говорил представитель делегации завода «Крулль», — должна принадлежать рабочим и крестьянским Советам. Мы требуем, чтобы Эстония вошла в Союз Советских Социалистических Республик и чтобы собрание народных депутатов обратилось к Президиуму Верховного Совета СССР с просьбой принять Эстонию в состав Союза Советских Социалистических Республик в качестве союзной республики. Да здравствует Эстонская Социалистическая Республика!»

На вечернем заседании по докладу И. Лауристина Государственная дума единогласно приняла историческую декларацию об объявлении Эстонии советской социалистической республикой. В декларации говорилось: «Выражая единодушную волю свободного трудового народа Эстонии, Государственная дума провозглашает установление Советской власти на всей территории Эстонии. Эстония объявляется Советской Социалистической Республикой».

На следующий день, 22 июля, по докладу Н. Рууса была принята декларация о вступлении Эстонии в состав Союза Советских Социалистических Республик. «Теперь, — говорится в декларации, — когда эстонский народ разбил господство старого режима — режима гнета и бесправия, взял в свои руки судьбы своей родины и вышел на широкую и светлую дорогу строительства новой жизни, настал великий исторический час, когда выраженная во всенародном голосовании воля эстонского народа к установлению прочного союза и нерушимой дружбы Эстонской республики с Союзом Советских Социалистических Республик должна быть законодательно закреплена».

23 июля была принята декларация Государственной думы об

объявлении земли всенародным достоянием. Государственная дума постановила сложить с крестьян все выкупные платежи, связанные с проведением буржуазной аграрной реформы, недоимки по налогам и штрафам. Ликвидировалось крупное землевладение, все излишки земли сверх установленной нормы (30 га) передавались в государственный земельный фонд, из которого государство наделяло землею безземельных и малоземельных крестьян.

Демонстрация трудящихся на площади Победы по поводу провозглашения Эстонии советской социалистической республикой.

В тот же день была принята декларация о национализации банков и крупной промышленности.

Для выработки проекта Конституции Эстонской ССР Государственная дума избрала конституционную комиссию.

Таким образом, исторические события, начавшиеся 21 июня свержением фашистского правительства и созданием антифашистского демократического правительства, уже через месяц привели к коренному преобразованию государственного строя Эстонии, к смене буржуазного строя советским. По своему содержанию это была социалистическая революция, осуществленная рабочим классом в союзе с трудовым крестьянством, под руководством

коммунистической партии. Своеобразными чертами этой революции, обусловленными конкретной внешней и внутриполитической обстановкой, было отсутствие вооруженной борьбы за власть и использование буржуазных конституционных форм.

Причины, обусловившие мирное развитие революции. Из причин, определивших мирное развитие социалистической революции, а также относительно легкую победу народа в революции, следует отметить следующие главные причины.

В сознании рабочего класса прочно жили идеи Советской власти, которая была установлена в Эстонии еще в дни Великой Октябрьской социалистической революции. Рабочий класс Эстонии не примирился с реставрацией капитализма и все годы господства буржуазии вел активную борьбу за восстановление Советской власти. Борьба рабочего класса оказывала революционизирующее влияние на все слои трудящихся.

Трудящихся Эстонии в борьбе с капитализмом вдохновлял великий пример Советского Союза, народы которого отстояли завоевания Октября и построили социализм.

В Эстонии, как и в других прибалтийских странах, для победы революции на рубеже 30—40-х годов сложилась исключительно благоприятная международная обстановка. В результате обострения империалистических противоречий, а также благодаря последовательной внешней политике Советского Союза, направленной на укрепление мира и безопасности народов, прибалтийские страны оказались в состоянии изоляции от основных сил международного империализма и превратились в слабое звено в мировой капиталистической системе.

Эстонский рабочий класс имел перед собой сравнительно слабого противника. Эстонская буржуазия, обладавшая относительно небольшим политическим опытом, привыкшая опираться на иностранную поддержку, в 1940 году оказалась в состоянии растерянности. Она переоценила антисоветские возможности империалистического лагеря, недооценила противоречия между отдельными империалистическими группировками, была деморализована стремительным ходом событий. Авантюристическая, антинациональная политика буржуазии, ее ориентация на войну дискредитировали фашистскую диктатуру и сузили ее социальную базу.

В Эстонии находились советские воинские части. Они строго придерживались данных им указаний не вмешиваться во внутренние дела Эстонии. Однако сам факт их пребывания здесь удерживал буржуазию от применения оружия против народа. Растерянность и слабость буржуазии и наличие в Эстонии частей Советской Армии избавили эстонский народ от гражданской войны.

Эти обстоятельства объясняют, почему в Эстонии в 1940 году идея восстановления Советской власти в столь короткие сроки была воспринята подавляющим большинством нации, стала на-

циональной идеей эстонского народа. Народ был к этому подготовлен всей историей последних десятилетий.

Коммунистическая партия Эстонии, творчески использовавшая опыт международного рабочего движения и прежде всего богатый опыт ВКП(б), сумела правильно оценить обстановку и на этой основе выработать правильную тактику. Подняв широкие народные массы на борьбу против фашизма, за национальную независимость, партия объединила социалистические устремления рабочего класса с широким антифашистским движением всех прогрессивных сил народа и привела трудящиеся массы к победе социалистической революции.

§ 3. ПРИНЯТИЕ ЭСТОНСКОЙ ССР В СОСТАВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК. КОНСТИТУЦИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

Принятие Эстонской ССР в состав СССР. В августе 1940 года в Москве была созвана седьмая сессия Верховного Совета СССР первого созыва. На эту сессию прибыла полномочная комиссия Государственной думы Эстонской ССР (Г. Абельс, И. Варес, П. Кээрдо, И. Лауристин, А. Муй, И. Ойнас, Н. Руус, Н. Тиханова и др.), чтобы передать Верховному Совету просьбу эстонского народа о принятии Эстонской ССР в состав Советского Союза.

«Когда Полномочная Комиссия Государственной думы Эстонии, — писала об этом событии «Правда», — вошла вчера в зал заседаний Верховного Совета СССР, неся в руках боевые революционные знамена 1905 и 1917 годов, в памяти всех, кто присутствовал в этот момент в зале, воскресли героические страницы истории храброго и свободолюбивого эстонского народа, боровшегося рука об руку с русским пролетариатом против гнета и произвола помещиков и капиталистов».

Верховный Совет СССР, заслушав 6 августа полномочную комиссию Эстонской ССР, постановил удовлетворить просьбу эстонского народа и принять Эстонскую ССР в качестве равноправной советской социалистической республики в состав Союза Советских Социалистических Республик. Таким образом, Эстония, отторгнутая эстонской буржуазией при помощи иностранных империалистов от Советской России в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны, теперь вернулась в дружную семью советских народов. Все граждане Эстонской ССР, согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 7 сентября 1940 года, приобрели права граждан СССР со дня принятия Эстонской ССР в состав Советского Союза.

На этой же сессии Верховного Совета в состав СССР были приняты Литовская ССР и Латвийская ССР, трудящиеся которых, как и трудящиеся Эстонии, сбросили с себя иго капитализма.

Эстония, Латвия и Литва отныне твердо стали на путь строительства социализма.

Народы прибалтийских советских республик вступили в состав Советского Союза на той стадии его развития, когда социализм в СССР был уже в основном построен. Новые советские граждане — эстонцы, латыши и литовцы — стали на равных правах с другими советскими народами пользоваться результатами этого всемирно-исторического завоевания Советского Союза. Народы Советской Прибалтики включились в ряды активных строителей коммунистического общества. В составе Советского Союза прибалтийским советским республикам были гарантированы быстрый хозяйственный подъем, всесторонний расцвет национальной культуры, победа социализма.

С принятием Эстонской, Латвийской и Литовской Советских Социалистических Республик в состав СССР население Советского Союза увеличилось почти на 6 миллионов человек.

Свержение капитализма в Прибалтике и единодушное решение эстонского, латышского и литовского народов о вступлении в состав СССР вызвало в лагере империализма бешеную злобу. Это решение опрокинуло также расчеты американских и английских империалистов, надеявшихся натравить народы Прибалтики вместе с фашистской Германией на Советский Союз. Поэтому они распространяли самую грязную ложь о Советском Союзе, обвиняя его в захвате Прибалтики. Империалистические державы отказались признать советские правительства Эстонии, Латвии и Литвы. Власти США незаконно задержали золото, купленное еще до вступления прибалтийских республик в состав Советского Союза Государственным банком СССР у банков Литвы, Латвии и Эстонии, препятствовали возвращению в родные порты торговых кораблей прибалтийских республик и т. д. В послевоенные годы империалисты США, не считаясь с волей народов Эстонии, Латвии и Литвы, отвергающих всякое вмешательство иностранных государств в их внутренние дела, неоднократно поднимали шумиху вокруг так называемого «прибалтийского вопроса», призывая к реставрации капитализма в Прибалтике. По закону 1951 года правительство США открыто стало ассигновывать специальные средства для проведения подрывной шпионско-диверсионной деятельности против Советской Прибалтики.

По-иному встретили весть о победе народов прибалтийских стран трудящиеся всего мира. От проживающих в Америке эстонцев, латышей и литовцев уже в начале июля 1940 года поступило приветствие народам Прибалтики. В приветствии говорилось: «Мы разделяем чувства тысячей латышей, эстонцев и литовцев, которые в течение многих лет мечтали, чтобы их родина стала действительно свободной и самостоятельной. Мы глубоко благодарны великому Советскому Союзу и его Красной Армии за помощь, которую он оказал народам Латвии, Эстонии и Литвы в освобождении от режима плутократии». Ткачи Ланкашира писа-

ли: «Передайте народам Литвы, Латвии и Эстонии наш привет! На днях московское радио сообщило о важном событии — об освобождении народов Прибалтики от капиталистического ига. Какое счастье для этих народов!».

Все народы Советского Союза горячо поздравляли новых советских граждан, освободившихся от удушающей петли империализма.

Принятие Эстонской ССР в состав Союза ССР было отмечено по всей Эстонии всенародным торжеством. Повсюду состоялись многолюдные демонстрации и празднества. В Таллине, на демонстрации, рабочие завода «Крулль» несли погребальные носилки, на них был черный гроб, а на крышке цилиндр — все, что осталось от «покойника». На гробу была надпись — «капитализм».

Принятие Конституции Эстонской ССР. Основные положения Конституции. 24 августа открылась вторая сессия Государственной думы Эстонской ССР. На этой сессии по докладу И. Лауристина 25 августа была принята Конституция Эстонской ССР, а сама Государственная дума была переименована в Верховный Совет ЭССР. Председателем Президиума Верховного Совета Эстонской ССР был избран И. Варес.

Согласно Конституции Эстонской ССР, составленной в соответствии с Конституцией СССР, Эстонская Советская Социалистическая Республика есть социалистическое государство рабочих и крестьян. Ее политическую основу составляют Советы депутатов трудящихся, утвердившиеся в результате свержения власти капиталистов и крупных земельных собственников и установления диктатуры пролетариата.

В целях осуществления экономической и политической взаимопомощи, а также взаимопомощи в деле обороны, Эстонская ССР добровольно объединилась на равноправных началах с другими советскими союзными республиками, входящими в состав СССР. При этом объединении Эстонская ССР добровольно передала, как и другие союзные республики, часть своих прав в пределах того минимума, который диктуется общими интересами всех союзных республик, в ведение Союза ССР. К числу вопросов, переданных в ведение общесоюзных органов власти, относятся вопросы организации обороны, вопросы войны и мира, внешней торговли, руководства денежной и кредитной системой и некоторые другие.

Граждане Эстонской ССР избирают своих представителей в состав Верховного Совета СССР — высшего органа государственной власти Советского Союза. Выборы производятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. В Совет Союза депутаты избираются по норме 1 депутат на 300 тысяч человек населения. В Совет Национальностей от Эстонской ССР избирается 25 депутатов, т. е. столько же, сколько от любой из остальных союзных советских республик.

Находясь в составе СССР, Эстонская ССР является суверен-

ным государством. Она сохраняет право свободного выхода из СССР. Она осуществляет государственную власть в пределах эстонской территории самостоятельно, сохраняя верховенство своей власти.

Носителем суверенитета Эстонской ССР является ее народ. Народовластие в Эстонской ССР закреплено статьей 3 Конституции ЭССР, которая гласит: «Вся власть в Эстонской ССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся».

Осуществляется суверенитет Эстонской ССР Верховным Советом ЭССР, являющимся высшим органом государственной власти в республике. Верховный Совет избирается гражданами ЭССР на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании, по норме: 1 депутат на 10 тысяч жителей. Верховный Совет образует правительство, которое подотчетно Верховному Совету.

Суверенитет Эстонской ССР гарантирован ленинской национальной политикой Советской власти, дружбой народов Советского Союза, всей социалистической организацией советского общества. Он гарантирован законодательно Конституцией СССР.

Экономическую основу Эстонской ССР составляет социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства. В Эстонской ССР осуществляется принцип социализма: «От каждого — по его способностям, каждому — по его труду».

Советская Конституция гарантирует всем гражданам Эстонской ССР право на труд, право на отдых, право на образование, право на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности.

Советская Конституция обеспечивает трудящимся Эстонской ССР подлинную свободу слова, печати, собраний и митингов. право объединения в общественные организации. Она ликвидировала всякие национальные ограничения, полностью уравняла всех трудящихся перед законом.

В Конституции Советской Эстонии были учтены местные особенности и своеобразие республики. Эстонская ССР только что встала на путь строительства социализма и ее экономика значительно отличалась от экономики тех союзных республик, где социализм был уже построен. Соответственно с этим в Конституции ЭССР было зафиксировано, что наряду с социалистической системой хозяйства допускаются мелкие частные промышленные и торговые предприятия; поскольку сельское хозяйство Эстонской ССР тогда не было коллективизировано, то Конституция ЭССР закрепляла землю за единоличными крестьянскими хозяйствами в установленных законом пределах. Уничтожение эксплуатации человека человеком и построение социалистического общества фиксировались в Конституции еще только как цель. Впоследствии, в связи с изменениями, происходившими в эконо-

мике и общественной жизни республики, Верховный Совет ЭССР вносил соответствующие изменения и в Конституцию.

Конституция Эстонской ССР законодательно закрепила победу рабочего класса Эстонии над капитализмом. Заветная мечта эстонского народа стала действительностью.

Советская Конституция законодательно закрепила и руководящую роль Коммунистической партии в Советском социалистическом государстве, которая выражает классовые интересы всего советского общества — рабочих, крестьян и интеллигенции.

§ 4. ПЕРВЫЕ ШАГИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Создание советского государственного аппарата. В результате победы социалистической революции была установлена диктатура пролетариата. В ходе ее установления была сломана буржуазная государственная машина — орудие господства буржуазии над трудящимися. Трудовой народ создал теперь свой, советский государственный аппарат. Без этого невозможно было подавить сопротивление свергнутых эксплуататоров, сохранить завоевания революции и обеспечить необходимые условия для строительства коммунизма.

25 августа 1940 года Верховный Совет Эстонской ССР утвердил состав нового, советского правительства, которое возглавил И. Лауристин. Вся власть на местах была передана трудящимся. Деятельность городских, волостных и уездных дум была прекращена, их обязанности временно были возложены на городские, уездные и волостные правления. Прежние волостные старшины, их помощники, городские головы и советники и т. п. были отстранены от дел. На руководящие должности в государственном аппарате были выдвинуты представители трудящихся. В январе 1941 года Президиум Верховного Совета Эстонской ССР издал указ об образовании Исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся в городах, уездах и волостях. Проведению выборов в местные Советы помешало нападение фашистской Германии на СССР в 1941 году.

Буржуазная армия была ликвидирована. Эстонские советские воинские части были сформированы на тех же принципах, на которых была построена Советская Армия. В августе 1940 года эти воинские части вошли в состав Советской Армии. В сентябре 1940 года была ликвидирована буржуазная полиция и создана Рабоче-крестьянская милиция. В ноябре был издан указ об упразднении старой судебной системы и о создании нового, народного суда. На территорию Эстонской ССР было временно распространено уголовное, гражданское и трудовое законодательство РСФСР.

Национализация крупной собственности и начало технической реконструкции промыш-

ленности. Одновременно с созданием нового государственного аппарата Советская власть проводила национализацию банков, фабрик, заводов, транспорта, торговых предприятий, крупных жилых домов и т. д. Бывшие собственники пытались всячески препятствовать проведению национализации, старались обмануть трудовой народ. Так, они нередко выдавали фиктивные векселя своим родственникам и знакомым, и те предъявляли их к оплате, ссылаясь на закон, по которому национализированные предприятия брали на себя прежние долги и обязательства. Трудящиеся разоблачали эти махинации классовых врагов. К началу 1941 года были национализированы все банки, более 900 промышленных предприятий, около 400 торговых предприятий (из общего количества 9800) и 9200 домов (что составляло менее 30 процентов городских домов, но около 50 процентов всей жилплощади в городах). К управлению национализированными предприятиями были привлечены тысячи представителей рабочего класса и трудовой интеллигенции.

Советская власть с первых же дней приняла меры к тому, чтобы пустить в ход ранее бездействовавшие промышленные предприятия. Ряд заводов и фабрик стал работать в 2 и 3 смены. Началась реконструкция промышленных предприятий на основе новой техники, поступившей из братских советских республик.

Количество рабочих в промышленности к концу 1940 года увеличилось на 23 тысячи человек. Безработица была полностью ликвидирована, в ряде отраслей промышленности ощущалась даже нехватка рабочей силы. Эта нехватка была в известной степени ликвидирована за счет направления на работу в Эстонию специалистов из других советских республик. Так, например, в помощь коллективу Кренгольмской мануфактуры прибыло 34 инженера, группа механиков и около 100 опытных ткачей.

Эстонская ССР осуществляла индустриализацию в иных условиях, нежели те советские республики, которые значительно раньше начали строить социализм. Ей не надо было развивать все отрасли промышленности, как это было абсолютно необходимо для Советского Союза в целом, который впервые в мире, в условиях капиталистического окружения, полагаясь только на собственные силы, осуществлял строительство социализма. Победа социализма в Эстонии обеспечивалась не только ее собственной индустриальной базой, но главным образом всей экономической мощью Советского Союза. Это обстоятельство определило и характер индустриализации Эстонской ССР. Исходя из интересов как самой Эстонии, так и Советского Союза в целом было решено развивать в Эстонской ССР те отрасли тяжелой и легкой промышленности, для которых здесь имелись наиболее благоприятные условия. В соответствии с этим план развития народного хозяйства Эстонской ССР на 1941 год предусматривал особенно быстрое развитие сланцевой и торфяной промышленности, увеличение производства строительных материалов, развитие машино-

строительной, текстильной и пищевой промышленности, а также полное использование имеющихся производственных мощностей.

Большое значение для развития местной промышленности имело постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 9 января 1941 года об увеличении производства товаров широкого потребления из местного сырья. Только в Таллине с февраля по май 1941 года было пущено в ход 31 предприятие местной промышленности.

К концу 1940 года предприятия государственной и кооперативной промышленности давали уже свыше 98 процентов всей промышленной продукции республики. Уровень промышленного производства в целом по республике за первый год Советской власти вырос на 63 процента.

К концу 1940 года частник был полностью вытеснен из оптовой торговли. В розничном товарообороте доля частных торговцев составляла в июне 1941 года около 10 процентов.

Советская земельная реформа. За счет излишков земель хозяйств кулаков и других крупных земельных собственников, за счет хозяйств тех, кто сдавал землю в аренду, сам не занимаясь ее обработкой, а также за счет государственных, церковных, монастырских земель был создан специальный государственный земельный фонд. 53 тысячи батраков, бедняков, а также некоторая часть середняков получили из этого фонда более 550 тысяч гектаров земли. Было создано 26,5 тысячи новых крестьянских хозяйств. Новоземельцы — так называли крестьян, получивших землю в результате советской земельной реформы, — стали прочной опорой Советской власти в деревне.

Кулаки препятствовали проведению земельной реформы, пытаясь сохранить прежние размеры своих земель. Они прибегали ко всевозможным ухищрениям, в частности к фиктивным разделам с родственниками и т. п. Органы Советской власти и трудовое крестьянство давали отпор этим попыткам кулачества.

Вдобавок к бесплатно переданной земле Советское правительство выдало батракам и беднякам долгосрочные кредиты на хозяйственное строительство, покупку инвентаря, на обзаведение тягловым и продуктивным скотом и т. д. С 1 ноября 1940 года по 1 июня 1941 года около 40 тысячам крестьянских хозяйств было выдано 22,6 миллиона рублей ссуды, из них 19,5 миллиона рублей долгосрочной ссуды. В начале 1941 года более 12 600 хозяйств новоземельцев были бескоровными. В результате помощи, оказанной им Советской властью, к июню 1941 года бескоровность была почти полностью ликвидирована.

Трудовое крестьянство было освобождено от уплаты долгов по выкупным платежам, связанным с проведением буржуазной аграрной реформы. С трудовых крестьян были сложены недоимки по всем налогам, сборам и штрафам. Кроме того, была погашена задолженность крестьян Сельскохозяйственному банку. Советская власть избавила крестьян от расходов на покупку и аренду земли.

В эстонской деревне было создано 25 машинно-тракторных станций и более 250 коннопрокатных пунктов, которые оказывали трудовому крестьянству большую помощь. Из братских республик было завезено много новых тракторов (для овладения этой техникой на специальных курсах было подготовлено около 1000 трактористов) и сельскохозяйственных машин, а также дешевого минерального удобрения. Правительство СССР отпустило в апреле 1941 года для нужд эстонского крестьянства 30 миллио-

Перестановка межевых знаков в связи с проведением советской земельной реформы.

нов рублей кредита. На проведение весеннего сева бедняцким хозяйствам было выделено 3 тысячи тонн семенного зерна, 800 центнеров семян многолетних трав, 320 центнеров семян корнеплодов и овощных культур. В течение первого года существования Советской власти сельское хозяйство Эстонской ССР получило от Советского правительства помощь на общую сумму около 230 миллионов рублей. Эти мероприятия Советской власти значительно способствовали улучшению материального положения эстонских крестьян и укрепляли союз рабочего класса и трудящегося крестьянства. Тем самым подрывались также экономическая сила и позиции кулачества.

В первый же год Советской власти в Эстонской ССР началось создание государственных сельскохозяйственных предприятий.

Было организовано 113 совхозов. Крестьяне знакомились с работой МТС, совхозов, с опытом колхозов в братских республиках. Среди эстонского крестьянства стала распространяться идея коллективизации.

Повышение материального уровня трудящихся. Перевод промышленности на социалистические рельсы, а также помощь, оказанная Правительством Советского Союза Эстонской ССР, позволили СНК ЭССР и ЦК КП(б) Эстонии осуществить ряд мер, направленных на улучшение материального положения рабочих и служащих. В августе была повышена зарплата рабочим и инженерно-техническому персоналу. С 16 сентября была повышена зарплата рабочим и служащим государственных предприятий и советских учреждений (до 40—45 процентов). Оплата труда женщин уравнивалась с оплатой труда мужчин. В ноябре нормы заработной платы были подняты до уровня норм зарплаты, существовавших в остальных союзных республиках. Значительно были снижены квартирная плата, плата за коммунальные услуги и т. д. Семьи рабочих, ютившиеся в подвалах и на чердаках, переселялись в квартиры, отнятые у буржуазии. Постановлением правительства республики от 13 марта 1941 года под санатории, дома отдыха, пионерские лагери, детские сады и ясли было передано 131 помещение. В ноябре были введены государственное страхование и бесплатная медицинская помощь. Советская власть открыла 8 новых поликлиник и 24 амбулатории, основала противотуберкулезный диспансер; значительно расширилась сеть врачебно-консультационных пунктов. Многодетным матерям, ветеранам революционного движения, инвалидам труда, престарелым трудящимся государство стало выплачивать пособия. 25 ноября 1940 года была введена советская валюта. Переход на стабильную советскую валюту способствовал быстрому укреплению хозяйственного положения молодой советской республики, а также улучшению материального положения трудящихся.

Начало культурной революции. Советское правительство и Коммунистическая партия уделяли большое внимание развитию эстонской — национальной по форме, социалистической по содержанию — культуры. В первые же месяцы после восстановления Советской власти была создана новая, советская печать, что обеспечило трудящимся свободу печати, гарантируемую Советской Конституцией. Кроме газет «Рахва Хяэль», «Коммунист» и «Трудовой путь» стали издаваться газеты «Ноорте Хяэль» («Голос молодежи»), «Талурахва Хяэль» («Голос крестьянства»), «Ныукогуде Ыпетая» («Советский учитель»), газета творческих союзов «Сирп я Вазар» («Серп и молот») и др. Из новых журналов наиболее крупными являлись «Большевик», литературный журнал «Вийснурк» («Пятиконечная звезда»), «Ныукогуде Культуур» («Советская культура»), «Найстёэлине» («Работница»), «Пионер». В начале 1941 года в Эстонии издавалось 20 газет (общим тиражом 222 тысячи экземпляров) и 36 журналов (общим

тиражом 233 тысячи экземпляров). Трудящиеся массы активно содействовали развитию своей печати. Корреспондентский актив, например, газеты «Ноорте Хяэль» с февраля по май 1941 года вырос в 3 раза.

С восстановлением Советской власти была введена единая школа, установлена советская система обучения, направленная на воспитание учащихся в духе коммунизма. Срок обязательного начального обучения был удлинен. Во всех школах было введено изучение русского языка. Студенты из числа трудящихся стали получать стипендии за счет государства. В результате этого резко увеличилось количество учащихся. В буржуазной Эстонии почти все средние школы находились в городах, из них около половины в Таллине и Тарту. Правительство СССР выделило средства на строительство 20 школьных зданий в сельской местности. В неполных средних школах в Эстонской ССР было открыто 111 новых классов.

Советская власть принимала меры к тому, чтобы достижения передовой советской науки и культуры стали доступны всему эстонскому народу. На эстонский язык переводились и издавались большими тиражами труды классиков марксизма-ленинизма, лучшие произведения советских писателей и работы ученых. Трудящиеся массы проявляли большой интерес к советской культуре братских народов, к теории марксизма-ленинизма и героической истории Коммунистической партии Советского Союза, к изучению русского языка. В Таллине и Тарту в 1940 году были открыты вечерние университеты марксизма-ленинизма. В Таллине, Тарту, Нарве, Раквере, Куressaare, Вильянди и Петсери начали работать совпартшколы. Свыше 10 тысяч человек обучалось в политкружках.

Трудовая интеллигенция освободилась от капиталистического рабства. Ей не надо было больше унижать себя службой на буржуазию, годами искать работу, как это было в недавнем прошлом. Для подготовки национальных кадров ученых при высших учебных заведениях была основана аспирантура. При Тартуском университете был создан научно-исследовательский институт.

Были заложены основы советских творческих организаций — союзов советских писателей, художников, композиторов Эстонии.

Интеллигенция Советской Эстонии, овладевая основами марксистско-ленинской науки, используя опыт и достижения передовой советской культуры и все лучшее из культурного наследия прошлого, начала плодотворно работать.

В истории эстонской советской литературы и искусства 1940—1941 годы явились годами коренного перелома.

Деятели пролетарской культуры могли теперь открыто публиковать свои произведения. Мадарик (И. Лауристин) подготовил к печати первую часть своего романа «Республика». (Тираж этой книги, однако, был уничтожен вторгшимися в Эстонию в 1941 году немецкими оккупантами.) Бывшая политкаторжанка Л. Паркер

опубликовала ряд стихов («Осень в тюрьме», «Фабрика и тюрьма», «Письмо к подруге»). На страницах газет и журналов появились воспоминания старых революционеров.

Демократические деятели эстонской национальной культуры становились на позиции пролетариата и овладевали методом социалистического реализма — методом правдивого, исторически конкретного изображения действительности в ее революционном развитии.

Заметных успехов добились поэты. Ю. Сютисте опубликовал в 1940 году поэму «Земля поворачивается на восток», в которой с большой художественной силой описал борьбу эстонского народа за новую жизнь летом 1940 года. В начале следующего года Сютисте опубликовал лирическое, глубоко эмоциональное стихотворение «Грузии». Основная идея этого стихотворения — идея дружбы советских народов. Ряд стихотворных произведений, отражавших борьбу эстонского народа за новую жизнь, опубликовали И. Барбарус («Новая песня», «На новых путях», «Переоценка», «Домовые»), М. Рауд («Октябрь», «Новая весна»), Я. Кярнер («Приветствие», «На митинге», «История партии», «Единство») и др.

Ю. Сютисте.

Проза в этот период была представлена в основном новеллами и рассказами А. Якобсона, А. Хинта и др.

В народе широко распространились песни композиторов И. О. Дунаевского, А. В. Александрова. Особенно популярной стала песня «Широка страна моя родная». Появились и первые эстонские советские песни — «Песня молодежи» В. Реймана и др.

Новую жизнь запечатлевали на своих полотнах художники. Среди произведений художников выделялась композиция Иохани «Демонстрация 21 июня 1940 года в Тарту», оставшаяся, к сожалению, незавершенной.

Первую советскую пьесу в Эстонии — «Меч в воротах», рассказывающую об эстонских революционерах, узниках буржуазных застенков, и об их освобождении народом в дни свержения фашистской диктатуры, написал М. Рауд.

В первый год Советской власти было создано около 30 кино-

журналов «Советская Эстония» и документальный фильм «Эстония». Эти фильмы отражали процесс начавшегося социалистического строительства.

Овладение мастерами эстонской культуры методом социалистического реализма требовало времени, сопровождалось творческими поисками, борьбой с буржуазно-националистической идеологией, формализмом и эстетизмом. Но шли они верным путем и уже за первый год Советской власти добились заметных успехов в развитии эстонской советской культуры.

А. Иохани.

IV съезд Коммунистической партии Эстонии. Трудящиеся массы, воодушевленные значительными успехами Советской власти, все теснее сплачивались вокруг Коммунистической партии. Рабочий класс активно включился в строительство социализма. Широко развернулось социалистическое соревнование, ударничество, стахановское движение. За рабочим классом в строительство социализма все шире втягивалось и трудовое крестьянство — уже в 1940 году было организовано, по настойчивым просьбам крестьян, несколько колхозов. Продолжала расти политическая активность трудящихся масс. Число членов профсоюзов за первый год Советской власти увеличилось с 20 до 185 тысяч. Во много раз увеличились ряды партийной организации республики. К февралю 1941 года в рядах ЛКСМЭ насчитывалось уже около 5700 человек, в июне того же года — около 9 тысяч человек. Свою политическую активность трудящиеся продемонстрировали 12 января 1941 года на выборах депутатов от Эстонской ССР в Верховный Совет СССР. Трудящиеся единодушно голосовали за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, показав тем самым, что они полностью поддерживают политику Коммунистической партии и Советского правительства.

8 октября 1940 года решением ЦК ВКП(б) Коммунистическая партия Эстонии была принята в состав ВКП(б) как одна из ее организаций.

5—11 февраля 1941 года работал IV съезд Коммунистической партии Эстонии. Это был первый легальный съезд коммунистов

Эстонии. На нем было представлено 2089 членов и кандидатов в члены партии.

Съезд подвел итоги многолетней борьбы эстонской коммунистической организации за Советскую власть и первых шагов социалистического строительства в Эстонской ССР. Съезд констатировал, что коммунистическая организация Эстонии тесно сплочена вокруг ЦК ВКП(б).

IV съезд Коммунистической партии Эстонии определил дальнейшие задачи республиканской партийной организации по социалистическому строительству и коммунистическому воспитанию трудящихся.

Сопротивление свергнутых эксплуататоров. Успехи Советской Эстонии вызвали яростное сопротивление свергнутых эксплуататоров. Они всячески мешали трудящимся строить социализм, распространяли клевету на Советскую власть, разжигали националистические предрассудки среди политически отсталой части населения. Эти враги трудящихся в подполье собирали свои силы. Одна из националистических шпионских организаций, как потом сообщалось в эстонской белоэмигрантской печати, была создана в ноябре 1940 года. Будучи бессильны открыто выступать против трудящихся, враждебные элементы возлагали надежды на иностранных империалистов. По указке империалистических разведок буржуазные националисты занимались шпионажем в пользу врагов Советского Союза. Они убивали из-за угла советских и партийных работников, батраков и бедняков, получивших от Советской власти землю, советских военнослужащих.

Весной 1941 года органы государственной безопасности раскрыли несколько гнезд гитлеровских шпионов и диверсантов. Советская власть была вынуждена принять меры к пресечению этой враждебной деятельности. За неделю до нападения фашистской Германии на СССР часть прежних реакционных деятелей, капиталистов и других враждебных Советской власти элементов была выслана из Эстонской ССР. Согласно данным, опубликованным в буржуазно-националистической печати в период немецко-фашистской оккупации, среди высланных, например, из Пярнуского уезда, активные деятели контрреволюционных националистических и белогвардейских организаций и члены их семей составляли около 40 процентов, руководящие и особо скомпрометировавшие себя деятели прежней охранки, жандармерии, полиции и члены их семей — около 17 процентов, бывшие крупные землевладельцы, промышленники, руководящие деятели буржуазного государства и члены их семей — около 28 процентов, скомпрометировавшие себя своей антинародной деятельностью офицеры буржуазной армии и члены их семей — около 7 процентов, остальные — уголовники и проститутки, отказавшиеся после восстановления Советской власти заниматься общественно-полезным трудом.

Это принудительное переселение, ввиду угрозы войны, было

проведено спешно. Поэтому здесь были допущены некоторые промахи. Не все лица, явно занимавшиеся контрреволюционной деятельностью, были высланы, в то же время переселению подверглись и кое-кто из тех, чье поведение не требовало применения таких мер. Однако в целом это мероприятие, как вскоре подтвердили события, диктовалось суровой необходимостью и было проведено в интересах эстонского народа. Гитлер, начав войну против СССР, не смог использовать высланные из Эстонии антинародные элементы в своих интересах. В послевоенный период Советская власть разрешила бóльшей части высланных в 1941 году вернуться в Эстонию.

*

В 1940 году трудящиеся Эстонии при помощи великого Советского Союза победили капитализм политически. Трудящиеся разбили хозяйственную мощь капитализма в Эстонии и приступили к строительству социализма. В социалистическом переустройстве Эстонии были достигнуты уже в первые месяцы Советской власти значительные успехи. Из отсталой, бесправной полуколонии иностранных империалистов Эстония превратилась в свободную, равноправную республику Союза ССР. Коммунисты Эстонии, вооруженные решениями IV съезда КП(б) Эстонии и XVIII Всесоюзной партийной конференции, состоявшейся в середине февраля 1941 года, руководили борьбой трудящихся за социалистическое переустройство республики.

В своей борьбе за торжество социализма в республике эстонский народ получал неоценимую помощь от братских советских народов и прежде всего от великого русского народа.

Успешная работа по социалистическому переустройству Эстонии была прервана нападением фашистской Германии на Советский Союз.

Глава XIV

ЭСТОНСКИЙ НАРОД В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

(июнь 1941 — 1945)

§ 1. БОРЬБА С ГИТЛЕРОВЦАМИ НА ТЕРРИТОРИИ СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ В 1941 ГОДУ

Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз. Гитлеровцы, добиваясь распространения господства германского империализма на весь мир, поработили к началу лета 1941 года целый ряд народов Европы.

22 июня 1941 года фашистская Германия без объявления войны напала на СССР, вероломно нарушив существовавший между Советским Союзом и Германией пакт о ненападении. В союзе с Германией вступили в агрессивную войну против Советского Союза Италия, Финляндия, Румыния и Венгрия. Германии помогали франкистская Испания и Болгария. Вражеские армии, численностью в 190 дивизий, начали наступление на фронте огромной протяженности — от Баренцова до Черного моря.

Фашистская Германия, используя вооружение, промышленность, людские и материальные ресурсы порабощенных и зависимых от нее стран, имела на фронте в момент нападения на СССР значительный перевес в силах. Гитлер надеялся «покончить» с Советским Союзом в течение полутора-двух месяцев — «молниеносно». Однако эти надежды Гитлера не оправдались.

Советская внешняя политика сумела предотвратить создание единого фронта капиталистических государств против СССР. Правительство Англии, а позднее и США, в силу противоречий империалистического мира и под давлением общественного мнения в своих странах, были поставлены перед необходимостью создания англо-советско-американской коалиции. Однако основная тяжесть войны с гитлеровской Германией и ее союзниками пришлась на Советский Союз.

Начавшаяся война советского народа против фашистской Германии и ее союзников была самой тяжелой из всех войн, пережитых нашей родиной. Гитлеровцы задались целью уничтожить Со-

ветское государство — государство рабочих и крестьян, созданное в результате победы Великой Октябрьской революции. Над Советским Союзом нависла серьезная опасность.

Указами Президиума Верховного Совета СССР 22 июня 1941 года была объявлена мобилизация военнообязанных по 14 военным округам и введено военное положение в европейской части страны. Для организации всех сил страны на борьбу с врагом 30 июня по решению ЦК ВКП(б) и правительства СССР был создан Государственный Комитет Обороны, который сосредоточил в своих руках всю полноту власти. Председателем Комитета

KOMMUNIST

Riikliku Kaitsekomitee esimehe
J. V. Stalini raadiokõne

Газета «Коммунист» от 4 июля 1941 г.

был утвержден И. В. Сталин. Центральный Комитет партии направил членов ЦК, а также выдающихся военачальников на решающие участки тыла и фронта, где они своей организаторской, политической, хозяйственной и военной работой, вместе с местными партийными и советскими организациями помогали советскому народу ковать победу над врагом. Политбюро ЦК ВКП(б) на заседании 29 июня разработало программу мобилизации всех сил народов СССР на отпор врагу. По поручению Центрального Комитета партии И. В. Сталин 3 июля 1941 года выступил с речью по радио с призывом к народу напрячь все силы для разгрома врага.

Советский Союз в момент нападения Германии не был готов к войне. И. В. Сталин, возглавлявший Советское правительство, допустил просчет в оценке международной обстановки. Советская Армия не была к началу войны отмобилизована, войска не были в достаточной степени стянуты к границе и развернуты для боевых действий. Промышленность СССР только частично начала

переход на военные рельсы. Все это привело к тому, что вражеские армии, имея на фронте превосходство в силах и опыт ведения современной войны, вынудили Советскую Армию отступать. Но отступая, советские войска оказывали врагу ожесточенное сопротивление. Одновременно в стране шла мобилизация военнообязанных. Десятки и сотни тысяч людей добровольцами вступали в народное ополчение, формируемое в городах и областях прифронтовой полосы. На территориях, временно захваченных вра-

Добровольцы направляются на мобилизационный пункт.

гом, начали действовать партизанские отряды. Народное хозяйство СССР быстро перестраивалось в соответствии с нуждами военного времени.

Советские народы, тесно сплоченные вокруг Коммунистической партии и Советского правительства, решительно поднялись на Великую Отечественную войну.

Борьба с немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками на территории ЭССР в 1941 году. Призыв Коммунистической партии к развертыванию всенародной борьбы против фашистских захватчиков вызвал в Эстонской ССР патриотический подъем трудящихся. На заводах и фабриках резко повысилась производительность труда. В военкоматы поступила масса заявлений трудящихся с просьбой немедленно отправить их на фронт. Мобилизованных в армию мужчин

заменяли на производстве женщины, пенсионеры возвращались на работу.

Партийные организации республики провели мобилизацию своих членов. Был создан Республиканский Комитет Обороны, а в уездах — соответствующие уездные комитеты. В их задачу входило осуществление мероприятий по мобилизации сил эстонского народа для борьбы с врагом. Работу комитетов обороны возглавили коммунисты. Таллинский городской комитет партии организовал для выполнения наиболее важных заданий особую партийную группу в составе до 200 коммунистов, а также агитколлектив из 60 коммунистов, члены которого вели среди населения разъяснительную работу.

В первые же дни войны началось формирование народного ополчения (истребительных батальонов, а несколько позднее — и рабочих полков). Только на материковой части Эстонской ССР было сформировано на добровольных началах 16 истребительных батальонов. Они комплектовались из коммунистов, комсомольцев и беспартийного актива. По решению Таллинского и Нарвского городских комитетов партии и Центрального Совета профессиональных союзов Эстонии были сформированы Таллинский и Нарвский добровольческие рабочие полки.

Враг всячески препятствовал мобилизации сил эстонского народа. Эстонская буржуазия сохранила часть своих сил. С первых же дней войны они с помощью забрасываемых гитлеровцами парашютистов и специально подготовленных диверсионных групп, по указке фашистского командования, развернули антинародную деятельность. Буржуазные элементы распускали различные провокационные слухи, чтобы посеять неуверенность среди населения. Боясь выступить открыто, они скрывались в лесах и по-разбойничьи, из-за угла нападали на советских воинов, убивали мирных граждан, особенно советских активистов. Бандиты не щадили ни женщин, ни детей. Бандитизм принял довольно широкие размеры. Организаторам бандитских шаек при помощи самой разнузданной националистической демагогии удавалось порой заманивать в свои сети и политически отсталые элементы трудящихся классов. Истребительные батальоны, поддерживаемые народом, вели борьбу против бандитизма. Остатки бандитских отрядов влились позднее в гитлеровскую армию.

Части германской 18-ой армии (из группы армий «Норд») вторглись на территорию Эстонской ССР с юга 7 июля 1941 года. 10 июля их продвижение было приостановлено частями Советской Армии на рубеже, проходящем севернее Пярну—Тарту. В Мярьямаа, Пыльтсамаа и других местах враг был вынужден отступить.

В этих боях самоотверженно сражались и батальоны эстонского народного ополчения. Геройский подвиг совершил боец одного из тартуских батальонов народного ополчения Карл Кангур. Отражая многочисленные атаки врага на мост у устья реки Вяйке-Эмайыги, пулеметчик Кангур был ранен. Но он продолжал

вести огонь. Когда кончились патроны, Кангур взорвал себя и приблизившихся врагов последней гранатой. Пулеметчик украинец Николай Коломиец, рискуя жизнью, пробрался в критический момент боя на самый опасный и решающий участок и начал косить пулеметным огнем цепи наступающего противника. Комсомолец Коломиец отразил атаку противника и помог своим эстонским собратьям по оружию занять более удобные позиции.

Приостановка наступления врага была использована для дальнейшей мобилизации сил трудящихся республики на решительный отпор врагу. 20 июля на не занятой врагом территории была объявлена мобилизация военнообязанных 1907—1918 годов рождения, а 9 августа — военнообязанных 1896—1906 и 1919—1922 годов рождения. Тысячи людей строили оборонительные сооружения. Шла эвакуация наиболее ценного оборудования предприятий, сырья, зерна и промышленных товаров. В Ленинград и в другие более отдаленные районы страны было эвакуировано из Эстонской ССР материальных ценностей на сумму свыше 600 миллионов рублей. Одновременно производилась эвакуация женщин, детей, стариков. На предприятиях Таллина был налажен выпуск минометов и мин, ремонтировались танки, орудия, пулеметы. За короткое время рабочие совместно с балтийскими моряками построили 4 бронепоезда. Трудящиеся посылали подарки воинам Советской Армии, организовали сбор средств в государственный фонд обороны.

Поэты и писатели пламенными словами вдохновляли народ на борьбу с врагом.

«К оружию народ! Под боевое знамя!
Победную борьбу закончим поскорей!» —

призывал М. Рауд. Театр «Эстония» организовал 10 фронтовых бригад и дал за первый месяц войны в воинских частях, госпиталях и на оборонительных работах свыше 50 концертов. Многие деятели эстонской культуры вступили в народное ополчение.

Гитлеровцы, перегруппировав свои войска и перебросив в Эстонию дополнительно три пехотные дивизии, в конце июля снова перешли в наступление. Части Советской Армии и батальоны народного ополчения оказывали им упорное сопротивление. Они неоднократно переходили в контратаки, выбивали гитлеровцев из захваченных пунктов. Однако превосходство сил на фронте, особенно в части техники, было на стороне врага. 7 августа фашистским войскам удалось выйти на побережье Финского залива в районе Кунда, расчленив силы обороняющихся на две части. Одна группа советских войск отходила к Нарве, а другая, поддерживаемая кораблями и частями Балтийского флота, концентрировалась в районе Таллина.

Бои за Таллин начались 19 августа. Решающую роль в обороне Таллина сыграл Краснознаменный Балтийский флот. Мо-

ряки отважно били фашистов на море и на суше. 19 августа в боях на подступах к Таллину геройский подвиг совершил матрос Балтийского флота комсомолец Евгений Никонов. Находясь в разведке, Никонов был тяжело ранен, и фашисты захватили его в плен. Стремясь получить сведения о войсках, обороняющих Таллин, фашисты долго пытали Никонова. Но советский воин, выполняя свой долг, остался верен Родине и военной присяге. Гитлеровцы, привязав Никонова к сосне, сожгли его живым. Именем Евгения Никонова по окончании Великой Отечественной войны была названа одна из улиц Таллина, в городском парке Кадриорг герою-балтийцу был воздвигнут памятник. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Е. Никонов.

Фашистские войска, невзирая на большие потери, упорно продвигались вперед. 21 августа разгорелись горячие бои уже на непосредственных подступах к городу. Корабли Балтийского флота вели интенсивный огонь по противнику, советские летчики били его с воздуха. 24 августа враг сделал несколько попыток прорваться в город, но эти атаки были отбиты. Фашистское командование бросило в бой новые силы. 25—26 августа бои развернулись в пригородах. В результате артиллерийского обстрела и налетов авиации противника в городе возникли пожары. 27 августа в бой вступил Таллинский рабочий полк под командованием ветерана гражданской войны К. Кангера. Везде соблюдался образцовый порядок. Рабочие продолжали работу на заводах. Правительство оставалось на месте.

Однако враг одолевал защитников Таллина, несмотря на их мужественное сопротивление. 28 августа советские войска и учреждения были эвакуированы из Таллина по приказу Верховного главнокомандования. Корабли Балтийского флота — свыше 100 боевых кораблей, транспортов и других судов — несмотря на труднейшие условия перехода, отражая почти непрерывные налеты авиации и торпедные атаки противника, с боем прорвались в Кронштадт и доставили туда защитников Таллина. При эвакуации Таллина погибли на боевых постах председатель Совнар-

кома Эстонской ССР И. Лауристин, председатель исполкома Совета депутатов трудящихся города Таллина К. Сеавер, секретарь Таллинского городского комитета партии И. Лаубе.

Более трех недель продолжались ожесточенные бои под Нарвой. Отважно сражался за город и Нарвский рабочий полк, подкрепленный несколькими эстонскими и латышскими батальонами народного ополчения. Позднее этот полк бился с врагом под Кингисеппом (Ленинградская область), несколько раз выбивал противника из захваченных им пунктов.

Борьба с гитлеровскими захватчиками на материковой части Эстонской ССР продолжалась до 31 августа 1941 года, а на островах — Муху, Сааремаа, Хийумаа, Вормси и других — до 6 декабря. Таким образом, бои с гитлеровцами на территории Эстонской ССР длились 5 месяцев.

Упорные бои в Эстонии отвлекли значительную часть гитлеровских войск от Ленинграда, облегчив его защиту. На полях сражений в Эстонской ССР было уничтожено значительное количество живой силы и техники врага.

А. Мери.

В боях за Советскую Эстонию в 1941 году смертью храбрых пала почти половина состава работников партийного аппарата республики.

Из числа командиров и комиссаров народного ополчения выделялись своим мужеством и организаторскими способностями секретарь Центрального Комитета Компартии Эстонии Ф. Окк, капитаны Пастернак и Гончаров, погибшие в боях с врагом в 1941 году. Показали себя умелыми командирами капитан Р. Штокберг (бывший директор завода «Пунане Крулль»), старший лейтенант Э. Костаби и многие другие. В рядах народного ополчения воевали и женщины, которые проявили себя бесстрашными воинами (коммунистки Л. Ангелиус, Э. Пийп и др.).

Воины Эстонского территориального корпуса Советской Армии, сформированного из состава бывшей буржуазной эстонской армии, сражались в 1941 году против гитлеровцев под городами Порхов, Дно, Старая Русса, защищая дальние подступы к Ленинграду. 17 июля вблизи станции Дно фашистским войскам уда-

лось прорваться к штабу эстонской воинской части. Заместитель политрука Арнольд Мери быстро собрал связистов, 12 человек, и организовал оборону штаба. В течение нескольких часов отважная горсточка советских воинов отражала атаки противника. А. Мери был несколько раз ранен, но он продолжал руководить боем. В строю оставались и другие раненые. Враг потерял свыше 30 человек убитыми, но не смог одолеть советских воинов. За проявленный в бою героизм Президиум Верховного Совета СССР присвоил Арнольду Мери — первому из сынов эстонского народа — почетное звание Героя Советского Союза.

§ 2. ФАШИСТСКИЙ РАЗБОЙ. БОРЬБА ТРУДЯЩИХСЯ СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ ПРОТИВ ГИТЛЕРОВСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ НА ВРЕМЕННО ОККУПИРОВАННОЙ ТЕРРИТОРИИ ЭСТОНСКОЙ ССР

Фашистский разбой в Эстонии. Гитлеровские разбойники вторглись в СССР с готовой, подробно разработанной программой. Гитлер инструктировал своих генералов: «Нам недостаточно просто разбить русскую армию и захватить Ленинград, Москву, Кавказ. Мы должны стереть с лица земли эту страну и уничтожить ее народ».

Что касается Эстонии, программа фашистских разбойников предусматривала ликвидацию эстонской национальной государственности, уничтожение эстонской национальной культуры, физическое истребление части эстонского народа и порабощение остальной части. Эстония должна была стать колонией фашистской Германии. В специальной инструкции имперскому уполномоченному «Остланда» (прибалтийских стран и Белоруссии), разработанной одним из ближайших сотрудников Гитлера — министром восточных оккупированных территорий Розенбергом, говорилось, что Прибалтика и Белоруссия должны быть превращены в составную часть фашистской Германии «путем германизации подходящих в расовом отношении элементов, колонизации представителями германской расы и уничтожения нежелательных элементов». В годы войны, по данным иностранной печати, гитлеровцы разрабатывали также план переселения эстонского народа в Карелию, в предположении, что там он будет ассимилирован финнами.

Оккупировав Эстонию, фашисты принялись претворять в жизнь свои чудовищные планы, нарушая самым грубым образом законы и обычаи войны, совершая преступления против человечности и гуманности.

Всю гражданскую власть оккупанты захватили в свои руки. Эстония, включенная в состав созданной гитлеровцами германской колонии «Остланд», была подразделена на 7 округов, во главе которых были поставлены так называемые гебитскомиссары из числа германских офицеров. Во главе Эстонии был поставлен генеральный комиссар — прусский юнкер Лицман, который был

подчинен имперскому комиссару (уполномоченному) прибалтийских стран и Белоруссии, чье местопребывание было в Риге. Оккупанты для видимости создали также так называемую директорию («Самоуправление Эстонии»), в состав которой были назначены ярые буржуазные националисты. Возглавлял «директорию» вапс Х. Мяэ, приехавший в Эстонию в обозе гитлеровской армии. Для обмана населения было объявлено, что «директора» будут ведать отдельными отраслями народного хозяйства. В действительности же «директория» была орудием осуществления фашистского разбоя.

Все советские законы оккупанты объявили недействительными. Официальным языком был провозглашен немецкий язык. Министр восточных оккупированных территорий Розенберг издал в феврале 1942 года закон относительно лиц, не принадлежащих к немецкой национальности; этим законом устанавливалась смертная казнь за всякие насильственные действия против лиц немецкой национальности. Оккупанты пытались ввести для рабочих и служащих Эстонии телесные наказания. Так, в специальной телеграмме из Риги от 28 февраля 1942 года, направленной в управление железных дорог Эстонии, указывалось, что неявка на работу, опоздание, невыполнение приказания и т. д. должны «караться со всей строгостью: в первый раз 15 ударами палкой по обнаженному телу, в повторных случаях 20 ударами палкой по обнаженному телу».

Уже свое вторжение в Эстонскую ССР гитлеровцы ознаменовали массовыми убийствами. Массовое беспощадное уничтожение советских людей продолжалось во все годы оккупации. Фашистские палачи и их пособники — эстонские буржуазные националисты — убили в Эстонской ССР 61 300 мирных жителей и 64 тысячи советских военнопленных. Среди расстрелянных и замученных людей было много женщин, детей, стариков. К началу 1944 года в Эстонии было создано более 20 концлагерей. Только в 3 лагерях в Кивиыли было заключено до 9 тысяч мирных граждан. Фашисты отравляли людей в специально оборудованных для этого автомашинах — «душегубках».

Оккупанты сильно сократили сеть медицинских и профилактических учреждений, в результате чего распространялись заразные болезни — тиф, дизентерия, дифтерит. Гитлеровские врачи часто не лечили, а наоборот, массами уничтожали советских граждан. Например, на заключенных — взрослых и детях — испытывали действие различных ядов, бактерий и вирусов.

Гитлеровцы вывезли в Германию и в другие оккупированные страны большое количество физически здоровых эстонских граждан для работы на положении рабов на военных заводах и для других работ, связанных с военными усилиями Германии. Фашистские власти, в нарушение международного права, насильственно мобилизовывали население оккупированной Эстонии в гитлеровскую армию.

Землю, полученную новоземельцами от Советской власти, гитлеровцы отобрали вместе с урожаем. Имперский комиссар «Остланда» издал распоряжение: «новоселы считаются наемниками хозяев, которым возвращается земля». Оккупанты разрушили совхозы и машинно-тракторные станции. Они вывезли в Германию большое количество тракторов, молотилок, локомобилей и других сельскохозяйственных машин. Беспощадно вырубались леса Эстонии. Продукция сельского хозяйства реквизировалась для нужд немецкой армии и населения Германии. Оккупанты, по их собственным, явно заниженным данным, отобрали у эстонских крестьян 185 тысяч тонн зерна (не считая фуражного), 162 тысячи тонн картофеля, 5,4 тысячи тонн жиров и масла, 332 тысячи голов крупного рогатого скота и телят, 110 тысяч свиней, 78 тысяч овец. Местное же, особенно городское население, сидело на голодном пайке. Например, в Таллине суточная норма хлеба была определена в 285 г, а позднее — в 215 г на человека. Продукция эстонской промышленности также шла на потребности фашистской Германии.

Оккупанты безжалостно разрушали эстонскую культуру, стремились физически уничтожить лучшую часть эстонской интеллигенции. Многие деятели эстонской науки и культуры были брошены в тюрьмы и концентрационные лагери, некоторые из них были расстреляны, другие замучены. Жертвами фашистского террора пали художники А. Иохани, К. Лийманд, Н. Куммитс, А. Лайго, писатель Э. Таммлаан, историк А. Лооринг и многие другие.

«Под свастикой народ объят печалью,
в развалинах блуждает тихий плач», —

писал, задыхаясь в оккупированной Эстонии, Ю. Сютисте. Пытки и истязания в фашистских застенках подорвали здоровье этого талантливого эстонского поэта, умершего в 1945 году.

Свою преступную, разбойничью политику в Эстонии немецкие фашисты осуществляли прежде всего руками местных буржуазных националистов, используя для этого «директорию» и другие антинародные организации, в частности так называемое «омакайтсе» («самозащита»). Члены этой вспомогательной полицейской организации вербовались прежде всего из числа кулаков, остатков городской буржуазии, бывших офицеров эстонской буржуазной армии, членов различных ликвидированных Советской властью националистических организаций и т. п. Оккупанты и их пособники методами принуждения заставляли, особенно в 1943—1944 годах, вступать и честных трудящихся в «омакайтсе». Именно руками буржуазных националистов оккупанты творили самые подлые, самые грязные дела. Гитлеровцы использовали их для несения полицейской службы, они выслеживали и уничтожали советских патриотов, раненых советских воинов, охотились за пар-

тизанами, помогали фашистскому командованию насильственно мобилизовывать эстонцев в гитлеровскую армию (в полицейские батальоны и в так называемый «эстонский легион»), сеяли вражду к другим советским народам, особенно по отношению к русскому народу. Десятки тысяч людей погибли в результате преступной деятельности буржуазных националистов.

Борьба трудящихся Советской Эстонии против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Эстонской ССР. Оккупанты не смогли сломить волю эстонских трудящихся. Лучшие сыны и дочери эстонского народа с оружием в руках продолжали борьбу с гитлеровцами.

Уже в первые дни фашистской оккупации на территории, занятой врагом, стала развертываться партизанская война. В 1942 году в Москве был создан Эстонский штаб партизанского движения, который возглавил секретарь ЦК Компартии Эстонии Н. Каротамм. Штаб объединил действия всех эстонских партизанских отрядов.

В условиях Эстонии, где леса сравнительно невелики и, как правило, хорошо культивированы, прорезаны вдоль и поперек просеками, большим партизанским отрядам действовать было трудно. Кроме того, классовые враги услужливо помогали оккупантам в борьбе против партизан. Поэтому обычно эстонские партизаны действовали сравнительно маленькими группами и отрядами.

В Пярнумаа отличался боевыми успехами действовавший там с 1943 года партизанский отряд под командованием И. Юриссона. Этот отряд пустил под откос 4 вражеских железнодорожных эшелона, взорвал 7 железнодоржных и шоссейных мостов, уничтожил 440 гитлеровских солдат и офицеров. Особенно славился в этом отряде партизан Я. Лейнус, умело применявший свои навыки подрывника каменоломни для взрыва железных дорог и мостов. В Вирумаа действовала партизанская бригада под руководством А. Филлиппова, А. Калласте, Э. Лаузика, Р. Янгирова и Я. Вяльцева, насчитывавшая в своем составе 390 человек. Эта бригада уничтожила 800 гитлеровцев и значительное количество вражеской техники. В Петсеримаа выделялся партизанский отряд Л. Мятинга. Эстонские партизаны действовали также в Ленинградской области и в Белоруссии, сообща с местными партизанами. В Ленинградской области прославился отряд, руководимый «Стариком» — Э. Аартээ. В 1943 году этот отряд принимал участие в составе местной партизанской бригады в разгроме фашистского гарнизона на станции Плюсса. Здесь партизаны уничтожили еще два эшелона с живой силой и техникой врага, взорвали железнодорожный мост. В этом бою особенно отличились эстонские партизаны М. Риканд и Р. Валькман. Гитлеровцы назначили за голову «Старика» большое вознаграждение, но им не удалось расправиться с отважным партизаном.

Эстонские партизаны проявляли в борьбе с врагом образцы самоотверженности и героизма. Партизану А. Трелину были доверены для доставки советскому командованию важные сведения, которые ни в коем случае не должны были попасть в руки врага. Он предусмотрительно привязал их к связке гранат. Враг тяжело

Группа эстонских партизан после получения правительственных наград в 1945 г. Среди награжденных заместитель начальника Эстонского штаба партизанского движения П. Штамм (1), командиры партизанских отрядов И. Юриссон (2), А. Калласте (3), Р. Мельтс (4).

ранил Трелина. Отважный партизан взорвал гранаты. Трелин погиб, но спас жизнь многим советским патриотам, действовавшим в тылу врага.

Советское правительство высоко оценило действия партизан Эстонии, наградив их орденами и медалями. Пятеро эстонских партизан — Э. Аартээ, А. Аварсоо, Р. Валькман, Р. Мельтс и И. Юриссон были награждены орденами Ленина.

Трудящиеся массы Эстонии оказывали партизанам всяческое содействие. Они снабжали партизан нужными им сведениями, продовольствием, укрывали раненых, оказывали помощь советским военнопленным.

Рабочие Эстонии саботировали работу на фабриках и заводах, срывали выполнение заказов гитлеровцев, устраивали дивер-

сии. Трудящиеся крестьяне уклонялись от выполнения продовольственных поставок и других повинностей.

В 1944 году, когда Советская Армия развернула бои за освобождение Эстонской ССР, партизанская борьба против оккупантов, несмотря на все попытки фашистского командования и буржуазных националистов подавить ее, приняла общенародный характер.

Эстонские партизаны уничтожили около 3600 гитлеровцев и их пособников, а также большое количество вражеской военной техники.

Л. Пэрн.

§ 3. УЧАСТИЕ ЭСТОНСКОГО СТРЕЛКОВОГО КОРПУСА В НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЯХ СОВЕТСКОЙ АРМИИ ЗИМОЙ 1942—1943 ГОДА

Создание Эстонского стрелкового корпуса. В декабре 1941 года Государственный Комитет Обороны принял постановление о создании эстонских национальных воинских соединений. В глубоком тылу, на Урале, началось формирование двух стрелковых дивизий и ряда других частей. Они были сформированы из военнослужащих-эстонцев, отозванных из действующих и тыловых частей Советской Армии и военнообязанных из числа граждан, эвакуировавшихся из Эстонии. Члены ЦК КП Эстонии и правительства Эстонской ССР принимали непосредственное участие в формировании эстонских частей. 25 сентября 1942 года обе дивизии были объединены в Эстонский стрелковый корпус, командиром которого был назначен генерал Лембит Пэрн. Значительные заслуги в обеспечении боевой выучки воинов и руководстве боевыми действиями корпуса имели офицеры К. Алликас, К. Ару, И. Ломбак, Г. Кунд, А. Фельдман и многие другие. Большую политико-воспитательную работу среди рядового и офицерского состава корпуса провели политработники. Среди них выделялись Я. Арно, А. Пуста, Н. Пуусепп, А. Рауд, Г. Таальман и целый ряд других.

Коммунистическая партия и правительство СССР создали все условия для формирования боеспособного корпуса. В течение

почти целого года эстонские воины тщательно готовились к предстоящим боям. Инспектируя эстонские воинские соединения в мае 1942 года, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов выразил уверенность, что «эстонские части выполнят возложенные на них задачи, что они будут не только хорошими частями, но и гвардейскими». М. И. Калинин в своем письме воинам Эстонского стрелкового корпуса выразил пожелание, чтобы земляки его юности умело и отважно сражались за освобождение эстонского народа от фашистских оккупантов.

Начало боевой деятельности Эстонского стрелкового корпуса. Советская Армия непрерывно пополнялась людьми и техникой, приобретала опыт ведения современной войны, закалялись ее командиры. Умелое руководство советского командования, героическая борьба Советской Армии и беспримерная доблесть всего советского народа изменили в ходе войны соотношение сил в пользу СССР. Это дало возможность Советской Армии перейти в наступление против немецко-фашистской армии.

Гитлеровские войска потерпели поражение в гигантских сражениях под Москвой и Сталинградом. Блестящая победа Советской Армии под Сталинградом имела всемирно-историческое значение. 1943 год стал годом коренного перелома в ходе войны. Советская Армия освободила до двух третей временно захваченной врагом советской земли.

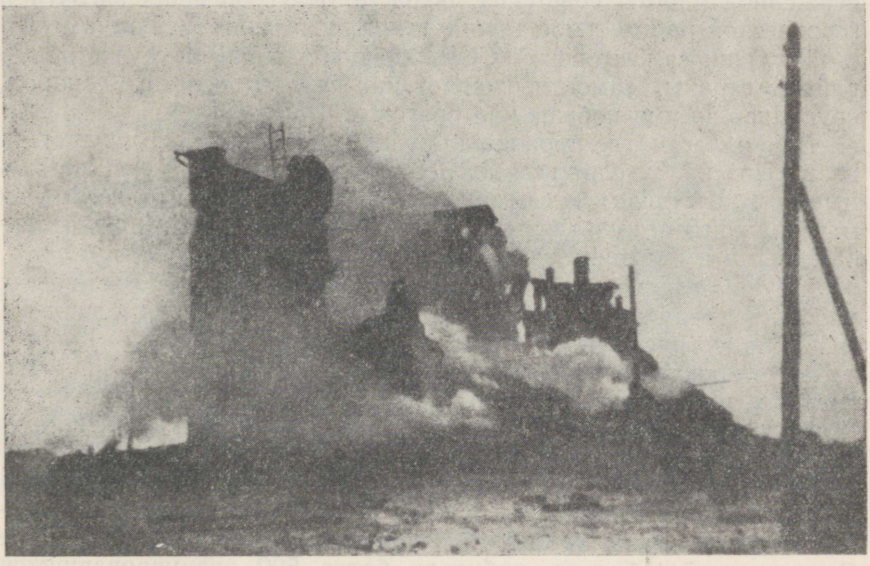
Зимой 1942—1943 года получил свое боевое крещение и Эстонский стрелковый корпус. Он участвовал в боях за освобождение города Великие Луки.

Накануне выполнения своего первого боевого задания воины Эстонского корпуса поклялись не отставать от своих братьев по оружию, сражающихся под Сталинградом и на Центральном фронте, громить фашистских захватчиков до полной победы.

Город Великие Луки — крупный узел шоссейных и железных дорог — имел большое стратегическое значение. Немецкое командование расценивало этот город как один из «ключей Берлина». Великие Луки и его окрестности представляли собой сильно укрепленный оборонительный район противника. Части Советской Армии, в том числе и Эстонский стрелковый корпус, несмотря на яростное сопротивление противника, взломали в кровопролитных боях вражескую оборону, окружили Великие Луки и 16 января 1943 года полностью освободили город. При освобождении Великих Лук воинами корпуса был пленен начальник фашистского гарнизона фон Засс.

В боях за Великие Луки бойцы и командиры корпуса проявили много мужества. Младший лейтенант А. Кариете вместе с бойцами своего взвода в течение нескольких часов отражал атаки танкового десанта противника. Когда гитлеровцы стали метать гранаты в окопы советских воинов, Кариете ловил их и бросал обратно, уничтожая фашистов их же гранатами. Одна грана-

та взорвалась в руках у отважного командира, искалечила ему руку и нанесла несколько ран в грудь и голову. Тяжело раненный, младший лейтенант Каристе отказался покинуть поле боя, заявив бойцам: «Я останусь с вами и буду бороться до конца, мы не отступим ни на шаг». Курсант комсомолец О. Ахи, по личной инициативе, ползком подобрался к вражескому дзоту, препятствовавшему своим огнем продвижению одного из советских подразделений, и, забросив в него через трубу несколько гранат, взял в плен 7 фашистов. Командир взвода нарвитянин Буйлов, принимая



«Белый дом» в Великих Луках — объект ожесточенных боев.

перед боем карточку кандидата в члены ВКП(б), поклялся сражаться до последней капли крови. Советский патриот Буйлов погиб, но, как коммунист, он не отступил перед врагом. Отвагу и мужество проявляли целые подразделения. Командир гвардейского соединения, воевавшего бок о бок с эстонцами, сказал о части, которой командовал офицер Х. Вирит, что «хотя это не была гвардейская часть, все же билась она не хуже, чем гвардейская».

Более тысячи воинов Эстонского корпуса за героизм, проявленный в боях за Великие Луки, были награждены орденами и медалями Советского Союза. 25 января 1943 года войска, участвовавшие в освобождении города Великие Луки, в том числе и Эстонский корпус, были отмечены в приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

Позднее, в конце 1943 года и начале 1944 года, артиллеристы

и танкисты корпуса отличились при свобождении городов Невель и Новосокольники. Они вновь удостоились благодарности Верховного Главнокомандующего.

§ 4. ГЕРОИЧЕСКИЙ ТРУД ТРУДЯЩИХСЯ ЭСТОНСКОЙ ССР В СОВЕТСКОМ ТЫЛУ

Успешная борьба Советской Армии против гитлеровских захватчиков была бы невозможна без поддержки народа, самоотверженной работы советских людей в тылу. Большая заслуга в героической работе тыла принадлежит советским женщинам.

Трудящиеся Эстонской ССР, эвакуировавшиеся в восточные районы страны, самоотверженно, как и весь советский народ, трудились во имя победы над врагом.

В те области, где проживали эвакуировавшиеся эстонцы, были назначены правительством ЭССР соответствующие уполномоченные, которые вели учет эстонского населения, заботились о его материальных и культурных нуждах, держали связь с правительственными и партийными органами Эстонской ССР.

На одном из уральских заводов работало свыше 100 эстонских рабочих. Среди них не было ни одного, кто не перевыполнял бы своих производственных норм. Героически трудилась в Кузбассе эвакуировавшаяся туда часть коллектива завода «Пунане Крулль», рабочие из Кивиыли работали в Куйбышевской области. Бригада комсомольцев завода «Пунане Крулль» заняла в 1942 году в предмайском социалистическом соревновании, в котором участвовало 30 предприятий, первое место. С доски почета не сходило имя котельщика Юхана Хорма, выполнявшего производственные нормы на 300—500 процентов. В Ирбитском районе Свердловской области работало более 500 эвакуировавшихся эстонских граждан, в городе Ульяновске и в области — около 800 человек и т. д. Заслуженной славой в Макушинском районе Челябинской области пользовалась полеводческая бригада колхоза «Путь крестьянина», состоявшая из ткачих Синди. Эстонские рабочие неоднократно премировались за свой самоотверженный труд.

Плодотворно работали ученые-эстонцы. Профессор Таллинского политехнического института Ю. Нут заведовал кафедрой математики в Институте механизации сельского хозяйства в Челябинске. Успешно работали в советском тылу эстонские химики А. Вяэрисмаа, А. Кылль и многие другие эстонские ученые.

Патриоты Советской Эстонии собрали в 1943 и 1944 годах на постройку танковых колонн «За Советскую Эстонию» и «Лембиту» и авиаэскадрильи «Тазуя» около 14 миллионов рублей.

Правительство СССР оказывало большое внимание и материальную помощь эстонским трудящимся. Для эстонских детей были открыты школы на родном языке; уже в 1942—1943 годах

на территории РСФСР работало 35 эстонских школ и классных комплектов. Эстонская молодежь училась в высших учебных заведениях братских республик. Для эстонского населения издавались газеты («Рахва Хяэль» и др.) и журналы («Сыясарв»), печатались книги на родном языке. В Москве и Ленинграде при местных Радиокомитетах работали эстонские редакции. Их передачи слушало с большим вниманием и население оккупированной Эстонии. Из этих передач оно узнавало правду о ходе войны.

Танковая колонна «Лембиту».

В декабре 1941 года правительство СССР приняло постановление об организации государственных художественных ансамблей Эстонской ССР. Более 200 мастеров эстонской культуры было собрано в Ярославле. Здесь, наряду с работой, они получали возможность знакомиться с достижениями передового советского искусства. В составе художественных ансамблей работали многие выдающиеся деятели эстонского искусства: Густав Эрнесакс, Эуген Капп, Александр Ардер, Антс Лаутер, Пауль Пинна, Ольга Лунд, Георг Отс и многие другие.

Государственные художественные ансамбли Эстонской ССР дали в годы эвакуации только в частях Советской Армии более 300 концертов. Кроме того, ансамбли Эстонской ССР выступали с концертами в самых различных городах и областях Советского Союза — в Москве и Ленинграде, Архангельске, Новосибирске, в Кузбассе, в республиках Средней Азии и Закавказья. Эти концерты пользовались большим успехом и способствовали укреп-

лению культурных связей эстонцев с братскими советскими народами.

В апреле 1943 года эстонские мастера искусства организовали в Москве выставку, посвященную 600-летию восстания Юрьевой ночи. На выставке экспонировалось более 150 картин, скульптур и других произведений. Художники Э. Окас, А. Хойдре, Э. Эйнман и др. иллюстрировали листовки, делали фронтовые зарисовки и т. д. Писатели Советской Эстонии — И. Барбарус, Я. Кярнер, П. Руммо, И. Семпер, А. Якобсон и др. — помогали художественным словом воспитанию массового героизма среди воинов Советской Армии. Они активно сотрудничали во фронтовой и тыловой печати, в радиовещании. Их страстное правдивое слово доходило и до порабощенного гитлеровцами населения. Многие из деятелей эстонской культуры с оружием в руках защищали свою Советскую Родину.

Деятельность мастеров эстонской культуры в советском тылу в большой мере способствовала укреплению позиций социалистического реализма в эстонской национальной литературе и искусстве и их быстрому развитию в послевоенные годы.

Руководящие органы Эстонской ССР с помощью ЦК ВКП(б) и правительства СССР провели в советском тылу большую подготовительную работу по возвращению в Советскую Эстонию. Было подготовлено значительное количество новых кадров. Для этого были созданы учебно-производственные комбинаты, школы, организованы различного рода курсы. Учебно-производственные комбинаты работали в Егорьевске, Челябинске, Дмитровском районе Московской области. В Быково работали курсы трактористов, в Тамбове — фельдшерская школа, в Мышкино и Егорьевске, а позднее и в Ленинграде — курсы партийных, советских, профсоюзных и комсомольских работников. Были организованы курсы торговых и счетных работников, работников суда и прокуратуры и т. д.

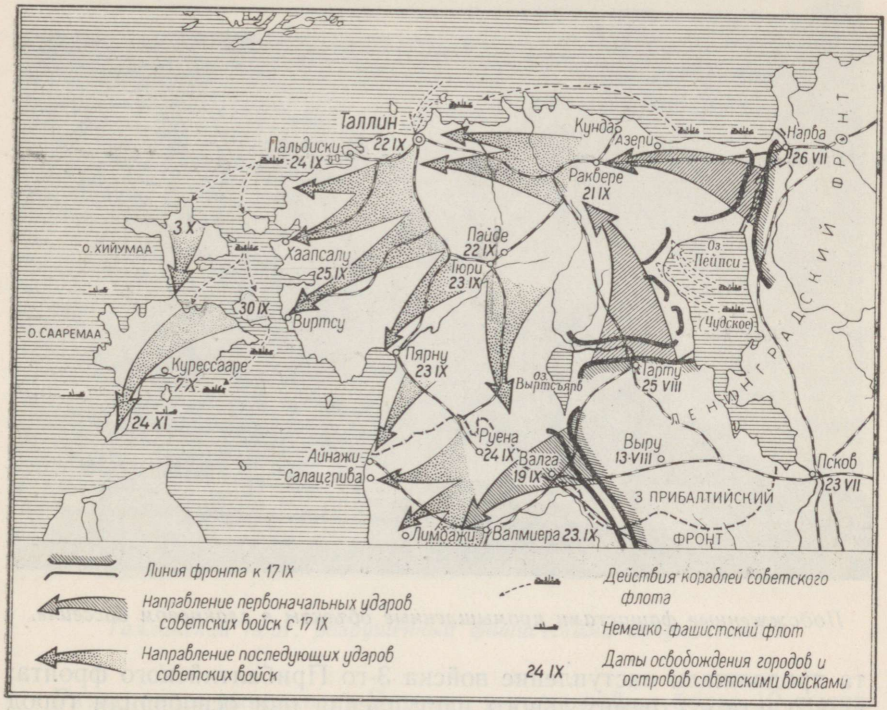
Эти мероприятия способствовали быстрому восстановлению советского государственного аппарата в республике и дали возможность сразу же после освобождения Советской Эстонии от немецко-фашистской оккупации начать работы по восстановлению разрушенного оккупантами народного хозяйства.

§ 5. ОСВОБОЖДЕНИЕ ЭСТОНСКОЙ ССР СОВЕТСКОЙ АРМИЕЙ

Наступление Советской Армии. 1944 год был годом великого наступления Советской Армии. В результате этого наступления враг был изгнан из пределов Советской страны. Свой первый удар в 1944 году Советская Армия нанесла гитлеровцам под Ленинградом и Новгородом, что привело к освобождению Ленинградской области от врага. Началась борьба за освобождение Советской Прибалтики.

Гитлеровцы, построив мощные укрепления на восточных границах Эстонской ССР, надеялись отсидеться за ними. Они хвастались: «Немецкая армия создала между Нарвой и Чудским озером железный барьер, который большевикам не удастся преодолеть».

Войска Ленинградского фронта (под командованием Маршала Советского Союза Л. А. Говорова), в составе которого действовал и Эстонский стрелковый корпус, во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом, прорвали в жестоких боях укреп-

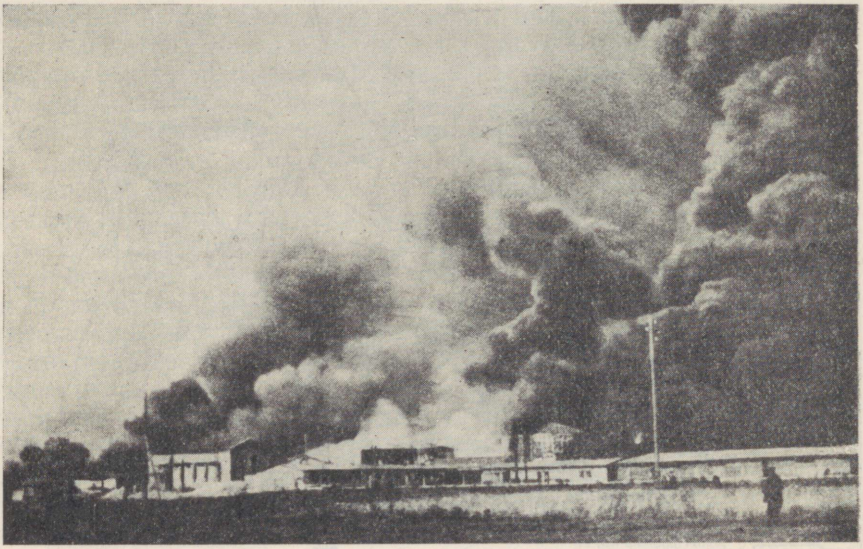


Освобождение Эстонской ССР частями Советской Армии в 1944 г.

ления врага и 26 июля 1944 года освободили город Нарву. Линия фронта установилась примерно в 25 километрах западнее города Нарвы.

10 августа войска 3-го Прибалтийского фронта повели наступление из района северо-западнее Изборска. Несмотря на ожесточенное сопротивление противника, имевшего здесь около 7 дивизий, советские войска овладели 11 августа важным узлом дорог Петсери, 13 августа — городом Выру. 25 августа был освобожден город Тарту. Успешное наступление 3-го Прибалтийского фронта создало благоприятные условия для освобождения северной Эстонии. 17 сентября 2-я ударная армия Ленинградского

фронта и Эстонский стрелковый корпус повели наступление на север из района восточнее Тарту в секторе между железнодорожной линией Тарту—Тапа и побережьем Чудского озера. В то же время началось наступление советских войск из района Нарвы. Войска немецкой оперативной группы «Нарва», насчитывавшей до 8 дивизий, после прорыва советскими войсками их фронта, ввиду угрозы окружения, начали 19 сентября поспешный отход в направлении на Пярну и Таллин. Советские войска стремительно преследовали их. Одновременно с войсками Ленинградского фрон-



Подожженные фашистами промышленные объекты в сланцевом бассейне.

та продолжали наступление войска 3-го Прибалтийского фронта; в результате стремительного наступления они освободили город Тырва и 19 сентября — город Валга. К 26 сентября враг был изгнан со всей материковой части Эстонии. Город Таллин был освобожден 22 сентября группой войск Ленинградского фронта в тесном взаимодействии с кораблями Балтийского флота. Первым в Таллин ворвался танковый десант Эстонского стрелкового корпуса. Над древней башней Тоомпеа вновь взвился красный флаг. Его водрузил лейтенант Лумисте.

Отступая под ударами Советской Армии, фашисты пытались уничтожить до основания эстонские города. После освобождения Нарвы этот город представлял из себя груду развалин. Уничтожено было более половины города Тарту. После бегства оккупантов из Таллина в городе было обнаружено 75 заминированных мест, откуда было извлечено более 100 тонн взрывчатых веществ и фугасных бомб. Фашисты разработали план «эвакуации» про-

мышленных предприятий и ряда культурных учреждений Эстонии. Кроме того предусматривалось угнать поголовно все население и весь скот из уездов, оставляемых отступающими фашистскими войсками. В восточных, а также некоторых южных уездах было дано распоряжение немедленно приступить к осуществлению этих мероприятий. В некоторых местах, например, в окрестностях Нарвы, врагу удалось осуществить свое намерение.

Таллинский порт, разрушенный фашистскими оккупантами.

Гитлеровцы вывезли из Эстонии в годы войны более 10 тысяч произведений искусств — картин, скульптур и т. п., часть материалов эстонских архивов. Оккупанты торопились с массовым истреблением населения. Только за один день, 19 сентября, в лагере Клоога было уничтожено около 2 тысяч заключенных.

Коммунистическая партия призвала население временно оккупированной Эстонии помешать осуществлению черных замыслов гитлеровцев. По призыву партии трудящиеся Советской Эстонии усилили борьбу с оккупантами. Рабочие местечка Кохила вступили в бой с фашистскими подрывниками, в ходе которого убили и ранили до 30 вражеских солдат и офицеров. С оружием в руках отстояли свои предприятия рабочие заводов «Пунане Крулль», «Коммунар», «Ильмарине», «Вольта», Таллинской электростанции. Много мужества и самоотверженности проявили коллективы музеев и библиотек, спасая культурные ценности от уничтожения

и вывоза в Германию. Значительное количество населения скрывалось в лесах, где крестьяне укрывали также и скот.

Стремительное наступление Советской Армии и активная борьба населения помешали фашистскому командованию осуществить свое намерение — превратить Эстонию в «зону пустыни».

Гитлеровцы пытались еще удержать в своих руках острова Эстонской ССР. Части Советской Армии совместно с моряками Балтийского флота сбросили их в море и 24 ноября 1944 года завершили освобождение всей территории Эстонской ССР.

Вручение партийного билета.

Плечом к плечу с воинами других национальностей Советской Армии отважно сражались за освобождение родных городов и деревень воины Эстонского корпуса. Участие в боях за Нарву, форсирование Эмайыги, сражение за Муствээ, Авинурме, Тамсалу, участие в бою за освобождение Таллина, форсирование проливов Большой и Малый Зунд, участие в боях за освобождение Сааремаа, особенно прорыв сильно укрепленных линий на полуострове Сырве — это далеко не полный перечень успешных ратных дел Эстонского корпуса в ходе освобождения Эстонии.

Идя в бой, эстонские воины подавали заявление с просьбой принять их в партию. В годы Великой Отечественной войны число коммунистов в Эстонском стрелковом корпусе возросло более чем в десять с половиной раз, число комсомольцев в восемь с половиной раз. В открытом письме, опубликованном эстонскими генералами и офицерами, говорилось: «Борясь против гитлеровской разбойничьей армии, борясь за Советскую Эстонию, мы вы-

полняем священную миссию защиты права на жизнь и свободу эстонского народа. Мы боремся за Советскую Эстонию потому, что рождение советского строя в Эстонии было естественным и закономерным результатом экономического, политического и культурного развития нашей страны и народа».

Трудящиеся восторженно встречали советских воинов. Только фашистские пособники не радовались приходу советских войск. Они запугивали население, вели бешеную антисоветскую агитацию. Вместе с отступающими немецко-фашистскими войсками торопились бежать и они.

Я. Кундер.

Фашистской и националистической пропаганде удалось создать у некоторой части людей совершенно превратное представление о политике Советской власти в освобожденных районах. В результате этого летом и осенью 1944 г. многие жители Эстонии покинули пределы своей родины, обрекли себя на прозябание в чужих краях — в лагерях «перемещенных лиц» и в эмиграции.

После освобождения Эстонской ССР Эстонский корпус принял участие в разгроме курляндской группировки врага. 17 марта 1945 года офицер Якоб Кундер повторил здесь бессмертный подвиг Александра Матросова, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил лейтенанту Кундеру звание Героя Советского Союза

За проявленный героизм и образцовое выполнение боевых заданий Эстонский стрелковый корпус был преобразован в гвардейский. Эстонские воины семь раз были отмечены в приказах Верховного Главнокомандующего.

Эстонским частям и соединениям, отличившимся в боях за освобождение городов Нарва, Таллин и Пярну, были присвоены наименования «Нарвских», «Таллинских», «Перновских». Особо отличившиеся части и соединения были награждены орденами Красного Знамени, Суворова, Кутузова, Александра Невского и Красной Звезды. Около 20 тысяч воинов Эстонского стрелкового корпуса были награждены боевыми орденами и медалями Советского Союза, а семерым из них было присвоено звание Героя Советского Союза. Звание Героя Советского Союза было при-

своено также четырем эстонцам, служившим в других частях Советской Армии.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Правительство СССР в 1945 году в своем приветствии эстонскому народу в связи с 5-летием провозглашения Советской власти в Эстонии писали: «Эстонский народ мужественно боролся с ненавистным врагом. В частях Красной Армии, в партизанских отрядах сыны и дочери эстонского народа показали себя отважными борцами за свободу и независимость нашей советской Родины. Гвардейский эстонский корпус в борьбе с вековечными врагами эстонского народа — немецкими захватчиками, покрыл славой свои знамена».

Эстонский корпус явился замечательной политической школой для его офицеров и солдат. В 1947 году 96 процентов секретарей уездных комитетов партии и председателей уездных исполнительных комитетов, 83 процента председателей волисполкомов и волостных парторгов, 60 процентов председателей сельских советов составляли бывшие бойцы и офицеры корпуса. Свыше 600 демобилизованных воинов корпуса работало директорами и инженерами фабрик, заводов и других предприятий.

Только собственными силами эстонский народ не смог бы сбросить гитлеровское иго. Своим спасением эстонский народ в значительной мере обязан братским народам, прежде всего, великому русскому народу. Братские народы помогли эстонскому народу избавиться от угрозы физического истребления, помогли ему спасти национальную культуру и национальную государственность, отстоять свободу и национальную независимость.

§ 6. ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО ВОССТАНОВЛЕНИЮ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА РЕСПУБЛИКИ

Война нанесла огромный урон народному хозяйству Эстонии. Большинство сланцевых шахт и предприятий сланцехимической промышленности было затоплено и разрушено. В развалинах лежала Кренгольмская мануфактура, сильно пострадали машиностроительная, судоремонтная, целлюлозно-бумажная промышленность и промышленность строительных материалов. Серьезно была подорвана энергетическая база республики. Значительно сократилась численность рабочих. В городах республики было уничтожено 9200 домов.

Не меньший ущерб нанесла фашистская оккупация и сельскому хозяйству республики. Намного сократились посевные площади, уменьшилось количество скота, сельскохозяйственных машин и инвентаря. Было уничтожено значительное число хозяйственных и жилых построек. Почвы, не получавшие несколько лет удобрений, были истощены, в запустение пришла система мелиорации.

По данным Государственной Чрезвычайной Комиссии, только ущерб от прямого уничтожения материальных ценностей в народном хозяйстве Эстонской ССР составил более 16 миллиардов рублей.

Предстояла большая работа, чтобы залечить раны войны, ликвидировать разрушения, восстановить промышленность, сельское хозяйство, поднять материальное благосостояние народа.

10—11 сентября 1944 года в городе Выру состоялся III пленум ЦК КП Эстонии. 16—17 сентября там же состоялась третья сессия Верховного Совета Эстонской ССР. На указанном пленуме ЦК КП Эстонии и сессии Верховного Совета ЭССР были подведены итоги трехлетней борьбы эстонского народа в Великой Отечественной войне и определены первоочередные задачи по восстановлению народного хозяйства. На IV пленуме ЦК КП Эстонии в конце этого же месяца первым секретарем ЦК КП Эстонии был избран Н. Каротамм. Председателем Совнаркома Президиум Верховного Совета Эстонской ССР назначил А. Веймера.

Сразу же после освобождения Советской Армией той или иной волости или уезда восстанавливалась деятельность органов Советской власти. Трудящиеся массы активно участвовали в воссоздании местных органов и налаживании их работы. Партийные организации подняли трудящиеся массы на борьбу против попыток враждебных элементов помешать восстановлению деятельности органов Советского государства.

В начале сентября 1944 года центральные органы власти республики восстановили действие всех довоенных советских законов, указов, постановлений и решений.

Восстановление промышленности началось с того, что был произведен учет всего сохранившегося оборудования, сырья, материалов и готовой продукции. На фабрики и заводы были назначены ответственные уполномоченные партийных, советских и хозяйственных органов. Повсеместно при активном участии рабочего класса налаживалась охрана промышленных объектов. Рабочие возвращались с хуторов и из лесов, из концентрационных лагерей и тюрем на фабрики, заводы, шахты, включаясь в активную восстановительную работу. Те фабрики и заводы, которые меньше пострадали от войны и располагали необходимым сырьем, начали давать продукцию в первые же дни после изгнания оккупантов. Для пуска более пострадавших предприятий потребовалось осуществить значительные предварительные работы по их восстановлению. Эта работа была связана с преодолением больших трудностей военного времени. К началу 1945 года большинство предприятий Эстонской ССР давало уже продукцию. Были реэвакуированы оборудование фабрик и заводов, машины, культурные ценности.

Рабочий класс Эстонии проявлял большую энергию и инициативу в деле пуска и налаживания работы промышленности. Рабочие завода «Пунане Крулль» призвали трудящихся ЭССР

развернуть предоктябрьское соревнование. В своем обращении они писали: «... Теперь перед нами стоит задача залечить все раны, восстановить разрушенное. Поклянемся сегодня отдать все свои силы и умение делу помощи Красной Армии, восстановлению нашей хозяйственной жизни». Этот призыв нашел повсеместно отклики. Постепенно социалистическое соревнование становилось все более организованным. В начале 1945 года были определены условия социалистического соревнования, назначены премии и переходящие Красные знамена для победителей социалистического соревнования.

Братские республики нашей страны оказывали большую и всестороннюю помощь Советской Эстонии в деле восстановления народного хозяйства. Из союзного бюджета для восстановления народного хозяйства и культуры Эстонии дополнительно было выделено 300 млн. рублей. Это составляло более 43 процентов бюджета республики на 1945 год. Кроме того, 200 млн. рублей было выделено на восстановление важнейших объектов в Таллине, Нарве, Тарту и других городах республики. 10 июня 1945 года Государственный Комитет Обороны вынес постановление о первоочередных задачах по восстановлению сланцевой промышленности.

Из братских республик в Эстонию прибывало оборудование и сырье для фабрик, заводов, шахт, электростанций и других предприятий. Вместе с тем Советская Эстония, как равноправная союзная республика, начала оказывать свою посильную помощь другим советским республикам, отправляя в Ленинград, в Донбасс и другие районы страны строительные материалы, крепежный лес для шахт и т. д. Но помощь братских республик Советской Эстонии была значительно большей по сравнению с тем, что могла в тот период дать Советская Эстония другим республикам. В 1945 году Эстонская ССР получила из других союзных республик машинного оборудования, сырья, различных материалов, а также продовольственных и промышленных товаров на сумму 261,6 миллиона рублей. Стоимость же вывезенной из Эстонской ССР продукции составляла 80 миллионов рублей.

Рабочий класс Эстонии под руководством республиканской партийной организации и при братской помощи других народов нашей страны к концу 1945 года достиг уже заметных успехов. Объем промышленной продукции вырос за год в 2,4 раза.

Большую положительную роль в решении первоочередных задач по восстановлению сельского хозяйства республики сыграло постановление СНК СССР от 10 сентября 1944 года «О мерах неотложной помощи по восстановлению сельского хозяйства Эстонской ССР». Этим постановлением предусматривалось восстановление организованных в 1941 году МТС и машинно-конно-прокатных пунктов, предоставление больших льгот и оказание материальной помощи трудовому крестьянству.

Одной из первоочередных и неотложных задач Советской власти и Коммунистической партии Эстонии в деревне явилось восстановление довоенной советской земельной реформы. Еще до полного освобождения территории республики — 17 сентября 1944 года Верховный Совет Эстонской ССР принял «Закон о возвращении крестьянам Эстонской ССР земли, отнятой у них немецкими оккупантами». Верховный Совет ЭССР своим законом подтвердил незыблемость Декларации Государственной Думы от 23 июля 1940 года, объявившей землю, ее недра, воды и леса всенародным достоянием.

Вновь был создан государственный земельный фонд. Из государственного фонда земля выделялась в первую очередь батракам и беднякам, а также нуждающимся в ней середнякам. Размер вновь создаваемых хозяйств определялся в 12—18 га, в зависимости от качества земли и ее местонахождения. Законом предусматривались также меры по обеспечению крестьянских хозяйств скотом, инвентарем, постройками и кредитами. Размер земельного надела активных пособников фашистских оккупантов был уменьшен до 5—7 га.

Восстановление земельной реформы происходило в обстановке острой классовой борьбы. Кулаки и другие враждебно настроенные элементы не останавливались ни перед чем, чтобы сорвать или хотя бы затормозить успешное восстановление реформы. Наряду с клеветой и распространением различных провокационных слухов враждебные элементы применяли также террор против сельского актива, пытались запугать бедняков и батраков и заставить их отказаться от получения земли. Кулаки всячески пытались сохранить свои наделы в обход существующих советских законов. Они устраивали фиктивные «разделы» усадеб, утаивали скот и инвентарь, саботировали выполнение государственных поставок и т. д.

В практике работы местных партийных и советских организаций встречались факты искажения политики партии. Нередко волостные органы проявляли либерализм в отношении кулачества, порой и комиссии по восстановлению реформы попадали под влияние кулаков. В то же время бывали и случаи, когда удары, предназначенные для кулака, попадали по середняку, а иногда даже по бедняку. Случалось, что у середняков незаконно отрезалась часть земли, изымался скот и инвентарь, середняки и бедняки облагались порой государственными поставками в размерах, превосходивших предусмотренные законом, не всегда местные органы власти умели вовремя оказать должную поддержку бедняцко-середняцким массам в борьбе против кулачества.

Ошибки и недостатки, допущенные при восстановлении земельной реформы, объясняются не только сопротивлением кулачества. В значительной степени они были вызваны также малочисленностью и слабостью уездных партийных и комсомольских организаций, отсутствием на первых порах в ряде волостей пер-

вичных партийных и комсомольских организаций. Во многих волостях долгое время не было даже парторгов и комсоргов.

Однако все ошибки, недостатки и трудности были преодолены. Работы, связанные с проведением земельной реформы, были окончательно завершены в 1947 году.

В итоге реформы землю получили более 42 тысяч безземельных или малоземельных крестьян. Кроме того, Советская власть передала трудовому крестьянству более 20 тысяч коров и лошадей, сотни жилых и хозяйственных построек, тысячи сельскохозяйственных машин и много инвентаря. Государство выделило большие суммы кредита для хозяйственных нужд бедняков и середняков.

Коммунистическая партия Эстонии в период восстановления реформы проводила политику опоры на бедняцко-батрацкие слои крестьянства, политику прочного союза со средним крестьянством и непримиримой борьбы против кулачества. Восстановление земельной реформы, в котором активное участие принимали также рабочие, явилось большим вкладом в дело укрепления союза рабочего класса и крестьянства.

Одновременно с проведением земельной реформы были восстановлены МТС, машинно-коннопрокатные пункты и совхозы. Вскоре после изгнания оккупантов эстонское крестьянство начало вставать на путь восстановления сельскохозяйственных кооперативов. Сельскохозяйственная кооперация была оформлена соответствующим государственным законодательством, она сыграла впоследствии важную роль в деле подготовки массовой коллективизации сельского хозяйства в республике.

Трудовое крестьянство Эстонии отвечало патриотическими делами на заботу партии и правительства. Среди крестьянства распространились такие патриотические начинания, как сдача сельскохозяйственных продуктов в фонд обороны, перевыполнение государственных поставок, посевы в фонд Красной Армии, сдача сельскохозяйственных продуктов государству крестьянами, освобожденными от государственных поставок и т. д.

В 1944—1945 годах были осуществлены неотложные мероприятия по развитию культуры. В конце декабря 1944 года Совнарком Эстонской ССР и ЦК КП Эстонии приняли постановление о мерах по улучшению работы школ. В 1944/1945 учебном году в общеобразовательных школах республики обучалось около 115 тысяч учащихся. В середине ноября 1944 года начались занятия в Таллинском политехническом институте и в Тартуском Государственном университете. Сразу же после изгнания оккупантов начали работать кинотеатры, а вскоре и театры. Повсеместно открывались клубы, красные уголки, народные дома, библиотеки и другие культурно-просветительные учреждения.

Однако это были лишь первые шаги в деле восстановления народного хозяйства и развития культуры. Было сделано лишь

самое необходимое для того, чтобы в годы четвертой пятилетки залечить раны войны и добиться быстрого подъема народного хозяйства и культуры Эстонской ССР.

§ 7. ПОБЕДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

1945 год явился годом победы над гитлеровской Германией и империалистической Японией.

Летом 1944 года американо-английские войска высадились на французском побережье, открыв таким образом, правда, с большим запозданием, второй фронт против фашистской Германии. Но гитлеровское командование по-прежнему бросало свои основные силы на советско-германский фронт, стремясь во что бы то ни стало задержать продвижение советских войск. Советская Армия, однако, разгромила и эти силы врага.

2 мая 1945 года советские войска овладели столицей Германии — Берлином. 8 мая 1945 года представители германского главного командования подписали в Берлине акт о безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии.

Но был еще другой очаг войны — империалистическая Япония, которая угрожала безопасности СССР. Под игом японских милитаристов изнывали народы Китая и Кореи. Япония находилась в состоянии войны с союзниками СССР — США, Англией и др. 9 августа 1945 года Советская Армия начала военные действия против империалистической Японии, которая уже 2 сентября 1945 года была вынуждена капитулировать. Вторая мировая война окончилась.

Хотя в войне против гитлеровской Германии и ее союзников принимали участие многие страны антифашистской коалиции, но в разгроме фашистского блока государств решающую роль сыграл Советский Союз.

Одержав победу над гитлеровской Германией и ее союзниками, Советский Союз отстоял свою свободу и независимость, укрепил безопасность своих границ на западе и на востоке, спас народы Европы и Азии от угрозы фашистского порабощения.

Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была не просто победой одного государства над другим: это была победа нашего общественного строя, победа нашего государственного строя. Победили советские вооруженные силы. Победила мудрая политика Коммунистической партии. За годы войны Коммунистическая партия еще более сроднилась с народом, еще раз продемонстрировала перед всем миром правильность своей политики. Нерушимая дружба народов Советской страны, прочный союз рабочего класса и крестьянства, животворный советский патриотизм явились одним из главных источников силы Советской страны.

Победа в этой войне еще раз подтвердила бессмертные слова Великого Ленина: «Никогда не победят того народа, в котором рабочие и крестьяне в большинстве своем узнали, почувствовали и увидели, что они отстаивают свою, Советскую власть — власть трудящихся, что отстаивают то дело, победа которого им и их детям обеспечит возможность пользоваться всеми благами культуры, всеми созданиями человеческого труда».[1]

В результате победы социализма над фашизмом во второй мировой войне от системы капитализма отпал ряд стран Европы и Азии. В этих странах утвердился народно-демократический строй. Тем самым окрепли силы социализма и демократии, ослабли позиции империализма и реакции. Капиталистическая система вынуждена была потесниться — социализм превратился отныне в мировую систему. Неизмеримо возросли авторитет Советского Союза и его влияние на все международное развитие. Блестящая победа в Отечественной войне позволила народам нашей Родины продолжить движение к коммунизму.

---

[1] В. И. Ленин. Соч., т. 29, стр. 292.

Глава XV

ЭСТОНСКАЯ ССР В ПЕРИОД СТРОИТЕЛЬСТВА СОЦИАЛИЗМА (1946—1950)

§ 1. ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Эстонской ССР. Победоносно закончив Великую Отечественную войну, советский народ приступил под руководством Коммунистической партии к восстановлению народного хозяйства СССР. В марте 1946 года Верховный Совет СССР утвердил план четвертой (первой послевоенной) пятилетки на 1946—1950 годы. Основные задачи четвертого пятилетнего плана состояли в том, чтобы восстановить довоенный уровень тяжелой промышленности, как основы всего народного хозяйства, восстановить сельское хозяйство и затем превзойти довоенный уровень производства в значительных размерах.

В соответствии с задачами, поставленными первым послевоенным пятилетним планом СССР перед Советской Эстонией, был разработан и Верховным Советом Эстонской ССР принят Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Эстонской ССР на 1946—1950 годы.

Пятилетний план предусматривал осуществление индустриализации республики, в первую очередь развитие тяжелой индустрии (почти $^3/_4$ капитальных вложений в годы первой послевоенной пятилетки было размещено в тяжелой промышленности). При этом учитывалось наличие природных ресурсов и исторически сложившиеся особенности экономического развития республики. Наличие запасов горючих сланцев на территории Эстонии и Ленинградской области и близость одного из крупнейших промышленных городов СССР — Ленинграда к бассейну горючих сланцев, возможность кооперирования работы промышленных предприятий сланцевого района с ленинградскими заводами и фабриками диктовали необходимость быстрого развития сланцевой промышленности как в интересах самой Эстонии, так и в интересах Советского Союза в целом. Наличие крупных машино-

строительных и судостроительных заводов, построенных еще до Октябрьской революции, содействовало развитию в Советской Эстонии машиностроения. Значительное внимание уделялось промышленности строительных материалов, текстильной промышленности, рыбной промышленности и т. д. В области сельского хозяйства предусматривалось увеличение посевных площадей и поголовья скота. В области культурного строительства было намечено довести в 1950 году количество учащихся в общеобразовательных школах до 136 тысяч человек, восстановить здание театра «Эстония». Предусматривалось улучшить дело народного здравоохранения и т. д.

В первые послевоенные годы в Эстонии, наряду с быстро развивающимся социалистическим укладом, занимавшим решающие, командные позиции в народном хозяйстве, существовал еще мелкотоварный уклад, представленный единоличными трудовыми крестьянскими хозяйствами, кустарями и ремесленниками, и частнокапиталистический уклад, представленный в основном кулацкими хозяйствами в деревне. Задача состояла в том, чтобы на основе последовательного осуществления социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства и проведения культурной революции всемерно развивать социалистический уклад как в городе, так и в деревне, вытеснить и ликвидировать частнокапиталистический уклад, а мелкотоварный уклад путем последовательного осуществления ленинского кооперативного плана перевести на социалистическую основу и тем самым обеспечить победу социализма в республике.

Только своими силами эстонский народ не смог бы выполнить грандиозные задачи пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства республики. Успешное выполнение пятилетнего плана гарантировалось тем, что Эстония входит в состав СССР. Эстонская ССР смогла опереться на мощную материально-техническую базу других союзных республик и использовать накопленный ими опыт строительства социализма.

Верховный Совет СССР выделил на нужды восстановления, реконструкции и дальнейшего развития народного хозяйства Эстонской ССР на период первой послевоенной пятилетки 3,5 миллиарда рублей капитальных вложений. В среднем на душу населения это составляло в 2,6 раза больше, чем в РСФСР. Занимая по количеству населения 15-е место среди союзных республик, Эстонская ССР по объему капитальных вложений в первой послевоенной пятилетке занимала 8-е место. Из братских советских республик в Эстонскую ССР прибыло значительное количество квалифицированных специалистов, которых здесь не хватало в первые послевоенные годы.

Ход индустриализации Советской Эстонии. Чтобы скорее преодолеть трудности послевоенного времени, Коммунистическая партия и Советское правительство призвали со-

ветский народ ускорить темпы восстановительных работ. Этот призыв нашел всеобщий отклик.

Трудящиеся Эстонской ССР, как и весь советский народ, начали самоотверженную борьбу за досрочное выполнение пятилетнего плана.

Вопросы промышленности, транспорта и строительства были постоянно в центре внимания Центрального Комитета Коммунистической партии Эстонии и Совета Министров республики. В организации борьбы рабочего класса за быстрейшее восстановление народного хозяйства большую роль сыграли коммунисты. В начале 1946 года на целом ряде промышленных предприятий республики еще не было парторганизаций. Вскоре они, однако, были созданы на подавляющем большинстве заводов и фабрик. Партийные организации разъясняли задачи пятилетнего плана, они были инициаторами социалистического соревнования и внедрения прогрессивных методов труда.

Профсоюзные организации заключали с администрацией предприятий коллективные договоры, устанавливающие взаимные обязательства сторон по выполнению государственного плана выпуска продукции, развитию социалистического соревнования и распространению передового опыта, по оплате и охране труда, удовлетворению жилищно-бытовых нужд рабочих и служащих и т. д.

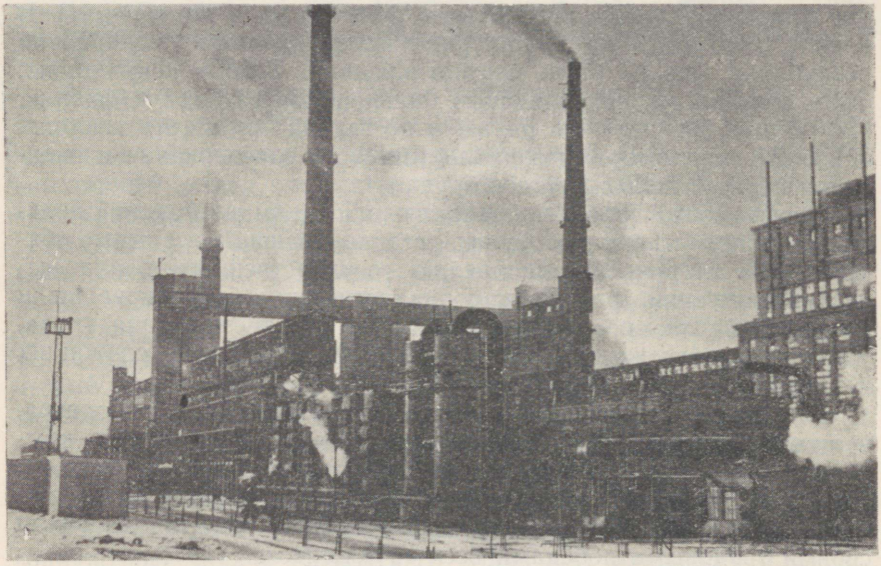
Демобилизованные воины Эстонского национального корпуса, в личном составе которого насчитывалось до 80 процентов коммунистов и комсомольцев, а также работавшие в годы войны в советском тылу трудящиеся Эстонии были в первые годы наиболее активными строителями социализма, они вдохновляли своими трудовыми победами всех трудящихся.

Эстонские рабочие добились значительных успехов во внедрении социалистических методов труда. В конце 1949 года в республике было уже 3 тысячи бригад отличного качества. В 1950 году до 90 процентов рабочих Эстонии было охвачено социалистическим соревнованием. С 1945 по 1950 год Совет Министров СССР и Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов признали победителями во всесоюзном соревновании свыше 400 предприятий Эстонской ССР, наградив их переходящими Красными знаменами и премиями Совета Министров СССР и ВЦСПС. О росте производственной активности рабочих и инженерно-технического персонала свидетельствовало и увеличение числа рационализаторов. В 1946 году в республике было внедрено в производство 486 рационализаторских предложений, а в 1950 году — 4312.

В ходе напряженной борьбы за выполнение послевоенной пятилетки из среды рабочего класса Эстонии вырос ряд новаторов производства: каменщик К. Кярбер, шахтер Э. Синимяги, старший паровозный машинист И. Уузмыйз, фрезеровщик Р. Пийльберг и многие другие. Свыше 4 тысяч рабочих эстонской промыш-

ленности за пять лет выполнили шесть и более годовых норм каждый. В борьбе за индустриализацию республики прославились целые коллективы — рабочие и служащие завода «Вольта», Таллинского машиностроительного завода, шахты Кява-2, торфопредприятия «Тоотси» и др.

Повышению производительности труда значительно способствовало оснащение промышленных предприятий новой техникой, механизация тяжелых и трудоемких процессов работы.

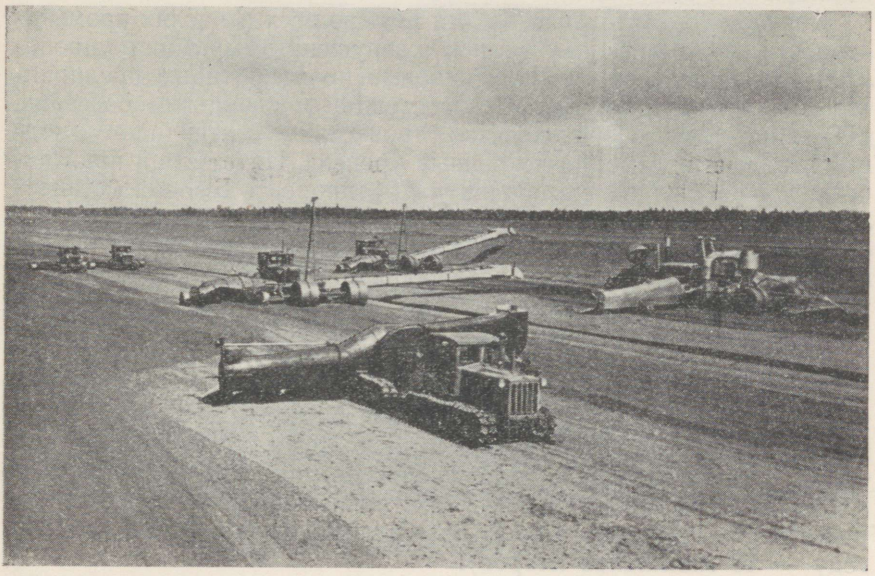


Газосланцевый завод в Кохтла-Ярве.

Особенно быстро шло возрождение сланцевого бассейна. Ко времени восстановления Советской власти в Эстонии имелось 6 примитивных сланцевых шахт и карьеров. Основными орудиями труда в шахтах была кирка, лом и лопата, а для транспортировки сланца использовались главным образом лошади. При отступлении фашистские захватчики взорвали и затопили эти шахты. Героическим трудом рабочих, инженеров и техников старые шахты в короткий срок были восстановлены. В 1948—1950 годах вступили в строй 3 новые механизированные шахты, общей мощностью 2,2 миллиона тонн сланца в год. Наряду со строительством новых шахт, была проведена большая работа по механизации старых предприятий. Все шахты были оснащены новой техникой, современными орудиями труда, в них были установлены вентиляторы и автоматические водоотливные насосы, проведено электрическое освещение. Внедрение новой горной техники значительно облегчило труд шахтеров и позволило перейти к про-

грессивным методам добычи сланца. Уже в 1946 году довоенный уровень добычи сланца был превзойден. В 1950 году производство сланца в Эстонии превысило уровень 1940 года в 1,8 раза.

В сланцевом бассейне в годы первой послевоенной пятилетки была создана совершенно новая отрасль промышленности — газосланцевая промышленность. В содружестве с учеными и строителями из братских советских республик в Эстонии был построен первый в мире газосланцевый завод и проложен газопровод от Кохтла-Ярве до Ленинграда, протяженностью свыше



Добыча фрезерного торфа на торфопредприятии «Тоотси».

200 км. 6 ноября 1948 года были закончены работы по строительству первой очереди газового завода. Население города Ленина стало получать из Эстонской ССР бытовой газ.

Начались работы и по реконструкции металлообрабатывающей и машиностроительной промышленности. Заново был отстроен завод электромоторов «Вольта», ставший одним из наиболее механизированных предприятий. Новую технику получили Таллинский машиностроительный завод и машиностроительный завод «Ильмарине», завод «Ээсти Каабель», литейный завод «Пионер», гвоздильно-проволочный завод «Металлист», паровозо-вагоноремонтный завод имени М. И. Калинина, завод сельскохозяйственного машиностроения «Выйт» и ряд других.

Заводы Эстонии освоили в эти годы производство оборудования для сланцеперерабатывающей и газосланцевой промышленности, автоматического оборудования для котельных установок,

производство буровых машин и вышек для нефтяной промышленности, асинхронных электродвигателей, различных измерительных приборов и т. д. Доля металлообрабатывающей промышленности в эстонской промышленности поднялась с 7,7 процента в 1940 году до 31,6 процента в 1950 году. Продукция машиностроительных заводов в металлообрабатывающей промышленности составляла в 1950 году 52,5 процента.

Сланцевая и металлообрабатывающая промышленность Эстонской ССР приобрела уже в годы первой послевоенной пятилетки общесоюзное значение.

Кипучая созидательная работа шла во всех отраслях промышленности — восстанавливались разрушенные, реконструировались сохранившиеся, строились новые промышленные предприятия. Были восстановлены электростанции в сланцевом бассейне, в Таллине, Нарве. Производство строительных материалов к концу пятилетки превысило довоенный уровень. Пятилетний план добычи торфа был перевыполнен на 51 процент. Были восстановлены все железнодорожные пути и разрушенные мосты, вновь отстроены вокзалы в Таллине, Нарве, Валга, Тапа, Раквере, Тюри, Йыхви, Ярва-Яани и Ракке. Грузооборот железнодорожного транспорта возрос за пятилетие в 2,2 раза. Значительно увеличились перевозки грузов морским и речным транспортом. Были построены новые шоссейные дороги и улучшены старые.

Много труда и капитальных вложений потребовало и восстановление легкой промышленности, в частности, таких предприятий, как Кренгольмская и Балтийская мануфактуры. К концу пятилетки эти крупнейшие текстильные предприятия республики в основном были восстановлены. Текстильные фабрики Эстонии выработали в 1950 году уже 26,8 миллиона метров ткани (в 1940 году — 18 миллионов метров).

Успешно развивалась также и пищевая промышленность. За пятилетие было построено пять новых хлебозаводов, два плодоовощных консервных завода, несколько холодильников. Задание пятилетнего плана по улову рыбы было перевыполнено на 24 процента.

Промышленность Эстонской ССР ежегодно перевыполняла плановые задания. Уже в 1946 году уровень валовой продукции превзошел довоенный, а в июле 1949 года в республике был достигнут уровень выпуска промышленной продукции, запланированный на последний год пятилетки. Таким образом, задание пятилетнего плана в области промышленности было выполнено за 3 года и 7 месяцев.

Рост промышленного производства в Эстонской ССР в первые послевоенные годы характеризуется следующей таблицей (в процентах к 1940 году):

1940 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
100	73	118	167	225	277	342

В целом по СССР в 1950 году промышленной продукции было произведено на 73 процента больше, чем в 1940 году.

Промышленность Эстонской ССР могла бы развиваться в эти годы еще более быстрыми темпами, но республика не использовала полностью отпущенные ей суммы капитальных вложений. Это объясняется прежде всего тем, что в условиях больших строительных работ в снабжении промышленности сырьем наблюдались перебои, а также недостатками планирования, излишней

Таллинцы на строительстве бульвара Ленина.

централизацией управления промышленностью. В республике не хватало и высококвалифицированных кадров промышленных и строительных рабочих.

С развитием промышленности росло количество рабочих и служащих, занятых в промышленности, достигнув к 1950 году 289 тысяч человек (в 1940 году — 179 тысяч человек).

В ходе индустриализации республики социалистическая система в промышленности стала всеобъемлющей. Одна часть кустарей была вовлечена в государственную промышленность и стала промышленными рабочими, другая, большая часть, на добровольных началах объединилась в производственные кооперативы. Последние элементы капитализма в эстонской промышленности были тем самым ликвидированы.

Индустриализация республики способствовала быстрому развитию городов Эстонии.

До восстановления Советской власти в городах Эстонии проживало 32 процента населения республики. В послевоенные годы

в городах сосредоточилось до половины населения Эстонии. Особенно быстро росло население Таллина (в 1938 году — 165 тысяч человек, в 1956 году — 257 тысяч человек).

Сразу же после освобождения Эстонской ССР от фашистских оккупантов партийные и профсоюзные организации обратились к населению городов с призывом отдать часть своего свободного времени работе по ликвидации последствий войны. Десятки тысяч людей, охваченных желанием содействовать восстановлению своих городов, откликнулись на этот призыв. Рабочие и служа-

Новые жилые дома в Нарве.

щие в порядке общественных работ убирали развалины, разбивали новые скверы, парки, площади. Жители Таллина отработали на восстановительных работах 13 миллионов часов, убрали свыше 213 тысяч кубических метров развалин. Так же энергично восстанавливали свой город трудящиеся Тарту. Одновременно развернулись строительные работы. Наряду с производственными зданиями восстанавливались и строились новые жилые дома, здания учреждений культуры и науки. Гражданское строительство, однако, сильно отставало от потребностей населения.

Города республики восстанавливались и строились согласно новым, генеральным планам, при составлении которых учитывалось направление экономического развития, исторически сложившийся стиль и облик этих городов. Генеральные планы развития городов предусматривали ликвидацию скученности и антисанитарии, характерных для старых городов, постройку новых жилых массивов, широких магистралей, просторных площадей, красивых

парков, стадионов. В то же время были приняты меры к сохранению и реставрации ценных архитектурных памятников. Генеральный план Таллина — столицы республики — был разработан под руководством архитекторов Х. Армана, О. Кеппе и А. Соанса.

К концу первой послевоенной пятилетки в основном было завершено восстановление города Таллина, большие строительные работы были проведены в Нарве, интенсивно шло восстановление и других городов республики. Бывший шахтерский поселок Кохтла-Ярве превратился в крупный благоустроенный центр. С 1946 года он был переведен в разряд городов республиканского подчинения. В разряд городов был переведен в том же году и бывший шахтерский поселок Кивиыли.

§ 2. КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

В декабре 1948 года состоялся V съезд Коммунистической партии Эстонии. Съезд подвел итоги борьбы эстонских коммунистов за социалистическое переустройство республики и подчеркнул в своих решениях необходимость еще более ускорить темпы индустриализации, особенно темпы развития тяжелой промышленности.

Съезд отметил серьезное отставание сельского хозяйства республики. Расширение посевных площадей и темпы развития животноводства отставали от плановых заданий. Съезд потребовал от всех партийных и советских организаций считать работу по социалистическому переустройству сельского хозяйства республики одной из основных задач.

Коммунистическая партия и Советское правительство оказывали всяческую помощь трудящемуся крестьянству в восстановлении сельского хозяйства. После войны в Эстонской ССР были восстановлены 24 машинно-тракторные станции. В 1945 году МТС обработали землю 20 тысяч, в 1946 году — 32 тысяч, а в 1947 году — 35 тысяч бедняцких и середняцких хозяйств. С октября 1944 года по октябрь 1948 года трудящееся крестьянство Советской Эстонии получило от государства долгосрочных кредитов на сумму 167,5 миллиона рублей. Материальное положение крестьянства улучшилось. Оказывая всестороннюю помощь трудовому крестьянству, Советская власть в то же время вела политику ограничения эксплуататорских тенденций кулачества.

Эстонское трудовое крестьянство отвечало на заботы партии и правительства самоотверженным трудом. Но развитие единоличного сельского хозяйства значительно отставало от бурно растущей социалистической промышленности. На 1 июня 1947 года в республике было еще 11 230 безлошадных и 2200 бескоровных хозяйств. Мелкие крестьянские хозяйства не могли в полной мере использовать ту технику, которую во все больших размерах давала социалистическая промышленность. В условиях единолич-

ного мелкого хозяйства трудно было использовать достижения агробиологической науки. Необходимость коллективизации обусловливалась самим характером Советской власти, экономической основой которой является социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на средства производства.

Коммунисты Эстонии, исходя из кооперативного плана В. И. Ленина, неустанно разъясняли крестьянству, что построение социализма невозможно при сохранении мелких индивидуальных хозяйств, что только путь общественного, крупного земледельческого хозяйства создаст перспективы для дальнейшего развития сельского хозяйства, откроет для крестьян путь к зажиточной и культурной жизни.

Коллективизации сельского хозяйства Эстонии способствовали такие факторы, как национализация земли, осуществленная Советской властью, проведение аграрной реформы, развитие сельскохозяйственной кооперации, которая объединяла накануне массовой коллективизации 70 процентов крестьянских хозяйств, и особенно наличие в Эстонии совхозов и МТС.

В совхозах Эстонской ССР урожайность зерновых с 1945 по 1950 год увеличилась в 2,3 раза. Задание пятилетнего плана по поголовью крупного рогатого скота было перевыполнено в 2 раза. Совхозы Эстонии вышли на первое место в стране по надою молока на корову. Успехи совхозов в развитии сельскохозяйственного производства и работа МТС все более убеждали трудящихся крестьян в экономических преимуществах крупного общественного хозяйства.

В Эстонской ССР уже в 1940—1941 годах возникло несколько колхозов. Но они были разгромлены фашистскими оккупантами. По окончании Великой Отечественной войны идея коллективизации стала охватывать все более широкие слои эстонского трудового крестьянства. Уже в годы Великой Отечественной войны многие эстонские трудящиеся лично ознакомились в советском тылу с работой колхозов и организацией труда в них. В послевоенные годы эстонские крестьяне посылали своих делегатов в братские республики знакомиться с колхозной жизнью и заимствовать опыт работы лучших артелей. Вернувшись домой, крестьянские делегаты рассказывали землякам о преимуществах колхозного строя.

При наличии этих факторов, ускорявших и облегчавших процесс коллективизации, в Эстонии были, однако, и факторы, которые затрудняли коллективизацию. Она затруднялась, в известной мере, хуторским расселением крестьян, не изжитой еще полностью военной разрухой, сопротивлением классовых врагов трудящихся. Кулаки и разного рода другие буржуазно-националистические элементы, ссылаясь на индивидуализм эстонского крестьянства и пользуясь тем, что та техника, которая имелась в машинно-тракторных станциях, не была специально приспособлена к местным природным условиям, твердили о неприемлемости вообще колхозного строя для Эстонии.

В первые послевоенные годы в Эстонии имел место также бандитизм. Некоторая часть активных пособников немецко-фашистских оккупантов скрылась в лесах, надеясь на реставрацию капитализма. Бандиты и кулаки запугивали трудящихся крестьян, совершали террористические акты против преданных Советской власти людей, прежде всего против работников советского и партийного аппарата, а также инициаторов движения за объединение в колхозы.

Политическая работа, проводившаяся партийными и советскими органами в деревне, убедила, однако, широкие слои трудового крестьянства в необходимости создания колхозов. Бедняцкие и середняцкие хозяйства стали объединяться в артели. Первая, в послевоенные годы, сельскохозяйственная артель — колхоз имени Виктора Кингисеппа — была организована 23 августа 1947 г. на острове Сааремаа. Весной 1948 года в республике было уже 58 сельскохозяйственных артелей.

В ноябре 1948 года в Таллине состоялся I съезд колхозников Эстонской ССР. В это время в республике насчитывалось уже свыше 400 колхозов. Делегаты съезда рассказывали о первых успехах колхозов и выражали благодарность Коммунистической партии, указавшей трудовому крестьянству единственно правильный путь — путь социализма, путь колхозов.

В преимуществах коллективного хозяйства убеждалось все больше не только бедняков, но и середняков.

Весной 1949 года, в период массового перехода эстонского крестьянства на путь организации колхозов, в Эстонской ССР была осуществлена ликвидация кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации. Кулачество было экспроприировано, средства производства его перешли в руки объединившихся в артели крестьян.

Ликвидация кулачества, как класса, была осуществлена в интересах трудящихся масс не только деревни, но и города. В результате этого шага в Эстонии был ликвидирован последний, но самый многочисленный эксплуататорский класс. Буржуазный национализм потерял свою основную питательную среду и опору. С этого времени выдохся и бандитизм. С ликвидацией кулачества и бандитизма разведки капиталистических стран лишились своей главной опоры в Эстонии.

В жизни эстонского крестьянства в результате коллективизации произошел глубочайший революционный переворот. Крестьянство перешло на путь общественного, социалистического хозяйства, встало в ряды активных строителей социализма. Отныне Советская власть получила социалистическую базу и в сельском хозяйстве.

Коллективизация сельского хозяйства была очень крупной победой Советской власти в истории социалистического преобразования республики, большим шагом вперед в деле построения коммунизма.

В начале 1949 года Совет Министров СССР принял постановление «О мерах помощи сельскому хозяйству Эстонской ССР». Во исполнение этого постановления в Эстонии были созданы дополнительно новые МТС (к концу пятилетки их число достигло 56), впервые было создано в 1949—1950 годах 6 машинно-мелиоративных станций; на полях колхозов появилось более ста комбайнов. Колхозам Эстонии по линии сельхозбанка было отпущено в 1949 году 15 миллионов рублей кредита, колхозам и совхозам было выделено также 95 тысяч тонн минеральных удобрений.

Центральный Комитет Коммунистической партии Эстонии послал для организационно-политической работы в деревне, в помощь колхозам, коммунистов. Была создана школа руководящих колхозных кадров в Кехтна, были организованы многочисленные курсы для переподготовки и подготовки различных специалистов сельского хозяйства: агрономов, зоотехников, колхозных счетоводов и т. п. Коллективы фабрик, заводов и советских учреждений приняли шефство над колхозами.

Советская власть выдала колхозам акты на вечное пользование землей.

На путь новой жизни вместе с крестьянами встали и рыбаки. Они объединились в рыболовецкие колхозы. Советская власть снабдила рыбаков современными орудиями лова и моторным флотом. В пятой пятилетке для обслуживания рыболовецких колхозов были организованы моторно-рыболовные станции, снабженные высокопроизводительными орудиями лова и соответствующим флотом. Совместная механизированная ловля позволила значительно поднять добычу рыбы. Если в 1948 году, до объединения рыбаков в колхозы, средний улов на одного рыбака составлял за сезон 26,4 центнера, то в условиях коллективной работы в 1950 году — уже 64,4 центнера. Доходы рыбаков значительно выросли.

Из среды трудового крестьянства выдвинулись сотни руководителей колхозов и совхозов, новаторов социалистического сельского хозяйства. Всей республике стали известны имена Героев Социалистического Труда — К. Исака, Х. Круусалу, А. Микомяги, Э. Блуменфельд, И. Паукку, знатной трактористки Э. Отсман, председателя передового колхоза «Уус Элу» Раплаского района Х. Олбрея и многих других.

Колхозный строй породил производственную активность масс, разбудил их творческие силы. Забитые и угнетенные в прошлом, при капитализме, эстонские крестьяне встали в условиях колхозного строя, вместе с рабочими, в ряды активных строителей новой жизни. Значительно окреп союз рабочего класса и крестьянства.

В ходе проведения коллективизации были допущены и ошибки. ЦК ВКП(б) в своем постановлении, принятом в 1947 году, рекомендовал при создании колхозов в прибалтийских советских республиках не проявлять ненужной торопливости. Однако коллективизация в Эстонской ССР была проведена слишком быстрыми темпами. Это обстоятельство снижало эффективность государ-

ственной помощи колхозам и работы по их организационно-хозяйственному укреплению. В результате многие колхозы начали свою деятельность, будучи экономически и организационно слабыми, что, естественно, затормозило развитие их общественного хозяйства.

Дальнейшему подъему социалистического сельского хозяйства стало препятствовать то обстоятельство, что многие колхозы были мелкие. Мелкие колхозы не могли успешно использовать ту мощную технику, которой снабжала их советская промышленность, осуществить в больших масштабах мелиоративные работы, обеспечить дальнейший быстрый рост общественного производства и доходов колхозников.

К. Исак, первый Герой Социалистического Труда в Эстонской ССР.

В 1950 году мелкие колхозы начали повсюду объединяться. В Эстонской ССР вместо 2200 колхозов, существовавших в 1950 году, было создано к 1952 году 937 сельскохозяйственных артелей и 84 рыболовецких колхоза. В среднем на каждую сельскохозяйственную артель теперь приходилось 2600 га земли (из них пахотной — около 840 га). Но в ряде случаев при укрупнении колхозов в республике были допущены просчеты. Укрупнение колхозов осуществлялось часто наспех, перед этим не были закреплены успехи колхозов, сделанные ими в организационно-хозяйственном укреплении их общественного хозяйства, не всегда учитывалась разбросанность сельскохозяйственных угодий, производственных и жилых построек при хуторском расселении колхозников. Это привело в ряде случаев к созданию чрезмерно крупных, в условиях Эстонской ССР, колхозов, что затрудняло в подобных колхозах организацию труда. В ходе дальнейшей борьбы за развитие сельского хозяйства принимались меры к ликвидации этих ошибок. В целом укрупнение сельскохозяйственных артелей было все же правильным мероприятием, оно способствовало дальнейшему укреплению колхозного строя.

При МТС республики были созданы в 1950 году политические

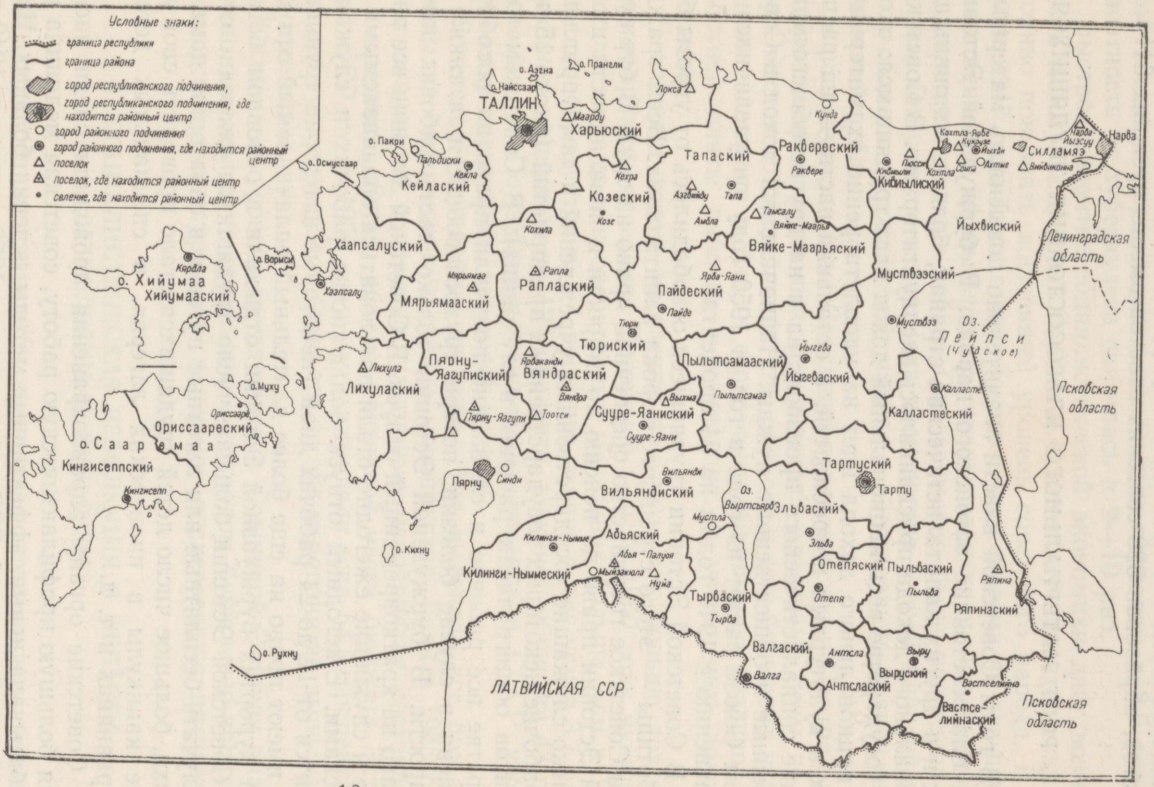
отделы. Политотделы, просуществовавшие до 1953 года, помогли политическому и организационному укреплению артелей.

В результате самоотверженного труда крестьянства и помощи, оказанной государством, сельское хозяйство Эстонии достигло к концу пятилетки заметных успехов. Правда, посевные площади республики, урожайность полей и поголовье скота, которые сильно сократились в годы войны, не достигли еще довоенного уровня. Однако посевные площади выросли за пятилетие все же на 17,2 процента (при этом под техническими культурами — в 3,5 раза). Поголовье крупного рогатого скота увеличилось на 12,4 процента (в том числе поголовье коров на 20,8 процента), поголовье свиней — на 47,7 процента, овец и коз — на 9,1 процента. Сильно возросла техническая вооруженность сельского хозяйства. Была проведена также большая работа по электрификации сельского хозяйства. За годы первой послевоенной пятилетки в Эстонской ССР было посеяно и посажено леса на площади почти 60 тысяч гектаров, начались работы по осушению заболоченных лесных массивов.

Районирование Эстонской ССР. После победоносного окончания Великой Отечественной войны в административно-территориальное деление Эстонии были внесены некоторые изменения. Указом Президиума Верховного Совета Эстонской ССР от 18 января 1945 года был ликвидирован как административная единица Петсериский уезд. Часть территории бывшего уезда Петсери, населенная в основном русским населением, вошла в состав Псковской области РСФСР, другая часть, где преобладало эстонское население, была включена в состав Выруского уезда. Линией границы между Вируским уездом и Ленинградской областью в том же, 1945 году, была установлена река Нарва. В 1946 году из состава Ляэнеского уезда был выделен остров Хийумаа и образован Хийуский уезд. В 1949 году в интересах развития сланцевого бассейна из восточных волостей Вируского уезда был образован Йыхвиский уезд. Поскольку территория Тартуского уезда была слишком велика, что затрудняло хозяйственные и политическое руководство им, из его северных волостей был образован Йыгеваский уезд.

Социалистическое переустройство сельского хозяйства вызвало необходимость внести новые изменения в административно-территориальное деление республики. 1 октября 1950 года устаревшее административно-территориальное деление Эстонии было заменено новым. Вместо прежних 13 уездов и 233 волостей было образовано 39 сельских районов (2 из них были ликвидированы в 1957 г.) с подчинением их непосредственно республиканским органам.

В поисках лучших форм управления социалистическим народным хозяйством в составе Эстонской ССР были образованы в 1952 году три области. Но опыт показал нецелесообразность



Административная карта Эстонской ССР.

областного административного деления в условиях Эстонии, и оно было вскоре ликвидировано.

Позднее, в июне 1954 года, в связи с укреплением колхозов и проведением межколхозного землеустройства Президиум Верховного Совета Эстонской ССР укрупнил территории сельских советов, образовав 320 сельских советов вместо прежних 641.

§ 3. РОСТ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ТРУДЯЩИХСЯ

В годы Советской власти значительно повысилось материальное благосостояние эстонского народа. В буржуазной Эстонии, как и в других капиталистических странах, больше половины национального дохода присваивалось эксплуататорами. В Советском же государстве весь национальный доход идет трудящимся: около $^3/_4$ национального дохода идет на удовлетворение их материальных и культурных потребностей, а остальная часть — на расширение социалистического производства и на другие общегосударственные и общественные нужды. Национальный доход в Советском Союзе растет из года в год, в 1950 году он увеличился по сравнению с 1940 годом на 64 процента.

В Советской Эстонии трудящиеся освободились от угрозы безработицы — этого страшного порока капитализма. Всем гражданам Советское государство обеспечило право на труд. В буржуазной Эстонии право на пенсию по старости и инвалидности имели только служащие государственных учреждений и самоуправлений и рабочие некоторых государственных предприятий (около 15 процентов общего числа рабочих и служащих). В Советском государстве все рабочие и служащие получили право на пособие и пенсии в случае болезни, потери трудоспособности, а также по старости. В буржуазной Эстонии только часть рабочих имела право на кратковременный отпуск. В Советской Эстонии все рабочие и служащие ежегодно стали пользоваться оплачиваемыми отпусками. Ежегодный отпуск большинства рабочих и служащих длится от 12 до 24 рабочих дней (некоторые категории трудящихся имеют право на еще более длительный оплачиваемый отпуск). На курортах буржуазной Эстонии отдыхали в основном богачи. В Советской Эстонии большое число трудящихся ежегодно стало получать бесплатные или льготные путевки в санатории, дома отдыха, большое число детей трудящихся стало проводить свои летние каникулы в пионерских лагерях, в специальных детских здравницах и т. д.

Советские органы здравоохранения проводили среди населения большую профилактическую работу, советская медицина разрабатывала новые, эффективные методы лечения больных. Число врачей в Эстонской ССР увеличилось с 1056 человек в 1940 году до 1491 в 1950 году (а в 1955 году — уже до 2398), количество больничных коек составляло в 1940 году 5100, а в 1950 году —

7300 (в 1955 году — 9900). Улучшение постановки дела здравоохранения и повышение материального благосостояния народа привело к сильному сокращению смертности и увеличению рождаемости. Заболеваемость туберкулезом, одной из наиболее распространенных в Эстонии болезней, уменьшилась за годы Советской власти по сравнению с довоенным периодом в 2,5 раза, а смертность от туберкулеза снизилась в 9—10 раз.

Быстрое развитие социалистической экономики дает возможность Коммунистической партии и Советскому правительству постоянно повышать жизненный уровень советского народа. В декабре 1947 года была отменена карточная система на все продовольственные и промышленные товары, введенная как временное мероприятие в годы войны. Одновременно была проведена реформа, которая ликвидировала последствия второй мировой войны в области денежного обращения и восстановила полноценный советский рубль.

В последующие годы Советское правительство и Центральный Комитет партии несколько раз снижали розничные цены на товары массового потребления. Это привело к еще большему укреплению советского рубля, к серьезному повышению реальной заработной платы рабочих и служащих, к увеличению доходов крестьян.

С каждым годом население покупало все больше товаров. Так, например, население Эстонской ССР в 1950 году купило в государственных и кооперативных магазинах больше, чем в 1949 году: мясопродуктов на 74 процента, жиров более чем в 3,7 раза, молочных продуктов на 124 процента, кожаной обуви на 43 процента и т. д. Потребление важнейших товаров в СССР уже в 1949 году превысило довоенный уровень.

Советское государство из года в год выделяло все большие суммы на социально-культурные мероприятия. Если в 1945 году ассигнования на социально-культурные мероприятия составляли 45,4 процента общего объема расходной части бюджета Эстонской ССР, то в 1950 году они составляли уже 54,5 процента, а за 5 лет сумма расходов бюджета на эти мероприятия выросла на 219 процентов.

Жизненный уровень трудящихся в Советской Эстонии значительно повысился по сравнению с периодом буржуазно-националистической диктатуры уже в первую послевоенную пятилетку.

§ 4. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ОБЛАСТИ ИДЕОЛОГИИ И КУЛЬТУРЫ

В послевоенные годы в Эстонии была осуществлена революция в области идеологии и культуры, являющаяся составной частью социалистической революции. Она осуществлялась постепенно, под руководством Коммунистической партии, на основе

социалистического строя. Культурная революция выражалась в быстром подъеме народного образования, появлении кадров новой, советской интеллигенции, воспитании членов советского общества в духе идей коммунизма, в вытеснении буржуазно-националистической идеологии, складывании и развитии новой, социалистической культуры эстонского народа.

Процесс развития эстонской национальной культуры в послевоенный период — это прежде всего процесс все большего сближения культуры с жизнью народа и обогащения ее социалистическими идеями. Почвой для этого процесса в первые послевоенные годы служило строительство социализма, а затем утвердившееся и крепнущее социалистическое общество.

Развитие культуры не могло проходить без противоречий и трудностей. В 40-е годы в работе некоторой части деятелей культуры еще сильно сказывалось влияние буржуазно-националистической идеологии. Далеко еще не была преодолена аполитичность, искусство не освободилось еще от влияния формализма и модернизма. В практической деятельности это проявлялось в попытках отдельных деятелей культуры не допустить опубликования и постановки в театрах глубоко партийных эстонских советских художественных произведений, получивших позднее высокую оценку общественности, в фактах идеализации буржуазного строя, в стремлении обособиться от народных масс, в недооценке дружбы народов как одной из движущих сил развития советского общества и т. п.

Коммунистическая партия помогала работникам культуры правильно осмыслить задачи, стоящие перед народом, овладеть марксистско-ленинской теорией, направляла работу творческой интеллигенции, руководила всем процессом культурного строительства.

Значительное программное влияние на развитие эстонской советской культуры оказали постановления ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам («О журналах «Звезда» и «Ленинград» от 14 августа 1946 года, «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 года, «О кинофильме «Большая жизнь» от 4 сентября 1946 года). Центральный Комитет указал в этих постановлениях, что в отдельных советских произведениях литературы и искусства находят свое выражение факты раболепия и низкопоклонства перед буржуазной культурой, факты безыдейности и безразличия к советской политике. Центральный Комитет осудил эти явления в советской культуре как вредные и призвал деятелей культуры создавать высокоидейные произведения литературы и искусства, которые воспитывали бы трудящихся в духе советского патриотизма, дружбы народов СССР, в духе готовности преодолеть любые препятствия на пути строительства коммунизма.

Состоявшийся в 1950 году VIII пленум ЦК КП Эстонии вскрыл ряд недостатков и ошибок в руководстве эстонской пар-

тийной организации. Пленум ориентировал и работников культуры на решительную борьбу с проявлениями буржуазного национализма, призвал их еще теснее сплотиться под знаменем Коммунистической партии. Пленум избрал первым секретарем ЦК КП Эстонии И. Кэбина. На сессии Верховного Совета республики в 1951 году председателем Совета Министров был утвержден А. Мюрисеп. На той же сессии председателем Президиума Верховного Совета был избран народный писатель А. Якобсон (занимавший этот пост до начала 1958 года, когда Председателем Президиума Верховного Совета ЭССР был избран И. Эйхфельд).

Партийная организация провела после пленума большую работу по ликвидации вскрытых ошибок и недостатков. Однако при проведении в жизнь решений пленума были допущены некоторые искривления. Известное распространение в республике получил формальный, анкетный подход к кадрам, в частности, к представителям старой интеллигенции. Не всегда получали отпор факты пренебрежительного отношения к национальным особенностям и недооценки культурного наследия. Отдельные ошибки и перегибы при проведении в жизнь решений VIII пленума были вызваны также фактами нарушения социалистической законности и необоснованных репрессий. Это стало возможным в результате того, что враг советского народа, агент империализма Берия и его ближайшие помощники, временно пробравшиеся к руководству органами государственной безопасности СССР, вышли из-под контроля партийных органов и умышленно нарушали принципы социалистической законности.

Коммунистическая партия приняла меры к устранению этих ошибок.

Известную тормозящую роль в развитии культуры оказал и культ личности, который поощрялся И. В. Сталиным в последние годы его жизни.

Несмотря, однако, на наличие указанных факторов, оказавших отрицательное влияние на развитие советской культуры, эстонская советская культура развивалась в послевоенный период небывало быстрыми темпами и в основном в правильном направлении. Генеральной линией развития эстонской литературы и искусства стал социалистический реализм, утвердившийся как творческий метод мастеров культуры.

Успехи народного образования и культурно-просветительной работы. Главная задача Советской власти в области народного образования в Эстонии состояла в том, чтобы поставить школу на службу интересам самых широких народных масс.

Срок всеобщего обязательного обучения был продлен уже в 1940 году до 7 лет. Количество школ и классных комплектов, особенно в сельской местности, было увеличено. Детям низкооплачиваемых категорий рабочих и служащих оказывалась мате-

риальная помощь. В результате этих мероприятий численность учащихся в общеобразовательных школах достигла в 1950 году 156,5 тысячи человек (против 121,1 тысячи в 1940 году). Число учащихся в техникумах и других специальных средних учебных заведениях увеличилось с 2,1 тысячи в 1940 году до 10,4 тысячи в 1950 году. Редкими стали случаи выбытия учащихся из учебных заведений до их окончания. В 1950 году вузы Советской Эстонии выпустили 1057 молодых специалистов, тогда как высшие учебные заведения буржуазной Эстонии выпускали в среднем ежегодно только 291 специалиста.

Тысячи трудящихся, лишенные возможности учиться при буржуазном строе и в годы войны, получали образование и пополняли свои знания в вечерних школах, заочно и на различных курсах.

Советская демократическая система народного образования, воспитывающая учащихся в духе марксистско-ленинской идеологии, подготовила значительное количество новой, социалистической интеллигенции, которая вышла из среды трудящихся классов, кровно связана с народом и работает в интересах народа.

Большой размах получило книгоиздательское дело. В буржуазной Эстонии тиражи книг были маленькими, книги стоили очень дорого. Цены на литературно-художественные произведения достигали пятой части месячной зарплаты рабочего. Большое место среди издававшихся книг занимали бульварная литература, псевдопатриотические, разжигавшие националистические чувства произведения, различные рекламные издания и т. п. В Советской Эстонии книгоиздательское дело развивалось на принципиально новой основе. Государство стало выделять для нужд издательств большие суммы. Тиражи книг резко увеличились. С 1945 по 1950 год в Эстонской ССР было издано в среднем более 30 книг и брошюр на каждого жителя. Была начата работа по изданию на эстонском языке Сочинений В. И. Ленина и Сочинений И. В. Сталина. Цены на книги очень сильно снизились. Несмотря на большое развитие книгоиздательского дела, республиканское издательство, однако, еще далеко не полностью удовлетворяло запросы читателей в книгах.

Заметно увеличилось за эти годы и количество библиотек, особенно в сельской местности. В среднем на каждые 730 жителей приходилась в 1950 году одна массовая библиотека. Количество читателей в публичных библиотеках составляло в 1939 году 106 тысяч, а в 1950 году — 207 тысяч человек.

Радиосооружения Эстонии были разрушены в 1944 году отступавшими немецко-фашистскими войсками. В послевоенные годы были построены мощная республиканская радиовещательная станция и Дом радио, считающийся одним из лучших радиодомов в Советском Союзе. Количество киноустановок было доведено с 56 в 1940 году до 207 в 1950 году.

Почти сто тысяч человек было вовлечено в кружки художественной самодеятельности. Ежегодно стали проводиться общереспубликанские смотры художественной самодеятельности, что способствовало выявлению народных талантов.

Культурно-просветительная работа, проводившаяся под руководством Коммунистической партии при активном участии профсоюзных и комсомольских организаций, способствовала внедрению идей коммунизма в сознание широких народных масс.

Дом культуры в Кохтла-Ярве.

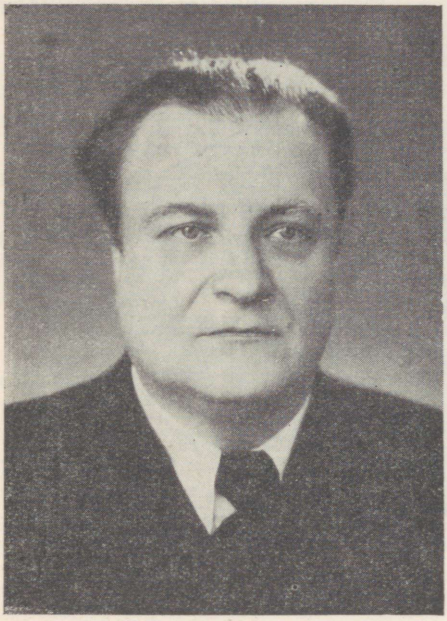
Развитие эстонской советской литературы и искусства. В 40-х годах в историю эстонской литературы прочно вошли новые имена — Юхан Смуул, Ганс Леберехт, Дебора Вааранди, Ральф Парве и другие.

В первые послевоенные годы в эстонской литературе преобладали поэзия и драматургия. Характерные мотивы поэзии послевоенных лет — это торжество победы советского народа над фашистскими захватчиками, пафос мирного социалистического труда. Поэты ярко показывали огромные социальные изменения, которые принес народу советский строй.

Наиболее художественно удачными и жизненно правдивыми произведениями в области поэзии, отражающими темы социалистического строительства, являются книги «Бригада парней из Ярвесуу» (1948) и «Чтобы яблони цвели» (1951) Ю. Смуула, сборники «Под шум прибоя» (1948) и «В ясное утро» (1950)

Д. Вааранди, «Власть народа» (1950) П. Руммо, «На боевом посту» (1950) Р. Парве, «Твердой поступью» (1950) Ф. Котта и др.

Среди поэтов, а позднее и среди прозаиков, в послевоенные годы стал выделяться Ю. Смуул. Для его произведений характерно чувство глубокой партийности, большой любви к своему народу и родине, проникновенность и искренность. Язык его произведений ярок, колоритен, народен.



А. Якобсон.

Ведущее место в драматургии в послевоенные годы занимал Аугуст Якобсон. Наиболее выдающиеся его произведения послевоенных лет — драмы «Жизнь в цитадели» (1946) и «Борьба без линии фронта» (1947). В первой из них автор разоблачает человеконенавистническую психологию фашизма, показывает, что лишь на руку врагам трудящихся играют те люди, которые пытаются в ходе борьбы между прогрессивными и реакционными силами замкнуться в своей скорлупе, показывает правоту людей, борющихся за идеалы коммунизма. В драме «Борьба без линии фронта» Якобсон вскрывает беспочвенность бредней буржуазных националистов о гармонии классовых интересов в рамках «единой национальной семьи» в буржуазном обществе. Последующие произведения Якобсона — «Ржавчина» (1947), «Два лагеря» (1948), «Строители» (1950), «На грани ночи и дня» (1950) — посвящены проблемам классовой борьбы и социалистического строительства, борьбе сторонников демократии и мира с силами реакции, разоблачению гнойников превозносимого империалистами так называемого американского образа жизни и т. д.

Симпатии читателей завоевал Ааду Хинт — хороший знаток жизни и быта рыбаков. В 1947 году он опубликовал пьесу «Шхуна рыбаков Тагаранна», а еще через два года пьесу «Куда идешь, товарищ директор?», в которых изобразил борьбу эстонских рыбаков за переустройство своей жизни.

В 1949 году Г. Леберехт опубликовал повесть «Свет в Коорди»,

написанную на основе богатого жизненного материала. В ней автор рассказал о великом переломе в эстонской деревне — переходе крестьянства на путь социализма.

Успешно работали также писатели Э. Мянник, Э. Крустен, М. Рауд, Р. Сирге, О. Тооминг и ряд других.

Лучшие произведения эстонских литераторов распространялись и далеко за пределами республики, они переводились на языки многих братских советских народов, издавались в странах народной демократии.

Только в годы Советской власти стали доступны в переводах широким кругам читателей за пределами Эстонии произведения Ф. Р. Крейцвальда, Л. Койдула, Э. Борнхёэ, Э. Вильде, Ю. Лийва, А. Таммсааре, О. Лутса, Э. Сяргава-Петерсона и других выдающихся эстонских писателей.

В Советской Эстонии стало издаваться большими тиражами наследие классиков эстонской литературы. Эпос «Калевипоэг» был издан за годы Советской власти в большем количестве экземпляров, чем за все предыдущее время.

Состоявшаяся в мае 1950 года в Москве декада эстонской литературы и искусства явилась ярким выражением дружбы советских народов и продемонстрировала значительный рост эстонской советской культуры.

Э. Капп.

Особенно больших успехов за годы Советской власти достигли деятели эстонской музыкальной культуры.

Уже в период Великой Отечественной войны эстонские композиторы написали ряд песен, ставших популярными в народе: «Моя родина, моя любовь», «Холодные печи» (композитор Г. Эрнесакс), «Призыв», «К оружию, народ!» (композитор Э. Капп), «Марш победы», «Город Таллин» (композитор Э. Арро) и другие.

В послевоенные годы Г. Эрнесакс, М. Саар, Б. Кырвер и другие создали большое количество новых песен, в которых воспеваются свобода, завоеванная эстонским народом, его созидательный, творческий труд, мир и дружба народов.

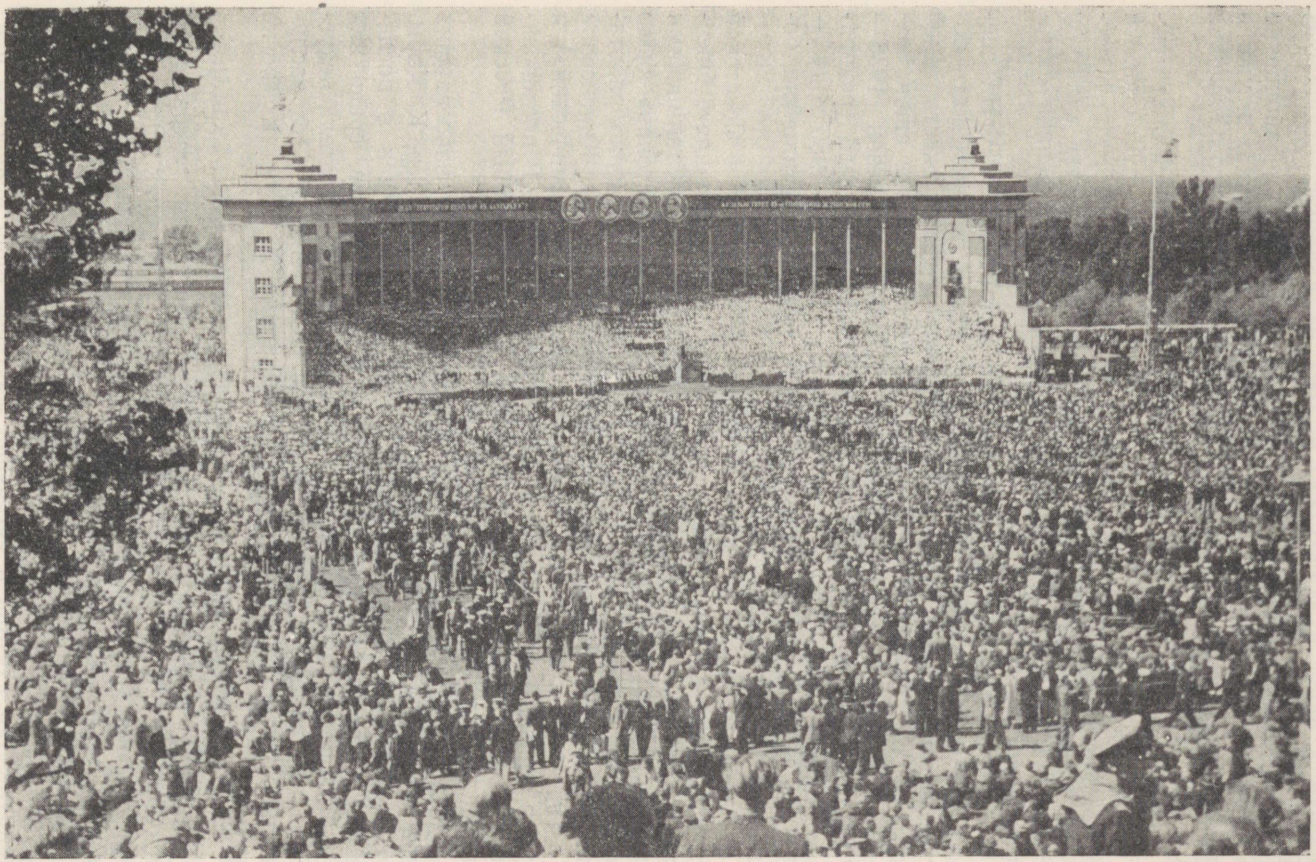
Появился также ряд крупных оркестровых произведений.

В 1943 году Э. Капп создал «Патриотическую симфонию». В послевоенные годы один из старейших эстонских композиторов А. Капп написал «Молодежную симфонию», посвятив ее комсомолу. Он же создал симфонию «За мир». Кантату «Власть народа» написал Э. Капп.

Первая эстонская советская опера «Огни мщения» была создана в годы Великой Отечественной войны Э. Каппом (либретто П. Руммо). В основу сюжета этой оперы легли события крестьянского восстания 1343 года. Летом 1946 года на сцене театра «Эстония» впервые была поставлена опера Г. Эрнесакса «Пюхаярв» (либретто Ю. Сютисте), повествующая о восстании эстонских крестьян в 40-х годах прошлого века. В ноябре 1947 года таллинские зрители увидели на сцене первый эстонский советский балет «Калевипоэг» (композитор Э. Капп, либретто А. Сярева), написанный на сюжет эстонского народного эпоса. Два года спустя коллективом театра «Эстония» была осуществлена постановка новой оперы композитора Г. Эрнесакса «Берег бурь» (либретто Ю. Смуула), рассказывающей о борьбе хийумаских крестьян против немецкого феодала-помещика на рубеже XVIII и XIX столетий. В дни юбилейных торжеств, посвященных десятой годовщине Советской Эстонии, на сцене театра появилась опера «Певец свободы» (композитор Э. Капп, либретто П. Руммо) — героико-патриотическое произведение о строителях и защитниках молодой Советской Эстонии.

Г. Эрнесакс.

Подлинно народный характер приобрела в годы Советской власти эстонская хоровая культура. Хоровая песня стала самым массовым жанром самодеятельного искусства. Во всех районах республики, почти на каждом предприятии, в каждом колхозе были организованы хоровые коллективы. Ежегодно стали проводиться районные и городские дни песни, а через каждые пять лет — общереспубликанские Праздники песни Советской Эстонии. Праздники песни стали подлинными праздниками эстонской советской национальной культуры. Число исполнителей — певцов, танцоров и музыкантов — на республиканских Праздниках песни Советской Эстонии выросло до 30 тысяч.



Праздник песни в честь XV годовщины Советской Эстонии.

Большую популярность завоевал основанный в 1944 году профессиональный Государственный Академический мужской хор Эстонской ССР, руководимый народным артистом Союза ССР Г. Эрнесаксом. Этот художественный коллектив неоднократно выступал с концертами также в братских республиках и уже в первые годы своей деятельности завоевал славу одного из лучших хоров СССР.

Среди самодеятельных хоров наиболее выдающимся стал мужской хор Дома культуры имени Я. Томпа в Таллине, руководимый народным артистом Эстонской ССР Ю. Варисте. Этот хор в послевоенные годы несколько раз представлял хоровую культуру Эстонской ССР на Всесоюзных смотрах художественной самодеятельности.

Больших успехов добились театры Эстонской ССР. На сценах эстонских театров почетное место стало принадлежать постановкам, которые отражают борьбу народа за торжество идей коммунизма. Об успехах эстонских советских театров свидетельствует большой рост количества зрителей. В сезон 1938—1939 года театры Эстонии посетило 671 тысяча зрителей (рекордная цифра для буржуазной Эстонии), в 1949—1950 году — 800 тысяч зрителей (в 1955—1956 году театры посетило уже более одного миллиона человек).

Главным очагом оперной и балетной культуры в Советской Эстонии был во все послевоенные годы театр «Эстония». Оперные постановки этого театра трижды были отмечены Сталинскими премиями. За успешную деятельность театру «Эстония» было присвоено наименование «академический». Плодотворно работали также Таллинский драматический театр им. В. Кингисеппа (в 1957 году и этот театр удостоился звания «академический») и театр оперы, балета и драмы «Ванемуйне» в Тарту. В послевоенные годы в Таллине были основаны Государственный Русский драматический театр и Театр кукол.

Ряды крупных мастеров сценического искусства, завоевавших признание уже в прежние годы (Т. Куузик, А. Лаутер, К. Карм, ныне народные артисты СССР, и др.), пополнились в послевоенное время большим отрядом молодых талантов, среди них такие хорошо известные и за пределами Эстонии деятели искусства, как народный артист Эстонской ССР певец Г. Отс, заслуженная артистка Эстонской ССР балерина Х. Пуур и многие другие.

Эстонский советский театр развивался в процессе постоянного обмена творческим опытом между деятелями театрального искусства Эстонии и братских советских республик. Эстонские артисты неоднократно демонстрировали свои творческие достижения за пределами республики.

В послевоенные годы в Эстонии была создана национальная студия художественных и хроникальных фильмов. В результате содружества русских и эстонских мастеров кино появились пер-

вые эстонские советские художественные фильмы. Из них три фильма — «Жизнь в цитадели» и два документальных фильма «Советская Эстония» (в 1947 и 1950 году) — были отмечены Сталинскими премиями. Однако национальное киноискусство в Эстонии, несмотря на некоторые успехи, отставало в своем развитии от других видов искусства.

Интенсивно развивалось изобразительное искусство. Тесная связь художников с окружающей действительностью послужила предпосылкой к тому, что уже в первые послевоенные годы в живописи, графике и скульптуре правдиво стал отображаться напряженный труд народа по восстановлению народного хозяйства и строительству новой жизни. Простой трудящийся человек стал главным героем эстонского изобразительного искусства.

Творческая чуткость, внимательное отношение к рождающемуся в жизни новому были особенно присущи графике. В произведениях Э. Эйнмана, Э. Окаса, А. Хойдре, Р. Кальо и др. искренне и живо изображены люди и трудовые сцены. Эстонские и армянские пейзажи выдающегося рисовальщика Г. Рейндорфа поднялись до художественно зрелых обобщений. В полотнах и скульптурах Р. Треумана, В. Вяли, Ю. Выэрахансу, В. Меллика, М. Сакса, Ф. Саннамээса и ряда других проявилось стремление к содержательности образа, к доступности изобразительного языка — важная тенденция в развитии эстонского искусства того времени.

Восстановительный период дал толчок развитию монументального искусства. К числу лучших достижений здесь относятся плафон Э. Китса, Э. Окаса и Р. Сагритса во вновь отстроенном театре «Эстония», а также памятник освободителям Таллина работы Э. Рооса и А. Аласа.

Одним из наиболее существенных достижений эстонского советского изобразительного искусства является возникновение и развитие сюжетно-тематической картины. 1948—1950 годы ознаменовались появлением ряда многофигурных тематических композиций. Часто художники обращались к историко-революционной тематике. Лучшими произведениями в этой области искусства были «Восстание эстонских крестьян в 1905 году» Э. Окаса, «Расстрел рабочей демонстрации на таллинском Новом рынке в 1905 году» Э. Китса, «Эстонские красногвардейцы на подступах к Раквере в 1918 году» О. Раунама и скульптурные портреты революционеров, исполненные Г. Поммером и А. Каазиком.

Были сделаны первые попытки создания обобщающего образа современного советского человека («Портрет старого большевика И. Меликова» В. Лойка), выделения черт характера, сформировавшихся под воздействием социалистического общества («Портрет кузнеца Я. Ваарака» работы Р. Треумана). Смелой индивидуальной характеристикой и мастерским исполнением выделяются произведения И. Хирва. Созданный им портрет В. И. Ленина относится к числу серьезных достижений эстонской советской

скульптуры. Развивалась тематическая графика. К решению существенных идейно-художественных задач стремилось искусство книжной иллюстрации. В этой области следует отметить созданные А. Хойдре, О. Кангиласки и Р. Сагритсом иллюстрации к эпосу «Калевипоэг».

К началу 50-х годов в эстонском изобразительном искусстве победил метод социалистического реализма. Выразилось это прежде всего в более глубоком понимании художниками совре-

Картина Р. Треумана и В. Карруса.
Вызов трактористов на социалистическое соревнование.

менной советской действительности, в их стремлении выделить из массы явлений значительное, переломное. Одним из лучших произведений, отражающих жизнь народа, является картина В. Карруса и Р. Треумана «Вызов трактористов на социалистическое соревнование» (1951), где художественно убедительно показаны социалистическая эстонская деревня, ее люди и их взаимоотношения. Ново и ценно здесь — свежесть жизненных наблюдений, удачно найденный типаж, умение обобщать виденное в образно-эмоциональной форме.

Во многих случаях, однако, недостаточно высокий уровень мастерства стал тормозить создание полнокровных, подлинно эмоциональных образов. Художникам предстояла длительная работа над углублением творческого метода, поднятием культуры художественной формы. Постановка более сложных задач и попытки решения их имели важное значение для эстонской советской жи-

вописи тех лет. Уделение бóльшего внимания вопросам мастерства рисунка и композиции, вопросам живописной техники ускорило процесс дальнейшего развития искусства, нанесло удар по оставшейся еще от буржуазного времени эскизности, незаконченности.

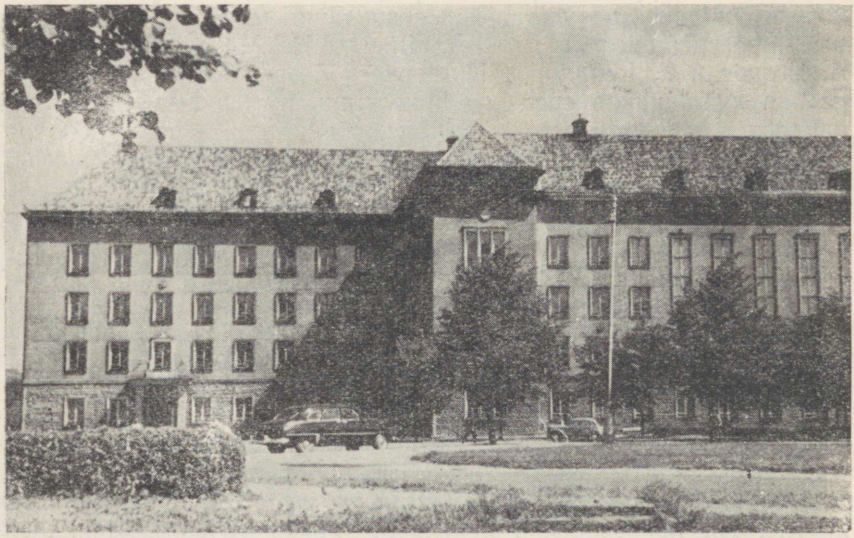
К началу 50-х годов был пройден сложный, полный борьбы этап в развитии эстонского советского искусства и создана прочная база социалистического реализма. Вырос сильный, творчески способный коллектив советских художников. Неоценимые заслуги в перенесении лучших традиций реалистического искусства прошлого в советское искусство и в воспитании молодых художников имели старейшие мастера А. Янсен, В. Меллик, Р. Ниман, А. Егоров и Г. Рейндорф. К творческой зрелости приближалась плеяда художников среднего поколения, путь развития которой начался в основном в годы Советской власти. Их ряды пополнялись талантливой молодежью, получившей образование в советской художественной школе.

Важное место в эстонской советской национальной культуре занимает прикладное искусство. Оно созрело на богатых традициях народного творчества и на базисе сложившегося в 20—30-х годах профессионального прикладного искусства. В послевоенные годы успешно развивались такие отрасли прикладного искусства, как художественный текстиль, художественная обработка кожи и стекла, ювелирное дело, художественная керамика, роспись фарфора, мебельное дело и др. Большой вклад в развитие прикладного искусства внес ряд видных мастеров: А. Рейндорф, М. Адамсон, Л. Эрм, Адамсон-Эрик, В. Йыэсте, М. Роосма, Э. Куррель, В. Эллер, М. Ряэк, Э. Пийпуу, В. Каарма, М. Каарма и многие другие. Их произведения исполнены яркой творческой индивидуальности. Работы многих художников-прикладников младшего поколения говорят об их творческой зрелости.

Эстонское советское прикладное искусство, для которого свойственно яркое национальное своеобразие, высокий художественный и технический уровень, нашло широкое признание как в братских советских республиках, так и за пределами нашей страны.

Содержание эстонской национальной культуры в годы Советской власти коренным образом изменилось. Элементы демократической и социалистической культуры, имевшиеся в национальной культуре уже до восстановления Советской власти, развились, окрепли, вытеснили господствующую прежде буржуазную культуру. Эстонская национальная культура стала единой, социалистической по содержанию культурой. Это подлинно народная, проникнутая идеями советского патриотизма и пролетарского интернационализма культура. Она использует в своем развитии прогрессивную часть национального культурного наследия, прогрессивные завоевания культуры всех времен и народов. Развиваясь и обогащаясь за счет достижений культур других народов, она вносит и свой вклад в общую сокровищницу мировой культуры. Значительный рост рядов национальных кадров творческой ин-

теллигенции, небывалое прежде поощрение талантов, декады эстонской литературы и искусства за пределами республики, быстрое развитие книгоиздательского дела, заимствование традиций праздников песни многими другими народами Советского Союза, распространение далеко за пределами Эстонской ССР произведений эстонского изобразительного и особенно прикладного искусства — все это наглядно подтверждает быстрое развитие национальной культуры в годы Советской власти.



Главное здание Академии наук Эстонской ССР в Таллине.

Развитие науки в Советской Эстонии. Крупнейшим событием в научной жизни республики в послевоенные годы было основание в 1946 году Академии наук Эстонской ССР в составе 13 институтов, Центральной библиотеки, 3 музеев и 2 научных обществ. Комплектование институтов кадрами было сопряжено с трудностями, так как в буржуазной Эстонии количество ученых было сравнительно ограниченным, к тому же в годы немецко-фашистской оккупации число ученых заметно сократилось. Постепенно под руководством опытных ученых — академиков И. Вески, А. Киппера, П. Когермана, О. Маддисона, Ю. Нута, И. Эйхфельда, П. Аристе, Х. Моора и других — вырастали молодые кадры ученых. Значительную помощь в подготовке кадров эстонских советских ученых оказали научные учреждения и вузы братских советских республик. Первые 3—4 года в жизни Академии представляли собой период организационный и период исканий. В годы второй послевоенной пятилетки Академия наук Эстонской ССР стала уже крупным центром советской

науки. В штате учреждений Академии наук — свыше тысячи человек.

Благоприятные условия для научной работы были созданы также в Тартуском Государственном университете, Таллинском политехническом институте и других вузах.

Ученые Советской Эстонии направили свои усилия прежде всего на разрешение задач, связанных с насущными интересами развития народного хозяйства и культуры. К числу таких задач

Члены-корреспонденты Академии наук Эстонской ССР лауреаты Сталинской премии Михкель Пилль (слева) и Юлиус Аамисепп.

относятся проблема комплексного использования горючих сланцев, разработка новой, прогрессивной технологии переработки горючих сланцев с получением высококалорийного газа, жидких топлив, ценного химического сырья и использование сланцевой золы для производства дешевых строительных материалов. В области сельского хозяйства в значительно больших масштабах, чем раньше, велись работы по изучению почв, выяснению наилучших методов удобрения полей, по внедрению правильных севооборотов, созданию надежной кормовой базы для животноводства, по улучшению продуктивности животноводства и т. д. За плодотворную работу по выведению новых, ракоустойчивых сортов картофеля (нашедших широкое распространение и в братских советских республиках), зерновых, бобовых и других сельскохозяйственных культур члены-корреспонденты Академии наук Эстон-

ской ССР Ю. Аамисепп и М. Пилль были удостоены Сталинских премий.

Наряду с решением задач, связанных с конкретными вопросами развития народного хозяйства, проводилась исследовательская работа в области звездной астрономии, астрофизики и других теоретических проблем. Развернулись работы по изучению истории, языка и культуры эстонского народа и марксистской переоценке результатов прежней работы в этих областях науки.

В первые послевоенные годы часть эстонских ученых была еще под сильным влиянием буржуазной идеологии. Коммунистическая партия помогла им постепенно отрешиться от немарксистских концепций, стать активными строителями коммунистического общества. Этому способствовали успехи социалистического строительства и вся советская действительность.

§ 5. ОБРАЗОВАНИЕ ЭСТОНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НАЦИИ

В процессе социалистической индустриализации республики, коллективизации сельского хозяйства и осуществления культурной революции коренным образом изменился облик эстонской нации. Образовалась новая эстонская нация — эстонская социалистическая нация. Она образовалась на базе старой, буржуазной эстонской нации — путем коренного ее преобразования в духе социализма.

Эстонская буржуазная нация состояла из враждебных классов: на одном полюсе были эксплуататорские классы, на другом — эксплуатируемые трудящиеся массы. Между ними постоянно шла острая классовая борьба, перераставшая порой в открытые вооруженные столкновения. Буржуазия и ее националистические партии пытались заглушить эту борьбу, поэтому они усиленно твердили, что интересы всего эстонского народа едины, и разжигали вражду к трудящимся других национальностей, прежде всего к русскому народу, который является наиболее многочисленной нацией Советского Союза — первого рабоче-крестьянского государства. Буржуазия Эстонии толкала эстонскую нацию на сотрудничество с империализмом, лагерем реакции и поджигателей войны, подчиняла интересы своей нации интересам империализма, что неизбежно приводило к частичному отказу от национальной независимости и национального суверенитета.

После ликвидации буржуазных классов эстонская нация стала состоять из освобожденных от эксплуатации тружеников социалистического общества. Коренные интересы всей эстонской социалистической нации — рабочих, колхозников и интеллигенции — совпадают. Союз между рабочим классом и крестьянством в годы Советской власти окреп, вырос в дружбу между ними. Укреплению этой дружбы способствует политика Коммунистической партии, направленная на дальнейший подъем промышленности и раз-

витие на этой основе всех отраслей социалистического хозяйства, на рост благосостояния всего народа. В сознании социалистических наций восторжествовала идеология равноправия всех рас и народов, идеология дружбы советских народов, идеология пролетарского интернационализма.

В буржуазной Эстонии трудящиеся массы были отстранены от управления государством и народным хозяйством. В Советской

Открытие памятника В. И. Ленину в Таллине 30 апреля 1950 г.

Эстонии органы власти находятся в руках самих трудящихся, самого народа. Народ выдвигает и избирает из своей среды лучших тружеников города и деревни в состав всех органов власти — вплоть до Верховного Совета СССР. Женщины активно участвуют в управлении государством. Примерно $^1/_3$ депутатов Верховного Совета ЭССР составляют женщины. Подавляющее число депутатских мандатов в органах государственной власти принадлежит лицам эстонской национальности. Например, в составе Верховного Совета Эстонской ССР, избранного в 1951 году, было 93 эстонца и 22 представителя других национальностей, проживающих на территории Эстонии. Представители народа управляют государством, руководят заводами, колхозами, сов-

хозами, учреждениями культуры. Народ стал полновластным хозяином своей страны. Личный труд и личные способности определяют место каждого человека в социалистическом обществе.

Эстонская социалистическая нация — это миролюбивая нация, она решительно выступает за укрепление мира и дружественных отношений между народами, активно борется за запрещение производства, за прекращение испытаний и применение атомного и водородного оружия.

Эстонская нация не изолируется и от тех граждан, которые под влиянием фашистской пропаганды покинули свою родину в годы Отечественной войны, от насильственно вывезенных фашистскими оккупантами граждан Эстонии. Она принимает их обратно в свою семью, предоставляя им все права, предусмотренные Советской Конституцией.

Однако возникновение эстонской социалистической нации не означало, что полностью, до конца были преодолены пережитки капитализма в сознании людей. Эти пережитки живучи, они еще дают себя чувствовать и выражаются у отдельных членов общества в нерадивом отношении к труду, во встречающихся еще фактах расхищения социалистической собственности, в отдельных фактах морально-бытового разложения и т. д. Наиболее живучи националистические предрассудки, которые систематически культивировались эксплуататорским строем. Коммунистическая партия ориентирует весь народ на успешную борьбу с подобными пережитками капитализма. Чем активнее весь народ будет вести борьбу с этими «родимыми пятнами» капитализма, тем скорее они будут ликвидированы, тем скорее советский народ построит коммунистическое общество.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИКИ И КУЛЬТУРЫ СОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ В 1951—1957 ГОДАХ

Мероприятия КПСС и Правительства СССР, направленные на дальнейшее развитие социалистической экономики. За годы первой послевоенной пятилетки Советский Союз не только восстановил народное хозяйство, но и значительно превзошел довоенный уровень производства как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства. Это было достигнуто в результате героического труда советского народа, благодаря правильной, ленинской политике Коммунистической партии Советского Союза.

XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза, состоявшийся в октябре 1952 года, утвердил Директивы по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы. В них предусматривалось, как и в предыдущие годы, преимущественное развитие тяжелой индустрии. Было намечено добиться дальнейшего подъема производительных сил в сельском хозяйстве, а также повышения материального благосостояния и культурного уровня трудящихся.

В разгар выполнения задач, поставленных XIX съездом КПСС, 5 марта 1953 года скончался Председатель Совета Министров СССР и Секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза И. В. Сталин. Враги советского народа рассчитывали, что смерть Сталина внесет растерянность в ряды советских людей, приведет к ослаблению Советского государства. Но эти расчеты не оправдались. Центральный Комитет Коммунистической партии, руководствуясь бессмертным учением марксизма-ленинизма, еще теснее укрепил связи с широкими народными массами, дал советскому народу ясное направление в дальнейшей борьбе за коммунизм.

Вопросы развития народного хозяйства СССР постоянно находились в центре внимания Коммунистической партии Советского Союза и Правительства СССР. Исходя из общенародных интересов, партия и правительство критически оценили положение в сельском хозяйстве, в промышленности, предприняли ряд серьезных мер для того, чтобы, опираясь на достигнутые успехи, сде-

лать новый крупный шаг вперед в социалистическом развитии страны.

На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года, на февральско-мартовском, июньском Пленумах 1954 года и январском Пленуме 1955 года обсуждались вопросы развития сельского хозяйства СССР. На этих Пленумах было отмечено, что колхозный строй доказал свои решающие преимущества как перед мелким индивидуальным хозяйством, так и перед крупным капиталистическим хозяйством, он открыл дорогу к созданию полного достатка сельскохозяйственных продуктов в стране. Однако развитие сельского хозяйства отставало от непрерывно растущих материальных потребностей трудящихся, уровень производства сельскохозяйственных продуктов не соответствовал технической оснащенности сельского хозяйства и возможностям, заложенным в колхозном строе.

Недостаточный уровень сельскохозяйственного производства в целом и отставание ряда важных отраслей сельского хозяйства объяснялись многими причинами. Коммунистическая партия обращала главное внимание на всемерное развертывание тяжелой индустрии, как необходимого условия успешного развития всех отраслей народного хозяйства. В результате всемерного развития тяжелой промышленности были созданы предпосылки для достижения быстрого прогресса во всех отраслях народного хозяйства, эта политика, таким образом, полностью себя оправдала. Но эта политика в известной мере сказалась на развитии сельского хозяйства и легкой промышленности, ибо страна не имела возможности одновременно развивать быстрыми темпами и тяжелую промышленность, и сельское хозяйство, и легкую промышленность.

Важнейшей причиной серьезного отставания ряда отраслей сельского хозяйства было неудовлетворительное руководство колхозами, МТС и совхозами со стороны партийных, советских и сельскохозяйственных органов.

В некоторых республиках, в частности и в Эстонской ССР, был сделан большой упор на посевы зерновых культур, в то время как местные природные условия способствовали прежде всего развитию животноводства и возделыванию технических культур. Резко сократились в Эстонии, по сравнению с довоенным периодом, посевы клевера, что отразилось на состоянии кормовой базы животноводства.

Нарушался принцип материальной заинтересованности колхозников в результатах труда. Действовавшие заготовительные и закупочные цены на продукты животноводства, картофель и овощи слабо стимулировали колхозы и колхозников на развитие соответствующих отраслей сельского хозяйства. Налоговая политика в отношении подсобного личного хозяйства колхозников привела к сокращению поголовья скота в личной собственности колхозников.

Одной из главных причин серьезного отставания ряда важных отраслей сельского хозяйства было неудовлетворительное использование той техники, которой социалистическое государство оснастило сельское хозяйство. Серьезные недостатки наблюдались в работе машинно-тракторных станций.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза и Правительство СССР наметили и провели в жизнь мероприятия, направленные на ликвидацию вскрытых недостатков и дальнейшее, быстрое развитие сельского хозяйства. В восточных районах СССР развернулись огромные работы по освоению целинных и залежных земель. За короткий срок было освоено 36 миллионов гектаров новых земель. Были созданы условия для того, чтобы обеспечить животноводство прочной кормовой базой. Партия поставила задачу полностью механизировать работы в полеводстве, механизировать трудоемкие процессы в животноводстве, а также в производстве картофеля и овощей.

Партия и правительство приняли меры к улучшению деятельности МТС, повысив их ответственность за проводимые в колхозах работы. На работу в колхозы, МТС и совхозы было направлено много опытных руководителей — специалистов сельского хозяйства. Была повышена материальная заинтересованность колхозников в развитии сельского хозяйства. Партия и правительство указали, что принцип материальной заинтересованности работников сельскохозяйственного производства является одним из коренных принципов социалистического хозяйства. В соответствии с этим была изменена практика планирования сельского хозяйства, установлены твердые, погектарные нормы поставок сельскохозяйственных продуктов государству, по многим видам сельскохозяйственных продуктов нормы поставок были снижены, значительно повышены заготовительные и закупочные цены на сельскохозяйственные продукты. Были также уменьшены нормы обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов с хозяйств колхозников, изменен порядок обложения и снижен размер сельскохозяйственного налога.

В целях укрепления колхозной демократии и повышения материальной заинтересованности колхозников в марте 1956 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели» и постановление «О ежемесячном авансировании колхозников и дополнительной оплате труда в колхозах».

Эти и другие мероприятия партии и правительства вызвали большой трудовой подъем среди тружеников социалистического сельского хозяйства. Социалистическое сельское хозяйство пошло быстро в гору. В 1956 году в СССР был собран рекордный урожай зерна. Заготовки зерна в 1956 году по сравнению с 1953 годом возросли на миллиард четыреста миллионов пудов. Увеличи-

лось поголовье скота, резко выросла продуктивность животноводства. Производство молока в колхозах и совхозах за это время увеличилось в два с половиной раза. Денежные доходы колхозов в 1956 году возросли по сравнению с 1953 годом почти в два раза.

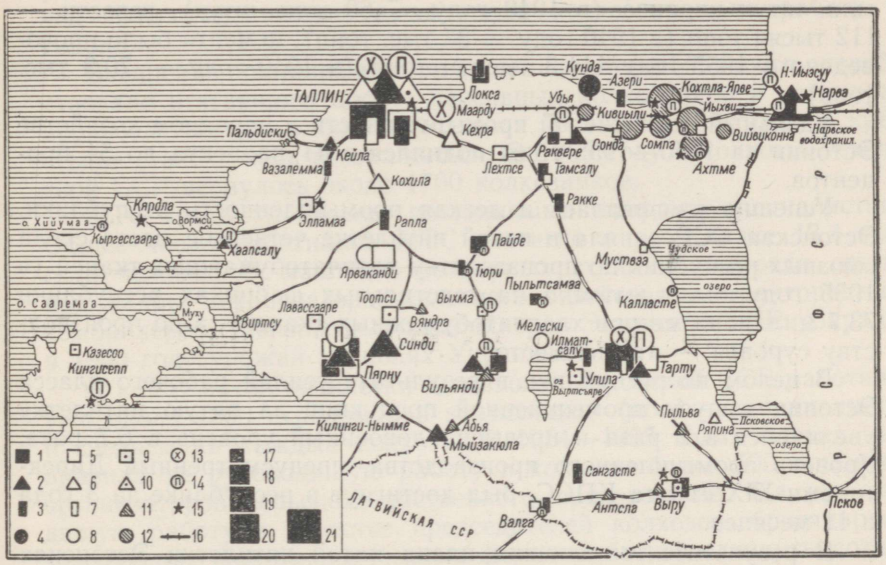
В июле 1955 года на Пленуме ЦК КПСС подробно обсуждались вопросы развития промышленности. Пленум, следуя заветам В. И. Ленина, подчеркнул необходимость всемерно развивать и в дальнейшем тяжелую промышленность. Одним из важнейших условий непрерывного роста промышленности и других отраслей народного хозяйства, указывалось в решениях Пленума, является технический прогресс, т. е. быстрое и всестороннее развитие и использование в народном хозяйстве науки и техники, применение новой технологии. Пленум указал на необходимость всячески поощрять и развивать творческую инициативу работников социалистического производства и распространять и внедрять передовой опыт новаторов производства, на необходимость всемерно повышать производительность труда и снижать себестоимость продукции. Весь советский народ приветствовал эти решения Пленума ЦК КПСС. Рабочие и служащие Эстонской ССР уже в ходе обсуждения решений Пленума внесли более 24 тысяч предложений по улучшению работы предприятий.

Успехи Советской Эстонии в развитии промышленности. Вместе с другими советскими республиками успешно развивалась в годы второй послевоенной пятилетки и Советская Эстония. Теперь, когда Эстонская ССР вступила в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму, народные массы еще активнее, чем в предыдущие годы, боролись за дальнейшее развитие экономики и культуры республики. Непрерывно росли ряды партийной организации республики, в ней числилось уже свыше 25 тысяч коммунистов. Число членов профсоюзов увеличилось на 1 января 1956 года до 333 тысяч человек, таким образом, профсоюзы объединили в своих рядах более 93 процентов всех рабочих и служащих республики. Комсомольская организация республики насчитывала в своем составе свыше 60 тысяч юношей и девушек.

Новых успехов добился коллектив рабочих и служащих сланцевого бассейна. Здесь были построены и введены в действие еще две крупные шахты. В 1955 году был сдан в эксплуатацию первый открытый механизированный сланцевый карьер. Добыча сланца за вторую послевоенную пятилетку удвоилась. Из Кохтла-Ярве в Таллин был проведен газопровод, и с 14 февраля 1953 года население столицы Эстонии стало пользоваться дешевым бытовым газом.

В Нарве, недалеко от крепости Ивангород, совместными усилиями представителей русского и эстонского народов была воздвигнута Нарвская гидроэлектростанция — одна из крупных

новостроек пятой пятилетки. Плотина протяженностью свыше 200 метров перекрыла реку Нарву выше порогов. За плотиной образовалось водохранилище площадью свыше 200 квадратных километров. Первая очередь Нарвской ГЭС с 30 сентября 1955 года стала давать электроэнергию. Но потребности республики в электроэнергии далеко еще не были удовлетворены, хотя к началу третьей послевоенной пятилетки в Эстонской ССР вырабатывалось в 5 раз больше электроэнергии, чем в 1940 году. Кол-



Размещение промышленности Советской Эстонии.

1 — металлообрабатывающая и машиностроительная, 2 — текстильная, 3 — строительных материалов (кирпичная и известковая), 4 — цементная, 5 — лесная и деревообрабатывающая, 6 — целлюлозно-бумажная, 7 — кожевенно-обувная, 8 — стекольная, 9 — торфяная, 10 — швейная, 11 — льнообрабатывающая, 12 — сланцедобывающая и сланцеперерабатывающая, 13 — химическая, 14 — пищевая, 15 — крупные электростанции, 16 — газопровод, 17 — предприятия с числом рабочих от 16 до 100, 18 — от 100 до 500 рабочих, 19 — от 500 до 1 000 рабочих, 20 — от 1 000 до 5 000 рабочих, 21 — свыше 5 000 рабочих (относится ко всем отраслям промышленности).

Составлено В. Тармисто на основании данных Института экономики Академии наук Эстонской ССР.

лектив строителей Нарвской ГЭС переключился на строительство Прибалтийской теплоэлектростанции мощностью в 600 тысяч киловатт, которая была заложена возле Нарвы. Первую ее очередь намечено пустить в ход в 1959—1960 годах.

На химическом комбинате в Маарду, вблизи Таллина, в годы пятой пятилетки вступили в строй новые цеха — сернокислотный и суперфосфатный. Комбинат наряду с фосфоритной мукой стал с 1956 года вырабатывать ценное минеральное удобрение — суперфосфат, главным образом гранулированный.

За годы пятой пятилетки в Эстонской ССР было построено

261 промышленное предприятие. Большие строительные работы потребовали дальнейшего развития промышленности строительных материалов. В соответствии с решениями партии и правительства о необходимости перехода к индустриальным методам строительства в республике было начато сооружение крупных заводов и полигонов по производству различных строительных конструкций и деталей из железобетона и пенобетона. Резко увеличился также выпуск продукции кирпичных, известковых и цементных заводов. В 1956 году в Эстонии было изготовлено 210 млн. штук кирпича (в 1940 году — 60 млн. штук), извести — 112 тысяч тонн (в 1940 году — 37 тыс. тонн), цемента было произведено в 1955 году 111,3 тысячи тонн (в 1940 году — 70,9 тыс. тонн).

Удельный вес тяжелой промышленности в народном хозяйстве Эстонии за 1950—1955 годы поднялся с 41 процента до 54 процентов.

Успешно развивалась и легкая промышленность республики. Эстонская ССР заняла в пятой пятилетке четвертое место среди союзных республик по производству хлопчатобумажных тканей (в 1955 году было выткано на текстильных фабриках республики 73,7 миллиона метров хлопчатобумажных тканей), а по производству суровья — третье место.

В целом по республике в результате усилий рабочего класса Эстонии выпуск промышленной продукции за пятую пятилетку увеличился в 2 раза и превысил довоенный уровень в 6,7 раза. Уровень промышленного производства, предусмотренный Директивами XIX съезда КПСС, был достигнут в республике за 3 года и 11 месяцев.

В результате выполнения плана пятой пятилетки Эстонская ССР, находясь среди союзных советских республик по территории на тринадцатом месте и по количеству населения на пятнадцатом месте, заняла по производству сланца, сланцевого газа и сланцевых масел первое место, по производству хлопчатобумажных и льняных тканей, а также мягких кровельных материалов — четвертое место, по производству бумаги и добыче рыбы — пятое место, по производству пиломатериалов и добыче торфа — шестое место. По количеству производимой на душу населения промышленной продукции Эстонская ССР заняла среди союзных республик одно из первых мест.

Успехи сельского хозяйства. Мероприятия Коммунистической партии Советского Союза и Правительства СССР по крутому подъему всех отраслей сельскохозяйственного производства помогли работникам сельского хозяйства республики добиться заметных успехов в развитии социалистического производства.

Колхозное крестьянство Эстонии с помощью государства достигло известных успехов в развитии общественного производства уже в первые годы после коллективизации. В республике

было немало колхозов, которые успешно развивали общественное хозяйство, крепли из года в год. Но наряду с экономически крепкими колхозами в республике было и много таких, где общественное хозяйство развивалось медленно. Были и экономически слабые колхозы, где наблюдалось падение урожайности, уменьшение поголовья и продуктивности общественного скота, снижение доходов колхозников. В ряде колхозов, в результате нарушения принципа материальной заинтересованности колхозников в развитии сельскохозяйственного производства, количество рабочей силы уменьшилось из-за ухода колхозников на работу в города.

Внедрение принципа материальной заинтересованности способствовало втягиванию доселе пассивных колхозников в активную производственную работу в колхозах. Ушедшие из колхозов крестьяне стали теперь возвращаться. В 1955 году в колхозы Эстонской ССР вернулось около 1700 колхозников.

МТС были укреплены постоянными кадрами специалистов. Общее число работников МТС достигло в республике 13,4 тысячи человек. В машинно-тракторных станциях выросли опытные кадры механизаторов сельского хозяйства — трактористов, комбайнеров. 450 опытных комбайнеров Эстонской ССР убирали в 1955 году урожай на полях Украины.

К концу пятой пятилетки в колхозах Эстонской ССР работало уже около 1300 агрономов и зоотехников (по 1—2 специалиста в среднем на каждый колхоз). В 1954—1955 годах партия направила на руководящую работу в колхозы более 500 опытных организаторов сельскохозяйственного производства. На руководящую работу в качестве председателей колхозов, бригадиров, заведующих животноводческими фермами были выдвинуты сотни передовых колхозников, показавших себя хорошими организаторами общественного хозяйства.

Развернулись работы по обеспечению животноводства прочной кормовой базой. Колхозы и совхозы стали во все большем количестве сеять клевер, люцерну, белый донник, кормовую капусту, кукурузу и другие кормовые культуры. Укреплению кормовой базы животноводства способствовала закладка долголетних культурных лугов и пастбищ, в основном на осушенных и вновь освоенных землях.

Дальнейшее развитие животноводства дало возможность колхозам республики увеличить за пятилетие денежные доходы от этой отрасли производства в 1,9 раза.

Серьезное внимание уделялось также повышению урожайности и расширению посевов картофеля и овощей. Колхозы и совхозы республики стали в годы пятой пятилетки сажать картофель квадратно-гнездовым способом и убедились на опыте, что это нововведение значительно повышает урожайность.

Денежные доходы колхозов Эстонской ССР в целом по республике выросли за пятую пятилетку на 88 процентов, недели-

мые фонды — на 78 процентов. Капитальные вложения колхозов в 1955 году были в 2,8 раза больше, чем в 1950 году. Колхозникам было выплачено на трудодни в целом по республике в 1955 году в 1,7 раза больше денег, чем в 1950 году.

Укрепление артельного хозяйства в результате мероприятий партии и правительства позволило колхозам Эстонской ССР продать государству уже в 1955 году мяса в 3,4 раза, молока на 60 процентов, яиц в 2,9 раза больше, чем в 1950 году.

Успешно развивались рыболовецкие колхозы. Средний доход на одного рыбака в республике увеличился к концу пятой пятилетки по сравнению с 1950 годом в 1,5 раза.

Павильон Эстонской ССР на Всесоюзной промышленной и сельскохозяйственной выставке (авторы проекта Х. Арман, А. Вольберг и П. Тарвас).

Многие хозяйства и организации Эстонской ССР, а также передовики сельскохозяйственного производства демонстрировали свои успехи на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. За высокие достижения в сельском хозяйстве Главный Комитет Всесоюзной сельскохозяйственной выставки присудил в 1954 и 1955 годах хозяйствам и организациям Эстонской ССР 5 дипломов первой степени и 56 дипломов второй степени; 17 передовиков были награждены большими золотыми медалями, 45 — малыми золотыми медалями. Кроме того, значительное число передовиков было награждено большими и малыми серебряными медалями, большое количество хозяйств, организаций и передовиков производства получили ценные премии.

Высокий уровень механизации сельского хозяйства (количество тракторов в МТС, колхозах и совхозах к 1956 году достигло

4500, а их общая мощность равнялась 120 тыс. лошадиных сил, количество зерновых комбайнов превысило 1100) привел к значительному повышению производительности труда и облегчил труд крестьян. Хотя в 1956 году в сельском хозяйстве Эстонии работало почти в два раза меньше людей, чем в 1939 году, однако они дали, благодаря высокому уровню механизации, столько же продукции, сколько в 1939 году, при этом рабочий день тружеников сельского хозяйства был много короче.

Н. С. Хрущев.

Летом 1955 года в Риге состоялось зональное совещание передовиков сельского хозяйства прибалтийских республик. Участники совещания обменялись опытом своей работы и наметили меры по устранению недостатков. Они обратились к труженикам сельского хозяйства Прибалтики с призывом приложить все усилия к тому, чтобы быстрее выполнить задачи, поставленные партией и правительством перед сельским хозяйством. В работе совещания принял участие Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, который ознакомился на месте с работой ряда колхозов и совхозов, в том числе и с эстонскими. 1 декабря 1955 года Центральный Комитет КПСС и Совет Министров Союза ССР приняли

постановление о мероприятиях по подъему сельского хозяйства Эстонской ССР.

Развитие национальной культуры. Число учащихся в общеобразовательных школах достигло в 1954—1955 учебном году 161 тысячи человек, почти в 2 раза по сравнению с 1950 годом увеличилось количество учеников в 8—11 классах средней школы. В 1956 году были основаны первые школы-интернаты. Были открыты новые вузы — Эстонская сельскохозяйственная академия (1951) и Таллинский педагогический институт им. Э. Вильде (1952). В 1955 году вступил в строй телевизионный центр в Таллине. Были начаты работы по созданию этнографического музея на открытом воздухе (общей площадью 63 гектара).

Появились новые, крупные произведения эстонской советской литературы. Среди них первые две части романа А. Хинта «Берег ветров», в которых автор образным и сочным языком повествует о жизни и борьбе сааремаских рыбаков и таллинских рабочих в период первой русской революции и в последующие годы. Высоко был оценен критикой роман Р. Сирге «Земля и народ», посвященный событиям, происходившим в эстонской деревне в 1939—1941 годах; роман И. Семпера «Красные гвоздики», отображающий процесс восстановления Советской власти; историко-революционный роман Э. Крустена «Сердца молодых», также занявший почетное место в эстонской советской литературе. Ю. Смуул опубликовал поэму «Я — комсомолец» — одно из своих лучших произведений — и очерки-новеллы «Письма из деревни Сыгедате», справедливо оцененные читателями как яркое и актуальное произведение эстонской художественной прозы.

Были созданы также новые музыкально-театральные произведения: комическая опера Г. Эрнесакса «Рука об руку», опера Л. Нормета «Свет в Коорди», оперетты Э. Арро и Л. Нормета «Румму Юри» и Б. Кырвера «Только мечта», балеты Л. Аустер «Тийна» и Э. Каппа «Золотопряхи» и др. Выдвинулся ряд молодых талантливых композиторов (А. Гаршнек, Э. Мяги, Г. Подельский, Э. Тамберг и др.). Из произведений молодых композиторов наиболее высокую оценку заслужили оратории Э. Тамберга «За свободу народа» и А. Гаршнека «Князь Вячко и старейшина Мээлис». На конкурсе музыкальных произведений VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов Э. Тамберг получил за свой «Кончерто гроссо» первую премию и золотую медаль.

В изобразительном искусстве в начале 50-х годов стал интенсивно развиваться один из сложнейших видов портрета — психологический портрет. Внешняя «профессиональная» характеристика, доминировавшая до этого в изображении современного советского человека, уступала место более глубокому анализу его духовного мира. Такой метод характерен для «Портрета хирурга Раудама» И. Кимма, а также для многих произведений

В. Лойка, Р. Треумана, В. Вяли, А. Бах, Э. Эйнмана, Э. Рооса, Р. Тимотеуса, Ф. Саннамээса.

Для этого времени характерно появление сложных динамичных скульптурных композиций: «Полоцкий князь Вячко и сын Лембиту Мээлис на защите Тарту в 1224 году» О. Мянни, «Эстафета» А. Мельдера, «Юный футболист» А. Эскеля и др.

Напряженная работа над изучением натуры содействовала поднятию уровня пейзажного жанра и росту колористического мастерства живописи в целом. Особенности развития пейзажного жанра ярко отражаются в картинах Р. Сагритса, Э. Китса, Л. Микко, Ю. Выэрахансу, Р. Уутма, в акварелях А. Пилара и К. Бурмана. Лучшие примеры графического пейзажа, особенно городского вида, представлены в творчестве Г. Рейндорфа, Р. Кальо, О. Кангиласки, Л. Энносаара.

Ю. Смуул.

В последние годы стала прокладывать себе новую дорогу сюжетно-тематическая картина («Фр. Р. Крейцвальд, собирающий народные сказания» А. Вийдалеппа, «В рыбачьей гавани» В. Лойка, «Песня рыбаков» Э. Оказа). Успешно развивается портретное искусство (И. Кимм «Портрет В. Кингисеппа», «Портрет В. Пансо», В. Лойк «Автопортрет», Л. Китс-Мяги «Автопортрет» и др.), книжная иллюстрация, искусство плаката и сатиры. В бурном процессе роста находится скульптура.

Все большую роль начинает играть творчество молодых художников: Л. Кокамяги, А. Кээренда, А. Кютта, Э. Кирса, О. Мянни, Л. Толли и других. Оно внесло в изобразительное искусство свежие идеи, смелость исканий.

Первый съезд советских художников (1957 г.) поставил новые задачи перед советским искусством: развивать метод социалистического реализма, глубже и художественно полнее изображать жизнь; съезд нанес удар по тенденциям натурализма и формализма, тем самым способствуя дальнейшему развитию и эстонского изобразительного искусства.

На состоявшейся в конце 1956 года в Москве декаде эстон-

ской литературы и искусства высоко была оценена деятельность эстонских советских мастеров культуры. Декада, а также республиканский фестиваль молодежи в июне 1957 года убедительно показали, что искусство проникло в самую гущу народных масс.

Важным событием в истории всей советской литературы и искусства явились выступления Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева в мае 1957 года на приеме писателей, художников и композиторов и на партийном активе в июле того же года. Н. С. Хрущев дал анализ современного состояния советской литературы и искусства и изложил важнейшие вопросы политики Коммунистической партии в области литературы и искусства. Он призвал творческую интеллигенцию лучше изучать жизнь народа, ярко и убедительно показывать великую преобразующую деятельность советского народа, вдохновлять народ на борьбу за новые победы в строительстве коммунизма.

Большие успехи были достигнуты в области развития физкультуры и спорта. Эстонские спортсмены неоднократно успешно выступали на международных и всесоюзных соревнованиях. В 1956 году на спартакиаде народов СССР они заняли 6-ое место. На VI Всемирном фестивале молодежи и студентов молодая спортсменка У. Воог завоевала три золотые медали.

XX съезд КПСС. В феврале 1956 года в Москве состоялся XX съезд Коммунистической партии Советского Союза.

Съезд заслушал и обсудил отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, с которым выступил Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев. Съезд отметил, что перед лицом сложных и ответственных задач, вставших перед партией и страной после XIX съезда партии, Центральный Комитет правильно решал назревшие вопросы партийного, государственного и хозяйственного строительства, уверенно и твердо вел страну по ленинскому пути. Центральный Комитет прямо и принципиально вскрыл серьезные недостатки в сельском хозяйстве и промышленности, своевременно разработал программу нового подъема народного хозяйства и культуры, мобилизовал партию и народ на борьбу за выполнение этой программы. Центральный Комитет восстановил выработанные великим Лениным нормы партийной жизни, повел борьбу за решительное преодоление чуждого марксизму-ленинизму культа личности. Культ личности вел к умалению роли партии и народных масс, к сковыванию их инициативы. Центральный Комитет упрочил связи с народными массами. Партия еще теснее организационно и идейно сплотилась вокруг своего ленинского Центрального Комитета.

Съезд в своих решениях наметил программу дальнейшей борьбы за построение коммунистического общества в нашей стране, за упрочение мира во всем мире, за торжество идей марксизма-ленинизма. Съезд подчеркнул, что ленинский принцип мирного сосуществования государств с различным социальным

строем был и остается генеральной линией внешней политики Советского Союза. В отчетном докладе ЦК КПСС была обоснована реальная возможность предотвращения войн в современную эпоху. Съезд также подчеркнул, что в нынешних условиях революционный переход капиталистических стран к социализму не обязательно будет связан с гражданской войной. Приход рабочего класса к власти возможен и мирным путем, через завоевание им большинства в парламенте. Эти теоретические положения XX съезда КПСС ориентировали партию на активизацию борьбы за обеспечение прочного и длительного мира, они имеют большое значение для всего международного рабочего движения. Будучи искренним и последовательным поборником мира, Советское правительство сократило в 1956—1958 годах вооруженные силы Советского Союза более чем на два миллиона человек.

Съезд наметил осуществить ряд мероприятий по расширению прав союзных республик.

Советский народ выполнил утвержденные XIX съездом партии задания пятого пятилетнего плана по росту производства промышленной продукции за четыре года и четыре месяца. Объем промышленного производства в 1955 году увеличился по сравнению с 1950 годом на 85 процентов. В 1955 году в СССР было произведено промышленной продукции в 3,2 раза больше, чем в 1940 году.

Сельское хозяйство СССР в пятой пятилетке, однако, развивалось медленнее, чем намечалось Директивами XIX съезда партии, и задания пятилетнего плана в этой области были недовыполнены.

XX съезд утвердил Директивы по шестому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1956—1960 годы.

XX съезд партии определил основные задачи шестого пятилетнего плана: на базе преимущественного развития тяжелой промышленности, непрерывного технического прогресса и повышения производительности труда добиться за шестую пятилетку увеличения промышленной продукции примерно на 65 процентов, увеличения валовой продукции сельского хозяйства примерно на 70 процентов, повышения материального и культурного уровня жизни народа. Съезд одобрил, в частности, решение Центрального Комитета КПСС о переходе в течение пятилетки на 7-часовой рабочий день всех рабочих и служащих, а рабочих ведущих профессий в угольной и горнорудной промышленности, занятых на подземных работах, — на 6-часовой рабочий день. Вскоре после съезда был сокращен рабочий день на 2 часа в предвыходные и предпраздничные дни. Для рабочих и служащих в возрасте от 16 до 18 лет был установлен 6-часовой рабочий день. Была увеличена продолжительность отпусков по беременности и родам до 112—126 дней. В целях создания наиболее благоприятных условий для осуществления всеобщего среднего образования и получения молодежью высшего образования была отменена плата за

обучение в старших классах средних школ, в средних специальных и высших учебных заведениях.

Съезд одобрил также разработанные ЦК КПСС и Советом Министров СССР мероприятия по повышению заработной платы низкооплачиваемым группам работников, по увеличению пенсий

Делегаты Коммунистической партии Эстонии вместе с т. В. Червенковым (представителем Болгарской Коммунистической партии) на XX съезде КПСС. Сидят (слева направо): А. Мюрисеп, И. Кэбин, В. Червенков, М. Г. Немов, Л. Ленцман. Стоят (слева направо): Э. Виск, В. Ани, К. Вольмер, А. Кууск.

и ряд других мер, направленных на повышение жизненного уровня населения. В июле 1956 года Верховный Совет СССР принял закон о государственных пенсиях, что значительно улучшило пенсионное обеспечение трудящихся СССР. В 1957 году, в соответствии с этим законом, государственные пенсии получало 17 миллионов граждан СССР. Было принято постановление об отмене с 1 января 1958 года обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабо-

чих и служащих. В 1957 году Центральный Комитет КПСС и Совет Министров опубликовали постановление «О развитии жилищного строительства в СССР», которым предусматривается покончить в стране в ближайшие 10—12 лет с недостатком в жилищах.

Еще до XX съезда КПСС, 17 сентября 1955 года, руководствуясь принципом гуманности, Президиум Верховного Совета СССР своим указом амнистировал тех граждан, кто сотрудничал с фашистскими оккупантами в годы Великой Отечественной войны.

По Эстонской ССР Директивы XX съезда предусматривали увеличить за пятилетие валовую продукцию промышленности в 1,6 раза. Было намечено, кроме строительства Прибалтийской электростанции и завода по переработке сланцевого масла, осуществить реконструкцию цементного завода «Пунане Кунда», расширить береговые базы рыбной промышленности.

В области сельского хозяйства в Эстонской ССР было предусмотрено увеличить в 1960 году по сравнению с 1955 годом производство сельскохозяйственной продукции: мяса — примерно в 1,8 раза, молока — в 2,3 раза, зерна — в 2,5 раза и картофеля — в 1,9 раза, обеспечить широкое развитие откорма свиней на мясо и бекон, расширить посевы и повысить урожайность клевера, провести в широких масштабах работы по улучшению лугов и созданию культурных долголетних пастбищ, вовлечь дополнительно в сельскохозяйственный оборот 38 тысяч гектаров земель путем строительства новых и 194 тысячи гектаров земель путем переустройства имеющихся осушительных систем.

Меры по улучшению руководства народным хозяйством страны. В результате последовательного проведения в жизнь ленинской генеральной линии на преимущественное развитие тяжелой индустрии, как основы всей советской экономики, Советский Союз добился к 1957 году увеличения объема промышленной продукции по сравнению с дореволюционным периодом более чем в 30 раз. Бурный рост промышленности и небывалый размах промышленного строительства, наличие на местах многочисленных кадров высококвалифицированных специалистов и ученых поставили перед Коммунистической партией и Правительством СССР задачу перенести центр тяжести оперативного руководства промышленностью и строительством на места.

В мае 1957 года Верховный Совет СССР принял, после широкого всенародного обсуждения тезисов доклада Первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева, закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». Согласно этому закону управление промышленностью и строительством стало осуществляться по территориальному принципу, на основе экономических административных районов. В каждом экономическом районе был образован Совет народного хозяйства, подчиняющийся во всей своей деятельности не-

посредственно Совету Министров союзной республики. Большинство общесоюзных и все союзно-республиканские промышленные министерства были упразднены, подведомственные им предприятия были переданы в подчинение Советов народного хозяйства экономических административных районов.

Новая структура управления промышленностью и строительством стала сочетать централизованное государственное руководство с развитием инициативы местных органов на основе творческой активности трудящихся масс. Эта структура укрепила ленинский принцип демократического централизма в хозяйственном строительстве применительно к новым экономическим условиям.

Это мероприятие значительно расширило права союзных республик в области хозяйственного строительства, повысило их роль в управлении народным хозяйством.

В Эстонской ССР был создан один экономический район. В июне 1957 года Верховный Совет Эстонской ССР утвердил структуру Совета народного хозяйства Эстонского экономического административного района. Председателем Совета народного хозяйства был назначен А. Веймер.

Перестройка управления промышленностью и строительством открыла новые возможности для технического прогресса.

В 1957 году Коммунистическая партия, опираясь на успехи, достигнутые социалистическим сельским хозяйством, выдвинула всенародную задачу — в ближайшие годы догнать Соединенные Штаты Америки по производству мяса, молока и масла на душу населения. Этот призыв нашел горячую поддержку у миллионов тружеников деревни и вдохновил их на дальнейшую борьбу за развитие социалистического сельского хозяйства.

Всенародная борьба за крутой подъем сельского хозяйства, развернувшаяся после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 года, привела к значительному увеличению производства продуктов земледелия и животноводства, ознаменовала начало нового этапа в развитии колхозного строя. Укрупненные колхозы при большой помощи со стороны государства стали экономически более крепкими, многоотраслевыми, технически оснащенными хозяйствами, располагающими многочисленными квалифицированными кадрами специалистов сельского хозяйства.

В ногу со всей страной шагало и сельское хозяйство Эстонии, добиваясь из года в год новых успехов. В 1957 году в Эстонии на каждые 100 гектаров сельскохозяйственных угодий было произведено 373 центнера молока, на 100 гектаров пашни — 78,2 центнера свинины. На душу населения было произведено 615 кг молока, 12 кг масла и 64 кг мяса. Эстония значительно превзошла уровень США по производству молока и мяса на душу населения. Производство мяса, свинины, яиц, картофеля и овощей превысило уровень производства этих продуктов в буржуазной Эстонии. Средний надой молока на одну корову был в колхозах на 360 кг и в совхозах на 1230 кг выше, чем в единоличных

хозяйствах буржуазной Эстонии. Надой на одну корову составил в 1957 году 2190 кг.

За успехи, достигнутые в развитии сельского хозяйства, Президиум Верховного Совета СССР наградил 2 марта 1958 года орденами и медалями 1690 колхозников, работников МТС и совхозов, специалистов сельского хозяйства, партийных, советских и комсомольских работников Эстонской ССР. 16 передовикам сельского хозяйства Эстонии было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В марте 1958 года первая сессия Верховного Совета СССР пятого созыва одобрила разработанные Центральным Комитетом Коммунистической партии Советского Союза и Советом Министров СССР и получившие всеобщую поддержку в ходе всенародного обсуждения мероприятия по дальнейшему развитию колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций. Учитывая, что большинство колхозов за последние годы в организационно-хозяйственном отношении окрепло, Верховный Совет признал необходимым реорганизовать машинно-тракторные станции в ремонтно-технические станции и впредь продавать сельскохозяйственную технику — тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины — непосредственно колхозам, желающим приобрести эту технику. Принятие закона о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций направлено на то, чтобы обеспечить колхозам возможность максимально использовать преимущества социалистической системы сельского хозяйства, на дальнейшее развитие творческой инициативы и активности трудящихся масс.

Верховный Совет СССР принял постановление об одностороннем прекращении Советским Союзом испытаний атомного и водородного оружия. Верховный Совет обратился к правительствам других государств, располагающих атомным и водородным оружием, с призывом предпринять аналогичные меры, чтобы обеспечить прекращение испытаний атомного и водородного оружия повсеместно и на вечные времена. Это решение Верховного Совета СССР все сторонники мира встретили с большой радостью. Оно убедительно подтвердило миролюбие Советского Союза.

На этой же сессии Верховного Совета Первый секретарь ЦК КПСС товарищ Н. С. Хрущев был назначен Председателем Совета Министров СССР.

*

В условиях советского строя за крайне короткий исторический срок, 18 лет (причем 4 года ушло на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и примерно столько же времени было потрачено на восстановление разрушенного в ходе войны народного хозяйства), эстонский народ под руководством Коммунистической партии добился огромных успехов. Была осуществлена

индустриализация республики, сельское хозяйство переведено на коллективные рельсы, победила социалистическая революция в области идеологии и культуры. В 1957 году в Эстонской ССР населения было примерно столько же, сколько и в 1939 году, но уровень промышленного производства превысил уровень 1939 года в 8,4 раза, а сельское хозяйство дало столько же продукции, сколько оно давало в 1939 году, несмотря на то, что количество работников в сельском хозяйстве сократилось почти вдвое. Это еще раз свидетельствует о больших преимуществах социалистического строя перед капиталистическим.

В составе могучего многонационального советского государства эстонскому народу гарантировано и его будущее: безопасность, еще более быстрое развитие экономики и национальной культуры, подъем материального благосостояния, успешное продвижение по пути к коммунизму.

ХРОНОЛОГИЯ

Около VII тысячелетия до н. э. — Древнейшие следы существования человека на территории Эстонской ССР. Родовой строй. Материнский род.

Около XVIII в. до н. э. — Начало скотоводства и земледелия на территории Эстонской ССР. Переход к отцовскому роду.

Около начала нашей эры — Превращение земледелия в основу хозяйства.

Середина I тысячелетия — Разложение первобытно-общинных отношений. Смена родовой общины территориальной. Появление зачатков классовых отношений.

X—XII вв. — Возникновение феодальных отношений в Эстонии.

1030 — Основание Ярославом Мудрым Юрьева на Тартуском городище.

1154 — Первое упоминание о Колывани (Таллине) в письменных источниках.

1193 — Объявление папой Римским крестового похода против ливов; поход крестоносцев в Вирумаа.

1201 — Первое упоминание о Риге в письменных источниках.

1202 — Основание Ордена меченосцев.

1206 — Начало борьбы за покорение эстонцев: вторжение датчан на Сааремаа.

1208 — Вторжение немецких захватчиков в южную Эстонию.

1210 — Битва на реке Юмера.

1211 — Оборона Вильянди. Осада Турайды объединенными силами эстонцев.

1212 — Перемирие в Турайде.

1217 — Победа русско-эстонских союзных войск под Отепя.

1217, 21 сентября — Битва на подступах к Вильянди. Смерть Лембиту.

1218 — Поход русских войск в Эстонию. Битва на реке Вяйке-Эмайыги.

1219 — Высадка датских войск в Рявала. Битва под Линданисе (Таллином).

1220 — Разгром шведских войск сааремасцами в Лихула.

1222 — Восстание сааремасцев против датчан.

1223 — Восстание эстонцев на материке. Осада Таллина объединенными русско-эстонскими войсками.

1224 — Оборона Тарту русско-эстонскими войсками под предводительством Вячко.

1227 — Покорение Сааремаа. Восстание вирумасцев и ярвамасцев.

1234 — Поход русских войск под Тарту.

1236, 22 сентября — Битва при Сауле. Разгром Ордена меченосцев.

1236—1241 — Восстание сааремасцев.

1237 — Объединение Тевтонского ордена с Орденом меченосцев. Основание Ливонского ордена.

1238 — Стенбийский договор между Ливонским орденом и Данией.

1242, 5 апреля — Ледовое побоище.

1260, 13 июля — Битва при Дурбе.

1260—1261 — Восстание сааремасцев.

1262 — Поход объединенных русско-литовских войск против Тарту.

1268 — Битва под Раквере.

1343, 23 апреля — Восстание в Юрьеву ночь. Начало крестьянской войны.

1343, 1 июня — Сражение псковских войск с немцами под Вастселийна.

1343, 24 июля — Начало восстания сааремасцев.
1346 — Продажа Данией Харьюмаа и Вирумаа Тевтонскому ордену.
1422 — I ландтаг Ливонии (в Валга).
1458—1466 — Соглашения между феодалами о выдаче беглых крестьян.
1492 — Основание Ивангорода на реке Нарве.
1494 — Закрытие ганзейского двора в Новгороде.
1501 — Военный союз между Орденом и Литвой против Руси.
1501 — Разгром войск Тартуского епископства русскими войсками под Хельме.
1503 — Перемирие между Русью и Ливонским орденом.
1507 — Запрещение в Ливонии крестьянам носить оружие.
1524—1525 — Реформация в Ливонии. Восстание в Риге, Таллине и Тарту.
1535 — Первая печатная книга с эстонским текстом (катехизис).
1558—1583 — Ливонская война.
1558 — Взятие русскими войсками Нарвы (11 мая) и Тарту (19 июля).
1559 — Продажа епископом Сааремаа и Ляэнемаа Дании.
1560 — Омульское сражение (при Эргеме). Взятие Вильянди русскими войсками.
1560 — Крестьянское восстание в Харьюмаа и Ляэнемаа.
1561 — Подчинение города Таллина и рыцарства Харью-Вирумаа Швеции. Подчинение Ливонского ордена польскому королю Сигизмунду Августу.
1575 — Взятие Пярну русскими войсками.
1581 — Взятие Нарвы шведскими войсками.
1582 — Ям-Запольское перемирие.
1583 — Плюсское перемирие.
1583 — Основание гимназии иезуитским орденом в Тарту.
1600—1611; 1617—1629 — Шведско-польская война.
1601—1602 — Неурожай и голод в Эстонии.
1617, 27 февраля — Столбовский мир.
1629 — Перемирие в Альтмарке.
1631 — Основание первой гимназии в Таллине (ныне 1-я средняя школа) и типографии при ней в 1635 году.
1631 — Основание первой типографии в Эстонии (в Тарту).
1632 — Основание «Академии Густавиана» в Тарту.
1645 — Юридическое оформление шведским правительством закрепощения крестьян (полицейское уложение) в Эстляндии (в Лифляндии — в 1671 году).
1656—1658 — Русско-шведская война.
1661 — Кардисский мир.
1671 — Крестьянские волнения в Хаапсалуском графстве.
1677 — Крестьянские волнения в Кярдла (Хийумаа).
1680—1700 — Редукция имений.
1684—1688 — Семинария сельских учителей в Тарту.
1695—1697 — Великий голод.
1700—1721 — Северная война.
1701 — Выступление крестьян Ванамыйза (Ляэнемаа).
1701 — Битва при Эраствере (Эрестфере).
1702 — Битва при Хуммули (Гуммельсгофе).
1702 — Выступление крестьян в Кунда.
1704 — Взятие русскими войсками Тарту, Нарвы и Ивангорода.
1710 — Присоединение Эстляндии и Лифляндии к России; капитуляция Риги (14 июля) и Таллина (29 сентября).
1714—1716 — Закладка новой гавани в Таллине.
1718 — Закладка гавани в Пальдиски.
1721, 30 августа — Ништадтский мир.
1734 — Основание Ряпинаской бумажной мануфактуры.
1739 — Декларация Розена.
1743 — Запрещение гернгутерского движения в Эстонии.

1765, 12 апреля — Первое постановление о регулировании положения мызных крестьян в Лифляндии.
1765 — Указ об открытии церковноприходских и мызных школ в Лифляндии.
1766 — Издание первого журнала на эстонском языке «Люхике ыпетус» («Краткое наставление»).
1782 — Отмена таможенной границы между Прибалтикой и внутренними губерниями России.
1782 — Распространение губернской реформы на Эстляндию и Лифляндию.
1783 — Объединение Рижской и Таллинской губерний под властью одного наместника.
1783 — Передача ленных имений в Эстляндии и Лифляндии в полную собственность их держателей.
1783 — Введение подушной подати в Эстляндии, Лифляндии и на Сааремаа.
1784 — Крестьянские волнения в Лифляндии.
1784 — Основание города Выру.
1785, 21 апреля — «Жалованная грамота дворянству» и «Грамота городам Российской империи».
1786 — Устав народных училищ и начало проведения школьной реформы.
1788—1790 — Русско-шведская война.
1792 — Основание зеркально-стекольной мануфактуры в Рыйка-Мелески (Выйзику).
1796 — Выход в свет книги Г. Меркеля «Латыши, особенно в Лифляндии в конце философского века».
1796 — Отмена Павлом I наместнического управления в Прибалтике.
1797 — Крестьянские волнения в Лифляндии и Эстляндии.
1802 — Основание Тартуского университета.
1802 — Крестьянское восстание в южной Лифляндии.
1802 — Закон «Игаюкс» («Каждый»).
1802 — Выход в свет книги И. Х. Петри «Эстляндия и эстонцы».
1804 — Положения о лифляндских и эстляндских крестьянах.
1805 — Крестьянские волнения в северной Эстонии.
1810 — Отмена запрета на сельскую торговлю.
1812 — Отечественная война.
1816 — Положение об эстляндских крестьянах.
1819 — Положение о лифляндских крестьянах.
1821—1823, 1825 — Издание О. В. Мазингом «Эстонской еженедельной газеты».
1821 — Основание суконной фабрики под Нарвой.
1822 — Крестьянские волнения в южной Эстонии.
1825, 14 (26) декабря — Восстание декабристов в Петербурге.
1828 — Основание Тартуской семинарии.
1829 — Основание суконной фабрики в Кярдла.
1832 — Основание суконной фабрики в Синди.
1839 — Пуск Юлемистеской бумажной фабрики.
1841 — Крестьянские волнения в южной Эстонии. «Война в Пюхаярве».
1842 — Основание в Таллине предприятия по производству сельскохозяйственных орудий.
1845—1848 — Массовое крестьянское движение в южной Эстонии.
1848—1849 — Деятельность петрашевцев в Таллине.
1849 — Лифляндский крестьянский закон.
1851 — Основание Нарвской льнопрядильной фабрики.
1853—1856 — Крымская война.
1856 — Эстляндский крестьянский закон.
1857 — Начало издания газеты «Пярну Постимээс» под редакцией И. В. Яннсена.
1857—1861 — Выход в свет эстонского народного эпоса «Калевипоэг».
1857 — Основание Кренгольмской мануфактуры.
1858 — Крестьянские волнения в Эстляндской губернии. «Война в Махтра».
1858 — Основание текстильной фабрики в Вольтвети.
1860—1862 — Переселенческое движение в северной Эстонии.

1861, 19 февраля — Крестьянская реформа в России.
1861 — Выход в свет книги «Эстонец и его господин».
1863 — Положение о паспортах в Прибалтике.
1864—1868 — Коллективные петиции крестьян южной Эстонии.
1864 — Открытие Морской школы в Хейнасте (Айнажи).
1865 — Отмена «права домашнего наказания».
1866 — Положение о волостной общине. Отмена цеховых ограничений.
1868 — Официальная отмена барщины.
1869 — Первый всеэстонский певческий праздник.
1870, 22 апреля — Родился Владимир Ильич Ленин.
1870 — Открытие Балтийской железной дороги.
1870 — Основание цементного завода в Кунда и железнодорожных мастерских в Таллине.
1870 — Выход в свет «Трех патриотических речей» К. Р. Якобсона.
1870 — Первое театральное представление общества «Ванемуйне» в Тарту.
1872 — Кренгольмская стачка.
1874 — Военная реформа, всеобщая воинская повинность.
1875 — Рабочий кружок на Кренгольме.
1876 — Открытие железной дороги Тапа — Тарту.
1877 — Распространение городской реформы 1870 года на прибалтийские губернии.
1878—1880 — «Северный союз русских рабочих».
1878—1882 — Издание К. Р. Якобсоном газеты «Сакала».
1882—1883 — Ревизия сенатора Манасейна в Лифляндии.
1882 — Нарвская стачка.
1882—1888 — Издание Я. Ярвом газеты «Вирулане».
1883 — Организация группы «Освобождение труда».
1883 — Стачка на цементном заводе в Кунда.
1883 — Основание механического деревообделочного предприятия Лютера.
1884—1885 — Издание М. Веске журнала «Ома Маа» («Своя страна»).
1886 — Закон о штрафах и расчетных книжках.
1887 — Открытие железной дороги Тарту — Валга.
1887 — Основание бумажной фабрики Иогансона в Таллине.
1888 — Полицейская реформа в прибалтийских губерниях.
1889 — Судебная реформа в прибалтийских губерниях.
1889 — Открытие железной дороги Валга — Выру — Псков.
1893 — Первый студенческий марксистский кружок в Тарту.
1893 — Реорганизация Юлемистеской бумажной фабрики в целлюлозную.
1894 — Распространение закона о штрафах и расчетных книжках на Прибалтику.
1895—1897 — Марксистский рабочий кружок в Нарве.
1896 — Открытие железной дороги Пярну — Валга и Мыйзакюла — Вильянди.
1897 — Стачки на Кренгольмской мануфактуре.
1898 — Основание вагоностроительного завода «Двигатель».
1899 — Основание завода «Вольта», Балтийской бумагопрядильной мануфактуры в Таллине и железнодорожных мастерских в Мыйзакюла.
1900—1903 — Ленинская «Искра».
1901 — Открытие железной дороги Вильянди — Таллин.
1901 — 1904 — М. И. Калинин в Таллине. Создание социал-демократической организации в Эстонии.
1903 — II съезд РСДРП.
1903 — Открытие частных курсов рисования в студии художника А. Лайкмаа.
1904 — Образование Таллинского комитета РСДРП.
1904—1905 — Русско-японская война.
1905, 9 января — «Кровавое воскресенье».
1905, 12 января — Начало всеобщей забастовки в Таллине.
1905, апрель — III съезд РСДРП.
1905, 30 апреля — 2 мая — Политическая забастовка в Эстонии.
1905, октябрь — Всероссийская октябрьская политическая стачка.

1905, 16 октября — Расстрел демонстрантов на Новом рынке в Таллине.
1905, 17 октября — Манифест Николая II.
1905, 22 ноября — Царский указ о введении военного положения в Лифляндии.
1905, 27 ноября — Собрание народных представителей в актовом зале Тартуского университета.
1905, 10 декабря — Введение военного положения в Таллине и Харьюмаа.
1905, декабрь — Конференция РСДРП в Таммерфорсе.
1905, декабрь — Вооруженное восстание в Москве.
1905, 12—20 декабря — Вооруженная борьба эстонских крестьян против помещиков.
1906, апрель — IV съезд РСДРП.
1906, апрель—июль — I Государственная дума.
1906, 20 июля — Восстание на крейсере «Память Азова».
1906, сентябрь — Начало издания нелегальной газеты «Социал-демократ».
1906 — Основание в Тарту первого среднего учебного заведения с преподаванием на эстонском языке.
1907, апрель—май — Стачка на заводе Лаусмана в Таллине.
1907, февраль—июнь — II Государственная дума.
1907, февраль — Териокская конференция эстонских организаций РСДРП.
1907, апрель — Начало издания легальной рабочей газеты «Тёэлине» («Рабочий»).
1907, май — V съезд РСДРП.
1907, июнь — Третьеиюньский государственный переворот.
1907—1912 — III Государственная дума.
1907 — Основание профессиональных театров в Эстонии (в Таллине и Тарту).
1909 — Основание Эстонского народного музея.
1909, 16 октября — Всеобщая политическая стачка в Таллине.
1910, июль — Конференция эстонских организаций РСДРП в Сууре-Яани.
1910 — Издание на эстонском языке отдельных глав «Капитала» К. Маркса.
1912, январь — Пражская (VI) партийная конференция.
1912, 4 (17) апреля — Ленский расстрел.
1912, 5 мая по н. с. — Выход первого номера газеты «Правда».
1912, 15 (28) июня — Выход первого номера газеты «Кийр».
1912, октябрь — Всеобщая стачка печатников в Эстонии.
1912, 16 октября — Политическая стачка в Таллине.
1912—1917 — IV Государственная дума.
1912 — Основание Русско-Балтийского и Беккеровского судостроительных заводов в Таллине.
1913 — Первомайская стачка промышленных рабочих Эстонии.
1913, июль — Стачка рабочих фабрики «Вальдгоф».
1913 — Основание судостроительного завода «Нобле сснер» (позднее «Петровская верфь») в Таллине.
1914, март — Совещание эстонских организаций РСДРП(б) в Таллине.
1914, 1 мая — Забастовка рабочих Таллина.
1914, июнь — Конференция эстонских большевистских организаций в Паэмурру.
1914, июль — Забастовка протеста рабочих Таллина в связи с кровопролитием на Путиловском заводе в Петербурге.
1914, 19 июля (1 августа) — Начало первой мировой войны.
1914 — Основание первого художественного училища в Таллине.
1916 — Начало работ по промышленному использованию сланцев в Эстонии.
1917, 27 февраля — Свержение самодержавия. Образование Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.
1917, 2 марта — Победа буржуазно-демократической революции в Таллине.
1917, 3 марта — Образование Таллинского Совета рабочих и солдатских депутатов.
1917, 18 марта — Возобновление выхода газеты «Кийр».
1917, 30 марта — Постановление Временного правительства о губернской «автономии» Эстонии.
1917, 4 апреля — Апрельские тезисы В. И. Ленина.

1917, 16—17 апреля — I конференция северо-балтийских организаций РСДРП(б).
1917, 24—29 апреля — VII (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б).
1917, 17 мая — Выход первого номера газеты «Утро Правды».
1917, 18 июня — Демонстрации против продолжения империалистической войны.
1917, 3—5 июля — Июльская демонстрация в Петрограде.
1917, 4 июля — Демонстрация трудящихся Таллина.
1917, 15 июля — Выход первого номера газеты «Тёэлине» (вместо «Кийра»).
1917, 23—27 июля — I съезд Советов Эстонии.
1917, 26 июля—3 августа — VI съезд РСДРП(б).
1917, 1 августа — Выход первого номера газеты «Звезда» (вместо «Утро Правды»).
1917, 13—16 августа — II конференция северо-балтийских организаций РСДРП(б).
1917, август — Всеэстонская конференция представителей батраков и беднейших крестьян в Таллине.
1917, август — Победа большевиков на выборах в городские думы в Эстонии.
1917, 27 сентября — Объединенное совещание Советов, рабочих и военных организаций Эстонии в Таллине.
1917, сентябрь — Моонзундское сражение; высадка немецких войск на Сааремаа.
1917, 10 октября — Принятие на заседании Центрального Комитета РСДРП(б) резолюции В. И. Ленина о постановке вооруженного восстания в порядок дня.
1917, 11—13 октября — Съезд Советов Северной области в Петрограде.
1917, 12—14 октября — II съезд Советов Эстонии.
1917, 16 октября — Расширенное заседание Центрального Комитета партии, принявшее резолюцию В. И. Ленина о подготовке вооруженного восстания. Избрание Партийного центра по руководству восстанием.
1917, 23 октября — Первое заседание Военно-революционного комитета Эстонии.
1917, 25 октября (7 ноября) — Вооруженное восстание в Петрограде. Свержение Временного правительства. Победа Великой Октябрьской социалистической революции.
1917, 25 октября — II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Декреты о земле и о мире. Сформирование Совета Народных Комиссаров под председательством В. И. Ленина.
1917, 25 октября — Переход в Эстонии власти к Советам.
1917, октябрь — Открытие Рабочего театра в Таллине.
1917, 3 ноября — Декларация прав народов России.
1917, 15 ноября — Разгон рабочими «маапяэва».
1917, 24 ноября — Постановление Исполкома Советов Эстонии о конфискации помещичьих имений.
1918, 4—5 января — Съезд безземельных и малоземельных крестьян Эстонии.
1918, 10 января — III Всероссийский съезд Советов.
1918, 13 января — Организация Совета народного хазяйства в Эстонии.
1918, 23 февраля — Бои с немецкими оккупантами под Псковом и Кейла.
1918, 28 февраля — Бои с немецкими оккупантами у Орина.
1918, 1—3 марта — Бои с немецкими оккупантами между Йыхви и Нарвой.
1918, февраль—ноябрь — Немецкая оккупация Эстонии.
1918, 3 марта — Брестский мир.
1918, март — Создание подпольного Таллинского комитета большевиков.
1918, март — Начало интервенции против Советской России.
1918, март — Формирование эстонских стрелковых полков в Петрограде.
1918, 11 мая — Организация Эстонского отдела при Народном Комиссариате по делам национальностей.

1918, июль — Конференция эстонских организаций РСДРП(б) в Москве.
1918, 19—24 октября — I конференция коммунистических организаций оккупированных областей в Москве.
1918, 9 ноября — Революция в Германии.
1918, 13 ноября — Аннулирование Брестского мирного договора.
1918, 19 ноября — Акт о передаче власти немецкими оккупантами буржуазно-националистическому эстонскому временному правительству.
1918, 19 ноября — Восстановление Таллинского Совета рабочих депутатов.
1918, 28 ноября — Освобождение Нарвы.
1918, 29 ноября — Провозглашение Эстляндской трудовой коммуны.
1918, 7 декабря — Освобождение Выру.
1918, 7 декабря — Декрет Совета Народных Комиссаров о признании независимости Эстонской Советской Республики.
1918, 17 декабря — Демонстрация таллинских рабочих против английских интервентов.
1918, 18 декабря — Запрещение буржуазными властями деятельности Таллинского Совета рабочих депутатов.
1918, декабрь — Освобождение Валга (17 декабря), Тарту (20 декабря) и Тапа (24 декабря).
1918, 25 декабря — Признание независимости прибалтийских советских республик Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом.
1919, 7—9 января — Начало наступления контрреволюции на эстонском фронте.
1919, 3—5 февраля — Убийство моряков «Спартака» и «Автроила» на острове Найссаар.
1919, 16—25 февраля — Восстание трудящихся на Сааремаа.
1919, 2 марта — Открытие I конгресса Коммунистического Интернационала в Москве.
1919, 24 апреля — Открытие Учредительного собрания в Таллине.
1919, июнь—август — разгром Юденича под Петроградом.
1919, 10—13 июля — Восстание в Тартуском запасном полку.
1919, 19 июля — Манифест о мире Эстляндского Центрального Комитета Коммунистической партии.
1919, 30—31 августа — I съезд профсоюзов Эстонии.
1919, 6 сентября — Убийство под Изборском 25 видных представителей эстонского рабочего движения.
1919, октябрь—ноябрь — Ликвидация армии Юденича под Петроградом.
1919 — Основание высшего музыкального училища в Таллине.
1919 — Основание высшего художественного училища «Паллас» в Тарту.
1920, 2 февраля — Тартуский мир.
1920, 2 февраля — Выступление В. И. Ленина на заседании ВЦИК о мирном договоре с Эстонией.
1920, июнь — Процесс 35-ти.
1920, 30 июня — 2 июля — Забастовка таллинских рабочих в связи с процессом 35-ти.
1920, ноябрь — I съезд Коммунистической партии Эстонии.
1920, 5 декабря — Основание Всеэстонского союза молодых пролетариев.
1921, октябрь — II съезд КП Эстонии.
1922, 3 мая — Убийство Виктора Кингисеппа.
1922, май — Процесс 115-ти.
1922, сентябрь — I съезд КСМ Эстонии.
1922, октябрь — III съезд КП Эстонии.
1922, 27—29 ноября — II съезд профсоюзов Эстонии.
1922, 30 декабря — Образование Союза Советских Социалистических Республик.
1923, 28 марта — Убийство Я. Креукса.
1924, 21 января — Смерть Владимира Ильича Ленина.
1924, 21 января — Разгром организаций трудящихся в Эстонии.

1924, ноябрь — Процесс 149-ти.
1924, 14 ноября — Убийство Я. Томпа.
1924, 1 декабря — Вооруженное восстание трудящихся в Таллине.
1925, август — Процесс 77-ми.
1925, 29 августа — Убийство Х. Хейдемана.
1926, 23 апреля — Убийство А. Рийсмана.
1926, 13 ноября — I конференция КП Эстонии.
1926 — Открытие железной дороги Сонда—Муствээ.
1926 — Открытие нового Рабочего театра.
1927 — Поездка первой эстонской рабочей делегации в Советский Союз.
1927, 3 августа — Убийство А. Лейнера.
1929, 1 января — II конференция КП Эстонии.
1930, 13 марта — Убийство И. Юрна.
1931 — Открытие железных дорог Тарту—Петсери и Рапла—Виртсу.
1932 — Процесс 34-х.
1933, март — Воззвание КП Эстонии о создании Единого фронта.
1934, 12 марта — Установление фашистской диктатуры в Эстонии.
1934, август — III конференция КП Эстонии.
1934 — Распад эстонской социал-демократической партии.
1935, июнь — Соглашение между КПЭ и левыми социалистами (МОТ) о создании Единого фронта.
1936, август—сентябрь — Стачка шахтеров.
1936, сентябрь — Открытие Таллинского технического института.
1939, июнь — Заключение пакта о ненападении между Германией и Эстонией.
1939, 1 сентября — Начало второй мировой войны.
1939, 28 сентября — Заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Эстонией.
1939, ноябрь—1940, март — Советско-финляндская война.
1940, апрель — IV конференция КП Эстонии.
1940, 16 июня — Нота Советского правительства правительству Эстонии в связи с нарушениями последним пакта о взаимопомощи.
1940, 21 июня — Свержение фашистского правительства. Начало социалистической революции.
1940, 14—15 июля — Выборы во II Государственную думу.
1940, 21 июля — Провозглашение Эстонской Советской Социалистической Республики.
1940, 22 июля — Декларация Государственной думы о вступлении Эстонской ССР в состав СССР.
1940, 23 июля — Декларации Государственной думы об объявлении земли государственной собственностью и о национализации банков и крупной промышленности.
1940, 6 августа — Принятие Верховным Советом СССР Эстонской ССР в состав Союза Советских Социалистических Республик.
1940, 25 августа — Принятие Конституции Эстонской ССР.
1940, 8 октября — Принятие Коммунистической партии Эстонии в состав ВКП(б).
1941, 4—5 февраля — IV съезд КП(б) Эстонии.
1941, 22 июня — Вероломное нападение гитлеровской Германии на Советский Союз. Начало Великой Отечественной войны.
1941, 30 июня — Образование Государственного Комитета Обороны СССР.
1941, 7 июля—6 декабря — Бои на территории Эстонии.
1941, 19—28 августа — Оборона Таллина.
1941, 6 декабря — Переход Советской Армии в контрнаступление. Разгром гитлеровских войск под Москвой.
1941, 18 декабря — Постановление Государственного Комитета Обороны о формировании эстонского национального воинского соединения.
1942 — Создание Эстонского штаба партизанского движения.
1942, 25 сентября — Приказ Верховного Главнокомандования о формировании Эстонского стрелкового корпуса.

1942, декабрь—1943, январь — Участие Эстонского стрелкового корпуса в боях за освобождение Великих Лук.
1943, 21 августа — Постановление Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».
1944, 26 июля — Освобождение Нарвы.
1944, 25 августа — Освобождение Тарту.
1944, 22 сентября — Освобождение Таллина.
1944, 24 ноября — Завершение освобождения территории Эстонской ССР.
1945, 8 мая — Безоговорочная капитуляция фашистской Германии.
1945, 28 июня — Присвоение Эстонскому Таллинскому стрелковому корпусу наименования гвардейского.
1946, 5 апреля — Основание Академии наук Эстонской ССР.
1946, апрель — Принятие Верховным Советом Эстонской ССР «Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Эстонской ССР на 1946—1950 гг.»
1948, 6 ноября — Сдача в эксплуатацию газопровода Кохтла-Ярве—Ленинград.
1948, ноябрь — Первый съезд колхозников Эстонской ССР.
1948, декабрь — V съезд КП(б) Эстонии.
1949 — Массовое объединение эстонского крестьянства в колхозы.
1950, 1 октября — Образование районов в Эстонской ССР.
1951, апрель — VI съезд КП(б) Эстонии.
1951, сентябрь — Открытие Сельскохозяйственной Академии в Тарту.
1952, сентябрь — VII съезд КП(б) Эстонии.
1952, сентябрь — Открытие Таллинского педагогического института.
1952, 5—14 октября — XIX съезд КПСС.
1953, февраль — Сдача в эксплуатацию газопровода Кохтла-Ярве—Таллин.
1953, 5 марта — Смерть И. В. Сталина.
1954, февраль — VIII съезд КП Эстонии.
1955, 30 сентября — Сдача в эксплуатацию Нарвской ГЭС.
1955, октябрь — Открытие телевизионного центра в Таллине.
1956, январь — IX съезд КП Эстонии.
1956, 14—25 февраля — XX съезд КПСС.
1957, 7 июня — Образование Совета народного хозяйства Эстонской ССР.
1958, январь — X съезд КП Эстонии.
1958, 31 марта — Принятие Верховным Советом СССР «Закона о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Аав, Эвальд (1900—1939), композитор — 579.

Аавакиви, Рихард (1873—1906), врач, общественный деятель — 383.

Аавик, Иоханнес (р. 1880), языковед — 371, 382.

Аамисепп, Юлиус (1883—1950), селекционер — 381, 573, 673, 674.

Аартээ, Эдуард (р. 1910), советский партизан в Великую Отечественную войну — 623, 624.

Абельс, Георг (р. 1898), деятель революционного рабочего движения — 517, 588, 594.

Абен, Александр (р. 1908), общественный деятель — 562, 592.

Абовян, Хачатур (1805—1848), армянский писатель, просветитель и педагог — 237.

Аболтин, Емельян, студент Тартуского Ветеринарного института, участник революции 1905—1907 гг. — 332.

Аварсоо, Арно (р. 1922), советский партизан в Великую Отечественную войну — 624.

Август II, король польский в 1697—1733 гг. и курфюрст саксонский в 1694—1733 гг. — 145—147.

Адамсон, Амандус Хейнрих (1855—1929), скульптор — 374, 375.

Адамсон, Мари (р. 1908), художница-прикладник — 671.

Адамсон-Эрик (р. 1902), живописец и прикладник — 671.

Адамсон, Яан (1824—1879), сельский учитель, деятель национального движения — 272.

Адашев, Алексей Федорович (ум. 1561), государственный деятель — 112.

Айтсам, Михкель (1876—1917), деятель революционного движения — 335, 422.

Акель, Фридрих Карл (р. 1871), буржуазный политический деятель — 518.

Аккерман, Христиан, резчик по дереву в Таллине в конце XVII в. — 142.

Алас, Арнольд (р. 1911), архитектор и живописец — 669.

Альберт, епископ ливонский в 1199—1229 гг. — 38—40, 42, 49—51, 54—56, 62.

Альвер, Андрес (1869—1903), врач, общественный деятель — 383.

Александр I, русский император в 1801—1825 гг. — 195, 201, 205, 209.

Александр II, русский император в 1855—1881 гг. — 245, 284.

Александр III, русский император в 1881—1894 гг. — 284.

Александр Ярославич (Невский) (1220—1263), новгородский князь — 59—61, 75.

Александров, Александр Васильевич (1883—1946), композитор — 609.

Алле, Аугуст (1890—1952), писатель — 576.

Аллик, Иоханнес (ум. 1919), актер, деятель революционного рабочего движения — 378.

Аллик, Хендрик (р. 1901), деятель революционного рабочего движения — 501, 510, 511, 517, 566, 588.

Алликас, Карл (р. 1905), командир эстонского воинского соединения Советской Армии в годы Великой Отечественной войны — 625.

Альтерман, Теодор (1885—1913), актер — 377.

Алунан, Юрис (1832—1864), латышский поэт и общественный деятель — 237.

Амбос, Эдуард (1888—1924), участник восстания 1 декабря 1924 г. — 520.

Амелунг, Антон (ум. 1798), основатель зеркальной фабрики в Быйзику — 225.

Аммерман, Пауль (ум. 1919), красноармеец — 458.

Анвельт, Яан (псевдоним — Ээссаре Ааду) (1884—1937), революционер, член ЦК КПЭ, пролетарский писатель — 349, 351, 358, 361, 372, 373, 386, 391, 395, 396, 399, 400, 404, 412, 437, 438, 445, 446, 499, 506, 517, 576.
Ангелиус, Лийзи, боец народного ополчения в Великую Отечественную войну — 619.
Андеркопп, Адо (р. 1894), буржуазный политический деятель — 494.
Андреев, Сергей (1897—1930), деятель революционного рабочего движения — 508.
Андрезен, Ниголь (р. 1899), член правительства И. Вареса в 1940 г. — 562, 591.
Андрусов, Николай Иванович (1861—1924), палеонтолог — 380.
Ани, Вальтер (р. 1914), делегат КПЭ на XX съезд КПСС — 690.
Анисов, управляющий имением Нурси, один из участников расправы над членами Вырумаского Совета депутатов трудящихся в 1918 г. — 431.
Аннус, Алєксандр (1872—1919), деятель революционного рабочего движения, председатель Центрального Совета профсоюзов Эстонии в 1919 г. — 478, 479.
Антсон, Александр (1899—1945), писатель — 576.
Арбон, Херман (1899—1941), деятель революционного рабочего движения — 502, 517, 566, 588, 592.
Ардер, Александр (р. 1894), певец — 629.
Аристе, Пауль (р. 1905), лингвист — 672.
Арман, Харальд (р. 1910), архитектор — 651, 684.
Армбруст, Иоахим, резчик по дереву в Таллине в конце XVII в. — 142.
Арно, Яан (ум. 1942), политработник Советской Армии в Великую Отечественную войну — 625.
Арро, Эдгар (р. 1911), композитор — 665, 686.
Арсеньев, Александр Иванович, чиновник в начале XIX в. — 198—201.
Ару, Карл (р. 1901), офицер Советской Армии в годы Великой Отечественной войны — 625.
Аст, Карл (р. 1886), правый социал-демократ — 420, 496, 522, 549.
Аудова, Александр (1892—1932), естествоиспытатель, общественный деятель — 546.
Аул, Юхан (р. 1897), антрополог — 573.
Аустер, Лидия (р. 1912), композитор — 686.
Ахи, Освальд, участник Великой Отечественной войны — 627.

Балливи, Иоганнес (ум. 1520), врач в Таллине в 1515—1520 гг. — 140.
Барбарус — см. Варес.
Барклай-де-Толли, Михаил Богданович (1761—1818), полководец в Отечественной войне 1812 г. — 240.
Баторий, Стефан, король польский в 1575—1586 гг. — 116.
Батый (ум. 1255), монголо-татарский хан — 59.
Бауман, Рудольф (р. 1892), актер — 581.
Бах, Айно (р. 1901), график — 577, 578, 687.
Безобразов, царский генерал, командир карательного отряда в революцию 1905—1907 гг. — 336, 337.
Беккер, Хендрик (1891—1925), геолог — 573.
Беллингсгаузен, Фаддей Фаддеевич (Фабиан Готлиб) (1779—1852), адмирал, мореплаватель — 237.
Бельше, Вильгельм (1861—1939), немецкий популяризатор естествознания — 383.
Берг, Фридрих Георг Магнус фон (1845—1938), селекционер — 381.
Бертольд, епископ ливонский в 1196—1198 гг. — 38.
Бестужев (Марлинский), Александр Александрович (1797—1837), писатель, декабрист — 210, 240.
Бестужев, Николай Александрович (1791—1855), декабрист, писатель — 210.
Бехтерев, Владимир Михайлович (1857—1927), психиатр и невролог — 382.
Биезбардис, Каспар Эрнст (1806—1886), латышский деятель культуры — 237.
Бирк, Ааду (р. 1883), буржуазный политический деятель — 418, 419.
Благовещенский, Василий Тимофеевич (1801—1864), анонимный автор книги «Эстонец и его господин» — 251.
Блейман, Мартин (р. 1887), левый эсер — 413, 414.
Блуменфельд, Элизе (р. 1898), Герой Социалистического Труда — 654.

Богданов, Владимир (1898—1924), деятель революционного рабочего движения — 502, 520.
Бозанкет, английский консул в Таллине — 478.
Бок, Тимотеус (Тимофей) (1788—1837), лифляндский дворянин, представитель прогрессивной общественной мысли — 208, 209.
Болотников, Иван Исаевич (ум. 1608), вождь крестьянской войны — 143.
Борнхёэ, Эдуард (1862—1923), писатель — 296, 665.
Бриан, Аристид (1862—1932), французский государственный деятель — 535.
Бротце, Иоган Христоф (1742—1823), историк культуры — 157.
Броун, Юрий Юрьевич (Джордж), генерал-губернатор Лифляндии в 1762—1791 гг. — 176—179.
Бубнов, Андрей Сергеевич (р. 1883), член Партийного центра в октябре 1917 г. — 406.
Буддеус, Карл (1775—1864), художник — 241.
Буйлов, офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 627.
Бук, Виллем (1879—1941), пролетарский писатель — 372, 373.
Булак-Балахович, Станислав (р. 1883), белогвардейский офицер — 467.
Бурденко, Николай Николаевич (1876—1946), ученый-хирург — 381, 382.
Бурман, Карл (р. 1914), художник-акварелист — 687.
Бурман, Пауль (1888—1934), живописец — 375.
Бухгольц, Федор Владимирович (1872—1924), ботаник — 573.
Буш, Рихард (1903—1936), деятель революционного рабочего движения — 517, 565.
Бэр, Карл Максимович (Карл Эрнст) (1792—1876), естествоиспытатель — 237.

Вааранди, Дебора (р. 1916), поэтесса — 663, 664.
Вазар, Эпп (1828—1895), сказительница — 299.
Вакман, Паулине (ум. 1924), участница восстания 1 декабря 1924 г. — 521.
Вакман, Рихард (1906—1924), участник восстания 1 декабря 1924 г. — 521.
Вакман, Рудольф (1894—1938), революционер, член ЦК КПЭ — 386, 388, 437, 442—444, 499.
Вакман, Эрих (1904—1924), участник восстания 1 декабря 1924 г. — 521.
Вальдемар II, король Дании в 1202—1241 гг. — 49—51.
Вальдзак, Альфред (р. 1905), деятель революционного рабочего движения — 517.
Валькман, Роланд (р. 1922), советский партизан в Великую Отечественную войну — 623, 624.
Вальнер, Артур (р. 1887), член Земского совета Эстляндской губернии в 1917 г. — 400.
Ванрадт, Симон (ум. 1563), пастор церкви Нигулисте в Таллине, один из составителей катехизиса, известного в качестве старейшего эстонского печатного издания — 109.
Варес (Барбарус), Иоханнес (1890—1946), писатель, государственный деятель Советской Эстонии — 546, 576, 589, 591—593, 599, 601, 609, 630.
Варисте, Юри (р. 1907), композитор, хоровой дирижер — 668.
Вартберг, Герман де, хронист второй половины XIV в. — 96.
Вахтман (Вааранди), Антон (р. 1901), деятель революционного рабочего движения — 564.
Вебер, Карл Мария (1786—1826), немецкий композитор — 302.
Ведро, Адольф Иоханнес (1890—1944), композитор — 579, 580.
Вейденбаум, Эдуард (ум. 1919), деятель революционного рабочего движения — 458.
Веймер, Арнольд (р. 1903), деятель революционного рабочего движения, государственный деятель Советской Эстонии — 517, 566, 637, 692.
Вейценберг, Аугуст Людвиг (1837—1921), скульптор — 302, 304.
Вейценберг, Юхан (1838—1878), поэт — 296, 297.
Вельман, Вольдемар (1887—1937), большевик, таллинский городской голова в 1917 г. — 396, 397, 399.
Вельс, Леонтине (р. 1905), деятельница революционного рабочего движения — 517.
Вельт, Яан (1898—1925), деятель революционного рабочего движения — 513.

Венникас, Рихард (1897—1947), деятель революционного рабочего движения — 398, 442, 443.
Верревсон, К., предприниматель в начале XIX в. — 225.
Верхотуров, художник — 269.
Веске, Михкель (1843—1890), писатель, языковед — 276, 278, 290, 294, 296, 299, 304.
Вески, Иоханнес Вольдемар (р. 1873), языковед — 382, 383, 573, 672.
Вессе, руководитель сааремаского восстания в 1343 г. — 80.
Виганд Марбургский, хронист конца XIV в. — 77.
Видеман, Фердинанд Иохан (1805—1887), языковед — 294, 300.
Вийдалепп, Антс (р. 1921), живописец — 687.
Вийра, Аугуст (1853—1919), деятель театрального искусства — 301, 302.
Вийральт, Эдуард (1898—1954), график — 577, 578.
Вильгельм II, германский император в 1888—1918 гг. — 423, 426.
Вильгельм (ум. 1251), моденский епископ, папский легат в северных странах — 56, 58.
Вильде, Пээтер Эрнст (1732—1785), врач, литератор — 186.
Вильде, Эдуард (1865—1933), писатель — 289, 297, 302, 331, 371, 372, 546, 665.
Вильмер, Эрна (р. 1889), актриса — 376, 580.
Вильмс, Юри (1889—1918), буржуазный политический деятель — 409, 441, 442.
Вильсон, Вудро, президент США в 1913—1921 гг. — 441, 466.
Винк, Андрес, большевик — 403.
Вирит, Ханс (1894—1948), офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 627.
Виск, Эрна (р. 1910), делегат КПЭ на XX съезде КПСС — 690.
Виснапуу, Хенрик (1890—1951), писатель — 573.
Вихвелин, Арнольд (р. 1892), художник — 577.
Владимир, полоцкий князь в XIII в. — 45.
Владимир, псковский князь в XIII в. — 42.
Вольберг, Аугуст (р. 1896), архитектор — 684.
Вольмер, Карл (р. 1896), делегат КПЭ на XX съезда КПСС — 690.
Воог, Ульви (р. 1937), мастер спорта — 688.
Ворошилов, Климент Ефремович (р. 1881), выдающийся деятель КПСС и Советского государства — 626.
Востоков, Александр Христофорович (1781—1864), филолог-славяновед — 237.
Врангель, Петр Николаевич, барон (1878—1928), царский генерал, белогвардеец — 476, 497.
Выэрахансу, Юхан (р. 1902), живописец, педагог — 578, 669, 687.
Вяли, Вольдемар (р. 1909), живописец — 669, 687.
Вяльцев, Яков Семенович (р. 1912), советский партизан в Великую Отечественную войну — 623.
Вячко (Вячеслав Борисович) (ум. 1224), кокнесский князь — 39, 54—56.
Вяэрисмаа, Андрес (1908—1944), химик — 628.

Гальдер, Франц (р. 1884), немецко-фашистский генерал — 567.
Гапон, Георгий Аполлонович (1870—1906), священник, провокатор — 321.
Гаппих, Карл (1863—1923), бактериолог — 381.
Гаршнек, Анатолий (р. 1918), композитор — 686.
Гауптман, Гергарт (1862—1946), немецкий писатель — 377.
Гезекен, Генрих (1612—1681), пастор, литератор — 139.
Геккель, Эрнст (1834—1919), немецкий естествоиспытатель — 383.
Гельхаар, Теодор (1805—1871), график — 241.
Генрих Латышский (ум. около 1259), хронист — 32, 38, 42, 46, 96.
Герасимов, Василий Герасимович (1852—1892), рабочий, революционер — 282, 283.
Гердер, Иоганн Готфрид (1744—1803), немецкий поэт, просветитель — 186.
Герман, епископ Эстонии в 1219 г., тартуский епископ в 1224—1245[?] гг. — 49, 50, 54—56.
Герман, Иоган, автор книги по сельскому хозяйству в XVII в. — 138.
Геррец-Лунд, Ольга (р. 1912), певица — 629.
Герцен, Александр Иванович (1812—1870), писатель, революционный демократ — 244, 245, 293.

Гиммлер, Генрих (1900—1945), германский фашистский государственный деятель — 584.
Гитлер, Адольф (1889—1945), германский фашистский государственный деятель — 550, 612, 613, 620.
Глазунов, Александр Константинович (1865—1936), композитор — 378, 379.
Глезер, Хильда Марие (1893—1932), актриса — 580.
Говоров, Леонид Александрович (1897—1955), Маршал Советского Союза — 631.
Гоголь, Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 290, 377.
Гольц, Рюдигер фон дер (р. 1865), кайзеровский генерал, руководитель ландесвера — 469, 470.
Гонеке, Варфоломей, хронист XIV в. — 77, 80, 96.
Гончаров, офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 619.
Горнунг, Иоган (1660[?]—1715), пастор в Карула, составитель грамматики эстонского языка — 140.
Горький, Максим (Пешков, Алексей Максимович) (1868—1936), писатель, основоположник социалистического реализма — 368, 371, 374, 377.
Гоф, Губерт де ла Пер (р. 1870), английский генерал, один из организаторов антисоветской интервенции в Прибалтике — 457.
Гофман, Мельхиор (ум. 1543), меховщик, народный проповедник во время реформации — 106, 107.
Гофман, Оскар Адольф (1851—1912), живописец, график — 253, 304.
Грейг, Самуил Карлович (1736—1788), адмирал русского флота — 189.
Григорьев, Дмитрий (р. 1859), один из руководителей кренгольмской забастовки 1882 г. — 287.
Грюнбах, Кристьян (1899—1924), участник восстания 1 декабря 1924 г. — 521.
Грюнталь-Ридала, Виллем (1885—1942), поэт, филолог — 370, 371.
Губерт, Соломон (ум. 1653), пастор, автор книги по сельскому хозяйству — 138.
Густав-Адольф, шведский король в 1611—1632 гг. — 119, 121.
Густавсон, Оскар (р. 1889), правый социал-демократ — 508.
Гутман, Вольдемар (1851—1933), ученый-ветеринар — 381.
Гутслеф, Генрих (1680—1747), пастор — 183.
Гутслеф, Эберхард (1700[?]—1749), литератор — 186.
Гучков, Александр Иванович (1862—1936), буржуазный политический деятель — 388.

Делагарди, Магнус Габриель (1622—1686), шведский государственный деятель — 124, 138.
Делагарди, Понтус (1520—1585), шведский полководец — 116, 140.
Деллингсгаузен, Эдуард, барон (1863—1939), предводитель эстляндского рыцарства — 336, 422.
Демут-Малиновский, Василий Иванович (1779—1846), скульптор — 240.
Деникин, Антон Иванович (1872—1947), царский генерал, белогвардеец — 466, 474, 476, 477.
Депман, Иоханнес (р. 1885), математик — 383.
Дзержинский, Феликс Эдмундович (1877—1926), выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства — 406.
Дидо (Тийдо), Андрес (1855—1921), единомышленник К. Р. Якобсона — 278.
Дитце, Юрген, крестьянин имения Атла в конце XVII в. — 130.
Добролюбов, Николай Александрович (1836—1861), революционный демократ, литературный критик — 244.
Докучаев, Василий Васильевич (1846—1903), почвовед — 294.
Домаш Твердиславич, военачальник у Александра Невского — 60.
Донат, Иоган Вильгельм (ум. 1847), купец — 220.
Достоевский, Федор Михайлович (1821—1881), писатель — 231.
Дунаевский, Исаак Осипович (1900—1955), композитор — 609.
Дюккер, Эжен Густав (1841—1916), художник — 304.

Егоров, Андрей (1878—1954), живописец — 375, 376, 577, 671.
Егоров, Иван (ум. 1919), красный партизан в Гражданскую войну — 458.
Егоров, П., член Эстляндского бюро РСДРП(б) — 396.
Екатерина II, российская императрица в 1762—1796 гг. — 161, 174, 176, 181, 182.

Жданов, Андрей Александрович (1896—1948), видный деятель Коммунистической партии и Советского государства — 591.
Жуковский, Василий Андреевич (1783—1852), поэт — 241.

Зарудный, Иван Петрович (ум. 1727), художник, архитектор — 189.
Засс, фон, начальник немецко-фашистского гарнизона в Великих Луках — 626.
Зекендорф, Адольф фон (р. 1857), кайзеровский генерал, командующий оккупационными войсками в Эстонии в 1918 г. — 430, 441, 442.
Земцов, Михаил Григорьевич (1688—1743), архитектор — 188.
Зенф, Карл Август (1770—1838), график — 241.

Ибсен, Генрик (1828—1906), норвежский драматург — 377.
Иван III, великий князь московский в 1462—1505 гг. — 101.
Иван IV, великий князь с 1533 г., русский царь в 1547—1584 гг. — 110, 114—116.
Иванов, Василий Васильевич (р. 1836), морской офицер, журналист — 251, 252.
Иванов, Лука Иванович (р. 1853), один из первых рабочих-революционеров — 283.
Игнатиус, Михаэль, гернгутерский писатель в середине XVIII в. — 186.
Игнациус, Отто Фридрих (1794—1824), живописец — 241.
Идриси, Абу-Абд-Аллах Мохаммед (1099—1166), арабский географ — 26.
Иллисон, Леонхард-Фридрих (р. 1911), деятель революционного рабочего движения — 588.
Имберг, Рудольф (ум. 1917), красногвардеец — 422.
Иоган III, король шведский в 1568—1592 гг. — 115.
Ионсон, Н., рабочий, большевик, участник революции 1905—1907 гг. — 324.
Ионсон, Якоб (1806—1865), агроном — 215.
Иоонас, Эрих (р. 1893), правый социал-демократ — 508.
Иохани, Андрус (1906—1941), живописец — 577, 578, 609, 610, 622.
Иохансон, Леопольд Иоханнес (р. 1888), правый социал-демократ — 522.
Ирд, Каарел (р. 1904), режиссер-постановщик — 581.
Иринарх (Яков Попов) (1790—1877), рижский епископ православной церкви — 226.
Исак, Карл (1891—1955), Герой Социалистического Труда — 654, 655.
Йыэпереский Яан — см. Пертель.
Йыэсте, Вальтер (р. 1911), художник-прикладник — 671.
Йыээр, Александр (р. 1890), член правительства И. Вареса — 562, 586.

Каазик, Александр (р. 1908), скульптор — 669.
Каарма, Вольдемар (р. 1908), художник-прикладник — 671.
Каарма, Мелание (р. 1923), художница-прикладник — 671.
Кадакас, Эрих (1909—1941), деятель рабочего движения — 565.
Кайгородов, Дмитрий Никифорович (1846—1924), естествоиспытатель и популяризатор естествознания — 383.
Калинин, Михаил Иванович (1875—1946), выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства — 315, 317—320, 626, 647.
Каллас, Оскар Филипп (1868—1946), фольклорист — 383.
Калласте, Александр (р. 1906), советский партизан в Великую Отечественную войну — 623, 624.
Каллис, Оскар (1892—1917), художник — 375, 376.
Калм, Федор (1788—1839), декабрист — 209.
Калнинг, Оттон Иванович (1856—1891), ученый-ветеринар — 381.
Кальмус, Кристьян (ум. 1918), член Вырумаского Совета депутатов трудящихся — 430, 431.
Кальмус, Юри (ум. 1917), красногвардеец — 422.
Кальо, Рихард (р. 1914), график — 669, 687.
Камберг, Яан (р. 1898), деятель революционного рабочего движения — 508, 517.
Кангер, Карл (р. 1898), офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 618.
Кангиласки, Отт (р. 1911), график — 670, 687.
Кангур, Карл (ум. 1941), боец народного ополчения в Великую Отечественную войну — 616, 617.

Канзафар Усаев (р. 1735[?]), полковник пугачевского войска — 178.
Капп, Артур (1878—1952), композитор — 379, 580, 666.
Капп, Эуген (р. 1908), композитор — 579, 629, 665, 666, 686.
Каппель, Иоханнес (1855—1907), композитор — 301.
Карелль, Филипп Якоб (1806—1886), медик — 237.
Кариете, Альберт (р. 1907), офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 626, 627.
Карл X, шведский король в 1654—1660 гг. — 133.
Карл XI, шведский король в 1660—1697 гг. — 128, 129, 132.
Карл XII, шведский король в 1697—1718 гг. — 131, 144, 147, 149, 150.
Карм, Каарел (р. 1906), актер — 580, 668.
Каротамм, Николай (р. 1901), начальник Эстонского штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, государственный и партийный деятель Советской Эстонии — 623, 637.
Каррус, Виктор (р. 1913), живописец — 670.
Карула Лиза, участница выступления крестьян в Карула в 1784 г. — 180.
Касс, Тынис (ум. 1917), арендатор в имении Куристе — 400.
Кастра, Аугуст, меньшевик — 352.
Каупо (ум. 1217), старейшина ливов в Турайде — 40, 42, 43, 48.
Квант, Иоган Христиан (1704—1750), урвастеский пастор, гернгутерский писатель — 160.
Кваренги, Джакомо (1744—1817), архитектор — 189.
Келер, Иохан (1826—1899), живописец, деятель национального движения — 250, 272, 276—278, 290, 302, 303.
Келлог, Франк Биллингс (1856—1937), государственный секретарь США — 535.
Кельх, Христиан (1657—1710), пастор в Виру-Яагупи, хронист — 129, 138, 139, 145.
Кеппе, Отто (р. 1903), архитектор — 651.
Керве, К., рабочий, участник революции 1905—1907 гг. — 325.
Керенский, Александр Федорович (р. 1881), эсер, глава буржуазного Временного правительства в 1917 г. — 402, 405, 409.
Кестнер, Николай (р. 1889), мелкобуржуазный экономист — 420.
Кеттлер Готард, магистр Ливонского ордена в 1559—1561 гг., герцог курляндский в 1562—1587 гг. — 113.
Киббера Пээп, участник выступления крестьян в Карула в 1784 г. — 180.
Кивикас, Альберт (р. 1898), писатель — 573.
Кивиссон, Освальд (р. 1909), деятель революционного рабочего движения — 544.
Кимм, Ильмар (р. 1920), живописец — 686, 687.
Кингисепп, Виктор (1888—1922), революционер, член ЦК КПЭ — 326, 345, 351, 372, 388, 391, 398, 399, 401, 404, 406, 411—413, 422, 436, 442, 443, 466, 471, 494, 495, 499, 505, 506, 576.
Киппер, Аксель (р. 1907), астрофизик — 572, 672.
Кирс, Эрнст (р. 1920), скульптор — 687.
Китс, Эльмар (р. 1913), живописец — 578, 669, 687.
Китс-Мяги, Линда (р. 1916), живописец — 687.
Кицберг, Аугуст (1855—1927), писатель — 297, 301, 370.
Клазенапп, фон, один из участников расправы над членами Вырумаского Совета депутатов трудящихся в 1918 г. — 431.
Кламмер, Иоханнес, антифашист, участник гражданской войны в Испании — 565.
Клара, Август Филипп (1790—1850), график — 241.
Клейн, Вальтер (1892—1924), революционер, член ЦК КПЭ — 517, 518.
Клементи, Вильгельмине (1904—1929), деятельница революционного рабочего движения — 500, 501, 533.
Кнюпфер, Арнольд Иоган Фридрих (1777—1843), пастор, исследователь эстонского фольклора и языка — 238.
Когерман, Пауль Николай (1891—1951), химик — 573, 672.
Койдула (Яннсен), Лидия Емилие Флорентине (1843—1886), поэтесса — 295, 296, 301, 665.
Койт, Александр (1891—1919), один из руководителей восстания трудящихся Сааремаа в 1919 г. — 460, 462.
Кокамяги, Луулик (р. 1921), живописец — 687.

Колга Яан, участник выступления крестьян в Карула в 1784 г. — 180.
Коллом, Эрнст (р. 1908), график — 79, 578.
Коломиец, Николай, боец народного ополчения в Великую Отечественную войну — 617.
Колчак, Александр Васильевич (1873—1920), царский адмирал, белогвардеец — 466—468, 474, 477.
Кони, Аугуст (р. 1889), деятель революционного рабочего движения — 351.
Коольмейстер, Михкель (1878[?]—1919), деятель революционного рабочего движения — 442, 479.
Коорт, Яан (1883—1935), скульптор — 375, 376, 451, 577.
Коптюх, Арсений (ум. 1906), один из организаторов восстания на крейсере «Память Азова» — 339.
Корк, Аугуст (1887—1937), советский военачальник, командующий 6-ой и 15-ой армией в Гражданскую войну — 448, 476, 477, 481.
Корнейчук, Александр Евдокимович (р. 1905), писатель — 581.
Корнилов, Лавр Георгиевич (1870—1918), царский генерал, руководитель контрреволюционного мятежа в 1917 г. — 391, 401.
Костаби, Э., офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 619.
Котляревский, Александр Александрович (1837—1884), профессор русского языка и литературы в Тартуском университете — 294.
Котта, Феликс (р. 1910), поэт — 664.
Коцебу, барон, участник подавления революции 1905—1907 гг. в Эстонии — 337.
Красин, Леонид Борисович (1870—1926), советский дипломат, нарком — 453.
Краснов, Петр Николаевич (1869—1947), царский генерал, белогвардеец — 409.
Крейсберг, Амалие (1879—1906), революционерка, староста рабочих Кренгольма — 338, 362.
Крейцвальд, Фридрих Рейнгольд (1803—1882), просветитель-демократ, писатель, фольклорист, врач — 32, 229, 230, 233, 237—240, 251, 272, 276, 291, 294—297, 299, 300, 304, 374, 665.
Креукс, Георг (1896—1924), деятель революционного рабочего движения — 502, 517, 520.
Креукс, Яан (1891—1923), революционер, член ЦК КПЭ — 501, 506, 510.
Крузенштерн, Иван Федорович (Адам) (1770—1846), адмирал, мореплаватель — 237.
Крустен, Эрни (р. 1900), писатель — 665, 686.
Круузамяги, Карл (1899—1924), участник восстания 1 декабря 1924 г. — 521.
Круус, Ильмар (1913—1941), участник революционного рабочего движения — 566, 588.
Круус, Ханс (р. 1891), историк — 573, 591.
Круусалу, Хильда (р. 1904), Герой Социалистического Труда — 654.
Крылов, Иван Андреевич (1769—1844), писатель — 290.
Крээк, Кириллус (р. 1889), композитор — 383, 579, 580.
Крюгер, Вольдемар Фридрих (1807—1893), живописец, график — 241.
Кугельман, Людвиг (1830—1902), член I Интернационала — 290.
Кузнецов, Николай Иванович (1864—1932), ботаник — 381.
Кузьмин, Дмитрий (р. 1908), деятель революционного рабочего движения — 588.
Куйв, Юхан (ум. 1919), деятель революционного рабочего движения — 458.
Кукк, Александр (р. 1885), советский военачальник, командующий 16-ой армией в Гражданскую войну — 477.
Кулламаа, Паулус (р. 1857), один из организаторов кренгольмской стачки 1882 г. — 287.
Кумм, Борис (р. 1898), деятель революционного рабочего движения — 588.
Куммитс, Николай (1897—1944), живописец — 577, 578, 622.
Кунд, Густав (р. 1899), офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 625.
Кундер, Юхан (1852—1888), педагог, писатель — 276, 290, 291, 296, 297, 300, 301.
Кундер, Якоб (1921—1945), Герой Советского Союза — 635.
Кунилейд-Зебельман, Александр Пээтер Карл (1845—1875), композитор — 301.
Куппар, Иоханнес (1872—1919), деятель революционного рабочего движения — 439, 458.

Курвитс, Александр (р. 1885), селекционер — 573.
Куррель, Эде (р. 1909), художница-прикладник — 671.
Кутузов, Михаил Илларионович (1745—1813), генерал-фельдмаршал, полководец Отечественной войны 1812 г. — 203.
Куузик, Тийт (р. 1911), певец — 668.
Кууск, Андрес (р. 1874), график — 690.
Кууск, Аугуст (р. 1899), делегат КПЭ на XX съезде КПСС — 690.
Куускман, Иоханнес (1896—1924), деятель революционного рабочего движения — 521.
Кылль, Арнольд (р. 1899), химик — 628.
Кырв, Якоб (1849—1916), журналист, писатель — 300.
Кырвер, Борис (р. 1917), композитор — 665, 686.
Кыргемаа, Александр (1899[?]—1924), участник восстания 1 декабря 1924 г. — 521.
Кэбин, Иван (Иоханнес) (р. 1905), первый секретарь ЦК КПЭ — 661, 690.
Кэль, Иоган (р. 1540), пастор церкви Святого Духа в Таллине, один из составителей катехизиса, известного в качестве старейшего эстонского печатного издания — 109.
Кээрдо, Пауль (1891—1950), деятель революционного рабочего движения, пролетарский писатель — 507, 510, 511, 517, 566, 576, 588, 593, 599.
Кээренд, Аво (р. 1920), график — 687.
Кюннапуу (Лауристин), Ольга (р. 1903), деятельница революционного рабочего движения — 502, 508, 517.
Кютт, Аллекс (р. 1921), график — 687,
Кюхельбекер, Вильгельм Карлович (1797—1846), декабрист, писатель — 209.
Кягу, Эдуард (1900—1924), деятель революционного рабочего движения — 521.
Кярбер, Кристьян (р. 1908), каменщик, новатор производства — 645.
Кярнер, Яан (1891—1958), писатель — 576, 609, 630.
Кясперт, Иоханнес (1886—1938), деятель революционного рабочего движения — 351, 404, 446, 451.

Лазарев, Михаил Петрович (1788—1851), адмирал, мореплаватель — 237.
Лайго, Аркадио (1901—1944), график — 577, 578, 622.
Лайд-Паркер, Лена (1902—1942), деятельница революционного рабочего движения, пролетарская писательница — 517, 576, 608.
Лайдонер, Иохан (р. 1884), генерал, буржуазный политический деятель — 426, 435, 447, 456, 469, 486, 515, 520, 547—549, 551, 553—557, 562, 583, 587.
Лайкмаа, Антс (Лайпман, Ханс) (1866—1942), художник, общественный деятель — 305, 368, 374, 376, 577.
Лансинг, Роберт (1864—1928), государственный секретарь США — 470.
Ларка, Андрес (р. 1879), генерал, один из главарей вапсов — 543, 547.
Латтик, Яан (р. 1878), пастор, буржуазный политический деятель — 570.
Лау, Вольдемар Иоган фон (1712—1786), помещик-предприниматель в Пыльтсамаа — 170.
Лаубе, Яан (1904—1941), секретарь Таллинского горкома КПЭ в 1941 г. — 619.
Лаузик, Эрих (р. 1914), советский партизан в Великую Отечественную войну — 623.
Лаур, Хуго Иохан (р. 1893), актер — 580.
Лауристин, Иоханнес (псевдоним — Мадарик) (1899—1941), деятель революционного рабочего движения, пролетарский писатель, первый Председатель Совета Народных Комиссаров ЭССР — 392, 501, 510, 545, 566, 576, 588, 596, 599, 601, 603, 608.
Лауристин, Ольга — см. Кюннапуу.
Лаутер, Антс (р. 1894), актер — 580, 629, 668.
Леберехт, Ганс (р. 1910), писатель — 663, 664.
Леберехт, Ф., рабочий, социал-демократ, участник революции 1905—1907 гг. — 319, 325.
Левенгаупт, Адам Людвиг, граф (1659—1719), командующий шведскими войсками в Эстляндии и Лифляндии во время Северной войны — 147, 149.
Левинсон-Лессинг, Франц Юльевич (1861—1939), минералог — 380.
Лейнберг, Юхан (1812—1885), крестьянский проповедник («пророк Мальтсвет») — 249.

Лейнер, Александр (1902—1927), революционер, член ЦК КПЭ — 531.
Лейнус, Я., советский партизан в Великую Отечественную войну — 623.
Лелль, Эльза (р. 1887), член Исполкома Советов Эстонии в 1917 г. — 404.
Лемба, Артур (р. 1885), композитор, пианист — 379, 579, 580.
Лемба, Теодор (р. 1876), пианист — 379.
Лембиту (ум. 1217), старейшина земли Сакала — 29, 31, 43, 44, 48.
Лендер, Вольдемар (1876—1939), инженер, буржуазный общественный деятель — 348.
Ленин, Владимир Ильич (1870—1924), основатель Коммунистической партии Советского Союза, создатель Советского государства — 143, 162, 204, 245, 259, 279, 289, 290, 315, 316, 323, 327, 330, 333, 341—343, 352, 355, 358, 367, 385—387, 391, 393, 396, 398, 402, 405—408, 412, 425, 434, 453, 479, 481—484, 488, 512, 513, 569, 624, 642, 652, 662, 669, 675, 680, 688.
Ленн, Виви, финский архитектор — 376.
Ленцман, Леонид (р. 1915), секретарь ЦК КПЭ — 690.
Лепик, Эрхард (1909—1941), участник революционного рабочего движения — 588.
Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт — 290.
Лехтман, Иоханнес (р. 1886), агроном, буржуазный политический деятель — 496.
Лианозов, С. Г., нефтепромышленник, глава марионеточного «русского северо-западного правительства» — 477.
Лийв, Оту (1905—1942), историк — 573.
Лийв, Рудольф-Аугуст (р. 1875), большевик — 357.
Лийв, Юхан (1864—1913), писатель — 297, 370, 376, 665.
Лийманд, Каарел (1906—1941), живописец — 577, 578, 622.
Ликеметс, Март (1888—1935), деятель революционного рабочего движения — 439, 442.
Лилиенбах, Юхан (1870—1928), пролетарский писатель, издатель — 372, 373, 398, 451.
Лиллакас, Аугуст (1891—1924), деятель революционного рабочего движения — 521.
Лингрен, Армас (р. 1874), финский архитектор — 376.
Линденберг, Елизавета (р. 1859), учительница в Раквере — 285.
Линденберг, Михаил (1850—1919), учитель в Раквере, журналист — 285.
Линдер, Леопольд (1896—1919), деятель революционного рабочего движения — 458.
Липпмаа, Теодор (1892—1943), ботаник — 573.
Лицман, немецко-фашистский генеральный комиссар в оккупированной Эстонии — 620.
Ллойд Джордж, Давид (1863—1945), английский государственный деятель — 441, 455.
Лобадин, Н. Л. (ум. 1906), артиллерийский квартирмейстер, большевик, один из организаторов восстания на крейсере «Память Азова» — 339.
Лойк, Валериан (р. 1904), живописец — 669, 687.
Ломбак, Иоган (р. 1897), командир эстонского воинского соединения Советской Армии в годы Великой Отечественной войны — 625.
Лооренц (ум. 1924), унтер-офицер, участник восстания 1 декабря 1924 г. — 519.
Лооринг, Александр (1910—1944), историк — 622.
Лопе де Вега Карпьо, Феликс (1562—1635), испанский драматург — 580.
Лудри, Иван (Яан) (ум. 1937), деятель советского военно-морского флота, флагман I ранга — 477.
Лумисте, Иоханнес (1914—1945), офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 632.
Лунд, Ольга — см. Геррец-Лунд.
Лунин, Николай Иванович (1854—1937), врач — 294.
Лункевич, Валериан Викторович (1866—1941), популяризатор естествознания — 383.
Лутс, Карл Фридрих (р. 1883), меньшевик, член т. н. Предпарламента — 404.
Лутс, Оскар (1887—1953), писатель — 370, 371, 576, 665.
Луха, Артур Хейнрих (1892—1953), геолог — 573.
Лээген, Оскар (1883—1918), член Вырумаского Совета депутатов трудящихся — 430, 431.

Лээген, Фридрих (1885—1918), председатель Вырумаского Совета депутатов трудящихся — 430, 431.
Лээтсман, Анна (р. 1888), деятельница революционного рабочего движения — 400.
Людиг, Михкель (1880—1958), композитор — 379, 579.
Ляте, Александр (1860—1948), композитор — 378, 379.

Маазинг, Рихард, офицер эстонской буржуазной армии — 558.
Магнус (1540—1583), герцог гольштинский, король Ливонии — 112, 116.
Мадарик — см. Лауристин, Иоханнес.
Мадиссон, Оттомар (р. 1879), ученый-строитель — 672.
Мазинг, Отто Вильгельм (1763—1832), литератор — 235, 239.
Майбах, Карл Людвиг (1833—1889), живописец — 304.
Майдель, Фридрих Людвиг фон (1795—1846), график — 241.
Максолли, Макс, художник — 577.
Мальтсвет — см. Лейнберг.
Манасейн, Вячеслав Авксентьевич (1841—1901), терапевт. В 1861—1864 гг. студент Тартуского университета, член организации «Земля и воля» — 252.
Манасейн, Николай Авксентьевич (1835—1895), сенатор, министр юстиции — 285.
Манго Ханс, гернгутерский писатель — 186.
Мантейфель, Петер, граф (1768—1842), писатель — 240.
Маркс, Карл (1818—1883), основоположник научного коммунизма — 62, 105, 106, 280, 288—290, 398, 564.
Март, с хутора Нахксепа Тийду, предводитель отряда крестьян в начале Северной войны — 147.
Мартна, Михкель (1860—1934), правый социал-демократ — 420, 441, 442, 459, 496, 522.
Мартынов, Михаил (ум. 1919), красноармеец в Гражданскую войну — 458.
Матросов, Александр Матвеевич (1924—1943), Герой Советского Союза — 635.
Мейнгард, епископ в Икшкиле в 1186—1196 гг. — 38.
Мелдер, Василий (1878—1943), пролетарский поэт — 373.
Меллик, Вольдемар (1887—1949), скульптор — 577, 669, 671.
Мельдер, Арсений (р. 1919), скульптор — 687.
Мельдерман, Ханс (1878—1914), художник — 375.
Мельтс, Рихард (р. 1922), советский партизан в Великую Отечественную войну — 624.
Меннинг, Карл (1874—1941), деятель театрального искусства — 377.
Мери, Арнольд (р. 1919), Герой Советского Союза — 619, 620.
Меркель, Гарлиб Гельвиг (1769—1850), просветитель, публицист — 180, 192—194, 204.
Метсанурк, Майт, псевдоним Эдуарда Хубеля (1879—1957), писатель — 370, 575.
Меттус, Вольдемар (р. 1894), режиссер-постановщик — 580.
Мечников, Илья Ильич (1845—1916), биолог — 383.
Мийкмаа, Аарне (1908—1942), художник — 577.
Микетти, Никколо (ум. 1759), архитектор — 188.
Микко, Лепо (р. 1911), живописец — 687.
Микомяги, Анна (р. 1908), Герой Социалистического Труда — 654.
Миланов, Владимир Александрович (р. 1895), большевик — 404.
Милюков, Павел Николаевич (1859—1943), буржуазный политический деятель, министр иностранных дел во Временном правительстве в 1917 г. — 388.
Миндовг, великий князь литовский в 1236—1263 гг. — 62, 75.
Мирбо, Октав (1848—1917), французский писатель — 580.
Мирринг, Рихард (1901—1938), деятель революционного рабочего движения — 501.
Мичурин, Иван Владимирович (1855—1935), биолог, преобразователь природы — 381.
Моора, Харри (р. 1900), археолог — 573, 672.
Мооратс, Пээт (1880—1908), график — 304.
Моргенсон, Эльфриде (р. 1901), деятельница революционного рабочего движения — 508, 517.
Мугасто, Хандо (1907—1937), график — 577, 578.
Муй, Александр (1900—1941), деятель революционного рабочего движения — 599.

Мурро, Андрей (1904—1941), деятель революционного рабочего движения — 508.
Муст, Альберт (1900—1946), деятель революционного рабочего движения — 565.
Мыттус, торговец, один из участников расправы над членами Вырумаского Совета депутатов трудящихся — 431.
Мытус, Карл, староста рабочих «Двигателя» в 1905 г. — 324.
Мээме, старейшина земли Сакала в XIII в. — 40.
Мюнстер, Себастьян (1489—1552), немецкий географ — 105.
Мюнтер, Отто Хейнрих (1864—1929), писатель — 372.
Мюнцер, Томас (1486[?]—1525), вождь крестьянских масс во время Крестьянской войны в Германии — 105.
Мюрисеп, Алексей (р. 1902), Председатель Совета Министров Эстонской ССР — 661, 690.
Мяги, Иоханнес (р. 1888), член Исполкома Советов Эстонии в 1917 г. — 404.
Мяги, Конрад Вильгельм (1878—1925), живописец — 375, 376.
Мяги, Эстер (р. 1922), композитор — 686.
Мяльк, Аугуст (р. 1906), писатель — 573.
Мяндметс, Якоб (1871—1930), писатель — 370.
Мянни, Олав (р. 1925), скульптор — 55, 687.
Мянник, Эдуард (р. 1906), писатель — 665.
Мятик, Элла (1904—1943), график — 577.
Мятинг, Леонид (р. 1919), советский партизан в Великую Отечественную войну — 623.
Мяэ, Хяльмар, один из главарей вапсов — 543, 550, 595, 621.
Мяэмат, А. (1898—1941), деятель революционного рабочего движения — 588.

Надежный, Д. Н., советский военачальник, командующий армией в Гражданскую войну — 481.
Наполеон I, французский император в 1804—1814(15) гг. — 195, 202, 205.
Наполеон III (Луи Наполеон Бонапарт), французский император в 1852—1870 гг. — 233.
Нейс, Александр Генрих (1795—1876), фольклорист — 238, 251.
Некрасов, Николай Алексеевич (1821—1877), поэт, революционный демократ — 290.
Немирович-Данченко, Владимир Иванович (1858—1943), режиссер, теоретик театра — 377.
Немов, Михаил Григорьевич, делегат КПЭ на XX съезде КПСС — 690.
Ниедра, Андриевс (р. 1871), латышский буржуазный политический деятель — 469—471.
Ниенштедт, Франц (1540—1622), хронист — 138.
Николай I, русский император в 1825—1855 гг. — 211.
Николай II, русский император в 1894—1917 гг. — 336.
Никонов, Евгений (1921—1941), Герой Советского Союза — 618.
Ниман, Роман (1881—1951), декоратор, живописец — 375, 577, 671.
Нокс, Якоб Иохан Фромхольд (1800—1890), педагог — 251.
Нормет, Лео (р. 1922), композитор — 686.
Нут, Юрий (1892—1952), математик — 628, 672.

Оберман, Эрик (1890—1911), график — 376.
Обнорский, Виктор Павлович (1852—1920), рабочий-революционер — 283.
Огарев, Николай Платонович (1813—1877), революционный демократ — 245, 246.
Ойнас, Иоханнес (1896—1941), деятель революционного рабочего движения — 588, 599.
Окас, Эвальд (р. 1915), живописец, график — 79, 630, 669, 687.
Окк, Федор (1898—1941), деятель революционного рабочего движения — 619.
Оксеншерна, Эрик, граф, губернатор Эстляндии в 1646—1652 гг. — 124.
Олеариус, Адам (1603—1671), немецкий ученый и путешественник — 126, 133, 138.
Ольбрей, Харальд (р. 1906), председатель колхоза — 654.
Ольгерд, великий князь литовский в 1345—1377 гг. — 80.
Орг, Альберт, председатель оптационной комиссии буржуазной Эстонии в Советской России — 497.
Ордин-Нащокин, Афанасий Лаврентьевич (1605[?]—1681), дипломат и политический деятель — 134.

Орлов, А. А., царский генерал, командир карательного отряда в революцию 1905—1907 гг. — 336.
Осипов, Василий (ум. 1919), красноармеец — 458.
Отс, Георг (р. 1920), певец — 629, 668.
Отсман, Эльмине (р. 1924), трактористка — 654.
Оттер, Эдуард (ум. 1918), большевик — 403.
Охак, Александр (1892—1919), один из руководителей восстания трудящихся Сааремаа в 1919 г. — 460, 462.

Павел I, русский император в 1796—1801 гг. — 183, 194.
Павлов, Иван Петрович (1849—1936), физиолог — 382, 383.
Пальтсере Карла, участник выступления крестьян в Карула в 1784 г. — 180.
Паркер, Л. — см. Лайд-Паркер.
Парве, Ральф (р. 1919), поэт — 663, 664.
Пассер, Арент (1566[?]—1637), скульптор — 140.
Пастернак, офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 619.
Паук, Адольф (1902—1941), деятель революционного рабочего движения — 588.
Паукку, Иван (р. 1915), Герой Социалистического Труда — 654.
Паулус, Яан, учитель, участник революции 1905—1907 гг. — 335.
Пегельман, Ханс (псевдоним — Роосская) (1875—1938), революционер, член ЦК КПЭ, пролетарский писатель — 331, 334, 342, 351, 372, 373, 394, 397, 400, 412, 435, 436, 446, 452, 499, 576.
Пельцер, Отто (1884—1907), директор Нарвской льнопрядильной фабрики — 340.
Пертель, Иохан (Йыэпереский Яан), садовник мызы Йыэпере, участник крестьянских волнений в 1805 г. — 201.
Пестель, Павел Иванович (1793—1826), декабрист — 207, 210.
Петеркоп, Михкель (ум. 1919), деятель революционного рабочего движения — 438.
Петерсен, Лоренц Генрих (1805—1895), художник — 262.
Петерсон, Адам (1838—1918), участник петиционного движения в 60-х годах XIX века — 250, 272, 298.
Петерсон, Кристьян Яак (1801—1822), поэт — 237—239.
Петерсон, Пээтер Самуэль (1843—1877), участник петиционного движения в 60-х годах XIX века — 250, 272.
Петр I, русский царь с 1682 г., с 1721 г. по 1725 г. император — 144, 145, 147, 150, 152—155, 178, 239.
Петрашевский (Буташевич—Петрашевский), Михаил Васильевич (1821—1866), руководитель кружка передовой интеллигенции в Петербурге. — 231
Петраэ, Пээтер (1883—1947), деятель революционного рабочего движения — 588.
Петри, Иоганн Христоф (1762—1851), просветитель, публицист — 166, 192—194, 196.
Петровский, Григорий Иванович (1878—1958), партийный и советский деятель — 352.
Пецольд, Август Георг Вильгельм (1794—1859), живописец, график — 241.
Пийльберг, Роберт (р. 1916), фрезеровщик, новатор производства — 645.
Пийп, Антс (р. 1884), буржуазный политический деятель — 497, 583.
Пийп, Эльфриде, боец народного ополчения в Великую Отечественную войну — 619.
Пийпер, Иоханнес (р. 1882), зоолог — 383.
Пийпуу, Эллинор (р.1913), художница-прикладник — 671.
Пийр, Освальд (1900—1924), участник восстания 1 декабря 1924 г. — 520.
Пийскар, Яан (р. 1883), правый социал-демократ — 508.
Пилар, Александр (р. 1912), художник-акварелист — 687.
Пилар фон Пильхау, Адольф, барон (1851—1925), прибалтийско-немецкий политический деятель — 433.
Пилль, Михкель (1884—1951), селекционер — 381, 383, 573, 673, 674.
Пинна, Пауль (1884—1949), актер — 377, 580, 629.
Пирогов, Николай Иванович (1810—1881), ученый-хирург — 236, 382.
Питка, Иохан (р. 1872), буржуазный политический деятель — 348, 422.

Плеттенберг, Вольтер фон, магистр Ливонского ордена в 1494—1535 гг. — 101.
Плеханов, Георгий Валентинович (1856—1918), деятель социалистического движения, выдающийся пропагандист марксизма — 288.
Подельский, Геннадий (р. 1927), композитор — 686.
Полевой, М., студент, участник революции 1905—1907 гг. — 325.
Поммер, Гарибальди (р. 1908), скульптор — 669.
Поортен, купец в Нарве в XVII в. — 141.
Поска, Иван (1866—1922), буржуазный политический деятель — 348, 362, 390, 394, 398, 399, 401, 423, 441.
Почиталин, Иван (р. 1750[?]), сподвижник Пугачева — 178.
Прейсман, Вильгельм (р. 1851), рабочий-революционер, участник кренгольмской стачки 1872 г. — 282, 283.
Пугачев, Емельян Иванович (1742[?] — 1775), вождь крестьянской войны в 1773—1775 гг. — 177, 178, 182.
Пукитс, Март (р. 1874), художник, деятель культуры — 304.
Пунг, Михкель (р. 1876), адвокат, буржуазный политический деятель — 323.
Пуста, Аугуст (р. 1904), политработник Советской Армии в Великую Отечественную войну — 625.
Пуста, Карл Роберт (р. 1883), буржуазный политический деятель и дипломат — 497.
Пуур, Хельми (р. 1933), балерина — 668.
Пуусепп, Альвине (р. 1905), участница революционного рабочего движения — 531.
Пуусепп, Людвиг (1875—1942), ученый-нейрохирург — 382, 573.
Пуусепп, Николай (р. 1905), политработник Советской Армии в Великую Отечественную войну — 625.
Пушкин, Александр Сергеевич (1799—1837), поэт — 241, 290.
Пыддер, Эрнст (1879—1932), генерал эстонской буржуазной армии — 519.
Пыльд, Оскар (ум. 1919), участник восстания трудящихся Сааремаа в 1919 г. — 462.
Пыльд, Пээтер Зигфрид Николаус (1878—1930), буржуазный политический деятель — 323.
Пыльдроос, Прийт (Иоханнес) (р. 1902), деятель театрального искусства — 580, 581.
Пэрн, Лембит (р. 1903), генерал-лейтенант, командир Эстонского стрелкового корпуса Советской Армии в годы Великой Отечественной войны — 625.
Пээтер, кучер, участник выступления крестьян в Карула в 1784 г. — 180.
Пяльсон, Рудольф (1900—1924), деятель революционного рабочего движения — 501, 511, 520.
Пярн, Пауль, рабочий завода «Двигатель», депутат II Государственной думы — 341, 342.
Пятс, Константин (р. 1874), буржуазный политический деятель — 323, 348, 394, 399, 401, 418, 419, 426, 429, 430, 434, 440—442, 454, 459, 486, 495, 504, 514, 515, 544, 547—549, 551, 553, 557—560, 562, 583, 587, 595.

Раамот, Яан (1873—1927), помещик, буржуазный политический деятель — 400.
Рабчинский, Иван Васильевич (1879—1950), деятель революционного рабочего движения, председатель Военно-революционного комитета Эстонии в 1917 г. — 386, 387, 406, 453.
Радищев, Александр Николаевич (1749—1802), писатель, революционер и республиканец — 192.
Райнис, Янис (1865—1929), латышский писатель — 295.
Ратассепп, Рудольф (1891—1942), актер — 580.
Ратлеф, Карлос Вольдемар Харальд (р. 1878), селекционер — 381.
Рауд, Арнольд (р. 1901), политработник Советской Армии в Великую Отечественную войну — 625.
Рауд, Кристьян (1865—1943), живописец и график — 305, 374, 577.
Рауд, Март (р. 1903), писатель — 609, 617, 665.
Рауд, Пауль (1865—1930), живописец — 305, 374.
Раудметс, Иоханнес (р. 1894), советский военачальник, командир 15-ой дивизии в Гражданскую войну — 474.
Раунам, Оскар (р. 1914), живописец — 669.
Раэда, Яан (1876—1955), селекционер — 573.
Резев, Александр (р. 1905), деятель революционного рабочего движения — 501, 517, 566.

Рей, Аугуст (р. 1886), правый социал-демократ — 420, 459, 496, 530, 547, 549.
Рейман, Виллем (р. 1906), композитор — 609.
Рейман, Виллем (1861—1917), пастор, буржуазный политический деятель — 323.
Рейман, Лийна (р. 1891), актриса — 580.
Рейнвальд, Адо (1847—1922), писатель — 276, 296.
Рейндорф, Гюнтер Фридрих (р. 1889), график, педагог — 375, 577, 669, 671, 687.
Рейнсон, Александр (р. 1890), деятель революционного рабочего движения — 508, 517.
Рейсар, Харри К. (р. 1870), белоэстонский офицер в Гражданскую войну — 456.
Рекашиус, Владас (1893—1920), литовский революционер — 358.
Реннер, Иоган (1515 [?]—1584 [?]), хронист — 96, 138.
Ридала — см. Грюнталь.
Рийсман, Аугуст (1890—1926), деятель революционного рабочего движения — 531.
Риканд, М., советский партизан в годы Великой Отечественной войны — 623.
Римский-Корсаков, Николай Андреевич (1844—1908), композитор — 379.
Рихтер, О., капитан царской армии, командир карательного отряда в революцию 1905—1907 гг. — 336.
Родзянко, А., царский генерал, белогвардеец — 467.
Розен, Андреас, барон (1800—1884), декабрист — 209.
Розен, Отто Фабиан, барон (1670—1764), деятель лифляндского рыцарства (ландрат) — 159, 176.
Розенберг, Альфред (1893—1946), германский фашистский государственный деятель — 620, 621.
Розенплентер, Иоган Генрих (1782—1846), публицист — 238.
Роог, Хейнрих, деятель профсоюзного движения, антифашист, участник гражданской войны в Испании — 565.
Роос, Энн (р. 1908), скульптор — 669, 687.
Роосма, Макс (р. 1909), художник-прикладник — 671.
Роотсмяэ, Таавет (р. 1885), астроном — 572.
Росс, Хейнрих (р. 1902), деятель революционного рабочего движения — 531.
Россфельдт, Анете, актриса — 378.
Россфельдт, Юлиус (1875—1937), большевик; актер и режиссер — 378, 386, 416.
Ростовцев, Михаил Иванович (1865—1952), профессор, организатор Тартуских частных университетских курсов — 367.
Рубакин, Николай Александрович (1862—1946), популяризатор научных знаний — 383.
Рудзинскас, Дионизас (1866—1954), литовский селекционер — 381.
Руммо, Пауль (р. 1909), писатель — 630, 664, 666.
Русин, старейшина латгалов в XIII в. — 40.
Руссов, Бальтазар (1542[?]—1600), пастор в Таллине, хронист — 82, 112, 115, 116, 137, 138.
Руссов, Николаус Фридрих (1828—1906), поэт, публицист — 251, 252.
Руус, Нээме (1911—1944), член правительства И. Вареса — 562, 586, 591, 596, 599.
Рээзен, Иоханнес (1900—1938), депутат Единого фронта трудящихся во II Государственном собрании — 511, 516.
Ряймаук, Василий (ум. 1919), участник восстания трудящихся Сааремаа в 1919 г. — 462.
Рястас, Отто (1890—1938), революционер, член ЦК КПЭ — 437, 499, 506.
Рястас, Юри (р. 1885), деятель революционного рабочего движения — 442.
Рятсепа Юри, участник выступления крестьян в Карула в 1784 г. — 180.
Ряэк, Мари (р. 1907), художница-прикладник — 671.

Сааль, Андрес (1861—1931), писатель — 296.
Саар, Март (р. 1882), композитор — 379, 383, 579, 665.
Сааринен, Элиэль Готтлиб (1873—1950), финский архитектор — 376.
Саат, Иоосеп (р. 1900), деятель революционного рабочего движения — 508, 517.
Сагритс, Рихард (р. 1910), живописец — 578, 669, 670, 687.
Сакс, Мартин (р. 1902), скульптор — 578, 669.

Салават Юлаев (р. 1752), один из руководителей крестьянской войны в России в 1773—1775 гг. — 178.
Салтыков-Щедрин, Михаил Евграфович (1826—1889), писатель — 290.
Самсон, фон, один из участников расправы над членами Вырумаского Совета депутатов трудящихся в 1918 г. — 431.
Саннамээс, Фердинанд (р. 1895), скульптор — 577, 669, 687.
Сарв, Яан (1877—1954), математик — 383.
Сасси, Вольдемар (1899—1941), деятель революционного рабочего движения — 517.
Свердлов, Яков Михайлович (1885—1919), выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства — 406, 407, 439, 453.
Святослав Мстиславович, новгородский князь в 1217—1219 гг. — 48.
Сеавер, Кристьян (1898—1941), председатель Исполкома Таллинского Совета депутатов трудящихся в 1941 г. — 619.
Сельтер, Карл (1898—1958), буржуазный политический деятель — 553.
Сельямаа, Юлиус Фридрих (1883—1936), буржуазный политический деятель — 409.
Семмер, Эуген (1843—1906), ученый-ветеринар — 381.
Семпер, Иоханнес (р. 1892), писатель — 576, 591, 630, 686.
Сепре, Оскар (р. 1900), деятель революционного рабочего движения — 517.
Сёэт, Карл Эдуард (1862—1950), поэт — 370.
Сиверс, барон, командир карательного отряда в революцию 1905—1907 гг. — 337.
Сигизмунд II Август, король польский и великий князь литовский в 1529—1572 гг. — 113.
Симм, Юхан (р. 1885), композитор — 383.
Синимяги, Эндель (р. 1914), шахтер, новатор производства — 645.
Синклер, Эдвин (р. 1865), английский адмирал — 444, 455.
Сирге, Рудольф (р. 1904), писатель — 665, 686.
Сирк, Артур (1900—1937), один из главарей вапсов — 543, 550.
Сихвер, Яан (1879—1918), деятель революционного рабочего движения — 332, 394, 397, 400, 409, 422, 437, 445.
Скрябин, Александр Николаевич (1871—1915), композитор — 378.
Смилга И. Т. (1892—1937), деятель революционного рабочего движения — 405.
Смуул, Юхан (р. 1922), писатель — 663, 664, 666, 686, 687.
Соанс, Антон (р. 1885), архитектор — 651.
Соансы (семья), участники восстания 1 декабря 1924 г. — 521.
Соколов, Григорий (р. 1882), большевик — 404.
Соммер, Юхан (псевдоним — Суве Яан) (1777—1851), писатель, учитель — 240.
Соммерлинг, Арнольд (1898—1924), деятель революционного рабочего движения — 500, 501, 517, 520.
Соо, Юри, учитель приходской школы в Лайузе — 292.
Соотс, Яан (р. 1880), генерал, буржуазный политический деятель — 447.
Спешнев, Николай Александрович (1821—1882), общественный деятель, петрашевец — 231.
Сталин, Иосиф Виссарионович (1879—1953), виднейший деятель КПСС и Советского государства — 406, 453, 468, 614, 627, 661, 662, 677.
Станиславский, Константин Сергеевич (1863—1938), режиссер, теоретик театра — 377.
Степерманис, Маргерс (р. 1898), латышский историк — 179.
Столыпин, Петр Аркадьевич, глава правительства царской России в 1906—1911 гг. — 343, 344.
Струве, Василий Яковлевич (Фридрих Георг Вильгельм) (1793—1864), астроном — 236, 572.
Суве Яан — см. Соммер.
Суйтс, Густав (1883—1956), поэт, литературовед — 370, 371.
Суудер, Хейнрих (1883—1919), деятель революционного рабочего движения — 351, 396, 409.
Сырмус, Юлиус Эдуард (1878—1940), революционер, скрипач — 379.
Сээдер, Арнольд (1897—1918), член Вырумаского Совета депутатов трудящихся — 430, 431.
Сюда, Пээтер (1883—1920), композитор, органист — 379.
Сюдда, Пээтер (1830—1892), собиратель фольклора — 300.

Сютисте, Юхан (1899—1945), поэт — 576, 609, 622, 666.
Сяллик, Иоханнес Альфред (1890—1943), певец — 379.
Сяргава-Петерсон, Эрнст Карл (1868—1958), писатель — 370, 371, 665.
Сярев, Андрес (р. 1902), режиссер-постановщик — 581, 666.

Таальман, Георг (ум. 1942), политработник Советской Армии в Великую Отечественную войну — 625.
Табеллинус, старейшина в Вирумаа в XIII в. — 29.
Талибальд, старейшина латгалов в XIII в. — 40.
Таллима Паап (1710—1768), народный проповедник — 160.
Тамберг, Эйно (р. 1930), композитор — 686.
Тамм, Айно (1864—1945), певица — 379.
Тамм, Якоб (1861—1907), поэт — 290, 296, 370.
Таммлаан, Эвальд (1904—1945), писатель — 576, 581, 622.
Таммсааре (Хансен), Антон (1878—1940), писатель — 370, 574, 575, 665.
Тарвас, Пээтер (р. 1916), архитектор — 684.
Тармисто, Велло (р. 1918), экономист, географ — 681.
Тармо, Руут (р. 1896), актер — 580.
Тасса, Александр (1882—1955), художник, деятель культуры — 376.
Твердислав, новгородский посадник в начале XIII в. — 46.
Тейн (Штейн), Михкель (ум. 1858), участник восстания в Махтра — 247.
Тизенгаузен, Василий Карлович (Вильгельм Сигизмунд) (1781—1857), декабрист — 209.
Тийтсен, Карл (1895[?]—1919), деятель революционного рабочего движения — 438.
Тикерпуу, Густав (1888—1913), пролетарский писатель — 572.
Тиккар, Рихард (ум. 1924), участник восстания 1 декабря 1924 г. — 521.
Тиле, Эйлерт, резчик по дереву во второй половине XVII в. — 142.
Тимирязев, Климент Аркадьевич (1843—1920), естествоиспытатель — 383.
Тимковский, Константин Иванович (1814—1881), петрашевец — 231.
Тимотеус, Роман (р. 1895), скульптор, график — 687.
Типпо, Юхан (1874—1919), деятель революционного рабочего движения — 388, 438, 479.
Тислер, Алисе (1895—1918), деятельница революционного рабочего движения — 362, 398, 428.
Тиханова, Надежда (р. 1907), профсоюзная деятельница, член II Государственной думы Эстонии — 599.
Тиху, Александр (1901—1919), участник восстания трудящихся Сааремаа в 1919 г. — 462.
Тобиас, Рудольф (1873—1918), композитор — 379.
Толли, Лембит (р. 1927), скульптор — 687.
Толстой, Лев Николаевич (1828—1910), писатель — 290, 348, 377.
Томп, Яан (1894—1924), революционер, член ЦК КПЭ — 507, 510, 511, 516, 517, 520, 668.
Томсон, Эдуард Александр (1845—1917), композитор — 301.
Тооминг, Освальд (р. 1914), писатель — 665.
Топп, Густав (р. 1889), большевик — 386.
Тор-Хелле, Антон (1683—1748), пастор, языковед — 186.
Торк, Юри (ум. 1858), участник восстания в Махтра — 247.
Тот, Клас, генерал-губернатор Лифляндии в 1665—1672 гг. — 124.
Трелин, А., советский партизан в Великую Отечественную войну — 624.
Третьяков, Сергей Михайлович (1892—1939), писатель — 581.
Треуман, Роман (р. 1910), живописец — 669, 670, 687.
Трийк, Николай (1884—1940), живописец, график, педагог — 375, 376, 577.
Троцкий, Лев Давыдович (1877—1940), политический деятель, ярый враг ленинизма — 425.
Туберик-Надсон, Вольдемар (1897—1940), деятель революционного рабочего движения — 531.
Тубин, Эдуард (р. 1905), композитор — 579.
Туглас, Фридеберт (р. 1886), писатель — 370, 573, 576.
Турб, Оскар (ум. 1918), член Вырумаского Совета депутатов трудящихся — 430, 431.
Тургенев, Иван Сергеевич (1818—1883), писатель — 290.

Тууль, Освальд (1906—1941), деятель революционного рабочего движения — 545.
Тыльдсепп, Людвиг (ум. 1919), деятель революционного рабочего движения — 458.
Тыниссон, Александр (р. 1875), генерал, буржуазный политический деятель — 515.
Тыниссон, Яан (р. 1868), журналист, буржуазный политический деятель — 323, 329, 331, 401, 418, 419, 426, 432, 441, 495, 543, 544, 547, 549, 559.
Тырванд, Юхан (р. 1883), генерал, участник вапсовского движения — 558.
Тээмант, Яан (р. 1872), адвокат, буржуазный политический деятель — 323, 331.
Тээтсов, Александр (1891—1946), актер — 580, 581.
Тюрнпу, Константин Якоб (1865—1927), композитор — 301, 379.

Уйбо, Аркадий (1914—1957), общественный деятель, научный работник — 566.
Ульманис, Карлис (р. 1877), политический деятель буржуазной Латвии — 469—471.
Улуотс, Юри (1890—1945), правовед, буржуазный политический деятель — 556, 587.
Ульянов, Дмитрий Ильич (1874—1943), деятель Коммунистической партии, врач, брат В. И. Ленина — 320.
Умберг, Альфред (ум. 1919), актер, деятель революционного рабочего движения — 378, 479.
Умберг, Марта (ум. 1919), актриса, деятельница революционного рабочего движения — 378, 479.
Упит, Андрей (р. 1877), латышский писатель — 581.
Урицкий, Моисей Соломонович (1873—1918), член Партийного центра в октябре 1917 г. — 406.
Уули, Эйно (р. 1906), режиссер-постановщик — 581.
Ууритс, Александр (1888—1918), живописец, график — 375.
Уутмаа, Рихард (р. 1905), живописец — 578, 687.
Ууэмыйз, Иоханнес (р. 1914), паровозный машинист, новатор производства — 645.

Фабрициус, Дионисий, хронист XVII в. — 138.
Фабрициус, Ян (1877—1929), герой Гражданской войны, военачальник Советской Армии — 448.
Фальк, Ханс Хейнрих (1791—1874), таллинский торговец и предприниматель — 225.
Федоров, Павел (р. 1849), руководитель рабочего кружка на Кренгольме в 1875 г. — 283, 287.
Фельдман, Аугуст (р. 1899), офицер Советской Армии в Великую Отечественную войну — 625.
Фельман, Фридрих Роберт (1798—1850), просветитель-демократ, писатель, врач — 229, 230, 237—239, 241, 293, 294, 297.
Ферзен, Т., командир карательного отряда в революцию 1905—1907 гг. — 336.
Филиппов, Андрей Филиппович, советский партизан в Великую Отечественную войну — 623.
Филиппов, Влас (р. 1859), один из руководителей кренгольмской стачки 1882 г. — 287.
Флеровский, Н. (псевдоним Берви, Василия Васильевича) (1829—1918), публицист, просветитель-демократ — 278.
Фонвизин, Денис Иванович (1744—1792), писатель — 180.
Форселиус, Бенгт Готфрид (1660[?]—1688), основатель семинарии для подготовки сельских учителей — 139, 140.

Хаава, Анна (1864—1957), поэтесса — 370.
Хаберман, Харальд (р. 1904), общественный деятель, ученый-зоолог — 566.
Хаген, Август Матиас (1794—1878), живописец и график — 241.
Хазан, Дора (р. 1894), деятельница революционного рабочего движения — 386.
Халтурин, Степан Николаевич (1856—1882), рабочий-революционер — 283.
Ханзен, Бенно (1891—1952), певец — 379.
Хансен, А. — см. Таммсааре.
Хансен, Кристьян (р. 1893), актер — 581.
Хансон, Карл (р. 1906), антифашист, участник гражданской войны в Испании — 565.

Харми Эварт, один из руководителей выступления крестьян в Козе-Уэмыйза в 1805 г. — 200.
Хаука Адо, участник выступления крестьян в Карула в 1784 г. — 180.
Хейдеман, Ханс (1896—1925), деятель революционного рабочего движения — 511, 517, 520, 530, 531.
Хейнтук, Иоханнес (1881—1919), деятель революционного рабочего движения — 386, 396, 397, 404.
Хеллат, Александр (р. 1881), правый социал-демократ — 393, 478, 479, 496.
Хеллат, Георг (Юри) (1870—1943), архитектор — 376.
Хеннинг, Соломон (1528—1589), должностное лицо Ливонского ордена, хронист — 138.
Херман, Карл Аугуст (1851—1909), композитор, литературовед — 301.
Херман, Эрнст, крестьянин из Атла в конце XVII в. — 130.
Хиндрей, Карл Аугуст (р. 1875), писатель, карикатурист — 573.
Хинт, Ааду (р. 1910), писатель — 609, 664, 686.
Хиоб, Иоханнес (1907—1942[?]), композитор, органист — 580.
Хиппиус, Густав Адольф (1792—1856), живописец — 241.
Хирв, Иоханнес (1900—1953), скульптор — 669.
Хирш, Освальд (р. 1907), деятель рабочего движения — 565.
Хойдре, Ало (р. 1916), график — 630, 669, 670.
Хольманн, пастор, один из участников расправы над членами Вырумаского Совета депутатов трудящихся в 1918 г. — 431.
Хорм, Юхан, рабочий — 628.
Хрущев, Никита Сергеевич (р. 1894), выдающийся деятель Коммунистической партии и Советского государства — 685, 688, 691, 693.
Хубель, Эдуард — см. Метсанурк.
Хук, К. Ф. фон, помещик-предприниматель в первой половине XIX в. — 215.
Хупель, Август Вильгельм (1737—1819), пастор в Пыльтсамаа, языковед и публицист — 160, 166, 168, 174, 183, 186, 187.
Хурт, Якоб (1839—1907), пастор, общественный деятель, фольклорист — 275, 276, 280, 299, 300, 383.
Хьярн, Томас (1638—1678), хронист — 138.
Хярма (Херман), Мийна (1864—1941), композитор, хоровой дирижер — 301, 378, 379, 383.

Цимзе, Янис (1814—1881), латышский педагог, руководитель Валгаской (Валкской) семинарии — 235.
Циммерман, Иоханнес (р. 1882), буржуазный политический деятель — 495.
Цыплаков, Виктор Григорьевич (р. 1915), живописец — 408.

Чайковский, Петр Ильич (1840—1893), композитор — 378.
Червенков, Вылко (р. 1900), руководящий деятель Болгарской коммунистической партии — 690.
Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889), революционный демократ, писатель — 244, 245, 294.
Чудовский А., студент Тартуского Ветеринарного института, искровец — 320.

Шанцер-Марат, Виргилий Леонович (1867—1911), руководитель марксистского кружка в Тарту в 1894 г. — 289.
Шварц, И. Х., бюргермейстер Нарвы в XVII в. — 141.
Шевченко, Тарас Григорьевич (1814—1861), революционный демократ, писатель, художник — 245.
Шемякин, Алексей Николаевич (ум. 1887), переводчик — 252.
Шереметьев, Борис Петрович (1652—1719), полководец, дипломат — 147.
Шиллер, Иоганн Фридрих (1759—1805), немецкий писатель — 580.
Шлатер, Георг Фридрих (1804—1870), график — 170, 224, 227, 241.
Шлегель, Христиан Иеронимус Юстус (1757—1842), прибалтийско-немецкий писатель — 186.
Шлейден, Матиас Якоб (1804—1881), ботаник, один из создателей учения о клетке — 293.
Шлихтинг, Эрнст Герман (1812—1890), живописец, литограф — 241.
Шмальц, Иоганн Фридрих Леберехт (1781—1847), профессор Тартуского университета — 215.
Шмидт, поручик, командир «корпуса вольных егерей» в Отечественную войну 1812 г. — 203.
Шмидт, Карл Эрнст Генрих (1822—1894), химик — 294.

Шталь, Генрих (ум. 1657), пастор, составитель грамматики эстонского языка — 139.
Штамм, Альфред (ум. 1941), участник революционного рабочего движения — 588.
Штамм, Пауль (р. 1901), зам. начальника Эстонского штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны — 624.
Штейн, Густав, составитель прошений для крестьян в Раквере в 80-х годах XIX в. — 285.
Штенбок, барон-крепостник в конце XVIII в. — 188.
Штерн, Фридрих Сигизмунд (1812—1889), график — 241.
Штиглиц, Александр (1814—1884), промышленник, основатель художественного и ремесленного училища в Петербурге — 219.
Штокберг, Рудольф (1896—1950), командир народного ополчения в Великую Отечественную войну — 619.
Штрандман, Отто (р. 1875), буржуазный политический деятель — 348, 465, 492, 495.
Шульц, один из участников расправы над членами Вырумаского Совета депутатов трудящихся в 1918 г. — 431.
Шютц, Юлиус (1872—1919), деятель революционного рабочего движения — 439, 458.

Эверс, Иоганн Филипп Густав (1781—1830), профессор, ректор Тартуского университета в 1818—1830 гг. — 197.
Эглон, Иоханнес (1836—1908), учитель, деятель национального движения — 298.
Эйге, Рудольф (1897[?]—1920), деятель революционного рабочего движения — 438.
Эйзен, Матиас Иохан (1857—1934), фольклорист — 300, 383.
Эйзен фон Шварценберг, Иоганн Георг (1717—1779), тормаский пастор, критик крепостного строя — 163, 175, 176, 183.
Эйнер, Хельми (р. 1891), певица — 379.
Эйнман, Эдуард (р. 1913), график — 578, 631, 669, 687.
Эйхфельд, Иоган (р. 1893), ботаник и растениевод, общественный и государственный деятель Советской Эстонии — 661, 672.
Эллам, Мария (1891—1919), участница восстания трудящихся Сааремаа в 1919 г. — 462.
Эллер, Валли (р. 1906), художница-прикладник — 671.
Эллер, Хейно (р. 1887), композитор — 379, 579.
Энгельс, Фридрих (1820—1895), один из основоположников научного коммунизма — 11, 12, 105, 106, 280, 288, 289, 398, 564.
Энно, Эрнст (1875—1934), поэт — 370, 371.
Энносаар, Леопольд (р. 1920), график — 687.
Эпик, Эрнст (р. 1893), астроном — 572.
Эрик XIV, шведский король в 1560—1568 гг. — 114.
Эрлих, Рихард (р. 1912), антифашист, участник гражданской войны в Испании — 565.
Эрм, Лээзи (р. 1910), художница-прикладник — 671.
Эрнесакс, Густав (р. 1908), композитор и хоровой дирижер — 629, 665, 666, 668, 686.
Эскель, Альберт (р. 1922), скульптор — 687.
Эскола, Антс (р. 1908), актер — 580.
Эссевер Юрген, руководитель крестьянского выступления в Виртсу в 1698 г. — 130.
Ээнпалу, Карл Аугуст (р. 1888), буржуазный политический деятель — 587.
Ээссааре Ааду — см. Анвельт.

Юденич, Николай Николаевич (1862—1933), царский генерал, белогвардеец — 467, 468, 470, 473, 477, 480—482.
Юлай Азналин (р. 1722[?]), участник крестьянского восстания под руководством Пугачева — 178.
Юнгхольц, Карл (1878—1925), актер, режиссер — 377.
Юнман, Линда, деятельница революционного рабочего движения — 531.
Юрий Всеволодович, великий князь владимиро-суздальский в 1212—1215 и 1219—1258 гг. — 53.
Юриссон, Ильмар (р. 1912,) советский партизан в Великую Отечественную войну — 623, 624.
Юрна, Иоханнес (1895—1930), революционер, член ЦК КПЭ — 513, 517, 545.

Юрри (Георг), крепостной художник в конце XVIII в. — 188.
Юхкум, Вальтер (1898—1934), пролетарский писатель — 576.

Яаксон, Юри (р. 1870), буржуазный политический деятель — 418, 495.
Яан (Иохан Михель), отставной солдат, руководитель выступления крестьян в Пюхаярве — 227.
Яан, мельник из деревни Вохнья в первой половине XVIII в. — 158, 159.
Яан Сээн — см. Янсен, Аугуст.
Яанус, Вольдемар (р. 1905), деятель рабочего движения — 565, 587.
Ягайло, великий князь литовский и король польский в 1386—1434 гг. — 90.
Якоби, Борис Семенович (1801—1874), физик — 236.
Якобсон, Аугуст (р. 1904), писатель, государственный деятель Эстонской ССР — 575, 576, 609, 630, 661, 664.
Якобсон, Карл Роберт (1841—1882), просветитель-демократ, деятель национального движения — 272—274, 276—280, 291, 296, 298—300, 304.
Якобсон, Эдуард Магнус (1847—1903), график — 304.
Якушкин, Иван Дмитриевич (1796—1857), декабрист — 207.
Ялак, Кристьян Эдуард (1882—1941), деятель рабочего движения — 565, 586.
Янгиров, Рахим Сумитманович (Федор Семенович), советский партизан в годы Великой Отечественной войны — 623.
Яннау, Генрих Иоганн фон (1753—1821), лайузеский пастор, историк, критик крепостничества — 183.
Яннсен, Иохан Вольдемар (1819—1890), общественный деятель, журналист — 272—276, 295, 300, 301.
Янсен, Аугуст (псевдоним — Яан Сээн) (1881—1957), живописец — 335, 375, 376, 577, 671.
Ярв, Яак (1852—1920), писатель, издатель газеты — 276, 288, 296.
Ярослав Всеволодович, великий князь в 1238—1246 гг. — 53, 54, 58.
Ярослав Мудрый, киевский великий князь в 1015—1054 гг. — 34.
Ясинский, Антон Никитич (р. 1864), профессор Тартуского университета — 368.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Для облегчения пользования историческими источниками в указателе приведены, в основном для эстонской и латышской топонимики, параллельные названия, встречающиеся в русской исторической литературе. Основные названия выделены полужирным шрифтом, параллельные снабжены ссылкой на соответствующее эстонское или латышское название.

Уезды (мааконды) даны в основном по карте-вкладке (между стр. 256 и 257), районы — по карте на стр. 657.

Условные сокращения: б. — бывший; вол. — волость; вост. — восточный; г. — город; губ. — губерния; д. — деревня; древн. — древний; ж.-д. ст. — железнодорожная станция; зап. — западный; им. — имение; мест. — местечко; о-в — остров; о-ва — острова; обл. — область; оз. — озеро; п-ов. — полуостров; пос. — поселок; прих. — приход; р. — река; р-н — район; рц. — районный центр; сев. — северный; укреп. — укрепление, укрепленный замок; фаб. — фабричный; центр. — центральный; юж. — южный.

Аавере (Афер), им. в Ярвамаа — 199, 200.

Авинорм — см. Авинурме.

Авинурме (Авинорм), им., мест. в Тартумаа — 209, 217, 260, 634.

Австро-Венгрия — 354, 425.

Азери (Ассерин), фаб. пос. в сев.-вост. Эстонии — 307, 359, 362, 439, 498, 524.

Азия — 641, 642. См. также Средняя Азия.

Айа — см. Ахья.

Айнажи (Гайнаш, Хейнасте), — пос. на побережье Рижского залива — 263.

Алавере (Аллафер), им. в Харьюмаа — 200.

Аландские острова — 233.

Алатскиви (Аллацкиви), им. в Тартумаа — 325.

Аллафер — см. Алавере.

Аллацкиви — см. Алатскиви.

Алленкюль — см. Тюри-Аллику.

Аллентак — см. Алутагузе.

Алуксне (Алыст, Волыст, Мариенбург, Слысточь), замок, прих., пос., ныне г. в сев.-вост. Латвии — 75, 134.

Алутагузе (Аллентак), вост. часть сев. Эстонии, древн. кихельконд — 146, 195.

Алыст — см. Алуксне.

Альбу (Альп), им. в Ярвамаа — 184, 250.

Альп — см. Альбу.

Альт-Гарм — см. Оясоо.

Альтмарк, мест. в б. Вост. Пруссии — 119.

Америка — см. Соединенные Штаты Америки.

Амовжа — см. Эмайыги.

Англия — 144, 149, 162, 204, 232, 233, 354, 443, 457, 467, 469, 480, 483, 484, 488, 492, 496, 522, 523, 528, 534, 536, 540, 547, 553, 582—585, 613, 641.

Ания (Анния), им. в Харьюмаа — 248.

Анния — см. Ания.

Антарктида — 237.

Антсла (Анцен), им., мест. в Вырумаа — 178, 180, 261.

Анцен — см. Антсла и Урваste.

Апсаль, Апсель — см. Хаапсалу.

Аренсбург — см. Курессааре.

Аррокюль — см. Арукюла.

Арроль — см. Арула.

Арукюла (Аррокюль), им. в Ярвамаа — 240.

Арула (Арроль), им. в Тартумаа — 227.

Архангельск, г. — 435, 629.
Асва, поселение I тысячелетия до н. э. в вост. части Сааремаа — 13.
Асс — см. Кильтси.
Ассамала, д. в Вирумаа — 201.
Ассерин — см. Азери.
Атасте (Аттаст), подмызок в Ярвамаа — 235.
Атла (Аттель), им. в Харьюмаа — 130.
Аттаст — см. Атасте.
Аттель — см. Атла.
Аудерн — см. Аудру.
Аудру (Аудерн), прих. в Пярнумаа — 242.
Аустерлиц (Словко), г. в Чехословакии — 201.
Афер — см. Аавере.
Африка — 166.
Аффель — см. Ахула.
Ахула (Аффель), им. в Ярвамаа — 250.
Ахья (Айа), им. в Тартумаа — 178.
Аэгвийду (Шарлоттенгоф), ж.-д. ст. на линии Таллин—Тапа — 519.

Балтийское море (Варяжское море) — 9, 11, 14, 15, 33—35, 37, 49, 63, 73, 89, 99—101, 109, 110, 118, 132, 134, 143, 144, 149, 152, 183, 232, 233, 426, 550, 583.
Балтийский порт — см. Пальдиски.
Балтийскопортский уезд — см. Пальдиский уезд.
Баренцово море — 613.
Бекгоф — см. Йыгевесте.
Белгород, г. — 477.
Белгород — см. Тоолсе.
Белое море — 143.
Белоруссия — 5, 7, 133, 134, 149, 440, 444, 620, 621, 623.
Белый Камень — см. Пайде.
Берлин, г. — 251, 423, 426, 641.
Болгария — 613.
Большой Зунд — см. Суур-Вяйн.
Брест (Брест-Литовск), г. — 425, 429, 434, 444.
Брюгге, г. — 89.
Буртниеки, оз. в сев.-зап. Латвии — 45.
Буртниеки, им. в сев.-зап. Латвии — 195.
Быково, дачный пос. в Московской обл. — 630.

Ваали, вол. в Ярвамаа — 332.
Вайвара, им. в Вирумаа — 246, 429.
Вайвере, д. на о-ве Сааремаа — 462.
Вайга (Клин) — древн. земля в вост. Эстонии — 43, 54, 56, 68.
Вайда (Вайт), им. в Харьюмаа — 130.
Ваймель — см. Вяймела.
Вайт — см. Вайда.
Валга (Валк, Влех), г. на границе Эстонии и Латвии — 72, 80, 123, 154, 167, 172, 228, 262, 266, 288, 292, 308, 322, 325, 336, 428, 430, 439, 447, 448, 451, 458, 475, 498, 505, 632, 648.
Валгамаа (Валкский уезд), уезд в юж. Эстонии — 448, 475, 508.
Валк — см. Валга.
Валкский уезд — см. Валгамаа.
Вальмиера (Волмер, Волмор, Вольмар), г. в сев. Латвии — 195.
Вальдек — см. Орава.
Вальдия — см. Вальяла.
Вальяла (Вальдия) — древн. замок (городище) в вост. части Сааремаа — 57.
Вана-Казаритса (Старо-Казериц), им. в Вырумаа — 160.
Вана-Каристе (Старо-Каристская волость), вол. в Вильяндимаа — 512.
Вана-Куусте (Старо-Кустгоф), им. в Тартумаа — 215.
Ванамойз — см. Ванамыйза.
Ванамыйза (Ванамойз), им. в Харьюмаа — 130, 146.
Вана-Пийгасте (Старо-Пигант), им. в Вырумаа — 203.
Ваокюла (Ваокюль), им. в Ярвамаа — 128.
Ваокюль — см. Ваокюла.
Варбла (Верпель), им. в Ляэнемаа — 146.
Варбола (Варболэ, Воробиин, Воробьев Нос), укреп. городище) в Харьюмаа — 44, 51.
Варболэ — см. Варбола.
Вастемойз — см. Вастемыйза.
Вастемыйза (Вастемойз), им. в Вильяндимаа — 456.
Вастселийна (Нейгаузен, Новогородок, Новый город на Пивже), замок, прих., им. в Вырумаа — 75, 79, 112, 134, 158, 162, 171, 172.
Вастсе-Нурси (Ново-Нурзи), им. в Вырумаа — 177, 431.
Васькнарва (Нейшлос, Серенск, Сыренец, Сыренск), замок на сев. побережье Чудского оз. — 134.
Варшава, г. — 497.
Везенберг — см. Раквере.
Везенбергский уезд — см. Вирумаа.
Вейнгервен — см. Вяйнярве.

Вейсенштейн — см. Пайде.
Вейсенштейнский уезд — см. Ярвамаа.
Велисе, вол. в Ляэнемаа — 332, 335, 336.
Великая, р. — 22.
Великие Луки, г. — 116, 480, 626, 627.
Велико-Ст.-Иоаннис — см. Сууре-Яани.
Вельяд — см. Вильянди.
Венгрия — 613.
Вендау — см. Выннну.
Венден — см. Цесис.
Венденский уезд — см. Цесисский уезд.
Вентспилс (Виндава), г. в Латвии — 24.
Вердер — см. Виртсу.
Верпель — см. Варбола.
Верро — см. Выру.
Верроский уезд — см. Вырумаа.
Вец — см. Вяэтса.
Вигала (Фиккель), им., прих. в Ляэнемаа — 64, 162, 214, 311.
Византия — 33.
Вийракюла, д. на о-ве Муху — 461.
Вик, Вика, Викский уезд — см. Ляэнемаа.
Вилиенде — см. Вильянди.
Вильян — см. Вильянди.
Вильянди (Вельяд, Вилиенде, Вильян, Феллин), г. в центр. Эстонии — 16, 26, 43, 47, 48, 51—53, 56, 72, 73, 112, 113, 132, 169, 172, 195, 202, 257, 274, 301, 308, 337, 346, 348, 421, 422, 439, 447, 456, 498, 516—518, 608.
Вильяндимаа (Вильяндиский, Феллинский уезд), уезд в юж. Эстонии — 162, 168, 182, 214, 228, 250, 256, 261, 272, 349, 363, 400, 403, 422, 448, 475, 508.
Вильяндиский район, р-н в юж. Эстонии — 242.
Вильяндиский уезд — см. Вильяндимаа.
Вильнюс, г. — 236.
Виндава — см. Вентспилс.
Вирония — см. Вирумаа.
Виронская область — см. Вирумаа.
Виртсу (Вердер), им. в Ляэнемаа — 130.
Вирумаа (Везенбергский уезд, Вирония, Виронская область, Вируский уезд, Ругодивская земля), древн. земля в сев.-вост. Эстонии, позднее уезд — 29, 45, 48—50, 54, 56, 59, 64, 68, 71, 76, 77, 81, 82, 91, 116, 121, 123, 158, 162, 171, 174, 194, 219, 256, 283, 284, 405, 422, 429, 448, 452, 454, 508, 509, 511, 623, 656.
Висби, г. на о-ве Готланде — 37, 73.
Висла, р. — 14, 15, 37.
Витебск, г. — 480.
Виттенберг, г. в Германии — 109.
Виттенштейн — см. Пайде.
Вифлянская земля — см. Ливония.
Владимирская губерния — 224.
Влех — см. Валга.
Водьская земля — 59.
Войзек — см. Выйзику.
Вока (Фоккенгоф, Шудлей), им. в Вирумаа — 171.
Волга, р. — 9.
Волмер, Волмор — см. Вальмиера.
Вологда, г. — 435.
Вологодская губерния — 344.
Волчанск, г. в Харьковской обл. — 477.
Волыст — см. Алуксне.
Вольди (Таббифер, Табивере), им. в Тартумаа — 458.
Вольмар — см. Вальмиера.
Вольтвети (Волтветская волость), вол. в Пярнумаа — 512. См. также Халликукиви.
Воо — см. Выханду.
Вормс — см. Вормси.
Вормси (Вормс), о-в восточнее Хийумаа — 64, 65, 169, 249, 426, 619.
Воробиин — см. Варбола.
Воробьев Нос — см. Варбола.
Вороний камень — 60.
Восточная Европа — 9, 33, 74, 550, 551, 566
Восточная Прибалтика — 7, 15, 37, 40, 58, 144, 203.
Ворцегерревэ — см. Выртсъярв.
Вохнья (Фональ), им. в Вирумаа — 130.
Выборг, г. в Ленинградской обл. — 147, 149, 406.
Выйзику (Войзек), им. в Вильяндимаа — 157, 170, 171, 209.
Выннну (Вендау), им. в Тартумаа — 178.
Выртсъярв (Ворцегерревэ), оз. в центр. Эстонии — 7, 24, 64, 225.
Выру (Верро), г. в юго-вост. Эстонии — 10, 182, 195, 209, 230, 257, 262, 274, 294, 332, 430, 432, 447, 448, 450, 458, 631, 637.
Вырумаа (Верроский, Выруский уезд), уезд в юго-вост. Эстонии — 182, 207, 214, 228, 250, 256, 261, 284, 304, 344, 363, 431, 448, 452, 656.
Выханду (Воо), р. в Вырумаа — 10.
Выруский район, р-н в юго-вост. Эстонии — 242.

Вяйке-Эмайыги (Малый Эмбах), р., впадающая в оз. Выртсъярв — 48, 616.
Вяйке-Вяйн (Малый Зунд), пролив — 634.
Вяймела (Ваймель), им. в Вырумаа — 177, 203.
Вяйнярве (Вейнгервен), им. в Ярвамаа — 199, 200.
Вяндра (Феннерн), прих., пос. в юго-зап. Эстонии — 64, 168, 221, 261.
Вяэгвере, д. в Тартумаа — 243.
Вяэтса (Вец), им. в Ярвамаа — 200, 201, 505.

Габат — см. Хабая.
Газелау — см. Хааслава.
Гайнаш — см. Айнажи.
Галлист — см. Халлисте.
Гангоф — см. Хаанья.
Гангут, мыс на п-ве Ханко, в юго-зап. Финляндии — 149.
Ганновер, курфюршество, одно из германских государств — 149.
Гапсаль, Гапсель — см. Хаапсалу.
Гапсальский залив — см. Хаапсалуский залив.
Гапсальский уезд — см. Ляэнемаа.
Гарк — см. Харку.
Гарриенский уезд — см. Харьюмаа.
Гаррионская область — см. Харьюмаа.
Гарриэн — см. Харьюмаа.
Гаррия — см. Харьюмаа.
Гарьел — см. Харгла.
Гатчина, г. в Ленинградской обл. — 437, 480.
Гауя (Говья, Койва, Лифляндская Аа), р. в южной Эстонии и сев.-зап. Латвии — 24, 40, 42, 43.
Гданьск (Данциг), г. — 89, 203.
Гдов, г. в Псковской обл. — 134, 467.
Гейлигензее — см. Пюхаярве.
Геймталь — см. Хеймтали.
Гель — см. Инглисте.
Гельсингфорс — см. Хельсинки.
Гельман городок — см. Хельме.
Гельмед, Гельмет — см. Хельме.
Гервен, Гервенская область, Гервия — см. Ярвамаа.
Германия — 43, 47, 53, 62, 101, 104—107, 109, 113, 114, 160, 192, 231, 281, 289, 290, 298, 309, 354, 423, 425, 426, 429, 432—434, 440, 441, 444, 469, 470, 491, 522, 528, 534—536, 540, 547, 550—553, 555, 556, 561, 566, 582—586, 595, 600, 603, 611—614, 620—622, 634, 641.
Герцеке — см. Ерсика.
Говья — см. Гауя.
Гогенгольм — см. Кыргесааре.
Голландия — 144, 162.
Гольденбек — см. Кулламаа.
Готланд, о-в в Балтийском море — 37, 65, 91.
Грюнвальд, мест. в сев.-вост. Польше — 91.
Гуммельсгоф — см. Хуммули.
Гунгербург — см. Нарва-Йыэсуу.
Гюргев — см. Тарту.

Даго — см. Хийумаа.
Даго-Гросенгоф — см. Сууремыйза.
Даго-Кертель — см. Хийу-Кярдла.
Дальний Восток — 259.
Дания — 49, 51, 52, 59, 62, 78, 91, 99, 109, 112—115, 118, 119, 144, 149, 456, 457, 564.
Данциг — см. Гданьск.
Даугава (Западная Двина), р. — 14, 24, 37—42, 44, 45, 48, 51, 68, 121, 143.
Даугавпилс (Невгин, Двинск, Дюнабург), г. в Латвии — 209.
Двигатель — см. Юлемисте, ж.-д. ст.
Двинск — см. Даугавпилс.
Дерпт — см. Тарту.
Дерптский уезд — см. Тартумаа.
Дмитровский район Московской обл. — 630.
Днепр, р. — 22.
Дно, г. в Псковской обл. — 480, 619.
Донбасс (Донецкий угольный бассейн) — 477, 638.
Дорпат — см. Тарту.
Дурбе, мест. в Курземе (Латвия) — 74.
Дюнабург — см. Даугавпилс.
Дюссельдорф, г. в Германии — 304.

Европа — 33, 59, 88, 109, 110, 138, 150, 192, 203, 205, 466 484, 489, 522, 540, 551, 585, 613, 641, 642. См. также Восточная Европа, Западная Европа, Центральная Европа.
Егорьевск, г. в Московской обл. — 630.
Езель — см. Сааремаа.
Елгава (Митава), г. в Латвии — 24, 80.
Емпер — см. Йыэпере.
Ервакант — см. Ярваканди.
Ерева — см. Ярвамаа.
Ерсика (Герцеке), древн. княжество на территории Латвии, замок — 24.

Желча, р. в Псковской обл. — 60.
Женева, г. — 244, 288.

Загниц — см. Сангасте.
Закавказье — 336, 444, 629.

Западная Двина — см. Даугава.
Западная Европа — 73, 81, 86, 89, 97, 102, 105, 109, 144, 229, 288, 289, 294, 370, 380, 414, 415, 485, 486, 503, 516, 528, 582.
Западная Карелия — 149.
Запольский Ям (Ям-Запольский), мест. в Псковской обл. — 118.
Заренгоф — см. Сааре.
Зегевольд — см. Сигульда.
Зейдель — см. Сейдла.
Зоммерпален — см. Сымерпалу.
Зонебург — см. Маазилинн.
Зонемъборих — см. Маазилинн.
Зонтагане — см. Соонтага.

Ивангород — см. Нарва.
Иваново-Вознесенск, г. — 324.
Иеве — см. Йыхви.
Иедефер — см. Ядивере.
Иерден — см. Юуру.
Ижорская земля — 118, 119. См. также Ингерманландия.
Изборск (Ирбоска), замок, пос. в Псковской обл. — 58, 59, 479, 482, 502, 533, 631.
Изюм, г. в Харьковской обл. — 477.
Икескола — см. Икшкиле.
Икскюль — см. Икшкиле.
Икшкиле (Икескола, Икскюль), мест. в Латвии — 38.
Ильмен, оз. — 9.
Имасту (Менникорб), им. в Вирумаа — 284.
Имбек — см. Эмайыги.
Имера — см. Юмера.
Ингерманландия (Ингрия, Ижорская земля) — 147, 149.
Инглисте (Гель), им. в Харьюмаа — 200.
Ингрия — см. Ингерманландия.
Ирбитский район Свердловской обл. — 628.
Иру, д. в Харьюмаа — 520.
Иру, городище, ныне в черте г. Таллина — 13, 20.
Испания — 564, 565, 613.
Италия — 302, 457, 582, 613.
Йыгева (Лайсгольм), пос., ныне г. в вост. Эстонии — 429.
Йыгеваский уезд, уезд в сев. части Тартумаа, образован в 1949 г. — 656.
Йыгевесте (Бекгоф), им. в Вильяндимаа — 240.
Йыхви (Иеве), пос. в сев.-вост. Эстонии — 223, 334, 429, 437, 648.
Йыхвиский уезд, уезд в вост. части Вирумаа, образован в 1949 г. — 556.
Йыэпере (Емпер), им. в Вирумаа — 201.

Каарма (Кармель), прих. на о-ве Сааремаа — 172, 292.
Кабала (Каббаль), им. в Вильяндимаа — 195.
Кабала (Каппель), вол., им. в Харьюмаа — 335.
Каббаль — см. Кабала.
Каваст — см. Кавасту.
Кавасту (Каваст), им. в Тартумаа — 146.
Кавелехт — см. Кавильда.
Кавильда (Кавелехт, Кавлета, Кафлефт), замок, им. в Тартумаа — 112.
Кавказ — 5, 256, 259, 381, 436, 620.
Кавлета — см. Кавильда.
Казань, г. — 236, 294, 327.
Кай — см. Кайу.
Кайу (Кай), им. в Харьюмаа — 200.
Калининградская область — 7.
Калка, р. — 53.
Кальтенбрун — см. Роосна-Аллику.
Кама, р. — 9.
Камари (Каммар), подмызок в Вильяндимаа — 170.
Каммар — см. Камари.
Канавере (Каннефер), д. в XIV в. в Харьюмаа — 78.
Канада — 522.
Кандалакша, порт на Белом море, ныне г. — 435.
Каннефер — см. Канавере.
Кантси, д. на о-ве Муху — 462.
Каппо — см. Капу.
Капу (Каппо), им. в Ярвамаа — 200, 201.
Кардина — см. Карину.
Кардис — см. Кярде.
Кардла, д. в Тартумаа — 19.
Кареда (Каретэн), д. в древн. земле Ярвамаа — 47.
Карелия — 59, 118, 119, 497, 620. См. также западная Карелия.
Каретэн — см. Кареда.
Карину (Кардина), им. в Ярвамаа — 199, 200.
Каркси (Каркоуз, Каркус), замок, им. в юж. Эстонии — 116, 178, 431.
Каркоуз — см. Каркси.
Каркус — см. Каркси.
Кармель — см. Каарма.
Каролен — см. Карула.
Каррис — см. Карья.
Карула (Каролен), им., прих. в Вырумаа — 64, 162, 178, 180.

Карья (Каррис), церковь, прих. на Сааремаа — 98.
Катерина-Лизетте — см. Рыйка-Мелески.
Кау — см. Трийги.
Каугерсгоф — см. Каугури.
Каугури (Каугерсгоф, Каугурмуйжа), им. в Цесисском уезде — 195.
Каугурмуйжа — см. Каугури.
Каутель — см. Каутъяла.
Каутъяла (Каутель), им. в Харьюмаа — 200.
Кафлефт — см. Кавильда.
Квелленштейн — см. Халликукиви.
Кегель — см. Кейла.
Кеддер — см. Кехра.
Кейла (Кегель), им., прих., пос., ж.-д. ст., ныне г. в сев.-зап. Эстонии — 85, 308, 427, 428.
Кенигсберг (ныне **Калининград**), г. — 91.
Керепея — см. Кирумпя.
Кесь — см. Цесис.
Кехра (Кеддер), им. в Харьюмаа — 381.
Кехтель — см. Кехтна.
Кехтна (Кехтель), им. в Харьюмаа — 130, там же в 1950-х годах школа руководящих колхозных кадров — 654.
Кивиыли, фаб. пос., ныне г. — 578, 621, 628, 651.
Киев, г. — 22, 33, 59.
Килинги-Нымме (Немме), пос. в Пярнумаа — 261.
Кильконд — см. Кихельконна.
Кильтси (Асс), им., ж.-д. ст. в Вирумаа — 429.
Кимоле (Киммоле), д. в XIV в. в Харьюмаа — 78.
Кингисепп — см. Ямбург.
Кингисепп — см. Курессааре.
Кингисеппский район, р-н на о-ве Сааремаа — 242.
Киремпе — см. Кирумпя.
Кирепега — см. Кирумпя.
Кирепети — см. Кирумпя.
Киримяэ, д. в Ляэнемаа — 19.
Кирумпя (Керепея, Киремпе, Кирепега, Кирепети, Кирьяпива), замок в Вырумаа — 111, 112.
Кирьяпива — см. Кирумпя.
Китай — 641.
Кихельконна (Кильконд), прих. на о-ве Сааремаа — 242.
Кихну (Кюно), о-в в Пярнуском заливе — 128, 242, 365.
Клин — см. Вайга.
Клоога (Лодензее), им., пос. в Харьюмаа — 225, 633.
Кодавере (Кодафер), прих. в Тартумаа — 169.
Кодафер — см. Кодавере.
Козе (Кош), мест. в Харьюмаа — 498.
Козе-Ууэмыйза (Кош-Нейенгоф), им. в Харьюмаа — 200.
Койва — см. Гауя.
Койги (Койк), им. в Ярвамаа — 505.
Койк — см. Койги.
Койкюла (Койкюль), им. в Вырумаа — 146.
Койкюль — см. Койкюла.
Койл — см. Кохила.
Кокнесе (Кукенойс), княжество в древн. Латвии — 24, 42, 54, 134.
Колгаский залив (залив Колковик) — 65.
Колга-Яани (Мало-Ст.-Иоаннис), прих. в Вильяндимаа — 168, 300.
Колковик — см. Колгаский залив.
Коловер — см. Колувере.
Колувани — см. Таллин.
Колувере (Коловер, Лоде), замок, им. в Ляэнемаа — 113.
Колывань — см. Таллин.
Колываньская волость — см. Харьюмаа.
Колхоз им. Виктора Кингисеппа на Сааремаа — 653.
Константинополь — см. Царьград.
Копорье, укреп., д. в Ленинградской обл. — 59.
Корея — 641.
Коурслов — см. Сымерпалу.
Кохила (Койл), им., фаб. пос. в Харьюмаа — 307, 362, 498, 509, 517, 518, 633.
Кохтла, фаб. пос. в Вирумаа — 488.
Кохтла-Ярве, г. в сев.-вост. Эстонии — 646, 647, 651, 663, 680.
Кош — см. Козе.
Кош-Нейенгоф — см. Козе-Ууэмыйза.
Краков, г. в Польше — 353.
Красная Горка, форт — 467.
Крево, мест. в Литве — 90.
Кронштадт, г. — 295, 339, 387, 405, 406, 429, 436, 467, 497.
Крым — 5, 53, 232, 249, 259.
Кузбасс (Кузнецкий угольный бассейн) — 628, 629.
Куйбышевская область — 628.
Куйваст — см. Куйвасту.
Куйвасту (Куйваст), им. на о-ве Муху — 461.
Куйметса (Куймец), им. в Харьюмаа — 200.

Куймец — см. Куйметса.
Кукевере (Кукофер), им. в Ярвамаа — 200.
Кукенойс — см. Кокнесе.
Кукофер — см. Кукевере.
Кукрузе, д. в Вирумаа — 356, 380.
Кулламаа (Гольденбек), прих. в Ляэнемаа — 183.
Куллимяэ — хутор на о-ве Сааремаа — 462.
Кунда, им., фаб. пос. (Порт-Кунда) в Вирумаа — 7, 146, 261, 264, 284, 288, 305, 307, 362, 439, 449, 498, 517, 617.
Курессааре (Аренсбург, ныне **Кингисепп**), г. на о-ве Сааремаа — 80, 85, 120, 125, 130, 132, 149, 172, 178, 184, 264, 293, 332, 355, 426, 461—463, 608.
Курземе (Курляндия) — 24, 202, 285.
Курисоо (Курризал), им. в Ярвамаа — 248.
Куриста (Курриста), им. в Тартумаа — 146, 400.
Куркюль — см. Кюти.
Курляндия, Курляндская губерния — см. Курземе.
Курляндское герцогство — 113.
Курризал — см. Курисоо.
Курси (Талькгоф), прих. в Тартумаа — 169.
Курск, г. — 477.
Курслава — см. Сымерпалу.
Кууда — школьный участок на террит. им. Толли (Паргенталь) в Ляэнемаа — 235, 292, 293.
Кыргессааре (Гогенгольм), им. на о-ве Хийумаа — 132.
Кюно — см. Кихну.
Кюти (Куркюль), им. в Вирумаа — 130.
Кярде (Кардис), им. в Тартумаа — 134.
Кярдла — см. Хийу-Кярдла.
Кяркна (Фалькенау), цистерцианский монастырь, позднее им. в Тартумаа — 58.
Кяру (Керро), им., мест. в Пярнумаа — 348.
Кясму, д. в Вирумаа — 293.
Лаатре, вол. в Тартумаа — 332.
Лазонский лес, лес на территории им. Пыльтсамаа в Вильяндимаа — 170.
Лайс — см. Лайузе.
Лайсгольм — см. Йыгева.
Лайузе (Лайс, Лаюс), замок, им., прих. в Тартумаа — 111.
Ланкашир, графство в сев.-зап. Англии — 600.
Латгалия — 24, 61.
Латвия, Латвийская ССР — 14, 24, 68, 113, 118, 121, 167, 178, 226, 228, 278, 285, 286, 306, 332, 336, 344, 429, 433, 434, 440, 444, 448, 453, 466, 469, 497, 515, 535, 566, 583, 586, 589—601. См. также северная Латвия, южная Латвия.
Лаура (Лавры), мест. в Псковской обл., вблизи границы ЭССР — 458.
Лаюс — см. Лайузе.
Леаль — см. Лихула.
Левако — см. Лээваку.
Левенвольде — см. Лийгвалла.
Лелле-Эйдепере (Эйдаперре), им. в Пярнумаа — 221.
Ленинград, г. — 617, 619, 620, 629, 630, 638, 647. См. также Петербург.
Ленинградская область — 338, 623, 630, 643, 656.
Леоле — см. Лыхавере.
Лепику, д. на о-ве Муху — 460.
Лесная, д. в Польше — 149.
Либава — см. Лиепая.
Ливония (Вифлянская земля, Ливонская земля) — 39, 40, 47, 49, 57—59, 68, 69, 75, 77—80, 88—92 99—115, 118, 119.
Ливонская земля — см. Ливония.
Лиепая (Либава), г. в Латвии — 24.
Лийгвалла (Левенвольде), им. в Ярвамаа — 200.
Линданисе — см. Таллин.
Литва, Литовская ССР — 14, 37, 58, 68, 73, 75, 80, 90, 101, 109, 110, 116, 432, 440, 444, 497, 515, 530, 535, 586, 589—601.
Лифляндия, Лифляндская губерния — 118, 122, 124—130, 132, 139, 147, 149—151, 154—156, 161, 162, 171, 174—180, 182—184, 191—193, 195, 197, 198, 201—203, 205, 206, 209, 215, 218, 226, 228, 231, 232, 235, 236, 253, 285, 288, 292, 310, 326, 330, 336, 433.
Лифляндская Аа — см. Гауя.
Лихая, ж.-д. ст. в Каменской обл. — 434.
Лихула (Леаль), укреп. в зап. Эстонии, ныне пос. — 50, 68, 72, 130.
Лоде — см. Колувере.
Лодензее — см. Клоога.
Лодзь, г. в Польше — 325.
Локарно, г. в Швейцарии — 534.
Локса, пос. в Харьюмаа — 261.
Лондон, г. — 244, 309, 459, 471, 523, 535.
Лохусуу, прих., вол. в Тартумаа — 183.
Луга, г. в Ленинградской обл. — 481.

Луденгоф — см. Лууа.
Лууа (Луденгоф), им. в Тартумаа — 128.
Лыхавере (Леоле, Пала), городище (замок) в Вильяндимаа — 31, 44, 52.
Лээваку (Левако), д. в Вырумаа — 348.
Любек, г. в Германии — 37, 50, 73, 89, 109.
Люблин, г. в Польше — 116.
Ляэнемаа (Вик, Вика, Викский, Гапсальский уезд, Ляэнеский уезд), уезд в зап. Эстонии — 24, 43, 44, 48, 50, 54, 56, 64, 66, 71, 77, 91, 112, 113, 119, 121, 124, 146, 152, 182, 207, 235, 247, 335, 337, 366, 570, 656.
Ляэнеский уезд — см. Ляэнемаа.

Маазилинн (Зонебург, Зонемъборих, Масар), замок в XIV—XVI вв. в вост. части Сааремаа — 80.
Маарду (Маарт), им., фаб. пос. в Харьюмаа — 247, 681.
Маарт — см. Маарду.
Макушинский район, в Челябинской, ныне в Курганской обл. — 628.
Малла, им. в Вирумаа — 130.
Мало-Ст.-Иоаннис — см. Колга-Яани.
Малый Зунд — см. Вяйке-Вяйн.
Малый Эмбах — см. Вяйке-Эмайыги.
Мариенбург — см. Алуксне.
Масар — см. Маазилинн.
Мать вод — см. Эмайыги.
Махтерс — см. Махтра.
Махтра (Махтерс), им. в Харьюмаа — 246—248.
Медвежья голова, Медвежа Глава — см. Отепя.
Мекс — см. Равила.
Мелески — см. Рыйка-Мелески.
Менникорб — см. Имасту.
Менцен — см. Мынисте.
Мерикюла, дачное место в Вирумаа — 457.
Мерьяма — см. Мярьямаа.
Митава — см. Елгава.
Могилев, г. — 434.
Мойзекац — см. Моосте.
Мойзекюль — см. Мыйзакюла.
Монэ — см. Муху.
Моон — см. Муху.
Моонзунд — см. Суур-Вяйн.
Моосте (Мойзекац, Мост), д., им. в Вырумаа — 60, 325.
Москва, г. — 100, 115, 116, 181, 202, 223, 294, 327, 333, 334, 360, 400, 401, 402, 406, 436, 439, 453, 480, 566, 589, 599, 620, 623, 626, 628, 629, 665, 687, 688. **Районы:** Пресня — 333.
Московская губерния — 224.
Московская область — 630.
Мост — см. Моосте.
Моха — см. Мыху.
Муналас — см. Муналаскме.
Муналаскме (Муналас), им. в Харьюмаа — 215.
Муствээ (Черна, Черные Горы), пос., ныне г. на берегу Чудского оз. — 634.
Муху (Монэ, Моон), о-в восточнее Сааремаа; на о-ве одноименное древн. укреп. (городище) — 57, 64, 118, 121, 123, 242, 365, 402, 460—462, 619.
Мууга (Мюнкенгоф), им. в Вирумаа — 456.
Мыйзакюла (Мойзекюль), ж.-д. ст., пос., ныне г. в юго-зап. Эстонии — 308, 332, 346, 439, 498, 515.
Мынисте (Менцен), им. в Вырумаа — 178.
Мышкино, рц. в Ярославской обл. — 630.
Мыху (Моха), древн. земля в центр. Эстонии — 56.
Мюнкенгоф — см. Мууга.
Мяннику-Юри, хутор на о-ве Муху — 460.
Мярьямаа (Мерьяма) вол., прих., пос. в зап. Эстонии — 172, 337, 421, 616.

Набала (Наппель), им. в Харьюмаа — 130.
Навести (Пала, Паала), р. в центр. Эстонии — 48, 412.
Найссааре (Нарген), о-в в Финском заливе вблизи Таллина — 65, 432, 448.
Наппель — см. Набала.
Нарва (Ругодив), г. в сев.-вост. Эстонии — 7, 72, 74, 88, 101, 108, 110, 114—116, 118, 120, 125, 130—133, 140, 141, 144—147, 152, 154, 162, 171—173, 184, 214, 220, 224, 232, 250, 254, 256, 262, 264—267, 274, 288, 289, 293, 301, 302, 317, 320, 325, 327—329, 333, 338, 349—352, 358, 361, 362, 386, 388, 399, 405, 415, 429, 430, 434, 437—439, 444, 445, 450, 452, 457, 458, 467, 474, 475, 477, 498, 504, 511, 512, 514, 517, 518, 533, 535, 588, 591, 608, 617, 619, 631—635, 638, 648,

651, 680; Ивангород — 101, 133, 680; Нарвский водопад — 341; Паэмурру, р-н города — 352.
Нарва (Нарова, Нерова, Норова), р. — 59, 144, 445, 482, 656, 681.
Нарва-Йыэсуу (Гунгербург, Усть-Нарова), дачное место вблизи Нарвы — 221, 261, 445.
Нарген — см. Найссаар.
Нарова — см. Нарва р.
Насва, д. на о-ве Сааремаа — 462.
Нева, р. — 59, 143.
Невгин — см. Даугавпилс.
Невель, г. в Великолукской обл. — 628.
Ней-Гарм — см. Харми.
Нейгаузен — см. Вастселийна.
Ней-Изенгоф — см. Пюсси.
Нейшлос — см. Васькнарва.
Немме — см. Килинги-Нымме.
Нерова — см. Нарва р.
Ништадт (Уусикаупункы), г. в Финляндии — 149, 150.
Ноароотси (Нуке), прих. в Ляэнемаа — 65.
Новгород, г. — 25, 26, 34, 35, 37, 41—43, 46—48, 53—55, 59, 61, 73, 75, 88, 89, 91, 97, 100, 101, 109, 115, 152, 163, 630.
Новгородская губерния — 169, 224, 259.
Новгородская земля — 25.
Новогородок — см. Вастселийна.
Ново-Нурзи — см. Вастсе-Нурси.
Новосибирск, г. — 629.
Новосокольники, г. в Великолукской обл. — 628.
Новый городок на Пивже — см. Вастселийна.
Новый Пярну — см. Пярну.
Нормегунда — см. Нурмекунд.
Норова — см. Нарва р.
Нуке — см. Ноароотси.
Нурмегунда — см. Нурмекунд.
Нурмекунд (Нормегунда, Нурмегунда), древн. земля в центр. Эстонии — 43, 56.
Нуустаку — см. Отепя.
Нымме — см. Таллин.
Ныммику, хутор вблизи Тарту — 381.

Оденпэ — см. Отепя.
Одер, р. — 14, 37.
Одесса, г. — 263.
Олонецкая губерния — 320.
Омовжа — см. Эмайыги.
Омули, им. в сев. Латвии — 112.
Онежское озеро — 9.
Орава (Вальдек), им. в Вырумаа — 146.
Ораниенбаум (ныне **Ломоносов**, Ленинградская обл.), г. — 247.
Оргена — см. Орина.
Оргита (Розенталь), им. в Ляэнемаа — 200, 201.
Орел, г. — 477.
Орина (Оргена), им. в Ярвамаа — 199, 200, 428.
Ориссаареский район, р-н на о-ве Сааремаа — 13, 242.
Орша, г. в Белоруссии — 480.
Осташков, г. в Калининской обл. — 260.
Островская земля — см. Сааремаа.
Отепя (Медвежа Глава, Медвежья голова, Нуустаку, Оденпэ), укреп. в земле Уганди (юго-вост. Эстонии), прих. пос., ныне г. — 26, 44, 46, 47, 52, 58, 72, 79, 177, 261, 512.
Оясоо (Альт-Гарм), им. в Харьюмаа — 200.

Падизе (Падис, Падц), цистерцианский монастырь в Харьюмаа — 77.
Падис — см. Падизе.
Падц — см. Падизе.
Пайда — см. Пайде.
Пайде (Белый Камень, Вейсенштейн, Виттенштейн, Пайда), г. в центр. Эстонии — 16, 72, 78, 116, 172, 348, 426, 428, 448, 498, 505.
Пайстель — см. Пайсту.
Пайсту (Пайстель), прих. в Вильяндимаа — 242.
Пакри (Рогэ), о-ва (Большой и Малый) в Пальдиском заливе, у сев.-зап. побережья Эстонии — 64, 65.
Пала — см. Лыхавере.
Пала, Паала, р. — см. Навести.
Палламойз — см. Палу.
Паллопер — см. Палупера.
Палу (Палламойз), им. в Вырумаа (до 1784 г. в Тартумаа) — 146.
Палупера (Паллопер), им. в Тартумаа — 327.
Пальдиски (Балтийский Порт, порт Рогервик), г. в зап. Эстонии — 153, 172, 177, 262, 293, 455, 583.
Пальдиский (Балтийскопортский) **уезд** — 182.
Пальмс — см. Пальмсе.
Пальмсе (Пальмс), им. в Вирумаа — 188, 200, 201.
Париж, г. — 233, 434, 467, 535.
Паункюла (Паункюль), им. в Харьюмаа — 249.
Паункюль — см. Паункюла.
Паэмурру — см. Нарва.

Пёйде (Пейде), замок, церковь, прих. на о-ве Сааремаа — 79, 97, 98.
Пейпси — см. Чудское оз.
Пейпус — см. Чудское оз.
Пельве — см. Пыльва.
Перва, д. в Вильяндимаа в XVIII в. — 157.
Пергель — см. Перила.
Перекопский перешеек — 477.
Перила (Пергель), им. в Харьюмаа — 130.
Пернов — см. Пярну, г.
Пернова — см. Пярну, р.
Перновский уезд — см. Пярнумаа.
Персия (Иран) — 152.
Петербург, Петроград (Питер), г. — 147, 149, 153, 157, 159, 162, 163, 169—172, 174, 176, 180, 197, 199, 209, 210, 215, 223, 231, 233, 236, 247, 250, 252, 256, 262, 263, 265, 272, 281, 283, 284, 288—291, 300—302, 304, 308, 315, 317, 321, 325, 327, 330, 334, 341, 342, 351—353, 360, 361, 363, 375, 382, 386—388, 395, 396, 401, 402, 404—410, 423, 426, 436, 437, 457, 465, 467, 468, 472, 476, 477, 480, 481. См. также Ленинград.
Петербургская губерния — 169, 195, 255, 259.
Петроград — см. Петербург.
Петсери — см. Печоры.
Петсеримаа (Петсериский уезд, Сетумаа), б. уезд в юго-вост. Эстонии — 623, 656.
Петсериский уезд — см. Петсеримаа.
Печорский монастырь — 159.
Плюсса, р. — 118, 445.
Плюсса, ж.-д. ст. — 623.
Поволжье — 9, 10, 436.
Полоцк, г. в Белоруссии — 24, 35, 39, 116.
Полоцкое княжество — 38, 40.
Полтава, г. — 149.
Польша — 37, 90, 99, 109, 110, 112, 113, 115, 116, 118, 119, 133, 134, 137, 145, 147, 149, 192, 209, 233, 336, 440, 466, 497, 522, 530, 534, 535, 556, 582.
Поронино, мест. в Польше — 353.
Порт-Кунда — см. Кунда.
Порхов, г. в Псковской обл. — 619.
Посволь, мест. в Литве, вблизи границы Ливонии — 110.
Прибалтика (Прибалтийские губернии, Советская Прибалтика) — 5, 9—11, 14, 35, 37, 38, 53, 57, 62, 113, 132, 133, 137, 141, 147, 150, 154, 155, 161, 166, 170, 174, 175, 181—183, 188, 190—192, 194—196, 201, 202, 207, 209—211, 213, 226, 230, 235, 245, 246, 250, 252, 254, 274, 275, 277, 279, 285, 286, 306, 310, 336, 344, 363, 366, 457, 467, 469—471, 480, 515, 550, 551, 582—584, 589, 590, 600, 601, 620, 630, 681, 685, 691. См. также Восточная Прибалтика.
Приильменье — 22.
Приуралье — 9.
Причудье — 22.
Пруссия — 74, 80, 91, 101, 119, 149, 233.
Псков, г. — 25, 34, 35, 41—43, 46, 49, 53, 56, 59, 75, 78, 79, 88, 89, 91, 97, 100, 101, 109, 115, 116, 130, 147, 152, 153, 170, 223, 262, 428, 447, 448, 451, 467, 479—481.
Псковский монастырь — 159.
Псковская губерния — 163, 169, 199, 224, 255.
Псковская область — 656.
Пуру, д. в Вирумаа — 334.
Путкас — см. Путкасте.
Путкасте (Путкас), им. на о-ве Хийумаа — 247.
Пыльва (Пельва), им., прих. в Вырумаа — 177, 300.
Пыльтсамаа (Оберпален, Полчев), замок, пос., ныне г. в центр. Эстонии — 85, 116, 123, 168—170, 174, 186, 201, 218, 430, 616.
Пээду, городище вблизи г. Тарту — 20.
Пюсси (Ней-Изенгоф), им. в Вирумаа — 422, 509.
Пюхаярве (Гейлигензее), им. в Тартумаа — 227, 237.
Пярну (Пернов, Новый и Старый Пярну), г. в зап. Эстонии — 64, 65, 68, 72, 73, 91, 113, 116, 123, 125, 130, 132, 137, 144, 146, 149, 153, 158, 162, 169, 171, 172, 178, 184, 202, 214, 222—224, 232, 257, 264, 272, 274, 288, 301, 302, 308, 309, 325, 332, 348—350, 355, 439, 498, 508, 511, 512, 517, 518, 581, 616, 632, 635. Слобода (Мерикюла) — 153.
Пярну (Пернова), р. в зап. Эстонии — 7, 24, 169.
Пярнумаа (Перновский, Пярнуский уезд), уезд в юго-зап. Эстонии — 121, 157, 168, 182, 207, 214, 229, 335, 363, 448, 509, 611, 623.
Пярнуский залив — 355.
Пярнуский уезд — см. Пярнумаа.

Пярсамаа, вол. на о-ве Сааремаа — 262.
Пяэскюла — см. Таллин.

Раади (Ратсгоф), им. в Тартумаа — 171.
Равила (Мекс), им. в Харьюмаа — 200.
Райккюла (Райккюльская волость), вол. в Харьюмаа — 439, 498.
Раквере (Ракобор, Раковор, Везенберг), г. в сев.-вост. Эстонии — 16, 72, 75, 111, 116, 132, 172, 285, 346, 426, 430, 437, 447, 449, 450, 454, 474, 498, 517, 518, 578, 608, 648, 669.
Раквереский уезд — см. Вирумаа.
Ракке, ж.-д. ст. на линии Тапа—Тарту — 648.
Ракобор — см. Раквере.
Ранден-замок — см. Ранну.
Ранну (Ранден-замок), замок, им. в Тартумаа — 112, 194.
Рапла (Раппель), пос. в Харьюмаа — 439, 498.
Раплаский район, р-н в сев.-вост. Эстонии — 242, 654.
Раппин — см. Ряпина.
Ратсгоф — см. Раади.
Рауге — см. Рыуге.
Рауна (Роннебург), им. в сев. Латвии — 195.
Ревель — см. Таллин.
Ревельский уезд — см. Харьюмаа.
Рига, г. — 39, 41—45, 48, 51, 52, 58, 73, 74, 80, 90, 91, 101, 106, 112, 116, 119, 137, 144, 146, 149, 154, 171, 176, 179, 202, 203, 223, 226, 228, 262, 292, 316, 317, 401, 433, 440, 448, 469, 470, 471, 535, 621.
Ригульди (Рикгольцская волость), вол. в Ляэнемаа — 65.
Рижский залив — 24.
Рижское архиепископство — 90.
Ризенберг — см. Рийзипере.
Рийзипере (Ризенберг), им. в Харьюмаа — 240, 427.
Ринген — см. Рынгу.
Ристи, ж.-д. ст. на линии Таллин—Хаапсалу — 427.
Рогэ — см. Пакри.
Розенталь — см. Оргита.
Роковор — см. Раквере.
Роозна — Роосна (Сонорм), им. в Ярвамаа — 200, 248.
Роосна-Аллику (Кальтенбрун), им. в Ярвамаа — 188.
Россия, Советская Россия, РСФСР — 99, 101, 109, 110, 113—116, 118—120, 127, 130, 132—134, 143—145, 147, 149—152, 154, 156, 161, 171, 172, 174, 177, 178, 181—184, 188, 190—192, 194, 195, 202—205, 208—210, 212, 220, 222, 225, 226, 228, 230, 232, 233, 235, 236, 239, 240, 244, 245, 254, 259, 262—265, 267, 270, 271, 274, 281—284, 286, 288, 289, 302, 306, 307, 309, 310, 315, 318, 320, 321, 323—325, 327—333, 339, 342—348, 352—355, 357, 360, 362—364, 366, 368, 380, 381, 383, 385, 386, 394, 396, 399, 401, 402, 404, 410, 416—419, 422, 423, 425, 433—437, 442, 452—455, 460, 466, 467, 469, 470, 472—475, 477, 479—483, 485—487, 497, 498, 502, 504, 506, 524, 530, 557, 629, 644, 656. См. также Северная Россия, Южная Россия.
Ростов на Дону, г. — 315, 434.
Ругодив — см. Нарва.
Руена (Рухья), ж.-д. ст., пос. в сев. Латвии — 332.
Ругодивская земля — см. Вирумаа.
Румыния — 534, 535, 547, 613.
Руно — см. Рухно.
Русь — 33—35, 38, 39, 42, 46, 53, 57, 59, 61—63, 85, 88—90, 99, 100, 113.
Рухну (Руно), о-в в Рижском заливе — 64, 65.
Рухья — см. Руена.
Рыйка — см. Рыйка-Мелески.
Рыйка-Мелески (Катерина-Лизетте), фаб. пос. на территории им. Выйзику (Войзек), в Вильяндимаа — 170, 219, 221, 222, 225.
Рынгу (Ринген, Рындех), укреп., им. в Тартумаа — 112, 178.
Рындех — см. Рынгу.
Рыуге (Рауге), городище в Вырумаа — 20.
Рыуге (Рауге), прих. в Вырумаа — 162, 172, 242.
Рявала, древн. земля в сев. Эстонии — 29, 43, 45, 48, 49, 50, 59, 68.
Ряпина (Ряпин), им., прих., фаб. пос. в Вырумаа — 122, 162, 169, 170, 178, 180, 261, 450.

Саара — см. Саарде.
Саарде (Саара), им. в Пярнумаа — 165.
Сааре (Заренгоф), им. в Тартумаа — 188.
Сааре-Ляэнеское епископство — 76, 82, 90, 91.
Сааремаа (Езел, Островская земля, Сааремаский уезд, Эзель, Эзельский уезд), о-в в Балтийском море, уезд — 13, 24, 29, 40, 45,

46, 49—51, 56, 57, 62, 64, 65, 75, 78, 80, 93, 98, 112, 118, 121, 123, 128, 149, 150, 152, 155, 156, 168, 174—177, 217, 229, 231, 235, 243, 304, 312, 363, 365, 366, 402, 423, 426, 433, 459, 461—464, 475, 490, 583, 619, 634, 653.
Сааремаский уезд — см. Сааремаа.
Сак — см. Саку.
Сакала (Саккала), древн. земля в юго-зап. Эстонии — 29, 41—43, 45—48, 51—54, 56, 66, 68.
Саккала — см. Сакала.
Саксония, одно из германских государств — 144, 145, 160.
Саку (Сак), им. в Харьюмаа — 240.
Салатси, р. в сев.-зап. Латвии — 45.
Самарская губерния — 249, 259.
Сангасте (Загниц), им. в Тартумаа — 178, 180, 199.
Сан-Ремо, г. в сев. Италии — 497.
Сауле, мест. в XIII в. либо в Литве, Шяуляй, либо в Латвии, Вецсауле, вблизи г. Бауска — 57, 58.
Сауэ (Фридрихсгоф), им. в Харьюмаа — 188, 503.
Свеаборг, морская крепость вблизи Хельсинки — 339.
Свердловская область — 628.
Севастополь, г. — 333.
Северная Германия — 49.
Северная Латвия — 116, 179, 470.
Северная Россия — 169.
Северное море — 89.
Сейдла (Зейдель), им. в Ярвамаа — 199, 200.
Серая Лошадь, форт — 467.
Серенск — см. Васькнарва.
Сетумаа — см. Петсеримаа.
Сибирь — 228, 248, 259, 336, 436, 469.
Сигульда (Зегевольд), замок в Латвии — 80, 81.
Синди (Цинтенгоф), фаб. пос. в Пярнумаа — 214, 219, 220, 222, 223, 266, 317, 362, 403, 498, 512, 628.
Слысточь — см. Алуксне.
Смоленск, г. — 147.
Соединенные Штаты Америки (Америка, США) — 166, 288, 443, 455, 457, 466, 467, 469, 470, 484, 496, 523, 535, 536, 547, 583, 600, 613, 641, 692.
Сомпа (Сомпе), им. в Вирумаа — 311, 429.
Сомпе — см. Сомпа.
Сонорм — см. Роозна.
Сонтага — см. Соонтага.
Союз Советских Социалистических Республик, СССР — 435, 444, 455, 470, 472, 480, 482, 484, 486—488, 492—494, 496, 497, 506, 513, 515, 517, 522, 529, 534—536, 545—547, 550, 551, 553, 556—558, 561, 564, 576, 582, 590, 592, 593—596, 598—604, 611—615, 620, 625, 626, 628—630, 635, 641—644, 649, 659, 660, 663, 668, 672, 674, 677—679, 682, 685, 689, 690, 691, 693.
Соонтага (Зонтагене, Сонтагана), древн. кихельконд в Ляэнемаа — 45, 47.
Средняя Азия — 33, 629.
Сталинград, г. — 626.
Старая Русса, г. — 619.
Старо-Казариц — см. Вана-Казаритса.
Старо-Кустгоф — см. Вана-Куусте.
Старо-Каристская вол. — см. Вана-Каристе.
Старо-Пийгаст — см. Вана-Пийгасте.
Старый Пярну — см. Пярну.
Стенби, мест. в Дании — 59.
Стокгольм, г. — 89, 127, 183, 426.
Столбово, д. около г. Тихвина — 119.
Суур-Вяйн (Большой Зунд, Моонзунд), пролив — 634.
Сууре-Кыпу, вол. в Вильяндимаа — 502.
Сууремыйза (Даго-Гросенгоф, Хийу-Сууремыйза), им. на о-ве Хийумаа — 188, 285.
Сууре-Яани (Велико-Ст.Иоаннис), пос. в Вильяндимаа — 261, 349.
Сымерпалу (Коурслов, Курслава, Зоммерпален), замок, им. в Вырумаа (до 1784 г. в Тартумаа) — 111, 128.
Сырве (Сворбе), п-ов на Сааремаа — 634.
Сыренец — см. Васькнарва.
Сыренск — см. Васькнарва.
Сыямяги, болото вблизи Таллина — 78.

Табивере — см. Вольди.
Таббифер — см. Вольди.
Талава, древн. земля в Латвии — 40—42.
Таллин (Колывань, Колувани, Линданисе, Ревель), г., столица ЭССР — 13, 26, 28, 49—51, 53, 54, 57, 59, 72, 73, 77, 78, 82, 84—89, 91, 93, 97, 103, 104, 106—108, 112, 113, 115, 116, 120, 125, 130—133, 137, 139, 140, 144, 149, 152—154, 158, 159, 162, 169, 171—173, 184, 186, 188, 189, 200, 201, 203, 209, 210, 217, 221—225, 231, 232, 240, 241, 246—250, 252, 254, 256, 257, 262—

266, 282, 283, 288, 289, 293, 301, 302, 305, 307—309, 315, 317—323, 325, 327, 329, 330, 332—336, 338—340, 342—346, 348—354, 359, 362, 375, 376, 382, 386—389, 392, 393, 395, 396, 398, 399, 401, 402, 404—407, 409, 411—413, 415, 416, 421, 422, 426, 428—430, 432, 433, 436, 438—440, 442, 448, 455, 457—459, 462, 467, 471, 477, 480, 481, 494, 498, 500—502, 504, 507, 509, 512—515, 517—520, 522, 526, 531, 533, 541, 544—546, 567, 571, 578, 581, 587—590, 596, 601, 605, 608, 617—619, 622, 632, 634, 638, 648, 650, 651, 653, 668, 669, 672, 675, 680, 681, 686; **водоемы, р.**: Юлемисте, оз. — 220; Тийгивески, пруд — 578; Хярьяпеа, р. — 173. **Парки, площади:** Кадриорг (Екатеринталь, Катаринталь) — 152, 188, 240, 504, 590, 591, 618; Лаусманский луг — 321, 328; Площадь Победы — 597; Ратушная площадь — 140, 440. **Рыночные площади:** Новый рынок — 328, 350; Русский рынок — 248. **Пригороды, части города:** Тоомпеа (Вышгород) — 28, 57, 85, 133, 173, 189, 422, 438, 513, 591, 632; гавань, порт — 125, 153, 173, 183, 263, 388, 429, 633; Копли — 264; Ласнамяги — 152, 249, 264, 518, 519; Нымме, Нымме-Кивимяэ — 264, 325, 449, 494, 572, 578; Пелгулинн — 578; Пяэскюла — 432, 458. **Улицы, бульвары:** Бульвар Ленина — 649; ул. Вене — 87; ул. Калинина — 321; ул. Кеваде — 578; ул. Кохту — 240; ул. Лийва — 389; Нарвское шоссе — 578; ул. Пикк — 515, 590; Пярнуское шоссе — 264, 305; ул. Тууле — 541; ул. Тынисмяги — 541; ул. Харидузе — 578. Кладбище Рахумяэ — 324, 329.

Таллинский залив — 447.

Талькгоф — см. Курси.

Тамань, станица, порт на берегу Таманского залива — 375.

Тамбов, г. — 630.

Тамме (Таммемыйза, Таммен), им. в Вырумаа — 146.

Таммемыйза — см. Тамме.

Таммен — см. Тамме.

Таммерфорс (Тампере), г. в Финляндии — 333.

Тамсалу, ж.-д. узел — 634.

Танненберг, мест. в сев.-вост. Польше — 91.

Тапа (Тапс), вол., ж.-д. узел, пос., ныне г. — 234, 261, 262, 332, 401, 428, 430, 452, 457, 458, 498, 519, 632, 648.

Тапс — см. Тапа.

Тарбас — см. Тарвасту.

Тарваст — см. Тарвасту.

Тарвасту (Тарбас, Тарваст), замок, прих. в Вильяндимаа — 162, 168, 169, 172.

Тарту (Гюргев, Дерпт, Дорпат, Юрьев), г. в вост. Эстонии — 7, 16, 19, 20, 26, 34, 52—56, 58—60, 64, 72, 73, 75, 85, 87, 89, 91, 98, 106, 107, 110, 115, 120, 122, 131, 133, 134, 137, 140, 144, 147, 149, 154, 158, 169—174, 184, 189, 202, 214, 215, 219, 222—224, 228, 230, 231, 235, 236, 240, 241, 252, 256, 257, 262, 272, 274, 285, 292, 293, 295, 296, 300—302, 304, 309, 312, 314, 320—323, 326—331, 348—350, 358, 361, 362, 376, 378, 380—382, 386, 388, 393, 399, 403, 405, 407, 421, 426, 430, 432, 439, 447, 448, 451, 458, 473, 482, 483, 485, 487, 495, 497, 498, 504, 511, 517—519, 531, 533, 546, 571, 578, 580, 581, 588, 591, 608, 616, 631, 632, 638, 650, 668. **Площади, парки:** Ратушная площадь — 349; Тоомемяги — 75, 107. **Районы города, улицы:** ул. Мичурина — 88, Тамме — 578; Тяхтвере — 578; ул. 21 июня (б. Рюютли) — 240.

Тартумаа (Дерптский, Тартуский, Юрьевский уезд, Юрьевщина), уезд в вост. Эстонии — 121, 123, 124, 128, 145, 158, 162, 179, 182, 194, 207, 228, 250, 256, 261, 363, 448, 475, 508.

Тартуский уезд — см. Тартумаа.

Тартуское епископство — 82, 90, 108, 110.

Тбилиси, г. — 315, 317.

Териоки (ныне **Зеленогорск**), г. на сев. берегу Финского залива — 342.

Тим, рц. Курской обл. — 477.

Тирна, фаб. пос. в XVIII в. на территории им. Пыльтсамаа — 170.

Тойкфер — см. Тыйквере.

Толама — см. Тооламаа.

Толсбург — см. Тоолсе.

Тольбор — см. Тоолсе.

Торгель — см. Тори.

Тооламаа (Толама), им. в Вырумаа — 325.

Тоолсе (Белгород, Толсбург, Тольбор), замок в Вирумаа — 116.

Тоома, опытно-мелиоративная станция в Тартумаа — 381.
Торгель — см. Тори.
Торейда — см. Турайда.
Тори (Торгель) мест., прих. в Пярнумаа — 261, 348, 381.
Торма, прих. в Тартумаа — 175, 183, 243, 272.
Трейден — см. Турайда.
Трийги (Кау), им. в Харьюмаа — 200.
Тропау (Опава), г. в Чехословакии — 201.
Тульская губерния — 224.
Турайда (Торейда, Трейден), прих. в Латвии, месторасположение замка старейшины ливов Каупо — 40, 43, 44, 50.
Тургель — см. Тюри.
Турция — 116, 144, 232.
Тыйквере (Тойкфер), им. в Тартумаа — 130.
Тырва, пос., ныне г. в юж. Эстонии — 261, 632.
Тявзина, мест. сев.-западнее Новгорода в XVI в. — 118.
Тюри-Аллику (Алленкюль), им. в Ярвамаа — 130.
Тюри (Тургель), прих., пос., ныне г. в центр. Эстонии — 16, 303, 439, 498, 648.
Тюрпсаль — см. Ярве.

Уганди (Унгавия, Унгавния), древн. земля в юго-вост. Эстонии — 29, 41—43, 45—48, 51—54, 56, 68.
Уддева — см. Удева.
Удева (Уддева), им. в Ярвамаа — 127.
Удрику (Удрих), им. в Вирумаа — 130.
Удрих — см. Удрику.
Украина — 5, 133, 134, 143, 444.
Уку, усадьба вблизи Таллина в Сауэ — 503.
Ульяновск, г. — 628.
Унгавия — см. Уганди.
Унгавния — см. Уганди.
Упа, д. на о-ве Сааремаа — 462.
Урал — 469, 625.
Урваете (Анцен), прих. в Вырумаа — 160.
Усть-Нарова — см. Нарва-Йыэсуу.
Утрия, д. на побережье Финского залива в Вирумаа — 457.
«Уус Элу», колхоз в Рапласком р-не — 654.
Ууэ-Каристе (Ново-Карристская волость), вол. в Вильяндимаа — 512.
Ууэмыйза, вол. на о-ве Сааремаа — 505.
Фалькенау — см. Кяркна.
Феллин — см. Вильянди.
Феллинский уезд — см. Вильяндимаа.
Фельк — см. Лаатре.
Феннерн — см. Вяндра.
Фикель — см. Вигала.
Финляндия — 58, 65, 73, 78, 89, 98, 130, 225, 233, 278, 405, 406, 440, 443, 455—457, 459, 466, 497, 535, 547, 556, 562, 583, 585, 586, 589, 613.
Финский залив — 6, 37, 91, 147, 153, 163, 402, 480, 617.
Фоккенгоф — см. Вока.
Фональ — см. Вохнья.
Франция — 89, 144, 192, 195, 204, 231, 232, 354, 429, 457, 466, 469, 484, 488, 522, 535, 582—585.
Фридрихсгоф — см. Сауэ.

Хаанья (Гангоф), им. в Вырумаа — 160.
Хаапсалу (Апсаль, Апсель, Гапсаль, Гапсель), г. в зап. Эстонии — 72, 77, 88, 125, 128, 132, 250, 308, 335, 426, 439, 461.
Хаапсалу, графство — 128.
Хаапсалуский залив (Гапсальский залив) — 65.
Хааслава (Газелау), им. в Тартумаа — 178.
Хабая (Габат), им. в Харьюмаа — 200, 246.
Халликукиви (Квелленштейн, Вольтвети), фаб. пос. в Пярнумаа — 264, 512.
Халлисте (Галлист), прих. в Пярнумаа — 162.
Харгла (Гарьел), прих. в Вырумаа — 64.
Харку (Гарк), им. в Харьюмаа — 149.
Харми (Ней-Гарм), им. в Харьюмаа — 200.
Харьков, г. — 236.
Харью — см. Харьюмаа.
Харью-Виру — 103.
Харьюмаа (Гарриэн, Гаррия, Гарриенский уезд, Гаррионская обл., Колыванская волость, Ревельский, Харьюский уезд, Харью), древн. земля в сев.-зап. Эстонии, позднее уезд — 29, 44—46, 50, 54, 59, 64, 68, 71, 76—79, 81, 91, 111—113, 121, 123, 130, 182, 194, 200, 246, 247, 256, 334, 335, 359, 448, 508, 546.
Хаттула, церковь, прих. в Финляндии — 98.

Хейнасте — см. Айнажи.
Хельме (Гельман-городок, Гельмед, Гельмет), замок, прих. в Вильяндимаа — 101, 172.
Хельсинки (Гельсингфорс), г. — 402, 406, 429, 497.
Хийу-Кярдла (Даго-Кертель), им., фаб. пос. на о-ве Хийумаа — 128, 219, 220, 222, 223.
Хийумаа (Даго, Хийу), о-в в Балтийском море — 64, 65, 207, 217, 247, 346, 355, 402, 583, 619.
Хийуский уезд — 656.
Хийу-Сууремыйза — см. Сууремыйза.
Хуммули (Гуммельсгоф), им. в юж. Эстонии — 147.
Хяменлинна, г. в Финляндии — 98.
Хяргмяэ — см. Эргеме.

Царьград (Константинополь) — 33.
Центральная Европа — 33, 81, 83.
Цесис (Кесь, Венден, Вынну), замок, г., — 42, 48, 50, 195.
Цесисский (Венденский) **уезд** — 227.
Цинтенгоф — см. Синди.

Черна, Черные Горы — см. Муствээ.
Черное море — 33, 426, 613.
Челябинск, г. — 628, 630.
Челябинская область — 628.
Чехословакия — 522.
Чудское (Пейпси, Пейпус), оз. — 7, 24, 60, 64, 115, 132, 147, 163, 225, 260, 631, 632.

Шарлоттенгоф — см. Аэгвийду.
Швеция — 59, 62, 78, 91, 99, 101, 109, 110, 112—116, 118—122, 127, 128—130, 133, 134, 137, 143, 144, 147, 149, 150, 152, 183, 233, 456, 457, 492, 535.
Шлиссельбург, ныне **Петрокрепость**, г. Ленинградской обл. — 209.
Шудлей — см. Вока.
Шяуляй — см. Сауле.

Ыванурме, д. в Тартумаа — 145.
Ыйзу (Эйзекюль), им. в Вильяндимаа (до XVIII в. в Пярнумаа) — 146, 178.

Эзель, Эзельский уезд — см. Сааремаа.
Эйвере (Эйефер), им. в Ярвамаа — 200.
Эйдаперре — см. Лелле-Эйдапере.
Эйефер — см. Эйвере.
Эйзекюль — см. Ыйзу.
Эльба, р. — 37.
Эмайыги (Амовжа, Имбек, Мать вод, Омбожа, Омовжа, Эмбах), р. в вост. Эстонии — 7, 10, 58, 88, 225, 430, 634.
Эмбах — см. Эмайыги.
Эраствере (Эрестфере, Эррастфер), им. в Вырумаа (до 1784 г. в Тартумаа) — 147.
Эрвита (Эрвата), им. в Ярвамаа — 127, 128.
Эргеме (Хяргмяэ, Эрмес), им. в сев. Латвии — 112.
Эрестфере — см. Эраствере.
Эрмес — см. Эргеме.
Эррастфер — см. Эраствере.
Эссемягги — см. Ээсмяэ.
Эстляндия, Эстляндская губерния — 118, 121, 122, 124, 127—130, 132, 139, 145, 147, 149—151, 154—156, 159, 161, 163, 166, 171, 174, 175, 177, 180, 182, 184, 191, 192, 196, 197, 201, 203, 205, 206, 210, 212—215, 218, 231, 232, 235, 236, 246—250, 253, 256, 257, 278, 288, 292, 310, 311, 334, 336, 340, 351, 353, 362, 363, 366, 401, 409, 411, 422, 425.
Ээсмяэ (Эссемягги), им. в Харьюмаа — 188.

Южная Латвия — 423.
Южная Лифляндия — 128.
Южная Россия — 212.
Южная Швеция — 49.
Юлемисте (Двигатель), ж.-д. ст. Таллина — 449.
Юлемисте, оз. — см. Таллин.
Юмера (Имера), приток р. Гауя — 40, 42.
Юрьев — см. Тарту.
Юрьевский уезд — см. Тартумаа.
Юрьевщина — см. Тартумаа.
Юуру (Иерден), прих. в Харьюмаа — 242, 498.
Юшунь, мест. в Крыму — 477.

Ядивере (Иедефер), им. в Ляэнемаа — 235.
Ямбург, ныне **Кингисепп**, г. в Ленинградской обл. — 338, 436, 437, 467, 481, 506, 619.
Ямбургский уезд — 195, 283.
Япония — 457, 582, 641.
Ярославль, г. — 629.
Ярва — см. Ярвамаа.
Ярвамаа (Гервия, Гервен, Гервен-

ская область, Ерева, Вейсенштейнский уезд, Ярва), древн. земля в центр. Эстонии, позднее уезд — 29, 43, 45—48, 50, 52, 54, 56, 64, 113, 121, 124, 127, 162, 199, 201, 235, 247, 248, 250, 256, 335, 359, 448, 509.

Ярваканди (Ервакант), фаб. пос. в Харьюмаа — 264, 498.

Ярва-Яани, пос., ж.-д. ст. в сев. Эстонии — 648

Ярве (Тюрпсаль), им. в Вирумаа — 200.

Ярве, д. в Вирумаа — 380.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Глава I

Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР

§ 1. Материнский род (VII тысячелетие — начало II тысячелетия до нашей эры) 5
Древнейшие обитатели территории Эстонской ССР. — Памятники IV—II тысячелетий. — Общественный строй. — Вопрос об этнической принадлежности населения.

§ 2. Отцовский род (примерно от XVIII века до н. э. до начала нашей эры) 10
Возникновение скотоводства и земледелия. — Появление бронзовых и железных орудий. — Переход к отцовскому роду. — Связи древнего населения Эстонии с балтийскими, славянскими и германскими племенами.

§ 3. Разложение первобытно-общинного строя и переход к классовому обществу (I тысячелетие н. э.) 15
Превращение земледелия в основу хозяйства. — Разложение родовых отношений. — Развитие пашенного земледелия. Возникновение частнособственнических отношений. — Возникновение и развитие территориальной общины. — Сношения с соседями. — Верования и народная поэзия.

Глава II

Раннефеодальное общество на территории Эстонии

(X—XII века)

§ 1. Зарождение феодальных отношений 24
Население Эстонии и его соседи. — Развитие хозяйства. — Зарождение феодальных отношений. — Верования и фольклор. — Начало образования эстонской народности.

§ 2. Эстонские земли и Древнерусское государство 33
Образование Древнерусского государства. — Юго-восточная Эстония в составе Древнерусского государства. — Попытки скандинавов подчинить себе прибалтийские народности.

Глава III

Борьба эстонского народа и его соседей против немецкой, датской и шведской феодально-католической агрессии в первой половине XIII века

§ 1. Вторжение немецких захватчиков в восточную Прибалтику . . . 37
Агрессия против прибалтийских земель под флагом «крестовых походов». — Покорение ливов.
§ 2. Начало борьбы эстонцев с захватчиками (1206—1212). Перемирие в Турайде 40
Вторжение захватчиков в южную Эстонию. Сражение на реке Юмера. — Героическая оборона Вильянди. Перемирие в Турайде.
§ 3. Освободительная борьба эстонского народа против немецких, датских и шведских завоевателей в 1215—1222 годах. Эстонско-русский военный союз 44
Вторжение немецких захватчиков в западную и северную Эстонию. — Победа русско-эстонского войска под Отепя в 1217 году. — Битва на подступах к Вильянди 21 сентября 1217 года. — Поход русских войск в 1218 году. — Вторжение датских захватчиков в северную Эстонию. — Борьба сааремасцев против шведских и датских завоевателей.
§ 4. Освободительная борьба эстонского народа в союзе с русскими против захватчиков в 1222—1224 годах. Покорение Сааремаа . . . 51
Общеэстонское восстание. — Помощь русских восставшим эстонцам. — Князь Вячко в Эстонии. Героическая оборона Тарту. — Укрепление власти захватчиков. Завоевание Сааремаа.
§ 5. Борьба русского народа и народов Прибалтики против немецких захватчиков в 1228—1242 годах. Ледовое побоище 57
Битва при Сауле и ее последствия. — Ледовое побоище и его значение. — Причины поражения эстонцев, латышей и ливов.

Глава IV

Эстония в период феодальной раздробленности (XIII—XV века)

§ 1. Эстонский народ под игом немецких феодалов 64
Заселение территории. — Состояние производительных сил в сельском хозяйстве. — Развитие феодальных отношений. — Города.
§ 2. Борьба русского народа и народов Прибалтики против немецких и датских феодалов во второй половине XIII века 73
§ 3. Крестьянская война в Эстонии в 1343—1345 годах (восстание Юрьевой ночи) 76
Причины крестьянской войны. — Восстание в Юрьеву ночь. — Восстание сааремасцев и дальнейшая борьба харьюмасцев. Подавление крестьянского восстания.
§ 4. Развитие крепостнических отношений в XV веке 81
Рост мызных хозяйств и усиление крепостнической эксплуатации. — Закрепощение крестьян.
§ 5. Города. Ремесло и торговля 85
Социальные группы и национальный состав городского населения. — Торговля.
§ 6. Внутриполитические условия в Ливонии и ее международное положение 90
§ 7. Быт и культура. Образование эстонской народности 92
Просвещение. Хроники. — Архитектура и изобразительное искусство.

Глава V

Развитие барщинного хозяйства. Борьба за восточное побережье Балтийского моря

(конец XV века — XVII век)

§ 1. Общественно-политические отношения в конце XV и первой половине XVI века 99
Общая характеристика периода. — Образование Русского централизованного государства. Поражение Ливонского ордена. — Политическое положение в Ливонии в начале XVI века и обострение социальных противоречий. — Реформация.
§ 2. Ливонская война 109
Причины Ливонской войны. — Начало войны. Помощь эстонских крестьян русским войскам. — Восстание эстонских крестьян в 1560—1561 годах. — Ликвидация ливонских феодальных государств. — Восточная Эстония под властью Русского государства. — Конец Ливонской войны.
§ 3. Расчленение Эстонии на владения Польши, Швеции и Дании . . . 118
Политическое положение. — Экономическое положение.
§ 4. Эстония — колониальная провинция шведского дворянского государства 120
Колониальная политика шведского дворянского государства. Остзейский особый порядок. — Состояние сельского хозяйства и усиление крепостного гнета. — Окончательное закрепощение крестьян. — Борьба крестьянства против усиления крепостного гнета. — Редукция имений. — Великий голод. — Обострение классовой борьбы в конце XVII века. — Ремесло. — Торговля. — Города. — Русско-шведская война 1656—1658 гг.
§ 5. Быт и культура в XVI—XVII веках 134
Быт и материальная культура. — Состояние просвещения и знаний. — Архитектура и изобразительное искусство.

Глава VI

Присоединение Эстонии к России. Усиление связей крепостного хозяйства с рынком

§ 1. Присоединение Эстонии к России 143
Борьба Русского государства за выход к Балтийскому морю. — Начало Северной войны. — Борьба эстонских крестьян против помещиков и шведских властей. — Победы русских войск в Северной войне. — Историческое значение присоединения Эстонии к Русскому государству.
§ 2. Общественное и экономическое развитие Эстонии в первой половине XVIII века 151
Восстановление и развитие экономики. — Политика царизма в Эстляндии и Лифляндии.
§ 3. Развитие классовых противоречий в первой половине XVIII века . 157
Положение крепостного крестьянства. — Борьба крестьян против помещиков.
§ 4. Начало разложения феодально-крепостнического хозяйства (вторая половина XVIII века) 161
Развитие сельского хозяйства и усиление его связей с рынком. — Рост крепостнической эксплуатации крестьянства. — Имущественное расслоение крестьянства. — Мануфактура. — Торговля. — Города. — Сбор статистико-экономических данных.
§ 5. Крестьянский вопрос в Лифляндии и на острове Сааремаа в 60-х годах XVIII века. Борьба крестьянства против крепостнической эксплуатации 174

Крестьянский вопрос в 60-х годах XVIII века. — Крестьянские волнения 1784 года в Лифляндии.
§ 6. Реформы 80-х годов XVIII века 181
Русско-шведская война 1788—1790 годов.
§ 7. Просвещение и культура в XVIII веке 183
Школы. — Народная поэзия. — Литература. — Архитектура и скульптура

Глава VII

Разложение крепостничества и развитие капиталистических отношений в Эстонии

(конец XVIII и первая половина XIX века)

§ 1. Разложение крепостного хозяйства и политика царизма в Прибалтике в конце XVIII и начале XIX века 190
Обострение классовых противоречий. — Развитие передовой общественной мысли. — Политика царизма в Прибалтике. Крестьянские законы начала XIX века. — Крестьянские волнения в 1805 году.
§ 2. Эстонский народ в период Отечественной войны 1812 года . . . 202
§ 3. Классовая борьба крестьянства и реформы 1816—1819 годов . . . 203
Крестьянские законы 1816 и 1819 годов. — Дальнейшая борьба крестьян против крепостного гнета.
§ 4. Революционное движение против царизма. Декабристы 208
§ 5. Кризис отработочной системы и дальнейший рост капиталистических отношений во второй четверти XIX века 210
Отработочная система и ее кризис. — Развитие сельского хозяйства. — Положение крестьянства. — Расслоение крестьянства. — Развитие промышленности. — Положение промышленных рабочих. — Города и торговля. — Формирование буржуазии.
§ 6. Крестьянское движение в 40-х годах XIX века и новые крестьянские законы 226
Массовое движение крестьян в 40-х годах. — Общественно-политическое движение. — Крестьянские законы 1849 и 1856 годов. — Отголоски Крымской войны в Эстонии.
§ 7. Культура в первой половине XIX века 233
Просвещение и наука. — Фольклор и литература. — Архитектура и искусство.

Глава VIII

Эстония в период домонополистического капитализма

(вторая половина XIX века)

§ 1. Революционная ситуация в России. Крестьянское движение и буржуазные реформы 60-х годов в Эстонии 244
Революционная ситуация в России. — Крестьянские волнения в Эстонии в 1858 году. — Крестьянское движение в 60-х годах XIX века. — Деятельность передовой интеллигенции. — Буржуазные реформы 60—70-х годов.
§ 2. Развитие капитализма в Эстонии во второй половине XIX века . . 254
Капитализм в сельском хозяйстве и разорение крестьянства. — Усиление расслоения крестьянства и подвижность населения. — Ремесло и рыболовство. — Развитие внутреннего рынка и транспорта. — Развитие капиталистической промышленности. —

Формирование промышленного пролетариата. — Положение рабочего класса. — Буржуазия.
§ 3. Национальное движение в Эстонии 270
Национальный вопрос в России. — Возникновение и развитие эстонского национального движения в 60—80-х годах. — Два направления в эстонском национальном движении.
§ 4. Первые шаги рабочего движения в Эстонии 280
§ 5. Эстония в годы политической реакции 284
§ 6. Рост рабочего движения в 80-х годах 286
Начало распространения марксизма в Эстонии.
§ 7. Развитие культуры эстонского народа во второй половине XIX века 290
Просвещение и наука. — Литература. Ф. Р. Крейцвальд. — Фольклор. — Музыка и театр. — Изобразительное искусство и архитектура.

Глава IX

Эстония в период империализма и буржуазно-демократических революций

§ 1. Экономическое развитие Эстонии в конце XIX и начале XX века . 306
Развитие промышленности. — Развитие сельского хозяйства. — Национальный гнет.
§ 2. Рабочее движение в конце XIX и начале XX века. М. И. Калинин в Таллине 315
Революционное движение в России. — Рабочее движение в Эстонии. — Начало революционного социал-демократического движения.
§ 3. Революция 1905—1907 годов в Эстонии 321
Начало революции в Эстонии. — Массовая революционная борьба весной и летом 1905 года. — Участие трудящихся Эстонии во всероссийской октябрьской политической стачке. — Подъем революционного движения в деревне. — Вооруженная борьба в Эстонии. — Отступление революции. — Причины поражения революции.
§ 4. Эстония в годы столыпинской реакции (1907—1910) 343
§ 5. Эстония в годы революционного подъема (1910—1914) 346
Экономическое развитие. — Подъем революционного движения. — Национальный вопрос.
§ 6. Эстония в годы первой мировой войны. Февральская революция в Эстонии (1914—1917) 354
Начало империалистической войны. — Кризис царизма. — Февральская революция в Эстонии. — Возникновение двоевластия. — Губернская «автономия» Эстонии.
§ 7. Быт и культура 364
Крестьянский быт. — Просвещение и школа. — Литература. — Изобразительное искусство и архитектура. — Театр, музыка, кино. — Наука.

Глава X

Эстония в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции

(апрель 1917 — февраль 1918)

§ 1. Двоевластие в Эстонии 385
Апрельские тезисы Ленина. — Всероссийская Апрельская конференция большевистской партии. — Кризис Временного правительства. — Организация сил буржуазии. — Рост влияния

большевиков в массах. — Июльская демонстрация рабочих и солдат. — Наступление контрреволюции.
§ 2. Курс на вооруженное восстание 396
VI съезд большевистской партии и реализация его решений в Эстонии. — Углубление революционного кризиса.
§ 3. Победа Великой Октябрьской социалистической революции в Эстонии 402
Большевизация Советов. — Подготовка вооруженного восстания. — Победа Октябрьской революции. Образование Советского правительства.
§ 4. Организация и первые шаги Советской власти. Борьба против контрреволюции. Значение Октябрьской революции для эстонского народа 410
Слом буржуазной государственной машины и строительство нового, советского государственного аппарата. — Осуществление ленинского декрета о земле. — Введение рабочего контроля на фабриках и заводах. — Первые мероприятия Советской власти в области народного образования и культуры. — Вопрос о государственном устройстве. — Антинародная заговорщическая деятельность эстонской буржуазии. — Значение Великой Октябрьской социалистической революции для эстонского народа.

Глава XI

Эстония в период иностранной военной интервенции и гражданской войны

(февраль 1918 — февраль 1920)

§ 1. Вооруженная интервенция германских империалистов 425
Оккупация Советской Эстонии. — Эстония под игом оккупации.
§ 2. Подготовка к освобождению Эстонии 434
Начало вооруженной интервенции Антанты против Советской России. — Деятельность эстонских большевиков в Советской России. — Борьба трудящихся Эстонии за изгнание немецких оккупантов.
§ 3. Эстляндская трудовая коммуна 440
Крах немецкой оккупации. — Политическая обстановка в Эстонии. — Создание Эстляндской трудовой коммуны. — Деятельность Эстляндской трудовой коммуны. — Признание независимости Эстонии.
§ 4. Интервенция империалистических держав в Эстонии 454
Катастрофическое положение буржуазного правительства. — Усиление интервенции. Переход сил контрреволюции в наступление. — Массовый белый террор. — Эстонские социал-демократы и эсеры — пособники буржуазии и интервентов.
§ 5. Восстание трудящихся Сааремаа 459
Причины восстания. — Ход восстания. — Причины поражения восстания.
§ 6. Антисоветская интервенция буржуазной Эстонии 463
Выборы в Учредительное собрание. Упрочение диктатуры буржуазии. — Эстонское буржуазное правительство — вассал империалистов. — Разгром Юденича под Петроградом. — Противоречия между империалистами в прибалтийском вопросе.
§ 7. Манифест о мире. Значение Эстляндской трудовой коммуны . . 471
Манифест 19 июля. — Причины поражения Эстляндской трудовой коммуны. — Значение Эстляндской трудовой коммуны.
§ 8. Борьба трудящихся Эстонии за мир. Тартуский мир 477
I съезд профсоюзов Эстонии. — Ликвидация армии Юденича. Тартуский мир. — Международное значение Тартуского мира.

Глава XII

Эстония в период буржуазно-националистической диктатуры (1920—1940)

§ 1. Экономическое и политическое положение в Эстонии в годы послевоенного революционного кризиса (1920—1924) 484
Промышленность. — Буржуазная аграрная реформа и положение в сельском хозяйстве. — Экономический кризис 1923—1924 годов. — Буржуазия у власти. Конституция 1920 года. — Внешняя политика.

§ 2. Революционная борьба эстонских трудящихся в годы послевоенного кризиса 498
Разработка организационных и тактических основ Коммунистической партии Эстонии. — Единый фронт трудящихся. — Белый террор. Убийство Виктора Кингисеппа. — Укрепление и расширение Единого фронта трудящихся. — Выборы в Государственное собрание, в городские и уездные самоуправления. Наступление реакции.

§ 3. Вооруженное восстание 1 декабря 513
Возникновение революционной ситуации в Эстонии осенью 1924 года. — Подготовка к вооруженному восстанию. — Ход вооруженного восстания. — Причины поражения восстания. — Кровавый террор буржуазии после подавления восстания. — Уроки восстания 1 декабря.

§ 4. Временная, частичная стабилизация капитализма в Эстонии (1925—1928) 523
Экономическое положение в годы стабилизации. — Временная стабилизация политической власти буржуазии. — Рабочее движение. Борьба компартии в условиях террора. — Внешняя политика.

§ 5. Экономический кризис и крах буржуазного парламентаризма (1929—1933) 536
Экономический кризис. — Кризис парламентаризма. — Борьба рабочего класса и Коммунистической партии Эстонии против угрозы фашизма. — Внешняя политика.

§ 6. Фашистская диктатура и борьба трудящихся за ее свержение (1934—1940) 547
Установление фашистской диктатуры. — Переход Эстонии в сферу влияния гитлеровской Германии. Подчинение основных отраслей хозяйства страны нуждам военной экономики Германии. — Фашизация общественной и политической жизни. Ухудшение положения трудящихся. — Борьба трудящихся под руководством КПЭ против фашистской диктатуры. Начало нового революционного подъема. — Внешняя политика.

§ 7. Культура в период буржуазно-националистической диктатуры . . 567
Борьба двух культур. — Народное образование и наука. — Литература. — Изобразительное искусство и архитектура. — Музыка. — Театр.

Глава XIII

Восстановление Советской власти. Первые шаги социалистического строительства (1940 — июнь 1941)

§ 1. Назревание революционного кризиса 582
Внешнеполитическое положение Эстонии в начале второй мировой войны. Заключение советско-эстонского пакта о взаимопомощи. — Возникновение революционной ситуации.

§ 2. Социалистическая революция 589
Революционное выступление трудящихся 21 июня 1940 года. Создание демократического правительства И. Вареса. — Дальнейшее развитие революции. Деятельность демократического правительства. — Выборы в новую Государственную думу. — Установление Советской власти. — Причины, обусловившие мирное развитие революции.
§ 3. Принятие Эстонской ССР в состав Союза Советских Социалистических Республик. Конституция Эстонской ССР 599
Принятие Эстонской ССР в состав СССР. — Принятие Конституции Эстонской ССР. Основные положения Конституции.
§ 4. Первые шаги Советской власти 603
Создание советского государственного аппарата. — Национализация крупной собственности и начало технической реконструкции промышленности. — Советская земельная реформа. — Повышение материального уровня трудящихся. — Начало культурной революции. — IV съезд Коммунистической партии Эстонии. — Сопротивление свергнутых эксплуататоров.

Глава XIV

Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза
(июнь 1941 — 1945)

§ 1. Борьба с гитлеровцами на территории Советской Эстонии в 1941 году 613
Вероломное нападение фашистской Германии на Советский Союз. — Борьба с немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками на территории ЭССР в 1941 году.
§ 2. Фашистский разбой. Борьба трудящихся Советской Эстонии против гитлеровских захватчиков на временно оккупированной территории Эстонской ССР 620
Фашистский разбой в Эстонии. — Борьба трудящихся Советской Эстонии против немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной территории Эстонской ССР.
§ 3. Участие Эстонского стрелкового корпуса в наступательных операциях Советской Армии зимой 1942—1943 года 625
Создание Эстонского стрелкового корпуса. — Начало боевой деятельности Эстонского стрелкового корпуса.
§ 4. Героический труд трудящихся Эстонской ССР в советском тылу 628
§ 5. Освобождение Эстонской ССР Советской Армией 630
Наступление Советской Армии.
§ 6. Первые мероприятия по восстановлению народного хозяйства республики 636
§ 7. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне . . . 641

Глава XV

Эстонская ССР в период строительства социализма
(1946—1950)

§ 1. Индустриализация Эстонской ССР 643
Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Эстонской ССР. — Ход индустриализации Советской Эстонии.
§ 2. Коллективизация сельского хозяйства 651
Районирование Эстонской ССР.

§ 3. Рост материального благосостояния трудящихся 658
§ 4. Социалистическая революция в области идеологии и культуры . . 659
Успехи народного образования и культурно-просветительной работы. — Развитие эстонской советской литературы и искусства. — Развитие науки в Советской Эстонии.
§ 5. Образование эстонской социалистической нации 674

Развитие экономики и культуры Советской Эстонии в 1951—1957 годах. 677
Мероприятия КПСС и Правительства СССР, направленные на дальнейшее развитие социалистической экономики. — Успехи Советской Эстонии в развитии промышленности. — Успехи сельского хозяйства. — Развитие национальной культуры. — XX съезд КПСС. — Меры по улучшению руководства народным хозяйством страны.
Хронология 695
Указатель имен 704
Географический указатель 725

ИСТОРИЯ ЭСТОНСКОЙ ССР

Эстонское Государственное Издательство
Таллин, Пярнуское шоссе, 10

*

Редактор В. Говорущенко
Художественный редактор Р. Тунгла
Технический редактор И. Вахтре
Корректор Н. Круглова

Сдано в набор 20. VIII 1957. Подписано к печати 26. II 1958. Бумага 60 × 92, 1/16. Печатных листов 47 + 3 вклейки. Учетно-издательских листов 50,92 Тираж 3000. МВ-01804. Заказ № 2242.

Типография имени Ханса Хейдемана, Тарту, ул. Валликраави, 4.

Цена 14 р. 10 к.

1—9

XIII
1A-2629
184369

TÜ RAAMATUKOGU
1 0300 00208257 8